Кл 25/42
в. 3

Кл 25/42

ПАМЯТИ

В. А. ЖУКОВСКАГО

И

Н. В. ГОГОЛЯ.

Выпускъ третій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1909.

Кл 25/42

ПАМЯТИ

В. А. ЖУКОВСКАГО

И

Н. В. ГОГОЛЯ.

Выпускъ третій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр. 9 лин., № 12.
1909.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1909 года.
За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ Князь *Б. Голицынъ.*

Государственная
Библиотека
СССР
им. В. И. Ленина
5941-63

ГОГОЛЕВСКІЕ ТЕКСТЫ.

Изданы **Г. П. Георгіевскимъ.**

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Введеніе ..... VII—VIII

1. О любви къ Богу и самовоспитаніи.
   Предисловіе 1
   Текстъ 2
2. Молитва о созданіи поэмы «Мертвыя Души».
   Предисловіе 8
   Текстъ 9
3. Сорочинская ярмарка.
   Предисловіе 12
   Текстъ 25
4. Майская ночь.
   Предисловіе 55
   Текстъ 60
5. Дополненія и поправки ко второй редакціи «Ревизора» 84
6. Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали бы съиграть какъ слѣдуетъ «Ревизора».
   Предисловіе 98
   Текстъ 104
7. Предувѣдомленіе къ предполагавшимся изданіямъ «Ревизора» въ пользу бѣдныхъ.
   Предисловіе 105
   Текстъ 108
8. Отрывки, наброски и молитвы.
   Предисловіе 112
   Тексты 112

стр.

9. Матеріалы историческіе.

Предисловіе..... 119

Тексты: а) По Средней Исторіи..... 125

б) По Славянской и Русской Исторіи..... 133

10. Матеріалы по Географіи Россіи.

Предисловіе..... 203

Тексты: а) Изъ Палласа..... 214

б) Калмыки..... 418

в) Травники..... 432

11. Матеріалы по сельскому хозяйству.

Предисловіе..... 438

Тексты..... 441

ВВЕДЕНІЕ.

Печатаемые ниже «Гоголевскіе тексты» извлечены мною изъ собственныхъ рукописей Н. В. Гоголя, служившихъ матеріалами для десятаго изданія его сочиненій и пріобрѣтенныхъ, по окончаніи изданія, для Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ. Краткое сообщеніе о поступленіи ихъ въ Музеи было напечатано въ «Отчетѣ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ за 1896 годъ», на 16-й страницѣ. Тѣмъ не менѣе, всѣ тексты оставались не напечатанными и въ полномъ видѣ не использованными ни для одного изданія сочиненій Гоголя, кромѣ «Молитвы», которая въ редакціи, назначавшейся для А. А. Иванова, напечатана, между прочимъ, и въ третьемъ томѣ изданія А. Ф. Маркса, подъ редакціей В. И. Шенрока, «Письма Н. В. Гоголя», на 309—310 стр.

Передъ каждымъ Гоголевскимъ текстомъ напечатаны предварительныя свѣдѣнія, или предисловія, въ которыхъ сообщены библіографическія указанія и приведены подробныя описанія Гоголевскихъ рукописей.

По содержанію «Гоголевскіе тексты» обнимаютъ обширный кругъ предметовъ, входившихъ въ интересы какъ литературнаго творчества Гоголя, такъ и другихъ излюбленныхъ его занятій. Перечень этихъ предметовъ и этихъ занятій обнаруживаетъ ихъ разнообразіе, а печатаемые тексты, какъ результатъ ихъ, свидѣтельствуютъ о силѣ интереса и о напряженномъ трудѣ, которые Гоголь посвящалъ имъ. Особаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ матеріалы по исторіи и по географіи Россіи, въ широкомъ значеніи этихъ словъ. Эти матеріалы и по количеству своему, и по внутреннимъ достоинствамъ указываютъ на то, что Гоголь много труда положилъ на собираніе ихъ и много времени потратилъ на литературную обработку ихъ. Если вспомнить внѣшнія условія и всю тогдашнюю обста-

новку жизни Гоголя, то по справедливости придется подивиться громаднымъ размѣрамъ работы Гоголя и ея результатовъ. Гоголю очень трудно было достать нужныя книги. Изъ писемъ Гоголя извѣстно, что онъ много разъ и многихъ лицъ просилъ о присылкѣ ему книгъ изъ Москвы и Петербурга въ Римъ, напримѣръ, или въ Германію. Необходимо имѣть въ виду, что тогда совсѣмъ не было нынѣшнихъ быстрыхъ и удобныхъ средствъ для сообщеній и сношеній. Тогда не было и нынѣшнихъ удобствъ для занятій — ни электрическаго освѣщенія, ни гладкой и ровной бумаги, ни стальныхъ перьевъ и ручекъ и т. п. И если, тѣмъ не менѣе, для одного только печатанія «Гоголевскихъ текстовъ» потребовалось почти два года, то сколько же времени затратилъ Гоголь на собираніе матеріаловъ, чтеніе, копированіе, компиляціи и т. д.? Очевидно, о Гоголѣ мало сказать, что онъ былъ труженикомъ: не было такого времени въ его жизни, когда бы онъ не работалъ.

Весьма важно отмѣтить и еще одну подробность въ біографіи Гоголя: найденные матеріалы по исторіи и обертка съ надписью «Матеріалъ лекцій» убѣдительно говорятъ о томъ, что Гоголь трудился надъ лекціями и готовился къ нимъ. Несомнѣнно, уцѣлѣла лишь самая незначительная часть его работъ въ этой области, но и она окончательно уничтожаетъ отрицательныя сужденія о профессорствѣ Гоголя.

При печатаніи текстовъ имѣлось въ виду прежде всего точное воспроизведеніе рукописей Гоголя со всѣми особенностями Гоголевскаго правописанія, даже съ ошибками и описками Гоголя.

Для полноты библіографическихъ справокъ считаю нужнымъ прибавить, что вторая редакція «Ревизора» впервые напечатана была Н. С. Тихонравовымъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», безплатномъ приложеніи къ журналу «Царь-Колоколъ», 1892 года, № 3, мартъ, 109—235 стр.

Григорій Георгіевскій.

О любви къ Богу и самовоспитаніи.

Статья Гоголя О любви къ Богу и самовоспитаніи самимъ авторомъ не озаглавлена. Она представляетъ собою цѣльный, стройный и законченный трактатъ по тѣмъ двумъ вопросамъ, которые отмѣчены въ заглавіи.

По характеру темы можно предполагать, что этотъ трудъ Гоголя имѣлъ отношеніе къ тому періоду его творчества, когда онъ напечаталъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Однако въ этомъ изданіи нѣтъ этого труда. Неизвѣстнымъ онъ остался и для всѣхъ послѣдующихъ издателей и редакторовъ твореній Гоголя, и въ настоящее время печатается впервые.

Статья эта тщательно переписана набѣло самимъ Гоголемъ и сохранилась на полулистѣ писчей бумаги, сложенномъ въ размѣръ восьмой доли листа, при чемъ послѣдняя восьмушка осталась бѣлою. Въ скобкахъ напечатаны слова, зачеркнутыя самимъ Гоголемъ, а курсивомъ набраны слова, надписанныя самимъ Гоголемъ взамѣнъ зачеркнутыхъ или въ дополненіе къ тексту.

Автографъ Гоголя хранится въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подъ № 3213 и воспроизводится здѣсь съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей правописанія Гоголя, даже описокъ его, кромѣ знаковъ препинанія.

Начало, корень и утвержденье всему есть любовь Богу. Но у насъ это начало въ концѣ, и мы любимъ все, что ни есть въ мірѣ, больше самого Бога. Любить Бога слѣдуетъ такъ, чтобы все другое считать второстепнымъ, чтобы законы его были выше для насъ всѣхъ постановленій человѣческихъ, совѣты выше всѣхъ совѣтовъ, чтобы огорчить его считать гораздо важнѣйшимъ, чемъ огорчить какого нибудь человѣка. Любить Бога значитъ любить его въ нѣсколько разъ болѣе, чемъ отца, мать, жену, мужа, дѣтей и брата. А мы даже и такъ его не любимъ, какъ любимъ ихъ. Кто любитъ Бога, тотъ уже гораздо болѣе любитъ и отца, и мать, и дѣтей, и брата, чемъ тотъ, кто ихъ *сильно* любитъ (больше), *не мысля (самого) Бога*. Это одинъ только оптическій обманъ и есть плотская чувственная любовь, страстное обаяніе, (а не любовь), такая любовь не поступаетъ разумно, потому что очи ея слѣпы. Любовь же есть свѣтъ, а не мракъ. Въ любви заключается Богъ, а не духъ тмы. Гдѣ свѣтъ, тамъ и спокойствіе, гдѣ тма, тамъ и возмущеніе. И потому любовь, произшѣдшая отъ Бога, тверда, и вноситъ твердость въ нашъ характеръ, и самихъ насъ дѣлаетъ твердыми. А любовь не отъ Бога шатка и мятежна и самихъ насъ дѣлаетъ шаткими, боязливыми и нетвердыми. И потому прямо отъ Божіей любви должны происходить всѣ другія любви на земли.

Всякая любовь земная, происшедшая отъ Божіей, высока, ибо *она* велитъ намъ гораздо больше любить, чемъ мы любимъ. Она велитъ намъ оказывать брату не только одну вечественную помощь, но и душевную, не только заботиться о его тѣлѣ, но и о душѣ, скорбѣть на него не за то, что онъ наноситъ намъ непріятность, но за то, что онъ этимъ наноситъ несчастіе душѣ своей. Ибо грѣхъ его лежитъ и на нашей душѣ. Мы должны были его поучить, наставить, образовать, воспитать.

Но какъ можемъ мы это сдѣлать, будучи сами слабы и немощны? Дорогою божественной *любви* все возможно, безъ нея все трудно. Чтобы воспитать другого, мы должны воспитать прежде себя.

Какъ же воспитать себя? Воспитаніе должно происходить въ безпрерывномъ размышленіи о своемъ долгѣ, въ чтеніи тѣхъ книгъ, гдѣ изображается человѣкъ въ подобномъ намъ (положеніи) состояніи, кругѣ, обществѣ и званіи, (въ) *и среди* нашихъ же обстоятельствъ (ствахъ), и въ безпрестанномъ примѣненіи этаго съ закономъ Христа. Въ чемъ они не противурѣчатъ Христу, то принимать, въ чемъ не соотвѣствуютъ его закону, то отвергать, ибо все что не отъ Бога, то не есть истинно. Что же найдешъ сомнительнымъ и не знаешъ какъ рѣшить, то до времени слѣдуетъ отложить (ся) и не смущаться (тѣмъ): это признакъ, что мы еще не готовы (такъ) *и что* глаза наши получатъ ясное познаніе вещей послѣ, по мѣрѣ нашего усовершенствованія. Отъ споровъ, какъ отъ огня, должно остерегаться, какъ бы ни сильно намъ противурѣчили, какое бы неправое мнѣніе намъ ни излагали, не слѣдуетъ ни какъ раздражаться или доказывать напротивъ. Но лучше, удалясь къ себѣ напередъ, все сказанное взвѣсить, обсудить хладнокровно. Но и взвѣсивши его, не говорить, если чувствуешь, что не можешъ такъ сказать, что бы оно именно было доступно тому человѣку, съ которымъ говоришъ, или же если чувствуешь, что не можешъ сказать хладнокровно, (безъ гнѣва и даже съ любовью), *не увлекшись гнѣвнымъ расположеніемъ*. Истинна, сказанная въ гнѣвѣ, раздражаетъ, а не преклоняетъ. И такъ, воспитать другого мы можемъ уже тогда, когда достигли до самого высочайшаго незлобія, когда никакіе оскорбленія не могутъ оскорбить насъ. Тогда и разумъ нашъ получаетъ свѣтъ и можетъ наблюдать поступки другихъ, видѣть ихъ прегрѣшенія (и помогать имъ исправляться), *и находитъ средства помогать избавляться* отъ нихъ. *Тогда и Богъ поможетъ намъ на всякомъ шагу.*

На семъ основана и жизнь человѣка—учиться и учить другихъ, и себѣ и другимъ помогать *въ одномъ: помогать* возноситься къ Богу.

Во всѣхъ нашихъ начинаніяхъ и поступкахъ мы должны болѣе всего опасаться *духа* унынія, который есть чистое искуше-

ніе, духа тмы, которымъ онъ нападаетъ на человѣка, зная, какъ трудно бываетъ бороться ему съ нимъ. Уныніе противно Богу. Оно есть слѣдствіе недостатка любви нашей къ нему. Уныніе рождаетъ отчаяніе, которое есть душевное убійство, страшнѣйшее всѣхъ злодѣяній, совершаемыхъ человѣкомъ, ибо отрѣзываетъ всѣ пути къ спасенію, и потому паче всѣхъ грѣховъ оно ненавидимо Богомъ. Отъ того и въ молитвахъ беспрестанно просптся о томъ, дабы далъ намъ Богъ сердце трезвящееся, бодръ умъ и мысль свѣтлу.

Иногда смущенья, беспокойство душевное и уныніе бываютъ Божьими попущеніями насылаемы на насъ для того, чтобы испробовать и испытать, укрѣпились ли мы въ характерѣ? Иногда же для просто чтобы, ища средствъ спастись отъ нашего беспокойства унынія, придумали сдѣлать что нибудь такое, чего бы никакъ не придумали. Богъ всячески старается насъ вразуми и требуетъ, что мы употребили како нибудь усиліе для узнанія его воли. И потому многіе испытавшіеся совѣтуютъ въ такія минуты обратить взглядъ на прежнюю жизнь нашу и припомнить все *то*, что мы пропустили (въ ней) сдѣлать или откладывали на другое время, и въ такіе дни заняться уже не обыкновенными и повседневными нашими дѣлами, а тѣми *именно*, которыя мы пропускали, и заняться ими не такъ бы мы сами ихъ на себя наложили, но такъ какъ бы они на насъ были наложены (самимъ) Богомъ, а не другимъ кѣмъ, исполняя *ихъ* подобно послушнику, исполняющему беспрекословно и рабски всякое повеленіе своего подвигоположника.

Жизнь не можетъ быть ни на минуту покойна. Тревоги слѣдуютъ одни за другими. Сегодня одна, назавтре другіе. Мы призваны въ міръ на битву, а не на праздникъ. Праздновать побѣду мы будемъ на томъ свѣтѣ. Здѣсь мы должны мужественно, не упадая *духомъ*, сражаться, дабы получить больше наградъ и больше повышеній, исполняя вся, какъ законный долгъ свой, съ разумнымъ спокойствіемъ, *осматриваясь* всякой разъ вокругъ себя и свѣряя все съ закономъ Христа Господа нашего. Нѣкогда

намъ помышлять о бѣгствѣ съ поля, на всякомъ шагу предстоитъ намъ подвигъ христіанскаго мужества, всякой подвигъ доставляетъ намъ новую ступень къ достиженью небеснаго царствія. Чемъ больше опаспости, тѣмъ сильнѣй слѣдуетъ собрать силы и сильнѣй возсылать молитву Богу. Находящійся среди битвы, не теряй ни на одну минуту этого изъ виду, готовящійся къ битвѣ, приготовляй себя къ тому заранѣе, дабы трезво, бодрственно и весело потечь по дорогѣ! Въ концѣ дороги Богъ и вѣчное блаженство!.. Но какъ безумные, беспечные и недальпозоркіе, мы не глядимъ на конецъ дороги. Отъ того и не получаемъ ни бодрости, ни силъ для (пути, прохожденія по ней) путешествія по ней. Мы видимъ одни препятствія, только не замѣчаемъ, что они то и есть ступени и восхожденія. А чаще всего мы все видимъ иначе. Пригорокъ намъ кажется горою, малость великимъ дѣломъ, призракъ дѣйствительностью, все преувиличивается въ глазахъ нашихъ и пугаетъ насъ. Потому что мы глаза держимъ внизъ и не хотимъ поднять ихъ вверхъ. Ибо еслибы подняли въ верхъ, то увидили бы вдругъ всѣмъ правящаго Бога *и свѣтъ исходящій оттуда и освѣщающій все въ настоящемъ видѣ*, и посмѣялись бы сами слѣпотѣ своей.

Всякое дѣло, усиліе, стремленіе, начинаніе да сопровождаетъ внутреннею молитвой, да не такой молитвой, какую мы привыкли повторять (буквально)... *бездушно*, не входя въ смыслъ всякого слова, но такой молитвой, которая бы излетѣла отъ всѣхъ силъ нашей душѣ и послѣ которой, благословясь и перекрестясь, могли бы вдругъ приняться за самое дѣло.

Никто да не приходитъ отъ того въ уныніе, если Богъ не *сполнь* исполняетъ тотъ часъ же, *немедленно и вдругъ*, того чего (просимъ), *наши* желанія, и что благодѣяніе не вдругъ нисходитъ къ намъ на прошеніе. Но, напротивъ, тогда то отважнѣй, бодрѣй (и) веселѣй духомъ да молимся и дѣйствуемъ. Тогда то именно да возрастетъ сильнѣй наша надежда. Ибо Богъ съ великимъ смысломъ даетъ

иному въ концѣ то, что другому дастъ въ началѣ. Но блаженъ и внѣсколько разъ блаженнѣй тотъ, которому назначено вкусить въ концѣ за большіе труды и подвиги то, что (иному) другому за меньшіе. Душа его больше будетъ приготовленна, больше достойна и можетъ (быть) болѣе обнять и вмѣстить въ себѣ блаженства, нежели другого. Претерпѣвый до конца спасется, сказалъ Спаситель, и симъ уже открылъ намъ тайну, на которую мы даже *и глядѣть не хотимъ* (и взглянуть не хотимъ), обратить, но только проразумѣть.

Не омрачаться, но свѣтлѣть душой должны мы безпрерывно. Богъ есть свѣтъ, а потому и мы должны стремиться къ свѣту. Богъ есть верховное веселье, а потому и мы должны быть веселы и свѣтлы. Веселы именно тогда, когда воздвигается противъ насъ все, дабы смутить насъ, *иначе и заслуги нѣтъ никакой*. Тогда нетрудно быть веселу, когда вокругъ насъ все весело. Тогда всякій умѣетъ веселиться, и глупый, и непросвѣщенный вѣрою, и неимѣющій никакой твердости человѣкъ, и не христіанинъ, и язычникъ. Но достоинство и значеніе христіанина именно состоитъ въ томъ, чтобы во время смущенія и печали быть безпечальну и тверду духомъ. Иначе нельзя отличить его отъ язычника.

Но всѣхъ преуспѣваніяхъ нашихъ, трудахъ, дѣлахъ, молитвахъ да сопутствуетъ неразлучно любовь. Да *свѣтитъ она* какъ маятникъ и свѣтъ поминутно предъ глазами. Блаженъ, кто началъ свои подвиги прямо въ любви къ Богу. Онъ быстрѣе всѣхъ другихъ полетитъ по пути своему и легко побѣдитъ все то, что другому кажется непреодолимымъ и невозможнымъ. Весь міръ предстанетъ тогда предъ нимъ въ другомъ видѣ. Онъ привяжется къ міру потому только, что Богъ помѣстилъ его среди міра и повелѣлъ привязаться къ нему. Но и въ мірѣ возлюбитъ онъ только то, что (есть) въ немъ есть образъ и побіе Божіе, и земной любви поклонится онъ не такъ, какъ поклонится *образу* невѣжественный человѣкъ, считая его за самого Бога. Но какъ поклонится лучше просвѣщенный вѣрою, видящій видящій въ

немъ простое дерево и краски (послужившіе для напоминанія о Богѣ), *безсильные, (къ которымъ прибѣгнулъ человѣкъ по безсилію своему)*, и возпосящіе не къ образу, но (какъ) самому Богу. Равнымъ образомъ и въ земной любви нашей мы должны видѣть одни недостачные, *видимые* знаки (великой) безконечной любви Божіей. Это только искры, одни края той великолѣпной ризы, въ которую облеклась безмѣрная и безграничная любовь Божія, которую ничто не вмѣститъ, какъ ничто не можетъ вмѣстить самого Бога.

Молитва о созданіи поэмы „Мертвыя души".

Молитва о созданіи поэмы «Мертвыя души» сохранилась на четверткѣ писчей бумаги, сложенной пополамъ, въ размѣръ почтоваго листа, при чемъ первая редакція написана Гоголемъ на первой страницѣ, а вторая на третьей.

Гоголь вѣрилъ въ свое призваніе произвести нравственный переворотъ въ читателяхъ второго тома поэмы[1]). Онъ вѣрилъ въ то, что для созданія этой поэмы въ немъ созрѣвали «орудія и силы»[2]). Онъ вѣрилъ и въ то, что безъ Божіей помощи и «смиренной молитвы нельзя ничего»[3]). Поэтому онъ и страданія переносилъ съ сознаніемъ, что они «даются на добро», и часто просилъ своихъ знакомыхъ помолиться за него. Такъ, еще 25 ноября 1845 года Гоголь писалъ С. Т. Аксакову: «о недугахъ не стоитъ да и грѣхъ говорить: если они даются, то даются на добро. А потому помолитесь и всю вашу семью попросите помолиться, и всѣ, кто ни молились обо мнѣ, да помолятся вновь, да обратится все въ добро и да пошлетъ Господь Богъ попутный вѣтръ моему дѣлу и труду».

---

1) См. объ этомъ подробно въ примѣчаніяхъ П. С. Тихонравова въ третьемъ томѣ десятаго изданія «Сочиненій Н. В. Гоголя», М., 1889, особенно стр. 540 и далѣе.

2) Письмо къ П. А. Плетневу отъ 4 іюля 1846 года.

3) Письмо къ В. А. Жуковскому отъ 20 декабря 1851 года.

Повидимому, именно 1845-й годъ долженъ быть признанъ начальнымъ моментомъ того періода въ жизни Гоголя, къ которому должно быть отнесено написаніе особой молитвы къ Богу о помощи при созданіи второго тома поэмы.

Молитва сохранилась въ двухъ и даже въ трехъ редакціяхъ. Первыя двѣ редакціи набросаны Гоголемъ на первой страницѣ листка, при чемъ самая первая была очень короткая. Ее Гоголь передѣлалъ и дополнилъ со словъ «Вѣрю бо, Отче». Эти первыя двѣ редакціи напечатаны подъ № 1. Слова и строки зачеркнутыя Гоголемъ напечатаны въ скобкахъ, а надписанныя для исправленія и дополненія текста напечатаны курсивомъ.

Третья редакція молитвы напечатана подъ № 2. Гоголь почти набѣло переписалъ ее на третьей страницѣ, сдѣлавъ и въ ней небольшія поправки и дополненія.

Подъ № 3 печатается молитвенное воззваніе по случаю наступленія новаго года, собственноручно написанное Гоголемъ на обрывкѣ писчей бумаги. Крупный, нетвердый почеркъ этого воззванія заставляетъ написаніе его отнести къ моменту наступленія послѣдняго года жизни Гоголя, а упоминаніе о «созрѣломъ и полномъ плодѣ» заставляетъ считать предметомъ молитвы Гоголя ту же поэму «Мертвыя души».

Объ рукописи Гоголя хранятся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подъ № 3213.

1.

(Боже) влеки меня (къ себѣ), *Боже*, непобѣдимой силой святой любви (твоей) къ Тебѣ. Не оставляй меня ни на мигъ бытія моего. Сприсутствуй (со мной неотлучно) *мнѣ въ исполненіи дѣла*, въ трудѣ моемъ, въ славу твою, для него же призвалъ меня въ міръ. *Да буду, совершая тебѣ, весь въ тебѣ, мысли, думы, дѣла. Тебя единого день и ночь. Уровняй мысли.* Содѣлай, да не существуетъ вокругъ меня (міръ и все смущающее) *все кромѣ*

Тебя, и лобызаю удами сердца моего, (да станетъ) обесчувственной душа моя ко всѣмъ (тревогамъ) скорбямъ *моимъ* и станетъ безотвѣт. къ бурямъ, воздвигаемымъ (лукавымъ) сатаной на возмущенье духа мого. Да не возложу надежды моей ни на кого (въ мірѣ) кромѣ Тебя, (Господи) Владыко и Господинъ. *Но весь прильну къ Тебѣ и душой и тѣломъ, сердц.* Вѣрю бо, *Отче*, яко Ты *есть* возрасти(вшій)*лъ во мнѣ* мысль [(мого) труда моего, Ты дашь силы мнѣ (произвести) совершить самой трудъ мой], *и первую о немъ заронилъ, трудъ мое, пріятомъ во славу Твою, и возстрастилъ и силы моя на совершенье*, строя все во спасенье души моей. Яко твоя есть Держава, сила и Царство нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Вѣрю бо, Отче, яко не отъ (своей воли, помышленія, но Ты, отъ своей воли поселилась во мнѣ... *первая мысль* о трудѣ моемъ, Ты же возрастилъ поработать надъ дѣло, для него же далъ силы, одаривъ меня своимъ даромъ) *моего произволенія началось сіе самое дѣло, надъ нимъ же (стремлюсь) хочу* поработать *Тебѣ*, надъ нимъ же работаю во славу Твою. Ты же заронилъ и первую мысль, Ты же возрастилъ ее (до), Ты *же одинъ* дашь силы и окончить, *все строя къ спасенью моему*, воздвигая скорби на умягченье сердца моего, гоненье *отъ людей* на полученье (большей) *сильнѣйшей* любви къ Тебѣ. Ею же да возгорюсь отнынѣ, (славя тебя) славимаго всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

2.

Влеки меня къ себѣ, Боже мой, силой святой любви къ Тебѣ. Ни на мигъ бытія моего не оставляй меня! Соприсутствуй мнѣ въ трудѣ моемъ, *для него же призвалъ меня въ міръ*, да (во все время) соверш(енья)*ая его* пребуду весь въ Тебѣ. Отче мой, Тебя единаго, Тебя единаго день и ночь представляю передъ мысленные мои очи. *Содѣлай, да пребуду нѣмъ въ мірѣ*, да обезчествуетъ душа моя къ всемъ, кромѣ Тебя, да обезъотвѣт-

ствуетъ сердце мое къ скорбямъ и бурямъ, ихъ же воздвигаетъ сатана на возмущенье духа моего. Да не возложу моей надежды ни на кого *изъ живущихъ на земли*, кромѣ Тебя, Владыко и Господинъ мой! Вѣрю бо, яко ты одинъ въ силахъ (снести) *поднять* меня. Вѣрю, яко не отъ моего произволенія началось и сіе самое дѣло рукъ моихъ, имъ же и азъ хочу поработать тебѣ, то отъ Твоей же святы. Ты поселилъ во мнѣ и первую мысль, ты и возрастилъ ее, возрастилъ и меня самого, таже дажъ и довести *его* (все) концу, строя все во спасенье мое: воздвигая (и самыя) скорьби на умягченье сердца моего (и самыя воздвигая и самыя), *поднимая и* гоненья (враговъ) *частыя* на прибѣганье къ тебѣ и на полученье сильной любви къ тебѣ. Ее (же) *воспримет*, *и* да возгорится (огнь ненынѣ) дыша моего, ежемгновенно и ежечасно славя святое Имя твое, и славити всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

3.

Боже Благослови!

Да появится въ наступающемъ году созрѣлый и полный плодъ!

Сорочинская ярмарка.

Первая редакція повѣсти Н. В. Гоголя.

«Время *историческаго* изученія произведеній Гоголя уже наступило», писалъ покойный академикъ Н. С. Тихонравовъ еще въ началѣ 1889 года: «въ русской литературѣ давно уже чувствуется потребность въ такомъ изданіи сочиненій Гоголя, которое удовлетворяло бы задачамъ историческаго изученія поэта». Необходимость собрать всѣ данныя для исторіи выработки и позднѣйшихъ передѣлокъ произведеній Гоголя очевидна сама собою: «эти данныя представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики творчества Гоголя, пріемовъ его работы и вообще для исторіи его нравственнаго и художественнаго развитія» [1]).

Въ виду этой потребности и вслѣдствіе важнаго значенія Гоголевскихъ текстовъ и предпринято было собраніе ихъ въ десятомъ изданіи сочиненій Гоголя. Веденное умѣлою рукой Н. С. Тихонравова, это изданіе представляло бы собою блестящій образецъ труда, главная задача котораго служить историческому изученію произведеній Гоголя. Къ сожалѣнію, кончина Тихонравова прервала его трудъ почти уже въ самомъ концѣ,

---

1) Сочиненія Н. В. Гоголя, изданіе десятое, томъ первый, М., 1889. Предувѣдомленіе, V и XX стр.

вслѣдствіе чего нѣкоторые матеріалы для изданія сочиненій Гоголя остались не вполнѣ и даже вовсе неиспользованными Тихонравовымъ.

Къ числу такихъ матеріаловъ, которые только въ незначительной своей части были использованы для десятаго изданія сочиненій Гоголя, принадлежитъ собственноручная рукопись Гоголя, содержащая повѣсть его подъ названіемъ «Сорочинская ярмарка».

Рукопись повѣсти была извѣстна Н. С. Тихонравову и подробно и точно описана имъ въ «Примѣчаніяхъ редактора» къ первому тому десятаго изданія сочиненій Гоголя [1]). Между тѣмъ содержаніе рукописи, стилистическія особенности содержащейся въ ней повѣсти исчерпаны въ «Варіантахъ» того же перваго тома [2]) въ самой незначительной степени. Всѣхъ варіантовъ приведено здѣсь изъ рукописи только 47, то-есть, меньше чѣмъ по два варіанта на каждую печатную страницу повѣсти, изъ общаго количества 27 страницъ этой повѣсти въ первомъ томѣ десятаго изданія [3]). Но и это количество варіантовъ приходится принять съ ограниченіями и оговорками.

Прежде всего, въ трехъ случаяхъ въ варіантахъ отмѣчено простое отсутствіе въ рукописи нѣкоторыхъ словъ и выраженій печатнаго текста повѣсти [4]). Затѣмъ, чтеніе нѣкоторыхъ варіантовъ рукописи, принятое въ варіантахъ перваго тома десятаго изданія, не отвѣчаетъ дѣйствительному начертанію ихъ въ рукописи. Для примѣра можно указать на самый первый варіантъ изо всей повѣсти. Къ выраженію: «звонкій голосъ» (перепела) подведенъ варіантъ, указывающій, что въ рукописи поставлено будто бы слово «громъ», а не «голосъ» [5]). Въ дѣйствительности

---

1) Ibid., 513—514 стр.

2) Ibid., 514—516 стр.

3) Ibid., 9—35 стр.

4) См. единственное примѣчаніе къ 14-й страницѣ повѣсти, единственное примѣчаніе къ 15-й стр. и третье примѣчаніе къ 22-й стр., въ первомъ томѣ на 514 и 515 стр.

5) См. Ibid., 9 и 514 стр.

же въ рукописи слово «громъ» зачеркнуто Гоголемъ и надъ зачеркнутымъ словомъ имъ же надписана фраза: «или звонкій раскатъ». Къ выраженію: «на истомленныхъ волахъ», вторымъ варіантомъ на 10-й страницѣ повѣсти подведено выраженіе будто бы изъ рукописи Гоголя: «истомленными волами» [1]). Въ дѣйствительности, это выраженіе и въ рукописи Гоголя совершенно тожественно съ печатнымъ текстомъ повѣсти: «на истомленныхъ волахъ». Во второмъ варіантѣ къ 11-й страницѣ повѣсти слово «украшенія» показано зачеркнутымъ въ рукописи [2]). Въ дѣйствительности, въ рукописи это слово и сейчасъ остается не зачеркнутымъ. Въ первомъ варіантѣ къ 19-й страницѣ указано будто бы изъ рукописи чтеніе: «недугу» [3]). Въ дѣйствительности, въ рукописи правильно написанъ родительный падежъ: «педуга». Въ четвертомъ варіантѣ къ 22-й страницѣ слово «нашъ» (Черевикъ) показано зачеркнутымъ въ рукописи [4]). Въ дѣйствительности, въ рукописи слово «нашъ» не зачеркнуто. Въ шестомъ варіантѣ къ 23-й стр. слова: «котораго любопытство дергало ужасно», показаны будто бы зачеркнутыми въ рукописи [5]). Въ дѣйствительности, въ рукописи эти слова не зачеркнуты, а вписаны между строкъ, и вписанныя слова не всѣ приведены въ варіантѣ. Во второмъ варіантѣ къ 24 страницѣ приведены будто бы изъ рукописи слова: «отдавай свитку мою» [6]). Въ рукописи эта фраза читается такъ: «отдавай-ка свитку мою», при чемъ первое слово написано: «оддавай». Въ четвертомъ варіантѣ къ 26-й стр. приведены какъ бы изъ рукописи слова: «въ судорожной неподвижности въ воздухѣ» [7]). Въ дѣйствительности, въ рукописи это выраженіе читается такъ: «въ судорожной педвижности на воздухѣ». Въ первомъ варіантѣ къ 28-й

1) См. Ibid., 10 и 514 стр.
2) См. Ibid., 11 и 514 стр.
3) См. Ibid., 514 стр.
4) См. Ibid., 515 стр.
5) См. Ibid., 515 стр.
6) См. Ibid., 515 стр.
7) См. Ibid., 515 стр.

страницѣ повѣсти приведено будто бы изъ рукописи слово «волосами» [1]). Въ дѣйствительности въ рукописи это слово читается: «волнами». Въ первомъ варіантѣ къ 29-й страницѣ приведено какъ бы изъ рукописи слово: «уклоняясь» [2]). Въ дѣйствительности, въ рукописи это слово читается: «уклонясь». Въ первомъ варіантѣ къ 33-й страницѣ приведено слово будто бы изъ рукописи: «одна» (Параска) [3]). Въ дѣйствительности въ рукописи этого слова совсѣмъ нѣтъ. Первый варіантъ къ 34-й страницѣ [4]) не сполна приведенъ по рукописи.

Такимъ образомъ, полныхъ и точныхъ варіантовъ изъ рукописи Гоголя приведено въ первомъ томѣ десятаго изданія значительно меньше общаго ихъ количества.

В. И. Шенрокъ, закончившій десятое изданіе сочиненій Гоголя, по смерти Н. С. Тихонравова, въ «Описаніи рукописей, съ извлеченіемъ изъ нихъ всего не изданнаго въ предыдущихъ томахъ», приложенномъ къ седьмому тому, ограничился слѣдующими тремя строками, коснувшись рукописи «Сорочинской ярмарки»:

«*Рукопись Сорочинской ярмарки. Р. Н.* Подлинникъ написанъ на четырехъ несшитыхъ листахъ сѣрой бумаги (ср. т. I, стр. 513); хранится въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеѣ (см. т. I, стр. 513)» [5]).

Эти строки даютъ два сообщенія о рукописи Гоголя: 1, что она состоитъ изъ четырехъ листовъ и 2, что она хранится въ Румянцовскомъ Музеѣ. Такъ какъ при каждомъ изъ этихъ двухъ сообщеній стоитъ ссылка на «Примѣчанія редактора» къ первому тому десятаго изданія, то можно бы подумать, что оба они заимствованы изъ этихъ «Примѣчаній» и что непосредственнаго знакомства съ рукописью могло и не быть у лица, написавшаго о ней три строки и при этомъ дважды сославшагося на

1) См. Ibid., 515 стр.
2) См. Ibid., 515 стр.
3) См. Ibid., 516 стр.
4) См. Ibid., 516 стр.
5) См. VII т., стр. 892.

одну и ту же цитату. Однако и тутъ вышло какое-то недоразумѣніе: на 513 страницѣ перваго тома, несмотря на цитату, вовсе даже не упоминается Румянцовскій Музей, а тѣмъ болѣе ничего не сообщается о храненіи въ немъ рукописи Гоголя. Тамъ даже опредѣленно сказано, что рукопись «сохранилась у наслѣдниковъ» Гоголя. Во всякомъ случаѣ, сообщенія седьмого тома о рукописи «Сорочинской ярмарки» совсѣмъ не касаются содержанія ея. А такъ какъ при этихъ сообщеніяхъ совсѣмъ не было сдѣлано обѣщаннаго извлеченія изъ рукописи всего неизданнаго, то этимъ косвенно давалось понять, что и извлекать было нечего, что рукопись цѣликомъ извлечена въ первомъ томѣ, гдѣ была о ней рѣчь.

Однако, ближайшее знакомство съ рукописью «Сорочинской ярмарки» приводитъ къ противоположному заключенію и даже дастъ основаніе утверждать, что не только весьма многое въ содержаніи ея остается неизвѣстнымъ, но и не опредѣлены еще ея мѣсто и значеніе въ исторіи созданія повѣсти Гоголя.

Чтобы не быть голословными, обратимся къ самой рукописи.

Прежде всего, въ рукописи всѣ главы собственноручно помѣчены Гоголемъ арабскими цифрами. Но не всѣ онѣ въ рукописи имѣютъ эпиграфы, а поставленные въ рукописи эпиграфы не всѣ тожественны съ печатными. Главы первая, пятая и девятая въ рукописи остались совсѣмъ безъ эпиграфовъ. Эпиграфъ седьмой главы рукописи («Отъ таке чортовщины завелося») совсѣмъ не сохранился въ числѣ эпиграфовъ печатной повѣсти и, очевидно, совсѣмъ выкинутъ при печатаніи ея. Эпиграфъ восьмой главы рукописи («Цуръ тобѣ! Пекъ тобѣ! Сатанинске наваждение!») буквально повторенъ эпиграфомъ и десятой главы, оставшись при этой главѣ и въ печатной повѣсти. Эпиграфы при шестой и седьмой главахъ первоначально были поставлены не тѣ, которые сохранились въ печатной повѣсти, но потомъ были зачеркнуты Гоголемъ и вмѣсто нихъ подписаны имъ другіе, совпадающіе съ печатными. Для эпиграфовъ восьмой, деся-

той и двѣнадцатой главъ въ рукописи совсѣмъ не указаны источники, изъ которыхъ они заимствованы. Для эпиграфа третьей главы въ рукописи не указано произведеніе Котляревскаго, изъ котораго взятъ эпиграфъ. Наконецъ, эпиграфы рукописные замѣтно отличаются отъ печатныхъ какъ нѣкоторыми оборотами, такъ и особенно правописаніемъ.

Рукописный текстъ самой повѣсти отражаетъ на себѣ два фазиса творческой работы Гоголя надъ созданіемъ ея, что̀ частію уже видно было по авторской работѣ надъ эпиграфами. Въ рукописи, говоря точнѣе, два текста: основной текстъ первоначальнаго наброска повѣсти и текстъ послѣдовавшихъ затѣмъ передѣлокъ основного, который самъ же Гоголь надписывалъ надъ зачеркнутыми словами и выраженіями перваго текста, или же просто вписывалъ между строками его тамъ, гдѣ находилъ нужнымъ произвести вставку или передѣлку. Но и тотъ и другой тексты весьма далеки отъ печатнаго текста повѣсти.

Дѣйствующія лица рукописной повѣсти тѣ же, что и печатной, но названія ихъ въ первой прочно еще не установились. Самъ Черевикъ, въ основномъ текстѣ третьей главы, еще остается безъ имени и получаетъ свое имя «Солопій» лишь во второмъ текстѣ рукописи, въ позднѣйшей надписи, между строкъ, надъ своимъ прозвищемъ. Его супруга, Хавронья, награждается, изъ устъ поповича въ шестой главѣ, тремя отчествами: Осиповна, Никифоровна, Трофимовна. Засѣдателя совсѣмъ нѣтъ въ рукописномъ текстѣ повѣсти. На его мѣстѣ дѣйствуетъ всюду, на протяженіи всей повѣсти, «комиссаръ». Старый знакомый и кумъ Черевика, казакъ, къ которому Черевики пріѣхали, въ концѣ первой главы, еще совсѣмъ не имѣетъ ни имени, ни прозвища въ рукописномъ текстѣ повѣсти. Человѣка съ шишкою на лбу нѣтъ въ рукописи, а есть человѣкъ съ шишкою на носу.

Характеристики дѣйствующихъ лицъ, разбросанныя по всей повѣсти, значительно отличаются въ рукописномъ текстѣ отъ печатнаго, который въ особенности не сохранилъ многихъ эпитетовъ Хаврони Никифоровны («сдобная», «отжившая свой вѣкъ

прелестница» и др.). Даже количество дѣйствующихъ лицъ не совпадаетъ въ рукописномъ и печатномъ текстахъ повѣсти. Такъ, толпа парубковъ, встрѣтившихъ Черевиковъ на мосту, въ рукописномъ текстѣ была ограниченнѣе: по основному тексту парубковъ было только «четыре», а по позднѣйшей надписи — «нѣсколько».

Разговоры дѣйствующихъ лицъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень далеки отъ печатнаго текста ихъ. Для примѣра можно привести перебранку между Хавроньей Никифоровной и парубкомъ въ бѣлой свиткѣ, происходящую въ концѣ первой главы.

Рукописный текстъ:	Печатный текстъ:
«Ахъ, ты негодной сорванецъ! Нечистая сила, нелегкая, позабирала бы всю родню твою!»	«Чтобъ ты подавился, негодный бурлакъ! Чтобъ твоего отца горшкомъ въ голову стукнуло! Чтобъ онъ поскользнулся на льду, антихристъ проклятый! Чтобъ ему на томъ свѣтѣ чортъ бороду обжегъ!»
«Ахъ, ты старая вѣдьма!»	«Вишь какъ ругается!» сказалъ парубокъ, вытаращивъ на нее глаза, какъ будто озадаченный такимъ сильнымъ залпомъ неожиданныхъ привѣтствій: «и языкъ у нея, у столѣтней вѣдьмы, не заболитъ выговорить эти слова!»
«Ахъ, ты (нечистос) сатанинское отродье! Вишь, молокососъ какой нибудь, дрянь...»	«Столѣтней!..» подхватила пожилая красавица. «Нечестивецъ! поди, умойся напередъ! Сорванецъ негодный! Я не видала твоей матери, но знаю, что дрянь. И отецъ дрянь и тетка дрянь! Столѣтней!.. что у него молоко еще на губахъ»...

Есть отличія между текстами рукописнымъ и печатнымъ въ нѣкоторыхъ описаніяхъ, характеристикахъ и даже юмористическихъ выраженіяхъ. Такъ, въ рукописномъ текстѣ еще совсѣмъ нѣтъ той описательной характеристики цыгана, которая въ печатномъ текстѣ имѣется въ концѣ пятой главы. Нѣтъ въ рукописномъ текстѣ и извѣстныхъ остротъ по адресу москалей, которыя въ печатномъ текстѣ появляются въ концѣ второй главы и въ началѣ шестой [1]).

Въ языкѣ рукописнаго текста повѣсти сохранились еще малороссійскія слова и выраженія, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ печатномъ: крамарка, пучка, ярмарокъ, лузать и др. Особенно слѣды малороссійскаго языка сильны и замѣтны въ орѳографіи рукописи: карые глазки, не спустишъ и т. д.

Въ стилѣ рукописнаго текста повѣсти сосредоточена вся, такъ сказать, суть отличія его отъ печатнаго. Именно стиль дѣлаетъ такимъ далекимъ разстояніе между ними. Въ общемъ этотъ стиль производитъ впечатлѣніе простоты первоначальнаго наброска, безыскусственности, по крайней мѣрѣ, отсутствія той степени художественной обработки, которая уже въ полной мѣрѣ присуща печатному тексту. Въ рукописи сохранился первоначальный текстъ, съ художественной стороны недодѣланный и необработанный.

Достаточнымъ показателемъ того, что рукописный текстъ представляетъ собою первоначальный набросокъ повѣсти, могъ бы служить пропускъ словъ по разнымъ мѣстамъ текста, отсутствіе въ предложеніяхъ нѣкоторыхъ частей ихъ. Напримѣръ: «и капризамъ ея конца» (нѣтъ?); «отвѣчала отжившая свой прелестница» (вѣкъ?) и т. п. Но стилистическое построеніе отдѣльныхъ выраженій, при сравненіи рукописнаго текста повѣсти съ печатнымъ, съ очевидностію убѣждаетъ въ художественномъ превосходствѣ второго передъ первымъ. Замѣчаніе, напримѣръ, рукописнаго текста, что хохотъ разгульныхъ повѣсъ удвоился «къ несказанной досадѣ пожилой щеголихи», въ печатномъ текстѣ

1) I, 14 и 20 стр.

получило болѣе стройную и законченную форму самостоятельнаго предложенія: «Дородная щеголиха вскипѣла гнѣвомъ». «Говоръ примѣтно утишался» рукописнаго текста въ печатномъ, въ началѣ пятой главы, уже въ иной обработкѣ: «Говоръ примѣтно становился рѣже и глуше». Въ рукописномъ текстѣ продавица бубликовъ «едва держалась на ногахъ», а въ печатномъ «раскланивалась весь день безъ надобности и писала ногами совершенное подобіе своего лакомаго товара». Въ рукописи: «Черевикъ заглянулъ въ это время въ дверь и, нашедъ свою дочь танцующею передъ маленькимъ зеркаломъ, остановился, и смѣясь невиданному капризу дѣвушки, которая, задумавшись, казалось, не примѣчала ничего»; въ печатномъ текстѣ: «Черевикъ заглянулъ въ это время въ дверь и, увидя дочь свою танцующею передъ зеркаломъ, остановился. Долго глядѣлъ онъ, смѣясь невиданному капризу дѣвушки, которая, задумавшись, не примѣчала, казалось, ничего». Въ рукописи: «угрюмыя лица, на которыхъ, казалось, вѣкъ не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами»; въ печатномъ текстѣ: «Люди, на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, вѣкъ не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами».

Яснѣе стилистическая разница между текстами рукописнымъ и печатнымъ въ цѣломъ описаніи нѣкоторыхъ эпизодовъ повѣсти. Для примѣра и бо́льшей наглядности можно привести параллельное описаніе ярмарки или начало второй главы по тому и другому тексту, при чемъ необходимо имѣть въ виду, что слова, заключенныя въ скобки, отсутствуютъ въ основномъ текстѣ рукописи и надписаны Гоголемъ уже потомъ надъ строками и въ промежуткѣ между эпиграфомъ и текстомъ второй главы:

Рукописный текстъ:	Печатный текстъ:
(Случалось ли вамъ слышать гдѣ то валящійся отдаленный водопадъ, когда вамъ издали уже чудятся неясные звуки?)	Вамъ, вѣрно, случалось слышать гдѣ то валящійся отдаленный водопадъ, когда встрѣвоженная окрестность полна

Кто не видалъ и не былъ когда нибудь въ вихрѣ шумной ярмарки, когда весь народъ съ своимъ товаромъ сростается въ одно огромное чудовище и шевелится всѣмъ корпусомъ на площади и по тѣснымъ улицамъ, шумитъ, гогочетъ, гремитъ. Шумъ, трескъ, брань, блеянье, мычанье, ревъ,—все сливается въ одинъ нестройный говоръ, какъ будто бы валится гдѣ то отдаленный водопадъ и встревоженная окрестность полна гула. Напрасны будутъ старанія что нибудь разслушать, узнать, о чемъ идутъ рѣчи. Ничего вы не услышите, ничего не узнаете. Одни только продавецъ и покупщикъ понимали другъ друга. Громкое хлопанье по рукамъ и роспиванье могарыча одни только дадутъ знать вамъ, сдѣлка или покупка совершены. Пріѣзжій нашъ мужикъ» и т. д.

гула, и хаосъ чудныхъ, неясныхъ звуковъ вихремъ носится передъ вами. Не правда ли, не тѣ ли самыя чувства мгновенно обхватятъ васъ въ вихрѣ сельской ярмарки, когда весь народъ сростается въ одно огромное чудовище и шевелится всѣмъ своимъ туловищемъ на площади и по тѣснымъ улицамъ, кричитъ, гогочетъ, гремитъ? Шумъ, брань, мычаніе, блеяніе, ревъ—все сливается въ одинъ нестройный говоръ. Волы, мѣшки, сѣно, цыгане, горшки, бабы, пряники, шапки—все ярко, пестро, нестройно, мечется кучами и снуется передъ глазами. Разноголосныя рѣчи потопляютъ другъ друга, и ни одно слово не выхватится, не спасется отъ этого потопа; ни одинъ крикъ не выговорится ясно. Только хлопанье по рукамъ торгашей слышится со всѣхъ сторонъ ярмарки. Ломается возъ, звенитъ желѣзо, гремятъ сбрасываемыя на землю доски, и закружившаяся голова недоумѣваетъ, куда обратиться. Пріѣзжій мужикъ нашъ» и т. д.

Изъ сопоставленія этихъ двухъ текстовъ съ несомнѣнностію выясняется незаконченный и необработанный характеръ

рукописнаго и высокая степень художественной отдѣлки печатнаго.

Всѣ вышеприведенныя данныя (а нами приведены далеко не всѣ особенности рукописнаго текста и исключительно тѣ, которыя доселѣ оставались совершенно неизвѣстными) служатъ убѣдительнымъ свидѣтельствомъ того, что въ рукописномъ текстѣ повѣсти «Сорочинская ярмарка» сохранился первоначальный набросокъ этой повѣсти, съ нѣкоторыми поправками и дополненіями послѣдовавшей за первоначальнымъ наброскомъ обработки повѣсти, однако, все еще весьма далекой до той художественной формы, въ которой повѣсть появилась уже въ печатномъ видѣ.

Ближайшее изученіе всѣхъ особенностей текстовъ рукописнаго и печатнаго заставляетъ признать разницу между ними огромною и настолько существенною, что необходимо предположить существованіе между ними еще одного рукописнаго текста, посредствующаго между двумя наличными, къ сожалѣнію, не сохранившагося до нашего времени или еще неизвѣстно гдѣ хранящагося. Особенности печатнаго текста такъ значительны по сравненію съ текстомъ рукописнымъ, что объяснять ихъ корректурными исправленіями автора нѣтъ возможности. Это не разночтенія только, не варіанты, не поправки и не дополненія, а цѣлыя редакціи текста повѣсти, и такихъ редакцій въ рукописномъ видѣ, очевидно, было двѣ, изъ коихъ первая редакція сохранилась въ разсматриваемой нами рукописи, а вторая редакція, съ которой производился печатный наборъ повѣсти, остается въ неизвѣстности. Даже въ тѣхъ мѣстахъ повѣсти, которыя совпадаютъ и по рукописному и по печатному текстамъ, все же есть и разница между ними: въ перестановкѣ частей предложенія одной на мѣсто другой, въ наличности или въ отсутствіи предлоговъ и мѣстоимѣній (и, однако, нашъ), въ раздѣленіи сложнаго предложенія на два или нѣсколько простыхъ.

Трудно допустить, что бы всѣ подобныя особенности печатнаго текста, создавшія вторую редакцію повѣсти, появились лишь въ корректурныхъ листахъ или гранкахъ. Проще и естественнѣе

предположить, что Гоголь, такъ много и долго работавшій надъ своими художественными твореніями, еще разъ переписалъ повѣсть и на этотъ разъ придалъ ей ту редакцію, въ которой она, съ нѣкоторыми, разумѣется, корректурными поправками, и появилась въ печати въ отдѣльномъ изданіи «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» въ 1831 году.

По рукописи первой редакціи повѣсти, по сохранившимся въ ней авторскимъ поправкамъ, по множеству зачеркнутыхъ словъ и строкъ, надписанныхъ и вписанныхъ, однажды зачеркнутыхъ, возстановленныхъ и снова зачеркнутыхъ или исправленныхъ отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ предложеній, уже можно судить, какимъ подвигомъ была для Гоголя его творческая, художественная работа. По этому труду, постепенно совершенствовавшему Гоголевскія созданія, можно со всею наглядностію видѣть и понять, что «для Гоголя переработка» прежнихъ произведеній была «подвигомъ, предпринятымъ въ глубинѣ души», что его великія созданія вырабатывались «годами самоотверженія, отчужденія отъ міра и всѣхъ его выгодъ», что кто желаетъ разъяснить себѣ исторію жизни и творческой дѣятельности Гоголя, тому необходимо изучить по оставшимся документамъ этотъ «подвигъ» художника, войти въ его «подвижническую келью»[1]).

Теперь нѣсколько словъ о рукописи и о нижепечатаемомъ текстѣ.

Рукопись первой редакціи повѣсти въ настоящее время, дѣйствительно, хранится въ Отдѣленіи рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ подъ № 3211. Она пріобрѣтена была, вмѣстѣ съ другими автографами Гоголя, у наслѣдниковъ поэта въ 1896 году, по завершеніи десятаго изданія сочиненій Гоголя.

Не мало труда потребовалось для того, чтобы привести въ

---

1) I, Предувѣдомленіе, VIII стр.

порядокъ бумаги, служившія матеріаломъ и источникомъ для десятаго изданія. Отдѣленію рукописей достался какой-то хаосъ, въ которомъ самыя разнородныя рукописи и даже автографы разныхъ лицъ были перемѣшаны въ одну кучу, отдѣльныя произведенія разбросаны по листкамъ и не подобраны, повѣсти перемѣшаны съ письмами, статьи съ комедіями, собственныя произведенія Гоголя съ многочисленными выписками его изъ произведеній другихъ авторовъ, и все это въ свою очередь топуло въ копіяхъ издателей и редакторовъ сочиненій и писемъ Гоголя. Много усилій и времени потрачено было, чтобы весь этотъ хаосъ привести въ тотъ порядокъ, въ которомъ вездѣ и всюду хранятся рукописи, а тѣмъ болѣе автографы классическихъ писателей. Естественно, поэтому, что рукопись повѣсти «Сорочинская ярмарка» соединена съ другими остатками «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» и вмѣстѣ съ ними включена для сохранности въ отдѣльную папку подъ вышеуказаннымъ № 3211. Въ результатѣ получилось довольно неожиданное явленіе: когда сохранившіеся листы «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» были подобраны одинъ къ другому, въ своей послѣдовательности по содержанію, и соединены вмѣстѣ, то оказалось, что давняя нумерація ихъ, помѣченная краснымъ карандашомъ, совершенно правильна. Очевидно, листы рукописи «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» были когда-то подобраны и, можетъ быть, представляли изъ себя нѣчто цѣльное, какъ автографъ отдѣльнаго произведенія Гоголя, и лишь впослѣдствіи были отбиты одинъ отъ другого и вмѣстѣ съ прочими автографами приведены въ хаотическій безпорядокъ. Повидимому, прежнее приведеніе въ порядокъ рукописей Гоголя произведено было Кулишомъ, такъ какъ нумерація краснымъ карандашомъ еще встрѣчается на его копіяхъ и отвѣчаетъ нумераціи рукописей Гоголя, а можетъ быть и лицомъ, которому впослѣдствіи достались и автографы Гоголя, и копіи Кулиша.

При дальнѣйшемъ печатаніи самаго текста повѣсти приняты мѣры къ тому, чтобы точно воспроизвести рукопись Гоголя.

Такъ какъ рукопись носитъ на себѣ явные слѣды тройкой работы Гоголя: начертанія основного текста повѣсти, вычеркиванія въ немъ отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ выраженій и надписанія, вмѣсто зачеркнутаго, новаго текста, или же добавленія новаго къ основному; то и въ печатаемомъ текстѣ повѣсти даны показатели постепеннаго его измѣненія. Для этого основной текстъ повѣсти печатается прямымъ шрифтомъ; зачеркнутыя въ немъ слова и выраженія при печатаніи заключены въ скобки; слова и выраженія, надписанныя надъ основнымъ текстомъ въ рукописи и вписанныя среди него, набраны курсивомъ, зачеркнутыя же среди нихъ тоже заключены въ скобки.

Правописаніе Гоголя воспроизводится въ точности, даже съ сохраненіемъ его описокъ и ошибокъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ слова недописаны Гоголемъ, или гдѣ буквы написаны неясно, безъ отчетливаго начертанія особенностей каждой буквы; въ такихъ случаяхъ правописаніе принято по печатному тексту повѣсти въ десятомъ изданіи. Знаки препинанія, въ большинствѣ непоставленные Гоголемъ, разставлены тоже по этому изданію.

Позднѣйшія надписи заглавія повѣсти и года ея творенія опускаются, какъ поставленныя не Гоголемъ.

1.

Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой неизмѣримый океанъ, сладострастн(о)*ымъ куполомъ* нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ (въ нѣгѣ), потонувши въ нѣгѣ и (обнявши) *сжавши* прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ. *На немъ ни облака. Въ полѣ* ни шуму, ни рѣчи. Все какъ будто умерло. (Только) вверху только, въ небесной глубинѣ, дрожитъ жаворонокъ, и серебряныя пѣсни *по воздушнымъ степямъ* летятъ на влюбленную землю, (да) *или* изрѣдка крикъ чайки или (громъ) *звонкій раскатъ* перепела (звон-

кимъ раскатомъ) отдается въ степи. Лѣниво и бездумно, *будто безъ цѣли* (какъ разсѣяно остановившійся) гуляющіе безъ цѣли стали, *растутъ на полѣ,* деревья, (листокъ не шелохнется) и (стремительные) *ослѣпительные* удары солнца ослѣпительныхъ лучей, кажется, *зажигаютъ цѣлыя* (исторгающіе изъ темнозеленой гущи ихъ) живописныя массы листьевъ, накидывая на другихъ темную какъ ночь тѣнь, на которой только при (вѣтрѣ) *сильномъ колебаніи* листьевъ вѣтромъ брызжетъ золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирныхъ насѣкомыхъ сыплются надъ пестрыми огородами, осѣняемъ гордыми подсолнечными. *Сѣрыя* скирды сѣна и золотые снопы хлѣба (въ цѣлыхъ) *станомъ* располагаются въ полѣ и кочуютъ по его неизмѣримости. Погнувшіяся отъ тяжести плодовъ (вѣтви) широкія вѣтви яблонь, грушъ, небо, его чистое зеркало — рѣка *въ зеленыхъ, гордо поднятыхъ рамахъ*... какъ полно сладострастія и нѣги Малороссійское лѣто.

Такою роскошью блисталъ одинъ изъ дней жаркаго Августа тысячу восемьсотъ, восемьсотъ... да, лѣтъ тридцать будетъ назадъ тому, когда дорога на десять верстъ до мѣстечка Сорочинецъ кипѣла народомъ, поспѣшавшимъ *со всѣхъ окрестныхъ и дальнихъ* хуторовъ на ярмарку. Съ утра еще тянулись нескончаемою вереницей чумаки (чумацкіе возы) съ солью и рыбою. Горы горшковъ, закутанныя въ сѣно, высоко подымали съ воза гигантское чело свое и, кажется, скучали (своею неизвѣстностью) *темнотой*; (изрѣдка) *мистами* только какая нибудь росписанная миска или макитра хвастливо выказывалась изъ высоко взгроможденнаго плетня и привлекала (завистливые) *умиленные* взгляды поклонниковъ роскоши. Много прохожихъ и проѣзжихъ поглядывало съ завистью на (степеннаго) *высокаго* гончара, (который) владѣльца сихъ драгоцѣнностей, который медленными шагами (слѣдовалъ) шелъ за своимъ товаромъ, заботливо окутывая глиняныхъ своихъ кокетокъ и щеголей неизвѣстнымъ для нихъ сѣномъ.

Одиноко (брелъ) тащился на истомленныхъ волахъ *возъ*, наваленный мѣшками, (*льномъ*), *пенькою* и разною поклажею; (ни-

зенькой) толстый, небольшого росту мужикъ, уже съ поспѣвшею головою, съ (напудренными) усами, напудренными тѣмъ неумолимымъ парикмахеромъ, который безъ зову является и къ красавицѣ и къ уроду и насильно пудритъ съ незапамятныхъ временъ весь родъ человѣческій. *За возомъ шла привязанная сзади кобыла.* Много встрѣчныхъ, и особливо молодыхъ парубковъ, брались за шапку, (встрѣч) поровнявшись съ нашимъ мужикомъ. Однакожъ не сѣдые усы и не важная поступь его заставляли это дѣлать. Стоило только (взглянуть) поднять глаза немного вверхъ, чтобы увидѣть причину такой почтительности: на возу сидѣла хорошенькая дочка съ упоительно рдѣвшимся личикомъ, съ чорными бровями, ровною дугою поднявшимися надъ огненными карими глазками, съ безпечно улыбавшими розовыми губками, съ повязанными на головѣ голубыми и жолтыми лентами, (которыя) *составлявшими* вмѣстѣ съ длинными, сбходившими два раза вокругъ *всей* головы косами и полевыми цвѣтами, составляли (прекрасную) *богатую* корону(ою), покоился на ея (головкѣ) на очаровательной головкѣ. Все, казалось, занимало ее, все было ей чудно, ново, и хорошенькіе глазки безпрестанно бѣгали (отъ) съ одного предмета на другой. Какъ не разсѣяться! Въ первой разъ на ярмаркѣ! (Какихъ) Дѣвушка въ восемнадцать лѣтъ въ первой разъ на ярмаркѣ. Но ни одинъ изъ прохожихъ и проѣзжихъ не зналъ, можетъ быть, чего стоило ей упросить (батька) *отца* взять и ее съ собою, который (можетъ всею) *и* душою радъ бы былъ это здѣлать гораздо прежде, если бы не злая мачиха, выучившаяся держать его *въ рукахъ своихъ* такъ же ловко, какъ цыганъ *возжи* коренной *своей* лошади. Но *за дочкою совершенно* мы (и) позабыли, что и она сидѣла тутъ же на высотѣ воза въ нарядной шерстяной кофтѣ зеленаго цвѣта (съ красными), *по которой будто* по горностаевому мѣху нашиты были хвостики краснаго цвѣта, въ богатой плахтѣ, пѣстрѣвшей какъ шахматная доска, въ ситцевомъ цвѣтномъ очипкѣ, ни мало, однакожъ, не скрасившимъ плоскаго краснаго лица, по которому проскальзывало (какое то) *что то*

такое непріятное, такое дикое, что (всякій) каждый тотчасъ спѣшилъ перенести встревоженный глазъ свой на веселинкое личико дочки.

Глазамъ нашихъ путешественниковъ началъ уже открываться Пселъ. Издали уже вѣяло прохладою. Сквозь темно и свѣтло зеленые листья (деревъ), небрежно раскиданныхъ по лугу деревъ, засверкали серебромъ и огненныя, одѣтыя холодомъ искры, и рѣка-красавица открыла (свою) *блестящую*, обнажила серебренную грудь, на которую *роскошно* падали зеленые кудри деревъ. Своенравная, какъ она въ тѣ упоительныя минуты, *часы*, когда (когда) вѣрное зеркало такъ завидно заключаетъ въ себѣ *ея* (гордыя, божественныя, *прекрасныя* ея черты съ обнажен.) полное гордости и ослѣпительнаго блеска *чело* (ея), лилейныя плечи, мраморную, осѣненную темною, *упавшею съ рукой*, волною шею, (мѣняетъ) съ презрѣніемъ кидаетъ одни украшенія, чтобы замѣнить ихъ другими, и капризамъ ея конца. Чудесная рѣка каждый годъ перемѣняетъ свои *окрестности*, украшенія, луга и деревья и пролагаетъ новый путь. Ряды мельницъ подымали на тяжелыя колеса свои широкія волны и мочно кидали ихъ, разбивая въ брызги, обсыпая пылью и обдавая шумомъ окрестность. Возъ съ знакомыми намъ пассажирами взъѣхалъ въ это время на мостъ, и рѣка во всей широтѣ и величіи, какъ цѣльное стекло, разостлалась передъ ними. Небо, зеленые и синіе лѣса, люди, возы съ горшками, мельницы, все опрокинулось, и стояло, и ходило верхъ ногами, не падая въ голубую, прекрасную бездну.

Красавица наша, сидя на возу, задумалась, (глядя) на роскошь (вида) открывшагося передъ ней вида и позабыла даже лузать свой подсолнечникъ, которымъ исправно занималася во все время пути своего. Какъ вдругъ слова: «ай, да гарна дивчина!» поразили слухъ. Оглянувшись, увидѣла стоявшихъ на мосту (четырехъ) *нѣсколькихъ* парубковъ, изъ которыхъ одинъ, одѣтый пощеголѣватѣе прочихъ, въ бѣлой юпкѣ, *свиткѣ*, (повязанный краснымъ поясомъ), въ сѣрой решетиловскихъ смушекъ шапкѣ,

стоялъ подпершись въ боки и молодецки поглядывалъ на проѣзжающихъ. Красавица не могла не замѣтить его загорѣвшаго, но и исполненнаго пріятности лица и огненныхъ очей, жаждавшихъ видѣть ее насквозь, и потупила глаза при мысли, что, можетъ быть, ему принадлежатъ произнесенныя слова. «Славная дѣвушка!» продолжалъ парубокъ въ бѣлой свиткѣ, не сводя съ нея глазъ. «Я бы отдалъ всю свое (ю) (худобу) хозяйство, чтобы только поцеловать. А вотъ впереди (ее) и дьяволъ сидитъ!» Хохотъ поднялся со всѣхъ сторонъ, но (почтенной) разряженной сожительницѣ нашего медленного мужика не слишкомъ показалось такое привѣтствіе: (щеки) красныя щеки ея вспыхнули и обратились въ огненныя, и трескъ отборныхъ словъ посыпался дождемъ на *головы* разгульныхъ парубковъ:

«Ахъ, ты негодной сорванецъ, нечистая сила, *нелегкая*, позабирала бы всю родню твою!»

«Ахъ, ты старая вѣдьма!»

«Ахъ, ты (нечистое) *сатанинское* отродье! Вишь, молокососъ какой нибудь, дрянь»...

Тутъ возъ начиналъ спускаться съ мосту. Послѣднія слова едва были слышны, но разгульной парубокъ нашъ не хотѣлъ *этимъ* кончить (такъ) и потому, схвативши комокъ грязи, швырнулъ вслѣдъ за нею. Ударъ былъ (такъ) удачнѣе, нежели могъ онъ думать: весь новый ситцевый очипокъ былъ забрызганъ грязью, и хохотъ разгульныхъ повѣсъ удвоился съ новою силою, къ несказанной досадѣ (нашей ста) пожилой щеголихи. Возъ отъѣхалъ *въ это время* уже довольно далеко, и месть ея обратилась на безвинную падчерицу и медленного сожителя, который, будучи привыченъ издавна къ подобнымъ явленіямъ, сохранялъ упорное молчаніе, хладнокровно принимая мятежныя рѣчи разгнѣванной супруги *до тѣхъ поръ*, покамѣстъ не въѣхали они въ (городъ) *пригородье* на (дворъ) загроможденный дворъ къ (куму тамошнему) *одному* казаку, куму и старому знакомому нашимъ путешественникамъ, которымъ всего нужнѣе дать отдыхъ послѣ такой дальней дороги.

2.

Шо Боже *ты* мій Господы, чого нема на тій ярмарци! Колеса, скло, деготь, тютюнъ, ремень, цыбыля... *такъ* що хоть бы въ кишеня було рублевъ и съ тридцять, (то и тогда бъ може не закупывъ усего), *та на всихъ стало закупить.*

(Изъ малор. комедіи).

Случалось ли вамъ слышать (когда) гдѣ то валящійся отдаленный водопадъ, когда вамъ издали уже чудятся неясные звуки?

Кто не видалъ и не былъ когда нибудь въ вихрѣ шумной ярмарки, когда весь народъ съ своимъ товаромъ сростается въ одно огромное чудовище *и шевелится всѣмъ корпусомъ* на площади и по тѣснымъ улицамъ, шумитъ, гогочетъ, гремитъ. Шумъ, трескъ, брань, (мычаніе), блеянье, мычанье, ревъ, — все сливается въ одинъ нестройный говоръ, какъ будто бы (гдѣ нибудь отдаленный водопадъ) валится гдѣ то отдаленный водопадъ и (испуганная) встревоженная окрестность полна гула. Напрасны будутъ старанія что нибудь разслушать, *узнать*, о чемъ идутъ рѣчи. Ничего вы не услышите, ничего не узнаете. Одни только продавецъ и покупщикъ понимали другъ друга. Громкое хлопанье по рукамъ и роспиванье могарыча одни только дадутъ знать вамъ объ (успѣхѣ посольства), сдѣлка или покупка совершены. Пріѣзжій нашъ мужикъ съ чернобровою дочкою своею давно уже толкался въ народѣ, узнавалъ и примѣрялся къ цѣнамъ. Всѣ его мысли вертѣлись около одной точки: около 10 мѣшковъ пшеницы, привезенныхъ имъ на ярмарокъ, и старой кобылы, и потому весьма естественно, что онъ (безвыходно), *къ великой досадѣ нашей красавицы*, терся почти возлѣ однихъ только возовъ съ мукою и пшеницею и еще съ зятемъ, котораго хотѣлось забрать на барыши. Между тѣмъ какъ ее такъ и дергала непонятная сила подъ ятки къ крамаркамъ, гдѣ развѣшаны

были самыя яркія ленты, перстни, серги и монисты. Впрочемъ, она и тутъ много находила предметовъ себѣ для наблюденія: ее до чрезвычайности смѣшило, какъ цыганъ и мужикъ одинъ били другъ друга со всей силы по рукамъ, вскрикивая сами отъ боли; какъ пьяный жидъ давалъ бабѣ киселя [1]); какъ посорившіяся перекупки кидались раками, приправляя попреками... Тутъ почувствовала она, что кто дернулъ ее за рукавъ сорочки. Оглянулась, и парубокъ въ бѣлой свиткѣ съ яркими очами стоялъ передъ нею. Жилки ея вздрогнули и сердце забилось такъ, какъ еще никогда ни при какой радости, ни при какомъ горѣ: и чудно, и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что дѣлалось съ нею.

«Не бойся, серденько, не бойся», говорилъ онъ ей въ полголоса, взявши ея руку: «убей меня громъ на этомъ мѣстѣ, если держу на умѣ что худое противъ тебя». «Вѣрно это лукавый», думала про себя (дѣвушка) *красавица* (сама и чу); «сама, кажется, знаешь, что не годится такъ... а чувствуешь, что силы не достаетъ взять отъ него руку».

Мужикъ оглянулся и хотѣлъ что то сказать дочкѣ, но въ сторонѣ послышалось ему слово: пшеница (и онъ). *Это магическое слово заставило его обратиться*, оставивши все, *и онъ въ туже минуту* (приближился) къ двумъ жарко разговаривавшимъ негоціантамъ, позабывъ все на свѣтѣ (разговоръ сблизивъ), устремивъ все вниманіе на любимый предметъ свой.

3.

Чи бачышь, винъ якый парныще?
На свити (мало) *трохи* есть такихъ.
Сывуху такъ, мовъ *якъ* брагу хлыще!

Котляревскій.

«Такъ ты думаешь, землякъ, что плохо пойдетъ наша пшеница?» говорилъ одинъ (съ вп) человѣкъ *съ* вида (омъ) похожій

1) Дать киселя значитъ ударить кого-нибудь сзади ногъ.

весьма на заѣзжаго мѣщанина, обитателя какого нибудь местечка, въ пестревыхъ, запятнанныхъ дегтемъ и засаленыхъ шароварахъ, другому съ широкимъ посомъ *и огромною* (широкою) на немъ шишкою.

«Да думать нечего тутъ (что плохо): я готовъ кинуть на себя петлю и болтаться на этомъ деревѣ, какъ колбаса передъ Рождествомъ на хатѣ, если мы продадимъ хоть одну мѣрку».

«Кого ты, землякъ, морочишь?» *продолжалъ:* «(да вотъ) привозу *вѣдь*, кромѣ пашего, нѣтъ вовсе», *продолжалъ* говорить человѣкъ въ (сѣро) пестревыхъ шароварахъ.

«То-то и (диво) *есть*, что если гдѣ замѣшается чертовщина, то будетъ столько прока, сколько отъ барана молока», значительно отвѣчалъ человѣкъ съ шишкою на носу.

«Какъ чертовщина?» подхватилъ человѣкъ въ пестревыхъ шароварахъ.

«Слышилъ ты, что поговариваютъ въ народѣ?» говорилъ человѣкъ съ шишкой.

«Ну!»

«Ну, то-то ну! Комиссаръ, чтобъ ему чихалось *такъ* послѣ каждой пучки табаку, какъ послѣ горячей воды, (говоритъ) отвелъ для ярмарка (такое) проклятое *мѣсто*, на которомъ, хоть тресни, ни зерна не спустишъ. Видишь ли ты тотъ старый развалившійся сарай, что вонъ-вонъ стоитъ подъ горою?..» Тутъ (нашъ) дородный отецъ нашей красавицы подсунулся еще ближе и весь превратился во вниманіе. «Въ томъ сараѣ то и дѣло, что водятся чертовскія шашни, и ни одна ярмарка на этомъ мѣстѣ не проходила безъ бѣды. Вчера волостный писарь проходилъ поздно вечеромъ, только въ слуховое окно выставилось свиное рыло и хрюкнуло такъ, что у него морозъ подралъ по кожѣ. То же жди, что опять покажется (красная) кумачная свитка.

«Чтожъ это за красная свитка?»

Тутъ у нашего слушателя поднялись дыбомъ сѣдые волосы. Со страхомъ оборотился онъ назадъ и увидѣлъ, что дочка и парубокъ стояли обнявшись и напѣвая другъ другу какія то лю-

бовныя сказки и позабывъ про всѣ (свитки) находящіяся въ свѣтѣ. Это разогнало немного его страхъ и возвратило (ему веселость) *его къ прежней безпечности.*

«Эге, ге, ге! да ты мастеръ, какъ вижу, обниматься. Чортъ меня возьми, если я не на четвертый только день *послѣ свадьбы* выучился обнимать мою покойную Хвеську. Да и то спасибо куму, (который) бывши дружкомъ, выучилъ (меня) *уже*».

Парубокъ замѣтилъ тотъ часъ, что отецъ его любезнаго не (совсѣмъ) слишкомъ дальнѣе и въ мысляхъ рѣшился попытаться склонить его въ свою пользу.

«Ты, вѣрно, человѣкъ добрый, не (узнаешь) *знаешь* меня, а я тебя тотъ часъ узналъ».

«Можетъ, и узналъ».

«Если хочешь, такъ и имя (скажу), и прозвище, и всяку всячину: тебя зовутъ *Солопій* Черевикъ».

(«Можетъ, и скажешь»).

«Такъ, *Солопій* Черевикъ».

«А вглядись-ка хорошенько, а не узнаешь ли меня?»

«Нѣтъ, не познаю. Не въ гнѣвъ будь сказано: на вѣку столько довелось навидаться рожъ всякихъ, что чертъ самъ припомнитъ всѣхъ».

«Жаль, что ты не припомнишь Голупупенковаго сына».

«А ты развѣ Охримовъ сынъ?»

«Да, не кто другой, конечно».

Тутъ пошли обниманія, и (пару) нашъ Голупупинкивъ сынъ, не желая терять напрасно времени, тотъ часъ и осадилъ новаго своего знакомца.

«Ну, Солопій, вотъ, какъ видишь, я и дочка полюбили одинъ одного такъ, что хоть бы и на вѣки жить вмѣстѣ».

«Что, (дочка) *Параска!» обратился Черевикъ, смѣясь, къ нашей красавицѣ*: «не въ самомъ ли дѣлѣ, чтобы уже, какъ говорятъ, вмѣстѣ и того... *чтобъ* и паслись на одной травѣ! Что? по рукамъ! А ну-ка, новобранный зять, давай (ка) могорычу!»

И всѣ трое очутились *въ извѣстной ярморочной ресторации*

подъ яткою у жидовки, въ которой (съ низу до верха) весь столъ былъ усѣянъ фляжками, сулеями, бутылями всѣхъ возрастовъ.

«Эхъ, (молодецъ) *хватъ, за это люблю!*» говорилъ Черевикъ немного подгулявши, глядя, какъ какъ его нареченный зять налилъ кружку величиной съ полкварты и, *нимало* поморщившись, выпилъ до дна, обративъ се *потомъ* въ дребезги.

«*Что (же) скажешь*, (Какого) Параска? (я *тебѣ* жениха даю) *Какого я тебѣ жениха даю, а!* Смотри, смотри, какъ онъ тянетъ молодецки пѣнную».

И смѣясь, и покачиваясь, *и* побрелъ (отправился) *побрелъ* съ (сво) нашей красавицею къ своему возу, а нашъ парубокъ отправился по рядамъ съ красными товарами, въ которыхъ находились купцы даже изъ Гадяча и Миргорода, двухъ знаменитыхъ уѣздныхъ городовъ въ Полтавской губерніи, выглядывать получшую деревяную люльку въ мѣдной щегольской оправѣ, (и) цвѣтистый по красному полю платокъ и шапку (для гостинцевъ) *свадебныхъ* тестю и другимъ всѣмъ, кому слѣдуетъ.

4.

Хоть человикамъ не онее,
Да колы жинци, бачышъ, тее,
Такъ треба угодити (имъ).

Котляревскій.

«Ну, жинко! а я нашелъ жениха дочкѣ!»

«Вотъ-на! какъ разъ до того теперь, что жениховъ отыскивать! Вотъ уже дурепь! *Сказано*, (ти на) тебѣ, вѣрно, и на роду написано такимъ остаться! Гдѣ-жъ таки ты видѣлъ, гдѣ-жъ таки слышалъ, чтобы добрый человѣкъ сталъ (бѣгать) *гоняться* теперь за женихами? Ты бъ подумалъ лучше, какъ пшеницу сбыть. Хорошъ *уже* тамъ женихъ долженъ быть! Я думаю, оборваннѣйшій изъ всѣхъ голодрабцовъ».

«Э, какъ бы не такъ! Посмотрѣла бы ты, что *тамъ* за пару-

бокъ. Одна свитка больше стоитъ, чемъ твоя зеленая кофта и красные сапоги. А какъ сивуху славно дуетъ!.. Чортъ меня возьми вмѣстѣ съ тобою, если я видѣлъ еще на вѣку своемъ, чтобы парубокъ духомъ вытянулъ полкварты, не поморщившись!»

«Ну, такъ, ему если пьяница да бродяга, такъ это съ его руку. Бьюсь объ закладъ, если это не тотъ самый сорванецъ, который увязался за нами на мосту. Жаль, что до сихъ поръ онъ не попадется мнѣ: я бы ему дала себя знать».

«Чтожъ, Хивря, хоть бы и тотъ самый: чемъ *же* онъ сорванецъ?»

«(Слышишь) Э, чемъ же онъ сорванецъ! Ахъ, ты безмозглая башка! Слышишь! Чемъ же онъ сорванецъ! (Гдѣ) Куда же ты запряталъ свои дурацкіе глаза свои, когда проѣзжали мы мельницы? Ему, хоть бы тутъ, передъ его, *запачканнымъ въ тютюнь*, носомъ нанесли жинкѣ безчестье, ему бы и нуж не было».

«Да, все же однако я не вижу въ немъ ничего худого: парень хоть куда! Только развѣ что заклеилъ твою образину навремя навозомъ».

«Эге, да ты, какъ я вижу, слова не дашь мнѣ выговорить. А что это значитъ? Когда это бывало съ тобою? Ты, вѣрно, (изволилъ) успѣлъ хлеспуть уже, не продавши еще ничего?»

Тутъ Черевикъ нашъ замѣтилъ и самъ, что разговорился черезъ чуръ (уже), и закрылъ въ одно мгновеніе голову свою одними руками, предполагая, безъ сомнѣнія, что разгнѣванная сожительница не замедлитъ вцѣпиться въ его волосы своими (острыми) *супружескими* кохтями.

«Туда къ чорту! Вотъ тебѣ и свадьба!» думалъ онъ про себя, уклоняясь отъ силью наступившей супруги.

«Придется отказать доброму человѣку ни за что, ни про что. (Боже) Господи Боже мой! За что такая напасть на насъ, грѣшныхъ? Итакъ много *всякой* дряни на землѣ, а ты еще и жинокъ наплодилъ!»

5.

Разсѣяно глядѣлъ парубокъ нашъ въ бѣлой свиткѣ, *сидя* у своего воза, на *глухо* шумѣвшій (на горѣ) со всѣхъ сторонъ народъ. *Усталое* солнце уходило отъ міра, и спокойно пылавшій въ полдень и утро день, и плѣнительно, и грустно, и ярко румянился, какъ щеки прекрасной жертвы неумолимаго недуга въ торжественную минуту ея отлета на небо. Ослѣпительно блистали (вер бѣлые) верхи бѣлыхъ шатровъ и ятокъ, осѣненные какимъ то едва примѣтнымъ, тонкимъ, огненно-розовымъ свѣтомъ. Стекла наваленныхъ кучей оконицъ горѣли; зеленыя фляжки и чарки на столахъ у шинкарокъ превратились въ огненныя; горы дынь, арбузовъ и тыквъ казались вылитыми изъ золота и темной мѣди. Говоръ примѣтно утишался, и усталые языки перекупокъ, жидовъ и цыганъ лѣнивѣй и медленнѣе поворачивались. Гдѣ-гдѣ начиналъ сверкать огонекъ, и благовонный паръ отъ варившихся галушекъ разносился по утихавшимъ улицамъ.

«О чемъ загорюпился, Грицко?» вскричалъ высокій загорѣвшій цыганъ, ударивъ по плечу нашего парубка. «Что жъ, отдавай волы за тридцять!»

«Тебѣ бы все волы да волы. Вашему племени все бы корысть только, потдѣть да обмануть добраго человѣка».

«Тьфу, дьяволъ! (что) да ты не на шутку раскапрызничался. Ужь не съ досады ли, что самъ навязалъ себѣ невѣсту?»

«Нѣтъ, *это не помоему:* я держу свое слово, что разъ сдѣлалъ, тому и навѣки быть. А вотъ у хрыча Черевика нѣтъ совѣсти, видно, и *на* полъ шелега: *сказалъ да и назадъ*. Ну, да его и винить нечего. Онъ деревяной чурбанъ, (да и полно) *и больше ничего*. Тутъ всему вина старая вѣдьма, которую мы сегодня ругнули съ хлопцами на всѣ бока! Эхъ, если бы я былъ царемъ или панъ великой, я бы первый перевѣшалъ всѣхъ *тѣхъ* дурней, которые позволяютъ себя сѣдлать бабамъ и (ѣздить) и ходятъ у нихъ въ оглобляхъ вмѣсто кобылъ».

«А (про) отдашь за тридцать воловъ, если мы заставимъ Черевика отдать намъ Параску?»

«Не за тридцать, а за двадцать отдамъ, если не соврешь только».

«Смотрижъ, не забывай: за двадцать. Вотъ тебѣ и пара синицъ въ задатокъ».

«Ну, а если солжешь?»

«Солгу—задатокъ твой».

«Ладно! Ну, давай же по рукамъ!»

«Давай!»

6.

(А ты, милый, чернобрывый,
Присунься близенько.
Пѣсня.)

Охъ, мени лыхо: Романъ оттеперъ, якъ разъ надсадыть мени бебекивъ, да и вамъ, пане Хомо, не безъ лыха буде.
Изъ малоросс. комедіи.

«Суда, Афанасій Ивановичъ! Вотъ тутъ (тынъ) (*заборъ*) *частоколъ* пониже, поднимайте ногу, да не бойтесь: дурень мой отправился на всю ночь съ кумомъ и дочкою подъ возы, что не укралъ (чего) кто нибудь чего».

Такъ грозная сожительница Черевика (крпча) ласково ободряла трусливо лѣпившаго около забора поповича, который поднялся наконецъ на (заборъ) *частоколъ* и сталъ, будто длинное страшное привидѣніе. Долго стоялъ въ недоумѣніи, измѣривая окомъ, куда бы лучше спрыгнуть, и наконецъ съ шумомъ обрушился въ бурьянъ.

«Вотъ бѣда! Не ушиблись ли вы, не сломили еще, Боже оборони, шеи», лепетала *заботливая* Хивря.

«Тсъ! Ничего, ничего, любезнѣйшая Хавронья (Осиповна) Никифоровна!» боязнено и шопотно произнесъ поповичъ, поды-

маясь ногою: «выключая только уязвленія со стороны крапивы, сего печеподобнаго зѣлія, по выраженію покойнаго нашего протопопа».

«Пойдемте жъ въ хату: теперь никого нѣтъ. А я думала было уже, Афанасій Ивановичъ, что къ вамъ болячка или сонешница пристала: нѣтъ, да нѣтъ. Какъ же вы теперь поживаете? Я слышала, что папъ-отцю перепало теперь не мало всякой всячины».

«Сущая бездѣлица, Хавронья Никифоровна! Батюшка всего получилъ за весь постъ мѣшковъ шесть яроваго, проса мѣшка два, кнышей съ сотню. А куръ всего, если сощитать, то не будетъ и пятидесяти штукъ; яйца большею частію протухлыя. *Но воистину сладостныя* приношенія, примѣрно сказать, (со стороны вашей) *нашему брату предстоитъ только твои получить*, Хавронья Трофимовна!» продолжалъ поповичъ, умильно поглядывая на полныя ея груди и подсовываясь къ ней поближе.

«Вотъ вамъ и приношеніе, Афанасій Ивановичъ!» приговорила она, ставя на столъ двѣ миски и жеманно застегивая свою какъ будто бы (невольно) *нечаянно* растегнувшуюся кофту: «варенички, галушечки, пшеничпеньки, *пампушечки*, товченички, кушайте на здоровье!»

«Всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ! Однакожъ, Хавронья Никифоровна, сердце мое жаждетъ (еще кушанья) отъ васъ *кушанья* послаще всѣхъ пампушечокъ и галушечекъ».

«Вотъ я уже и не знаю, какого вамъ еще кушанья хочется, Афанасій Ивановичъ!» отвѣчала отжившая свой прелестница, стыдливо потупивъ въ землю глаза свои.

«Разумѣется, любви вашей, любезная, несравненная Хавронья Никифоровна!» вскричалъ поповичъ, держа въ одной рукѣ вареникъ, а другою обнимая *полный* дородный станъ Хавроньинъ.

«(Вы) Богъ знаетъ, что вы выдумываете, Афанасій Ивановичъ», молвила она съ прежней стыдливостью, *не стараясь, однако жъ, освободиться изъ объятій поповича.* «Я васъ просила такъ только посидѣть»...

Тутъ послышались на дворѣ (стукъ) говоръ и стукъ въ ворота. Хивря поспѣшно выбѣжала и (вся поблѣднѣвши) *и съ блѣдностью и дрожащими губами* возвратилась.

«Ну, Афанасій Ивановичъ, насъ застукали: кумъ съ возами и дурнемъ моимъ дожидается подъ воротами (и еще) и, какъ кажется, не безъ гостей».

При этомъ словѣ вареникъ остановился въ горлѣ поповича, глаза его *выпучились* (остановились, какъ будто хотѣли вонъ прыгать, хватался за накладенные, навалены подъ потолкомъ на мѣстѣ), какъ будто какой-нибудь выходецъ *съ того* свѣта только что сдѣлалъ передъ тѣмъ ему визитъ свой.

«Что дѣлать, полѣзайте-ка суда, Афанасій Ивановичъ!» кричала испуганая Хивря, указывая на положенныя почти подъ самымъ потолкомъ, на двухъ перекладинахъ, доски, на которыхъ была навалена домашняя поклажа.

Опасность придала духу (нашему) поповичу (и заставила его поднять). Опамятовавшись немного, сталъ, *вскочилъ*, опъ на ноги (на лежанку и потѣснился) и полезъ оттуда осторожно на доски, а Хивря побѣжала немедленно къ воротамъ.

7.

(Цуръ тоби, пекъ тоби).
Отъ таке чортовщины завелося.

Изъ малорос. комедіи.

На ярмаркѣ случилось удивительное произшествіе: все наполнилось слухомъ, что гдѣ-то между товаромъ показалась красная свитка. (Произшествіе видѣнное). Старухѣ, продававшей бубликп, почудился сатана въ костюмѣ ужаспой свиньи, который беспрестанно наклонялся какъ бы ища чего. Это быстро разнеслось по всѣмъ угламъ уже утихавшаго табара, и всѣ считали преступленіемъ не вѣрить этому, несмотря на то, что (бублица)

продавица бубликовъ, которой открытая лавка была рядомъ съ яткою (съ) шипкарки, едва держалась на ногахъ. Къ этому присоединились *еще* увеличенныя вѣсти о чудѣ, видѣномъ волостнымъ писаремъ въ развалившемся сараѣ, такъ что къ вечеру тѣснѣе жались другъ къ другу, спокойствіе разрушилось, и страхъ мѣшалъ всякому сомкнуть глаза свои. Другіе совсѣмъ поубрались, и къ числу послѣднихъ принадлежалъ и нашъ Черевикъ съ кумомъ и дочкою, которые, вмѣстѣ съ проспвшимися къ нимъ *въ хату* гостями, и произвели тотъ сильный стукъ, (который) такъ перепугавшій такъ нашу страстную Хиврю. Кума уже немного поразобрало. Это можно было видѣть изъ того, что онъ два раза объѣхалъ съ своимъ возомъ (хату) *по двору*, покамѣстъ нашелъ хату. Гости тоже были всѣ въ веселомъ расположеніи духа и безъ церемоніи вошли въ хату прежде самого хозяина. (Что) (Су) Дородная супруга нашего Черевика (была) сидѣла какъ на иголкахъ, видѣ какъ гости принялись шарить по всѣмъ угламъ.

«Что, кума!» вскричалъ в(ходящій) *ошедшій* кумъ: «тебя все еще трясетъ лихорадка?»

«Да, не здоровится», отвѣчала Хивря, безпокойно поглядывая на наваленныя подъ потолкомъ доски.

«А, ну, жена, достань-ка тамъ въ возу баклажакъ», говорилъ кумъ къ пріѣхавшей съ нимъ же женѣ: «мы черкнемъ съ добрыми людьми, а то проклятыя бабы такъ (пер) попапугали насъ, что и сказать стыдно... Вѣдь мы, ей Богу, по пустякамъ, братцы, пріѣхали сюда», говорилъ онъ, прихлебывая изъ глиняной кружки. «(Вотъ) я тутъ же ставлю новую шапку свою, если бабамъ не вздумалось посмѣяться надъ нами. (И вотъ явись). Да хоть бы и въ самомъ дѣлѣ сатана, что сатана? Плюйте ему на голову. Хоть *бы* сію минуту вздумалось ему стать (посреди) вотъ здѣсь, *напримѣръ*, передо мною: будь я собачій сынъ, если не поднесъ бы ему кукышъ подъ самой носъ».

«Эге, ге, ге! Отъ чего ты *вдругъ* поблѣднѣлъ весь?»

«Я? во... я?.. Господь съ вами! приснилось, что ли? Мнѣ

только такъ... Нужно бы сходить за нуждою, да пускай уже, *погодя немного*».

Гости усмѣхнулись. Баклажокъ прокатился (вокругъ всего стола) *по всему столу*, и гости сдѣлались еще веселѣе прежняго. Тутъ нашъ Черевикъ (приступилъ къ ку), которо(му) *го любопытство дергало ужасно какъ*, ужасно какъ хотѣлось развѣдать про красную свитку, приступилъ къ куму. «Скажи, будь ласковъ, кумъ. Вотъ прошусь, да и не допрошусь исторію про эту проклятую свитку».

«Эхъ, *кумъ*! Оно бы не годилось росказывать на ночь, да развѣ уже для того, чтобы (позабавить) *угодить тебѣ и* гостямъ нашимъ, которымъ, я примѣчаю, страхъ хочется узнать про эту диковинку. Ну, быть такъ. Слушайте же, что говорятъ люди. Разъ, уже и (за что) *за какую вину, и не знаю*, только выгнали одно чорта изъ пекла»...

«Вотъ, кумъ!» прервалъ Черевикъ: «какъ же могло это статься, чтобы чорта выгнали изъ пекла?»

«Что жъ дѣлать, кумъ! Выгнали, да и выгнули, какъ собаку мужикъ выгоняетъ изъ хату. Можетъ бы на него нашла блажь сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло, ну, и указали двери. Вотъ чорту бѣдному такъ стало скучно, такъ скучно *по пеклѣ*, что хоть до петли. Что дѣлать? Давай съ горя пьянствовать. (И чортъ сталъ такой гуляка. Поселился) *Угнѣздился* въ томъ самомъ сараѣ, которой, видѣлъ, развалился подъ горою и (близъ) мимо котораго ни одинъ добрый человѣкъ не пройдетъ теперь, не (пер) оградя себя крестомъ святымъ. И сталъ чортъ такой гуляка, какого теперь не сыщешь между *всѣми* парубками нашими: съ утра до вечера то и дѣла, что сидитъ въ шинкѣ».

Тутъ опять строгій Черевикъ (нашъ) прервалъ *нашего* раскащика:

«Богъ знаетъ, что говоришь ты, кумъ! Какъ таки можно, чтобы чорта впустилъ кто нибудь въ шинокъ? Вѣдь у него же *есть* и когти на лапахъ и рожки на головѣ».

«Вотъ то-то и штука, что на немъ была всегда шапка и ру-

Государственная
Библиотека
СССР

кавицы. Кто его познаетъ! (Деньги въ карманѣ, такъ и лукавый станетъ Ангеломъ). *Ну*, гулялъ, гулялъ, наконецъ, пришлось до того, что пропилъ все, что (только) имѣлъ съ собою. Шинкарь долго вѣрилъ, наконецъ пересталъ. (Что, нечего дѣлать) Пришлось чорту заложить красную свитку чуть ли не въ треть цѣны (одному) жиду, который (шинковалъ) тогда на Сорочинской ярмаркѣ. Заложилъ и говоритъ ему: «Смотри, жидъ, я пріиду къ тебѣ за свиткой ровно черезъ годъ: береги ее!» и куды дѣлся послѣ того самъ, ни одинъ попъ не знаетъ. Жидъ разсмотрѣлъ хорошенько свитку: сукно такое, что и въ Миргородѣ не достанешь! А красной цвѣтъ *горитъ*, какъ огонь, такъ что (смотрѣ) не наглядѣлся бы! Вотъ жиду показалось скучно дожидаться срока. (Спустя) Почесалъ себѣ пески, да и содралъ съ какого то пріѣзжаго пана мало не двадцать червонцевъ. О срокѣ жидъ и позабылъ совсѣмъ. Какъ вотъ, (тоже такъ) подъ вечерокъ приходитъ какой то человѣкъ: «Ну, жидъ, отдавай-ка свитку мою». Жидъ сначала было и не распозналъ, а послѣ, какъ разглядѣлъ, такъ прикинулся, будто и въ глаза *его* не видалъ: «Какую свитку? У меня нѣтъ никакой свитки. Я знать не знаю твоей свитки». Тотъ, ничего, ушелъ; только въ вечеру, какъ *жидъ, запери свою конуру на замокъ*, перещитавши по сундукамъ (своимъ) деньги, на (пялилъ) *кинулъ* на себя простыню и началъ по жидовски молиться Богу, слышитъ (въ окнахъ) шорохъ. Глядь, во всѣхъ окнахъ повыставлялись свиныныя рыла»...

Тутъ послышался какой неясный звукъ, похожій весьма на хрюканье свиньи. (Раскащикъ поблѣднѣлъ и всѣ гости). Всѣ поблѣднѣли. Потъ выступилъ на лицѣ раскащика.

«Что?» произнесъ въ испугѣ Черевикъ.

«Ничего!»... отвѣчалъ кумъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

«Ась!»... отозвался одинъ изъ гостей.

«Ты сказалъ?»...

«Нѣтъ!»

«Кто жъ это хрюкнулъ!»

«Богъ знаетъ, чего (вы) *мы* переполошились! Никого нѣтъ!»

Всѣ *такъ* боязливо (начали) *стали* обсматриваться вокругъ и начали шарить по угламъ. А Хивря была ни жива, ни мертва.

«Эхъ, вы, бабы, бабы!» произнесла она громко: «вамъ ли козаковать и быть мужьями! Вамъ бы веретено въ руки, да посадить за гребень! Одинъ кто нибудь, можетъ, прости Господи, угрѣшился, а всѣ и метнулись какъ полуумные». Это (заст) привело въ стыдъ нашихъ храбрецовъ и заставило ихъ ободриться. Кумъ хлебнулъ изъ кружки и (сталъ) *началъ* разсказывать далѣе.

«Жидъ обмеръ. Только *однакожъ*, свиныныя чудища повылезали и мигомъ оживили его плетенными тройчатками, заставивши танцовать повыше вотъ этого сволока. Жидъ въ ноги и признался во всѣмъ. Только свитки нельзя было уже воротить скоро. Пана обокралъ на дорогѣ какой то цыганъ и продалъ свитку какой то перекупкѣ; та привезла ее *снова* на Сорочинскую ярмарку, но уже никто не сталъ ничего почти покупать у нее съ того времени (какъ показалась). Перекупка долго дивилась (дивилась), наконецъ (подарп) смекнула: вѣрно, это *виною всему* красная свитка; недаромъ всегда, когда (*надѣвалась*) (возьмешь ее въ руки, чувствовала) вздумывалось ей надѣвать, чувствовала, что ее *все* (*что-то*) давитъ (что-то). (Вотъ въ одно утро, когда затопила). Тотъ же часъ ни мало не медля кинула, *бросила*, ее въ огонь—не горитъ бѣсовская одежда! Перекупка умудрилась, (подкинула ее) подсунула въ возъ одному мужику, вывезшему продавать масло. Дурепь и обрадовался; только масла никто и спрашивать не хочетъ. «Эхъ, недобрыя руки подкинули свитку!» Схватилъ топоръ, изрубилъ ее въ куски. Глядь, и лезетъ одинъ кусокъ къ другому, и снова цѣлая свитка. Перекрестилъ сѣкиру, хватилъ въ другой разъ и куски разбросалъ по всему (тѣлу) мѣсту и уѣхалъ. Только съ тѣхъ поръ каждый годъ и какъ разъ во время ярмарки чортъ съ свиною мордою ходитъ по всей площади и собираетъ куски своей свитки. Теперь, говорятъ, одного только *лѣваго* рукава недостаетъ ему. (Съ тѣхъ) Вотъ уже будетъ лѣтъ съ десятокъ, какъ не было на этомъ мѣстѣ ярмарки. Да нелегкая дернула *теперь* комисара... от...»

Другая половина слова замерла на устахъ раскащика. Окно брякнуло съ шумомъ, стекла, звеня, вылетѣли вонъ, и страшная свиная рожа (выглянула) выставилась, поводя очами, какъ будто спрашивая:

«Что вы тутъ дѣлаете, добрые люди?»

8.

Цуръ тоби! Пекъ тоби! Сатанинске наважденіе!

Ужасъ оковалъ всѣхъ, находившихся въ хатѣ. Кумъ, (разинувъ ротъ) съ разинутымъ ртомъ, превратился въ камень. Глаза его выпучились, какъ будто хотѣли выстрѣлить. Разверстые пальцы остановились въ судорожной недвижности (въ) на воздухѣ. Одинъ изъ гостей, превышавшій всѣхъ прочихъ цѣлою головою и (бывшій) казавшійся всѣхъ прочихъ, въ *непобѣдимомъ* ужасѣ подскочилъ съ мѣста и ударилъ головою объ перекладину подъ потолкомъ. Доски посунулись, и поповичъ съ громомъ и трескомъ полетѣлъ на землю.

«Ай, ай, ай!» кричалъ (онъ) одинъ, повалившись на лавкѣ, болтая въ ужасѣ руками и ногами.

«Спасайте!» (кричалъ) голосилъ другой, (повалившись) закрываясь тулупомъ.

Кумъ, (послѣ), выведенный изъ своего окаменѣнія вторичнымъ испугомъ, (полѣзъ) *спрятался въ судорогахъ* подъ подолъ своей супруги. Высокій храбрецъ полѣзъ въ пѣчь, несмотря на узкое отверзстіе, и самъ задвинулъ себя ослонкою. А Черевикъ, какъ *будто* облитый кипяткомъ (бросался), схвативши *и надѣвши* горшокъ вмѣсто шапки, (бѣжать) *бросился къ дверямъ* и какъ полуумный (очутился посреди улицы) *бѣжалъ по улицамъ*, *не* видя земли подъ *собой*. Усталость заставила его, *однакожъ*, уменьшить немного скорость своего бѣга. Сердце его колотилось какъ мельничная ступа; потъ лилъ градомъ. Въ изнеможеніи готовъ онъ

уже былъ упасть на землю, какъ вдругъ послышалось ему, что съ зади кто то гонится за нимъ. (Чортъ. Дыханіе зажалось) Духъ у него занялся.

«Чортъ! чортъ!» кричалъ онъ, утроивъ силы и (бѣжа) удирая безъ памяти, и черезъ минуту растянулся безсильно на землѣ.

«Чортъ! чортъ!» кричалъ, и онъ (чувствовалъ) *слышалъ* только, *какъ* что то съ громомъ повалилось на него. Тутъ память отъ него улетѣла, и онъ, какъ страшный (жилецъ) (оби) тѣснаго гроба, (лежалъ) *остался* нѣмъ и недвиженъ по середи дороги.

9.

«Слышишь, Власъ!» говорилъ, приподнявшись, одинъ цыганъ изъ толпы другихъ: «возлѣ насъ кто то помянулъ чорта!»

«Мнѣ какое дѣло?» проворчалъ, потягиваясь, лежавшій возлѣ него сосѣдъ: «хоть бы не одного, а всѣхъ своихъ родичей помянулъ. (Мало ли чего не совретъ)».

«Но, вѣдь, такъ закричалъ кто-то, какъ будто душатъ его!»

«Мало ли чего не совретъ человѣкъ?»

«Воля твоя, хоть посмотрѣть нужно. А выруби-ка огня!»

Другой цыганъ, ворча про себя, поднялся на ноги, *два раза* освѣтилъ вокругъ себя, *смуглое лицо,* искрами, будто молніями, (и) раздулъ губами зажегшійся трутъ и съ (свѣтильнею въ рукахъ отправились) *каганцемъ* — обыкновенною малороссійскою свѣтильнею, состоящею изъ (черепка) разбитаго черепка, *налитаго овечьимъ жиромъ,* отправились, освѣщая.

«(Тутъ) *здѣсь* лежитъ что то,» сказалъ одинъ цыганъ: «а посвѣти-ка сюда!»

Тутъ пристало къ нимъ еще нѣсколько человѣкъ.

«Да что лежитъ, Власъ?»

«Да такъ, какъ будто два человѣка: одинъ на верху, другой на низу; который изъ нихъ чортъ, уже я и не распознаю!»

«А кто на верху?»

«Баба».

«Ну, вотъ, это жъ то и есть чортъ».

Всеобщій хохотъ и шумъ разбудили пашихъ мертвецовъ, которые, полные прошедшаго испуга, долго стояли выпучивши глаза, глядя въ ужасѣ на загорѣлыя смуглыя лица (лица) цыганъ, (которые будучи озарены мѣстами), которые, озарившись мѣстами (блѣдно) невѣрно и трепетно горѣвшимъ *огнемъ* и отѣненные чорными всклокоченными волпами, казались дикимъ сонмищемъ гномовъ, окруженныхъ (мракомъ непробудной пустыни) *тяжелымъ* подземнымъ паромъ и (мракомъ) облаками мрака непробудной ночи.

10.

Цуръ тоби, пекъ тоби, сатапинске наважденіе!

Свѣжесть утра вѣяла надъ пробудившимися Сорочинцами. (Пріятный холодъ). Клубы дыма со всѣхъ трубъ понеслись навстрѣчу показавшемуся солнцу. Ярмарка зашумѣла. *Овцы заблеяли, лошади заржали, (гуси за)* (блеянье), ржаніе, блеянье, (крикъ, ревъ, шумъ), *крикъ гусей и перекупокъ, шумъ и говоръ* понеслись снова по всему табору, и (народъ) *страшные* слухи (такъ) про красную свитку, (такъ) (*много*) (напугавшіе) (сильно поди) (произведшіе) *наведшіе* такой страхъ на народъ въ таинственные часы сумерекъ, *казалось*, исчезнулъ вмѣстѣ съ освѣтившимъ міръ утромъ.

Зѣвая и потягиваясь, лежалъ Черевикъ (подъ) у кума подъ крытымъ *соломою* сараемъ вмѣстѣ съ конями и мѣшками муки и пшеницы, и даже (кажется, не хотѣлъ долго), кажется, вовсе не имѣлъ желанія растаться съ своими грезами, какъ вдругъ услышалъ голосокъ такъ же знакомый, какъ *убѣжище лѣни* благословенная пѣчь его хаты и или шинокъ его дальней родички, (къ которому) было, *находившійся въ* не больше десяти шаговъ отъ *роднаго* порога (его хаты).

«Вставай, вставай!» трещала (ему) на ухо нѣжная супруга, дергая его со всей силы за руку.

Солопій, вмѣсто отвѣта, надулъ щеки и началъ болтать руками, подражая барабанному бою.

«Сумашедшій!» закричала она, уклонясь отъ замашки руки его, которою чуть-чуть не задѣлъ онъ ее по лицу.

Черевикъ поднялся, протеръ немного глаза и посмотрѣлъ вокругъ.

«Врагъ меня возьми, если мнѣ не представилась твоя рожа барабаномъ, на которомъ меня (какъ будто) *словно* москаля заставили выбивать зорю тѣ самыя свиныя рожи, отъ (которыхъ) *чихъ* кнутафьевъ (такъ) которыхъ, какъ разказывалъ кумъ, такъ (лихо) лихо, *легко*, плясалось жиду».

«Полно тебѣ чепуху молоть! Ступай, веди кобылу скорѣй на продажу. Стыдъ, (до сихъ поръ не продали еще ничего), пріѣхали на ярмарку, а хоть бы горсть пеньки продали!!..»

«Ты жъ видишь, что я еще не умывался», продолжалъ Черевикъ, (почесы) зѣвая и почесывая спину, и старялсь между прочимъ выиграть время для своей лѣни.

«Вотъ некстати (захотѣлось бы) пришла блажь быть чистоплотнымъ! Когда это за тобою водилось? Ступай! Ступай! Вотъ рушникъ, оботри свою моску.»

Тутъ она схватила что-то сверпутое въ комокъ и съ ужасомъ бросила (на зе) (прочь) на землю: это былъ красный (бла) обшлагъ изъ свитки.

«Ступай, дѣлай свое дѣло», повторила *она*, собравшись съ духомъ, своему (сожителю) *покорному* супругу, котораго волосы поднялись дыбомъ и зубы (бились) *колотились* одинъ о другой.

«Будетъ продажа теперь!» ворчалъ онъ самъ себѣ, (прово) (ведя отъ) вязывая кобылу и ведя ее на площадь. «Недаромъ (у меня на), *когда я собирался на* эту ярмарку, огниво попало подъ колесо и волы два раза поворачивали сами домой. Неугомонецъ и чортъ проклятый: поспалъ бы уже свитку безъ одного рукава; (*такъ* нѣтъ), такъ нѣтъ, нужно же добрымъ людямъ не давать

покою. Будь я чортъ, чего Боже оборони, сталъ ли бы я таскаться ночью за проклятыми лоскутьями?»

Тутъ философствованіе нашего Черевика прервано было толстымъ и рѣзкимъ голосомъ:

«А что продаешь, добрый человѣкъ?»

Передъ нимъ стоялъ (высокій) знакомый и высокій цыганъ. Продавецъ нашъ помолчалъ, посмотрѣлъ на него съ ногъ до головы, и не выпуская изъ рукъ узды, сказалъ съ спокойнымъ видомъ, не выпуская изъ рукъ узды:

«Самъ видишь, что продаю».

«Ремешки?» спросилъ цыганъ, поглядывая на находившуюся въ рукахъ его узду.

«Да, ремешки, если только кобыла похожа на ремешки».

«(Ты ее) Однакожъ,' чортъ возьми, землякъ, ты, видно, ее соломою кормишь!»

«Соломою?»

Тутъ Черевикъ хотѣлъ было потянуть узду, чтобы провести свою кобылу *и обличить во лжи безстыднаго,* но рука его съ необыкновенною легкостью чуть (было) не ударилась его (по затылку) *въ подбородокъ*: *вмѣсто кобылы одна* перерѣзанная узда (оставалась) *въ ней* и къ ней (привязанъ) *привязанъ былъ*—волосы поднялись дыбомъ!—кусокъ краснаго рукава! (Плюнувъ) Три раза плюнувъ, крестясь и махая рукавами, побѣжалъ онъ опрометью отъ неожиданнаго подарка и быстрѣе парубка пропалъ въ толпѣ.

11.

За моежъ жито, та мене и побыто.

Пословица.

«Лови! лови его»! кричало нѣсколько хлопцевъ въ тѣсномъ концѣ улицы, и Черевикъ (вдругъ) нашъ вдругъ почувствовалъ себя схваченнымъ дужими руками.

«Вязать его! Это тотъ самый, который укралъ у добраго (Черевика) *человѣка* кобылу».

«(Богъ) *Господь* съ вами, *за что* вы меня вяжете?»

«Онъ же и спрашиваетъ! *А* за что ты укралъ кобылу у заезжаго мужика Черевика?»

«(Богъ знаетъ что) Съ ума спятили вы, хлопцы! Гдѣ таки видано, чтобы человѣкъ самъ у себя кралъ что нибудь?»

«Старая штука! Зачемъ бѣжалъ ты во весь духъ, какъ будто бы самъ сатана за тобою *по пятамъ* гнался?»

«Поневолѣ побѣжишь, когда сатанинская одежда...»

«*Э*, голубчикъ, (проведы) не до шенька прыскочивъ! Обманывай другихъ этимъ. Будетъ еще тебѣ отъ комисара за то, чтобъ не пугалъ чертовщиною людей...»

«Лови! Лови его!» послышался крикъ на другомъ концѣ улицы.

«Вотъ еще одинъ бѣглецъ! Держите его, братцы, покрѣпче».

Тутъ глазамъ нашего Черевика представился кумъ въ самомъ жалкомъ положеніи, ведомыми, съ закрученными назадъ руками, нѣсколькими хлопцами.

«Тутъ чудеса завелись!» говорилъ одинъ изъ нихъ: «послушали бъ вы, что говоритъ этотъ мошенникъ, на котораго глянь только, (такъ узнаешь) *угадаешь*, что воръ. Когда стали спрашивать: отъ чего бѣжалъ онъ, какъ полоумный? — (хотѣлъ, говоритъ) «полѣзъ», говоритъ, «въ карманъ табаку понюхать, только вмѣсто тавлинки, *глядь*, вытащался кусокъ (красной) *чортовой* свитки, отъ которой вспыхнулъ красный огонь», и онъ давай Богъ ноги!»

«Эге, ге! Да это изъ одного гнѣзда оба! Вязать ихъ обѣихъ вмѣстѣ!»

12.

Чимъ, люди добрые, я винепъ передъ вами?
За що глузуете вы надо мною такъ?
За що, за що? тай попустывъ патіоки,
Патіоки гиркихъ слизъ, узявшися за боки.

«Можетъ быть, ты въ самомъ дѣлѣ, кумъ, подцѣпилъ что нибудь?» Спросилъ Черевикъ, лежа связанный (вмѣстѣ съ кумомъ) вмѣстѣ съ кумомъ (на солом) подъ соломенною яткою.

«И ты туда *же*, кумъ! Чтобы мнѣ отсохпули руки и ноги, если я когда (нибудь) *либо* кралъ что нибудь, кромѣ пирога съ варепой капустой, когда мнѣ было десять лѣтъ *еще* отъ роду».

«За что же эта, кумъ, на насъ напасть такая? Тебѣ еще ничего: тебя винятъ еще по крайней мѣрѣ за то, что укралъ у другаго; за что же мнѣ, непорабку, (кто видалъ на свѣтѣ) *не добрый* поклепъ, (да еще) будто бы (укралъ) у самого себя *стянулъ* кобылу? Видно, намъ, кумъ, по роду уже написано быть (горемыками)».

«Горе (спротамъ) бѣдпымъ намъ, спротамъ!»

Тутъ оба кумы припялись вслипывать на взрыдъ, разсуждая о суетѣ міра сего. (Какъ вдругъ вошедшій *въ это время* потихоньку Грицько помѣшалъ излитію горести).

«Что это съ тобою, Солопій?» сказалъ вошедшій *въ это время* Грицько. «Кто это такъ связалъ тебя?»

«А, здорово, Охримовъ сынъ!» вскричалъ Солопій, обрадовавшись. «Слава Богу, хоть тебя удалось мнѣ видѣть. Вотъ, какъ видишь, наказалъ Богъ, видно, за то, что провинился предъ тобою. Прости, добрый человѣкъ! Ей Богу, радъ бы былъ здѣлать, что прикажешь. Въ старухѣ моей дьяволъ сидитъ...»

(«Чтожъ», прервалъ его другой узникъ).

«Полно, Солопій, говорить объ этомъ. Что было, то (про) было», говорилъ парубокъ: «*не злюсь я.* Ты можешь снова свести дѣло на ладъ... (сегодня) свадьбу да и попируемъ такъ, чтобы и дальніе люди знали!»

«Славно, ой, славно!» сказалъ Черевикъ, ударивъ: «чортъ возьми, если мнѣ не такъ же стало весело, какъ (будто) *когда бы* мою (вѣдьму) ехидную старуху москали увезли! Да что смотрѣть, годится или негодится такъ! Сегодня свадьба да и концы въ воду!»

«Смотрижъ, Солопій: черезъ часъ я буду къ тебѣ, а теперь ступай, тамъ ожидаютъ *тебя* покупщики твоей пшеницы и кобылы».

«Какъ! Развѣ кобыла нашлась?»

«Нашлась!»

Черевикъ отъ радости остался неподвиженъ, глядя вслѣдъ уходившему Грицьку.

«Что, Грицко, худо мы здѣлали свое дѣло?» сказалъ высокій цыганъ спѣшившему парубку: «Волы мои теперь?»

«Твои! твои!»

13.

Не бійся, матинко, не бійся,
Въ червоные чобитки обуйся,
Топчи вороги
(Пидъ ноги)
Пидъ ноги,
Щобъ твои пидкивки
Брезчалы,
Щобъ твои вороги
Мовчалы.

Свадебная пѣсня.

(Призадумалась) Подперши локтемъ хорошеньк(ую)*ій* (головку) *подбородокъ свой,* (сидѣла) *задумалась* Параска за столомъ, *передъ столомъ,* въ хатѣ. *Много грезъ обвивалось около русой головы.* Иногда вдругъ легкая улыбка (подымала) трогала ея алыя губки, и какое-то радостное чувство подымало темныя ея брови, то снова облако задумчивости опускалось на *ея* карые свѣтлые очи.

«Ну, что, если не будется то, что говорилъ онъ?» шептала она съ какимъ *то* выраженіемъ сомнѣнія на лицѣ своемъ.

«Ну, что, если меня не видадутъ? (Да и то) *Ну, что, если*, можетъ, нѣтъ, этого (никогда) *не будетъ!* Мачиха дѣлаетъ все, что только ей вздумается: развѣ (и я не женщина развѣ) и я не могу сдѣлать того, что мнѣ вздумается? (Вотъ какія еще новости) Упрямства-то и у меня достанетъ. Как(ъ)*ой* же онъ хорошій! Какъ чудно горятъ его чорные очи! Всѣ бы смотрѣла (въ глаза) *на него!* Какъ идетъ къ нему бѣлая свитка! Жаль, что у него не слишкомъ яркой поясъ; ну, да я ему вытку послѣ (шерсти) изъ шленской шерсти, а можетъ быть даже изъ гарусу», водбоченясь продолжала, вынимая изъ-за пазухи карманное зеркало, *маленькое зеркало, обклеенное красною бумагою*, и глядясь въ него съ тайнымъ удовольствіемъ: «когда я встрѣчусь тогда съ ней, я ей ни за что не поклонюсь, хоть она себѣ тресни. Нѣтъ, мачиха, полно тогда бить тебѣ свою падчерицу. Скорѣе (послѣ дождя зацвѣтетъ) на камнѣ пѣсокъ взойдетъ и дубъ (буде) (станетъ) будетъ гнуться въ воду, (нежели) чѣмъ я тебѣ кивну головою. Да, (вотъ тебѣ) я и позабыла примѣрить къ себѣ очипокъ, посмотрѣть, какъ то онъ, какъ то *она* идетъ ко ко мнѣ?»

Тутъ встала она и, держа въ рукахъ зеркальце и наклонясь къ нему головою, трепетно шла по хатѣ, (видя подъ собою), какъ будто бы опасаясь (беспрестанно) упасть, видя подъ собою, вмѣсто полу, потолокъ съ накладенными подъ нимъ досками, съ которыхъ низринулся поповичъ, и полки, уставленныя горшками.

«Что я, въ самомъ дѣлѣ, какъ будто (малепькое) дитя маленькое», вскричала она смѣясь: «боюсь ступить ногою!»

И начала притопывать ногами, все, чемъ далѣе, смѣлѣе, смѣлѣе, наконецъ, лѣвая рука ея опустилась и уперлась въ бокъ, и она пошла та цовать, (все же) держа передъ собою зеркало, напѣвая любимую свою пѣсню:

Зеленепькій барвиночку,
Стелися низенько!

А ты, мылый, чернобрывый,
Присунься близенько!
Зелен б

Черевикъ заглянулъ въ это время въ дверь и, нашедъ свою дочь танцующею передъ *маленькимъ* зеркаломъ, остановился (и смѣя), смѣясь невиданному капризу дѣвушки, которая задумавшись, *казалось*, не (могла) примѣчала ничего; но когда *же* услышалъ знакомые звуки пѣсни, всѣ жилки зашевелились въ немъ: гордо подбочинившись, выступилъ онъ впередъ и пустился въ присядку, позабывъ и зачемъ пришелъ (опъ) и всѣ дѣла свои. Тутъ громкій хохотъ кума заставилъ (ихъ) *обоихъ* вздрогнуть.

«(Эхъ, чудеса, хорошо!) *Ладно!* Батько съ дочкой (заранѣ) *затѣяли* сами свадьбу. Ступайте *скорѣе*: женихъ пришелъ».

(Солоній нашъ вспомнилъ) Параска, *при послѣднемъ словѣ*, вспыхнула ярче алой ленты, повязывавшей ея голову, а простодушный ея *отецъ* вспомнилъ, зачемъ пришелъ.

«Ну, дочка, (спѣ) пойдемъ скорѣе! Хвря, (тебя) отъ радости что я продалъ кобылу, побѣжала какъ лисица, повиливая хвостомъ, закупать себѣ плахтъ и дерюгъ всякихъ, такъ нужно до приходу ее все кончить».

Не успѣла она выступить изъ порога *хаты*, какъ почувствовала себя въ объятіяхъ парубка въ бѣлой свиткѣ съ чорными очами, *который давно уже стоялъ на улицѣ, окруженный танцующими.*

«Боже, благослови!» сказалъ отецъ, складывая ихъ руки: «Пусть ихъ живутъ, какъ вѣнки вьютъ[1])!»

Шумъ послышался въ народѣ.

«Я скорѣе трѣсну, нежели допущу до этого!» кричала сожительница нашего Черевика, которую съ хохотомъ не допускала шумная толпа въ середину.

«Не бѣсись, не бѣсись, жинка!» говорилъ хладнокровно Черевикъ, видя, что пара дужихъ цыганъ овладѣла ея руками: «что сдѣлано, то сдѣлано; я перемѣнять ужъ не люблю»...

---

1) Обыкновенное привѣтствіе у Малороссіянъ попобрачнымъ.

«Нѣтъ, пѣтъ!» кричала Хивря: «этого-то не будетъ!»

Но никто не слушалъ. (Толпа) Нѣсколько паръ обступило новую пару и составляло непроницаемую танцующую стѣнку около нее.

Странное чувство овладѣвало душею зрителя, (видя) когда отъ одного удара смычка деревенскаго музыканта, все обратилось, *волею и неволею*, къ единству и превратилось въ согласіе. Угрюмыя лица, на которыхъ, казалось, вѣкъ не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами. Все неслось, все танцовало. *Но, казалось, не лишены были чувства.* Но страннѣе всего было видѣть старушекъ, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіе могилъ, между новымъ, смѣющимся. Безпечныя! даже безъ дѣтской радости, безъ искры живаго, которыхъ *одинъ* хмѣль только, какъ механикъ свого безжизненного автомата, заставилъ (показа) дѣлать что то подобное человѣческому, они *тихо* покачивали охмѣлѣвшими головами и плелись, подтанцывая за веселившимся народомъ, не обращая даже глазъ на молодую чету. И на развалинѣ и на гробѣ зеленѣетъ и лѣпится мохъ, какъ будто бы, *улыбается*, самое разрушеніе (показыва) можетъ улыбаться.

Толпа вереницей *шумно* передвигалась и уходила, какъ тѣни волшебнаго фонаря. Шумъ, *громъ*, хохотъ, пѣсни (казалось) слышились тише и тише. Смычокъ умиралъ, слабѣя и тѣряя *неясныя* звуки въ пустотѣ воздуха. Еще слышалось гдѣ то топанье и что то похожее на ропотъ отдаленнаго моря, и скоро все стало пусто и глухо.

Не такъ ли и радость, (быстрая), прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думатъ выразить веселье. Въ собственномъ эхѣ слышитъ уже онъ (печаль) *грусть* и пустыню (и съ ужасомъ ему) *и дико* внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности, по одиночкѣ, одинъ за однимъ, тѣряются по свѣту и оставляютъ, наконецъ, одного старинаго брата ихъ? Скучно оставленному! И (жалко) *тяжело* и грустно сердцу, и нѣчемъ помочь ему!

Майская ночь.

Рукопись разсказа «Майская ночь», писанная самимъ Гоголемъ, сохранилась среди другихъ бумагъ у его наслѣдниковъ и въ настоящее время принадлежитъ Московскому Публичному и Румянцовскому Музеямъ, гдѣ хранится въ Отдѣленіи рукописей подъ № 3211.

Рукопись состоитъ изъ двухъ цѣльныхъ листовъ и двухъ вторыхъ полулистовъ отъ двухъ листовъ писчей бумаги 1829 года. Несохранившіяся первыя половинки двухъ послѣднихъ листовъ, можно предполагать, и содержали въ себѣ вторую половину четвертой главы, слѣдующую за пѣсней парубковъ, и всю пятую главу, оригиналы которыхъ совсѣмъ не уцѣлѣли среди автографовъ Гоголя.

Каждый полулистъ рукописи помѣченъ краснымъ карандашомъ, при чемъ счетъ полулистовъ непосредственно продолжается за повѣстью «Сорочинская ярмарка», и оба произведенія Гоголя занимаютъ четырнадцать полулистовъ, представляя собою все, что отъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» сохранялось въ рукописяхъ Гоголя на отдѣльныхъ листахъ.

Подробное описаніе рукописныхъ листовъ «Майской ночи» уже имѣется въ первомъ томѣ десятаго изданія сочиненій Н. В. Гоголя (стр. 536—537)[1]).

---

1) Описаніе рукописи «Майской ночи» въ седьмомъ томѣ того же десятаго изданія (стр. 892) можетъ вызвать недоумѣніе. Редакторъ седьмого тома говоритъ, что онъ видѣлъ только «два» листа рукописи: «на одномъ написано

Текстъ рукописи «Майской ночи» значительно отличается отъ ея печатнаго текста. На отличія эти уже было обращено вниманіе при напечатаніи разсказа въ первомъ томѣ десятаго изданія (стр. 52—80). Въ «Примѣчаніяхъ редактора и варіантахъ» къ этому тому приведены разночтенія и рукописнаго текста (стр. 537—539). Но приведенныя здѣсь разночтенія далеко не исчерпываютъ всѣхъ имѣющихся въ рукописи Гоголя.

Всего разночтеній рукописнаго текста приведено въ первомъ томѣ 16, что не составляетъ и одного разночтенія на каждую изъ 20 печатныхъ страницъ уцѣлѣвшей въ рукописи части разсказа. Въ дѣйствительности, при сравненіи текстовъ рукописнаго и печатнаго, можно найти разночтеній значительно больше. Такъ, къ первой печатной страницѣ разсказа (стр. 52 въ первомъ томѣ десятаго изданія) можно привести изъ рукописи 20 разночтеній, не считая трехъ, приведенныхъ въ первомъ томѣ; ко второй (стр. 53 въ первомъ томѣ) — 39, не считая двухъ, приведенныхъ въ первомъ томѣ; къ третьей (стр. 54 въ первомъ томѣ) — 33, не считая трехъ, приведенныхъ въ первомъ томѣ; къ четвертой (стр. 55 въ первомъ томѣ) — 42, не считая того одного разночтенія, которое приведено въ первомъ томѣ, и т. д. Такимъ образомъ, особенности рукописнаго текста указаны въ десятомъ изданіи въ самомъ незначительномъ количествѣ и, можно сказать, въ цѣломъ своемъ объемѣ остаются неизвѣстными и неиспользованными въ нашей литературѣ.

Обращаясь къ характеристикѣ этихъ особенностей, прежде

начало повѣсти; послѣ заглавія написано Гоголемъ: «Ганна»; на другомъ полулистѣ написана послѣдняя глава, озаглавленная «Пробужденіе»». Здѣсь какая то загадка. Редакторъ перваго тома среди бумагъ наслѣдниковъ Гоголя нашелъ и видѣлъ всѣ уцѣлѣвшіе листы «Майской ночи». Румянцовскій Музей, получившій бумаги наслѣдниковъ по окончаніи десятаго изданія, тоже нашелъ и хранитъ всѣ уцѣлѣвшіе листы «Майской ночи». Совершенно непонятно, почему не нашелъ и не видалъ ихъ редакторъ седьмого тома, когда они несомнѣнно были среди тѣхъ бумагъ, которыми онъ пользовался при изданіи. Вѣдь Румянцовскій Музей нашелъ ихъ именно среди того хаоса бумагъ, который доставленъ ему по выходѣ въ свѣтъ седьмого тома сочиненій Гоголя.

всего приходится замѣтить въ рукописномъ текстѣ присутствіе малороссійскихъ словъ и выраженій, которыя потомъ, въ печатномъ текстѣ уже совсѣмъ не встрѣчаются: а бы..., присьба, запаска, юшка, доню, батенько, неня и т. п. Это наличіе оборотовъ разговорнаго языка дѣйствующихъ лицъ свидѣтельствуетъ о художественной необработанности литературнаго стиля разсказа. Еще болѣе убѣждаютъ въ этомъ тѣ особенности рукописнаго текста, которыя касаются преимущественно его слога. Во множествѣ предложеній, простыхъ и сложныхъ, этого текста встрѣчается совсѣмъ не та разстановка частей предложенія, которая принята потомъ въ печатномъ текстѣ разсказа: «чтобы насъ не увидалъ кто—чтобы насъ кто не увидалъ»; «и холодомъ повѣяло—и повѣяло холодомъ»; «крадется къ ней чорная кошка—черная кошка крадется къ ней»; «говорилъ парубокъ, обнимая ее и садясь вмѣстѣ съ нею на присьбѣ у дверей хаты, выпустивъ изъ рукъ бандуру, которая висѣла на ремнѣ у него на шеѣ—говорилъ парубокъ, обнимая ее, отбросивъ бандуру, висѣвшую на длинномъ ремнѣ у него на шеѣ, и садясь вмѣстѣ съ нею у дверей хаты» и др. Выраженія рукописнаго текста во многихъ случаяхъ гораздо распространеннѣе выраженій печатнаго; напримѣръ: «у дѣвушекъ нечистый духъ сидитъ, который подстрекаетъ ихъ знать то, чего не слѣдуетъ—у дѣвушекъ сидитъ чортъ, подстрекающій ихъ любопытство»; «по пруду вертѣлись гдѣ-то искры—прудъ тронулся искрами»; «холодъ и мракъ воды его какъ будто угрюмо заключены въ темно-зеленыя стѣны, теряются въ садахъ, обнимающихъ со всѣхъ сторонъ его темными стѣнами своими—холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темно-зеленыя стѣны садовъ»; «подходя... къ... хатѣ, увѣнчанной вишневыми деревьями—хатѣ съ вишневыми деревьями» и т. п.

Но если строй рѣчи и порядокъ повѣствованія требовали бо́льшей распространенности, то для ясности и стройности изложенія Гоголь сокращенный рукописный текстъ потомъ для печати распространялъ и вводилъ въ него новыя предложенія и

отдѣльныя слова. Таковъ разсказъ Левка о панночкѣ. Въ печатномъ текстѣ онъ значительно упорядоченъ, правильнѣе расположена его хронологическая послѣдовательность, добавлены нѣкоторыя новыя подробности, и, въ общемъ, онъ значительно выигралъ въ своей художественной обработкѣ.

Какъ на примѣръ пространнаго описанія въ рукописномъ текстѣ и наиболѣе сокращеннаго въ печатномъ, можно указать на начало четвертой главы подъ названіемъ «Парубки гуляютъ». Въ печатномъ обширное и сложное описаніе замѣнено однимъ краткимъ предложеніемъ:

Рукописный текстъ:

«Блистательный мѣсяцъ, прогуливаясь въ необъятныхъ пустыняхъ своего неба и не налюбуясь красавицею землею, раздумно остановился надъ хатою, которой неровныя окна однѣ только свѣтились среди уснувшихъ улицъ, какъ будто спрашивая: «какіе это люди осмѣлились при моемъ серебряномъ свѣтѣ разводить презрѣнный и непріятный для глазъ огонь свой». Это жилище головы».

Печатный текстъ:

«Одна только хата свѣтилась еще въ концѣ улицы. Это жилище головы».

Впрочемъ, въ одномъ случаѣ сокращеніе въ печатномъ текстѣ произведено было, повидимому, не художническою рукой Гоголя. Голова, послѣ разсказа винокура о подавившемся галушкой, замѣчаетъ: «Я слыхалъ что-то похожее еще за покойницу»... Такъ въ печатномъ текстѣ. Въ рукописномъ это замѣчаніе совершенно ясно и прямо относится къ излюбленному воспоминанію головы: «Я помню, слыхалъ что то похожее на это. Еще за покойницу царицу...»

Повидимому, это единственное мѣсто, гдѣ преимущество остается за рукописнымъ текстомъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ особенности рукописнаго текста разсказа не говорятъ о высокой степени его художественной обработки. Напротивъ, по сравненію съ текстомъ печатнымъ, онъ представляется однимъ изъ первоначальныхъ набросковъ разсказа, художественный стиль котораго еще далекъ до законченной формы печатнаго. Во всякомъ случаѣ особенности эти такъ значительны, что представляется вѣроятнымъ существованіе еще одной редакціи разсказа. Между редакціей, сохранившейся въ рукописи, и редакціей печатной, повидимому, была еще рукописная редакція, съ которой и производился наборъ разсказа для печатнаго изданія. Гоголь, много работавшій надъ своими произведеніями, несомнѣнно, нѣсколько разъ принимался за обработку и своего разсказа «Майская ночь». Такимъ образомъ, и въ рукописномъ текстѣ «Майской ночи», какъ и въ рукописномъ текстѣ «Сорочинской ярмарки», до насъ сохранилась одна изъ первоначальныхъ формъ Гоголевскаго созданія.

И на этомъ текстѣ видна громадная творческая работа поэта. И этотъ текстъ представляетъ собою два наслоенія: одно содержитъ текстъ первоначальной работы Гоголя, а другое представляетъ собою передѣлки, дополненія и исправленія перваго. Какъ и въ рукописи «Сорочинской ярмарки», первый текстъ во многихъ мѣстахъ зачеркнутъ самимъ Гоголемъ, и надъ зачеркнутыми словами и строками имъ же вписаны исправленія и дополненія, уже болѣе близкія къ тексту печатному.

Для того чтобы можно было прослѣдить за этою работой Гоголя, мы печатаемъ текстъ различными шрифтами: текстъ первоначальный набранъ прямымъ шрифтомъ и въ скобки поставлены всѣ слова зачеркнутыя самимъ Гоголемъ; курсивомъ набраны его дополненія и исправленія, вписанныя имъ надъ строками, и здѣсь слова зачеркнутыя поставлены въ скобки. Въ прямыя скобки поставлены слова, поставленныя самимъ поэтомъ въ скобки, а слова, имъ самимъ подчеркнутыя, набраны съ разрядкой.

Майская ночь.

Врагъ ёго Батька знае! Начнуть що робыть люды хрещены, то мурдуюцця, мурдуюцця, мовъ хортъ за зайцемъ, а (все) *усе* щось не до шмыгу. Толькыжъ куды чортъ усупецця, то верть хвостыкомъ, такъ деи возмецця все мовъ зъ неба.

Ганна.

Звонкая пѣсня лилась рѣкою по улицамъ села ***. Было то время, когда утомленные отъ дневныхъ трудовъ и заботъ парубки и дѣвушки шумно собирались въ кружокъ (выливать сво), въ блескѣ чистаго вечера, выливать свое веселье въ звуки, всегда неразлучные съ унынъемъ. И вѣч(ѣ)еръ, вѣчно задумавшійся, мечтательно обнималъ синѣе небо (и, казалось, превращалъ), преобращая все въ неопредѣленность и даль. Уже и сумерки; а пѣсни все не утихали. Съ бандурою въ рукахъ пробирался ускользнувшій отъ пѣсельниковъ молодой казакъ *Левко*, сынъ сельскаго головы (Левко Мокогонъ). На козакѣ решетиловская шапка. Козакъ идетъ по улицѣ, бренчитъ рукою по струнамъ и подътанцываетъ. Вотъ онъ тихо остановился передъ дверью одно хаты. (Что эта за) *Чья же это* хата? Чья это дверь? Послѣ минутнаго молчанія *тихо* заигралъ онъ и запѣлъ:

Сонце нызенько, вечеръ блызенько,
Выйди до мене, мое серденько!

«Нѣтъ, видно, крѣпко заспула моя яспоокая красавица», сказалъ козакъ и приближился (поближе) къ окну. «Галю, Галю! Ты спишь? Ты не хочешь выйти ко мнѣ? (Небойся, никого нѣтъ на дворѣ, улицѣ, вечеръ теперь). Ты боишся, вѣрно, чтобы насъ не увидалъ кто, (ты боишся) или не хочешь показать бѣлое ли-

чико на холодъ? Не бойся: никого нѣтъ; вечеръ теплъ. А естли бы и (былъ кто) показался *кто*, прикрою тебя своею свиткою, обмотаю своимъ поясомъ, закрою руками тебя, и никто насъ не увидитъ. А бы (и вѣтеръ поднялся) *и холодомъ повѣяло*, я прижму тебя поближе къ сердцу, отогрѣю поцелуями, надѣну шапку свою на твои бѣленькіе ножки. Сердце мое! Рыбка моя! Ожерелье! Выглянн на минутъ, просунь сквозь окошечко хоть бѣлую ручку свою... Нѣтъ, ты не спишь, Гордая Дѣвчина!» (сказалъ) проговорилъ онъ громче и (какъ будто) такимъ голосомъ, какимъ выражает(ъ)*ся себя* (рѣчь свою доведенный до, *устыдившійся своего мновеннаго* униженія) устыдившійся мгновеннаго униженія: «Тебѣ любо издѣваться надо мною; прощай!»

Тутъ онъ (оберпулся) отворотился, насунулъ на бекрень свою шапку и гордо отошелъ отъ окошка, тихо перебирая струны бандуры. (Дверь заскрыпѣла) Въ это время деревяная ручка у Двери стала *за* шевели(ться)*лась*, *завер.* Дверь разпахнулась со скрыпомъ, и дѣвушка на порѣ сѣмнадцатой весны, обвитая (су) (мечтательны) сумерками, (оглядыва) робко оглядываясь и не выпуская изъ руки деревяной ручки, переступила черезъ порогъ. (Сквозь) *въ* полумрак(ъ)ѣ горѣли привѣтно, будто двѣ звѣздочки, свѣтлые *очи*, блистало красное кораловое монисто, (и лице рдѣлось и пылало, какъ шелкъ) (но на лицѣ, вѣрно бы, никто не примѣтилъ) и (для) отъ орлиныхъ очей парубка не могла укрыться даже краска, стыдливо вспыхнувшая на щекахъ ея.

«Какой же петерпѣливой», (шопотомъ) (*про*) говоряла *она ему* въ полголоса: «уже и разсердылся... *Зачемъ непремѣнно такъ хочется теб.* Толпа народу шатается то и дѣла (на) по улицамъ... Я вся дрожу»...

«О, не дрожи, моя красная калин(у)очка! Прижмись ко мнѣ покрѣпче», говорорилъ парубокъ, обнимая ее и садясь вмѣстѣ съ нею на присьбѣ у дверей хаты, выпустивъ изъ рукъ бандуру, которая висѣла на ремнѣ у него на шеѣ. «Ты знаешь, что мнѣ и часу не видать тебя горько».

«(Только мнѣ кажется) Знаешь ли, что я думаю?» сказала дѣвушка, задумчиво потопивъ въ него свои очи. «Мнѣ все (чудит) что-то какъ будто на ухо твердитъ, что (пользя будетъ такъ) *не видаться намъ (впередъ) такъ* часто (видѣться). Недобрые у васъ люди: (всѣ) Дѣвушки всѣ глядятъ такъ завистливо, а парубки... Я примѣчаю даже, что мать моя съ недави(яго)ей (врем)поры стала (строже) *суровье* приглядывать за мною. Признаюсь, мнѣ веселѣе у чужихъ было».

Кое то трогательное движеніе тоски выразилось на лицѣ ея при послѣднихъ словахъ.

«*Только* Два мѣсяца въ сторонѣ и родной, а уже прискучила! Можетъ, *и* я тебѣ (уже) надоѣлъ, ди...?»

«О, ты мнѣ не наскулъ», молвила она усмѣхнувшись.

«Я тебя люблю, чернобровой казакъ! За то люблю (тебя), что у тебя карые очи и какъ (выведешъ ты ими на меня) *поглядишъ ты ими на меня*, у меня какъ будто на душѣ усмѣхается, и весело, и чудно ей, что (такъ) привѣтливо моргаешъ ты чорнымъ усомъ своимъ, что ты идешъ по улицѣ, *поешъ*, играешъ на бандурѣ, и любо слушать тебя».

«О, моя милая дѣвушка!» вскрикнулъ (козакъ) парубокъ, *съ огнемъ радости въ глазахъ*, целуя и прижимая сильнѣе ее къ груди своей.

«(Полно) Постой, полно, Левко! Скажи напередъ, говорилъ ли ты съ отцемъ своимъ?»

«Что?.. *Да*, (говорилъ, говор)» (ска), скалъ онъ, будто проснувшись. «*Да, что я хочу жениться на тебѣ, а ты выйти за меня замужъ*. Говорилъ, говорилъ», (какъ) но какое то унывное (удареніе отразилось на этомъ словѣ), *но какъ то унывно зазвучало въ устахъ его это слово: «говорилъ»*.

«Что же?»

«Что станешь дѣлать съ нимъ? Притворился, старый хрѣнъ, по своему обыкновенью глухимъ, *ничего не слышитъ и еще* бранитъ, что таскаюсь Богъ знаетъ гдѣ, *повѣсничаю и гуляю съ хлопцами по улицамъ*. Но не тужи, моя (неня красна) Галю!

(Что бы не было) *Вотъ слово козацкое*, что я (его) уломаю его».

«Я вѣрю тебѣ, Левко! Тебя (вѣрно) всякой послушаетъ (что ты не скажешъ). Я по себѣ это знаю: иной разъ, кажется, не послушала бы тебя, а скажешь слово — невольно (дѣлается) *дълаю то*, что тебѣ угодно. Посмотри, посмотри!» продолжала она, (указывая) положивъ голову на плечо ему и поднявъ глаза въ верхъ, гдѣ необъятно синѣло теплое украинское небо, (не мно) завѣшенное съ низу кудрявыми вѣтвями стоявшихъ передъ нимъ вишенъ. «Посмотри, вонъ (далеко) вонъ далеко мелькануля звѣздочка одна, другая, третія, четвертая, пятая.... Не правда ли, вѣдь это Ангелы Божіе поотворяли (свои) окош(ки)ечки (на небѣ) своихъ свѣтлыхъ домиковъ на небѣ и глядятъ *на* насъ? Да, Левко? Вѣдь это они глядятъ на на нашу землю? Какъ широко, какъ раздольно тамъ вверху! Что бы, если бы у людей были крилья, какъ у птицъ, туда бы полѣтѣть высоко, высоко. Ухъ, страшно! Ни одинъ дубъ у насъ не достанетъ до неба, а, говорятъ, однакоже, есть гдѣ-то въ какой-то далекой землѣ такое дерево, которое уходитъ вершиною въ самое небо, и Богъ сходитъ по немъ на землю ночью передъ самымъ свѣтлымъ праздникомъ...»

«Нѣтъ, Галю, у Бога есть длинная лѣсница отъ неба до самой земли, и ставятъ ее передъ воскресеніемъ святые Архангелы, и какъ только Богъ ступитъ на первую ступеньку, и все нечистые духи стремглавъ полетятъ отъ земли и кучами попадаютъ въ пекло, и отъ того на (свѣтлой) воскресеніе Христово ни одного чорта не бываетъ на землѣ».

«(Но) Какъ тихо (стоитъ прудъ) (*дрожитъ вода*) *колышется вода*, какъ будто дитя въ люлькѣ», продолжала Ганна, указывая на прудъ, *угрюмо* обставленный темнымъ кленовымъ лѣсомъ, (оплакиваемый жалобными) *вербами*, потопившими въ немъ жалобныя свои вѣтви. (Заключаемый) *Какъ безсильный старецъ держитъ* въ холодныхъ объятіяхъ своихъ Далекое, темное небо, обсыпая ледяными поцѣлуями огненые звѣзды, которые тускло

рѣяли середи теплаго океана ночнаго воздуха, предчувствуя появленіе (новаго) *блистательнаго* царя ночи. Возлѣ лѣса, на пригоркѣ Дремалъ съ закритыми ставнями *старый* деревянный домъ; кудрявые яблони разрослись передъ его окнами; (за) лѣсъ (захватывалъ) (*обхватывалъ*), *обнимя* его *своею* тѣнью, (*и чрезъ то усиливалъ его мрачность*) *бросалъ на него печальну мрачность. Орѣховая роща стлалась у подножія его и скатывалась къ пруду.*

«Я помню, какъ будто сквозь сонъ», сказала Ганна, *не спуская глазъ съ пруда*: «Давно, Давно, когда я еще была маленькая и жила у матери. Что-то страшн(у)ое расказывали про Домъ этотъ. Левко, ты, вѣрно, знаешъ, раскажи...»

«Богъ съ нимъ, моя красавица! Мало ли чего (навр) не раскажутъ бабы и народъ глупой. Ты себя только потревожишъ (и не заснешь покойно), станешь бояться, и не заснется тебѣ покойно».

«Раскажи, раскажи, милой, чернобровой мой парубокъ», говорила Ганна, прижимаясь лицемъ своимъ къ щекѣ его и обнимая его. «Нѣтъ, ты, видно, не любишь меня, у тебя есть другая дѣвушка. Раскажи, мой милой! Нѣ, я не буду бояться, я буду спокойно спать ночь. Теперь то я не засну уже, если не скажешь. (Я все буду думать и дог). Я буду мучиться да думать. Раскажи».

«Видно, (справедливо) правду говорятъ люди, что у дѣвушекъ нечистой духъ сидитъ, который подстрекаетъ ихъ знать то, чего не слѣдуетъ».

Давно (*уже*), мое серденько, жилъ (сот) *въ этомъ* домѣ Сотникъ. У сотника была дочка, ясная панночка, бѣлая, какъ снѣгъ, какъ твое личико. Сотникова жена давно уже умерла. Задумалъ сотникъ жениться на другой. «Будешъ ли ты (люб) нѣжить меня по старому, Батенько, какъ возмешъ другую жену?» *говорила панночка.* «Буду, моя д(оню)*очка!* Еще крѣпче прежняго стану прижимать къ сердцу! Буду, моя дочка, еще яряе стану дарить серги и монисто»!

Привезъ Сотникъ жену въ новый домъ свой. Хороша была молодая жена. *Румяна и бѣла собою была молодая жена.* Только такъ страшно взглянула на ее, *на свою падчерицу,* что *та* вскрикнула (бѣдная падчерица), ее увидѣвши, и хоть бы слово во весь день сказала суровая мачиха. Настала ночь; ушелъ Сотникъ съ молодою женою въ свою спальню. Заперлась и бѣлая паночка въ своей свѣтлицѣ и стала плакать. Смотритъ: крадется къ ней чорная кошка, шерсть на ней горитъ и стучать по полу желѣзные кохти. Въ испугѣ вскочила паночка *въ минуту* на лавку, кошка за нее. Перескочила на леженку, кошка *и туда* (за нею, вспрыгнула и стала давить ее за шею), *кинулась на шею и стала* давить ее за горло. Собравши всѣ силы, оторвалась она ее и (кинула на) *бросила на полъ*, и схватила висѣвшую на стѣнѣ отцовскою саблю, ударила по ней со всего размаху, сабля развалилась, лапа съ желѣзными кохтями отскочила, и кошка съ визгомъ пропала въ темномъ углу. (Не выходила) Цѣлой день *не выходила* изъ своей свѣтлицы молодая жена. (Сурово глядѣлъ на свою дочку Сотникъ). На третій день вышла съ завязанною рукою. (Какъ взглянула) Догадала бѣдная паночка, *взглянувши на нее*, что мачиха ея вѣдьма, и (она) *что она* ей отрубила руку. Приказалъ Сотникъ своей дочки носить *воду*, (выме) мести хату (и не показываться въ), какъ *простой* мужичкѣ, и не показываться въ панскіе покои. Тяжко было бѣдняжкѣ, да нечего дѣлать: стала выполнять отцовскую волю. На четвертый день выгналъ сотникъ свою дочку (совсѣмъ изъ дому) босую изъ дому и куска хлѣба не далъ на дорогу. (Тутъ) *Тогда* только зарыдала паночка, закрывши руками бѣлое личко свое. («Погубилъ ты, Батьку, родную дочку свою! Погубила вѣдьма (грѣш) душу твою! Прости тебя Богъ, а мнѣ, нещастной, видно, (не жить) не велитъ судьба жить на этомъ свѣтѣ. Заѣла ты, злая»). И вотъ, видишъ ли ты», *оборотился парубокъ къ Ганнѣ и указывая пальцемъ на домъ*: «гляди сюда: вонъ подалѣе отъ Дома самый высокій берегъ. Съ этаго самого берега кинулась паночка въ воду, и съ той поры не стало ее на свѣтѣ».

«А вѣдьма?» боязливо прервала Ганна, устремивъ на него съ какою-то дикостію очи.

«(Что) вѣдьма? Старухи выдумали, что съ той поры всѣ утопленницы выходили въ лунную ночь въ панскій садъ грѣться на мѣсяцѣ, и Сотникова дочь сдѣлалась надъ ними главною. Въ одну ночь увидѣла она мачиху свою возлѣ пруда, съ крикомъ напала на ее и утащила въ воду. Но вѣдьма и тутъ нашлась: оборотилась подъ водою *въ одну* изъ утопленицъ и черезъ то ускользнула *отъ тройчатки изъ зеленаго тростника* (отъ розгъ, которыми хотѣли сѣчь) ее утопленицы. Вѣрь бабамъ: разсказываютъ еще, *что* паночка собираетъ каждую ночь утопленицъ и заглядываетъ по одиночкѣ каждой въ лицо, стараясь узнать, которая изъ нихъ вѣдьма; но до сихъ поръ (не можетъ) *еще не* узна(ть)ла. И если попадетъ изъ людей кто, тотчасъ заставляетъ его угадывать, не то грозитъ утопить въ водѣ. Вотъ, моя Галю, какъ росказываютъ старые люди... Теперишній панъ хочетъ на томъ мѣстѣ строить Винокурню и прислалъ нарочно (уже и) *для того* винокура сюда. Но (ты дрожишь, Галю?) я слышу говоръ. Это наши ворочаются съ пѣсенъ. Прощай, Галю! Спи спокойно, да не думай объ этихъ бабскихъ выдумкахъ».

(Тутъ) *Сказавши*, онъ обнялъ ее крѣпче, поцеловалъ и ушелъ.

«Прощай, Левко!» говорила Ганна, задумчиво вперивъ очи на темный лѣсъ.

Огромный огненный мѣсяцъ величественно сталъ въ это время вырѣзываться изъ земли. Еще половина была подъ землею, а уже весь міръ исполнился какого то торжественнаго свѣта (и небо). По пруду (мельк) (блеснули) *вертѣлись* гдѣ то искры. Тѣнь отъ деревьевъ ясно стала отдѣляться на темной зелени.

«Прощай, Ганно!» раздалось позади ея слово, сопровождаемо поцелуемъ.

«Ты воротился!» сказала она, оглянувшись, но увидѣла передъ собою незнакого парубка, *отворотилась отъ него въ сторону*.

«Прощай, Ганна!» и снова поцеловалъ ее кто-то въ щоку.

«Вотъ принесла нелегкая и другого!» отвѣчала, *проговорила*, она съ сердцемъ.

«Прощай, (Ганна), милая Ганна!»

«Еще и третій!»

«Прощай, прощай, прощай, Ганна!» («Да т») и поцѣлуи засыпали ее со всѣхъ сторонъ.

«Да и тутъ ихъ цѣлая ватаха!» кричала Ганна, вырываясь (отъ) *изъ* кучи парубковъ, которые наперерывъ спѣшили обнимать ее. «Какъ имъ не надоѣстъ, проклятымъ, *беспрестанно* цѣловаться! Скоро, ей Богу, нельзя будетъ показаться на улицѣ!»

Это были послѣднія слова ея. Дверь со скрипомъ захлопнулась вслѣдъ за нею, и слыш(епъ)по только было, какъ съ визгомъ засунулся извнутри желѣзный засовъ.

Голова.

Знаете ли вы Украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Вглядитесь *въ нее*: съ середины неба смотритъ мѣсяцъ, необьятной небесный сводъ раздался (во всѣ стороны), *раздвинулся* еще небьятнѣе. Горитъ и дышетъ онъ. (Серебряный свѣтъ) Земля вся въ сербренномъ свѣтѣ, и чудный воздухъ (и упоительно холоденъ) и душенъ, и полонъ нѣги, и движетъ цѣлый океанъ благоуханій. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно вдохновенно стал(ъ)и лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя.

Раздольные (не ровные долины) Какъ тихъ, какъ покоенъ этотъ прудъ. (Какъ) Холодъ и мракъ водъ его какъ будто *упрямо заключены въ темно-зеленыя стѣны*, тѣряются въ садахъ, об(итае)нимающихъ (ихъ) *со всѣхъ сторонъ его* темными (объятьями) *стѣнами* своими. Дѣвственные корни черемухъ и черешенъ пугливо протянули свои корни въ ключевой холодъ и *изрѣдка* лепечутъ листьями, (какъ выговариваютъ) *будто сердятся*

и шумя упреками, (какъ) когда прекрасный вѣтреникъ — ночной ветеръ — подравшись мгновенно целуетъ (и движетъ). Весь ландшафтъ спитъ. А въ верху все дышетъ, все дивно, все торжественно. А на душѣ (все) *и* необьятно, (все) *и* чудно, (а она) и толпы серебряныхъ видѣній (проходятъ) *стройно* и величественно проходятъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдругъ все ожило, и лѣса, и пруды, и пан, и степи. Сыплется величественый громъ украинскаго соловья. (Звуки его раздаются, горятъ, блещутъ). И чудится, что и мѣсяцъ заслушался посереди неба. Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село. Еще бѣлѣе, еще лучше блестятъ (на) при мѣсяцѣ толпы хатъ, еще ослѣпительнѣе вырѣзывается изъ мрака низкіе стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. *Благочестивые* люди *уже* спятъ. Гдѣ-гдѣ только блещутъ въ огнѣ узенькія укна. Передъ (иными) *порогами иныхъ* только хат(ами)ъ запоздалыя сѣмья, усѣвшись около горшка, совершаютъ свои ужины. Заливается лай собакъ.

«Да, Гопакъ не такъ танцуется. То-то я смотрю... *Все не выхотъ*. Чтожъ это говоритъ кумъ? А, ну: Гопъ трала, Гопъ трала, гопъ, гопъ, гопъ». Такъ разговоривал(ся)ъ самъ съ собою (мужикъ) подголявшій мужикъ средній лѣтъ (идя *по* качаясь по улицѣ и присѣдая), танцуя по улицѣ. «Ей Богу, не такъ танцует(ъ)ся *Гопакъ*! (Чтобы) Что мнѣ лгать? Ей Богу, не такъ! А, ну: гопъ трала! гопъ трала! гопъ, гопъ, гопъ!»

«Вотъ одурѣлъ человѣкъ! добро бы еще (малы) хлопецъ какой, (пѣтъ, старой кабанъ), дѣтямъ на смѣхъ, танцуетъ почью по улицѣ!» вскричала проходящая пожилая женщина, неся въ рукѣ солому. «Ступай въ хату свою! Пора спать давно!»

«Я пойду!» (вскричалъ) сказалъ, остановившись, мужикъ. «Я пойду! Я не посмотрю на какого нибудь голову, что онъ думаетъ, (врагъ бы убывъ) Дидько бъ утысся его батькови. (Что онъ думаетъ), что онъ голова, что онъ (можетъ) обливаетъ *людей* холодною водою на морозѣ, такъ и носъ подпялъ! Ну, голова, голова. Я самъ себѣ голова. Вотъ, убей меня Богъ, Богъ меня

убей, я самъ себѣ голова, вотъ что! (про) а не то что...» продолжижалъ опъ, подходя къ первой попавшейся хатѣ, и остановился (вмѣсто) *дверей* передъ окошко, скользя пальцами по окну и стараясь найти деревянную ручку.

«Баба! оттворяй! Баба, живѣй, говорятъ тебѣ, оттвори! Козаку спать пора!»

«Какъ ты, Калеиикъ! Ты въ чужую хату попалъ», закричали смѣясь позади его дѣвушки, (поздпо) ворочавшіяся (съ пѣспей) веселыхъ пѣспей. «Показать тебѣ хату твою?»

«Покажите, любезные молодушки!»

«Молодушки? слышите?» подхватила одна: «какой учтивый Коленикъ! За это ему нужно показать хату, но пѣтъ, потанцуй напередъ».

«Потанцовать?.. Эхъ, вы, замысловатые дѣвушки!» протяжно произнесъ Калеиикъ, смѣясь и грозя пальцемъ и оступаясь, потому что ноги его не могли держаться на одномъ мѣстѣ. «А дадите перецѣловать себѣ? Всѣхъ перецѣлую, всѣхъ!» И косвенными шагами пустился бѣжать за ними. Дѣвушки подняли крикъ, перемѣшались, но послѣ, ободрившись, перебѣжали(сь) на другую сторону, увидя, что Калеиикъ былъ не слишкомъ скоръ на ноги.

«Вотъ твоя хата!» сказали они ему, уходя и показывая на (хату) *избу*, гораздо поболѣе прочихъ, принадлежавшую сельскому головѣ, и Калеиикъ послушно побрелъ въ эту сторону, принявшись снова ругать голову.

Но кто же этотъ голова? О! этотъ голова важное лицо. Никого нѣтъ старше (головы) *его иыть* на селѣ. Все село, завидѣвши его, берется за шапки, останавливается, и даже молоденькія дѣвушку низкимъ наклоненіемъ головы отдаютъ добрыдень. Кто бы изъ парубковъ не захотѣлъ быть головою? Во всѣ тавлинки открытъ *свободный* входъ въ головѣ, а простой мужикъ, почтительно снявши шапку, стоитъ (передъ нимъ) въ продолженіе (того когда голова) запускустъ свои грубые и толстые пальцы (въ свою) *его* табакерку. Въ мірской сходкѣ или громадѣ (голова), не смотря на то,

что власть его ограничена нѣсколькими голосами, голова всегда беретъ верхъ и почти по своей волѣ высылаетъ кого ему угодно ровнять и гладить дорогу или копать каналы. Голова угрюмъ, суровъ съ виду и не любитъ много говорить. (Но онъ) Давно еще, очень давно, когда блаженной памяти великая царица Екатерина (ѣхала) *ъздила* въ Крымъ, былъ выбранъ въ прожатые; два дни находился въ этой должности и разъ даже (сидѣлъ) *удостоился сидѣть* на козлахъ (и съ тѣхъ поръ) съ царицымъ кучеромъ. И съ той поры, *самой поры*, голова *нашъ еще выучился*, не могъ (наговориться о томъ, какъ онъ везъ царицу, про этотъ случ), раздумно и важно потуплять голову (и китать), *гладить длинные*, *закрутившіеся внизъ*, *русые усы* и кидать соколиный взглядъ изъ-подъ лобья. И съ той поры голова, объ чемъ не заговорили съ нимъ, всегда умѣетъ поворотить рѣчь на то, какъ онъ везъ царицу и сидѣлъ на козлахъ съ царицынымъ кучеромъ. Голова (не) любитъ (щеголять) иногда притворится глухимъ, особливо если услышитъ то, чего не хотѣлось бы ему слышать. Голова не любитъ щеголять, (всѣ помнятъ его всегда чорного), *носитъ всегда свитку чорного цвѣта*, перепоясываетъ шерстянымъ цвѣтнымъ, и никто не запомнилъ его въ другомъ *костюмѣ*, выключая только времени проѣзда царицы въ Крымъ, когда былъ на немъ синій казацкій жупанъ. Но это (врядъ) время врядъ ли кто могъ припомнить изо всего села, а (голова) *жупанъ онъ* держитъ (жупанъ) *всегда* въ сундукѣ подъ замкомъ.

Голова вдовъ; но у него живетъ въ домѣ своячница, которая варитъ обѣдать и ужинать, моетъ лавки, бѣлитъ хату, прядетъ ему на рубашки и завѣдываютъ всѣмъ домомъ. (Злые) (сторопою) *на селѣ* поговариваютъ, будто она совсѣмъ ему не родственница, но (вспомните) *вы уже видѣли*, что у головы много непріятелей, которые рады распускать всякую клевету. Впрочемъ, можетъ быть, къ этому подало поводъ и то, что своячницѣ *всегда* очень не пра(вится)*вилось*, если голова заходитъ иногда въ поле, усѣянное жницами, или въ гости козаку, у котораго (бываетъ хорошенькая) *была молодая* дочка. Голова кривъ, но за то одино-

кій глазъ его злодѣй и далеко можетъ увидѣть хорошенькую поселянку. Не прежде онъ навсдетъ его на (ли) смазливое личико, покамѣсть не обсмотрится осторожно по сторонамъ, не глядитъ ли отъ куда нибудь своячница. — Но мы (*почти*) уже *все* (и) расказали *почти* все, что нужно, про Голову, а пьяный Каленикъ не добрался еще и до половины дороги и долго *еще* угощалъ гололову всѣми отборными словами, какіе могли только вспасть на лѣниво и несвяно поворачивавшійся языкъ его.

«Нѣтъ, хлопцы, нѣтъ, (пѣтъ) не хочу! Что за разгульство такое! Какъ вамъ не падоѣсть повѣсничать? И (такъ уже) *безъ того уже* прослыли мы, Богъ знаетъ, какими буянами. Ложитесь лучше спать». Такъ говорилъ Левко разгульнымъ товарищамъ своимъ, подговаривавшимъ его на новые проказы. «Прощайте, Братцы! покойная вамъ ночь». И быстрыми шагами шелъ отъ нихъ по улицѣ.

«Спитъ ли моя ясноокая Ганна?» думалъ онъ, подходя къ знакомой уже (вамъ) *намъ* хатѣ, (и) увѣнчанной вишневыми деревьями. Среди тишины послышился тихій говоръ. Левко остановился. Между (вишня) *деревьями* забѣлѣла рубашка. Мелькнула синяя запаска. «Что значитъ?» подумалъ (Левко) *онъ*, и подкрался поближе и спрятался за вишню. При свѣтѣ мѣсяца блистало *лицо стоявшей* передъ нимъ (лицо) дѣвушки. Это Ганна. Но кто же этотъ высокій человѣкъ, стоявшій къ нему спиною? (Левко) Напрасно обсматривалъ *онъ* его съ зади: тѣнь покрывала его съ головы до ногъ. (Съ одной стороны былъ онъ) *Съ зади только онъ былъ* освѣщенъ мѣсяцомъ. Малѣйшее (же) приближеніе (со стороны его угрожало открытіемъ), *но немного приближившись къ нему*, онъ уже подвергался опасности быть открытымъ. Тихо прислуновшись къ дереву, рѣшился онъ остаться на мѣстѣ.

Дѣвушка ясно выговорила его имя.

«Левко? Левко еще молокососъ!» говорылъ (полушопотомъ) въ полголоса и хрипло высокой человикъ. «Если я встрѣчу(сь) его когда нибудь у тебя, я выдеру за чубъ...»

«Хотѣлось бы мнѣ узнать, какая это шельма похвалялся выдрать *меня* за чубъ!» подумалъ Левко и протянулъ шею, стараясь не проронить ни одного слова. (Высокій человѣкъ) Но незнакомецъ *сталъ* говори(лъ)ть такъ тихо, *что* нельзя было разслушать ни одного слова.

«Какъ тебѣ не стыдно!» сказала Ганна по окончаніи его рѣчи. «Ты лжешь, ты обманываешь меня, ты меня не любишь. Я никогда не повѣрю, чтобы ты меня любилъ».

«Знаю», продолжалъ незнакомецъ: «Левко много наговорилъ тебѣ пустяковъ и вскружилъ твою голову». [Тутъ показалось парубку, что голосъ незнакомца (нѣско) не совсѣмъ незнакомый, какъ будто бы онъ его когда то слышалъ]. «Но я дамъ себя знать Левку. (Онъ еще видно)», продолжалъ все также незнакомецъ. «Онъ думаетъ, что я не вижу всѣхъ его (пов)шашней. Попробуетъ онъ, *собачій сынъ*, каковы у меня кулак(у)и...»

При семъ словѣ Левко не могъ *уже болѣ* у(держать сво)держать своего гнѣва. Под(кравшись)*ошедши* на три шага къ нему, замагнулъ со всей силы руку, чтобы дать порядочнаго треуга, отъ котораго незнакомець (можетъ быть), не смотря на свою видимую крѣпость, можетъ быть, (пошатнулся) *не устоялъ* бы (съ) *на* мѣст(а)ѣ. Но въ это время свѣтъ палъ на лицѣ его, и Левко остолбенѣлъ (отъ изумленія), увидѣвши, что передъ нимъ стоялъ голова. Невольное покачиваніе головою и легкій свистъ одни только выразили его удивленіе. Въ сторонѣ послышался шорохъ. Ганна поспѣшно влетѣла въ хату, захлопнувъ за собою дверь.

«Прощай, Ганна!» закричалъ парубокъ, обнявши голову и съ ужасомъ отс(ту)*ко*чилъ назадъ, встрѣтивши жесткіе усы.

«Прощай, (Ганна) *красавица!*» вскричалъ другой, но на сей разъ полетѣлъ стремглавъ отъ тяжелого толчка головы.

«Прощай, прощай, Ганна!» закричало нѣсколько парубковъ, повиснувъ къ нему на шею.

«Провалятись, (чертовскіе) *проклятые* сорванцы!» кричалъ голова, отбиваясь и притовывая къ нимъ погами. «Что я вамъ за

Ганна? Попристававли, проклятые, какъ мухи къ меду! Убирайтесь къ отцамъ на вѣсилицу, чортовы дѣти! Дамъ я вамъ Ганны!»

«Голова! голова! *это голова!*» закричали хлопцы и разбѣжались во всѣ стороны.

«Ай да Батько!» говорилъ Левко, *очнувшись отъ своего изумленія и* глядя въ слѣдъ уходившему съ ругательствами головѣ. «Вотъ какія за тобо водятся проказы! Славно! (То то) А я дивлюсь да передумываю, что бы это значило, что онъ все притворяется глухимъ, когда станешъ ему говорить о дѣла. Постойже, старой хрѣнъ, ты у меня будешь знать, какъ таскаться подъ окнами молодыхъ дѣвушекъ, будешь знать, какъ отбивать *чужихъ* невѣстъ. Гей, хлопы, сюда! сюда!» кричалъ онъ, махая руками къ парубками, которые снова собрались въ кучу. «Ступайте сюды! Я (усо)вѣщевалъ васъ идти спать, а теперь раздумалъ и самъ готовъ хоть цѣлую ночь гулять съ вами».

«Вотъ дѣло сказано!» сказалъ плечистый и дородный парубокъ, считавшійся первымъ гулякой и повѣсой на селѣ. «Мнѣ все кажется *тошно, какъ будто недостаетъ чего то*, что потерялъ шапку или люльку, если не удается погулять и порядкомъ и настроить штукъ. Все какъ будто не достаетъ чего то, какъ будто потерялъ шапку или люльку, (однимъ) словомъ, не козакъ да и только».

«Согласны ли вы побѣсить хорошенько сегодня голову?»

«Голову?»

«Да, голову. Что онъ въ самомъ дѣлѣ задумалъ? Онъ управляет(ъ)ся у насъ, какъ будто гетьманъ какой. Мало того, что помыкаетъ какъ своими холопьями, еще и подъѣзжаетъ къ дивчатамъ нашимъ. Вѣдь, я думаю, въ (цѣломъ) *всьмъ* селѣ нѣтъ смазливой дѣвки, за которою бы не волочился голова».

«Это *такъ*, это такъ!» закрычали въ одинъ голосъ всѣ хлопцы.

«Что жъ мы, ребята, за холопья у него? (Итакъ-таки) (развѣ) (*вѣдь*) *Развѣ* мы такого же рода какъ онъ; мы (вольные

козаки), слава Богу, вольные козаки! Покажемъ ему, хлопцы, что мы вольные козаки!»

«Покажемъ!» закричали парубки.

«А (мнѣ) у *меня*, какъ нарочно», *продолжалъ Левко*: «сложилась славная пѣсня про голову. Пойдемте, я васъ выучу», продолжалъ, ударивъ рукою по струнамъ Бандуры. «Да слушайте: попереодѣвайтесь, кто во что ни попало».

«Гуляй, козацкая голова!» сказалъ плечистой парубокъ, ударивъ ногою въ ногу и хлопнувъ руками. «*Что* за роскошь! Что за воля! Какъ начнешъ бѣсится, будто поминаешъ давніе годы. Любо, вольно на сердцѣ, а душа какъ будто въ раю. Гей, хлопцы! Гей! Гуляй!»

И толпа шумно пронеслась по улицамъ. И благочестивыя старушки, пробужденныя крикомъ, подымали окошки и крестились сонною рукою, говоря: «Ну, теперь гуляютъ парубки!»

Парубки гуляютъ.

Блистательный мѣсяцъ, прогуливаясь въ необьятныхъ пустыняхъ (чудно) *своего* неба (и озирая), *не налюбуясь* красавиц(у)*ею* землю, раздумно остановился надъ (одною) хатою, которой неровныя окна одни только свѣтились среди уснувшихъ улицъ, *какъ будто спрашивая: «какіе это люди осмѣлились при моемъ серебреннномъ свѣтѣ разводить презрѣнный и непріятный для глазъ огонь свой»*. Это жилище головы. Голова давно уже окончилъ свой ужинъ и, безъ сомнѣнія, давно бы заснулъ уже; но у него (тепе) въ хатѣ гость, Винокуръ, прислапный, *вмѣстѣ съ мелникомъ*, помѣщикомъ, имѣвшимъ небольшой участокъ земли *въ селѣ* между вольными козаками, *вмѣстѣ съ мельникомъ*, строить винокурню. На почетномъ мѣстѣ, подъ самымъ покутомъ, сидѣлъ гость — (небольшой) низенькой, толстенькой человѣкъ, съ маленькими, вѣчно смѣющимися глазками, въ которыхъ, кажется, написано было то удовольствіе, съ какимъ курилъ онъ свою коротенькую трубку, поминутно сплевывыя и

придавливая пальцомъ (подымавшійся) вылѣзавшій изъ трубки превращенный въ золу табакъ. Облака дыма *быстро* разсростались надъ нимъ, облекали его въ сизый туманъ, и (тогда чудилось) *казалось*, будто широкая труба съ какой нибудь винокурни, наскуча сидѣть на своей крышѣ, задумала прогуляться и чинно усѣлась за стол(ъ)*омъ* въ хатѣ головы. Подъ носомъ торчали коротенькія (по), густые *и широкіе* усы, но они такъ неясно мелькали сквозь *сѣрую* табачную атмосферу, что взглянувшему, безъ сомнѣнія, почудилось бы, что винокуръ, *показались бы онъ мышью, которую поймалъ и* держалъ (держалъ въ зубахъ своихъ) *во рту своемъ* мышь, (затѣмъ) подрывая монополію анбарнаго кота. Голова сидѣлъ, какъ хозяинъ, въ одной рубашкѣ и (полотняныхъ) шаравархъ. Орлиный глазъ его, какъ вечерѣющее солнце, начиналъ (уже блистать, потомъ ярко) *жмуриться и мержнуть*. На концѣ стола (сидѣлъ одинъ) *курилъ люльку одинъ* изъ *сельскихъ* десятскихъ, составлявшихъ команду головы, (одинъ только изъ) *сидѣвшій изъ* почтенія къ (головѣ свое) хозяину (неспявшій) въ свиткѣ.

«Но скоро ли вы думаете», сказалъ голова, (обращаясь, зѣвая) кладя крестъ на зѣвнувшій ротъ свой и оборотившись къ винокуру: «поставить вашу винокурню?»

«(Если) *Когда* Богъ поможетъ, *сватъ*, (то къ осени и закуримъ, за лѣто думаемъ) (*Да нужно бы, сватъ, чтобы къ осени за лѣто управится*) *надъемся* и закурить. А на Покрову, я готовъ поставить Богъ знаетъ что, если панъ Голова не буд(у)етъ писать по дорогѣ ногами немецкіе крендели *по дорогѣ*».

(Тутъ узенькіе) *По произнесеніи сихъ словъ* глазки винокура пропали; вмѣсто ихъ протянулись лучи до самыхъ ушей, (лицо начало дрожать отъ смѣха) (*вся голова*), *туловище стало колебаться отъ смѣха*, а веселая губа оставила на мгновеніе (люльки) дымившуюся люльку.

«Теперь, сватъ, еще слава Богу», отвѣчалъ *голова*: «винницъ развелось немного. А вотъ въ старое время, когда провожалъ я царицы по переяславской дорогѣ; еще покойный Безбородько...»

«Ну, сватъ, вспомнилъ время!» прервалъ винокуръ. «Тогда отъ (Полтавы) *Кременчуга* до самыхъ Роменъ не было ни одной винницы. А теперь... Слышалъ ли ты, что проклятые нѣмцы повыдумывали? (Говорятъ) Говорятъ (будто не такъ, какъ), *стануть* курятъ *не такъ, какъ* все христіане добрые, дровами, а какъ то паромъ». Говоря эт(и)о (слова), винокуръ *въ размышленіи* глядѣлъ (надъ) на столъ *и на* разставленныя на немъ руки свои. «Какимъ паромъ... ей Богу, не знаю».

«Что за дурни, прости Господи, эти нѣмцы!» сказалъ голова. «Я бы батогомъ ихъ, собачьихъ дѣтей! Слы(ш)ханое ли дѣло, что бы паромъ можно было кипятить что? *Потому,* это бы ложку борщу пельзя *бы* поднести, не (под)*изжаривши* губъ вмѣсто *молодаго* поросенька».

«И ты, сватъ», прервала (въ это время) сидѣвшая на лежанкѣ, поджавши ноги, свояченица: «будешь все это время жить у насъ безъ жены?»

«А для чего она мнѣ? Добро бы, что доброе было».

«Будто не хороша собою?» сказалъ голова, устремивъ на него глазъ свой.

«Куды тебѣ хороша? Стара мовъ бисъ. Харя вся въ морщинахъ, будто выпорожненый кошелекъ». (При) (голова винокура зашаталась снова, оживленная раскачиваемою) *И голова винокура раскачалась снова отъ громкаго смѣха.*

Въ это время *что то стало шарить за дверью,* дверь растворилась, и мужикъ, не снимая шапки, ступилъ въ хату и сталъ какъ будто въ раздумьи, разинувши ротъ *и озирая* на потолокъ (хаты). Это былъ знакомецъ нашъ Каленикъ.

«Вотъ я и домой пришелъ!» проговорилъ, садясь на лавку у дверей и не обращая вниманія на присутствующихъ. «Вишь, какъ растянулъ Вражый сынъ, сатана, дорогу! Идешъ, идешъ, и конца нѣтъ! Ноги (такъ) *и* и подкашиваются», продолжалъ, почти (валясь) повалившись на лавку у дверей. «Достань-ка тамъ, Баба, тулупъ подослать мнѣ. Нѣ пѣчь къ тебѣ не приду, ей Богу, не приду: поги болятъ. Достань его тамъ, онъ лежитъ

близъ покута. (Да) гляди, (не росшиби та) *только не опрокинь* горшка съ (размолотымъ) *тертымъ* тютюномъ. Или нѣтъ, не тронь, не тронь! Ты, можетъ быть, пьяна сегодня. Пусть уже я самъ его достану».

Каленикъ *приподнялся* немного, но неодолимая сила (удержала) *приковала его* къ скамейкѣ.

«(Вотъ) *За это* люблю!» сказалъ голова: «пришелъ въ чужую хату и распоряжается какъ дома. Выпровидить его по добру по здорову!...»

«Оставь его *отдохнуть*, сватъ!» сказалъ винокуръ, удерживая голову за руку. «Это самой преполезный человѣ. Побольше бы такого народу, и Винница наша славно пойдетъ».

(Но винокуръ) (винокуръ былъ су) Однакожъ не добродушіе выпудило эти слова. Винокуръ вѣрилъ черезъ чуръ всѣмъ примѣтамъ, и (выгнать) *тотчасъ* прогнать человѣка, сѣвшаго уже на лавку (почиталъ онъ) *значило*, по его мнѣнію, накликать на (голову) *себя* нещастье.

«Что-то, какъ старость придетъ!» ворчалъ Каленикъ, ложась на лавку. «(Ей Богу, ни что) Добро бы, сказать еще, пьянъ, такъ нѣтъ же, *не пьянъ*, ей Богу, не пьянъ. Я готовъ сказать, *объявить это*, хоть самому головѣ. Что мнѣ голова?! Чтобы онъ издохнулъ, собачій сынъ! Я плюю на него! (Что *онъ* обливаетъ людей на морозѣ)... Что бъ его, вражьяго сына, возомъ переѣхало! Что онъ обливаетъ людей на морозѣ».

«Эге! влѣзла свинья въ хату, да и лапы на столъ!» сказалъ, гнѣвно подымаясь съ мѣста, голова. Но въ это время (порядочный) *увѣсистый* камень, разбившій окошко въ дребезги, влѣтѣлъ прямо ему подъ ноги. Голова быстро отворилъ Двери на улицу. Вдохновенная почь дышала чудесною, *дивною* теплотой въ блескѣ мѣсяца, и хоть бы что нибудь показалось ему на землѣ. «Естли бы я зналъ», сказалъ онъ, поднявъ камень и розсматрій его пылающимъ своимъ глазомъ: «какой это висильникъ [чтобъ его на томъ свѣтѣ черти заставили лизать языкомъ горячую скороводу] швырнулъ камнемъ, (далъ) я выучилъ *бы* его,

какъ кидаться! Экія проказы!» продолжалъ, разсматривая его въ рукѣ пылающимъ глазомъ. «Что бы онъ подавился этимъ камнемъ!»...

«Стой, стой! Боже тебя сохрани, сватъ!» (прерв) подхватилъ, поблѣднѣвши, Винукоръ. «Боже сохранитъ тебя и на томъ и на этомъ поблагословитъ кого нибудь такою побранкою».

«(Пусть онъ пропадетъ) Вотъ нашелся заступщикъ! Пусть онъ (еще) пропадетъ...»

«И не думай, сватъ! Ты не знаешь, вѣрно, что случилось съ *покойной* тещей моей?»

«Съ тещей?»

«Да, съ тещей. (Подъ вечерокъ) *вечеромъ*, немного, можетъ, раньше теперешняго усѣлись *на землѣ, протянувши ноги*, передъ дверью хаты вечерять. Покойная теща, покойникъ тесть, да наймытъ, да на наймычка, да дѣтей штукъ съ пятеро. Теща насыпала Галушекъ немного изъ большаго казана въ миску, чтобы (прохолодить ихъ) *не были* горячи слишкомъ. (Тесть, наймытъ, наймычка и дѣти) *Послѣ работы всѣ проголодались и всѣ* повздѣвали на длинныя деревянныя спички галушки и стали ѣсть. Какъ вдругъ откуда ни возьмись человѣкъ; (откуда) онъ какого роду, Богъ его знаетъ, просится допустить *его къ трапезѣ*. Какъ же (отказать) *не накормить* холоди(ому) аго человѣка! Дали ему спичку. Только видятъ все, что гость упрятываетъ галушки, какъ корова сѣно, такъ что покамѣстъ онѣ съѣли по одной и опустили спички въ юшку поймать другую, дно (уже) уже было (гладко), какъ помостъ въ хатѣ(?). Теща насыпала еще, думаетъ: теперь гость наѣлся и будетъ меньше кусать. Ничего не бывало: еще лучше сталъ уплетать и (миска) выпорожнилъ миску еще скорѣе первой. «А чтобы ты подавился этими галушками!» подумала голодная теща. Какъ вдругъ тотъ (упалъ) закашлялся и упалъ. Кинулись къ нему, и духъ вонъ. Удавился».

«Такъ ему, обжорѣ проклятому, и нужно!» сказалъ голова.

«Такъ бы, да вышло не такъ: съ того времени покою не было тещи. Чуть только ночь, мертвецъ и тащиться. Сядетъ верхомъ на

трубу, проклятой, и галушку держитъ въ зубахъ. Днемъ все спокойно, и слуху пѣтъ про него; а чуть ночь, (глянь) погляди на крышу: уже и осѣдлалъ собачій сынъ трубу...»

«И вареникъ, *галушка*, въ зубахъ?»

«И вареникъ, *галушка*, въ зубахъ.

«Чудно, сватъ! Я помню, *слыхалъ*, что-то похожее на это. Еще (тогда) *за покойницу* Царицу...»

(Тутъ) *Но голова остановился.* Послышалось подъ окномъ шумъ (беспрестанно возрастающій) *и топанье танцующихъ. Сначало тихо,* сильно звукнули струны бандуры; къ нимъ присоединился голосъ, струны загремѣли сильнѣе, нѣсколько голосовъ стали подтягивать, и пѣсня зашумѣла цѣлымъ вихремъ звуковъ:

Хлопцы, слышили ли вы?
Наши ль головы не крѣпки!
У криваго головы
Вдругъ разсыпалися клепки!
Набей, бондарь, голову
Ты ст
Сп

(Набей, Бондарь, набѣй, Бондарь, обручи ты крѣпки)

Хлопцы, слышили ли вы:
Наши ли ль головы не крѣпки!
У кривого головы
Вдругъ разсыпались клепки.
Набѣй, бондурь, голову
Ты стальными обручами.
Выбей, бондарь, голову
Батогами, батогами.
Голова самъ сѣдъ и кривъ,
Старъ какъ бѣсъ, а что задоренъ,
Прихотливъ и похотливъ,
Лѣзетъ къ дѣвкамъ... Дурень! Дурень!

(Тебѣ ли с)
Лѣзть тебѣ ли къ барубкамъ?
Тебѣ бъ спрятать въ домовину.
По усамъ да по шеямъ,
За чуприну, за чуприну!

Пробужденіе.

«Неужели это я спалъ?» сказалъ про себя Левко, *вставая съ своего пригорка*, оглядываясь на всѣ стороны. «Такъ живо, какъ будто на яву... Чудно! Чудно!» повторилъ онъ, оглядываясь. Мѣсяцъ (стоялъ), остановившійся посереди неба, показывалъ полночь. Вездѣ тишина. Отъ пруда вѣялъ холодъ. Надъ нимъ печально стоялъ старый ветхій домъ съ закрытыми ставнями. Мохъ и дикой бурьянъ на крышѣ показывали, что давно удалились изъ него люди. Тутъ онъ ро *согнулъ* справилъ свою руку, которая судорожно была сжата во время сна его и, къ изумленію, почувствовалъ въ ней записку. «Эхъ, естли бы я (былъ грамотной) *зналъ грамоть*», (сказ) продумалъ онъ, оборачивая ее *передъ собою* на всѣ стороны. Въ это мгновеніе послышался позади его шумъ.

«(Чего вы) *Не* боитесь, прямо хватайте его! Чего перепугались? насъ десять (человѣкъ). Я ставлю Богъ знаетъ что, что это человѣкъ, а не чортъ!» (Горла) такъ кричалъ голова своимъ сопутникамъ, и Левко почувствовалъ себя схваченнымъ нѣсколькими руками, изъ которыхъ пные дрожавали отъ страха. «Скидавай-ка, *пріятель*, свою страшную личину. Полно (ду) тебѣ дурачить людей!» проворилъ голова, ухвативъ его за воротъ, и оторопѣлъ, выпучивъ на него глазъ свой. «(Сынъ!) Левко! сынъ!» вскричалъ онъ, отступая отъ удивленія. «Это ты, собачій сынъ! Вишь, бѣсовское рожденіе! Я думаю, какая это шельма, какой это вывороченной дьяволъ строитъ штуки! А это *все* ты, невареной кисѣль твоему Батькѣ въ горло, изволишъ заводить по улицамъ розбой. Эге, ге, ге, Левко! А что это? Вотъ мы съ тобою раздѣлаемся. Вязать его!»

«Постой напередъ, батько, велѣно тебѣ отдать эту записку», сказалъ Левко.

«Не до записокъ теперь, Голубчикъ! Вязать его!»

«Постой, панъ голова!» сказалъ писарь, развернувъ записку. «Комисарова рука».

«Комисара?»

«Комисара?» повторили машинально десятскіе.

«Комисара? Чудно! Еще непонятнѣе!» подумалъ про себя Левко.

«Читай, читай!» сказалъ голова: «что тамъ пишетъ комисаръ?»

«Послушаемъ, что пишетъ комисаръ?» (сказалъ) произнесъ винокунъ, вырубливая огонь для своей люлки.

Писарь откашлялся и началъ читать:

«Приказъ Головѣ Евтуху́ Макогоненку. Дошло до насъ, что ты, старый дуракъ, (вошло, донесъ, что) вмѣсто того, чтобы собрать (старыя) *развившіяся* недоимки и вести на селѣ порядокъ, одурѣлъ (на старо) и строишь пакости...»

«Вотъ, ей Богу!...» прервалъ голова: «ничего и не слышу».

Писарь вмѣсто (вся) отвѣта началъ снова:

«Приказъ Головѣ Евтуху Макогоненку. Дошло до насъ, что старой ду...»

«Стой, стой! Не нужно!» закричалъ голова: «я хоть и не слышилъ, однакожъ знаю, что главнаго дѣла тутъ *еще* нѣтъ. Читай далѣе!»

«А въ слѣдствіе того (повелѣваю) *приказываю* тебѣ сей же часъ оженить твоего сына Левка Макогоненка на козачкѣ изъ вашего же села, Ганнѣ Петриченковой, а также подчинить (всѣ) мосты по столбовой дорогѣ и не давать обывательскихъ лошадей безъ моего вѣдома судовымъ паничамъ, хоть бы они ѣхали прямо изъ казенной палаты. Если же по пріѣздѣ *моемъ* найду оное приказаніе мое не приведеннымъ къ исполненію, то тебя одного потребую къ отвѣту. Комисаръ порутчикъ Козьма Деркачъ-Дришпановскій».

«Слышишъ, панъ писарь?» сказалъ голова: «Слышите, господа. Я вамъ говорилъ, что за все съ меня взыщутъ, а потому прошу безпрекословно слушаться, не то — прошу не прогнѣваться... А тебя (собачій сынъ)», продолжалъ онъ, оборотясь къ Левку: «въ слѣдствіе приказанія комисара я оженю, только напередъ (ты у меня поб собачій сынъ) ты у меня побропуешь нагайку. Знаешъ ту, которая виситъ у меня на стѣнѣ около покута? Она давно не была въ дѣлѣ... Гдѣ ты взялъ эту записку?»

Левко, не смотря (на свое) изумленіе, произшедшее отъ такого неожиданнаго оборота своего дѣла, имѣлъ *благоразуміе* приготовить въ умѣ другой отвѣтъ и утаить *настоящую истину*, какимъ образомъ досталась записка.

«Я отлучался», говорилъ онъ: «(сегодня поутру въ сосѣднее) *вчера въ вечеру еще въ городъ* и встрѣтилъ (комисара сидевшаго) на дорогѣ комисара, вылѣзавшаго изъ Брычки. Узнавши, что я изъ нашего села, далъ онъ мнѣ записку (къ) и велѣлъ на словахъ сказать тебѣ, Батька, что заѣдетъ обѣдать къ намъ на возвратномъ пути».

«Онъ это (все) говорилъ?»

«Говорилъ».

«Слышите-ли, слышите-ли!» говорилъ Голова съ важною осанкою, оборотившись къ своимъ сопутникамъ: «комисаръ самъ, комисаръ своею особою пріѣдетъ къ нашему брату на обѣдъ. О!» Тутъ голова поднялъ вверхъ палецъ и голову привелъ въ такое положеніе, какъ будто она къ чему нибудь прислушивалась. «Комисаръ пріѣдетъ обѣдать. Какъ ты думаешь, панъ писарь, и ты, свѣтъ, это не совсѣмъ незначущая честь. Не правда ли? А!»

«Еще, сколько *я* могу запомнить», подхватилъ писарь: «ни одинъ голова не ухощалъ обѣдомъ комисара».

«Можетъ быть, иной и голова головѣ не чета! Только какъ думаешъ, панъ писарь, я думаю, для именитаго гостя нужно бы дать приказъ принести съ *каждой* хаты по цыпленку».

«Нужно бы, нужно, панъ голова!»

«А когда же свадьбу,-Батька?» спросилъ Левко.

«Ты все съ свадьбой! Далъ бы я тебѣ сватьбы... Ну, для именитаго гостя, завтра васъ попъ и обвѣнчаетъ, чортъ съ вами! Комисаръ увидитъ, что значитъ исправный голова. Но, ребята, теперь спать! Ступайте по домамъ... Я... еще помню...» (Тутъ голова) *При этихъ словахъ* пустилъ онъ обыкновенный свой важный и значительный взглядъ изъ подъ лобья.

«Ну, теперь пойдетъ голова расказывать, какъ везъ царицу», сказалъ Левко и быстрыми шагами и (съ) радостью (на сердцѣ) *душѣ* спѣшилъ къ завѣтной хатѣ. «Дай тебѣ Богъ небесное царство, (моя) добрая и прекрасная папочка! (Пусть)» думалъ онъ про себя. «Пусть тебѣ на томъ свѣтѣ вѣчно усмѣхается между Ангелами святыму. Никому не раскажу про диво, случившееся въ эту ночь. Одной тебѣ только, Галю, (повѣрю) *передамъ* его. Ты одна только повѣришъ мнѣ и помолишся со мною за упокой души утопленицы». Тутъ онъ приближился къ хатѣ. Окно было отперто, лучи мѣсяца проходили черезъ него хату, ударяли на спавшую (подлѣ него, не далеко отъ) передъ окномъ Ганну. Голова ея оперлась на локоть, щика тихо горѣла, губы шевелились (что какъ будто произно), неясно произнося его имя. «Спи, моя красавица! Приснись *тебѣ все*, что есть лучшаго на свѣтѣ. Но и то не будетъ лучше нашего прибужденія». Перекристивъ ее, онъ закрылъ окошко и тихо удалился.

И черезъ нѣсколько минутъ всѣ уснули на селѣ. Одинъ (только) мѣсяцъ также величественно, блистательно и чудно плылъ въ небьятной (дивномъ) пустыняхъ роскошнаго украинскаго неба. Также торожественно дышало въ вишинѣ. Также прекрасна была земля въ дивномъ серебрянномъ блескѣ. Но уже никто не упивался *всею* краспвою ночью. Все погрузилось въ сонъ. Изрѣдка слышался только лай собакъ, и долго еще пьяный Каленикъ шатался по уснувшимъ улицамъ, отыскивая свою хату.

Дополненія и поправки ко второй редакціи „Ревизора“.

Вторая редакція «Ревизора» напечатана Н. С. Тихонравовымъ въ VI томѣ «Сочиненій Н. В. Гоголя», изданія десятаго, на 157—248 стр., а примѣчанія ко второй редакціи «Ревизора» напечатаны В. И. Шенрокомъ, въ томъ же шестомъ томѣ, на 631—665 стр.

Въ настоящее время рукопись второй редакціи «Ревизора» принадлежитъ Московскому Публичному и Румянцовскому Музеямъ, гдѣ и хранится подъ № 3214, и потому является полная возможность свѣрить напечатанные тексты комедіи и примѣчаній съ подлинною рукописью, съ которой они и печатались въ шестомъ томѣ десятаго изданія.

Сопоставленіе напечатанныхъ текстовъ второй редакціи «Ревизора» съ подлинною ея рукописью обнаруживаетъ многочисленные недочеты въ текстахъ шестого тома, выражающіеся какъ въ неправильной передачѣ рукописнаго текста, такъ и въ пропускахъ нѣкоторыхъ частей его. Нерѣдко въ текстѣ шестого тома напечатаны такія слова, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ рукописи. Иногда же текстъ рукописный неправильно прочитанъ и переданъ въ печатномъ текстѣ шестого тома. Есть въ печатномъ текстѣ и даже значительные иногда пропуски текста рукописнаго. Не приводя отдѣльныхъ примѣровъ такихъ недочетовъ въ печат-

номъ текстѣ шестого тома, мы прямо переходимъ къ полному перечню ихъ, слѣдя за печатнымъ текстомъ второй редакціи «Ревизора» съ первой его страницы до послѣдней.

На 159 стр. въ монологѣ Городничаго напечатана фраза: «Сегодня *во снѣ* мнѣ всю ночь снились какія-то собаки». Въ подлинномъ рукописномъ текстѣ подчеркнутыхъ словъ «во снѣ» совсѣмъ нѣтъ.

Подъ шестымъ примѣчаніемъ къ той же 159 стр. напечатанъ исправленный Гоголемъ текстъ: «какія-то *этакія* двѣ необыкновенныя крысы». Въ собственноручномъ Гоголевскомъ текстѣ подчеркнутаго слова «этакія» совсѣмъ нѣтъ.

Во второмъ примѣчаніи къ 160 стр., по поводу вопроса Городничаго: «А что, какихъ вы мыслей объ этомъ, господа?» сказано: «Послѣднее предложеніе въ рукописи пропущено». Въ дѣйствительности, въ рукописи это предложеніе вовсе не пропущено: оно есть, только весьма искажено переписчикомъ и читается такъ: «Я что какъ вніѣ мыслей объ этомъ господа». Впослѣдствіи это искаженное переписчикомъ предложеніе зачеркнуто чернилами рукою Гоголя, и въ такомъ видѣ и въ настоящее время находится въ рукописи второй редакціи.

На той же 160 стр. въ монологѣ Аммоса Ѳедоровича напечатана его догадка: «Россія хочетъ вести войну *съ Турками или съ Австрійцами*». Въ рукописномъ текстѣ подчеркнутыя слова «съ Турками или съ Австрійцами» зачеркнуты чернилами Гоголемъ собственноручно.

Указанія пятаго и шестого примѣчаній къ 163 стр. совсѣмъ неправильно передаютъ особенности рукописнаго текста. Въ монологѣ Городничаго, къ заявленію его: «Г. ревизоръ или другой кто можетъ принять это на свой счетъ—изъ этого чортъ знаетъ что можетъ произойти», поставлено пятое примѣчаніе и въ этомъ примѣчаніи сказано: «Весь этотъ отрывокъ до словъ: «Тоже я долженъ вамъ замѣтить» въ рукописи зачеркнутъ чернилами». Это заявленіе въ примѣчаніи неясно и не отвѣчаетъ дѣйствительности. Въ рукописи «весь этотъ отрывокъ» совсѣмъ не зачер-

кнутъ. Онъ оставленъ Гоголемъ въ неприкосновенности, но дальнѣйшія предложенія со словъ: «Или тотъ бишь» дѣйствительно зачеркнуты.

Къ выраженію Городничаго изъ того же монолога: «Хорошо, что тогда мундиръ былъ на мнѣ старый», напечатано шестое примѣчаніе такого содержанія: «Сюда относится выноска карандашомъ внизу страницы: «Ахъ, Боже мой! у меня это совсѣмъ изъ ума вышло», послѣ чего снова, въ серединѣ строки, значится: «городничій»». Во-первыхъ, выноска карандашомъ относится вовсе не сюда, а именно туда, гдѣ поставлено пятое примѣчаніе, къ выраженію Городничаго: «изъ этого чортъ знаетъ что можетъ произойти». Во-вторыхъ, составитель примѣчанія не прочиталъ и не передалъ выноски сполна, и потому все примѣчаніе вышло непонятнымъ. Въ дѣйствительности, Гоголь, вмѣсто зачеркнутыхъ предложеній въ монологѣ Городничаго отъ словъ: «Или тотъ бишь» до словъ: «То же я долженъ вамъ замѣтить», вставилъ діалогъ Луки Лукича, за которымъ снова продолжался монологъ Городничаго. Поэтому онъ для мѣста, отмѣченнаго карандашнымъ крестомъ, внизу страницы карандашомъ же написалъ собственноручно:

«*Лука Лукичъ*. Ахъ, Боже мой! У меня это совсѣмъ изъ ума вышло.

«Городничій»

И далѣе монологъ Городничаго начинался: «Тоже я долженъ вамъ замѣтить».

Въ четвертомъ примѣчаніи къ 165 стр. напечатаны собственноручныя поправки Гоголя въ монологѣ Городничаго: «. . . послѣ меня ужъ врядъ ли кто чѣмъ нибудь *съ нимъ* поживится. Они я знаю, теперь какъ коршуны готовы въ щепки меня всего *затрепать*». Подчеркнутыя слова въ рукописи явственно читаются иначе: «съ нихъ» и «растрепать».

Въ четвертомъ примѣчаніи къ 166 стр. напечатано: «вмѣсто зачеркнутаго «также» Гоголемъ написано сверху «и»». Въ дѣйствительности Гоголемъ написано «а».

Къ стр. 166-ой совсѣмъ пропущено примѣчаніе седьмое, въ которомъ, вѣроятно, должно было находиться указаніе на то, что на словѣ «теперь», къ которому приставлено седьмое примѣчаніе, въ рукописи оканчиваются вычеркиванія карандашомъ, начинающіяся со словъ Почтмейстера: «Съ удовольствіемъ».

Въ пятомъ примѣчаніи къ 168 стр. напечатано: «При словѣ: «городничій» собственноручно приписано карандашомъ: *«исправникъ»*». Въ дѣйствительности Гоголь собственноручно и явственно приписалъ карандашомъ: «испугавшись».

Къ стр. 176-ой совсѣмъ пропущено второе примѣчаніе. Въ этомъ примѣчаніи, надо думать, должны быть напечатаны позднѣйшія исправленія Гоголемъ ремарки при діалогѣ Хлестакова: «голосомъ перѣшительнымъ». Гоголь поправилъ собственноручно: «голосомъ вовсе нерѣшительнымъ».

Въ девятомъ примѣчаніи къ 179 стр. напечатано: «Въ этомъ предложеніи зачеркнуты слова: «очень бы не дурно было»». Въ дѣйствительности зачеркнуты слова «очень бы» и «было».

Въ двѣнадцатомъ примѣчаніи къ той же 179 стр. напечатано: «Въ VI явленіи *передъ* словами: «ну, давай сюда» *зачеркнуто*: «толкуетъ еще...» Въ дѣйствительности, въ рукописи ничего не зачеркнуто, и приписанная Гоголемъ фраза «толкуетъ...» находится не передъ, а послѣ словъ: «ну, давай сюда».

Во второмъ примѣчаніи къ 183 стр. пропущено послѣднее слово въ монологѣ Хлестакова, приписанное самимъ Гоголемъ собственноручно: «и брякнуть», при чемъ вся послѣдняя фраза должна читаться такъ: «и если что, то, ей Богу, бутылкою и брякнуть».

Въ первомъ примѣчаніи къ 184 стр. напечатано: «Слова «а такъ вы» зачеркнуты и вмѣсто нихъ сверху приписано: «*П* если вы»». Въ дѣйствительности сверху приписано: «О, если вы».

Десятое и одиннадцатое примѣчанія къ стр. 185 соединены въ одно; одиннадцатое примѣчаніе должно начинаться словами: «Послѣ этого съ лѣваго боку собственноручно приписаны» и т. д.

Во второмъ примѣчаніи къ стр. 189 сказано: «Слово: «строгій» передѣлано рукою Гоголя въ: «строгъ?»» Въ рукописи рукою Гоголя передѣлано въ «очень строгъ?»

Во второмъ примѣчаніи къ 192 стр. приведены написанныя Гоголемъ слова: «одному бестолковому» (sic) «безъ всякого (sic) вкуса». Здѣсь тоже пропускъ. Гоголь написалъ: «одному бестолковому и безъ всякого вкуса».

Въ первомъ примѣчаніи къ 193 стр. пропущены собственноручныя поправки Гоголя, послѣ которыхъ измѣненная фраза читается такъ: «и вся обложена блондочкою, тонкою—не больше какъ въ палецъ». Поправки эти приведены, почти точно съ рукописью, Н. С. Тихонравовымъ въ примѣчаніяхъ къ тексту «Ревизора» (II томъ десятаго изданія, стр. 654).

Въ этомъ же третьемъ явленіи третьяго дѣйствія пропущены позднѣйшія передѣлки разговора Анны Андреевны съ Марьей Антоновной, написанныя Гоголемъ на отдѣльномъ лоскуткѣ.

На лоскуткѣ Гоголь написалъ:

1.

Анна Андревна и Марья Антоновна.

Марья Антоновна.

«Но я не знаю, маминька, отъ чего вамъ кажется, что у васъ «лучше всего глаза....

Анна Андреевна.

«Вздоръ просто тебѣ кажется. Ты глупости, сударыня, тол«куешь».

И эти поправки приведены Н. С. Тихонравовымъ (ibid.).

Во второмъ примѣчаніи къ 196 стр. приведено будто бы изъ рукописи слово: «напишете», и къ нему поставлено «(sic)». Въ рукописи явственно читается: «напишешъ». Вся фраза, въ которой было это слово, по исправленіи Гоголемъ, получила такую форму: «Такъ, знаете, иногда прозой, а иногда такъ и стишки выкинутся».

На той же 196 стр. первое слово Городничаго въ VI явленіи напечатано: «осмѣлюсь». Въ рукописи: «осмѣливаюсь».

Въ четвертомъ примѣчаніи къ 198 стр. воспроизведено или, вѣрнѣе, повторено неисправленное Гоголемъ чтеніе фразы, напечатанное въ текстѣ, а исправленное Гоголемъ осталось неотмѣченнымъ. По исправленіи Гоголемъ вся фраза читается такъ: «Въ канцеляріи безъ меня была бы страшная еларашъ».

Въ шестомъ примѣчаніи къ той же 198 стр. надписанная Гоголемъ фраза должна начинаться словомъ «и»: «И сторожъ летитъ» и т. д.

Въ восьмомъ примѣчаніи къ той же 198 стр., въ монологѣ Хлестакова, надо читать не «я признаюсь», а «Я признаюсь». Здѣсь невѣрно указано мѣсто, къ которому относится выноска. Выноска поставлена Гоголемъ сейчасъ же за словомъ «одѣта», такъ какъ всѣ дальнѣйшія слова онъ зачеркнулъ и вмѣсто нихъ съ лѣваго бока вписалъ новыя фразы.

Въ первомъ примѣчаніи къ 199 стр. разсказъ Хлестакова долженъ начинаться: «О, да! Со мною много подобныхъ было» и т. д., при чемъ слово «было» вовсе не зачеркнуто Гоголемъ.

На 205 стр., послѣдній монологъ Городничаго въ IX явленіи имѣетъ въ рукописи ремарку, пропущенную и текстомъ и примѣчаніями, именно, послѣ слова «Городничій» въ рукописи въ скобкахъ поставлено: «(одинъ)».

Въ четвертомъ примѣчаніи къ 213 стр. приведены надписанныя Гоголемъ слова: «Впрочемъ, это все равно». Тутъ лишнее слово «это», котораго въ собственноручной Гоголевской припискѣ совсѣмъ нѣтъ: «Впрочемъ, все равно».

На 214 стр., въ сценѣ Хлестакова и Растаковскаго пропущены собственноручныя поправки Гоголя, отмѣченныя, однако, П. С. Тихоправовымъ (II т., 654 стр.). Такъ: «Растаковскій (не слыша)»; впослѣдствіи Гоголь зачеркнулъ ремарку «не слыша» и сейчасъ же послѣ этого вновь приписалъ фразу: «Да-съ. Рогатка. Иванъ Васильевичъ».

Въ третьемъ примѣчаніи къ 215 стр., въ томъ же разговорѣ Хлестакова съ Растаковскимъ, значительный пропускъ въ собственноручно исправленномъ Гоголемъ текстѣ. Въ этомъ примѣчаніи приведенъ только разсказъ Хлестакова, оканчивающійся словами: «Я въ дорогѣ истратился». Въ рукописи, сейчасъ же за этими словами Хлестакова, Гоголь собственноручно приписалъ слѣдующій разговоръ:

Растаковскій.

«Да кто это просилъ денегъ: чиновникъ у (капитана) гвар-«дѣйца или (капитанъ) гвардѣецъ у чиновника?

Хлестаковъ.

«Нѣтъ, это я прошу у васъ. Видите, чтобъ послѣ какъ ни-«будь не позабыть, такъ лучше теперь. (Если есть при васъ съ «собою триста, то это для меня очень хорошо, потому что мнѣ «очень нужно, а тамъ завтра же я вамъ отдамъ).

Растаковскій.

«Такъ это вамъ нужны деньги, а какъ странно, а я думалъ, «что (эти деньги были при анекдотѣ, какъ обыкновенно анекдоты «разсказываются. Такъ сколько вы говорили? *Хлестаковъ.* Три-«ста рублей. *Растаковскій*) (капитанъ что) гвардѣецъ, при анек-«дотѣ-то, попросилъ. Какъ въ разговорѣ-то иногда случается! «(А я приз) Такъ вамъ нужны деньги? А я, признаюсь, съ своей «стороны пришелъ безпокоить преубѣдительнѣйшею просьбою».

Съ шестымъ примѣчаніемъ къ 219 стр. произошло невѣроятное приключеніе. Дѣло въ томъ, что въ рукописи сохранились два текста X явленія: зачеркнутый и вновь написанный Гоголемъ.

Составитель примѣчаній, напечатавъ въ текстѣ зачеркнутый текстъ начала X явленія, хотѣлъ въ примѣчаніяхъ напечатать текстъ вновь написанный Гоголемъ.

Но... въ шестомъ примѣчаніи къ 219 стр. оказался вторично напечатаннымъ тотъ же зачеркнутый Гоголемъ текстъ, который уже разъ былъ напечатанъ на 219 стр. Вотъ вновь написанный Гоголемъ текстъ начала X явленія:

ЯВЛЕНІЕ X.

Хлестаковъ и Осипъ *(съ чернилами и бумагою)*.

Хлестаковъ *(беретъ перо бумагу)*.

«Ну, что, видишь, дуракъ, какъ меня угощаютъ и прини-«маютъ *(начинаетъ писать)*.

Осипъ.

«Да, слава Богу. Только знаете что, Иванъ Александровичъ.

Хлестаковъ *(пишетъ)*

«А что?

Осипъ.

«Уѣзжайте отсюда. Ей Богу, уже пора.

Хлестаковъ *(пишетъ)*

«Вотъ вздоръ! Зачемъ?

Осипъ.

«Да такъ. Богъ съ ними со всѣми. Погуляли здѣсь два день-«ка—ну, и довольно. Что съ ними долго связываться! Плюньте «на нихъ! Неровенъ часъ: какой нибудь другой опять наѣдетъ. «Ей Богу, Иванъ Александровичъ! А лошади тутъ славные: такъ «бы закатили!..

Хлестаковъ *(пишетъ)*.

«Нѣтъ. Мнѣ еще хочется пожить здѣсь. Пусть завтра.

Осипъ.

«Да что завтра. Ей Богу, поѣдемъ, Иванъ Александровичъ. «Опо хоть и большая тутъ честь вамъ, да все, знаете, лучше

«уѣхать скорѣе... Вѣдь васъ за кого то другого приняли. Ей «Богу... И батюшка будетъ гнѣваться за то, что такъ замѣш- «кались... Такъ бы, право, закатили славно! А лошадѣй бы «важныхъ здѣсь дали.

Хлестаковъ *(пишетъ)*

«Ну, хорошо. Отнеси только напередъ это письмо, вмѣстѣ «пожалуй и подорожную возьми. Да (смотри) за то (по крайнѣй «мѣрѣ) смотри, чтобы лошади хорошіе были. (Что бы лихо такъ «фель) Ямщикамъ скажи, что (бы) я буду давать по целковому «на водку, что бы лихо только везли, такъ какъ фельдъегеря, «и пѣсни бы залихацкія затягивали. *(Запечатываетъ письмо).* «Воображаю, какъ Тряпичкинъ будетъ удивляться. Онъ вѣдь та- «кой остроумной. *(Надписываетъ адресъ).* Не съѣхалъ ли съ квар- «тиры? Онъ вѣдь тоже любитъ переѣзжать и недоплачивать. На, «отдай скорѣ.

Осипъ.

«Я, сударь, отправлю (черезъ) съ человѣкомъ сдѣшнимъ, а «самъ лучше буду укладываться, что-бы не прошло понапрасну «время.

Хлестаковъ.

«(Хорошо) Пожалуй.

Осипъ *(уходитъ и говоритъ за сценой).*

«Эй, послушай, братъ! Отнеси это (письмо)»...

На этомъ оканчивается собственноручно написанная Гоголемъ страница X явленія. Слово «письмо» зачеркнуто имъ потому, что съ этого слова начинается страница, слѣдующая за зачеркнутой.

Въ XIII явленіи четвертаго дѣйствія, съ 225 стр., Гоголь собственноручно сдѣлалъ большія сокращенія и измѣненія. Въ примѣчаніяхъ не отмѣчено главное измѣненіе, произведенное Гоголемъ въ этомъ явленіи, именно: перемѣна одного изъ двухъ

дѣйствующихъ лицъ на другое, Анны Андреевны на Марью Антоновну. Первоначально все явленіе происходило между Хлестаковымъ и Анной Андреевной. Послѣ передѣлки Гоголя все явленіе происходитъ между Хлестаковымъ и Марьей Антоновной. Этой главной перемѣной дѣйствующаго лица и вызваны были другія поправки. Однако, самыя первыя изъ нихъ не отмѣчены въ примѣчаніяхъ, поэтому необходимо привести начало явленія, по измѣненіи его Гоголемъ, въ полномъ видѣ:

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Хлестаковъ и Марья Антоновна.

Марья Антоновна.

«Ахъ!

Хлестаковъ.

«Отъ чего вы такъ испугались? Куда вы спѣшили?

Марья Антоновна.

«Извините меня, я, право, я не знала, что вы тутъ сидите. Я «шла приказать ключницѣ».

Въ пятомъ примѣчаніи къ 225 стр. сказано: «Послѣ этого приписано собственноручно чернилами: «позднѣе»». Въ дѣйствительности Гоголь приписалъ совсѣмъ другое слово, и приписалъ весьма отчетливо, и читается оно такъ: «сударыня».

Во второмъ примѣчаніи къ 228 стр., должно быть, описка. Тамъ сказано: «Весь *предыдущій* отрывокъ послѣ словъ Хлестакова. . .» Если отыскать слова Хлестакова въ текстѣ, то отрывокъ окажется не предыдущимъ, а *послѣдующимъ*.

Въ XIV явленіи четвертаго дѣйствія, съ 228 стр., тоже не отмѣчена существеннѣйшая поправка Гоголя. Въ рукописи новымъ лицомъ, появляющимся въ этомъ явленіи, была Марья Антоновна. Гоголь собственноручно перемѣнилъ ее на Анну Ан-

дреевну, чѣмъ и вызваны были всѣ дальнѣйшія, многочисленныя сокращенія и поправки.

И опять въ примѣчаніяхъ не указаны поправки въ началѣ явленія:

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣже и Анна Андреевна.

Анна Андреевна *(увидѣвъ Хлестакова не успѣвшаго встать на ноги и всплеснувъ руками)*

«Ахъ, какой посажъ!

Хлестаковъ *(вставая)*.

«А, чортъ возьми.

Анна Андреевна.

«Признаюсь, я въ такомъ нахожусь... Я не знаю... *(Къ «Марьѣ Антоновнѣ)*. Что это ты вздумала? Съ кого ты это при«мѣръ взяла?

Хлестаковъ.

«Анна Андревна. Руки вашей дочери прошу. Осчастливте! *(Падаетъ на колѣни)*.

Анна Андреевна.

«Ахъ, Боже мой!... Какъ же это! (Вы) Еще на колѣняхъ «стоите!

Хлестаковъ *(обращаясь къ Аннѣ Андреевнѣ)*.

«Влюбленъ, влюбленъ, ей Богу, влюбленъ... Если не согла«ситесь, умру, сей же часъ умру на этомъ самомъ мѣстѣ. Застре«люсь, напропало застрелюсь.

Анна Андреевна.

«Я, право, не могу еще придти въ себя... Мы никакъ и не «думаемъ о такой чести»... и т. д.

Послѣдній монологъ Хлестакова въ этомъ же XIV явленіи четвертаго дѣйствія тоже необходимо привести въ томъ видѣ, въ какой привели его собственноручныя исправленія Гоголя:

Хлестаковъ.

«Вы мнѣ возвратили жизнь, я теперь самый щастливѣйшій «изъ смертныхъ. *(Въ сторону).* А она тоже очень апетитна. *(Въ «слухъ Аннѣ Андреевнѣ).* Я (сударыня) съ перваго раза, какъ «только увидѣлъ васъ, почувствовалъ къ вамъ въ сердцѣ такую любовь...»

Во второмъ примѣчаніи къ 231 стр. приведены не всѣ исправленія Гоголя. Въ полномъ видѣ, исправленномъ Гоголемъ, вся фраза читается такъ:

Городничій.

«А когда же, то есть... Вы изволили сами намекнуть на «щетъ, то есть, свадьбы...»

Шестого примѣчанія къ той же 231 стр. совсѣмъ нѣтъ, а поставленное шестымъ надо считать седьмымъ. Подъ шестымъ примѣчаніемъ должна стоять фраза Хлестакова, по исправленіи ея Гоголемъ, въ слѣдующемъ видѣ:

«О, нѣтъ, къ чему это? *(Немного подумавъ)* А, впрочемъ, не «худо».

Въ первомъ примѣчаніи къ 232 стр. неточно приведены поправки Гоголя. Напечатано: «Мнѣ *никогда* не было такого хорошаго пріема»; слѣдовало напечатать: «Мнѣ нигдѣ» и т. д.

Во второмъ примѣчаніи къ 233 стр. приведены собственноручныя поправки Гоголя: «Теперь-то я задамъ перцу...» Гоголемъ, однако, ясно написано: «Теперь же» и т. д.

Въ третьемъ примѣчаніи къ той же 233 стр. приведены не всѣ исправленія Гоголя, которыя начались раньше, чѣмъ отмѣчено въ примѣчаніи: «Такъ жаловаться на меня! Вишь, ты, проклятой іудейской народъ! Постойте жъ, голубчики!» и т. д.

Въ первомъ примѣчаніи къ 237 стр. невѣрно обозначено количество зачеркнутыхъ словъ, такъ какъ въ рукописи они не всѣ зачеркнуты, какъ сказано въ примѣчаніи. Зачеркнуты: «Тѣже, Погоняевъ съ женою, Лука Лукичъ съ женою и». Остались не зачеркнутыми: «множество гостей въ сюртукахъ, фракахъ и Богъ знаетъ въ чемъ. Потомъ Бобчинскій и Добчинскій».

Въ первомъ примѣчаніи къ 243 стр. приведены не всѣ сполна исправленія Гоголя. Послѣ исправленныхъ словъ Почтмейстера, Гоголь еще приписалъ:

Всѣ.

«Читайте, читайте».

Письмо Хлестакова къ Тряпичкину напечатано (съ 243 стр.) по тексту тѣхъ двухъ листовъ сѣрой бумаги, о которыхъ говорится въ первомъ примѣчаніи къ 246 стр. Между тѣмъ ни въ текстѣ, ни въ примѣчаніяхъ, не приведенъ тотъ текстъ письма, который зачеркнутъ Гоголемъ. Сохранившаяся часть его читается такъ, вмѣстѣ съ репликами и ремарками:

«Мая такого то числа и проч.

«Спѣшу писать къ тебѣ, душа Тряпичкинъ, по обѣщанію, и разсказать одно удивительное происшествіе. Заѣхалъ я, братъ, къ такимъ дуракамъ, какихъ никогда не видывалъ. Помнишь ли, какъ мы хотѣли, было, разъ у Палкина пообѣдать на счетъ англійскаго короля, да (хозяинъ) мерзавецъ мальчишка придержалъ тебя за шинель. Вотъ сюда, братецъ, пріѣзжай: даютъ сколько хочешь въ займы. Городничій дуракъ всевозможнѣйшій.

«*Нѣсколько дамъ вскрикиваютъ:* ахъ! какой посажъ!

Городничій *(прерываетъ)*

«Не можетъ быть, тамъ нѣтъ этого написано.

Почтмейстеръ.

«Читайте сами.

Городничій *(читаетъ въ полголоса).*

«Всевозможнѣйшій. . . *(отпускаетъ письмо).*

Дальнѣйшій листъ вырванъ Гоголемъ и замѣненъ другими.

На 244 стр. напечатаны слова Городничаго: «Не можетъ быть: тамъ этого не писано». Въ рукописи эти слова читаются иначе: «Не можетъ быть тамъ этого написано».

Въ третьемъ примѣчаніи къ 245 стр. напечатано: «Артемій Филоповичъ (sic)». Въ рукописи: «Артемій Филиповичъ».

На 246 стр. не отмѣчено, что монологъ жены Погоняева, послѣ поправокъ Гоголя, сталъ принадлежать женѣ Коробкина.

Во второмъ примѣчаніи къ 247 стр. сказано: «Слова: «тра-ла-ла» зачеркнуты и сверху опять приписано: «тра-ла-ла». Нѣтъ, въ рукописи не приписано этихъ словъ, а надписаны совсѣмъ новыя слова: «фу-фу».

Пятое примѣчаніе къ 247 стр. совсѣмъ пропущено; въ немъ должно быть отмѣчено, что слова: «Съ чего, откуда взялось это?» зачеркнуты Гоголемъ.

Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали бы съиграть какъ елѣдуетъ Ревизора.

«Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали бы съиграть какъ слѣдуетъ «Ревизора»», напечатано въ VI томѣ десятаго изданія «Сочиненій Н. В. Гоголя» (М. и Спб., изданіе А. Ф. Маркса, 1896, 249—258 и 667—676 стр.), причемъ текстъ его взятъ изъ собственноручнаго списка Гоголя, а въ примѣчаніяхъ приведены особенности, измѣненія и поправки въ текстѣ списка.

«Предувѣдомленіе», какъ извѣстно, при жизни Гоголя ни разу не появлялось въ печати, и поэтому и въ настоящее время нѣтъ текста его въ законченномъ, въ литературномъ отношеніи, видѣ, нѣтъ текста обработаннаго и установленнаго для печати самимъ авторомъ. Сохранившійся списокъ «Предувѣдомленія» представляетъ собою первоначальный, черновой набросокъ, въ которомъ самъ авторъ сразу же, при самомъ процессѣ занесенія своихъ мыслей на бумагу, уже многое счелъ необходимымъ зачеркнуть, измѣнить, передѣлать, но который законченную художественную форму получилъ бы лишь во второмъ или даже третьемъ спискѣ. По крайней мѣрѣ начало второго списка «Предувѣдомленія» сохранилось и напечатано въ шестомъ же томѣ подъ названіемъ «Начальныхъ страницъ, переписанныхъ на-

бѣло». Поэтому сохранившійся списокъ, какъ первоначальный набросокъ, во многихъ мѣстахъ не только не даетъ закончепныхъ литературныхъ формъ, но даже лишенъ какого либо текста, принятаго авторомъ. Этотъ черновой характеръ сохранившагося текста «Предувѣдомленія» сознанъ былъ при печатаніи десятаго изданія, въ шестомъ томѣ котораго (стр. 672), въ третьемъ примѣчаніи къ страницѣ 250-ой, поставлено, напримѣръ, такое заявленіе: «въ виду невозможности составить фразу иначе, беремъ необходимыя слова изъ зачеркнутой, но не замѣненной строки».

Казалось бы, на издателя Гоголевскихъ текстовъ не должна возлагаться задача составлять фразы, не составленныя самимъ Гоголемъ. Наиболѣе посильнымъ въ этомъ случаѣ было бы точное, историческое воспроизведеніе всего хода работы Гоголя надъ извѣстнымъ текстомъ. Изданный текстъ въ этомъ случаѣ явился бы не тѣмъ гадательно идеальнымъ, какимъ, по предположенію издателя, выпустилъ бы его въ свѣтъ самъ Гоголь, а полной картиной всей работы Гоголя надъ текстомъ, при чемъ ясно долженъ быть выдѣленъ текстъ первый по времени появленія и указаны всѣ дальнѣйшія его поправки.

Такого изданія текстъ «Предувѣдомленія» долженъ ожидать еще въ будущемъ. Теперь же необходимо отмѣтить неточности вкравшіяся въ его изданіе въ шестомъ томѣ и указать поправки и измѣненія, которыя необходимо произвести въ печатномъ текстѣ, вслѣдствіе несоотвѣтствія его собственноручному Гоголевскому тексту, хранящемуся въ Отдѣленіи рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ подъ № 3215.

Послѣднія слова 249-й стр. и первыя 250-й въ шестомъ томѣ читаются такъ: «и самъ не чувствуя какъ, сдѣлался *и самъ* притѣснителемъ»; здѣсь два слова «и самъ» излишне повторены, въ подлинномъ текстѣ Гоголя совсѣмъ нѣтъ ихъ повторенія: «и самъ не чувствуя какъ, сдѣлался притѣснителемъ».

Въ 14-мъ примѣчаніи къ 250-й стр. приведено чтеніе изъ 9-й стр. списка: «онъ даже *не* счита(етъ)»; и здѣсь отрицаніе

«не» прибавлено издателемъ отъ себя, въ подлинномъ Гоголевскомъ текстѣ его совсѣмъ нѣтъ: «онъ даже счита».

Подъ 15-мъ примѣчаніемъ къ той же страницѣ изъ первоначальнаго зачеркнутаго чтенія приведено только одно слово: «велика»; между тѣмъ въ подлинномъ текстѣ вся эта фраза и слѣдующая имѣли иное первоначальное чтеніе: «Но велика страсть ко псовой охотѣ, которая увлекала его иной разъ на неправду, его иной разъ покривить. Онъ занятъ собой и умомъ своимъ и единственно только по этой причинѣ нѣсколько безбожникъ, что на этомъ поприщѣ его умъ себя выказалъ».

Подъ 4-мъ примѣчаніемъ къ 251-й стр. сказано: «Прежде было: *это*»; между тѣмъ въ подлинномъ текстѣ прежде было написано именно: «онъ», но потомъ это слово зачеркнуто и надъ нимъ надписано: «это».

Подъ 6-мъ примѣчаніемъ къ той же 251-й стр. приведено первоначальное чтеніе: «не зная, какъ вывернуться, сами прибѣгаютъ *потому*»; между тѣмъ въ подлинномъ текстѣ послѣднее слово явственно читается: «къ тому».

Подъ 18-мъ примѣчаніемъ изъ первоначальнаго чтенія приведено слово: «выразиться»; между тѣмъ въ подлинникѣ явственно читается: «выражаться».

Подъ 19-мъ примѣчаніемъ къ той же 251-й стр. сказано: «послѣ этого зачеркнуто: *лото*»; между тѣмъ въ подлинникѣ зачеркнуты два слога: «кото».

Въ 9-мъ примѣчаніи къ 252-й страницѣ трудно разобраться въ чтеніяхъ, тѣмъ болѣе что нѣкоторыя слова изъ подлинника совсѣмъ не приведены; первоначальное чтеніе: «Всякой можетъ также почувствовать, какое впечатлѣніе долженъ произвести (на каждое) пріѣздъ Ревизора на каждое изъ этихъ лицъ»; исправленное чтеніе: «Равномѣрно всякой можетъ почувствовать степень того впечатлѣнія, (какое) пріѣздъ Ревизора способенъ произвести (на каждое) изъ этихъ лицъ».

Послѣ 12-го примѣчанія на 253 стр. приведена фраза: «Ему уже кажется, что онъ дѣйствительно все это производи*тъ*»;

между тѣмъ въ подлинникѣ послѣднее слово поставлено въ прошедшемъ времени: «производилъ».

Въ примѣчаніяхъ 14—16 также трудно установить чтенія; въ подлинникѣ первоначальное чтеніе: «Вотъ отъ чего сцена, когда онъ говоритъ о себѣ какъ о государственномъ человѣкѣ, (навела) особенно жива и навела такой страхъ на всякого чиновника»; исправленное чтеніе: «Поэтому сцена, когда онъ говоритъ о себѣ какъ о государственномъ человѣкѣ, способна точно (пропущено слово: навести) страхъ на слушающаго чиновника».

Въ примѣчаніяхъ 19—20 къ той же 253 стр. тоже трудно установить чтенія; въ подлинникѣ три чтенія — первое: «Видя какъ распекаютъ и сосутъ, испытавши и самъ это, потому что бывалъ неоднократно распекаемъ, онъ почувствовалъ въ это время особенное удовольствіе распечь наконецъ и самому другихъ, хотя въ расказахъ»; второе: «Будучи самъ неоднократно распекаемъ, онъ это должепъ мастерски изобразить въ рѣчахъ»; третье: «Онъ долженъ эту честь долженъ очень хорошо, потому что бывалъ неоднократно распекаемъ».

Указанныхъ подъ 3-мъ (послѣ 19-го) примѣчаніемъ словъ: «не потому, что бы», въ подлинномъ Гоголевскомъ текстѣ совсѣмъ нѣтъ.

Въ 4-мъ примѣчаніи къ 254-й страницѣ сказано: «Слова: «онъ бы преспокойно дождался толчковъ» приписаны сверхъ зачеркнутыхъ»; между тѣмъ послѣднее слово: «толчковъ» и дальнѣйшія написаны въ строку, а не приписаны сверхъ.

Подъ 5-мъ примѣчаніемъ къ той же 254-й стр. сказано: «Прежде было: «пронесло»»; между тѣмъ въ подлинникѣ прежде было: «пронеслось».

Во 2-мъ примѣчаніи къ 255-й стр. сказано: «въ подлинникѣ: «о пріездѣ» (sic)»; между тѣмъ въ подлинникѣ написано: «о пріѣздѣ».

Въ 10-мъ примѣчаніи къ той же 255-й стр. сказано: «Прежде было: «вотъ какимъ образомъ должно быть установлено (sic) картина»»; между тѣмъ въ подлинникѣ ясно напи-

сано: «установленна». Вся эта фраза въ текстѣ на 255 страницѣ оканчивается словомъ: «такъ»; въ подлинномъ Гоголевскомъ текстѣ слова этого совсѣмъ нѣтъ въ этой фразѣ.

На 256 стр. первыя двѣ строки читаются такъ: «По правую его руку жена и дочь, обращенныя къ нему съ испугомъ въ лицѣ»; въ подлинникѣ послѣднія два слова читаются иначе: «па лицѣ», а можетъ быть и «на лицахъ», — окончаніе не ясно.

Въ 6-мъ примѣчаніи къ 257-й страницѣ сказано: «Слово: «преимущественную», написано сверху строки»; слѣдуетъ добавить: надъ зачеркнутымъ словомъ: «первую».

Въ 16-мъ примѣчаніи къ той же 257-й страницѣ пропущена цѣлая фраза, въ подлинникѣ приписанная надъ зачеркнутою: «и очерствѣлъ почти нечувствительно для самого себя»; вмѣсто этой фразы Гоголь написалъ надъ строкою новую: «не чувствуя, что онъ притѣснитель и непримѣтно для самого себя».

Слѣдуетъ также исправить неточность, вкравшуюся въ самое описаніе рукописи Гоголя, содержащей черновой текстъ «Предувѣдомленія». О матеріалѣ этой рукописи сказано (стр. 667), что она написана «на листѣ синеватой бумаги, формата обыкновенной почтовой бумаги». Въ дѣйствительности рукопись написана на пяти листахъ почтовой бумаги, формата въ маленькую восьмушку.

Переходимъ теперь къ главному предмету нашей рѣчи. При описаніи рукописи издателемъ въ скобкахъ поставлено слѣдующее замѣчаніе: «на одной изъ оборотныхъ сторонъ нарисована фигура какого то господина съ дамой».

Дѣйствительно, пересматривая всѣ пять листковъ, содержащихъ текстъ «Предувѣдомленія», мы находимъ отмѣченныя изображенія на *четвертой* страницѣ перваго листка. Молчаніе описателя рукописи о первыхъ трехъ страницахъ этого листка даетъ основаніе полагать, что Гоголь оставилъ ихъ бѣлыми, не заполнилъ ихъ ни текстомъ, ни рисунками. Между тѣмъ, въ дѣйствительности Гоголь оставилъ бѣлыми лишь вторую и третью страницы перваго листка, на *первой* же страницѣ онъ

собственноручно написалъ пятнадцать строкъ текста, имѣющаго непосредственное отношеніе къ «Предувѣдомленію». Но эти Гоголевскія строки не вошли въ текстъ напечатаннаго «Предувѣдомленія» (VI, 249—258 стр.) и не отмѣчены въ примѣчаніяхъ (ibid., 667—676 стр.).

Гоголь въ этихъ пятнадцати строкахъ набросалъ нѣсколько мыслей, имѣющихъ въ виду выяснить общую задачу актера при исполненіи имъ принятой на себя роли. Гоголь старался внушить каждому актеру необходимость представлять созданныя драматургомъ лица «благороднѣй и чище, чѣмъ они есть».

Такимъ образомъ въ этихъ строкахъ Гоголь излагалъ положительную задачу актерскаго искусства и, въ параллель этому изложенію, на другомъ листкѣ набросалъ нѣсколько мыслей объ отрицательныхъ задачахъ актера: «Ничего не должно быть карикатурнаго», и т. д.[1]). Повидимому, именно таковъ и былъ первопачальный ходъ мыслей и намѣреній Гоголя. Когда онъ только что задумалъ изложить нѣсколько руководственныхъ указаній для актеровъ, которымъ предстояло играть «Ревизора», онъ прежде всего записалъ, наскоро и начерно, свои положительныя соображенія, а потомъ перешелъ къ отрицательнымъ.

Если эта догадка имѣетъ за собою нѣкоторую вѣроятность, то впервые печатаемыя нами Гоголевскія строки получаютъ особое значеніе въ исторіи текста «Предувѣдомленія». Онѣ представляютъ собою начало чернового текста «Предувѣдомленія», именно ими онъ и долженъ начинаться.

Догадка эта получаетъ подтвержденіе въ текстѣ второй редакціи «Предувѣдомленія», названной въ печати «начальными страницами, переписанными на бѣло». Редакція эта представляетъ дальнѣйшую обработку текста, наиболѣе сокращенную и наиболѣе правильную въ стилистическомъ отношеніи. И вотъ, въ

1) Необходимо отмѣтить, что первая строка въ напечатанномъ черновомъ текстѣ: «Больше всего надобно опасаться впасть въ карикатуру», надписана Гоголемъ впослѣдствіи. Первоначальный текстъ начинался съ фразы: «Ничего не должно быть карикатурнаго».

третьей фразѣ этой редакціи, сокращенно изложены, уже какъ антитеза, всѣ мысли начальныхъ строкъ первой редакціи: «Напротивъ, нужно особенно стараться *актеру* быть скромнѣй, проще и какъ бы благороднѣй, чѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ есть то лицо, которое представляется».

Такимъ образомъ необходимо признать, что печатаемыя ниже строки Гоголевскаго текста не только имѣютъ отношеніе къ тексту «Предувѣдомленія», но и представляютъ собою начало первой его редакціи.

При печатаніи и этого текста всѣ слова, зачеркнутыя Гоголемъ, поставлены въ скобкахъ, а надписанныя потомъ — набраны курсивомъ:

(Какъ сочиненіе хорош) (какъ сочиня)

Точно также какъ драматическій писатель, сочиняя драмма взятую изъ жизни, долженъ помышлять о томъ, изобразить въ ней природу нѣсколько благороднѣй и чищѣ, чемъ какъ она есть въ дѣйствительности; также точно (что) должны стараться актеры о томъ, представить имъ (выв) созданныя лица *какъ бы* благороднѣй и чище, чемъ они есть. Иначе зачемъ и представлять піэсу: она будетъ всегда пріятнѣй въ чтеніи. Никакъ не нужно позабывать того, что всякая рѣзкость становиться еще резче и очевидиѣй въ представленіи. Поэтому то и самому и цензура театральная бываетъ строже той, (которая) какая бываетъ для книгъ, назначаемыхъ для простаго чтенія.

Предувѣдомленіе къ предполагавшимся изданіямъ Ревизора въ пользу бѣдныхъ.

«Предувѣдомленіе къ предполагавшимся изданіямъ «Ревизора» въ пользу бѣдныхъ» было издано Н. С. Тихоправовымъ («Сочиненія Н. В. Гоголя», изданіе десятое, томъ второй, М., 1889, 338—340 и 684—690 стр.) по двумъ спискамъ, сохранившимъ въ себѣ двѣ редакціи «Предувѣдомленія» — краткую или позднѣйшую и пространную или предшествовавшую первой. Списокъ краткой редакціи, которымъ пользовался при изданіи Н. С. Тихоправовъ, «переписанъ на бѣло самимъ Гоголемъ», пространная же редакція извѣстна была Н. С. Тихоправову «по копіи, находящейся въ бумагахъ наслѣдниковъ Гоголя».

Въ бумагахъ наслѣдниковъ Гоголя сохранился и собственноручный Гоголевскій списокъ пространной редакціи «Предувѣдомленія», теперь хранящійся въ Отдѣленіи рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ подъ № 3215. При сличеніи текста этого списка съ текстомъ копіи, изданной Н. С. Тихоправовымъ, обнаруживается, что копія не точно передала нѣкоторыя мѣста собственноручнаго текста Н. В. Гоголя и совсѣмъ не воспроизвела всѣхъ подробностей литературной работы его надъ текстомъ «Предувѣдомленія», которыя сохранились въ его собственноручномъ спискѣ.

Какъ на примѣръ неточной передачи въ копіи собственно-

ручнаго текста Н. В. Гоголя можно указать на слѣдующія мѣста въ «Предувѣдомленіи»:

Подъ 14-мъ примѣчаніемъ, на стр. 689-й, второго тома, напечатана по копіи такая фраза: «отъ своихъ излишковъ не оставить денежнымъ вспомоществованіемъ, которое они могутъ адресовать къ одному изъ раздавателей». Фраза эта въ собственноручномъ спискѣ Гоголя сохранилась въ двухъ редакціяхъ — первоначальной и исправленной. Первоначальная, въ полномъ видѣ, читается такъ: «Тѣхъ же моихъ читателей, которые, будучи заняты должностями и обязанностями высшими, не имѣютъ чрезъ то досуга входить непосредственно въ положенья бѣдныхъ людей, но которые однако жъ достаточны и могутъ что нибудь удѣлить отъ своихъ излишковъ, я прошу прислать денежное вспоможеніе къ кому нибудь изъ тѣхъ, на которыхъ разложена раздача ихъ и которыхъ имена здѣсь означены». Въ исправленной редакціи вся эта фраза подверглась сокращеніямъ и измѣненіямъ, правда, не законченнымъ, и читается такъ: «Всѣхъ же тѣхъ, которые, будучи заняты должностями и обязанностями высшими, не имѣютъ чрезъ то досуга входить непосредственно въ положенья бѣдныхъ людей, я прошу не оставить денежное вспоможеніе, которое они могутъ адресовать къ одному изъ раздавателей».

Такимъ образомъ въ копіи не выдержана ни одна изъ редакцій собственноручнаго текста Гоголя и даже обѣ редакціи соединены въ одну.

Подъ 16-мъ примѣчаніемъ, на той же страницѣ второго тома, по копіи напечатана слѣдующая фраза: «Считаю обязанностію увѣдомить, что я упросилъ взять это на себя тѣхъ изъ мною лично знаемыхъ, которые имѣютъ болѣе другихъ для этого досуга» и т. д. Въ собственноручномъ спискѣ Гоголя фраза эта читается въ трехъ редакціяхъ — первая: «Считаю обязанностью увѣдомить при этомъ, что избраны мною для этого только тѣ изъ уважаемыхъ мною истинно людей, которые имѣютъ» и т. д.; вторая: «Считаю обязанностью увѣдомить, что я возложилъ раз-

дачу вспомоществованія на тѣхъ изъ друзей моихъ, которые» и т. д.; третья: «Считаю обязанностью увѣдомить, что я упросилъ взять хлопотами (sic) на себя тѣ (sic) изъ мною лично знаемыхъ людей, которые имѣютъ» и т. д.

Такимъ образомъ и въ этой фразѣ копія не передала въ точности ни одной изъ трехъ редакцій подлинника.

Кромѣ того, по копіи совсѣмъ не напечатаны имена и адреса раздавателей, чѣмъ косвенно указывается тожество ихъ со спискомъ, напечатаннымъ по краткой редакціи на стр. 340-ой второго тома. Между тѣмъ въ собственноручномъ спискѣ Гоголя пространной редакціи есть отличія и въ этомъ спискѣ, именно: въ краткой редакціи поименовано шесть Московскихъ раздавателей, а въ пространной семь, и этимъ седьмымъ, пропущеннымъ въ краткой редакціи, поставленъ Василій Алексѣевичъ Пановъ. При первомъ имени Петербургскихъ раздавателей пропущенъ титулъ, тогда какъ въ пространной онъ поставленъ: «Кн. Ольга Степановна Одоевская».

Приведенные уже примѣры показываютъ, что копія старается воспроизвести преимущественно послѣднее чтеніе пространной редакціи, опуская безъ вниманія всю предыдущую работу Гоголя надъ текстомъ. Можно было бы привести и еще нѣсколько выраженій изъ первоначальныхъ чтеній текста, не воспроизведенныхъ копіей, напримѣръ: «другіе (литераторы) не отказывались участвовать въ составленіи разныхъ сборниковъ», «должны (имущіе) содержать имъ сверхъ того мать, сестру, словомъ не одного себя», «оно (дѣло раздачи) отнимаетъ у нихъ (раздавателей) множество самыхъ пріятныхъ удовольствій и развлеченій свѣтскихъ, имѣющихъ дьявольскую приманку, которыя почти необходимы въ минуты отдыха человѣка», и др.

Можно, наконецъ, привести примѣръ произвольнаго чтенія въ копіи Гоголевскаго текста. Въ концѣ «Предувѣдомленія», на стр. 690, напечатана по копіи слѣдующая фраза: «въ разговорѣ легко могутъ быть объяснимы всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя всегда остаются въ письмахъ». Въ собственноручномъ текстѣ

Гоголя эта фраза читается нѣсколько иначе: «Въ разговорѣ легко могутъ объясниться всѣ тѣ недоразумѣнія» и т. д.

Кромѣ собственноручнаго Гоголевскаго списка «Предувѣдомленія» пространной редакціи, въ бумагахъ наслѣдниковъ Гоголя сохранился и еще одинъ списокъ «Предувѣдомленія» и также писанный собственною рукою Гоголя. Матеріаломъ для него послужилъ полулистъ почтовой бумаги малаго формата in 8°, двѣ страницы котораго Гоголь заполнилъ мелкимъ, бисернымъ, но четкимъ и красивымъ своимъ почеркомъ, съ небольшими передѣлками, измѣненіями и сокращеніями въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Этотъ списокъ содержитъ въ себѣ наиболѣе пространную и наименѣе обработанную редакцію «Предувѣдомленія». Почти каждая фраза ея или синтаксически не полна, или стилистически не закончена и не обработана. При сопоставленіи съ тѣми двумя редакціями, которыя напечатаны П. С. Тихонравовымъ, эта новая редакція, въ литературномъ отношеніи, является первопачальнымъ наброскомъ мыслей и выраженій, которыя уже въ послѣдующихъ редакціяхъ постепенно принимали литературную форму. Поэтому въ хронологическомъ порядкѣ она должна быть поставлена первою среди всѣхъ трехъ извѣстныхъ редакцій «Предувѣдомленія».

Мѣста, зачеркнутыя Гоголемъ, печатаются въ скобкахъ, а надписанныя поверхъ строкъ — курсивомъ.

Почти всѣ изъ моихъ собратьевъ — *Русскихъ* литераторовъ жертвовали чемъ-нибудь отъ трудовъ своихъ въ пользу неимущихъ. Или издавали сами въ пользу ихъ книги, или участвовали своими трудами въ составл(яемыхъ)еніи сборниковъ, (издаваемыхъ цѣлымъ) *предпринимаемыхъ* обществомъ *благотворительнымъ*, или наконецъ или паконецъ (производили) *составляли* съ этою цѣлью публичныя чтенія. Одинъ, къ моему стыду, отсталъ. Желая загладить, хотя поздо, проступокъ свой, я назначаю *въ пользу неимущихъ* нынѣшнее четвертое *и пятое* изданіе «Реви-

зора», *печатаемыя въ одно время въ Москвѣ и въ Петербургѣ*, съ присоединеніемъ его окончанія или развязки, которую по разнымъ обстоятельствамъ мнѣ нельзя было выдать прежде.

Деньги, выручаемыя (за нихъ будутъ обращены) за оба эти изданія, назначаются (какъ в) только въ пользу тѣхъ неимѣющихъ, которые или служатъ или служили прежде *на самыхъ невидныхъ и незамѣтныхъ мѣстахъ*, которые имѣютъ слишкомъ мѣлкіе и маленькіе мѣста и должности, хотя тѣмъ не менѣе трудны, и получаютъ слишкомъ маленькія жалованія на свое содержаніе, хотя бываютъ иногда обязаны содержать не однихъ себя, но дряхлую мать, *больныхъ* и нигдѣ не пріютившихся родственниковъ. Я потому и прошу убѣдительно всѣхъ читателей, уже (купившихъ Ревизора) сдѣлавшихъ начало доброму дѣлу покупкой моей (продолжить) книги, сдѣлать *ему* (и завершенье) и добрый ему конецъ или завершенье. Я прошу всѣхъ тѣхъ читателей моихъ, которые не заняты слишкомъ важными и высокими должностями, лишающими досуга, которые, напротивъ того, служатъ сами еще не въ важныхъ должностяхъ и стало болѣе всѣхъ другихъ могутъ встрѣчаться лично съ такими *людьми*, всѣхъ такихъ читателей я прошу заняться доставкой свѣденій обо всѣхъ (такихъ людяхъ, гдѣ бы они ихъ не встрѣтили, претерпѣвающихъ трудное горе жизни), *терпящихъ и нуждающихся* въ означенномъ видѣ. Свѣденія таковыя прошу доставлять ихъ тѣмъ людямъ, которые мною уполномочены быть раздавателями (этой) такой помочи (прося ихъ въ тоже время). *Особенно* прошу (читателей) не пренебрегать такимъ дѣломъ, *входить* и вникать самолично въ положеніе нуждающихся и только о такихъ доставлять свѣденія, которыхъ они узнали *уже сами* лично *и* не полагаться на расказы другихъ.

(Именемъ Бога говорю) *Право*, стоитъ того человѣкъ, чтобы поближе и получше войти его въ положеніе, (гораздо лучш) и разговоромъ *съ нимъ* о немъ самомъ гораздо лучше всякихъ разговоровъ о томъ, что интересуетъ (все) общество въ его современную минуту. Можетъ *случиться*, тутъ же, въ одномъ

мѣстѣ, въ одной улицѣ и даже въ одномъ домѣ, въ одной комнатѣ съ нами (быть) человѣкъ, который вытерпливаетъ тяжелое горе жизни, которому мы, а не кто либо другой могъ бы помочь, — и мы этого не узнаемъ, и (умираемъ даже) достигаемъ до конца жизни и умираемъ спокойно, не подозрѣвая, могли ли быть у насъ какіе нибудь сношенія съ этимъ человѣкомъ. Молю всѣхъ Христолюбивыхъ читателей не пренебрегать (особенно) разговорами съ низшими людьми, особенно съ такими, которые молчаливо, неразговорчиво, тихо скорбятъ и претерпѣваютъ, и только послѣ ихъ смерти узнается, что они умерли отъ невыносимаго бремени нуждъ. Всѣхъ же тѣхъ читателей, которые, *будучи* заняты болѣе нужными и важнѣйшими дѣлами, не могутъ имѣть чрезъ то досуга входить въ положенья бѣдныхъ людей, прошу *ихъ* (предполагая ихъ людьми достаточными), разумѣется, въ такомъ случаѣ, если они достаточны и могутъ удѣлять отъ своихъ достатковъ, прислать отъ себя что нибудь на вспоможенье, адресуя къ кому нибудь изъ тѣхъ (которые) моихъ знакомыхъ, которые *по доброть своей* рѣшились взять на себя обязанность быть раздавателями вспомоществованій, и которыхъ имена и адресы сдѣсь прилагаются.

(Увѣдомляю при) Считаю обязанностью увѣдомить при этомъ случаѣ, что выбраны мною тѣ особенно, которые имѣютъ покуда болѣе другихъ свободнаго времени, имѣютъ душевную потребность быть (хотя этимъ) полезными брату и будутъ стараться особенно о томъ, чтобы помощь не (пропала даромъ) копѣйка брошенная даромъ на воздухъ, но обратилась, при всей малости своей, въ пользу неимущему, а потому не прежде помогутъ ему, покуда его не узнаютъ, какъ близкаго своему сердцу человѣка, не взвѣсятъ всѣхъ обстоятельствъ его окружающихъ и не придутъ въ возможность сопроводить умнымъ совѣтомъ поданную помощь. *Въ тѣхъ сл*, гдѣ дѣло будетъ соединено тѣсно съ состояніемъ душевнаго нуждающаго, гдѣ онъ самъ окажется виной своей тяжелой участи, словомъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ (дѣло будетъ тѣсно) участвуетъ совѣсть человѣка, они про-

извѣдутъ не иначе вспомоществованье свое, какъ чрезъ руки опытныхъ священниковъ и такихъ духовниковъ своихъ, которымъ приходится не впервой имѣть дѣло съ душой и съ совѣстью человѣка. (Прошу Доставлять же свѣденія о нещастныхъ гораздо лу) Желательно мнѣ было, если бы всякъ изъ тѣхъ знающихъ, которые имѣютъ свѣденія о страждущихъ, доставляли бы свѣденія свои лично мною означеннымъ особамъ, а не письменно. На словахъ можно разсказать лучше и обстоятельнѣе и разрѣшить всякіе недоразумѣнія, которыя всегда остаются въ письмахъ. Я нарочно затѣмъ раздѣлилъ на многихъ, а не одного, раздачу вспомоществованья, чтобы *могъ усмотрѣть самъ, съ кѣмъ ему ловче переговорить и объясниться*, читатель видѣлъ самъ, къ кому изъ нихъ приличнѣе, по роду дѣла, обратиться. Нужно ли сострательное участіе женщины, или освѣжительное братское ободреніе мужчины. Выставляю даже, въ который они могутъ переговорить: отъ 11 до 12 часовъ, полагая этотъ часъ удобнѣе. Если же и неудобно, то все таки въ этотъ часъ они могутъ узнать отъ нихъ, въ который пріѣхать имъ переговорить о дѣлѣ.

Имена и адресы лицъ, на которыхъ возложена раздача вспомоществованій

Въ Москвѣ — въ С.-Петербургѣ.

Отрывки, наброски и молитвы.

Отрывки и наброски сохранились на лоскуткахъ писчей бумаги, на которыхъ Гоголь собственноручно записалъ мысли и соображенія свои по разнымъ вопросамъ, особенно религіознымъ (№№ 1, 2, 5, 6), по географіи (№ 3), матеріалы для словаря (№ 10) и молитвы (7 и 8). На особомъ листкѣ почтовой бумаги написанъ Гоголемъ «Реестръ книгъ оставшихся въ Москвѣ», имѣющій важное значеніе для біографіи Гоголя.

Автографы Гоголя хранятся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подъ № 3213.

1.

У исповѣди собрать всѣ сословія, всѣ какъ равные между собою. Всѣ дѣло имѣютъ съ Богомъ.

2.

Выше того не выдумать, что уже есть въ Евангеліи. *Сколько разъ уже отшатывалось отъ него человѣчество и сколько разъ обращалось.* Нѣсколько разъ совершитъ человѣчество своего кругообращеніе... пѣсколько *мыслей* совершитъ... оборотъ мыслей... и возвратится вновь къ Евангелію, подтвердивъ опытомъ *событій* истину каждого его слова. *Вѣчное оно вкопится глубже*

и глубже. Еще (глубже и глубже вкорепятся вѣчныя слова), какъ дерева, шатаемые вѣтромъ, пускаютъ глубже и глубже свои корни.

3.

Особенно нужно знакомить съ тѣми мѣста, *гдѣ является сила дѣятельности*, которые человѣкъ привелъ изъ бесплотныхъ въ цвѣтущіе, какъ произошло, *съ небольшой исторіей какъ онъ это совершилъ*, это оставляетъ добрыя впечатлѣнія... любовь къ труду и земледѣлью, охоту бороться съ препятствіями.

4.

Бѣдному сыну пустыни снился сонъ представить... Бѣдному сыну пустыни снился сонъ: Лежитъ и разстилается великое Средиземное море, и съ трехъ разныхъ сторонъ глядятъ въ него палящіе берега Африки съ тонкими пальмами, Сирійскіе голые пустыни и многолюдный, весь изрытый моремъ, берегъ Европы. Стоитъ въ углу надъ неподвижнымъ моремъ древній Египетъ. Пирамид надъ пирамидою; граниты глядятъ сѣрыми очами, оддѣланные въ сфинксы идутъ величавые ступени. Стоитъ онъ величавый, питаемый великимъ Ниломъ.

5.

Одно только сдѣсь ясно, что крестъ данъ Тѣмъ, кто даетъ одно благо, благо въ разныхъ видахъ, или въ видѣ ясного понятнаго намъ счастія, или въ видѣ тяжкого непостижимаго для насъ страданія. Въ такомъ убѣжденіи великая сила; но и эту силу мы получаемъ отъ Бога.

6.

Долгъ — Святыня. Человѣкъ счасливъ, когда исполняетъ долгъ. Такъ велитъ долгъ, говоритъ онъ и уже покоенъ.

7.

Господи, дай мнѣ помнить вѣчно мое... мое невѣдѣніе, мое незнаніе, *недостатокъ образованія моего, да не выведу ни о комъ и ни о чемъ неосмотрительного мнѣнія.* (Никого не судить, и сторониться выводить мнѣніе. Да помню ежемипутно Слова Апостола Твоего. Не все да будетъ).

8.

Господи! спаси и помилуй бѣдныхъ людей. *Умилосердись, Создатель, и яви руку свою и надъ ними.* Господи, выведи насъ всѣхъ на свѣтъ изъ тьмы. Господи, отгони всѣ обольщенія лукавого духа, *всѣхъ* насъ обольщающія. Господи, просвѣти насъ, Господи, спаси насъ. Господи, спаси бѣдныхъ людей Твоихъ.

Господи, удержи гнѣвъ *твой*, и ярость казней твоихъ. Господи, преклонись немощью нашею и помоги намъ, *возвестись намъ, обрати къ тебѣ* и вознести(сь тебя) *умоляющій вопль къ Тебѣ, и рыданьемъ сердецъ нашихъ умолить тебя.* (Господи, пошли духа твоего святого, не вѣдя что творятъ, прости безумія нашего). Господи, не взирая на нечестивыя наши дѣла *и вопль неистовый*, не вѣдятъ бо что творятъ, *ради любящихъ тебя, ради угождающихъ*, пошли духа твоего святого, вразуми и спаси насъ. Спаси, спаси насъ, спаси.

Господи, спаси и помилуй бѣдныхъ людей твоихъ. Не давай лукавому возвеселиться и овладѣть нами. Не дай врагу поглумиться надъ нами, и мрачному производить беспорядки и неустройства, возмутить стройность, *знаменующую* присутствіе твое *съ нами.* Господи, яви, *сотвори святое* твое чудо *твое*, устрой, устрой.

Господи, спаси.

Небесная строиность и мудрость Христа, соприсутствовавшая Богу при творепьи міра, безъ ися же ни что же бысть. Яви человѣколюбіе свое ради святой крови своей, ради жертвы за насъ принесенной. *Внеси святой порядокъ*, (Спаси и разгони

хаосъ въ котор... бысть миръ. Устрой, устрой, спаси насъ) и разогнавши мисли (изъ хаоса) печестивыя, вызови изъ хаоса строиность, *и* спаси *насъ*, спаси, спаси насъ. Господи, спаси и помилуй бѣдныхъ людей твоихъ.

Господу
Возгла

9.

Реэстръ книгъ, остающихся въ Москвѣ.

Собраніе русскихъ лѣтописей	2	книги
Словарь церковно-Словенскій Академическій	2	книги
Церковный словарь	2	»
Греческій словарь Косовича	1	»
Lexicon Greco-latinum	1	»
Collexion des auteurs latins	1	»
Homeri carmina	1	»
Исторія Евсевія	2	»
Записки на книгу бытія	1	»
Luciani opera	1	»
Aristophanis comediae	1	»
Древняя Исторія Беккера	1	»
Средняя исторія	1	»
Географія Зябловскаго	6	»

10.

Губами не плюскати.
Губами не сверкати.
Ртомъ не чавкати, не ляскати.
Нищелюбецъ, страннопріимникъ, недосадитель.
Не славохотенъ, не златолюбецъ.
Молитвенникъ, друголюбецъ, разумный трудникъ къ Богу неосудникъ.
Настигнетъ поклепъ и оговоръ.
У небесныхъ чертоговъ кроткостояніе.
Посмѣхъ и укоризна.

Участникъ зла и общникъ нечестивыхъ.
Благожитіе.
Обносъ и поносъ.
Добрымъ наукомъ вѣкъ живетъ.
И въ грозѣ и во всякомъ дозорѣ.
Твоего берегли бы всѣ за одинъ.
Не потачилъ и обыскивалъ прямо съ очей на очи.
Изгинетъ имѣнье.
Бездождіе, безвременные дожди и нестройные лѣта, и зима неугодна, и мразы, и земли бесплодіе, рыбамъ и всякому обилію скудость.
Съ благотерпѣньемъ.
Нѣтъ устроя между людьми.
Указать дневное дѣло всякому рукодѣлію.
Колачи, блины, пироги, всякіе каши и кисели, и всякіе приспѣхи.
Стирать выполоскать и скатать.
Сталъ учить какъ сѣять муку, притворити квашню и замѣсити. Валять и печь хлѣбъ такъ, чтобы были кваспы и буко́ны и выпечены.
Обрѣски сукна и холстины.
Всякому рукодѣлью порядня и спасть была бы въ подворьи.
Всякому домовитому обиходу была бы своя порядня.
Поваренная порядня и хлѣбенная была бы сполна. И мѣдное, и оловяное, и желѣзное, и деревяное.
Пересмотрѣть что измято, избито, утло, изваляно, подралося.
Мѣримое было бы измѣримое, вѣсовое извѣшено.
Пустыхъ, пересмѣшныхъ, соромныхъ, бездѣльныхъ рѣчей не говорила.
Да не знаться съ переходными бабами, гадальщицами, волхователь ницами и ворожеями.
Ходильное платье, убрусы, рубашки, ширинки, все было бы чисто, бѣло, уверчено, укладено, не перемято, не столчено.

А лучшее платье, саженье, монисто въ сундукахъ и коробьяхъ за замкомъ, и ключи держала въ маломъ ларцѣ.

Вино, медъ, пиво, гостинцы держала бы жена въ погребѣ да ледникѣ, а сама бы не пила. Пила бы безхмѣльную брагу и квасъ и дома и въ людяхъ.

А платье, рубашки, убрусы носить на себѣ бережно: не извалять, не изсуслить, не измять, не класть на мокрое, садясь оглядываться, питьемъ

Три раза въ день перемывать горячей водой ковши, братины, ложки, ставцы и всякую посуду, поутру, послѣ обѣда и въ вечеру. Перемывши вытереть и высушить.

А ведра, и ночва, и квашни, и корыта, и сита, и решета, и горшки, и кувшины, и корчаги. И вымыть, и выскресть, и вытереть, и высушить, и положить въ чисто мѣсто.

А по лавкѣ, по двору, по хоромамъ сосуды не волочились бы, а ставцы, блюда, братены, ковши и ложки по лавкамъ не валялись бы. Но въ чистомъ бы мѣстѣ лежало опрокинуто ницъ. Сосуды, лучшіе, серебряные, оловяные, золотые держать за замкомъ въ крѣпкомъ мѣстѣ.

Передъ крыльцомъ солома грязи на ноги отирать, ино лѣсница не угрязнится. И у сеней передъ дверьми рогожка или войлокъ ветшаный или потирало. А подальше еще что получше.

Такъ ведется у добраго домовитого благоразумнаго Государя своимъ дозоромъ и добрымъ наукомъ. А купить у кого пріѣзжева, торгуй полюбовно и деньги плати вдругъ. А по куплѣ и почестку учини. Хлѣбомъ да солью да питьемъ, привѣчай словомъ и привѣтомъ, а смотря по торговлѣ и человѣку, какъ нибудь и подари. Не будетъ убытка. Всегда мимо тебя добраго товару не продастъ, лишнева не возьметъ и худова не дастъ.

Всему дозоръ, и присмотръ, и блюденье.

А по обиходу смотря, купи и въ запасъ чего на возъ: тафты косякъ или сукна поставъ.

А лѣсъ, и дрова, и бочки, и мѣрники, и скалы, и будникъ, и лубья, и липнягъ, и доски, и дранцы, и желобы, коли тому на возъ, въ зимѣ на возѣхъ, а лѣтѣ на плотѣхъ и въ лодьяхъ на годъ запасешь.

Что слишкомъ дешево купи, коли хозяинъ, хоть и ненадобно, наверстаешь въ другомъ съ прибылью чего много запасъ.

Матеріалы историческіе.

Среди собственноручныхъ бумагъ Н. В. Гоголя сохранилось значительное количество листовъ вырѣзанныхъ и вырванныхъ изъ записныхъ книжекъ разнаго формата и заполненныхъ собственноручно Гоголемъ свѣдѣніями и замѣтками по всѣмъ періодамъ исторіи всемірной и, больше всего, русской.

Сохранилась и обертка съ записной книги большаго формата (въ листъ), съ собственноручною надписью Гоголя, большими буквами, въ двѣ строки: «Матеріалъ лекцій». Надо думать, что большинство уцѣлѣвшихъ листовъ, большаго формата, совершенно однородныхъ, сѣрыхъ и съ однимъ водянымъ знакомъ «Pro patria» (VI т., стр. 792), входили въ составъ одной записной книги, назначеніе которой Гоголь точно опредѣлилъ вышеприведенною надписью. Листы другого формата, въ четвертку, зеленоватаго цвѣта, съ водяной монограммой изъ двухъ латинскихъ буквъ G и P, вырѣзаны изъ другой записной книжки, имѣвшей, однако, тоже самое назначеніе.

Очевидно, у Гоголя было нѣсколько записныхъ книгъ, которыя онъ заполнялъ матеріалами, служившими ему для составленія и чтенія лекцій по исторіи. Сюда вносились прежде всего выписки изъ источниковъ и пособій по исторіи, а потомъ уже собственныя замѣтки Гоголя и собственное его изложеніе историческихъ событій и характеристикъ, а также собственный его подборъ свѣдѣній, относящихся къ извѣстному историче-

скому лицу или событію; и лишь нѣкоторыя страницы этихъ книгъ сохранили попытки Гоголя въ литературно-обработанной формѣ изложить извѣстную лекцію.

Редактору VI и VII тт. десятаго изданія Сочиненій Н. В. Гоголя были извѣстны эти разрозненные листы съ Гоголевскими матеріалами для лекцій по исторіи, и часть изъ нихъ напечатана имъ въ VI томѣ подъ общимъ заглавіемъ: «Черновые наброски, замѣтки и выписки, относящіеся къ русской исторіи» (стр. 439—448), и въ примѣчаніяхъ къ «Наброскамъ изъ древней исторіи» подъ заглавіями: «Мидія» и «Персы» (стр. 787—789). Однако, въ примѣчаніяхъ къ «Черновымъ наброскамъ» редакторъ заявилъ (792 стр.): «Въ этомъ отдѣлѣ нами соединены *всѣ* тѣ черновые наброски Гоголя, относящіеся къ русской исторіи, которыя, не составляя какихъ либо законченныхъ статей, были имъ или записаны для памяти, будучи составляемы по источникамъ, или же заключали въ себѣ размышленія автора и, вѣроятно, предназначались для дальнѣйшей разработки въ будущемъ». Изо всего этого не весьма вразумительнаго заявленія можно вывести совсѣмъ неправильное заключеніе о томъ, что редакторъ исчерпалъ *всѣ* черновые наброски Гоголя, по крайней мѣрѣ, по русской исторіи, что напечатанными редакторомъ набросками ограничиваются всѣ уцѣлѣвшія записи Гоголя и что, кромѣ этихъ напечатанныхъ, не сохранилось никакихъ матеріаловъ, относившихся къ занятіямъ Гоголя исторіей.

Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ: до нашего времени сохранилось и уцѣлѣло разрозненныхъ листовъ съ матеріалами Гоголевскихъ лекцій по исторіи гораздо больше, чѣмъ сколько ихъ напечатано редакторомъ VI и VII томовъ десятаго изданія. Такъ, по средней исторіи не напечатанъ ни одинъ изъ трехъ уцѣлѣвшихъ листовъ, изъ коихъ одинъ начинается заголовкомъ: «Суевѣрія», другой: «Торговля Балтійская», и третій съ замѣтками о судѣ у Франковъ. На шесть же напечатанныхъ листовъ съ матеріалами по русской исторіи приходится шестьдесятъ одинъ листъ не напечатанныхъ.

Всѣ эти ненапечатанные листы были, однако, извѣстны редактору десятаго изданія: совершенно безпорядочный перечень ихъ напечатанъ имъ на 894—895 стр. VII тома. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ перечнѣ трудно узнать нѣкоторыя страницы: такъ неумѣло прочитаны первыя строки ихъ. Напримѣръ, на 895 стр. сказано: «далѣе слѣдуетъ страница, на которой написано: Періодъ Татаръ до Византіи»; очевидно, редакторъ здѣсь описываетъ страницу, на которой въ дѣйствительности написано: «Періодъ Татарскій. Изъ Визант.», и далѣе приводится выдержка изъ Pachimeres. Ниже одной строкой редакторъ описываетъ: «далѣе — на отдѣльной страничкѣ: Уже появляться земли Европейскаго востока... еще уже сильнымъ доказательствомъ малочисленности славянъ». Тутъ редакторъ по собственному произволу соединилъ начала двухъ страницъ въ одно, при чемъ совершенно неправильно прочиталъ Гоголевскій текстъ. Гоголь написалъ въ началѣ первой страницы: «Уже самимъ положеніемъ земли Европа восточная отличается отъ западной»; — въ началѣ второй: «Уже сильнымъ доказательствомъ многочисленности Славянъ».

Обращаясь къ тѣмъ листамъ, текстъ которыхъ напечатанъ редакторомъ въ VI томѣ на 439—448 стр., необходимо прежде всего внести нѣкоторыя существенныя поправки.

Такъ, на 439 страницѣ подъ 9 примѣчаніемъ напечатано: «по краямъ были тѣ лѣтописи *не писаны*»; въ дѣйствительности Гоголемъ написано: «по краямъ были тѣ лѣтописи *исписаны*».

На той же страницѣ между примѣчаніями 14 и 15 напечатано: «а *отъ этого*... долго еще были бусурманами»; у Гоголя написано: а *отъ того...*» и т. д.

На той же страницѣ подъ 18 примѣчаніемъ напечатано: «иные вовсе *не ученые*»; у Гоголя написано: «иные вовсе *неучены*».

На той же страницѣ между примѣчаніями 21 и 22 напечатано: «*Перемышна* была не въ однихъ монастыряхъ: она была

ремесло поденщика»; у Гоголя написано: «*Переписка* была не въ однихъ монастыряхъ: она была *что* ремесло поденщика».

На 441-ой страницѣ, въ 4-ой строкѣ, напечатано: «*незадолго* до Чимабуэ»; у Гоголя написано: «*и задолго* до Чимабуэ».

На той же страницѣ, въ 10-й строкѣ, напечатано: «начинаетъ писать на *Моск(овскомъ)* языкѣ»; у Гоголя написано: «начинаетъ писать на *своемъ* языкѣ».

На той же страницѣ, въ 17 строкѣ, дважды напечатано: «*франкскій*»; у Гоголя дважды написано: «*франконскій*».

На той же страницѣ, въ 21 строкѣ, напечатано: «*написана* на пергаментѣ»; у Гоголя: «*писана* на пергаментѣ».

На той же страницѣ подъ 3-мъ примѣчаніемъ напечатано: «*поэтому* нѣтъ»; у Гоголя написано: «*потому* нѣтъ».

На 442-ой страницѣ, въ послѣдней строкѣ напечатано: «у кого они *покупали*»; у Гоголя написано: «у кого они *покупались*».

На 443-й страницѣ, въ 7-ой строкѣ, напечатано: «велѣлъ *есть* дать»; у Гоголя написано: «велѣлъ *есмь* дать».

На той же страницѣ, въ 12-ой строкѣ, напечатано: «отказывалъ и передавалъ»; у Гоголя написано: «*и все* отказывалъ и передавалъ».

На той же страницѣ, въ 17 и 18 строкахъ, напечатано: «А кто моихъ бояръ иметь *скупить* у моей княгини, а волости имуть *въдати*»; у Гоголя написано: «А хто моихъ бояръ иметь *служити* у моее кнегини, а волости имуть *вѣдати*».

На той же страницѣ, въ 21 строкѣ, напечатано: «Владыка Володимерскій Алексій»; у Гоголя написано: «Владыка Володимерскій Олексѣй».

Печатаемые ниже матеріалы для лекцій Гоголя по исторіи дѣлятся по отдѣламъ исторіи, къ которымъ они относятся, на двѣ неравныя части: 1, на матеріалы по средней исторіи и 2, на матеріалы по русской исторіи.

Матеріаловъ по средней исторіи сохранилось сравнительно немного. Они содержатся на двухъ полулистахъ большаго формата, изъ коихъ одинъ начинается заголовкомъ «Суевѣрія», а другой — заголовкомъ «Торговля Балтійская», не обнимающими, впрочемъ, всего содержанія полулистовъ, и на небольшомъ обрывкѣ листа, на которомъ набросаны замѣтки о судѣ у Франковъ.

Гораздо многочисленнѣе уцѣлѣвшіе матеріалы по русской исторіи въ частности и по исторіи Славянской вообще. Всѣ эти матеріалы состоятъ изъ выдержекъ, выписанныхъ Гоголемъ изъ первоисточниковъ и пособій, и изъ собственныхъ его замѣтокъ и соображеній.

Вся эта область матеріаловъ, повидимому, весьма мало имѣла отношеній къ лекціямъ Гоголя. Надо думать, что эти матеріалы заготовлялись для собственныхъ его занятій исторіей, особенно исторіей Малороссіи.

Извѣстно увлеченіе его исторіей и желаніе его написать многотомное пособіей по этой отрасли знаній. Переписка его съ Погодинымъ, Максимовичемъ, Срезневскимъ, Пушкинымъ и даже съ родными, до 1835 года, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о направленіи симпатій Гоголя въ сторону исторіи, о занятіяхъ его и подготовкѣ имъ матеріаловъ для предполагавшихся трудовъ въ этой области[1]).

Печатаемые ниже матеріалы Гоголя служатъ убѣдительнымъ подтвержденіемъ его увлеченія исторіей, многочисленности его занятій и усидчивой работы его надъ ней, и наилучшей иллюстраціей для апріорнаго положенія, высказаннаго Витбергомъ, что «увлеченіе историческими занятіями составляетъ весьма серьезный вопросъ въ жизни Гоголя, а потому и отнестись къ этому увлеченію слѣдуетъ серьезно, не спѣша произно-

1) См. также отдѣльныя монографіи по этому предмету: Ф. Витберга, «Гоголь какъ историкъ», въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1892 года, книга 8, 390—423 стр., Шенрока В. И. во второмъ томѣ «Матеріаловъ для біографіи Гоголя» и И. Каманина, «Научныя и литературныя произведенія Н. В. Гоголя по исторіи Малороссіи», Кіевъ, 1892.

сить приговоръ надъ занятіями, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ поглощавшими все вниманіе Гоголя и мѣшавшими ему отдаться природнымъ поэтическимъ влеченіямъ».

Изъ первоисточниковъ заслуживаютъ вниманія «Выписки изъ Кіевской лѣтописи». Сопоставленіе ихъ съ напечатанными лѣтописями показываетъ, что оригиналъ ихъ былъ не печатный. Повидимому, текстъ Гоголевскихъ «Выписокъ» весьма близко подходитъ къ Хлѣбниковскому списку Лѣтописи. Однако, оригиналъ «Выписокъ» сокращеннѣе Хлѣбниковскаго списка».

Не объ этомъ ли оригиналѣ Гоголь писалъ Пушкину 23 декабря 1833 года: «Порадуйтесь находкѣ: я досталъ лѣтопись безъ конца, безъ начала, объ Украйнѣ, писанную, по всѣмъ признакамъ, въ концѣ XVII вѣка»?

Собственноручные листы Гоголя хранятся въ Румянцовскомъ Музеѣ подъ №№ 3220 и 3221. При печатаніи ихъ Гоголевское правописаніе не удерживалось.

Матеріалъ лекцій.

Матеріалы по средней исторіи.

I.

Суевѣрія.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1399, говоритъ современный историкъ, во всей Италіи видны были Bianchi. Въ бѣломъ одѣяніи они проходили изъ города въ городъ, изъ провинціи въ провинцію, крича Misericordia, съ покрытымъ лицомъ, опущеною головою, и неся впереди крестъ. Ихъ обыкновенная пѣсня Stabat mater. Это продолжалось 3 мѣсяца. Всѣ неучаствовавшіе считались еретиками. Но это не въ одной Италіи: во Франціи ихъ обыкновеніе покрывать голову такъ облегчало преступленіе, что должно было запретить ихъ. Въ Англіи тоже находится актъ парламентскій Генриха IV, запрещавшій, подъ страхомъ конфискаціи имѣнія, вступать въ новую секту въ бѣлыхъ платьяхъ.

Охота соколья въ 14 столѣтіи любимая забава. Рѣдко рыцарь выѣзжалъ безъ сокола на рукѣ и гончей собаки. Гробницы рыцарей всегда украшены соколомъ или несущею дичь собакою. Даже памятники дамъ были украшены соколомъ. Монахи чрезвычайно занимались охотою. Нѣсколько разъ монастыри получали позволеніе. Монахи Сентъ-Дениса представляли Карлу Вел. въ 774 году, что мясо животныхъ, убитыхъ на охотѣ,

есть лучшее для больныхъ монаховъ, и что кожа сихъ животныхъ служитъ на переплетъ книгъ библіотеки. Архіепископъ въ 1321 въ Іоркѣ охотился съ собаками. Третій соборъ Латранскій въ 1180 запретилъ это удовольствіе въ продолженіе посѣщенія эпархій и ограничилъ свиту епископовъ 40 или 50 лошадьми.

Вкусъ къ охотѣ произвелъ презрѣніе всѣхъ полезныхъ занятій и угнетеніе крестьянъ. Высушка болотъ, вырубка лѣсовъ, пагубныя для животныхъ, были запрещаемы, и отъ земледѣліе, а съ нимъ и сивилизація не двигались. Охота какъ вѣчный источникъ ссоръ между баронами.

Жизнь домашняя. До Карла Великаго въ Германіи не было другихъ городовъ, кромѣ выстроенныхъ Римлянами на Рейнѣ и Дунаѣ. Домъ съ своими хлѣвами и принадлежностями, окруженный плетнемъ или другимъ заборомъ, назывался *дворомъ*, что въ англицк. книгахъ правовѣд. называлось toft или homestead. Такое обиталище съ земледѣльскими землями и прилежащими лѣсами называлось manse или villa. Соединеніе многихъ мансовъ называлось marche. Соединеніе маршей составляло pagus или кантонъ.

Комерція. Торговля не имѣетъ никакого начала, потомучто у каждаго свои ремесленники. Платье шили имъ жены и домашніе. Для низшаго класса нужные ткачи, кузнецы, кожевники были въ городахъ послѣ. Торговлѣ препятствовали неустройства и разбойничества первыхъ фамилій. Западъ Европы едва имѣлъ сношенія самыя малыя съ Востокомъ. Бѣдность Европы не въ состояніи была ничего купить у роскошнаго Востока. Венеція первая имѣла трактатъ съ Греціей и восточными странами. За нею слѣдовалъ Амальфи. Сверхъ произведеній востока, эти города вывозили изъ Константинополя сукна очень немного.

Въ 11 вѣкѣ въ Европѣ было менѣе денегъ въ обращеніи, нежели во время паденія Римской имперіи. Венеціане часто продавали Сарацинамъ рабовъ, чтобы имѣть отъ нихъ произведенія востока.

Комерція, по положенію Европы, имѣла два направленія, одно объемлющее страны при моряхъ Балтійскомъ, Нѣмецкомъ и Атлантическомъ, другое вокругъ Средиземнаго. Въ первомъ страны Нидерланды, берега Франціи, Германіи и Скандинавіи и приморскія графства Англіи, во второмъ провинціи Валенція, Каталонія, Провансъ, Лангедокъ и вся Италія.

Болѣе всего на сѣверѣ произвели движенія въ торговлѣ фабрики шерстяныхъ матерій во Фландріи. Онѣ были цвѣтущими въ 12. (Одинъ писатель 13 вѣка говоритъ, что весь свѣтъ былъ одѣтъ въ аглицкую шерсть, работанную во Фландріи). Кельнъ былъ главнымъ торговымъ городомъ на Рейнѣ. Всѣ были опечалены войною Фландрцевъ противъ ихъ графа Людовика въ 1380. Въ этой войнѣ Гандъ и Бругъ отличились демократіоннымъ духомъ. Гандъ былъ однимъ изъ величайшихъ городовъ въ Европѣ, но Бругъ, хотя не такъ великъ, имѣлъ болѣе зданій нужныхъ для купцовъ и былъ посѣщаемъ среднеземною и сѣверною торговлею. Анверсъ до 16 вѣка не замѣчателенъ. Города Зеландіи и Голандіи занимались только рыбными промыслами. Въ Германіи привилегіи, данныя Генрихомъ V вольнымъ городамъ и ремесленникамъ, способствовали промышленности. Во Франціи они не были освобождены отъ произвольной власти, а безмѣрныя подати, соединенныя съ несчастною войною противъ Англичанъ, остановили промышленность.

Пиратство сдѣлалось всеобщимъ. Богатый корабль всегда подвергался опасности. Въ предотвращеніе отъ этого существовало право удовлетворенія, утонченіе древняго права мщенія. Ограбленный отъ кого нибудь изъ одного города получалъ позволеніе магистрата своего схватить все принадлежащее тому городу и держать у себя до тѣхъ поръ, пока не будетъ вознагражденъ за потерю. Это право удовлетворенія существовало.

Существовало еще обыкновеніе захватывать лицо или дѣла одного изъ иностранцевъ за долги его товарищей. Генрихъ III, давая харту Любекскимъ жителямъ, положилъ, что никто изъ нихъ не будетъ останавляемъ за долги товарищей.

Торговлѣ способствовали большія привилегіи. Общества купцовъ держали монополію и ключъ къ торговлѣ востока.

Проценты и денежныя выгоды были велики непомѣрно. Въ Верронѣ въ 1228 постановлено закономъ $12^1/_2$ на сто. Въ Моденѣ, кажется, возвышено въ 1270 до 20 на сто. Къ концу 14 вѣка, когда Италія разбогатѣла, республика Генуезская платила своимъ кредиторамъ отъ 7 до 10 на сто. Но во Франціи и Англіи такса была непомѣрна. Филиппъ прекрасный установилъ 20 на сто. Въ Англіи, въ царствованіе Генриха III, должники, по словамъ Mathieu Paris, платили всякіе два мѣсяца десять на сто.

Въ началѣ денежная торговля находилась у жидовъ, которые лихоимствомъ стали быть извѣстны съ 6 вѣка. Въ 12 столѣтіи они не только владѣли землями въ Лангедокѣ и учились медицинѣ и равинской литературѣ въ Монпелье, подъ покровительствомъ графа Тулузскаго, но даже занимали гражданскія мѣста.

Raymond Roger vicomte de Carcassonne посылалъ приказанія своимъ судьямъ христіанскимъ и жидамъ. Одно изъ условій, возложенныхъ церковію на графа Тулузскаго, было то, чтобы онъ не оставлялъ ни въ какой должности въ его областяхъ. Въ Испаніи они были въ самомъ значительномъ числѣ. Ихъ дѣятельность и искусство во всѣхъ денежныхъ оборотахъ имъ всегда доставляли принцевъ покровителей. Въ хартіи, привилегіяхъ принца Аррагонскаго Петра III въ 1283 находится пунктъ, запрещавшій жидамъ исполненіе должностей судейскихъ. Кастильскіе короли Алоизо XI и Петръ жестокій возбудили всеобщее неудовольствіе, повѣривъ жидамъ правленіе ихъ сокровищъ. Потомъ они были сильно угнетаемы и преслѣдованы до Карла VI, при которомъ они совершенно были изгнаны изъ государства.

Іудеи не были такъ жестоко трактуемы въ Англіи, но послѣ XIII ихъ богатства значительно уменьшились. Въ Англіи приходъ таможни былъ часто повѣряемъ банкирамъ италіанскимъ. Первый банкъ былъ въ Барцелонѣ (какъ говорятъ) въ 1401. Банки Венеціи и Генуи были въ другомъ родѣ.

Въ послѣдней половинѣ XIII общество получило ускоренный

шагъ. Благодаря правленію справедливому Людовика, кроткому характеру его брата Альфонса графа Тулузскаго и поэта, Франція могла пользоваться улучшеніемъ. Италія быстро перешла съ утратой своей свободы къ роскоши. «Въ это время», говоритъ писавшій около 1300, говоря о царствованіи Фридриха II, «нравы Италіанцевъ были грубы, мужъ и жена ѣли изъ одной тарелки. Въ домѣ не находили ножа съ деревянною ручкою, ни болѣе одной чаши или двухъ для питья. Не знали ни свѣчей, ни подсвѣчниковъ; въ продолженіе ужина слуга держалъ факелъ изъ зажженаго дерева. Одѣяніе людей было изъ кожи, рѣдко видно было золото или серебро на платьѣ. Простой изъ гражданъ ѣлъ говядину три раза только въ недѣлю и оставлялъ холодную на ужинъ. Много людей не пили вина лѣтомъ. Небольшая провизія жита составляла богатство. Приданое женщинъ было незначительно. Ихъ одежда на свадьбѣ была проста. Люди полагали всю гордость, чтобы показаться въ оружіи и на лошади. Благородные обладали высокими башнями. Такимъ образомъ города Италіи были ими наполнены. Понынѣ роскошь замѣнила воздержаніе, для платья ищутъ что есть драгоцѣнное, золото, серебро, перлы, шелковыя матеріи и богатые мѣха. Видны иностранныя вина и деликатныя блюда. Оттуда злоупотребленія, воровство, обманъ». См. Рикобальдусъ Ferrarensis у Муратори. Завоеваніе Неаполя Карломъ Анжуйскимъ въ 1266, кажется, было эпохою роскоши въ Италіи. Рыцари Провансальскіе съ ихъ пернатыми касками, золотыми цѣпями и колесница королевы, покрытая золотомъ, бархатомъ, ... лиліями.

Mussus Муссусъ, историкъ Plaisanee Піаченцы, оставилъ намъ довольно подробное описаніе нравовъ его соотечественниковъ около 1388. Онъ противуполагаетъ ихъ тогдашней роскоши простую жизнь предковъ за 70 лѣтъ прежде. Очень замѣчательное и любопытное въ отношеніи къ домашней жизни городовъ Италіи. Нигдѣ не интересно такъ среднее сословіе. Во Франціи и Англіи оно было бѣдно.

II.

Торговля Балтійская. Любекъ, основанный Адольфомъ графомъ Голштейнскимъ въ 1140 году, былъ первый городъ на Балтійскомъ берегу. Послѣ многихъ переворотовъ въ 13 вѣкѣ началъ зависѣть отъ императора. Гамбургъ и Бременъ на другой сторонѣ Кимврскаго полуострова раздѣляли славу. Въ 1225 Гамбургъ купилъ у епископа своего независимость. Около 1192 колонія изъ Бремена основала въ Ливоніи Ригу. Данцигъ началъ дѣлаться важнымъ городомъ къ концу 13 вѣка. Въ туже эпоху Кенигсбергъ былъ основанъ Оттокаромъ, королемъ Богемскимъ. Пиратство и грабительство рыцарей заставили ихъ соединиться въ Ганзейскую лигу. 80 городовъ составляли эту лигу. Они раздѣлились на 4 коллегіи, главами которыхъ Любекъ, Кельнъ, Брунсвикъ и Данцигъ. Любекъ былъ патріархальнымъ городомъ этой лиги. Лига имѣла четыре главныя конторы въ иностранныхъ земляхъ: Лондонѣ, Бругѣ, Бергенѣ и Новгородѣ. Города богатѣютъ и снабжаютъ королей золотомъ.

Около 14 столѣтія начинаются сношенія сѣверной торговли съ южной. Южная торговля гораздо обширнѣе кругъ имѣла. Амальфи былъ до крестовыхъ походовъ въ сношеніяхъ съ Аравитянами. Едва замѣтный въ 6 вѣкѣ, возросъ вдругъ и совершилъ блистательный карьеръ, какъ независимая республика до средины 12 столѣтія или покоренія Ротеромъ, королемъ Сициліи.

Паденіе Амальфи вознаградилось возвышеніемъ Пизы, Генуи и Венеціи, получившихъ большія выгоды отъ крестоносцевъ и христіанскія княжества въ Сиріи. Они владѣли въ городахъ Акрѣ, Триполи и другихъ отведенными кварталами, управляемыми ихъ законами и магистратскими начальниками. Впрочемъ, состояніе грубой Европы препятствовало обширности. Возстановленіе Палестины было очень важно какъ конторы, хотя Готфридъ и Урбанъ объ этомъ не думали. Вильямъ оплакиваетъ потерю торговли, которую причинило взятіе Акры, расположенной въ срединѣ и посѣщавшейся купцами всего свѣта. Обитатели Акры отличались

преступленіями своими. Въ 1291 они ограбили подданныхъ одного магометанскаго султана, сосѣда ихъ, и когда отказались дать удовлетвореніе, ихъ городъ былъ осажденъ и взятъ. Потеря была возвращена Венеціанами, вытрактовавшими позволеніе продолжать торговыя сношенія съ Сиріей и Египтомъ, натурально за великія контрибуціи.

Sanuto, венеціанскій писатель начала XIV вѣка, оставилъ замѣчательные о торговлѣ его соотечественниковъ съ ливантомъ. Изъ Александріи вывозили лѣсъ для строенія, мѣдь, бѣлое желѣзо, свинецъ и драгоцѣнные металлы, деревянное масло, шафранъ и даже шерсть и сукна. Торговые города пользовались такою же торговлею и правами въ Константинополѣ, имѣли кварталы и своихъ магистратовъ, избираемыхъ Венеціей. Когда Греки возвратили столицу, Генуезцы, изъ ревности споспѣшествовавшіе ихъ предпріятію, получили подобныя привилегіи. Этотъ могущественный и предпріимчивый городъ, иногда союзникъ, иногда непріятель двора, сохранилъ въ продолженіе XIV столѣтія независимость отъ своего установленія въ Перѣ. Оттуда они свой флагъ въ Евксинъ, колонизовали въ Крыму, простерли даже въ Центральную Азію направленіе своей торговли, которую не могутъ у насъ поднять и до сихъ поръ утвердить. Присредиземныя провинціи Франціи раздѣляли выгоды. Не только Марсель и Нарбонъ, Нимъ и особенно Монпелье были на состояніи благосостоянія. Каталонія представляла картину еще болѣе оживленную. Варцелона, приближаясь къ срединѣ XIII вѣка, соперничала съ городами Италіи торговлей и морскими силами, занятая частыми и изнурительными войнами съ Генуей и Константинополемъ, тогда какъ корабли ихъ во всѣхъ частяхъ Средиземнаго моря и .Ла Манша. Каталонцы играли роль первыхъ націй морскихъ.

Шелковая мануфактура, которую Рошеръ Гискардъ установилъ въ Палермо въ 1148, дала можетъ быть первое движеніе промышленности въ Италіи. Около того же времени Генуезцы ограбили два города Мавровъ въ Испаніи и заимствовали у нихъ это искусство. Въ слѣдующемъ вѣкѣ шелкъ сдѣлался главнымъ

предметомъ фабрикъ въ Ломбардіи и Тосканѣ, и разведеніе шелковицы было предписано закономъ (Muratori). Впрочемъ, италіанскія фабрики извлекали больше шелкъ изъ Испаніи и Леванта. Италія, Каталонія и Полуденная Франція производили также комерцію Фландріи сукнами, не смотря на грубость. Между различными компаніями средняго сословія гражданъ, занимавшіяся шерстью и шелкомъ были многочисленны и значительны.

Морское право Римляне переняли у Родосцевъ. Система среднихъ вѣковъ была похожа и болѣе распространена. Она была собрана въ кодексѣ письменномъ: il consolato del mare, около 13 вѣка, котораго обнародованіе по Галлану болѣе принадлежитъ Барцелонѣ, нежели Венеціи и Пизѣ, оспаривающимъ это. Этотъ кодексъ разсматриваетъ и военные флоты и права ихъ. Король французскій и графъ провантскій утвердили этотъ кодексъ. Въ царствованіе Людовика IX извлеченъ былъ изъ него Регламентъ, который потомъ приняла Англія. Онъ извѣстенъ подъ именемъ lois d'Oléron, будто бы Ричардъ I его издалъ, когда его флотъ вмѣсто Святой земли приплылъ къ этому острову. Сѣверъ тоже имѣлъ свою морскую юриспруденцію. Городомъ Висби на островѣ Готландѣ было сдѣлано извлеченіе изъ ихъ законовъ прежде 1400, которое приняли Балтійскіе купцы.

III.

Франки судились по закопамъ...

Галлы римскіе по Θеодосіеву кодексу.

О. Готы, у которыхъ цивилизація раньше, начали двигаться прежде, оставляли обыкновенно свои и принимали римскіе законы.

Законы Вестготовъ были также приведены духовенствомъ къ соединенію съ варварскими.

Имя Галловъ и Франковъ не было совершенно смѣшано у Франковъ и только при и послѣ Карла они смѣшиваются.

Большое различіе касательно наслѣдства и судопроизводства.

Матеріалы по славянской и русской исторіи.

1.

Уже самимъ положеніемъ земли Европа восточная отличается (рѣзко, сильно и разительно) отъ западной, (означенной какимъ то), *на которой впечатлѣны знаки какого то*, своенравіемъ природы, возвысившей посреди ея горы, *поднявшейся на каждомъ шагу цѣпями горъ*, углубившей долины, оборвавшей утесы, перекинувшей каскадами рѣки, протянувшей частые мысы въ море, *не позволившей морю углубленными заливами ворваться въ ея предѣлы*. Все, напротивъ, ровно и (покойно) *однообразно* въ Европѣ восточной, какъ будто бы *прихотливая дѣятельность* природы здѣсь (успокоилась) *нашла покой*. Она вся здѣсь одна масса, одно пространство. Южная часть этого *пространства* востока, идущая къ Черному морю, — *травистыя*, необозримыя, *ровныя* степи. *Средняя часть* равнины покрыта боромъ; сѣверная *тоже ровное, но* болотистое *пространство, на которомъ тиснулъ Съверъ свою печать, дышащую печальною дикостью*. Рѣки далеко текущія, но не сообщающіяся. (Горы оградили эту неизмѣрную равнину великанскими). Горы сторожатъ эту (безмѣрную) *неизмѣрно безмѣрность* и равнину. Пустынными рядами уральскими, снѣгоглавымъ Кавказомъ, вѣтвистымъ Карпатомъ, онѣ окружили ее какъ бы съ тѣмъ, что здѣсь сохранилась долговремени(ый)о

особая своеобразность, особый отпечатокъ на здѣшнихъ народахъ. Она вся заселена вѣтвями народовъ славянскихъ такъ, какъ западная германскими. Подобно какъ Германцы аборигены Европы западной, такъ Славяне аборигены восточной. Они (древни какъ) можетъ быть древни въ такой степени, какъ древни народы древняго міра.

Подъ темными именами то Скифовъ, то Сарматовъ они вели свою (темную) жизнь, лишенную исторіи, въ своихъ великихъ пространствахъ ужасавшей древнихъ даже южнымъ воскрилемъ своихъ. Что они древни, свидѣтельствуетъ ихъ великая многочисленность, уже видная съ седьмого и осьмого вѣка. Милліоны не переселяются, для того же чтобы разродиться въ милліоны, нужны тысячи лѣтъ. Что они древни *и давно жили*, доказываетъ (ихъ) глубокое безмолвіе и неслышность о нихъ. Если бы такое ужасное количество племени переселилось уже во времена извѣстныя исторіи, то это не могло бы произойти безъ шума и потрясеній по всей Европѣ. Что они древни, свидѣтельствуетъ разнообразіе племенъ и тѣ частныя отличія, которыя они получили отъ мѣстъ жизни, обстоятельствъ и хода исторіи, которыми они отдѣляются одни отъ другихъ, и которые народъ получаетъ долговременнымъ пребываніемъ на одномъ мѣстѣ. Что они древни, доказываютъ черты осѣдлой жизни во внутренности ихъ земель, замѣченныя еще съ 4-го столѣтія. Что они древни, доказываетъ многосложность ихъ религіи, ихъ богопочитаніе, носящія всѣ признаки развившейся жизни; разнообразіе ихъ занятій, для чего нужно было огромное пространство времени, связанное съ мѣстностью ихъ земель, рощами, рѣками и показывающее оригинальность, возникшую именно изъ земли Восточной Европы.

Почему же, (зачерпнувши) *упершись* своимъ началомъ въ глубокую древность, они не вынесли своей исторіи. Потому что они не могли дѣйствовать оглушительно и массами, какъ дѣйствуетъ народъ пришлецъ, потому что ведущему осѣдлую жизнь трудно подняться съ своего мѣста, потому что разбросанному по великимъ несообщающимся пространствамъ трудно для этого соеди-

няться, потому различествующимъ въ племенахъ и правахъ, потому (что не было) нѣтъ нужды народамъ семейнымъ, имѣющимъ жилища.

Тогда многіе бродящіе народы, какъ фантомы, появлялись неожиданно, безъ исторіи, безъ корня. Они были вообще малочисленны, но были страшны своею бѣдностью, своею бродяжническою жизнью и всегдашнею готовностью сдвинуться съ своего мѣста, своею удобностью дѣйствовать всею массою, не возможною для народа осѣдлаго. Они оглушали совершенно своими нападеніями и увлекали часто въ свои массы народы покоренные. Такъ, степи южной Россіи, страшныя своею беззащитностью, открытымъ положеніемъ, были удобны для ихъ кочующихъ массъ. Такъ промчались оглушительныя нашествія Гунновъ, Аваровъ, Аноковъ, Угровъ, Готовъ. Ихъ толпы состояли изъ многихъ покоренныхъ, но имя вождя и народа побѣдителя одно звучало.

2.

Уже сильнымъ доказательствомъ многочисленности Славянъ служило то, что всѣ народы перелетные, такъ громко звучавшіе своимъ именемъ, исчезли вдругъ. Полвѣка послѣ уже не было ни слѣдовъ Гунновъ, Аваровъ и (другихъ. А между тѣмъ многолюдные славяне остались неподвижны). А между тѣмъ славяне остались и на своихъ мѣстахъ, и весь востокъ Европы сдѣлался покрытымъ славянскими племенами.

Славянъ вдвинули въ исторію, можно сказать, всѣ эти ихъ завоеватели и повелители. Увлеченные ихъ толпами, они появились въ ихъ войскахъ, и уже Греки замѣтили ихъ.

3.

Почему же (эта) неслышность и безмолвная судьба исторіи Славянской.

Въ чемъ состоитъ особенность и своеобразный характеръ этой исторіи.

Ихъ многочисленность;
Ихъ удобство къ покоряемости;
Ихъ рабство и терпящая участь и, наконецъ,—
Ихъ дѣятельность, устремленная чуждою силою;
(Ихъ неподвижность)
Уничтоженіе въ ихъ потокахъ и многочисленности ихъ покорявшихъ властителей;
Слѣды вставляемые властителями.
Что такое Славяне.
Чисто славянскіе елементы.
Ихъ характеръ коренной, настоящій,
его гибкость и измѣняемость подъ чуждыми владѣніями;
Ихъ жизнь и занятія, порожденныя положеніемъ географическимъ;
Ихъ вольность, сборы, сходки и патріархальный республиканскій елементъ правленія;
Ихъ греческія, поэтически созданное язычество и мифологическій міръ;
Ихъ музыкальность.
Итогъ характера Славянина, что долженъ бы былъ онъ обѣщать (и итогъ всего народа).

4.

Славянская миѳологія.

Усладъ (у Слав. Кіев.), божество пированій и роскошей.

Туръ, идолъ, богъ сладострастія, въ честь ему праздникъ, пьянѣ семикъ, на которомъ позабываетъ даже пристойность, обожравшись и напившись.

Студенецъ, священное озеро на ост. Ругенѣ, въ густомъ лѣсу. Рыбы его святы, и никто не смѣлъ ихъ ловить.

Ключи, источники, озера, рѣки и колодцы считались святыми, имъ приносились жертвы въ ожиданіи плодородія, и потому въ честь имъ купались тотчасъ по вскрытіи рѣкъ, не смотря на хо-

лодную погоду. И нынѣ въ день Богоявленія, несмотря на морозъ, купаются иногда въ прорубяхъ. Это особливо считаютъ необходимымъ тѣ, которые паряжалися на святкахъ чертями или вздѣвали на себя хари.

Стриба, божество кіевское.

Сива, богиня Славянъ варяжскихъ.

Въ Семикъ дѣвки и бабы, собираясь хороводами, плясали и свивали изъ вѣтвей вѣнки, цѣловались сквозь оные съ мущинами, потомъ бросали въ воду, загадавши, если вѣнокъ поплыветъ, то быть ей тотъ годъ за мужемъ, а когда потонетъ, то остаться дома.

Рощи и лѣса у нѣкотор. Славя. были священными, не позволялось въ нихъ ловить птицъ, звѣрей и рубить деревъ.

Позвиздъ, посвистъ, богъ вѣтровъ у Слав. Кіевск.

Корсъ, корисы, божество кіевское, богъ припадковъ и болѣзней.

Коляда, богъ мира (въ Кіевѣ).

Зимцерна, богиня зари.

Водяной дѣдушка, родъ чертей, живутъ въ мутной водѣ, особенно подлѣ мельницъ.

Догода, славян. зефиръ.

Дидилія, богиня родинъ.

Купало.

Волосъ.

Лель.

Дидъ.

Ладо.

Полель.

Бугъ, рѣка, воды ея священны, ихъ черпали со страхомъ и долго еще послѣ вѣрили, что всякое очарованіе тамъ недѣйствительно.

5.

(Нра Слав). Изъ Славянъ южные несравненно превышали сѣвер. цивилизаціей, мягкостью и нѣкоторою утонченностью нра-

вовъ. Доказательство, что Несторъ, говоря о кротости южныхъ Славянъ Полянъ, въ противоположность говор. о Древлянахъ, Радимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ и даже Кривичахъ, которыхъ нравы отзываются совершенно дикою жизнью, говоритъ о жизни ихъ подобно звѣрей среди лѣсовъ, о нечистотѣ, о ненаблюденіи ни родства, ни брака, о похищеніяхъ, о плясаніяхъ, неистовыхъ игрищахъ и похищеніяхъ на нихъ дѣвицъ.

Обычай сожженія тѣлъ, перешедшій изъ дальней ли Индіи, откуда производятъ отдаленное происхожденіе Славянъ, или онъ былъ наслѣдство (древней) языческой Греціи, но онъ сохранялся у Славянъ. Несторъ говоритъ: Кривичи, Вятичи и Сѣверъ, по сожженіи тѣла, собирали кости въ сосуды и ставили ихъ на большихъ дорогахъ.

6.

Какъ обломки ихъ, языческія имена укрыли русскую землю то въ праздникахъ, то въ названьѣ деревни, то въ пѣснѣ, то въ сказкѣ.

Не только одни тѣ, о которыхъ говоритъ Несторъ, должны допустить въ Слав. мифологію. Несторъ какъ историкъ, какъ монахъ, какъ христіанинъ, не имѣлъ никакого побужденія входить во всѣ подробности славян. мифологіи.

7.

О славянахъ древнихъ. Изъ Визант. хроникъ.

582. Что Славяне (были) вели осѣдлую, уже некочующую жизнь, доказательство, что Византійскія Хроники говорятъ, что Баянъ Аварскій, вступивши въ земли Славянскія, началъ грабить и жечь села.

Доказательство миролюбив. характ. Славянъ служитъ, что они въ это время убѣжали въ лѣса. Menander, p. 126. 129.

Феофилактъ (говоритъ) называетъ ихъ Гетами и говоритъ, что это имя значило тоже самое, что Славяне.

Что Славяне были мало воинственны и нѣвучи, доказательство отвѣтъ, данный греческому Императору тремя славянами, схваченными царскими тѣлохранителями, которые были безъ оружія, а только съ гуслями. Мы Славяне, говорили они. Гусли имѣемъ при себѣ для того, что не привыкли носить оружіе. Да и нѣтъ совсѣмъ желѣза въ нашей землѣ. Оттого мы живемъ въ тишинѣ и мирѣ, играемъ на гусляхъ, не умѣя играть на трубахъ, ибо не зная совсѣмъ войны, музыку мы считаемъ лучшимъ нашимъ упражненіемъ. Они говорили, что ханъ Аварскій пригласилъ ихъ противъ Грековъ и что они присланы для объявленія отказа въ этомъ направленіи дальняго и труднаго пути. Они прибавили, что князьямъ ихъ присланы были отъ него подарки, что ихъ продержали 15 мѣсяцевъ (по Θеофану $1^1/_2$ года) и что они ушли во Фракію, услыша о богатствѣ Грековъ.

Императору (Маврикій, 591) они понравились.

Что они были хороши и атлетиской крѣпости, служитъ доказательствомъ, что императоръ дивился ихъ дородности. Θеофилактъ и Θеофанъ.

Образъ войны Славянъ съ телегами самый древній.

Когда полководецъ Петръ, въ 14 лѣто царств. Маврикія (596), послалъ для преслѣдованія Славянъ отрядъ изъ 1000, онъ встрѣтилъ скоро славянъ идущихъ съ добычею. Увидавши Грековъ и не видя возможности избѣжать ихъ, они поставили телеги около себя, женъ и дѣтей спрятали въ середину. Конным было сражаться съ ними трудно, покамѣстъ одинъ грекъ не вскочилъ на телегу и началъ рубить наступающихъ непріятелей, и когда пробились сквозь эту ограду, тогда славяне были изрублены.

Музыкальность Слав. Въ день (празднествъ) народныхъ игръ при Конст. Багр. Славяне употреблялись при инстр. музыкѣ и должны были итти въ театръ по приказанію чиновника. Constantin de Cerim. A. B. L. I. c. 72. p. 211.

Византійскія хроники говорятъ, что Славяне (были) при осадѣ г. Солуня были мастера стрѣлять изъ луковъ. Попадали мѣтко

(и ничто не могли уст) Jo. cameniata de Excid. Thessal. p. 351. 352. 867.

945—949. Славяне получали жалованья (стоявшіе въ Опскійской области) по 5 червонцевъ (начальники) старшіе, прочимъ каждому шло по 3 червонца. Упоминаютъ, что платящіе Россамъ дань Славяне, Кривичи, Ленчанины и другіе рубили зимою на горахъ своихъ лѣсъ, изъ котораго они дѣлали однодеревни (μονοξυλα), по вскрытіи рѣкъ возили ихъ въ ближнія озера, а потомъ рѣкою Днѣпромъ пригоняли въ Кіевъ, гдѣ, вытащивъ ихъ на берегъ, продавали Россамъ. Constantin. de Cerim. A. B. L. I. c. 72. p. 211.

Въ началѣ ноября Росс. князья выѣзжали съ своимъ народомъ изъ Кіева въ другіе города, которые у нихъ *гирями* называются, или въ тѣ мѣста, гдѣ обитаютъ Верьвяне, Дреговичи, Кривичи, Сервяне и другіе Россамъ подручные народы. (Ibid. p. 61).

Печенѣжская область Явдиржимъ смежна была съ подданными Россамъ Ултинянами, Древлянами, Ленчанинами и другими Славянами, кои по селамъ жили (949 год.) (Ibid. l. 37. p. 106).

Наконецъ, Славяне вносились, какъ гарнизоны, какъ военныя поселенія, въ народонаселеніе Византійской Имперіи. Часто любимцы императоровъ были славянскаго народа, часто сами императоры были славянскаго происхожденія.

Славяне отличались хитростью стратегическою. При завоеваніи города Топера славяне, по сказанію Прокопія, притаились въ ямахъ и въ оврагахъ городскихъ воротъ, и только малая ихъ раздражало стоявшихъ на валу грековъ. И когда греки были обманутые малочисленностью непріятеля, сдѣлали вылазку и погнались за ними, скрывшіеся въ ямахъ ударили имъ въ тылъ и положили ихъ всѣхъ на мѣстѣ. Прокопій же говоритъ, что непріятелей убивали они безчеловѣчно, привязавши къ дереву, убивали ихъ дубиною по головѣ до смерти, или заперши ихъ въ стойла вмѣстѣ съ скотомъ, котораго не могли взять, сожигали (550).

Въ бой ходили по большей части пѣши и вооружены щитомъ

и дротиками. Латъ никогда не носили. Иные безъ рубахъ и не имѣя другого одѣянія въ однихъ штанахъ вступали въ сраженіяхъ (Procop. de B. G. L. III. c. 14. p. 498). Онъ же замѣчаетъ особенно о ихъ дородности и крѣпости членовъ, тѣломъ русы, но ни желты, ни черны, какъ говоритъ Прокопій, стало быть не свѣтлорусые. Что они ѣли сухую и простую пищу и сходствовали съ Гуннами и Масагетами въ правахъ простыхъ, что они были не злобны и не лукавы. Онъ говоритъ еще, что жили въ разсѣяніи въ шалашахъ на берегу Дуная. Прокопій находилъ ихъ языкъ, равномѣрно какъ и Антовъ, страннымъ для слуха. Онъ говоритъ, что они не подлежали единодержавной власти, но издревле имѣли общенародное правленіе. О пользѣ и вредѣ совѣщались всегда обще. Что Творца молній почитали единымъ господомъ и богомъ міра, приносили ему въ жертву воловъ и другихъ звѣрей. Судьбу не признавали: въ опасности обѣщали жертву Богу. Вѣрили въ рѣкъ и нимфъ и другихъ, всѣмъ имъ приносили жертвы и гадали о будущемъ. Это онъ говоритъ о Славянахъ и Антахъ вмѣстѣ (546 год).

Прокопій упоминаетъ объ искусствѣ славянъ ловить и хватать непріятеля, спрятавшись за кустами или въ травѣ, что Велисарій повелѣлъ такимъ образомъ одному славянину изъ находившихся въ греческихъ войскахъ поймать такимъ образомъ одного Готта живаго, и что это искусство употребляли Славяне, живучи по рѣкѣ Дунаю, противъ Грековъ и другихъ сосѣдей.

8.

Описаніе греческаго пути. Конст. Порф.

Конст. Порфир. говоритъ, что суда, на которыхъ Россы приходили къ Царюграду, были изъ Немогарды, столицы Рос. Кн. Сфендослава, сына Игорева. Такъ же изъ Милински, Телюкры (?), Чернигочи и Вусеграда (?). Изъ этихъ городовъ они были свозимы на рѣку Днѣпръ и собирались у Кіева, котор. прозв. былъ Самватасъ (?). Подчиненные Россамъ Славяне, Кривитя-

нине, Лензанине (Κριβηταίηνοι и Λενζανῆνοι) и прочія славянскія отродія рубили зимою у себя на горахъ лѣсъ для опыхъ судовъ и строили ихъ (выдалбливали) суда. А весной, по растаяніи льда, сплавляли ихъ въ ближнія озера и потомъ далѣе по рѣкѣ Днѣпру въ Кіевъ. Здѣсь вытаскивали ихъ на берегъ и продавали Россіанамъ, которые брали только одни ладьи, а весла, уключины и другія снасти дѣлали сами изъ старыхъ судовъ. Снарядивши суда, спускались по Днѣпру до Витечевы (Βιτετζέβη), укрѣпленнаго мѣста, платившаго Россамъ дань и лежавшаго при Днѣпрѣ. Тутъ оставались два три дня, пока всѣ суда соберутся, а потомъ продолжали путь до Днѣпровскихъ пороговъ. Достигши перваго порога Ессупи (что значитъ по Слав. не спать), узкаго съ высокими и острыми камнями, въ видѣ острововъ, о которые съ силою ударяется вода, низвергаясь водопадами, еще издалека выходили они на берегъ, оставивши все прочее на судахъ. Потомъ нѣсколько человѣкъ ходили въ бродъ по рѣкѣ, чтобы ощупать босыми ногами, гдѣ нѣтъ камней; другіе, напротивъ, упирались на судахъ шестами съ переди, съ зади и со сторонъ и проводили ихъ съ великимъ трудомъ между камнями и берегомъ. Затѣмъ, сѣвши вновь на суда, ѣхали до другого порога, по руски Ульворси, а по славянски Островунипрахъ (островъ подлѣ порога). Третій порогъ назывался Геландри (Γελανδρί), что на слав. значило шумъ отъ порога. Четвертый, самый большой, по руск. Аифаръ (Αειφαρ и Νεασητ), по слав. Неясыть, отъ неясытей или пеликановъ, вившихъ въ его камняхъ гнѣзда. Тутъ, изъ боязни нападенія отъ Печенѣговъ, оставляли Росс. часть своей дружины на стражѣ; другіе выносили изъ судовъ товары и вели сухимъ путемъ 6000 шаговъ скованныхъ невольниковъ; другіе тащили суда волокомъ или несли ихъ на плечахъ до тѣхъ (поръ пока) мѣстъ, когда уже минуютъ пороги. Затѣмъ стаскивали они ихъ опять на рѣку и, нагрузивъ снова, продолжали путь свой далѣе. Пріѣхавъ къ пятому порогу, который по Руски назывался Варуфоросъ, по славянски Вулнипрахъ (Βαρουφορος, Βουλνηπραχ), потому что онъ здѣсь образуетъ *великое озеро*, проводили они

суда свои также какъ у перваго и второго порога. Шестой по руски Леанти (Λεαντι и Βερουτξι), по слав. Веручи, т. е. ключъ воды. Седьмой по руски Струвунъ, по славянск. Напрези, т. е. Малый порогъ (Στρουβουν, Ναπρεζη).

Проѣхавъ одни пороги, они приходили къ Крарійскому перевозу (το πέραμα τοῦ Κραριου), мѣсту широкому... и глубокому, какъ только можно завидѣть глазами пущенную стрѣлу, какъ говор. Конст. Пор., черезъ который переѣзжали Корсуняне, возвращаясь изъ Россіи, и Печенѣги, ѣдучи въ Корсунь. Сюда обыкновенно приходили Печенѣги дѣлать нападенія на Русскія суда. Потомъ пріѣзжали къ Ост. Св. Георгія, гдѣ у весьма великаго дуба приносили на жертву живыхъ птицъ. Дѣлали также кругъ стрѣлами. Другіе клали туда хлѣбъ, мясо, или что другое, что (было) имѣли при себѣ. Послѣ того бросали жребій и гадали, колоть ли имъ птицъ и ѣсть, или выпустить на волю. Проѣхавши сей островъ, не имѣли уже опасности отъ Печенѣговъ до самой рѣки Селины. Въ четыре дня ѣзды достигали они днѣпровскаго устья, въ которомъ лежалъ островъ Св. Айоерія. Здѣсь отдыхали они обыкновенно два и три дня и между тѣмъ снабдѣвали свои суда потребными вещами, а именно, парусами, мачтами и рулями, что все привозили съ собою. А какъ Днѣпръ въ устьяхъ своихъ дѣлаетъ озеро, которое простирается до самаго моря, гдѣ лежитъ св. Айоерія, то они подавались назадъ къ Днѣпру, гдѣ еще отдыхали (Штр. думаетъ къ Днѣстру), гдѣ еще отдыхали.

Отсюда, ежели вѣтеръ благополучной, ѣздили на парусахъ къ рѣкѣ Бѣлой (τον ποταμον ασπρον) и, пребывъ нѣсколько времени здѣсь, продолжали путь свой къ Селинѣ, которая есть рукавъ рѣки Дуная. (До сихъ поръ, говоритъ Штр., простирались жилища Печенѣговъ, полуденный же берегъ сей рѣки принадлежалъ уже Болгаріи). Здѣсь то они окружены были отвсюду Печенѣгами, и потому, если прибьетъ нѣсколько судовъ къ берегу, Росс. выходили на сушь, чтобы общими силами защищаться отъ Печенѣговъ. Переплывши Селину, больше уже не имѣли никакой опасности. Потомъ, достигнувъ Болгаріи, продолжали путь

къ устьямъ (рѣки) Дуная, оттуда въ Конопу, въ городъ Константію, къ рѣкамъ Варнасу и Диципѣ, которыя всѣ вытекаютъ изъ Волгаріи. Напослѣдокъ приходили къ области Месамврійской, отъ главнаго города (Μεσημβρια).

9.

Собств. результаты о Слав.

Славяне не могли слишкомъ и дѣйствовать (шумно и оглушительно), потому что были раздѣлены и разселены по всему пространству, и отъ положенія, отъ удобствъ и средствъ для жизни различествовали сильно правами.

Не дѣйствовали оглушительно и стремительно всею массою, потому что дѣйствуетъ такъ только народъ пришлецъ, который ушелъ, поднялся съ мѣста и такъ сказать на ногахъ ищетъ мѣста и добычи, устремляется тучею.

Осѣдлому народу трудно подняться.

Отъ того немногочисленный народъ, но могущій привести въ движеніе всего себя, всѣ свои силы, производитъ стремительныя нападенія и оглушаетъ своимъ именемъ.

Ни одинъ изъ народовъ, нападавшихъ и покорявшихъ Славянъ, не былъ многочисленъ, но онъ былъ страшенъ своею походною бродяжною жизнью, всегдашнею готовностью сдвинуться съ мѣста. Они увлекали новыхъ подданныхъ своихъ въ свои массы, и часто цѣлые отряды были изъ Славянъ, но ихъ было не слышно. Слышно было имя побѣдителей, которое придавалось.

Что Славяне были безъ всякаго сравненія многочисленны, доказываетъ, что Готы, Гунны и всѣ наводнявшія толпы исчезли, а земля осталась, вся покрытая славянскими племенами. Что Славяне были слишкомъ древни и коренной народъ, доказываетъ уже и то, что о нихъ, несмотря на ихъ множество, не было слышно ничего. Если бы же переселеніе это (могло) было дѣйствительно, оно, такое многочисленное переселеніе, произошло бы вѣрно не безъ шуму и сильныхъ потрясеній, досягнувшихъ бы до слуха, и древній міръ долженъ бы почувствовать его.

Способность Славянъ и удобопримѣняемость доказательство, что они дѣлались воинственными, мирными, смотря по направленію имъ данному.

Что Славяне не соединялись въ одно, причина—несообщаемость земли. Только весною, при разлитіи рѣкъ, усматривались нѣкоторыя сношенія. См. Визант. Хр.

Религія Славянъ становилась менѣе сложной, гдѣ терялось (образованность) первое познаніе жизни. Въ глубинѣ лѣсовъ она была бѣднѣе и суровѣе, у восвавшихъ она едва существовала, такъ что они клялись даже оружіемъ только.

10.

О Россахъ.

Доказательство ихъ разсѣянія и бродяжной жизни и службы у Грековъ. У Льва Премудраго стояло на жалованьѣ при флотѣ 700 чел. Россіанъ, посланномъ къ острову Криту, и что на содержаніе ихъ выходило 100 литръ золота. Литра составляла 72 номизмы (тоже что Голандск. червонцы или Венеціанскіе цигины). 902.

На флотѣ, отправл. въ Италію подъ начальст. Патрикія Косапы, было семь русскихъ судовъ, на которыхъ было 415 человѣкъ Россовъ въ 935 году при цар. Конст. Багрян. и Ром. Лакапинѣ. Constantinus Porphir. de Cerim. Aulae. Byz. L, II. c. 44. p. 376. 377. 378.

При нападеніи Руск. флота въ 941 на Царградъ, при каковомъ они выжгли Фракію, визант. говорятъ о жестокости Руссовъ, которые плѣнныхъ прибивали къ кресту, сажали на колъ, ставили ихъ вмѣсто цѣлей и стрѣляли въ нихъ изъ лука, церкви и монастыри разрушали и вбивали священникамъ желѣзные гвозди въ голову.

Въ 946 когда при представленіи Импер. Греч. Конст. и Ром. пословъ емира Тарсійскаго Конст. Багр. говоритъ, что

между множествомъ зрителей были Россы, которые держали въ рукахъ небольшія знамена и вооружены были щитами и мечами.

Въ 949 году опять отряженъ былъ флотъ въ Критъ, гдѣ находились 584 чел. Россовъ, у которыхъ было 45 человѣкъ рабовъ, что русскихъ судовъ было 9 и что на 9 парусовъ на каждый по 30 локтей, да на два (другія небо) меньшія судна 28, на все это полотно выходило 1154.

Конст. Багр. говоритъ, что Россы потому старались жить въ дружбѣ съ Печенѣгами, что доставали отъ нихъ рогатый скотъ, коней и овецъ, которыхъ въ Россіи не было, чтобы обезопасить свои земли отъ ихъ нападенія во время войны съ кѣмъ нибудь и, наконецъ, чтобы имѣть свободный пропускъ и плаванія по Днѣпру и сквозь его пороги. Что для Печенѣговъ (тоже), а особливо жившихъ въ окрестностяхъ Херсонскихъ владѣній, полезно было жить въ союзѣ съ Россами, потому что они получали изъ Россіи товары, которые послѣ привозили Корсунянамъ и греческимъ императорамъ за деньги.

Противъ Сарацинскаго владѣтеля Алима 1032—1034 Греческій царь Романъ Аргиръ отрядилъ, по сказанію Кедрина, Россіанъ и другія греческія войска подъ Никиты Пегонита, разбившаго и умертвившаго Алима.

1043 неудачная попытка Владиміра, приписываемая Визант. Владиміру великому, въ царст. Конст. Мономаха.

Въ 1077 царь греч. Михаилъ Дука противъ мятежника Никифора Бріеннія выслалъ Фрапскаго полководца Руссея и Алексія Комнина, гдѣ было множество судовъ русскихъ. Кедринъ.

Въ 1097, во время возмущенія, поднятаго Исаакомъ Комнинымъ, упоминается, что стояли на зимовьяхъ въ восточныхъ областяхъ Имперіи, изъ коихъ два были изъ Франковъ, а одинъ изъ Руссовъ.

11.

Характеръ Славянъ Рускихъ.

Смирны, довольно согласны между собою всѣ племена. На югѣ (мягче) болѣе развитія мирной жизни. Браки носятъ видъ законности. Отцы и дѣти живутъ почти отдѣльно. Стыдливость замѣтна между полами. Поляне бо своихъ отецъ обычай имяху тихъ и кротокъ и стыдливъ къ родителемъ и къ племени велико стыденіе. И брачные обычаи творятъ.

На сѣверѣ, начиная съ Древлянъ (Сѣверяне, Радимичи и Вятичи), грубѣе и меньше развитія. Жизнь въ лѣсахъ. Удобствъ никакихъ жизни. На самой низкой степени гражданственности. Отцы, снохи живутъ вмѣстѣ. Стыдливости никакой. Стыдливости браковъ не было. (А Родимичи, Вятичи и Сѣвере одинъ обычай имяху, живяху въ лѣсѣ, якоже всякой звѣрь. См. Несторъ). Распри и соры оканчивались частымъ убійствомъ, неслышнымъ у другихъ.

Костюмъ славянина. Легкость чрезвычайная, одежда одна была холстяные порты, даже не было рубашки. Съ длинными усами, съ хохломъ на головѣ, что и нынѣ сохранилось у жителей южной Россіи, въ Галиціи, у Сербовъ, Морлановъ и Черногорцевъ и у всѣхъ почти западныхъ славянъ.

12.

Происхожденіе Славянъ.

Нѣкоторые обычаи показываютъ ихъ происхожденіе изъ Индіи. 1) Сходство, хоть довольно отдаленное, съ языкомъ санскритскимъ. 2) Обычай женъ сожигать на кострахъ.

Нѣсколько Славянскихъ боговъ носятъ нѣкоторое сходство съ пагодами. Идолы часто окружены у нихъ змѣями, жабами, ящерицами и разными ядовитыми насѣкомыми.

13.

Ипотезы о Славянахъ. Ихъ слѣды.

Названія Язиговъ и Роксолавъ слишкомъ ефемерны и метеорически для того, чтобы означали цѣльный народъ. Нигдѣ послѣ не упоминается о нихъ, и они исчезаютъ совершенно. Народы не могутъ исчезнуть такъ скоро. Ихъ слѣды должны были остаться. Но у Нестора, кромѣ Славянъ, не встрѣчается никакого чуждаго въ срединѣ ихъ народа. Стало быть, это было нарицательное прежнее имя нѣкоторыхъ Славянъ.

Шлецеръ тоже предполагаетъ, что Язиги были Славяне.

14.

Давность существованія Славянъ

доказывается ихъ религіею довольно многосложною, уже показывающею разностороннюю жизнь ихъ,

памятниками искусствъ: для того чтобы достигнуть которыхъ нужна долгая жизнь и переходъ къ совершенствованію.

Въ древнихъ могилахъ Венедскихъ найдены глиняныя урны, сдѣланныя съ нѣкоторымъ вкусомъ, съ изображеніемъ львовъ, медвѣдей, орловъ, покрытыя лакомъ; также копье, мечи, кинжалы, искусно выработанные, съ серебреною оправою и насѣчкою.

Чехи за долго до временъ Карла Великаго занимались рудокопаніемъ.

Въ герцогствѣ Мекленбургскомъ, на южной сторонѣ Толенцкаго озера, въ Прельвицѣ найдены въ XVII мѣдные истуканы Славянскихъ боговъ.

15.

Норманизмъ въ Руси.

Доказательство равенства дружины и братства, великой силы ея, ограничивающей власть князя, находится въ договорѣ Олега

между прочимъ, гдѣ требуется съ Грековъ дань или подарки на каждаго человѣка и гдѣ упоминается даже и берется дань на Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Полотескъ, Ростовъ, Любечъ и проч., то е., вѣроятно, находившихся тамъ чиновниковъ.

Вездѣ показательно разительно преимущество варяжской дружины надъ Славянской. Вездѣ видна побѣдительная и властвующая нація и ея преобладаніе. Въ договорѣ о Руссахъ говорится и больше имъ предоставляется преимуществъ. Паруса на лодки ихъ они употребляютъ шелковистые, подарки Императора Греческаго, а Славянамъ простые.

16.

Разселеніе Славянъ съ береговъ Дуная невозможно положить, иначе оно составило бы яркую и видную черту, тѣмъ болѣе что это разселеніе означено въ лѣтописяхъ слишкомъ быстро и, какъ кажется, въ одно время.

Но какія причины могли заставить двинуть ихъ такъ далеко на сѣверъ, куда медленно, упорно и только вслѣдствіе сильныхъ натисковъ совершаютъ народы свое обратное отступленіе. Какое нибудь втѣсненіе между ними Валаховъ было для этого не слишкомъ достаточно.

Разселеніе старый конекъ и привязка, за это обыкновенно всегда хватаются лѣтописцы и созидаютъ, потому что носятъ въ себѣ образъ переселенія сыновей Ноевыхъ, Столпотворенія Вавилонскаго и пр.

Выводъ. Славяне жили уже очень давно на мѣстахъ своихъ. Ихъ разселеніе по Восточной Европѣ случилось въ тѣ темныя времена, когда Восточная Европа была облечена Кимерійскими баснями. Это переселеніе явственно въ нашествіи Сарматовъ, безотчетномъ, общемъ имени, даннымъ Греками ордамъ народовъ.

17.

Западные Славяне.

Шлецеръ думаетъ, что Сербы въ началѣ многочисленнѣйшій Славянскій народъ. Они много распространились между Эльбою и Салою подъ именемъ Сорабовъ. Венды, живущіе въ верхнемъ и нижнемъ Лаузицѣ, допынѣ называютъ себя Сербами. Мейссенъ назывался Зирбія; городъ Цербстъ Зорбеста (Sorbesta, Zirbia). О сербахъ довольно пространно у Стритера.

Хорутане въ 6 спискахъ, въ Ипат. Хутане, въ Соф. Шурутане, въ пол. Хобужане, Корентане у Европейцевъ, вообще Крайнцы, карнтійцы и жители Штейермарка. Карнунтъ, Карнунтумомъ также, кажется, называли земли по Дунаю близъ Вѣны. Регино подтверждаетъ это тѣмъ, что говоритъ: Венгры прежде всего, по приходѣ своемъ, опустошили Карнунтумъ.

Валахи—обитающіе въ Валахіи, Молдавіи и Седмиградской области.

Волохи, Влахи, Вельши происхожденіемъ Италіанцы. Шлецеръ полагаетъ ихъ отъ древнихъ Гетовъ и Даковъ (не подтверждая, однакоже, доказательствами).

Вытѣсняютъ, по Нестору, Славянъ дунайскихъ, поселившись между ними, и заставляютъ иныхъ поселиться на Вислѣ подъ именемъ Ляховъ. (Иные Ляхи прозвались Полянами). Словѣне же ови пришедше а седоша на Вислѣ рецѣ и прозвашася Ляховѣ; а иніи о тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, а Ляхове друзи Лутичи, ины Мазовшане, иніи Поморяне.

Стало быть, Ляхъ есть общее названіе народа.

Лутичи. Въ Латинскихъ лѣтописяхъ Lutitii въ передней Помераніи около Лоица, отличны отъ Lusi, Lusici, что въ Лаузицѣ.

Ad. ultra Leuticos qui alio nomine Wilzi dicuntur, Oddora flumen occurrit, amnis ditissimus Slavanicae regionis, т. е. за Левтиками иначе Вильцами встрѣчается рѣка Оддора, богатѣйшая изъ славянскихъ рѣкъ.

18.

Характеръ Славянъ вообще.

По Грекамъ. Славяне Дунайскіе, ибо къ нимъ это относится.

Русоволосые, смуглые, нечистоплотные (у Рапча они умывались 3 раза въ годъ, въ день рожденія, женитьбы и смерти), стройные, рослые, не безъ пріятности въ лицѣ, хищные, дерзскіе, увертливые.

Они дѣйствовали всегда съ Аварами, и потому Греки ихъ смѣшивали и считали однимъ народомъ.

Нападали хищно, въ разсыпную, скрывались въ болотахъ, стрѣлы намазаны ядами, щиты тяжелы, изъ глубины рѣкъ дышали сквозными тростями. Они скитались не боясь Римлянъ, въ оставленныхъ и пустыхъ замкахъ. Сокровища зарывали, показывали всю дикость первозданной природы. Но все это рѣшительно относится къ славянамъ дунайскимъ.

При всемъ томъ простота, даже черты добродушія въ семейномъ быту. Гостепріимственно повсемѣстное и въ высшей степени. Безопасность совершенная посреди ихъ путешественниковъ.

Музыка и пляска преобладали сильнѣе у народовъ Славянскихъ, нежели у Германскихъ. Сѣверные Веneды говорили въ VI вѣкѣ Императору, что главное услажденіе жизни ихъ есть музыка, и что они берутъ въ путь съ собою не оружіе, но кифары и гусли, ими выдуманные.

Прокопій говоритъ, что войска Славянъ были разбиты ночью Греками, отъ того что они усыпили себя пѣснями и не взяли предосторожности.

Единство религіи сближало племена.

Вообще Славяне сильно были склонны къ многобожію.

19.

Славяне на Русской землѣ.

Поляне по Днѣпру.

Древляне между Кіевомъ и Припетью. Ихъ жилища и главныя сборища Коростень, Туровъ, Овручъ.

Дреговичи между Припетью и Двиною.

Полочане на Двинѣ отъ впадающей въ Двину рѣки Полоты.

Кромѣ того: А друзіи сѣдоша по Деснѣ и по Семи, и по Сулѣ и нарекошася Сѣвера (Сѣверяне).

Вездѣ рѣки жилища (первыхъ) Славянскихъ племенъ.

Разселившись и живя по рѣкамъ, естественно, что они могли облегчать комуникацію и средства для нее къ путешествію въ Цареградъ, въ Черное море.

Вятичи сомнительно Славянскій народъ. Доказательство въ сильныхъ сопротивленіяхъ, ими оказываемыхъ. Этого мнѣнія держится Миллеръ и почти почитаетъ ихъ за Чувашей, называющихъ на мордовскомъ нарѣчіи Вѣдке, или за Вотяковъ, обитавшихъ сперва при Окѣ.

20.

Печенѣги.

Ихъ образъ сраженія былъ таковъ. Ряды выдавшимися углами строились; шеренги были перемѣшиваны телегами съ женами и дѣтьми; на нѣкоторыхъ изъ нихъ были поставлены высокія башни. Порядокъ шествія ихъ былъ похожъ на движущійся городъ. Оружія ихъ лукъ и стрѣлы. Послѣ сраженія, получивъ добычу, предавались необузданно веселости, безпечности.

Переправлялись (черезъ Дунай), по общему татарскому обычаю держась за хвостъ лошади, сидя на кожанномъ мѣшкѣ, набитомъ легкими веществами, какъ то: соломою или корою, и тащили съ собою сѣдло и военные свои снаряды. См. Сестр. Богуша, а отъ него у Анны Ком. Thounmann description de la Crimée, Кедринъ и др.

21.

О принятіи христіанской религіи.

Только можетъ быть въ Кіевѣ да въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ удалось распространить ее. Села, веси и волости долго оставались погруженными въ язычество и свои повѣрья. Несторъ упоминаетъ уже въ свое время о язычникахъ Кривичахъ и Вятичахъ: еже творятъ Вятичи и нынѣ. Сиже обычаи творяху и Кривичи и прочіе поганіи невѣдуще закона Божія, но творяху сами себѣ законъ.

22.

О мѣстожительствѣ славян. народовъ.

Славяне Сѣверные.

Славяне Новгородскіе.

Кривичи. Многочисл. народъ обиталъ въ 3 мѣстахъ Сѣверной Россіи при истокахъ Двины, Волги и Днѣпра. Двинскіе Кривичи отъ рѣки Полоти, впадающей въ Двину, назывались Полочанами, участв. въ избраніи русскихъ князей. Днѣпровскіе Кривичи построили городъ Смоленскъ.

Дреговичи обитали между рѣками Припетью и Западной Двиною.

Славяне Южные.

Поляне по Днѣпру. Кіевъ.

Древляне тоже по Днѣпру, но въ лѣсахъ, къ сѣверо-западу отъ Кіева. Главный городъ Коростенъ. Уже давно имѣли собственное правленіе и князей.

Сѣверяне поселились на трехъ рѣкахъ, Деснѣ, Сеймѣ и Сулѣ: и на сей послѣдней назывались Суличами. У нихъ Ярославъ выстроилъ Новъ Сврск. 1044.

Радимичи по рѣкѣ Сожѣ.

Вятичи у верховья Оки, гдѣ, по слов. Нестора, Вятка осн. жилище.

Бужане по Бугу, на мѣсто ихъ являются Волынцы, гдѣ Великій князь Владиміръ построилъ городъ въ свое имя.

Дулебы тоже по берегамъ Буга, упоминаются, потому что Обри дѣлали ему притѣсненіе.

Тиверцы обитали по берегамъ Буга и Днѣстра, почти къ самому Черному морю.

Лютичи тоже по берегамъ Буга и Днѣстра.

Угличи при рѣкѣ Угли (нынѣ наз. Орломъ), покорены Свенельдомъ, воеводою Игоря.

Пространство отъ Днѣстра до моря, сосѣднее городамъ греческимъ, было населено издревле городами. Тамъ рожденіе политеское началось. Прежде народъ славянскій назывался у Славянъ *Тиверцами*: а Оулучи Тиверци сидяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви; бѣ множество ихъ, сѣдяху по Днѣстру или до моря, суть грады ихъ и до сего дне. Да то ся зваху отъ Грековъ великая Скуфь.

23.

О Варягахъ.

Черта справедливости Варяжской. Въ 1034 въ царст. Им. Михаила Пафлагонскаго, одинъ изъ Варяговъ, стоявшихъ на зимовьѣ во Фракійской области, хотѣлъ изнасиловать одну фракіанку, которая, выхвативъ у него мечъ, имъ же его заколола. Его товарищи, узнавши объ этомъ, увѣнчали фракіанку, отдали ей все имѣніе убитаго, а его оставили непогребеннаго. Кедринъ.

Варяги, какъ видно изъ Визант. хр., составляли гвардію вмѣстѣ съ франками и др.

24.

Дѣйствія Варяговъ.

Варяги очень часто отправлялись изъ Кіева въ Цареградъ служить,—доказательство въ Олеговомъ договорѣ.

По Византійскимъ хроникамъ, при Императорѣ Львѣ, во время похода патриція и логофета Гимерія на Критъ, въ император-

скомъ флотѣ было 700 Руссовъ, жалованья давалось всего одинъ только центенарій.

На флотѣ, съ которымъ протоспафарій Епифаній присталъ къ берегу Ломбардіи въ 935, было 415 Руссовъ, находившихся на 7 каравіяхъ.

Въ походѣ на Критъ 949 года было Руссовъ 384 человѣка, а съ служителями 629 (для 9 Русскихъ каравіи куплено толстое полотно, изъ котораго сдѣлано 9 парусовъ, каждый въ 300 лактей).

Въ походѣ на Критъ 962 упоминаютъ опять о Руссахъ, помогавшихъ при взятіи одного города.

Въ 1057 упоминается о легіонѣ Руссовъ, зимовавшихъ на востокѣ вмѣстѣ съ двумя легіонами Франковъ.

Въ 1077 императоръ Лука послалъ противъ одного мятежника русскіе корабли.

25.

Обычай Варяговъ на Руси.

Суетность и тщеславіе воинственнаго и дикаго народа сильно проявляется во всемъ. На лодки они, вмѣсто парусовъ, они берутъ шелковыя матеріи Грековъ.

См. у Денинго.

26.

Начало княжествъ.

Въ серединѣ 6-го вѣка покоряются славянскія племена двумя народами на сѣверѣ и на югѣ, на сѣверѣ Норманами, на югѣ козарами. Племена заставлены платить дань. Норманамъ платятъ дань Славяне, Чудь, Меря и Кривичи, Хозарамъ Поляне Кіевскіе, Сѣверяне и Вятичи. Дань должна была платиться мѣхами, по бѣлкѣ съ дыма.

Норманы грабили чужія земли, оббирали съ нихъ дани и около зимы возвращались домой. Но въ Руси оставили они людей, которые годъ отъ году собирали поборы съ жителей и угне-

тали ихъ. (См. Архан. списокъ). Это побудило Славянъ, Мерь, Чудь и Кривичей выгнать ихъ. Они боялись возвращенія ихъ, соединились для защиты и начали дѣлать укрѣпленія. Но между этими четыре націями возстало несогласіе, необходимое слѣдствіе федеративной системы, и 4 народа признаются...

27.

Обряды религіозные.

Обряды, обычаи сложнѣе, носятъ болѣе развитія и поэзіи на югѣ.

Пѣсни и пляски всеобщи между всѣми Славянами.

Но у южныхъ онѣ преобладали въ большей степени. Всякое урочное событіе года, начинаніе всяко(го)й (дѣла) работы въ полѣ сопровождалось пѣснями. Множество свидѣтельствъ тому оставшихся пѣсенъ съ именами языческихъ боговъ, сохранившихся въ Малороссіи и Галиціи.

Надъ умершими тризна у Радимичей, Вятичей, Сѣверянъ, по словамъ Нестора, при чемъ доказательство ихъ язычества. Далѣе говоритъ онъ: и.....

Мертвеца сжигали на кострѣ, кости собирали и ставили на столбахъ при дорогахъ. Пиршество послѣ похоронъ или на кладбищѣ называлось *стравою* въ честь умершихъ. Въ житіи муром. князя Константина говорится о закаланіи коней умершаго и объ изрѣзаніи лица на немъ въ знакъ печали.

28.

О Тавріи.

Служитъ ссылкою, мѣстомъ убѣжища бѣглыхъ притязателей на престолъ.

Два народа обитатели полуострова, греческіе колонисты, западные Херсонцы, восточные Босфорійцы. Занятіе земледѣліе, торговля хлѣбомъ. Тревожатся разными ордами народовъ,

еще облеченныхъ до Грековъ въ одежду Скифовъ, и препираются между собою властолюбіемъ своихъ небольшихъ самоправителей. Разсѣянныя толпы Гунновъ и Готовъ по смерти Атилы производили опустошенія и грабительства и вселились въ нѣдра Босфора. Полководецъ Юстиніановъ Іоаннъ съ помощью Скифовъ (Славянъ) изгоняетъ ихъ.

Козары, занимая пространства за Яикомъ, около Каспійскаго моря, передвинулись съ своими ордами на юго-западъ и заняли степи Новороссійскія подъ предвод. своихъ Хакановъ; заводятъ вежи или города, набѣгаютъ на Таврію, проникаютъ въ сердце городовъ ея опустошительно, иногда даже утверждаютъ временную власть и начальниковъ своихъ. Вступаютъ въ политическіе союзы съ Греками, дочь хозарскаго хокана за сыномъ Императора. Вытѣснили Булгаровъ. Тогда, когда они нападали на Таврію въ Европѣ, (другимъ концомъ) хвостомъ тревожили въ Азіи Аравію, Мидію и Персію.

Нападенія Печенѣговъ и другихъ выходцевъ заставляютъ установиться и строить города. Строятъ городъ Бѣлую вѣжу (Саркелъ) (по Нарушевичу, у рѣки Донца, нынѣшній Бѣлгородъ) съ помощью греческаго архитектора Петроноса, присланнаго импер. Феофиломъ, собравшаго матеріалы изъ Херсона. Крестятся по желанію Хагана своего при императорѣ Михаилѣ (съ матерью Ѳеодорою) присланнымъ изъ Константинополя Св. Кириломъ, изучившимся въ Тавріи хозарскому языку. Отважные варяги воздвигаютъ славянскія племена, освобождаютъ ихъ отъ дани и новымъ государствомъ сильно прижимаютъ ихъ.

Печенѣги такого происхожденія, остатки азіатскіе, распространились по землямъ козарскимъ, потѣснили далѣе венгровъ, начинавшихъ свои владѣнія на западѣ съ тѣхъ поръ, гдѣ оканчивали козары. Такимъ образомъ распространились до Валахіи и Седмиградской области, перенесли даже за Днѣпръ свои кочевья. Сосѣдство утѣснительное ихъ съ Европейской стороны и съ Печенѣгами и съ моря Каспійскаго Аланами и Узами, уже перешедшими въ Европу, отняло у нихъ руки, освободило Таврію и дало

средства Греческимъ Императорамъ вредить имъ, соединяясь съ Печенѣгами, аланами и узами, которыхъ подкупали подарками и давали безпрепятственный ходъ небольшой торговлѣ херсонской. Раздоры между хозарскими племенами, раздѣлившимися на Кабаровъ и Хозаровъ, были причиною ихъ конечнаго истребленія. Часть ихъ погибла въ рабствѣ у Кабаровъ, присоединилась и смѣшалась съ разными ордами. Семь ордъ присоединилось къ уграмъ.

Отличаясь нападеньями на Рускихъ, Печенѣги жили въ Тавріи довольно мирно, занимались земледѣліемъ и торговлей. Императоры греческіе вели съ ними сношенія и писали грамоты. См. Сестренц. Богуша, а у него Конст. Порфирод. Служили перевозчиками товаровъ изъ Россіи, Хозаріи и Хизіи въ Херсонъ, но въ торговлѣ показывали алчность, какъ вездѣ.

Святославъ беретъ и разоряетъ бѣлую вѣжу и проноситъ оружіе во всю Тмутаракань. Остатки хозаръ по степямъ были или данниками Россіи или. Владѣнія Владиміра уже почти прикасались съ греческими, и входъ въ Херсонъ былъ безпрепятственъ. Императоръ Василій изъ похода Болгарскаго въ 1016 послалъ флотъ подъ предвод. Монга, которому помогли Рускіе истребить войско козаръ, землю покорить. См. Кедринъ.

Надъ всѣми этими землями утвердилъ потомъ свою смѣлую власть Мстиславъ.

Касогія простиралась по горамъ за рѣкою нынѣшнею Терекомъ, гдѣ находится малая кабарда. См. Конст. Багрянородный.

Княжество Тмутараканское, удѣлъ Мстислава, есть часть прежняго Босфорскаго, и городъ его престольный въ Азіи, древняя Фанагорія, потомъ Тамарха и Тмутаракань или Темрюкъ.

Но не позволяли князьямъ совершенно упрочить завоеваній Печенѣги.

Печенѣги были наѣздные, невидимые владѣтели степей. Ихъ подкупили Греки, желая отклонить нападенія рускихъ, и запирали путь по Днѣпру въ Черное море, съ другой же стороны не допустили посягнуть на Таврію.

Половцы замѣстили Печенѣговъ, почти истребленныхъ русскими князьями, безъ сомнѣнія присоединивъ остатки ихъ въ свои орды, они всѣ дѣйствія свои поворотили на сѣверъ, воюя съ Рускими, Польшею. (Чтоже Таврія въ это время?).

По мнѣнію Миллера, Узы Половцы.

Половцы были несравненно многочисленнѣе Печенѣговъ.

29.

Сочинитель Vita S. Ottonis говоритъ, что въ одномъ изъ Штетинскихъ храмовъ были снаружи и внутри выпуклыя изображенія птицъ, людей, звѣрей.

Деревянный храмъ Арконскій былъ срубленъ искусно и украшенъ рѣзьбою и живописью. Въ святилищѣ его стоялъ идолъ. а конь его въ другомъ зданіи, ergo, Hist. Dan. Ergo, славяне, особенно Венедскіе, сохраняли у себя художества, можетъ быть, воспоминаніе Индѣйскихъ.

30.

Объ Олеговомъ Договорѣ.

Съ какой стати выдумывать договоръ. Иногда изъ гордости и тщеславія выдумается о предкахъ, но всегда почти въ повѣствовательномъ, въ напыщенномъ, въ баснословномъ, въ преувеличенномъ видѣ. Но чтобы оно имѣло форму договора, такъ яснаго, опредѣленнаго, вылилось въ такую ясную, опредѣлительную форму, это совершенно невозможно.

Еще болѣе невозможно въ мѣстную гражданственную развитіе и грубость вѣка.

Если бы выдумали (кто бы могъ выдумать?)

Какія долженъ имѣть достоинства тотъ, кто въ состояніи выдумать.

Отъ чего произошло подозрѣніе въ ихъ подлинности.

Составить такъ, съ такими обстоятельствами, такъ не упустить, такъ много вдвинуть знаменующее истинно нормандское.

Уже самое сомнѣніе Шлецера говоритъ въ ихъ пользу. Стало быть они такъ искусно поддѣльны. А можно ли допустить тогдашнему вѣку и тогдашнимъ людямъ такое искуство.

Страшныя описки, невѣроятныя ошибки писцовъ, необыкновенная изуродованность именъ говорятъ въ его дѣйствительность. Если бы онъ былъ поддѣльный и въ новѣйшія времена, онъ бы списался несравненно правильнѣе, онъ бы былъ понятенъ для писцевъ, и они бы не путались такъ.

Уже одни постановленія о ладьяхъ, чрезвычайно точныя, опредѣленныя, даже нѣсколько сложныя, ясно показываютъ жизнь совершенно норманской и прямо относятся къ Норманскому. Никогда, если бы допустить о составленіи его въ послѣдующія времена, не могли бы изобрѣтатели распространиться объ этомъ предметѣ. Тогдашняя жизнь руская, даже Новгородцевъ, не навела бы его на эту идею.

Въ немъ бы была неосмотрительность, между тѣмъ какъ ее нигдѣ не видно.

31.

Доказательства о письменности договоровъ.

Но развѣ Славяне не могли до Владиміра узнать азбуку Кирилла и Меѳодія.

Въ Кіевѣ была церковь, стало быть была письменность и языкъ. Какъ же могло привиться. Ясный признакъ. Были они грамотны. Если сообщенія между Цареградомъ были такъ часты. Если варяги были друзьями, принимались въ службу. Если этотъ, который былъ такъ тѣсно и въ такомъ безпрестанномъ сношеніи при своемъ любопытствѣ, развѣ не могъ узнать, что Нормане тогдашней Европы не писали. Но Норманы въ Западной Европѣ основались въ земляхъ (совершенно) почти не получившихъ формъ гражданственности, гдѣ дикость и охота и грубость, всеобщій характеръ вѣка, скрывали жалкую гражданственность народовъ римскихъ и не принявшіеся начатки Карла. Этого преимущества не имѣла Европа.

32.

Изьяславъ.

Изъ его вѣка можно вывести слѣдующія событытія:

Половцы явились непріятели.

Упрямо отвоевывалъ свою землю и сорился съ князьми.

Полоцкій Всеславъ врагъ заклятый Ярославичей.

Жизнь велась довольно мытарски за гуслями и пиршествами, по словамъ Нестора.

Бурхардъ духовный чиновникъ, посланный Генрихомъ IV, удивлялся богатству и великолѣпію рускихъ князей, ихъ сокровищамъ.

Изьяславъ, то изгоняемый, то возвращавшій себѣ престолъ.

Святославъ Черниговскій строптивѣе былъ другихъ и духомъ его были исполнены сыновья его, которыхъ братья Изьяславъ съ Всеволодомъ лишили владѣній.

Олегъ, наскучивъ праздною жизнью въ Черниговѣ, гдѣ княжилъ Всеволодъ, бѣжалъ и съ Половцами напалъ на Черниговскія земли, и выгналъ Всеволода, который скоро соединилъ съ Изьяславомъ, своими сыновьями и возвратилъ княженіе не только свое, но и Кіевское, потому что Изьяславъ былъ убитъ въ битвѣ, а Олегъ бѣжалъ.

Основалъ Кіевопечерскій монастырь Афонскій монахъ, рускій, родомъ изъ Любеча, названный тамъ Антоніемъ, поселился въ пещерѣ, ископанной Митрополитомъ Иларіономъ. Святостью и затворничествомъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Князья приходили бесѣдовать къ нему. Двѣнадцать монаховъ, постриженныхъ Антоніемъ, выкопали подземную церковь съ кельями. Ихъ число умножалось. Святославъ далъ 100 гривнъ или 50 фунтовъ золота на сооруженіе каменной великолѣпной церкви Печерской призванными художниками изъ Кіева. Ѳеодосій когда входилъ къ князю Святославу, то умолкали гусли и ор-

ганы. Нѣкоторые изъ монаховъ Печерскихъ приняли вѣнцы мучениковъ обращ. въ идолопоклонство: Леонтій въ Ростовѣ, Св. Кукша въ землѣ Вятичей (въ Орловской или Калужской губерніи). Варлаамъ, бросивъ одежду боярскую, пошелъ въ Печерскіе монахи. Варягъ Симонъ внесъ 50.

Рускіе ходили въ Грецію и служили тамъ. Митрополиты были посвящаемы отъ Патріарха. Грекъ изъ Цареграда Георгій недолго побылъ и уѣхалъ. Руская Церковь считалась въ зависимости отъ Цареграда до паденія его и считалась семидесятымъ епископствомъ.

Финны и Чудь славились волшебниками, народъ вѣрилъ и прибѣгалъ къ нимъ съ гаданьями.

Княжества наслѣдственно не дѣлились на цѣлый родъ, но существовали какъ аренда. Князья для выгоднѣйшихъ оставляли свои прежнія (оттуда причина неорганизаціи въ чисто политическія тѣла и вмѣстѣ всей Россіи).

Половцы имѣли вежи и многихъ хановъ.

Хищническій характеръ Половцевъ не удерживался ни договорами, ни пораженьями. Рускіе князья должны были также разрушительно проходить ихъ земли. Занявши земли хозаръ, они имѣли (уже) дома и хозарскіе города.

Короли польскіе, къ которымъ обращались удѣльные князья съ просьбою о помощи, обѣщали и, забравши дары, обыкновенно обманывали. Смотри: Владиславъ въ отношеніи къ Давиду Игоревичу.

Врагъ князей Всеславъ Полоцкій умеръ въ 1101, княживъ продолжительно, 57 лѣтъ.

Сраженія съ Половцами, захватившими подъ предводительствомъ Боризна табуны переславскіе и приступившаго къ Лубнамъ, происходило (на рѣкѣ) за Сулою, гдѣ Мономахъ гналъ ихъ до самаго Хорола.

33.

Всеволодъ.

По волѣ его сыны Изьяславовы Святополкъ на княженіи Новгородскомъ, Ярополкъ во владѣніе получилъ Владиміръ Волынскій древній и Туровъ, Мономахъ въ Черниговѣ.

Безпокойный Олегъ своими же Половцами, измѣнившими ему, былъ отправленъ въ Константинополь и странствовалъ на островѣ Родосѣ и возвратился вновь въ свое княженіе (братнино) Тмутараканское, гдѣ былъ братъ его Романъ убитъ Половцами.

Полоцкій князь тѣ же враждебныя дѣйствія. Его разбиваетъ Мономахъ, который побѣдилъ Торковъ близь Переяславля, усмирилъ Вятичей, гналъ ихъ неутомимо на берегахъ Десны и Хорола.

Слабый, тревожимый строптивостью племянниковъ, поддерживаемый только Мономахомъ, преданный любимцамъ, уже не судившій на своемъ княжескомъ дворѣ, неудерживавшій своихъ тіуновъ грабить города и жителей, умеръ 1093.

34.

Святополкъ, возведенный Мономахомъ на Кіевскій престолъ, при самомъ началѣ долженъ былъ отряжать Половцевъ соединенными силами съ Мономахомъ и братомъ его Ростиславомъ, но князья потерпѣли большую утрату и пораженіе. Ростиславъ былъ убитъ. Половцы потомъ обратили въ пепелъ Торческъ, и напрасно хотѣлъ ихъ обезоружить бракомъ съ ихъ княземъ. Упорный Олегъ опять пришелъ съ ними въ 3 разъ и заставилъ Мономаха отдать ему его удѣлъ Черниговъ. Распустилъ Полов-

цевъ по всей Черниговской области, которые выжигали домы, церкви, гумна, и южную Россію значительно обезлюдили. Жители изъ южныхъ земель переселялись въ сѣверныя (Юрьевъ на берегу Росси, сожженный Половцами, переселился своими жителями къ Кіеву и составилъ городокъ Святополчъ).

Олегъ упорствовалъ соединиться съ князьями на Половцевъ и не хотѣлъ на сеймъ. Силою и осадою его удѣла могли заставить его.

Всегда дерзкій, даже въ критическихъ обстоятельствахъ, побѣждаемый, все упорствовалъ, однакожъ. Даже посланіе Мономаха, исполненное силы и краснорѣчія убѣжденія, выказывавшими вполнѣ высокій характеръ, его не тронуло, и изъявивши наружное согласіе, онъ воспользовался первою безпечностью и ворвался съ дружиною къ нему въ землю Суздальскую.

Дѣло Мономаха сеймъ князей, который, казалось, опредѣлилъ границы:

За Мономахомъ Переяславль, Смоленскъ, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро.

За сыновьями Святослава Олегомъ, Давидомъ, Ярославомъ Черниговъ, Рязань, Муромъ.

За Давидомъ Игоревичемъ Владиміръ Волынскій.

За Володаремъ и Василькомъ Ростиславичами Перемышль и Теребовль.

Слабый, вѣроломный и подозрительный Святославъ, своими поступками несправедливыми и злодѣйскимъ ослѣпленіемъ невиннаго князя Василька, вооружилъ противъ себя удѣльныхъ князей; въ управленіи внутреннемъ корыстолюбивъ, терпѣлъ (жидовъ), завелъ жидовъ.

На второмъ сеймѣ, давши Давиду Игоревичу, вмѣсто отнятаго Владиміра Волынскаго, сверхъ его Бужска, Дубно и Чарторыжскъ, данный Святополкомъ, а чрезъ нѣсколько времени уступилъ Дорогобужъ Волынскій.

Наконецъ, рѣшили на сеймѣ объявить Половцамъ, всѣ почти изъявили участіе, даже сынъ стараго врага Всеслава Полоцкаго

Давидъ прибылъ въ станъ соединенныхъ войскъ. Одинъ только Олегъ отказался подъ егидой Мономаха. Наконецъ, совершенно поразили Половцевъ и взяли отъ нихъ добычу.

Границы земли Половецкой?

Ростиславичи Червленскіе и города?

Полоцкъ возвратилъ своихъ князей.

Сосланный въ Цареградъ Василько Рогвольдовичъ опять сталъ княжить въ Полоцкѣ.

Родъ Святослава Черниговскаго нанесъ страшное опустошеніе области Переяславля. Ольговичи нѣсколько разъ приводили Половцевъ и всегда почти держались обычая жечь селенія и города.

35.

Половцы.

Часть, избѣгая татаръ (непокоренныхъ татаръ), переправилась черезъ Дунай на кожаныхъ мѣшкахъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми и скиталась долго во Фракіи, пока Императоръ Іоаннъ не взялъ ихъ на свое содержаніе и назначилъ для нихъ земли; полагаютъ, что ихъ было до 10,000. Жившіе на матерой землѣ въ Евр. Тавріи покорились игу побѣдителя. Приморскіе послѣдовали за жителями Дунайскими.

36.

Мономахъ Велик. Князь.

Вступивши въ Кіевъ, (исправилъ) уничтожилъ беспорядки, произведенные корыстолюбіемъ Святополка. Законъ о ростахъ.

Сынъ его, Мстиславъ, два раза побѣдилъ Чудь, завладѣлъ

городомъ Оденте или Медвѣжьею Головой въ Ливоніи. Его сынъ, оставшійся въ Новгородѣ (отецъ занялъ Бѣлгородъ), совершилъ походъ счастливый въ Финляндію.

Другой сынъ, Георгій, въ Суздалѣ ходилъ войной на казанскихъ Болгаръ, побѣдилъ и пришелъ съ добычею.

Третій сынъ, Ярополкъ, воевалъ въ окрестностяхъ Дона, взялъ три города въ области Половецкой: Балинъ, Чешлюевъ, Сугровъ.

Въ Руской землѣ кочевали остатки народовъ Берендѣи, Печенѣги и Торки, въ степяхъ, въ окружности Переяславля. Мономахъ изгналъ ихъ. Изъ нихъ многіе уцѣлѣли на Днѣпрѣ подъ общимъ именемъ Черкасовъ или чорныхъ клобуковъ, служа Россіянамъ.

Принялъ Бѣловѣжцевъ, остатковъ Козаръ, бѣжавшихъ отъ Половцевъ. Они основали въ верховьѣ р. Остра новую Бѣлую Вежу въ 120 верстахъ отъ Чернигова. Развалины показываютъ каменныя строенія.

Князья дѣйствовали съ нимъ союзно, даже Ольговичи.

Усмирилъ князя Минскаго. Взялъ города: Вячеславъ, Оршу, Копысъ.

Усмирилъ Новгородцевъ, призвавши въ Кіевъ ихъ бояръ, и далъ имъ посадника, Кіевскаго боярина Бориса.

Четвертый сынъ его, Андрей, по повелѣнію его, опустошилъ сосѣдственныя владѣнія Болеслава Криворотаго. Ни его, ни Венгровъ и короля ихъ нападенія были неудачны.

Не сыновья его, почти посторонніе ему, были князья Черниговскіе, Полоцкіе и Ростиславичи.

Умеръ на 73, княжилъ 13 (въ 1125). Его духовное (завѣщаніе исполнено) поученіе исполнено краснорѣчія, обличаетъ размышляющій умъ, и одинъ изъ лучшихъ памятниковъ словесности, исполнено простоты и (глубокой) истины и наставленій опытности въ дѣлахъ разныхъ, въ жизни домашней.

Самъ назиралъ церковь и Божественное служеніе, домашній распорядокъ, конюшню, охоту, соколовъ, ястребовъ.

Дѣятельный, онъ совершилъ 83 похода, 19 мирныхъ договоровъ съ Половцами.

Ѣздилъ довольно скоро: изъ Чернигова выѣхавъ поутру, пріѣзжалъ въ Кіевъ прежде вечеренъ.

Ростовская и Суздальская земля были наслѣдственныя земли Всеволодова дома. Онъ ѣздилъ часто туда для хозяйственныхъ распоряженій. Выбралъ лучшее мѣсто на берегу Клязьмы, основалъ городъ и назвалъ его Владиміромъ Залѣсскимъ (Суздальское соединившемъ съ Переяславскимъ).

37.

Мстиславъ.

Когда Мстиславъ былъ Великимъ Княземъ, его братья занимали:

Ярополкъ въ Переяславлѣ, *Вячеславъ* въ Туровѣ, *Андрей* во Владимірѣ, *Георгій* въ Суздалѣ, а сыновья его Ростиславъ и Изъяславъ въ Курскѣ и Смоленскѣ.

Загналъ Половцевъ не только за Донъ, но и за Волгу.

Сыновья Олега начали показывать тоже непокорство, упрямство отца и изгнали дядю.

Въ югозападной Россіи сыновья Володаря, Владимірко и Ростиславъ, ссорились за удѣлы, первый въ Звенигородѣ, второй въ Перемышлѣ.

Наконецъ, паденіе произошло князей Полоцкихъ[1]). Мстиславъ поднялъ своихъ братьевъ и сыновей, далъ имъ свой полкъ и вмѣстѣ съ другими князьями покорилъ всю область Полоцкую. Послѣдніе князья Полоцкіе, два брата съ двумя племянниками, женами и дѣтьми, были отправлены на 3 ладьяхъ въ Константинополь. Мстиславъ отдалъ княженіе Полоцкое и Минское сыну своему Изъяславу.

Счастливо воевалъ Чудь и Литву.

---

1) Древней земли Кривичей, самыхъ непокорныхъ князей, всегда желавшихъ совершенно отдѣльной независимости.

38.

Ярополкъ.

Слабый, уступчивый. Эпохи, изъ его княженія извлеченныя, суть:

Ольговичи, князья Черниговскіе, съ Половцами выступаютъ на него, жгутъ и опустошаютъ селенія (пострадали сильно окрестности Переяславля) и заставляютъ его уступить часть Переяславской области съ Курскомъ.

Все княженіе провелъ въ спорахъ и битвахъ съ Ольговичами.

39.

Всеволодъ Ольговичъ.

Наконецъ, Ольговичи овладѣли княжескимъ престоломъ. Всеволодъ предупредилъ сына Мономахова Вячеслава и хотѣлъ также и Переяславъ, по крайней мѣрѣ приказывалъ его отдать брату своему Святославу Ольговичу.

Но скоро началъ войну съ братьями Святославомъ и Игоремъ, сердитыми за то, что онъ имъ не далъ никакихъ новыхъ удѣловъ прибыльныхъ, а давалъ сыновьямъ и родственникамъ.

40.

Игорь Ольговичъ.

2-й изъ Ольговичей, беспечностью, не любовью гражданъ, измѣною бояръ своихъ, расположенныхъ къ роду Мономаха, лишился Кіева, не пробывъ трехъ (мѣсяцевъ) недѣль.

41.

Изьяславъ Мстиславичъ.

Внукъ Мономаховъ (завязываетъ), угнѣтеніемъ Игоря въ Кіевѣ и содержаніемъ его въ неволѣ, вызвалъ упорную войну

брата его, Святослава, показавшаго рѣдкую братскую любовь, потерявшій чрезъ нее всѣ города свои и дѣйствовавшій почти противъ всѣхъ князей съ Георгіемъ Суздальскимъ. Народной ненавистью Кіевлянъ, убившихъ Игоря уже монаха, онъ воспламенилъ войну. Георгій Суздальскій эгоистъ, понуждаемый ненавистью къ Изьяславу и Святославомъ, противустоитъ и заставляетъ отказать Изьяслава, которому однакожъ старая любовь Кіевлянъ и ненависть къ Георгію даетъ новыя силы. Георгія войны почти всегда неуспѣшны, Изьяславовы почти уничтожаютъ владѣнія Георгія въ южной Россіи. Въ эту войну, рожденную взаимною ненавистью и безпрестанно возобновляемую, впутываютъ они—Георгій князя Галичскаго Владимірка и Половцевъ, Изьяславъ Венгерскаго владѣтеля Гейзу. Изьяславъ торжествуетъ, принимаетъ въ Кіевѣ, какъ отца, дядю своего Вячеслава и раздѣляетъ съ нимъ власть. Самъ всегдашній предметъ народной любви, которую умѣетъ пріобрѣсти своимъ обхожденіемъ съ ними.

42.

Сношенія съ греками.

Дочь Всеволода Янка ѣздила въ Цареградъ.

43.

Митрополиты.

Иларіонъ.

Григорій грекъ.

Іоаннъ грекъ, сочинитель церковнаго правила.

Іоаннъ скопецъ, Грекъ—мертвецъ.

Ефремъ скопецъ.

Николай грекъ.

Никифоръ грекъ, извѣстный свѣдѣніями и краснорѣчіемъ. Его два письма къ Мономаху. Одно о раздѣленіи церквей восточной и западной, другое о постѣ.

Никита грекъ.

44.

О городахъ.

Города состояли изъ мирной половины гражданъ, постоянной, и наѣздной, воинственной дружины князя, переселявшейся вмѣстѣ съ княземъ.

Князь ѣхалъ на княженіе со всею свитою, съ своими людьми и дружиною, иногда довольно многочисленною, которую городъ содержалъ.

Строеній крѣпкихъ въ городахъ не было и не строилось, потому что князь не почиталъ ихъ потомственнымъ наслѣдіемъ и помнилъ, что со временемъ могъ перемѣнить его на другой.

Города были слишкомъ не великолѣпны на видъ, окружались земляным валомъ, но за то вмѣщали несчетное множество церквей, больше деревянныхъ, маленькихъ. Лѣтописи говорятъ, что во время пожара въ Кіевѣ сгорало 600 церквей. Каждый князь платилъ отъ себя дань набожности, выстроивъ церковь. Это распространялось на его дружину.

Дружины князей были причиною и зиждителемъ городовъ. Такое множество, свита не иначе могла помѣщаться, какъ въ цѣломъ острогѣ. Такое множество воиновъ, бездѣйствующихъ и праздныхъ людей, неприлагавшихъ труда, должны были собрать вокругъ себя трудящійся классъ, доставлявшій бы имъ все нужное. Отсюда классъ ремесленниковъ и мирныхъ гражданъ.

45.

Постепенное появленіе городовъ.

Въ Брестѣ былъ племянникъ Святополка, Ярополковъ сынъ Ярославъ, котораго онъ въ цѣпи заключилъ. Стало быть Брестъ былъ Рускимъ и отдѣльнымъ городомъ еще въ началѣ 1101.

Лубны упоминаются во время набѣга Половцевъ 1107.

Прилукъ (1138) упоминается при осадѣ его Ольговичами.

Торжокъ взятъ Георгіемъ Долгорукимъ у Новгородцевъ 1139.

Всеволодъ отдалъ и отсудилъ: Игорю Юрьевъ и Рогачевъ, Святославу Чарторискъ и Клецкъ, а Давидовичамъ Брестъ и Дроговичинъ.

46.

Внутреннее устройство.

Добыча: скотъ жителей, рабы.

Бѣжавшіе князья, предпріимчивый мятежникъ, обѣщая грабежъ, всегда могъ набрать себѣ дружину (Карамзинъ).

Какъ князья (переходили) изъ (одного) удѣла перемѣщались въ другой, такъ точно и бояре.

Отъ одного удѣла зависѣло нѣсколько другихъ: отъ Чернигова Рязань, во времена сыновей Ярославовыхъ и Изьяславовыхъ [1]).

Рѣдкіе, впрочемъ, пользовались удѣломъ отца. Часто (нѣкоторые) иные князья, когда правился имъ чужой удѣлъ, изгоняли съ спльною дружиною князя, который иногда довольно спокойно отправлялся искать удѣла или принималъ предоставленный побѣдителемъ.

Это государство изъ арендъ родственниковъ Государей, дядей, племянниковъ, представляло странное явленіе. Не смотря на безпорядочность, на не имѣніе предѣльныхъ законовъ, на неопредѣлившіяся права и отношенія ихъ между собою, они носили какой то темный видъ единства и цѣльности одной націи. Князья часто въ критическія минуты говорили, напоминали о томъ, что Русь гибнетъ, а враги радуются. На сеймѣ, собранномъ Мономахомъ, явно сказано: да будетъ земля Руская общимъ для насъ отечествомъ. Святители напоминали тоже объ общемъ отечествѣ. Лѣтописцы тоже принимаютъ живое участіе въ общемъ, не смотря на свое частное пристрастіе.

---

1) Впослѣдствіи удѣлы чрезвычайно перемѣшались, такъ что Черниговскіе причислились къ Кіевскимъ, Кіевскіе къ Черниговскимъ. Послѣ Кіевскаго значительнѣе другихъ Черниговскій.

Удѣлами мѣнялись и торговались, какъ воины своими оружьями. За одинъ большой получалъ два-три маленькихъ, иногда додача деньгами.

(сен. 2-й сеймъ. Мономахъ отъ себя 200 гривенъ, Олегъ и братъ его также кромѣ городовъ за Владиміръ Волынскій)

Здѣсь то нужно искать причины остановки хода развитія въ Россіи.

Народъ, видя частое изгнаніе къ князьямъ, терялъ къ нимъ уваженіе.

Князь даже производилъ торги. Такъ, Святославъ торговалъ солью, которую привозили купцы изъ Галича и Перемысля.

Князья назначали посадниковъ въ другіе города. Въ завѣщаніи Мономаха: не надѣйтесь на посадниковъ и бирючей; стало быть, посадники были.

Мужество князей росло въ охотахъ, ими они тщеславились. Смотри завѣщаніе Мономаха.

Жители въ городахъ всегда имѣли сильное участіе въ правленіи, почти республиканское. Могли экстренно собирать вѣче и звать на оное князя. Такъ вызывали они князя съ тѣмъ, чтобы жаловаться на его тіуновъ.

Воинственность и рыцарскій обычай былъ видѣнъ въ томъ, что они пріѣзжали на вѣче даже на копяхъ.

Тіуны часто сильно угнетали гражданъ своимъ правленіемъ, и за то народъ часто, выведенный изъ умѣренности, грабилъ ихъ собственные домы.

Тіуны самоуправничали часто мимо князя, и такъ дружина, и нестолько дружина, какъ въ послѣдствіи бояре оной оказывали неповиновеніе къ князю.

Часто города, будучи недовольны своимъ княземъ, тайно приглашали.

47.

Набожность.

Князья заключались и постригались. Сынъ Давида Черниговскаго, Святославъ, при Митрополитѣ Никифорѣ.

Монахи путешествовали къ святымъ мѣстамъ: Игуменъ Даніилъ, во время Святослава, былъ въ Іерусалимѣ во время Балдуина.

48.

Пиры.

Пиры давались почти на весь міръ, на бояръ и дружину. Три дня угощали бѣдныхъ и странниковъ.

(Пиръ данный Олегомъ по случаю перенесенія мощей (новаго) 1115 Бориса и Глѣба).

Народу бросались ткани, шкуры, серебряныя монеты.

49.

Обычаи.

Чтить гостя и иностранца какого бы ни было всегда считалось главнымъ. Мономахъ въ поученіи особенно это завѣщаетъ. Если нельзя одарить, проситъ по крайней мѣрѣ угостить его, ибо гости распускаютъ въ другихъ мѣстахъ худую и добрую славу.

Нѣкоторые изъ князей были довольно учены. Влад. Мономахъ въ завѣщаніи говоритъ, что отецъ его, сидя дома, говорилъ на 5 языкахъ. Карамзинъ думаетъ, на греческомъ, венгерскомъ, половецкомъ, скандинавскомъ и рускомъ.

Охоту, какъ доблестнѣйшее занятіе, лучшіе государи совѣтовали отцы сыновьямъ. Смотри завѣщаніе Мономаха.

Охота была за буйволами, оленями, дикими лошадьми, (Мономахъ своими руками вязалъ по нѣсколько дикихъ коней вдругъ. См. Завѣщаніе), вепрями, медвѣдями. Въ каждомъ удѣлѣ лучшая для князя прибыль были мѣста для охоты, за нихъ иногда перемѣняли они удѣлы.

Дружина жила княземъ и беспрестанно требовала прибавки жалованья.

Жены ходили въ золотыхъ украшеніяхъ. См. Соф. Врем. вставка: «Послѣдуемъ, братцы, примѣру нашего князя» («О бра-

тіе, потогнемъ по своемъ князѣ и по Руской земли. Не глаголаху мало ми есть, княже, 10 гривенъ и не кладяху на своя жены златыхъ обручевъ, но хождаху жены ихъ въ сребреныхъ»).

У (великихъ) князей бывало не мало богатства въ подвалахъ, кладовыхъ и погребахъ: желѣзо, мѣдь, вино, медъ, на гумнахъ множество хлѣба. У Святослава Черниговскаго, брата Игоря, нашли 900,000 скирдъ.

Въ междоусобныхъ браняхъ обыкновенно дружина и вожди прежде всего старались овладѣть кладовыми и погребами и... хлѣбъ, теремъ, всѣ заведенія.

Грабили и жгли даже церкви, какъ при взятіи Путивля, дома Святослава. Меду въ подвалахъ 500 берковцевъ и 80 корчагъ вина.

50.

Городъ Кіевъ.

Была Жидовская улица, по множеству жидовъ.

Пожаръ въ Кіевѣ при Мономахѣ обратилъ въ пепелъ монастыри и около 600 церквей.

51.

Брачные союзы.

Князья роднились иногда съ отдаленными Европейскими домами.

Мономахъ былъ женатъ на Гидѣ, дочери Англійскаго короля Гаральда.

Мстиславъ на Христинѣ, дочери Шведскаго короля Инга Стенкильсопа.

52.

Союзы государей Европейскихъ съ рускими.

Одна дочь Мономахова за Норвеж. принца Сигурда, потомъ за Датск. Эрика Эдмунда, вторая за Канутомъ святымъ, королемъ Оботритскимъ.

Третія за греческимъ царевичемъ.

53.

Великій Князь.

Великій Князь бралъ только своимъ посредствомъ, какъ третье лицо, призываемое на судъ, разумѣется, если онъ характеромъ, силою, мужествомъ, счастливыми побѣдами умѣлъ пріобрѣсть это. Тогда изъ боязни къ нему не смѣли сорить владѣтели сосѣдственныхъ удѣловъ.

Великій князь долженъ былъ хлопотать и умирять недовольныхъ. Онъ склонялъ къ сдѣлкамъ между собою въ мѣнѣ удѣловъ князей, уговаривалъ того и другаго, уступалъ, если былъ слабъ, грозилъ, если былъ силенъ.

Его поименная некорыстная власть основывалась на мнѣніи только на давности первенства, на городѣ Кіевѣ.

Дошло до того, когда вел. князь требовалъ помощи у другихъ Великихъ князей, они торговались, требовали многихъ городовъ, и князь долженъ военнымъ хитростямъ.

Восходя на престолъ, великій князь увѣдомлялъ удѣльныхъ отправленіемъ къ нимъ пословъ.

54.

Вліяніе упадка Кіевскаго княженія.

Съ упадкомъ Кіевскаго княженія прежній призракъ порядка рушился. Вліяніе Россіи на Югозападъ Руской стало значительно меньше. Князья ихъ болѣе своевольничали и безпорядковали. Вліяніе Польши и Венгріи становилось сильнѣе.

Въ княженіи Кіевскомъ находились и зависѣли отъ него всегда: Вышгородъ, Васильковъ, Лыбедь.

55.

Войны съ Чудью и Литвою.

Война съ Чудью и Литвою обыкновенно оканчивалась разореніемъ селъ и уводомъ плѣнниковъ. Мстиславъ, сынъ Мономаха,

привелъ въ Кіевъ ихъ великое множество, которые отчасти шли въ продажу и заселяемы были.

Литва всегда съ большимъ усиліемъ упорствовала платить дань.

56.

Слова требующія изъясненія.

Куны
Долсѣи
Мытъ

57.

Новгородъ.

Власть князя.

Власть князя была сильно ограничена. Онъ не могъ въ волостяхъ Новгородскихъ постановить своихъ мужей, но Новгородцевъ.

Онъ не могъ имѣть селъ, купить, ни принять дары и подати, ни жена его, ни слуги во всей Новгородской волости.

Въ Русу могъ ѣздить только на третью зиму. Въ Озводо за звѣриною охотой лѣтомъ. Въ Ладогу на третье лѣто.

Онъ не могъ выводить въ свою волость людей ни изъ какой Новгородской волости.

Не могъ требовать для своихъ дворянъ провозу, подводъ у купцевъ, выключая развѣ въ случаѣ ратной вѣсти.

Не могъ иначе торговать съ Нѣмцами, какъ посредствомъ новгородцевъ?

Не могъ приставлять къ нѣмецкому двору своихъ приставовъ, ниже закрыть.

Кромѣ того, князю предписывалось не слушать навѣтовъ, не мстить, не препятствовать безсрочному житію Новгородскихъ гостей.

(Смотри Грамоту Новгородц. Ярославу Ярославичу 1263).

Безъ Посадника не могъ раздавать волостей, ни лишить, ни судить.

Въ Русу ѣздить осенью. Въ Ладоху посылать осетренника и медовара.

Не могъ дать грамотъ (?), принять заложника, ни смерда, ни купцыни.

Тіуновъ держалъ онъ волости пополамъ своего и новгородскаго въ землѣ Волочской. Въ Торжкѣ держать тіуна онъ могъ своего, въ отношеніи собственныхъ владѣній.

Не могъ изъ Суздальской земли своей управлять Новгородомъ.

Примѣчаніе: во всѣхъ грамотахъ всегда ясно старались отмѣтить рубежъ земли Суздальской отъ Новгородской.

Въ Низовыхъ областяхъ особенно была недѣйствительна власть княжеская, тамъ онъ не могъ во все вмѣшиваться и рядовать волости. Грамота 1309.

Запрещалось ему бить свиней въ 60 верстахъ отъ Новгорода.

Долженъ былъ поставлять своего намѣстника за Волокъ.

Слать судей на Петровъ день (разъѣздныхъ).

Не могъ набавлять, ни учреждать пошлинъ.

За рубежемъ земли Новгородской его суды не могли судить и быть посылаемы, и отъ слободъ и селъ отступаться.

Въ Ладогѣ не могъ держать тіуна. Упом. въ пер. разъ въ грамотѣ дани. княз. Мих. Яросл. Твер. 1309 (А въ Ладогѣ ти тіуна не держати).

Тамъ же. Бѣгущихъ онъ въ Тверскую область половниковъ долженъ возвратить въ Новгородъ и тамъ судить.

Онъ могъ брать за провозъ черезъ его землю по двѣ векши отъ лодки, воза, отъ льна и хмѣльна короба.

Изъ Ладоги онъ бралъ дань: посылалъ для ловли осетровъ и варенія меду.

Опредѣлить степень дани или даровъ съ волости, получаемыхъ княземъ.

Что собственно Новгородская волость, вся ли государство, или округъ города Новгорода?

Отъ чего половникъ (холопъ)?

58.

Конституція Новгорода.

Новгородъ обязывалъ прежде всего князя письменною грамотою на пергаментѣ съ свинцовою печатью, съ одной стороны которой былъ образъ Знаменія Пресв. Богородицы, съ другой имя архіепископа Новгородскаго. Она начиналась благословеніемъ Владыки, поклономъ посадника, потомъ тысяцкаго, наконецъ большихъ и малыхъ чиновъ (старѣйшинъ), затѣмъ весь Новгородъ клянется (цѣлуетъ крестъ) держать его княженіе честно по пошлинѣ, безъобидно и такого же требуетъ отъ князя.

Около (1132) народъ началъ избирать посадниковъ, когда изгналъ Всеволода.

59.

Доходы князя.

Доходы были не слишкомъ и всѣ опредѣлены и установлены навсегда.

А коли, княже, поѣдешь въ Новгородъ, тогда тебѣ даръ имати по состояніемъ, а коли поѣдешь изъ Новгорода, даръ тебѣ не надобе.

60.

Права Новгородцевъ.

Съ купленныхъ земель въ землѣ Новгородской князь получалъ куны, но удалившись изъ Новгорода, тоже получалъ, но дарственныхъ лишался.

Никогда Великій князь не могъ постановить имъ князя,

если онъ не нравился. Такъ, не захотѣли они сына Святополка и удержали у себя Мстислава.

Купцамъ давались деньги, и они уже совершали на нихъ, экипировали войска (въ 1137 противъ Всеволода, разграбивъ дань его доброжелателей, съ другихъ взявши налогъ, они деньги отдали купцамъ на заготовленіе вещей къ войнѣ.

61.

Неустройства Новгородцевъ.

Во время смутъ и народныхъ волненій народъ обыкновенно сбрасывалъ своихъ начальниковъ съ мосту и топилъ ихъ въ Волховѣ.

Всеволода обвинили за то, что:

1, не блюдетъ простаго народа и любитъ только забавы, ястребовъ и собакъ.

2, хотѣлъ княжить въ Переяславѣ.

3, ушелъ съ мѣста битвы на Ждановой горѣ прежде всѣхъ.

4, непостояненъ въ мысляхъ, держитъ сторону то князя Черниговскаго, то пристаетъ къ врагамъ его.

Но всегда почти въ Новгородѣ партіи приверженныя князю— нѣсколько домовъ большихъ аристократическихъ, какъ кажется; ихъ обыкновенно народъ грабилъ во время бунта противъ князя.

Князя когда не желали и на мѣсто его просили другаго, то прежняго заключали въ епископскомъ домѣ. См. Кіевская лѣтопись.

При Георгіѣ Суздальскомъ сдѣлалось смятеніе за князей Ростислава и Мстислава, граждане раздѣлились на двѣ стороны: *Торговая* была за князя, *Софійская* противъ.

62.

Отношенія Новгородцевъ къ Великому Князю.

Владѣя отдаленными странами нынѣшней Архангельской губерніи, Новгородцы платили великому князю особенную дань, называвшуюся *Печорскою*.

63.

Исторія Новгородской республики.

Въ началѣ Новгородцы, Псковитяне и Ладожане составляли одну область (съ котораго времени?).

Купеческія суда его ходили за море и привозили товары въ Россію и въ 1142 отразили флотъ Шведскаго короля, выѣхавшаго на разбой съ шестидесятью ладьями и съ епископомъ.

...прибѣгавшій то къ папѣ (Гильдебрапту), то къ Генриху IV, приведшій съ собою Поляковъ и короля Польскаго Болеслава II.

...и Олегъ первый употребилъ Половцевъ.

64.

Періодъ второй.

Общія замѣчанія.

Что удѣльные правы все таки способствовали къ монархизму, то есть, еслибъ монархическая власть дошла туда, она имѣла бы по крайней мѣрѣ на чѣмъ укрѣпиться, но вопросъ, могла ли она зайти. Легко сказать, но власть самодержца не могла никогда держаться на великихъ малонаселенныхъ пространствахъ, потому что не на чѣмъ укорениться ея слѣды, на мѣстахъ изглаживался слѣдъ ея. Что Карлъ былъ самодержцемъ, два три самодержавные правители, этому нечего дивиться. Въ ихъ земляхъ еще старые, освященные давностью слѣды римскіе. Но тамъ, гдѣ не была врѣзана она въ самое сердце земли ни городами, ни крѣпостями, никакими пунктами, напримѣръ, въ Германіи, тамъ она не могла существовать или существовала въ одномъ титлѣ.

65.

Періодъ Татарскій. Изъ Визант.

Pachimeres, T I. pag. 235, 236, говоритъ, что съ Татарами мало по малу мѣшались Цихи, Готы, Россіане и другіе окрестные народы, наконецъ, принявшіе отъ Татаръ нравы, образъ жизни, языкъ и одѣяніе; служили въ татарскихъ войскахъ.

66.

1386. **Ягайломъ соединяются Польша, Малая Россія и Литва.**

Трактатъ присоединенія: Пакта Конвента.

Сила его: присоединяемъ и соединяемъ какъ равный съ равнымъ и вольный съ вольнымъ.

Установленіе въ трехъ націяхъ трехъ равныхъ гетмановъ съ правомъ намѣстника королевства и верховнаго военачальника.

Гетьм. коронн. Польскій

(Геть. Руской).

Гет. Литовскій

Гет. Рускій

Установленіе. Гетьманамъ и другимъ важнѣйшимъ урядникамъ даются на содержаніе старосты и ранговыя деревни (вспомнить объ удѣлахъ).

Резиденціей Малороссійскаго Гетьмана дѣлается городъ Черкасъ, пониже Кіева, надъ Днѣпромъ.

Провинціальное дѣленіе земли на воеводства и повѣты.

Четыре воеводства Кіевское, Брацлавское, волынское и Черниговское, совмѣстно съ Сѣверіею названное Сѣверія Дукатусъ.

Всѣ чины правит., начиная съ Гетьмана до городскихъ и земскихъ, выбираемы были изъ рыцарства вольными голосами и утверждаемы королемъ и сенатомъ.

Сенатъ составлялся изъ особъ, выбранныхъ сеймомъ или

общимъ собраніемъ. Общее собраніе или сеймъ составляли депутаты, посылаемые отъ народа.

Народъ состоялъ изъ трехъ классовъ: Д., Шляхетства и поспольства.

67.

Кіевскіе Митрополиты.

Михаилъ. 988 г.
Леонъ или Леонтій, Грекъ.
Іоаннъ I. 1007 или 1008.
Ѳеопемптъ, родомъ Грекъ.
Иларіонъ. 1051 г.
Георгій Грекъ. 1055.
Іоаннъ II. 1080 г.
Іоаннъ III. Скопецъ, родомъ Грекъ, 1089 г.
Ефремъ. 1091.
Николай, Грекъ. 1102.
Никифоръ, Грекъ, 1106 г.
Никита, Грекъ, 1122.
Михаилъ II, родомъ Грекъ, 1127 г.
Климентъ, родомъ Россіанинъ, 1147 г.
Константинъ I, Грекъ, 1156.
Ѳеодоръ, Грекъ, 1160 г.
Іоаннъ IV, Грекъ, 1164 г.
Константинъ II, Грекъ, 1167 г.
Никифоръ, Грекъ, 1183.
Матѳей, Грекъ, 1204 г.
Кириллъ I, именуемый Грекомъ, 1223.
Кириллъ II, Грекъ.
Іосифъ, Грекъ, 1237.
Кипріянъ, родомъ Сербянинъ, 1375.
Фотій, Грекъ, 1396.
Григорій Самблакъ, родомъ Болгаринъ, 1414.
Исидоръ, родомъ Грекъ.
Мисаилъ, изъ поколѣнія князей Пеструцкихъ, 1474.
Семеонъ, 1477.
Іона, 1482.
Макарій, 1495.
Іосифъ II, 1476.
Іона II, 1516.
Іосифъ III, 1526.
Макарій II, 1538.
Сильвестръ Гелькевичъ, 1555.
Іона IV, 1568.
Илія, Куча, 1577.
Онисифоръ Петровичъ-Дѣвичій, 1578.
Михаилъ, изъ шляхетнаго рода Рагозъ, 1588.
Іовъ Борецкій, 1620.
Исаія Копинскій, 1628.
Петръ Могила, 1597.
Сильвестръ Коссовъ, 1632.
Діонисій Балобанъ, 1650.

Кириллъ, Россіанинъ, 1250.
Максимъ, Грекъ, 1283.
Петръ, родомъ Волынецъ, 1308.
Ѳеогностъ, Грекъ, 1329.
Алексѣй Плѣщѣевъ, 1354.
Іосифъ Нелюбовичъ-Тухальскій, 1654.
Антоній Виницкій, 1679.
Гедеонъ Святополкъ, 1685.
Варлаамъ Яссинскій, 1665.
Іоасафъ Краковскій, 1693.
Варлаамъ Вакатовичъ, 1719.
Рафаилъ Забаровскій, 1723.
Тимофей Щербатскій, 1698.
Арсеній Могилянскій, 1704.
Гавріилъ Кременецкій, 1736.
Самуилъ Миславскій, 1731.
Іерофей Малицкій, 1727.
Гавріилъ Банулеско, 1746.
Серапіонъ Александровскій, 1799.

68.

Книги.

О 1-й филолог.

5943. *Церковный словарь.* Протоіерея Петра Алексѣева. 5 частей. 1817—1819. (8) 30 р.

5944. *Краткій словарь* славянскій, Евгенія, (8), 8 р. 1784.

5947. *Аналогическія таблицы* Славено-Російскаго словаря, издан. Академ. Наукъ. 5 частей. 1781 (4), 50 р.

5952. *Сравнительные словари* всѣхъ языковъ и нар., собранные Екатериною, изд.

Путеш.

3734. Путешествіе въ Мол, давію, Валахію и Сербію-Дм. Бантышъ Каменскаго. 1810. (8). 8 р.

3737. Путешествіе Англ. лорда Балтимура чрезъ Рум. Болг. Молдав. Польшу въ Лондонъ. 1776. (8). 2 р.

3751. Белевы путешествія чрезъ Россію въ разныя Азіатскія земли. Пер. съ фр. М. Поповъ. 3 част. (8) 1776. 12 р.

Палласъ. 2 ч. 1787—1789, (4), 40 р.

5953. *Сравнит. словарь* всѣхъ языковъ и нарѣчій. Я. де Мориво. 4 части. 1790—91, (4), 40 р.

10347. Россійско Румынская Грамматика, состав. Марцеллою, 3 ч., 1827—1828, (8), 10 р.

Польскіе и рускіе разговоры. Вильна. 1829. 3 р. 50 к.

3659. Землеописаніе Малой

3768. Собран. Пут. къ татарамъ. Плано Кар. А. изд. Языковъ. 10 р.

3794. *Баронъ Мейербергъ.* Перс. съ нѣм. Аделунгъ (8—2) 55 р. 1827.

3795. Путешествіе по Россіи *Гмелина*... естеств. 4 т. 1773 (4). 40.

3796. Дневныя записки *Лепехина* по разн. провинціямъ Россіи. 4 т. (4). 1771. 40 р.

3797. Путешествія по разн. провинціямъ Россіи *Палласа.* 5 т. 1773. (4). 50 р.

3798. Журналъ путешес. Кап. *Рычкова*, по разнымъ провин. Росс. 2 ч. (4). 1772. 12 р.

3799. Полное собр. путешес. по Россіи, изд. Акад. Наукъ. 1, *Краш. Лепехина.* 3. *Фолька.* Съ 2 атлас. 7 частей. 1818—1825. 65 р. (8).

3807. Записки по Запад. Россіи. Минерал. хозяйст. и пр. *В. Севергина.* 3 ч. 1803—5. (8). 8 р.

3818. Письма изъ Малороссіи *Алексѣя Левшина.* Харьк. 1816. (8). 4.

3851. Археолог. Атласъ Евр. Россіи. Соч. Гр. *Н. Потоцкаго.* 1823. Въ листъ. 15 р.

10117. Древняя исторія *Во-*

Россіи по ревизіи 1764 года, издалъ *В. Рубанъ*. 1777. (12). 5 р.

3660. Краткія Геогр. Полит. и Истор. извѣстія о Малой Россіи, изд. В. Рубанъ. (12). 5 р.

3661. Физич. опис. Тавр. области. Карла Габлица. (2). 15 р. 1795.

3662. Кратк. физ. и топог. описан. Тавр. области. Палласъ. 1795. (4). 5 р.

3663.

3684. Волынскія записки Степ. Руссова. 1809. (8). 5 р.

3553. Королевство Польское и Велик. Княж. Литовское, соч. Бишинга. 1775. (8). 5 р.

3554. Королевство Венгерское съ приедин. землями, Бишинга. 1774. (8). 6 р.

10227. *Климаново* путеш. изъ Вѣны въ Бѣлградъ и нов. Килію. Пер. съ фр. И. Одинцовъ. 1783. (8). 5 р.

10185. О происхожд. языка и лит. Литов. народовъ. Петр. Кеппена. 1827. (4). 4 р.

10110. Описаніе древ. медалей Ольвіи съ ист. извѣст. о городѣ Ольвіи. (8). 1828. 5. р.

10112. Древности Евр. бе-*лынской* губерніи. Продолженіе первобытной исторіи народовъ Госу. Росс. Граф. И. Потоцкаго. Пер. Руссовъ. 1829. (12). 2 р.

Сокращ. Скандинав. Миѳологіи по алфавиту, Руссова. 1829. (2). 2 р.

10992. Родословная князей Друцкихъ Горскихъ графовъ по Межи и Преславлю, потомковъ Рюрика. Спб. 1824. (4). 10 р.

10998. Отчетъ о разн. памятник. древности въ Болгаріи и Румиліи, В. Тепляковымъ. 1829. (8). 3 руб.

11011. О Достопамятностяхъ Чернигова. 2 р.

11012. О городахъ и селахъ Черни. губер. упомин. Несторомъ. М. Маркова. 1814. (8). 1.50.

рега Понт. С. Кеппена. 1828.
(8). 5 р.

10113. Начертаніе древней
Исторіи *Бесарабіи, Вельтмана.*
1828. 5 р.

69.

Выписки изъ Кіевской лѣтописи.

И половцамъ пришедшимъ Всеволодъ со братіею, со Изьяславомъ и Святополкомъ Мстиславечема, пойдоша воюючи села и городы Переяславское волости, и люди сѣкуще даже и до Кыева. И Городець (противъ Кіева) зажгоша на св. Андрея день, и ѣздяху по оной сторонѣ Днѣпра, люди ѣмлюще, а другіе сѣкуще, не могучи перевестися черезъ Днѣпръ. Забравше скотъ весь три дни стоявше за городцемъ въ Бору, и идоша къ Чернигову, и оттуда шлючи межи собою створита міръ. И паки Ольговичи начаша просити у Ярополка, что нашъ отецъ держалъ при вашемъ отци, того же и мы хощемъ; яжъ не вдастъ, то не жалуйте: что ся удѣеть, то на васъ будетъ кровь. Тое же зимы (1135) Ярополкъ совокупи вся Кыевскыя, а Гюргій переяславци, и стояша 8 дней у Кыева (противъ Ольговичей) и умиришась, и даше (Вел. Князь) Переяславль Андрееви, а Володимiръ Изьяславу.

Андрей возвратися въ Переяславль. Всеволодъ же, перешедъ Десну, ста противу Вышегороду съ вои.... и постоя 7 дней иде къ Черпѣгову, и сослаша межи собою послы и не могоша ся уладити. Паки же Олговичи съ Половци переидоша Днѣпръ Дек. въ 29 день, и почаша воевати отъ Треполя около Краина и до Бѣлагорода и Василева, олни же и до Кыева, и по Желани и до Вышегорода, и до деревъ (древлянской области по Карамз.), и черезъ Лыбедь стреляшася. Ярополкъ же убоявся суда Божія сотворыся мнiй (меньшій) всѣхъ, хулу и укорь прія на ся отъ братія своея и отъ всѣхъ, и сотвори съ ними міръ въ 12 Генв.

(уже въ 1137 г.), и цѣловаша крестъ, ходящу межъ ими Митроп. Михайлу, и вда Ярополкъ отчину свою ко Ольговичемъ, чего хотѣли.

Бѣжащю Святославу изъ Новагорода (1141), идущю въ Русь къ брату, и посла Всеволодъ противу сму и рече: Брате! поиди сѣмо. Святославъ же ѣха къ нему изъ Стародуба и не уладися съ нимъ о волости, и иде къ Курску: бѣ бо и въ Новѣ городѣ сѣдя Сиверску. Въ тоже лѣто Всеволодъ разлучився съ братомъ своимъ, и да ему Бѣлгородъ (отнявъ у него Курскъ и Нов. Сѣвер.). Въ тожь лѣто ходи Игорь къ Чернѣгову па Давидовича и створиста миръ... Бысть братьи его (Всеволода) тяжко сердце Игореви и Святославу: волости бо даетъ сынови, а братьи не надѣли. И позва Всеволодъ (въ 1142) братію къ собѣ, и сташа въ Олжичихъ, Святославъ и Володиміръ и Изьяславъ, а Игорь у Городца, и ѣха Святославъ къ Игореви и рече: что ти даетъ братъ старѣйшій? и рече Игорь: даетъ намъ по городу, Берестій и Дорогичинъ, Черторыескъ и Клецескъ, а отчины своея недасть Вятичъ. И цѣлова Святославъ крестъ съ братомъ Игоремъ, и наутрій день цѣловаста Володимиръ и Изьяславъ Игоремъ... И посла ихъ Всеволодъ звати на обѣдъ, и не ѣхаша рекуще: Се въ Кыеви сѣдиши, а мы просимъ у тобе Черниговское и Новогородская волости, а Кыевскые не хотимъ. Онъ же Вятичъ поступяше, по даша имъ 4 городы, яже преди нарекохомъ. Они же рѣша: а намъ самѣмъ о собѣ поискати, и поѣхаше къ Переяславлю... И посла Всеволодъ Лазаря Саковскаго съ Печенѣгы с воп Вячеславу въ помощь... И поможе Богъ Изьяславу (Мстиславичу), и бися съ ними, и побѣгоша въ городы своя. Въ тожъ время идущю Ростиславу съ Смоленск. полкомъ къ зятю своему къ Кыеву, и слышавъ (о войнѣ) и пойде па волость ихъ и взя около Гомія (Гомеля) область ихъ всю (въ харатейн. 4 города)... Изьяславъ же ѣха въ землю Черниговскую и повоева около Десны села ихъ, и возвратися въ свояси съ честію. Игорь же съ братьею ѣхаша къ Переяславлю другое, и бишась 3 дни и возвратишась. Посла по нихъ Всеволодъ брата своего Святошю, река имъ: взьми-

те съ любовью что вамъ даю: Городець, Рогачевъ, Берестій, Дорогичинъ, Клецескъ; болѣ не воюйтеся съ Мстиславичи. Они же сташа на воли его, и позва ихъ къ собѣ къ Кыеву, и пріѣхаша: Всеволодъ же не хотѣ того, иже ся братья съвокупила на едну мысль, посла къ Давидовычема, река имъ: Отступите отъ Игоря и Святослава, а азъ васъ падѣлю. Они же преступивше крестное цѣлованіе, отступиста отъ Игоря и отъ Святосл. къ брату Всеволоду. Всеволодъ же радъ бывъ ихъ разлученію, и да Берестій и Дорогичинъ и вщижъ Ормину (?), а братомаославъ и да има, Игореви Городецъ Гургевъ и Рогачевъ, а Святославу Клецескъ и Чарторискъ, и тако разыдошася... Ольговичи братья Всеволожа поропташа нань, иже любовь имѣетъ съ Мстиславичи, а съ нашими ворогы, осажался ими около, а намъ безголовье и безмѣстье... И докучиваху ему пойти ратью на Мстиславичи; онъ же воли ихъ не учини.

70.

О собраніи князей въ Кіевѣ.

И сѣдшимъ всѣмъ братіи у Всеволода на сѣнехъ, и рече Всеволодъ: Повабливаетъ меня Володиславъ лятскый князь на брата своя. И рече Игорь: не ходы, но поидемъ мы... И иде Игорь съ братомъ Святославомъ и съ Володиміромъ (Давидовичемъ), а Изьяславъ Мстислав. разболѣвся и не иде. Изъ Володимера Святосл. Всеволод. иде, и идоша на средь земли лядское. Наидоша брата 2 Владиславля, Болеслава и Мяжеку стояча за болотомъ и переѣхавша на сю сторону, и поклонистася Игореви съ братьею, и цѣловавше крестъ межи собою... и даста брату Владиславу 4 городы, а Игореви съ братьею Визну... Тое же зимы Владиславъ, Лятскый князь, емь мужа своего Петрока и ослѣпи его и языка ему урѣза, и домъ его разграби; токмо съ женою и съ дѣтьми выгна изъ земли своея, и иде въ Русь... Ею же мѣрою мѣрить, взмѣритьтися. Ты емъ лестью Володаря, и умучивъ, и имѣніе его всхити все.

И везоша й Вышегороду, и посла по брата своего по Игоря и по Святослава, и ста надъ Вышегородомъ въ Островѣ, и призва къ себѣ Кыяны, и нача имъ молвити: азъ есмь боленъ уже вельми, а се вамъ, братья моя, Игорь, иметеся зань. Ониже рекоша: Княже! ради ся имемъ. И поѣхаше Игорь въ Кыевъ, иде съ ними подъ Угорскый, и съзва Кіяны всѣ, они же цѣловаша къ нему крестъ рекучи: ты намъ князь, и яшась поиь лестію. За утрій же день ѣха Игородъ къ Вышегороду, и цѣловаша къ нему крестъ Вышегородци. Всеволодъ же посла къ Изьяславу Мст. Володиславa, зятя своего, а къ Давидовичема Мирослава Андреевича, река: стоите ли въ крестномъ цѣлованіи у Игоря? и рѣша стоимы. Въ утрій же день преставися Всеволодъ мѣс. Авг. въ 1 день.

Устремишась на Ратшинъ дворъ грабити и на мечникы... Вземъ (Изьяславъ) молитву въ св. Михаила у еписк. Ефрема и перейде днѣпръ у заруба, и ту прислашася къ нему чернiи клобуци и все порусье (мѣста по р. Русу или Роси), и пойде Изьяславъ къ Дръковому, и ту совукупишась вси клобуци и поршане. Въ томъ же мѣстѣ прислашась къ нему Бѣлогородци и Василевци... Игорь же посла къ Володимеру и Изьяславу (Давид.) и рече: стоишь ли у мене въ крестномъ цѣлованіи? Она же впроси́ста у него волости много. Игорь же имъ вда и повелѣ има пойти къ себѣ... Изьяславъ же Давид. ѣха въ борзѣ къ Игореви. Епископъ же Черниговской, Онуфрій, присвитеромъ своимъ рече: аще кто сего целованія (Давидовичей къ Игорю) съступитъ, да проклятъ будетъ Господскыма 12 праздниками. И помалѣ днiй съступиста Давидовича крестное целованіе. Начальници же бы съсвѣту злому Улѣбъ тысячскый и Иванъ войтишичь и Лазарь саковскый, а въ Святославли полку Васпль полочанинъ, Мирославъ хилиичь внукъ, и совокупиша около себя Кіяны.

Приде Изьяславъ къ валови, идѣ же есть Надово озеро, у Шелвова борку, и ту ста (Въ харатейныхъ на Желани)—съ сыномъ Мстиславомъ. Кыяне же особо сташа у Ольговы могилы (на горѣ Щековицѣ или нынѣшней Сковицѣ)...

Видѣвъ Игорь, иже Кыяне, послався и пояша у Изья-

слава тысячского и съ стягомъ и приведоша и къ собѣ и берендичи, переѣхавше Лыбедь, взяша Игоревы товары предъ золотыми вороты и подъ огороды... и Улѣбови и Иванови Войтишичю рече: поѣдта въ свои полкы. Пріехавъ же въ свой полкъ, и повергли стягы, и поскочиша къ Жидовскымъ воротамъ. Видѣвъ же то Игорь и Святославъ и сыновець его Всеволодичь, не смятошась, но поидоша противу Изьяславу на верхъ озера и ту биша пророви отъ озера, а друзіи изъ Сухоа Лыбеди... Въѣхаша Берендичи съ саблями и почаша я сѣчи, и ту побѣже Игорь и Святославъ въ Слудвы (болота) Дорогожичьскыя, и Изьяславъ же съ Мьстиславомъ, сыномъ своимъ, и съ всею дружиною въѣха въ бокъ имъ, и начаша сѣчи, и разлучишась другъ отъ друга, и съ Игоремъ же не бѣ кто улучася, и бѣже Игорь въ болото Дорогожичское, и угрязе подъ нимъ конь и не може ему яти, бѣ бо ногами болитъ; а Святославъ бѣже на устье Десны, за Днѣпръ; а Всеволодичъ Святославъ вбѣже въ Кыѣвъ на св. Орпнѣ въ монастырь, и ту его яша. Идоша по нихъ до Вышегорода и до Днѣпра, до устья Десны и до Перевоза до Кыевскаго, сѣкуще я, а другыя въ водѣ избиваху... Выидоша противу ему (Изьяславу) множество народа, игумени съ черноризцы, и попове всего города Кыева въ ризахъ, и пріѣха къ св. Софіи... Бояры многы изимаша: Данила Великаго и Гурья Прокопьча, Иворя Гюргевича, Мирославля внука, и инѣхъ много въ Кыѣвѣ... и разграбиша Кыяне съ Изьяславомъ домы дружины Игореви и Всеволожи, и селы, и скоты, и взяша имѣпія много въ домѣхъ и въ монастырехъ.

Давидовича же рекоста: се есвѣ зачала дѣло зло, а съвершива до конца; искоренива брата Святослава... И въпросиста Изьяслава ити на Святослава. Въ томъ же лѣтѣ ходи Изьяславъ къ Давидовичема на снемъ и рече има: поидета на Ольговича. И поидоша къ Новугороду, и сташа у пересны (вала), и идоша стрѣльци и съ товары (съ обозомъ) къ граду, къ вратомъ Черпѣговскымъ, и ту биша. Въ утрій же день пойдоша къ вратомъ Курскимъ, и посла Мстиславъ къ Давидочема и рече: Отецъ мой реклъ: къ

городу не приступайте, доколѣ же пріиду азъ... И не идучи пакъ града стаста близъ, и пустиша стрѣльци къ граду, и хрестіаны и Берендѣи... И бысть налога (тягость) велика горожанамъ; и вбодота я въ врата острожная, и много бысть убитыхъ. Убиша Дмитра Широславича и Андрея Лазаревича. Бившимся имъ до вечера, и шедше сташа у Млетеко въ селѣ... И заграбиша Игорева и Святославля стада въ лѣсѣ по Рахни кобылъ стадныхъ 3000, а коней 1000... Поидоста на Игорево селце, идѣже бяше устроилъ дворъ добрѣ: Бѣ же ту готовизнины много въ братьяницѣхъ... И ту дворъ Святославль раздѣли (Изьяславль въ Путивлѣ) на четыре части, и скотницы (казну), и бретіяницы, и въ погребахъ 500 берковцевъ меду. И церковь Вознесенія Господня всю обоимаша, сосуды двои сребряны и индитіи (одежды престольныя) и судари (убрусы, платки), а все шито золотомъ; и кадильницы двѣ, и каце (какое) Евангеліе ковано, и книги, и колоколы.

Въ то время стояше Изьяславъ противу св. Михаилу у Выдобича въ Островѣ: Ростиславъ же пріѣха ту; Изьяславъ же посла по него насадъ свой, и что съ нимъ дружины влѣзѣ въ насадъ; съ тѣмъ же и перевезоша его и поставиша ему особно шатеръ, и посла къ нему мужи своя» и проч. Слѣдуютъ упреки Изьяславови. Волости тоби есмь далъ, яко ни отецъ того тоби далъ, и еще самъ и земли Руской приказалъ стеречи... Ты же еси, брате, удумалъ былъ такъ иже бы на мя Богъ отцю твоему помоглъ, и тобѣ было въѣхавши въ Кыевъ брата моего няты и сына моего, и жену, и домъ мой взяти. Ростиславъ же ему то отвѣща: Брате и Отче! яко ни въ умѣ своемъ ни на сердци ми того не было; пакы ль кто на мя молвилъ, князь ли который, а се я къ нему; мужь ли который въ христіанѣхъ или въ поганыхъ, а ты меня старѣй, а ты мя съ нимъ и суди. Изьяславъ же рече: того на мнѣ не проси, хотя мя заворожити (посорить) съ христіанами и съ погаными.

Ростиславъ же пришедъ къ отцу своему въ Суждаль, и удари передъ нимъ челомъ и рече: слышалъ есмь, иже хощетъ тебя

вся Руская земля и черные клобуки и тако молвятъ; и насъ есть обеществовалъ, а поиди нань.

Съвокупивъ (Георгій) силу свою и Половци, поиде Іюля въ 24 и иде на Вятичи. Володимиръ же Давидовичъ посла къ Изьяславу река ему: Се Гюргій идетъ на тя, а мы есьмы крестъ цѣловали съ тобою быти. Изьяславъ же нача доспѣвати, а къ Володимеру посла мужъ свой река: Богъ ти помозе брате. Се мужъ мой, а ты пристави свой мужъ: пошлевѣ къ Святославу Ольговичю. Посланніи же пріидоша къ Святославу... Святославъ же ничто же имъ отвѣща; только имъ то рече: Поидете къ товары своя, а опять вы взову... И дръжа послы недѣлю, а сторожи постави о товары ихъ, дабы къ нимъ никто же не пришелъ, послалъ бо бяше къ Гюргеви река ему: въ правду ли идеши на Изьяслава? Гюргей же рече ему: Како хощю не вправду ити: Изьяславъ волость мою повоевалъ, еще сына моего выгналъ. Любо сромъ (срамъ) зложу свой, пакъ ли голову свою зложу. Святославъ же слышавъ Гюргевъ отвѣтъ, взва къ собѣ послы Изьяславли и Володимери и рече: ...Изьяславъ же посла опять посолъ свой къ Святославу, река ему: Крестъ еси цѣловалъ, яко со мною быти, а вражду еси про Игоря отложилъ и товаръ его... а я есмь безъ тебе и на волгу ходилъ...

Гюргій же пришедъ и ста у Ярыкова (въ харат. ко Бьяхапю или Обояну), и ту пріѣха къ нему Святос. Ольговичъ (въ харат. оба Святослава) на Спасовъ день, и ту Святославъ позва его къ собѣ на обѣдъ. Въ утрій же день рано всходящу солнцу, родися у Святосл. дщерь Марія... Въ тъ день пойде Гюрги на передъ, и Святосл. въ Попедѣльникъ постиже Гюргя... и послаша къ Давидочема... Они же отвѣщаста: душею не можемъ играть, и отрекостася и посластася къ Изьяславу... И поиде (Гюргій) оттуда на бѣлу Вежю на старую (но въ харат. и въ другихъ нѣтъ старой. Здѣсь говорится о Черниг. Бѣлой Вѣжѣ)... И стояша у бѣлой вежи мѣсяцъ сжидаючи къ собѣ Половецъ и отъ Изьяслава покоренія... И поидоша къ Супоеви, и ту пріѣха къ нему

Святославъ Всеволодовичъ неволею стрыя своего дѣля, Святосл. Ольговича; и Половци дикіи придоша къ Гюргеви... Изьяславъ же посла по брата своего Ростислава и рече ему: се ѣсвѣ угадали тако, иже Гюргій помѣнить (минетъ) Черпѣговъ, а поиди, атъ оба видива по мѣсту, што намъ Богъ дастъ...

И къ Володимеру посла полкы... и Ростиславъ пойде къ брату. Гюргій же рече: поидемъ къ Переяславлю; тута ему (Изьяславу) прійти да иегли ту покорится... И сташа у *Куднова* сельца, перешедше Стряковъ, Володимеру сущу въ засадѣ въ Переяславли, а Ярополку Мстиславичу съ Поршаны, жителями береговъ Росси, Торками, Берендѣями... Изьяславъ же ста пришедъ у Вятняева, и ту прнде къ нему Ростиславъ... И перебредоста днѣпръ и пойдоста къ Олто (къ Алтѣ), и ту прнде вѣсть въ полудне, иже уже стрѣльцы переѣхали черезъ Стряковъ, а Половци идутъ къ городу. Изьяславъ же и Ростиславъ поидоста къ Переяславлю, и примчавша къ нимъ половчина Дикого и начаста его прошати: отъ котораго есте становища прѣхали. Онъ же рече: издалеча, но того дѣля Георгій борзо ѣхалъ творяще ся до тебе передати Переяславлю. Изьяславъ же повелѣ половчина перетяти (перерубить), тако и съ Опоною; а черпыа клобуки и молодь свою пустиста напередъ... Пришедши же стрѣльци отъ Изьяслава, и взбиша ратныя (непріятелей) отъ города, и гнаша я они до полку ихъ. Изьяславъ же и Ростиславъ, персѣхавши Лтицю (малую альту), поидоста за городъ и стаста по Трубежю; а Георгій стоя 3 дни у Стрякова, а въ 4 день поиде по зори мимо городъ исполчився, и ста межи валомъ обону сторону Трубежа, за звѣрницемъ у рощенія (рощи). Стояша же полци они до вечера, а стрѣльци бьяхомся межи полкома. На ту же почь прислася къ нему (Изьяславу) Гюргій...

Изьяславъ же выправися весь изъ города и ста на болоньи за огороды... Гюргій же стояше за Янчинымъ сельцемъ (пынѣшними яненками)... И тако исполчи воя своя и перенде (Изьяславъ) за Трубежъ, не въсходя на гору, и ста на лузѣ противу кузньчамъ воротомъ; и бысть въ полдне, и побѣже перескокъ

(беребѣжчикъ) отъ Гюрга изъ полку: они же погнаша по немъ; стражіе же Изьяславли пополошишась рекучи: рать! Изьяславъ же выступи въ поле, идѣже есть Красный дворъ. Видѣвъ же Гюргій и Святосл. поидоша противу имъ, и прошедше валъ, и ту сташа,—зрящимъ на ся; стрѣльцемъ біющимся межи полкома, и тако стояша полци оли и до вечера. Гюргій же и Святославъ поидоша въ товары своя. Изьяславъ же нача думати съ братомъ своимъ Ростиславомъ и съ Изьяславомъ Давидовичемъ и съ сыномъ своимъ Мстиславомъ и съ Андреевичемъ Володимеромъ (внукомъ Мономаха)... и поиде на нихъ... И поставя Гюрги сыны своя по праву, а Святосл. Ольг. по лѣву и сыновця его Всеволодича Святослава.

И бысть лесть въ Переяславцяхъ, рекучи: Гюргій намъ князь свой, того было намъ искати и далече, то рекучи и поспочиша (вѣроятно поскочиша, т. е. оставили битву, или опочиша т. е. перестали биться, а въ *Новгород. лът.* сѣдоша на щитѣ наученіемъ Гюрга). Изьяславъ же съ полкомъ своимъ съѣхася съ Святосл. Ольговичемъ и съ половиною полка Гюргова и тако проѣха сквозѣ и, за ними будучи, узрѣ, иже полки всѣ побѣгли, и побѣже и перебреде (Днѣпръ) на Капевѣ... А на утріе Гюрги вниде въ Переяславль и поклонився св. Михаилу, и пребысть три дни, и поиде къ Кыеву, и ста противу св. Михаилу по лугови... Гюргій же поѣха въ Кыевъ, и множество народа выйде противу съ радостью великою, и сѣде на столѣ отца, и посла по Володимера Давидовича къ Чернѣгову, и пріѣха Володимеръ и поклонися; а Святосл. Олг. поча ему молвити: держпши отчину мою. И тогда взялъ Курескъ съ Посемьемъ и Сновскую тысячю у Изьяслава (Давид.), и Случескъ и Клецескъ, и всѣ Дрегвичи, и тако ся уладивши разъѣхашась.

Изьяславъ же пришедше въ Володимеръ почася слати къ Угры, къ зятю своему, королеви, и въ ляхи къ свату своему Болеславу и Межцѣ, и Индриховп, и къ Ческому князю, свату своему Володиславу... Король же ему отрече ся река: ратенъ самъ съ царемъ (греческимъ); оже буду пороженъ (празденъ), самъ пои-

ду... А ческый князь рече: я готовь есмь самъ... Изьяславъ же опять посла съ дары и съ честью и рече: съ Рожества Христова всядете на кони... Король пусти ему Угорь 10000 и рече: а самъ хочу подступити подъ горы Галицкаго князя, не дати же ся ему двигнути... Болесл. же самъ поѣха съ братомъ Индрихомъ; а Межку остависта землѣ своея отъ Прусъ. Вячеславъ же то слыша посла къ Гюргеви, рече ему: се Угры уже идутъ... Любо дай Изьяславу чего ти хочешь; пакы ли поиди къ мнѣ, заступи волость мою. Изьяславъ ми то молвитъ: ты ми буди въ отца мѣсто; поиди, сяди въ Кыевѣ; съ Гюргемъ не могу жити; не хочеши ли мене въ любовь пріяти, я хочу волость твою пожечи... Нынѣ же, брате, пакы ли не поѣдеши, а на меня не жалуй.

Гюргій, съвокупя силу свою, пойде изъ Кыева и Половци бо бяше дикіе привелъ къ собѣ на помощь... Выступи Изьяславъ изъ Володимера и пришедъ къ Луцку и ту пребы 3 дни, и ту пасаше Болеславъ сыны боярски мечемъ многы; и въ то время пріидоста въ Пересопницю Гюргевичи два, Ростиславъ и Андрей, и помочь володимера изъ Галича, а самъ володимеръ приступилъ бяше ближе къ Шумеку. (Въ волынск. губерніи между Заславомъ и Кременцемъ). И убояшась Ляхове и Угре, и пріиде Гюргій къ брату Вячеславу... Изьяславъ же (съ селяниками) поидоша и сташа у Чемерина на Ольцѣ. Въ то же время приде вѣсть Болеславу отъ Межкы, иже идутъ Пруси на землю ихъ... Изьяславу же бысть вельми нелюбо... и здумаша послати мужи своя къ Вячеславу и къ Гюргеви, а Угре отъ короля своя мужи, рекучи: Вы намъ есте въ отца мѣсто, а се нынѣ заратилася еста съ своимъ братомъ и съ сыномъ Изьяславомъ; а мы есмы по Бозѣ всѣ христіане... А мы хочемъ, абы вы быста уладилася: Вы сѣдѣла въ Кіевѣ, а Изьяславу се его Володимеръ и Луцескъ, а што его городовъ атъ сѣдитъ въ томъ... атъ возворотитъ Гюргій Новугороду Великому даже всѣ. Вячеславъ же и Гюргій тако рекоста: Богъ помоги зятю нашему королеви, и брату нашему Болеславю, и сыну нашему Индрихови, иже межъ нами добра

хочста... по ать Изьяславъ поидетъ въ свой Володимеръ, а вы во свою землю... и не уладишась пріемъ свѣтипка Гюрга Ярославича.

Изьяславъ же досиѣ изъ Володимера... и въ то время пойде Вълодимирко, князь изъ Галича, и ста на Полошой, межи Володимеромъ и Луцкомъ, и тако разъѣхась. Добрый бо князь Володимерко братолюбіемъ свѣтячи, миролюбіемъ величаяся, не хотя никому зла; того дѣля межи ими ста, хотя я уладити. Изьяславъ же посла къ Володимерку свату Гюргеву глаголя ему: введи мя въ любовь къ стрыеви. Володимеру же молящуся о Изьславѣ, глаголя: Богъ поставилъ насъ волостелей (властителей) въ месть злодѣемъ и въ добродѣтель благочестивымъ... сыновець ваю не творится правъ, но кланяется.

Крестъ цѣловаша, яко по Переяславлевскомъ полку (битвѣ) что будетъ пограблено, или стада, или челядь, что ли кому свое познавши поимати жъ по лицу. Изьяславъ же посла мужи своя и тивоны (тіуны) своего дѣля товара и своихъ дѣля стадъ, его же бяше отшело, а мужи своего дѣля сами ѣхаша, а друзіи тивоны своя пущаша и тако пріѣхаша къ Гюргеви и начаша познаватя свое: Гюргій же того всего не управи... Изьяславъ же посла къ Вячеславу и къ Гюргеви съ жалобою.

Изьяславъ же пріѣхавъ сѣде въ Луцку: въ утрій же день поѣха въ Пересопницу и ту изъѣха Глѣба (кому былъ порученъ и Дорогобужъ). Глѣбъ же стояша выше города... и одва утече самъ въ городъ, а товары его взяша, и дружину изымаша, и конѣ его заяша, и юну дружину его заѣхаша отъ города, и не бѣ съ кымъ стояти противу. Выславъ же Глѣбъ и рече Изьяславу, яко ми Гюрги отецъ, тако мнѣ и ты отецъ; а азъ ти кланяюсь; ты ся съ моимъ отцомъ и самъ вѣдаешь, а мене пусти къ отцу, и цѣлуй къ мнѣ Св. Богородицю, яко мене не примеши... Изьяславъ позва его къ себѣ на обѣдъ и оттуда поя съ собою до Дорогобужа, и ту приставн сына своего къ нему, Мстислава до Корьца, и тако проводи изо Торчина. И рече ему Мстиславъ: поиди же брате къ отцу, а волость отца моего и моя по Горыню... Глѣбъ

поиде на Ушецкъ, а Изьяславъ на *Гольско Танупило* (?) въ чорныя клобуки, и ту пріѣхаша къ нему черныя клобуки вси. Възма Изьяславъ съ собою мало дружины и иде къ Вячеславу, и поклонись ему: Вячеславъ же съста противу Изьяславу, и цѣловастась и сѣдоста оба по мѣсту.

Изьяславъ же прибѣже къ Кіеву. Володимеря же дружина постиже задъ его. Овы взымаша, а другія избыша; Вячеславъ же бяше до него въѣхалъ въ Кыевъ и сѣлъ на Ярославли дворѣ. Изьяславъ же пріѣха къ Вячеславу, и ту думаша, начаста обѣдати. И въ то время приде Гюргій съ сыны своими и Володиміръ и Изьяславъ Давидовича, и Ольговичъ Святославъ и сыновець его на берегъ противу Кыѣву. Кыяне же мнози поѣхаша въ насадѣхъ къ Гюргеви, а друзіи почаша дружину его перевозити въ подоліе. Вячеславъ же съ Изьяславомъ рекоста: наю не веремя нынѣ есть... и повелѣ дружинѣ своей сбратися у Дорогожича, а самъ дождавъ ночи поѣха изъ Кыева. Въ утрій же день приде Володимеръ Галицкій къ Олговѣ могилѣ, такоже и Гюргій пріѣха къ нему, и ту ся цѣловаша не ссѣдаючи съ коней у Сѣтомля на болоньи, и здумаше послаша по Изьяславича Святослава Всеволодича, Бориса Гюргевича, и гониша до чортова лѣса, и не постигше, взвратишась... и ѣха Володимерко къ Вышегороду къ Св. Мученикома поклонитися... и къ Св. Софіи и къ Св. Богородицы Десятинной и въ Печерской монастырь.

Изьяславъ рече: стрый ми волости не даетъ; не хочетъ меня въ Руской земли, а Володимеръ Галицкый по его велѣнію землю мою взялъ, а опять къ Володимерю хочетъ притти на мя. Изьяславъ же то здумавъ и посла брата своего Володимера въ Угры къ королеви и рече ему: ты ми еси самъ реклъ, якоже Володимеръ не смѣетъ головы всклонити (не смѣетъ тронуться)... Володимеръ же прогналъ мя изъ Кыева. (Выступивъ въ походъ, Гейза совѣтовалъ Изяславу итти на Галичъ съ другой стороны;) Володимерку же бяху пріятели въ Угрѣхъ и повѣдаша ему... Володимерко же въ то время стояше у Белза и ту повръга (оставивъ) возы своя, а самъ погна съ дружиною къ Перемышлю.

Король же прошедъ гору и вся Сапокъ городъ и посадника его яша... Володимеръ послася къ архіепископу Кукишева и Дмитріевѣ дни уже... Король же пойде назадъ и Володимера шюрина своего поялъ съ собою въ Угры. Въ тожъ время Изьяславъ згадався съ зятемъ и съ сестрою своею, королевой, пояша у Бана дщерь за Володимера. И послаша ю къ Изьяславу къ Володимеру напередъ. Король же велику честь створи ему (Владиміру) и сестра его, одарившe его и отпустиша, король же рече (Изьяславу): царь на мя греческой вставаетъ ратью и сея ми зимы и весны нельзѣ на конь всѣсти. Но обаче, отче мой, твой щитъ и мой неразно ѣста... И рече Изьяславъ брату своему: Богъ ти помози, иже ся еси потрудилъ; по здѣ паки моей спосѣ, а твоей женѣ удолжилося (казалось долго). Изьяславъ пришедъ и ста выше пересопницы и пожже *Зарѣческъ*. Отолѣ же пусти брата своего, Святополка, блюсти Володимера, а самъ поиде съ братомъ Володимеромъ и съ сыномъ Мстиславомъ и съ Борисомъ Городенскымъ къ Дорогобужу... и перешедъ Гарыню, ту и ста на *Хотри* и оттолѣ пойде къ Корецку (корецу), и корчане вышедше поклонишась ему, и ста на рѣцѣ Случи (въ другихъ сказ.: отъ Зарѣческа къ Мыльску въ окрест. Горыни). Володиміръ же Галицкій присла къ Андресви Василька Ярополковича река ему: поиди брате ко мнѣ. Андрей снялся съ нимъ у Мыльска... Изьяславу же приде вѣсть, иже Волод. Галиц. и Андрей Гюрг. и Володимеръ Андреевичъ (внукъ Мономаха) пришли къ Дорогобужу съ силою великою и правятся чрезъ Горыню; въ утрій же день Изьяславъ переиде Случъ и поиде черезъ чортовъ лѣсъ къ Ушску, и переиде рѣку Ушю подъ Ушскомъ... и ту пріидоша стрѣльци володимера на берегъ... Изьяславъ же отступивъ, и есть рѣчка мала до города и ту исполчихуся и стреляхуся о ню... и яша у Галичанъ мужа и впрошаша: князь твой гдѣ? Онъ же рече: за городомъ првый лѣсъ; ту ста тако рече: сила наша за нами, ту ея ждемъ.

71.

Правда Ярославля.

Оубьетъ моужъ моужа: то мьстить братоу брата, или сыновн отца, любо отцу сына, или брату чадоу, любо сестрпноу сыновн.

Аще не боудетъ кто мьстя: то м. гривенъ за голову; аще боудетъ роусинъ, любо гридінъ, любо коупчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аще изъгои боудетъ, любо словенинъ: то м. гривенъ положити зань.

Или боудетъ кровавъ или синь надъраженъ: то не искати ему видока человѣкоу томоу. Аще не боудетъ на немъ знаменія никотораго же; то ли пріидетъ видокъ: аще ли не можеть, тоу томоу конецъ.

Ожели себе не можетъ мьстити: то взяти смоу за обидоу г. гривнѣ, а лѣтцю мъзда.

Аще ли кто кого оударитъ батогомъ, любо жердью, либо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснію: то ві гривнѣ. Аще сего не постигнуть: то платити емоу, то тоу конецъ.

Аще оутнетъ мечемъ, а не вынемъ его, любо роукоятью: то ві гривнѣ за обидоу.

Оежели оутнетъ роукоу, и отпадеть роука, любо оусохнетъ: то м. гривенъ. Аще боудетъ нога цѣла, или начнеть храмати: тогда чада смирять. Аще ли перстъ оутнетъ которын любо: г гривны за обидоу. А во оусѣ, ві. гривнѣ. А въ бородѣ ві. гривнѣ.

Оежели кто вынезь мечь, а не тпеть: то тъи гривну положить.

Аще ли ринеть моужъ моужъ, любо отъ себе, любо ксобѣ: г. гривнѣ, а видока два выведетъ; или боудетъ Варягъ, или Колбягъ, то на ротоу.

Аще ли челядинъ съкрыется, любо оу Варяга, любо оу Кольбяга; а его за три дни не выведоутъ, а познаютъ и въ

третій день: то изымати емоу свои челядинъ, а г. гривнѣ за обидоу.

Аще кто поѣдеть на чюжемъ конѣ, не прошавъ его, то положити г. гривнѣ.

Аще поиметъ кто чюжь конь, любо ороужіе, любо портъ, а познаетъ въ своемъ мироу: то взяти емоу свое, а г. гривнѣ за обидоу. Аще познаетъ кто, не смлеть его; то не рци ему: мое, но рци емоу тако: поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ. Или не пойдешъ: то пороучника за пять днiи.

Аже гдѣ възыщеть на дроузѣ проче, а онъ ся запирати почнетъ: то ити ему на изводъ предъ вi человѣка. Да аще боудетъ обидя не вдалъ боудетъ достойно емоу свои скотъ, а за обидоу г гривнѣ.

Аще кто челядинъ пояти хощетъ, познавъ свои: то къ оному вести, оу кого то боудетъ коупилъ, а тои ся ведетъ ко дроугомоу, даже дойдетъ до третьего; то рци третьемоу вдаи ты мнѣ свои челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ.

Или холопъ оударитъ свободна моужа, а бѣжитъ въ хоромъ, а господинъ начнеть не дати его: то холопа пояти, да платить господинъ запь вi. гривнѣ. А за тымъ гдѣ его налѣзоуть оударенын тои моужъ, да бьютъ его.

А иже изломитъ копье, любо щитъ, любо портъ; а начнеть хотѣти его деръжати оу себе: то пріати скота оу него. А иже есть изломилъ, аще ли начнеть примѣтати: то скотомъ емоу заплатити, колько далъ боудеть на немъ.

72.

Правда Изяслава.

Аще оубьють огнищанина въ обидоу: то платити зань п. гривенъ оубiици, а людемъ не падобѣ, а въ подъѣздъномъ княжи п. гривенъ.

А иже оубьють огнищанина в разбои, или оубиица не ищоутъ: то вирное платити, внеи же вири голова начнеть лежати.

Аже оубіють огнищанина оу клети, или оу коня, или оу говяда, или оу коровьѣ татьбы: то оубити въ пса мѣсто, а тоже поконъ и тивоуницоу.

А въ княжи тивоунѣ, п. гривенъ; а конюхъ старыи оу стада, п. гривенъ: яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, егоже оубилѣ Дорогобоудьци. А въ сельскомъ старостѣ княжи и ратаинѣмъ, въ гривнѣ: а врядовници княжѣ, ѕ. гривенъ: а въ смѣрдѣ и въ хопѣ ѕ. гривенъ.

Аще роба кормилица, любо кормиличинъ, ві.

А за княжь конь, иже тои спятномъ, г. гривнѣ: а за смердѣи, в. гривнѣ: за кобылу ξ рѣзанъ: а за волъ, гривноу: а за коровоу, м. рѣзанъ: а третьякъ, ві. коупъ, а золоныцинноу, полъ гривнѣ: а за теля, ѕ. рѣзанъ: за яря, ногота: за боранъ, ногота.

А оже оуведеть чюжь холопъ, любо робоу: платити емоу за обидоу ві. гривнѣ.

Аще же пріидеть кровавъ моужь, любо синь: то не искати ему послоуха.

А иже крадеть любо конь, любо волы, или клѣть; да аще боудеть единъ кралъ: то гривноу и тридесять рѣзанъ платити емоу. Или ихъ будеть ні: то по три гривнѣ и по л. рѣзанъ платити моужеви.

А въ княжѣ борти г. гривнѣ, любо пожгоуть, любо пзоудроуть.

Или смердъ оумоучатъ, а безъ княжа слова: за обиду г. гривны; а въ гнницанинѣ и въ тивоуницѣ и въ мечници, въ гривнѣ.

А иже межоу переореть, любо перетесъ: то за обидоу ві. гривнѣ.

А оже лодью оукрадетъ: то за лодью платити л. рѣзанъ; а продажи, ξ. рѣзанъ.

А въ голоубѣ и въ коуряти, д. коупъ: а въ оуткѣ, и въ гоусѣ, и въ жеравѣ, и въ лебеди, л. рѣзанъ; а продажи ξ рѣзанъ.

А оже оукрадоуть чюжь песъ, любо ястребъ, любо соколъ: то за обидоу г. гривны.

Аще оубьють татя на своемъ дворѣ, любо оу клѣти, или оу хлѣва: то тои оубитъ. Аще ли до свѣта держать; то вести его на княжъ дворъ: а оже ли оубьють, а люди боудоуть видѣли связанъ; то платити вшемь.

Оже сѣно крадоуть, то д. коунъ: а въ дровехъ, д. коунъ. Аже оукрадоуть овцоу, или козоу, или свинью, а ихъ боудетъ і. одиноу овьцоу оукралѣ: да положать по ѯ. рѣзанъ продажи. А хто изималъ, тому і. рѣзанъ: а отъ гр҃пне мечникоу коуна, а в девятиноу ѕі. коунъ, а князю г. гривны. А отъ ѕі. гривноу емъцю, о. коунъ, а въ десятиноу к. гривнѣ, а князю і. гривенъ.

А се поклонъ вирѣи. Вирникою взяти з. вѣдоръ солодоу на недѣлю; тъ же овенъ, любо полотъ, или двѣ нагатѣ, а въ средъ разаноу, въ триже сыры, въ пятницоу такоже, а хлеба по колькоу моугоуть ясти, и пшена, а куръ по двое на день: копѣ д. поставити, и соути имъ на ротъ, колько могоуть забати. А вирникоу ѯ. гривенъ и і. рѣзанъ и ѕі. вѣверици: а передѣ гривна, или ся пригоди вговѣше рыбами, то взяти за рыбы з. рѣзанъ; тъ всѣхъ коунъ ѕі. на недѣлю: а боронна колько моуготь изъясти; до недѣли же вироу зберуть вирници. То ти оурокъ Ярославль.

А се оурокъ мостьниковъ. Аще помостивше мостъ: взяти отъ дѣла нагата, а отъ городници ногата. Аще же боудеть вѣтхаго моста подвердити нѣколико досокъ, или г. или д. или ѕ: то тоеже.

Матеріалы по Географіи Россіи.

Въ бумагахъ Н. В. Гоголя сохранилось *шесть тетрадей*, разнаго объема, но одинаковаго размѣра (въ малый почтовый листъ), содержащихъ въ себѣ собственноручно написанные Гоголемъ матеріалы по широко понимаемой имъ Русской Географіи.

Матеріалы эти не только не оцѣнены біографами Гоголя, но въ полномъ своемъ видѣ остаются даже и не описанными и не отмѣченными. По крайней мѣрѣ изъ всѣхъ шести тетрадей съ этими матеріалами въ Гоголевской литературѣ можно найти краткія упоминанія только о двухъ, самыхъ малыхъ по объему тетрадяхъ, содержащихъ этнографическій очеркъ о Калмыкахъ и начальныя свѣдѣнія изъ описанія путешествія Палласа[1]). Остальныя четыре объемистыхъ тетради, какъ и самый фактъ собиранія Гоголемъ матеріаловъ по Географіи Россіи, остались неизвѣстными для его біографіи, ограничивавшей все свое вниманіе въ этой области исключительно педагогическимъ вопросомъ о «взглядахъ Гоголя на преподаваніе... географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ»[2]), по поводу статьи въ «Арабескахъ»: «Мысли о географіи»[3]).

---

1) Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. VII. Спб. 1896. Стр. 866 и 893, подъ №№ 3 и 8.

2) Матеріалы для біографіи Гоголя, В. И. Шенрока, томъ второй, М. 1893. Стр. 218—225.

3) Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое, томъ пятый, М. 1889. Стр. 295—303 и 389—396.

Между тѣмъ, и сохранившіяся тетради и переписка Гоголя даютъ основаніе полагать, что онъ не ограничивался указаніемъ слабыхъ сторонъ въ современномъ ему преподаваніи Географіи и заявленіемъ пожеланій для его усовершенствованія, но и пытался въ своемъ собственномъ трудѣ представить примѣръ, а можетъ быть и образецъ такой книги по Географіи Россіи, которая удовлетворяла бы требованіямъ, предъявленнымъ имъ къ книгамъ этого рода.

Первоначально намѣреніе издавать книгу по Географіи вызвано было у Гоголя педагогическими побужденіями, когда онъ былъ преподавателемъ въ Патріотическомъ Институтѣ. Въ письмѣ къ М. П. Погодину отъ 1-го февраля 1833 года онъ писалъ [1]): «я вамъ пришлю или привезу чисто свое, которое подготовляю къ печати. Это будетъ всеобщая исторія и всеобщая географія въ трехъ, если не въ двухъ, томахъ, подъ названіемъ: «Земля и Люди». Изъ этого гораздо лучше вы узнаете нѣкоторыя мои мысли объ этихъ наукахъ». Это намѣреніе стояло въ связи и въ зависимости отъ изданія того журнала, который вели ученицы Гоголя. Однако, ему вскорѣ пришлось отказаться отъ немедленнаго осуществленія своихъ желаній, и онъ въ томъ же февралѣ, 20 числа, уже писалъ Погодину: «Журнала дѣвицъ я потому не посылалъ, что приводилъ его въ порядокъ, и его то, совершенно преобразивши, хотѣлъ я издать подъ именемъ «Земля и Люди», но я не знаю, отчего на меня нашла тоска... корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе. Какъ то не такъ теперь работается!... Чортъ побери пока трудъ мой, набросанный на бумагѣ, до другого, спокойнѣйшаго времени».

Отложивъ временно печатаніе своихъ трудовъ по Географіи, Гоголь не переставалъ, однако, интересоваться этимъ предметомъ, при чемъ со временемъ все свое вниманіе сосредоточивалъ на Географіи Россіи. Проживая за границей, онъ писалъ, 15 іюля

1) Письма цитуются по четырехтомному изданію Маркса.

1842 года, къ С. Т. Аксакову и просилъ выслать ему ««Статистику Россіи» Андросова, и еще если есть какое нибудь замѣчательное сочиненіе статистическое о Россіи вообще, или относительно частей ея, вышедшее въ послѣднихъ годахъ». Въ слѣдующемъ, 1843 году, въ письмѣ отъ 18 марта, онъ снова повторяетъ С. Т. Аксакову свою просьбу прислать ему книгъ «относительно статистики Россіи». Еще яснѣе открываются предметы, интересовавшіе въ то время Гоголя, изъ письма его къ Н. Я. Прокоповичу отъ 19 апрѣля 1843 года. Перечисляя разныя книги, которыя Гоголь просилъ прислать ему, онъ говоритъ: «Присовокупи также къ этому «Статистику Россіи» Булгарина, въ 4 частяхъ, а если вышла и Географія его, то и Географію его... Да зайди въ Топографическое наше Депо и купи для меня карту Россіи. У меня слишкомъ громоздка и неудобна къ таскапію, да и стара. Купи ихъ подклеенными и готовыми: Европейскую Россію особенно, а Азіятскую тоже особенно, разумѣется, новѣйшія, какія есть, съ подробностями; по величиною чтобы была не больше того, сколько нужно для покрытья двухъ ломберныхъ столовъ, сдвинутыхъ вмѣстѣ, даже меньше, — словомъ, чтобъ была ёмка. Азіятскую, сколько можно поменьше».

Въ 1847 году, озабочиваясь воспитаніемъ племянника (Трушковскаго), Гоголь 12 декабря писалъ С. П. Шевыреву: «А на другіе сто рублей ассигнаціями накупи книгъ такого рода, которыя могли бы отрока, вступающаго въ юношескій возрастъ, познакомить сколько нибудь съ Россіею, какъ то: путешествія по Россіи, исторія Россіи и всѣ такія книги, которыя безъ скуки могутъ познакомить собственно со статистикой Россіи и бытомъ въ ней живущаго народа, всѣхъ сословій. Я не знаю и не могу теперь припомнить, что у насъ выходило хорошаго по этой части. Нельзя чтобы не вышло чего нибудь въ послѣдніе годы, гдѣ бъ посущественнѣй и поближе показывалось внутреннее состояніе государства, и что могло бы легко и съ интересомъ читаться людьми... У меня есть племянникъ, почти брошенный мальчикъ, которому получить воспитанья блестящаго не удастся; но если въ

немъ чтеньемъ этихъ книгъ возбудится *желаніе* любить и знать Россію, то это все, что я желаю: это, по моему, лучше, чѣмъ еслибъ онъ зналъ языки и всякія науки».

Въ этомъ письмѣ Гоголь, побуждаемый желаніемъ помочь воспитанію племянника, обнаруживаетъ свой собственный, весьма широкій взглядъ на Географію Россіи и на воспитательное значеніе этой области знанія. Его статьи «Мысли о Географіи» и «Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи» въ достаточной полнотѣ выясняютъ эту широту Гоголевскаго взгляда на Географію.

Въ послѣдніе годы жизни Гоголя, какъ извѣстно, интересъ его къ Географіи Россіи возрасталъ по мѣрѣ того, какъ онъ расширялъ задачу для своего творенія («Мертвыя Души»).

Не подлежитъ сомнѣнію, что ему удалось собрать для себя всѣ печатные труды по Географіи Россіи. Изъ переписки его съ Шевыревымъ [1]) явствуетъ, что онъ зналъ труды Гмелина, Палласа, Рычкова, Сѣвергина и Зуева. Въ 1849 году онъ послалъ графинѣ А. М. Вielьгорской «изображеніе растеній русской земли, лучшее какое у насъ есть. Въ немъ собраны всѣ общеупотребительнѣйшіе виды нашей флоры съ отчетливымъ изображеніемъ признаковъ» [2]).

Кромѣ того, черезъ своихъ корреспондентовъ, онъ собиралъ географическія и этнографическія свѣдѣнія о знакомыхъ имъ мѣстностяхъ. Такъ, напримѣръ, въ концѣ іюня 1849 года Гоголь писалъ къ А. М. Маркевичу: «составьте для меня маленькій сельскій календарь годовыхъ работъ, какъ онѣ производятся у васъ въ Черниговской губерніи. По днямъ, т. е. съ какого святого какая начинается работа, какъ она и съ какими обрядами производится и какія существуютъ по этому поводу народныя

1) Въ изданіи Маркса письма Гоголя къ Шевыреву отнесены къ 1851 году, при чемъ напечатано сначала письмо, съ которымъ возвращены книги Палласа, а потомъ—съ просьбой прислать книги Палласа (см. IV, 418 и 419 стр.).

2) Ibid., 258 стр.

поговорки и замѣчанія, обратившіяся въ правила и руководства»[1]).

Не ограничиваясь печатными и рукописными матеріалами, Гоголь, для ближайшаго ознакомленія съ Россіей, предполагалъ самъ путешествовать по ней, особенно по мѣстамъ ему мало знакомымъ. Въ письмѣ къ графинѣ А. М. Віельгорской отъ 3 іюня 1849 года онъ сообщалъ: «Я имѣлъ, точно, намѣреніе проѣздиться по сѣверо-восточнымъ губерніямъ Россіи, мало мнѣ знакомымъ, но какъ и когда приведу это въ исполненіе—не знаю». Однако, первый же опытъ такой поѣздки въ окрестности Москвы, лѣтомъ того же 1849 года, убѣдилъ Гоголя въ недостаточной его подготовленности къ такимъ путешествіямъ, въ необходимости предварительнаго ознакомленія съ тѣми мѣстами, которыя онъ желалъ посѣтить, и въ неизбѣжности подробнаго изученія

---

1) Изъ письма Гоголя къ Маркевичу отъ 6 декабря 1849 года явствуетъ, что Маркевичъ прислалъ Гоголю календарь. Среди бумагъ Гоголя уцѣлѣлъ одинъ листъ почтовой бумаги съ календаремъ сельско-хозяйственныхъ работъ. Не этотъ ли календарь Гоголь получилъ отъ Маркевича? Вотъ его содержаніе:

«*Мартъ.*

«Оканчивается пилка лѣса на дрова.—Мужики поочередно говѣютъ.—Подвозка дровъ и сѣна въ ожиданіи распутицы.—Приготовленіе семенъ.—Перемѣрка и пересушка на солнцѣ хлѣба въ амбарахъ.—Окончаніе молотьбы.—Установленіе новыхъ тягелъ, бобылей.—Мужики мнутъ и треплютъ пеньку.—Дѣлаются экономическія постройки на фундаментахъ, поставленныхъ съ осени.—Подвозка матеріала къ лѣтнимъ постройкамъ.

«*Апрѣль.*

«Посѣвъ гороха, овса.—Продолжаются постройки наемными.—Скотъ начинаетъ выходить на пастбища.—Случаютъ кобылъ.—Унаваживаютъ конопляники.—Сажаютъ картофель.—Изъ подъ лѣса расчищаютъ новь, наймомъ.—Пересаживаютъ деревья.—Посѣвъ ячменя, яровой пшеницы.—Скородьба озимой пшеницы.

«*Май.*

«Посѣвъ конопли.—Вообще продолжаютъ сѣять яровые до половины мѣсяца, въ концѣ сѣютъ горячиху.—Начинаютъ унаваживать паровое поле.—По мѣрѣ унаживанія подымаютъ паръ, также вспахиваютъ и неунавоженный.

«*Іюнь.*

«Продолжается возка навоза, пахота и скородьба до послѣдней четверти мѣсяца.—Тогда начинается покосъ за недѣлю до Петрова дня.

всѣхъ печатныхъ матеріаловъ по Географіи Россіи, тѣмъ болѣе, что они не были весьма обширны. 20 октября 1849 года онъ писалъ графинямъ С. М. Соллогубъ и А. М. Вielьгорской: «Нынѣшняя поѣздка моя не была велика: все почти въ окрестностяхъ Москвы и въ сопредѣльныхъ съ нею губерніяхъ. Дальнѣйшее путешествіе отложилъ до другого года, потому что на всякомъ шагу останавливаемъ собственнымъ невѣжествомъ. Нужно сильно запастись предуготовительными свѣдѣніями затѣмъ, чтобы узнать, на какіе предметы преимущественно слѣдуетъ обратить вниманіе; иначе, подобно посылаемымъ чиновникамъ и ревизорамъ, проѣдешь всю Россію и ничего не узнаешь. Перечитываю теперь всѣ книги, сколько нибудь знакомящія съ нашей землей,—большею частію такія, которыхъ теперь никто не читаетъ. Съ грустью удостовѣряюсь, что прежде, во время Екатерины, больше

«Іюль.

«Покосъ.—Перепахиваніе (двоеніе) пара, особенно гдѣ грунтъ тяжелый глинистый.—Около половины мѣсяца начинается жатва ржи.—Тутъ даже наемныя постройки прекращаются.

«Августъ.

«Уборка всѣхъ хлѣбовъ кромѣ конопли большею частью оканчивается около половины этого мѣсяца.—Но даже если уборка не кончена, и тогда дѣлается посѣвъ озимаго хлѣба около этого времени, сѣютъ дней 10 господскій и мужицкой паръ, а въ концѣ мѣсяца оканчиваютъ уборку горячихи, и начинаютъ дергать коноплю.

«Сентябрь.

«Уборка конопли.—Продолжаютъ постройки весеннія.—Пашутъ ржаной клинъ подъ зиму для овса.—Мужики мочатъ пеньку.—Чинятъ скотные дворы, конюшни, амбары, рыги, — начинается молотьба. — Копаютъ фундаменты строеній.

«Октябрь.

«Дѣлаютъ тоже, что въ Сентябрѣ.—Молотятъ хлѣбный опытъ до зимняго пути.

«Ноябрь, Декабрь, Генваръ и Февраль.

«Молотятъ и возятъ въ города хлѣбъ. — Первое дѣлаютъ бабы, второе мужики.—Возятъ дрова напиленныя прошлою зимою, а великимъ постомъ пилятъ для будущей возки.—Дальніе пути совершаются пока дороги гладки, а короткія, домашнія перевозки, когда большія дороги дѣлаются ухабисты.—Внутри имѣнія перевозятъ чистый хлѣбъ изъ рыгъ въ амбары. — Подвозятъ лѣсъ и кирпичъ для строеній.—Кормъ скоту и лошадямъ. Дрова для домашняго употребленія, и проч.»

было дѣльныхъ сочиненій о Россіи. Путешествія были предпринимаемы учеными смиренно съ цѣлью узнать точно Россію. Теперь все щелкопёрно. Нынѣшніе путешественники, охотники до комфортовъ и трактировъ, съ большихъ дорогъ не сворачиваютъ и стараются пролетѣть какъ можно скорѣе. При полномъ незнаньѣ земли своей утвердилась у всѣхъ гордая увѣренность, будто знаютъ ее, а между тѣмъ какую бездну нужно прочесть для того только, чтобы узнать, какъ мало знаешь, и чтобы быть въ состояніи путешествовать по Россіи, какъ слѣдуетъ, смиренно, съ желаніемъ знать ее».

Въ тотъ же день, 20 октября 1849 года, Гоголь писалъ А. О. Смирновой: «Вижу, что много нужно еще приготовиться; нужно внимательно, и даже очень внимательно, прочесть все то, что̀ знакомитъ насъ съ краемъ нашимъ, нами позабытымъ».

Подъ конецъ жизни Гоголь подробно изложилъ свои намѣренія и ту главную цѣль, которая руководила всѣми его трудами по Географіи Россіи. Въ письмѣ къ графу А. Ѳ. Орлову онъ открылъ и желаніе свое издать книгу по Географіи и связь этого желанія съ задачею его обширнаго труда, который онъ собирался выполнить во второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ». Часть письма, довольно значительная и по размѣрамъ, въ которой Гоголь говоритъ о своихъ работахъ по Географіи, требуетъ однако дословнаго приведенія, въ виду ея значенія.

«Мнѣ кажется,—писалъ Гоголь графу Орлову[1]),—если бы доставлена была мнѣ возможность въ продолженіе трехъ лѣтъ сдѣлать три лѣтнія поѣздки во внутренность Россіи и три зимнія пребыванія внѣ ея подъ благорастворенным климатомъ юга, всегда дѣйствовавшимъ освѣжительно на мои силы и творческую способность,—такое благодѣяніе не пропало бы даромъ: сверхъ мной упомянутаго большого сочиненія, я бы могъ окончить тогда ту необходимую и нужную у насъ книгу, мысль о которой меня занимаетъ съ давнихъ временъ и за которую (дай только Богъ

1) Письма Н. В. Гоголя, изданіе Маркса, томъ четвертый, 344—345 стр.

силъ исполнить, какъ хочется!) многіе отцы семействъ скажутъ мнѣ спасибо.

«Всѣмъ намъ уже извѣстно, сколько бѣдствій и безпорядковъ въ Русской землѣ произошло отъ собственнаго нашего невѣдѣнія земли своей, ибо едва ли не главною причиной всѣхъ нестроеній и внутреннихъ безпорядковъ есть невѣдѣніе русскими собственной земли своей, которое точно какъ бы именно съ умысломъ кладется въ основу нашего воспитанія въ тотъ именно возрастъ, который называется дѣтскимъ, но въ который живѣе воображеніе, и все, что̀ разъ взошло, остается навѣки.

«Намъ нужно живое, а не мертвое изображеніе Россіи, та существенная, говорящая ея географія, начертанная сильнымъ, живымъ слогомъ, которая поставила бы русскаго лицомъ къ Россіи еще въ то первоначальное время его жизни, когда онъ еще отдается во власть гувернеровъ-иностранцевъ, но когда всѣ его способности свѣжѣе, чѣмъ когда либо потомъ, а воображеніе чутко и удерживаетъ навѣки все, что̀ ни поражаетъ его. Такую книгу (мнѣ всегда казалось) могъ составить только такой писатель, который умѣетъ схватывать вѣрно и выставлять сильно и выпукло черты и свойства *народа*, а всякую *мѣстность* со всѣми ея красками выставлять такъ живо, поставлять такъ ярко, чтобъ она навсегда осталась въ глазахъ, который, наконецъ, имѣлъ бы способность сосредоточивать сочиненіе въ одно слитное цѣлое такъ, чтобы вся земля отъ края до края со всей особенностью своихъ мѣстностей, свойствами кряжей и грунтовъ, врѣзалась бы какъ живая въ память даже несовершеннолѣтняго отрока, и было бы ему очевидно даже и во младенчествѣ, какому углу Россіи что̀ именно свойственно и прилично, и не пришло бы ему потомъ въ голову, придя въ зрѣлый возрастъ, заводить несвойственныя ей фабрики и мануфактуры, довѣряя иностраннымъ промышленникамъ, заботящимся о временной собственной выгодѣ. И точно такимъ же образомъ, чтобъ ему еще во младенчествѣ видны были въ настоящемъ видѣ качества и свойства русскаго народа со всѣмъ разнообразіемъ особенностей, какими отличаются его вѣтви

и племена. Чтобъ еще во младенчествѣ ему было видно, къ чему именно каждый изъ этихъ племенъ способенъ вслѣдствіе орудій и силъ ему данныхъ, и обращалъ бы онъ вниманіе потомъ, когда приведетъ его Богъ въ зрѣломъ возрастѣ сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ, на особенности каждаго изъ нихъ, уважалъ бы обычаи, порожденные законами самой *мѣстности*, и не требовалъ бы повсемѣстнаго выполненія того, что̀ хорошо въ одномъ углѣ и дурно въ другомъ.

«Книга эта составляла давно предметъ моихъ размышленій. Она зрѣетъ вмѣстѣ съ нынѣшнимъ моимъ трудомъ и, можетъ быть, въ одно время съ нимъ будетъ готова. Въ успѣхѣ ея я надѣюсь не столько на свои силы, сколько на любовь къ Россіи, слава Богу, безпрестанно во мнѣ увеличивающуюся, на споспѣшество всѣхъ истинно знающихъ ее людей, которымъ дорога ея будущая участь и воспитаніе собственныхъ дѣтей, а пуще всего на милость и помощь Божію, безъ которой ничто не совершится и начинаніе наискуснѣйшаго погибнетъ вначалѣ».

Побуждаемый такими соображеніями и желаніями, Гоголь постоянно собиралъ матеріалы по Географіи Россіи и сдѣлалъ нѣкоторыя подготовительныя работы для осуществленія своихъ предположеній по изданію книги.

Свидѣтелями этихъ работъ Гоголя сохранились до нашего времени тѣ шесть собственноручныхъ его тетрадей, о которыхъ сказано выше и текстъ которыхъ ниже печатается въ полномъ объемѣ.

Первыя четыре тетради содержатъ сокращенное изложеніе Гоголемъ, собственноручно и переписанное имъ, извѣстнаго многотомнаго описанія «Путешествія по разнымъ провинціямъ Россійской Имперіи», составленнаго знаменитымъ естествоиспытателемъ П. С. Палласомъ и въ русскомъ переводѣ изданнаго въ трехъ частяхъ (изъ коихъ вторая и третья раздѣлены на двѣ книги или половины каждая[1]).

1) Въ моемъ распоряженіи было «второе тисненіе» первой части труда Палласа, напечатанное въ СПБ. 1809 г., и первое изданіе остальныхъ, СПБ. 1786—

Первая тетрадь имѣетъ заглавіе «Отъ Петербурга до Москвы». Она сшита изъ двухъ тетрадокъ почтовой бумаги малаго формата въ 4 и 6 листовъ. Она содержитъ первую редакцію переработки Гоголемъ труда Палласа, болѣе подробно излагающую этотъ трудъ и заканчивающуюся описаніемъ «Дороги отъ Оренбурга въ Уфу чрезъ Башкирскія зимовья». Два послѣднихъ листка тетради остались бѣлыми.

Вторая, третья и четвертая тетради имѣютъ общее заглавіе: «Изъ Палласа. По дорогѣ отъ Петербурга до Москвы», и содержатъ вторую редакцію переработки Гоголемъ труда Палласа, болѣе сокращенную и обнимающую весь трудъ Палласа, отъ начала до конца; при чемъ часть труда, уже изложенная въ первой тетради, во второй тетради представлена исключительно перечисленіемъ растеній. Вторая тетрадь представляетъ собою листъ писчей бумаги, сложенный въ 8-ую долю, приблизительно въ размѣръ малаго почтоваго листа, приноровительно къ почтовымъ листамъ всѣхъ прочихъ тетрадей[1]). Третья тетрадь состоитъ изъ двухъ тетрадокъ почтовой бумаги малаго формата въ 4 и 6 листовъ и содержитъ переложеніе той части труда Палласа, которая начинается переѣздомъ, 30-го мая, главнаго хребта Уральскихъ горъ и оканчивается изложеніемъ свѣдѣній, доставленныхъ студентомъ Зуевымъ. Четвертая тетрадь состоитъ изъ трехъ тетрадокъ почтовой бумаги малаго формата въ 5, 4 и 6 листовъ, при чемъ два послѣднихъ листка тетради остались бѣлыми, и содержитъ окончаніе труда Палласа.

Всѣ эти тетради хранятся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подъ № 3222.

1788. О значеніи трудовъ Палласа для нашего времени см. статью О. П. Кеппена «Ученые труды П. С. Палласа» въ *Ж. М. И. П.*, 1895, апрѣль, стр. 386—437.

1) Въ седьмомъ томѣ десятаго изданія, на стр. 893 подъ № 8, описана только эта одна тетрадь, при чемъ матеріалъ ея ошибочно названъ «четырьмя листами почтовой бумаги», и невѣрно прочитана послѣдняя строка первой страницы тетради. Гоголь написалъ: «Бодяга Spongia fluviatilis». Въ седьмомъ томѣ напечатано: «бодяга—spongia fluvialis».

Пятая тетрадь представляетъ собою листъ бѣлой писчей бумаги, сложенный въ восьмую долю, и содержитъ въ себѣ этнографическій очеркъ подъ названіемъ «Калмыки»; при чемъ въ тетрадь вложена отдѣльная восьмушка, содержащая первую, черновую редакцію начальныхъ строкъ третьей восьмушки тетрадки; двѣ послѣднія восьмушки тетради остались бѣлыми. Содержаніе очерка представляетъ собою сокращенное изложеніе Гоголемъ нѣкоторыхъ частей книги: «Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ Калмыкахъ, собранныя на мѣстѣ Н. Нефедьевымъ», СПБ. 1834. Эта, пятая, тетрадь хранится въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подъ № 2206.

Шестая тетрадь составлена изъ трехъ листовъ зеленоватой писчей бумаги, сложенныхъ въ восьмую долю. Первыя три страницы заняты статьями: «Лѣкарственный Арзамаскій травникъ» и «Травникъ Симбирской». Содержаніе травниковъ выбрано Гоголемъ, повидимому, изъ труда Палласа.

Быть можетъ, эти Травники, а также печатаемый ниже «Цвѣточный барометръ», представляютъ собою опыты того труда, о которомъ сохранилось извѣстіе, что въ послѣдніе годы своей жизни Гоголь проектировалъ составить «народную ботанику, въ которую предполагалъ внести не только сравнительный словарь народныхъ названій растеній, но и легенды о цвѣтахъ»[1]). Эта, шестая, тетрадь хранится въ тѣхъ же Музеяхъ подъ № 3222.

Здѣсь же хранится и листъ почтовой бумаги малаго размѣра, на которомъ Гоголь написалъ перечень латинскихъ названій растеній, а другою рукой, карандашомъ, противъ каждаго названія написаны латинскія же поясненія.

Печатаемые матеріалы Гоголя по Географіи Россіи способны убѣдить въ необыкновенномъ трудолюбіи его и въ той огромной затратѣ времени и труда, которую онъ посвятилъ изученію и переложенію «множества книгъ», вопреки заявленію біо-

1) Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891 годъ. М., 1891. Стр. 113.

графа его о томъ, что у Гоголя не хватало, будто бы, терпѣнія «перерыть множество иногда самыхъ неинтересныхъ книгъ»[1]).

Отъ Петербурга до Москвы.

Выѣздъ Іюня 22. 1768. Дорога ровная, низкая, болотная, на коей только простой турфъ да обыкновенныя болотныя луговыя травы. Болотный еловый и смѣшенный лѣсъ вездѣ почти вырубленъ и возлѣ деревень особенно.

Великое множество папоротника, вереска, черники и бесплодныхъ болотныхъ кустовъ. Мохъ растущій длиннѣй ½ арш. Не менѣе находится плауна. Большія мѣста, казалось, усѣяны манной травою, сѣмена которой годны на варенiе бухонной пріятной каши. Festuca fluitans.

Бронницкая гора. Съ нея видны озеро Ильмень и обширная страна. Гора украшена цвѣтами, которые съ растущимъ на вершинѣ Илемовымъ кустарникомъ придаютъ сей не мало красы, почему и собираются сюда по праздникамъ молодые люди. Особенно росло много Иванова Цвѣта, Crysanth. Leucanthemum, и Одышной травы, а на полуденной сторонѣ горы цвѣли Склераноъ и Анооксаноъ. Гора, какъ и вся страна, состоитъ изъ Илов. земли, но въ низу ея дикой камень: красноватый полевой кварцъ, испещренный слоями чорной бленды, выламливаемый на стройку.

Отъ Зайцова начиная земля усыпана крупнымъ и мѣлкимъ булыжникомъ. Въ лѣсу начали показываться Грецкій Балдырьянъ, Христофорова трава, Кипрейникъ, также довольно Буквицы, Можжевельника и Крушины. Огсѣль валдайскія горы выше, чистоводныя озера соединен. съ рѣчками. На мокрыхъ мѣстахъ болотный травян. пухъ. Eriophorum vaginatum.

Валдай при озерѣ съ островами. На одномъ островѣ монастырь, каменный, строенный лѣтописц. Никономъ Божьей Матери Иверской. Другіе острова обросли березами, ѣлями и вся-

1) Матеріалы для біографіи Гоголя, В. И. Шенрока. Томъ второй, М., 1893, стр. 225.

кимъ кустарникомъ. На турфовыхъ мѣстахъ росли березки карлицы и Дикая рожа, Ledum, охмѣляющая и производящая головную боль. Также есть Клюква, Многолистная Андромеда, Шейхзерія, Солнечная Роса, Кокушкины слезы, Грушовка, Травяной Пухъ обоихъ родовъ, Мхи трехъ родовъ, а на мѣстахъ повыше разнаго рода болотныя ягоды. Въ озерѣ ростетъ рѣдкой круглой, шару подобный мохъ, который выбрасываетъ водою на берегъ; его находятъ по всѣмъ мѣстамъ.

Іюня 29. Сильной громъ, къ вечеру появилась двойная радуга. Отъ Вышняго Волочка множество кремней, сѣроватыхъ, желтоватыхъ, рудожелтыхъ, росколотыхъ квадратно, у которыхъ въ ноздринахъ сидятъ бѣлые или красноватые кварцовые хрусталики и всякія окаменѣлыя морскія тѣла.

Іюля 1. Торжокъ. Земля худая и песчаная. Тощія песчаныя пастбища. Пустыни безъ засѣва, поросшіе мѣстами сосновымъ кустарникомъ, но годные для разведенія сосновыхъ лѣсовъ, по причинѣ удобнаго сплава въ другія мѣста водянымъ путемъ.

Примѣчанія достойно множество окаменѣлыхъ морскихъ тѣлъ, которыя около Москвы почти вездѣ находятъ въ лежащихъ нѣсколько глубоко слояхъ сѣрой глины. Верхній берегъ Москвы рѣки иногда состоитъ изъ чорной, рухлой, нѣсколько глинистой весьма пиритозной земли, испещренной морскими тѣлами, которыя на воздухѣ, отъ легчайшаго прикосновенья распадаются, а нижній и все дно изъ сѣрой закаменѣлой глины, въ которой лежатъ песчаные большіе камни, наполненные морскими тѣлами, такъ что все положенье сходствуетъ съ морскимъ дномъ. Въ такихъ мѣстахъ обыкновенно находятъ множество Белемнитовъ, аммоновыхъ рогъ съ златоблестящими черепами, хамнитовъ разнаго рода, теллинитовъ, аномитовъ и малыхъ тубулитовъ, которые по большей части еще сохранили свои натуральныя, но очень нѣжныя и рухлыя скорлупы. Здѣсь белемниты (также какъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ всѣ морскія раковины исчезаютъ и находятъ только ихъ отпечатки) не лишились обыкновеннаго струистаго своего существа и твердости и суть отчасти полупрозрач-

ные и желтоватые, а отчасти цвѣтомъ сѣрые или черные. Послѣ сихъ находится много нѣкоторыхъ родовъ аммонитовъ. Казалось, что нѣкоторые камни состоятъ изъ мѣлкихъ, петушьему гребню подобныхъ, теребратуловъ и энталіевъ или тубулитовъ. Въ другихъ же много отмѣнныхъ митулитовъ съ разными черепами на подобіе аномита. Напротивъ того, рѣдко находятся окаменѣлыя раковыя клешни въ разломанныхъ глиняныхъ камняхъ. Находятъ также въ глинѣ большіе куски чернаго окаменѣлаго, колчеданомъ налитого, дерева, имѣющаго связь и видъ большаго деревяного уголья со слѣдами червоточины, столь окаменѣвшаго, что при ударѣ о сталь сыплетъ искры. Попадается также много сѣрнаго колчедана, изъ котораго около Клина скудные люди дѣлаютъ горючую сѣру.

Выѣздъ изъ Москвы 14 Іюля. Деревня Купавна при рѣкѣ того же имени, перепруженной плотинами для мельницъ. Фабрики и порохов. заводы. На лежащихъ въ водѣ пняхъ было много мохнатыхъ полиповъ, Tubularia reptans; водяныя улитки, особенно ушастыя, чрезвычайной величины. Изъ водяныхъ ростеній росли попушникъ, сливѣ подобный мохъ и сѣточная тина.

Пространный низменный слой глины повсюду. По сухимъ полямъ ростутъ метлы (Herriaria glabra), а около травъ репейника и чертополоха летало много продолговатыхъ, острокрылыхъ и золотыхъ бабочекъ. На мшистыхъ, соснами оброслыхъ, пустошахъ водятся дикіе голуби (Palumbus).

Въ малыхъ перелѣскахъ перемѣшаны всѣ деревья: дубъ, береза, тополь, осина, ель, дикая яблонь, орѣшникъ, мозжевельникъ, черемуха и рябина. Кромѣ доселѣ извѣстной простой жимолости, Xylosteum, показалась жимолость татарская. Илемъ и вязъ дерева однородныя, разнятся почти ничемъ. На Вязѣ кора желтоватая и мягче, листья уже. На Илемѣ кора сѣрая, жестка, листы продолговатѣй, больше и мохнатѣй.

По лѣвой сторонѣ Клязмы много болотнаго лѣса на нѣсчаной почвѣ, или турфовая пошва оброслая кустарникомъ, обличающая низменные слои глины, на которой ростетъ много черницы

и голубицы. Въ такихъ лѣсахъ летало множество бабочекъ и между ними рѣдкія Papilio Laodica и Phalaena Melanaria.

Далѣе идетъ пѣсчаная почва, покрытая пашнями (овсомъ, льномъ, гречой); при деревняхъ есть малые хмѣльники.

Вѣденская Пустыня красивѣйшее мѣстоположеніе на островѣ посреди озера или залива, произведеннаго рѣкою Волею. Потомъ вновь глинепые слои, наполненные морскими тѣлами, мѣстами темносѣрые, липкіе, подобные находящимся въ р. Москвѣ.

Владиміръ съ 24 церквями и окружающими городъ садами даетъ прекраснѣйшій видъ, особливо съ восточной и западной стороны. Городъ стоитъ на высокихъ мѣстахъ вдоль лѣваго или сѣвернаго берега р. Клязмы. Сады все вишневые съ высокимъ шалашомъ по серединѣ и веревками, отъ него протянутыми во всѣ углы по всему саду; на всякой веревкѣ доска съ балаболками: если веревку потянуть, произойдетъ громкая стукотня. Пока вишни не сняты, сторожа остаются въ шалашахъ безсходно, не давая покою ни днемъ, ни ночью какъ птицамъ, такъ и жителямъ.

Рѣка Клязьма, большой излучиной касающаяся города, содержитъ въ себѣ много судаковъ, окуней, ершей, щукъ, подустовъ, шереховъ, головлей, плотвы, язей, уклейки и проч. На одномъ заглохломъ, стоячемъ рукавѣ рѣки или Старицѣ, находился подобный типоватому растенію мохнатый полипъ большого рода (Tubularia fungosa), также обыкновенная Бодяга, въ кучѣ другихъ травъ рагульки, а на типоват. берегахъ стрекучій мохъ.

За рѣкой Клязмой показываются вдали пѣсчанные холмы съ терновыми, мозжевеловыми и другими кустами, между которыми показывается сдѣсь уже и ракитникъ. Корни сего куста врываются чрезмѣрно глубоко, и если во глубинѣ довольно для нихъ влажности, то его листья служатъ, посреди песчаныхъ мѣстъ, хорошею пищей овцамъ. По сухимъ увалamъ цвѣлъ звѣробой, а корень его былъ усыпанъ Россійскимъ червецомъ, въ крашеніи ни мало не уступающимъ Полскому. Рѣчной берегъ украшенъ всякими ягодными кустами. Дикій хмѣль вился по кустамъ татарской жимолости.

Песчаныя пустоши съ прерывнымъ сосновымъ лѣсомъ. Известковые увалы. Ломка извести. Известковый слой свѣтлосѣръ, бѣловатъ, съ верху очень твердъ, но чемъ глубже, тѣмъ мягче и рухлѣе, или больше наполненъ влажностью. Онъ усыпанъ разломанными окаменѣлыми морскими растѣньями, которыхъ не можно вынять въ цѣлости, но ломаются съ камнемъ. Въ нѣкоторыхъ тонкихъ слояхъ видны только отпечатки двучерепатыхъ раковинъ, а другіе какъ бы состояли изъ мѣлкихъ, на подобіе пшеничныхъ зеренъ полосатыхъ тѣлъ, показывающ. въ отломѣ связь морскаго окаменѣлаго растѣнія.

Мѣста между Клязьмой и Окою: послѣ песчанныхъ пустошей, подымается высокой, густой, ѣловой лѣсъ, довольно сырой, чепыжникомъ и кустарникомъ заросльій. Далѣ мѣшается онъ съ Березой и Сосной. Лѣсомъ ѣхать было весело. Обѣ стороны дороги были засыпаны цвѣтущимъ кипрейникомъ; много бы можно было набрать съ него пуху. Около цвѣтовъ Медуники (Ulmaria) и Дягилника (Angelica Silvestris) много собиралось полевыхъ жуковъ, полевыхъ таракановъ, крылатыхъ букашекъ, жуковъ съ пережимкой.

Село Константиново, жители горшешники. Глина повсюду вокругъ села бѣлосѣрая, прочная, но чемъ ближе къ поверхности, тѣмъ больше смѣшана съ бѣлымъ пескомъ. Въ глинѣ попадаются разломанныя морскія раковины. Свѣтло-сѣрые кремнистые камни, разсѣянные въ сей странѣ и наполненные окаменѣлостями, служатъ новымъ доказательствомъ о произхожденьи сихъ камней изъ глины. Казалось, что бѣлая глина въ сихъ мѣстахъ имѣетъ нѣкоторое дѣйствіе на растѣнія: на многихъ кустахъ кипрейника сдѣсь росшаго и на нѣкоторыхъ лабозинахъ травы Царской Скипетръ находились бѣлые цвѣты.

Мѣста до Касимова то лѣсистыя, то сухія, желтѣвшія цвѣтами Золотой розги (Iacobea) и Золотушника, возлѣ деревень же поросшія кошечьей мятой и купавкой, собираемой крестьянскими женками для крашенья въ желтый цвѣтъ, то въ видѣ увалов попадъ рѣчками извѣстковаго камня, который хотя имѣетъ сѣрые,

жесткіе слои, но состоитъ большею частью изъ бѣлаго, мягкого мелкаго песку, произшедшаго изъ растертыхъ кораловъ и морскихъ раковинъ.

Таже известка, подъ коей сѣрой илъ, а поверхъ известковаго слоя лежитъ липкая кирпичная глина съ тонкимъ иловатымъ слоемъ подъ верхнимъ рядомъ земли. Таже страна низкая съ кустарниками, между коими росъ Миндальный тальникъ: Salix amygdalina.

Касимовъ худовыстроенный городъ на крутомъ превысокомъ берегу Оки, состоящемъ изъ твердаго толстослоистаго извѣстковаго камня. Повсюду камни годные для стройки. Населеніе города большею частью изъ татаръ, изъ коихъ есть зажиточные, торгующіе мѣхами купцы. Въ татарской слободѣ, въ высшей части города, стоитъ еще доселѣ толстая, круглая, высокая башня или Мисгиръ, изъ тесаныхъ большихъ камней, оставшаяся отъ древней мечети. Повсюду окаменѣлости въ извѣстковыхъ камняхъ береговъ.

По берегамъ Оки, въ числѣ другихъ травъ, попадались Божье дерево, разноцвѣтная рожа, сыворочная трава (Gallium boreale и Mollugo), обѣ собираемыя сдѣшними женщинами на краску вмѣсто Марены, Певцедашъ, Синеголовникъ и Смольникъ (Aristolochia clematites), почитаемая особенно отъ мужиковъ за то, что, бывъ сварена, лѣчитъ отъ лому и боли въ костяхъ. Головный уборъ сдѣшнихъ женщинъ жесткая кичка или сорока съ высокимъ на передъ наклономъ, средина коего вырѣзана полукругомъ, представляя два тупые рога. Кичку покрываютъ бѣлымъ платомъ и завязываютъ на затылкѣ.

Опять окаменѣлыя морскія тѣла. Подъ дерномъ снова сѣрая глина на 4 фута толщиною. Подъ ней вновь толстый слой сѣроизвѣстковаго камня, а подъ нимъ иловатая морская земля съ древесною, окамѣлостями (sic) и улитками. Не доѣзжая до Мурома, на дорогѣ, деревянная церковь во имя Ильи Муромца. При ней въ часовнѣ находится колодецъ, который выкопалъ самъ святый отецъ.

Городъ Муромъ, подобно Касимову, построенъ на высокомъ

лѣвомъ берегу Оки, и прорытъ глубокими дождевыми ручьями, въ коихъ находится глина съ поздреватыми колчеданами и катышками изъ мергеля. Рѣка, усугубляющая весной стремленье отъ прибылой воды, повсягодно отрываетъ часть высокаго берега. Подмытые высокіе турфовые слои возвышаютъ подошву берега. Сими турфовыми обвалившимися глыбами, состоящими изъ гнилыхъ щепъ, дрязгу, согнившихъ травъ, навозу и соломы, и съ помощью новой насыпи возвышенъ жилой берегъ до 4 саженъ. Въ сей насыпи видны полусогнившія сваи и бревна обвалившихся домовъ и много всякихъ костей, а въ обвалившемся при церквяхъ берегѣ находятся снаружи старые гробы и человѣческія кости.

Муромцы садоводы и огородники. Произрастаютъ яблоки, дыни и всякую овощъ. Луга и украшенные кустами сѣнные покосы вокругъ Мурома снабжены богато Сибирскимъ сабельникомъ, Сокольимъ перелѣтомъ, Плакуномъ и дикимъ чеснокомъ, употребл. въ пищу. Много также чорнаго папоротника (Osmunda Struthiopteris), Савиной стрѣлы и Молочайника (Euphorbia palustris), употребляемой жителями какъ слабительное. На пѣсчаныхъ же островахъ и мѣляхъ рѣки Оки много Бѣлокопытника и Девясила.

Черный папоротникъ росъ вмѣстѣ съ кустарникомъ близъ глубокихъ, водой наполненныхъ, ямъ или хлябей, находившихся между великихъ глыбъ гипсоваго камня, дышавшихъ холоднымъ воздухомъ. Около сего растѣнья водятся ядовитыя чорныя змѣи съ желтыми пятнами на шеѣ и хвостѣ, а въ хлябяхъ опоки летучія мыши.

Безпрерывный гребень высокихъ холмовъ сухаго каменнаго мергеля, красноватаго съ бѣлыми пятнами, разсѣдающагося какъ глина, простирается по рѣкѣ. Во многихъ мѣстахъ его лежитъ Алебастръ великими нестройными глыбами или гнѣздами, твердый, бѣлый, испещренный жилами и трещинами. Его ломаютъ жители вокругъ лежащихъ деревень, отвозя потомъ въ Москву, или продавая по дешевой цѣнѣ на мимоидущія суда.

Дорога къ Арзамасу. Песчаныя пустоши покрыты простыми травами, въ числѣ ихъ Кровян. Девясиломъ и Горлянкой. Разсѣянный мѣлкій лѣсъ. По мокрымъ мѣстамъ цвѣли кипрейникъ и собачки, на высокихъ Ореоселина. Лѣсистая страна все песчапѣй, возвышеннѣй; ѣдешь все въ гору до самого Арзамаса, отъ чего и быстрое теченье рѣки Тюши. На осохлой песчаной пустоши росли и цвѣли (17 Августа) слѣдующія травы:

Cucubulus Otites, отмѣнная мокрица.

Полевая гвоздика, Diant. Virgineus.

Dracocephalum Ruyschiana.

Сибирской чертопологъ. Собранные отъ него самые широкіе и нераздѣльные листья, и потомъ высушенные, толкутъ въ порошокъ и присыпаютъ къ ранамъ, отъ чего онѣ скоро стягиваются.

Простой Вересъ въ сей странѣ обыкновенно имѣетъ бѣлые цвѣты.

Городъ Арзамасъ на увалѣ, невысокомъ, извѣстковаго сѣраго и желтоватаго камня, раздѣленнаго шиферомъ на удобныя къ ломкѣ части, способнаго на выжиганье извести. Худо и нечисто выстроенъ. Всѣ жители мыльники, кожевники, красильщики крашенины и сапожники. Отъ сихъ нечистыхъ рукодѣлій воздухъ въ узкихъ и грязныхъ улицахъ наполненъ нездоровыми парами. Всякой соръ и грязь кожевныхъ и мыльныхъ заводовъ валятъ въ мимотекущую рѣку Тёшу.

Veratrum album, бѣлая чемерица показалась здѣсь впервые, отсель она растетъ вездѣ на мокрыхъ мѣстахъ и далѣе за Волгу. Во время сѣнокоса ее выбрасываютъ вонъ, но такъ какъ не сожигаютъ, то она оставляетъ зрѣлыя сѣмена тутъ же и размножается. Молодые ягненки, наѣвшись ея весной, умираютъ. Голодныя лошади, съѣвъ ее въ сѣнѣ, чувствуютъ колотье, при нѣнѣ изо рту. Дворовыя птицы, наклевавшись сѣменъ, умираютъ. Но высушеннымъ и столченнымъ ея корнемъ присыпываютъ коровамъ болячки отъ червей, а людямъ для прогнанья глистовъ даютъ во внутрь свѣжего корня по ползолотника съ медомъ сырцомъ.

Христофорова трава, Actea spicata, и

Стародубка, Gentiana campestris, объ отъ укушенья бѣшеныхъ собакъ.

Павилица (Cuscuta) также.

Царь трава, Aconitum licoctonum. Ея коренье употр. во многихъ болѣзняхъ.

Змѣёвникъ, dracunculus major. Его свѣжее растѣнье мужики ѣдятъ отъ поносу.

Подлѣсникъ (asarium).

Всѣ яровыя пашни отъ сей рѣки до Суры выжелтила собою Пупавка, которой цвѣты можно было сбирать возами. Превосходная жолтая краска. Высокіе холмы по рѣчкѣ Пьяной выказываютъ извѣстковой камень, но какъ земля иловата, то весь берегъ прорытъ глубокими дождевыми ручьями и буераками, какіе производитъ обыкновенно на такой мягкой землѣ стремящаяся съ горъ снѣговая вешняя вода. Вблизи рѣки образуются беспрестанные провалы отъ подъземной воды, которою вымываетъ претворяющійся въ мергель извѣстковый камень и дѣлаетъ подъ землею пещеры, въ которыя напослѣдокъ она обваливается. Такимъ образомъ однажды провалился цѣлый крестьянскій домъ со всей семьей.

Здѣсь начинается Мордва. Рачительнѣйшіе пахари, отличные звѣроловцы, разводители пчелъ и знаменитые красильщики. Неопрятны въ жизни и въ тоже время охотники наряжаться. Праздничный нарядъ женщинъ съ гремушками, колоколчиками, кольцами, висячими болоболочками, шитыми шерстью выкладками, пронизками и бахрамой, обложенными вписящими у пояса лоскутьями, не легче конскихъ шоръ.

Бугры по рѣкѣ Пьяной то изъ раковинной известки, то изъ красного твердого мергеля. Индѣ слой липкой красной глины. Тамъ, гдѣ типоватая рѣчка Якшопка, имѣющая сѣрную воду и садящую на днѣ красноватую и бѣловатую горючую сѣру, впадаетъ въ Пьяную, находится много вонючей типы (Chara foetida). Мужики села Князь-Павлова въ окололежащихъ горахъ ломаютъ

твердый извѣстковый камень на постройку сушильныхъ овиновъ. Здѣсь же ломается и гипсовый камень и отвозится мужиками зимой въ Москву на саняхъ.

Гора, обросшая кустарникомъ, была такъ подрыта наводненьями Пьяной и текущими съ горъ источниками и обвалилась, что не только вся сторона къ рѣкѣ сдѣлалась утесомъ, но еще была видна въ ней большая глябь, окруженная расколовшимися и обвалившимися горными камнями. Въ ея устье можно взойти не иначе какъ ползкомъ. Сія темная хлябь, идущая въ поперегъ горы на 100 сажень длиной, шириной на 40, а вышиною на два сажня съ половиной, загромождена дикими каменьями и тиной, остающейся отъ весенніхъ наводненій, и дышала стужей невыносимой. Иловатое дно при устьѣ хляби было покрыто, какъ толстымъ зеленымъ сукномъ, мѣлкимъ волокнистымъ мохомъ. Изъ разщелявшагося ила росла вездѣ особливая долгая тина, а въ самомъ путрѣ хляби на хворостѣ, водою туда занесенномъ, находилось очень великое растѣнье сего рода, Mucor decomanus (ростетъ особо и стоитъ прямо, черешокъ волокнистый, твердый, толщиной въ гусиное перо. Ростетъ въ загаченныхъ рощахъ и подземныхъ ямахъ). Каменныя стѣны этой хляби были обвѣшены мягкимъ мохомъ, имѣющимъ видъ паутины, который, по взятіи пальцами, почти совсѣмъ претворялся въ воду. Не смотря на стужу, лежало здѣсь множество летучихъ мышей, по вечерамъ отсюда выбирающихся на воздухъ.

Пространства къ Пензѣ и Симбирску въ окольностяхъ рѣки Сока. Тучная, чорная, пахотная земля, какая при Сурѣ, Волгѣ и рѣкахъ, стремящихся въ Волгу съ восточной стороны. Въ сихъ странахъ земледѣльцы не упаважпваютъ полей, но даютъ отдыхать на третій годъ. Есть и такія мѣста, гдѣ никогда пашни не истощеваютъ. Если жъ уменьшится плодородіе, то много степныхъ мѣстъ, могущихъ доставить новую пашню. Но если-бы кто захотѣлъ сію тучную землю унавозить, то хлѣбъ выбѣжалъ бы очень скоро и высоко, а послѣ повалился бы и погнилъ до созрѣнья. Можно бы сѣять здѣсь конопли, льну и пшеницы не только

для домашняго обихода, какъ дѣлаютъ жители, но и на продажу. Худо также, что какъ городскіе, такъ и деревенскіе жители валятъ навозъ многочисленной скотины въ большія кучи подлѣ домовъ и по берегамъ мимо текущихъ рѣчекъ, отъ чего зарождается такое несказанное множество мухъ, что весною должно бѣжать изъ избъ.

На поляхъ и пахотныхъ перелогахъ Душистая ромашка, Anthemis cotula, росла въ такомъ же множествѣ, какъ и въ странахъ, лежащихъ отъ Оки къ югу. Горшешники. Поташен. заводы. Изъ кустарниковъ орѣшникъ въ густыхъ лѣсахъ; тамъ же на мокрыхъ мѣстахъ Душист. Асперула и Христоф. трава. Пни и колоды деревъ покрыты грибами. Отселѣ земля тяжелая глинистая. Мѣстами въ липкой глинѣ большія окаменѣлыя извѣстковыя глыбы съ просѣдинами струист. желтоватаго шпата. Множество колчедановъ, скрываемыхъ крестьянами, думающими обрѣсти въ нихъ какую нибудь руду. Дубовый лѣсъ съ подлѣсьемъ. Страна до Саранска хлѣбородна, угориста; обитатели Мордва и Татары.

1 Сентября. Саранскъ. Женщины славятся умѣньемъ красить шерстяныя травы (sic):

Въ зеленую краску красятъ мхомъ, растущимъ подъ именемъ *Зеленицы* во всѣхъ болотныхъ и глинистыхъ мѣстахъ. Его собираютъ по деревнямъ мужики, вяжутъ въ пучки и дешево продаютъ на рынкахъ. Мордва, Чуваши и Татары, вмѣсто сего мха, употреб. простую полынь, примѣшавъ немного дрока, или же листы разнолистнаго Чертополоха, Carduus heterophyllus. Иные же вмѣсто того нецвѣлые колосья Мятлики (Arungo Calamogrostis) съ помощью варки и примѣси квасцовъ. Ягоды крушины даютъ у нихъ желто-зеленую краску.

Въ желтый цвѣтъ цвѣты растѣнья Пупавки, Дрока и Серпухи, дико растущихъ по всѣмъ мѣстамъ Россіи.

Въ жаркой цвѣтъ употребляютъ Череду, bidens tripartita, съ примѣсью Марены.

Въ малиновой красятъ Мареною (Rubia tinctorum) или корнемъ сыворочной травы особств. рода.

Въ алый цвѣтъ красятъ душицею (Origanum), засушая цвѣтныя головки, исталкивая потомъ вмѣстѣ съ сушеными молодыми листьями яблони, варя съ солодомъ и дрождями. Лучшая краска.

Въ синій цвѣтъ красятъ привезенной краской крутикомъ, дѣлаемой изъ травы, которая ростетъ только въ Малой Россіи (Синій сандалъ), и брусковой краской.

Небогатая желѣзная руда, цвѣтомъ бурая, иногда имѣющая рухлый черепъ, но чаще сѣрая и желтая, съ краской вохрой смѣшанная. Небольшой купеческ. заводъ. Мокшаны, живущіе въ сихъ мѣстахъ, мало чемъ разнятся отъ Мордвы. Нѣсколько черноволосѣй, меньше убираютъ себя погремушками. Женщины трудолюбивы, много знаютъ травъ, годныхъ въ лѣкарство и для краски. Во всякой избѣ въ сѣняхъ виситъ то та, то другая трава, вмѣстѣ съ сушеными капустными листами.

По степи еще цвѣли двуцвѣтная степная полынь, Chrysocome biflora, съ синими зубчатыми цвѣточками, шершавая степная полынь, Chrysoc. villosa, полевой шалфей и донникъ съ бѣлыми и желтыми цвѣтами.

Видъ Пензы, стоящей на высокомъ берегу Суры, красивъ множествомъ своихъ церквей. Купеческія лавки такъ наполнены товарами, какъ не попадалось еще отъ Москвы ни въ одномъ городѣ. Сура и лежащія около озера снабдѣваютъ обильно жителей рыбой: большого вида Чехонь, большіе язи (шпіоръ), калинка (бѣлая рыбица), Сава, синтева и таранъ. Сомовъ и стерлядей ловятъ только весной, во время водополья. Хлѣбородье и обилье губерніи. Множество конныхъ и винныхъ помѣщичьихъ заводовъ и табуновъ. Страна холмиста, дубовые лѣса.

9 сентября сильная гроза и потомъ дожди беспрерывно. 13 снѣгъ сталъ итти къ вечеру большими охлопьями, земля покрылась имъ на пядень толщиною, а молодой лѣсъ, еще стоявшій съ листами, наклонился подъ его тягостью. Студенная погода. Рѣки почью съ 15 на 16-е покрылись льдомъ. Отсюда дорога къ Сим-

бирску степью. Всѣ горные увалы въ здѣшней странѣ состоятъ изъ сѣраго глинянаго камня, который въ огнѣ раскакивается на мѣлкія части, а ломается то четвереугольными глыбами, то плитами.

Далѣ увалы идутъ хребтомъ, къ востоку пологи, къ западу же имѣютъ крутые скаты. Они изъ сѣраго плитняка, лежащаго въ горизонтал. положеніи. Земля иловата, глиниста, въ низу черна, а на увалахъ пѣсчана. Лѣсъ на холмахъ смѣшенъ съ соснами. Въ долинахъ же и на ровныхъ мѣстахъ то чистый дубнякъ, то степной, смѣшенной лиственный лѣсъ, обильный липой и кленомъ. Липовый лѣсъ, снабдѣвающій посудою и лыками или мочалами, изъ коихъ вьютъ веревки и ткутъ рогожи, полезный вѣниками, которыхъ сушатъ на зиму для корму ягнятъ, приноситъ сверхъ того особливую пользу сдѣшнимъ ульямъ. Живущіе въ лѣсистыхъ странахъ Мордвинцы оставляютъ на всю зиму пчелъ въ лѣсу подъ легкою покрышкою. Далѣ къ Свіягѣ и Симбирску открытая и высокая степь съ увалами, на коихъ показываются обыкновенно при Волгѣ степныя растѣнья, и въ томъ числѣ множество дикихъ миндальныхъ кустовъ, наз. калмыцк. орѣхами или бобовникъ. Изъ его косточекъ двоится водка, получающая персиковый вкусъ, и выжимается масло, которое хоть и горьковато, но пріятно съ салатомъ.

Симбирскъ, какъ извѣстно, стоитъ на высокой горѣ между двухъ рѣкъ. Къ западу къ Свіягѣ Симбирская гора сходитъ полого къ высокой степи, къ Волгѣ же она крута и подмыта, какъ и прочіе увалы, составляющіе правый высокой берегъ рѣки. Сіи то увалы препятствуютъ Волгѣ соединиться съ Свіягой, заставляя послѣднюю протечь еще около 100 верстъ до впаденья въ Волгу. Они состоятъ изъ мергеля, извѣстки, извѣстковаго камня въ разныхъ видахъ, сѣрой глинистой земли, мѣстами кремнистой, мѣстами съ окамелостями (sic), и камнемъ наполненымъ, какъ около Москвы, разломанн. черепами морскихъ животныхъ. Попадаются гнѣздами хрустали и могущіе давать сѣру колчеданы.

Плоская степь къ рѣкѣ Черемшану, обросшая миндальными кустами и вишнями. Рѣку Черемшанъ переѣхали по мосту, сплоченному изъ бревенъ, полезному на нашихъ рѣкахъ во время прибылой воды. Какъ сдѣсь, такъ и въ нижней своей странѣ рѣка течетъ между оброслыми кустарникомъ берегами, или по лѣсистымъ низкимъ мѣстамъ. Въ окружностяхъ Черемшана черноземныя хорошія пашни. Березнику на дрова довольно. Обитатели Татары, Мордвины, а всего больше Чуваши, одѣвающіеся почти какъ Мордвины. Но женщины ихъ пригожей и опрятнѣй. Мужская одежда разнится только тѣмъ отъ русскихъ мужиковъ, что рубахи съ вышитыми воротниками. Жены вышиваютъ по полотну разноцвѣтной шерстью. Всѣ они черноволосы, какъ и Татары. Избы разсѣянно съ малыми клѣтями безъ дворовъ, на высокихъ мѣстахъ, какъ у Татаръ. Лавки въ избахъ широкія; имѣютъ перины.

Страна становится гористѣй. Попадались вѣтви шиферныхъ, отъ Урала идущихъ, изобильныхъ рудой, горъ. Богословскій мѣдный заводъ. Пребываніе Палласа въ селѣ Спаскомъ у ст. сов. Рычкова, извѣстнаго своими сочиненьями, съ 5 до 11 Октября. Село на веселомъ мѣстѣ, отовсюду окруженное лѣсомъ обросшими увалами. Почти въ серединѣ села бьетъ большой чистой ключъ и течетъ по бѣлому мергелю, который достоинъ примѣчанья, потому что скотъ ѣстъ его охотно, хоть въ немъ и нѣтъ соляныхъ частицъ. Съ горъ текущія быстрыя рѣчки, незамерзающія зимой, по причинѣ быстроты, даютъ возможность сдѣсь плодиться водянымъ воробьямъ, Strurnus cinclus, рѣдкимъ повсюду, кромѣ Россіи и Сибири, ныряющимъ въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ для собиранья на днѣ мѣлкихъ червей и выходящимъ изъ воды сухими. Рыбы, свойств. незамерзающимъ рѣчкамъ, форель, крошица и кутема. Животное Норка, родъ выдры, питается сдѣсь всю зиму лягушками и раками.

Рѣка Сокъ еще невелика и течетъ кривизнами между смыкающимися горами по пріятнымъ долинамъ, обросшимъ березникомъ, который покрываетъ мѣстами и горы. Такая плодо-

родная, пріятная, богато изобильная травами, простирается вдоль Сока, Кинеля и Самары. Татары и Чуваши здѣсь ловятъ Сайгъ въ исходѣ зимы петлями и западнями, или хватаютъ ихъ догнавъ на лыжахъ, потому что, прошибя копытами тонкій черепъ на глубокомъ снѣгу, они бѣжать не могъ (sic). Они малорослѣй оленей, походятъ на простого сайгача, съ разницей, что на рогахъ много обручиковъ, задъ до самой спины покрытъ бѣлымъ пятномъ, а вмѣсто хвоста виситъ надъ задницей кожаная шишка, мягкой окомелокъ. Мѣста особенно благопріятныя разведенію овецъ.

Нефтяной ключъ не вдалекѣ отъ рѣки Сока при крутомъ скатѣ горы на мѣстѣ, покрытомъ тучнымъ черноземомъ и обросшемъ березникомъ, по которому течетъ главный источникъ рѣчки Байтугана. Небольшая, котлу подобная, яма, шириной и глубиной съ небольшимъ въ аршинъ, въ которую вода прибываетъ безъ примѣтнаго движенія и также непримѣтно уходитъ въ мимотекущую малую рѣчку. Ключъ не замерзаетъ и въ жестокіе морозы; и если занесетъ его снѣгомъ, то восходящіе изъ него смолистые пары, запахъ копхъ слышится издали, очень скоро дѣлаютъ сквозь снѣгъ отверстіе. Поверхность воды въ ямѣ покрыта чорной, весьма липкой нефтью, которую хоть и счерпываютъ, но она вновь собирается въ нѣсколько дней. Земляной слой, въ которомъ находится яма ключа и который идетъ безъ сомнѣнья далеко въ гору, тоже наполненъ ею. По снятіи нефти съ воды, видѣнъ еще поверхъ ея тонкій, проницательный листъ чорнаго масла, легко загоравшагося. Сію смолистую воду Чуваши и Татары употр. какъ лѣкарство, прикладая къ свѣжимъ ранамъ, скоро отъ того заживающимъ, и принимая во внутрь въ желудочн. и веперичес. болѣзняхъ. Нефть, не смотря на липкость, столь пронзительна, что въ нѣсколько недѣль напояетъ толстыя въ дюймъ доски и посему легко можетъ сохранять дерево отъ гніенія и карабл. доски отъ червей.

Горы вдоль Сока верстъ на 8 индѣ гипсоваго, индѣ бѣлаго крѣпкаго извѣстковаго камня. На рѣчной сторонѣ, мѣстами

разсѣвшіеся, дикаго камня утесы, между коими ростетъ малое гороховое дерево, Robinia frutescens. Далѣ страна при Сокѣ становится изобильной горючими сѣрными ключами, сѣрными озерами и болотами. Нефть попадается также при оброслыхъ лѣсомъ увалахъ. За версту отъ Сургута есть извѣстковая крутая гора. Она состоитъ изъ крѣпкаго извѣстковаго камня, наполненного круглыми зернами, блестящими въ отломѣ. Между ею и другими малыми горами на очень низкомъ мѣстѣ, подобномъ котлу и обросломъ березами, находится сѣрное озеро длиною до 60, а шириною до 45 сажень. Стоять при немъ долго было невозможно: такъ силенъ былъ запахъ гнилыхъ яицъ, слышимый по вѣтру за 4 версты. Движенья воды въ немъ не видно, и никогда оно не замерзаетъ. Во время морозовъ исходятъ изъ озера пары въ видѣ тумановъ. Вода въ немъ столь чиста, что можно бы измѣрить глазами его глубину, если бы дно не было покрыто тиною и чорной матеріей. Дно это было покрыто кожею, похожею на перетлѣлыя какъ бы звѣриныя кожи, мѣстами темнозеленого, мѣстами непріятного темножелтого цвѣта, а тамъ, гдѣ покрывала она истлѣвшія растѣнія, была блѣдпокраспая густая матерія наполнена горючей смолой. Глядѣть на озеро было страшно. Насупротивъ известковой горы, на восточномъ берегу сѣрнаго озера, вздымается также состоящая изъ извѣстковаго шифра гора, простирающаяся до рѣки Сургута. Изъ нее бьетъ небольшой сѣрной ключъ, сообщающій рѣчкѣ Молошной сѣрныя частицы, которыя садятся на днѣ на подобіе бѣлой густой каши.

Рѣчка Сургутъ нѣсколько разъ перепружена. Въ запрудѣ видно бѣлое незамерзающее мѣсто. Въ порахъ и ямахъ подъ толстымъ верхнимъ слоемъ видна была черная селитреная земля, въ которой лежатъ на видъ перегорѣлые ноздреватые известковые камни, можетъ быть обличители подземного пожара. Въ болотномъ низкомъ мѣстѣ берега незамерзающая лужа; вода, біющая въ трехъ мѣстахъ на днѣ ея изъ земли, подобной золѣ и полной известковыхъ частицъ, не имѣетъ сѣрного запаха и оставляетъ на камышевыхъ тросникахъ много смѣшанной съ горючею сѣрой

бѣлой матеріи на подобіе густой сметаны. Растущій по краямъ ключа мохъ покрытъ затвердѣлой глиной. Но совершенно отличная матерія садилась на лежащій въ водѣ дрязгъ и хворостъ. То была свѣтлосѣрая, весьма твердая глина, толщиной въ большой палецъ, имѣющая снаружи шершавый видъ покрытой тиной морской губки; на поверхности коей находилась бѣлая, весьма тонко сѣвшая сѣрная матерія.

Сѣрные ключи попадались беспрерывно. Къ нимъ были тропинки въ снѣгу, пробитыя скотомъ, приходя сюда отовсюду къ сѣрной водѣ, напившись коей, бываетъ онъ здоровъ. Татары и Чуваши употребляютъ сѣрныя воды отъ коросты и сыпей, принося ее въ бани. Сергіевскъ.

Городъ Ставрополь съ пріятнымъ мѣстоположеніемъ на высокомъ восточномъ берегу рукава Волги, называемомъ Кунейволошкою. Съ сухопутной стороны сіе мѣсто окруженно пріятными соснякомъ и березникомъ, оброслыми увалами. А по ту сторону Волги видны на правомъ берегѣ высокія извѣстковыя горы, прим. Жигулевскими отъ находящейся посреди ихъ деревни Жигулихи. Крѣпость съ палисадниками, башней и батареей составляетъ средину города. Въ городѣ мѣстопребываніе калмыцкихъ чиновниковъ.

Зимовье въ Симбирскѣ. Волга, иногда не замерзающая до Декабря, покрылась совершенно льдомъ съ началомъ Ноября. По наступленьи зимы продолжалась беспрерывно жестокая стужа, снѣгу же выпало мало. Сѣверное сіянье, примѣченное 24 Ноября при рѣкахъ Волгѣ и Яикѣ, предвѣщало жестокіе морозы, которые въ половинѣ Декабря дошли до высшей степени. Сильные вѣтры на Волгѣ зимою дуютъ обыкновенно съ южнозападной стороны, нанося великой вредъ нѣжнымъ овощамъ здѣшней страны.

Такъ какъ снѣгъ въ половинѣ ноября едва покрывалъ еще поля, то можно было осмотрѣть страну около города. Въ 20 верстахъ выше Симбирска, на правомъ высокомъ берегу Волги, состоящемъ изъ длинной горы, лежащей при самой рѣкѣ и

соединяющейся съ другими увалами, добывается Флецъ, изъ котораго стремящаяся вода вымываетъ глыбы темноцвѣтнаго шифера, содержащаго уголь. На вершинѣ горы, покрытой нѣкогда бывшими разбойничьими укрѣпленьями, находится господская деревня Городище. Въ низу сей деревни, подъ верхнимъ глинянымъ слоемъ подмытаго утесистого рѣчнаго берега, идущаго въ вышину на 20 саженей, показывается толстый слой шиферного уголья, которое довольно смолисто, и не смотря на то, что горитъ пламенемъ, удобно при ковкѣ желѣза, издаетъ запахъ, подобный индѣйской Гумми и перегораетъ въ сѣрой ржавый пепелъ. Куски твердыхъ слоевъ имѣли по высушкѣ смоляной лоскъ, зажигались отъ свѣчи и горѣли съ копотью; куски же худыхъ слоевъ во время сушки всѣ разсщелялись. Хотя сей Флецъ и не продолжается въ глубину безпрерывно, но есть признаки, что можно добраться до хорошихъ угольныхъ слоевъ.

Звѣри степовыхъ гористыхъ мѣстъ Волги суть Сурки, Суслики, Язвецы, бѣловатые Сурки, Ласточки, имѣющіе зимою шерсть столь же бѣлую, какъ и Горностаи, Выхохули, блескомъ и мягкостью шерсти мало уступающіе бобрамъ, Горностаи, черныя полевыя крысы Карбуши и бесчисленное множество вредныхъ полевыхъ мышей, расположающихся подъ хлѣбными, на поляхъ поставленными, скирдами. Тетерки и рябчики ловятся здѣсь всю зиму силками и наметами. Водяные воробьи во множествѣ при незамерзающихъ рѣкахъ. Есть варакушки особаго рода.

Рыбы собственныя Волги: Бѣлуга, не рѣдко бывающая длиной отъ 20 до 25 пяденей и вѣсящая до сорока слишкомъ пудъ, Осетръ отъ пяти до осьми пяденей и вѣсящій иногда двадцать съ лишкомъ пудъ, Ко́стера, родъ Осетра, не много больше стерляди, но шероховатъ и колокъ. Шипъ, попадающій изрѣдка въ Волгу, вкусной родъ рыбы между осетромъ и бѣлугой, носомъ длиннѣй и острѣй, а тѣломъ тучнѣй и глаже. Севрюга, красная рыбица, показывающаяся въ Волгѣ только въ двухъ послѣднихъ мѣсяцахъ года, Бѣлая рыбица, многочисленно идущая въ верхъ по Волгѣ отъ Генваря до Іюня, величиной бывающая также какъ и краспая

отъ 3 до 5 пяденей, а вѣсомъ рѣдко до 30 фунтовъ. Сазаны различной величины и вѣса, большіе, малые и средніе. Сомы величиной больше осетровъ, ловимые весной и осенью, быстрымъ своимъ стремленьемъ перескакивающіе сѣть, или же разрывающіе оную, уводя съ собой другую рыбу. Желѣзница или бѣшеная рыба, идущая большими стадами въ верхъ по Волгѣ отъ Мая до исхода лѣта, наполняющая сѣти къ неудовольствію рыбаковъ. Вѣря, что отъ употребленья ея люди сходятъ съ ума, они ее бросаютъ или за ничто отдаютъ Мордвинамъ и Чувашамъ, которые ѣдятъ ее безвредно и вялятъ въ запасъ, удобную еще больше къ копченью; Чехонь почти такой же величины какъ и желѣзница, ловимая въ одно время съ нею, весной, рыба малопочитаемая, тощая, ѣдомая только скуднымп жителями свѣжая и солепая.

Изъ другихъ рыбъ, свойственныхъ и прочимъ рѣкамъ: Судаки, Бершики, составляющіе смѣшенье Судака съ Окунемъ. Лещи, ловимые въ несказанномъ множествѣ и вмѣстѣ съ Сазанами вялимые на продажу, Конп или жерехи, головли, миноги, маловимые, Налимы наиболѣе ловимые зимой удами, опущенными подъ ледъ, на которыя насаживаютъ тонкіе кусочки разрѣзанной рыбы. Угрей не водится ни въ Волгѣ, ни рѣкахъ въ нее впадающихъ, ни далѣе во всей Сибири.

Едвали гдѣ есть въ другомъ мѣстѣ столь много удобныхъ и остроумно выдуманныхъ снастей для рыбной ловли, какъ на Волгѣ. Не упоминая о простыхъ сѣтяхъ и неводахъ, о плетепыхъ изъ прутьевъ вандахъ, вятерахъ и вершахъ, не упоминая о устроенныхъ для ловли большой рыбы учагахъ, употребительн. только при Астрахани, стоитъ замѣтить о городьбѣ. Въ поперегъ рѣки бьютъ сваи прямой линіи или тупымъ угломъ, потомъ, сдѣлавъ изъ прутьевъ плетни или изъ тонкой драни, опускаютъ ихъ въ воду. Вода прибиваетъ ихъ плотно къ сваямъ. Рыба, встрѣтивъ преграды, ища выходу, попадаетъ въ загороженные мѣста и закуты, гдѣ весьма искусно ее различными родами всю изловятъ.

Въ мѣстахъ, гдѣ вливается въ Свіягу рѣчка Бирюча, обильная жемчужными раковинами и рыбой крошицей (форелью),

попадаются слоновыя кости, заставляющія дивиться тому, какъ могли онѣ не стлѣть, лежа множество лѣтъ въ тепломъ климатѣ.

На супротивъ Ставрополя, при устьѣ рѣки Усы, начинается хребетъ извѣстковыхъ горъ, составляющій высокую часть гористого берега Волги. На горахъ находится лѣсъ и вершины ихъ покрыты соснами. Съ рѣчной стороны видны у опыхъ горъ однѣ только голыя каменныя стѣны и множество расщелявшихся разныхъ камней, представлявшихъ зрѣнью пріятный видъ. На сихъ каменистыхъ берегахъ находится несказанное множество хищныхъ птицъ, которыя лѣтомъ вьютъ тамъ гнѣзда. Бѣловатые же орлы, по тамошнему Бѣлохвосты, пребываютъ во множествѣ и зимой. Иногда вьютъ сдѣсь въ горныхъ ущельяхъ гнѣзда Соколы и водятся лѣтомъ красныя утки, называемыя на Волгѣ карагатками; въ густомъ лѣсу на горахъ водятся бурые и чорные медвѣди, рыси и большія бѣловатыя бѣлки. При влажномъ воздухѣ, когда хочетъ быть мокрая погода, сіи извѣстковыя горы покрываются обыкновенно туманомъ, предвѣщателемъ перемѣны въ погодѣ, но и во время засухъ также сгущается вокругъ ихъ воздухъ, и если показались на небѣ облака, то уже ихъ почти невозможно видѣть въ туманѣ. Есть изъ горъ имѣющія болѣе 100 саженъ въ вышину. Эти то горы называются *Жигулевскими* и *Марквашскими*.

У деревни Ширяевой при устьѣ Сока начинаетъ и лѣвый берегъ впизъ по Волгѣ возвышаться каменными горами, которыя, впрочемъ, гораздо ниже находящихся на правомъ берегу. Изъ нихъ замѣчательны Сокольи горы, между которыми есть одна изъ бѣловатаго и желтоватаго извѣстковаго камня, изрытаго порами и пещерами, будто бы она лежала подъ капелью, и сіи пещеры вездѣ наполнены мѣлистымъ камнемъ, часто бѣлизной подобнымъ снѣгу.

Апрѣля 9 тронулся ледъ на рѣкѣ Самарѣ. 11-го тронулся ледъ и на Волгѣ, такъ что того же вечера прошло его больше двухъ третипъ. Возставшій 13 числа сѣверный вѣтръ произвелъ опять сильный годъ (sic) льду, продолжавшійся безпрерывно до

15 числа, и рѣка очистилась совершенно. 14-го зацвѣли Верба и Орѣшина. Съ 15 по 18 всѣ увалы были украшены миловидными цвѣтами малаго Орнитогала, Серебренника и Стародубки (adonis vernis), а при кустахъ въ полномъ цвѣтѣ находились Фіалка и одномѣсячникъ, Anemone patens, который бываетъ здѣсь голубой, лазоревый, синій, бѣлый и даже свѣтложелтый. Такъ онъ видимъ только въ Апрелѣ, то и называется одномѣсячникъ. Нанизавъ цвѣты его на очищенную розгу, обыкновенно втыкаютъ въ избахъ для украшенія. Изъ синихъ цвѣтовъ, вареныхъ съ Серпухой и квасцами, выходитъ превосходная зеленая краска для употребл. въ живописи.

Въ тоже время распускались листы на березахъ и рябинахъ, а послѣ 20 числа и у всѣхъ прочихъ кустовъ. Дерева и травы пришли въ совершенный цвѣтъ и украшали своими цвѣтами всѣ увалы. Это были:

Дикій миндаль и дикія вишни.

Дикой Фритиллярій Fritillaria pyrenaica. Вѣнечникъ, Мохначъ, пухоцвѣтъ рябчикъ.

Дикіе тюлпаны, tul. silvestris.

Душистый Бубенчикъ, Iris pumila, съ голубыми, пурпоровыми, желтыми и блѣдн. цвѣтами.

Луковичная Валеріана.

Pedicularis comosa мохнатый

Уральской Астрагалъ.

Трагеканѳоидъ (sic).

Дикія яблони, коихъ около Самары великое множество, цвѣли еще до исхода Апрѣля.

Гороховое дерево, называемое въ сихъ мѣстахъ Чилига или Челезникъ.

Ракитникъ, по сдѣшнему Бѣлякъ, растущій на всѣхъ мокрыхъ мѣстахъ.

Стадовыя птицы показались еще прежде. 19 и 20 видѣли уже дикихъ Лебедей и Гусей. 25 множество (пропущено: утокъ) показалось на открытыхъ водныхъ мѣстахъ. Кивики летѣли 26

числа. Всѣ водяныя птицы показались еще до исхода Марта. Сіи стадовыя птицы летѣли отъ запада въ сѣверозападную сторону. Напротивъ того, Бабы (Onocrotalus), Аисты обыкновенные и бѣлые, называемые Стерхи, Журавли и полевыя птицы летятъ сюда изъ полуденныхъ странъ. Изъ полевыхъ птицъ первыя были Сойки, прилетавшія еще въ половинѣ Марта, а въ исходѣ его дикіе голуби, скворцы и жаворонки, летающіе въ началѣ весны здѣсь стадами, подобно воробьямъ.

Суслики показались во множествѣ на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ разстаялъ снѣгъ. Съ цвѣтами явились насѣкомые, какъ шмѣли, такъ и ройныя пчелы сбирали себѣ пищу съ цвѣтовъ одномѣсячника и вербы. Съ ними въ одно время явились бабочки разныхъ родовъ. Но Ласточки показались только 16 Апрѣля вмѣстѣ съ щурками.

Городъ Самара занимъ. уголъ между Волгой и Сѣверн. устьемъ Самары. Жители имѣютъ пропитанье отъ скотоводства и великого торга свѣжей и соленной рыбой, также икрой. Ѣздятъ караваномъ чрезъ степь къ Яику. Зимой собираются въ Самару торгующіе касимовскіе татары, привозящіе сюда мерлушекъ, вымѣняныхъ на Яикѣ у Калмыковъ и Киргизовъ. Здѣсь ихъ отдаютъ выдѣлывать и шить потомъ тулупы калмыкамъ, близъ города находящимся, съ тѣмъ, чтобы послѣ отвозить въ Москву и другіе города. Мимо Самары проходятъ суда съ верху съ строевымъ и другимъ лѣсомъ, деревяной и глиняной посудой, желѣзными вещами, чужестр. товаромъ и всякимъ хлѣбомъ. Изъ *низовыхъ* же странъ Волги, кромѣ судовъ съ Ельтонской солью, выходятъ только немногія съ Астрахан. товарами, кожами, саломъ.

Страна около Самары есть высокая, ровная, слегка возвышающаяся холмами степь, почвы глинисто-песчаной, прорытая къ Самарѣ глубокими буераками отъ теченья снѣговой воды. Въ буеракахъ и въ берегахъ находится много кремней, между ними попадаются пламенные, краснопестрые и украшенные разными фигурами агаты. Провалы и ямы обросли кустами. Въ 20 верс-

тахъ отъ Самары, гдѣ Самарскіе казаки имѣютъ скотные дворы или хутора, уже высокая степь съ черноземомъ и травой, вышиной въ человѣка. По гористымъ холмамъ вверхъ по Самарѣ можно бы разводить виноградъ, но кромѣ арбузовъ и струковатаго перцу ничего не сѣютъ.

Дикихъ яблонь, дикихъ миндальныхъ кустовъ, высокорастущихъ дикихъ вишень, имѣющихъ весьма душистой вкусъ, неклена, гороховаго дерева, таволги, ракитника и татарской жимолости множество. На увалахъ около Самары расли цвѣтущія здѣсь въ Маѣ:

Румяница, корнемъ которой румянятся. Onosma echioides.
Клематисъ, прямая, имѣющая сдѣсь только 4 листа.
Молочай семянный, Euforbia segetalis.
Полевая плодовитая гвоздика, dianthus prolifer.
Лѣсной шалфей колеблющійся.
Шишковое медвежье ухо (Phlomis tuberosa).
Вѣтреница, Herba venti.
Дракосефалъ душистый и Сибирской.
Кошечья мята фіалковаго цвѣта.
Гедисаръ onobrichis.
Мошистый великоцвѣтный и свплеватый мышій горохъ.
Кентаврія Сибирская съ запахомъ бобровой струи.
Чертополохъ лазоревый.
Девясилъ мошистый и душистый.

Теплая сухая страна Самарская кишитъ зелеными и сѣрыми ящерицами, находящимися подъ каждымъ кустомъ, простыми змѣями, Coluber Berlus, ехидпами, Natrix, и чорными ядовитыми, водящимися въ навозныхъ кучахъ, Coluber Melanis, большими Тарантулами неядовитыми, множествомъ червей поѣдающихъ травы, шпанскихъ мухъ, жуковъ, клещей по кустарникамъ, приносимыхъ въ платьѣ. Изъ звѣрковъ *Выхухоль*, роющій норы въ высокихъ берегахъ подъ водою, вырывающій своимъ чуткимъ хоботкомъ съ невѣроятной скоростью изъ тины піявицъ, которыми питается вмѣстѣ съ червями. Часто слышутъ, какъ щелочутъ

они въ водѣ какъ утки. Когда дразнятъ ихъ, пищатъ помышачьи и кусаютъ опасно. Ихъ черева имѣютъ сѣрный запахъ и хвостъ бобровой струи. *Чокушки*, роющіе себѣ глубокія норы со многими выходами въ заросльіхъ кустами и травами мѣстахъ, выходящіе въ сумерки искать пищи и кричащіе какъ ввечеру, такъ и при восходѣ солнца, громкимъ голосомъ, подобнымъ перепелочному, слышимому за нѣсколько верстъ.

Хлѣбопашество могущее изумить всякого иностранца. На невспаханной землѣ, плодородной и безъ удобренья, сѣютъ крестьяне овесъ, просо и рожь будто на съеденіе птицамъ; потомъ, взявъ соху, начинаютъ пахать, а за сохой идетъ другая лошадь съ бороной безъ погоняльщика, и въ этомъ состоитъ вся работа. Одинъ человѣкъ съ двумя лошадьми обработываетъ также хорошо пашню, какъ бы обработывали ее многіе по новому изобрѣтенію, напередъ унавозивъ и вспахавъ и потомъ уже посѣявъ и заборонивъ.

Слобода Костычи состоитъ изъ 300 домовъ, построенныхъ улицею длинной на три версты. Здѣсь берегъ Волги крутъ. Каменная стѣна, простирающаяся до шести верстъ, изъ свѣтложелтаго известковаго камня, лежащаго толстыми слоями, превратившаго мѣстами, особенно при поверхности, въ мергель, покрытаго толстымъ селитреннымъ черепомъ и исполненого отпечатковъ морскихъ черепокожныхъ и раскрошенныхъ кораловъ. На полторы сажени ниже той черты, которая произошла на стѣнѣ отъ бываемой превысокой воды въ Волгѣ, торчатъ между слоями толстыя плиты сѣраго орлеца, ибо онъ крѣпче извѣстковаго камня и потому вода размывать его не можетъ. Напротивъ того, въ извѣстковой опокѣ вымыло много дыръ, норъ и довольно большихъ, гротамъ подобныхъ, со сводами пещеръ, которыя картинными ходами простираются на нѣсколько сажень въ берегъ, и произошли отъ того, что высоко и быстро текущей водой вымыло всѣ мѣста, наполненыя рухлымъ мергелемъ. Стѣны толсто покрыты селитрой. Въ верхъ по рѣкѣ берегъ еще плѣнительнѣй, представляя зрѣнью разнообразныя развалины. Здѣсь немного

большихъ пещеръ, по ямъ и поръ великое множество, въ коихъ водятся дикіе голуби, вороны и мѣлкія хищныя птицы, да и зимой улетаютъ отсюда не всѣ. Гагатъ или каменная смола наполняетъ собою весьма часто извѣстковую опоку вышеописаннаго берега. Изъ смѣшенья сей матеріи съ извѣстковымъ камнемъ и мергелемъ видно, что она, будучи еще жидкая, вобралась въ камень и разсыпалась. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятся твердые, кубично расколовшіеся камни, между коими щели всѣ наполнены чорною блестящею смолою. Далѣе въ глубину попадаются большія глыбы чистого гагата. Не смотря на блескъ, онъ легокъ, хрупокъ и ломается руками. На свѣчѣ топится и плыветъ какъ чорный сургучъ, съ такимъ же пріятнымъ запахомъ, хоть загоряется медленнѣй и скорѣе гаснетъ. Купецъ изъ Сызрани выходилъ себѣ позволеніе дѣлать изъ него Сургучь. Кузнецы употребляютъ его подъ именемъ чорнаго камня вмѣсто смолы для вороненья желѣзныхъ вещей.

Дорога къ Сызрани по горамъ изъ глины, смѣшенной съ извѣстковымъ шиферомъ. По верхнему же слою сухой песчаной и иловатой земли попадался разцвѣтавшій въ то время лѣсной одномѣсячникъ, любитель безлѣсныхъ степей, Anemone silvestris, называемый мужиками, по мягкому бѣлому своему пуху, овечьимъ рунишкомъ. Да сидѣли уже попарно на поляхъ красныя утки, турпаны, несправедливо называемыя казарками, красивыя птицы, вьющія гнѣзда не только въ каменныхъ щеляхъ, но и по высокимъ степямъ въ пустыхъ сурковыхъ порахъ.

6 Мая. Сызрань на веселомъ гористомъ мѣстѣ, жители коего занимаются болѣе чемъ гдѣ либо разведеньемъ яблочныхъ садовъ. Держатъ между дворов. птицами Китайскихъ гусей Сухоносовъ. Носъ красный съ выгибомъ, а иногда съ горбомъ при началѣ. Извѣстковый камень и здѣсь наполненъ чорной асфальтовой или гагатовой матеріей и распещренъ на подобіе мрамора. Лѣкарственная Медуница, Pulmonaris officinalis, цвѣла по низкимъ мокрымъ мѣстамъ, по которымъ пролегала дорога (по ту сторону Крымсы).

Вербы, осины, вишни, тавалга, ракитникъ стояли въ полномъ цвѣту по высокому ровному полю, по которому проходила дорога, простиравшаяся до рѣки Сызранки.

Asperula tinctoria, марёна особливаго рода попадалась безпрерывно въ числѣ множества другихъ расцвѣтавшихъ травъ.

Малая Сеселія, Seseli pumilum.

Горькая полигала.

Мшистый молочай.

Двуцвѣтный Бубенчикъ, Iris biflora, во всѣхъ мѣстахъ, оброслыхъ кустарникомъ на западн. сторонѣ Волги, Малый же бубенчикъ на восточной.

Переѣздъ черезъ Сызранку въ томъ мѣстѣ, гдѣ она быстро течетъ по каменному дну, ибо въ другомъ мѣстѣ нигдѣ нельзя переѣхать по причинѣ иловатого дна. Степь выше и суше. Кромѣ однолѣсячника, Anemone patens, и Ковыла не цвѣло ничего. Находящіеся къ рѣкѣ Кубрѣ буераки обросли ракитникомъ и таволгою, имѣющею бѣлый цвѣтъ.

Кубра глубокая рѣчка, течетъ между высокими берегами за три версты отъ Сызранки. Южный берегъ изъ перемѣнныхъ слоевъ песку, дресвы и сѣрой глины, изъ которой вымыло водою тяжелые грифитовые черепы и превеликіе белемниты толщиною въ полтора дюйма. Нѣсколько глубже находится ржавая съ колчеданомъ смѣшанная морская земля, потомъ такой же крупной морской пѣсокъ, а на самомъ низу твердой чорный желѣзноватый камень, который также какъ окаменѣлая глина ломается и весьма тяжелъ.

Въ Кашпурскихъ увалахъ подъ темноцвѣтной глиной лежитъ шиферное уголье, хотя и трудно горящее, хоть и не въ большомъ количествѣ; но признаки колчедановъ говорятъ, что если бы прорыть глубже, можно отыскать богатые и лучшіе слои его.

По наступленіи ночи кричали разсѣявшіеся по степи коростели Дергуны. Свистѣли степные звѣрки, называемые перегузней или перевощиками. Засуха сдѣлалась сильной. 9 Мая и слѣдующихъ чиселъ жара была такъ сильна, что не чувствовалось ника-

кого освѣженья въ прохладныхъ отъ зноя мѣстахъ. Въ мѣстахъ же, гдѣ умножалось преломленье солнечныхъ лучей, едва можно было простоять минуту. Все посохло на поляхъ, и черная земля въ степи разсѣлась мѣстами на аршинъ глубиною и около 2 дюйм. шириною.

Высокій утесистый берегъ сѣрой глины съ извѣстков. тѣл. обросталъ любящей глину португальской вайдой, піонами, разцвѣтавшими между кустарниками гороховаго дерева, душистаго бѣлаго Диктама, Кентавріи съ запахомъ бобровой струи и множества разныхъ горошковъ. Къ вечеру собралось къ симъ травамъ множество насѣкомыхъ и въ томъ числѣ красивая нѣжная бабочка Фрина.

Лѣсъ дубнякъ, множество травъ, комаровъ, ночныхъ насѣкомыхъ и бабочекъ. При рѣкѣ летали Стрекозы или коромысла особливаго рода. Жестокая буря сорвавшая крыши въ деревняхъ. Усольская страна съ Сокольей горой, на которой соколы вьютъ гнѣзда, (въ ней же двѣ пещеры), съ сѣрными и солеными изрѣдка мѣстами.

Дорога по горнымъ уваламъ чрезъ густой мѣлкой лѣсъ. Въ смѣшеньи съ другими кустами и деревами, илемъ, терновникъ, шиповникъ, листвица и молодой дубнякъ. Полыя мѣста, между нихъ съ разцвѣтавшими Румяницей, Багряной скорцонерой, Луговымъ шалфеемъ и Вѣтреницей. А холмы, обращенные къ рѣкѣ Усѣ, лѣсомъ оброслые, способны къ разведенью винограда. Деревня Березовка. Издали видны были высокія *жигулевскія* горы. У оброслаго лѣса увала травы были ростомъ въ человѣка.

Армянская, кабацкая гора съ долиной, назыв. кабацкимъ оврагомъ, къ Волгѣ вздымается высокимъ мысомъ съ утесистыми боками. По горѣ (состоящ. какъ и всѣ сосѣдственныя изъ извѣстковой опоки), между густыми кустами, цвѣли Кокушкины Сапожки, Красная чемерица и душистая сыворочная трава.

Гребень мергельныхъ и мѣловатыхъ холмовъ вздымается по Волгѣ, продолжаясь беспрерывно до Новодѣвичья. Къ западной степи распростирается сей гребень плоскими увалами, въ коихъ

вездѣ еще показывается бѣлый мергель, мѣлъ и глина. Небольшіе дубовые лѣса, въ коихъ летало около цвѣтовъ множество шмелей и красивыхъ маленькихъ бабочекъ. Въ степи же только параличная трава (Chamaepitis) да низкорастущій Ceratocarpus, покрывавшій сѣрымъ цвѣтомъ землю. Высокіе бѣлые холмы, собирая и удвояя солнечные лучи, причиняютъ несносный жаръ въ безлѣстныхъ мѣсахъ (sic).

16 мая. Новодѣвичье большая слобода на берегу Волги между голыхъ мѣловатыхъ горъ. Студеные ключи бьютъ изъ мергельнаго мѣлу извѣстковатой водой, годной къ бѣленью новинъ, прорывая глубокіе рвы до самой Волги. Здѣсь встрѣча съ Фальком̀ъ и Лепехинымъ и поѣздка съ ними по оброслой изрѣдка кустарникомъ степи на Кузькино и Ключищи. Встрѣченн. лѣсныя травы: Марена, Гладышъ, Турецкія лиліи и Кипрейникъ, показывали глинистое дно, наполненное ключами, или же то, что прежде страна была лѣсиста.

На сухомъ полѣ возлѣ деревни цвѣлъ Царской скипетръ. Душистого голка было также много, какъ и въ Самарской странѣ. Гдѣ степь становилась лѣсистѣй, тамъ росли (хоть и не цвѣли еще) степная полынь, кентаврія съ запахомъ бобровой струи, Воробьево семя и ядовитая соколья трава. На паровыхъ поляхъ росло много дикаго укропу (Lithospermum officinale) (sic), доказывавшаго селитренность и солеповатость земли. На голой каменистой верхушкѣ Караульнаго Бугра ростетъ много Синяго чертополоха, Центаврія, Сибирскихъ колокольчиковъ, ягодной Мокрицы, Cucubalus otites, торицы и Иванова цвѣта, Buphthalmum salicifolium.

Дорога отъ старой Резани лѣсомъ. Цвѣлъ Татарскій кленъ, а на мокрыхъ мѣстахъ Боярская спѣсь, Lychnis Chalcedonica. Ближе къ Волгѣ высокіе то оброслые кустами, то голые холмы. Сурки, сидя у поръ на холмахъ въ великомъ множествѣ, свистали пронзительнымъ свистомъ, какъ бы въ насмѣшку проѣзжающимъ.

На днѣ каменистаго ручья, обросшаго Татарскимъ кленомъ

и называемаго Брусянскою вершиною, лежатъ между дикими каменьями агатовые кремни. Отселѣ Тарской (sic) кленъ попадается чаще и высокорослѣй, доселѣ росшій кустами, ясень тоже крупнѣй. Горы становятся высоки, убираясь по вершинамъ кустарникомъ гороховаго дерева. Суркп въ изобилiи.

Извѣстный Покатунъ или Катиполе начиналъ въ это время цвѣсти. Пока онъ свѣжъ, то называютъ его шатромъ. Когда же, засохнувъ распростертыми вѣтвями, представляетъ почти шару подобный кустъ и сломленный вѣтромъ катится по степи, пугая лошадей, тогда Катупомъ и даже Качимомъ.

Вся сѣрная гора обросла густымъ лѣсомъ, а подошва ея изрыта дождевыми ручьями. Воздымается она круто отъ берега Волошки на супротивъ устья Сока почти на 100 саженъ вышины. Гипсовый камень, содержащій горючую сѣру, ломали на самой лѣсистой вершинѣ горы и въ глубокихъ ямахъ, называемыхъ развалами. Въ густомъ лѣсу были:

Кусты простой и горной крушины (Rhamnus catarticus и Alpinus) и Татарского клену.

Красная чемерица, Helleborine.

Кокушкины сапожки, Calceolus.

Кентаврея съ запахомъ бобровой струи.

Гладышъ, Laserpitium trilobum.

Порѣзная трава, Athamanta Cervaria. Изъ стволиковъ ея текла превосходная душистая камедь, распускающаяся съ пріятнѣйшимъ вкусомъ во рту, чего нѣтъ у растущей по степямъ сей травы.

Горькой Хейранеъ.

Лаоиръ и Мышій горохъ. Около всѣхъ сихъ травъ собирались стадами пригожія бабочки и насѣкомыя разныхъ родовъ.

На полѣ, въ деревняхъ, особливо же на мокрыхъ мѣстахъ и въ кустарникахъ, великое множество было летающихъ насѣкомыхъ, всего болѣе терпѣли люди отъ слепней, оводовъ, комаровъ и наполняющихъ воздухъ бурыхъ мухъ, зараждаемыхъ въ грязи, называемыхъ Москара, уязвляющихъ тупымъ своимъ хоботкомъ

до красна, отъ которыхъ носятъ на головѣ вмѣсто шапки сѣтку, обмокнутую въ деготь. Съ половины Іюня онѣ пропадаютъ, и тогда на мѣсто ихъ летаютъ въ несказанномъ множествѣ мѣлкія мошки, кохры, лезущія въ ротъ, носъ и глаза. Отъ сихъ мошекъ защищаются тоже сѣтками, но вымазанными саломъ.

Дорога въ верхъ до Сергіевска степью оброслою высокой травой, среди коей были во множествѣ полезн. цѣлитель. травы:

Дрокъ.

Горный щавель, Rumex Alpinus, на мокрыхъ мѣстахъ. Его корень, похожій на черенковый ревень, даютъ дѣтямъ и скоту отъ глистовъ. Употребляется для крашенья.

Боярская спѣсь ростетъ на мѣстахъ оброслыхъ кустами, у здѣшнихъ крестянъ называется кокушкино или дикое мыло, потому что дѣлаетъ воду мыльною и можетъ служить для мытья рукъ и бѣлья.

Вероники разныхъ родовъ.

Phlomis tuberosa, Шишковатое медвежье ухо.

Татарская дикая крапива, Leonutus (sic) tataricus.

Грудная трава, Scabiosa ochroleuca.

Сыворочная трава, Порѣзная трава, Нѣмецкой Девясилъ и множество всякихъ другихъ.

Вдоль Самары идущая степь полна холмовъ, обильныхъ травами, сѣнокосныхъ луговъ, привольна дикимъ козамъ, потому что вѣтеръ, сносл съ голыхъ холмовъ снѣгъ, доставляетъ имъ возможность легко находить кормъ; небѣдна также красивымъ осиннымъ, сосновымъ и березовымъ лѣсомъ. Самарскіе казаки ловятъ лисицъ.

Іюня 18. Рѣка Кипель и ея окружность. По высокимъ мѣстамъ съ перерывнымъ мѣлкимъ лѣсомъ и сѣнокосами, въ числѣ прочихъ луговъ травъ желтѣлъ звѣробой, ярко синѣли кавалерскія шпоры.

Золотой крестовникъ по рѣчкамъ и низкимъ мѣстамъ еще не цвѣлъ.

Дикая морковь, Sium Falcaria, въ великомъ множествѣ по дорогѣ.

Pulsatilla особаго рода.
Большой татарской кленъ во множествѣ по берегамъ Кинеля.
Гороховое дерево тамъ же составляетъ цѣлые кустарники.
Топольное дерево также.
Cochlearia armoracia на низкихъ мѣстахъ при Кинелѣ.
Песчанка уже отцвѣтшая.
Риндерова трава, мало извѣстная ботаникамъ, рѣдкая, примѣчен. въ Оренбургѣ Докторомъ Риндеромъ. Корневые листья кущемъ, овальноострые, большіе. Стебель прямъ и цвѣтки мѣлкіе бѣлые.

Ключи бьютъ на увалахъ и близъ дорогъ. На низкихъ мѣстахъ лужи и болота, около нихъ росло довольно Девясилу, Золотаго Крестовика и Echinops ritro. *Черкасская Слобода*, жители малорінскіе (sic) козаки, занимаются табакомъ и скотоводствомъ. Избы бѣлыя, чистыя. Съ половины Іюня до половины Іюля бабы и дѣти занимаются (до начала жатвы) собираніемъ червеца или около корня земляники, называемой по ихнему клубайкою, или при рѣдко растущей Potentilla reptans, по ихнему Мохна, а иногда и при звѣробоѣ. Червецомъ красятъ пояса и шерсть, которою вышиваютъ женщины себѣ рубахи.

Нѣсколько песчаныхъ холмовъ, обросшихъ Лазоревымъ Чертополохомъ, Сибирскимъ бѣлолистомъ, Centaurea Sibirica, Горляпкой, Gnaphalium stoechas, Кипарисным молочаемъ, Иссоповымъ Кориспермомъ, Звѣздчатымъ Ликопердономъ (бздюшкой). Отъ низкорастущаго Ceratocarpa земля казалась сѣраго цвѣта.

Буераки и глубокія долины обростали Соснами, Липами, Дубомъ, березами, осинами, тополью, татарскимъ кленомъ, крушиною, ракитникомъ, таволгой и Сибирскимъ гороховымъ деревомъ. Смѣшенный сосновый лѣсъ показывался беспрерывно, да и горные увалы къ правому берегу Самары поросли высокимъ смолистымъ лѣсомъ и чепыжникомъ.

Находившіеся при рѣкѣ Бузулукѣ бобры, выдры и кабаны перевелись, выловленные козаками и переставши плодиться по неимѣнію тѣнистыхъ мѣстъ по рѣкамъ, лишеннымъ лѣсовъ. На Бузу-

лукѣ только малые кусты чорной смородины да низкорослаго гороховаго дерева. Больше тросника и болотныхъ травъ. Дикой салатъ цвѣлъ по берегамъ во множествѣ. Сайгаки приходятъ стадами только во времена сильныхъ засухъ. Молодыхъ воспитываютъ молокомъ и пріучаютъ такъ, что они идутъ и плывутъ за человѣкомъ. Выросши ходятъ вокругъ жилищъ, идутъ въ поле ѣсть полынь, Божье дерево и другія горькія травы и къ вечеру возвращаются домой.

Солончатая степь съ свойственными ей травами, покрытая отродьемъ Катиполя, Каменнымъ Чаемъ (Statice tatarica) и полынью. Выгорѣвшія мѣста. Дороги обросшія птичьимъ попутникомъ (Polygonum aviculare), полынью и клоповникомъ (Lepidium ruderale).

Снова горы, поросшія лѣсомъ, при впаденьи рѣчки Токъ въ Самару, пристанище хищныхъ птицъ и въ томъ числѣ желтоголовыхъ черныхъ орловъ, которыхъ видѣли повсюду въ степи сидящихъ. Жители достаютъ орлепковъ изъ гнѣздъ на высокихъ деревахъ, воспитываютъ и продаютъ Киргизцамъ. Въ вечеру показались въ степи во множествѣ птицы, называемыя Тиркушками или Чернобровками, называемыя такъ по скрыпучему голосу, который издаютъ, подымаясь летѣть, и по чорной полосѣ, начинающейся отъ глаза. Составляютъ среднее между ласточкой и кулпкомъ, водятся въ травистыхъ мѣстахъ. Высидѣвъ молодыхъ, летаютъ стадами, но къ осени скрываются.

Рѣка Уранчикъ выходитъ изъ болотины, окруженной холмами, позади превысокой горы, изъ подошвы коей изъ красного мергеля бьетъ ключъ, сообщая студеную воду рѣчкѣ. Въ лощинѣ цвѣло множество всякихъ травъ:

Отцвѣлый Чертополохъ, Carduus deflоratus.

Рѣпникъ, Eupatorium.

Lychnis chalcedonica, Боярская спѣсь.

Campanula Latifolia, приморная широколистная трава.

Сибирская рута, Thalictrum Sibiricum.

Кошечья мята, Nepeta violacea.

Пупавка, Buphthalmum filicifolium, ростущая вездѣ по низкимъ мѣстамъ по Самарѣ. Цвѣтомъ и вкусомъ похожая на зеленой чай (худой), она употребляется вмѣсто него.

Чернобыльникъ, Artemisia Santonica, покрывалъ во многихъ мѣстахъ сухую гору.

Дикая греча, Achillea tomentosa.

Мышьи ушки, heracium murorum.

Лазоревый чертополохъ, Card. Cyan.

Душистая бѣлая буквица, Teucrium capitatum.

Кустарное Воробьево семя, Lithospermum fruticosum.

Прямой серебренникъ.

Cheiranthus montanus, Дикій левкой особаго рода, растущій сдѣсь въ тощемъ видѣ.

Изъ насѣкомыхъ летали по сухой степи голубые копьки и большія чорныя мухи. Въ оврагахъ земляные зайцы и тарбаганы. Отсель степь усѣяна могильными холмами (къ Полт. редут.), при коихъ на глинистой малооброслой землѣ росло много Бѣлозника (Axyris Ceratoides), ростущ. прямыми прутьями съ шишковатыми кореньями. Сурки и суслики во множествѣ.

Около 25 іюня беспрерывный дождь и страшная гроза съ проливнымъ ливнемъ продолжались нѣсколько дней. Дорога поперегъ степнаго горнаго хребта *Общій сыртъ*, подымающагося все выше къ Яику. Верхній слой его состоитъ изъ красноватой глины, ближе къ Яику онъ смѣшанъ съ дресвою и мѣлкимъ дикимъ камнемъ. Нутро же сего хребта, составляющаго отрогъ большихъ Уральскихъ горъ, изъ (содержитъ) песчаную плиту, сѣрую, красноватую и бѣлую. Ростутъ:

Дикой перецъ, Artemisia dracunculus, который здѣсь почти вовсе безъ запаха.

Перестрѣльный татарникъ, Echinops Ritro, но очень малый.

Бѣлозникъ довольно рослый, особенно при Яикѣ.

Просвики (sic), althae, лѣкарственная травка на низкихъ, изобильныхъ растѣньями, мѣстахъ.

Пѣсни Калмыковъ и башкирцевъ (большей частью любовныя)

состоятъ изъ прерывныхъ, жалостныхъ и разногласныхъ тоновъ, пѣвцу подыгрываютъ обыкновенно двое музыкантовъ на двухъ разныхъ инструментахъ. Одинъ въ родѣ флейты (духовой), дудка изъ высушеннаго ствола подсолнечника со струнами и дырками, попеременно закрываемыми пальцами. Нужно большое упражненіе, чтобы съумѣть заиграть на ней. Яицкіе козаки, у коихъ она также употребительна, называютъ ее чибызгою, калмыки цуръ, татары кура. Другой инструментъ инструментальный, называемый турецкой скрыпкой. Онъ ничто другое какъ выдолбленный деревянный цилиндръ, натянутый сухимъ пузыремъ такъ туго, какъ кожа на барабанѣ. На пузырь ставится подставка, на коей натянуты струны (черевьи). Смычокъ — тетива двойная изъ конскихъ волосъ, привязанная обѣими концами къ лучку, ходитъ между струнъ такъ, что всегда играютъ вдругъ двѣ согласныя струны.

Есть еще у нихъ Басъ о двухъ струнахъ, называемый хуръ, похожая на татарскіе гусли лежачая арфа, и большой желѣзный органъ, употребляемый тоже вмѣсто Баса.

Лощина при татищевой крѣпости, въ коей течетъ Яикъ, обросла Божьимъ деревомъ и дикимъ укропомъ.

Солодковое дерево съ шершавыми стручками покрывало все поле и мѣстами еще цвѣло.

Prenanthes hispida по берегу.

Чилимъ, водяные орѣхи, Trapa nat., ѣдомые сырами, росли во множествѣ по озеркамъ.

Всѣ травы посохли и саранчи развелось множество. Дорога беспрерывными холмами степнаго горнаго хребта, состоящаго изъ красноват. песчаной и глинистой опоки.

Оренбургъ. Торговля съ Азіатцами, приходящими караванами всякую весну, производится не жителями города, но пришельцами изъ отдаленныхъ Рускихъ городовъ, которые по промѣнѣ товаровъ разъѣзжатся (sic). Товары, привозимые азіатцами, суть золото, серебро въ персидскихъ монетахъ и индѣйскихъ рупіяхъ, иногда же въ пескѣ, лазоревый камень, сердоликъ и

другіе драгоцѣнные камни; простая и пряденная хлопчатая бумага, китайка, матеріи, готовые халаты, сѣрыя и чурныя (sic) курчавыя Бухарскія мерлушки, тигровыя кожи и прочее; верблюжья шерсть, сушоные абрикосы, персики, кишъ мышъ мелкій безъ зеренъ, орѣхи чинаръ съ буковаго дерева. Барановъ вымѣниваютъ о 40 до 60 тысячъ на 10 тысячъ лошадей. Прежде ихъ гнали въ Россію, теперь же бьютъ на сало въ Оренбургѣ и другихъ городахъ на Волгѣ, отправляя его на морскія пристани для развозу по чужимъ. Отъ этого баранина въ Оренбургѣ ни почемъ.

Товары, которые отдаютъ азіатцамъ: красный и малиновый бархатъ, пестреть, полотно, юфть, мѣдные и чугунные котлы и посуда, привозимые съ дальнихъ сибирскихъ заводовъ, жестяныя, желѣзныя вещицы, иглы, наперстки, стекла, пронизки, красильныя матеріи, всякая къ одѣянью ихъ и къ конскому убору потребная мѣлочь, сахаръ, купицы и бобровые мѣха. На гостин. дворъ, гдѣ промѣнъ товаровъ, приносятъ на продажу киргизцамъ, охотникамъ на волковъ, лисицъ и сайгаковъ, ученыхъ орловъ, Беркутовъ. За хорошаго орла, котораго способности и выучку Башкирецъ вдругъ узнаетъ по движеньямъ, дастъ онъ охотно лошадь, за худаго не дастъ и барана. Вообще сначала рускіе купцы выигривали болѣе въ торговлѣ съ азіатцами, обманывая ихъ и надувая, но тѣмъ самымъ сдѣлали ихъ хитрыми и осторожными.

3 Іюля поѣздка къ Илецкимъ соляпымъ заводамъ каменистой возвышающейся степью, усыпанной булыжникомъ. Въ сорока саженяхъ отъ Илецкой крѣпости, въ Юговосточную сторону, находится совсѣмъ голый, подобный сахарной головѣ, бѣлый гипсовый холмъ, котораго наполненная щелями опока отчасти алебастрована, но болѣе гнѣздовата, поздревата, селенитна и рыжа цвѣтомъ. Такъ какъ съ холма можно видѣть далеко, то на вершинѣ его поставленъ караулъ, отъ сего и холмъ называется караульной горой. Гора въ чести у Киргизцовъ, называющихъ ее святой и приходящихъ доселѣ молиться. Какъ сей голмъ

(имѣющій на самой вершинѣ хлябь пыпѣ загаченную), такъ и прочіе гипсовые холмы обростали Качимомъ, Бѣлозникомъ, грудной травой (Scabiosa ochroleuca), желтѣвшей дикой гречой, achillea tomentosa, и нискорослой бѣлой полынью, покрывавшей всю землю.

Между сей то Караульной Горой и крѣпостью, отъ озерка (у крѣпости) на 600 сажень длины и почти столько же ширины, ломаютъ каменную соль, лежащую отъ поверхности то на два три аршина, то на три четыре сажени, смотря по неровности холмистаго мѣстоположенія. Надъ солепымъ каменнымъ слоемъ находится только крупной жолтой пѣсокъ. Мѣстами онъ напитался росоломъ и когда сохнетъ, то каменѣетъ. Ломаютъ соль огромными плитами съ помощью сѣкиръ, ломовъ и клиньевъ. Каменная соль чиста, крѣпка и бѣла, въ отломѣ показываетъ четвереугольную свою фигуру, разбиваемая ломается на четвереугол. куски. Въ водѣ распускается не столь скоро и не такъ солка, какъ индерская и морская соль. Иногда попадаются вывалившіяся кубичныя глыбы, прозрачныя какъ хрусталь, изъ коихъ дѣлаютъ солонки. Во время изслѣдованія глубины горный буравъ нѣсколько разъ ломался. Въ одномъ мѣстѣ однакоже удалось просверлить на 20 аршинъ слишкомъ сквозь самую чистую соль. Далѣе встрѣтился чорный столь крѣпкой камень, что буравъ отказался. Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ стали копать яму, встрѣтилась на три сажени отъ поверхности столь крѣпкая глина, что никакія желѣзныя лопаты не брали.

Ручей Солянка раздѣляетъ на двѣ половины пространство, гдѣ ломается соль. Песокъ между ямами набросанъ холмами, обросшими дикимъ овсомъ, Elimus arenarius. Ямы же наполняемыя дождевою водою и вообще всѣ соленыя мокрыя мѣста обросли травистымъ вербейникомъ. Солепый попутникъ, Plantago salsa и другія травы свойственн. солепымъ мѣстамъ въ изобиліи. Если онѣ ростутъ на очень соленыхъ мѣстахъ, то цвѣтъ имѣютъ багряный и очень солоны на вкусъ.

Губерлинскія горы, дикія, наполненны расщелявшимися кам-

нями и вовсе голы. Опока ихъ состоитъ изъ крупнаго вишневаго, черноватаго и зеленоватаго орлеца или шифера, содержащаго въ себѣ то болѣе глины и талька, то болѣе извѣсти. Способны, какъ и горы при Сакмарѣ, къ произведенію рудъ. Между лежащими по обѣимъ сторонамъ Яика безлѣсными каменными горами вьютъ гнѣзда въ великомъ множествѣ желтые орлы, такъ называемые Беркуты. Водятся Луни, а зимой куропатки.

Горный хребетъ непрерывно вздымается выше въ двухъ высокихъ каменныхъ горахъ, между коихъ лежитъ дорога. Видны опять слои талковаго гладкого орлеца или шифера. Мѣстами просѣдаетъ азбестъ. Мхомъ обросшіе, лежащіе на верьху, камни вывѣтрились и даже превратились отъ солнца и воздуха въ весьма бѣлый, рухлый, подобный извести камень. По каменнымъ, сухимъ горнымъ уваламъ летала краснокрылая громко журчащая сарана (sic).

Преображенская гора, на коей стоитъ Орская крѣпость, состоитъ изъ яшмовой опоки, сверху подобной дикому камню, но по мѣрѣ углубленья дѣлающей чище цвѣтомъ. Свѣтлозеленный-вишневый цвѣтъ ея есть самой пріятной. Впрочемъ, чаще находится красной, бѣлой, сѣрой, желтоватой, зеленоватой и черной съ полосами и крапинами яшмовой камень. Отселѣ степью, вдоль оброслой кустарникомъ лощины, по которой течетъ тихая, тросникомъ обросшая Орь, впадающая въ Яикъ, достигаешь Аспидной горы. Изобилье и сдѣсь, какъ и повсюду, яшмы всѣхъ сортовъ. Лучшіе куски ея находились на Киргизскихъ могилахъ. Кажется, отъ дѣйствія солнца они получили несравненно пріятнѣйшій цвѣтъ того, какой имѣли лежа внутри камня.

Порядокъ при рыблой ловли у Яицкихъ козаковъ достоинъ замѣчанья. Первая ловля зимой; это главная ловля. Тутъ происходитъ багренье осетровъ и бѣлогъ. Получа ерлыки отъ Атамана, до разсвѣта собираются козаки въ запряженныхъ саняхъ за городомъ, становясь рядами по порядку, какъ кто пріѣхалъ. Тутъ ихъ осматриваетъ атаманъ и увѣщеваетъ соблюдать порядокъ. По первому пушечному выстрѣлу каждый скачетъ во всю

конскую прыть, въ назначенную для рыбной ловли сторону, чтобы запять выгоднѣйшее мѣсто, которое примѣтилъ напередъ. Но прежде надо сказать, что рѣка раздѣлена на двѣ части: одна, назначеная для багренья, начинается у города и оканчивается у Антоновскаго форпоста, другая для вешняго и осенняго лова сѣтями отъ Антоновск. форп. до самого моря. Никто не смѣетъ рубить пролубъ прежде, пока не станутъ всѣ по мѣстамъ и атаманъ не подастъ знака ружейнымъ выстрѣломъ. Въ первый разъ ловятъ не много и только затѣмъ, чтобы дать возможность скуднымъ козакамъ на вырученныя деньги закупить корму для лошадей и другія нужныя вещи. Спустя пять шесть дней начинается только настоящій большой ловъ, называемый коловертное багренье, въ 55 верстахъ отъ города при мѣстечкѣ Орѣшномъ. На девять дней лову дѣлаютъ девять рубежей для означенья, до котораго мѣста должна простираться каждый день рыбная ловля. При каждомъ рубежѣ въ тотъ день, когда будетъ происходить ловля, козаки снова собираются до разсвѣта и по выстрѣлу атамана пускаются въ перегонъ занимать мѣста. Каждый козакъ прорубаетъ себѣ пролобъ иногда очень близко другъ друга, такъ что попадаютъ багромъ одну и туже рыбу, въ такомъ случаѣ дѣлятся ею пополамъ также, какъ и тогда, когда въ случаѣ тяжести рыбы призывается на помощь товарищъ. Иногда козакъ имѣетъ счастье изловить десять большихъ рыбъ въ одинъ день, а иногда въ нѣсколько дней ни одной рыбы, въ цѣлый мѣсяцъ не добудетъ столько, чтобы заплатить подати и долги. Козакъ обыкновенно при отъѣздѣ обѣщаетъ церкви первую рыбу и больше, если будетъ въ ловлѣ счастье.

Второй большой ловъ есть севрюжій, весной, въ маѣ. Выбираютъ также атамана. Рѣка отъ Антонова Фор. до Гурьева раздѣляется также на девять рубежей протянутыми въ поперегъ веревками. Сидя порознь въ лодкахъ, называемыхъ будары, козаки сами гребутъ и управляютъ двойными сѣтьми, однимъ концомъ привязанными къ плывущему по водѣ чурбану, а нижними влекущимися ко дну отъ тягости привязанныхъ каменьевъ.

Самъ же держитъ за 2 веревки, привязавъ другой конецъ сѣти къ палкѣ. Забросивъ сѣть поперегъ рѣки, козакъ плыветъ въ лодкѣ безъ гребли, наблюдая, чтобы она шла наискось. Отъ великаго движенья бесчисленныхъ, одна за другой плывущихъ, сѣтей и лодокъ вода дѣлается столь мутна, что идущая вверхъ рыба не можетъ видѣть сѣти и потому еще удобнѣе въ нее попадаетъ. Отъ крику и стуку ловящихъ рыба уходитъ иногда въ низъ и въ слѣдующемъ рубежѣ собирается въ такомъ множествѣ, что передній козакъ, первый бросившій сѣти, не въ силахъ бываетъ ихъ вытащить. Вотъ отъ чего при первомъ выстрѣлѣ атамана, возвѣщающемъ начало ловли, всѣ наперывъ стараются другъ друга выпередить.

По окончаніи сей ловли принимаются козаки за другіе промыслы, ѣздятъ для торгу или для покупки хлѣба на Волгу и Самару и осенью убираютъ хлѣбъ съ полей, а иногда просто пьянствуютъ. Съ конца же сентября и начала октября осеняя рыбная ловля сазановъ, сомовъ и другой мѣлкой рыбы такимъ же порядкомъ, то есть, собираются каждое утро и по первому сигналу бросаются на выпередъ, чтобы закинуть въ наилучшемъ мѣстѣ большую рѣдкую сѣть, называемую ерига, а ввечеру оканчивается ловъ при назначенномъ рубежѣ.

Калмыки почти всѣ средняго роста, не толсты какъ Башкирцы и Киргизы, сановиты, уродовъ между ними нѣтъ, чему причиной порученное одной природѣ воспитаніе дѣтей. Доброта, откровенность, услужливость, веселость — ихъ добродѣтели, порокъ же только одинъ — неопрятность. У нихъ меньше чемъ у другихъ праздности. По своему доброму духу они могутъ назваться трудолюбивыми. Женщины даже обременены работами. Кочуя зимой при Каспійскомъ морѣ, гдѣ довольно находится камышу для дровъ и мѣстъ непокрытыхъ снѣгомъ для корма скота, они съ наступленьемъ весны подвигаются на сѣверъ, стараясь захватить напоенныя Волгою мѣста, особенно ища холмистыхъ, песчаныхъ, ключами изобильныхъ и гдѣ ростетъ осока и троспикъ. Ихъ переходъ живописенъ. Верблюды несутъ на себѣ все принадле-

жащее къ составленію кибитки, увѣшаны сверхъ того чемоданами съ платьемъ, мѣдными и кожаными чайниками, котлами и всякою посудой и украшены колокольчиками. Бѣлые одногорбые верблюды везутъ запряженные въ телегу всѣ священныя по ихъ закону вещи, духовныя книги и бурхановъ.

Августа 12. Неровное, буераками перерѣзанное пространство въ окружности рѣки Чагана, недалеко отъ Яицкого городка.

Степная Чилига, Божье дерево на низскихъ мѣстахъ во множествѣ.

Дикія розы особенно росли въ широкомъ обросломъ кустарникомъ оврагѣ, называемомъ Вязовой россышъ.

Малое гороховое дерево.

Таволга вышиной въ человѣка, изъ гибкихъ ея прутьевъ вьютъ кнутовища.

Земляной мохъ, мѣстами покрывающій сѣрою корою новатую поверхность степи, которая, отставъ отъ земли, полосами засохла. Козаки называютъ его земляным хлѣбомъ. Въ случаѣ большой нужды ѣдятъ, употребляютъ его и въ лѣкарство, но даставать изъ него краску не знаютъ.

Болотный пригрытъ начиналъ цвѣсть въ лощинѣ при рѣчкѣ Чаганѣ.

Солодковое дерево съ мошистыми стручьями тамъ, гдѣ земля солоновата.

Каменный чай, Statia tatarica, тамъ же.

Солодковое дерево съ гладкими стручьями, у котораго корень гораздо лучше и слаще.

съ колкими стручьями, у котораго корень толщиною въ руку, а дерево вышиною съ человѣка, въ обросломъ кустами оврагѣ.

Шишковатая чина, Lathyrus tuberosus, тамъ же.

Луговой вясель, Medicago sativa.

Подорожникъ съ бѣлыми цвѣтами и сѣменами, изъ конхъ можно варить кашу, на влажныхъ мѣстахъ.

Британской девясилъ.

Серпуха, Serratula arvensis.

Отселѣ начинается желтоватая сухая земля. (Кожахаровъ форпостъ). Травъ почти нѣтъ, кромѣ Карагазина (anabasis aphilla), сроднаго сей сухой степи. Онъ растетъ кустами, имѣетъ толстые жесткіе корепья и кажется издали Гребенщиковымъ деревомъ, Tamarix gallica. Онъ въ это время цвѣлъ. Коровы отъ него толстѣютъ, поѣдая его весной, когда еще молодъ и мягокъ. Верблюды его любятъ тоже. Вкусъ въ немъ соленый.

Гребенщикъ вышиной въ нѣсколько сажень, толщиной въ руку. Продолжается на большое разстояніе. Взваръ изъ цвѣтовъ и кореньевъ употребл. яицкіе козаки отъ побоевъ и тяжкой болѣзни. Изъ зеленыхъ же листьевъ и вѣточекъ дѣлаютъ мазь.

Cynanchum acutum, собачій ядъ, песья трава, по берегамъ.

Senecio linifolius, тамъ же.

Tribulus terrestris, тамъ же.

Riccia crystallina, Рикковъ мохъ, хрустальный, внизу подлѣ рѣки на пѣску.

Восточной клематъ отчасти распростирался по землѣ, отчасти вился по деревамъ, покрывая ихъ своими пушистыми семенными цвѣтами.

Солодковое дерево съ колючими стручками, росшее на покатыхъ мѣстахъ, здѣсь необыкновеннымъ образомъ распростирало свои отрасли по землѣ.

Глухія озера, изъ коихъ нѣтъ никакого теченья, здѣсь обыкновенно называются Ильменями, а непроточные рѣчные рукава Ериками. На озерѣ Мергенской Ильмень увидѣли стадо птицъ Бабъ (Pelicanus onocrotalus), хватавшихъ въ озерѣ рыбу. Обыкновенно онѣ собираются стадами на озерахъ и въ рѣчныхъ заливахъ. Составя шеренгу, всѣ вдругъ распростертыми крылами гонятъ рыбу въ одно мѣсто и хватаютъ ее своими носами. Вѣсомъ онѣ бываютъ 18 до 25 фунтовъ, длиной отъ носа до хвоста болѣ двухъ аршинъ. Въ ширину же, съ распростертыми крыльями, гораздо больше сажени.

На озерахъ въ изобилія Колпицы, Бабы, несказанное множество малыхъ птицъ, особливо рѣдкой родъ чорныхъ куликовъ, Tantalus niger, называемый при Яикѣ коровайками. Для сихъ водяныхъ птицъ водится сдѣсь много хищныхъ, особенно орловъ, вьющихъ гнѣзда на высокихъ деревахъ, изъ коихъ я видѣлъ три рода: скопу, большаго чорнаго орла и малаго орла съ бѣлыми крапинками на головѣ.

Всѣ тѣ растѣнія, которыя ростутъ прямо вверхъ, на мокрой соленой лощинѣ растилаются по землѣ, какъ солод. дерево, дикой овесъ, Elymus, и др.

Озеро Камышсамара съ берегами, обросшими камышемъ, притопъ дикихъ кабановъ. Сказываютъ, что по озеру плаваетъ до 10 острововъ, составленныхъ изъ всякихъ кореньевъ камыша и ивовыхъ кустовъ, на коихъ также водятся кабаны, лебеди и разныя птицы.

Киргизы чистоплотнѣй Калмыковъ. Ихъ кибитки просторнѣй и лучше. Приготовляютъ калмыцкіе мѣхи на тулупы, выдѣлываютъ кожи, валяютъ войлоки изъ овечьей шерсти, умѣютъ хорошо разцвѣчать крашеною шерстью. Покуда молоды, бываютъ хороши лицомъ. Когда же старѣютъ, толстѣютъ, становятся неповоротливы и нелѣпы.

Индерскія горы состоятъ отчасти изъ желтоватого, а отчасти изъ красноватого съ пѣскомъ смѣшаннаго ила, въ которомъ много дресвы, камней и мѣлкихъ селенитовъ. Попадаются по возвышеньямъ и просто песчаныя мѣста. Холмы, разсѣянные по верьху горнаго хребта, особливо на сѣверной части, покрыты то краснымъ, то бѣлымъ мергелемъ, изъ котораго и сами состоятъ. Въ горахъ внутри множество ямъ, проваловъ, необыкновенно студеныхъ пещеръ и хлябей, куда собирается стекающая отъ дождей вода. Стукъ во время ѣзды по горамъ показываетъ, что пещеры идутъ на далекое пространство. Во многихъ ямахъ скаты и дно обросли обросли малымъ гороховымъ деревомъ, душистыми дикими розами, терномъ и рябиною. Между ними находилась трава:

Сладка-горька, Dulcamara, очень лѣкарственная у яицкихъ козаковъ.

Бѣлолозникъ, Axiris Ceratoides, обыкновенно росшій по краямъ оныхъ ямъ.

Степная малина, Ephedra monostachia.

Горный душистый хейрантъ съ длинными, по землѣ простирающимися стволиками.

Большой родъ почныхъ фіалокъ.

Сверхъ того находится полынь, камфорная трава, качимъ и карагазинъ, Anabasis aphilla.

Черенковый ревень мѣстами.

Сѣрой степной мохъ во множествѣ между посохлою травою.

Индерское озеро, чудо природы, открываетъ съ вершины подобное большому полю покрытому снѣгомъ. Оно имѣетъ кругловатую форму, длиной около 50 верстъ. Вода въ озерѣ столь солена, что въ сухую погоду на низкомъ берегу садятся соленыя зерна, и когда сгонитъ воду вѣтромъ, ими бываетъ покрытъ типоватый берегъ. Дно озера вездѣ покрыто твердымъ, на четверть аршина толстымъ, соляным черепомъ такъ, какъ бы льдомъ. Соляной черепъ твердъ, бѣлъ, чистъ и въ отломѣ показываетъ непорядочную кристализацію. Изумительно, что по проломѣ сего соляного черепа находится подъ нимъ сѣрая соль изъ неправильныхъ, большею частью, зеренъ и простирается въ глубь такъ далеко, что въ нее какъ въ наносный пѣсокъ уходитъ легко козацкая пика длиной въ полторы сажени и все еще не достигаетъ дна. Эту то соль берутъ козаки, потому что ее легко собирать, къ томужъ она мѣлка и способна къ соленью. На самомъ озерѣ грузятъ ее въ телеги; а для очищенія отъ примѣшавшагося ила обливаютъ ее, не выѣзжая изъ озера, тузлукомъ, то есть, росоломъ, отъ чего сѣрой цвѣтъ пропадаетъ.

Берегъ на западной сторонѣ озера изъ разноцвѣтнаго мергеля, слоевъ глины и другихъ земель, необыкновенно перемѣшенныхъ. Глина то темная, то зеленая лежитъ на верьху, то наконецъ въ другихъ мѣстахъ обѣ перевились вмѣстѣ на подобіе цвѣтнаго

мрамора. Между ними находится также желтая, сѣрая и черная, съ древесною смѣшанная глина. Въ другихъ мѣстахъ видна только голубая и черная глина такъ липкая, что едва можно отколупить. Есть также горючая чорная земля, лежащая гнѣздами и слоями поверхъ красной глины. Во одной изъ пещеръ находится толстой слой желтаго мергеля, годнаго къ крашенію. Въ верхней части берега лежитъ чистой сухой алой мергель, котораго много берутъ Калмыки и Киргизцы для крашенія жердей своихъ кибитокъ и изъ котораго состоятъ многіе холмы горнаго хребта. Словомъ смѣшенье необыкновенно глизъ (sic) и земель, перемѣшанныхъ въ изумительномъ беспорядкѣ.

На высокомъ берегу и по краямъ пещеръ ростетъ множество рѣдкихъ растѣній, какъ то:

Синеватая лебеда, Atriplex glauca.

Арабской Вербейникъ, Salicornia Arabica.

Вербейникъ, Salicornia strobilacea, еще неописанный ботаниками, ростущій на низкомъ и мокромъ мѣстѣ.

Качимъ, ростущій кустарникомъ, Salsola arbuscula.

Кустарный каменный чай, Statice sufruticosa.

Простой травистый вербейникъ, Salicornia herbacea, росъ при ключахъ.

Ночная фіалка, Гесперисъ tatarica, на Индерскихъ горахъ.

Исходъ Августа. Около Гурьева и на всѣхъ сдѣшнихъ солоноватыхъ болотныхъ мѣстахъ водится много всякихъ гадовъ: тарантуловъ, ядовитыхъ скорпіонныхъ пауковъ, а пуще всего подобныхъ тарантуламъ, съ кротовымъ рыломъ, тоже ядовитыхъ. Комаровъ несмѣтное множество. Соленыя росы. Городокъ Гурьевъ выстроенъ на самомъ дурномъ мѣстѣ. Въ домахъ тараканы и стоногіе черви. По выходѣ изъ домовъ нападаютъ комари и оводы.

Всѣ берега, окружающіе морской заливъ, острова и рѣчные берега, суть ничто иное какъ плоскія отмѣли, обросшія высокимъ камышемъ и покрытыя большой частью водою. Каспійское море здѣсь цвѣтомъ сѣрозеленое, далѣе отъ береговъ превращается

въ темнозеленое. Сказываютъ, что иногда и лѣтомъ бываетъ видѣнъ фосфорный свѣтъ морскихъ волнъ. Морскія растѣнія, въ немъ водящіяся, суть Najas, наяда, Potamogeton и Conferva viridis (тины водятся мало). Вода въ Каспійскомъ морѣ у здѣшнихъ береговъ прибываетъ, такъ что исчезли даже нѣкоторые острова.

Островъ Каменный изъ кремнист. камней, песку, хряща и раковинъ. Дно Каспійск. моря состоитъ изъ простыхъ, треугольныхъ, зубчатыхъ и другихъ раковинъ, безъ животныхъ тварей. Посреди острова ростетъ нѣсколько камышу, лебеды, солепыхъ травъ, жидовскихъ вишень и много павилицы, Cuscuta. На берегу во множествѣ чайки и морскіе воропы, на мысахъ лежали тюлени, но они вдругъ ушли, увидя насъ.

Сентября 1. Необыкновенное множество птицъ, спускавшихся изъ верхнихъ странъ, дабы приближиться къ теплому климату. Четвертаго числа воздухъ былъ столь теплъ, что едва можно было дышать, не смотря на жестокую бурю съ громомъ и молніей. За теплыми бурями по обыкновенію настали холода, воздухъ охолодѣлъ. Большіе и малые тетерева сидѣли въ степи стадами и устремляли свой полетъ также въ теплыя страны.

На другой день по отъѣздѣ изъ Яицкого городка (22 Сентября) возстала жестокая съ юговосточной стороны буря и къ ночи показалась ужасная гроза съ такимъ сильнымъ дождемъ, какъ будто бы небо прорвалось и поле чрезъ нѣсколько минутъ покрылось водою до трехъ вершковъ въ вышину. Ночью оная жестокая буря обратилась къ сѣверозападу; послѣ чего послѣдовала вьюга и такой морозъ, что собравшаяся на полѣ вода замерзла и ледъ только чрезъ нѣсколько дней разстаялъ. Въ сію пору летѣли еще журавли и тетерва стадами внизъ Яика. Изъ малыхъ птицъ Песчанки, Emberiza passerina, и плиги, Oenanthe cinerea, смѣло бѣгали по дорогамъ.

Отроги Уральскихъ горъ. Дорога отъ Оренбурга въ Уфу чрезъ Башпрскія зимовья и ямы, куда стали они теперь собираться въ избы на зиму. Ихъ избы малыя съ широкими лавками

и чуваломъ (каминомъ по правую руку дверей) довольно теплы и недымны, но отъ большаго пламени Башкирцы страдаютъ глазами.

Изъ Палласа.

По дорогѣ отъ Петербурга до Москвы.

Змѣя (Calla), болотная трава. Изъ ея кореньевъ можно печь хлѣбы въ неурожайные годы.
Болотный травяной пухъ, Eriophorum.
Conium maculosum.
Манная трава, Festuca fluitans. Изъ нее варятъ кашу.
Болотникъ, Callitriche verna.
Одышная трава, Succisa.
Scleranthus annuus, Дивала, Пахотный чаберъ.
Anthoxanthum, Душица. Душникъ. Благовонная трава.
Папоротники, polipodium.
Вересъ, Erica.
Бесплодные болотные кусты, Andromeda.
Мохъ, polytrichum.
Плаунъ, licopodium clavatum.
Hieracium Cymosum, Соколья трава.
Водяной попушникъ, Alisma natans.
Грецкій балдырьянъ, Polemonium coeruleum.
Христофорова трава, Aconitum Lycoctonum.
Epilobium angustifolium.
Eriophorum vaginatum.

Отъ Валдая.

Дикая рожа, Ledum, опьянѣваетъ какъ хмѣль.
Oxycoccus, клюква.
Andromeda polifolia.
Scheuchzeria.
Солнечная роса, Drosera longifolia.

Кукушкины слезы, Ophrys monorchis.
Грушевка, pyrola.
Водяной мохъ шароподобный, Conferva aegagropila.
Золотушникъ, Solidago virgaurea.
Полевый чистякъ, Iacobea.
Orchis bifolia.
Uva ursi, волчьи ягоды.
Euphorbia peplus.
Бодяга, Spongia fluviatilis.

Отъ Владиміра.

Папушникъ, Alisma damasonium.
Мохъ подобный сливѣ, Ulva pruniformis. } водяныя растѣнія.
Сѣточная тина, Conserua reticulata.
Метла, Herriaria glabra.
Centaurea, чертополохъ.
По перелѣскамъ Дикая яблонь, береза, тополь, орѣшникъ, можжевельникъ, черемуха и рябина.
Татарская жимолость, lonicera.
Простая жимолость, Xylosteum.
Hippophae.
Дурнишникъ, Xanthium Strumarium.
Медвежій чеснокъ, Allium ursinum.
Melampyrum aristatum, родъ Ивана да Марья.
Рагульки, Trapa natans.
Стрекучій мохъ, Limosela.
Ракитникъ, Citisus hirsutus.
Мокрица ягодная, Cucubulus tatarica.
Lichen islandicus.
Epilobium angustifolium доставляетъ пухъ.
Медуника, Ulmaria.
Золотая розга, Jacobea, вмѣстѣ съ золотушникомъ все поле здѣлала желтымъ.
Кошечья мята, Nepeta.

Миндальный тальникъ, Salix amygdalina.
Abrotanum.
Разноцвѣтная рожа, Lavatera thuringica.
Сыворочная трава, Gallium boreale, краситъ въ красную краску.
Eringium Alpinum.
Смольникъ, Aristolochia clematites (цѣлительная).
Cichoria silvestris.
Очная помочь, Euphrasia odontites, зубчатая.
Девясилъ кровоносный, Inula disenterica.
Куколь, lichnis segetum.
Lolium temulans, головоломъ.

Отъ Мурома.

Iris sibirica.
Соколій перелетъ, Gentiana pneumonanthis.
Плакинъ (sic), litrum virgatum.
Савина стрѣла, Sanguisorba.
Euphorbia palustris, Молочайникъ. Слабительное.
Corisperum hyssopifolium.
Panicum sanguinale.
Чорный папоротникъ, Osmunda Struthiopteris.
Artemisia dracunculus.
» maritima.
» campestris.
Iasione.
Carduus cyanvides.
Fibago germanica.
Telephium.
Горлянка, Gnaphalium dioicum.
Собачки, bidens cornua.
Orcoselinum.
Cucubulus otites, мокрица.
Полевая гвоздика, Dianthus virgineus.
Dracocefalum Ruyschiana.

Сибирскій чертополохъ, Centaurea Sibirica. Сушеный листъ его, истертый въ порошокъ, затягиваетъ раны.

Выпадашная трава, Gryllus Italicus (sic), также заживляетъ, будучи высушена, истолчена и смѣшана съ конопл. масломъ.

Absinthium.

Anthemis cotula. Душистая ромашка.

Вятла, salix arenaria, дубятъ ея корою юфть.

Подлѣсникъ, asarum.

Actea spicata, Христоф. трава.

Змѣевникъ, Dracunculus major. Мужики ѣдятъ сырой отъ поноса.

Стародубка. Gentiana campestris. Арзамаскіе мужики выдаютъ за лѣкарство отъ укушенія собакъ бѣшеныхъ.

Пупавка, Anthemis tinctoria, во множествѣ.

Aster Amellus.

Brunella, гортанная трава.

Mucor decomanus, тина.

Asperula odorata.

Sonchus palustris.

Serratula arvensis.

Зеленица (мохъ красильный), Licopodium complanatum.

Заячій макъ, Adonis verna. Красильное въ зеленую.

Череда, bidens tripartita, краситъ въ жаркой цвѣтъ.

Марёна, въ малиновый.

Душица, Origanum, въ алый цвѣтъ.

Мятлика, Arundo Calamogrostis, въ зеленую изъ нецвѣлыхъ колосковъ.

Inula foetida, вонючій девясилъ.

Trientalis.

Вахта, водяной трилистникъ, Menyanthes, ею у Мордвы припариваютъ тѣ мѣста, которыя рдѣютъ.

Костяника, Rubus saxatalis.

Comarum palustre, пятилапая трава. Мордва употребляетъ ее въ баняхъ при тяжкихъ родахъ.

Лоскутный цвѣтъ, Centavrea jacea, припариваетъ Мордва у дѣтей больныя мѣста.

Stellaria Dichotoma.

Chrysocome biflora, двуцвѣтная степная полынь.

» villosa, шершавая степная полынь съ синими зубчатыми цвѣточками.

Отъ Симбирска по Волгѣ.

Весна съ Апрѣля 15.

Orintogalum minimum.

Серебряникъ, Potentilla.

Стародубка, Adonis verna.

Одномѣсячникъ, Anemone patens, бываютъ голубые, лазоревые, синіе, иногда совсѣмъ бѣлые, а рѣдко свѣтло-желтые, въ маѣ отцвѣтаетъ. Изъ синихъ цвѣтовъ, сваренныхъ съ серпухой и квасцами, зеленая краска, очень хорошая.

Fritillarus Pyrenaica.

Дикіе тюльпаны. Silvestris.

Бубенчикъ душистый, Iris pumila, бываютъ голубые, пурпуровые, жолтые и блѣдные.

Ualeriana bulbosa, луковичная.

Pedicularis comosa, мохнатый.

Astragalus Uralensis.

Tragecanthoides.

Cytisus hirsutus, ракитникъ.

Cerasus pumila, дикія вишни высокаго роста.

Неклепъ, Acer tataricum; гороховое дерево, Robinia frutescens; таволга, Spirea crenata — все кустарники.

Съ Мая 15 по....

Румяница, Onosma echioides.

Гвоздика полевая плодовитая, Dianthus prolifer.

Clematis recta, вся трава о четырехъ листахъ.

Молочай сѣмянный, Euphorbia segetalis.
Шалфей лѣсной колеблющійся, Salvia nemorosa et nutans.
Шишковое медвежье ухо, Phlomis tuberosa.
Herba venti, ветреница.
Dracocephalum thymiflorum et sibiricum.
Кошечья мята фіалковаго цвѣта, Nepeta violacea.
Hedysarum onobrychis.
Astragalus pilosus.
» grandiflorus.
» contortuplicans.
Centavrea Moschata.
» sibirica.
Чертополохъ лазоревый, Carduus cyanoides.
Inula hirta; odorata.
Марѣна дикая, Rubia peregrina.
Asperula tinctoria, сыворочная трава, корень окрашиваетъ въ красную краску, родъ марены.
Сибирское гороховое дерево весеннее. Oropus vernus.
Anemone ranunculoides, одномѣсячникъ полевой.
» nemorosa, лѣсной.
Полевая горчица, Erysimum Barbarea.
Bunias orientalis.
Primula veris, свербибусъ.
Чекушка, земленой заяцъ, какъ ввечеру, такъ и съ восходомъ солнца кричитъ громкимъ, подобно перепелиному, голосомъ и слышенъ за нѣсколько верстъ. Въ это время ищетъ пищи, особенно листьевъ ракитника. Весь день остается въ норѣ.
Segale reptans, стелющаяся рожь.
Lamium multifidum.
Овечье рунишко. Одномѣсячникъ, Anemone silvestris, несетъ мягкой бѣлой пухъ.
Красныя утки, турпанъ, касарка, въ Сызрани и на Волгѣ.
Androsace septentrionalis.

Arenaria campestris, песчанка полевая.
» saxatilis, каменная.
Въ полномъ цвѣтѣ вербы, осины, вишни, таволга, ракитникъ.
Медуница лѣкарственная, Pulmonaria officinalis.
Seseli pumilum.
Poligala amara.
Euphorbia pilosa, мохнатый молочай.
Iris biflora.
Копылъ трава, Stipa pennata.
Statice tatarica.
Перевощикъ, перегузня, сусликъ, степовой звѣрокъ, родъ Сурка.
Isatis lusitanica, Португальская вайда, красильная тоже.
Dictamus albus, душистый.
Lathyrus pisiformis.
Orobus angustifolius, гороховое дерево.
Centavrea moscata.
Cardunculus.
Thesium linophyllum.
Vincetoxium Asclepias, стручковат. зелье, чортова борода, ласточникъ.
Actaea spicata, Христоф. трава.
Соколья трава, hieratum praemorsum.
Scorzonera purpurea.
Скерда, Шнарда, Crepis sibirica.
Bunias orientalis, дикая редька; мужики ѣдятъ молодые стебли также, какъ дягиля и гладыша.
Веселые глазки, Viola mirabilis.
Кокушкины сапожки, Cypripedium.
Красная чемерица, Helleborine.
Asperula odorata.

Мѣловые холмы.

Параличная трава, Chamaepithys.
Ceratocarpus, низкорастущій, покрывалъ землю сѣрымъ цвѣтомъ.

Laserpitium trilobum.
Lilium martagon, турецкія пестрыя лиліи.
Trollius europaeus, пригритъ.
Chrysocome villosa, степная полынь.
Воробьево семя, Lithospermum officinale.
Мокрица ягодная, Cucubalus otites.
Торица, Alyssum Colycinum.
Orchis conopsea, кокушкины слезы.
Ластовичный корень, Asclepias nigra.
Покатунъ, катунъ, Покати поле, Перекати поле, Кати поле, Качимъ. Когда она свѣжа, ее называютъ шатромъ, но какъ скоро осенью подсохнетъ, то разпростертыми вѣтвями представляетъ шару подобный кустъ и, бывъ сломанъ вѣтромъ, катится по полямъ. Gypsophila paniculata.
Polygala sibirica.
Lithospermum frutescens, воробьево сѣмя.
Ruta muraria, стѣнная.
Galium glaucum, сыворочн. трава березоваго цвѣта.
Порѣзная трава, Athamanta cervaria.
Calceolus, кокушкины сапожки.
Cheiranthus erysimoides.
Polygonum frutescens, кустарный подорожникъ.

Отъ Самары къ Яику.

Rumex Alpinus, горный щавель.
Кокушкино, дикое мыло, тоже что Боярская спѣсь, Lychnis chalcedonica, дѣлаетъ воду мыльною.
Leonurus tataricus, татарская дикая трава.
Ивановъ цвѣтъ, Chrysantemum corymbiferum.
Степная полынь двуцвѣтная, Chrysocome biflora.
Senecio Doria.
Sium Talearia, дикая морковь.
Cochlearia armoracia.

Arenaria.
Разноцвѣтная рожа, Lavatera Thuringica.
Delfinium elatum.
Agrimonia, Червечникъ, козаки даютъ скоту для прогнанія глистовъ.
Мохна, potentila reptans, возлѣ же отыскиваютъ насѣкомое червеца, употр. въ краску.
Клубайка, земленица, возлѣ тоже.
Медвежье ухо, Phlomis.
Ceratocarpus.
Falcaria.
Euphorbia Cyparissias.
Astragalus onobrichides.
Licoperdon stellatum.

Мѣста соленыя.

Дикій укропъ, Peucedanum.
Клоповникъ, lepidium ruderale.
Каменный чай, Statice tatarica.
Centaurea glastifolia.
Катиполе, Kali.
Скорпіонова трава, Myosotis lapula.
Salsola prostrata.
» salsa, обѣ съ ползущими стеблями.
Atriplex portulacoides, лебеда.
Atriplex laciniata.
Plantago salsa.
Carduus defloratus, оцвѣлый чертополохъ.
Campanula latifolia, примочная трава.
Thalictrum sibiricum, Сибирская рута.
Lychnis chalcedonica.
Пупавка, Buphthalmum filicifolium.
Дикой кресъ, Lepidium latifolium.
Glaux maritima.

Синеватая лебеда, Chenopodium glaucum.
Общій сыртъ. Много могилъ, много насыпныхъ кургановъ и холмовъ; находятъ желѣзныя вещи, копійца, человѣческія кости и каменные истукапы на могилахъ.
Echinops Ritro, Перестрѣльный татарникъ.
Бѣлолозникъ, Axyris ceratoides.
Astrogalus alopecuroides.
» austriacus.
Ononis mitis.
Scabiosa ochroleuca, грудная трава.
Potentila bifida, разрѣзной серебряникъ.
Achillea tomentosa, дикая греча.
Бѣлая полынь, Artemisia alba, малая шершавая, покрываетъ всю землю.
Степной перецъ, Centaurea glastifolia.
Lepidium latifolium, клоповникъ широколистный.
Atriplex laciniata, курчавая лебеда.
Elimus arenarius, дикой овесъ.
Tulipa gesneri.
Lappa, репейникъ.
Matricaria camomila, ромашка.
Жабрей, Antirrhinum genistifolium.
Боръ, Panicum Crusgalli.
Salsola sedoides.
» prostrata.
Илецкая соль тверда въ такой степени, что походитъ на хрусталь, изъ нее можно дѣлать сосуды, особенно солонки, идетъ во глубину далеко въ землю. Подъ ней досверлились до чорнаго твердаго камня и глины, о которую ломались желѣзныя лопаты.
Торица, Alyssum montana, съ звѣздчатыми листочками.
Veronica incana, бѣлая мохнатая.
Gryllus coerulans, голубые коньки.
Melica altissima, турецкое пшено.

Bromus pinnatus, метлика.

Sedum globiferum, шаристый молодилъ.

Скрыпунъ, Cotyledon serrata, зубчатый.

Gryllus obscurus, большая саранча съ красными крыльями, летая громко журчитъ.

Centaurea paniculata.

Степной сѣрой мохъ остался, наконецъ, одинъ на полѣ, всѣ прочія травы высохли по причинѣ засухи.

Senecio seracenicus, Большой пригрытъ.

Polygonum frutescens, кустарный подорожникъ мѣстами превратился въ колючую кустарную гречу, Atrapaxis spinosa.

Stippa capillata, Ковыль, показавшись уже означалъ приближенье осени. Лѣсной шалфей, доселѣ сопровождавшій, прекратился. Жары стояли несносные.

Малина курчавая степная, Ephedra monostachia, служитъ къ удержанью наноснаго песку, ибо корни ея долголѣтніе, толстые, распростираются глубоко и широко въ пѣскѣ и даютъ изъ себя новые кусты.

Dodartia orientalis. Здѣсь показалась въ первый разъ. Чемъ далѣ внизъ Яика, тѣмъ ее было больше.

Holcus saccharatus, бухарское пшено.

Phlomis tuberosa, Медвежье ухо шишковатое. Его коренья калмыки сушатъ, толкутъ и варятъ изъ него молошную кашу.

Чина, земляной орѣхъ, Lathyrus tuberosus. Его коренья варятъ калмыки съ мясомъ.

Glycirrhiza aspera, солотковое дерево съ гладкими стрючками ростетъ въ степи на тощихъ мѣстахъ. Калмыки варятъ его вмѣсто чаю съ молокомъ и масломъ.

Umbellata, подсолнечникъ, его коренья также употребляютъ калмыки въ пищу.

Отъ Яицкаго городка степью.

Съ Августа.

(Примѣтно что) Отъ рѣки Чагана и отъ степнаго горнаго хребта въ Южную сторону земля и травы примѣтно переменяются. Голая степь ровнѣе, черноземъ исчезаетъ. Сухая степь татарская. Пѣски наносятся вѣтрами, а черноземъ отъ гніющихъ травъ ими разносится.

Messerschmidia.

Dispacus laciniatus, ворсильныя шишки.

Atriplex tatarica, татарская лебеда.

Glycirrhiza echinata, колкое солодковое дерево.

Atriplex salicinia.

Chenopodium rubrum.

Secale reptans, слонецъ стелющійся.

Astragalus contortuplicatus.

Glicyrrhiza laevis.

Вязель, medisago sativa.

Inula britanica.

идетъ желтоватая сухая земля.

Anabasis aphilla, Карагазинъ на ней растущій издали похожъ на tamarix gallica гребешк. корень. Отъ него толстѣетъ скотъ по причинѣ соленого его вкуса.

Inula foetida.

Гребеншикъ, tamarix gallica, дерево часто толщиной въ руку, вышиной нѣсколько сажень. Отсюда вездѣ въ изобиліи. Цвѣтетъ поздно въ Августѣ.

Cynancum acutum.

Linifolius.

Tribulus terrestris.

Riccia crystallina.

Lorantus Europeus.

Clematis orientalis, отчасти растилающій, отчасти вьющійся

по деревамъ, покрывая ихъ пушистыми сѣменными цвѣтами.

Ceratophillum.

Серпуха горькая, Serratula amara, полезенъ въ лихорадкѣ ея отваръ, а истертая въ порошекъ — въ ранахъ отъ укушенья бѣшеного звѣря.

Грудника, Степной подсолнечникъ, Sida abutilon.

Копишникъ, колкая трава, у Калмыковъ чагеракъ, Hedysarum Alhagi, кустами растущая трава, которую и ночью обходятъ далеко лошади, чтобы не поколоть ногъ, а верблюды любятъ, уже цвѣла и стояла со зрѣлыми стрючками.

Множество колпицъ, согнанныя съ рѣкъ, поднявшись высоко, летаютъ въ строяхъ длинными и поперечными рядами и не смѣшиваются въ рядахъ даже во время выстрѣла. Бѣлизна ихъ въ полетѣ почти ослѣпляетъ глаза.

Picris hieracioides.

Polygonum divaricatum.

Сыворочная трава, galium saxatile, каменная.

Atrafaxis.

Камфорная трава, Camphorosma monspeliaca.

Anabasis foliosa.

Euphorbia segetalis, коросльпъ. Наклевавшись семенъ сей травы, куры слѣпнутъ и болѣютъ.

Заманиха, Nitraria, распространяетъ отрасли по землѣ. Горныя сладкія ягоды.

Ядовитые тарантулы, безкрылые кузнечики, земляные зайцы, которые при закатѣ солнца не скачутъ, но летаютъ по степи, прыжокъ больше полутора сажени. Легкіе козацкіе лошади не могутъ нагнать его скачущаго. Несмотря на свою песчанность, степь покрыта травами по причинѣ наводненій и солоноватой земли. Иловатая степная земля не трескается отъ жаровъ, подобно чернозему, и кажется назначенна природой для жаркого климата. По лощинамъ кусты Гребенщика и вербейника.

Верблюжья трава, Kali.
Astragalus contortuplicatus, свиловатый мышій горохъ.
Вербейникъ, Salicornia herbacia.
Spinacia vera.
Dulcamara.
Степная малина, Ephedra monastachia.
Cheirantus montanus.
Hesperis tatarica. Листья кущемъ у корня дубовидные, стебелекъ длинной, почти нагой, съ колоскомъ на верху желтыхъ цвѣтовъ, сѣмена въ стрючьяхъ. Ночная фіалка.
Salicornia strobilacea.
Salsola arbuscula.
Statice suffruticosa.
Арбузные сады разведены татарами и калмыками, служащими въ козакахъ.

Бѣлая сова у Калмыковъ святая и вѣщая птица, въ красномъ же гусѣ, думаютъ, живетъ злой духъ и если его встрѣтятъ, отворачиваются. Красную утку тоже называютъ святою и попомъ всѣхъ птицъ. Журавля, какъ самую чистую птицу, не убиваютъ никогда.

Легушка хохотунья, огромной величины, водится во множествѣ при Каспійскомъ морѣ, Волгѣ и Яикѣ. На сушь никогда не выходитъ. Въ вечернее время издали голосъ ея походитъ на вечерній хохотъ.

Въ тиноватомъ днѣ Яика множество *раковъ* величины необыкновенной. Бывъ сварены не красны, но сѣрожелты. *Птицъ* повсюду несказанное множество по причинѣ тросниковъ, удобныхъ для гнѣздъ. На рѣкѣ Яикѣ и на морскихъ берегахъ слѣдующіе птицы: Бабы, морскіе всякіе вороны, баклапы, колпицы, темно-красные и бѣлые коршуны, кваквы, цапли, кривоносые большіе чорные кулики, кулики пѣсочные, кулики высоконогіе, хохотуны, морскія ласточки чегравыя и всякихъ родовъ. Изъ хищныхъ карагуши, желтые и черные луни и копчики. Водится также во множествѣ камышевые дрозды, снѣ-

гири, совы и всякія ночныя птицы, ночныя ластучки, летучіе мыши. Несказанное множество всякихъ ночныхъ насѣкомыхъ въ болотахъ, рождающихъ ихъ, привлекаютъ отовсюду. Въ камышахъ водятся дикіе кабаны. Козаки выходятъ на нихъ зимой съ саблями, ружьями и копьями. Охота не безъ опасности. Не мало ловятъ и выдръ. Зимою приходятъ изъ моря тюлени; бьетъ ихъ на льдахъ много. Каспійскіе тюлени осенью бываютъ такъ толсты, что походятъ на мѣшки, наполненные саломъ. Наступалъ сентябрь.

Salicornia herbacea, по причинѣ соленой земли, была краснова-
таго цвѣта.

Marsilea natans.

Pulularia.

Ruppia.

Najas.

Atriplex pedunculata.

Polycnemum oppositifolium.

Кустарный качимъ, Salsola frutescens, стволики его столь ломки,
что превеликой кустъ можно легко сломить ногой и бросить
на воздухъ.

Sonchus maritimus, съ синимъ цвѣтомъ.

Aster tripolium.

Всякая трава наполненна водяными блохами.

Cuscuta, павилица.

Aster acris, съ бѣлыми и синими цвѣтами.

Ночью по дорогѣ въ колесныхъ слѣдахъ попадались ѣжи. Большіе и малые тетерева сидѣли на стеня стадами, собираясь летѣть въ теплыя страны. Становилось холодно. Травъ, кромѣ полыни и ковыли, не было, мѣстами даже одинъ сѣрый мохъ.

Ежовникъ, кислая трава, Anabasis cretacea, видомъ походитъ на
ежа, свернувшагося въ комокъ; вкусомъ кисло-солена, со-
держитъ въ себѣ извѣстковую землю.

Копишникъ, Hedisarum cornutum.

Чеберъ, Thymus.

Травы начинали вянуть; колѣнца ихъ отпавши лежали на землѣ, какъ пшеничныя зерна. Осенніе непогоды наступали. Жаворонки, голуби и другія перелетныя птицы стремились къ полуденнымъ странамъ, предвѣщая рано грозившую наступить зиму. Изъ малыхъ птицъ еще попадались песчанки и плиги, смѣло бѣгающія по дорогамъ, столь же вкусныя какъ и зуйки. Въ концѣ сентября начиналъ перепадать снѣгъ.

Зимнее пребываніе въ Уфѣ. Городъ выстроенъ на правомъ берегу рѣки Бѣлой, на отлогомъ косогорѣ. Разбросанъ, раздѣленъ оврагами, буераки и глубокими рытвинамъ съ ручьями бѣгущими изъ горъ. Изъ нихъ главный *Сутолока* пересѣкаетъ впоперегъ городъ и впадаетъ въ рѣку Бѣлую. Все это вмѣстѣ съ церквами (ихъ шесть, Соборъ ниже ручья Сутолоки) и главнѣйшими зданіями, стоящими на высшемъ въ городѣ угоркѣ, даютъ городу видъ пріятнѣйшій и прекраснѣйшій, чемъ онъ есть. Пребываніе въ городѣ пустынно. Нравы жителей испорчены. Жители тѣмъ и кормятся, что, накупая въ Казани простые товары, перепродываютъ ихъ потомъ дорогою цѣною Башкирцамъ, пріѣзжающимъ по тяжебнымъ дѣламъ. Рѣка Бѣлая соединяется ниже Уфы съ немалой рѣкой Діомой, тоже судоходныхъ, и потомъ со многими другими уральскими рѣками, и таковымъ совокупленьемъ водъ можетъ доставить городу большія выгоды. При первомъ вскрытіи водъ пристаютъ къ Уфѣ суда, которыя, бывъ выстроены для свозу по рѣкамъ Бѣлой, Уфѣ, Симѣ, Юрюзенѣ и Аѣ (грузъ желѣзо съ заводовъ), отваливаютъ во время высокой воды. Отъ Уфы направляютъ бѣгъ въ Каму. Около города и на противулежащемъ берегу рѣки Бѣлой (низкомъ) мѣлкій чорный лѣсъ. Его выжигаютъ для пашней. Берегъ далѣе нависаетъ крутоярами надъ поемными мѣстами. Есть утесъ съ крутыми уступами. Онъ неудобовосходимъ. Вершина его плоска. Съ нее прекрасный видъ. На ней было укрѣпленье, что доказываетъ искуственная восходимость съ одной стороны. На ней кромѣ

Сибирского гороху, Robinia Frutex, не растетъ теперь никакого дерева.

Снѣгъ выпалъ въ Сентябрѣ. Въ Октябрѣ уже послѣдовала настоящая зима. Ужасные вѣтры и непогода съ ноября и во весь декабрь. Генварь былъ умѣренъ, въ февралѣ тихо. Мартъ окончился. Мартъ кончилъ зиму морозами и снѣгами, бывшими причиною великой водополи. Весна началась поздно, мѣсяцемъ позже прошлогодія. Ловили зайцовъ на островахъ, образовавшихся наводненіемъ. Ѣзда на лодкахъ. Прилетъ птицъ большими стадами начался съ исхода Марта и до начала Мая. Гуси, казарки, Бакланы и Пигмеусъ, Pygmeus. Чайки же еще съ февраля начали показываться на льду кучами. Лебеди, Бабы налетали тоже стадами.

Яблони въ садахъ возлѣ Уфы распустились 26 Апреля, зацвѣли въ первую недѣлю Мая. Ранѣе ихъ распустилась дикая черемуха и ребина. Гораздо позже и медленно распустились кленъ, орѣшникъ, калина, глокъ, племъ, липа и дубъ, составляющіе смѣшенный лѣсъ около Уфы, изъ коихъ дубъ и орѣшникъ не переходитъ уральскихъ горъ.

Прежде всѣхъ, въ концѣ Апрѣля процвѣтающихъ травъ, явились:

Птичій лукъ, Ornitogalum minutum.
Пастушьи сумки, Draba verna.
Сухая и узколистая порода горнаго Алиса.
Вѣтреница, Anemone nemorosa.
Земленой ладонъ, Медуница, Erdrauf.
Буквица бѣлая, Slüffelblumen.
Бѣлокопытникъ.
Мужская лапа по крутымъ известковымъ берегамъ.
Сибирская какалія.

Перваго мая громъ. 3-го вода стала сбывать. 8 и 9 при холод. NW выпалъ снѣгъ. До 16 перепадалъ градъ и снѣгъ.

Переѣздъ черезъ Уральскія.

Въ шести верстахъ отъ города пошелъ лѣсъ все чаще и чаще. Въ немъ начинали цвѣсти Вороній глазъ, Asarum, и Фіалки, Viola mirabilis.

Petasites, Tussilag frigida съ желтые цвѣты.

Trolius europeus. Отмѣнность его съ большими оранжевыми благовонными цвѣтами.

Вишенный кустарникъ во множествѣ.

Въ лѣсахъ пчельники въ изобиліи, ими занимаются татары и Башкирцы. Чуваши, татары и черемисы вмѣстѣ все извѣстны подъ именемъ тептерей.

Звѣри: куницы, норки, бѣлки; соболи рѣдки; волковъ и лисицъ по причинѣ гущины лѣсовъ совсѣмъ нѣтъ.

Звѣздочные цвѣты (Compositiflorae) и медовые, ringentes, вотъ все изъ чего здѣсь вмѣстѣ съ липой берутъ пчелы.

Прикрытъ или Царь или Волчья, а по башкирски медвежья трава, во множествѣ въ лѣсахъ среди Уральск. горъ.

Acon licoctonum.

Сибирская скерда, Crepis Sibirica. Молочноватый стебель Башкирцы охотно ѣдятъ весной.

Благовонная марёна, asperula odorata.

Лѣсной шалфей, Stachys silvatica.

Orobus vernus.

Чесночная трава, Alliaria.

Золотысячникъ, chrysosplenium.

Большой козелецъ, Болдырьянъ; его корень Башкирцы употр. въ лихорадкѣ и назыв. Туттонакъ.

Кокорышъ, Fumaria. Его корень ѣдятъ Башкирцы отъ жажды.

Едва послѣ почнаго холода пригрѣло солнце, какъ появилось вдругъ множество насѣкомыхъ. На болотныхъ тинахъ уже ворошились водяныя мошки. Онѣ летали мало и бѣгали какъ пауки. Множество выродковъ и лѣсныхъ коровокъ присутствовало тутъ для пожиранья сихъ маленькихъ тварей.

Желтоцвѣтущій бѣлокопытникъ.
Желтый горошекъ, Orobus luteus; его цвѣты пока молоды бѣлы, потомъ желты, а потомъ оранжевы.
Лѣсные тюлпаны.
Кислецъ. Башкирская капуста. Молодой стебель ѣдятъ Башкирцы жадно еще до цвѣта, по причинѣ пріятной кислоты.
Блѣднофіолетовый отродокъ лѣсныхъ тюлпановъ.

Гряды камней стоятъ по горамъ въ отвѣсъ прямо востока и запада, имѣя видъ развалинъ башней и крѣпостей. Известковый камень желтоватъ и пепеловиденъ, твердъ. Пещера.

Зубчатый каменоломъ.
Веспянка (Primula cortusoides) украшала красными цвѣтами верхи мшистыхъ камней.
Цвѣтущій кислецъ, Oxalis.
Горный княжикъ, Atragene alpina.
Сивая рѣжуха, Draba incana.
Каменистая пеплица, Cineraria Alpestris.
Centaurea Sibirica.
Аоаманта.
Сибирскій золототысячникъ, Thalictrum Sibiricum.

Мшистые растѣпья по Уральскимъ горамъ:

Каменной стоножецъ, Asplenium tricomanes.
Каменная рута, Ruta muraria.
Ключевой папоротникъ, Polipodium fontanum.
Ретикъ, Rhaeticum.
Журавлино перо, Dryopteris.

Слѣдованье по направл. рѣки Юрьюзеня горою Джигертау. Она покрыта березами и соснами. Во множествѣ дикой хмѣль, которымъ Башкирцы про... продажу. Взъѣхавъ на верхъ холма, открылись глазамъ на югѣ высокія горы Уральскаго хребта. Высочайшая изъ нихъ Джигальги. Видно еще весьма отдаленное верховье злой горы, по Башкирски Ямантау. Въ лѣсахъ множество чорныхъ дятловъ.

Кустоватый трилиственникъ.

Распушистая вѣтреница, Anemone patens, въ лѣсахъ цвѣла лиловымъ, бѣлымъ и желтымъ цвѣтомъ, на открытыхъ же мѣстахъ блѣдно-фіолетовымъ цвѣтомъ.

Дорога черезъ вырубленыя въ лѣсу просѣки. Катавъ Ивановской чугунный заводъ. На лѣв. берегу Катавы. Плотина, лѣсопильная мѣльница. Камень въ горахъ извѣстковый крѣпкій и крупной сѣрой слонецъ. На горахъ мшистыхъ камняхъ цвѣли:

Венедиктова трава. Saxifraga geum.

Двуцвѣтный приворотъ, Stellaria biflora.

Райская рѣжуха. Cardamine triphylla.

Пятилистникъ, Lupinaster.

Камень слонецъ становился (сдѣсь) мягче, сѣрозеленоватаго цвѣта.

Aster alpinus.

Centaurea Sibirica.

Onosma simplex, бѣлые колокольчики.

Ирга деревцо, Mespilus cotoneaster.

Опять слапецъ стоячими слоями. Каменья густо обростали пластовымъ многолиственнымъ мхомъ, Lichen pustulatus. Цвѣли:

Arenaria saxatilis.

Fipsophila muralis, стѣпное перекати поле.

Androsace septentrionalis, сѣверный щитокъ.

Сивая рѣжуха, Draba cana.

Обыкновенная вшивая трава, pedicularis tuberosa.

Lathyrus pisiformis.

Дорога въ горахъ. Рѣка Симъ ударяетъ съ ужаснымъ шумомъ въ утесъ, ввергается въ бездну и съ полверсты течетъ подъ землей. Пещеры.

Alissum montanum, Икотная трава.

Маленькой горошекъ съ желтыми цвѣтами.

Башкирская капуста, Poligonum.

Топкостебловатый мохъ, Lichen gracilis, покрывающій сдѣсь

камни, ростетъ выше фута. Съ нимъ вмѣстѣ растетъ тоже большой кустоватой мохъ, lichen pixidatus.
Aster Alpinus, горный звѣздецъ.
Каменожолтый ястребинецъ.
Богородская трава, Seppilium.

При Юрьюзенѣ между горъ тучные поля. Черноземъ. Живутъ Мещеряки, исправляющіе временами козацкую службу. Сѣютъ пѣньку, полбу и рожь, которые родятъ самдесятъ и даже самъ пятнадцать. Перелѣски зажигаютъ. Лисицъ, куницъ много. Тетервѣй также.
Благовонная ночная фіалка, Hesperis sibirica.

Есть огонь питающая гора. Изъ открытыхъ разсѣлинъ подымается беспрестанно топкій, противу солнца дрожащій, жаркій паръ, къ которому нельзя прикоснуться рукой. Въ темныя ночи онъ кажется пламенемъ или огненнымъ паромъ на нѣсколько аршинъ вышиною. На другой сторонѣ Юрьюзеня видѣнъ развалъ каменной горы, сквозь который изъ подземнаго истока бѣжитъ ручей Кургузакъ. Протекши сажень 60, извергается онъ крутой стремниной въ Юргузень. Но и на семъ краткомъ разстояніи есть четыре мельницы, принадлежащія Башкирцамъ. О мельницахъ и объ окол. много чудесныхъ расказовъ и вымысловъ.
Anemone narcissiflora.

Заводы все желѣзные. Камень въ горахъ твердый, бѣлокрасноватый песчанникъ. Дорога черезъ кряжъ, горный поясъ, назыв. Башкирцами собствено Уралъ-тау. Высокія горы, покрытыя лѣсомъ, такъ мокры, не смотря на свое каменное состоянье, что при дождѣ образовываются вдругъ топи на самомъ верху горы. Причина ходъ облачныхъ тумановъ и воздымающихся паровъ, которые къ возвышеннымъ лѣсистымъ горамъ имѣютъ теченье. Оттолѣ и рожденье множества озеръ при подошвахъ. Горы состоятъ изъ сѣраго, краснаватаго и бѣлаго фельдшпата, или же изъ кварцоватого дикого камня.

30 Мая переѣзжалъ главный хребетъ уральскихъ горъ. Въ право имѣлась высокая гора Юруктау. Дорога болотистыми го-

лыми погорками, перемѣжающимися сосновымъ и березовымъ лѣсами. Потомъ дурной каменистой путь между высокихъ горъ, дремучими лѣсами. Нечувствительный восходъ на вершина Уралтая. Кречеты и ловчіе соколы. При спусканьи съ горы цвѣла повсюду Draba Alpinus, Алпійская рѣжа.

По всей южной сторонѣ Исетской провинціи простираются тучныя и плодоносныя степи, необыкновенно богаты здоровыми, сытными кормовыми травами. Тутъ то самые лучшіе Башкирскіе лошади. (Есть) У рѣдкаго владѣльца табунъ меньше 500 лошадей, а есть и такіе, у которыхъ отъ 2 до 4 тысячъ. Лошади были бы еще сильнѣе, если бы не отнималъ у жеребятъ молока для кумыса. Держутъ Башкирцы и верблюдовъ, но въ маломъ числѣ. Береза больше подвержена громов. ударамъ, чемъ сосна.

Терновый скрыпунъ, земляная матка, Cotiledon spinosum, растетъ по солнеч. мѣстамъ горъ.

Мѣщанской разходникъ, Sedym (sic) hybridum, растетъ на такихъ же мѣстахъ.

Горы изъ порфирного камня. Ломка знаменитой мяхкой яшмы, рудокрасноватой и блѣдноземной. Толстые слои ея стоятъ прямо, надъ ней красная глина. Громъ, дожди, разлитье ручьевъ. Пошла дорога по уральской гривѣ березовыми, смоловымъ, липовымъ лѣсами. Отъ бывшихъ ливней почти все плавало въ грязи и въ водѣ. Подошва горы Юртишътау:

Жолтый горошекъ, Orobus luteus.

Кокушкины, Cypripedium, трехъ сортовъ: большіе багряноцвѣтные, жолтые душистые и двуцвѣтные.

Боярская спить, Bupleurum longifolium.

Круглоголовая вшивица, pedicularis bulbosa.

Чемъ больше подымались на гору, тѣмъ гуще окружалъ насъ тумапъ, казавшійся издали густыми дождевыми облаками, по всѣмъ окрестнымъ горамъ воздымающимися, и который насъ сильнѣе дождя обмочилъ. Вершина Иртышъ тау, покрытая въ верху желѣзистою красною глиною, состоитъ изъ бураго, весьма крѣпкаго, сланца.

Открытая степь съ каменистыми пригорками. Разсѣянныя березы. Здѣсь исчезнули горныя и лѣсныя травы:

Стародубка, adonis appenina, употреб. въ народѣ для уничтоженія въ брюхѣ человѣч. плода.

Anemone narcifflora.

Стрѣлолистная гнилопашка, Прикрыть, Cacalia hastata.

Orobus luteus, горошекъ жолтый.

Lathyrus pisiformis, сплюснутый полевой горохъ.

Bupleurum longifolium, боярская спить.

Желтый перстовникъ, digitalis lutea.

Вмѣсто того начались:

Onosma simplex. Бараній Пуповникъ.

Лѣсной шалфей, Salvia nemorosa.

Iris Sibirica. Пушполиственный. Его плоды варятъ въ Сибири для залечиванья ранъ. Погрѣшившія дѣвицы передъ свадебн. ночью употребл. его для скрытья своего стыда.

Scorconera purpurea.

Разные колокольчатые цвѣты.

Журавленики.

Различные чернобыльники.

Фарфоровая земля, извѣстная подъ именемъ Исетской глины, очень бѣла. Глинопромывальная фабрика. Далѣе земля черноземъ; подъ нимъ камень стоячими слоями. Повсюду холмики изъ чернаго черепичника. Плодоносныя полева. Хлѣбъ, котораго прошлый годъ не собрали по причинѣ засухи, теперь поднялся и былъ повсюду лучше засѣяннаго.

Valeriana phu, Полезный Болдырьянъ, иначе земляной ладанъ, по причинѣ душистого корня, который здѣсь даютъ дѣтямъ отъ разн. припадковъ.

Водяной шерстокожникъ, Subularia aquatica, цвѣлъ по болотнымъ мѣстамъ во множествѣ.

Множество дрохвъ паслось по полямъ и нивамъ. Красныя утки, по здѣшнему Варнавы, гнѣздились въ порахъ.

Челябинскъ. Главная крѣпость Исетской провинціи. Начало

Іюня. Степь со множествомъ тучныхъ травъ и множествомъ желтыхъ комаровъ, бесконвшихъ и людей и лошадей; воздухъ ими кишитъ у ручьевъ и озеръ, особенно въ жаркой день, при громовыхъ тучахъ на небѣ. Въ тростникахъ между множествомъ разныхъ утокъ есть чорные какъ уголь большіе турпаны и савки, маленькія сѣрыя утки съ голубыми носиками, искусныя въ ныряньи, прячутъ задъ весь въ воду.

Болотный пѣсочникъ, Cineraria palustris.

Песковатое урочище, прерываемое рощицами, вездѣ цвѣли:

Синій звѣробой, Dracocephalum Ruyschiana.

Запья трава, Phlomis tuberosa.

Salvia nemorosa.

Пуповникъ, Onosma simplex.

Порѣзна, Centaurea sibirica.

Achillea odorata.

Каменный логъ. Берегъ камепистый на нѣсколько верстъ. Камень въ немъ роговой черепичникъ. Въ немъ подальше, локтя въ два толщиной, стоячая жила, содержащая покрѣпкій камень бураго цвѣта, испещренный колчеданными блестками. Иногда являются въ роговой стланцовой породѣ маленькія кварцовыя прожилки, показывающія въ себѣ бурую золотистую обмстку или охру. Растѣнья по камнямъ. Прекрасный родъ журавлинаго гороху, Hedisarum saxatile. Стебелекъ безъ листьевъ. Цвѣты колоскомъ.

Silene Miscipula, клейкая мухоморка, у сосnов. лѣсовъ. Слюда съ проростью красныхъ гранатовъ. Посреди бѣлыхъ камней лежали кучами кварцовые каменья, прозрачные какъ самой лучшій хрусталь. Оврашки и суслики, въ поляхъ тучный черноземъ.

Bunias съ корнемъ подобн. редькѣ. Ѣдятъ и корень и стебли. Мѣста гористѣй, камепистѣй, лѣспстѣй и влажнѣй. Березнякъ, соспягъ, ельникъ, лиственничникъ, ясень. Цвѣли:

Bartsia, Сибирской цвѣтопологъ.

Нагорный трилистникъ, trifolium alpestre.

Пятилистникъ, lupinaster, оба съ бѣл. и крас. цвѣтами.
Кукушкины слезы пестрыя, Orchis fuscata.
Orchis bifolia.
» latifolia.
Бѣлой колосникъ, Satirum albidum.
Марьины башмачки большіе красные.
» » маленькіе бѣлопестрые.
Ligusticum peloponesiacum.
Heracleum двухъ родовъ.

Шумъ отъ молотовъ въ заводахъ. Чугуноплавныя домны, молотовыя. Каменистыя возвышенія изъ твердаго известняку, изъ опоки вприямъ стоящими слоями, покрыты лѣсами. Растутъ:
Veronica incana, безъ сѣраго шерстистого моху.
Багульникъ, ledum, по турфу.
Andromeda caliculata, злощастная трава чашечная.
» polyfolia, востролистная.
Пурпуровый царской скипетръ, Verbascum phoeniceum, съ бѣлокрасноватыми цвѣтами, подобными степному звѣробою, Blattaria.
Молочная трава морская, Glaux maritima.

Крѣпости, запустѣвшія укрѣпленья, непзвѣстно кѣмъ созданныя. Рудники. Желѣзнякъ въ пестрой глинѣ непорядочными прусами и великими гнѣздами. Сей смуглый крѣпкій железнякъ, состоящій изъ трестковъ и череповъ, иногда же перегорѣлымъ кажущійся, просѣдаетъ мягкими вохроватыми, но хорошими рудами. Медиплавильня съ двумя горнами.
Lilium martagon, Турецкая Сарана. Ея луковицы Башкирцы либо ѣдятъ сырыя, либо сушатъ на зиму. Она украшала цвѣтами плодоносныя поля, покрытыя березнякомъ, а также и пахатныя.

Дорога новой прорубью (просѣки въ лѣсахъ). Бѣловатый и темножелтый песчаный камень. Асбестовая гора и ломка асбесту. Бугры изъ черноземеноватыхъ глиммеровъ, проселистыхъ гранатоподобными зернышками, которые сидятъ между сѣрымъ

дикимъ камнемъ, расчепленнымъ на толстые черепки и испещреннымъ небольшими асбестовыми крошками и нитями. Перистый асбестъ лежитъ глыбами отъ 3 до 4 пудъ величиною. Цвѣтомъ бѣлъ изъ сѣра, тяжелъ.

Близъ Гумешевскаго рудника, среди богатыхъ рудою глинъ, просѣдаетъ отъ юга къ сѣверу каменной поясъ изъ прекраснаго бѣлаго какъ снѣгъ, полупрозрачнаго мрамора, способнаго къ полированію. Кровавикъ, сдѣсь составляющій большую часть желѣзной руды, видомъ или зеркальный, или вѣтками, или желваками, или щотками, въ промежкахъ наполненъ глиммеромъ, цвѣтомъ похожимъ на олово; чаще же просѣдаются промежки разсѣлины мѣдной зеленью. (О мѣди, мѣдныхъ рудникахъ, въ особомъ мѣстѣ).

Bupleurum longifolium.

Melampirum cristatum, отродокъ Ивана да Марьи съ красными цвѣтостебельцами.

Carduus heterophillus, Чертополохъ или Татаринъ особаго рода. Имъ красятъ въ жолтую краску, затѣмъ чтобы потомъ въ краску мареной, отъ того ярче цвѣтъ.

Onosma echioides, Бараній языкъ шереховато-лиственный.

Мраморная ломальня. Мраморъ лежитъ на ровномъ мѣстѣ огромными валунами. Деревня Горный щитъ. За 15 верстъ до. Горнощитскій мраморъ лучшій изъ Сибирскихъ, хоть и сѣрый цвѣтомъ. Онъ лежитъ большими толстыми кабанами безъ всякаго соотвѣтствія одного къ другому. Золотыя промывальни, каменная вододѣйствуемая точильня, водовымывальня. По лѣсу (изъ березъ и сосенъ) цвѣли:

Татарникъ разнолистный, Carduus heterofillus.

Масленный дикой шафранъ, Cnicus oleraceus.

Заячья кровля, Ruyschiana.

Блѣдный цвѣтопологъ, Bartsia.

Купальница, leucanthemum.

Турецкая сарана.

Аптекарская ромашка.

Горный любимецъ, ligusticum pelopenesicum.
Orchis latifolia.

30 Іюня. Нейвянской заводъ. Деревня выстроенна на двенадцать верстъ по обѣимъ сторонамъ пруда. Дворецъ Демидова. Церковь, колокольня 27 сажень вышиною съ колокольною музыкой. Лавки. Домовъ до 2000, жителей одного мужескаго пола болѣе 4000, большею частью раскольники. Для храненья чистоты улицъ каналы.

Одна изъ Доменныхъ имѣетъ двѣ раздувальныя снасти о четырехъ мѣхахъ и въ сутки до 700 пудъ чугуну выплавливаетъ. Кузницы дѣйствуемыя водою, молотовыя о двухъ трехъ и молотахъ и о двухъ и болѣе двойныхъ горнахъ. Плющильня. Плющильный молотъ съ горномъ. При плотильнѣ лѣсопильная мельница. Спуски почти не закрываются, вода съ ужаснымъ шумомъ и стремленьемъ льется. Пруды исполинскіе по 12 верстъ въ длину и больше 8 въ ширину. Всѣ желѣзныя выдѣлки совершаются тутъ же: котлы, горшки, сковороды, колокола, статуи, работы слѣсарныя и цѣликомъ экипажи, отправляемые въ Сибирь.
Калина.
Саргеа, шиколиственная лоза.
Горной копытникъ, Hedisarum alpinum, лучшая изъ кормовыхъ травъ.

Сибирскіе кедры даютъ орѣхи. Красиваго вида, долголѣтніе, но ростутъ необыкновенно тупо; дерево, будучи мягко, скорѣе гніетъ, чемъ сосна. Асбестовая гора вздымается въ лѣсу на подобіе длиннаго, со всѣхъ сторонъ круто увалистаго, узкого каменного хребта. Гора состоитъ изъ твердаго роговаго черепичника, котораго слои ломаютъ четвероугольными плитами. Между слоями сей твердый родъ камня проросъ изобильно горной кожей. Возлѣ сей то кожи отыскиваютъ обыкновенно полосу шелковаго асбеста, который въ ломкѣ желтозеленоватъ и блещетъ струясь нитьми.
Троицвѣтки, Polemonium, по сказанью сдѣшнихъ людей, служатъ отъ падучей болѣзни.

Запья трава, Phlomis tuberosa, отъ опухоли въ кишкахъ.
Прикрытъ, Царь трава, Aconitum lycoctonum, отъ шуму въ головѣ.
Коровій языкъ, Succisa, ростущій вышиной въ человѣка, отъ спячки и обмороковъ.
Cineraria sibirica, желтый звѣробой.
Crepis sibirica, скерда.
Pirola rotundifolia, грушевка.
Asperula cynanchica, есмянникъ.
Astragalus galegiformis.
Trientalis.
Лѣсной бальзаминъ, impatiens.

Ивнякъ, кедровникъ, пихтовникъ, сосняг, ельникъ, тополь-никъ и прочій кустарникъ. Гора *Благодать* усѣяна вся соснами, доставляетъ богатую желѣзную руду на три завода; водятся соболи, росомахи, волки, медведи и (примѣчательный) красивый звѣрокъ Бурундукъ, съ пріятной шерстью, о ловлѣ котораго никто не заботится; Бѣлые кроты какъ снѣгъ и необыкновенно велики, черные змѣи съ бѣлыми брюхами.
Sonchus alpinus.
Moeringia и Linnaea, на мокрѣйшихъ болотахъ обѣ.

Богульцы перенимаютъ все у Русскихъ. Заботятся о чистотѣ зубовъ.
Lichen fulvus, жаркой каменной мохъ, ростетъ на камняхъ въ изобилiи; употребляютъ въ краску.

Деревушка. Крестьяне заняты были покосами. Бабы и дѣвки имѣли за собой возлѣ задницы по дымящейся жаровнѣ отъ комаровъ и мошекъ, горшекъ наполненный гнилымъ деревомъ. Куриво березовой паросли лучше всего прочего и не такъ вредно глазамъ. Безъ курева никуда не ходятъ; даже скоту кладутъ по загородамъ курево. Складка сѣна тоже примѣчательна. Такъ какъ оно, по причинѣ дождей, никогда не можетъ высохнуть, то не собираютъ его въ копны, но въ стожерди.

Извѣстковый камень слоями лежитъ прямо отъ востока къ

западу. Рѣка Тура съ ужаснымъ шумомъ бѣжитъ по симъ каменистымъ мѣстамъ, называемымъ переборами. По надъ Лялою, какъ и надъ сѣверными рѣками, растутъ:

Великолиственъ. Тавальникъ, Spiraea, отродье Spiraeae chamaedrifolie.

Кустарники изъ вишняку, терну, малины, смородины, крыжовнику и горнаго осняжнику.

По болотисто-лѣсистымъ ѣловымъ мѣстамъ:

Моховы ягоды, клюква, Oxicoccus.

Linnaea.

Stellaria ceratoides.

Мерингія.

Дикій перецъ.

Разные тальники, бузина, бѣлой курослѣпникъ, Можжевельникъ и жимолостникъ.

Отселѣ все мѣдные рудники. Руды слѣдующихъ видовъ:

1) Превосходныя самородныя мѣдныя жилы, отчасти въ красномъ стеклорудѣ, отчасти въ кварцѣ различными видами изобразившіяся.

2) Богатая красномѣдистая извитѣ зеленымъ плорудомъ, какъ бы шелухою, обернутая.

3) Сильная мѣдозелень отчасти твердыми глыбами и желваками, а отчасти струпстая и вѣтвистая, или на охрѣ и другихъ рудахъ накипѣвшая.

4) Блѣдная и высокаго зеленаго цвѣта руда, ломкостью и хрупкостью подобная изгарищѣ, по нѣжному виду можетъ назваться мѣдостекломъ.

5) Черная смоляная руда такого жъ стекляного вида, но крѣпче и тяжелѣ.

6) Смѣшенныя голубыя лазоревыя руды.

7) Смуглой, темный и свѣтлокрасноватый мѣдный сошникъ, также желтая охра либо съ мѣдноцвѣтомъ, либо безъ онаго.

Дождь все обмывши заставилъ блистать обрывы и уло... всѣми цвѣтами.

Березнякъ на мѣсто выгорѣвшаго смоляного лѣса. Сосны.
Cineraria Sibirica, Сибир. пѣсочникъ.
Sonchus » . Сибир. чистотѣлъ.
Піоны съ разрѣзн. листами.
Горный талень, Phaca alpina.
Марьинъ корень, лѣкарственная.

12 Іюл. Съ высокихъ мѣстъ показались снѣжныя верховья сѣвернаго уральскаго пояса. Лиственичное дерево полезно на мосты, ибо въ водѣ не гніетъ.
Горный Ампрыкъ, Arbutus Alpina, вкусныя сладкія ягоды.
Княженица, Rubus arcticus.
Морошка, Chamaemorus.
Каменица, Saxatili.
Жимолость голубая, lonicera coerulea.
Дикія розы.
Волонистый чижовникъ, Cytisus pilosus.
Калина и ясень.

Магнитная гора. Сѣрый дикой горникъ въ видѣ торчащихъ камней.
Бердышная милоснь, Cacalia hassata.
Вшивая трава выворотная, Pedicularis resupinata.
Pedicularis tuberosa. Она же шишковатая.

Августъ. 1. Сибирская бѣлая буквица, Teucrium sibiricum.

Время все по прежнемъ дождливое, какъ и все лѣто. Рѣчка Таволга, названная отъ кустарника, изобильно по ней растущаго. Anthemis tinctoria, во множествѣ по пивамъ и сѣнокосамъ.

Въ песчаникѣ разсѣлины и при опыхъ кварцовыя прорости съ просядающими хрусталя. Трепелъ иногда въ водѣ слоями, изсверленъ на подобіе каменной опоки, цвѣтомъ дымчатъ и желтъ съ палевыми прожилками, какъ бы окаменѣлое сосновое дерево. Пшеница въ мѣстахъ надъ рѣк. Пышмою и Исетью родитъ самъ 15 и даже 20.
Венечная серпуха, Sarratula coronaria.
Cnicus spinosissimus.

Artemisia dracunculus.
» Tanacetifolia.
Простой подорожникъ съ красн. цвѣ.
Melampyrum cristatum, Иванъ да Марья.
Копытникъ горный, Hedisarum alpinum.
Козелецъ, Onobrychis.
Змѣевикъ, gentiana cruciata.
Pneumonantae.
Amarella.
Колокольчики различн. родовъ.
Желтокорень, Statice Tatarica.
Морская лебеда, chenopodium maritimum.
Eringium planum, синеголовникъ.
Татарникъ перестрѣльный, Echinops Ritro.
» зубчатый, odontites.
Лизунъ, Allium natans.
Tripolium, отмѣнный цвѣтъ.
Statice speciosa.
Achillea nobilis.
Ulva, водяный круглый зеленый Галертъ, называемый иначе сливянымъ мохомъ, Ulva pruniformis.
Atriplex portulacoides.
Sonchus maritimus.
Centaurea moscata, чертополохъ съ запах. бобр. струи.
Черноголова, Silaus.
Дикой кропъ, Peucedanum.
Ritro.
Благовонныя полыни различн. родовъ.

Переправившись черезъ рѣку Уй, подавались мы все далѣе въ степь. Картинно разсѣянныя березовыя рощицы. Благовонныхъ растоптаныхъ полыней и подорожниковъ, изобильно землю устилающихъ, наполнялъ воздухъ.

Scabiosa stellata.
Кавылъ, Stipa capilata.

Veronica incana, сѣрая буквица.
Серпочникъ, Falcaria.
Перечникъ широколист., lepidium latifolium.
Aconitum pyrenaicum, горный прикрытъ.
Scabiosa silvatica, лѣсная грудная трава.
Sanguisorba, савина стрѣла.
Тысящелистникъ съ алыми цвѣточками.
Bupleurum ranunculoides.

1 Сентябрь. Прилетъ птицъ съ сѣвера на здѣшнія степи, гдѣ есть и кормъ, и озера, и даже трава подси... кошечій хвостъ. Веспой они тоже дожидаются сдѣсь, поку певскроются сѣверныя рѣки. Сѣверный гусь, Ледовитая утка (Anas hiemalis), большіе пестрые гагары, бѣлые снѣжные гуси отлетаютъ. Остаются же на здѣшнихъ озерахъ Большіе дикіе гуси, хохотуны, утки, пестрые и бѣлые журавли, различныя цапли, кулики.

Растѣнія, изпещрявшіе яицкую степь веспою, собранныя студентомъ Соколовымъ.

Бѣлоцвѣтный попутникъ, Plantago albicans.
Каспійск. бѣлая лилея, Crinum caspicum.
Ornitogalum bulbiferum, Луково птичье гнѣздо.
Bulbocodium vernum, вешній нарцисъ.
Tulipa gesneriana.
Приморская сосенка, Asparagus maritimus.
Hyosciamus pusillus, крошечный сонникъ.
Onosma orientalis, румяница восточная.
Cachrys, новый размаринъ.
Сибирская мокрица. Cucubalus sibiricus.
Большая рѣжа, Androsace maxima.
Лютикъ серпоносный, Ranunculus falcatus.
Гвоздика пушистая, Dianthus carthusianorum, очень мала и неплодна.
Orobanche cernua major, Горохолдъ большой и согнувшійся.
Lamium multifidum, глухая крапива съ разр. листомъ.

Cheiranthus sinuatus, Левкой выемчатый.
» littoreus, » набережный.
» chius, хійской рукодвѣтъ.
Lepidium perfoliatum, Дикой крессъ.
» bonariense.
Biscutela didyma, двучашечные близнецы.
Astragalus vesicarius, Стручковая трава пузырпстая.
» caprinus, » » козья.
» depressus, » » наклоненная.
Змѣевникъ малородный, Scorzonera pusilla.
Устелнполе, Ceratocarpus.
Степная малина, Ephedra monostachya.
Serratula caspia, Каспійск. серпуха.
Salsola oppositiflora, Солянка съ противустоящ. цвѣтами.
» lanata, » шершавая.

Растѣнья, встрѣченныя лѣтомъ тѣмъ студентомъ.

Сухая высокая Донная трава, подобная Италіанской, ростетъ изобильно по пескамъ.
Anthirrhinum junceum, ситниковой жабрей.
Tragopogon villosum, шершавая козлова борода.
Coryspermum squarrosum.
Hypsophillum.
Иртышскій укропъ.
Торлокъ, названіе калмыцкое, Pterococcus aphyllus. Изъ шишковатого сего кустарника пія калмыки вырѣзываютъ маленькіе курительные трубки. Если разрѣзать корень, то изъ него истекаетъ свѣтлая камедь.
Чакапъ, его корнемъ питаются дикіе кабаны.

Камыши, дикій укропъ. Многочисленныя бабы, хохотупы, морскіе вороны, цапли, вьющіе безопасны въ нихъ гнѣзда. Дикіе свиньи. Малиновое озеро, краснаго цвѣта отъ солей. Соли и соляныя озера вокругъ Челябинска. Октябрь. Довольно сносная осень. Морозы. Наступила зима, впрочемъ, не жестокая.

Снѣгу было много, особенно наиболѣе выпало его отъ половины Генваря до половины Марта. Поѣздка въ Тобольскъ въ Декабрѣ съ возвратомъ къ (новому году) въ Челябинскъ, гдѣ было зимовье. Годъ 1770 кончился.

Замѣчанье о гречихѣ въ Исетской провинціи.

Около р. Исети, по мѣрѣ какъ приближаешся къ Тюмени, сѣютъ мужики множество гречихи и обыкновенной и сибирской, кой семена получаютъ изъ Красноярска чрезъ Тобольскъ. Земля сдѣсь черноземъ. Сѣютъ послѣ 9 маія, и то изрѣдка. Однакожъ за всѣмъ тѣмъ Нива угобжается симъ семенемъ лѣтъ на пять или на восемъ и приноситъ чрезъ сіе время по крайней мѣрѣ пятнадцатое или десятое зерно, не требуя сѣянья вновь сѣмянъ, и сіе бываетъ по причинѣ, что во время снятія пашни выпадаетъ зеренъ довольно. Оно подъ снѣгомъ лежитъ невредимо, а весною, вспахавъ ниву одинъ разъ, родитъ она новую жатву и продолжается, пока земля откажется отъ плодовитости. Молотятъ ее тутъ же на полѣ. Солому, не отвозя въ жилища, жгутъ на мѣстѣ. Сообразя и то, что Гречу косятъ, а не жнутъ, нѣтъ ничего выгоднѣе ее для сибирскаго народа лѣнивaго: по причинѣ такой безтрудности она очень дешева.

1771.

Челябинскъ. Исетская провинція плодороднѣйшая изъ всей Оренбур. губерніи. Травъ множество; удобна для разведенья садовъ. Огородные растѣнья велики необыкновенно, особливо бѣлая рѣпа. Конные заводы, овцы и рогатое скотводство выгодны въ сильной степени. Верблюды, удобно сдѣсь разводимые и питаемые, могли бы составить еще болѣе важный предм. торговли съ азіатскими народами. Рыбныхъ озеръ много. Притоновъ для дичи также. Климатъ очень здоровъ. Крестьяне жи-

вутъ по 100 лѣтъ. Лихорадки и цынга только тамъ, гдѣ гнилые озеры и болоты.

Въ исходѣ Марта вскрылись рѣки. Около 7 Апрѣля они стали уже вступать въ прежніе предѣлы. 10-го запвѣла Сибирская вѣтреница, Anem. patens, draba verna, и птички, водящіяся только въ одной Сибири, родъ жаворонковъ.

Сибирская вѣтреница повсюду кустами. Цвѣтетъ не синимъ цвѣтомъ, но блѣдножелтымъ бѣловатымъ и красноватымъ. Распускаются при восходѣ солнца, наклонившись къ востоку, и оборачиваются такимъ образомъ по теченью солнца. Дошедъ до заката, становится впрямъ, свертываются и остаются во всю осень опять до возхода. Въ холодную, пасмурную и дождливую погоду они совсѣмъ не развертываются.

Adonis apenina, стала цвѣсти. Adonis verna, отцвѣла.

Salicornia herbacea. Potamogeton marinum.

Поле желтѣло отъ Сибирск. вѣтреницы.

Chenopodium maritimum.

Соль, на подобіе рыхлаго снѣга или сахарной пыли, нерѣдко дюйма на два толщиною, устилаетъ землю и, расходясь по стеблямъ соленыхъ растѣній, облѣпливаетъ ихъ болѣе чемъ на палецъ толщиною. На которомъ мѣстѣ соль высохнетъ, тамъ она лежитъ, какъ самая чистѣйшая мука, и уносится вѣтрами. Нигдѣ не находится кристалами, но въ семъ простомъ бѣломъ, на подобіе каши, видѣ выходитъ она на поверхность земли и, если не успѣетъ высохнуть, растаеваетъ.

Въ рѣкѣ Тоболѣ рыбы достигаютъ большаго роста. Плотва бываетъ въ $^1/_2$ и $^3/_4$ аршина. Язи также. Чебаки, пискари и ѣршп и вкусны и велики. Водяной дичи бездна въ окрестностяхъ топкихъ и на самой рѣкѣ. Большіе бѣлые журавли.

Линіи крѣпостей отъ киргизскихъ набѣговъ. Все соленыя мѣста и озера.

Pedicularis incarnata.

Cytisus pilosus, мшистой ракитникъ.

Spiraea crenata, бѣлоцвѣт. таволжникъ.

allium anquilatum, дикой чеснокъ.
» nutans.
» obliquum.
Pulmonaria.

Высокое поле. Курганы. Малорослый березники. Вдали низменность, искривленное озеро. Кочки, повсюду поросшіе, отъ множества муравьевъ. Они малы, цвѣтомъ свѣтложелты, гнѣздятся даже въ деревян. строеніяхъ и даже въ крст. избахъ. Безвредны и переводятъ клоповъ. Красивыя синички съ оранжевой грудью, чорной спиной, головой и хвостомъ.
Androsace septentrionalis.
Glechoma hederacea.
Iris pumila.

Множество кургановъ и могилъ. Гдѣ кучами могилы, тамъ обыкновенно бываетъ высокая, растѣньями изобильная, сухая степь, отколѣ курганы видимы далеко. Вблизи ихъ пріятныя березовые рощицы и видъ на югъ или востокъ къ пріятной обширной низменности, на которой находится озеро или большія извилины текущей воды.
Багряная вшивая трава, pedicularis incarnata.
Holcus adoratus, бѣлая вѣтреница.
Cineraria Alpina.

Май.

Бѣлые журавли лебединой бѣлизны. Далеко видятъ, по причинѣ высокости своей (5 футовъ). Осторожны, осмотрительны. Какъ бы далеко ни завидѣли человѣка, подымаютъ лебединой крикъ и улетаютъ. Но гнѣзда свои защищаютъ отважно и отчаянно, кидаются съ яростью на собакъ и дѣтей. Кожа, носъ и ноги красные. Иначе назыв. бѣлые стерхи.

Летяги. Лѣсной звѣрокъ вьетъ гнѣзда въ дуплахъ деревъ, перескакиваетъ по 20 саженъ. Во время прыжка разширяетъ кожа ногами, растопыреплыми врозь, и такъ носится по воздуху съ помощью широкаго хвоста, дѣлая произвольныя направленія. Летѣть горизонтально не можетъ, но съ верху внизъ. Когда ла-

зитъ по березамъ, трудно ее, по причинѣ цвѣта кожи, отличить отъ коры на деревѣ.

Зной былъ силенъ. Теплый вѣтеръ, дуя съ юга, подымалъ множество соли, засоряя ею глаза. Около ночи по всему камышенному острову раздавался ужасный крикъ разныхъ водяныхъ птицъ. Лебеди, утки, цапли, пырки, горлицы и другіе, одна за другой, до самой полуночи кричали, и наконецъ горлица заключила весь крикъ. Уже во второй разъ предозвѣщаютъ морозъ.

Таволожникъ, Spirea Crenata.
Бараній языкъ, Onosma simplex.
Пурпур. солнцева сестра, Scorzoxera purpurea.
Цвѣтная горчица, Erysimum cheirantoides.
Thesium linophyllum.
Astragalus onobrychides, козья стручк. трава.
Pedicularis comosa, волосистая вшивица.
Aster Alpinus.
Crataegus oxyacantha, боярыня.
Калинникъ.

По дорогѣ въ полномъ цвѣту и въ великомъ множествѣ попадался серебренникъ развилистый, Potentilla bifida, а изъ птицъ особого рода жаворонокъ съ желтой головкой, не летаетъ такъ высоко. Песчаная по сю сторону Иртыша степь значительно обогатилась цвѣтами (22 мая).

Кановка малютка, Alissum minimum, отцвѣла.
Alissum montanum, пкотная трава.
Hesperis sibirica, благовон. ночная фіалка.
Myosotis scorpioides.
Lapula.
Запья трава, Phlomis tuberosa.
Полынь понтійская.
» бурая морская. Ее любятъ Сайгаки, сдѣсь водящіеся во множествѣ.

Берега рѣки Иртыша (дорога по надъ берегомъ) высоки, песчаны, мѣстами солоноваты, покрыты цвѣтами дикой вайды.

Стрыжи здѣсь въ необыкновенномъ множествѣ. Гнѣзда ихъ находятся въ столь невѣроятномъ множествѣ вмѣстѣ, что если, стоя на берегу, ступишь ногою покрѣпче, то они вылетаютъ цѣлыми стадами и, такъ сказать, какъ комары, на воздухѣ играютъ. Форпосты и станицы.

Степная малина, Ephedra monostachia.

Gypsofila paniculata, коленчатое перекатиполе.

Cotyledon spinosa, скрыпунъ. Его листья кисл. ѣдятъ.

Iris spiria, пискульникъ.

Льмянка, Thesium.

Brassica campestris.

Campanula sibirica.

Arabis thaliana, Турец. кресса.

Далѣе повсюду одна песчаная степь, составляющая крутые берега Иртыша. Попадаются однако же на другой и на этой сторонѣ рѣки низменности, обросшіе осокорью, осиною, тополью, ясенью и разнымъ кустарникомъ.

Potentilla subacaulis.

Atraphaxis, кустарная греча.

Axyris cerastoides, Бѣлолозникъ татарской кустоватый.

Hedysarum grandiflorum.

Iris salsa, блѣдножелтый сабельникъ.

По берегу кустарники: терновникъ, топольникъ, березникъ и кизильникъ.

Перечникъ, Змѣевникъ особливо душистой.

Солотковой корень съ шероховатыми стручьями.

Дикая спаржа во множествѣ, отличная, толщиной въ большой палецъ, посреди сѣнокосовъ.

Отсюда открытая степь; по ней ни одного кустика. Вѣтромъ нанесенные песчаные холмы. Изрѣдка показываются:

Колосникъ.

Двоякая полынь.

Кустарный подорожникъ, Atrafaxis.

Песчаный стрючковый горохъ, Astragalus arenarius.

Onosma echioides, бараній языкъ шероховатолиственый, гдѣ песокъ потверже.
Сибирскій ластовичный корень, Asclepias sibirica, родъ дикихъ Фіалокъ.
Нагорный левкой, Cheiranthus montanus, почти тоже.
Scarzonera, Змѣевникъ съ жилистыми листами. Ее киргизы употреб. въ пищу.
Glaux villosus. Млечникъ.
Tragopogon villosum, Мохнатая козлиная борода.

Въ лѣсистой низменности на Иртышѣ и на островахъ водятся маленькіе птички Ремезы, желтогрудыя овсянки, красивый красный дурачокъ, loxia Erythrima. Отсюда опять соленые степи, покрытыя Iris salsa.
Соляная полынь.
Frankenia hirsuta.
Statice suffruticosa.
» reticulata.
Кустоватыя солянки обоихъ родахъ.
Портулакъ.
Соляной гулявникъ. Sisimbrium salsugineum.

1 Іюня.

Станицы по прежнему по растоянiи 30 верстъ... Иртышъ составляетъ различные острова. Вся страна сыра. Воздухъ весь наполненъ комарами. Опять соленыя озера и солончаки. Соляные растѣнья въ большомъ изобилiи. Высокія мѣста покрыты, степи покрыты тѣмъ же поростомъ, lichen, какъ и уральскіе. Соляные земли покрыты сверху мѣлкимъ пѣскомъ. Если ихъ взроешь, ничего не найдешь кромѣ чорной тины. Вишневое соленое озеро. Иртышъ излучистъ, и отъ того дорога отъ него часто отдаляется. Курганы. Высохшія горько соленыя озера и болоты.
Camphorosma monspeliaca.
Atriplex portulacoides, Ирь портулаколистная растилается по землѣ.

Солодковое дерево повсюду съ корнями въ дюймѣ поперечника.

Берегъ Иртыша близъ Черноярской станицы черноземенъ. Овода показались въ величайшемъ множество, муча и людей и лошадей. Когда же сіе насѣкомое съ закатомъ солнца скрывается, то наполняется воздухъ комарами на подобіе ниспадающаго тумана. Комары и оводы здѣсь ядовиты. Зловредный гноющій пузырь надувается отъ ужаленія. Причина, полагаютъ, та, что садятся на всякую гнющую падаль. Полоса Бугровъ, подъ именемъ 9 бугровъ; на нихъ въ изобильи травы:

Лазоревый горохояръ, Orobanche coerulea.
Васильковидный татарникъ, Carduus cyanoides.
Serratula centauroides, Серпуха чертополошная.
Cucubalus otiles, куколь.
Cheiranthus montanus.
Asclepias sibirica.
Anemone pulsatilla.
Onobrychides physodes, Чилчашная трава.
Convolvulus fruticans.
Маленькіе дикіе розы.
Благовонный перешникъ.

Грунтъ песчаный и на буграхъ. Осока, придорожная малина и вилишняя солянка, сплетаясь корнями, не даютъ пѣску разсыпаться. По дорогѣ валяется безпрерывно мертвечина отъ палыхъ лошадей; воздухъ вонючъ и заразителенъ. По форпостамъ выстраиваютъ себѣ хорошіе дома комисары соленого вѣдомства, подрядчики, поставщики соли и управляющій форпостомъ подполковникъ. Опять соли и горько-соленыя озера. Тросники и слѣдующіе между многими другими травы:

Заманиха, nitraria.
Приморскій лапушникъ, Plantago maritima.
Chenopodium maritimum.
Salsola hyssopifolia.
» pilosa.
» oppositifolia.

Peucedanum silaus, черноголовый дикой укропъ.
Santolina Anthemoides.
Salicornia strobilea, вербейникъ кустоватый.
» foliata.
Atriplex halimata.

Корьяковское соленое озеро; бѣлый видъ. Озерная соль покрываетъ все дно озера черепомъ въ ладонь толщиной и состоитъ изъ хрусталиковъ кухонной соли. Находящійся на днѣ черепъ колютъ ломами и вывозятъ соль изъ озера лошадями на телегахъ. Черепъ весной отъ сырого времени распускается и отъ таянья снѣговъ. Опять издали краснѣющія кровавыя озера. Берега, обросшіе жидовникомъ, Poligonum ocreatum.

Растѣнья, удерживающіе песокъ.
Axiris ceratoides.
Centaurea sibirica.
Астрагалъ особаго рода, котораго коренья ползаютъ бесчисл. переплетенными нитями и составляютъ бугры во множествѣ.

Низменная, совершенно солепая, иловатая равнина. На ней соленые травы:
Robinia Halodendron, гороховое дерево.
Anabasis Aphylla.
Salsola pilosa.
» oppositifolia.
» clavifolia.
Lepidium latifolium.
Dodartia.
Peucedanum silaus.
Glicirrhiza Hirsuta.
Множество тюльпановъ дикихъ, уже отцвѣтшихъ.

Водятся земленые зайцы, ростомъ меньше чокушки. На Иртышѣ козаки ихъ называютъ Табаргапчиками. Встрѣтили множество малой саранчи, которая по всей степи кучами ползала; полосы въ 50 и 60 сажепъ совершенно до черна были ею по-

крыты. Она всю обложила степь, все сожрала и самый молочай, оставила только старые полынные стебли да жаркоострую вѣтреницу. Сдѣсь она, сказываютъ, размножается всякій годъ въ такомъ количествѣ.

Atriplex Halimus.

» Portulacoides.

» maritima.

Устелиполе, Ceratocarpus arenarius.

Salsola oppositifolia, здѣсь необыкновенно велика и нелюбима саранчою. Гдѣ оно, тамъ саранчи нѣтъ.

Фіалка, Cheiranthus sinuatus, во множествѣ на холмахъ, листья съ выемками, съ поспѣвшими стручьями, составляютъ совсѣмъ круглый кустъ, который, сламываясь вѣтромъ, мчится по полямъ.

Phlomis tuberosa, Калмыцкіе орѣхи.

Cochlearia draba.

Берега Иртыша становятся гористѣе. Великое множество каменныхъ скворцовъ розоваго цвѣта летаютъ стадами, гоняются за саранчей или садятся между пасущимися стадами. Водятся по каменнымъ ущельямъ и пещерамъ береговъ. Естествоиспытатели называютъ ихъ Turdus roseus, Merula rosea. Ради Саранчи водится ужасное множество Грачей, гуляющихъ по степямъ стадами. При всемъ томъ не могутъ истребить, въ половинѣ Іюня едва одинъ зеленый стебель остается во всемъ полѣ. Отъ Грачей получилъ имя Грачевскій Форпостъ. Теплая долина къ югу, окруженная съ сѣвера горами, съ благорастворе воздухомъ весны.

Salsola soda.

Chondrilla juncea, Волчій молочайникъ сытовниковидный.

Киргизская лютня о двухъ струнахъ изъ лошадиныхъ волосъ на звонкой доскѣ. Когда поведешь по нимъ смычкомъ изъ лошадиныхъ же волосъ, изходитъ звукъ, подобный лебединому крику, такъ какъ и инструментъ имѣетъ видъ лебедя.

Ѣдучи по каменистымъ горамъ (день 15 іюня былъ жарокъ) сухимъ, умножающимъ солнечные лучи, ничего другого не видалъ, кромѣ кустовъ дикихъ розъ, таволги и кустарныхъ колокольчиковъ. Долина; на ней:
Spinacia fera, дикой шпинатъ.
Atriplex laciniata.
Lepidium perfoliatum, перечникъ.
» Ceratocarpon.

Вохряной яръ. Большая гора, изобилующая разноцвѣтными глинами и преимущественно желтой землей. Краски неуступающія въ нѣжности Англійскимъ.

Крѣпость Семипалатная. Пещаные холмы, въ сосновой рощѣ ничего кромѣ пѣсчанаго тросника, иссополистнаго корисперма, хондриллы, дикого морковника и немногихъ вышеупомян. пѣщаныхъ растеній. При источникахъ же ключей ростутъ кусты разного жимолостника, по коимъ обвивается восточный клематисъ и во множествѣ дикой конопель.

Шулбинской Боръ. Берега Иртыша становятся весьма высоки и каменисты. Нижній камепистый слой (черноват. славецъ) покрытъ пѣскомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ весьма крупнымъ. *Степная малина*, поросшая по немъ, убирала красиво весь берегъ своими розовыми ягодами. Нигдѣ се не было столько. По всему краю Шулбинскаго бора бьютъ изъ берега ключи и текутъ въ Иртышъ. При источникахъ ростетъ между кустарниками множество водяной мяты, дикаго конопля, хмѣля и восточной клематисы, оплетающейся по деревьямъ. Тополевые благовонные дерева по низменности и по островамъ. Оно красиво; его называютъ рай дерево. Жимолость ростетъ сдѣсь большими деревьями. Изъ кустарниковъ: Пищальникъ. Изъ травъ ростетъ дико простой Иссопъ, здѣсь называемый синимъ звѣробоемъ. Хребетъ вавилонскіе горы съ разрытыми могилами изъ набросанныхъ камней. Около нихъ кустами росъ железнякъ.
Слѣпощуръ травистый.

Echinos histro.
Малыя заячьи ушки.
Robinia caragana, гороховое дерево.
» frutescens.
Spirea chamadrifolia, дуболистная таволга.
Прочіе кустарники душистая осокорь, крушина, чорная, красная смородина, Гороховникъ, железнякъ, различные роды дикихъ розъ и земленика.
На болотахъ ростетъ въ изобилін роза Pimpinellifolia.
Благовонная бѣлая ясенница у подошвъ горъ.
Rosa Alpina.
Valeriana sibirica.
Veronica pinnata.
Лукъ лѣсной, Бутунъ, какъ его называютъ туземцы.

Острая могнатая сопка состоитъ изъ лежащихъ другъ на другѣ гранитныхъ кабановъ, но покрыта кустарниками вся козацкимъ мозжевельниковъ. Удивительно извилистые стебли сего растѣнія роспространяются по утесамъ и, такъ сказать, прилипаютъ къ камнямъ. Запахомъ, цвѣтомъ схоже съ Кедромъ Ливанскимъ, съ той разницей только, что извилисто, сучковато и немного больше руки толщиной. Крѣпко необыкновенно. Годно къ токарной работѣ. Ему имя.
Iuniperus Lycia.
Красноватый терновникъ, весьма сладокъ, сходствуетъ съ такъ называемымъ плотнякомъ, Uva crispa.
Silene suffriticosa, кустарный куколь.
Куколь твердостебельный.
Кутызлыкъ, Poligonum.
Дикій чеснокъ, Alium nutans.
Прямолиственный, » lineare.
Углолистный, » angulosum.
Cotiledon spinosa.
Sedum libridum, молодильный выродокъ.

Sibbaldia erecta.
Crepis tectorum.
Болотнянка, Ziziphora capitata.
Коперъ слѣпокурникъ, bupleurum ranunculoides.
Бабарская пещаница.
Обратная льнянка, Antirrhinum supinum.
Antirrhinum genistifolium, льнянка дуболистная.
Veronica pinnata.
» montana.
» canescens.
Dianthus inodorus.
Potentilla bifida.
Auricula leporis minima, заячьи ушки малые.
Льнянка широколистная, Clematis.
Одноцвѣтные колокольчики, Campanula lilifolia.
Lavatera Thuringica.
Вшивая трава, Pedicularis.
Коперъ, Peucedanum.
Осотъ, Hieracium sabaudum.
Золотовласникъ двуцвѣтный, Chrysocome biflora.
Crepis Сибирика, Сибирскій Осотъ.
Crepis dioscoridis.
Artemisia Alpina.
» tanacetifolia.
» annua.

Іюль 21. Змѣева гора. Камень стланецъ. Руды розсыпью и гнѣздами между роговымъ камнемъ, сѣрымъ сланцемъ, серебристы съ лазурью, разноцвѣтны, вмѣщаютъ серебрист. рудожелтый свинецъ, бѣлый свинц. шпатъ, небольшіе друзы прекрасной хрисгалической лазури, иногда золотые крупинки. Шахта пробита въ глубину на 19 сажень. Гористой лѣсъ съ густымъ подлѣскомъ, откуда Змѣигородская крѣпость запасается дровами. Красная смородина имѣетъ здѣсь ягоды величиной почти съ виноградъ. Растѣнія:

Cnicus olecaceus, рѣпишникъ ѣдомый.
» cernuus, наклонный.
Болотникъ съ копьевид. листами, Cacalia hastata.
Senecio saracenicus, Осотъ сарацинской.
Crepis sibirica, скерда.
Serratula coronaria.
» Alpina.
» Multiflоria.
» arvensis.
Heracleum sphondylium.
» sibiricum.
Дудочникъ пелопонескій, ligusticum peloponesiacum.
Angelica silvestris.
Delphinium elatum.
Царь трава, aconitum licoctonum.
Прикрытъ, napellus.
Прострѣлъ (pyrenaicum).
Большой прикрытъ, Antora.
Желтяница, Thalctrum flavum.
Желтыя лилеи, lavatera Thuringica.
всякіе колокольчики.
Trollius asiaticus.

Черноватый колчеданъ въ большихъ друзахъ добывается въ шахтахъ, и въ немъ руда. На противулежащихъ горахъ, называемыхъ ревенными, ростетъ ревень. Rheum undulatum, рапонтикъ. Толстая колчеданная жила лежитъ на полночь; въ сѣромъ стланцѣ, изъ котораго состоитъ вся гора и который принимаетъ на воздухѣ прекрасный алый цвѣтъ, оказывается блѣдный колчеданъ, въ одномъ пудѣ котораго находится пять фунтовъ мѣди и ползолотника серебра. Много оставленныхъ рудниковъ. Страна становится прекрасно. Растѣнья этой отрасли Алтайского хребта богаты. Красу полей составляли цвѣты Проскурняка со смоквовидными листами, Althea ficifolia и Lavatera Thuringica. Около ночи былъ слышанъ крикъ земляныхъ зайцовъ, и покуда совер-

шепно не смерклось, раздавалось явственно хриплый продолжительный голось сѣрыхъ змѣй, обитавшихъ тамъ во множествѣ.

Семеновскій рудникъ со Зміевой горой наивыгоднѣйшій. Гора состоитъ изъ сланца, къ Роговому камню принадлежащему. Руды лежатъ въ ужасныхъ гнѣздахъ. Пещаная руда, почти флецообразная, совершенно наружѣ, подъ которою сѣрый сланецъ, а за тѣмъ слѣдуетъ охровая руда, которой сила и разширѣніе еще неизвѣстно. Возлѣ сего лежитъ колчеданъ также гнѣздомъ, который едва стрельбою достать можно, и лежащею жилою имѣетъ сланцовый вапъ. Онъ бураго и блѣднаго цвѣта, въ работѣ даетъ отъ половины до полутора золотника серебра и отъ 4 до 5 фунтовъ свинцу съ пуда.

Пещаная просѣдшая и кварцомъ проникнутая руда даетъ отъ 8 до 10 фунтовъ свинцу и въ немъ отъ 1 до 2-хъ золотн. серебра. Обыкновенная бурая *охровая* руда отъ 8 до 10 ф. свинца и до 3-хъ золот. серебра. Попадаются какъ въ пѣскѣ, такъ и въ охрѣ прекрасныя друзы лоску, кои до 20 фунтовъ свинцу и нѣсколько золот. серебра приносятъ, но они рѣдки. *Тамже* жила изъ смѣшаной мѣдной руды, свѣтлаго рудожелтаго свинца и охры. Между добываемыми оттуда рудами находятъ колчеданные черноватые друзы, внутри коихъ показывается часто чистая мѣдь. А на наружной зеленой скорлупѣ нѣжналетѣлые листочки чистого серебра. Рогослонцовые руды въ тѣхъ же рудникахъ наруж. часто бываютъ засыпаны прекрас. кубиками Маргазита. Изрѣдка попадается въ колчеданныхъ рудахъ и чистое серебро. Наибольшая часть чистаго серебра показывалась въ разсѣлинѣ, которая идетъ черезъ охровую руду. Она состоитъ изъ крѣпкаго желѣзистаго, весьма разсѣлистого охрового камня, цвѣтомъ то темнаго, то изсвѣтло темного, иногда же желтого и разсыпного. Всѣхъ богаче тотъ, который бураго цвѣта. Во всѣ разсѣлины сей отвердѣлой охры налетѣло и ихъ наполнило чистое серебро. Но сіе серебро, при прекрасномъ бѣломъ лоскѣ, раздѣлено на самые тонкіе частицы. Лежитъ въ разсѣлинахъ частію примѣшенное къ рыхлой охрѣ, частію такъ,

какъ самый тонкій иней, ниспадающій весною на траву, частію такъ, какъ самый рухлый и различные звѣздочные виды принимающій снѣгъ, и частію какъ высохшая легкая пѣна такъ налетастъ, что тонкія и почти пыли подобныя зернышки серебра при ковкѣ или просѣваніи штуфъ по большой части выпадаютъ такъ даже, что ихъ дыханіемъ отдунуть можно. Сія прекрасная руда даетъ на пробѣ штуфъ изъ одного центнера отъ 20 до 80 золотниковъ. Еще прежде показалось такое гнѣздо чистымъ серебромъ въ пещаной рудѣ налетѣлой охры съ первымъ квершлагомъ, продѣланнымъ отъ устья штольны, изъ котораго въ пробѣ до 40 золотниковъ выходило.

Пеонія съ расколов. листочками, Марьинъ корень у Сибиряковъ, то-есть, корень Пеоніи, успѣшно противъ лихорадки.

Золотой мохъ въ большомъ изобиліи на горахъ Алтайскихъ.

Путь по долинѣ между горъ, по теченью ручья Омелихи, опасный, заросъ деревями и камнями. Темные долины изобильны травами. Множество журавлиного гороху и разныхъ стрючковъ. Горы покрыты сосняго мъ и березнякомъ и заросли непроходимымъ шиповникомъ малинниковъ. *Осинова* гора, кромѣ высокаго тополынника, покрыта совсѣмъ малинникомъ съ дорогами, протоптанными медведями, охотниками до сего плода, которые иногда уносятъ собой приходящихъ туда для сбиранія ягодъ ребятъ и бабъ, не причиняя имъ ни малѣйшаго вреда.

Съ верьху Осиновой горы представляется грозный видъ снѣжныхъ Алтайскихъ, называемыхъ, по причинѣ вѣчной бѣлизны, бѣлками. Они востоятъ большею частью изъ бѣлосераго крѣпкаго горнаго извѣстковаго камня, кои слои кажутся довольно плоски. Видна оттолѣ другая гора фигуры конической, коея верхъ подобенъ великой каменной пирамидѣ, превышающей облака.

Сія гора также, какъ и высокіе ея сотоварищи казались еще страшнѣе отъ тучъ и дождевыхъ облаковъ, которыя, спускаясь въ долины, снова поднимались къ высочайшимъ верьхамъ. Долины, имѣвшіе по правую руку высокую гору, а по лѣвую раз-

сѣлистыя извѣстковыя горы, показали неожидаемую пріятную перемѣну въ царствѣ растител. Всѣ травы уже повсюду отцвѣли. Но здѣсь горы и луга зеленѣли и все было въ цвѣту:

Горная вика, листы которой зелены до зимы. Она отцвѣла.

Весенняя горчанка.

Непета.

Драконова голова.

Оробъ латировидный.

Составной Алп. горохъ.

Сибирск. Астрагалъ.

Крупноцвѣтный черенковый ревень съ волнистыми листами, ростущій часто на голыхъ буеракахъ.

Кустарный завязной корень, украшающій своими прямыми (ниже локтя) кустами долины.

Сибирская полигала.

Швертелъ.

Разные роды дикаго луку.

Сибирскіе колокольчики.

Ahamanta.

Meum.

Гранатка.

Алпійской репейникъ.

Многіе роды чернобыльнику.

Молодило.

Colyledon Spinosa, оба растѣнія любимы оленями.

Чортовы нитки.

Таволга дуболистная.

Кусты крыжовнику.

Ирга, Рисильникъ, Алтайская таволга. Прямой, толстой стебель съ кучей листовъ, подобно вѣткѣ лавра, а къ верху большой цвѣточной метелкой. Козаки стебель употребляютъ на шомполы.

На камняхъ между нѣжными растѣніями росли:

Parietaria, маленькая.

Душистая песья голова, Scrophularia, съ бѣлыми цвѣточками.
Ростетъ даже возлѣ снѣга и въ снѣгу.

Великое множество ласточекъ вьютъ гнѣзда по скаламъ. Пещеры отверстіями къ юговостоку; въ иныхъ изъ нихъ на сухихъ стѣнахъ видны слѣды накипи и маленькихъ кудрявыхъ сталактитовъ. По скаламъ и долинамъ ростутъ:

Желтоцвѣтъ, Trollius asiaticus.
Клоповница, Cimicifuga.
Cineraria glauca.
Allium obliquum, самый острый и крѣпкій изъ чесноковъ.
Чагирскій или Мунгальскій чай. Saxifraga crassifolia. Имъ обросли всѣ камни противулежащаго хребта въ сѣверной сторонѣ. Его пьютъ какъ обыкнов. чай, но вкусъ болѣе важущъ и горекъ.

1 Августъ.

Путешествіе по снѣжнымъ горамъ. По наклоннымъ сторонамъ горъ и равнины, какъ въ весну все было, все изукрашено молодыми травами и мхомъ.

Пиринейская жимолость.
Ломикамень пестроцвѣтн. Saxifraga geum punctata.
» сибирскій.
Swertia perennis.
Aquilegia Alpina.
Hedisarum Alpinum, въ бо́льшемъ видѣ и ростѣ.
Astragalus montanus.
Vicia Alpina.
Вшивая пасмурная трава.
Alium altaicum.
Маленькой бѣлоцвѣт. чеснокъ.
Cortusa mattiola.
Ranunculus aconitifolius. Слѣпокуръ съ листочками волчей травы.
Большая заячья капуста, Telephium, съ листочками, книзъ наклоненными.

Teucrium canadense.
Одуванчики съ сочными нѣжными листочками.
Кардамина съ жирными листочками.
Львова лапа, Alchemilla lobata.
Сибирской земленой ладанъ, Valeriana Sibirica.
Dianthus superbus.
Куколь твердостебельный, Silenae suffruticosa.
Лѣсныя заячьи лапки, Gnaphalium silvaticum.
Bistorta, завязной корень.

Пищуха, родъ оврашка, желтоватого цвѣта, уши имѣютъ большія круглыя, а вмѣсто хвоста небольшой курдюкъ. Живутъ въ горныхъ ущельяхъ, выходятъ только въ ясную погоду и то подъ вечеръ, садятся на высунувшихся изъ травы камняхъ и свистятъ. Съ юля мѣсяца заготовляютъ себѣ на зиму кормъ, срывая зубами траву, уносятъ кучи ее въ ущелья, отъ чего и называются сѣноставками. Вообще звѣрей на пограничномъ хребтѣ водится въ изобилiи. Кулонка, небольшой звѣрокъ съ красноватой шкуркой, Обжорливой горностай, который забирается даже въ избы и крадетъ масло у мужиковъ. Множество медведей, лосей, мараловъ и дикихъ козъ, попадаются лисицы, рыси, росомахи, а въ рѣкахъ, текущихъ съ горъ, выдры и бобры. Бѣлки въ множествѣ. Такь называемые Каменные бараны водятся только на высочайшихъ и неприступнѣйшихъ скалахъ и никогда не подходятъ къ населеннымъ странамъ. Вдоль текущаго въ Ину ручья Громотухи ѣдешь вверхъ тяжелою дорогою, въ сторонѣ разметаныхъ каменистыхъ горъ.

Дорога отъ Колывановоскресенскіе заводы на Зміевы горы почти неудобпроезжаема. Она по дикому хребту. Ростутъ:
Cortusa malhioli.
Papaver nudicaule.
Pedicularis tristis.
Peganum daurica.
Potentilla fruticosa.

Вся Змѣева гора подобна великому, горами покрытому, слапцовому ярусу, который состоитъ изъ множества богатыхъ рудъ, содержащихъ въ себѣ золото, серебро, мѣдь, свинецъ, олово, арсеникъ и сѣру. Сія стоящая жила имѣетъ два отдѣленія: лежащая часть сего яруса состоитъ изъ великой горы роговаго камня, которая съ неправильными бухтами, порогами и уступами равномѣрно падаетъ, висящая же сторона имѣетъ тяжелый и твердый шпатъ, заключенный въ слапцовой горѣ. На роговомъ камнѣ лежатъ руды стоячими жилами, (или въ розсыпяхъ) гнѣздами, горизонтальными жилами и въ розсыпяхъ. Роговой камень подобенъ здѣсь крѣпкому кремню, хотя въ иногда заключается большой булыжникъ, еще крѣпче, подобный чистѣйшему пѣсочному камню. Цвѣтомъ онъ сверху изжелта, снизу же свѣтлосѣрый или темный и синеватый. Находится онъ также и вблизи рудъ, особливо, въ большихъ круглякахъ и гнѣздахъ, орудѣвшій, усыпанный и усаженный многою серебреною прочернью даже въ самомалѣйшихъ скважинахъ, обогащенный и перемѣшанный чистымъ золотомъ и серебреными листами.

Самородное золото находится: 1-е въ роговомъ камнѣ и въ заключен. въ оном̀ мѣлк. пещаномъ камнѣ, 2-е) въ шпатѣ, залбандѣ или вапѣ, 3, въ сѣрой охрѣ и богатой горной синевѣ. Самородное серебро, содержа въ себѣ немного золота, находимо большими и малыми кусками, сросшимися рожками и дощечками, толстыми и тонкими, иногда на разбивное книжное серебро похожее, листками и налетѣлостью и, наконецъ, на подобіе серебр. волосовъ въ друзахъ и разсѣлинахъ, въ роговомъ камнѣ, колчеданныхъ, шпатовыхъ и мѣдныхъ рудахъ. Отъ временъ основанья рудниковъ серебра выплавлено болѣ 10,000 пудъ и въ немъ золота болѣ 318 пудъ.

Отъ Зміевой горы по направленью къ Томску ѣдешь ѣдешь плоскою гористою страною, гдѣ начинаютъ высовываться горы изъ дикаго и сѣраго камня, въ видѣ лежащихъ другъ на другѣ чуднымъ образомъ каменьевъ, кругляковъ, точно нарочно сло-

женные кучи. Между каменьями попадается дикая Сибирская пшеница и Молочайная андрозаца, Androsace lactea.

Страна высока, пологата, въ разныхъ токмо мѣстахъ еще камениста и примѣтно опускается. На буграхъ показывается дикій камень, а подалѣ красноватый сланецъ. Наконецъ увидишъ въ углу между Чарышемъ и Лахтевкою опять крутые каменные горы бѣлаго рудожелтаго камня. И тѣмъ кончится хребетъ въ сей странѣ, такъ что ничего уже предъ тобою не имѣется, кромѣ совершенно ровной, иловатой степи или пещаной, которая по низменностямъ солоновата. Подымается еще хребетъ, по рѣкѣ Алею называемый Алейскою гривою, и окончивается отломомъ. Цѣлыя полосы полей казались голубыми отъ растущихъ во множествѣ, Chrisocome biflora, золотоголовника и маленькаго астра. Artemisia coerulescens и многіе другіе роды полыни.
Santonicum.
Голубая весеняя Анемона.
Chenopodium aristatum, у песчанаго сосноваго лѣса.
Axyris prostrata.

Заводская контора, красиво выстроенная, примыкаетъ къ жилымъ (обыкновенно замыкаетъ или начинаетъ дерев). Изъ бугровъ, обросшихъ густымъ лѣсомъ и кустарникомъ, вытекала рѣчка. Лѣсъ во всей странѣ сей растетъ березовый, высокой, толстой, и прекрасная трава.
Veratrum nigrum.
Orobus latheroides.
Hemerocallis flava. Морецвѣтъ.
Pedicularis, многихъ родовъ.
Сибирская крапива, Urtica canabina.

Потомъ сосняги, потомъ опять березовые лѣса, а тамъ мѣста болотныя. Во множествѣ ростетъ солодковаго корня, желтой лилеи, чемъ далѣе, тѣмъ увеличивающейся болѣе. Еще цвѣли на ней поздніе цвѣты. Мужики называютъ ее теплою травою и плетутъ изъ нее также, какъ и татары, мягкіе цыновки для подстилки подъ седла.

Дикая мята, Nepeta multifida, здѣсь имѣетъ столь сильный лавандульный запахъ, что если только разтерши подолѣе понюхаешь, закружится голова и опьянѣешь.

Травы, употребляемыя татарами вмѣсто чая.

1-е. Родъ вяжущаго корня, отъ котораго вода, когда выкипитъ, красноватый принимаетъ видъ и вяжущій сильно вкусъ.
2-е. Чай изъ рубленныхъ стебелей или кореньевъ дикихъ розъ и сваренный какъ у татаръ казанскихъ, вкусомъ гораздо лучше.
3. Potentilla fruticosa, употребл. также и наз. Курильскій чай.
4. Полевой чай, Potentilla rupestris. Траву варятъ вмѣстѣ съ цвѣтками.
5. Phlomis tuberosa. Изъ нее точно также, какъ и изъ калмыцкихъ орѣховъ, варятъ чай.

Сентябрь.

Томскъ. На берегу рѣки Томы. Мѣстоположенье благодатное для торговли и картинное видомъ. Городъ на буграхъ и болотахъ. По срединѣ почти города идетъ сѣвера къ югу. Изъ озера бѣжитъ въ рѣку Тому ручеекъ. Рѣка Ушейка, соединяющаяся внѣ города съ рѣчкой Изюмкой, отдѣляетъ часть города, гдѣ юртами живутъ татары, отъ другихъ значительныхъ частей. На вышинѣ хребта крѣпость (выстроена за 130 лѣтъ), Кремль, съ четырью башнями, двумя воротами и колокольней. Винные и соляные амбары. Фабрики юфтяные и набойчатые. Жители ремесленики. Пьянство, блудъ и французская болѣзнь (въ силѣ). Нечистоты довольно. Прусаки желтаго цвѣта и маленькіе. Продовольствія съѣстнаго обильно. Хлѣбъ, мясо и рыба дешева. Бѣлокъ во множествѣ всѣхъ цвѣтовъ. Иногда они переселяются въ самый Томскъ, если ощутятъ недостатокъ въ пищѣ. Тогда мальчишки ихъ ловятъ живыхъ. Видятъ ихъ иногда стадами переплывающихъ рѣку Тому.

Выѣхавъ изъ города, идетъ бугристый лѣсъ вплоть до рѣки

Кіи, со множествомъ лужъ и нешпрокихъ болотъ съ мостами. На песчаныхъ мѣстахъ сосновый Боръ, на горахъ лиственицы и болотная сосна, на буеракахъ и болотныхъ мѣстахъ ельникъ и кедровникъ. Остальныя мѣста покрыты топольникомъ, ельникомъ, березникомъ и соснягомъ. Въ лежащихъ выше странахъ земля плодоносная и страна прекрасная. Но какъ лѣсъ тутъ очень густъ и непрерывенъ, то новоположенныя пашни весьма мокры. По сей то причинѣ водятся въ обиліи здѣсь дикіе звѣри, серны, олѣни, волки, медведи. Дорога становилась все грязнѣй. Ненастье Сентябрь. Вороны почти совсѣмъ чорны, на одной только спинѣ нѣсколько видны сѣрпнькія перья. Они здѣсь имѣютъ хищное свойство: по двадцати и болѣе пускаются на куръ и оныхъ раздираютъ. Глубокіе буераки, рѣчки и ручейки, впадающіе въ Чулимъ. Мѣста высокія, березовымъ лѣсомъ обросшія и плодоносныя.

Serratula alpina.

Клоповница, Cimicifuga.

Cineraria, Пепельная бѣлая трава.

Glauca.

Cacalia hastata занимаетъ всѣ мокрѣйшіе буераки. Лѣкарство отъ всѣхъ продолжительныхъ болѣзней, хотя иные имъ даже сокращаютъ жизнь свою, потому что корень ея сильно слабитъ.

Родъ травничковъ или маленькихъ соловьевъ съ жаркожелтымъ брюхомъ и зеленоватыми къ хвосту перьями (Motacila cyanurus). Попадаются также здѣсь, какъ и на Енисеѣ, самые крохотные мыши, вѣсомъ въ ползолотника или около полдрахма, цвѣтомъ темнѣе обыкновенныхъ мышей, хвостъ же толстъ. Рѣка *Ки* каменпста. На днѣ ея попадаются между колчеданомъ куски свѣтлокрасного и чорнаго Асписа, а также съ чорными и желтыми полосками. Проѣхалъ я страну сильно обросшую березникомъ и содержащую въ себѣ множество мокрыхъ буераковъ. Погода была столь тепла, что стрекозы и бабочки летали какъ будто летомъ.

У деревни на навозныхъ кучахъ росла сухая трава *Axyris* amarantoides. Плодотворный порошокъ, которымъ растѣніе сіе покрыто, столь летучъ, что если до сухого растѣнія только дотронешься, то причиняетъ оный сильный кашель, продолжающійся цѣлые дни.

Опять кедровые и ѣловые лѣса. Бурундуки бѣгали въ невѣроятномъ множествѣ по лѣсамъ, собирая себѣ на зиму запасъ.

Село Ачинское. Подъ самой деревней на Чулымѣ житницы, въ сіи житницы подрядчики складываютъ тотъ хлѣбъ, который возятъ по Чулыму въ Обь, въ Сургутъ, Нарымъ и прочіе на сѣверѣ лежащія, безхлѣбныя страны, а частію въ Императорскіе Сибирскіе заводы, вверхъ по Оби, или же на линію на Иртышъ. Красноярской уѣздъ столь благословенное имѣетъ обиліе въ хлѣбѣ (зерно даетъ самъ 30), что крестьяне изъ близкихъ и дальнихъ мѣстъ охотно отдаютъ въ сіи житницы рожь за 5 и за 6 коп. пудъ. Чулымъ сдѣсь широкъ и довольно глубокъ. Таракановъ въ избахъ гибель. Днемъ темные углы, щели и чулапы, а ночью вплоть всѣ стѣны имъ облѣплены. Чай пить или есть пельзя въ избахъ безъ того, чтобы сіи насѣкомые не падали съ потолка одинъ за другимъ въ чашки или блюды.
Phalaris erucaeformis, обыкновеннѣйшая трава по всей горѣ росла.

Деревня Черноръчинская, недавно заведенная изъ Малоруссихъ и Русскихъ поселянъ. Первые далеко превзошли послѣднихъ опрятностью и рачительностью.

Отъ рѣки Шерыша идетъ прекрасная степь, которая чемъ далѣ становится гористѣй, по высокимъ мѣстамъ березовые подлѣски, по горамъ рощи рѣдко сѣянной лиственницы. Далѣе степи все обильнѣе травами. Сибирской лепъ ростетъ въ большомъ количествѣ. Могильные холмы съ каменьями, въ видѣ четвероугольныхъ столбовъ, по всѣмъ угламъ. Гробницы находятся почти всегда въ близи ручья, озера или рѣки, на прекраснѣйшихъ высокихъ поляхъ, или у подошвы горы, на ровныхъ доли-

нахъ. Попадаются мѣдныя копьица, чекапы, кинжалы, ножные черепки, маленькіе пращные камешки, мѣдныя косы (похожія на тѣ, которые донынѣ употребляются въ Сибири), плоскослитыя фигурки лосей, оленей, дикихъ козъ, дикихъ овецъ.

Гора Учумъ камениста и бугриста, подобная слоистымъ горамъ около Юса и Енисея; равнины около простираются также слоями изъ краснаго и крупнаго песчаного сланца. Травы ростутъ слѣдующія:

Волчья борода.
Дикая мята.
Каменная володушка.
Двулѣтній горошекъ.
Сибирской звѣздочникъ.
Иволистая Серратула.
Аксирида роговидная.
Гибрида поземная солянка.
Перекати поле.
Горный глистникъ.
Развилистая потентила
и всякаго рода мышій горохъ.
Татарская горчица между каменьями, прекрасная трава.
Каменная павилица кустами.
Сибирская крапива у подошвы горъ.
Болотная горечанка между тросника, по берегамъ солен. озера.
Веснянка мяхолистная. Безъ нее почти не бываетъ никакой влажный лугъ на Енисеѣ.

Страны, защищенныя горами, пользуются благословеннымъ климатомъ. Снѣгъ столь малъ, что скотина всю зиму пасется на поляхъ.

Золотарникъ, Robinea pygmea.
Ballote lanata, прекрасная трава, которую, ради благовон. запаха, собираютъ какъ домашнее лѣкарство. Красноярскіе жители употребляютъ ее въ головн. болѣхъ и называютъ

гремящею, отъ имени горы, на которой она растетъ во множествѣ.

Перевозъ черезъ Енисей у горы крутой, назыв. перевозной; гора состоитъ изъ красноватого пѣсчаника, выламывающагося четвереугольникомъ. На всѣхъ плитахъ написаны чорной краской красивыя монгольскіе и татарскіе надписи. Малые боры и подлѣски полны птицъ. Овсянки, Сибирскій клестъ, синеватыя трясогузки, князки, пестрые дятлы и бѣлые воробьи.

Два года показались сдѣсь пѣгіе медведи, какъ видно, странники изъ дальнихъ мѣстъ. Они до того были голодны и безсильны, что, забѣжавъ въ деревни, были тамъ легко умерщвляемы.

По Енисею на плотахъ пустились къ Краснoярску. Плаванье было медленно, по причинѣ низкой воды. Съ обоихъ сторонъ горы лежатъ около рѣки высокими буйками и возвышаются къ востоку разметанными каменистыми лѣсистыми вершинами. Твердые и разбитые въ каменистыхъ слояхъ опоковые и слюдовые роды. На право и на лѣво низвергаются въ Енисей рѣки и рѣчки. Противулежащіе каменистые берега, изъ чорнаго квасцоваго слонца, содержатъ въ ущелинахъ и пустотахъ *каменное масло*. Оно садится около каменьевъ толстыми шероховатыми корами и, подобно перистымъ квасцамъ, состоитъ изъ острыхъ иглъ и друзъ; бѣло и легко. Если жечь на огнѣ, въ которомъ оно легко растопляется, варится и испускаетъ купоросные пары, то остается легкая, весьма бѣлая и вкусная земля. Употребляется въ кровав. поносахъ, родильницами въ кровотеченьяхъ, въ случаѣ нечистого истеченія семенъ, дѣтьми вмѣсто рвотнаго, когда завалитъ грудь. Кузнецы употребл. его при дѣланіи стали. Оно также употребляется, въ случаѣ нужды, для черненья кожи, вмѣсто купороса. Надъ рѣкой показываются въ картиномъ видѣ огромныя пещеры и на нѣсколько верстъ непрерывающіеся высокіе утесы. Ночевали въ деревнѣ *Овсянская*, многолюдной, населенной зажиточными крестьянами, которые всѣ размножились отъ одного человѣка. Нѣкто Юшковъ прибылъ изъ Россіи съ

7 сыновьями. И въ 100 лѣтъ образовалось больше пятидесяти семей. Всѣ ремесленники, звѣроловы, рыболовы и зажиточные хлѣбопашцы. Въ горахъ водятся соболи, рыси, росомахи, медведи, кулонки, векши и много другихъ. Особенно замѣчательны *кабарги*, родъ дикихъ козъ. Изъ лучшая замша, по причинѣ необыкновенной мягкости кожи. Горы исчезаютъ по мѣрѣ приближенья къ Красноярску. Вмѣсто ихъ бугристые степи. Проѣхали мимо лѣсистого сосноваго острова и прибыли къ Красноярску, гдѣ назначена зимовка.

Сибирскія особенности.

Растѣнія кустарныя.

Robinia halodendron, родъ терновника, вышиной въ человѣка, вѣтвисто, прямо, жестко, игловато, крѣпче кустарнаго терновника, кора шероховатая сѣрая, листочки и все дерево сѣдоватого цвѣта, какъ покрытое мошкомъ. Цвѣтки на вершинахъ вѣтвей по трое вмѣстѣ, красные, пахучіе, видомъ походятъ на цвѣты горошка или акаціи. Стручки пузатые, короткіе, въ видѣ плода. Красиво; по сухимъ солоноватымъ мѣстамъ на Иртышѣ.

Алтайская таволга, Spiraea Altaica. Подымается кустами изъ многихъ лозъ. Лозы прямы, крѣпки и убраны густыми пучками лавровидныхъ листьевъ. Цвѣточныя кисти находятся на концѣ вѣтокъ пирамидой бѣлаго цвѣта. Пахнетъ розовымъ запахомъ. Растетъ по солнопечнымъ буграмъ и по подошвамъ высочайш. Алтайскихъ горъ. Вышиной $1\frac{1}{2}$ аршина.

Торлокъ, Pterococcus aphyllus. Дерево прекрѣпкое, кустомъ въ аршинъ и болѣе вышиною, колѣнчатое. Стебли подымаются отъ крѣпкого корня, глубоко идущаго въ землю, вѣтвисты, развилисты, колѣнчаты, толщиною въ палецъ, прямы отъ колена до колена. Листьевъ нѣтъ вовсе. Цвѣтки бѣлые, безъ чашечекъ, пятилепестные, выходятъ пучками на тон-

кой ножкѣ отъ коленца. Плодъ четверогранный продолговатый орѣхъ. По песчанымъ степямъ между волгою и яикомъ до самого Каспія.

Сибирской барбарисъ, berberis sibirica, кустарникъ вышиной не болѣ одного фута, выростетъ изъ разсѣлинъ каменныхъ горъ. Стебель прямъ, жостокъ и вѣтвистъ. Иглы и листья какъ въ обыкновенномъ барбарисѣ, но все дерево желтоватого цвѣта, ягоды круглопродолговатые, красные. Находятся на высочайшихъ каменныхъ горахъ и утесахъ, даже на скалахъ по Алтайскому хребту.

Хворостовый вьющійся колокольчикъ. Convolvulus fruticosus. Небольшой кустарникъ, вѣтвистъ, съ мохнатыми травянистыми отпрысками, ежегодно пропадающими. Цвѣты на отпрыскахъ стоятъ вверхъ, по солнышку, растворяются очень тихо. По песчанымъ холмамъ въ восточной странѣ Иртыша.

Травы.

Особый видъ колосной травы. Стебель изгибистой, листы съ со струйчатыми чехлами, пространно стебель объемлющими. Головки цвѣтутъ почти не выказываясь изъ чехликовъ. По соленымъ степямъ.

Солонолистный Ирисъ. Листья какъ у сабельника, цвѣтомъ синеватозеленые.

Onosma micranthos, по пескамъ.

Коленоцвѣтной укропъ (Ferula nodiflora). Корень глубоко въ песокъ углубившійся. Стебель толстый, круглый, дорожчатый, нѣсколько искривленный, со вздутыми къ основанью листовъ коленцами. Листы основаньемъ своимъ объемлютъ стволъ на подобіе чехла. Все растѣнье цвѣтомъ изъ желтазеленое. Вкусомъ походитъ на пастернакъ, но пріятнѣе; ростетъ между песчанымъ буграми въ великомъ множествѣ.

Salsola oppositiflora, вѣтвиста, необыкновенна, красноватого цвѣта все почти растѣнье. Ростетъ по сухимъ, иловатымъ

полямъ въ полуденной сторонѣ Яика, вмѣстѣ съ розовою солянкою.

Salsola lanata, красивое растѣньице въ $^1/_3$ арш. вышины. Стебель прямой, молодая покрыта бѣлымъ пушкомъ. Цвѣтки промежъ тройныхъ листовъ, желтоватые съ тычковыми головками розоваго цвѣта.

Crinus caspicus, Каспійская лилея. Листья какъ у обыкновенной, но цвѣтки невелики, изъ красна бѣлые, выходятъ на вершинѣ стебля кучей въ видѣ зонтика.

Луковое птичье гнѣздо, Ornitogallus bulbiferus, маленькое тоненькое растѣніе. Луковица въ горошинку.

Голубой чеснокъ, Allium caeruleum. Листы съ низу стебль чехломъ. Цвѣтки шаровиднымъ пучкомъ свѣтлоголубаго цвѣта. Луковица малая.

Бутунъ или Алтайской чеснокъ. Allium altaicum. Луковица большая. Пучокъ маленькой овальный. Вкусенъ; его ѣдятъ.

Lepidium ceratocarpon. Одинъ или много стеблей, маленькіе листочки, сидячіе, ланцетовидные. Цвѣтки жидкими колосками въ верху стеблей, маленькіе, бѣленькіе, стручечки на тонкихъ ножкахъ, маленькіе, рогатые, по два семешка въ каждой половинѣ.

Cardamine nivalis, снѣжная кардамина. Стебель простой, оканчивающійся колоскомъ стручьевъ, повиснувшихъ внизъ. Цвѣтки мѣлкіе бѣлые, все растѣнье блѣднозеленое.

Sysimbrium salsugineum. Стебли изгибистые, оканчивающіеся стручечками. Листки продолговатосердцеобразные. Растенье изъ темна зеленое и красноватое.

Cheiranthus an littoreus.

Alyssum minimum.

Astragalus spicatus, Колосистый астрагалъ.

» ammodites. Прекрасный видомъ. Отпрыски отъ корня подымаются въ великомъ множествѣ, вѣтвисты и разстилаются далеко по землѣ. Стручки маленькіе, голые, пухлые, видомъ похожіе на ягодки съ загнутымъ носкомъ. Вся

трава скрывается между песчаными кочками, которые производитъ около себя сама, удерживая летучій пѣсокъ.

Hedysarum grandiflorum. Одни стебли съ листами, другіе безъ листовъ съ цвѣтами въ видѣ колоса. Цвѣты блѣдножелтые. Форма и листовъ и цвѣтовъ какъ у акацій. Ростетъ по глинистымъ ярамъ.

Serratula caspica. По солепымъ мѣстамъ, сѣмена развѣваетъ пухомъ.

Scorzonera pusilla.

Hydnum clatroides.

Звѣри.

Кулоконъ, Mustela sibirica, величиною съ хорька, а видомъ съ горпостая. Густожелтаго цвѣта. Рыльцо чорное. Хвостъ въ половину всего тѣла, цвѣтомъ еще желтѣе. Находится по гористымъ темпымъ мѣстамъ.

Пищуха, Сѣноставецъ. Похожа на чекушку. Хвоста нѣтъ во все; вмѣсто его жирная шишечка въ руской орѣхъ. Шерсть па пей цвѣтомъ грязноватая въ прочерпь. Въ горахъ. Свиститъ и съ Августа заготовляетъ себѣ сѣно. Lepus alpinus.

Птицы.

Ястребъ королекъ. Falco regulus. Невеликъ, гоняется за жаворонками.

Татарскій жаворонокъ, Alauda tatarica. Величиною съ скворца. Темные и даже чорные цвѣтомъ.

Alauda calandra. Больше всѣхъ, какіе ни есть въ Европѣ жаворонки.

Персидской шуръ, Merops persica. Спина зеленая.

Чорная трясогузка, Motacila maura.

Синехвостая » » cyanurus.

Каменная ласточка, Hirundo alpestris, обыкновепой больше.

Fringilla calcarata, воробей бодцоватый. Величиною съ юрка. Стадами по пашнямъ Сѣверной Сибири. Прилетаетъ съ

полудня. Поетъ какъ чечотка. Летаетъ много и бѣгаетъ по землѣ, подобно жаворонку.

Fringilla flaverostris, воробей желтоносной, самъ черенъ какъ сажа, только грудь изъ красноватыхъ перышекъ. Глупъ, водится на сѣверо-восточной Сибири, но во время сильныхъ морозовъ отлетаетъ въ полуденную Сибирь.

Emberiza pithyornus, родъ подорожника.

» aureola, золотистый.

Loxia Sibirica. Сибирской клестъ, красивѣйшая здѣсь птичка, величиной съ чечотку. Алтайской яркого алого цвѣта, Сибирскій розоваго. Обитаетъ по кустарникамъ и густымъ лѣсочкамъ около рѣкъ и ручьевъ. Питается полынными и другихъ травъ семенами. Голосъ осиплый, неясный, летаетъ беспокойно зимой небольшими стадами, выбираетъ себѣ мѣста въ густой чащѣ, гдѣ было бы потеплѣе.

Tetrao paradoxa, необычайная тетерка, что то среднее между тетеревомъ и дрохвой. Спина какъ у дрохвы, сѣрая съ чорнымъ, волнистая. Шея сѣдая, горлышко желто, грудь изкрасна блѣдносѣрая, прочее брюхо и паха черные.

Pelecanus pygmeus, малый баклань, величиною съ чирка, погожъ на баклана.

Anas Rufina, шмаковая утка, величайшая изъ всѣхъ, въ 3 фунта и болѣе вѣсомъ. Темная цвѣтомъ. На Каспій. морѣ.

» mersa, Савка спинеписая, сама же цвѣтомъ рудожелтая съ чорными крапинами.

Стерхъ, grus leucogeranus, бѣлый журавль.

Ardea comata, чепура съ хохолкомъ. Красивѣйшая птица. Бѣлыя перья на головѣ хохолкомъ, склонившись на спину, шея свѣтложелтая назадъ гривою, спереди бѣлая. Грудь свѣтложелтаго цвѣта. Спина изъ желта лазоревая. Брюхо, гузка, подхвостица и длинный хвостъ какъ снѣгъ бѣлые. По заливамъ Каспійск. моря.

Charadrius Asiaticus, азіатская полевая курочка.

» tataricus.

Годъ 1772.

Красноярскъ. Вьюги и бури. Воздухъ въ безпрерывномъ движеніи весь октябрь и ноябрь. Енисей покрылся льдомъ 20 ноября. Зима началась въ Декабрѣ. Строеній въ Красноярскѣ не много. Отъ Ноября до Февраля переходятъ городъ тысячи обозовъ. Хозяева ихъ обыкновенно уѣзжаютъ впередъ закупать заблаговременно все, что ни попадется. Земные продукты дешевы необыкновенно, чемъ болѣ урожай, тѣмъ дешевлѣ. Ржаной муки пудъ стоитъ 2 копейк., пшеничной четыре копѣйки съ деньгой. Мясо отъ 15 до 25 копѣекъ пудъ, а цѣлого быка за 1½ рубля. Корова рубль. Рабочая лошадь два и три рубля. Овца отъ тридцати до 50 копѣекъ. Свинья немного дороже.

Лѣсу въ Красноярскѣ въ изобиліи. Кедровъ много. Около Абанска растетъ въ большомъ количествѣ пѣкое душистое деревцо, коего смолистые почки въ зимнее время служатъ лакомою пищею тетеревямъ, отъ коей всѣ черева заражаются пайпріятнѣйшимъ запахомъ. Изъ кустарниковъ больше попадается Боярышникъ и черемуха. Звѣри: соболи, лисицы, выдры, бобры, многоуважаемые, совершенно чорные росомахи, барсуки, бѣлки, колонки пламенного цвѣта, любимые китайцами, и многіе сохатые звѣри, какъ то: лоси, зыни, козули (родъ оленей), кабарги, водящіеся въ великомъ изобиліи по горамъ за Енисеемъ, и составляющіе наиболѣе выгодные промыслы. Ими преимущественно Татары выплачиваютъ свой ясакъ. Рыбы немного по причинѣ, что рѣки мѣлки, и она зимой вся почти вымерзаетъ. Пріѣздъ Студента Зуева, ѣздившаго вдоль по рѣкѣ Оби до Ледовит. моря.

Донесеніе студента Зуева.

Отъ Тобольска поѣхалъ Студентъ въ Березовъ (8 марта 1771). Зимняя дорога лежитъ вдоль по Иртышу, населена то русскими, то татарскими деревнями, далѣе же и ниже пойдутъ все Остяки, вначалѣ въ смѣси съ рускими, а потомъ сами. За Демья-

повскимъ ямомъ сѣется только овесъ, ячмень и немного ржи, по причинѣ заморозовъ и мокроты хлѣбъ только на третій годъ удается. Ниже сѣютъ конопли и ленъ. Капуста въ качапы не складывается, а разстилается по грядамъ. Батунъ, редька, рѣпа и хрѣнъ. Подальше отъ рѣки мѣста не обитаемы вовсе. Лѣсъ, болота и никакого проѣзда лѣтомъ. Липа перестаетъ за 36 верстъ ниже Тобольска. Лѣсъ худой, мѣлкой, Тальникъ, ольха, осина, тополь, береза, ель, сосна. Изъ мѣлкаго кустарника красная и чорная смородина, ерьникъ, болотникъ, сибирскій курослѣпникъ съ бѣлыми ягодами, толокнянникъ и багульникъ. Въ Самаровскомъ яму (550 верстъ отъ Тобольска) уже пѣтъ пашень. Остяки и Рускіе питаются рыбой и птицей, которыхъ обилье необыкновенное. Сверчки и тараканы сдѣсь прекращаются.

Отъ устья Иртыша вниз по рѣкѣ Оби берега правой стороны высокіе, содержатъ въ себѣ слои бѣлой, желтой, красной и горшешной глины. При Сосвинскомъ устьи, не вдали отъ Березова, Обь, ставъ шириной въ нѣсколько верстъ, раздѣляется на многіе протоки, оставляющіе по серединѣ низкіе, поросшіе тальникомъ, острова. *Обдорскъ* городокъ. Послѣднее руское селеніе къ сѣверу. Лѣтнимъ временемъ можно ѣхать только водою. Въ немъ только пять дворовъ, но множество амбаровъ и запасныхъ клѣтѣй, почему онъ издали какъ большая деревня кажется. Одна деревян. церковь во имя Василья великаго. Рускіе живутъ лѣто и зиму. Остяки съѣзжаются только на зиму, имѣя для житья одни подземные юрты. Лѣто же проводятъ на рыболовствѣ въ кочевыхъ юртахъ. По обѣимъ сторонамъ рѣки Оби мѣста высокіе и гористые, изъ песчанаго и дресвянаго камня, всѣ почти голыя. Кое гдѣ небольшой дряблой лѣсъ, кедровой, лиственичный, ольховой, но какой нещастный ростъ. За Обдорскомъ уже не видно ни березы, ни ясени, ни кедра. Въ самой дали къ сѣверу, по крутымъ берегамъ рѣки Лѣсной, впадающей въ Океанъ, ростутъ еще маленькіе лиственички и олешнички, но растилаются по землѣ такъ, какъ шпалерныя лозы по стѣнамъ и хворосты по горамъ. Солнце лѣтомъ только одинъ часъ не видно днемъ, и

то по причинѣ высокой горы. Всю ночь катится оно по горизонту видимо, съ той только разницей отъ дня, что видомъ кажетъ больше, а свѣтомъ такъ слабо, что можно глядѣть на него безъ помѣхи простыми глазами. 30 Іюля солнце гораздо унизилось, такъ что звѣзды начали появляться. Сѣверныя сіянья въ великомъ свѣтѣ; свѣтъ освѣщаетъ это темное царство. Но въ Обдорскѣ не бываетъ отъ нихъ такого шуму и свисту, каковые случаются ближе къ Океану. Причина чему приписывается воздуху. Сіи сіянья оказываются сдѣсь обыкновенно свѣтлой дугой по горизонту, изъ которой весьма скоро движущіеся столбы порываются. Бури здѣсь рѣдки. Два или одинъ разъ бываетъ слышенъ лѣтомъ громъ, и то вдали такъ, какъ бы отъ сѣвера къ полудню клонился. Рѣдко случаются и такіе жары, чтобъ не можно было имѣть на себѣ легкой шубы. Въ дорогѣ на Ледовитое море студентъ только пять дней помнитъ въ лѣто, что онъ чувствовалъ жарко и скидалъ шубу. При такой погодѣ нагорныя травы, кои по мшистымъ равнинамъ, въ половинѣ Іюня еще чуть разцвѣтать начинаютъ, пробываютъ только нѣсколько недѣль, а кои позже, тѣ нѣсколько дней только, и въ то время и цвѣтутъ и сѣмена раскидываютъ. Въ Іюлѣ бываютъ такіе холодные вѣтры, что часто пней и на лужахъ ледъ являются, и травы сзябнувъ желтѣютъ. Самыя большія рѣдьки и рѣпы, что сѣютъ въ Обдорскѣ, не болѣе двухъ унцій вѣсомъ, а листъ болѣе аршина. Другіе овощи больше не родятся. Земля разстаеваетъ только на верхахъ косогоровъ. Въ Обдорскѣ, на высокихъ равнинахъ, на три, четыре и на пять пядень глубиною. На низкихъ же часто едва на двѣ пядени разстаетъ. Далѣе къ сѣверу, при Щучьей и Лѣсной рѣкамъ, по песчанымъ мѣстамъ на двѣ пядени. По низкимъ мшистымъ тундрамъ на одну пядень, не болѣе, а по болотнымъ топямъ подъ густымъ мхомъ чистой ледъ. Привозимые сюда коровы долѣе пяти лѣтъ не выживаютъ, лошади не держатся, привозимые не проживали и года. И такъ слѣдуетъ довольствоваться оленями, которые сдѣсь распложаются сильно.

Мѣста, отъ Сибири къ Морскимъ берегамъ прилежащія, простираются иногда въ ширину на нѣсколько сотъ верстъ безлѣсицею, болотомъ, прикрытые однимъ только мхомъ. Ѣхать по нимъ невозможно было бы вовсе лѣтомъ, еслибы земля разстаивала глубже пядня. Но какъ тотъ же часъ подо мхомъ лежитъ голый ледъ или замерзшувшая грязь, то олень ступаетъ безъ боязни, и легкіе санки, какими ѣздятъ самоѣды, катятся легко по мягкому мху, по коему на колесахъ не проѣхать бы вовсе, и за собою волнистый слѣдъ оставляютъ.

Гористые берега Обьскіе являлись покрыты краснымъ лѣсомъ и тальникомъ. Третьяго числа Іюля поѣхали на оленяхъ далѣе отъ Оби, прямо къ сѣверу, низменными мѣстами, покрытыми осокою и разными другими травами, особливо мѣлкимъ тальничкомъ, сланцомъ (betula nana), андромедами и ежовками, arbutus alpina. Того же дни доѣхали до рѣки Хаи, текущей изъ горъ въ обскую губу. Ширина сей быстротекущей рѣки, содержащей воду свѣтлую, какъ хрусталь, была около 15 сажень, дно каменисто, отчасти пловато.

4 и 5 дня продолжали путь къ верху по рѣкѣ Хаіѣ. Мѣста тѣже. Листвницы все рѣже и меньше, высочайшія въ полторы сажени. Промежъ были пади, покрытыя въ великомъ множествѣ густымъ оленьимъ мхомъ (Lichen nivalis), которое олени въ это время не трогаютъ по причинѣ его сухости, но кормятся кустарникомъ betula nana, тальничкомъ, Hedysarum alpinum и другими. Упомянутый же мохъ оставляютъ къ веснѣ и осени, а зимой оббираютъ даже растущій по еловымъ деревамъ, Lichen hirtus.

6-го Іюля подъ вечеръ паѣхали на посредственныя каменистыя горы изъ синяго камня съ кварцомъ. По оголеннымъ ихъ вершинамъ ростетъ примѣч. травка Sedum quadrifidum. Его корешки красноваты, имѣютъ кисловатый и вяжущій вкусъ. Разсѣянныя, въ сажень вышиною, листвяншныя деревца и остролистныя ольхи и тальнички оказывались тамъ и инде по холмамъ кустами, по удоламъ видны были то озера, то стекающіе съ горъ отъ спѣговъ воды, ибо на сѣверномъ уклонѣ горы еще до-

вольно снѣгу и льду находилось. Въ тужъ самую ночь былъ превеликой и холодный туманъ, каковы въ сихъ странахъ середь лѣта случаются нерѣдко.

Холмистая дорога по сѣверному отпрыску уральскихъ горъ неровна, трудна и для оленей. Самоѣды то и дѣла пускали имъ кровь хвоста, когда отъ усталости они начинали упадать. Остановились ночевать, имѣя ввиду высочайшія горы. Щучья рѣка течетъ также быстро съ горъ въ Обскую губу, ка Хаія, мутна, дно иловато, берега глинисты, хотя подлѣ каменная гора.

8-го дня за множествомъ комарей олѣни всѣ разбѣжались по прохладнымъ долинамъ, и потому самоѣды довольно имѣли труда, чтобы ихъ сыскать и согнать вмѣсто. Возвышенныя и обнаженныя совершенно равнины, межъ ними во впадинахъ множество большихъ озеръ. Дно у иныхъ изъ нихъ иловато, у другихъ пѣщано; рыба колючки и маленькіе чебаки. Изрѣдка въ долинахъ таловые и ольховые кусты.

Слѣдующіе три дни ѣхали къ сѣверу все горами, изъ сѣраго опочнаго или дресвянаго и кремнистаго камня. Въ первыхъ попадается гнѣздами простой и твердый азбестъ. Весь же опый хребетъ для отыскапья рудъ вовсе пенадеженъ. Крутой берегъ рѣки Лѣсной украшенъ, какъ шпалерникомъ, ольховымъ, таловымъ и мѣлкимъ лиственичнымъ цвѣтомъ. Повсюду проталины густыми лиственичными деревами, коихъ сучья между собою сплелись, пространныя, чистыя, гдѣ можно съ удовольствіемъ отдыхать. Вода въ рѣкѣ Лѣсной столь чиста, что можно щитать всѣ камышки. Течетъ быстро. Глубиной бываетъ въ $1^1/_2$ сажен., шириной въ 10 сажень. Дальѣ пропадаютъ даже талышчки и ольховнички. Остаются только мѣлкія таловыя лозы, нѣкоторые пучки Амприку, Arbutus alpina, и водяницы, Empetrum, или, по Сибирски, шишки. Дальше къ морскимъ берегамъ и они исчезаютъ, одна только морошка идетъ въ великомъ количествѣ до самого моря.

По долинамъ, промежъ горъ, по глубокимъ ямамъ, всторонѣ малыхъ каменистыхъ рѣчекъ, было еще довольно снѣгу.

Въ берегахъ рѣчекъ примѣчены наклоненые шиферные слои, кои сверху покрыты были желтоватымъ асбестовымъ струпстымъ слоемъ. Отсюда переѣзжали черезъ каменистые бугры, межъ коими имѣлись многія ямы, наполненныя водой, и крутояры, въ разсѣлинахъ коихъ множество снѣгу находилось. Подъ вечеръ вся земля была покрыта густымъ туманомъ, что въ сихъ странахъ за предзнаменованіе погоды почитается.

15 дня переѣхали хорошимъ перегономъ черезъ подошву хребта, оканчивающагося передъ моремъ Карскимъ заливомъ и Лѣсною губою. Проѣхали также многія пади, частію наполненныя снѣгомъ, частію изпущающія изъ себя воду. Черезъ болотистыя тундры прибывши къ морскому заливу, называемому Лучною губою. Берега надъ пѣскомъ, съ котораго сбѣжало море отливомъ на 60 сажень, состоятъ изъ сѣрой глины; въ морѣ же была она чернѣе. Морская вода своей холодностью была столь проницательна, что, не смотря на теплоту въ воздухѣ, нельзя было въ ней пробыть и нѣсколькихъ минутъ безъ жесточайшаго чувствія озяби.

Мутныя озера по мокрой степи, не смотря на каменное дно. Въ нагорномъ берегу одной рѣчки, текущей въ океанъ, видѣнъ былъ красноватый марающій мергель въ большомъ количествѣ флюса.

18-го, продолжая путь по мокрой степи, заключающей въ себѣ великія озера, пріѣхали подъ высочайшій каменный хребетъ, который, отдѣлившись отъ главного Уральского хребта, оканчивается сдѣсь при морскихъ берегахъ. Напали на превеликое стадо дикихъ облинявшихъ гусей, коихъ наколотили палками великое множество. Имя рѣки происходитъ отъ двухъ сшедшихся утесовъ, кои рѣку въ быстромъ теченіи стѣсняютъ. Морской берегъ находился невдали отъ дороги, крутъ и глинистъ, при высокой водѣ. По морю плавало въ неописанномъ множествѣ морское животное Medusa Bergoë, но когда была собираема, расплывалась межъ руками. Конецъ хребта былъ еще не совсѣмъ въ виду. Это были высокіе, каменны, острые, голые

маковицы горъ, кои за двадцать верстъ отъ морского берега будто раздробились и уничтожились. Главный же хребетъ Урала съ Карского залива на западъ высокими, будто за облаками кажущимися, горами. Онъ долженъ также кончиться у береговъ противъ Новой Земли. У береговъ попадаются кусочки янтаря, по тамошнему называемые морскимъ ладономъ, и большіе обломки каменнаго угля, выбрасываемаго моремъ.

22-го путь продолжали по уменьшающимся горамъ, въ коихъ пропадаетъ Уральскій хребетъ и между коими лежали болотистые удолы. Море всегда было въ нѣсколькихъ верстахъ разстояніемъ. Поднявшійся со вчерашнего дня съ туманомъ вѣтръ пагналъ къ берегамъ великіе ледяные бугры, однакожъ такъ, что межъ буграми и берегами оставалось довольное растояніе чистаго мѣста, ибо толстые кабаны льда не совсѣмъ могутъ быть изворочены на отмѣлые берега. По берегамъ подъ болотиною находился хрящъ, а глубже сѣрая глина. Переѣхали много озеръ и рѣчекъ, гдѣ дикіе гуси вились стадами, и легко могли быть убиваемы. Всѣ озерка при океанѣ изобилуютъ морскими вшами, Monoculus arcticus, служащими приманчивой пищей уткамъ и прочимъ водянымъ птицамъ. Нашли шайку рыбаковъ, пробиравшихъ берегомъ изъ Пустозерска на рыболовство. Стужа начинала свирѣпѣть. 28 Іюля холодъ изобилъ всѣ травы, такъ что поля издали больше казались бѣлыми, чемъ зеленѣли. Вода въ посудахъ и лужѣ покрывалась льдомъ.

Слѣдующіе кустарники большими полосами покрываютъ въ безлѣсныхъ мѣстахъ болота и придаютъ нѣкоторое украшенье сей бѣдной странѣ.

Betula nana.
Salix mirtiloides.
» herbacea.
» Lapponica.
» Fusca.
» Arenaria, всѣ они мѣлки; сіи тальнички растилаются по землѣ и бываютъ вышиной меньше четверти аршина.

Empetrum nigrum, водяница.
Arbutus альпина, ампрыкъ, ежовка.
Rododedrum ferugineum.
Hippuris, на гнилыхъ болотахъ при океанѣ, такой же какъ и на югѣ.
Plantago maritima.
Arenaria Peploides.
Pingvicula alpina, сальникъ, сальная, жирная трава.
Gimnandra borealis.
Sedum quadrifidum.
Statice armeria, малоколѣнная.
Saxifraga cernua.
» rivularis.
» bronchialis.
» nivalis.
Dryas octopetala, Богиня лѣсовъ, Камчадалка, Сибирячка.
Papaver nudicaule.
hieracium alpinum, Сокольникъ, ястребинкъ альпійск.
Taraxacum.
Eringium alpinum, колючка синеголовникъ.
Eriophotum vaginatum, пушистый пырей, пухопырей, на полудни бѣлилъ по болотамъ все пространство.
Veronica alpina, на ровныхъ поляхъ.
Campanula rotundifolia.
Polemonium lanatum, троецвѣтъ Болдріанъ.
Rumex digynus, Щавель двуженный.
» acetosela.
Anthericum calyculatum, вѣнечникъ паучникъ.
Epilobium palustre.
» angustifolium, только въ 3 дюйма вышиной, но съ большими прекрасными цвѣтами.
Polygonum arvense.
» bistorta, горлецъ, зміевикъ, ужовникъ.
» divaricatum, спорышъ растопыренной, по пѣскамъ на берегахъ моря.

Saponaria alpina.
Arenaria grandiflora.
Dianthus alpinus.
» plumarius.
Saxifraga hirculus.
Stellaria nemorum.
» biflora.
Chrisosplenium alternifolium, слизенникъ, яичникъ здѣсь такъ малъ, что едва виденъ отъ земли.
Potentilla stipularis, серебренникъ сибирской.
Rubus chamaemorus, морошка.
» arcticus, сѣверная малина.
Helleborus trifolius, трилистный чемеричникъ.
Bartsia rubricona.
Pedicularis laponica.
» hirsuta.
» paniculata, всѣ не болѣе перста.
» verticillata, въ одинъ дюймъ вышиною.
Lamium laevigatum, слѣпота кур. гладкая.
Cochlearia grenlandica.
Cardamine nudicaulis, крессъ нагоствольный.
» bellidifolia, маргаритколистный.
» triphilla.
» chelidonia, чистотѣльный.
Arabis alpina, рѣзуха, греча высокая, будра трава.
Sisymbrium Sophia, Гумевникъ, Софьина трава.
lepidium Sibiricum, крессъ перечникъ.
Phaca, трава узлы, зимніе орѣшки, очень ее мало, но
Hedisarum alpinum, въ великомъ множествѣ.
Achillea alpina.
Gnaphalium silvaticum, комарникъ.
» alpinum.
Artemisia borealis.
Anthemis alpina.

Chrysanthemum bipinatum. Бѣлица, Нивникъ, Ивановъ цвѣтъ, сугубоперистый.
Viola biflora.
» palustris.
Rhodiola rosea, вышиной нѣсколько вершковъ.
Lycopodium selago, Плаунъ сосновидный.
» complanatum, плоской, и пр.

Кромѣ того, попадаются Мамонтовыя, слоновыя кости. Недалеко отъ Оби отыскана самоедами въ тундрѣ носорогова голова. Не смотря на осенью стужу, студентъ отправился изъ Обдорска еще въ Уральскія горы, былъ у подошвы высокой горы сѣраго дикого камня, имѣвшей внизу шиферные слои, а маковицей досязавшей до облаковъ. Она вся была покрыта снѣгомъ, выпавшимъ въ Іюлѣ межъ полнолуньемъ и новолуньемъ. Ночью волки, напавшіе на оленей, такъ ихъ разогнали, что въ силу ихъ можно было потомъ собрать.

Вторая ѣзда на Обскую губу предпринята была въ лоткѣ. Листья на лиственицахъ и ольховникахъ отъ мороза всѣ покраснѣли. 27 очутились въ мѣстахъ, гдѣ предстояла одна только чистая тундра. Берега Обской губы такъ, какъ и ниже Обдорска, состоятъ изъ напосныхъ бугровъ песку и глины, въ коихъ были видны разбитые, безъ всякого порядку лежащіе, глинянные слои, немногіе изъ нихъ хворостъ и дернъ мѣстами содержали. Травянистыя поля отъ холоду пѣстрѣли тутъ желтизной на мѣсто зелени.

11-го Сентября отправился Зуевъ обратно въ Березовъ. Показались высокимъ тальникомъ обросшіе песчаные мѣста. Наконецъ и красный лѣсъ, особливо кедровый. Въ крутыхъ песчаныхъ, иловатыхъ берегахъ видны были просѣлины различного наклоненія, чорною мягкою землею наполненныя; подлѣ воды берега изобиловали великими, изъ затвердѣвшей темной глины, глыбами, мѣстами содержавшими въ себѣ окаменѣлыя раковины. Всѣ они обведены были струистымъ гипсомъ. Были также и мамонтовы кости и другіе остатки иностранныхъ зве-

рей, изъ береговъ вымытые. Около Питліарскаго устья видны были въ берегахъ тонкіе, чорные, шиферные слои. Далѣ берега бугристые, крутые, изъ пѣску и глины; кости валяются по низу разметанныя, такъ какъ ихъ полая вода, бугры подмывши, вымыла и занесла, куда могла. Кости буйволовъ попадаются также во множествѣ. 21 прилетѣли къ Березову съ сѣвера стада большихъ и малыхъ дикихъ гусей или казарокъ, Anser erythropus, и Чагвоевъ, Anser pulchricollis, возвращающихся назадъ. Еще около 18 дня было видно, какъ они начинали статься на возвратный къ полуднямъ путь.

Извѣстія Зуева объ Остякахъ.

Остяки росту больше средняго и малаго, сложенья слабого и сухого. Лица непріятного блѣдного и плоскаго оклада. Волосомъ рыжеваты и русы, у мущинъ висятъ они вкругъ головы космами и безобразятъ ихъ. Боязливы, суевѣрны, легкомыслены, впрочемъ, добросердечны, въ трудномъ и худомъ житіи съ младенчества трудолюбивы, но въ свободное время больше склонны къ праздности. Мущины въ домоводствѣ особенно гадки и нечисты. Платье мужчинъ полушубокъ (малица), изъ звѣриной кожи, съ рукавами, до колѣнъ, сшитый кругомъ въ мѣшокъ, безъ разрѣза, съ дырой для головы, изъ молодыхъ кожъ оленей, родящихся весной, шерстью внутрь. Верхняя шуба называется паркою. Ее надѣваютъ когда холодно, также изъ оленьихъ кожъ, по шерстью наружу, съ зади капишонъ на мѣсто шапки; внутри опушена собачьей шкурой. Когда же слишкомъ холодно, надѣваютъ сверхъ сихъ двухъ еще большую шубу, также съ колпакомъ назади, изъ зимнихъ оленьихъ шкуръ. Она называется гусемъ. Для дождя шьютъ платье изъ рыбьихъ кожъ, которыя во время голода, скинувъ, варятъ въ котлахъ и съѣдаютъ. Штаны изъ рыбьихъ или голыхъ оленьихъ кожъ. Обувь: чулки (истобы), сшитые изъ молоденькихъ оленьихъ шкуръ (пыжики), сверхъ ихъ сапоги, называемые пимами, сшитые изъ пожпыхъ олепьихъ

кожъ (кысы), коихъ подошевная кожа имѣетъ густую, твердую шерсть. Она прочнѣй и не скользитъ по льду. Рускіе купцы дѣлаютъ сапоги, подобные симъ пимамъ, для поски зимой. Рубашки только у богатыхъ. Щеголи дѣлаютъ себѣ малицы изъ лоскутьевъ сукна разнаго цвѣта, опушая собачьей шкурой, хвостами или песцами. Бабы носятъ шубы халатомъ, длинные, съ разрѣзомъ, впереди завязываютъ ремешками и, такъ какъ не широки, то безпрестанно ихъ придерживаютъ руками, боясь распахнуть. Рубахъ нѣтъ. Стыдливы. На лицѣ носятъ покрывало, шитое по краямъ съ бахрамою, которое сбрасываютъ только при родныхъ своихъ матеряхъ. Лѣтомъ ходятъ босыми. Богатыя привязываютъ сзади къ косамъ двѣ суконныя покромки, на которыхъ нацеплены мѣдныя фигурки оленей, рыбъ, лошадей и проч. Иногда искалываютъ узорами тѣло. Выдѣлываютъ кожи очень искусно, такъ что ни въ какой сырости они не портятся. Живутъ нечисто до отвратительности. Чашекъ не полощутъ, хотя бы изъ нихъ вмѣстѣ съ собаками. Рукъ не моютъ, но вытираютъ ихъ по шубу. Отъ этого Остякъ воняетъ какъ воздухъ въ рыбномъ ряду. Только немногіе богатые и зажиточные дѣлаютъ особеннаго роду мыло, способное въ самомъ дѣлѣ отмыть всякую грязь: въ котелъ горячей воды кладутъ золы и потомъ подливаютъ по часту рыбьяго жира, варятъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается мыломъ. Въ юртахъ щенятся и собаки. Тутъ же и гадятъ всѣ. Тутъ же и варятъ на общемъ огню посереди юрты. Отъ всегдашняя копченья потолокъ весь покрытъ копотью и сажей, которая большими кистями виситъ къ низу.

Дома: для зимовьевъ строятъ Остяки настоящіе четвероугольныя избы, подобные рускимъ, но ниже, почти половиной въ землѣ, и безъ кровли, вмѣсто которой накладываютъ на верхъ земли. Срубы складываются изъ молодыхъ не толстыхъ деревъ, обыкновенно на сухихъ высокихъ берегахъ, въ близости рѣкъ. Передъ дверьми строятъ клѣти рядомъ, на обѣ стороны (лабазы), для поклажи и сохраненія рухляди и другихъ непадобныхъ вещей. Въ таковыхъ юртахъ или зимовьяхъ живутъ многія семьи

вмѣстѣ, и потому внутренность оныхъ раздѣлена по стѣнѣ на столько конуръ, сколько семей находится. Какъ бы, по причинѣ множества народа, ни была узка сія канурка, однако въ ней должны умѣститься мать съ дѣтьми и со всѣмъ домовымъ припасомъ и при своемъ собственномъ огнѣ работать.

Богатые Остяки имѣютъ оленьи стада иногда многочисленныя. Бѣдные питаются только рыбою. Часто ѣдятъ ее сырьемъ. Сырая же мерзлая рыба, изструженная мѣлко вмѣстѣ съ костьми, употребляется даже и Рускими. Рыбъ такое обиліе, что мѣлкіе ихъ сорты отдаютъ одними собакамъ. Лучшія рыбы запасаютъ на зиму, проваливая и жаря; никогда не солятъ. *Позымъ*, родъ балыка, вырѣзывается на ремни изъ рыбьихъ боковъ на каждой сторонѣ, проколовъ надѣваютъ на палки, сушатъ и поджариваютъ. Лучшіе изъ муксуговъ. Брюшки и спинки, провяливъ и поджаривъ, кладутъ въ мѣшки изъ олепьихъ желудковъ. Это съедобное называется *варка*. Кости жарятъ для корма собакъ. Сверхъ того запасаютъ въ осетровые мѣшки *юттy* изъ мѣлкихъ рыбъ. Порса изъ бѣлой рыбы, мѣлкой, высушенной на вѣтру и мѣлко истолченной съ костьми. Зимой варятъ уху изъ варки и костей рыбьихъ, потдалкивая къ пимъ муки, получаемой отъ рускихъ, хлѣбаютъ большими уполовниками. Изъ брюшьихъ черевъ вывариваютъ жиръ, потребный въ домоводствѣ, который продаютъ и рускимъ для употребленья въ посты. Рускіе не могутъ его утрафить: либо переварятъ, либо недоварятъ, отъ этого опъ и горькнетъ. Варятъ клей изъ осетровъ, который можетъ клеить безъ варенья.

Зимой звѣриные промыслы для остяковъ главнѣйшее упражненіе. Какъ только выпадетъ снѣгъ, это лучшая пора ловить лосей и оленей. Зимой ходятъ остяки за промысломъ на лыжахъ въ отдаленныя степи и лѣса, такъ что не прежде какъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ могутъ назадъ возвратиться. Оружіе стрѣлы костяныя.

Табакъ курятъ и нюхаютъ съ жадностью, для крѣпости прибавляя золу изъ грибовъ и губъ, выростающихъ на березахъ.

Набивши носъ такимъ табакомъ, они затыкаютъ его таловыми стружками. Отъ ѣдкости табака все лицо такъ разгорается, что становится безопаснымъ отъ великихъ морозовъ. Къ водкѣ сильно падки и, сколько ее ни вымѣпяютъ отъ рускихъ, вдругъ выпиваютъ. Дѣлаютъ пьяное питье изъ мухоморовъ. Язычники приносятъ жертву болванамъ; мясо сами ѣдятъ, а болвану вымажутъ только губы. Ставятъ также передъ болваномъ рогъ съ табакомъ, который обыкновенно рускіе украдкою вынюхиваютъ. Имѣютъ шамановъ. Пляска выражаетъ разные поступки ихъ на звѣриныхъ промыслахъ. Иногда выражаетъ склонности и движенія звѣрей и птицъ, насмѣшку надъ сосѣдями, все по такту музыки. Представляютъ въ лицахъ соболиный промыселъ, обычай и поступки журавлей, лосей, полетъ птицъ, поискъ мышей мышелова, какъ рускія бабы ходятъ на рѣку мыть бѣлье и платье, все довольно смѣшно. Журавля пляшутъ скорчившись, закрывшись шубой, просунувъ черезъ рукавъ вверхъ длинную палку, на мѣсто шеи, съ деревянной на концѣ журавлиной головой. Въ пляскѣ лося музыкантъ равнымъ образомъ выражаетъ различный его бѣгъ рысью или въ скокъ, или какъ ходитъ онъ просто, какъ дѣлаетъ малые отдыхи для осмотрѣнія, откуда за нимъ гонятся. Невольно изумляешься всѣмъ искусно выдуманнымъ представленьямъ этого почти дикаго народа. Хорошенько насмѣяться ихъ первѣйшее увеселенье.

Музыкальные инструменты двухъ сортовъ: Домбра на подобіе лодки, точь въ точь какъ у Богуловъ, съ такимъ же числомъ струнъ, и *Дурнобой*, похожій на давыдову гусли, состоящій изъ ящика умножающаго шумъ, къ нему придѣланной лебединой шеи и тонкой дощечки, составляющей третью сторону треугольника. Въ немъ около 30 струнъ. Игрокъ, играя обѣими руками, передвигая, прижимаетъ большимъ пальцемъ тонкую дощечку, чтобы дать тону трель. Любятъ также сказки и повѣствованія о древнихъ витязяхъ и удальцахъ на охотѣ. Ласкопріимны и не знаютъ какъ угостить гостя. Готовы убить для него лучшаго оленя, сварятъ для гостя лучшее на ихъ вкусъ, какъ

то: языкъ, мозгъ, грудину и здоръ, а накормивши еще и дарятъ.

Когда присягать новому Государю, то собираютъ ихъ вмѣстѣ въ кучу, посреди кладутъ топоръ, коимъ рубливали прежде медведя или медвежицу, потомъ даютъ каждому съ пожа кусокъ хлѣба, причемъ сіе говорить долженъ: Если я моему Государю до конца жизни моей вѣренъ не буду, своевольно отпаду, должнаго ясака не заплачу и изъ моей земли отъиду, или другіе невѣрности окажу, то чтобъ меня медведь изорвалъ, кускомъ симъ, который ѣмъ, чтобъ мнѣ подавиться, топоромъ симъ да отрубятъ мнѣ голову, а пожемъ симъ чтобъ мнѣ заколоться. Если ихъ поставятъ на колѣни на медвежей кожѣ, то по совершеніи присяги всякой изъ нихъ долженъ откусить медвежины, при чемъ многіе, для оказанія ревности, зубами вытеребливаютъ шерсти. Подобныя присяги, гдѣ медвежина играетъ главную ролю, въ употребленіи у всѣхъ иновѣрческихъ народовъ сибирскихъ.

Самоеды отъ остяковъ лицемъ и видомъ отличны; тѣ болѣ приближаются къ рускимъ или къ Чухнамъ, а сіи имѣютъ, какъ у Тунгусъ, круглое, плоское, широкое лицо, которое у молодыхъ женщинъ очень пріятно, толстыя заворотившіяся губы, широкій носъ, растопыренныя ноздри, ростомъ меньше Остяковъ, но стройнѣй, плотнѣй и мусколоватѣй. Въ нихъ больше дикости, чемъ у Остяковъ, находящ. въ част. обращеніи съ рускими. Одежда походитъ почти на Остяковъ. Женщины меньше стыдливы и не покрываютъ лицъ. Отъ мущинъ не чтимы и почитаются за вещь и служанокъ. Язычники, также какъ и Остяки, имѣютъ у себя каждый деревяного болвашку. Празденства у нихъ въ борьбѣ и скаканьи до извѣстной мѣты. Пляшутъ въ кругѣ по парѣ мущины и бабы, не сходя съ мѣста, но только двигаясь и ломаясь по такту, вмѣсто же музыки храпятъ въ носъ и выговариваютъ нѣсколько звуковъ. Бабы также подъ такту отхрапываютъ.

Нѣтъ рѣки, которая бы въ такомъ множествомъ изобиловала рыбъ, подымающимися стаями изъ моря. Особенно рыбы, любящія мягкое у рѣкъ дно. Собственно принадлежащія Оби: Муксунъ, Salmo lavareto affinis, Пыжьянъ, чогоръ; сорогъ, Salmo vimba, ряпушка, Salmo albula, бѣлая рыбица или Нельма, пребольшіе налими, таймени, харіусы, щуки, окуни, ерши, караси, плотва. Зимой добывается рыба вершами. Эта нетрудная ловля поручается ребятамъ. Веревки для сѣтей плетутся изъ тальниковыхъ прутьевъ.

По безлѣснымъ степямъ къ сѣверу, къ морю, промышляется много бѣлыхъ и голубыхъ песцовъ, красныхъ лисицъ, бѣлыхъ и сѣрыхъ волковъ, росомахъ, олепей, а южнѣй и дальше отъ моря, въ лѣсистыхъ мѣстахъ, лоси, рыси, соболи, горностаи, бобры. Кромѣ стрельбы производятъ охоту медведей, волковъ, рысей и росомахъ капканами и самострѣлами. Волковъ и лисицъ сверхъ того отравою изъ чилибухи и сулемы, пастьми или слопцами, изъ коихъ у Остяковъ особенно извѣстны Куромсѣки изъ бревна, которое обрывается и убиваетъ звѣря, какъ только тронетъ онъ приманку. Черкапъ, пасть которой въ Росіи ставятъ на горностаевъ и ласток, у Самоедовъ ставятъ на песцовъ. Противъ лисицъ ставится самострѣлъ изъ лука на супротивъ бугорка, въ коемъ закопанъ прикормъ. Бобровъ достаютъ искусно изъ поръ собаками. На олепей выѣзжаютъ во множествѣ съ бабами. Съ оленями употребляютъ множество хитростей, подвести ихъ подъ выстрѣлы. Олени глубоко засунувъ голову въ снѣгъ, изъ подъ котораго вырываютъ себѣ мохъ, и полагаясь на вѣтеръ, который принесетъ имъ за нѣсколько верстъ человѣческой запахъ, не видятъ приготовлепій. Зимой по глубокому снѣгу гоняютъ ихъ на лошадяхъ.

Когда самоеды кочуютъ подлѣ моря, то промышляютъ моржей и морскихъ телятъ, выходящихъ невдалекѣ отъ береговъ на каменья или на льдины. Изъ тюленей замѣчателенъ морской заяцъ, бѣлый и чистый какъ снѣгъ, шерсть лоскнетъ какъ серебро.

Какъ только станетъ оттеплывать, ищутъ талыхъ мѣстъ, гдѣ растаенный снѣгъ образуетъ болота, на кои сажаются птицы. Для ускоренія тали мечутъ по такимъ мѣстамъ золу. Иногда сажаютъ на льду, для приманки, чучелъ изъ гусей и утокъ, и скрывшись сами, стрѣляютъ изъ ружей.

Для ловли гусей и утокъ Остяки прорубаютъ въ лѣсу прямые проспекты. Гуси, не любя подыматься высоко, летаютъ этими улицами. Преграждая улицы сѣтями, они ихъ такимъ образомъ ловятъ. Сверхъ того Остяки искусно подманиваютъ ихъ гусиными криками свозь бересту. Растилаютъ также сѣти по берегамъ рѣкъ, гдѣ гуси любятъ шипать траву. Ловятъ только самыхъ большихъ птицъ, малыми пренебрегаютъ. Рускіе насоливаютъ утокъ во весь годъ въ такомъ изобилія, что весной должны даже выбрасывать вонъ остающіяся.

Тутъ кончились свѣденія, показанныя Зуевымъ. До 7 марта еще пробылъ Палласъ въ Красноярскѣ. Сего же числа послѣ обѣда выѣхалъ на ту сторону Енисея. Снѣгу было мало. Но къ Ангару страна и гористѣй, и суровѣй, и лѣсистей, снѣгу много. Въ большомъ сосняге встрѣченъ, по первымъ выходящимъ листамъ, Багульникъ, Rhododendrum dauricum. Въѣхавши въ Иркутскую губернію, для проѣзжающихъ покойные свѣтлые домы.

Мѣста по Вилую гористы, но горы всѣ слоеватыя; содержатъ или песокъ, или цвѣтной шиферъ, или мягкую слоями глину со многимъ колчеданомъ. Тамже находятъ по берегамъ разбитое каменное уголье, коихъ надобно находиться гнѣзду гдѣ нибудь выше по Вилую. По рѣкѣ Рамендой цѣлая гора изъ селениту, другая изъ Алебастру и подлѣ горная соль. По причинѣ наступившихъ большихъ оттепелей уже не видали больше снѣжныхъ жаворонковъ, alauda alpestris, и чорныхъ воробьевъ, Fringila flavirostris. Они полетѣли дальше на сѣверъ. Напротивъ того, появился въ большомъ множествѣ по городамъ и деревнямъ, сей странѣ толь свойственный, Пестрый воронъ. Corvus dauricus.

Рѣка Ангара, по которой шла наша дорога, имѣла великія полыньи. Далѣе она вовсе очистилась отъ льда. По ней уже плавали утки, гагары; между утками попалась Anas Hystrionica. Нужно было ѣхать по каменному берегу, что, по причинѣ малого количества снѣга, было тяжело. Чемъ ближе подъѣзжаешь ка Байкалу, тѣмъ горы становятся выше и видъ дичѣе. Досель онѣ были отлоги и слоисты. Жерло рѣки Ангары съ обѣихъ сторонъ стѣснено каменными горами, промежъ которыхъ, какъ будто сквозь ворота, великое моря пространство и стоящіе на берегу каменные хребты видны. На горахъ травы чуть только выходили. Прекраснѣйшія изъ нихъ были:

Позимняя травка.

Saxifraga bronchialis.

Androsace lactea.

Оголившіеся морскіе берега поразили новостью: особеннымъ родомъ сомнительной въ морѣ растущей бодягѣ, Spongia Baicalensis, изрядной величины. Ее сдѣсь случаемъ собираютъ подъ именемъ морской губы. Ею серебреники въ Иркусткѣ вычищаютъ и гладятъ серебреные и томбаков. сосуды.

Дорога по льду была прямая и часто далеко отходила отъ берега. Такъ сдѣлали 50 верстъ; потомъ пошла все по берегу, по всѣмъ заливамъ или бухтамъ, болѣ семидесяти верстъ. Мы почти переѣхали половину дороги пособіемъ жестокаго вѣтра, дувшаго намъ въ тылъ и уносившаго ямщиковъ почти по льду, такъ что не иначе какъ ножами должны были одерживаться. Опасность чтобы не замерзнуть и не попасть въ трещины, причиненые на льду бурей. Такъ какъ вихри умножались, то пріостановился до завтра въ зимовье на берегу. Въ зимовье уже было множество народу, готовившаго на ловлю тюленей, которые въ этомъ мѣсяцѣ выходятъ гулять на ледъ и спать на солнцѣ. Къ нимъ подъѣзжаютъ промышленики на салазкахъ, растягивая бѣлый парусъ, за которымъ скрываются. Тюлень думаетъ, что это стоящая льдина, и убивается легко изъ ружья. Море нынѣшній годъ такъ гладко замерзло, что ледъ былъ какъ

зеркальное стекло; только по берегамъ видны были стоящія льдины и торосы. Не всякой годъ случается такъ ровно замерзать. Снѣгъ на сей пространной равнинѣ не держится и для того по льду, покуда не пробьется слѣдъ, иначе нельзя ѣздить, какъ хорошо окованными лошадьми, и притомъ съ острыми шипами. Если весной подлѣ береговъ ѣздить станетъ опасно, то берутъ дорогу прямо черезъ Байкалъ съ Листвяничнаго Зимовья на Посольскій монастырь. Разстоянье 70 верстъ. Когда на морѣ ледъ начинаетъ разсѣдаться, то въ запасъ берутъ съ собою доски, по которымъ проводятъ и лошадей и сани. Въ самонужнѣйшихъ посылкахъ отваживаются переходить Байкалъ тогда даже, когда разсѣлина на нѣсколько саженъ шириною. Но тогда идутъ пѣшкомъ и тянутъ за собой маленькую лотку, въ которые переплываютъ отъ одной льдины до другой.

Изъ Посольскаго монастыря безо всякой остановки отправился я далѣе. По пескамъ снѣгъ великое разстояніе почти весь разстаялъ, такъ что едва можно ѣхать. Многія наводненія, промоины и соры вдоль по берегамъ, изъ Байкала разлившіеся, еще въ пути нѣсколько пособляли. Отъ монастырской степной деревни еще на нѣсколько верстъ былъ перегонъ по льду одного залива.

Страшныя горы и лѣса. Дорога лежитъ узкимъ путемъ въ лѣсныхъ глубинахъ, въ мѣстѣ гдѣ Селенга пробиваетъ хребетъ. По ту сторону Селенги застава, гдѣ осматриваютъ телеги и фуры, нагруженныя товарами съ китайскихъ границъ, всѣ ли заклеймены должною печатью. Свидѣтельствуетъ унтеръ-офицеръ съ небольшою командой.

Пріѣздъ въ городъ Селенгинскъ. Весь Селенгинскій округъ лежитъ межъ нещаными горами въ тепломъ мѣстѣ. Весна здѣсь раньше. Уже 20 дня Февраля выгоняли въ поле овецъ. Въ исходѣ сего мѣсяца снѣхъ по мѣстамъ, лежащимъ на полдень, весь сталъ, и птицы, проводящіе зиму въ теплыхъ мѣстахъ, налетѣли. Первая показалась Motacila leucomela, съ чорными и бѣлыми по крыльямъ полосами, какая въ гористыхъ мѣстахъ по

волгѣ и по Иртышу водится. Также маленькой сѣроголовинькой травничокъ, Motacilla Davura, которая лѣтомъ по сѣверу разлетается, а теперь во множествѣ около Селенги держится, находя для себя дикіе плоды съ дерева, извѣстные здѣсь подъ именемъ яблочковъ, pirus baccata; маленькіе птички изъ роду клюстовъ, Loxia Sibirica; прекрасный родъ красныхъ конопянокъ, Fringilla rosea; грачи, водящіеся зимой вокругъ Селенгинска, Corvus graculus; жаворонки, Alauda Alpestris, и наконецъ пестрые даурскіе галки, летавшіе по деревнямъ и по городу ужасными стадами. Къ концу марта подлетѣли Драхвы, красные утки и лебеди.

Дорога по каменнымъ, пѣскомъ и хрящомъ засыпаннымъ, горамъ, кои подымаются вверхъ по Селенгѣ. Солончатое поле, покрытое наноснымъ пескомъ и ничего другого не производящее, кромѣ деревца Ильмовника, Ulmus pumila. На мѣлкой рѣчкѣ, заросшей тальникомъ, плавали красныя утки, по сдѣшнему Турпаны, гуси, похожіе на Китайскихъ, anser cygnides. По кустамъ летали стадами клесты и тростники.

Кяхта, на ровномъ, нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ, окружена высокими горами, каменными, лѣсистыми. Изъ коихъ знатнѣйшая Орелъ-Гора, Бургультей, подлѣ которой съ полуденно-восточной стороны находится крѣпость, такъ что всѣ улицы и лавки, равно и Китайская слобода, весьма хорошо видны. Мѣсто, на которомъ выстроена Кяхта, песчанокаменно и ни подъ какіе огороды не годится. Вода въ рѣчкѣ Кяхтѣ дрянная, такъ что лучшіе питоки чая изъ милости берутъ у Китайцевъ изъ ключа, впадающаго въ Кяхту. Китайская слобода отъ нашего городка не далѣ 60 сажень на полдень. Въ ней до 200 тѣсно построенныхъ дворовъ, вокругъ дощатой заборъ и валъ. Въ каждой стѣнѣ пробиты ворота на большую улицу. Улицы усыпаны хрящемъ, стокъ для дождя по серединѣ, содержатся чисто. Дворы домовъ просторные, усыпаны щебнемъ. На улицы красные ворота съ калиткой, подлѣ амбары для товаровъ, у коихъ двери на дворъ, а спаружи большая навислая крышка. Остальное мѣсто на дворѣ вкругъ занято жилыми избами, чуланами съ запасомъ,

все изъ дерева, фашинникъ, глины и выбелено извѣсткой. Крыши досчатыя, впередъ навислые, у простыхъ крытые дерномъ и мхомъ. Въ окнахъ, за дороговизной стекла, слюда, у многихъ вставлена разрисованная бумага. На стѣнахъ избъ вывѣшены для пробы кусочки отъ всѣхъ товаровъ, кои въ ней находятся. Стѣны внутри обиты бумажками, въ стѣнахъ шкафы съ бумажными дверцами. Лавки, на коихъ сидятъ и спятъ (на 2 фута вышиной), занимаютъ болѣе половины избы. На лавкахъ складены изъ кирпичу четвереугольныя печки, дымъ утягиваетъ внизъ въ дыру и потомъ въ трубу, которая проводится туда и сюда подъ лавками и выходитъ на улицу дымникомъ, проведеннымъ подъ крышу. Отъ этого лавки необыкновенно горячи. Столъ и два маленькихъ лакированныхъ на лавахъ столика съ жаровнями для раскурки табаку — вся мебель. Кухня чистотой превосходитъ всѣ Европейскіе кухни. Китайцы удивительно чистоплотны, не смотря на то, что всѣ работы въ домахъ отправляютъ мущины. Китайцы снабжаютъ Кяхту огородной зеленью и привозимыми съ юга плодами. Китайцы въ торговлѣ несравненно хитрѣй и умнѣй русскихъ, которые своими ссорами, разногласіями и желаніями перебить другъ другу сбиваютъ сами цѣны.

Съ нашей стороны отпускаются въ Китай *пушные* товары звѣрей: Канадскій Бобръ, лучшая выдра, чернобурая лисица, простая лисица или бѣлодушка, сиводушка, голубые песцы. Камчатскіе Бобры, большіе (матки) и средніе (кошлоки). Хвосты морскихъ бобровъ, обыкновенные Зырянскіе, Обскіе и Чулымскіе бобры, сшитые бобровые брюшка, рѣчныя выдры, выдрины брюшка, медвѣжины, волчины, вольчьи выпоротки или выкидыши, вольчьи лапы, рыси и рысьи лапки, росомахи и росомашьи лапки, сиводушки и недолиси, сивые лисицы, огняпки или совсѣмъ красные лисицы, бѣлыя лисицы, лисьи брюшки, лисьи душки или шейки, простые лисьи лапки, лисьи хвосты, лисій хребтовый и брюшковый мѣхъ. Киргизскіе степные лисицы или карагавки, маленькіе степные корсаки, корсачьи лапки, песцы всѣхъ сортовъ: бѣлые, голубые, поники, синяки и чаяшники.

Одѣяла песцовые, соболи, ихъ хребтовые мѣха, брюшки, лапки и хвосты. Куницы, норки, ласки, колонки, хорьки, бѣлки, летяги, Бурундуки. Зайчины бѣлые, мѣхи изъ спинокъ и брюшковые, зайчины сѣрые. Мѣхи изъ бѣлыхъ заячьихъ ушковъ съ чорными концами, имѣющіе прекрасный видъ. Мѣхи кроличьи, дикіе кошки (манулы), шкурки выхохулей, мѣхи чорныхъ и бурыхъ кротовъ. Еврашковые, простые и крашенные сурковы или Тарбагановы шкурки, шубы ихъ изъ брюшковъ бѣлые какъ серебро, шкуры тюленьи, молодые бѣлые медведи, котики морскіе чорные и сѣрые. Санаяки (Якутскіе платья) изъ бѣлыхъ медвежьихъ кожъ, одѣяла бѣлыхъ медведей, шкуры якутскихъ пыжей или молодыхъ олепей, всякіе обрѣзки, лоскутки шубъ. Сайгачьи рога, изъ которыхъ Китайцы дѣлаютъ прозрачные окончины въ фонари, вмѣсто стеколъ. Мерлушки и длинношерстые ягнячьи шкурки или соксурки, бѣлые и чорные, овчины, козьи шкуры или ямапы, изъ коихъ дѣлаются мунгальскіе шубы, собачьи шкуры, домашніе кошки всѣхъ сортовъ и цвѣтовъ, чорные и красные юфти, выростки или молодые олепины, выдѣлапные опойки, ровдуги и сафьяны.

Живые овцы, волы, мѣрпны. Говядина, баранина, лошадное мясо старыхъ убитыхъ лошадей или клячь. Говяжье и баранье сало. Рыбій жиръ, простой клей, рыбый клей.

Изъ мапуфактури. товаровъ: простое солдатское сукно, простое руское сукно сермяга, мужицкое сукно крашенное и некрашепное. Овечьи войлоки, Московскій полуколоменокъ, руской штамедъ, простой дрель, набойка, пѣстредь, простой холстъ, салфеточной холстъ, тикъ, простые холщевые платки, мѣдный чайникъ, простые зелепые бутылки и стакапы стекляный, зеркала всякой величины, мишура, топоры, косы, серпы, простые карманные складные ножи, ножи въ ножнахъ, ножницы, негодные ворбтные замки.

Отъ Китайцевъ, кромѣ чаевъ, привозятъ серебро въ слиткахъ, употребл. у нихъ вмѣсто большой монеты. Сырая чистая хлопчатая бумага. Сученый шелкъ. Ровный бархатъ, весьма мягкой,

рытой цвѣтной бархатъ. Тонкая фанза (лучшая шолковая матерія), Уссы, плохая шолковая матерія съ атласнымъ лоскомъ. Шелковый флеръ, шелковая ланза, Бухарская кутня (бумажная матерія съ шелкомъ и атласными полосами). Готовые для дождя эпанчи изъ фанзы. Китайки всѣхъ сортовъ и разные дряпные шолковые матерьи съ подмѣсью крапивныхъ нитокъ. Голи, горнитуры, Байберки, бумажныя байки, шолковые занавѣсы.

Фарфоровые чашки съ крышками и безъ крышекъ. Такія же тарелки и маленькіе миски, конфектные приборы и конфектные тарелки. Глиняные чашки, шпилькумки, горшки, каменныя тарелки, чайники и чашки, всякіе финифтяные блюдцы и вещи. Лаковые подносы, деревянныя лаковыя чашки, лаковые шкапы дорогіе, лаковые деревяные ящички съ мѣстечками на разн. употребленіе, рѣзные словой кости ячпки, перламутомъ и черепахой обклееные ячщички. Китайскія библіи рисованныя и рѣзныя изъ слоновой кости, или же съ фигурками, выдѣлапными изъ древесного сердца на шелку (непристойные), всякія куклы изъ фарфора, глины, тальку или свиного камня, и тому подобный вздоръ, лаковые на часы футляры, роговые фонари, фонарики, бумажные, креповые. Портреты малеванные на шелку. Сурику, бѣлилы въ коробочкахъ, бумажныхъ румяна, курительныя свѣчки, камышевые трости, и тому подобный, совершенно ненужный намъ вздоръ.

Китайцы собираютъ *ревень* руками Тангутовъ. Онъ родится, гдѣ отъ Селима до самого Конноора идутъ кремнистые ухабы. Старое годное коренье узнается по стеблямъ преужасной толщины. Листы его должны быть совсѣмъ круглые, безъ выемокъ и зазубринъ на ободѣ, и потому настоящій ревень не принадлежатъ не принадлежитъ къ названному отъ Ботаниковъ Rheum palmatum, коего листы Бугарцамъ даже незнакомы, но къ Rheum compactum, а можетъ быть и Rheum undulatum, который по Сибирскимъ студеннымъ и сырымъ горамъ родится съ гнилымъ корнемъ, но у нихъ по Тибетскимъ горамъ, сухимъ, открытымъ и полуденнымъ, имѣетъ корень хорошій. Вывозъ лучшій ревеня

у Китайцевъ запрещенъ, случается или тайно, или чрезъ подарки командирамъ, или въ смѣшеньи съ дурнымъ. Привозятъ его на верблюдахъ въ шерстяныхъ мѣшкахъ по 5 пудъ въ мѣшкѣ, везутъ его на ревенной дворъ, принимаютъ въ присутствіи браковщика аптекаря. Работники тутъ же, подъ присмотромъ бухарцовъ, отдѣливъ отъ здороваго корня все негодное и хилое, жгутъ его, хотя бы оно еще и годилось на пастой. Только одно здоровое вѣсится и плотятся по вѣсу.

Выѣздъ изъ Кяхты. Солнышко такъ грѣло, что на полуденныхъ косогорахъ луга начинали зеленеть. 13 апрѣля изъ подъ пѣску показалась вѣтреница, Anemone pulsatilla. Въ тоже время прилетѣли Бакланы на рѣку Селенгу. 16 по отверстіямъ песчаныхъ бугровъ начинали пролезать:

Alyssum hamilifolium. Торица, Кашибъ, Икотная трава, бурачокъ, съ листами морской лебеды.

Alyssum montanum.

Lepidium Thlaspioides, перечная трава, крессъ.

Potentilla subacaulis, зелѣнѣющая подъ снѣгомъ и служащая первою паствою оголодавшимъ Бурятскимъ стадамъ, уже цвѣла 20-го.

Veronica incana, которой изсохшіе листы общипываютъ въ тоже время овцы, вмѣстѣ съ цвѣточками обоихъ сортовъ вѣтреницы, служитъ имъ слабительнымъ, очищая ихъ отъ зимней чесотки.

Летали по сосиягамъ Подорожника, Emberisa Cia и Pithyornus, а по тальникамъ стадами при березахъ голубыя кедровки съ чорными головами и предлинными хвостами. Cornus Cyanus. Отдалясь отъ Селенги направо къ рѣкѣ Хилокъ, по коей много маленькихъ деревень. По Селенгѣ поляки разводятъ сады и арбузы.

Хлѣбопашество. Чтобъ кустоватые и лѣсистые мѣста сдѣлать пахотными, Поляки съ успѣхомъ употребляютъ плугъ съ сошниками, какъ въ ихъ землѣ, и косулю въ двѣ припряжки на колесахъ или безъ опыхъ; коею орютъ гораздо глубже и подсѣ-

каютъ корѣнья лучше, чемъ рускою косою. Сошнику у плуга треугольные, шириною въ ладонь и весьма навострены; правой лежитъ плашма и внутреннимъ краемъ нѣсколько поглубже; а лѣвой къ тому стойкомъ, и острымъ бокомъ къ верху; при семъ находится лопатка желѣзная или деревянная для оборачиванья отрѣзанной стоячимъ сошникомъ земли на другую сторону борозды.

Лѣсъ на горахъ по Куйтуну сосняг, а по буграмъ лиственишникъ. Онъ покрываетъ особенно сѣверную сторону Синей горы, которая здѣсь высочайшая, изъ которой истекаетъ и рѣка Куйтунъ. Лосей и дикихъ звѣрей великое множество. Вокругъ лежатъ горы, не безъ рудны, хоть и не разрабатываются. Скоро пропадающія въ горахъ жилы заставили правительство бросить начатую разработку, предоставивъ ихъ безпошлинно Куйтунскимъ кузнецамъ, плавящимъ ихъ въ своихъ кузницахъ. Руда лежитъ подъ краснымъ глинистымъ валомъ и каменнымъ слоемъ горы въ половинѣ косогора къ глубокой долинѣ, толщиной отъ одного аршина на цѣлую сажень, а шириной на 15 сажень, но въ горѣ такъ непостоянна, что тотчасъ и конецъ ея можно видѣть. Она вся разбита гнѣздами, такъ что кирками добывать легко. Тверда, съ чорнымъ блескомъ, и много даетъ стали, выключая что по горѣ валяется отчасти охристая, красная, отчасти темнобурая каменная, къ плавкѣ негодная, мужиками называемая Исмоденомъ.

Желтая трясогузка съ совершенно желтой головой.

Куриной цвѣтъ, Ornitogalum luteum, начиналъ распускаться по хрящеватымъ песчанымъ лугамъ и солнчакамъ.

Sibbaldia erecta, имѣющая красивыя звѣздки изъ листковъ, распускалась по каменистымъ мѣстамъ.

Вблизи рѣки Уды, впадающей въ Селенгу. По горамъ сосняг. Гора опочистаго красноватого плу, подобнаго чистому, дикому, кремнистому камню, который продолжался на востокъ и на западъ большими увалами, а къ сѣверу кончился глубокою долиною.

Lycopodium rupestre. Плаунъ утёсный; по горамъ.
Androsace villosa. Рѣзуха, Переломъ.
» lactiflora, обѣ распускали свои цвѣты.
Dracocefalum pinnatum, по горамъ.
Посконная крапива, Urtica cannabina, начинала разцвѣтать по долинамъ.

1 Мая. Повсюду оставленные рудники. Далѣе мѣста открытые и возвышенные. Выпалъ снѣгъ, горы побѣлѣли. Вблизи рѣки Погромной минеральный ключъ, изъ коего въ безмѣрномъ количествѣ пьютъ Буряты воду отъ головной боли, отъ разслабленія и внутреннихъ припадковъ. Она производитъ рвоту. Страна холодная; мѣста и болотисты, и лѣсисты, и гористы вмѣстѣ. Снѣгъ началъ падать во множествѣ, дорога затруднялась, травъ нигдѣ. Лошади падали, не хотя вкусить березоваго листу, которымъ ихъ кормятъ буряты. Множество нашли въ снѣгу отъ холода и мороза умершихъ птицъ, между ними мѣлкаго сорта голубохвостую трясогузка, Motacilla cyanurus. На помощь лошадямъ припрягли верблюдовъ, но упрямые ложились на колѣни и не хотѣли итти. Водныя разлитія. Переѣзды съ телегами по плотамъ и бревнамъ. Несмотря на ужасное стремленье рѣки, посреди ея игралъ прекрасный родъ утокъ, Anas histrionica, называемый отъ рускихъ каменушками, по причинѣ того, что любитъ быстрѣйшіе каменные рѣчки. Высокія мѣста. По нимъ разбитый каменный хребетъ, называемый *Яблоннымъ*. Гребень, шириной въ двадцать верстъ, состоитъ изъ сѣраго камня, идетъ до восточнаго океана, отдѣляя Даурію отъ Сибири и рѣки, впадающіе въ Лену и Байкалъ, отъ Амурскихъ. Въ горахъ нѣтъ ни слоевъ, ни рядовъ, но малые и большіе каменья лежатъ будто разметанные, безо всякаго порядку; по нимъ растетъ мохъ, а по щелямъ деревья разстилаютъ свои коренья. Снѣжная вода, съ быстротой стекающая, оголила издревлѣ горы. Всѣ они были мокры, лѣсъ изъ лиственницъ, мѣлкихъ березокъ, на югостоочной сторонѣ по рѣчкамъ красная и бѣлая сосна.

11 мая. Продолженье пути до Читинска, въ теплыхъ мѣстахъ по горамъ Ревень, Rheum undulatum.

Primula farinosa, скороспѣлка, сонъ, гасникъ, бѣлая буквица (мучнистая) пролѣзала по низкимъ мѣстамъ.

Cotyledon malacophillum, пуповникъ, прекрасная травка выходила по лѣсамъ на косогорахъ.

Ужасное множество земляныхъ всякого рода мышей. Изъ нихъ особенно примѣчателенъ черноватенькой родъ, mus oeconomus, роющихъ норы подерномъ, необыкновенно пространныя, съ магазинами, въ которые натаскиваютъ до десяти фунтовъ чищеннаго коренья. Ихъ отнимаютъ дикіе свиньи и Тунгусы, охотники до опьяняющихъ кореньевъ.

Отсель видно за рѣкою Или высокую гору Алахану, которая совсѣмъ бѣла отъ снѣга, несходящаго съ нее во все лѣто. По рѣки Или цвѣли Spiraea chamaedrifolia, козья бородка, бородатый лабазникъ и Сибирскій черносливъ, Prunus sibirica, красивый кустарникъ, схожъ съ садовыми абрикозами, застилающій собою большую часть обнаженныхъ горъ, покрытыхъ голышами и разбитыми каменьями. Зерна его настаиваютъ на вино, получающее персиковый вкусъ. Ягоды, особенно незрѣлыя (они поспѣваютъ въ Іюлѣ), причиняютъ головную боль.

Ничего нѣтъ великолѣпнѣе, какъ сіи крутые по Опону и безлѣсные горы, коихъ полуденная сторона цвѣтами Сибирскаго чернослива, полуночная же цвѣтущимъ Rhododendron dauricum, съ верху до подошвы, пурпуровымъ цвѣтомъ одѣвались.

Ловля дикихъ козъ, называемыхъ дзеренами, первѣйшее увеселеніе Мунгаловъ и Тунгусовъ. Выѣзжаютъ станицамъ отъ 50 до 200 человѣкъ. У каждого лукъ, стрѣлы и хорошо выученная собака. Избираютъ мѣста открытые къ рѣкѣ или лѣсу, преграждающему звѣрю дорогу. Ватага разъѣзжается на малые кучки, дѣлаетъ превеликой кругъ. Концы или крылья впередъ подающагося или заходящаго круга, подкрадываясь изъ за горокъ, изъ за бугровъ, дабы способнѣй и совершеннѣй окружить звѣря, сходятся позади того мѣста, гдѣ звѣрь указанъ. Какъ скоро обошли,

то подходятъ ближе, кругъ льдей становится чаще. Дзерены испуганные бросаются въ бѣгъ. Промышленники на нихъ отъ всюду со всѣхъ сторонъ скачутъ во весь опоръ и, окруживъ, крикомъ и свистящими стрѣлами обезумливаютъ звѣря и повергаютъ, сколько могутъ. Стрѣлять же и попадать въ цѣль на бѣгу, на всемъ скаку съ лошади, Даурскіе охотники мастера. Лѣсу и воды даурскіе сайги боятся.

По низменнымъ мѣстамъ около Онони расцвѣтала смолистая тополь, роняя съ себя почки, одѣянныя во всю зиму вязкою благовонною смолою, подобной Мекскому бальзаму. Птичьи вишни тоже начинали разцвѣтать. Цвѣли по долинамъ:

Astragalus biflorus.

Gentiana aquatica, малѣйшая изъ даурскихъ травъ.

Potentilla fragarioides, клубникѣ подобная.

Viola pinnata, по горамъ.

» digitata.

Iris pumila, низкая ирь.

Scorzonera humilis, козелецъ.

Papaver nudicaule. Макъ нагоствольный. Его желтыми цвѣтами испещренна великолѣпно весной вся Даурія, на чистыхъ мѣстахъ, сколько можно обнять ихъ глазомъ.

Рѣка Ононь протекаетъ по каменному дну и потому выкидываетъ на берега множество сердоликовъ, халкедоновъ и кашелоновидныхъ камешковъ, которые, если бы были покруп ѣе и безъ трещинъ, продавались бы высокою цѣной. Куски зеленой, желтой и полосатой яшмы валяются повсюду. Кашолоновъ и сердоликовъ по Аргуню еще больше. Попадаются также жемчужные раковины и всякіе болотные ракушки, величины огромной, вдоль по Ононю по озерамъ.

Astragalus depressus, низменный, покрывалъ всѣ пространства въ лѣсахъ и былъ въ полномъ цвѣту.

Iris an verna, Благовонный касатикъ.

» acaulis.

Hemerocaulis, Лилеезлатоглавникъ, Морецвѣтъ, властоцвѣтъ.

Stellera camaejasme.

Вербовникъ былъ разсѣянъ повсюду кустами.

Robinia caragana, килижикъ, горовникъ, поѣдомый даурскими овцами, отъ котораго они жирѣютъ.

Lilium pomponicum, Сарана или красныя полевыя лиліи еще не цвѣли, они поспѣваютъ въ Іюнѣ.

Руской и Китайскій маякъ изъ одного коннаго караульнаго на холмѣ, который весь изъ яшмы темнозеленой, иидѣ почти полупрозрачной, испещренной красноватыми жилками, коей слои въ горѣ, въ натуральномъ ихъ положеніи, почти видны были наружѣ.

Ribes diacantha, особый родъ Ежевики родится въ Дауріи и по Селенгѣ. Она имѣла уже листья и цвѣты, кои у нее бываютъ сережками. Ягоды во множествѣ и красноваты, но поспѣваютъ не прежде, какъ въ позднюю осень. Сладки, но меньше смородины, сушеныя какъ коринка.

Iris an spuria? голубой кватикъ роскошествовалъ по пескамъ вокругъ озера.

Phaca, узлы, зимніе орѣшки, по землѣ растплающаяся.

Potentilla bifurca, Серебр. двоевильчатый.

Phaca salsula.

Караулы и цѣпи карауловъ. Козаки разселившіеся по рѣкѣ Опоню. Родъ лошадей дикихъ, которыхъ называютъ Мунгальцы Джигитеями. Долгоушей. Похожъ на Лошака, но плодится. Дикъ и быстръ, такъ что никакая лошадь его не угонитъ. Обоняніе столь сильно, что его нельзя никакъ обойти облавой, какъ сайгъ. Пріучить сколько ни пробовали, никакими мѣрами не можно.

1 Іюня.

Primula farinosa.

» Rotundifolia, покрывали своими красными цвѣтами солнончатые поля.

Плѣшивецъ особаго рода, съ свѣтлыми и жолтыми цвѣтами.

Viola pinnata.

Viola lanceolata.
Sophora lupinoides, по сухимъ песчанымъ мѣстамъ.
Stellera camaejasme.
Прекрасный, съ бѣлымъ цвѣтомъ, касатикъ.
Pedicularis, вшивникъ, вошникъ, гнидышъ, желтая.
Potentilla sericea.
» multifida, многораздѣльный.
Hyosciamus physalodes, блекота, белена одуревающая, одуревающія семена ее (поспѣваетъ въ Іюнѣ). Тунгусы жгутъ какъ кофій и пьютъ по утрамъ.
Clematis Hexapetala, Ломонос, бородавникъ, пищая трава.

Отдаленные горы подымаются изумительно какими верхами, похожими на оставшіяся развалины какого нибудь строенія. Многіе горы такъ украшены каменьями, что нельзя не подумать, чтобы это не стада лошадей, коровъ или верблюдовъ паслися. Различные горъ кабаны положеньемъ и фигурой приводили въ изумленье. Необыкновенно пріятныя долины, множество оленей, птицъ всякихъ. Все вокругъ было испещрено цвѣтами, коп здѣсь цвѣли раньше, чемъ въ другихъ мѣстахъ. Нигдѣ еще не попадалось такое пріятное мѣсто. Каменные бараны, Аргали, на ногахъ выше обыкновенныхъ овецъ, шерсть зимою длинная, лѣтомъ короткая. Никой елень такъ не пужливъ. Въ бѣгу скоры и дюжи, бѣжитъ отъ человѣка не прямо, но кидаясь въ ту и другую сторону. Въ горахъ цѣпляются за ухабы и камни и прыгаютъ съ чрезвычайнымъ проворствомъ.

Каменные, пѣскомъ изобильные, горы на Ононѣ были всѣ усыпаны цвѣтами. Наболѣе изобиловалъ макъ отъ бѣлаго и свѣтложелтаго даже до оранжеваго и всѣхъ смѣшенныхъ цвѣтовъ.

Касатикъ, Iris dichotoma, толь что пролезалъ своими листами въ великомъ множествѣ по камен. горамъ. Монголы называютъ его ханчи, ножницы, и употреб. отъ зубной боли.
Centaurea, съ весьма великими головками, видимая только въ одной Сибири, распущала свои первые цвѣты.

Lychnis alpina, по низменнымъ лугамъ.
Pyrus baccata, Груша ягодоносная убирала берега и острова своими бѣлыми цвѣтами.
Бѣлый курослѣпникъ уже отцвѣлъ.
Розы, Тавогли, Лилеезлатоглавники и Orobus tuberosus, цвѣли посреди березняка, покрывавшаго высокій хребетъ.

Даурскіе Степные Тунгусы почти выводятся, утѣсняемые нуждами бѣдной своей жизни. Лица ихъ плоски, похожи на самоедскіе, волосы чорные, жидкіе, бороды почти нѣтъ. На головѣ стригутъ въ кружокъ, на верхушкѣ заплетаютъ долгую косу, какъ сказываютъ, затѣмъ чтобы можно было привязать на головѣ лукъ и не замочить его во время плытья черезъ рѣку. Образомъ жизни посреди своихъ юргъ мало отличаются отъ бурятовъ. Множество Тунгусовъ изъ нужды живутъ въ Рускихъ деревняхъ. Если мужикъ согласится платить за Тунгуса въ годъ ясакъ, кормить его и одѣвать, тогда онъ работаетъ охотно и съ удовольствіемъ. Бодры, свѣжи, мастера ѣздить на лошадяхъ и стрелять изъ лука. Для казацкой службы нѣтъ лучшаго народу, ни въ храбрости, ни въ вѣрности. Искуство ихъ пускать стрѣлы изумительно: воткнувши одну стрѣлу въ землю и разскакавшися на лошади изо всей поры мочи, они перестреливаютъ ее изъ лука другою. Въ одно и тоже время, сидя на лошади, погоняетъ плетью, беретъ стрѣлы, стреляетъ, не имѣя въ рукахъ узды, управляя лошадь только однимъ движеньемъ своего тѣла. Держится одной ногой за сѣдло, на скаку всѣмъ тѣломъ повѣсится на сторону, опрокинется, стреляетъ назадъ, не сворачивая лошади съ бѣгу. Тунгускіе роды имѣютъ надъ собою начальниковъ Тоіоновъ, которые дѣлаютъ роспись душамъ и за всѣхъ привозятъ ясакъ, отдавая его деньгами, а съ тунгусовъ собирая мѣхами. Ихъ много истребила въ послѣднее время оспа и венерическая болѣзнь.

Путь по рѣкѣ Агѣ, болотистой своими займищами. Вдоль по Агѣ кочующіе буряты были намъ очень благосклонны и госте-

пріимны. Согнали отовсюду свои табуны на дорогу добровольно, для перемѣны лошадей, приносили въ подарокъ барановъ, молока и молошной водки. Отъ рѣки Аргалея дорога лежитъ мокрыми горами, вершины сѣверной половины заросчены были березникомъ. Тѣнь и сырость производили прекраснѣйшіе, въ лучшемъ цвѣтѣ Альпійскіе травы. Изъ нихъ примѣчательны:

Rhodiola rosea, Розовый корень, красивѣйшая изъ всѣхъ и чаще другихъ попадавшаяся на болотахъ, въ 1 ар. вышиной.

Androsace lactiflora. Переломъ млечноцвѣтный.

Cortusa Gmelini. Заржица, Лѣчуха, Кортузъ Гмелиновъ, очень рѣдкая.

Mitella nuda, Епископская шапка, нагая, тоже рѣдкая.

Cypripedium bulbosum, веперинъ башмачокъ. На сухомъ черноземѣ между кустами.

Thalictrum alpinum, золотуха, щелкунъ, зяблица, лучевая рута. Тамъ же.

Trollius asiaticus, желтоголовъ, купальница; и другіе лѣсные травки.

Spiraea chamaedrifolia, таволга, лабазникъ, журавъ кадилолистный, была вся усыпана цвѣтами, а иглами пуще, чѣмъ шиповникъ.

Anemone dichotoma, вѣтреница, одномѣсячникъ, бѣлокъ сокъ (двораздѣльная), по болотнымъ займищамъ.

Pedicularis verticillata, вшивникъ верхоцвѣтный, коленчатый, тамъ же.

Symphitum tuberosum. Лошаково ухо. Живокость, сальной корень, (шишковатый) тамъ же.

Flora sibirica, по холмамъ.

Слѣдующаго дня дорога лежала все подлѣ рѣки Ингоды, мѣста были гористыя, густымъ лѣсомъ, каменьемъ и пѣсками изобильныя. Дорога становилась узкой отъ утесовъ, выходившихъ въ рѣку. Въ лѣсахъ цвѣли во множествѣ:

Cornus alba.

» Asiaticus.

Cypripedium calceolus, венер. Башм. обыкновенный.
» guttatum.
Hesperis sibirica, вечерница, вечерняя, ночная Фіалка (сибирская).
» matronalis, вечерница бабья.
Stellera chamaejasme.
Potentilla fruticosa.
Polemonium. Балдырьянъ троецвѣтъ.
Geranium sibiricum.
» Columbinum.

Прекрасная желтая Ирь цвѣла по болотамъ. По холоднымъ же пагорнымъ озерамъ плавали листы травки, свойственной восточной Сибири, Sagittaria natans. По сырымъ пригоркамъ процвѣтали Остролистая Ольха и многіе горные прутняки.
Sysimbrium asperum, расцвѣталъ по р. Удѣ.
Aster alpinus, звѣздоцвѣтъ астръ.
Centaurea uniflora, Бѣлолисъ, чертополохъ одноцвѣтный, тотъ и другой по горамъ.

Въ темныхъ мѣстахъ цвѣли:
Кокушкины сапожки, Cypripedium calceolus, трехъ сортовъ.
Lilium pomponium, сарана, лилія помпонная.
» bulbosum.
Hemerocallis flava.
Polemonium, усыпалъ промежутки голубымъ цвѣтъ, а
Trollius, оранжевымъ.
Stellera chamaejasme, Мужикъ корень, усыпала подошву одной горы въ такомъ множествѣ, какъ бы была тутъ посѣяна.
Змѣиной хвостъ, dracocephalum nutans.
Даурская моховая смородина. По мшистымъ мѣстамъ подлѣ рѣки. Листья какъ у простой чорной смородины, но стебли растилаются по мху и ягоды особенны.
Cymbaria daurica.
Convolvulus cantabrica, двѣ рѣдкіе прекрасные травки росли въ изліществѣ по борамъ.

На открытыхъ песчаныхъ лугахъ по Сухарѣ росло неска-занно какъ много Ревеню, Rheum undulatum, съ чрезвычайно толстымъ кореньемъ.

Крушина, Ramnus erythroxylum, похожій на ramnus lycioides. Его твердое и какъ кровь красное дерево, называемое по сдѣшнему Яшилъ, идетъ на кивоты Божкамъ у здѣшнихъ народовъ.

Rubia cordifolia, марена сердцеобразная.

Menispermum canandese. Мѣсячное семя, лунносеменникъ канад-скій, рѣдкая трава, женской родъ ея вьется по скаламъ какъ повиличные, мужскіе ростутъ прямо.

Spiraea salicifolia. Таволга верболистная, по песчанымъ бере-гамъ во множествѣ.

Linum perenne, также и тамже.

Hedysarum fruticosum, Гребешокъ, Петушья головка, (кустистый) прекрасно украшалъ Селенгинскіе песчаные горы.

Hipecoum erectum, Житной цвѣтъ, житникъ, мачекъ полевой, размножается до самаго жилья, какъ куколь.

Столь же хорошо роскошествовали и окольности Селенгин-скія, состоя изъ пригорковъ черноземныхъ, открытыхъ солнцу, подымающихся въ отлогіе горы, и прозводя почти всѣ травы, какіе находятся въ Даурін. Прибывъ 20 іюня туда, засталъ я слѣдующія травы:

Sophora lupinoides, Индѣйское растѣніе.

Ballota lanata, Шерстистная глухая крапива. Чернокудренникъ.

Corispermum hyssopifolium, клоповное семя.

Isopirum fumarioides, козій горохъ.

Anchusa saxatilis, воловій языкъ, ослиныя уста, по горамъ и долинамъ.

Куколь росъ почти въ самомъ городѣ.

Asclepias purpurea. Стручковато зелье, Ласточникъ, Чертова борода.

Statice rosca. Желтокорень, вязникъ.

Atraphaxis spinosa, кустарная греча (колючая).

Cotyledon spinosa, пупокъ, пуповникъ.
» Malacophillum.
Sedum Aizoon, Молодилъ скрыпунъ, безпрерывно зелеѣющій.
Peganum daurica, Песье Дермо, ежье.
Potentilla sericea, жабникъ, молка, серебристая трава, гусиная лапка (желковистая).
Anemone narcisiflora.
Papaver nudicaule.
Dracocefalum peregrinum.
» Moldavica.
Cymbaria daurica.
Scrophularia scorodonia, коричникъ, красной корень (португальской).
Sisymbrium integrifolium, Гулявникъ, рѣжуха, цѣлолистный.
Hesperis rupestris.
Phaca prostrata, зимніе орѣшки; узлы.
» lanata.
» physodes.
Astragallus melilotoides.
» laguroides.
» lupulinus.
Tanacetum sibiricum.
Viola uniflora.
Съ холодной стороны и въ узкихъ ложбинахъ.
Saxifraga bronchialis.
Talictrum sibiricum.
Lycopodium sanguinolentum, плаунъ кровавый.
Кустарники:
Pyrus baccata.
Ribes diacantha.
Ulmus pumila, Илина, берестина низкорослая.
Robinia pygmea, Чплижникъ, железпякъ низкорослый, во множествѣ вокругъ Селенгинска. Его цвѣты жолты какъ золото, а потому называютъ его здѣсь золотарникъ.

Amigdalus nana, похожъ на маленькой кустарникъ, который водится по волгѣ и называется калмыцкими орѣхами.

По островамъ селенгинскимъ находилось во множествѣ маленькихъ, живущихъ въ пескахъ, зайчиковъ, которые называются Оготоны. Тушканчиковъ также много по причинѣ сараны, которой лукавицами они питаются и которой здѣсь ростетъ въ обиліи необыкновенномъ. Монголцы ихъ ловятъ и жарятъ. Разсказываютъ про нихъ тоже, что въ Англіи про ёжа, а въ Россіи про жабу коровницу, будто они по ночамъ сосутъ у скота изъ титекъ молоко. Справедливо по крайнѣ мѣрѣ то, что они дѣйствительно находятся во множествѣ въ овечьихъ стадахъ и пугаютъ ихъ своимъ прыганьемъ. Нѣкоторые Естествологи разсказываютъ тоже самое про козодѣя, Caprimulgus Europeus.

Гора, изъ которой ломаютъ хорошіе куски Халкедона и наждака. По правому берегу рѣки Селенги горы сѣраго разноцвѣтнаго камня, состающаго изъ смѣшенья Аметистового, Рубинового, сѣраго и другихъ цвѣтовъ. Онъ ломокъ и ничуть не влаженъ.

Вообще сей камень такого сложенія, что наружѣ мякнетъ и распадается, и для того восходя на горы, можно ясно видѣть и доказать, что пѣсокъ летучій и переносный вѣтромъ по Селенгѣ и слѣдовательно по всей Дауріи не откуда взялся, какъ отъ распадающагося мало по малу онаго камня. Около Селенгинска усматриваются тѣже самыя аметистовыя и голубыя зернышки, коими и самые скалы пѣстрѣютъ. Оголившіеся горъ вершины проникаются снѣгомъ и дождями, разводятся при всякой непогодѣ, раздробляются сперва крупнымъ хрящемъ, послѣ разсыпаются въ щебень и въ летучій мѣлкій пѣсокъ, который вѣтромъ сноситъ, водою внизъ смываетъ и такъ заметаетъ долины.

Товары, идущіе гужемъ съ Кяхты, съ самой весны до поздней осени грузятся въ дощенники и дощенниками идутъ по Селенгѣ внизъ, по Рѣкѣ въ Байкалъ и далѣе въ Ангару, Тунгузку и Енисей. Въ Чикоѣ со вчерашняго дня прибыло воды, вѣроятно въ горахъ былъ великой дождь. Селенга также выступила изъ

береговъ. Отмѣль оглыбла. Поле желтѣло отъ жолтыхъ цвѣтовъ Гемерокала. Поворотъ въ узкую песчаную ложбину, которая простиралась межъ горъ, краснымъ лѣсомъ покрытыхъ, изгибается отъ востока къ сѣверо-востоку, имѣетъ слѣды протекающаго ручья и болотину. По сухому мху lycopodium sanguinolentum, бѣгала моль lepisma.

Отсель дорога идетъ высокими каменными и жаркими безлѣсными горами, гдѣ прыгало множество всякихъ сверчковъ, которые если поутру летаютъ долго по воздуху, то предвѣщаютъ дождь. Дорога по сторонамъ была усыпана хорошо пахнувшей чернобылью, Artemisia Pectinata.

По болотамъ разцвѣтали:

Pedicularis paniculata, съ красными, иногда же темножолтыми, а иногда свѣтложелтыми цвѣтами.

Filago leontopodium, Мухоловъ жабникъ (кошечный).

Ophrys paludosa, Двулистникъ, Подколань, птичье гнѣздо (болотный).

Orchis cucullata. Кукушкины слезки, пѣтушки, сатиръ (сибирской).

Papaver nudicaule, дикой макъ съ бѣлыми цвѣтами и желтизной внутри, покрывая луга по ту сторону болотъ.

Robinia caragana, бобовникъ, имъ заросли песчаныя поля по рѣкѣ Кяхтѣ.

Trifolium cytisoides, очень красивой.

Маленькая дикая конопель.

Pedicularis striata. Стебель прямой, цвѣтокъ въ верху зіяющій, листики узкіе.

Convallaria verticillata, Ландышъ круглоцвѣтный.

Valeriana rupestris, Стволъ тонокъ, красноватъ, одѣтъ листьемъ попарно, цвѣточки многочисленнѣй, мѣлче, желтѣе, чемъ у valeriana sibirica.

Astragalus bullarius.

Cotyledon malacofilum. Саволъ, съ низу весь въ листахъ лавровидныхъ, густо обсѣвшихъ, къ верху превращается въ цвѣточный колосъ, нагнувшійся гусарскимъ ментикомъ.

lepidium ruderale, перечникъ собачій, пометный.

» latifolium, по солончакамъ.

Твердой, порядочный Агатъ, который вывалпвается наружу изъ обвалившихся береговъ рѣки, за двѣ версты отъ Урлуцкой слободы, въ деревнѣ же Гутаѣ ломаютъ въ кварцѣ просѣдающій карандашъ, почитаемый долго за желѣзную руду.

Вообще Даурія и все лежащее за Байкаломъ погорье кладъ для Естествоиспытателя. Говорю погорье, потому что и самыя равнины неиное что, какъ площади на отлогихъ горахъ, кои всѣ лежатъ высоко относительно Западной Сибири. Кромѣ высочайшаго, лѣсистаго хребта, беспрерывно простирающагося отъ Байкала до вершинъ Селепгинскихъ и составляющаго, соединившись съ Саянскимъ хребтомъ около Енисея лежащимъ, престрашный, отчасу ширѣ и ширѣ гребень, однимъ концемъ къ западной губѣ Байкала, а настоящимъ хребтомъ продолжающихся въ Мунгаліи чрезъ вершины Енисея, Селенги и Толы, гдѣ онъ потомъ разбивается на части, или амурскіе рѣки отъ Сибирскихъ, или свои главнѣйшіе Наунъ и Шарамуринъ межъ собою, или амурскіе отъ Хоанго отдѣляетъ, кромѣ главнѣйшаго гребня, многими ужасными, вѣчнымъ снѣгомъ покрытыми, безлѣсными, морозными, гольцами прозываемыми верхами, все прочее пространство межъ Байкаломъ и границею наполняютъ сухія, открытыя, прерывныя, крутыя, каменные горы, межъ коихъ пролегаютъ песчаныя долины и равнины, которыя также доказываютъ ясно, что песокъ состоялся отъ распавшагося сихъ горъ камня, и что вѣтры, дождь и снѣжные тали и другіе водные потоки были причиною его съ нихъ смытія и распространенія. Ибо большая часть опыхъ горъ состоитъ изъ рухлой опоки и другихъ таковыхъ камепьевъ, и очень немного мѣстъ, гдѣ бъ были видны уклоны, кромѣ развѣ тѣхъ, которые, находясь у подошвы нѣкоторыхъ горъ, состояли изъ отмытаго хряща и нѣкоторыхъ земель.

Горы сіи выходятъ въ Селепгинскомъ Нерчинскомъ уѣздѣ и собственно въ дауріи, выходя то утесомъ, то просто высунув-

шеюся скалою, то холмами, осыпанными разбитымъ каменьемъ, часто представляютъ взору прекрасные виды. И вслѣдствіе такого положенья должны произвесть большое разнообразіе травъ. Ибо родятся травы то въ горахъ, то въ глубокихъ тѣнныхъ, холодныхъ, открытыхъ, песчаныхъ, теплыхъ солончатыхъ долинахъ, то на поемахъ и проч. Отсюда разность въ холодныхъ и теплыхъ мѣстъ, въ сосѣдствѣ другъ друга, подъ тѣмъ же климатомъ. Около Селенгинска и Кяхты огородные овощи, арбузы, дыни и травы теплыхъ странъ. Напротивъ, по рѣкѣ на сѣверъ никакое растѣнье не поспѣваетъ. Да и на самомъ Байкалѣ, гдѣ оттѣпь и морозы отъ высокихъ горъ, травы ростутъ до самого морскаго берега только такіе, какіе собственны однимъ морознѣйшимъ хребтамъ.

Обыкновеннѣйшее дерево въ Дауріи и по Селенгѣ сосна, потому что все пески. На холоднѣйшихъ хребтахъ Лиственничникъ, кедровникъ, соснягъ, пихтовникъ, березникъ, осинникъ, всѣ ростутъ въ смѣсь, а рябина и другой кустарникъ и багульникъ, Rododendron Dauricum, составляютъ обыкновенный фашинникъ около луговъ. Самые же высочайшіе верхушки, покрытыя истающими снѣгами, или голы вовсе, или же покрыты растилающимся по каменной поверхности прутьемъ, мѣлкими отродьями деревъ, каковы: сланецъ, маленькіе кедерки, лиственички, березички, можжевельнички, сабиннички, и прочіе малые кустарнички. Страны сіи неудобны вообще для хлѣбопашества.

Селенгинскъ лежитъ на заливѣ, занесенномъ пескомъ, черезъ который въ малую воду можно переходить. За городомъ лежатъ тотчасъ высокіе песчаные бугры, съ коихъ вѣтромъ разноситъ пѣсокъ по всѣмъ улицамъ. Высокіе надъ нимъ горы покрыты строевымъ и годнымъ для топки лѣсомъ. Съ рѣки городъ имѣетъ видъ прекрасный. Оттуда видны его три церкви, у самаго берега стоящіе. Крѣпость деревянная, высокая, съ башнями и паугольниками. Весь городъ окруженъ надолбями.

Мѣста вокругъ Байкала подвержены землетресеніямъ. Удары

чувствуются даже въ Иркутскѣ. Въ запискахъ Месершмида говорится о землетресеніи, отъ коего земля и ледъ трескались, связи трещали и висящіе вещи качались.

Ѣзда отъ Селенгинска.

Дорога по р. Темнику. Къ ночи достигнули Гусинаго озера во время великаго грома съ сильнымъ дождемъ, что было симъ лѣтомъ еще впервые. По низменнымъ мѣстамъ вокругъ озера росла *Robinia Ferox*. Сей стручистый кустарникъ величиной съ человѣка и растилается по землѣ на сажень густымъ колючимъ кустомъ. Будучи густъ, сучковатъ и усаженъ долгими иглами, онъ составляетъ, высохнувши, непролазный заборъ. Его стрючки могли бы служить вмѣсто гороху, а молодыя верхушки и листъ пищею овцамъ. Но прекрасный сей кустарникъ, дающій весною пріятный видъ бесчисленнымъ множествомъ своихъ желтов. листовъ своихъ, нигдѣ не находится, какъ только въ сей великой пади, отъ Темника и Гусинаго озера съ Селенгою идущаго до рѣки Убукуна и еще нѣсколькью мѣстами до Оронгоя.

Въ одной вымоинѣ отъ снѣжной воды показывался отчасти свѣтлой, отчасти какъ кровь красной мергель.

Изъ озера иногда выкидываетъ кусками не очень твердое земляное уголье. Бугры около озера лѣсистые соснягомъ, состоятъ изъ пѣсчаного плитняку въ смѣси съ чистымъ пѣскомъ или брусомъ, обваливающагося слоями. Изрядные кормы. Отсель дорога мокрою каменистою долиною на соленое озеро и соловарни. Стручковатый кустарникъ не прекращался.

Alium sphaerocephalum, разцвѣталъ по болотамъ.

Orchis arbotiva, съ бѣлыми, пріятно пахнувшими цвѣтами, тамъ же (австрійская).

Atrafaxis, кустарная греча.

Dracocephalum moldavica.

Peganum, песье дермо.

Rallote lanata, всѣ по лугамъ.

Дно соленаго озера состоитъ изъ синяго илу, на коемъ въ наступающіе морозы садится слой Глауберовой соли на два вершка толщиною: изсохнувъ на воздухѣ, она разсыпается въ муку. Въ жары отдѣляется соль поверхъ озера перепонкою, издали краснѣющей къ солнцу, и отъ малѣйшаго волненья изломавшись, садится на дно. Илъ идетъ глубоко: на 7 арш. Когда хотѣли сквозь твердый слой пробиться дальше, то вытащили щуромъ чистой ледъ, съ коего раждается и прѣсная вода въ озерѣ. Выварка соли начинается съ ноября, когда безъ перыву слоевъ довольно одинъ на другой насядетъ, и продолжается до половины марта, когда стекающая стекающая съ горъ снѣжная вода начинаетъ соль размывать. Выварниваютъ до 20,000 тысячъ пудовъ. Вываренная соль чиста, зерниста, бѣла, однакоже не столь солка, какъ Ангарская.

Высокая сухая степь до самого Байкала, но за нѣсколько верстъ начинаетъ хрящъ и щебень, покрывающій отлогій морской берегъ даже до Посольскаго монастыря. По морскому пещаному берегу и по сосѣдственнымъ оттоль мѣстамъ росли растѣнья, которыя производятъ только одни снѣжныя, за облака заходящіе, горы, по причинѣ, что лѣтомъ во все время дуетъ съ моря холодный и туманный воздухъ, какъ то:

Cembra, хвоя, хвоинное дерево.
Empetrum nigrum, верескъ ягодный, каменный кустъ, грыжовникъ.
Campanula rotundifolia.
» grandiflora.
Fumaria impatiens.
Poligonum divaricatum.
» angustifolium.
» Sericeum.
Scrofularia scorodonia.
dracocefalum nutans.
Lycopsis visicaria, Волковидъ, Волкобразъ, кривошей, червяница (надутый).

Triticum littorale, Дикая рожь, урожается на берегу какъ будто посѣянная.

Lonicera caerulea, жимолостникъ, папороть голубая.

» perinaica, въ лѣсахъ.

Linnea.

Rubus ardicus.

Ledum.

Andromeda polifolia, Андромеда, болотная былина, бесплодный кустъ (пьяная).

Vaccinia, черника.

Pyrolae, грушовка. Въ Сибири мужики пьетъ ее вмѣсто чая, какъ лѣкарственное питье.

Когда я пріѣхалъ въ Посольской монастырь, то по всему Байкалу распростирался такой великой туманъ, какой бываетъ только на высокихъ горахъ, притягивающихъ къ себѣ облака, или же въ зиму и въ осень на земляхъ, при морѣ лежащихъ. Нерѣдко случается, что облака зашедъ промежъ горъ, окружающихъ море, нѣсколько дней гуляютъ то въ полуденную, то въ сѣверную стороны, производя перемѣнчивую погоду и дожди, тогда повсюду ясно. Съ 20 Іюля настала однакоже повсюду дождливая ненастная погода, какъ въ вознагражденье, что всю весну и половину лѣта была жаркая и сухая. Въ Байкалѣ съ весной ловятъ морскихъ сиговъ (Salmo Oxirhinchus) и линковъ, привалиающимъ въ великомъ множествѣ къ отмѣлямъ бросать икру. Лѣтомъ попадаются только Омули. Есть еще рыба особенного рода, Коломенка, жирна и тверда, какъ кусокъ сала. Въ сѣти не попадаетъ, живой ее не видали. Но во время великихъ штурмовъ она плаваетъ на поверхности великими стадами. Недавно выброшено ее столько, что они лежали валомъ на берегу. Ни чаики, ни карги ихъ не трогаютъ по причинѣ жиру. Этотъ жиръ изъ нее вытапливаютъ и продаютъ Китайцамъ. Изъ моря накидываетъ множество зеленаго слизкого морскаго растѣнія; на днѣ всѣ каменья имъ обростаютъ, будто струистымъ зипунымъ сукномъ. Самое море подобно ужасной пропасти, имѣю-

щей берегами разбитые хребты. По нимъ попадались слѣдующіе травы.

Chrisanthemum acticum, Бѣлица, Нивникъ, Ивановъ цвѣтъ (сѣверный).

Valeriana sibirica.

» Rupestris, часто растущіе вмѣстѣ на одномъ и томъ же камнѣ.

Sysimbrium album. Гулявникъ.

Astragalus coeruleus.

Polipodium fragrans. Сей рѣдкій, прекрасный, благовонный папоротникъ, собираемый Бурятами на высочайшихъ хребтахъ по разсѣлинамъ и называемый Серликъ, составляетъ лѣчебный чай отъ цынготной и ломовой болѣзни. Два листика его, будучи приложены къ зеленому чаю, возвышаютъ его вкусъ. Духъ отъ него проницателенъ и долго держится, онъ надушилъ собою всѣ травы и сундуки, полные бумагою.

Polipodium Dryopteris, Ангельская сладость, соловка, чорно солодковый корень (малый).

» Fragile (ломкая).

Acrostichum maranta, костянецъ, сытовецъ.

Saxifraga punctata.

» crassifolia.

Melampyrum sibiricum. Братъ съ сестрой, Иванъ да Марья, коровій, скотскій кормъ (въ буеракахъ).

Swertia corniculata, свертово растѣніе.

Alium altaicum или Saxatile, Каменный чеснокъ или лукъ, какъ называютъ его матросы, поядающіе его очень охотно вмѣсто обыкновеннаго луку, ростущаго по берегамъ. Онъ находился на оголенныхъ солнечныхъ скалахъ во множествѣ.

Плаванье по Байкалу въ лодкѣ. Вѣтръ подулъ сего утра сильный съ запада, но сильнѣй того были волны отъ наступавшей на морѣ штурмы. Кормщикъ хотѣлъ прямо съ Кадильной

черезъ крутую губу на ближайшій Соболевъ отстой перекинуть, гребцамъ поспоровить, работу укоротить и опять прямо съ Собольева отстою черезъ большую губу перегребать, что и дѣйствительно верстъ бы десять обходу сократило. Однако, чуть только съ носу отвалили, такой жестокой задулъ вѣтръ, что нужно было поворотить лодку по валамъ, и насилу съ опасностью жизни прибились къ ближайшему берегу. Высокіе горы съ верху до низу состоятъ изъ разбитыхъ, но опять сплоченныхъ камней, доказывая ужасное, нѣкогда бывшее Байкальскихъ горъ раздробленіе. Сей родъ камня не иначе какъ подъ водою долженъ зачаться и страшнымъ земли проломомъ воздвигнуть вверхъ горы больше, чемъ на 100 сажень перпендикулярной высоты.

Въ вечеру отправился въ Иркутскъ. Въ темномъ и отовсюду запертомъ лѣсу по болотамъ при Усть-Ангарѣ и по рѣчкамъ Сѣиной и Банной цвѣля Poligonum sagitatum, Allium victorialis, Swertia carniculata, Dianthus suberbus и Pedicularis Altissima. Станціи по дорогѣ къ Красноярску населены мужиками Енисейской губерніи съ прибавкою ссыльныхъ. Въ старомъ селѣ Рыбинскомъ кузнечныя плавильни. Железо плавитъ Енисейскій кузнецъ. Желѣзная руда, употреб. имъ въ плавку, достойна особеннаго примѣчанія: она состоитъ изъ большихъ и малыхъ камешьевъ окаменѣлаго дерева, которое превратилось въ темный, твердый, богатого содержанья желѣзный камень, но такъ, что и всѣ годовалые дерева прирощенья и остатки коры видны. Одно мѣсто ея находится по рѣчкѣ рыбной на пригоркѣ, покрытомъ березникомъ, противъ одной ложбины, на топкой низменности коей садится множество желѣзной охры. Здѣсь она лежитъ цѣлыми деревъ колодами, въ глинисто-песчаномъ слою, смѣшеномъ съ желѣзной охрой. Другое мѣсто отъ жилья съ версту. Орудѣлыя колоды сами имѣютъ такой же видъ, какъ и руда, но желѣза не даютъ; кузнецъ изъ нее выплавливаетъ чугунъ. Енисейскіе кузнецы топкою въ горшкахъ желѣза такъ распространили свою комерцію, что всѣ около лежащія мѣста довольствуются оныхъ. Кузнецъ платитъ въ казну за право плавить

по 10 рублей въ годъ съ горна. Руда находится верстахъ въ 25 отъ Енисейска, въ буграхъ, покрытыхъ лиственницею, Ельникомъ, соснягомъ и другимъ досчатымъ лѣсомъ. Работники раскапываютъ сверху, на аршинъ толщиною, желтую глинистую землю, смѣшанную съ красноватой, потомъ подымаютъ сѣрую, съ пѣскомъ смѣшанную, глину, въ коей лежитъ охра гнѣздами, по симъ лежитъ толстой, бѣлой, песчаной, глинистой, содержащій желѣзо слой, чрезъ который просѣдаетъ тонкая, на подобіе угольной, совсѣмъ рухлая жила. И въ бѣломъ слою добывается самая богатѣйшая желѣзная руда, которая то разсыпчата какъ трепелъ, то тверда какъ камень, снаружи бѣла, но ничуть не известна и точно какъ въ большомъ горизонтальномъ гнѣздѣ глина. Бѣлую руду выискиваютъ небольшими въ глубину пробоинами, сажня на четыре или пять, и тамъ прорываютъ вслѣдъ за рудою каморки или, по тамошнему, печки. Покуда жила видна, работнику плотятъ отъ 4 до 5 копѣекъ. Плавка зависитъ отъ мѣры огня. Если мѣхи дуютъ сильно, выходитъ чугунъ, слабѣе, выходитъ мягкое желѣзо или укладъ. Но и тутъ еще не могутъ предузнать, какое желѣзо выйдетъ. Какъ скоро разгребутъ горнъ, то пробуютъ въ гнѣздѣ растопившуюся руду желѣзнымъ прутомъ. Если она прильнетъ къ пруту, то узнаютъ, что это чугунъ, когда же прутъ прикосновеніемъ къ расплавленному желѣзу издаетъ звукъ такъ, какъ когда тропешь холодное желѣзо, то заключаютъ, что это мягкое и уже сварившееся желѣзо; если же дотронувшись прутомъ поскачутъ искры, то выходитъ укладное желѣзо.

Пріѣздъ въ Красноярскъ. 1-е Августа. Прибытіе студента Зуева съ Енисея (въ верхъ къ Ледовитому морю), Донесшаго, что Тунгусы составляютъ по рѣкѣ Енисею многолюднѣйшій народъ, Юраковъ же и Остяковъ меньше. Рѣка Енисей ниже Мангазеи, особливо противъ Селякина зимовья, гдѣ начинается ея устье, ширины необыкновеной, такъ что съ одного берега едва можно видѣть другой. Правая сторона рѣки гориста, но горы не

высоки и валами, лѣвая ровная, но не низменная; та и другая покрыта лѣсомъ. Къ Селякину становится лѣсъ меньше, мѣлче и наконецъ вовсе переводится. Снѣгъ и ледъ съ береговъ сходитъ только что въ концѣ Іюня, но никогда не разстаеваетъ въ буераках и рытвинахъ, размытыхъ снѣжною водою. Да и на холмахъ земля разстаеваетъ не очень глубоко: подъ мхомъ и прутняговымъ кореньемъ, разрастающимъ межъ мховъ, находятъ часто или чистый ледъ, или мерзлую землю. Ольха, лиственница, верба и береза обыкновенно тамъ пролупаются и разцвѣтаютъ въ послѣднихъ числахъ Іюня. Другія травы оказываются ранѣе и вопервыхъ:

Fumaria bulbosa.
Viola uniflora.
» biflora.
Erigeron alpinum, Богатинца, Крестовикъ.
Androsace villosa, Переломъ мохнатый.
Corthusa Matthioli, заржица, лѣчуха, кортузъ.
Rhodiola rosea, Розовой корень.
Potentilla stipularis, Молка (сибирская).
Dryas octopetala, Богиня лѣсовъ, Камчадалка, Сибирячка, (8 листная).
Adoxa moschatellina.
Linum perenne, приносящій въ сихъ холодныхъ странахъ чрезвычайно большіе цвѣты.
Rheum undulatum, продолжающійся даже до 66 градусовъ сѣверной широты.

Енисей внизъ по рѣкѣ населенъ больше, чемъ Обь, по причинѣ выгодныхъ промысловъ для Рускихъ промышленниковъ. Погосты и зимовья (иногда состоящіе изъ одного жилья) идутъ во множествѣ до самого ледовитаго моря. До моря студентъ не доѣзжалъ за 322 версты и съ Селякина зимовья воротился въ Красноярскъ.

19 Августа выѣхалъ Палласъ изъ Краснояpска. Дорога

чемъ далѣ, гористей, темнѣй, болотистѣ и лѣснстѣй. Лѣсъ соснягъ, тополышкъ и березинкъ. Проточины рѣки Бугалы, болоты, тоши затрудняли сильно дорогу, не смотря на то, что бы посланы впередъ мужики прочистить дорогу и мостить мосты черезъ ручьи и рѣчки. Отъ Качи часть высокихъ горъ, раздѣляющихъ рѣку Енисей съ Чулымомъ.

Грязные лѣса содержали растѣнія, бывающіе въ горныхъ Сибири лѣсахъ. Всѣхъ изумительнѣй была Горечавка, Gentiana ciliata, которая еще цвѣла и такъ далеко размножается къ Сѣверу, что даже находятъ ее на самихъ холодиѣйшихъ горахъ, съ голубыми или бѣлыми цвѣтами. Ночью свѣтящіеся червячки по кочкамъ и гнилымъ деревьямъ увеселяли глаза наши. Степь изобиловала осенними травами, изъ нихъ:

Cimicifuga, Клоповникъ, вонючая трава.
Gentiana pneumonante, Горечавка, плющевой цвѣтъ.
» punctata.
» cruciata, крестовидная.
» ciliata, тороченная.
Senecio cruciformis, крестовникъ горчицевидный.

По впадинамъ росли маленькіе березки и кусты отцвѣтшаго Orobus luteus и latiroides, Lathyrus pisiformis и отродокъ отъ большей, называемой королевскіе шпоры. Равнымъ образомъ еще не отцвѣтали Aconitum napellus и Sycoctonum.

Утесы горъ красиѣли, какъ кармазинъ, отъ спѣлыхъ ягодъ земляной малины, Ephedra. Въ Даурін и Селенгѣ ягоды сіи считаются вредными и будто бы причиняющіе одурь. По болоту вокругъ небольшаго озера росла Swertia rotata. У татаръ прикладываютъ ее жеванную къ рапамъ; Рускіе употребляютъ ее во внутрь, какъ горькое домовое спадобье, и называютъ ее бѣлымъ звѣробосмъ, подобно тому, какъ въ иномъ мѣстѣ Гиссопъ и Ruyschiana называется синимъ звѣробосмъ.

Astragalus uliginosus.
Cnicus spinosissimus.
Primula farinosa.

Drias pentapetala.
Potentilla cericea alba.
Tussilago anandria.

Четвереугольная гора, утесомъ необыкновенной высокимъ. На самомъ верху ея высунулся немалый четвереугольный камень. Отъ татаръ называемый Ашло. По преданію, подъ нимъ закопаны великія сокровища и богатства Алтынхана, нѣкогда здѣсь кочевавшаго. Скрывъ кладъ, онъ запаялъ наглухо всѣ щели признаки. Во время Палласа одинъ кладоискатель, съ помощью вѣрившихъ ему, рылся въ двухъ разсѣлинахъ горы, провелъ на нѣсколько саженъ шахты и другіе многіе надѣлалъ пробоины. Всякую глухую дыру принималъ за сдѣланную человѣкомъ. Затеклыя каменною матеріей щели называлъ замазанными извѣстковымъ растворомъ продушинами. Случалось, что бѣлый лунь нѣсколько разъ на сію гору опущался или, надъ нею вію-чись, смотрѣлъ въ какую нибудь сторону, онъ принималъ его за указателя, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ лежитъ богатство. По его словамъ, духи препятствуютъ къ работѣ всячески, дѣлая разные насмѣшки, кидаютъ каменьями, мочатъ или тушатъ фитили на рваняхъ, смѣются, кличутъ работниковъ по именамъ и т. подобное. Отъ небольшого солепого озера, лежащаго въ сухой впадинѣ, окруженного песчанно-каменными горами (озеро кривое и продолговатое), идутъ высокія каменныя горы, а отъ нихъ дорога на Тустукулъ. Съ озера собираютъ соль. По берегамъ было много выкинутыхъ насѣкомыхъ. По озеру плавала Tryngа hiperborea. По пескамъ вокругъ озера много было прекрасной травы phaca muricata, но ея красивыхъ кустовъ не ѣдятъ ни овцы, ни же другой скотъ.
Phaca prostrata, цвѣла тамъ же.
Pidicularis myriophylla, еще цвѣла на высокихъ горахъ послѣдними отвѣтавшими цвѣтами.
Raphanus sibiricum, въ такомъ количествѣ и достоинствѣ, какъ здѣсь и возлѣ Краспоярска, его нигдѣ не находятся. Онъ цвѣтетъ сначала весны и до конца осени и тогда, наклоня

отягченныя стручками вѣточки, разстилается по чистому полю.

Valeriana rupestris.

Papaver nudicaule.

Potentilla sericea.

Astragalus bullarius, на коемъ еще нѣкоторые цвѣточки держались.

Hedisarum grandiflorum.

Tussilago anandria.

Chrisanthemum arcticum.

Маленькая Robinia, такъ какъ ростетъ во множествѣ по ямамъ и подгорьямъ, то работники, укалываясь ею, прозвали ее браннымъ именемъ жидовникъ.

Отъ рѣки Теса до рѣки Копсы долины, лежащіе промежъ лѣсистыхъ, прерывныхъ, твердыхъ, каменныхъ горъ. Попалась гора вовсе безъ лѣсу, крутая, со многими высунувшимися по стремнинѣ кабанами. На серединѣ горы пещера немного спускается внизъ и потомъ горизонтально идетъ на далекое разстоянье, и разширясь окончивается отпоркомъ, нѣсколько идущимъ внизъ. Сверхъ наросшихъ по стѣнамъ каменныхъ натековъ, нашли мы множество костей большихъ звѣрей. На верху же по горѣ были слѣдующіе останки рѣдчайшихъ травъ.

Primula cortusoides.

Myosotis rupestris.

Dryas Pentapetala.

Astragalus melilotoides, показавшаяся выродкомъ отъ

Axyris amarantoides.

Въ одной пещерѣ извѣстной горы большими комьями были прекрасныя лучистыя, цвѣтомъ желтыя, кристаловидныя накипи, коихъ лучи съ поверхности всѣ въ одинъ центръ стекаются. Дорога Сагайскою степью черезъ рѣку Уйбатъ, по которой множество обыкновенной въ Даурiи клейкой травы, Stellaria dichotoma. Она уже засохла и, свившись въ клубы, подобно другимъ степнымъ травамъ, каталась носимая вѣтромъ, разсѣвателемъ семенъ.

По утесамъ рѣкъ Сыра и Абакана росли во множествѣ:
Ballota lanata.
Robinia pygmea, имѣвшая по разсѣлинамъ стебли толщиной въ руку, а вышиной выше человѣка, ибо тамъ ей не вредятъ степныя пожары.
Nepeta multifidia, производившая отродья съ листами, походившими на листы Veronica Austriaca и Verbena.
Phaca muricata, на песчанныхъ скатахъ горъ, выходящая обыкновенно полосами.

Высочайшіе холмистые горы были одѣты лиственичнымъ и березовымъ лѣсомъ, гдѣ была въ изобиліи phaca alpina, а изъ за лѣса видны были возстающіе верхушки горъ, изукрашенныя по многимъ мѣстамъ Dryas pentapetala и прочими красивыми горными травами. Отъ сей горы надо спускаться узкимъ проѣздомъ или буеракомъ къ рѣкѣ Базѣ. Слѣды оставленныхъ рудниковъ, по причинѣ того, что что толстая богатая, просядавшая отъ востока до запада мѣдная жила вся уже нынѣ выработана. Мѣдную зелень выламывали всегда изъ сѣраго камня, хотя около лежащіе горы состояли изъ каменья песчанаго плитняку, слои коего склонялись въ глубь въ восточную сторону. Безснѣжные внизъ по Абакану, прекрасные степи служатъ зимнимъ кочевьемъ для Сагайцевъ.

Сагайцы лицомъ и житьемъ отличны отъ Кашинцевъ и схожи болѣе съ Белтирцами, въ Кузнецкомъ уѣздѣ живущими. Лицо татарское, калмыцкого въ нихъ мало. Волосасты, тѣлисты, члепами крѣпче Кашинцевъ. Богатые имѣютъ до 100 лошадей, столько же рогатаго и понѣскольку сотъ барановъ. Бѣдные десять двадцать штукъ крупнаго скота. Число въ степномъ народѣ достаточное, чтобы потдержать семью. Въ сѣверовосточной азіи пѣтъ черкаскихъ долгохвостыхъ овецъ, но всѣ съ курдюками. Немногіе занимаются хлѣбопашествомъ, сколько нужно для собствен. обихода. Запасаются на зиму кореньями, которыхъ иногда отнимаютъ у мышей, какъ Тунгусы. Называютъ ихъ Кылыломъ.

Коренья, вообще употребляемыя въ ѣду скудными сдѣш. народами.

Собачій зубъ, Erythronium, по татарски кандыкъ, его копаютъ особымъ инструментомъ Осукъ, похожимъ на тѣ, которые употреб. Ботаники для копанія кореньевъ. Вырытое коренье кандыка чистятъ, моютъ, потомъ щеплютъ дольками и сушатъ къ запасу. Передъ ѣдой обваривают его въ водѣ, пока отмякнетъ, ѣдятъ съ молокомъ и сметапой. Вкусомъ какъ сырые клецки, трудноваримъ желудкомъ.

Чегна. Сушатъ для зимы на вольномъ воздухѣ, ѣдятъ толчоную, по большой части въ мясной, съ крупою, похлебкѣ, называемой Уре.

Коренья обыкновенныхъ красныхъ саранъ, изъ коихъ собираютъ двѣ: растущую по лѣсамъ, lilium mathagon, называемую отъ татаръ желтою, и lilium pomponium, растущую по чистымъ горамъ, которую татары называютъ бѣлой Акшепъ, и такъ какъ ее напбольше собирается въ Іюнѣ, то и мѣсяцъ сей опи прозвали Акчепъ-Ай. Ихъ ѣдятъ сырыя или печеныя въ золѣ, какъ каштапы, или вареные въ водѣ съ молокомъ и масломъ.

Коренье травы чейны или, поруски, хлебенки, копается также для употреб. въ пищу.

Коренья земляного духа бѣлыхъ большихъ колокольчиковъ, Campanula lilifolia (зондъ еласъ).

Carduus serratuloides, (Епшскъ) Его коренье.

Poligonum viviparum, (мукезенъ) его коренье.

Коренье водяной травы (сосахъ).

Кырлыкъ, Сибирская крупа, добровольно растущая на поляхъ по правую сторону Енисея. Кашинцы пожинаютъ ее на пашняхъ у своихъ знакомыхъ Рускихъ, потому что, гдѣ онъ заведется, пашня отъ него заглыхаетъ. Крупа... столоченная ими и обѣлапная, прозрачна, желтовата, пріятна па

вкусъ. На ней заваренная молошная каша называется Ботхой.

Ягоды употребля. въ кушанье слѣдующія: Дикая вишня, Чумуртъ, ее истолокши, съ косточками вмѣстѣ, ѣдятъ послѣ стола, вмѣсто закусокъ, смѣшавъ съ молокомъ. Кромѣ того, ѣдятъ шиповникъ, а повые отрасли его изрубаютъ и варятъ вмѣсто питья и чаю. Ѣдятъ красную и чорную смородину, Барбарисъ, Cotoneaster (кизилъ) и Opulus, шапгешъ.

Lichnys chalcedonica, дѣвичья красота или боярская спѣсь, ростущая по удоламъ, употребляется ими вмѣсто мыла. Оттого и прозвали его Рускіе татарскимъ мыломъ.

Onosma Echioides, родящаяся во множествѣ по степямъ близъ Абаканска. Ея корнемъ Татарскіе красавицы румянятся.

Sabina и Rhodondrum Chysantum. Оба сіи деревца употребляютъ какъ лѣкарства Енисейскіе Татары и Рускіе.

Бадапъ, Saxifraga crassifolia, трава идетъ на чай, а корень въ лѣкарство какъ въ попосахъ и лихорадочныхъ немочахъ.

Рапонтикъ копаютъ татары для внутреннихъ припадковъ. Белтиры называютъ Сепе, Кайбалы Сарапсапъ.

Дикій лепъ и большая крапива, похожая на конопли, идутъ оба на выдѣлку толстаго холста, суровыхъ нитокъ, витей или веревокъ, на самострѣлахъ состоятъ большею частью изъ сего сорту поскопи, потому что они не такъ, какъ ременные, отъ мокроты не дрябнутъ и не слабѣютъ.

Малый Бобовникъ, Robinia pygmea, по Сагайски Тегепекъ, служитъ своими вязкими прутьями вмѣсто бересты на связи.

Имерокалловы листья собираются осенью, изъ нихъ весьма искусно плетутъ подъ сѣдла полсти и на полъ постилки.

Белтирцы мало чемъ отличаются отъ Сагайцевъ, также имѣютъ стада, также пашутъ, засѣвая только ячмень и яровое, и то для своего обихода, также говорятъ испорченнымъ татарскимъ языкомъ. Множество могилъ испещряютъ зимовья наствы, особливо по лѣвую сторону Абакана.

Отъ горъ къ рѣкѣ Тіѣ простирается небольшая коса каменьевъ. Собраны семена слѣдующ. рѣдкихъ травъ:

Axiris sibirica, по каменистому слою здѣсь ростущая, должна быть отродокъ Axiris Amarantoides.

Ballote lanata.

Колючій сортъ отъ Poligonum frutescens, совсѣмъ походившій на Atraphaxis.

Обыкновенная кали.

Salsola postrata.

Ziziphora acinoides.

Cucubalus fruticosus.

Дикій, непропадающій ленъ росъ въ Абаканской степи въ такомъ множествѣ, что можно было его собирать на домовыя потребы. Ужасное множество куропатокъ, находя довольное себѣ пропитаніе на полуденной сторонѣ каменныхъ горъ, кажется, сдѣсь остается всю зиму. Они летаютъ стадами и не робки.

Rododendron chrysanthum. Прекрасное деревцо ростетъ низкими кустиками на каменныхъ, мшистыхъ, безлѣсныхъ косогорахъ и на пригоркахъ снѣжныхъ горъ. Цвѣтки красивые, свѣтло-желтые, пучкомъ. Листья тверды и толсты, какъ лавровые. Козаки называютъ его кашкарой. Онъ опьяняетъ, но хмѣль проходитъ скоро. Напитокъ изъ него варятъ, замазавъ горшокъ, темной, крѣпкой. Въ левматическихъ боляхъ, производя прежде ломъ, потомъ вылѣчиваетъ навѣрно. Въ желудочныхъ завалахъ, самихъ продолжительныхъ, дѣйствуетъ съ большимъ успѣхомъ. Собираютъ его, когда поспѣютъ семена, осенью, и когда листья начинаютъ желтѣть. Разцвѣтаетъ же въ Іюлѣ.

Конбалы всѣ почти крещены. Скотомъ не богаты, но хлѣбопашествомъ занимаются рачительно. Дикій ленъ и крапиву собираютъ больше, чемъ прочіе Татары, и дѣлаютъ изъ нихъ веревки. Ходятъ на ловли соболей и россомахъ осенью за Енисей. Если, долго замѣшкаясь на промыслахъ и за глубокимъ снѣгомъ, не найдутъ себѣ лошади дороги, то отнимаютъ сѣнныя

копны, напошенныя на зиму горными зайцами изъ сочнѣйшихъ травъ, между коими есть Лютикъ. Онъ лошадямъ, впрочемъ, не вредитъ.

Отсель отправился верхомъ къ Енисею дорогой надвислой и опалой, по причинѣ береговыхъ утесистыхъ горъ. Передъ хребтомъ есть нѣкоторые горы голые и пологіе, но за ними вдругъ подымаются каменныя утесы. Какъ скоро выѣдешь на Енисей у отверстья, которымъ онъ пробиваетъ сквозь горы, увидишь двѣ острые высокіе горы, покрытые снѣгомъ. Одна Иртемъ, другая высшая Бурусъ. Высокая голая маковица горы Буруса состоитъ изъ камню, обросшаго бѣлымъ камнемъ, и уже бѣлѣетъ за день ѣзды. Позадь ее выходитъ Усъ, за которымъ горы становятся отчасу выше и долины преглубокія и крутыя по Енисею. На первыхъ безлѣсныхъ пригоркахъ, склоняющихся къ Енисею, находились во множествѣ остатки рѣдкой травы, называемой Cymbaria Daurica.

Отрывныя, сверху лѣсомъ покрытыя горы оканчиваются каменной стѣной къ Енисею, и безъ того наполненному множествомъ каменьевъ, и представляютъ прохладную и сырую прогалину, по которой вдругъ переменяются. Каменья всѣ обросли слѣдующ. травами:

Saxifraga crassifolia.
Licopodium sanguinolentum.
Вилатою.
Atragena alpina.
Circea liticinata.
Rhodendron dauricum.
Sedum populifolium, еще въ соку украшавшей голые каменья.

Ею были преймущественно покрыты всѣ сіи, мохомъ обросшіе камни. Долгіе его коренья растилались въ мхѣ по голому камню, съ коего, срывая деревянистые его стебли съ повислыми листками, отдирался и мохъ. Издали кажутся точно молодые тополки.

Кашинцы охотники играть на Бандурѣ, какъ Калмыки, и пѣть

протяжно, надувшись, изъ горла, чтобы звонъ происходилъ синоватый, какъ бы кто тихо билъ по струнамъ. На вольномъ воздухѣ выходитъ не дурно. Живутъ какъ зажиточные татара по Енисею: зимою въ войлочныхъ кибиткахъ, лѣтомъ же ихъ прячутъ въ извѣстныхъ имъ горахъ, въ сухія пещеры, осенью для сыростью покрываютъ кибитки берестинами, которую сдираютъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ, когда она бываетъ прочнѣе, варепьемъ вывариваютъ изъ нее все смолистое, такъ что остается одна плотная береста, мягчатъ и дѣлаютъ такъ, чтобы не портилась.

Пріѣздъ въ Краспоярскъ. Зима и жестокіе морозы. Возвращеніе изъ Даурской пограничной линіи студента Соколова, донесшаго, между прочимъ:

что по рѣкѣ Аргуну ростутъ во множествѣ чорныя березы. Низменныя мѣста плодородны. Пригорки, называемые ящмовыми горами, даютъ темнозеленую, полосатую, твердую ящму. Растѣнья попались слѣдующія:

Campanula verticillata.

Clematis Hexapetala.

Ranunculus Catarcticus, особливый широколистный сортъ, имѣющій мужскіе и женскіе цвѣтки сплошь на сучкахъ. Ради красного цвѣта сего дерева, прозванный отъ рускихъ краспымъ сандаломъ.

Chenopodium suffruticosum.

Lonicera.

Menispermum canadense.

По горамъ множество сибирскихъ дикихъ абрикозовыхъ деревцовъ и другихъ примѣчательныхъ травъ.

Spirea sorbifolia, вездѣ по разсѣлинамъ.

Даурская пеонія, цвѣтомъ какъ кровь съ молокомъ, родится во множествѣ.

Spiraea thalictroides.

» chamaedrifolia.

» oppulifolia.

Altagana, мѣлкіе бобовнички, покрывающіе всѣ скаты горъ. За ними дальніе сѣверные горы ничего, кромѣ разбитыхъ кабановъ, стремнинъ и неприступныхъ скалъ, не содержатъ.
Hioscyamus physaloides.
Sanguisorba canadensis, съ долгими бѣлыми подвѣсками.
Tamarix hermanica, гребенщикъ вездѣ по каменьямъ ростетъ въ изобиліи.
Serratule, весьма рѣдкіе, свойственные только Восточной Сибири.
Arcticum personata.
Solidago palmata, каменистая, по мокрымъ мѣстамъ.
Saxifraga Hirculus, коею желтѣли болота.
Черноталъ, Salyx fussica, составлявшій подлѣсье вмѣстѣ съ молодыми березками.

Всего достопамятнѣе была поѣздка студента Соколова на высочайшую изъ всѣхъ даурскихъ горъ, покрытую вѣчнымъ снѣгомъ, называемую Русскими Чокондою, а Тунгусцами Сохондо. Вся гора кругомъ обнесена лѣсомъ, а пригорки изъ сѣраго камня. Но дотолѣ еще за двадцать верстъ начинается ея крутая подошва. Выше, изъ крутого яру самой горы выходитъ рѣка Агупаканъ. Съ лѣвой стороны Агупакана подымается особлнвая голая каменная гора Елоо, гнѣздилище страшныхъ коршуновъ. Прямо, гдѣ начинается Агацуканъ, гора какъ бы совсѣмъ исчезаетъ, и остается неровная площадь большими кабанами. Противъ самой снѣговой стѣны Агупаганъ изъ болотъ, изъ снѣговъ собирается. Вокругъ ея густой лѣсъ престарѣлыхъ большихъ кедровъ, изъ коего во всѣ стороны вытекаютъ отъ тающихъ снѣговъ проточины, стремясь изъ своихъ каменныхъ разсѣлинъ къ вершинамъ рѣкъ. Оная площадь въ жаркое время служитъ убѣжищемъ всякому дикому звѣрю, кроющемуся стадами въ прохладныхъ дубровахъ отъ насѣкомыхъ. Съ ней во всѣ стороны къ востоку и югу можно видѣть всѣ лежащія внизъ по Онону тоже не низкія горы, а къ западу не иначе какъ съ ужасомъ глядишь на лежащіе вблизи крутые, каменныя, прямою стѣною

за облака за облака заходящія горы, снѣгомъ покрытыя и синѣющіе отъ тумапу. Тутъ каждый день дождь, въ непрестанномъ движеньи воздухъ, и большая часть времени года проходитъ вокругъ горы въ штурмахъ и волненьяхъ. Средп лѣта тутъ повсюду снѣга и пней, если же подуетъ съ севера, то въ Августѣ, и даже раньше, нападаетъ на лѣса новый снѣгъ, и замерзшій туманъ покрываетъ гололедицею поле. Старый снѣгъ съ сопокъ и въ ухабахъ никогда не сходитъ.

Оныя снѣговыя горы занимаютъ собою великое пространство. Изъ подъ нихъ берутся вершины и токи рѣкъ Агузы, Агупагапа, Букукупа и многихъ другихъ, къ Киркупу и въ Ингоду текущихъ. Оныя горы состоятъ изъ обмытыхъ, другъ на дружку до облаковъ взворочепныхъ, преужасныхъ, обветшалыхъ, дикихъ сѣрокаменныхъ кабановъ, почему и кажутъ будто обточены. На низу горы и па порогахъ видны пустыя разсѣлины. Нѣтъ на нихъ никакой земли и никакихъ деревъ: рости не могутъ.

На одну изъ сопокъ лезъ студентъ цѣлый день. Круча и потомъ уступы, горизонтальныя площади на нѣсколько верстъ. На каждой вытекаютъ ключи и опять съ великимъ шумомъ скрываются въ разсѣлины. Верхъ горы—глазами необъемлемое горизонтальное пространство, на коемъ двѣ крутыя, страшныя ямины, на днѣ коихъ два небольшіе круглые озерка, наполненые водою съ снѣжныхъ утесовъ, которая падупомъ черезъ разсѣлину опять стекаетъ въ среднюю долину. Снѣги лежатъ на поляхъ большими горами до третьяго яруса, считая съ низу къ верху. Они на поверхности совсѣмъ заледѣнѣли, такъ что можно щитать слои, паростающіе въ каждый годъ. Изъ подъ снѣгу, отъ тающей воды, выходятъ ручьи, по которымъ ростутъ во мхахъ холоднѣйшія горныя травы...

Claytonia sibirica.
Gymnandra borealis.
Primula nivalis.

Первый, второй и третій съ низу пороги убраны, бутдо

шпалерами, сланцами, сабинными, кедровыми и другихъ хворостовъ.

Salix berberifolia, рѣдчайшее растѣнье
Campanula grandiflora.
Valeriana sibirica.
Saxifraga punctata.
» crassifloria.
» nivalis.
Dracocefalum grandiflorum.
Pedicularis tristis.
» verticillata.
» lapponica.
» spiccata.
Doronicum pardanialchis.
Hieracium alpinum

и другіе тому подобные, по мшистымъ утесамъ растущія, рѣдкія сибирскія былія.

Суевѣрные Тунгусы почитаютъ сію гору обиталищемъ нѣкого гнѣвнаго Божества, которое ежедневно испущаетъ изъ себя тучи, облака, бури, вѣющія по окольностью, дабы никто не смѣлъ приступить. Они даже и не думали, чтобъ Студентъ могъ возвратится съ такой горы назадъ.

Выѣздъ изъ Краснояpска 22 января 1773. Селенья въ Томскомъ уѣздѣ населены неспособными людьми отчасти и отъ того, что помѣщики, въ зачетъ рекрутовъ, для населенія Сибири отдавали старыхъ, неспособныхъ къ размноженью, отрывая ихъ отъ семействъ. Дорога отъ Томска черезъ Барабинскую степь. Плодородная равнина, изобилующая травой, мѣстами влажная, частію озеристая и солоноватая, поросшая березовыми перелѣсками. Озеро Чапы. Ловимыя въ немъ рыбы породъ мѣлкихъ, но ихъ сушатъ, морозятъ и развозятъ во все при Иртышѣ лежащія мѣста, въ Тобольскъ и на Ирбитскую ярмапку. Кромѣ того, Барабинскіе Татары, живущіе разсѣянно вокругъ сихъ

мѣстъ, промышляютъ продавая блестящіе, подобно серебру, брюшка, снимаемыя съ обыкновенныхъ и большихъ Гагаръ, сшитые въ мѣхъ и одиночкѣ. Иные собираютъ прекрасные, изъ черна фіолетовые шейки морскихъ гагаръ, лоспящіеся, зеленоватые головки дикихъ селезней, кои, бывъ сшиты вмѣстѣ, кажутся еще краспѣе и пригодны на женскіе муфты.

Городъ *Тара* лежитъ на нѣсколько возвышенномъ лѣвомъ берегу Иртышской пади и простирается вдаль по оному на нѣсколько верстъ. Половина домовъ выстроена на сырой глинистой рѣчной пади, другая на нѣсколько саженѣй возвышена. Много домовъ строились по новому плану; городъ возрастаетъ, церквей пять. Большая половина деревень въ уѣздѣ татарскіе, барабинскіе, въ городѣ живетъ много бухарцевъ. Дачи татарскія пространны, имѣютъ много темныхъ лѣсовъ, вмѣстилищъ нужныхъ звѣрей. Страна около Тары хлѣбородна и рыбообильна. Осетры, стерлядп, пельма, шаймени и ленки. Рыбные промыслы продолжаются чрезъ всю зиму. Проѣхалъ Тобольскъ и прибылъ послѣдняго февраля въ Челябинскъ.

На Исетской степи появилось много подорожниковъ и Алтайскихъ жаворонковъ, казалось, предвѣщавшихъ раннюю весну. 5 Марта изъ завода Кыштыму въ принадлежащую къ нему пристань Кизильскъ, близь рѣки Уфы, проѣхавши сдѣсь чрезъ весьма съужепный Уралъ, состоящій изъ слоистаго роговаго камня и мало возвышенныхъ горъ, поросшихъ рѣдкимъ лѣсомъ и который лѣтомъ болотистыми впадинами отдѣляется. Въ пристани стояло въ готовности 12 коломенокъ для перевозу желѣза. Далѣе идущая дорога, узко прорубленная сквозь лѣсъ и горы, была трудна. Шокуръ-аулъ. Изобильные владѣнія Башкирцевъ. Земледѣліе, скотоводство, пчелы и дремучіе лѣса, вмѣстители всякого рода дичины. Въ ѣловникахъ при Уфѣ и по всей части сей лѣсистой страны, даже до Камы, сверхъ прочей красной дичи, водятся Лапландскіе олени и куницы.

Уже начинается по разпымъ мѣстамъ въ сторону Дубъ и лѣщинные орѣхи. Высокая гора, на коей съ Иргинского завода

раскопанъ рудникъ, содержащій въ себѣ отмѣнную желѣзную руду, состоящаго изъ крупнаго хрящу съ мѣлкими голышами, перемѣшанную съ зеленоватымъ, изъ синя-чернымъ цементомъ. Лѣсистая полоса, отдѣляющая Пермскую провинцію отъ Уфимской, состоитъ большей часть изъ ели, по мѣстами попадается сосна и чорный лѣсъ. Нигдѣ не видалъ я такого множества клестовъ, какъ въ сихъ лѣсахъ: ихъ ловятъ, поливая землю чемъ нибудь солепыхъ, до котораго клесты охотники, и потомъ ставятъ на этой землѣ волосяные силки. Богатые Башкирцы хорошіе хлѣбопашцы, отвозятъ множество ржи на Камскіе винокурни. Въ земледашествѣ подражаютъ Казанскимъ татарамъ, Черемисамъ и вотякамъ. Успѣшно водятъ пчелъ.

Дубовые лѣса всѣмъ общіе, но, по причинѣ сырости почвы, негодные къ строенію.

Вотяки народъ финского поколенья, туземцы вятской области. Проворнѣй, веселѣй и менѣе упрямы, нежели Черемисы. Охотники до пьянства. Малорослы, свѣтло-волосы и рыжи, какъ клопы. Головной уборъ у женщинъ необыкновенно сложенъ и громоздокъ. Они не скидаютъ его и почью, а въ работахъ то и дѣло его поправляютъ, чтобы какъ нибудь не покривить. Домы разсѣяны, безъ дворовъ, внутри широкіе нары для спанья и татарскіе пѣчи. Они хорошіе земледашцы, водятъ бортовыхъ пчелъ, а зимою ходятъ и на звѣриные промыслы, не уступая въ стрельбѣ и въ ставкѣ ловушекъ Черемисамъ.

Вотяцкій ткальный станъ очень простъ и удобенъ. Въ немъ нѣтъ ничего укрѣпленного, кромѣ избянной подпоры или столба, поставленного близь дверей избы между потолокомъ и поломъ, въ поперегъ котораго, чрезъ продолбленную дыру, вставляется поперешная палка или клюка и столь мало дѣлаетъ въ избѣ препятствія, какъ и два шеста, которые къ матицамъ избы прикрѣплены для повѣшенія на нихъ пряслыхъ крючковъ. Все прочее расположеніе стана въ скорости можно разнимать и опять составлять. Въ мужичьей избѣ можно помѣстить удобно три или

четыре такихъ станка. Расщепленная скалка, на которую навивается холстъ, кладется на два вдолбленные въ полъ столбика съ ушками, по которые можно вынимать и между которыми садится ткачка на скамейкѣ. Другая часть основы, въ полуторы саженяхъ отъ скалки, кладется на крюки, вдолбленные въ вышесказанной избяной столбъ и служащіе вмѣсто навоя. Ниченки, которые движутъ основу, вѣшаютъ или на двухъ кружечкахъ, вырѣзанныхъ изъ дерева, или только на крючкахъ, дѣлаемыхъ изъ гусиныхъ папороткові и прикрѣпляемымъ къ шестамъ, утвержденнымъ подъ потолкомъ. Берда дѣлаютъ по большей части изъ тросника, или изъ спичекъ черемушныхъ. Ткацкій челнъ бываетъ столь длиненъ, сколь широка новина, такъ что ей надлежитъ только просунуть и вытащить другой рукой. Когда же просѣсти холста будетъ паткано столько, сколько руки вотячки достать могутъ, тогда нѣсколько кистей основы спускаютъ съ клюкъ, а паткапную холстину навиваютъ на скалку.

Черемисы занимаютъ страны около Вятки и Камы. Средственнаго росту, волосомъ бѣлокуры и рыжеваты, рѣдкобороды, тѣломъ бѣлы, но безъ выраженья, слабосильны, неповоротливы, боязливы; обманчивы и упрямы необыкновенно. Женщины попадаются педурны, но татаркамъ уступаютъ. Недлинные жидкіе свои волосы завертываютъ въ двѣ вертушки, изъ коихъ одна завивается на макушка, а другая на затылкѣ. Сіи волосяные пучки и большую часть головы покрываютъ маленькой холщевой шапочкой, вышитой разноцвѣтной шерстью.

Прибытіе 7 Марта въ село Сарапулъ. Оттепель. Снѣгъ на открытыхъ мѣстахъ совсѣмъ уже сталъ, и оказался бѣлокопытникъ. 9 Апрѣля появился цвѣтущій во множествѣ между кустами трилистный Геллеборъ. 12 числа начала цвѣсть болотная Фіалка, а къ 18 числу размножилась она сильно съ медуницею и золотоголовникомъ. Въ сіе время начали также распускаться лещинные кусты, нѣкоторые въ теплыхъ мѣстахъ стоящія березы и сѣверная андроника.

Въ числѣ первыхъ прилетныхъ птицъ, въ послѣднихъ числахъ Марта, были скворцы, грачи, зяблицы, овсянки, дрозды и луговки. Въ началѣ Апрѣля прилетаютъ синички болотные и лѣсные кулики и прочія дикіе птицы. Но въ разсужденіи прилетныхъ птицъ страна сія ничего не имѣетъ примѣчательнаго, ибо никакихъ озеръ въ ней не находится, а рѣки неокружены горами и еловыми лѣсами.

Сарапулъ богатое многочисленное село, почти городъ, удѣльнаго вѣдомства, на берегу камы, на правомъ, вздоль его. Нѣсколько церквей, хорошій рынокъ и лавки со всякими мѣлочными товарами, которыхъ продавцы очень выгодно торгуютъ, по причинѣ великаго народнаго стеченія изъ окольныхъ деревень и многихъ, весной ѣздящихъ, судовщиковъ по Камѣ и Бѣлой, проѣзжающихъ мимо сихъ мѣстъ судовъ съ желѣзомъ изъ Чусовой, съ дровами и саломъ изъ верховыхъ мѣстъ Камы. Множество хлѣба отвозятъ отсюда и изъ прочихъ, около нижней части Камы лежащихъ, плодоносныхъ странъ, частію по Камѣ въ Соликамскъ и далѣе въ Чердынь, даже и Запечорской и Двинской волокъ, въ сѣверныя безхлѣбныя селенья, лежащія въ верховьяхъ двины и печоры. Частію же вниз по Камѣ и Волгѣ даже до Астрахани, также и вверхъ, въ нижній Новгородъ.

Мимотекущая рѣка Кама, еще полная густыхъ лѣсовъ, полна рыбой, которая здѣсь вкуснѣй, чемъ въ волгѣ. Здѣшніе рыбицы, осетры и стерляди далеко превосходятъ волжскихъ. Осетровъ и стерлядей ловятъ на крючки, называемые Бабаткамп. Лососей, бѣлую рыбицу и осетровъ ловятъ перебойками, наз. Камскій Езъ. Цѣлые рукава рѣки перебиваютъ сваями; большія отверстія перегораживаютъ сѣтьми съ матнями; на езахъ ловятъ рыбу во все лѣто, да и зимою подо льдомъ, исключая только высокую воду и когда ледъ безопасенъ. Для ловленья въ удобныхъ мѣстахъ рыбы обыкновенно употребляются невода, большіе верши, морды и мережи съ длинными крыльями, иначе ветелями называемыми.

Казенные камскіе чугунные заводы подъ вѣдомствомъ Бла-

годать-Кувшинскаго горнаго правленья. На Ишинскомъ заводѣ 16 молотовъ, на Воткинскомъ 18-ть, изъ конхъ одинъ для выбиванія жести и другой для дѣланія стали. Вокругъ обширныя лѣса лучшихъ деревъ и вода въ изобиліи.

21 Апреля выѣздъ изъ Сарапула. Трудныя водянистыя дороги отъ рѣчныхъ разлитій. Возвышенья съ прекраснымъ полями и лѣсомъ, перемѣшаннымъ съ Ельникомъ. Въ лѣсу цвѣли земляной дымъ, вѣтреница, лютикъ, Геллеборъ трилистный, медуница, ягодки или волчье мыло, болотная Фіалка.

Мало въ Россіи странъ, гдѣ бы больше прилежали къ хлѣбопашеству, какъ въ мѣстахъ Казанской Губерніи, къ волгѣ и камѣ прилегшихъ. Русскіе, Черемисы и Татары стараются другъ друга въ оном превзойти, но мнѣ показалось, что Татары ихъ всѣхъ превосходятъ. Зажиточные крестьяне въ честь себѣ поставляли имѣть превеликіе одони хлѣба, остающагося отъ расхода, и таковой немолоченной хлѣбъ держатъ отъ нѣсколькихъ лѣтъ. Озимая пшеница, несмотря на холодную влажную, глинистую почву, урожается хорошо. Ее сѣютъ нѣсколько позже озими и изыскиваютъ къ тому гористые, не столь влажныя мѣста. Для удобренія нѣсколько земли, прежде вспашанія подъ лѣтніе посѣвы, а частію и для умеьшенія влажности, здѣшніе крестьяне сожигаютъ при тихой погодѣ солому, остающуюся на корняхъ послѣ жатвы. Крестьяне же, обитающіе по сухимъ степямъ, лѣтніе посѣвы подпахиваютъ (особенно если весна суха), что самое и въ южныхъ странахъ, при рѣкахъ Сокѣ, Самарѣ и Волгѣ употребительно (См. 1 часть). Сей образъ посѣва называютъ они сѣять подъ соху. Изъ опыта узнали, что посѣянные сѣмена лучше отъ того всходятъ, поелику по посѣвѣ вспаханная земля не можетъ такъ скоро высохнуть и свою весеннюю влажность испарить, а посѣянныя семена зарываются въ землю глубже.

Крестьяне, живущіе около Камы, начинаютъ нынѣ разводить Воложскій ленъ, перенесенный изъ Польши въ Сибирь пе-

рселенными туда переселенцами и съ добрымъ успѣхомъ размножающійся на Камѣ. Ростетъ онъ въ 7 пяденей вышиною и даютъ гораздо лучшую пряжу, нежели обыкновенный ленъ.

Рѣки еще не выступали изъ береговъ. 22 переѣхали ручей Дристуниху, впадающій въ Бургушъ. Потомъ черезъ Тетрицу, отстоящую только на полверсты и впадающую въ (Чистуниху) Чихостаниху. Въ 5 верстахъ отъ пасъ находилась рѣка Ишъ, которая уже выступила изъ береговъ такъ, что едва можно было переправиться.

Деревня Пихтова при р. Икашурѣ, Мордвеи при р. Чашѣ и Терсы принадлежатъ Генералъ Маіору Таваеневу, который самъ Магометанскаго закона, какъ и всѣ его крестьяне, необыкновенной хозяинъ. Устройство екопомическое, обиходъ относительно сохраненія хлѣба, саженья сноповъ, бережливости въ дровахъ, а также раздѣленія пашень, скотоводства и домашняго порядка, даже у крестьянъ, въ ихъ деревняхъ чистота, пріятный видъ пашень, украшенныхъ изрѣдка поросшими молодыми сосновыми рощами, и въ нихъ множество соловьевъ увеселяли много эту холодную страну. Самъ помѣщикъ былъ въ отлучкѣ въ другихъ деревняхъ при рѣкѣ Бѣлой, гдѣ обыкновенно празднуетъ онъ татарскій пашенный праздникъ Сабанъ.

Мѣдные рудники, впрочемъ, небогатые и большею частью оставленные. Берега рѣки Камы круты. Немного въ сторону высокія, гористые мѣста, покрытые дубовыми и березовыми лѣсами; въ нихъ цвѣла вѣтреница бѣлыми и голубыми цвѣтами. Слышилось повсюду пѣнье дроздовъ, которыхъ нигдѣ не водится такое множество, какъ въ камскихъ лѣсахъ, наполненныхъ можжевеловыми кустами.

24 въ первый разъ Громъ вдали. По степи цвѣли Вѣтреница, Гусиная трава, весенній адонисъ и Фіолы. По мокрымъ мѣстамъ Болотный Лютикъ. Въ первый разъ встрѣтили ракитникъ и степныя вишни. Степь черноземна и по возвышеннымъ мѣстамъ суха. Суслики во множествѣ.

Горы вдоль по Шайтанкѣ, впадающей въ Діому на южной

сторонѣ, были увѣнчаны прекрасными весенними цвѣтами. Обыкновенные Скорцоперы и Astragalus depressus уже отцвѣли; напротивъ того, еще распупались ракитникъ, таволга, Thesium alpinum, Onosma Echioides и Carduus Cyanoides. Но hedisarum grandiflorum еще не распускался. Наиболѣе всего тутъ въ цвѣту стоялъ Бобовникъ и Astragalus physoides. А еще сильнѣе цвѣли гороховый кустъ и вышесказанная таволга. На горахъ по ту сторону Діомы разцвѣтала Bunias cakile. Сухая трава наполнена тогда была травяными вшами, такъ что, побывавъ тамъ, едва можно было ихъ потомъ выжить изъ платья. Въ сіе время сидятъ они на вершинахъ колосовъ и листьевъ, на коихъ держатся, зацѣпясь двумя ногами, а прочіе 6 распростираютъ на воздухѣ, чтобы можно было скорѣе вцѣпиться въ проходящихъ животныхъ.

Въ вечеру видѣли зрѣлище на пригоркахъ, на коихъ зажжена была крестьянами сухая трава, и гдѣ огонь, оставленный неосторожными мужиками во власть вѣтру, захватилъ также нѣкоторые большіе хлѣбные одонья. Изобиліе дѣлаетъ равнодушнымъ (къ такимъ потерямъ), и рѣдко кто заботиться сохранить свои одонья отъ огня, въ степи пущеннаго.

1-го Мая дорога по Кинелю черезъ открытыя плодоносныя возвышенія. Каменистые, глинистые горы по Кинелю совершенно поросли рѣдкимъ въ другихъ мѣстахъ, пагбеннымъ шалфеемъ, Salvia nutans, обыкновенно родящимся на открытыхъ юго-западныхъ угоркахъ уральскихъ; онъ вошелъ въ это время въ цвѣтной стебель.

Astragalus glaux, пушистый бѣлый.

Veronica teucrium, дубровкѣ подобная.

Hesperis sibirica, весьма низко растущая.

Androsace maxima.

Seseli pumilum, Сердечникъ, Смолодъ, Чистецъ, жабрица, (малорослый).

Vincetoxium. Ласточникъ, чортова борода, Asclepias.

Переѣхавъ на плоту Кинель, ѣхали высокой степью, выжженной въ прошедшую ночь и украшенную небольшими подчищенными перелѣсками. Далѣе степь наполнилась цвѣтущими вишнями и гороховыми кустами.

Pedicularis comosa, Гниднш, вшивникъ италіанскій. Изобильно.

Adonis apennina. Горицвѣтъ, желтоцвѣтъ, одномѣсячникъ, стародубка.

Adonis verna.

Выродокъ Astragali depressi, имѣвшій красные цвѣтки съ довольно длинными цвѣточными стебельками.

Orobus angustifolia, бѣлоцвѣтный, а на влажныхъ мѣстахъ красноцвѣтный, росъ тамъ же вмѣстѣ съ нимъ.

Orobus polygala.

Astragalus physodes, надутый.

Seseli pumilum.

Малорослый касатикъ съ синими и блѣдножелтыми цвѣтами.

Желтые лесные тюльпаны.

Барбарея, стоявшая въ цвѣту около пашень. Смотр. Erysimum et Sisymbrium.

Возвышенья, перемежаемые изрѣдка (небольшими) дубовыми лѣсками, то желтѣвшіе, то бѣлѣвшіе по полосамъ отъ цвѣтущихъ вишень и гороховыхъ кустовъ. Рѣка Токъ и озера по ея низменностямъ наполнены черепахами и такими же кричащими лягушками, какіе въ Яикѣ. И такъ какъ она тиновата и глубока, то въ ней держатся въ великомъ числѣ большіе сомы. По низкости, съ которой стекла вода, выросло много цвѣтовъ.

Frittilaria meleagris, Рябчикъ, венечникъ, мохначъ, пухоцвѣтъ.

Ficaria, Лютикъ, слѣпокурникъ, Ranunculus.

Valeriana tuberosa. Маунъ. Valeriana, шишковатая, на пригоркахъ.

Robinia frutescens, Кустоватый гороховникъ, Чилижникъ, Чилига, Чемыжникъ, дереза. Цвѣлъ на пригоркахъ.

Hedysarum grandiflorum. Гребешокъ, Петушья голова, копешникъ. Былъ въ полномъ цвѣту.

Мать-мачиха, Thussilago hibrida, росла по песчанымъ его берегамъ.

Тополь росъ по низменностямъ гористаго праваго берега, идущимъ въ длину всей рѣки.

4 Мая, почевка у подошвы горной большого или нижняго Урала. Около его находится пространная низменность къ Самарѣ, наполненная кустарниками, лужами, небольшими озерами, гдѣ отъ бесчисленнаго множества соловьевъ, всякого рода водяной дичи, лягушекъ и черепахъ, происходилъ такой шумъ, а отъ комаровъ такое беспокойство, что мы не спали всю ночь. Здѣшніе дикіе кустарники, ростущіе на сихъ низменныхъ мѣстахъ и вдоль по Самарѣ, какъ то: Бобовникъ, степные вишни, Lothus и другіе стрючковатые кусты, составляютъ прекрасные живые изгороди, вышиною въ ростъ человѣка, которыхъ цвѣты разцѣватаютъ одни за другими чрезъ всю весну: ибо, какъ скоро сойдетъ снѣгъ, сперва разцвѣтастъ Бобовникъ, потомъ степные вишни, наконецъ стрючковатые кусты, а послѣ ихъ гороховый кустъ, Robinia frutescens. Изъ сихъ однихъ, въ Россіи находящихся кустовъ, къ коимъ если причислить таволгу, Spirea crenata, и еще позже цвѣтущій терновникъ, пекленъ, Acer tataricum, то можно здѣлать прекрасные, живые изгороди и увеселительные сады. Сколько бы красоты Россійскимъ садамъ придала Сибирь различными родами своихъ цвѣтовъ и благовонными цвѣтами?

Потопленная низменность заставила взять окольную дорогу по высокимъ холмамъ между Большимъ Урапомъ и Уранчикомъ, имѣющимъ основанье каменистое, верхъ же глинистый. Нигдѣ не видалъ я Hedysarum въ такомъ великолѣпіи и множествѣ растущаго, какъ сдѣсь. Также цвѣли на горахъ сихъ:

Hedysarum obscurum.

Astragalus depressus, сплюснутый горохъ.

Verbascum phoeniceum.

Euphorbia peplis, молочайникъ морской.

Salvia nemorosa.

» nutans, шалфей нагбенный.

Teucrium sibiricum, Дубровникъ, дубровка, кадыло, оганка. Порода подобная полевому шалвею, средняя между двумя упомянутыми видами шалфея, ими же произведенная.

Pedicularis foliosa.

Дикія лошади, тарпаны, неукротимые, бѣгающія быстрѣе всякой быстрой лошади, появляются сдѣсь иногда большими косяками, спасаясь отъ оводу, великихъ жаровъ и засухи Индіи и Персіи, куда осенью возвращаются съ изнова. Слѣды ихъ косяковъ видны иногда по степи шириною на цѣлую версту.

Общій сыртъ начинается пологими холмами, обросшими дубнякомъ и березникомъ. Здѣсь видны были въ цвѣту

Trifolium montanum.

Scorzonera purpurea, Козлецъ, волчій и змѣевъ обѣдъ.

Spirea crenata.

Расцвѣтавшими гороховыми кустами желтѣли крутые берега Иртека.

По ту сторону Иртека, на южной сторонѣ холмовъ, составляющихъ общій сыртъ, степь вдругъ перемѣняется въ сухую, голую, наполненную солнчаками, покрытыми полынью. По степи видны были остатки и вновь появляющіеся листья:

Peucedanum silaus, яркій укропъ, смовдь.

Sison verticilatum. Спрейчикъ, петрушечникъ коленчатый.

Scorzonera tomentosa.

Dianthus prolifer, Гвоздика, пускающая отпрыски.

lepidium perfoliatum, кресъ, перечная трава.

Жимолость, Lonicera tatarica, стала появляться по скатамъ возвышеній къ низменнымъ мѣстамъ, вмѣстѣ съ гороховымъ кустомъ robinia и тюльпанами.

Rindera tetrapsis, во множествѣ, но уже съ совершенными семенами, огражденными крылышками, имѣвшими хорошую фіолетовую тѣнь.

Onosma Echioides, Долгуша, Румяница, Ежеобразная, только что начинала цвѣсть.

Все около 10 мая. Попались степные дикіе козы и косякъ дикихъ лошадей изъ 20 кобылицъ. Изъ рѣдкихъ насѣкомыхъ стала попадаться малая порода жуковъ, дѣлающихъ шарики изъ навоза, Scarabaeus Schaeferi, работали въ дорожныхъ колеяхъ по парно и, скатывая небольшіе изъ навозу шарики, закопывали ихъ въ землю, между коими потомъ сіе насѣкомое размножало свою породу.

Astragalus sulcatus, бороздковатый.

Alyssum calicinum, Торица, Кашикъ, икотная трава, бурачокъ, чашчная.

Sherardia arvensis, на песчаныхъ горахъ.

13 мая степь, къ изумленью всѣхъ, покрылась снѣгомъ раннимъ утромъ. Хотя снѣгъ лежалъ до 9 часовъ, но холодный воздухъ лишилъ надежды жителей дона собрать свой хлѣбъ. Мокрая бурная погода наступила необыкновенная въ семъ краю.

Santolina Anthemoides. Садовый кипарисъ, священное растѣнье, ромашкѣ подобная. Шла въ цвѣтной стебель и покрывала собою низколежащую равнину, по которой пролегала дорога. Она издавала свой пахучій запахъ, любительница солончаковъ.

Sysimbrium bursifolium, Гулявникъ ярутколистный, на лугахъ шаганскихъ.

Dodartia orientalis, додартово растѣнье.

Statice trigona, еще не расцвѣтала. Вязникъ, желтокор.

Glicirhiza aspera.

Camphorosma, камфорное растѣнье.

Grambe orientalis. Катранъ, морская капуста.

Astragalus cicer, многолѣтній, желтый.

Узколистный морской левкой.

Прекрасный зубной корень (cachris). Его бѣлые гладкіе семена душисты, корень употребл. козаки какъ лѣкарство отъ.

На тонкомъ стебелькѣ. Цвѣтки зонтикомъ.....

Растѣнія, собранныя студентомъ Зуевымъ на Индерскихъ горахъ.

Molluccella Tuberosa, корень превеликой изъ двухъ либо трехъ кругловат. шишекъ, сросшихся воедино. Иногда же простой, похожій на рѣпу и видомъ и вкусомъ, но горчае. Стебель прямой, четвереугольный, бороздчатый. Листы какъ у мяты и притомъ противоположны. Желтые... цвѣтки заключены въ длинные чашечки, похожіе на кувшинчики; въ большомъ количествѣ попадается по буграмъ на волгѣ около Енотаевской пристани. Цвѣтетъ въ маѣ, семена поспѣваютъ въ Іюлѣ и тогда катается по степи вѣтрами.

Biscutella didyma, Двощитъ двуузластый.

Sedum reflexum, Молодилъ, Скрыпунъ, Заячья капуста, пчельникъ завивной, загнутый.

Tragopogon, козлина бородка, теканда, porrifolum.

Plantago minuta, шершавинькое маленькое растѣньецо.

Vella tenuissima, ростетъ только по Индерскимъ буграмъ около Урала. Топинькая необыкнов. Цвѣтетъ въ Апрѣлѣ маленькими бѣлинькими цвѣточками.

Дорога по сухой голой степи. Въ ложбинахъ, заросшихъ зеленью, цвѣли:

Astragalus alopecuroides, издававшій пріятный фіалковый запахъ.

Astragalus sulcatus, бороздковатый, попадавшійся иногда до 2 локтей вышиною.

Rindera tetraspis.

Восточный петрушечникъ, еще не разцвѣтшій.

Черепковый ревень, росшій по сухимъ возвышеньямъ степи. Его узнать можно было по изсохшимъ листамъ и стеблямъ, содержащимъ семена.

Степь къ Ручью Кучуму солена, поросла Halimus и дру-

гими солянымп травами. Маленькіе ехидны, проворныя ящерицы зеленого цвѣта и ящерицы песчанныя были тутъ весьма обыкновенны. Сапгаковъ изобильно. Козаки ихъ убиваютъ легко, мясо ѣдятъ, а рога продаютъ пріѣзжающимъ купцамъ, отвозящимъ ихъ въ Китай. Гдѣ Суслики вырыли изъ норъ землю, тамъ попадались во множествѣ Пектинниты и черепа другихъ малыхъ раковинъ, еще не совершенно превратившихся въ известь.

Anabasis aphylla, кислая трава, кошечій хвостъ, карагазнинъ, Ежовникъ (безълистный).

Salsola frutescens, кустоватая. Обѣ большими кустами.

Biscutela didyma.

Тамарисковой кустарникъ, уже отцвѣтшій.

Заманиха цвѣла въ изобилін.

Степь становится къ Узенямъ чрезвычайно суха и песчана, не производя ничего, кромѣ полыни, камфоросмы и сухихъ стеблей колосьями, то, приближаясь къ общему сырту, содержитъ влагу среди пѣсковъ и покрывается тросникомъ. Солончаки и соленые озера также нерѣдки.

Песчаная Степь Нарынъ состоитъ изъ большихъ, зеленью покрытыхъ, песочныхъ глыбъ, возвышающихся на сухой, соляной, глинистой степи. Недаромъ говорятъ калмыки, что она была прежде дномъ моря, въ чемъ подтверждаетъ и множество ключей, находимыхъ повсюду, стоитъ коппуть землю. Обширные, изъ наноснаго пѣску состоящіе, холмы, лежащіе между собою на нѣкоторое пространство, покрыты тросникомъ и песчаной осокой и кажутся издали, отъ высоковырастающихъ стеблей, какъ бы покрытыми лѣсомъ. Вмѣсто лѣсу природа даровала симъ песчанымъ кучамъ нѣсколько кустовъ:

Caligonum polygonoides, Тарлыкъ или торлокъ. Всѣ вѣтви были осыпаны зрѣлыми плодами, придающими ему больше красоты.

Artemisia santonicum, или Цытварное сѣмя, повсюду въ пѣскахъ,

имѣетъ древесоватый стволъ, подъ осень выростающій въ сажень.

Prenanthes Chondrilloides. Лактукъ, молочайникъ горской (волчій), превратившійся сдѣсь въ кустарникъ.

Узколистные ивы, степной Лохъ (Elacagnus) и тополовые кусты пріятно усаживали собой низкіе земли между холмами, особенно старыя копани.

Прочіе травы, украшавшіе песокъ по равнинѣ и по углубленіямъ, были:

Bromus cristatus, Мятлина полевая, петушьему волоску подобная.

Poa an tenella, Мятликъ нѣжный.

Nardus stricta, Скипидарникъ прямой.

Phalaris erucaeformis, Канарейникъ, канарейское сѣмя, горчицеподобный.

Scirpus romanus, Ситникъ, кровавникъ (римской).

Нѣсколько родовъ Кипра или полеваго Галгана, Cyperus.

Обыкновенныя колосистыя травы.

Corispermum hyssopifolium, клоповное сѣмя Иссополистное.

» squarrosum, шероховатое.

Gallium rubioides, подмаренникъ красноватый.

» glaucum, ржавчинный.

Rubia peregrina, марёна чужеземная.

Onosma Echioides, воловый языкъ съ бѣловатыми большими цвѣтами, какіе ростутъ по Иртышу, а не по Уралу.

Gypsophila paniculata, перекати поле.

Cucubalus otites, куколь ушковатый.

Dianthus prolifer, отмѣннаго вида.

Euphorbia Esula. Молочай, ослиное молоко.

potentilla reptans.

» aurea.

Orobanche major, Солнцевъ корень, львиной хвостъ, солнечный стебель, большой, съ свѣтлосиними цвѣтами.

Dodartia orientalis, Додартово растѣнье.

Cheiranthus montanus.

Arabis thaliana, Греча высокая, Будра-трава, Башепка рѣзуха.

Glicyrrhiza glabra, въ весьма тощемъ видѣ.

Hedisarum Alhagi.

Astragallus sulcatus, бороздковатый.

» physodes, надутый.

» depressus, сплющенный.

Melilotus officinalis, донникъ.

» polonicus.

Medicago falcata, Медунка серповидная.

» sativa, садовая.

Centavrea paniculata, Бѣлолистъ, чертополохъ метелковатый.

Scabiosa, съ синефіолетовыми цвѣтами.

Carduus Cyanoides, Волчецъ, чертополохъ, осетъ васильковообразный.

» monoclonos.

» polyclonos.

Achillea nobilis, Гулявица, Греча дикая, деревей, рубинка.

» tomentosa, пушистая.

Tragopogon, козлина бородка, теканда, молочай.

» villosa, власистая, любимая лошадьми, по причинѣ горькаго млечного соку.

Scorzonera tomentosa, Козелецъ, сладкой корепь, Зміевъ обѣдъ, ужовникъ, зміедушникъ, касматикъ.

Gnaphalium elichrysum, комарникъ, мухоловъ, горлянка, сушеница, кошечья лапа.

Полынь, ростущая во множествѣ по равнинамъ и наполнявшая воздухъ сильнѣйшимъ лимоннымъ запахомъ. Подобной нѣтъ въ другихъ мѣстахъ.

Lycium europaeum, Придорожная иголка.

Сѣрые тамарисковые кусты, Salicornia Strobilacea.

Anabasis, карагазинъ, Ежовникъ, кислая трава, кошечій хвостъ.

Родъ кресса или перечника (lepidium) съ толстыми листами.

Май оканчивался. Сѣрые слѣпни и комары начинали мучить. Европейскихъ домовыхъ сверчковъ было здѣсь въ дикѣ столь же много, какъ и на песчаной степи противу волги, и они во множествѣ собрались въ то мѣсто, гдѣ мы ночевали. Изъ насѣкомыхъ tenebrio echinatus, живущій на холмахъ напоснаго песку, и Scarabeus Ammon, находившійся всякую ночь на паствѣ нашихъ лошадей.

Степной Лохъ обрастывалъ вмѣстѣ съ ивами копани, наполняя пріятныхъ благоуханіемъ воздухъ. Плоды его здѣсь малы, немного побольше сахарнаго гороху, листы узки.

Cynanchum acutum, Собачій ядъ, песья отрава, попадался въ великомъ множествѣ по углубленьямъ.

Особый родъ скорцоперы съ листами, подобными тростнику и кругловатымъ, раздвоеннымъ сладкимъ корнемъ, покрывалъ собою всѣ сырыя мѣста по окружности углубленій.

Frankenia hirsuta, Франково курчавое растѣніе росло по большимъ и малы солончакамъ, совокуплявшими на подобіе цепи по всей дорогѣ.

Verbascum Boerhavii, царскій скипетръ, Вербишникъ, Петровы батоги (Боергавовъ). Цвѣлъ въ пѣскахъ около соленаго болота.

2 Іюня пѣсчанные горы становились выше. Межъ ними были глубокіе долины, гдѣ росли Ивнякъ, степной лохъ и дикой тополь. Турлукъ, находившійся во множествѣ, имѣлъ стволы толщиною въ руку.

Rhus cotinus, дикое кожевенное дерево, росъ въ углубленіяхъ.

Spartium aphyllum, безлистный родъ дрока, тонкими вѣтвями похожій на дикорастущій тростникъ. Вѣтвистые побѣги его, стоящіе на подобіе лозъ въ сажень вышиной и всякой годъ изсыхающіе, лежали кучами по долинамъ, расбросанные вѣтромъ.

Antirrhinum junceum, Ситникобразный жабрей цвѣлъ во множествѣ по песчаной долинѣ.

Снова сухая, глинистая, солепая степь со множествомъ

солнчаковъ, гдѣ ничего другого, кромѣ безсочной полыни и соленыхъ растѣній. Насѣкомое, lacerta helioscopa, бѣгала во множествѣ. Нашли еще паукообразного сѣнокоса, который былъ одутловатъ какъ мѣшокъ, весьма великъ и съ яйцами. По углубленьямъ росъ перекати поле, который цвѣлъ и былъ посѣщаемъ всякого рода насѣкомыми.

Рѣдкой родъ Mantis или Богомола, pecticornis и gongylodes сидѣлъ почти на каждомъ растѣніи, скрывшись подъ густыми вѣтвями и караулили бабочекъ.

У копаней и лужъ находились прекрасные куропатки съ острыми крылами и голубинымъ полетомъ. Пьютъ часто, питаются сѣменами во множествѣ растущаго Astragalus cicer и alopecuroides, весной же семенами соленыхъ растѣній. Лѣтомъ по одному и попарно, весной же малыми стадами, подымаясь, кричатъ на подобіе скрежетанья, но лѣтаютъ безъ всякого примѣтнаго шума. Мясо вкусно, хоть и жестко. Яица бѣлы, мало чемъ меньше куриныхъ. Прилетаютъ поздно, избираютъ обиталищемъ южную сторону волги.

Каменная соль на Капчачи. Болота, у которыхъ великое множество чорныхъ куликовъ (Falcinellus). Зеленыя заводи и лежащія возлѣ нихъ углубленія долины были покрыты прекрасными каварскими шпорами съ кофейными цвѣтками, привлекавшими пчелъ. По возвышеньямъ росли вѣтромъ катаемые травы:
Molucella tuberosa.
Biscutella didyma, Двоещитъ двуузластый.

10 іюнь.

Ревень похожій на Rheum ribes.
Зубной корень составляетъ, подобно ревеню, листами круглой и удобно катающійся кустарникъ.
Прекрасная волнистая солянка около соляныхъ ямъ.
Восточная onosma.
Арабская салпкорнія подымала свои пушистые стебли.

Дикой лукъ, papaver rhoeas, доселѣ мною невиданный, росъ во множествѣ на покрытыхъ зеленью углубленьяхъ.

Bromus squarrosus, костерь, овесецъ (шероховатый) росъ тамъ же.

lappula (Myosotis), мышье ушко, красиво произраставшее на углубленьяхъ.

На голыхъ холмахъ гнѣздились различныхъ породъ орлы. При соленыхъ ямахъ лежали по разнымъ мѣстамъ извѣстковые камни и плиты, на коихъ исчерчены были Мунгальскіе и Тунгутскіе молитвы. Начинаются красноватыя, тягостныя для переѣзда, горы наносныхъ пѣсковъ со множествомъ копаней, безпрестанно засыпаемыхъ песками.

Centaurea Salmantica, чертополохъ бѣлолистъ (сальмантскій) стоялъ въ цвѣту съ горькою травою.

Солодковой корень съ шерохов. стручьями.

Бѣлена съ жолтыми цвѣтками.

Onosma orientalis, которой цвѣтки при распусканьи желтоваты, но послѣ дѣлаются алыми, какъ случается съ цвѣтками воловьего языка.

Harmala, Песье дермо (peganum). Красивые цвѣтки, но издаетъ запахъ, подобный падалищу.

Bromus tectorum, ростетъ по кирпичнымъ обломкамъ древнихъ татарскихъ жилищъ.

Прекрасныя, но совершенно разобранныя и разрушенныя развалины дворцовъ древнихъ хановъ у Селитрен. городка. Множество змѣй между развалинами и въ ямпахъ. Цвѣли растѣнья, любящія соленую селитрепую почву:

Заманиха, похожая на Европейск. lycium.

Hypecoum pendulum, Житный цвѣтъ, полевой мачекъ, житничекъ.

Ornithogalum.

Алфагъ росъ во множествѣ по сухой бесплодной степи. Малые сѣрые пауки плели по немъ сѣрую паутину.

Phlomis herbauenti, Чужеварникъ вѣтренный по степ. плодонос.

Dracocephalum thymiflorum. Драконоголовникъ фиміамолистный.
Salvia nemorosa.
Sysimbrium altissimum.
Scabiosa Ucrainica.
Allium descendens, чеснокъ нисходящій.
Lavatera thuringica, Лаватерово растѣніе турингск.
Thalictrum flavum, зяблица, золотуха, щелкунъ.
Echinops ritro, Мордвинникъ, Татарникъ, перестрѣлъ малорослый.
Dipsacus laciniatus, чесалка, ворсяная щетка.
Achillea odorata, Гулявица благовонная.
Galium glaucum, подмаренна съ ржавчинной.
Salsolla prostrata.
» ericoides.
Bromus squarrosus, костерь шероховатый.
Болотный молочай по низкимъ мѣстамъ.
Австрійская Вероника. На иловатомъ берегу она уже приносила сѣмена.
Солотковой корень уже также отцвѣлъ.

Всѣ лѣтніе растѣнія, по причинѣ сильной жары, отцвѣли раньше обыкновеннаго. Посему переѣхалъ къ соляным озерамъ для наблюденія за соленными травами, но большая часть ихъ едва начинала показывать свои стебли.

Statice trigona (вязникъ), во множествѣ около Черноярa.
Policnemum monandrum, тамже.
Приморская, Asclepias, чортова борода, ласточникъ, уже цвѣла.
Восточная капуста въ мѣстахъ, гдѣ попадался Черноземъ, была уже съ созрѣлыми сѣменами. Въ семъ своемъ состояньи, со многочисленными своими вѣтвями, она походила на хворостъ, вѣтромъ колеблемый. Донскіе козаки ѣдятъ ея молодые стебли и называютъ ее бѣлымъ *катраномъ*.
Красный или настоящій катранъ есть вышеупомянутая Statice trigona. Ея дикіе коренья, вырываемы съ великимъ трудомъ, употребляютъ въ южныхъ безлѣсныхъ мѣстахъ на дубеніе

кожъ, которые отъ сего скорѣй приготовляются, чемъ отъ дубовой коры.

Дорога шла чрезъ мѣста различныхъ свойствъ. Малорослая мята, бывъ растаптываема лошадьми, наполняла воздухъ своимъ запахомъ. Страна столь изобилуетъ солью, что лужи отъ дождей дѣлаются въ скоромъ времени солеными. Толстой слой хорошей темносѣрой мыловатой глины. По обжиганьи также красна и нѣжна на видъ, какъ топкая китайская. Изъ нее въ Царыцинѣ военноплѣнные турки дѣлаютъ трубки, чернильницы и мѣлкую посуду.

Все, и солепость земли, не производящей ничего другого, кромѣ приморскихъ солепыхъ растѣній, и песчанность ея, и множество черепокожныхъ, разсѣянныхъ по всей Яицкой, калмыцкой и волжской степи, и безтравность почвы, состоящей изъ напосного пѣску, слѣпившаго отъ морскаго илу, и липкая соленость нижняго глинистого слоя, все говоритъ, что нѣкогда мѣста сіи были покрыты водами Каспійскаго моря. А возвышенная страна между доиомъ, общій сыртъ, были древними его берегами, ибо на нихъ только прекращается солепость и являются толстый слой дерна и тучный черноземъ.

[что же касается до черепокожныхъ и кораловъ, лежащихъ цѣлыми грядами въ горпстыхъ возвышенныхъ берегахъ волги, то сіе произошло отъ давнишняго всемірнаго наводненья и морскіе произведенья сихъ слоевъ не находятся ни въ Каспійскомъ, ни въ Черномъ морѣ, но только въ глубинахъ океана].

Если допустить [мнѣнье Турнефорта], что Черное море до излитія своихъ водъ чрезъ проливъ Константинопольскій, перегражденое какъ плотиною хребтомъ неразорваннаго фракійскаго Босфора, стояло выше чемъ нынѣ отъ необыкновеннаго въ прежнія времена полноводья рѣкъ, огражденыхъ лѣсами отъ высыханій, то вся крымская, волгская, Кумапская и яицкая степь и равнины великой татаріи, простирающіеся даже за Аральское море, были покрыты по всей вѣроятности моремъ,

которое узкимъ и топкимъ каналомъ (слѣды коего показывалъ Манычь), обтекши сѣверный кряжъ Кавказа, оставило два глубокіе, великіе залива на нынѣшнемъ Каспійскомъ и чорномъ морѣ. И въ то время тюлени, осетры и другіе, въ чорномъ морѣ находящіеся рыбы, Атерина (Atherina), игла рыба, Singnantus pelagicus и пектиниты, могли удобно занти въ Каспійское море.

Но продолжительнымъ дѣйствіемъ увеличивавшимся наплывовъ воды или трясеньями земли прорванная Босфорская плотина заставила Чорное море съ великимъ стремленьемъ излить свои воды въ Средиземное, дабы стать съ нимъ въ равновѣсіи, и произвела тѣ наводненія, которыми были опустошены, по историческимъ преданьямъ, часть Греціи и Архипелажскіе острова. Съ паденьемъ водъ Чорнаго моря большая часть ровныхъ береговъ его сдѣлалась степью, Каспійское море, прежде соединявшееся съ нимъ мѣлкимъ проливомъ, обмѣлѣло, а проливъ, отдѣлившись отъ Чорнаго моря, сталъ озеромъ, и такъ какъ въ оное уже не было больше приливу отъ водъ, несущихся въ Чорное, то на его ровныхъ берегахъ еще болѣе вскрылось материй земли отъ испаренія и ухода воды въ землю, и соединеніе Каспійскаго съ Аральскимъ моремъ тогда пресѣклось. Прежде бывшіе мѣли претворились въ паносный пѣсокъ, котораго нанесло цѣлые холмы, прежде бывшіе острова очутились на сухомъ морскомъ днѣ, какъ холмы, каковы Индерскій и другіе, многіе глубины, которыя морская вода стекая съ равной земли обѣжала, остались озерами и солончаками, нынѣ покрывающими степи.

Замѣчено уменьшеніе солености въ Чорномъ мѣрѣ. Бѣгъ Чорнаго моря въ средиземное быстръ отъ того, что неможетъ испарять всѣхъ водъ, въ него бѣгущихъ. Напротивъ того, всѣ окольности сѣверные Каспійскаго моря показываютъ, что воды въ немъ убыло болѣе, чемъ во всѣхъ другихъ моряхъ, и убываньe ея происходитъ до нынѣ.

Слабительная Глауберова соль находится около Сарпинскаго селенія братьевъ Гернгутеровъ, въ ручьяхъ, озерахъ и ключахъ, на глубокихъ пространствахъ тросниками обросшихъ, гдѣ отъ

испареній осѣдаетъ столько соли, что образуются великіе безтравные солнчаки. На одномъ болотѣ Глауберова соль выходитъ весною, какъ пѣна, поверхъ земли; на лѣвой сторонѣ болота холмикъ, отдѣленный отъ буерака снѣжной дождевой водой, стекающею съ вершинъ, составляющихъ крутизну оной долины, на подобіе обороченной воронки. При подолѣ холма, состоящаго изъ клейкой глины, лежитъ цѣлыми грудами и гнѣздами желтоватая охра, содержащая въ себѣ желѣзные частицы, которую калмыки жгутъ и употребляютъ для крашенья основы своихъ домашнихъ кибитокъ. Отъ сей краски, калмыками называемой Сиссунъ, получила названье свое и долина. Поверхъ воды (отдѣляющей холмъ отъ горы) плавали темноцвѣтные черепки испортившагося желѣзняка, дающаго въ перезженьи хорошую красную краску. Калмыки утверждаютъ, что холмъ возвышается ежегодно. Онъ долженъ возвышаться, потому что мягкая земля при его подошвѣ ежегодно глубже осѣдаетъ отъ снѣжной и дождевой воды. На горахъ около сей долины ростетъ кустарникомъ прекрасный ракитникъ, украшая ихъ и цвѣтами, и желтоблестящей своей корой, и листами, составляющими пріятную паству вокругъ бродящаго скота. Калмыки называютъ его сухой верблюжей травой, хотя верблюды и не ѣдятъ ее.

Степи въ окружностяхъ Сарпы то ровныя, безлѣсныя, безъ горка, со впадинами, исполненными мокрыхъ солончаковъ, то гористыя съ долинами, обросшими тросникомъ, и заливами ручьевъ, впадающихъ въ Сарпу, жилищемъ множества черепахъ. Долины, перерѣзываемыя кряжами, индѣ покрыты бѣлымъ тополовымъ деревомъ, индѣ дико растущей яблонью, индѣ придорожной иголкой (Rhamnus Catharticus), называемой по причинѣ красного его дерева Калмыкамъ Яшилъ. Отъ него получила названье и Долина. Только сдѣсь уменьшается солепость земли и начинаются въ бо́льшемъ изобильи травы. Доселѣ же только изрѣдка на песчаныхъ кряжахъ цвѣлъ Ирисъ, pumila и graminifolia да Cheirantus montanus, и въ степи на черноземѣ Hesperis tristis, Astragalus cicer и ramosus, все попадалось изрѣдка. На сухой

же, населенной одними зміями и ящерицами, равнинѣ ничего не росло, кромѣ малого бѣлаго, о двухъ цвѣткахъ, тюльпана и орнитогалумъ, umbelatum. Отселѣ же

Астрагалы разныхъ родовъ.

Veronica Avstriaca.

lepidium perfoliatum, крессъ, перечникъ прободенный.

Ranunculus lanuginosus, шерстистой.

» Illiricus.

Pervinca major.

Къ рѣкѣ Манычу (впадающей въ Донъ) страна возвышенная опять понижается долиной съ тросниками и мокрыми солончаками. Солеиыя озеры, называемые отъ Донскихъ козаковъ святыми. Травъ почти никакихъ, кромѣ Geranium Moschatum. Отсель начинаются лѣсомъ поросшіе горы, постепенно возвышщіеся. Переѣхавъ сей хребетъ, съ высшей точки возвышенья увидишь передъ собою южную равнину, рѣку Куму и какъ бы въ облакахъ скрывающій свою вершину, снѣгомъ покрытый Кавказъ.

Рѣка Кума имѣетъ теченье быстрое. Поля по обѣимъ сторонамъ водянисты, поросли густымъ тросникомъ—обиталищемъ фазановъ, которыхъ казаки, по причинѣ ихъ крика, называютъ маджарскими петушками. Здѣсь лѣсу довольно, особливо дубняку, осинняку, карагачу, Кизилю [cornus sanguinea[1])], терновнику, ивняку и свидины [Periploca graeca, обойникъ, обвойка, песій колокольчикъ], также какъ и Clematis orientalis. Но выше къ истоку рѣки, выходящей изъ переднихъ Кавказскихъ горъ, назыв. пятигоріе, лѣсъ уже перемѣшанъ съ чинаромъ, кленникомъ, ясенникомъ, грушовыми деревьями, дикими сливными, лѣснымъ виноградомъ и другими, при Терекѣ растущими дикими овощами. Изъ травъ, которые еще не отцвѣли, попались только Valeriana locusta, полевой салатъ, да Hyacintus ametistinus, Аметистовый Іакинфъ. Сиворонки, Иволги, щуры и другіе птицы великимъ

1) Кровавый красный курослѣпникъ.

своимъ множествомъ увеселяли страну. По обѣимъ сторонамъ Рѣки Кумы находятся множество кургановъ, останки каменныхъ строеній. Плодородная низменность Кумы способна ко всякому обработыванью.

4 Августа отъ Царыцына вверхъ по волгѣ. Бакши арбузовъ и дыней. Виноградъ также хорошо удается. Вдоль волги отъ Царыцына до Камышенки слѣдующія травы:
Девясилъ.
tussilago hybrida, особливый родъ Мать мачихи.
Carduus cyanoides, по холмамъ.
Chenopodium scoparia, гусья нога, лебеда вѣниковатая.
Высокорастущая Statice, или такъ называемый катранъ, по травистымъ песчанымъ мѣстамъ, между возвышеньями.
Украинка, Scabiosa veronica.
Перекати поле.
Xeranthemum annuum, Соломенный цвѣтъ. Сухоцвѣтъ однолѣтній.
Сянеголовникъ, Eryngium campestre, между Царыц. и Дубовкою, но выше Камышенки не попадается.
Солодковый корень съ гладкими стрючками покрываетъ почти всѣ возвышенія.
» » съ шероховат. стрючками и съ иглистыми головками ростетъ по волжской низменности.

Дубовка городокъ на покатости холмовъ, на самой волгѣ, которая прежде сдѣсь имѣла крутой берегъ и столь была глубока, что суда могли приставать къ самому городу; но весенними водопольями и стремленіями переменяющая всякій годъ свои мѣли и берега, волга получила и сдѣсь иной видъ. Песочный островъ при устьѣ ручья Пѣсковатки, лѣсомъ и прекраснымъ сѣнокосомъ снабженный, котораго доселѣ отмывало водой весьма мало, при нынѣшней высокой водѣ совсѣмъ оторвало и песокъ онаго по большей части прижало къ берегамъ дубовки. Такъ что теперь вода, когда убудетъ, бываетъ отдаленна отъ города сухой песча-

ной глыбой, простирающейся болѣе чемъ на сто сажень, да и все окольное мѣсто въ рѣкѣ учинилося мѣлкимъ.

Дубовскіе козаки зажиточны, настроили много хуторовъ, богаты рогатымъ скотомъ. Имѣютъ какъ гористыя степи, такъ и лѣсныя низменности по другую сторону волги, торгуютъ съ Донскими козаками дегтемъ, бревнами, досками, смолою, готовыми лодками и судами. Все это перевозится на волахъ (пріѣзжими малоросіанами) до донской станицы Качальной. Большія суда (длиной въ 6 и 8 сажень) ставятся на катки и тащены бываютъ 15, а иногда 20 волами. Во все лѣто видны повозки, отъѣзжающіе изъ дубовки со всякою деревяною посудою и снарядами для судовъ, приходящихъ сюда съ Камы и съ вышнихъ странъ волги.

За Дубовкой сухія и голые возвышенья. У ручьевъ, впадающихъ въ волгу, на вымытыхъ песчаныхъ берегахъ попадаются иногда рога лапландскихъ оленей. Свидѣтели нѣкогда бывшихъ лѣсовъ. На косогорахъ изобильно ростетъ красивый ракитникъ. Другое осенье растѣнье, попадавшееся, была Euphrasia luthea. Свѣтъ очей, очная, глазная помощь. Высохнувшая гористая степь имѣла только одну свѣтложелтую одышную траву. Далѣе стали попадаться съ поздними цвѣтами

Astragalus.

Stachys annua, дубровная буквица.

Melampyrum arvense, Коровій скотный кормъ. Братъ съ сестрой, Иванъ да Марья.

Dianthus arenarius, цвѣлъ обильно по песчан. холмамъ, къ Камышенкѣ.

Sherardis, тамже.

Schoenus aculeatus, сытъ, сытникъ игольчатый, по соленымъ мѣстамъ.

Statice tatarica, вязникъ, желтокорень.

Arenaria Maritima.

Нѣкоторый родъ камфорной травы.

Полынь, доставлявшая пріятну паству сайгамъ.

Salsola dichotoma, еще не цвѣла.

Polychnemum, уже отцвѣлъ.

Sison verticillatum, сирейчикъ, перечникъ, еще не цвѣлъ, хоть листье его засыхаютъ прежде появленья цвѣтного стебля.

Anabasis, карагазникъ, ежовникъ, кошечій хвостъ.

Курчавая, гладколистная и татарская лебеда покрывали, вмѣстѣ съ Бѣлолозникомъ, полянками, возвышенный берегъ. Они были въ полномъ цвѣту, такъ что идучи покроешься отъ нихъ весь желтой цвѣточной пылью.

Echinops ritro, малорослый перестрѣлъ, татарникъ или мордвинникъ.

Ворсяныя шишки.

Centaurea glastifolia, чертополохъ, бѣлистъ, вайдолистный.

Мягкій илъ или грязь, покрывающая большія дороги степей, превращается въ весьма тонкую летучую пыль, которая при нынѣшней засухѣ подымаясь высоко на воздухъ отъ малѣйшаго движенья. Пѣсчаная пологость по рѣку Еруслану изобилуетъ высокимъ топольнягомъ, осинникомъ и вичажникомъ.

Corispermum squarrosum, Клоповное сѣмя (шероховатое), росъ обильно по берегамъ изъ напоснаго пѣску, достигая росту человѣка.

Малорослая Ветреница тамъ же.

Особенный родъ куколя.

Перекати поле.

По высокимъ степямъ попадались большіе и малые дудаки. Чорные жаворонки летали стадами по всей соловозной дорогѣ къ Саратову.

Serratula salsa, цвѣла въ большемъ количеству между тросниками.

tripolium, Деревянникъ, Африканская фига начинала распускать цвѣты.

Salsola ericoides, покрывая иловатые холмы возвышавшейся степи, давала имъ видъ какъ обросшихъ кустарникомъ.

Нѣмецкія слободы находятся не въ дальнемъ растояніи

другъ отъ друга. Собраны изъ всѣхъ областей нѣмецкой земли разныхъ вѣръ. Домы деревяные по новому плану — двѣ связи подъ одной кровлей—источникъ ссоръ, вредныхъ сосѣдствъ и опасностей во время пожаровъ. Земли выбраны хоть изъ хорошаго чернозема, но сухи, подвержены засухамъ, по причинѣ притяженья грозы и дождевыхъ облаковъ къ лежащимъ насупротивъ ихъ горамъ. Сами колонисты рукомесленики и побродяги, къ земледѣлью сихъ странъ не привыкшіе, долго будутъ еще входить въ неоплатные долги правительству.

Саратовъ лежитъ на крутомъ берегу при подошвѣ высокихъ горъ, которыхъ сѣверные, находящіеся у самой волги, называются Соколовскими, а лежащіе къ западу отъ города и въ отдаленью отъ волги, по причинѣ голаго каменистого содержанія, именуются лысыми горами, соединяются съ идущими къ Увику горами внизъ по волгѣ и вообще составляютъ хребетъ съ горами, идущими отъ Казани по волгѣ и переходящими съ Иловлею къ Дону извѣстковыми слоистыми горами. Великой привозъ изъ Астрахани и нижнихъ странъ вверхъ въ губернію судовъ съ кожами, саломъ, рыбою, солью и Персидскими товарами, а съ верху съ хлѣбомъ, дровами, каменною и деревяною посудою, плывущихъ въ Астрахань, особенно же зимой, многими тысящами приходящихъ возовъ съ рыбой и солью, доставляетъ большое пропитанье жителямъ.

Нѣмецкіе колонисты разводятъ виноградъ, изъ котораго получается красное вино, похожее на французское, несравнено лучшее Астраханского по той причинѣ, что колонисты мало поливаютъ свой виноградъ, не смотря на сухую почву.

На сухой степи стали появляться соленыя травы, соленыя поля и соленыя болота, лѣтомъ высыхающія и покрытыя только только одною тонкой корой поваренной соли.

Salsola sedoides.

» baccifera, прежде всего показались обѣ въ началѣ степи.

Salicornia strobilacea, Соль трава, солецъ, растилавшаяся плоско по земли, покрывала болотныя низменности.
» herbacea, выростала тамъ весьма высоко.
Halimus (atriplex, Лебеда), по возвышен. солен. полю.
Statice suffruticosa, вязникъ кустистый тамъ же.
Salsola salsa, солянка Аврикапская »
» rosacea, » розовая »
Artemisia cyna.

Озеро Эльтонъ, золотое озеро, по причинѣ пурпурного цвѣта во время ударенья въ него лучей солнца. Мало чемъ меньше Индерскаго. Берега круты и высоки. Степь отъ него понемногу подымается во всѣ стороны. Но дно озера плоско и такъ мѣлко, что можно переходить его вездѣ въ бродъ. Соли неисчерпаемое множество. Слой соляной коры, покрывающей дно, толстъ; подъ нимъ илъ, подъ иломъ снова соляной слой еще твердѣйшій. Выломанныя мѣста въ немногіе годы наполняются снова солью. Всѣ роды соляныхъ травъ росли сдѣсь какъ дома:
Salsola rosacea.
» dichotomia.
» altissima.
» monandra.
» tamariscina.
Polichnemum nuciferum.
Приморской Хеноподій.
Желтокорень татарской и чепыжный.
Заманиха.
Соляная Серпуха.
Aster tripolium, Звѣздоцвѣтъ Морской.
Лебеда, похожая на портулакъ.
» татарская.
» стрѣлолистная.
» имѣющая листы съ выемками.
» синеватая.
Травяная Салікорнія и шишковатая, покрывавшая красиво вели-

кими и густыми своими вѣтвями весь берегъ около устья рѣчки Солянки.

Трава, называемая Пердунъ, составляющая сдѣсь лучшій кормъ для лошадей, росла по сухой степной почвѣ.

Пригожій черпѣющій ракитникъ, мѣстами попадавшій во множествѣ, имѣлъ еще нѣсколько осеннихъ цвѣтовъ.

Волжская низменность. На ея возвышен. иловатыхъ и солоноватыхъ берегахъ росли сродные почвѣ простой поликнемъ, солянка, кали, діхотома, приморская лебеда.

Водяные же ямы всѣ обыкновенно покрыты лежащими отпрысками солоткового корня, имѣющаго колючіе стрючки, glicirіza echinata.

Песчаныя ихъ мѣста изобилуютъ стрючковой травой, имѣющею листы подобные солотковому корню, Astragalus glycyphillus, также onobrychides и желтокорень trigonoides.

Тамъ же, гдѣ стоящіе рѣчные рукава остановились на низменности, окруженные песчанными берегами, находились во множествѣ Pharnaceum cerviana, красная arenaria и Centunculus.

По лучшимъ травнстымъ мѣстамъ Sida abutilon, морская роза, шелковникъ. Мѣстами же цѣлые полосы кислой травы, негодной къ сѣнокосу.

Тальникъ и другіе, по берегамъ растущіе, дерева были во множествѣ.

Зимовка въ Царыцынѣ. Благословенный климатъ, могущій возрастать растѣнья южныхъ странъ. Дикіе груши во множествѣ. Тутовые деревья ростутъ сами собою на дикой низменности Ахтубы. При Манычѣ и около рѣки Кумы находятся дикіе оливныя деревья. Посѣянный мною Phaseolum radiatum, сѣмена котораго привезъ изъ Китаю, вмѣстѣ съ другими Китайскими растѣньями, теплолюбящими травами, произвелъ еще въ Августѣ спѣлые сѣмена. Миндальные кусты, сливныя дерева и другія растѣнія часто цвѣтутъ осенью во второй разъ.

Въ Генварѣ бываютъ беспрерывные морозы, но безъ бурь и потому нечувствительны и безвредны. Въ февралѣ погода перемѣнчѣй: то безъ вѣтру морозы, то бури, сопровождаемыя метелицей отъ сѣверозапада, покуда не окончится дующимъ съ югозападной стороны теплымъ вѣтромъ, такъ что въ семъ мѣсяцѣ большая часть снѣга сходитъ съ высотъ. Въ эту зиму (1774 года) весь сей мѣсяцъ былъ чрезвычайно пріятенъ и нехолоденъ. Въ половинѣ его уже налетѣли всякіе мѣлкіе пролетные птицы, а къ послѣднимъ числамъ Лебеди, утки, луговки, большая часть прочихъ водяныхъ птицъ и даже чапуры. Draba muralis стала уже цвѣсти и ранніе тюльпаны показались изъ земли. 25 числа очистилась нижняя волга ото льда, но того же дни схватилась буря и стало вновь холодно, и продолжалось это до 11 Марта и съ такой жестокостью, что сверху напиравшій ледъ при Царыцынѣ опять остановился и можно было переѣзжать на телегахъ и лошадяхъ. Впрочемъ, обыкновенно въ Мартѣ уже не бываетъ снѣгу и югозападныхъ вѣтровъ. Трогается ледъ обыкновенно при сѣверозападномъ и восточномъ вѣтрѣ. Если же дуютъ южный и юговосточный вѣтры, то волга, не смотря на хорошую погоду, не вскрывается даже до Апреля. Одно время (въ 1769) даже до мая держался ледъ, покуда не подулъ жестокой холодный сѣверозападный вѣтеръ.

Апрѣль лучшій и постояннѣйшій мѣсяцъ: дождей нѣтъ, а вѣтеръ, постоянно дующій съ востока, съ моря, съ великой степи, умѣряетъ жаръ, изсушая землю, напоенную снѣжной водой. Въ началѣ или половинѣ мая начинаются южные и югозападные вѣтры, приносители теплыхъ ночныхъ дождей, которыхъ если не бываетъ, то умножается засуха, увеличиваемая еще болѣе потомъ, начинающимися сухими суровыми вѣтрами. Покуда въ Волгѣ высоко стоитъ вода, достигающая въ Іюнѣ мѣсяцѣ своей наибольшей высоты, тѣхъ падаетъ въ великомъ множествѣ ночная роса. Впрочемъ, этотъ мѣсяцъ такъ ясенъ, что сряду восемь дней не бываетъ на небѣ облачка, въ руку величиною.

Жаркой и неспосиѣйшій мѣсяцъ есть Іюль. Непрестанно

дующіе со степи и съ моря южные, юговосточные и восточные вѣтры, уносящіе на воздухъ пѣски, бываютъ столь теплы, какъ бы выходили изъ какой горячей печи. Они обыкновенно начинаются со втораго часу по полудни и продолжаются до полуночи. При такихъ вѣтрахъ падаютъ овцы, какъ мухи, харкаютъ кровью, пухнутъ, и такъ скоро начинаютъ гнить, что кожи ихъ ни къ чему не годятся. Вѣтры становятся еще горячѣе отъ великаго выжиганья степей. Жары въ Іюлѣ 1774 были въ Царыцинѣ такъ велики, что тепломѣръ, наполненный спиртомъ, лопнулъ. Отъ жару дохли въ Сарпѣ рыба и раки, отравляя зловоньемъ воздухъ. Воздухъ же въ Іюлѣ бываетъ такъ густъ, что глазъ не можетъ видѣть далеко въ степи, хотя кажется противное. Ибо колеблющіеся въ степи пары холмы и высокую траву кажутъ отдаленными высокими горами и лѣсами и всѣ предметы представляютъ издали большими, чемъ вблизи. Часто видится водою окруженный холмъ, гдѣ одна только сухая степь.

Въ Августѣ наступаютъ бури отъ юга на сѣверъ, иногда сопровождаемые такимъ градомъ и ливнемъ, что вода съ возвыше льется въ пади и въ большемъ количествѣ, чемъ при тающемъ снѣгѣ, и на подобье ручьевъ протекаетъ къ волгѣ. Иногда же сухіе, вовсе не подающіе плодотворной влажности. Часто ужасные вихри подымаютъ со степи цвѣточную пыль съ великаго множества лебеды и полыни и наполняютъ онымъ весь воздухъ, такъ что кажется стоишъ въ густомъ темножелтомъ дымѣ или туманѣ, покъ не проидетъ вихрь. Не безъ страха глядишь на эти явленья, когда при ясномъ днѣ вдругъ помрачится воздухъ. Густой темный дымъ отемнитъ все и въ видѣ облака помчится съ вѣтромъ за волгу.

Въ Сентябрѣ дни ясные, умѣренные, вѣтръ перемѣнный: съ юга, юговостока, восточной и сѣверовосточной стороны. Въ Октябрѣ все еще бываетъ тепло. Вступившая съ Іюля мѣсяца въ берега волга въ это время получаетъ нѣкоторое приращеніе, отъ дождей въ ея верховьяхъ какъ ея собственныхъ, такъ и Камскихъ, что снова мутитъ воду, причиняя болѣзни, подобно

какъ весной. Дождливый мѣсяцъ есть Ноябрь: вѣтры дуютъ съ сѣверовостока на западъ, неся сырую погоду съ туманомъ, при буряхъ дождь превращается въ снѣгъ, и тогда Волга покрывается наноснымъ льдомъ. Волга замерзаетъ въ Декабрѣ. Но дотолѣ, отъ 8 до 14 дней, идетъ по ней снѣгъ, пока не подуетъ восточный вѣтеръ, не сопретъ его и не сдѣлаетъ твердымъ. Весь этотъ мѣсяцъ продолжаются беспрерывные сѣверные бури съ мятелью, захватывая иногда даже часть Генваря. Но снѣгъ на степи не остается; вѣтры его сносятъ въ углубленья и пади.

Утки, жаворонки и куропатки здѣсь даже зимуютъ, избирая защитныя отъ бурь мѣста, низменности и соленые, гдѣ снѣгъ не покрываетъ служащихъ въ пищу семенъ.

Пролетные птицы, зимующія въ теплѣйшихъ странахъ, прилетаютъ сюда въ Сентябрѣ на все то время, когда продолжается хорошая погода, кормясь сѣменами лебеды и гусиныхъ лапокъ. Всего болѣе попадаются желтобрюшки, выѣдающіе осоковые шишки, овсянки, юрки, съ ними прилетаютъ лѣсные и степные кулики, Morinellus, а нѣсколько прежде бѣлые журавли (Grus leucogeranos), пролетающіе чрезъ сіе мѣсто къ югу. Сѣверные гуси являются въ исходѣ Сентября большими стадами и, пробывъ немного, скрываются въ западной странѣ. Не залетающіе же далеко на сѣверъ заморскіе птицы, но пребывающіе лѣто здѣсь, вія гнѣзда, какъ то: бѣлые и красные чапуры, кваквы, остроносые кулики, степные курицы, малые дудаки, Баклапы, красноголовые нырки, поганки, начинаютъ отправлять на южные свои зимовья еще съ послѣднихъ чиселъ Августа, чтобы дать мѣсто прилетающимъ изъ Сѣвера стадамъ.

Весной начинается прилетъ птицъ съ половины Февраля. Въ началѣ сего мѣсяца перелетаютъ во множествѣ къ сѣверу подорожники и нѣночки, за ними овсянки. Къ 15 числу прилетаютъ конопляпки, потомъ скворцы вмѣстѣ съ красноголовыми утками и водяными птицами. Къ 20-му Февралю прилетаютъ во множествѣ къ Сарпѣ и на Ахтубскую низменность обѣихъ родовъ лебеди, особливо крикуны съ желтымъ на носу концемъ, и первые

дикіе гуси. Бакланы и луговки также сюда прилетаютъ, а по сухому тросняку водится необьятное множество камышенныхъ воробьевъ и князьковъ. Къ исходу сего мѣсяца горитъ степь на всѣхъ мѣстахъ, и низменность насупротивъ ахтубы съ сего времени чрезъ цѣлый мѣсяцъ Мартъ почти непрестанно выжигается.

Во время холодныхъ Мартовскихъ утренниковъ отлетѣвшіе далѣ птицы снова сюда возвращаются, кроясь по болотамъ въ густомъ тросникѣ и по рѣчнымъ низменностямъ. Иногда холода удерживаютъ цѣлый мѣсяцъ позднихъ весеннихъ птицъ И только въ концѣ марта болотные и большіе кулики, вышеупомянутые степные курицы, бѣлые трясогузки, черныя и бѣлые плѣшанки и коршуны.

3-го Апрѣля прилетѣли ласточки. Въ сіе же время впервые, не смотря на холодный восточный вѣтръ, ожили насѣкомые. Почти въ то же время прилетѣли Дикіе полевые голуби, сивороики, щурки и потатуйки. Между 6 и 10 числомъ цѣлыми стадами опустились къ Сарпѣ живущіе на сѣверѣ красногорлые гуси, Anser pulchricollis, но вскорѣ улетѣли. Тогда же пролетѣли чрезъ сію страну Зяблики, Fringilla celebs, съ сѣрыми конопляпками (Fringilla petronia).

Звѣри, скитающіяся по сей пустой степи, суть уходящіе зимою на югъ Сайгаки или Антилопы, изрѣдка попадающіеся карсаки или малые горные лисицы, красные лисицы, во множествѣ водящіеся на горахъ между Дономъ и волгою, зайцы, удерживающіе сѣрую шерсть свою въ продолженіи зимы, большіе и малые переходные слѣпыши, избиратели чернозема по высокимъ мѣстамъ произростающаго коренья имъ въ пищу. Ласточки, хорпасти, хорьки, лещадная мышь или полячка (Mus quercinus), земляные зайцы трипалые, пятипалые и суслики.

Насѣкомыхъ докучныхъ множество, въ числѣ ихъ мѣлкіе комары, влетающіе кучами въ щели, поѣдатели всего състного. Домы, стоящіе неподалеку отъ поемныхъ мѣстъ, лстпею порою совсѣмъ облеплены блохами, пасущимся лошадямъ они такъ

толсто садятся на храпъ, что кажутся совсѣмъ чорныя. Слѣпней и комарей на большихъ широкоразливающихся рѣкахъ гибель.

Въ половинѣ Марта весна украшалась прекрасными цвѣтами. Изъ самыхъ первыхъ показались:

Draba muralis, стояла въ цвѣту повсюду, гдѣ только ростетъ трава.

Ornitogalum luteum.

Прекрасный темносиній морской лукъ (Scilla bifolia) въ теплыхъ, обросшихъ кустарникомъ, долинахъ.

bulbocodium vernum, похожій на шафранъ, показывающій до 3 и 4 цвѣтковъ, въ падяхъ, наполненныхъ снѣжною водою.

Мать мачиха, Tussilago Falfara и hybrida, растущія при ручьяхъ.

Fumaria bulbosa, въ кустарникахъ.

Ranunculus ficaria, употребляемая вмѣсто салату, распускалась въ мокрыхъ мѣстахъ.

Весенніе тюльпаны, совершено отцвѣтающіе въ исходѣ марта.

Бѣлый тюльпанъ, съ двумя и даже тремя цвѣтками, распускаетъ, какъ только отцвѣтетъ bulbocodium.

Настоящій тюльпанъ, Tul. gesneri, появляется въ великомъ множествѣ на черноземѣ около 10 Апреля, украшая собою поля и горы девять дней. Темнокрасные изъ нихъ самые ранніе, самые большіе и самые рѣдкіе, розовые чаще, а жолтыхъ множество. Ребята, рѣзвящіеся въ это время во множествѣ на поляхъ, вырываютъ изъ земли луковицы ихъ, называемые растъ, и ѣдятъ.

Rindera tetrapsis, на всѣхъ буеракахъ возвышен. страны. Его молодые листы, не смотря на естествен. сродство съ вонючимъ Cynoglosso, бывъ сварены, даютъ вкусное, здоровое, хоть нѣсколько горьковатое кушанье.

Въ послѣдней половинѣ Апрѣля вдругъ распускается такое множество цвѣтовъ, что трудно опредѣлить порядокъ ихъ распусканья. Приблизительно онъ слѣдующій:

Veronica verna.
Ranunculus falcatus, серповидный.
» nivalis.
Potentilla aurea.
Alissum calicinum, торица, Икот. трава, чашечная.
» minutum.
» montanum.
Holcus odoratus.
Astragallus depressus.
» cicer.
» physodes.
Fritillaria meleagris, Мохначъ, пухоцвѣтъ.
Amigdalus nana.
Ulmus campestris, Его линкіе листы если положить на нѣсколько времени въ воду, то вода слабитъ также, какъ и манна.
Ulmus pumila.
Draba verna.
Valeriana tuberosa.
Iris graminifolia.
» pumila.
Geranium tuberosum.
Scorzonera graminifolia.
Tragopogon orientale.
» pratense.
poligonum frutescens.
Spirea crenata.
Cerasus pumila.
Malus vulgaris.
Pinus communis.
Alium ursinum.
leontodon tarraxacum, одуванчикъ, куйбабка.
Ceratocarpus arenarius.
Raphanus tenellus.
Veronica austriaca.

Sysimbrium sophia.
Scorzonera tuberosa, Змѣедушникъ. Змѣевъ обѣдъ.
Anemone pulsatila.
Cytisus pilosus.
Crataegus oxyacanta, Обыкновенный глодъ.
Astragalus hamosus, крючковатый.
» contortuplicatus, сибирской.
» Fulcatus.
Fumaria officinalis.
Lepidium ruderale, перечная трава, пометная.
Euphorbia esula. Молочай, Ослиное молоко.
Achillea tomentosa.
Potentilla bïfida.
» supina.
» hirta.
Hesperis tristis.
Arabis thaliana.
Cheiranthus erisymoides, клоповниковидный.
Litospermum aruense, Воробьиное сѣмя.
Lamium amplexicaule, куриная слѣпота, стволоокружная.
bromus tectorum.
Veronica chamaedris, дубровкѣ подобная.
Onosma Echioides.
Verbascum phaeniceum.
Ranunculus Illiricus и lanuginosus.
Cochlearia Draba.
Lepidium graminifolium.
Allium lineari affine.
Ornitogalum narbonense.
Cynoglossum officinale.
Anchusa orientalis, воловій языкъ, ослиные уста.
Vicia cassubica.
Astragalus tenuifolius.
Thymus vulgaris и acinos, Чимьямъ базиликъ.

Thymus serpillum, Ѳимьямъ чабрецъ.
Conuallaria majalis и poligonum.
Cheiranthus montanus.
Stipa pennata, ковыль[1]).

Нижеслѣдующіе отцвѣтали въ Маѣ:

Veronica spicata.
Verbena officinalis.
bromus squarrosus, костерь шероховатый.
» cristatus, петушьему волоску подобный.
Plantago media и cynops.
Solanum dulcamara, Сорочьи ягоды, сладкогоркія осинки.
Echium staticum.
Myosotis lappula.
Verbascum nigrum.
Messerschmidia angusta.
Chaerophyllum bulbosum.
Caucalis orientalis, стебельникъ, петрушникъ восточный.
Allium descendens.
Cucubalus otites.
tribulus terrestris, водяной орѣхъ, Болотной рожекъ (земляной).
Dianthus prolifer.
Nitraria Schoberi,
Thalictrum minus.
Dodartia orientalis.
Phlomis tuberosa, чужеварникъ шишковатый.
Hesperis matronalis.
Crambe orientalis.
Melilotus flava.
Cytisus an nigricas.
lotus angustissimus, Лотъ, комоница,

1) Сѣрой горохъ на соленыхъ полосахъ, его большіе стрючки, называемые хлопунчиками, по причинѣ треску, ими производимаго, ѣдятъ молодыми охотно овцы и крестьянскіе дѣти.

trifolium resupinatum.
Scorzonera tomentosa.
Tragopogon villosum.
Centavrea Centavreum et scabiosa.
Matricaria camomilla.
Achilleae tomentosae.

Въ послѣднихъ числахъ мая уже начинаетъ изсыхать на возвышеньяхъ всякое произрастенье, а въ слѣдующіе два мѣсяца и повсюду, пока наконецъ отъ осенніихъ дождей не возрастутъ вновь полынь, лебеда, гусиныя лапы и соляныя растѣнія, которые по причинѣ обильныхъ своихъ соковъ могутъ противиться зною и засухѣ. Кромѣ ихъ и высокорастущей травы съ бѣлыми цвѣтами, называемой Дьявольское искушенье, никакихъ почти невидно травъ, выключая осенніе цвѣты.

Слѣдуетъ замѣтить еще слѣдующіе деревья и кустарники:

Черноталъ. Поздняя Ива, растущая и цвѣтущая на нижней волгѣ, называемая отъ Ботаниковъ Salix pentandra, по числу своихъ тычекъ. Сей черноталъ распускается здѣсь въ исходѣ Маія мѣсяца, слѣдовательно полутора мѣсяцомъ позже обыкновенной ивы.

Бѣлозъ. Примѣчанія достойный родъ Ивы, ростущій на поемныхъ мѣстахъ и отмѣляхъ при устьѣ Сарпы и около Астрахани и вообщѣ по Волжскимъ островамъ къ полудню. Кустомъ, а на сухомъ мѣстѣ деревомъ, толщиной въ руку. Вѣтви къ верху стоящіе, изъ зеленасѣрые, толстыя, ломкія, листы большія, длинныя, иногда въ четверть. Дерево не распускается по тѣхъ поръ, пока вода въ волгѣ не станетъ сбывать. Только въ половинѣ Іюня начинаетъ цвѣсть, выпуская свои сережки. Крайнія вѣтви ея обыкновенно посыхаютъ, корень же свой пускаетъ она по пѣску, на подобіе дикой травы, и имѣетъ много отпрысковъ. Почему весьма хорошо можетъ употреблена быть для скрѣпленія береговъ.

Калмыки.

Волжскіе въ Астрах. Губерніи.

Почва степей, занимаемыхъ ими, песчана, солонцовата и ловато-глиниста. Вездѣ слѣды подводнаго состоянія, исчезающіе съ приближеніемъ къ высотамъ, назыв. иргенями. Иргени тянутся потомъ на сѣверо западной сторонѣ степей непрерывною цепью. Гора Богда у калмыковъ священна, ее щитаютъ перенесенною изъ Зюнгаріи двумя праведниками, изъ которыхъ одинъ не донесъ ея до мѣста: на дорогѣ она обрушилась и подавила его, обагрившись его кровью (за грѣхъ какой то); въ этомъ удостовѣряетъ калмыковъ красная глина, составляющая окончность горы, другая часть горы изъ гипса и алебастра. Гору посѣтилъ невидимо Богда Далай лама, кушалъ на ней и въ память сего вылилъ изъ своего блюда остатки соленаго блюда, произведшаго большое Баскунчатское озеро. Калмыки приходятъ сюда молиться, бросая, въ видѣ жертвъ, въ ущелья горы и прямо, деньги, вещицы и проч. При искатѣ Иргенскихъ горъ есть озера, но вообще степь бѣдна водами. Небольшія рѣчки теряются въ пѣскахъ, другіе имѣю солонцевато горькія воды, текутъ весной и почти исчезаютъ къ осени. Жары бываютъ сильные, особенно на востокъ: 40° въ тѣни, зимой морозы до 30°. Поваренная соль въ видѣ кристаловъ покрываетъ въ изобильи озера.

Звѣри. Барсуки, чекалки, волки, лисицы, зайцы и тушканчики (земляные), хорьки, суслики, водяныя крысы при рѣкахъ, кабаны,

и особенно сайгаки, бродящія цѣлыми стадами и загоняемыя иногда осенними бурями на приволжскія селенія. *Птицы*: Беркуты, балабаны, ястребы, скопы, мышеловы, коршуны, бѣлые лупи, совы, филины, сычи, вороны, скворцы, журавли, фазаны, дрозды, крохали, лебеди обит. въ морск. камышахъ и заливахъ, дикіе гуси и разпого рода утки, бабы, бокланы, колпики, мартышки, чайки, цаплп и проч. Въ весеннее время птицы, питающіеся рыбами, выбравъ мѣлкій заливъ, составляютъ изъ себя неразрывную цепь и съ разноголоспымъ крикомъ и шумомъ крыльевъ подгоняютъ къ берегу множество мѣлкой рыбы и потомъ на отмѣли поглощаютъ ее. Водятся рыбы особенно у береговъ моря, но калмыки ими не пользуются. Степь наполнена множествомъ насѣкомыхъ. Черепахи, ужи, змѣи, тарантулы, веретеницы, муравьи, мошкары, комары, оводы, сарапча, мухи, пауки чорные въ грецкія орѣхи, пушечное ядро (Табупъ-сумупъ), также ядовитые, какъ и тарантулы; тѣ и другіе однакожъ поѣдаются овцами безвредно. Изъ предосторожно нужно спать лѣтомъ въ крѣпкомъ пологу и вымазывать колеса телеги дегтемъ, чтобы по нимъ не взобрались пауки, также укрывать овчинами и войлоками изъ овечьей шерсти.

Число калмыцкаго народа полагается до 30 т. кибитокъ или около 100,000 душъ предположительно, потому что чотовъ не ведутъ. Дѣлятся на улусы (улосовъ 9). Улусы подраздѣляются на Аймаки, т. е. участки Зайсанговъ, а сіи на роды и семейства. Сословій 4. 1) Владѣльцы, 2) Зайсапги, Духовенство и Простолюдины.

1) *Владѣльцы* (Нойоны) ведутся съ незапятной древности, наслѣдственны, деспоты, могутъ распологать даже жизнью подвластныхъ. Власть однакожъ умѣрилась Русскимъ правительствомъ, хотя и подкрѣпляется сильно уваженьемъ и вѣрой народа; они существа высшіе, называются Цаганъ ясанъ, бѣлые кости.

2) Зайсапги, родъ вассаловъ, также наслѣдствены владѣтели аймаковъ, съ которыхъ собираютъ подать и требуютъ прислуги.

Также называются бѣлые кости, но пойны, однакожъ, могутъ ихъ наказать и отвалять по бѣлымъ костямъ. Лишить владѣнія однакожъ не могутъ безъ суда. 3) *Духовенство* (хувракъ) ненаслѣдственно. Всякой калмыкъ, имѣющій трехъ сыновей, уже водитъ одного съ обритою головою и въ краспомъ кафтанѣ (Духовные всѣ въ красныхъ кафтанахъ и жолтыхъ шапкахъ), называетъ его мапгли (ученикъ вѣры) и посылаетъ 10 лѣтъ въ Хурулъ (капище) для изученья тунгутскаго языка и полученія дальнѣйшихъ степеней. По закону ламайскому духовенство безбрачно и должно вести строгую монашескую жизнь, оставаясь при капищахъ. Но вмѣсто того они ведутъ бродяжническую жизнь, падувайлы и мерзавцы. Въ каждой почти кибиткѣ живетъ по одному духовному, который калмыку необходимо нуженъ для изгнанія чертей (эрликовъ). Чертямъ калмыкъ очень вѣритъ. Они, кромѣ того что ведутъ веселую жизнь, участвуетъ еще въ грабежахъ, въ угонахъ скота, цѣтъ сквернотей и ни одного уголовнаго дѣла, въ которомъ бы не попался духовный. А между тѣмъ они составляютъ почти третюю часть населенія. Гелюнги высшіе духовные, а Лама Первосвященникъ, получавшій сей санъ прежде отъ Тибетскаго Далай Ламы, но теперь, за дальностью мѣста, обходится съ помощью Рускаго правительства.

Простолюдины или Хара, т. е. чорные. Фамилій и прозвичъ не имѣютъ, кромѣ именъ, и носятъ большею частью цѣлыми поколеньями имена древнихъ родоначальниковъ. Чтобы отыскать въ улусѣ калмыка, прежде нужно знать изъ какого онъ рода. Частію состоятъ изъ несущихъ подати владѣтелямъ, часть отродки фамилій владѣльческихъ, исполняютъ при нихъ разныя должности: ключника или казначея, знаменосца, конюха, повара, врателя чаю и наказателя; часть такихъ, которые (суть) въ родѣ приписныхъ къ монастырямъ, церквямъ, зависятъ отъ духовенства, прислуживаютъ при ламахъ и священодѣйствія, пасутъ стада, принадлежащія капищамъ. Наконецъ есть такіе, которые въ слѣдствіе разныхъ услугъ владѣльцамъ освобождены отъ повинностей.

Образъ жизни. Кибитка, конусообразный шалашъ, высокій, въ два сажня съ половиною въ вышину, а въ діаметрѣ пять саженъ, строится изъ сошекъ или палокъ и деревянныхъ решетокъ, которыя сверху прикрываются кошмами (рогожками изъ камыша), все это везется готовое. Кибитка строится въ полчаса, а разбирается и того скорѣе. Дверп на востокъ. Посреди кибитки чугунный котелъ, потдерживаемый таганомъ, для пищи и чая. Налѣво налойчикъ съ бурханами и тунгутскими молитвами. На право домашній снарядъ, чашные чашки, кружки, кадочки, бартоги для вина, мѣшки для собиранья скотскаго помета, замѣняющаго дрова, мѣшки съ длинной палкой для доставанья воды. Противъ дверей у стѣны находится кровать, отъ земли вышиною на четверть аршина, покрытая стегаными стегами. Кибитка украшена привязанными къ разнымъ мѣстамъ решетки лошадиными, бараньими головами, ногами и другими частями мяса, сырыми кожами, ружьями. Кибитка страшно холодна. Дѣти (нагіе) въ силу согрѣваются, сидя на цыпочкахъ вокругъ огня, прикрывъ кое чемъ спины. Дыму много. Владѣльцы имѣютъ по нѣскольку кибитокъ, для себя, для семейстъ и для прислуги. Иные опрятны, даже роскошны: внутренность обтягивается шолковою матеріей, скрывающею решетки, палки, кошмы. Постель подъ одѣялами и балдахинами, полъ устланъ кошмами и коврами, по бокамъ сундуки одинъ на другомъ и кумирни, гдѣ бурханы рѣзные. Кочевья разсѣвается на большое пространство, иногда на 300 верстъ и болѣе. Главное мѣсто владѣльческая ставка. Владѣльческіе кибитки вообще стоятъ отъ простыхъ на нѣкоторыхъ отдаленіяхъ и передъ дверью воткнута пика на длинномъ черенкѣ. Ночью у нихъ караульные. Кибитка, гдѣ Бурганы или капище, стоитъ тоже отдѣльно съ двумя пестрыми флагами и вокругъ ея цепь другихъ кибитокъ, гдѣ живутъ лама, Гелюнги и прочее духовенство. Въ кочевье есть также подвижной базаръ изъ кибитокъ, обращенныхъ дверями во внутрь на площадь, тѣсно сдвинутыхъ для безопасности отъ похищеній. Торговлей мѣлочной, но довольно прибыточной, занимаются Армяне и Татары. Это сборъ

калмыковъ и новостей, привозимыхъ изъ городовъ купцами, депо всѣхъ толковъ, извѣстій. Кочующій базаръ въ улусѣ имѣетъ большое значеніе.

Въ продолженіи весны, лѣта и осени (то есть, съ первыхъ чиселъ февраля до половины ноября) болѣе двухъ недель никогда калмыки не держатся на одномъ мѣстѣ. Останавливаются обыкновенно при колодцахъ (худукахъ), которыми испещрены всѣ степи и которые даютъ бѣловатую, соленогорькую воду и обыкновенно къ вечеру вечерняваются и выбираются. Какъ только тощія травы (частью сожженныя солнцемъ) вполнѣ истощатся, владѣлецъ въ разговорахъ съ приближенными даетъ замѣтить, что надобно скоро откочевать въ другое мѣсто. Вѣсть о семъ разносится по всѣмъ кибиткамъ главной ставки, и каждый калмыкъ, выходя поутру изъ своего жилища, прежде чемъ выгоняетъ на пастьбу скотъ (скотъ всегда проводитъ ночь около хозяйской кибитки), смотритъ, нѣтъ ли сигнала къ походу. Воткнутая въ землю владельческая пика — все приводитъ въ движеніе. Калмыки и калмычки ловятъ верблюдовъ, разбираютъ кибитки, укладываютъ домашній скарбъ, и чрезъ часъ огромный караванъ трогается съ мѣста.

Весь караванъ (кромѣ нѣсколькихъ арбъ, двухъ колесныхъ телегъ, запряженныхъ волами) состоитъ изъ верблюдовъ, навьюченныхъ разобранными кибитками, сундуками, котлами и разными другими вещами. Впереди всадникъ везетъ владѣльческую пику; потомъ семейство владѣльца, окруженное Зайсангами и служителями; потомъ уложенные въ ящики бурханы въ сопровожденіи Ламы и духовенства. Дѣти калмыковъ, калмычонки, качаются на верблюдахъ въ мѣшкахъ и коробахъ, привязаныхъ въ числѣ вьюковъ и обложенныхъ внутри кошмами или овчинами; изъ нихъ видны только одни головы калмыченковъ. Старики и старухи на самомъ верху тоже средн вьюковъ. Молодые калмыки и калмычки, разодѣтые, на лучшихъ лошадяхъ, опережаютъ другъ друга въ бѣгахъ (кокетничаютъ). По сторонамъ на огромныхъ пространствахъ тянутся стада и разъѣзжаютъ кавалькады охотни-

ковъ съ собаками, ястребами и балабанами (въ родѣ ястреба). Весною проходятъ отъ 15 до 20 верстъ въ день; лѣтомъ во время жаровъ отъ 10 до 12, а осенью отъ 25 до 40. Въ Ноябрѣ переселяются на зимнее постоянное кочевье въ мѣста, гдѣ камышъ или кустарникъ около волги доставляетъ кое какую защиту отъ бурь и средство имѣть огонь. Бѣдствуютъ и спосятся иногда бурей. Въ началѣ Февраля подымаются съ мѣста, отпраздновавъ праздникъ Цаганъ-Сара (бѣлый мѣсяцъ), въ память побѣды, одержанной однимъ бурханомъ надъ злымъ духомъ. Главный праздникъ, въ который калмыки оживаютъ, какъ Банбаки, и выходятъ изъ своей оцепенѣлости, радуются до нельзя, дарятъ другъ друга, мѣняются вещами, фруктами, деньгами; довольство необыкновенное. Еще замѣчателенъ праздникъ лѣтній (юрюсь сара), когда хурулы и всѣ кибитки украшаются зеленью травы и древесными вѣтвями, пекутъ хлѣбы Бурханамъ.

Кочевья ихъ, среди степей разсѣянные, имѣютъ видъ унывный. Крикъ верблюдовъ, смѣшанный съ лошадинымъ ржаньемъ, коровьимъ мычаньемъ и блеяньемъ овецъ, дико разитъ непривыкшіе уши. Утро начинается тѣмъ, что калмычки идутъ доить коровъ, а другія съ мѣшками на плечахъ отправляются за пометомъ въ поле и къ колодцамъ за водою. Калмыки выгоняютъ стада на пастбу и водопой. Послѣ обѣда у котла свои кибитки, жены принимаются за бабьи ремесла, а мужья ничего не дѣлаютъ, сидятъ поджавши ноги, перебираютъ четки, курятъ, или таскаются по чужимъ кибиткамъ, нѣтъ ли гдѣ мяса или чего иного поѣсть.

Неопрятенъ калмыкъ страшно. Неумывается, не перемѣняетъ бѣлье, зимой даже нераздѣвается и никогда не скидаетъ тереуха. Вшей и блохъ носитъ съ собои страшное множество, тѣмъ болѣе что вѣритъ въ переселеніе душъ и никогда не бьетъ ихъ, но если поймаетъ, кладетъ осторожно возлѣ себя. Ѣстъ изъ того же котла. Въ томъ же котлѣ варится и чай, гдѣ за двѣ минуты варилось мясо. Молоко держитъ въ нечистыхъ кожанныхъ посудахъ, откуда невозбранно хлѣбаютъ собаки. Обходится паль-

цами, вытирая ихъ тутъ же объ овцу или собаку, на мѣсто салфетки. Въ случаѣ именитого гостя, желая оказать опрятность, вытираетъ чашку полою собственнаго кафтана, мерзѣйшею въ послѣдней степени. Несмотря однакожъ на неопрятность и бѣдность жизни, тощія и почти не производящія степи, калмыкъ здоровъ, стариковъ между ними много, строенъ и крѣпокъ. Смуглъ, черноволосъ, широкоскулистъ, схожъ съ китайцемъ и манжуромъ. Узкіе, черные глаза, носъ, какъ обыкновенно, плоскій. Зубы хороши и бѣлы. Быстроглазъ и видитъ далеко, не смотря на то, что иногда ему вовсе выкуриваетъ очи кибиточный дымъ. Статенъ, средняго роста, ловокъ на лошади и неуклюжъ въ ходьбѣ, по причинѣ кривизны ногъ отъ безпрестанной верховой ѣзды. Силенъ: сила не порывная, но неутомимая. Нанимаясь въ Астрах. Губер. для разъѣздовъ по Волжскимъ протокамъ, работаютъ веслами нѣсколько дней безъ отдыха, безъ пищи, противъ вѣтровъ и теченія, солнца и комаровъ. Борьба въ употребленіи. Силачи называются батырями или богатырями. Калмыкъ, даже пьяный до нельзя, не свалится никакъ съ лошади. Одѣтъ зимою въ овчинной тулупъ, лѣтомъ въ китайчатый кафтанъ или чапанъ, опоясный китайчатымъ поясомъ. Шапка большею частью желтая съ узкимъ мѣховымъ околышкомъ, иногда войлочная маленькая шляпа. То и друго съ красной кистью на верху.

Нравомъ калмыкъ гостепріименъ и подѣльчивъ. Въ обращеніи ровенъ и съ богатымъ и съ бѣднымъ. Бѣдный можетъ запти въ любую кибитку и подсѣсть къ хозяйскому котлу, ему поднесутъ чашку на равнѣ съ другими. Если только у кого падетъ верблюдъ или лошадь, тотчасъ явятся гости и знакомые на трапезу, все съѣдятъ, такъ что и хозяину не остается (мясное ѣдятъ рѣдко и только къ праздникамъ рѣжутъ барана; въ обыкновенныя дни питаются крѣпко вареным кирпичнымъ часомъ и пьянными напитками изъ молока). Если калмыкъ получилъ что нибудь въ подарокъ, деньги, пищу, табакъ, тотчасъ раздѣлится поровну съ товарищами, которые тутъ найдутся. Калмыкъ наклоненъ къ пьянству и воровству, послѣднее считается не больше какъ па-

лостью и состоитъ въ кражѣ барана или угнаніи скота. Мы подѣйствовали на нихъ просвѣщеніемъ своимъ съ другой стороны: сообщили картежную игру, до которой они стали страстные охотники: дуютъ въ горку, въ марьяжъ или въ марью, цыхру, армянскую игру безъ козырей. Степные купцы продаютъ имъ игранныя колоды по рублю и по два за каждую. А кто заведетъ у себя игру въ кибиткѣ (изъ богатыхъ), тотъ беретъ съ запальчивыхъ игроковъ за новую колоду отъ 5 до 20 рублей. Суевѣренъ калмыкъ страшно, прибѣгаетъ на гаданьямъ и колдуньямъ, вѣритъ въ обморочиванья и въ чертей страшно. Не мстителенъ. Соры и драки часты, но прекращаются скоро, ябедничествамъ и тяжбамъ выучился уже находясь подъ рускимъ правительствомъ. Отчасти любопытенъ, легковѣренъ и непостоянен и всегда привязанъ къ степямъ и кочевью, которыхъ ни за кія блага не промѣняетъ, не смотря на то, что уже занялъ много обыкновеній у Рускихъ. Именъ нѣтъ. Какъ родится калмыченокъ, отецъ его или бабка выходитъ тотчасъ изъ кибитки и, что первое попадется ему на глаза, тѣмъ называетъ ребенка. Волга, топоръ, собачій пометъ, ложка, старуха, если попадется рускій чиновникъ пріѣхавшій, то именемъ его чина: маіоръ, сенаторъ. Для женщинъ иногда съ разборчивостью: кукушка, куница, спокойствіе, драгоцѣнность. Дитя тотъ же часъ завертываютъ въ тряпку, а зимой въ баранью овчину, закупориваютъ въ ящикъ изъ лубковъ, зашнуровываютъ, оставивъ дырки для рта, глазъ и сзади, гдѣ ребенокъ свищетъ, даютъ ему въ ротъ кусокъ сыраго сала и оставляютъ его рѣшительно на попеченіе Бога. Грудью сытъ изрѣдка, но кормятъ до трехъ лѣтъ. Дитя въ ето время даже куритъ табакъ. До 2 лѣтъ ребенокъ держится въ погомъ видѣ, не моется, не стрижется. Празднества у калмыковъ сопровождаются яденьемъ быковъ, лошадей и барановъ, музыкой, пѣньемъ, пляской, борьбой, охотой и лошадиной скачкой. Пляска у калмыка подъ отрывистую музыку сильна и не только въ движеніи тѣла, но даже въ движеніи мускулъ, въ кривляньяхъ и огибаньяхъ, движеньяхъ судорожныхъ до изступленія. Напѣвы нѣсней, напротивъ, про-

тяжны необыкновенно, унылы сильно, однозвучны, кажется, какъ будто выражается грусть. Переходы къ гортаннымъ звукамъ. Инструменты балалаика и ятга (родъ гуслей о 7 мѣдн. струнахъ).

Религія и духовная образованность и словесность.

Въ Религіи Калмыковъ таятся слишкомъ замѣчательныя начала, говорящіе много о внутренней силѣ этого беспечнаго народа. Вотъ понятія о происхожденіи міра: Прежде существовало неизмѣримое пространство пустоты, хаосъ. Потомъ (неизвѣстно когда) поднявшаяся со всѣхъ десяти сторонъ свѣта буря породила множество облаковъ, которые пролили сильный дождь, отъ чего составилось величайшее море. На поверхности этого моря, движимаго бурею, накопилось чрезмѣрное множество пѣны, изъ коей уже образовалась земля и воздвигнувшаяся среди моря гора, утвержденная на пропзенной Бургапомъ Манцзошири черепахѣ. Гора сія (Сюммеръ ула) составляетъ средоточіе земли и имѣетъ четыре стороны: серебренную, лазурную, рубинную и золотую. Она вся обитаема духами и состоитъ изъ семи уступовъ: внизу живутъ злые, въ верху добрые, на вершинѣ самые добродѣтельные 33 Тенгерія. Выше сего, уже вѣроятно въ странахъ небесныхъ, паходится царство боговъ и жилище праведныхъ въ области бурхана абида.

Вокругъ горы четыре острова, первый земля драгоцѣнностей, гдѣ паход. и наша Европа, второй и третій заняты людьми великанами. На четвертомъ, называемомъ землей зловѣщаго голоса, люди безъ болѣзней достигаютъ до тысячи лѣтъ и о времени кончины за нѣсколько дней извѣщаются какимъ то таинственнымъ голосомъ. Между островами спошеній нѣтъ и только однѣ бурханы могутъ переходить съ одного на другой.

Первые люди, получившіе бытіе вмѣстѣ съ сотвореніемъ міра отъ нѣкоего Свѣтлаго духа, осчастливлены были всѣми дарами благодати: они издавали отъ себя сіяніе, имѣли крылія, не требовали пищи, жили по 80 т. лѣтъ и возраждались вновь черезъ

пресленіе душъ. Такое состояніе, продолжавшееся неизвѣстно сколько, было утрачено невоздержаніемъ одного человѣка, съевшаго какое то земное растѣніе и соблазнившаго къ тому и другихъ. Послѣ чего исполинскій ростъ, долголѣтіе, сіяніе, способность лѣтать, словомъ, все исчезло и люди долго оставались во тмѣ, пока не учредилось солнце, луна и звѣзды. Но среди такого переворота были еще люди, сохранившіе святость. Они въ числѣ 1000 существъ переселились на небо и сдѣлались бурханами. Съ того времени солнце, состоящее изъ огня и стекла, ежедневно обращается около горы. Когда оно, движимое воздушными копями, выходитъ противъ серебреной стороны означенной горы, тогда начинается разсвѣтъ, когда равняется со стороною лазурною, тогда наступаетъ полдень, когда приближается къ сторонѣ рубинной, тогда день склоняется къ вечеру, и наконецъ со стороны золотой отражается ночь. Луна, какъ и солнце, странствуетъ около горы и состоитъ изъ стекла и воды; на ней, какъ и на звѣздахъ, обитаютъ свѣтлые тенгеріи. Потерявъ благодатную жизнь, люди довольствовались сначала различными питательными растѣніями, но какъ оныя скоро перевелись, то всѣ впали въ неизъяснимую крайность, за которою слѣдовали необходимость пріобрѣтать пищу трудами и водвореніе на землѣ пороковъ. Въ семъ бѣдственномъ положеніи благоразумнѣйшій изъ людей выбранъ былъ ханомъ. Бурханы, видя землю оспротѣвшую добродѣтельми, рѣшились посѣтить оную, и когда вѣкъ людей отъ 80 т. уменьшился до 40 лѣтъ, спизшелъ первый бурханъ, имѣвшій имя: разорителъ, проповѣдывать вѣру. Когда люди не могли жить уже болѣе 30 т., другой: строителъ міра, потомъ, когда 20 т., третій: блюститель міра, далѣе четвертый и, наконецъ, когда уже люди стали жить по сту лѣтъ, сошелъ на землю бурханъ Шакджимуни, управляющій нынѣ міромъ и указавшій настоящую Ламайскую вѣру. Уменьшеніе роста человѣческаго, однакожъ, непрекратится и достигнетъ до того, что человѣкъ будетъ жить только 10 лѣтъ, ростъ ему дастся не болѣе одного аршина, и самыя лошади будутъ не болѣе зайца. Наконецъ, ужасныя бѣдствія истребятъ

всѣхъ живущихъ; послѣ чего земля очистится огнемъ и водою и вновь настанетъ вѣкъ блаженства. Люди получатъ опять долголѣтіе и, слѣдуя внушеніямъ добродѣтельнѣйшаго Бурхана Майдри, который долженъ поступить тогда вмѣсто Шакджимуни и удивить смертныхъ своими совершенствами, величіемъ, сіяніемъ и красотою, пріобрѣтутъ возможность пользоваться возрастомъ до 80,000 л, что всего важнѣе, въ этомъ вѣкѣ будутъ владычествовать на землѣ уже не мущины, а женщины. По ученію Ламайскому, существованіе міра полагается бесконечнымъ, но безпредѣльность такая имѣетъ періоды, наз. *огненными истребленіями.* Каждый періодъ имѣетъ въ себѣ седмью семъ малыхъ эпохъ, изъ коихъ каждые семъ огненные сопровождаются осьмымъ изъ воды потопомъ. Всѣ же вообще заключаются разрушеніемъ міра. Сверхъ того, потомъ всѣ имѣютъ четыре большіе эпохи, одна объемлетъ время уменьшенія рода человѣческаго отъ 80 т. до 10 лѣтъ, потомъ слѣдуетъ время разрушенія, когда все разрушается на землѣ и истребляется, потомъ время пустоты на землѣ, потомъ время возстановленія, когда буря возвращаетъ изъ ада души для новаго населенія земли.

Калмыки чувствуютъ верховность одного существа свыше всѣхъ бурхановъ, Творца вселенной, но не называютъ его по имени. «Существо всевидящее, непостижимое, невидимо всѣмъ управляющее, духомъ святымъ преображеніе имѣющее и спасающее всѣхъ животныхъ». Образа его не представляютъ и воздаютъ почести только Бурханамъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ въ управленіе какую нибудь часть.

Шакджимуни пользуется уваженіемъ болѣе другихъ, какъ учитель и основатель вѣры. Древнее монголо-калмыцкое уложеніе начинается къ нему молитвою въ сихъ выраженіяхъ: Яко пучина великаго моря, всѣми добродѣтельми исполнившемуся и тѣми украсившему, и самою вѣрою бесплотнымъ уподобившемуся, и три существа въ себѣ вмѣстившему и обо всемъ вѣдѣніе и самодержавную власть получившему — Шакджимуни ламѣ поклоняемся. Замѣчат. *Хурмуста*, защитникъ и хранитель земли, бла-

годѣтельный духъ, пекущійся о всѣхъ тваряхъ, обитаетъ съ 33 подвластными ему тенгеріями на высотахъ Сюмеръ улы. Онъ изображается въ видѣ старца, разъѣзжащаго на слонѣ необыкновенной бѣлизны, шерсти и огромности: вышина и длина его въ нѣсколько верстъ. Пасется онъ въ очаровательной долинѣ и утоляетъ жажду водою, сладкою какъ медъ. При отправленіи *Хурмусты* въ путь, получаетъ онъ 33 красныя головы, изъ коихъ на каждой по 6 хоботовъ, на всякомъ хоботѣ по семи басеннов, на каждомъ басеннѣ ростетъ по 7 лилій, а на лиліяхъ сидятъ воздушныя дѣвы, которые поютъ и ударяютъ въ литавры. Самъ хурмуста помѣщается на средней головѣ слона, на прочихъ 33 сопутствующія ему Тенгеріи. Множество другихъ бурхановъ занимаютъ разныя должности, какъ то: Богъ рая, брани, ада, злые, добрые духи. Судитъ по смерти Эрликъ ханъ, Богъ и повелитель ада. Чистота понятій о добрѣ и злѣ, заключающаяся въ правилахъ ихъ религіи, стоитъ глубокаго вниманія. Грѣхи слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ. *Приписываемые произволу:* убійство, всякое насиліе, всякое телесное осквернепіе, *изъ происходящіе отъ слова:* злословіе, празднословіе, клевета и ложь, смуты и подстреканія. Грѣхи душевныя: зависть, мщеніе, безбожіе или непризнаніе святости закона. Души въ слѣдствіе грѣховъ и добродѣтелей получаютъ (четыре) *пять* назначеній. Одинѣ отправляются къ Бурханамъ, другіе поступаютъ въ число добрыхъ Тенгерій, третіи въ число злыхъ духовъ, четвертыя возвращаются на землю, будучи поселяемы или возраждаемы въ людяхъ или безсмысленныхъ тваряхъ, и, наконецъ, пятыя осуждаются на мученія. Далай ламы пользуются божескими почестями, представителями Бурхановъ. Тенгеріи (добрые духи) обоего пола рождаются отъ взаимныхъ лобзаній и даже отъ взоровъ или одной улыбки любви, существуютъ иногда цѣлыя сотни тысячъ лѣтъ и, исчезая, вселяются въ благочестивыхъ людей. Обширныя преданія о подвигахъ Бурхановъ, ихъ непорочности и стяжаномъ величіи и, наконецъ, ученіе Шакджимуни, написанныя въ огромныхъ книгахъ, заключаютъ въ себѣ *Номъ*, т. е. законъ Калмыцкой вѣры.

Калмыкъ способенъ вѣрить чудесному и охотникъ до сказокъ. Иногда дня по три сряду слушаетъ преданія о подвигахъ сказочныхъ героевъ, которыхъ очень любитъ. Раскащики водятся мастера своего дѣла и сопровождаетъ, гдѣ слѣдуетъ, пѣньемъ, музыкой, тѣлодвиженіемъ, гдѣ нужно — подражаніемъ голосу животныхъ. Герои бываютъ ростомъ въ нѣсколько верстъ, махомъ меча поражаютъ цѣлыя тысячи, копями перескакиваютъ моря и горы. Болѣе всѣхъ другихъ нравится баснословная повѣсть Джангиръ. Замѣчательный всякій случай рождаетъ у калмыковъ пѣсню. Въ замѣнъ рифмъ строки начинаются съ одинакихъ буквъ и звуковъ. Предметы ихъ: подвиги наѣздниковъ, достоинства копей, любовныя приключенія, Странствія, гдѣ были, что ѣли, что дѣлалъ ихъ хозяинъ. Часто является наклонность къ иронiи и оригинальная острота.

Нѣсколько мыслей и изреченій изъ калмыцкихъ книгъ.

У всякого человѣка желанія неограниченны, но благоразумный питаетъ ихъ втайнѣ.

Благоразуменъ тотъ, кто пріятною улыбкою уничтожаетъ вредные замыслы враговъ, не показывая имъ и вида неудовольствія.

Не пренебрегай никѣмъ изъ ближнихъ и не говори худо. Послѣ онъ можетъ быть и добрымъ; равно не превозноси ни чьихъ достоинствъ выше мѣры: узнать ихъ трудно.

При излишнемъ гнѣвѣ къ рабамъ рѣдко можно имѣть около себя служителей.

При совѣщаніяхъ женѣ преймущества не давай и слѣдуй своимъ соображеніямъ.

Человѣку завидливому лучшее сокровище свое не показывай.

Не все слышанное отъ другихъ принимай за истину, а обсуживай самъ со вниманіемъ.

Если богатый умѣетъ распоряжать своимъ имѣніемъ, оно приращается, но если бѣдный умѣренно живетъ, онъ менѣе несчастливъ.

Кто нескромно другихъ обременяетъ вопросами, тотъ есть человѣкъ слабоумный, а тотъ, кто предпріятій своихъ до совершенія оныхъ ни словомъ, ни дѣломъ не обнаруживалъ, есть человѣкъ глубокомысленный.

Одинъ человѣкъ истинно образованный блистаетъ въ мірѣ семъ, какъ солнце; тогда какъ многіе невѣжды въ совокупности не могутъ уподобиться и звѣздамъ.

Скворецъ, сколь бы ни жаждалъ, стоячую воду пить не будетъ, такъ и умный человѣкъ, въ какіе бы бѣдствія ни впалъ — совѣтамъ глупаго не послѣдуетъ.

У глупаго способности на языкѣ, а умный хранитъ ихъ втайнѣ.

(Нѣсколько) Пословицы тоже есть замѣчательныя:

Видя близкую смерть, и мышь укуситъ кошкѣ хвостъ.

На одномъ верблюжьемъ пометѣ тысяча верблюдовъ споткнутся.

...болѣе, что вѣритъ въ переселеніе душъ и никогда не бьетъ ихъ, но если поймаетъ одну, кладетъ осторожно возлѣ себя. Ѣстъ изъ одного и того же котла. Пьетъ (изъ него) чай (изъ того же) *кирпичный*, который варится докрасна въ котлахъ, гдѣ только что кипятилось мясо. Молоко держитъ въ кожанныхъ сосудахъ, откуда невозбранно глѣбаютъ собаки. Обходится пальцами, вытирая ихъ тутъ же объ овцу, или собаку, или кошку, на мѣсто салфетки, а если хочетъ обойтись опрятнѣе при посѣщеніи именитаго гостя, то вытираетъ чашку собственною полою, мерзѣйшею и подлѣйшею.

(Не смотря, однакожъ, на неопрятность и бѣдность жизни, тощія и почти не производящія свои степи. Ѣстъ падаль и всякую дрянь, и то не всегда, однакожъ рѣжетъ барана по поводу угощанія).

Травники.

Лѣкарственный Арзамаскій Травникъ.

Плакунъ-трава (Lytrum Salicaria) заставляетъ плакать нечистыхъ духовъ, выгоняетъ домовыхъ кикиморъ, открываетъ приступъ къ заклятому кладу.

Колюка (Carlina vulgaris) во множествѣ растетъ по пригоркамъ. Ея дымомъ окуренное ружье не можетъ заговорить никакой колдунъ.

Царь трава. Veratrum album. Корень ея, сваривъ въ меду золотникъ и выпивъ, избавится человѣкъ отъ всякой нечести, которую выпесетъ верхомъ и низомъ. Уваромъ ея промываются скоту всѣ раны и истребляются въ нихъ черви. Тоже что Чемерица.

Дягиль. Angelica Sylvestris, внутреннее лѣкарство для скота.

Жабрей. Antirrhinum Linaria употребляется на мѣсто боброй струи къ поправленью мужской слабости.

Попутникъ (Plantago Latifolia). Листами полезенъ ранамъ всѣмъ безъ изъятія, а корешкомъ роженицамъ послѣ родовъ, ослабѣвающимъ отъ теченія крови.

Лютикъ (Ranunculus flamula) и чеснокъ, будучи привязаны вмѣстѣ съ квашенымъ тѣстомъ ко лбу или погамъ, унимаютъ жаръ.

Мухоморы или Сосенка. Asparagus officinalis. Корень пригоденъ

отъ каменой болѣзни и запору. А траву вѣшаютъ въ домахъ для умору мухъ.

Молочай трава. Leontodon teraxacum. Одуванчики. Разбиваетъ спершееся молоко въ грудяхъ у роженицъ и умножаетъ его.

Молочай трава. Euphorbia palustris. Свѣжій сокъ его принимаютъ чарочною мѣрою одержимые лихорадкою и отъ того исцеляются.

Чернобыльникъ. Artemisia vulgaris. Имъ поятъ дойный скотъ, когда онъ не доитъ отъ наговора ворожей.

Сорочій щавель. Rumex acetosella. Пьютъ отъ кровавой рвоты.

Гулявица рябинка. Achillaea millefolia, пригодна отъ отдышки.

Коневой щавель, разбиваетъ кровь и мокроты. Rumex acetosa.

Черноголовникъ. Pimpinella sangusorba, останавливаетъ кровохарканье и утоляетъ грудныя болѣзни.

Мать и Мачиха. Tussilego barbara, умягчаетъ всякіе опухоли.

Медвежье ухо. Potamogeton natans, варятъ и пьютъ отъ цынги.

Кошечья мята. Glechoma Hedera terrestris, уменьшаетъ почечуи.

Дикая крапива, bonurus cardica. Уваръ ея щитается за надежное средство отъ укушенья бѣшеной собаки.

Сердечная трава (Poligonum bistorta). Жеванье ея корня сырого и глотанье останавливаетъ простой и кровавой поносъ.

Лобазникъ или *Живокость.* Spiraea Ulmaria. Пьютъ въ переломѣ кости; кость срастается.

Купена. Connalaria sigillum. Щеголихи моютъ уваромъ ея худощавыя щеки и чрезъ то полнѣютъ.

Золотникъ полевой. Centavrum minus, пригоденъ во всякой боли въ животѣ.

Змѣевая трава. Stachis Arvensis, отъ угрызенья змѣи.

Дурманъ (Datura Stramonium) сгоняетъ мягкіе опухоли.

Дурманъ (Xanthium strumarium) пригоденъ лошадямъ отъ сапу.

Подлѣсникъ или сухой Водолепъ, Asarum Europaeum, въ чорной болѣсти, въ пострѣлѣ и въ падучей болѣзни.

Дербенникъ. Плакунъ трава. Стебель стоящій четырехсторонній, къ верху мохнатый, вышиною въ аршинъ и больше. Цвѣты яркого темнорозоваго цвѣта, столбомъ, вокрухъ стебля вверху сидячіе, противуположные остролистные. Цвѣтетъ въ Іюлѣ и Августѣ, созрѣваетъ въ сентябрѣ сѣменами. По берегамъ рѣкъ, озеръ, каналовъ.

Травникъ Симбирской.

Бобовникъ, Amygalus nana. Прекрасное деревцо, растущее во множествѣ на пашнѣ. Плодъ мохнатый, схожъ съ миндалемъ. Ядра употребля на перегонку и потдѣлку водою.

Сій косолистный. Sium Falcaria.

Перекати поле. Gypsophyla Paniculata, изсохнувъ, большими клубами валяется по пашнямъ. Употребляется для умору мухъ.

По рѣкѣ *Черемшану*, по луговой сторонѣ, обширные и тучные поля, по правую гнѣздовые перелѣски, наполненные дикими розами. Растетъ множество *девясилу* (Inula Helenium). Въ березовыхъ перелѣскахъ гордпться алыми шапками.

Барская спесь. Lychnis chalcedonica. Казылбаши засѣваютъ цѣлыя поля Арбузами и дынями. По Черемшану ростутъ красильныя травы, которыми Мордва краситъ шерсть на свою одежду. Корнемъ Марёны, Galium Rubioides, красятъ въ красную. Желтую краску даетъ трава дрокъ. Genista tinctoria.

Изъ соку ягоды *костеники*: Rubus Saxatilis, примѣшавши къ нему квашеннаго молока, татары составляютъ напитокъ пріятного... красноватого вкуса и нѣсколько разбирающаго свойства. Костеника растетъ изобильно въ перелѣскахъ.

По Черемшану среди березовыхъ перелѣсковъ растутъ

Серпуха чертополошная. Serratula Centauroides и *Чертополохъ* серпуховидный. Carduus serratoloides.

Чертополохъ, Centavrea benedicta. Лѣсной салатъ, Lactuca Scariola. Мошистой звѣробой, Hipericum Elodes. Всѣ три по лѣсамъ.

Собачки. Череда. Bidens cernua. Трава растетъ при мокрыхъ мѣстахъ, Мордва извлекаютъ изъ нее хорошій рудожелтый цвѣтъ.

Кавылъ, Stipa pennata, которою зеленѣется вся степь при началѣ весны.

Двуцвѣтная Ирь (Iris bistora) устилаетъ синими цвѣтами степь. Сокъ даетъ синюю краску.

Цвѣты *Вѣтра* или Вѣтреницы, Anemone, составляютъ не меньшую красу степей. Ихъ три рода: Цвѣтъ распущенный, Anemone Patens, весенній, Anemone vernalis, и колокольчистый, Anemone Pulsatilla.

Весенній шерстоцвѣтъ, Adonis vernalis, по берегу рѣчки.

Желтоцвѣтные благовонные лѣсные *тюльпаны*, tulipa silvestris.

Кокушкины башмачки съ голубыми цвѣтами лазоревыми. Cypripedium calceolus употребляется въ черной немощи.

Золотая сарацынская лоза, Senecio Saracenicus, покрываетъ горы.

Благовонный девясилъ, Inula odorata.
Большой ландышъ, Hemoracalis Liliastrum. } по горамъ.

Таволожникъ. Сибирскій кустарникъ. Spiraea crenata.

Молочай Пашенный. Evforbia segetalis.

Сибирскій волосистый молочай на низменныхъ мѣстахъ. Evphorbia pisola.

Киржазонъ (Аристолохіа Clematis), плодъ, на подобіе яблокъ, кладутъ въ шляпу для унятія головной боли.

Дикая ретька, Bunias orientalis, въ армянскомъ буераку, при самомъ уступѣ его къ горному ущелью. Столбики ея ѣдятъ сырые.

Скерда, Hieracium praconorsum. Стебли служатъ пищею, особенно въ жаркіе дни. Ѣдятъ ихъ облупивъ верхнюю кожицу.

Устели поле (Ceratocarpus arenarius) покрываетъ равнины по подгорью, особенно на песчаныхъ мѣстахъ.

Драконова голова была въ цвѣту.

Astragalus tragacantoides. Мышій чай на горахъ.

Carduus cianoides, татарникъ, подобенъ Василько.

По южнѣй.

Бабьи румяны. Echium. Корень его, наполненый краснымъ цвѣтомъ, употребляютъ на подкрашиванье щекъ. Стебель прямой, косматый, съ темнокрасными почками, подымается одинъ къ верху на два фута и больше. Продолговатые листы также косматы. Стебель оканчивается цвѣточнымъ колосомъ, хорошего краснаго, кармазиннаго, цвѣта. Растетъ между васильковыми цвѣтами.

Колокольчики, Campanula decurrens.

Danthonia
Arrhenatherum elatius
Glyceria aquatica
Kocleria valesiaca
Capsella procumbens
Braya pinnatifida
Senebiera coronopus
Imperata cilindrica
Calamagrostis
Erianthus ravennae
Heteropgon Allionii
Calamagrostis gaudiniana
Crypsis Schoenoides
Gaudinia fragilis
Molinia Serotina
lamarhia aurea
Spartina stricta
lepturus filiformis
psilurus nardoides
Sorylium halepense
Oxytropis pilosa
Sarothamnus scoparus
Cajanus argenteus
Rindera tetraspis
Rhynchospora fusca
Gastridium lendigerum
Coleanthus subtilis
Polichnemum nuciferum
Ceratocefalus falcatus
Nuphar pumilum
Malcolmia africana
Huguenimia tanacetifolia
Syrenia angustifolia
Rapistrum rugosum

Corynephorus canescens
Phragmites communis
Polypogon littoralis
Leersia oryzordes
Apera spicaventi
Cynodon dactylon
(Cyperus esculentus)
Rhynchospora alba
Eriophorum triquetrum
Piptatherum paradoxum
Crypsis aculeata
Viola rothomagensis
Malachium aquaticum
Drypis Spinosa
Helianthemum fumana
Tunica Saxifraga
Erodium cicutarium
Mercurialis annua
Zanichelia pedicellata
Orlaya grandifolia
Turgenia latifolia
Haquetia epipactis
Hydrocotile vulgaris
Conioselinum Fischeri
tetra gonolobus
Securigera coronilla
bonjeanea hirsuta
Corydalis fabacea
Corydalis daviculata
Zahlbrucknera paradoxa
Malcolmia africana
Camelina dentata
Myagrum perfoliatum
Euclidium Syriacum
Calepina Corvini
Diplotaxis tenuifolia
Hutchinsia brevicaulis
Aethionema saxatile
Capsella bursa pastoris
Corydalis ochroleuca
lasiagrostis Calamagrostis
Nestia paniculata
Farsetia incana
Lobularia maritima
Helichrysum arenarium
Silybum marianum
Thrincia hirta
Helminthia echioides
Urospermum picroides
Willemetia apargioides
Phoenixopus muralis
podospermum laciniatum
Galasia villosa
Telekia Speciosa
bidens cernua
Stenactis annua
Adoxa Moschatellina
Aronicum Clusii
Barkhausia foetida
Lacyntha verrucosa
Adenostiles alpina
Cirsium eriophorum
Petasites spurius
Homogine alpina

Матеріалы по сельскому хозяйству.

Подъ общимъ заглавіемъ «Матеріалы по сельскому хозяйству» печатается цѣлый рядъ выписокъ и замѣтокъ Гоголя по предметамъ, имѣющимъ ближайшее отношеніе къ домашнему быту и сельскому хозяйству.

На первомъ мѣстѣ печатается собственное разсужденіе Гоголя о сельскомъ хозяйствѣ, по собственноручной его рукописи, хранящейся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подъ № 3222. Рукопись представляетъ собою листъ бѣлой писчей бумаги, сложенный въ 8-ую долю, изъ котораго вырваны три восьмушки. Текстъ Гоголя находится на лицевыхъ страницахъ первой и второй (со словъ: «На что преймущественно») восьмушекъ. При печатаніи текста слова, зачеркнутыя Гоголемъ, помѣщены въ скобкахъ, а слова, надписанныя имъ вмѣсто зачеркнутыхъ и въ дополненіе къ написаннымъ въ строку, набраны курсивомъ[1]).

На второмъ мѣстѣ печатаются собственноручно выписанныя Гоголемъ выдержки изъ послѣдней части Домостроя по изданію: «Домострой Благовѣщенскаго попа Сильвестра. Сообщено Д. П. Голохвастовымъ». М. 1849.

---

1) Этотъ Гоголевскій отрывокъ разсужденія по поводу сельскаго хозяйства въ десятомъ изданіи его сочиненій, по необъяснимой причинѣ, напечатанъ по копіи Трушковскаго, подъ названіемъ «Замѣтка» и «Замѣтки о сельскомъ хозяйствѣ». См. шестой томъ, стр. 450—451 и 799—800.

На третьемъ мѣстѣ печатаются собственноручно выписанныя Гоголемъ выдержки изъ «Народнаго Дневника», напечатаннаго И. Сахаровымъ въ книгѣ: «Сказанія русскаго народа», въ томѣ второмъ, въ книгѣ седьмой, при чемъ Гоголь не механически выписывалъ у Сахарова то, что его интересовало.

На четвертомъ мѣстѣ печатаются «Народныя повѣрья въ селѣ Лопуховкѣ Саратовской губерніи», собственноручно выписанныя Гоголемъ, по его показанію, изъ *Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*.

На пятомъ мѣстѣ печатается «Цвѣточный барометръ», составленный тоже приноровительно къ потребностямъ сельскаго хозяина.

На шестомъ и седьмомъ мѣстахъ печатаются «Календарь крестьянъ» и «Народныя замѣчанія по явленьямъ природы», при чемъ мѣстность, откуда взяты они, Гоголемъ названа Симбирскою губерніей, но подъ вопросительнымъ знакомъ.

На восьмомъ и девятомъ мѣстахъ печатаются небольшія замѣтки Гоголя, носящія названія: «Хлѣбопашество» и «Садоводство».

Всѣ эти статьи, №№ 2 — 9, собственноручно вписаны Гоголемъ въ ту тетрадь, которая начинается лѣкарственными травниками.

На десятомъ мѣстѣ печатается статья «О крестьянскомъ жилищѣ», собственноручно написанная Гоголемъ на двухъ несшитыхъ листахъ почтовой бумаги, при чемъ обѣ вторыя половинки листовъ остались бѣлыми.

На одиннадцатомъ мѣстѣ печатаются нѣсколько сельско-хозяйственныхъ замѣтокъ, собственноручно написанныхъ Гоголемъ на двухъ листахъ, тоже несшитыхъ, почтовой бумаги, при чемъ послѣдняя половинка листа осталась бѣлою.

На двѣнадцатомъ мѣстѣ печатаются небольшія замѣтки о цѣнѣ хлѣба и о конномъ заводѣ, собственноручно записанныя Гоголемъ на первой страницѣ восьмушки листа писчей бумаги.

Всѣ эти Гоголевскія рукописи хранятся въ томъ же вышеуказанномъ № 3222 Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ. Здѣсь же, въ этомъ № 3222, кромѣ того, сохранились относящіяся къ сельско-хозяйственному отдѣлу статьи, писанныя не рукою Гоголя.

Одна изъ этихъ статей, въ родѣ сельскаго календаря, повидимому, писана Маркевичемъ и напечатана выше, въ примѣчаніи къ предисловію «Матеріаловъ по географіи». Другая статья, «О размноженіи растеній черенками», на листѣ почтовой бумаги. Третья, безъ заглавія, о положеніи крѣпостныхъ, писана на двухъ листахъ писчей бумаги, сложенныхъ и сшитыхъ въ 4-ку. Въ почеркѣ этой тетради нельзя не узнать руку той переписчицы, которая переписала для Гоголя и вторую тетрадь южнорусскихъ пѣсенъ. Четвертая статья: «Историко-статистическія свѣдѣнія о раздачѣ земель въ Южной Россіи», писана на листѣ почтовой бумаги большого размѣра.

1.

Почему нужно хозяйство? Поэтому, что отъ это зависть благосостояніе всего государства. Потому что устроятся лучше (паша) *собствe* жизнь *всякого челов.* Потому что занятія и беспрестанное движенье укрѣпляетъ тѣло и здоровье. Потому что отъ этого самые умственные способности въ свѣжести, *дѣятельны высшей степени, кои бездѣйствали.* Потому, наконецъ, что этимъ исполняетъ человѣкъ свой долгъ и назначенье, дани отъ Бога, въ потѣ лица снискивать хлѣбъ.

Что происходитъ отъ пренебреженья хозяйства. Отъ пренебреженья хозяйства происходятъ несчастья всей земли, *конечное* обѣдпѣнье ея и растройство. Засухи безвр временъ растройство.

(Чемъ разорили имѣнья помѣ) *Какимъ образомъ.*

(Тѣмъ что) *Ибо, незанимаясь самъ, тотъ* бросили имѣнья. Отдали земли въ руки управ и наемниковъ, которыхъ (плохіе блюстители земли. Пристрастились къ занятіямъ не свойствен, къ роскоши и прихотямъ и сдѣлали то, что вся жизнь стала гор) *заботятся только о своихъ выгодахъ, о доставленіи временныхъ доходовъ, не обращая вниманья на будущее, все (истреб) выводя и ничего не насаждая, какъ уже и случилось* въ Россіи, что вырубили множество лѣсовъ. Отъ этого обмѣлѣли рѣки и меньше стали давать нужной влаги. Земля стала суше и бесплоднѣе. (Облака, не встрѣчая деревъ, проходятъ). Перестали дожди, которые привлекаются обыкновенно лѣсистымъ мѣстомъ.

На что преймущественно нужно обращать въ хозяйствѣ вниманіе.

На то, что бы (дурно хозяйство отъ того, что) *не усп* упущено Время. Поэтому нужно знать время, когда что дѣлать.

Что нужно дѣлать весной?

2.

Купи осетрину и семжину на просолъ и на провѣсъ и засѣки на зиму въ ледъ.

Купи не вдругъ, изгодно—коли подешевлѣ.

Ничего не бросай, но коренье, листы, обрѣски, остатки и объеди собравъ по полицамъ, по чуланамъ, по залавкамъ, ставь по судамъ на кормъ животинѣ.

Вдоволь у хозяики яицъ, творогу, сыровъ, вазного молока, сметаны, масла. Пондутъ варенцы, простокваши.

Птицъ всего, что хочешь, куры, гуси, утки, дичи не стреляй, — сама идетъ.

У мужа въ годъ все припасено и ржи, и пшеницы, и овса, и гречи, и толокна, и ямени, и солоду, и гороху, и конопли.

И об. ихъ всего припасено, у всякого запасу, и у рухляди, и у питья, и ѣствы, и у хлѣбнаго, и воложнаго, и у мясного, и у полтявого, и у рыбнаго, и у ветчины, и у солонины, и у вялого, и вѣтренного, и у просолу, — и сухарей, и муки, и толокна, и иной запасъ, и макъ, пшено, и горохъ, и масло, и соль, и дрова, и солодъ, и хмѣль, и мыло, и зола, и все въ береженьи.

Ставленье на зиму земляного, рѣдьки, хрѣну, капусты, росолу, ставленье и иныхъ земленыхъ плодовъ.

Сушенье грибовъ, яблокъ, грушъ, вишенья, малины, клубно, сливъ, марошки.

Соленье огурцовъ, капусты, грибовъ, груздей и рыжиковъ, и всякого овощу, сливъ, грушъ, арбузовъ, молодыхъ тыквъ.

Варенья въ меду и сахарѣ и дѣланье постилъ всѣхъ сортовъ, изъ клубники, изъ яблокъ, изъ терну, изъ поленики, ежевики, костеники.

Квасы изъ всѣхъ фруктовъ, брусничная, и морсы, и наливки всѣхъ сортовъ, и водка всякихъ такихъ настоевъ.

Меды и пива.

Закуски подавались: точная морянка безъ конца.

Водки точно разноцвѣтные хрустали.

Собиранье семенъ такъ, чтобы безъ вывода они были, можно бы и продать.

Челядь кормить въ мясоедные дни. Хлѣбъ рѣшетной, щи да каша съ ветчиною, жидкая, иногда густая съ саломъ. Если случится мясо къ обѣду, а въ недѣлю и въ праздники: или пироги, или кисель, или блины, а на дѣ... щи да молоко или каша.

Въ житницахъ и закромахъ.

Зерно было бы не сгноено, не навьяло бы, не слеглося, не затхгло бы ся, не проточено отъ мышей. А что въ бочкахъ, сундукахъ, ночвахъ, коробахъ: Мука, и горохъ, и конопли, и греча, и толокно, и сухари и ржаные и пшеничные, было бы все покрыто, и судно твердо, не намокло бы, не знило и не затхлося.

Въ сушилѣ Мясо полтевое и солонина вѣтреная, полотки и языки, и прутовая рыба, и пласти, и всякая рыба вялая и вѣтреная, и въ готкахъ, и крошняхъ, и вандыши, и хохольни было бы въ счетѣ и въ письмѣ, сколько чего куплено, вывѣшено и провялено и положено. Пересматривай: что начинаетъ портиться, изводить прежде, а изгной выбросить.

Въ погребѣ и на ледникѣ и погребицахъ сыры, яйца, забѣла, лукъ и чеснокъ, мясо свѣжее и солонина, рыба свѣжая и просольная. Медъ прѣсной, яствы, варенья, рыбнаго студеню. Огурцы и капуста соленая и свѣжая, рѣпа и всякіе овощи, и рыжики, и икра, и расолы ставленные, и морсы, и квасъ, и медъ, и пиво сыченое и простое, и брага.

Въ клѣтяхъ, подклѣтяхъ и анбарехъ устроити ключинку всякой порядокъ. Платье ветчаное и дорожное и служне, и полсти, и епанчи, и кепеняки, и шляны, и рукавицы, и медведно, и ковры,

и попоны, и войлоки, и седла, и саадоки и съ луки и съ стрѣлами, и сабли, и топорки, и рогатины, и пищали, и узды, и оброти, и морхи, ласпо, и похва, и остроги, и плети, и кнуты, и вожжи, моржевые, ременные, и шлеи, и хомуты, и дуги, и оглобли, и миндери, припоны, и шатры, и пологи, и лепъ, и поскопь, и веревки, и ужища, и мыло, и зола, и ветшаной всякой запасъ, и обрѣски, ветшаное и новое, и мѣхи дымчатые, и сумы, и мѣхи холщевые; обрѣски платяные, кожаные, желѣзные обломки всякіе, и гвозды, и цепи, и замки, и топоры, и заступы, и всякой железный запасъ, и всякая рухлядь. Разобрати, положити, въ коробьяхъ, или въ бочкахъ, или по грядкамъ, иное по спицамъ, иное въ коробѣхъ.

А въ иныхъ *подклѣтьхъ* въ *подсѣные* устроити сани, дровни, тѣлеги, коша, одры страдные, дуги, хомуты, оглобли, рогожи посконные, вожжи, лыка и мочала, веревки лычные, оброти, тяжи, шлеи, попопы и другой дворовый запасъ конскій, что пригоже, поставити, положити или повѣсити.

А въ другомъ онбарѣ или сараѣ. Бочки, и мѣрники, и цѣпники, и высѣтки, корыта, жолобы, извары, корцы, сита, решота, фляги и всякая порядия поваренная и погребная. Которые бочки попортились, или обручи сгнили или свалились, и то велѣти окрѣпить, уторы передѣлать, дно поправити и обручи новые наколотить.

А дубникъ въ запасѣ держати, что починити или дѣлати. А ветчаная бочка, извара и выситкъ, допце, дощечки бочечные, и вичка, и всякое судно, все было бы припрятано.

Въ спницахъ сѣно было бы устроенно, и не разрыто, и не разволочено по лѣсницѣ, и по крыльцу, и по двору не растаскапо, всегда бы было обрапо и подметепо, и въ ногахъ и въ грязи не затопгапо и не гнило. Солома бы тоже была покрыта.

А бревна бы, и доски, и дрова, и драницы, и усѣчки, и урупкіе дощаные и бревенные и всякіе устроити въ сторонѣ, гдѣ пригоже, а не на дорогѣ, а бревна и доски и драницы па подкладкахъ, а лучше того подъ кровлей.

Ничего не бросать.

А въ поваренныхъ избахъ, и въ поварняхъ, и въ хлѣбняхъ, и гуща, и дробина, и отруби всякіе, и капустное коренье, и хрящье, и листье свекольное, и рѣпное плюсенье, и бражная гуща, и винная изъ котловъ, и кисельные ожимины [ожимпины] ожимки, и что очищаютъ въ поварнѣ отъ мяса, и отъ рыбы, и отъ кислыхъ щей, и опара, всего того не метати, но въ ветчаные суда класти, которые ни въ поварнѣ, ни въ погребѣ не пригодятся, и тѣмъ страдные лошади кормити, подмѣшаючи певѣйницы, или овсяной муки, или сѣно рѣзаного, или чего инаго. А иное, посыпавъ мукой, пригоже и коровамъ, свиньямъ, гусямъ, уткамъ, курамъ и собакамъ. Помывки судовые, горшечные, котельные, и всякіе яствы, и пригарины, все животинѣ копить: животина тѣмъ сыта бываетъ.

Все осматривать.

А на погребахъ, и въ ледникахъ, и въ житницахъ, и въ сушилѣ, и въ клетѣхъ, и анбарехъ, и въ конюшнехъ и вся дни вечере какъ либо день пересмотрити Государю всякого питья, ествы и всякого обиходу, и всякого запасу, и всякой рухляди, и въ копюшнѣ, и хлѣбнѣ, и въ поварнѣ, и въ чьемъ приказѣ, или у ключника, или у повара, или у хлѣбника, или у конюха всего пересмотрити, самому перепытати, колько чего есть и всему ли есть мѣра, и щоть, и письмо, и во всякихъ хоромѣхъ, и клѣтѣхъ у всякой животины, и въ сѣнникахъ, у мастеровъ, мастерицъ, учениковъ и у торговцевъ, и у всякихъ своихъ прикащиковъ, всего пересматривати и пытати: иного вечера ключника, иного вечера пивовара и конюха смотрити и смѣтити во всемъ; а ключнику тутъ же быти.

Какъ держать слугъ.

А радѣньемъ своимъ и слугъ пріучать къ радѣнью, толкуя имъ, что блюденье порядка есть дѣло угодное Богу, блюстителю

порядка, а который служка въ приказѣ береженъ, живетъ по наказу, въ службъ чисто ходитъ, безъ безъ хитрости, самъ не украдетъ яства, и потреба покрыта, не сгнила, не поплеснѣла, не прокисла, и все подметено, вытерто, не налипло, не нагрязнено и не насорено, суды чисты, перемыты и все цѣло — то служку такого жаловать и всякимъ добрымъ словомъ привѣчать, ѣства и питья подать и всякая нужда его исполнити.

А слугамъ заповѣдуй: о людяхъ не переговаривать, что видятъ не добро въ людяхъ, дома бы не сказывали, а что дома дѣется, въ людяхъ бы не сказывали. О чемъ бы посланъ, то бы и памятовалъ, а па другое бы не отвѣчалъ и вѣстей не переносилъ, што промежъ государей не было никакой ссоры. И предъ всякимъ бы дѣломъ сотворилъ про себя молитву, выходитъ ли изъ дому, или въ домъ входитъ. А что дано несть, знать не любопытствуй, не верти и не заглядывай, осмотри только, когда отпускаютъ, цѣло ли. Впустятъ, и стой вѣжливо и, борзѣе исправивши дѣло, борзѣи иди дома. На встрѣчные запросы не отвѣтствуй и съ ними не калякая не о какой вещи, нигдѣ не ворочая и не потрогивая.

3.

Егорій Весенній.

Если удастся высѣять росаду до Егорья, до будетъ капусты много.

Если на Егорья морось, то урожай овса и проса.

Егорій съ тепломъ, Никола съ кормомъ, Егорій съ водой, Никола съ травой, Егорій съ кормомъ, Никола съ мостомъ, Егорій съ полувозомъ, а Никола съ цѣлымъ возомъ, Егорій съ пошей, а Никола съ возомъ.

Выгонъ скота св. вербою, въ сопровожденьи молебней съ ранняго утра у студенцовъ, колодцевъ, рѣкъ и па лугахъ, и благословенъемъ священника, угощеньемъ пастуховъ, отъ всего міра. [Пастуховъ надѣляетъ яичницей, холстомъ и деньгами, вся деревня съ ними веселится.

Начало посѣвовъ и выходъ на засѣянные поля съ молебнями, водосвященьемъ, окропленьемъ нивъ св. водой, а иногда крестными ходами вокругъ пашенъ и катанье потомъ мущинъ и женщинъ по нимъ, въ надѣждѣ быть сильными и здоровыми, какъ Юрьева роса.

Производство всѣхъ торговыхъ сдѣлокъ и назначенье сроковъ, наемъ работниковъ съ весенняго Юрья по по Семенъ день или Покровъ. Торговцы говорятъ: выставъ къ Юрьеву дню, доспѣю къ Юрьеву дню.

Начала гуляній и вечернихъ хороводовъ. Въ Солигаличѣ и Буѣ выходятъ поселяне ночью пѣть пѣсни, оканчивающіеся припѣвами о сохраненьи стадъ.

Старинное преданье древнихъ временъ. Въ лукоморье есть люди, которые 26 ноября умираютъ, а 23 апрѣля оживаютъ. Предъ смертью будто они сносили свои товары въ одно мѣсто, гдѣ зимою сосѣди могли ихъ брать за извѣстную цѣну безъ всякого обмана. Съ безсовѣстными покупателями они расчитывались весной, при своемъ оживленіи.

[Исторія Карамзина. Т. VII, стр. 233].

Никола Весенній.

Полное утвержденье весны, дорогъ и перевозовъ, установленье тепла. Никола вешній съ теплomъ. До Николы крѣпись, а съ Николы живи не тужи. Прошелъ бы Николинъ день, а то будетъ тепло. Городи городьбу послѣ Николина дня.

Время возрастанья травъ. Не хвались на Юрьевъ день посѣвомъ, а хвались на Николинъ травой. Никола Осенній лошадь на дворъ загонитъ, а весенній откормитъ. Съ этого дня въ за московскихъ селеніяхъ выгонятъ лошадей на почницу, въ сопровожденьи холостыхъ ребятъ всего села. Проводивъ ихъ до поля, ребяты всю ночь проводятъ въ играхъ, и пекутся для этого дня пироги съ гречневой кашей.

Праздникъ конюховъ въ бѣлорускихъ губерніяхъ. Конюхи,

послѣ угощенья съ подарками и пирогами, ѣдутъ на ночлегъ съ лошадьми и цѣлую ночь проводятъ въ гуляньи.

Дождь въ этотъ день полезенъ, и Велика милость Мужику на Николинъ День, когда поле польетъ дожжичкомъ.

Юрій Осенній.

Время сроковъ, торговъ и всякихъ сдѣлокъ. Крѣпки ряды на Юрьевъ день. Судила Маланья на Юрьевъ день, на комъ справлять протори. На чью долю потянетъ поле, то скажетъ Юрьевъ день. Позывалъ дьякъ мужика судиться на Юрьевъ день, а мужикъ и былъ таковъ. Около этого времени платятъ мужики оброки помѣщикамъ, что называется Юрьевскимъ оброкомъ. *Время замерзаній рѣкъ* повсюду. Юрій съ мостомъ, Никола съ гвоздемъ.

Время переходовъ крестьянъ, какъ было въ старину, въ два сроки: на Юрія весенняго и осенняго. Когда Борисъ Годуновъ прикрѣпилъ ихъ къ землѣ и объявлено было имъ въ другъ, что они уже не могутъ переходить и должны остаться крѣпостными на тѣхъ земляхъ, гдѣ засталъ ихъ царскій указъ. Это опечалило и поразило многихъ, оттуда и пословица: вотъ тебѣ, Бабушка, и Юрьевъ день.

Переходы совершались за недѣлю до Юрьева дня и недѣлю по Юрьевѣ днѣ Осеннемъ. Называли ото всюду въ опустѣлые дворы слободъ сельскихъ людей пашенныхъ и непашенныхъ, а отказывали тѣмъ людямъ о Юрьевѣ днѣ осеннемъ, какъ видно изъ стоглава. Такъ же вольны были итти въ градъ на посадъ или въ села жити всѣ христіане. Митрополичьи, Епископскіе, монастырскіе о срочѣ Юрьевѣ днѣ съ отказомъ.

Крестьяне, переходя на помѣщичью землю, обязываются подчиняться помѣщикамъ, исполнять условныя повинности, платить подати за владѣніе ихъ вотчиною. Обязанные условіями, они не могли отойти прежде срока, уложеннаго законами, не могли подняться съ своими животами, не разсчитавшись за пожилое. Помѣщикъ не могъ брать и требовать лишнее; сдѣлки бывали при

свидѣтеляхъ и послухахъ; онъ не могъ удержать его на своей землѣ: закопъ ограждалъ и мужика и владѣльца. Переходы совершались послѣ предварительнаго объявленія помѣщика и при свидѣтеляхъ. Сбѣжавшій тайно считался бѣглецомъ и паказывался пѣнями. По судебнику видимъ, что сѣмъ дней назначались для объявленія и сдѣлокъ и сѣмъ дней для сборовъ. Царь Борисъ, потомъ Шуйскій, потомъ Михаилъ Ѳеодоровичъ укрѣпили совершенно крестьянъ Владѣльцамъ. Вотъ тебѣ, Бабушка, и Юрьевъ день.

Никола Зимній.

Установленье зимы. На день Св. Николая зима ходитъ съ гвоздемъ. Подошелъ бы Николинъ день, а то будетъ зима на санкахъ.

Не прочность зимы, начинающейся до Николы. Коли на Михайловъ день зима закуетъ, то на Николу раскуетъ. Провезли зиму на санкахъ до Николина дни, вотъ тебѣ и оттепель. Коли зима до Николина дни слѣдъ заметаетъ, дорогѣ не стоять. Хвали зиму послѣ Николина дни.

Установленье цѣнъ на хлѣбъ. Цѣны на хлѣбъ строитъ Николы торгъ. У добраго мужика и на Никольщину торгъ стоитъ. Никольской торгъ всему указъ.

Первые обозы. Никольской обозъ для боярской казны дороже золота.

Знаменитая складщина—праздникъ Никольщина. Крестьяне всего села складываются, варятъ пиво, ставятъ всѣмъ міромъ въ церкви свѣчу и правятъ молебенъ о ниспосланіи на нихъ всѣхъ благъ. Послѣ чего угощенье поселянъ всего околодка брагой, пивомъ, пирогами. Остатки раздаются нищимъ. Никольщина красна пивомъ да пирогами. На Никольщину ѣдутъ мужики съ поглядкой, а послѣ Никольщины валяются подъ лавкой. Знать мужика, что Никольщину справлялъ, коли на головѣ шапка не держится. На Никольщину зови друга, зови и ворога, оба будутъ друзья. Горевалъ мужикъ по Никольщинѣ, зачемъ она не цѣлой вѣкъ стоитъ.

4.

Народныя повѣрья въ селѣ Лопуховкѣ Саратовской губерніи.

Народные повѣрья сдѣсь слѣдующіе: 1) Первый день Марта, преподобной мученицы Евдокіи, почитается первымъ весеннимъ праздникомъ. По погодѣ этаго дня заключаютъ о цѣлой веснѣ. 2) 9 Марта, въ день сорока мучениковъ, изъ прѣснаго пшеничнаго тѣста пекутъ птичекъ жаворонковъ, съ коими дѣти, всходя на кровлю строеній, съ крикомъ зовутъ къ себѣ весну и жаворонковъ. 3) На четвертой недѣлѣ великаго поста, т. е. въ крестопоклонную середу, которая называется сдѣсь средокрестьемъ, въ ночи этой среды на четвертокъ, по ихъ мнѣнію, ломается по поламъ постъ съ трескомъ; впрочемъ, увѣряютъ въ этомъ однихъ дѣтей, просящихъ скоромной пищи, что ужъ недолго говѣть. Въ этотъ день изъ прѣснаго же пшеничнаго тѣста кресты, по числу мужеска пола въ семействѣ душъ, неисключая и малолѣтнихъ, запекая въ одинъ изъ нихъ деревяный или мѣдный крестъ, который носятъ на шеѣ, съ тѣмъ, если кому достанется запеченный въ лепешкѣ крестъ, тотъ долженъ и засѣвать въ слѣдующую весну хлѣбъ. 4) На праздникъ Благовѣщенья Пресвятыя Богородицы требуютъ отъ священника, чтобы непремѣнно роздапы были всѣмъ у обѣдни бывшимъ просфоры, для чего предварительно сбирается просфорницею мука. Просфоры, принесенныя въ домъ, употребляютъ прежде всякой пищи, а одну изъ нихъ оставляютъ и кладутъ въ пшеничныя сѣмена; она при первомъ посѣвѣ должна быть въ томъ возу или мѣшкѣ, который будетъ сѣяться на первой загонъ, наблюдая притомъ, чтобы она всыпана была вмѣстѣ съ хлѣбомъ въ первый осѣвальникъ; сѣятель бросаетъ зерна, но не смотритъ въ него, и когда попадается въ руки просфора, бросаетъ ее вмѣстѣ съ хлѣбомъ; идя назадъ, находитъ, и всѣ бывшіе изъ семейства на пашнѣ употребляютъ ее въ пищу. Послѣ этаго обряда ожидаютъ съ твердою надеждою хорошаго урожая. Просфоры на праздникъ Благовѣщенія раздаются въ

церквѣ при цѣлованіи креста, по отходѣ Литургіи, перваго сорта лучшія взрослымъ, а вторыя малолѣтнимъ. Въ случаѣ нераздачи просфоръ, ропчутъ на духовенство, съ предвѣщаніемъ неурожая. 5) Въ тотъ же день и въ недѣлю Ваій, по сдѣшнему выраженію вербную, пчеловоды никакъ не должны ужинать при огнѣ, иначе не поведутся пчелы. 6) На праздникъ Пасхи, когда все духовенство ходитъ въ каждый домъ и служитъ молебны, многіе изъ хозяевъ сыплютъ на столъ подъ скатерть соль, на то мѣсто, гдѣ должно лежать Евангеліе или крестъ; этою солью кормятъ скотъ въ отвращеніе на цѣлый годъ заразы.

[Изъ Саратов. Губер. Вѣдомст.].

5.

Цвѣточный барометръ.

Alsine media. Мокрица середняя при ясной погодѣ разверзаетъ свой цвѣтокъ въ 9 часовъ утра и цѣлой день находится въ этомъ положеніи. Если же собирается итти дождь, то цвѣтокъ опускаетъ головку и не раскрывается.

Asperula odorata. Шероховица душистая. Въ сухомъ состояніи этотъ цвѣтокъ показываетъ перемену погоды: при дождливой онъ испускаетъ благовонный запахъ, а во время сухой теряетъ его. Въ Норвегіи вѣники изъ душистой шероховицы служатъ вмѣсто гигрометра.

Calendula pluvialis. Ноготка дождевая. Цвѣты ея во всей красотѣ своей только показываются только въ ясный день. Обыкновенно они начинаютъ раскрываться между 6 и 7 часовъ утра и засыпаютъ около 4 часовъ по полудни. Если же они еще не пробудились послѣ 7 часовъ утра, то можно надѣяться, что пойдетъ дождь еще до наступленія ночи.

Carlina Vulgaris. Колюка обыкновенная. Сухія чашечки этого цвѣтка разширяются при сырой погодѣ и сжимаются при сухой.

Draba verna. Сухоребрица весенняя закрывается при приближеніи ночи.

Lapsana Communis. Бересква обыкновенная. Цвѣтокъ ея закрывается вечеромъ и спитъ всю ночь, если погода ясная. Если же цвѣтокъ раскрытъ въ продолженіи всей ночи, то значитъ, что на слѣдующій день пойдетъ дождь.

Mirabilis Ialapa. Чудоцвѣтъ ялапна въ ясную погоду спитъ обыкновенно въ теченіи цѣлаго дня и распускается только въ вечеру, оставаясь такъ до восхода солнца. При дождливой же погодѣ ялапна раскрываетъ цвѣтки.

Soncus Sibiricus. Молочай Сибирскій. Если этотъ цвѣтокъ закрывается ночью, то на слѣдующее утро будетъ ясная погода. Если же раскрывается, то дождливая.

Trientalis Europea. Семеричникъ Европейской. Предъ наступленіемъ дождя цвѣтки этого растѣнія склоняются внизъ.

6.

Календарь крестьянъ (Симбирской?) Губерніи.

ЯНВАРЬ.

6. Въ день *Богоявленья* Господня если идетъ снѣгъ, будетъ годъ урожайный. Чемъ больше снѣга, тѣмъ больше урожая.
16. *Петра Полукорма*, половина кормленья скотины на дворахъ до подножнаго корма.
24. *Аксиньи-Полухлѣбницы* (означаетъ) половина года до новаго сбора хлѣба, то есть, до 24 Іюня, дня поспѣванія жатвы.

ФЕВРАЛЬ.

2. Въ день Срѣтенья Господня начинаютъ откармливать племенныхъ птицъ овсомъ, чтобъ лучше неслись.

МАРТЪ.

1. Въ день Евдокіи ясная погода предвѣщаетъ хорошій урожай пшеницы.

4. *Герасима-Грачевника.* Грачи возвращаются изъ теплыхъ странъ.
9. Въ день *сорока мучениковъ* прилетаютъ сорокъ птичекъ.
17. *Алексѣя съ горъ вода.* Прилетаютъ жаворонки.
19. *Хрисанфа и Даріи.* Грязные проруби.
22. *Василія Капельника.* Съ крышъ каплетъ.
25. Въ который день случится это число, важныхъ полевыхъ работъ не начинаютъ.
26. *Василія вывсрни оглобли.* Прекращеніе зимняго пути.

АПРѢЛЬ.

1. Въ день Маріи Египетской говорятъ, что снѣгъ и за колодою разстаялъ.
16. *Ирины урой-берега.*
23. Коли Георгій съ тепломъ, Никола съ кормомъ.

МАІЙ.

1. *Еремѣя запрягальника.* Начинаютъ орать.
3. *Тимофея и Мавры — зеленые щи.*
4. *Ирины разсадницы.* Сѣянье капусты.
6. Іова-горошника. Сѣянье гороха.
9. Замѣчаютъ, что послѣ Николина дня бываютъ двенадцать морозовъ. Если же они не всѣ случатся весною, то остальные исполнятся до Симеона Столбника, т. е. до 1 Сентября.
11. *Макія-Мокраго.* Если въ этотъ день идетъ дождь, то все лѣто будетъ мокрое.
13. *Гнкеріи-Комарницы.* Появленье комаровъ.
14. *Сидора-Сивера.* Холодная погода въ этотъ день означаетъ холодное лѣто.
15. *Пахомія Теплаго.* Теплая погода въ этотъ день предвѣщаетъ теплое лѣто.
21. *Константина и Елены.* Сѣять ленъ и садить огурцы. Въ этотъ же день сѣется ранній ленъ и поздній овесъ.

25. Въ день обрѣтенія честныя главы *Предтечи Іоана* сѣять пшеницу. Какъ глава въ этотъ день обрѣтена была въ землѣ, то въ возблагодареніе предается въ этотъ день лучшій плодъ, т. е. пшеница.
29. *Θеодосіи-Колосянницы.* Рожь въ этотъ день начинаетъ колоситься.

ІЮНЬ.

12. *Петра-Поворота.* Солнце на зиму, а лѣто поворачиваетъ на жары.
23. *Аграфены-Купальницы.* Съ этого дня начинаютъ купаться.
29. Въ день *Петра и Павла* начинаютъ косить траву.

ІЮЛЬ.

20. Въ день пророка Ильи есть обыкновеніе приносить въ церковь части колотыхъ молодыхъ барановъ для окропленія ихъ водою.
30. *Силы и Силуана.* Посѣянная въ этотъ день рожь родится сильно.

АВГУСТЪ.

1. Въ день происхожденія честныхъ древъ сѣменная рожь приносится въ церковь для освященія Св. водою. Въ этотъ же день происходитъ первый посѣвъ ржи. Есть также обычай купать въ этотъ день лошадей.
12. *Флора и Лавра.* Кто сѣетъ рожь послѣ этого дня, у того вмѣсто ржи выростаютъ флоры, т. е. цвѣты.
29. Въ день усѣкновенія честныя главы Іоана или, какъ крестьяне называютъ, Ивана Постнаго, есть уже послѣдній срокъ слать ленъ на лугахъ.

НОЯБРЬ.

1. Въ день *Козьмы и Даміана* крестьянскія дѣвки приносятъ въ церкви живыхъ цыплятъ и ленъ, въ видѣ церковныхъ вкладовъ.

ДЕКАБРЬ.

12. *Спиридона-Поворота.* Солнце на лѣто, а зима на морозъ поворачиваетъ.

7.

Народныя замѣчанія по явленьямъ природы въ той же Губерніи.

1. Начинать сѣять, когда начнутъ квакать лягушки.
2. Когда листъ на березѣ начнетъ распускаться, то время сѣять овесъ.
3. Овесъ хоть въ воду, да въ пору. Сѣй овесъ въ грязь, будешь князь.
4. Когда песты (дикая спаржа) хороши, то и овесъ будетъ хорошъ.
5. Когда много шишекъ на ѣляхъ, будетъ урожай яроваго хлѣба.
6. Много шишекъ на соснахъ, урожай ячменя.
7. Кукушка закукуетъ — время сѣять ленъ.
8. Горлица заворкуетъ — пора сѣять конопли.
9. Черемуха зацвѣтетъ — сѣять пшеницу.
10. Мозжевельникъ зацвѣтетъ — сѣять ячмень.
11. Листъ полонъ, такъ и сѣять полно.
12. Какъ полетѣлъ слѣпень, такъ и полно сѣять ячмень.
13. Сѣй рожь въ золу, а пшеницу въ грязь.
14. О погодѣ для посѣва ржи говорятъ: какъ обмочило оглобли, такъ и поезжай домой.
15. О полевыхъ работахъ для ржи говорятъ: до Петрова взорать, до Ильина заборонить, а до Спаса (16 Августа) посѣять.
16. Если погода была ясная послѣ Рождества, такъ будетъ ясная и послѣ Петрова.
17. Когда осенью листъ, падая съ деревъ, ложится къ верьху гладкой стороной, то означаетъ на лѣто неурожай; а передъ хорошимъ урожаемъ ложится шероховатой стороной къ верьху.

18. Ненастная погода въ воскресенье передъ масленицей обѣщаетъ хорошій урожай грибовъ.
19. Если ледъ на Волгѣ становится грудами, то и хлѣба будутъ груды; а если гладко, то и урожай будетъ гладкой. Замѣчаютъ также, что ледъ на Волгѣ не проходитъ въ свѣтлыя ночи, т. е. въ полнолуніе.

8.

Хлѣбопашество.

Соха. Рѣзецъ ея съ небольшимъ на вершокъ прорѣзываетъ землю. Выгодна въ мѣстахъ пѣсчаныхъ, рыхлыхъ. Пашутъ ею только старую пашню.

Косулями же дерутъ новую пашню или дербу. Она глубже идетъ въ землю и деретъ вершка на полтора глубже.

Что бы дать землѣ отдыхъ, раздѣляютъ пашню на четверо: на новину, яровую, озимую и паръ.

Новина. Около Петрова дни вырубаютъ палестину лѣса и бросаютъ его на мѣстѣ. На другой годъ съ весны валежникъ зажигаютъ, а пепелъ оставляютъ вмѣсто удобренія. Первый посѣвъ на новинѣ бываетъ ленъ, а на другой годъ ячмень или овесъ, а потомъ и озимый хлѣбъ.

Яровое поле называется то, гдѣ посѣянные семена въ одно лѣто приносятъ свой плодъ, куда принадлежатъ: пшеница, полба (triticum spelta), ярина (secale vernum), ячмень, просо или пшено, дикуша или греча, ленъ, конопли, горохъ, макъ, боръ и овесъ.

Озимою пашнею почитается та, которая посѣянныя семена отъ осени чрезъ всю зиму и будущее лѣто питаетъ, и сію пашню единственно занимаетъ ржаной хлѣбъ.

Паръ или отдыхъ бываетъ послѣ озимой и лежитъ остатки лѣта, осень и всю зиму безъ всякаго посѣва. Но чтобы еще болѣе отдохнуть землѣ, на другой годъ на озимой пашнѣ сѣютъ не столь много вытягивающіе тучность посѣвы, какъ то: ячмень, овесъ и проч.

Удобренье пашень состоитъ въ одномъ назёмѣ всякого скота безъ разбора. Но его не бываетъ достаточно. Можно бы удобрять пашню опадающимъ и согрѣвающимъ *листомъ деревъ*. Но это не въ обычаѣ. Также какъ и удобренье *мергелемъ*, поправляющимъ пѣсчаные земли, или извести, поправляющей иловатыя земли, которой повсюду у насъ въ изобиліи.

Сабанъ родъ плуга. Въ двѣ деревяные ноги вставляется стрѣлка, изогнутое длинное бревно, подъ нимъ два желѣза, рѣзецъ и ладонь, а съ боку доска или палица. Резецъ подрѣзываетъ, ладонь подымаетъ, доска или палица сворачиваетъ на сторону. Въ концѣ стрѣлки вколоченъ деревянный гвоздь, къ которому привязывается веревкою припрягъ. Онъ ничто другое, какъ ось съ деревянными колесами. Меньше четырехъ лошадей не запрягается.

9.

Садоводство.

Размноженье яблонѣй. Ветхую яблоню зарываютъ въ землю вмѣстѣ съ сучьями, подрубивъ корни съ одной стороны и наклонивъ ее на ту сторону, гдѣ остались ея корни. Погребенная яблоня даетъ новыя отпрыски, которые потомъ, какъ возмужаютъ, разсаживаютъ. Они приносятъ плодъ скорѣе, чемъ отъ семенъ.

10.

О Крестьянскомъ Жилищѣ.

Крестьянской домъ состоитъ изъ 2 главн. частей: избы и клѣти. Въ избахъ печи чорные [т. е. безъ трубъ], бѣлые [съ мазанковыми трубами] рѣдки.

Выгода первыхъ та, что чорная изба долговѣчнѣе бѣлой, какъ утверждаютъ крестьяне, что скорѣй просушиваетъ бѣлье, сбрую и обувь, и что для сушенья льна необходима также, какъ и чорныя бани. По той же причинѣ она выгоднѣе для краснль-

щиковъ и овчинниковъ, высушивая скорѣе крашеныя издѣлія и овчины. Сверхъ того примѣчаютъ въ нихъ меньше угару, чемъ въ бѣлыхъ, такіе печи требуютъ меньше дровъ.

Невыгоды, что все въ нихъ скорѣе чернится; дымъ и чадъ во время топки заставляетъ часто отворять и впускать холодъ. Для дыму прорубается въ сѣни дымное окно, къ которому приставляется такъ называемый Дымволокъ (труба) (иногда) изъ тесу или липоваго дупла, выводимый выше крышки и оканчивающійся дырчатою буточкою съ отверстьемъ по бокамъ, покрытою сверху на два ската.

Къ пѣчи придѣлывается изъ досокъ *Голбецъ*, немного ниже печи для того, чтобы крышка его служила покоемъ для старыхъ и малыхъ и во время топленія печи; подъ ними дѣлаются двери и лѣсница для проходу въ подполье.

Въ *подполь* держатъ зимою квасъ или пиво, молоко и разную посуду, употребляемую въ стряпнѣ, равно какъ и разные принадлежащ. къ ней орудія, какъ то: помело, клюку, хлѣбную лопату, ухватъ, сковородникъ и проч.

Палати составляютъ весьма нужное отдѣленіе, гдѣ женщины, сидя обыкновенно зимою, исправляютъ свои домашніе работы, т. е. прядутъ, шьютъ и проч., когда на полу будетъ холодно, особливо въ морозы. На Голбцѣ и печи держатся болѣе дѣти. На палатяхъ, особливо въ бѣлыхъ избахъ, дѣлаются небольшія окошка для свѣта. Подъ ними въ углу утверждается пересовецъ, то есть деревинка, больше кривая, чтобы вѣсить на немъ платье (лопоть).

На *Воронецъ* и *грядку*, утвержденные однимъ концемъ въ брусъ, потдерживающій палати, а другимъ въ стѣну, кладутъ дрова для просушки, лучину, ощепки, назовки и сѣяльницу съ мукою, сѣчки, ухваты, сковородники и корытцы. На *Полицахъ*, устроенныхъ подлѣ всѣхъ стѣнъ, начиная отъ палатей, ставятъ горшки, дупляики съ отрубями. Также сушатъ на нихъ лукъ, держатъ разные орудія, какъ то: коточиги, коими ковыряютъ лапти, деревца, при плетеніи ихъ употребляемые, жигала, трубки,

иногда струги, скобели, долота, ножи, ножницы, брусокъ для точенія и всякую другую мѣлочь.

Залавокъ, дѣлаемый при одной стѣнѣ съ печью, нуженъ для храненія на немъ разной мѣлкой деревянной посуды и, у кого есть, мѣдной и оловянной, какъ ложекъ, чашекъ, блюдъ и проч. А иногда для содержанья въ немъ и на немъ выпятого изъ печи кушанья.

Подъ *шесткомъ*, а иногда и залавкомъ, держатъ зимою куръ. Подъ лавки, дѣлаемые вокругъ всѣхъ стѣнъ, чаще съ навѣсами [подзорами], кладутъ топоры, коты, лапти и всякую другую мѣлочь.

Надъ челомъ печи въ черныхъ избахъ утверждаютъ надпыльникъ, т. е. перекладину, положенную на грядку и полицу; на немъ кладутъ сырые дрова для просушки, если не успѣетъ крестьянинъ запасти веснодѣльныхъ.

Въ клѣти съ волоковыми окошками дѣлаются лавки, казенки, родъ чулановъ, для сохраненія скарбу и лучшаго имѣнія, кладутся также грядки для вѣшанія на нихъ платья [лопоти]. Стѣны внутри вытесываются или просто оставляются. Потолки дѣлаются въ нихъ только у Богатыхъ, а у бѣдныхъ одна крѣпкая крыша, подобно какъ и въ анбарахъ. На потолкѣ на верху хранятъ тюрики, Воробы, павои, кросна, лукошка съ куделью. Въ *подклѣти*, то есть подъ поломъ, дѣлаются сусѣки для храненія хлѣба, особливо муки и солода, такъ что часто она за анбаръ отвѣчаетъ, для чего дѣлаются въ опую двери изъ ограды. Въ окна вставляются слюдяные, стекляные, холщевые, вымазанные древесною смолой, иногда же бумажные, а зимою, для теплоты, брюшинныя оконницы.

Обѣ части дома, изба и клѣть, соединяются сѣнями. У иныхъ раздѣляются они на верхніе и нижніе, потому что первые дѣйствительно дѣлаются выше послѣднихъ, почему и всходятъ на оныя посредствомъ маленькой лѣстницы.

Изъ нижнихъ сѣней устроены одни двери на переднее крыльцо, а другіе на заднее или въ скотской дворъ. Въ сѣни, особливо верхніе, выносятся зимой изъ избы постели и лишнее

платье. Подъ сѣнями находятся по большой части погреба, рѣдко подъ особливыми анбарами. Вообще же домъ покрытъ скальемъ, берестою и съ верху Драницами. Домы лицомъ обращаются болѣе къ югу, исключая построенныхъ при большихъ дорогахъ.

Къ дому съ задней стороны, гдѣ заднее крыльцо, пристраивается скотный дворъ и покрывается скальемъ, лубьями, дранцами, рѣдко соломою. Стѣны же состоятъ изъ ослѣдника или плахъ, расколотыхъ изъ толстыхъ бревенъ и забратыхъ въ столбы. Какъ устрояютъ на дворѣ овечьи хлѣвы, ясли, конюшни, стан и при нихъ загоны съ сараями, свинарниками, будетъ ниже.

Что же до прочихъ службъ при домѣ, то задняя, или лучше, *скотная* изба, дѣлается въ углу двора изъ бревенъ или плахъ, съ чорной печкой, гдѣ доятъ зимою коровъ и содержатъ молодыхъ ягнятъ и телятъ, а иногда уходятъ въ оныя отъ угару. Амбары строятся отъ домовъ саженяхъ въ 15 ти. Богатѣйшіе крестьяне имѣютъ до 5 амбаровъ.

Бани строятся далѣе амбаровъ, обыкновенно на огородахъ, изъ сосноваго лѣса. Вмѣсто печи изъ большихъ песчаныхъ камней дѣлается такъ называемая каменка, верхъ которой составлятъ груда мѣлкихъ камней, голышей или кремнист. рода; вмѣсто свода кладутъ въ нихъ противники изъ чугун. штыковъ. Подлѣ каменки дѣлается изъ тесу полокъ и вокругъ стѣнъ лавки. Передъ дверью, снаружи, такъ называемый передбанникъ изъ стоячаго или обыкновеннаго забора.

Лучшіе крестьяне какъ домы, такъ и все принадлежащее къ нимъ строеніе, ограждаютъ оградою изъ бревенчатого заплотника, бѣднѣйшіе жердями, а нѣкоторые около своей бѣдной хижины не имѣютъ никакой городьбы. Ограды при домахъ, находящихся при большой дорогѣ, покрываются повѣтью, состоящею изъ жердей и соломы или драницъ, для помѣщенья подъ ними лошадей и возовъ проѣзжающихъ.

Гумна, иногда принадлежащіе одному, а иногда, и большею частію, многимъ, строятся болѣе для безопасности отъ пожаровъ внѣ селенія, въ логахъ или косогорахъ и при рѣкахъ или

рѣчкахъ, въ какомъ случаѣ располагаются при нихъ и скотскіе для зимы загопы, огороженые жердями или плетнемъ и покрытые соломою, дабы скотъ, имѣя всегда гуменный кормъ подъ ногами, самъ ходилъ и на водопой; для чего дѣлаются въ рѣкѣ проруби, если она покрывается льдомъ, потому что есть довольно и здѣсь незамерзающихъ рѣчекъ. Гумна огораживаются жердями подъ именемъ *гуменниковъ*. При самихъ же домахъ имѣютъ крестьяне огороды для насажденія огородныхъ злаковъ. Но для капусты по большей части особливые при влажныхъ или рѣкахъ, на наземныхъ мѣстахъ, какъ и конопляники для сѣянія въ нихъ коноплей съ хмѣльниками.

Крестьянинъ, предпріявшій выстроить себѣ домъ, рубитъ самъ нужный для того лѣсъ.

11.

I.

Если запустить поле черноземной почвы въ за́лежъ, — оно съ перваго года покроется различными травами, изъ которыхъ одно преимущественно преимущественно болѣе нежели другими, смотря потому, какой въ послѣдній разъ съ поля снятъ былъ хлѣбъ. Въ этомъ случаѣ, послѣ ржи покажется преимущественно *полынь*, особенно на тучныхъ черноземныхъ почвахъ; послѣ гречи дикая сурепица; послѣ овса пырей, овсяница, осотъ, молочай, на самыхъ тучныхъ мѣстахъ Дягильникъ. Наконецъ, чрезъ восемъ или сѣмъ лѣтъ, запущенное поле тучной черноземной почвы покроется травами, годными для сѣна. Пусть сѣнокосъ продолжается три четыре лѣта, потомъ вспашите плугомъ залежъ весною или осенью, почему на ней сплошная пойдетъ лебеда, хотя земля десять одинадцать лѣтъ была подъ залежью и покосомъ.—? Почему теорія не только не объяснила всѣхъ этихъ феноменовъ, которые до сихъ поръ непостижимы, но, кажется, даже и не подозрѣваетъ, что они могутъ случиться. Между тѣмъ какъ эти явленія во многихъ отношеніяхъ оказываютъ величайшее вліяніе на обработку посѣва и расчеты? Или почему

многіе сѣмыя хлѣба имѣютъ на этихъ же почвахъ въ нѣкоторые годы постоянныхъ своихъ спутниковъ: рожь — лебеду, жабрикъ или мятлицу; овесъ — куколь; ленъ — рыжикъ; горохъ — чернобыльникъ? Извѣстно, что на благоразумномъ удобреніи почвъ, на отчетливомъ ихъ воздѣлываніи и на приличныхъ каждой сѣвооборотахъ держится все основаніе теоріи земледѣлія. Опредѣлила ли книжная теорія съ точностію, какіе посѣвы, въ какихъ климатахъ и въ какой мѣрѣ могутъ почитаться приготовительными для будущихъ. Напримѣръ, у насъ есть мѣстности, гдѣ единственно посѣвомъ гречи можетъ потдерживаться плодородіе черноземныхъ почвъ. Обратила ли теорія особенное вниманіе сельскихъ хозяевъ на этотъ вопросъ?

II.

Относительно климата.

Въ Маѣ и Іюнѣ морозы бьютъ просо, гречу и вредятъ.

О климатическихъ вліяніяхъ.

Губительность морозовъ нашихъ состоитъ въ томъ, что въ Апрелѣ они бьютъ на повалъ только что взошедшую рожь, когда она еще въ краскѣ, т. е. ту, которая не успѣла взойти въ августѣ и Сентябрѣ. Въ Маѣ и Іюнѣ морозы бьютъ просо, гречу и вредятъ въ цвѣту ржи и травамъ; а въ Іюлѣ наливу ржи, цвѣту и наливу яровыхъ хлѣбовъ; во второй половинѣ Августа непозволяютъ укореняться озимымъ посѣвамъ, и потому въ нашихъ хозяйствахъ правиломъ положено всѣми мѣрами стараться озимый посѣвъ кончить къ 10 Августу.

Жары пагубны для растительности. 1. Продолжительностью и беспрерывностью, во время которые длинота дней нашихъ неосвѣжается ночами, лишенными морск. вѣтровъ и влаги. 2. Произвожденіемъ червей и насѣкомыхъ, особенно безчисленого множества кобылокъ. 3-е изсушеніемъ листьевъ самыхъ широкихъ растѣній и часто недозрѣлаго зерна, и способствованіемъ

оплодотвореніемъ яицъ насѣкомыхъ, вредныхъ какъ для посѣва, такъ и для скота. Такъ было въ нещастный 1839, 1840 и особенно 1841. Отраженіемъ всему этому служитъ благодѣтельность тѣхъ же самихъ морозовъ. Еслибъ въ Маѣ и Августѣ не было морозовъ въ тѣ годы, когда въ эти мѣсяцы не бываетъ частыхъ дождей, пришлось бы намъ отказаться отъ коренныхъ нашихъ посѣвовъ: овса и ржи, потому что овесъ и рожь поѣдены были бы червями, которыхъ уничтожаютъ одни только морозы, или убавляетъ холодная или дождливая температура. Точно такимъ же благодѣяніемъ провидѣнія должны мы почитать зимній нашъ снѣжный покровъ, который защищаетъ корни деревъ и растѣній и даетъ намъ средства къ дешевымъ и возможнымъ сообщеніямъ.

Изобрѣтенія среди мужиковъ.

Травосѣяніе съ незапамятныхъ временъ извѣстно нашимъ мужикамъ. Мужики Вятской губерніи, въ Ярапскомъ и Слободскомъ уѣздахъ, сѣяли и сѣютъ подъ названіемъ *сѣянца* и *сивухи* Тимофѣеву траву гораздо прежде Американца Тимофея. Ярославскіе мужички-огородники производятъ и берегутъ во всѣ времена года, въ убійственномъ климатѣ, зелень и корнеплодныя растѣнія.

Мужики садовники снабжаютъ обѣ столицы абрикосами, персиками и ананасами, взрощенными безъ ученыхъ пособій, дѣшевыми средствами. Въ Перми сверлили давно Буравленные колодцы, прежде чемъ они вошли къ намъ подъ именемъ артезіанскихъ. Ярославцы и костромичи вывели и усовершенствовали породу такихъ овецъ, которыя, ягпясь два раза вы годъ, никогда не приносятъ менѣе 3 4 ягнятъ. Стало быть, нельзя сказать, чтобы хозяйство у насъ остановилось. Оно идетъ вездѣ тамъ, гдѣ подстрекаютъ его окружающія обстоятельства.

О почвѣ.

Всѣ класификаціи почвъ неопредилительны, сбивчивы и ошибочны, границы, раздѣляющія разпородныя почвы, неопредѣ-

ленны. Слѣдуетъ узнать, какъ велика степень плодородія данной почвы и для какихъ именно растѣній она въ данномъ климатѣ болѣе способна. Но этого никакая теорія еще не опредѣлила, замѣняетъ ее опытность земледѣльца, переходящая отъ отца къ сыну. Съ помощію ея они твердо знаютъ: какіе хлѣба и въ какихъ именно мѣстахъ ихъ земли родятся хорошо, посредственно, плохо, или вовсе не родятся. Предъ этимъ знаніемъ книжное ученіе, особенно столь мало обработанное какъ наше, еще долго будетъ ничтожно. Не зная химическихъ названій, они также знаютъ главные составы ихъ земель до той степени, которой требуетъ практическое производство. Въ слѣдствіе чего на песчаной почвѣ озимой посѣвъ они вездѣ боронуютъ, чтобы почва менѣе просыхала; на глинистой это дѣлается только на югѣ, т. е. въ климатѣ болѣе сухомъ и тепломъ; а въ сѣверной части бороздами, мѣлкими, средними или весьма широкими грядами ados, смотря по климату, обычной температурѣ, цвѣту и составу почвы, и потому еще на горизонтальной ли площади разбиты поля, гдѣ нѣтъ скатовъ для дождевой и снѣжной воды, или на мѣстахъ отлогихъ, крутыхъ. На глинистой иловатой землѣ, насыщенной на возвышенныхъ мѣстностяхъ всегда кислотами, какъ наша черноземная почва, сѣять рожь, гречу, овесъ, а не пшеницу, ячмень, горохъ и просо, сѣять всегда хоть простыми, но приличными пріемами и способами: на извѣстковой почвѣ сѣять послѣдніе хлѣба, а первыхъ мало и т. д.

О черноземѣ.

На южныхъ черноземныхъ земляхъ яровая пшеница родится хорошо, а въ средней полосѣ на такихъ же земляхъ очень дурно, и причины этого неизслѣдованы. Черноземъ, по мнѣнію Пензенскаго помѣщика, не есть перегной, а чисто глинистая почва. Доказывается это слѣдующими: когда у насъ кирпичь бываетъ безцвѣтенъ, то мы примѣшиваемъ къ глинѣ, изъ которой онъ дѣлается, черной пашей земли, взятой на 5—6 вершковъ отъ ея поверхности, чтобы въ ней не было замѣтныхъ остатковъ ра-

стительности. Послѣ обжига кирпичь получаетъ яркій алый цвѣтъ. Если бы черноземъ былъ перегной, то кирпичъ разсыпался бы. Доказывается еще сцѣпляемостью глыбъ земли чернозема, которая во время засухи имѣетъ комковатость, а не разсыпчатость. Желѣзный окислъ, переидя изъ метала съ помощію воздуха и сырости въ окись, т. е. соединившись съ кислородомъ (см. Тэера), полагать надобно, и поверхностный слой нашей глинистой почвы окрасилъ въ чорный цвѣтъ на такую глубину, до которой достигали вода и воздухъ. Въ этомъ убѣждаетъ то, что темно-желтая глина, лежащая подъ нашимъ черноземомъ на полъ аршина, на аршинъ и болѣе глубины, не имѣетъ никакого видимаго и постигаемого отдѣленія отъ черноземнаго пласта, на ней лежащаго. И если составныя части чернозема измѣнились, то развѣ въ томъ только, что поверхностный растительный слой его вмѣщаетъ въ себѣ болѣе или менѣе перегною и весь вообще—двѣ различныя кислоты, произшедшія, полать надобно, отъ вліяній атмосферныхъ; а глина, подъ нимъ лежащая, бывъ лишена этихъ кислотъ, является чемъ глубже, тѣмъ извѣстковатѣе до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наконецъ, превращается въ совершенный мергель, вѣроятно кислотами въ верхнемъ слоѣ уничтоженный. Эта догадка опирается на фактъ, всѣмъ опытнымъ и мыслящимъ хозяевамъ извѣстный, именно, что эта глина, бывъ подвергнута вліянію свѣта, сырости и воздуха, годъ отъ году черпѣетъ. Потвердить это можетъ и опытный помологъ нашъ Г. Шварцъ. Но если бы, положимъ, черноземъ былъ точно перегной (хотя самый цвѣтъ перегноя бурый, а не черножелѣзный, какъ въ черноземѣ), то для того, чтобы окрасить глинистую или песчанную почву въ черный цвѣтъ до той степени, въ какой они находятся, надобно примѣшать къ нимъ такое ужасное количество перегноя, что послѣ смѣшенія почва можетъ годится только для посѣва коноплей, и конечно на ней пшеницы, ржи, овса, ячменя, гречи, гороха, проса, льну ни одинъ мыслящій хозяинъ неносѣетъ, потому что такая почва будетъ до того легка и рыхла, что при засухѣ

всякое колосовое растѣніе засохнетъ, а при обыкновенной температурѣ повалится.

12.

Московская цѣна хлѣба въ 1845.

Ржи четверть отъ 8 р. 50 к. до 9.50 к. Овса отъ 8 до 10. Ячмена отъ 8 до 9. Гречи отъ 7 до 8. Проса отъ 15 до 21. Пшеницы отъ 20 до 22. Семя конопленного: 13. Льняного 14. Картофелю 3.50 к.

О конномъ заводѣ (Глѣбова).

Кобыла Кинарейка выжеребилась отъ жеребца васьки Апрѣля 26 дня и принесла кобылку гнѣдую, во лбу малая звѣздка, на лѣвой задней ногѣ по щотку бѣло, другихъ отмѣтинъ нѣтъ, да ожеребенъ еще жеребчикъ отъ жербца васьки гнѣдового и кобылы умильной, съ проточиной во весь лобъ. На задней ногѣ по выше щотки бѣло. Грива на лѣво.

Названье кобылъ.		*Названье жеребцовъ.*
Прелестная	Игрушка	Васька
Лисичка	Фигурка	Диктаторъ
Роза	Молодка	Воронъ
Наянка	Мурашка (отъ бѣл.	Соколенокъ
Смирная	пятенъ въ позд-	Фицъ-Патрикъ
Злая	ряхъ и лбу)	Краснепькой
Тупоносая	Краснощечка	Мужичокъ
Умильная	Птичка	Рулетъ
Галка	Струя	Свирѣпый
Лебедка	Арабка	Бриліантъ
Постоянная	Цыганка	Потѣшный
Львица	Суета	Цыганъ
Красавица	Любезная.	Атласный
		Юпитеръ.

Цѣна 2 руб.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:
И. И. Глазунова и К. Л Риккера въ С.-Петербургѣ, Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ, Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ, Н. Киммеля въ Ригѣ, Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ, Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ.

Commissionnaires de l'Académie Impériale des Sciences:
J. Glasounof et C. Ricker à St.-Pétersbourg, N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna, N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief, N. Kymmel à Riga, Voss' Sortiment (G. W. Sorgenfrey) à Leipsic, Luzac & Cie. à Londres.

2007041366

Кл 25/42
в. 3

Кл 25/42

ПАМЯТИ

В. А. ЖУКОВСКАГО

И

Н. В. ГОГОЛЯ.

Выпускъ третій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1900.

Кл 25/42

ПАМЯТИ

В. А. ЖУКОВСКАГО

И

Н. В. ГОГОЛЯ.

Выпускъ третій.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр. 9 лин., № 12.
1909.

Напечатано по распоряженію Императорской Академіи Наукъ.
Ноябрь 1909 года.

За Непремѣннаго Секретаря, Академикъ Князь *Б. Голицынъ*.

Государственная
Публичная
Ордена
им. В. И. Ленина
59.1-63

2007041366

ГОГОЛЕВСКІЕ ТЕКСТЫ.

Изданы Г. П. Георгіевскимъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стр.

Введеніе ..... VII—VIII

1. О любви къ Богу и самовоспитаніи.
   Предисловіе 1
   Текстъ 2
2. Молитва о созданіи поэмы «Мертвыя Души».
   Предисловіе 8
   Текстъ 9
3. Сорочинская ярмарка.
   Предисловіе 12
   Текстъ 25
4. Майская ночь.
   Предисловіе 55
   Текстъ 60
5. Дополненія и поправки ко второй редакціи «Ревизора» 84
6. Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали бы сыграть какъ слѣдуетъ «Ревизора».
   Предисловіе 98
   Текстъ 104
7. Предувѣдомленіе къ предполагавшимся изданіямъ «Ревизора» въ пользу бѣдныхъ.
   Предисловіе 105
   Текстъ 108
8. Отрывки, наброски и молитвы.
   Предисловіе 112
   Тексты 112

стр.

9. Матеріалы историческіе.

Предисловіе..... 119

Тексты: а) По Средней Исторіи..... 125

б) По Славянской и Русской Исторіи..... 133

10. Матеріалы по Географіи Россіи.

Предисловіе..... 203

Тексты: а) Изъ Палласа..... 214

б) Калмыки..... 418

в) Травники..... 432

11. Матеріалы по сельскому хозяйству.

Предисловіе..... 438

Тексты..... 441

ВВЕДЕНІЕ.

Печатаемые ниже «Гоголевскіе тексты» извлечены мною изъ собственныхъ рукописей Н. В. Гоголя, служившихъ матеріалами для десятаго изданія его сочиненій и пріобрѣтенныхъ, по окончаніи изданія, для Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ. Краткое сообщеніе о поступленіи ихъ въ Музеи было напечатано въ «Отчетѣ Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ за 1896 годъ», на 16-й страницѣ. Тѣмъ не менѣе, всѣ тексты оставались не напечатанными и въ полномъ видѣ не использованными ни для одного изданія сочиненій Гоголя, кромѣ «Молитвы», которая въ редакціи, назначавшейся для А. А. Иванова, напечатана, между прочимъ, и въ третьемъ томѣ изданія А. Ф. Маркса, подъ редакціей В. И. Шенрока, «Письма Н. В. Гоголя», на 309—310 стр.

Передъ каждымъ Гоголевскимъ текстомъ напечатаны предварительныя свѣдѣнія, или предисловія, въ которыхъ сообщены библіографическія указанія и приведены подробныя описанія Гоголевскихъ рукописей.

По содержанію «Гоголевскіе тексты» обнимаютъ обширный кругъ предметовъ, входившихъ въ интересы какъ литературнаго творчества Гоголя, такъ и другихъ излюбленныхъ его занятій. Перечень этихъ предметовъ и этихъ занятій обнаруживаетъ ихъ разнообразіе, а печатаемые тексты, какъ результатъ ихъ, свидѣтельствуютъ о силѣ интереса и о напряженномъ трудѣ, которые Гоголь посвящалъ имъ. Особаго вниманія въ этомъ отношеніи заслуживаютъ матеріалы по исторіи и по географіи Россіи, въ широкомъ значеніи этихъ словъ. Эти матеріалы и по количеству своему, и по внутреннимъ достоинствамъ указываютъ на то, что Гоголь много труда положилъ на собираніе ихъ и много времени потратилъ на литературную обработку ихъ. Если вспомнить внѣшнія условія и всю тогдашнюю обста-

новку жизни Гоголя, то по справедливости придется подивиться громадным размѣрам работы Гоголя и ея результатовъ. Гоголю очень трудно было достать нужныя книги. Изъ писемъ Гоголя извѣстно, что онъ много разъ и многихъ лицъ просилъ о присылкѣ ему книгъ изъ Москвы и Петербурга въ Римъ, напримѣръ, или въ Германію. Необходимо имѣть въ виду, что тогда совсѣмъ не было нынѣшнихъ быстрыхъ и удобныхъ средствъ для сообщеній и сношеній. Тогда не было и нынѣшнихъ удобствъ для занятій — ни электрическаго освѣщенія, ни гладкой и ровной бумаги, ни стальныхъ перьевъ и ручекъ и т. п. И если, тѣмъ не менѣе, для одного только печатанія «Гоголевскихъ текстовъ» потребовалось почти два года, то сколько же времени затратилъ Гоголь на собираніе матеріаловъ, чтеніе, копированіе, компиляціи и т. д.? Очевидно, о Гоголѣ мало сказать, что онъ былъ труженикомъ: не было такого времени въ его жизни, когда бы онъ не работалъ.

Весьма важно отмѣтить и еще одну подробность въ біографіи Гоголя: найденные матеріалы по исторіи и обертка съ надписью «Матеріалъ лекцій» убѣдительно говорятъ о томъ, что Гоголь трудился надъ лекціями и готовился къ нимъ. Несомнѣнно, уцѣлѣла лишь самая незначительная часть его работъ въ этой области, но и она окончательно уничтожаетъ отрицательныя сужденія о профессорствѣ Гоголя.

При печатаніи текстовъ имѣлось въ виду прежде всего точное воспроизведеніе рукописей Гоголя со всѣми особенностями Гоголевскаго правописанія, даже съ ошибками и описками Гоголя.

Для полноты библіографическихъ справокъ считаю нужнымъ прибавить, что вторая редакція «Ревизора» впервые напечатана была П. С. Тихоправовымъ въ «Библіотекѣ для Чтенія», безплатномъ приложеніи къ журналу «Царь-Колоколъ», 1892 года, № 3, мартъ, 109—235 стр.

Григорій Георгіевскій.

О любви къ Богу и самовоспитаніи.

Статья Гоголя О любви къ Богу и самовоспитаніи самимъ авторомъ не озаглавлена. Она представляетъ собою цѣльный, стройный и законченный трактатъ по тѣмъ двумъ вопросамъ, которые отмѣчены въ заглавіи.

По характеру темы можно предполагать, что этотъ трудъ Гоголя имѣлъ отношеніе къ тому періоду его творчества, когда онъ напечаталъ «Выбранныя мѣста изъ переписки съ друзьями». Однако въ этомъ изданіи нѣтъ этого труда. Неизвѣстнымъ онъ остался и для всѣхъ послѣдующихъ издателей и редакторовъ твореній Гоголя, и въ настоящее время печатается впервые.

Статья эта тщательно переписана набѣло самимъ Гоголемъ и сохранилась на полулистѣ писчей бумаги, сложенномъ въ размѣръ восьмой доли листа, при чемъ послѣдняя восьмушка осталась бѣлою. Въ скобкахъ напечатаны слова, зачеркнутыя самимъ Гоголемъ, а курсивомъ набраны слова, надписанныя самимъ Гоголемъ взамѣнъ зачеркнутыхъ или въ дополненіе къ тексту.

Автографъ Гоголя хранится въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подъ № 3213 и воспроизводится здѣсь съ сохраненіемъ всѣхъ особенностей правописанія Гоголя, даже описокъ его, кромѣ знаковъ препинанія.

Начало, корень и утвержденье всему есть любовь Богу. Но у насъ это начало въ концѣ, и мы любимъ все, что ни есть въ мірѣ, больше самого Бога. Любить Бога слѣдуетъ такъ, чтобы все другое считать второстепнымъ, чтобы законы его были выше для насъ всѣхъ постановленій человѣческихъ, совѣты выше всѣхъ совѣтовъ, чтобы огорчить его считать гораздо важнѣйшимъ, чемъ огорчить какого нибудь человѣка. Любить Бога значитъ любить его въ нѣсколько разъ болѣе, чемъ отца, мать, жену, мужа, дѣтей и брата. А мы даже и такъ его не любимъ, какъ любимъ ихъ. Кто любитъ Бога, тотъ уже гораздо болѣе любитъ и отца, и мать, и дѣтей, и брата, чемъ тотъ, кто ихъ *сильно* любитъ (больше), *не мысля (самого) Бога*. Это одинъ только оптическій обманъ и есть плотская чувственная любовь, страстное обаяніе, (а не любовь), такая любовь не поступаетъ разумно, потому что очи ея слѣпы. Любовь же есть свѣтъ, а не мракъ. Въ любви заключается Богъ, а не духъ тмы. Гдѣ свѣтъ, тамъ и спокойствіе, гдѣ тма, тамъ и возмущеніе. И потому любовь, произшѣдшая отъ Бога, тверда, и вноситъ твердость въ нашъ характеръ, и самихъ насъ дѣлаетъ твердыми. А любовь не отъ Бога шатка и мятежна и самихъ насъ дѣлаетъ шаткими, боязливыми и нетвердыми. И потому прямо отъ Божіей любви должны происходить всѣ другія любви на земли.

Всякая любовь земная, происшедшая отъ Божіей, высока, ибо *она* велитъ намъ гораздо больше любить, чемъ мы любимъ. Она велитъ намъ оказывать брату не только одну вечественную помощь, но и душевную, не только заботиться о его тѣлѣ, но и о душѣ, скорбѣть на него не за то, что онъ наноситъ намъ непріятность, но за то, что онъ этимъ наноситъ несчастіе душѣ своей. Ибо грѣхъ его лежитъ и на нашей душѣ. Мы должны были его поучить, наставить, образовать, воспитать.

Но какъ можемъ мы это сдѣлать, будучи сами слабы и немощны? Дорогою божественной *любви* все возможно, безъ нея все трудно. Чтобы воспитать другого, мы должны воспитать прежде себя.

Какъ же воспитать себя? Воспитаніе должно происходить въ безпрерывномъ размышленіи о своемъ долгѣ, въ чтеніи тѣхъ книгъ, гдѣ изображается человѣкъ въ подобномъ намъ (положеніи) состояніи, кругѣ, обществѣ и званіи, (въ) *и среди* нашихъ же обстоятельствъ (ствахъ), и въ безпрестанномъ примѣненіи этаго съ закономъ Христа. Въ чемъ они не противурѣчатъ Христу, то принимать, въ чемъ не соотвѣствуютъ его закону, то отвергать, ибо все что не отъ Бога, то не есть истинно. Что же найдешъ сомнительнымъ и не знаешъ какъ рѣшить, то до времени слѣдуетъ отложить (ся) и не смущаться (тѣмъ): это признакъ, что мы еще не готовы (такъ) *и что* глаза наши получатъ ясное познаніе вещей послѣ, по мѣрѣ нашего усовершенствованія. Отъ споровъ, какъ отъ огня, должно остерегаться, какъ бы ни сильно намъ противурѣчили, какое бы неправое мнѣніе намъ ни излагали, не слѣдуетъ ни какъ раздражаться или доказывать напротивъ. Но лучше, удалясь къ себѣ напередъ, все сказанное взвѣсить, обсудить хладнокровно. Но и взвѣсивши его, не говорить, если чувствуешъ, что не можешъ такъ сказать, что бы оно именно было доступно тому человѣку, съ которымъ говоришъ, или же если чувствуешъ, что не можешъ сказать хладнокровно, (безъ гнѣва и даже съ любовью), *не увлекшись гнѣвнымъ расположеніемъ*. Истинна, сказанная въ гнѣвѣ, раздражаетъ, а не преклоняетъ. И такъ, воспитать другого мы можемъ уже тогда, когда достигли до самого высочайшаго незлобія, когда никакіе оскорбленія не могутъ оскорбить насъ. Тогда и разумъ нашъ получаетъ свѣтъ и можетъ наблюдать поступки другихъ, видѣть ихъ прегрѣшенія (и помогать имъ исправляться), *и находитъ средства помогать избавляться* отъ нихъ. *Тогда и Богъ поможетъ намъ на всякомъ шагу.*

На семъ основана и жизнь человѣка—учиться и учить другихъ, и себѣ и другимъ помогать *въ одномъ: помогать* возноситься къ Богу.

Во всѣхъ нашихъ начинаніяхъ и поступкахъ мы должны болѣе всего опасаться *духа* унынія, который есть чистое искуше-

ніе, духа тмы, которымъ онъ нападаетъ на человѣка, зная, какъ трудно бываетъ бороться ему съ нимъ. Уныніе противно Богу. Оно есть слѣдствіе недостатка любви нашей къ нему. Уныніе рождаетъ отчаяніе, которое есть душевное убійство, страшнѣйшее всѣхъ злодѣяній, совершаемыхъ человѣкомъ, ибо отрѣзываетъ всѣ пути къ спасенію, и потому паче всѣхъ грѣховъ оно ненавидимо Богомъ. Отъ того и въ молитвахъ беспрестанно просптся о томъ, дабы далъ намъ Богъ сердце трезвящееся, бодръ умъ и мысль свѣтлу.

Иногда смущенья, беспокойство душевное и уныніе бываютъ Божьими попущеніями насылаемы на насъ для того, чтобы испробовать и испытать, укрѣпились ли мы въ характерѣ? Иногда же для просто чтобы, ища средствъ спастись отъ нашего беспокойства унынія, придумали сдѣлать что нибудь такое, чего бы никакъ не придумали. Богъ всячески старается насъ вразуми и требуетъ, что мы употребили како нибудь усиліе для узнанія его воли. И потому многіе испытавшіеся совѣтуютъ въ такія минуты обратить взглядъ на прежнюю жизнь нашу и припомнить все *то*, что мы пропустили (въ ней) сдѣлать или откладывали на другое время, и въ такіе дни заняться уже не обыкновенными и повседневными нашими дѣлами, а тѣми *именно*, которыя мы пропускали, и заняться ими не такъ бы мы сами ихъ на себя наложили, но такъ какъ бы они на насъ были наложены (самимъ) Богомъ, а не другимъ кѣмъ, исполняя *ихъ* подобно послушнику, исполняющему беспрекословно и рабски всякое повеленіе своего подвигоположника.

Жизнь не можетъ быть ни на минуту покойна. Тревоги слѣдуютъ одни за другими. Сегодня одна, назавтре другіе. Мы призваны въ міръ на битву, а не на праздникъ. Праздновать побѣду мы будемъ на томъ свѣтѣ. Здѣсь мы должны мужественно, не упадая *духомъ*, сражаться, дабы получить больше наградъ и больше повышеній, исполняя вся, какъ законный долгъ свой, съ разумнымъ спокойствіемъ, *осматриваясь* всякой разъ вокругъ себя и свѣряя все съ закономъ Христа Господа нашего. Нѣкогда

намъ помышлять о бѣгствѣ съ поля, на всякомъ шагу предстоитъ намъ подвигъ христіанскаго мужества, всякой подвигъ доставляетъ намъ новую ступень къ достиженью небеснаго царствія. Чемъ больше опаспости, тѣмъ сильнѣй слѣдуетъ собрать силы и сильнѣй возсылать молитву Богу. Находящійся среди битвы, не теряй ни на одну минуту этого изъ виду, готовящійся къ битвѣ, приготовляй себя къ тому заранѣе, дабы трезво, бодрственно и весело потечь по дорогѣ! Въ концѣ дороги Богъ и вѣчное блаженство!.. Но какъ безумные, беспечные и недальпозоркіе, мы не глядимъ на конецъ дороги. Отъ того и не получаемъ ни бодрости, ни силъ для (пути, прохожденія по ней) путешествія по ней. Мы видимъ одни препятствія, только не замѣчаемъ, что они то и есть ступени и восхожденія. А чаще всего мы все видимъ иначе. Пригорокъ намъ кажется горою, малость великимъ дѣломъ, призракъ дѣйствительностью, все преувиличивается въ глазахъ нашихъ и пугаетъ насъ. Потому что мы глаза держимъ внизъ и не хотимъ поднять ихъ вверхъ. Ибо еслибы подняли въ верхъ, то увидили бы вдругъ всѣмъ правящаго Бога *и свѣтъ исходящій оттуда и освѣщающій все въ настоящемъ видѣ*, и посмѣялись бы сами слѣпотѣ своей.

Всякое дѣло, усиліе, стремленіе, начинаніе да сопровождаетъ внутреннею молитвой, да не такой молитвой, какую мы привыкли повторять (буквально)... *бездушно*, не входя въ смыслъ всякого слова, но такой молитвой, которая бы излетѣла отъ всѣхъ силъ нашей душѣ и послѣ которой, благословясь и перекрестясь, могли бы вдругъ приняться за самое дѣло.

Никто да не приходитъ отъ того въ уныніе, если Богъ не *сполнь* исполняетъ тотъ часъ же, *немедленно и вдругъ*, того чего (просимъ), *наши* желанія, и что благодѣяніе не вдругъ нисходитъ къ намъ на прошеніе. Но, напротивъ, тогда то отважнѣй, бодрѣй (и) веселѣй духомъ да молимся и дѣйствуемъ. Тогда то именно да возрастетъ сильнѣй наша надежда. Ибо Богъ съ великимъ смысломъ даетъ

иному въ концѣ то, что другому дастъ въ началѣ. Но блаженъ и внѣсколько разъ блаженнѣй тотъ, которому назначено вкусить въ концѣ за большіе труды и подвиги то, что (иному) другому за меньшіе. Душа его больше будетъ приготовленна, больше достойна и можетъ (быть) болѣе обнять и вмѣстить въ себѣ блаженства, нежели другого. Претерпѣвый до конца спасется, сказалъ Спаситель, и симъ уже открылъ намъ тайну, на которую мы даже *и глядѣть не хотимъ* (и взглянуть не хотимъ), обратить, но только проразумѣть.

Не омрачаться, но свѣтлѣть душой должны мы безпрерывно. Богъ есть свѣтъ, а потому и мы должны стремиться къ свѣту. Богъ есть верховное веселье, а потому и мы должны быть веселы и свѣтлы. Веселы именно тогда, когда воздвигается противъ насъ все, дабы смутить насъ, *иначе и заслуги нѣтъ никакой*. Тогда нетрудно быть веселу, когда вокругъ насъ все весело. Тогда всякій умѣетъ веселиться, и глупый, и непросвѣщенный вѣрою, и неимѣющій никакой твердости человѣкъ, и не христіанинъ, и язычникъ. Но достоинство и значеніе христіанина именно состоитъ въ томъ, чтобы во время смущенія и печали быть безпечальну и тверду духомъ. Иначе нельзя отличить его отъ язычника.

Но всѣхъ преуспѣваніяхъ нашихъ, трудахъ, дѣлахъ, молитвахъ да сопутствуетъ неразлучно любовь. Да *свѣтитъ она* какъ маятникъ и свѣтъ поминутно предъ глазами. Блаженъ, кто началъ свои подвиги прямо въ любви къ Богу. Онъ быстрѣе всѣхъ другихъ полетитъ по пути своему и легко побѣдитъ все то, что другому кажется непреодолимымъ и невозможнымъ. Весь міръ предстанетъ тогда предъ нимъ въ другомъ видѣ. Онъ привяжется къ міру потому только, что Богъ помѣстилъ его среди міра и повелѣлъ привязаться къ нему. Но и въ мірѣ возлюбитъ онъ только то, что (есть) въ немъ есть образъ и побіе Божіе, и земной любви поклонится онъ не такъ, какъ поклонится *образу* невѣжественный человѣкъ, считая его за самого Бога. Но какъ поклонится лучше просвѣщенный вѣрою, видящій видящій въ

немъ простое дерево и краски (послужившіе для напоминанія о Богѣ), *безсильные, (къ которымъ прибѣгнулъ человѣкъ по безсилію своему)*, и возпосящіе не къ образу, но (какъ) самому Богу. Равнымъ образомъ и въ земной любви нашей мы должны видѣть одни недостачные, *видимые* знаки (великой) безконечной любви Божіей. Это только искры, одни края той великолѣпной ризы, въ которую облеклась безмѣрная и безграничная любовь Божія, которую ничто не вмѣститъ, какъ ничто не можетъ вмѣстить самого Бога.

Молитва о созданіи поэмы „Мертвыя души".

Молитва о созданіи поэмы «Мертвыя души» сохранилась на четверткѣ писчей бумаги, сложенной пополамъ, въ размѣръ почтоваго листа, при чемъ первая редакція написана Гоголемъ на первой страницѣ, а вторая на третьей.

Гоголь вѣрилъ въ свое призваніе произвести нравственный переворотъ въ читателяхъ второго тома поэмы [1]). Онъ вѣрилъ въ то, что для созданія этой поэмы въ немъ созрѣвали «орудія и силы» [2]). Онъ вѣрилъ и въ то, что безъ Божіей помощи и «смиренной молитвы нельзя ничего» [3]). Поэтому онъ и страданія переносилъ съ сознаніемъ, что они «даются на добро», и часто просилъ своихъ знакомыхъ помолиться за него. Такъ, еще 25 ноября 1845 года Гоголь писалъ С. Т. Аксакову: «о недугахъ не стоитъ да и грѣхъ говорить: если они даются, то даются на добро. А потому помолитесь и всю вашу семью попросите помолиться, и всѣ, кто ни молились обо мнѣ, да помолятся вновь, да обратится все въ добро и да пошлетъ Господь Богъ попутный вѣтръ моему дѣлу и труду».

---

1) См. объ этомъ подробно въ примѣчаніяхъ П. С. Тихонравова въ третьемъ томѣ десятаго изданія «Сочиненій Н. В. Гоголя», М., 1889, особенно стр. 540 и далѣе.

2) Письмо къ П. А. Плетневу отъ 4 іюля 1846 года.

3) Письмо къ В. А. Жуковскому отъ 20 декабря 1851 года.

Повидимому, именно 1845-й годъ долженъ быть признанъ начальнымъ моментомъ того періода въ жизни Гоголя, къ которому должно быть отнесено написаніе особой молитвы къ Богу о помощи при созданіи второго тома поэмы.

Молитва сохранилась въ двухъ и даже въ трехъ редакціяхъ. Первыя двѣ редакціи набросаны Гоголемъ на первой страницѣ листка, при чемъ самая первая была очень короткая. Ее Гоголь передѣлалъ и дополнилъ со словъ «Вѣрю бо, Отче». Эти первыя двѣ редакціи напечатаны подъ № 1. Слова и строки зачеркнутыя Гоголемъ напечатаны въ скобкахъ, а надписанныя для исправленія и дополненія текста напечатаны курсивомъ.

Третья редакція молитвы напечатана подъ № 2. Гоголь почти набѣло переписалъ ее на третьей страницѣ, сдѣлавъ и въ ней небольшія поправки и дополненія.

Подъ № 3 печатается молитвенное воззваніе по случаю наступленія новаго года, собственноручно написанное Гоголемъ на обрывкѣ писчей бумаги. Крупный, нетвердый почеркъ этого воззванія заставляетъ написаніе его отнести къ моменту наступленія послѣдняго года жизни Гоголя, а упоминаніе о «созрѣломъ и полномъ плодѣ» заставляетъ считать предметомъ молитвы Гоголя ту же поэму «Мертвыя души».

Объ рукописи Гоголя хранятся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подъ № 3213.

1.

(Боже) влеки меня (къ себѣ), *Боже*, непобѣдимой силой святой любви (твоей) къ Тебѣ. Не оставляй меня ни на мигъ бытія моего. Сприсутствуй (со мной неотлучно) *мнѣ въ исполненіи дѣла*, въ трудѣ моемъ, въ славу твою, для него же призвалъ меня въ міръ. *Да буду, совершая тебѣ, весь въ тебѣ, мысли, думы, дѣла. Тебя единого день и ночь. Уровняй мысли.* Содѣлай, да не существуетъ вокругъ меня (міръ и все смущающее) *все кромѣ*

Тебя, и лобызаю удами сердца моего, (да станетъ) обесчувственной душа моя ко всѣмъ (тревогамъ) скорбямъ *моимъ* и станетъ безотвѣт. къ бурямъ, воздвигаемымъ (лукавымъ) сатаной на возмущенье духа мого. Да не возложу надежды моей ни на кого (въ мірѣ) кромѣ Тебя, (Господи) Владыко и Господинъ. *Но весь прильну къ Тебѣ и душой и тѣломъ, сердц.* Вѣрю бо, *Отче*, яко Ты *есть* возрасти(вшій)*лъ во мнѣ* мысль [(мого) труда моего, Ты дашь силы мнѣ (произвести) совершить самой трудъ мой], *и первую о немъ заронилъ, трудъ мое, пріятомъ во славу Твою, и возстрастилъ и силы моя на совершенье*, строя все во спасенье души моей. Яко твоя есть Держава, сила и Царство нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

Вѣрю бо, Отче, яко не отъ (своей воли, помышленія, но Ты, отъ своей воли поселилась во мнѣ... *первая мысль* о трудѣ моемъ, Ты же возрастилъ поработать надъ дѣло, для него же далъ силы, одаривъ меня своимъ даромъ) *моего произволенія началось сіе самое дѣло, надъ нимъ же (стремлюсь) хочу* поработать *Тебѣ*, надъ нимъ же работаю во славу Твою. Ты же заронилъ и первую мысль, Ты же возрастилъ ее (до), Ты *же одинъ* дашь силы и окончить, *все строя къ спасенью моему*, воздвигая скорби на умягченье сердца моего, гоненье *отъ людей* на полученье (большей) *сильнѣйшей* любви къ Тебѣ. Ею же да возгорюсь отнынѣ, (славя тебя) славимаго всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ.

2.

Влеки меня къ себѣ, Боже мой, силой святой любви къ Тебѣ. Ни на мигъ бытія моего не оставляй меня! Соприсутствуй мнѣ въ трудѣ моемъ, *для него же призвалъ меня въ міръ*, да (во все время) соверш(енья)*ая его* пребуду весь въ Тебѣ. Отче мой, Тебя единаго, Тебя единаго день и почь представляю передъ мысленные мои очи. *Содѣлай, да пребуду нѣмъ въ мірѣ*, да обезчествуетъ душа моя къ всемъ, кромѣ Тебя, да обезъотвѣт-

ствуетъ сердце мое къ скорбямъ и бурямъ, ихъ же воздвигаетъ сатана на возмущенье духа моего. Да не возложу моей надежды ни на кого *изъ живущихъ на земли*, кромѣ Тебя, Владыко и Господинъ мой! Вѣрю бо, яко ты одинъ въ силахъ (снести) *поднять* меня. Вѣрю, яко не отъ моего произволенія началось и сіе самое дѣло рукъ моихъ, имъ же и азъ хочу поработать тебѣ, то отъ Твоей же святы. Ты поселилъ во мнѣ и первую мысль, ты и возрастилъ ее, возрастилъ и меня самого, таже дажъ и довести *его* (все) концу, строя все во спасенье мое: воздвигая (и самыя) скорьби на умягченье сердца моего (и самыя воздвигая и самыя), *поднимая и* гоненья (враговъ) *частыя* на прибѣганье къ тебѣ и на полученье сильной любви къ тебѣ. Ее (же) *воспримет*, *и* да возгорится (огнь ненынѣ) дыша моего, ежемгновенно и ежечасно славя святое Имя твое, и славити всегда, нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ, аминь.

3.

Боже Благослови!

Да появится въ наступающемъ году созрѣлый и полный плодъ!

Сорочинская ярмарка.

Первая редакція повѣсти Н. В. Гоголя.

«Время *историческаго* изученія произведеній Гоголя уже наступило», писалъ покойный академикъ Н. С. Тихонравовъ еще въ началѣ 1889 года: «въ русской литературѣ давно уже чувствуется потребность въ такомъ изданіи сочиненій Гоголя, которое удовлетворяло бы задачамъ историческаго изученія поэта». Необходимость собрать всѣ данныя для исторіи выработки и позднѣйшихъ передѣлокъ произведеній Гоголя очевидна сама собою: «эти данныя представляютъ драгоцѣнный матеріалъ для характеристики творчества Гоголя, пріемовъ его работы и вообще для исторіи его нравственнаго и художественнаго развитія» [1]).

Въ виду этой потребности и вслѣдствіе важнаго значенія Гоголевскихъ текстовъ и предпринято было собраніе ихъ въ десятомъ изданіи сочиненій Гоголя. Веденное умѣлою рукой Н. С. Тихонравова, это изданіе представляло бы собою блестящій образецъ труда, главная задача котораго служить историческому изученію произведеній Гоголя. Къ сожалѣнію, кончина Тихонравова прервала его трудъ почти уже въ самомъ концѣ,

---

1) Сочиненія Н. В. Гоголя, изданіе десятое, томъ первый, М., 1889. Предувѣдомленіе, V и XX стр.

вслѣдствіе чего нѣкоторые матеріалы для изданія сочиненій Гоголя остались не вполнѣ и даже вовсе неиспользованными Тихонравовымъ.

Къ числу такихъ матеріаловъ, которые только въ незначительной своей части были использованы для десятаго изданія сочиненій Гоголя, принадлежитъ собственноручная рукопись Гоголя, содержащая повѣсть его подъ названіемъ «Сорочинская ярмарка».

Рукопись повѣсти была извѣстна Н. С. Тихонравову и подробно и точно описана имъ въ «Примѣчаніяхъ редактора» къ первому тому десятаго изданія сочиненій Гоголя [1]). Между тѣмъ содержаніе рукописи, стилистическія особенности содержащейся въ ней повѣсти исчерпаны въ «Варіантахъ» того же перваго тома [2]) въ самой незначительной степени. Всѣхъ варіантовъ приведено здѣсь изъ рукописи только 47, то-есть, меньше чѣмъ по два варіанта на каждую печатную страницу повѣсти, изъ общаго количества 27 страницъ этой повѣсти въ первомъ томѣ десятаго изданія [3]). Но и это количество варіантовъ приходится принять съ ограниченіями и оговорками.

Прежде всего, въ трехъ случаяхъ въ варіантахъ отмѣчено простое отсутствіе въ рукописи нѣкоторыхъ словъ и выраженій печатнаго текста повѣсти [4]). Затѣмъ, чтеніе нѣкоторыхъ варіантовъ рукописи, принятое въ варіантахъ перваго тома десятаго изданія, не отвѣчаетъ дѣйствительному начертанію ихъ въ рукописи. Для примѣра можно указать на самый первый варіантъ изо всей повѣсти. Къ выраженію: «звонкій голосъ» (перепела) подведенъ варіантъ, указывающій, что въ рукописи поставлено будто бы слово «громъ», а не «голосъ» [5]). Въ дѣйствительности

---

1) Ibid., 513—514 стр.

2) Ibid., 514—516 стр.

3) Ibid., 9—35 стр.

4) См. единственное примѣчаніе къ 14-й страницѣ повѣсти, единственное примѣчаніе къ 15-й стр. и третье примѣчаніе къ 22-й стр., въ первомъ томѣ на 514 и 515 стр.

5) См. Ibid., 9 и 514 стр.

же въ рукописи слово «громъ» зачеркнуто Гоголемъ и надъ зачеркнутымъ словомъ имъ же надписана фраза: «или звонкій раскатъ». Къ выраженію: «на истомленныхъ волахъ», вторымъ варіантомъ на 10-й страницѣ повѣсти подведено выраженіе будто бы изъ рукописи Гоголя: «истомленными волами» [1]). Въ дѣйствительности, это выраженіе и въ рукописи Гоголя совершенно тожественно съ печатнымъ текстомъ повѣсти: «на истомленныхъ волахъ». Во второмъ варіантѣ къ 11-й страницѣ повѣсти слово «украшенія» показано зачеркнутымъ въ рукописи [2]). Въ дѣйствительности, въ рукописи это слово и сейчасъ остается не зачеркнутымъ. Въ первомъ варіантѣ къ 19-й страницѣ указано будто бы изъ рукописи чтеніе: «недугу» [3]). Въ дѣйствительности, въ рукописи правильно написанъ родительный падежъ: «педуга». Въ четвертомъ варіантѣ къ 22-й страницѣ слово «нашъ» (Черевикъ) показано зачеркнутымъ въ рукописи [4]). Въ дѣйствительности, въ рукописи слово «нашъ» не зачеркнуто. Въ шестомъ варіантѣ къ 23-й стр. слова: «котораго любопытство дергало ужасно», показаны будто бы зачеркнутыми въ рукописи [5]). Въ дѣйствительности, въ рукописи эти слова не зачеркнуты, а вписаны между строкъ, и вписанныя слова не всѣ приведены въ варіантѣ. Во второмъ варіантѣ къ 24 страницѣ приведены будто бы изъ рукописи слова: «отдавай свитку мою» [6]). Въ рукописи эта фраза читается такъ: «отдавай-ка свитку мою», при чемъ первое слово написано: «оддавай». Въ четвертомъ варіантѣ къ 26-й стр. приведены какъ бы изъ рукописи слова: «въ судорожной неподвижности въ воздухѣ» [7]). Въ дѣйствительности, въ рукописи это выраженіе читается такъ: «въ судорожной педвижности на воздухѣ». Въ первомъ варіантѣ къ 28-й

1) См. Ibid., 10 и 514 стр.
2) См. Ibid., 11 и 514 стр.
3) См. Ibid., 514 стр.
4) См. Ibid., 515 стр.
5) См. Ibid., 515 стр.
6) См. Ibid., 515 стр.
7) См. Ibid., 515 стр.

страницѣ повѣсти приведено будто бы изъ рукописи слово «волосами» [1]). Въ дѣйствительности въ рукописи это слово читается: «волнами». Въ первомъ варіантѣ къ 29-й страницѣ приведено какъ бы изъ рукописи слово: «уклоняясь» [2]). Въ дѣйствительности, въ рукописи это слово читается: «уклонясь». Въ первомъ варіантѣ къ 33-й страницѣ приведено слово будто бы изъ рукописи: «одна» (Параска) [3]). Въ дѣйствительности въ рукописи этого слова совсѣмъ нѣтъ. Первый варіантъ къ 34-й страницѣ [4]) не сполна приведенъ по рукописи.

Такимъ образомъ, полныхъ и точныхъ варіантовъ изъ рукописи Гоголя приведено въ первомъ томѣ десятаго изданія значительно меньше общаго ихъ количества.

В. И. Шенрокъ, закончившій десятое изданіе сочиненій Гоголя, по смерти Н. С. Тихонравова, въ «Описаніи рукописей, съ извлеченіемъ изъ нихъ всего не изданнаго въ предыдущихъ томахъ», приложенномъ къ седьмому тому, ограничился слѣдующими тремя строками, коснувшись рукописи «Сорочинской ярмарки»:

«*Рукопись Сорочинской ярмарки. Р. Н.* Подлинникъ написанъ на четырехъ несшитыхъ листахъ сѣрой бумаги (ср. т. I, стр. 513); хранится въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеѣ (см. т. I, стр. 513)» [5]).

Эти строки даютъ два сообщенія о рукописи Гоголя: 1, что она состоитъ изъ четырехъ листовъ и 2, что она хранится въ Румянцовскомъ Музеѣ. Такъ какъ при каждомъ изъ этихъ двухъ сообщеній стоитъ ссылка на «Примѣчанія редактора» къ первому тому десятаго изданія, то можно бы подумать, что оба они заимствованы изъ этихъ «Примѣчаній» и что непосредственнаго знакомства съ рукописью могло и не быть у лица, написавшаго о ней три строки и при этомъ дважды сославшагося на

1) См. Ibid., 515 стр.
2) См. Ibid., 515 стр.
3) См. Ibid., 516 стр.
4) См. Ibid., 516 стр.
5) См. VII т., стр. 892.

одну и ту же цитату. Однако и тутъ вышло какое-то недоразумѣніе: на 513 страницѣ перваго тома, несмотря на цитату, вовсе даже не упоминается Румянцовскій Музей, а тѣмъ болѣе ничего не сообщается о храненіи въ немъ рукописи Гоголя. Тамъ даже опредѣленно сказано, что рукопись «сохранилась у наслѣдниковъ» Гоголя. Во всякомъ случаѣ, сообщенія седьмого тома о рукописи «Сорочинской ярмарки» совсѣмъ не касаются содержанія ея. А такъ какъ при этихъ сообщеніяхъ совсѣмъ не было сдѣлано обѣщаннаго извлеченія изъ рукописи всего неизданнаго, то этимъ косвенно давалось понять, что и извлекать было нечего, что рукопись цѣликомъ извлечена въ первомъ томѣ, гдѣ была о ней рѣчь.

Однако, ближайшее знакомство съ рукописью «Сорочинской ярмарки» приводитъ къ противоположному заключенію и даже дастъ основаніе утверждать, что не только весьма многое въ содержаніи ея остается неизвѣстнымъ, но и не опредѣлены еще ея мѣсто и значеніе въ исторіи созданія повѣсти Гоголя.

Чтобы не быть голословными, обратимся къ самой рукописи.

Прежде всего, въ рукописи всѣ главы собственноручно помѣчены Гоголемъ арабскими цифрами. Но не всѣ онѣ въ рукописи имѣютъ эпиграфы, а поставленные въ рукописи эпиграфы не всѣ тожественны съ печатными. Главы первая, пятая и девятая въ рукописи остались совсѣмъ безъ эпиграфовъ. Эпиграфъ седьмой главы рукописи («Отъ таке чортовщины завелося») совсѣмъ не сохранился въ числѣ эпиграфовъ печатной повѣсти и, очевидно, совсѣмъ выкинутъ при печатаніи ея. Эпиграфъ восьмой главы рукописи («Цуръ тобѣ! Пекъ тобѣ! Сатанинске наваждение!») буквально повторенъ эпиграфомъ и десятой главы, оставшись при этой главѣ и въ печатной повѣсти. Эпиграфы при шестой и седьмой главахъ первоначально были поставлены не тѣ, которые сохранились въ печатной повѣсти, но потомъ были зачеркнуты Гоголемъ и вмѣсто нихъ подписаны имъ другіе, совпадающіе съ печатными. Для эпиграфовъ восьмой, деся-

той и двѣнадцатой главъ въ рукописи совсѣмъ не указаны источники, изъ которыхъ они заимствованы. Для эпиграфа третьей главы въ рукописи не указано произведеніе Котляревскаго, изъ котораго взятъ эпиграфъ. Наконецъ, эпиграфы рукописные замѣтно отличаются отъ печатныхъ какъ нѣкоторыми оборотами, такъ и особенно правописаніемъ.

Рукописный текстъ самой повѣсти отражаетъ на себѣ два фазиса творческой работы Гоголя надъ созданіемъ ея, что̀ частію уже видно было по авторской работѣ надъ эпиграфами. Въ рукописи, говоря точнѣе, два текста: основной текстъ первоначальнаго наброска повѣсти и текстъ послѣдовавшихъ затѣмъ передѣлокъ основного, который самъ же Гоголь надписывалъ надъ зачеркнутыми словами и выраженіями перваго текста, или же просто вписывалъ между строками его тамъ, гдѣ находилъ нужнымъ произвести вставку или передѣлку. Но и тотъ и другой тексты весьма далеки отъ печатнаго текста повѣсти.

Дѣйствующія лица рукописной повѣсти тѣ же, что и печатной, но названія ихъ въ первой прочно еще не установились. Самъ Черевикъ, въ основномъ текстѣ третьей главы, еще остается безъ имени и получаетъ свое имя «Солопій» лишь во второмъ текстѣ рукописи, въ позднѣйшей надписи, между строкъ, надъ своимъ прозвищемъ. Его супруга, Хавронья, награждается, изъ устъ поповича въ шестой главѣ, тремя отчествами: Осиповна, Никифоровна, Трофимовна. Засѣдателя совсѣмъ нѣтъ въ рукописномъ текстѣ повѣсти. На его мѣстѣ дѣйствуетъ всюду, на протяженіи всей повѣсти, «комиссаръ». Старый знакомый и кумъ Черевика, казакъ, къ которому Черевики пріѣхали, въ концѣ первой главы, еще совсѣмъ не имѣетъ ни имени, ни прозвища въ рукописномъ текстѣ повѣсти. Человѣка съ шишкою на лбу нѣтъ въ рукописи, а есть человѣкъ съ шишкою на носу.

Характеристики дѣйствующихъ лицъ, разбросанныя по всей повѣсти, значительно отличаются въ рукописномъ текстѣ отъ печатнаго, который въ особенности не сохранилъ многихъ эпитетовъ Хаврони Никифоровны («сдобная», «отжившая свой вѣкъ

прелестница» и др.). Даже количество дѣйствующихъ лицъ не совпадаетъ въ рукописномъ и печатномъ текстахъ повѣсти. Такъ, толпа парубковъ, встрѣтившихъ Черевиковъ на мосту, въ рукописномъ текстѣ была ограничена: по основному тексту парубковъ было только «четыре», а по позднѣйшей надписи — «нѣсколько».

Разговоры дѣйствующихъ лицъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ очень далеки отъ печатнаго текста ихъ. Для примѣра можно привести перебранку между Хавроньей Никифоровной и парубкомъ въ бѣлой свиткѣ, происходящую въ концѣ первой главы.

Рукописный текстъ:	Печатный текстъ:
«Ахъ, ты негодной сорванецъ! Нечистая сила, нелегкая, позабирала бы всю родню твою!»	«Чтобъ ты подавился, негодный бурлакъ! Чтобъ твоего отца горшкомъ въ голову стукнуло! Чтобъ онъ поскользнулся на льду, антихристъ проклятый! Чтобъ ему на томъ свѣтѣ чортъ бороду обжегъ!»
«Ахъ, ты старая вѣдьма!»	«Вишь какъ ругается!» сказалъ парубокъ, вытаращивъ на нее глаза, какъ будто озадаченный такимъ сильнымъ залпомъ неожиданныхъ привѣтствій: «и языкъ у нея, у столѣтней вѣдьмы, не заболитъ выговорить эти слова!»
«Ахъ, ты (нечистос) сатанинское отродье! Вишь, молокососъ какой нибудь, дрянь...»	«Столѣтней!..» подхватила пожилая красавица. «Нечестивецъ! поди, умойся напередъ! Сорванецъ негодный! Я не видала твоей матери, но знаю, что дрянь. И отецъ дрянь и тетка дрянь! Столѣтней!.. что у него молоко еще на губахъ»...

Есть отличія между текстами рукописнымъ и печатнымъ въ нѣкоторыхъ описаніяхъ, характеристикахъ и даже юмористическихъ выраженіяхъ. Такъ, въ рукописномъ текстѣ еще совсѣмъ нѣтъ той описательной характеристики цыгана, которая въ печатномъ текстѣ имѣется въ концѣ пятой главы. Нѣтъ въ рукописномъ текстѣ и извѣстныхъ остротъ по адресу москалей, которыя въ печатномъ текстѣ появляются въ концѣ второй главы и въ началѣ шестой [1]).

Въ языкѣ рукописнаго текста повѣсти сохранились еще малороссійскія слова и выраженія, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ печатномъ: крамарка, пучка, ярмарокъ, лузать и др. Особенно слѣды малороссійскаго языка сильны и замѣтны въ орѳографіи рукописи: карые глазки, не спустишъ и т. д.

Въ стилѣ рукописнаго текста повѣсти сосредоточена вся, такъ сказать, суть отличія его отъ печатнаго. Именно стиль дѣлаетъ такимъ далекимъ разстояніе между ними. Въ общемъ этотъ стиль производитъ впечатлѣніе простоты первоначальнаго наброска, безыскусственности, по крайней мѣрѣ, отсутствія той степени художественной обработки, которая уже въ полной мѣрѣ присуща печатному тексту. Въ рукописи сохранился первоначальный текстъ, съ художественной стороны недодѣланный и необработанный.

Достаточнымъ показателемъ того, что рукописный текстъ представляетъ собою первоначальный набросокъ повѣсти, могъ бы служить пропускъ словъ по разнымъ мѣстамъ текста, отсутствіе въ предложеніяхъ нѣкоторыхъ частей ихъ. Напримѣръ: «и капризамъ ея конца» (нѣтъ?); «отвѣчала отжившая свой прелестница» (вѣкъ?) и т. п. Но стилистическое построеніе отдѣльныхъ выраженій, при сравненіи рукописнаго текста повѣсти съ печатнымъ, съ очевидностію убѣждаетъ въ художественномъ превосходствѣ второго передъ первымъ. Замѣчаніе, напримѣръ, рукописнаго текста, что хохотъ разгульныхъ повѣсъ удвоился «къ несказанной досадѣ пожилой щеголихи», въ печатномъ текстѣ

1) I, 14 и 20 стр.

получило болѣе стройную и законченную форму самостоятельнаго предложенія: «Дородная щеголиха вскипѣла гнѣвомъ». «Говоръ примѣтно утишался» рукописнаго текста въ печатномъ, въ началѣ пятой главы, уже въ иной обработкѣ: «Говоръ примѣтно становился рѣже и глуше». Въ рукописномъ текстѣ продавица бубликовъ «едва держалась на ногахъ», а въ печатномъ «раскланивалась весь день безъ надобности и писала ногами совершенное подобіе своего лакомаго товара». Въ рукописи: «Черевикъ заглянулъ въ это время въ дверь и, нашедъ свою дочь танцующею передъ маленькимъ зеркаломъ, остановился, и смѣясь невиданному капризу дѣвушки, которая, задумавшись, казалось, не примѣчала ничего»; въ печатномъ текстѣ: «Черевикъ заглянулъ въ это время въ дверь и, увидя дочь свою танцующею передъ зеркаломъ, остановился. Долго глядѣлъ онъ, смѣясь невиданному капризу дѣвушки, которая, задумавшись, не примѣчала, казалось, ничего». Въ рукописи: «угрюмыя лица, на которыхъ, казалось, вѣкъ не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами»; въ печатномъ текстѣ: «Люди, на угрюмыхъ лицахъ которыхъ, кажется, вѣкъ не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами».

Яснѣе стилистическая разница между текстами рукописнымъ и печатнымъ въ цѣломъ описаніи нѣкоторыхъ эпизодовъ повѣсти. Для примѣра и бо́льшей наглядности можно привести параллельное описаніе ярмарки или начало второй главы по тому и другому тексту, при чемъ необходимо имѣть въ виду, что слова, заключенныя въ скобки, отсутствуютъ въ основномъ текстѣ рукописи и надписаны Гоголемъ уже потомъ надъ строками и въ промежуткѣ между эпиграфомъ и текстомъ второй главы:

Рукописный текстъ:	Печатный текстъ:
(Случалось ли вамъ слышать гдѣ то валящійся отдаленный водопадъ, когда вамъ издали уже чудятся неясные звуки?)	Вамъ, вѣрно, случалось слышать гдѣ то валящійся отдаленный водопадъ, когда встрѣвоженная окрестность полна

Кто не видалъ и не былъ когда нибудь въ вихрѣ шумной ярмарки, когда весь народъ съ своимъ товаромъ сростается въ одно огромное чудовище и шевелится всѣмъ корпусомъ на площади и по тѣснымъ улицамъ, шумитъ, гогочетъ, гремитъ. Шумъ, трескъ, брань, блеянье, мычанье, ревъ,—все сливается въ одинъ нестройный говоръ, какъ будто бы валится гдѣ то отдаленный водопадъ и встревоженная окрестность полна гула. Напрасны будутъ старанія что нибудь разслушать, узнать, о чемъ идутъ рѣчи. Ничего вы не услышите, ничего не узнаете. Одни только продавецъ и покупщикъ понимали другъ друга. Громкое хлопанье по рукамъ и роспиванье могарыча одни только дадутъ знать вамъ, сдѣлка или покупка совершены. Пріѣзжій нашъ мужикъ» и т. д.

гула, и хаосъ чудныхъ, неясныхъ звуковъ вихремъ носится передъ вами. Не правда ли, не тѣ ли самыя чувства мгновенно обхватятъ васъ въ вихрѣ сельской ярмарки, когда весь народъ сростается въ одно огромное чудовище и шевелится всѣмъ своимъ туловищемъ на площади и по тѣснымъ улицамъ, кричитъ, гогочетъ, гремитъ? Шумъ, брань, мычаніе, блеяніе, ревъ—все сливается въ одинъ нестройный говоръ. Волы, мѣшки, сѣно, цыгане, горшки, бабы, пряники, шапки—все ярко, пестро, нестройно, мечется кучами и снуется передъ глазами. Разноголосныя рѣчи потопляютъ другъ друга, и ни одно слово не выхватится, не спасется отъ этого потопа; ни одинъ крикъ не выговорится ясно. Только хлопанье по рукамъ торгашей слышится со всѣхъ сторонъ ярмарки. Ломается возъ, звенитъ желѣзо, гремятъ сбрасываемыя на землю доски, и закружившаяся голова недоумѣваетъ, куда обратиться. Пріѣзжій мужикъ нашъ» и т. д.

Изъ сопоставленія этихъ двухъ текстовъ съ несомнѣнностію выясняется незаконченный и необработанный характеръ

рукописнаго и высокая степень художественной отдѣлки печатнаго.

Всѣ вышеприведенныя данныя (а нами приведены далеко не всѣ особенности рукописнаго текста и исключительно тѣ, которыя доселѣ оставались совершенно неизвѣстными) служатъ убѣдительнымъ свидѣтельствомъ того, что въ рукописномъ текстѣ повѣсти «Сорочинская ярмарка» сохранился первоначальный набросокъ этой повѣсти, съ нѣкоторыми поправками и дополненіями послѣдовавшей за первоначальнымъ наброскомъ обработки повѣсти, однако, все еще весьма далекой до той художественной формы, въ которой повѣсть появилась уже въ печатномъ видѣ.

Ближайшее изученіе всѣхъ особенностей текстовъ рукописнаго и печатнаго заставляетъ признать разницу между ними огромною и настолько существенною, что необходимо предположить существованіе между ними еще одного рукописнаго текста, посредствующаго между двумя наличными, къ сожалѣнію, не сохранившагося до нашего времени или еще неизвѣстно гдѣ хранящагося. Особенности печатнаго текста такъ значительны по сравненію съ текстомъ рукописнымъ, что объяснять ихъ корректурными исправленіями автора нѣтъ возможности. Это не разночтенія только, не варіанты, не поправки и не дополненія, а цѣлыя редакціи текста повѣсти, и такихъ редакцій въ рукописномъ видѣ, очевидно, было двѣ, изъ коихъ первая редакція сохранилась въ разсматриваемой нами рукописи, а вторая редакція, съ которой производился печатный наборъ повѣсти, остается въ неизвѣстности. Даже въ тѣхъ мѣстахъ повѣсти, которыя совпадаютъ и по рукописному и по печатному текстамъ, все же есть и разница между ними: въ перестановкѣ частей предложенія одной на мѣсто другой, въ наличности или въ отсутствіи предлоговъ и мѣстоимѣній (и, однако, нашъ), въ раздѣленіи сложнаго предложенія на два или нѣсколько простыхъ.

Трудно допустить, что бы всѣ подобныя особенности печатнаго текста, создавшія вторую редакцію повѣсти, появились лишь въ корректурныхъ листахъ или гранкахъ. Проще и естественнѣе

предположить, что Гоголь, такъ много и долго работавшій надъ своими художественными твореніями, еще разъ переписалъ повѣсть и на этотъ разъ придалъ ей ту редакцію, въ которой она, съ нѣкоторыми, разумѣется, корректурными поправками, и появилась въ печати въ отдѣльномъ изданіи «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» въ 1831 году.

По рукописи первой редакціи повѣсти, по сохранившимся въ ней авторскимъ поправкамъ, по множеству зачеркнутыхъ словъ и строкъ, надписанныхъ и вписанныхъ, однажды зачеркнутыхъ, возстановленныхъ и снова зачеркнутыхъ или исправленныхъ отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ предложеній, уже можно судить, какимъ подвигомъ была для Гоголя его творческая, художественная работа. По этому труду, постепенно совершенствовавшему Гоголевскія созданія, можно со всею наглядностію видѣть и понять, что «для Гоголя переработка» прежнихъ произведеній была «подвигомъ, предпринятымъ въ глубинѣ души», что его великія созданія вырабатывались «годами самоотверженія, отчужденія отъ міра и всѣхъ его выгодъ», что кто желаетъ разъяснить себѣ исторію жизни и творческой дѣятельности Гоголя, тому необходимо изучить по оставшимся документамъ этотъ «подвигъ» художника, войти въ его «подвижническую келью» [1]).

Теперь нѣсколько словъ о рукописи и о нижепечатаемомъ текстѣ.

Рукопись первой редакціи повѣсти въ настоящее время, дѣйствительно, хранится въ Отдѣленіи рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ подъ № 3211. Она пріобрѣтена была, вмѣстѣ съ другими автографами Гоголя, у наслѣдниковъ поэта въ 1896 году, по завершеніи десятаго изданія сочиненій Гоголя.

Не мало труда потребовалось для того, чтобы привести въ

---

1) I, Предувѣдомленіе, VIII стр.

порядокъ бумаги, служившія матеріаломъ и источникомъ для десятаго изданія. Отдѣленію рукописей достался какой-то хаосъ, въ которомъ самыя разнородныя рукописи и даже автографы разныхъ лицъ были перемѣшаны въ одну кучу, отдѣльныя произведенія разбросаны по листкамъ и не подобраны, повѣсти перемѣшаны съ письмами, статьи съ комедіями, собственныя произведенія Гоголя съ многочисленными выписками его изъ произведеній другихъ авторовъ, и все это въ свою очередь топуло въ копіяхъ издателей и редакторовъ сочиненій и писемъ Гоголя. Много усилій и времени потрачено было, чтобы весь этотъ хаосъ привести въ тотъ порядокъ, въ которомъ вездѣ и всюду хранятся рукописи, а тѣмъ болѣе автографы классическихъ писателей. Естественно, поэтому, что рукопись повѣсти «Сорочинская ярмарка» соединена съ другими остатками «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» и вмѣстѣ съ ними включена для сохранности въ отдѣльную папку подъ вышеуказаннымъ № 3211. Въ результатѣ получилось довольно неожиданное явленіе: когда сохранившіеся листы «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» были подобраны одинъ къ другому, въ своей послѣдовательности по содержанію, и соединены вмѣстѣ, то оказалось, что давняя нумерація ихъ, помѣченная краснымъ карандашомъ, совершенно правильна. Очевидно, листы рукописи «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» были когда-то подобраны и, можетъ быть, представляли изъ себя нѣчто цѣльное, какъ автографъ отдѣльнаго произведенія Гоголя, и лишь впослѣдствіи были отбиты одинъ отъ другого и вмѣстѣ съ прочими автографами приведены въ хаотическій безпорядокъ. Повидимому, прежнее приведеніе въ порядокъ рукописей Гоголя произведено было Кулишомъ, такъ какъ нумерація краснымъ карандашомъ еще встрѣчается на его копіяхъ и отвѣчаетъ нумераціи рукописей Гоголя, а можетъ быть и лицомъ, которому впослѣдствіи достались и автографы Гоголя, и копіи Кулиша.

При дальнѣйшемъ печатаніи самаго текста повѣсти приняты мѣры къ тому, чтобы точно воспроизвести рукопись Гоголя.

Такъ какъ рукопись носитъ на себѣ явные слѣды тройкой работы Гоголя: начертанія основного текста повѣсти, вычеркиванія въ немъ отдѣльныхъ словъ и цѣлыхъ выраженій и надписанія, вмѣсто зачеркнутаго, новаго текста, или же добавленія новаго къ основному; то и въ печатаемомъ текстѣ повѣсти даны показатели постепеннаго его измѣненія. Для этого основной текстъ повѣсти печатается прямымъ шрифтомъ; зачеркнутыя въ немъ слова и выраженія при печатаніи заключены въ скобки; слова и выраженія, надписанныя надъ основнымъ текстомъ въ рукописи и вписанныя среди него, набраны курсивомъ, зачеркнутыя же среди нихъ тоже заключены въ скобки.

Правописаніе Гоголя воспроизводится въ точности, даже съ сохраненіемъ его описокъ и ошибокъ, кромѣ тѣхъ случаевъ, гдѣ слова недописаны Гоголемъ, или гдѣ буквы написаны неясно, безъ отчетливаго начертанія особенностей каждой буквы; въ такихъ случаяхъ правописаніе принято по печатному тексту повѣсти въ десятомъ изданіи. Знаки препинанія, въ большинствѣ непоставленные Гоголемъ, разставлены тоже по этому изданію.

Позднѣйшія надписи заглавія повѣсти и года ея творенія опускаются, какъ поставленныя не Гоголемъ.

1.

Какъ упоителенъ, какъ роскошенъ лѣтній день въ Малороссіи! Какъ томительно-жарки тѣ часы, когда полдень блещетъ въ тишинѣ и зноѣ, и голубой неизмѣримый океанъ, сладострастн(о)*ымъ куполомъ* нагнувшійся надъ землею, кажется, заснулъ (въ нѣгѣ), потонувши въ нѣгѣ и (обнявши) *сжавши* прекрасную въ воздушныхъ объятіяхъ своихъ. *На немъ ни облака. Въ полѣ* ни шуму, ни рѣчи. Все какъ будто умерло. (Только) вверху только, въ небесной глубинѣ, дрожитъ жаворонокъ, и серебряныя пѣсни *по воздушнымъ степямъ* летятъ на влюбленную землю, (да) *или* изрѣдка крикъ чайки или (громъ) *звонкій раскатъ* перепела (звон-

кимъ раскатомъ) отдается въ степи. Лѣниво и бездумно, *будто безъ цѣли* (какъ разсѣяно остановившійся) гуляющіе безъ цѣли стали, *растутъ на полѣ,* деревья, (листокъ не шелохнется) и (стремительные) *ослѣпительные* удары солнца ослѣпительныхъ лучей, кажется, *зажигаютъ цѣлыя* (исторгающіе изъ темнозеленой гущи ихъ) живописныя массы листьевъ, накидывая на другихъ темную какъ ночь тѣнь, на которой только при (вѣтрѣ) *сильномъ колебаніи* листьевъ вѣтромъ брызжетъ золото. Изумруды, топазы, яхонты эфирныхъ насѣкомыхъ сыплются надъ пестрыми огородами, осѣняемъ гордыми подсолнечными. *Сѣрыя* скирды сѣна и золотые снопы хлѣба (въ цѣлыхъ) *станомъ* располагаются въ полѣ и кочуютъ по его неизмѣримости. Погнувшіяся отъ тяжести плодовъ (вѣтви) широкія вѣтви яблонь, грушъ, небо, его чистое зеркало — рѣка *въ зеленыхъ, гордо поднятыхъ рамахъ*... какъ полно сладострастія и нѣги Малороссійское лѣто.

Такою роскошью блисталъ одинъ изъ дней жаркаго Августа тысячу восемьсотъ, восемьсотъ... да, лѣтъ тридцать будетъ назадъ тому, когда дорога на десять верстъ до мѣстечка Сорочинецъ кипѣла народомъ, поспѣшавшимъ *со всѣхъ окрестныхъ и дальнихъ* хуторовъ на ярмарку. Съ утра еще тянулись нескончаемою вереницей чумаки (чумацкіе возы) съ солью и рыбою. Горы горшковъ, закутанныя въ сѣно, высоко подымали съ воза гигантское чело свое и, кажется, скучали (своею неизвѣстностью) *темнотой*; (изрѣдка) *мистами* только какая нибудь росписанная миска или макитра хвастливо выказывалась изъ высоко взгроможденнаго плетня и привлекала (завистливые) *умиленные* взгляды поклонниковъ роскоши. Много прохожихъ и проѣзжихъ поглядывало съ завистью на (степеннаго) *высокаго* гончара, (который) владѣльца сихъ драгоцѣнностей, который медленными шагами (слѣдовалъ) шелъ за своимъ товаромъ, заботливо окутывая глиняныхъ своихъ кокетокъ и щеголей неизвѣстнымъ для нихъ сѣномъ.

Одиноко (брелъ) тащился на истомленныхъ волахъ *возъ*, наваленный мѣшками, (*льномъ*), *пенькою* и разною поклажею; (ни-

зенькой) толстый, небольшого росту мужикъ, уже съ поспѣвшею головою, съ (напудренными) усами, напудренными тѣмъ неумолимымъ парикмахеромъ, который безъ зову является и къ красавицѣ и къ уроду и насильно пудритъ съ незапамятныхъ временъ весь родъ человѣческій. *За возомъ шла привязанная сзади кобыла.* Много встрѣчныхъ, и особливо молодыхъ парубковъ, брались за шапку, (встрѣч) поровнявшись съ нашимъ мужикомъ. Однакожъ не сѣдые усы и не важная поступь его заставляли это дѣлать. Стоило только (взглянуть) поднять глаза немного вверхъ, чтобы увидѣть причину такой почтительности: на возу сидѣла хорошенькая дочка съ упоительно рдѣвшимся личикомъ, съ чорными бровями, ровною дугою поднявшимися надъ огненными карими глазками, съ безпечно улыбавшими розовыми губками, съ повязанными на головѣ голубыми и жолтыми лентами, (которыя) *составлявшими* вмѣстѣ съ длинными, сбходившими два раза вокругъ *всей* головы косами и полевыми цвѣтами, составляли (прекрасную) *богатую* корону(ою), покоился на ея (головкѣ) на очаровательной головкѣ. Все, казалось, занимало ее, все было ей чудно, ново, и хорошенькіе глазки безпрестанно бѣгали (отъ) съ одного предмета на другой. Какъ не разсѣяться! Въ первой разъ на ярмаркѣ! (Какихъ) Дѣвушка въ восемнадцать лѣтъ въ первой разъ на ярмаркѣ. Но ни одинъ изъ прохожихъ и проѣзжихъ не зналъ, можетъ быть, чего стоило ей упросить (батька) *отца* взять и ее съ собою, который (можетъ всею) *и* душою радъ бы былъ это здѣлать гораздо прежде, если бы не злая мачиха, выучившаяся держать его *въ рукахъ своихъ* такъ же ловко, какъ цыганъ *возжи* коренной *своей* лошади. Но *за дочкою совершенно* мы (и) позабыли, что и она сидѣла тутъ же на высотѣ воза въ нарядной шерстяной кофтѣ зеленаго цвѣта (съ красными), *по которой будто* по горностаевому мѣху нашиты были хвостики краснаго цвѣта, въ богатой плахтѣ, пѣстрѣвшей какъ шахматная доска, въ ситцевомъ цвѣтномъ очипкѣ, ни мало, однакожъ, не скрасившимъ плоскаго краснаго лица, по которому проскальзывало (какое то) *что то*

такое непріятное, такое дикое, что (всякій) каждый тотчасъ спѣшилъ перенести встревоженный глазъ свой на веселинкое личико дочки.

Глазамъ нашихъ путешественниковъ началъ уже открываться Пселъ. Издали уже вѣяло прохладою. Сквозь темно и свѣтло зеленые листья (деревъ), небрежно раскиданныхъ по лугу деревъ, засверкали серебромъ и огненныя, одѣтыя холодомъ искры, и рѣка-красавица открыла (свою) *блестящую*, обнажила серебренную грудь, на которую *роскошно* падали зеленые кудри деревъ. Своенравная, какъ она въ тѣ упоительныя минуты, *часы*, когда (когда) вѣрное зеркало такъ завидно заключаетъ въ себѣ *ея* (гордыя, божественныя, *прекрасныя* ея черты съ обнажен.) полное гордости и ослѣпительнаго блеска *чело* (ея), лилейныя плечи, мраморную, осѣненную темною, *упавшею съ рукой*, волною шею, (мѣняетъ) съ презрѣніемъ кидаетъ одни украшенія, чтобы замѣнить ихъ другими, и капризамъ ея конца. Чудесная рѣка каждый годъ перемѣняетъ свои *окрестности*, украшенія, луга и деревья и пролагаетъ новый путь. Ряды мельницъ подымали на тяжелыя колеса свои широкія волны и мочно кидали ихъ, разбивая въ брызги, обсыпая пылью и обдавая шумомъ окрестность. Возъ съ знакомыми намъ пассажирами взъѣхалъ въ это время на мостъ, и рѣка во всей широтѣ и величіи, какъ цѣльное стекло, разостлалась передъ ними. Небо, зеленые и синіе лѣса, люди, возы съ горшками, мельницы, все опрокинулось, и стояло, и ходило верхъ ногами, не падая въ голубую, прекрасную бездну.

Красавица наша, сидя на возу, задумалась, (глядя) на роскошь (вида) открывшагося передъ ней вида и позабыла даже лузать свой подсолнечникъ, которымъ исправно занималася во все время пути своего. Какъ вдругъ слова: «ай, да гарна дивчина!» поразили слухъ. Оглянувшись, увидѣла стоявшихъ на мосту (четырехъ) *нѣсколькихъ* парубковъ, изъ которыхъ одинъ, одѣтый пощеголѣватѣе прочихъ, въ бѣлой юпкѣ, *свиткѣ*, (повязанный краснымъ поясомъ), въ сѣрой решетиловскихъ смушекъ шапкѣ,

стоялъ подпершись въ боки и молодецки поглядывалъ на проѣзжающихъ. Красавица не могла не замѣтить его загорѣвшаго, но и исполненнаго пріятности лица и огненныхъ очей, жаждавшихъ видѣть ее насквозь, и потупила глаза при мысли, что, можетъ быть, ему принадлежатъ произнесенныя слова. «Славная дѣвушка!» продолжалъ парубокъ въ бѣлой свиткѣ, не сводя съ нея глазъ. «Я бы отдалъ всю свое (ю) (худобу) хозяйство, чтобы только поцеловать. А вотъ впереди (ее) и дьяволъ сидитъ!» Хохотъ поднялся со всѣхъ сторонъ, но (почтенной) разряженной сожительницѣ нашего медленного мужика не слишкомъ показалось такое привѣтствіе: (щеки) красныя щеки ея вспыхнули и обратились въ огненныя, и трескъ отборныхъ словъ посыпался дождемъ на *головы* разгульныхъ парубковъ:

«Ахъ, ты негодной сорванецъ, нечистая сила, *нелегкая*, позабирала бы всю родню твою!»

«Ахъ, ты старая вѣдьма!»

«Ахъ, ты (нечистое) *сатанинское* отродье! Вишь, молокососъ какой нибудь, дрянь»...

Тутъ возъ начиналъ спускаться съ мосту. Послѣднія слова едва были слышны, но разгульной парубокъ нашъ не хотѣлъ *этимъ* кончить (такъ) и потому, схвативши комокъ грязи, швырнулъ вслѣдъ за нею. Ударъ былъ (такъ) удачнѣе, нежели могъ онъ думать: весь новый ситцевый очипокъ былъ забрызганъ грязью, и хохотъ разгульныхъ повѣсъ удвоился съ новою силою, къ несказанной досадѣ (нашей ста) пожилой щеголихи. Возъ отъѣхалъ *въ это время* уже довольно далеко, и месть ея обратилась на безвинную падчерицу и медленного сожителя, который, будучи привыченъ издавна къ подобнымъ явленіямъ, сохранялъ упорное молчаніе, хладнокровно принимая мятежныя рѣчи разгнѣванной супруги *до тѣхъ поръ*, покамѣстъ не въѣхали они въ (городъ) *пригородье* на (дворъ) загроможденный дворъ къ (куму тамошнему) *одному* казаку, куму и старому знакомому нашимъ путешественникамъ, которымъ всего нужнѣе дать отдыхъ послѣ такой дальней дороги.

2.

Шо Боже *ты* мій Господы, чого нема на тій ярмарци! Колеса, скло, деготь, тютюнъ, ремень, цыбыля... *такъ* що хоть бы въ кишеня було рублевъ и съ тридцять, (то и тогда бъ може не закупывъ усего), *та на всихъ стало закупить.*

(Изъ малор. комедіи).

Случалось ли вамъ слышать (когда) гдѣ то валящійся отдаленный водопадъ, когда вамъ издали уже чудятся неясные звуки?

Кто не видалъ и не былъ когда нибудь въ вихрѣ шумной ярмарки, когда весь народъ съ своимъ товаромъ сростается въ одно огромное чудовище *и шевелится всѣмъ корпусомъ* на площади и по тѣснымъ улицамъ, шумитъ, гогочетъ, гремитъ. Шумъ, трескъ, брань, (мычаніе), блеянье, мычанье, ревъ, — все сливается въ одинъ нестройный говоръ, какъ будто бы (гдѣ нибудь отдаленный водопадъ) валится гдѣ то отдаленный водопадъ и (испуганная) встревоженная окрестность полна гула. Напрасны будутъ старанія что нибудь разслушать, *узнать*, о чемъ идутъ рѣчи. Ничего вы не услышите, ничего не узнаете. Одни только продавецъ и покупщикъ понимали другъ друга. Громкое хлопанье по рукамъ и роспиванье могарыча одни только дадутъ знать вамъ объ (успѣхѣ посольства), сдѣлка или покупка совершены. Пріѣзжій нашъ мужикъ съ чернобровою дочкою своею давно уже толкался въ народѣ, узнавалъ и примѣрялся къ цѣнамъ. Всѣ его мысли вертѣлись около одной точки: около 10 мѣшковъ пшеницы, привезенныхъ имъ на ярмарокъ, и старой кобылы, и потому весьма естественно, что онъ (безвыходно), *къ великой досадѣ нашей красавицы*, терся почти возлѣ однихъ только возовъ съ мукою и пшеницею и еще съ зятемъ, котораго хотѣлось забрать на барыши. Между тѣмъ какъ ее такъ и дергала непонятная сила подъ ятки къ крамаркамъ, гдѣ развѣшаны

были самыя яркія ленты, перстни, серги и монисты. Впрочемъ, она и тутъ много находила предметовъ себѣ для наблюденія: ее до чрезвычайности смѣшило, какъ цыганъ и мужикъ одинъ били другъ друга со всей силы по рукамъ, вскрикивая сами отъ боли; какъ пьяный жидъ давалъ бабѣ киселя [1]); какъ посорившіяся перекупки кидались раками, приправляя попреками... Тутъ почувствовала она, что кто дернулъ ее за рукавъ сорочки. Оглянулась, и парубокъ въ бѣлой свиткѣ съ яркими очами стоялъ передъ нею. Жилки ея вздрогнули и сердце забилось такъ, какъ еще никогда ни при какой радости, ни при какомъ горѣ: и чудно, и любо ей показалось, и сама не могла растолковать, что дѣлалось съ нею.

«Не бойся, серденько, не бойся», говорилъ онъ ей въ полголоса, взявши ея руку: «убей меня громъ на этомъ мѣстѣ, если держу на умѣ что худое противъ тебя». «Вѣрно это лукавый», думала про себя (дѣвушка) *красавица* (сама и чу); «сама, кажется, знаешь, что не годится такъ... а чувствуешь, что силы не достаетъ взять отъ него руку».

Мужикъ оглянулся и хотѣлъ что то сказать дочкѣ, но въ сторонѣ послышалось ему слово: пшеница (и онъ). *Это магическое слово заставило его обратиться*, оставивши все, *и онъ въ туже минуту* (приближился) къ двумъ жарко разговаривавшимъ негоціантамъ, позабывъ все на свѣтѣ (разговоръ сблизивъ), устремивъ все вниманіе на любимый предметъ свой.

3.

Чи бачышь, винъ якый парныще?
На свити (мало) *трохи* есть такихъ.
Сывуху такъ, мовъ *якъ* брагу хлыще!

Котляревскій.

«Такъ ты думаешь, землякъ, что плохо пойдетъ наша пшеница?» говорилъ одинъ (съ вп) человѣкъ *съ* вида (омъ) похожій

1) Дать киселя значитъ ударить кого-нибудь сзади ногъ.

весьма на заѣзжаго мѣщанина, обитателя какого нибудь местечка, въ пестревыхъ, запятнанныхъ дегтемъ и засаленыхъ шароварахъ, другому съ широкимъ посомъ *и огромною* (широкою) на немъ шишкою.

«Да думать нечего тутъ (что плохо): я готовъ кинуть на себя петлю и болтаться на этомъ деревѣ, какъ колбаса передъ Рождествомъ на хатѣ, если мы продадимъ хоть одну мѣрку».

«Кого ты, землякъ, морочишь?» *продолжалъ:* «(да вотъ) привозу *вдвое*, кромѣ нашего, нѣтъ вовсе», *продолжалъ* говорить человѣкъ въ (сѣро) пестревыхъ шароварахъ.

«То-то и (диво) *есть*, что если гдѣ замѣшается чертовщина, то будетъ столько прока, сколько отъ барана молока», значительно отвѣчалъ человѣкъ съ шишкою на носу.

«Какъ чертовщина?» подхватилъ человѣкъ въ пестревыхъ шароварахъ.

«Слышилъ ты, что поговариваютъ въ народѣ?» говорилъ человѣкъ съ шишкой.

«Ну!»

«Ну, то-то ну! Комиссаръ, чтобъ ему чихалось *такъ* послѣ каждой пучки табаку, какъ послѣ горячей воды, (говоритъ) отвелъ для ярмарка (такое) проклятое *мѣсто*, на которомъ, хоть тресни, ни зерна не спустишъ. Видишь ли ты тотъ старый развалившійся сарай, что вонъ-вонъ стоитъ подъ горою?..» Тутъ (нашъ) дородный отецъ нашей красавицы подсунулся еще ближе и весь превратился во вниманіе. «Въ томъ сараѣ то и дѣло, что водятся чертовскія шашни, и ни одна ярмарка на этомъ мѣстѣ не проходила безъ бѣды. Вчера волостный писарь проходилъ поздно вечеромъ, только въ слуховое окно выставилось свиное рыло и хрюкнуло такъ, что у него морозъ подралъ по кожѣ. То же жди, что опять покажется (красная) кумачная свитка.

«Чтожъ это за красная свитка?»

Тутъ у нашего слушателя поднялись дыбомъ сѣдые волосы. Со страхомъ оборотился онъ назадъ и увидѣлъ, что дочка и парубокъ стояли обнявшись и напѣвая другъ другу какія то лю-

бовныя сказки и позабывъ про всѣ (свитки) находящіяся въ свѣтѣ. Это разогнало немного его страхъ и возвратило (ему веселость) *его къ прежней безпечности.*

«Эге, ге, ге! да ты мастеръ, какъ вижу, обниматься. Чортъ меня возьми, если я не на четвертый только день *послѣ свадьбы* выучился обнимать мою покойную Хвеську. Да и то спасибо куму, (который) бывши дружкомъ, выучилъ (меня) *уже*».

Парубокъ замѣтилъ тотъ часъ, что отецъ его любезнаго не (совсѣмъ) слишкомъ дальнѣе и въ мысляхъ рѣшился попытаться склонить его въ свою пользу.

«Ты, вѣрно, человѣкъ добрый, не (узнаешь) *знаешь* меня, а я тебя тотъ часъ узналъ».

«Можетъ, и узналъ».

«Если хочешь, такъ и имя (скажу), и прозвище, и всяку всячину: тебя зовутъ *Солопій* Черевикъ».

(«Можетъ, и скажешь»).

«Такъ, *Солопій* Черевикъ».

«А вглядись-ка хорошенько, а не узнаешь ли меня?»

«Нѣтъ, не познаю. Не въ гнѣвъ будь сказано: на вѣку столько довелось навидаться рожъ всякихъ, что чертъ самъ припомнитъ всѣхъ».

«Жаль, что ты не припомнишь Голупупенковаго сына».

«А ты развѣ Охримовъ сынъ?»

«Да, не кто другой, конечно».

Тутъ пошли обниманія, и (пару) нашъ Голупупинкивъ сынъ, не желая терять напрасно времени, тотъ часъ и осадилъ новаго своего знакомца.

«Ну, Солопій, вотъ, какъ видишь, я и дочка полюбили одинъ одного такъ, что хоть бы и на вѣки жить вмѣстѣ».

«Что, (дочка) *Параска!*» *обратился Черевикъ, смѣясь, къ нашей красавицѣ*: «не въ самомъ ли дѣлѣ, чтобы уже, какъ говорятъ, вмѣстѣ и того... *чтобъ* и паслись на одной травѣ! Что? по рукамъ! А ну-ка, новобранный зять, давай (ка) могорычу!»

И всѣ трое очутились *въ извѣстной ярморочной ресторации*

подъ яткою у жидовки, въ которой (съ низу до верха) весь столъ былъ усѣянъ фляжками, сулеями, бутылями всѣхъ возрастовъ.

«Эхъ, (молодецъ) *хватъ, за это люблю!*» говорилъ Черевикъ немного подгулявши, глядя, какъ какъ его нареченный зять налилъ кружку величиной съ полкварты и, *нимало* поморщившись, выпилъ до дна, обративъ се *потомъ* въ дребезги.

«*Что (же) скажешь*, (Какого) Параска? (я *тебѣ* жениха даю) *Какого я тебѣ жениха даю, а!* Смотри, смотри, какъ онъ тянетъ молодецки пѣнную».

И смѣясь, и покачиваясь, *и* побрелъ (отправился) *побрелъ* съ (сво) нашей красавицею къ своему возу, а нашъ парубокъ отправился по рядамъ съ красными товарами, въ которыхъ находились купцы даже изъ Гадяча и Миргорода, двухъ знаменитыхъ уѣздныхъ городовъ въ Полтавской губерніи, выглядывать получшую деревяную люльку въ мѣдной щегольской оправѣ, (и) цвѣтистый по красному полю платокъ и шапку (для гостинцевъ) *свадебныхъ* тестю и другимъ всѣмъ, кому слѣдуетъ.

4.

Хоть человикамъ не онее,
Да колы жинци, бачышъ, тее,
Такъ треба угодити (имъ).

Котляревскій.

«Ну, жинко! а я нашелъ жениха дочкѣ!»

«Вотъ-на! какъ разъ до того теперь, что жениховъ отыскивать! Вотъ уже дурепь! *Сказано*, (ти на) тебѣ, вѣрно, и на роду написано такимъ остаться! Гдѣ-жъ таки ты видѣлъ, гдѣ-жъ таки слышалъ, чтобы добрый человѣкъ сталъ (бѣгать) *гоняться* теперь за женихами? Ты бъ подумалъ лучше, какъ пшеницу сбыть. Хорошъ *уже* тамъ женихъ долженъ быть! Я думаю, оборванѣйшій изъ всѣхъ голодрабцовъ».

«Э, какъ бы не такъ! Посмотрѣла бы ты, что *тамъ* за пару-

бокъ. Одна свитка больше стоитъ, чемъ твоя зеленая кофта и красные сапоги. А какъ сивуху славно дуетъ!.. Чортъ меня возьми вмѣстѣ съ тобою, если я видѣлъ еще на вѣку своемъ, чтобы парубокъ духомъ вытянулъ полкварты, не поморщившись!»

«Ну, такъ, ему если пьяница да бродяга, такъ это съ его руку. Бьюсь объ закладъ, если это не тотъ самый сорванецъ, который увязался за нами на мосту. Жаль, что до сихъ поръ онъ не попадется мнѣ: я бы ему дала себя знать».

«Чтожъ, Хивря, хоть бы и тотъ самый: чемъ *же* онъ сорванецъ?»

«(Слышишь) Э, чемъ же онъ сорванецъ! Ахъ, ты безмозглая башка! Слышишь! Чемъ же онъ сорванецъ! (Гдѣ) Куда же ты запряталъ свои дурацкіе глаза свои, когда проѣзжали мы мельницы? Ему, хоть бы тутъ, передъ его, *запачканнымъ въ тютюнь*, носомъ нанесли жинкѣ безчестье, ему бы и нуж не было».

«Да, все же однако я не вижу въ немъ ничего худого: парень хоть куда! Только развѣ что заклеилъ твою образину навремя навозомъ».

«Эге, да ты, какъ я вижу, слова не дашь мнѣ выговорить. А что это значитъ? Когда это бывало съ тобою? Ты, вѣрно, (изволилъ) успѣлъ хлеснуть уже, не продавши еще ничего?»

Тутъ Черевикъ нашъ замѣтилъ и самъ, что разговорился черезъ чуръ (уже), и закрылъ въ одно мгновеніе голову свою одними руками, предполагая, безъ сомнѣнія, что разгнѣванная сожительница не замедлитъ вцѣпиться въ его волосы своими (острыми) *супружескими* кохтями.

«Туда къ чорту! Вотъ тебѣ и свадьба!» думалъ онъ про себя, уклоняясь отъ силью наступившей супруги.

«Придется отказать доброму человѣку ни за что, ни про что. (Боже) Господи Боже мой! За что такая напасть на насъ, грѣшныхъ? Итакъ много *всякой* дряни на землѣ, а ты еще и жинокъ наплодилъ!»

5.

Разсѣяно глядѣлъ парубокъ нашъ въ бѣлой свиткѣ, *сидя* у своего воза, на *глухо* шумѣвшій (на горѣ) со всѣхъ сторонъ народъ. *Усталое* солнце уходило отъ міра, и спокойно пылавшій въ полдень и утро день, и плѣнительно, и грустно, и ярко румянился, какъ щеки прекрасной жертвы неумолимаго недуга въ торжественную минуту ея отлета на небо. Ослѣпительно блистали (вер бѣлые) верхи бѣлыхъ шатровъ и ятокъ, осѣненные какимъ то едва примѣтнымъ, тонкимъ, огненно-розовымъ свѣтомъ. Стекла наваленныхъ кучей оконицъ горѣли; зеленыя фляжки и чарки на столахъ у шинкарокъ превратились въ огненныя; горы дынь, арбузовъ и тыквъ казались вылитыми изъ золота и темной мѣди. Говоръ примѣтно утишался, и усталые языки перекупокъ, жидовъ и цыганъ лѣнивѣй и медленнѣе поворачивались. Гдѣ-гдѣ начиналъ сверкать огонекъ, и благовонный паръ отъ варившихся галушекъ разносился по утихавшимъ улицамъ.

«О чемъ загорюпился, Грицко?» вскричалъ высокій загорѣвшій цыганъ, ударивъ по плечу нашего парубка. «Что жъ, отдавай волы за тридцять!»

«Тебѣ бы все волы да волы. Вашему племени все бы корысть только, потдѣть да обмануть добраго человѣка».

«Тьфу, дьяволъ! (что) да ты не на шутку раскапрызничался. Ужь не съ досады ли, что самъ навязалъ себѣ невѣсту?»

«Нѣтъ, *это не помоему:* я держу свое слово, что разъ сдѣлалъ, тому и навѣки быть. А вотъ у хрыча Черевика нѣтъ совѣсти, видно, и *на* полъ шелега: *сказалъ да и назадъ*. Ну, да его и винить нечего. Онъ деревяной чурбанъ, (да и полно) *и больше ничего*. Тутъ всему вина старая вѣдьма, которую мы сегодня ругнули съ хлопцами на всѣ бока! Эхъ, если бы я былъ царемъ или панъ великой, я бы первый перевѣшалъ всѣхъ *тѣхъ* дурней, которые позволяютъ себя сѣдлать бабамъ и (ѣздить) и ходятъ у нихъ въ оглобляхъ вмѣсто кобылъ».

«А (про) отдашь за тридцать воловъ, если мы заставимъ Черевика отдать намъ Параску?»

«Не за тридцать, а за двадцать отдамъ, если не соврешь только».

«Смотрижъ, не забывай: за двадцать. Вотъ тебѣ и пара синицъ въ задатокъ».

«Ну, а если солжешь?»

«Солгу—задатокъ твой».

«Ладно! Ну, давай же по рукамъ!»

«Давай!»

6.

(А ты, милый, чернобрывый,
Присунься близенько.
Пѣсня.)

Охъ, мени лыхо: Романъ оттеперъ, якъ разъ надсадыть мени бебекивъ, да и вамъ, пане Хомо, не безъ лыха буде.
Изъ малоросс. комедіи.

«Суда, Афанасій Ивановичъ! Вотъ тутъ (тынъ) (*заборъ*) *частоколъ* пониже, поднимайте ногу, да не бойтесь: дурень мой отправился на всю ночь съ кумомъ и дочкою подъ возы, что не укралъ (чего) кто нибудь чего».

Такъ грозная сожительница Черевика (крпча) ласково ободряла трусливо лѣпившаго около забора поповича, который поднялся наконецъ на (заборъ) *частоколъ* и сталъ, будто длинное страшное привидѣніе. Долго стоялъ въ недоумѣніи, измѣривая окомъ, куда бы лучше спрыгнуть, и наконецъ съ шумомъ обрушился въ бурьянъ.

«Вотъ бѣда! Не ушиблись ли вы, не сломили еще, Боже оборони, шеи», лепетала *заботливая* Хивря.

«Тсъ! Ничего, ничего, любезнѣйшая Хавронья (Осиповна) Никифоровна!» боязнено и шопотно произнесъ поповичъ, поды-

маясь ногою: «выключая только уязвленія со стороны крапивы, сего печеподобнаго зѣлія, по выраженію покойнаго нашего протопопа».

«Пойдемте жъ въ хату: теперь никого нѣтъ. А я думала было уже, Афанасій Ивановичъ, что къ вамъ болячка или сонешница пристала: нѣтъ, да нѣтъ. Какъ же вы теперь поживаете? Я слышала, что папъ-отцю перепало теперь не мало всякой всячины».

«Сущая бездѣлица, Хавронья Никифоровна! Батюшка всего получилъ за весь постъ мѣшковъ шесть яроваго, проса мѣшка два, кнышей съ сотню. А куръ всего, если сощитать, то не будетъ и пятидесяти штукъ; яйца большею частію протухлыя. *Но воистину сладостныя* приношенія, примѣрно сказать, (со стороны вашей) *нашему брату предстоитъ только твои получить*, Хавронья Трофимовна!» продолжалъ поповичъ, умильно поглядывая на полныя ея груди и подсовываясь къ ней поближе.

«Вотъ вамъ и приношеніе, Афанасій Ивановичъ!» приговорила она, ставя на столъ двѣ миски и жеманно застегивая свою какъ будто бы (невольно) *нечаянно* растегнувшуюся кофту: «варенички, галушечки, пшеничпеньки, *пампушечки*, товченички, кушайте на здоровье!»

«Всякое даяніе благо и всякъ даръ совершенъ! Однакожъ, Хавронья Никифоровна, сердце мое жаждетъ (еще кушанья) отъ васъ *кушанья* послаще всѣхъ пампушечокъ и галушечекъ».

«Вотъ я уже и не знаю, какого вамъ еще кушанья хочется, Афанасій Ивановичъ!» отвѣчала отжившая свой прелестница, стыдливо потупивъ въ землю глаза свои.

«Разумѣется, любви вашей, любезная, несравненная Хавронья Никифоровна!» вскричалъ поповичъ, держа въ одной рукѣ вареникъ, а другою обнимая *полный* дородный станъ Хавроньинъ.

«(Вы) Богъ знаетъ, что вы выдумываете, Афанасій Ивановичъ», молвила она съ прежней стыдливостью, *не стараясь, однако жъ, освободиться изъ объятій поповича.* «Я васъ просила такъ только посидѣть»...

Тутъ послышались на дворѣ (стукъ) говоръ и стукъ въ ворота. Хивря поспѣшно выбѣжала и (вся поблѣднѣвши) *и съ блѣдностью и дрожащими губами* возвратилась.

«Ну, Афанасій Ивановичъ, насъ застукали: кумъ съ возами и дурнемъ моимъ дожидается подъ воротами (и еще) и, какъ кажется, не безъ гостей».

При этомъ словѣ вареникъ остановился въ горлѣ поповича, глаза его *выпучились* (остановились, какъ будто хотѣли вонъ прыгать, хватался за накладенные, наваленые подъ потолкомъ на мѣстѣ), какъ будто какой-нибудь выходецъ *съ того* свѣта только что сдѣлалъ передъ тѣмъ ему визитъ свой.

«Что дѣлать, полѣзайте-ка суда, Афанасій Ивановичъ!» кричала испуганая Хивря, указывая на положенныя почти подъ самымъ потолкомъ, на двухъ перекладинахъ, доски, на которыхъ была навалена домашняя поклажа.

Опасность придала духу (нашему) поповичу (и заставила его поднять). Опамятовавшись немного, сталъ, *вскочилъ*, опъ на ноги (на лежанку и потѣснился) и полезъ оттуда осторожно на доски, а Хивря побѣжала немедленно къ воротамъ.

7.

(Цуръ тоби, пекъ тоби).
Отъ таке чортовщины завелося.

Изъ малорос. комедіи.

На ярмаркѣ случилось удивительное произшествіе: все наполнилось слухомъ, что гдѣ-то между товаромъ показалась красная свитка. (Произшествіе видѣнное). Старухѣ, продававшей бубликп, почудился сатана въ костюмѣ ужаспой свиньи, который беспрестанно наклонялся какъ бы ища чего. Это быстро разнеслось по всѣмъ угламъ уже утихавшаго табара, и всѣ считали преступленіемъ не вѣрить этому, несмотря на то, что (бублица)

продавица бубликовъ, которой открытая лавка была рядомъ съ яткою (съ) шипкарки, едва держалась на ногахъ. Къ этому присоединились *еще* увеличенныя вѣсти о чудѣ, видѣномъ волостнымъ писаремъ въ развалившемся сараѣ, такъ что къ вечеру тѣснѣе жались другъ къ другу, спокойствіе разрушилось, и страхъ мѣшалъ всякому сомкнуть глаза свои. Другіе совсѣмъ поубрались, и къ числу послѣднихъ принадлежалъ и нашъ Черевикъ съ кумомъ и дочкою, которые, вмѣстѣ съ проспвшимися къ нимъ *въ хату* гостями, и произвели тотъ сильный стукъ, (который) такъ перепугавшій такъ нашу страстную Хиврю. Кума уже немного поразобрало. Это можно было видѣть изъ того, что онъ два раза объѣхалъ съ своимъ возомъ (хату) *по двору*, покамѣстъ нашелъ хату. Гости тоже были всѣ въ веселомъ расположеніи духа и безъ церемоніи вошли въ хату прежде самого хозяина. (Что) (Су) Дородная супруга нашего Черевика (была) сидѣла какъ на иголкахъ, видѣ какъ гости принялись шарить по всѣмъ угламъ.

«Что, кума!» вскричалъ в(ходящій) *ошедшій* кумъ: «тебя все еще трясетъ лихорадка?»

«Да, не здоровится», отвѣчала Хивря, безпокойно поглядывая на наваленныя подъ потолкомъ доски.

«А, ну, жена, достань-ка тамъ въ возу баклажакъ», говорилъ кумъ къ пріѣхавшей съ нимъ же женѣ: «мы черкнемъ съ добрыми людьми, а то проклятыя бабы такъ (пер) попапугали насъ, что и сказать стыдно... Вѣдь мы, ей Богу, по пустякамъ, братцы, пріѣхали сюда», говорилъ онъ, прихлебывая изъ глиняной кружки. «(Вотъ) я тутъ же ставлю новую шапку свою, если бабамъ не вздумалось посмѣяться надъ нами. (И вотъ явись). Да хоть бы и въ самомъ дѣлѣ сатана, что сатана? Плюйте ему на голову. Хоть *бы* сію минуту вздумалось ему стать (посреди) вотъ здѣсь, *напримѣръ*, передо мною: будь я собачій сынъ, если не поднесъ бы ему кукышъ подъ самой носъ».

«Эге, ге, ге! Отъ чего ты *вдругъ* поблѣднѣлъ весь?»

«Я? во... я?.. Господь съ вами! приснилось, что ли? Мнѣ

только такъ... Нужно бы сходить за нуждою, да пускай уже, *погодя немного*».

Гости усмѣхнулись. Баклажокъ прокатился (вокругъ всего стола) *по всему столу*, и гости сдѣлались еще веселѣе прежняго. Тутъ нашъ Черевикъ (приступилъ къ ку), которо(му) *го любопытство дергало ужасно какъ*, ужасно какъ хотѣлось развѣдать про красную свитку, приступилъ къ куму. «Скажи, будь ласковъ, кумъ. Вотъ прошусь, да и не допрошусь исторію про эту проклятую свитку».

«Эхъ, *кумъ*! Оно бы не годилось росказывать на ночь, да развѣ уже для того, чтобы (позабавить) *угодить тебѣ и* гостямъ нашимъ, которымъ, я примѣчаю, страхъ хочется узнать про эту диковинку. Ну, быть такъ. Слушайте же, что говорятъ люди. Разъ, уже и (за что) *за какую вину, и не знаю*, только выгнали одно чорта изъ пекла»...

«Вотъ, кумъ!» прервалъ Черевикъ: «какъ же могло это статься, чтобы чорта выгнали изъ пекла?»

«Что жъ дѣлать, кумъ! Выгнали, да и выгнули, какъ собаку мужикъ выгоняетъ изъ хату. Можетъ бы на него нашла блажь сдѣлать какое-нибудь доброе дѣло, ну, и указали двери. Вотъ чорту бѣдному такъ стало скучно, такъ скучно *по пеклѣ*, что хоть до петли. Что дѣлать? Давай съ горя пьянствовать. (И чортъ сталъ такой гуляка. Поселился) *Угнъздился* въ томъ самомъ сараѣ, которой, видѣлъ, развалился подъ горою и (близъ) мимо котораго ни одинъ добрый человѣкъ не пройдетъ теперь, не (пер) оградя себя крестомъ святымъ. И сталъ чортъ такой гуляка, какого теперь не сыщешь между *всѣми* парубками нашими: съ утра до вечера то и дѣла, что сидитъ въ шинкѣ».

Тутъ опять строгій Черевикъ (нашъ) прервалъ *нашего* раскащика:

«Богъ знаетъ, что говоришь ты, кумъ! Какъ таки можно, чтобы чорта впустилъ кто нибудь въ шинокъ? Вѣдь у него же *есть* и когти на лапахъ и рожки на головѣ».

«Вотъ то-то и штука, что на немъ была всегда шапка и ру-

Государственная
Библ[illegible]ка
С[illegible]Р

кавицы. Кто его познаетъ! (Деньги въ карманѣ, такъ и лукавый станетъ Ангеломъ). *Ну*, гулялъ, гулялъ, наконецъ, пришлось до того, что пропилъ все, что (только) имѣлъ съ собою. Шинкарь долго вѣрилъ, наконецъ пересталъ. (Что, нечего дѣлать) Пришлось чорту заложить красную свитку чуть ли не въ треть цѣны (одному) жиду, который (шинковалъ) тогда на Сорочинской ярмаркѣ. Заложилъ и говоритъ ему: «Смотри, жидъ, я пріиду къ тебѣ за свиткой ровно черезъ годъ: береги ее!» и куды дѣлся послѣ того самъ, ни одинъ попъ не знаетъ. Жидъ разсмотрѣлъ хорошенько свитку: сукно такое, что и въ Миргородѣ не достанешь! А красной цвѣтъ *горитъ*, какъ огонь, такъ что (смотрѣ) не наглядѣлся бы! Вотъ жиду показалось скучно дожидаться срока. (Спустя) Почесалъ себѣ пески, да и содралъ съ какого то пріѣзжаго пана мало не двадцать червонцевъ. О срокѣ жидъ и позабылъ совсѣмъ. Какъ вотъ, (тоже такъ) подъ вечерокъ приходитъ какой то человѣкъ: «Ну, жидъ, отдавай-ка свитку мою». Жидъ сначала было и не распозналъ, а послѣ, какъ разглядѣлъ, такъ прикинулся, будто и въ глаза *его* не видалъ: «Какую свитку? У меня нѣтъ никакой свитки. Я знать не знаю твоей свитки». Тотъ, ничего, ушелъ; только въ вечеру, какъ *жидъ, запери свою конуру на замокъ*, перещитавши по сундукамъ (своимъ) деньги, на (пялилъ) *кинулъ* на себя простыню и началъ по жидовски молиться Богу, слышитъ (въ окнахъ) шорохъ. Глядь, во всѣхъ окнахъ повыставлялись свиныныя рыла»...

Тутъ послышался какой неясный звукъ, похожій весьма на хрюканье свиньи. (Раскащикъ поблѣднѣлъ и всѣ гости). Всѣ поблѣднѣли. Потъ выступилъ на лицѣ раскащика.

«Что?» произнесъ въ испугѣ Черевикъ.

«Ничего!»... отвѣчалъ кумъ, дрожа всѣмъ тѣломъ.

«Ась!»... отозвался одинъ изъ гостей.

«Ты сказалъ?»...

«Нѣтъ!»

«Кто жъ это хрюкнулъ!»

«Богъ знаетъ, чего (вы) *мы* переполошились! Никого нѣтъ!»

Всѣ *такъ* боязливо (начали) *стали* обсматриваться вокругъ и начали шарить по угламъ. А Хивря была ни жива, ни мертва.

«Эхъ, вы, бабы, бабы!» произнесла она громко: «вамъ ли козаковать и быть мужьями! Вамъ бы веретено въ руки, да посадить за гребень! Одинъ кто нибудь, можетъ, прости Господи, угрѣшился, а всѣ и метнулись какъ полуумные». Это (заст) привело въ стыдъ нашихъ храбрецовъ и заставило ихъ ободриться. Кумъ хлебнулъ изъ кружки и (сталъ) *началъ* разсказывать далѣе.

«Жидъ обмеръ. Только *однакожъ*, свиныныя чудища повылезали и мигомъ оживили его плетенными тройчатками, заставивши танцовать повыше вотъ этого сволока. Жидъ въ ноги и признался во всѣмъ. Только свитки нельзя было уже воротить скоро. Пана обокралъ на дорогѣ какой то цыганъ и продалъ свитку какой то перекупкѣ; та привезла ее *снова* на Сорочинскую ярмарку, но уже никто не сталъ ничего почти покупать у нее съ того времени (какъ показалась). Перекупка долго дивилась (дивилась), наконецъ (подарп) смекнула: вѣрно, это *виною всему* красная свитка; недаромъ всегда, когда (*надѣвалась*) (возьмешь ее въ руки, чувствовала) вздумывалось ей надѣвать, чувствовала, что ее *все* (*что-то*) давитъ (что-то). (Вотъ въ одно утро, когда затопила). Тотъ же часъ ни мало не медля кинула, *бросила*, ее въ огонь—не горитъ бѣсовская одежда! Перекупка умудрилась, (подкинула ее) подсунула въ возъ одному мужику, вывезшему продавать масло. Дурень и обрадовался; только масла никто и спрашивать не хочетъ. «Эхъ, недобрыя руки подкинули свитку!» Схватилъ топоръ, изрубилъ ее въ куски. Глядь, и лезетъ одинъ кусокъ къ другому, и снова цѣлая свитка. Перекрестилъ сѣкиру, хватилъ въ другой разъ и куски разбросалъ по всему (тѣлу) мѣсту и уѣхалъ. Только съ тѣхъ поръ каждый годъ и какъ разъ во время ярмарки чортъ съ свиною мордою ходитъ по всей площади и собираетъ куски своей свитки. Теперь, говорятъ, одного только *лѣваго* рукава недостаетъ ему. (Съ тѣхъ) Вотъ уже будетъ лѣтъ съ десятокъ, какъ не было на этомъ мѣстѣ ярмарки. Да нелегкая дернула *теперь* комисара... от...»

Другая половина слова замерла на устахъ раскащика. Окно брякнуло съ шумомъ, стекла, звеня, вылетѣли вонъ, и страшная свиная рожа (выглянула) выставилась, поводя очами, какъ будто спрашивая:

«Что вы тутъ дѣлаете, добрые люди?»

8.

Цуръ тоби! Пекъ тоби! Сатанинске наважденіе!

Ужасъ оковалъ всѣхъ, находившихся въ хатѣ. Кумъ, (разинувъ ротъ) съ разинутымъ ртомъ, превратился въ камень. Глаза его выпучились, какъ будто хотѣли выстрѣлить. Разверстые пальцы остановились въ судорожной недвижности (въ) на воздухѣ. Одинъ изъ гостей, превышавшій всѣхъ прочихъ цѣлою головою и (бывшій) казавшійся всѣхъ прочихъ, въ *непобѣдимомъ* ужасѣ подскочилъ съ мѣста и ударилъ головою объ перекладину подъ потолкомъ. Доски посунулись, и поповичъ съ громомъ и трескомъ полетѣлъ на землю.

«Ай, ай, ай!» кричалъ (онъ) одинъ, повалившись на лавкѣ, болтая въ ужасѣ руками и ногами.

«Спасайте!» (кричалъ) голосилъ другой, (повалившись) закрываясь тулупомъ.

Кумъ, (послѣ), выведенный изъ своего окаменѣнія вторичнымъ испугомъ, (полѣзъ) *спрятался въ судорогахъ* подъ подолъ своей супруги. Высокій храбрецъ полѣзъ въ пѣчь, несмотря на узкое отверзстіе, и самъ задвинулъ себя ослонкою. А Черевикъ, какъ *будто* облитый кипяткомъ (бросался), схвативши *и надѣвши* горшокъ вмѣсто шапки, (бѣжать) *бросился къ дверямъ* и какъ полуумный (очутился посреди улицы) *бѣжалъ по улицамъ*, *не* видя земли подъ *собой*. Усталость заставила его, *однакожъ*, уменьшить немного скорость своего бѣга. Сердце его колотилось какъ мельничная ступа; потъ лилъ градомъ. Въ изнеможеніи готовъ онъ

уже былъ упасть на землю, какъ вдругъ послышалось ему, что съ зади кто то гонится за нимъ. (Чортъ. Дыханіе зажалось) Духъ у него занялся.

«Чортъ! чортъ!» кричалъ онъ, утроивъ силы и (бѣжа) удирая безъ памяти, и черезъ минуту растянулся безсильно на землѣ.

«Чортъ! чортъ!» кричалъ, и онъ (чувствовалъ) *слышалъ* только, *какъ* что то съ громомъ повалилось на него. Тутъ память отъ него улетѣла, и онъ, какъ страшный (жилецъ) (оби) тѣснаго гроба, (лежалъ) *остался* нѣмъ и недвиженъ по середи дороги.

9.

«Слышишь, Власъ!» говорилъ, приподнявшись, одинъ цыганъ изъ толпы другихъ: «возлѣ насъ кто то помянулъ чорта!»

«Мнѣ какое дѣло?» проворчалъ, потягиваясь, лежавшій возлѣ него сосѣдъ: «хоть бы не одного, а всѣхъ своихъ родичей помянулъ. (Мало ли чего не совретъ)».

«Но, вѣдь, такъ закричалъ кто-то, какъ будто душатъ его!»

«Мало ли чего не совретъ человѣкъ?»

«Воля твоя, хоть посмотрѣть нужно. А выруби-ка огня!»

Другой цыганъ, ворча про себя, поднялся на ноги, *два раза* освѣтилъ вокругъ себя, *смуглое лицо,* искрами, будто молніями, (и) раздулъ губами зажегшійся трутъ и съ (свѣтильнею въ рукахъ отправились) *каганцемъ* — обыкновенною малороссійскою свѣтильнею, состоящею изъ (черепка) разбитаго черепка, *налитаго овечьимъ жиромъ,* отправились, освѣщая.

«(Тутъ) *здѣсь* лежитъ что то,» сказалъ одинъ цыганъ: «а посвѣти-ка сюда!»

Тутъ пристало къ нимъ еще нѣсколько человѣкъ.

«Да что лежитъ, Власъ?»

«Да такъ, какъ будто два человѣка: одинъ на верху, другой на низу; который изъ нихъ чортъ, уже я и не распознаю!»

«А кто на верху?»

«Баба».

«Ну, вотъ, это жъ то и есть чортъ».

Всеобщій хохотъ и шумъ разбудили пашихъ мертвецовъ, которые, полные прошедшаго испуга, долго стояли выпучивши глаза, глядя въ ужасѣ на загорѣлыя смуглыя лица (лица) цыганъ, (которые будучи озарены мѣстами), которые, озарившись мѣстами (блѣдно) невѣрно и трепетно горѣвшимъ *огнемъ* и отѣненные чорными всклокоченными волпами, казались дикимъ сонмищемъ гномовъ, окруженныхъ (мракомъ непробудной пустыни) *тяжелымъ* подземнымъ паромъ и (мракомъ) облаками мрака непробудной ночи.

10.

Цуръ тоби, пекъ тоби, сатапинске наважденіе!

Свѣжесть утра вѣяла надъ пробудившимися Сорочинцами. (Пріятный холодъ). Клубы дыма со всѣхъ трубъ понеслись навстрѣчу показавшемуся солнцу. Ярмарка зашумѣла. *Овцы заблеяли, лошади заржали, (гуси за)* (блеянье), ржаніе, блеянье, (крикъ, ревъ, шумъ), *крикъ гусей и перекупокъ, шумъ и говоръ* понеслись снова по всему табору, и (народъ) *страшные* слухи (такъ) про красную свитку, (такъ) (*много*) (напугавшіе) (сильно поди) (произведшіе) *наведшіе* такой страхъ на народъ въ таинственные часы сумерекъ, *казалось*, исчезнулъ вмѣстѣ съ освѣтившимъ міръ утромъ.

Зѣвая и потягиваясь, лежалъ Черевикъ (подъ) у кума подъ крытымъ *соломою* сараемъ вмѣстѣ съ конями и мѣшками муки и пшеницы, и даже (кажется, не хотѣлъ долго), кажется, вовсе не имѣлъ желанія растаться съ своими грезами, какъ вдругъ услышалъ голосокъ такъ же знакомый, какъ *убѣжище лѣни* благословенная пѣчь его хаты и или шинокъ его дальней родички, (къ которому) было, *находившійся въ* не больше десяти шаговъ отъ *роднаго* порога (его хаты).

«Вставай, вставай!» трещала (ему) на ухо пѣжная супруга, дергая его со всей силы за руку.

Солопій, вмѣсто отвѣта, надулъ щеки и началъ болтать руками, подражая барабанному бою.

«Сумашедшій!» закричала она, уклонясь отъ замашки руки его, которою чуть-чуть не задѣлъ онъ ее по лицу.

Черевикъ поднялся, протеръ немного глаза и посмотрѣлъ вокругъ.

«Врагъ меня возьми, если мнѣ не представилась твоя рожа барабаномъ, на которомъ меня (какъ будто) *словно* москаля заставили выбивать зорю тѣ самыя свинныя рожи, отъ (которыхъ) *чихъ* кнутафьевъ (такъ) которыхъ, какъ разказывалъ кумъ, такъ (лихо) лихо, *легко*, плясалось жиду».

«Полно тебѣ чепуху молоть! Ступай, веди кобылу скорѣй на продажу. Стыдъ, (до сихъ поръ не продали еще ничего), пріѣхали на ярмарку, а хоть бы горсть пеньки продали!!..»

«Ты жъ видишь, что я еще не умывался», продолжалъ Черевикъ, (почесы) зѣвая и почесывая спину, и старялсь между прочимъ выиграть время для своей лѣни.

«Вотъ некстати (захотѣлось бы) пришла блажь быть чистоплотнымъ! Когда это за тобою водилось? Ступай! Ступай! Вотъ рушникъ, оботри свою моску.»

Тутъ она схватила что-то сверпутое въ комокъ и съ ужасомъ бросила (на зе) (прочь) на землю: это былъ красный (бла) обшлагъ изъ свитки.

«Ступай, дѣлай свое дѣло», повторила *она*, собравшись съ духомъ, своему (сожителю) *покорному* супругу, котораго волосы поднялись дыбомъ и зубы (бились) *колотились* одинъ о другой.

«Будетъ продажа теперь!» ворчалъ онъ самъ себѣ, (прово) (ведя отъ) вязывая кобылу и ведя ее на площадь. «Недаромъ (у меня на), *когда я собирался на* эту ярмарку, огниво попало подъ колесо и волы два раза поворачивали сами домой. Неугомонецъ и чортъ проклятый: поспѣлъ бы уже свитку безъ одного рукава; (*такъ* нѣтъ), такъ пѣтъ, нужно же добрымъ людямъ не давать

покою. Будь я чортъ, чего Боже оборони, сталъ ли бы я таскаться ночью за проклятыми лоскутьями?»

Тутъ философствованіе нашего Черевика прервано было толстымъ и рѣзкимъ голосомъ:

«А что продаешь, добрый человѣкъ?»

Передъ нимъ стоялъ (высокій) знакомый и высокій цыганъ. Продавецъ нашъ помолчалъ, посмотрѣлъ на него съ ногъ до головы, и не выпуская изъ рукъ узды, сказалъ съ спокойнымъ видомъ, не выпуская изъ рукъ узды:

«Самъ видишь, что продаю».

«Ремешки?» спросилъ цыганъ, поглядывая на находившуюся въ рукахъ его узду.

«Да, ремешки, если только кобыла похожа на ремешки».

«(Ты ее) Однакожъ,' чортъ возьми, землякъ, ты, видно, ее соломою кормишь!»

«Соломою?»

Тутъ Черевикъ хотѣлъ было потянуть узду, чтобы провести свою кобылу *и обличить во лжи безстыднаго,* но рука его съ необыкновенною легкостью чуть (было) не ударилась его (по затылку) *въ подбородокъ*: *вмѣсто кобылы одна* перерѣзанная узда (оставалась) *въ ней* и къ ней (привязанъ) *привязанъ былъ*—волосы поднялись дыбомъ!—кусокъ краснаго рукава! (Плюнувъ) Три раза плюнувъ, крестясь и махая рукавами, побѣжалъ онъ опрометью отъ неожиданнаго подарка и быстрѣе парубка пропалъ въ толпѣ.

11.

За моежъ жито, та мене и побыто.

Пословица.

«Лови! лови его»! кричало нѣсколько хлопцевъ въ тѣсномъ концѣ улицы, и Черевикъ (вдругъ) нашъ вдругъ почувствовалъ себя схваченнымъ дужими руками.

«Вязать его! Это тотъ самый, который укралъ у добраго (Черевика) *человѣка* кобылу».

«(Богъ) *Господь* съ вами, *за что* вы меня вяжете?»

«Онъ же и спрашиваетъ! *А* за что ты укралъ кобылу у заезжаго мужика Черевика?»

«(Богъ знаетъ что) Съ ума спятили вы, хлопцы! Гдѣ таки видано, чтобы человѣкъ самъ у себя кралъ что нибудь?»

«Старая штука! Зачемъ бѣжалъ ты во весь духъ, какъ будто бы самъ сатана за тобою *по пятамъ* гнался?»

«Поневолѣ побѣжишь, когда сатанинская одежда...»

«*Э*, голубчикъ, (проведы) не до пенька прыскочивъ! Обманывай другихъ этимъ. Будетъ еще тебѣ отъ комисара за то, чтобъ не пугалъ чертовщиною людей...»

«Лови! Лови его!» послышался крикъ на другомъ концѣ улицы.

«Вотъ еще одинъ бѣглецъ! Держите его, братцы, покрѣпче».

Тутъ глазамъ нашего Черевика представился кумъ въ самомъ жалкомъ положеніи, ведомыми, съ закрученными назадъ руками, нѣсколькими хлопцами.

«Тутъ чудеса завелись!» говорилъ одинъ изъ нихъ: «послушали бъ вы, что говоритъ этотъ мошенникъ, на котораго глянь только, (такъ узнаешь) *угадаешь*, что воръ. Когда стали спрашивать: отъ чего бѣжалъ онъ, какъ полоумный? — (хотѣлъ, говоритъ) «полѣзъ», говоритъ, «въ карманъ табаку понюхать, только вмѣсто тавлинки, *глядь*, вытащался кусокъ (красной) *чортовой* свитки, отъ которой вспыхнулъ красный огонь», и онъ давай Богъ ноги!»

«Эге, ге! Да это изъ одного гнѣзда оба! Вязать ихъ обѣихъ вмѣстѣ!»

12.

Чимъ, люди добрые, я винепъ передъ вами?
За що глузуете вы надо мною такъ?
За що, за що? тай попустывъ патіоки,
Патіоки гиркихъ слизъ, узявшися за боки.

«Можетъ быть, ты въ самомъ дѣлѣ, кумъ, подцѣпилъ что нибудь?» Спросилъ Черевикъ, лежа связанный (вмѣстѣ съ кумомъ) вмѣстѣ съ кумомъ (на солом) подъ соломенною яткою.

«И ты туда *же*, кумъ! Чтобы мнѣ отсохпули руки и ноги, если я когда (нибудь) *либо* кралъ что нибудь, кромѣ пирога съ варепой капустой, когда мнѣ было десять лѣтъ *еще* отъ роду».

«За что же эта, кумъ, на насъ напасть такая? Тебѣ еще ничего: тебя винятъ еще по крайней мѣрѣ за то, что укралъ у другаго; за что же мнѣ, непорабку, (кто видалъ на свѣтѣ) *не добрый* поклепъ, (да еще) будто бы (укралъ) у самого себя *стянулъ* кобылу? Видно, намъ, кумъ, по роду уже написано быть (горемыками)».

«Горе (спротамъ) бѣдпымъ намъ, спротамъ!»

Тутъ оба кумы припялись вслипывать на взрыдъ, разсуждая о суетѣ міра сего. (Какъ вдругъ вошедшій *въ это время* потихоньку Грицько помѣшалъ излитію горести).

«Что это съ тобою, Солопій?» сказалъ вошедшій *въ это время* Грицько. «Кто это такъ связалъ тебя?»

«А, здорово, Охримовъ сынъ!» вскричалъ Солопій, обрадовавшись. «Слава Богу, хоть тебя удалось мнѣ видѣть. Вотъ, какъ видишь, наказалъ Богъ, видно, за то, что провинился предъ тобою. Прости, добрый человѣкъ! Ей Богу, радъ бы былъ здѣлать, что прикажешь. Въ старухѣ моей дьяволъ сидитъ...»

(«Чтожъ», прервалъ его другой узникъ).

«Полно, Солопій, говорить объ этомъ. Что было, то (про) было», говорилъ нарубокъ: «*не злюсь я.* Ты можешь снова свести дѣло на ладъ... (сегодня) свадьбу да и попируемъ такъ, чтобы и дальніе люди знали!»

«Славно, ой, славно!» сказалъ Черевикъ, ударивъ: «чортъ возьми, если мнѣ не такъ же стало весело, какъ (будто) *когда бы* мою (вѣдьму) ехидную старуху москали увезли! Да что смотрѣть, годится или негодится такъ! Сегодня свадьба да и концы въ воду!»

«Смотрижъ, Солопій: черезъ часъ я буду къ тебѣ, а теперь ступай, тамъ ожидаютъ *тебя* покупщики твоей пшеницы и кобылы».

«Какъ! Развѣ кобыла нашлась?»

«Нашлась!»

Черевикъ отъ радости остался неподвиженъ, глядя вслѣдъ уходившему Грицьку.

«Что, Грицко, худо мы здѣлали свое дѣло?» сказалъ высокій цыганъ спѣшившему парубку: «Волы мои теперь?»

«Твои! твои!»

13.

Не бійся, матинко, не бійся,
Въ червоные чобитки обуйся,
Топчи вороги
(Пидъ ноги)
Пидъ ноги,
Щобъ твои пидкивки
Брезчалы,
Щобъ твои вороги
Мовчалы.

Свадебная пѣсня.

(Призадумалась) Подперши локтемъ хорошеньк(ую)*ій* (головку) *подбородокъ свой,* (сидѣла) *задумалась* Параска за столомъ, *передъ столомъ,* въ хатѣ. *Много грезъ обвивалось около русой головы.* Иногда вдругъ легкая улыбка (подымала) трогала ея алыя губки, и какое-то радостное чувство подымало темныя ея брови, то снова облако задумчивости опускалось на *ея* карые свѣтлые очи.

«Ну, что, если не будется то, что говорилъ онъ?» шептала она съ какимъ *то* выраженіемъ сомнѣнія на лицѣ своемъ.

«Ну, что, если меня не видадутъ? (Да и то) *Ну, что, если*, можетъ, нѣтъ, этого (никогда) *не будетъ!* Мачиха дѣлаетъ все, что только ей вздумается: развѣ (и я не женщина развѣ) и я не могу сдѣлать того, что мнѣ вздумается? (Вотъ какія еще новости) Упрямства-то и у меня достанетъ. Как(ъ)*ой* же онъ хорошій! Какъ чудно горятъ его чорные очи! Всѣ бы смотрѣла (въ глаза) *на него!* Какъ идетъ къ нему бѣлая свитка! Жаль, что у него не слишкомъ яркой поясъ; ну, да я ему вытку послѣ (шерсти) изъ шленской шерсти, а можетъ быть даже изъ гарусу», водбоченясь продолжала, вынимая изъ-за пазухи карманное зеркало, *маленькое зеркало*, *обклеенное красною бумагою*, и глядясь въ него съ тайнымъ удовольствіемъ: «когда я встрѣчусь тогда съ ней, я ей ни за что не поклонюсь, хоть она себѣ тресни. Нѣтъ, мачиха, полно тогда бить тебѣ свою падчерицу. Скорѣе (послѣ дождя зацвѣтетъ) на камнѣ пѣсокъ взойдетъ и дубъ (буде) (станетъ) будетъ гнуться въ воду, (нежели) чѣмъ я тебѣ кивну головою. Да, (вотъ тебѣ) я и позабыла примѣрить къ себѣ очипокъ, посмотрѣть, какъ то онъ, какъ то *она* идетъ ко ко мнѣ?»

Тутъ встала она и, держа въ рукахъ зеркальце и наклонясь къ нему головою, трепетно шла по хатѣ, (видя подъ собою), какъ будто бы опасаясь (беспрестанно) упасть, видя подъ собою, вмѣсто полу, потолокъ съ накладенными подъ нимъ досками, съ которыхъ низринулся поповичъ, и полки, уставленныя горшками.

«Что я, въ самомъ дѣлѣ, какъ будто (малепькое) дитя маленькое», вскричала она смѣясь: «боюсь ступить ногою!»

И начала притопывать ногами, все, чемъ далѣе, смѣлѣе, смѣлѣе, наконецъ, лѣвая рука ея опустилась и уперлась въ бокъ, и она пошла та цовать, (все же) держа передъ собою зеркало, напѣвая любимую свою пѣсню:

Зеленепькій барвиночку,
Стелися низенько!

А ты, мылый, чернобрывый,
Присунься близенько!
Зелен б

Черевикъ заглянулъ въ это время въ дверь и, нашедъ свою дочь танцующею передъ *маленькимъ* зеркаломъ, остановился (и смѣя), смѣясь невиданному капризу дѣвушки, которая задумавшись, *казалось*, не (могла) примѣчала ничего; но когда *же* услышалъ знакомые звуки пѣсни, всѣ жилки зашевелились въ немъ: гордо подбочинившись, выступилъ онъ впередъ и пустился въ присядку, позабывъ и зачемъ пришелъ (опъ) и всѣ дѣла свои. Тутъ громкій хохотъ кума заставилъ (ихъ) *обоихъ* вздрогнуть.

«(Эхъ, чудеса, хорошо!) *Ладно!* Батько съ дочкой (заранѣ) *затѣяли* сами свадьбу. Ступайте *скорѣе*: женихъ пришелъ».

(Солоній нашъ вспомнилъ) Параска, *при послѣднемъ словѣ*, вспыхнула ярче алой ленты, повязывавшей ея голову, а простодушный ея *отецъ* вспомнилъ, зачемъ пришелъ.

«Ну, дочка, (спѣ) пойдемъ скорѣе! Хвря, (тебя) отъ радости что я продалъ кобылу, побѣжала какъ лисица, повиливая хвостомъ, закупать себѣ плахтъ и дерюгъ всякихъ, такъ нужно до приходу ее все кончить».

Не успѣла она выступить изъ порога *хаты*, какъ почувствовала себя въ объятіяхъ парубка въ бѣлой свиткѣ съ чорными очами, *который давно уже стоялъ на улицѣ, окруженный танцующими.*

«Боже, благослови!» сказалъ отецъ, складывая ихъ руки: «Пусть ихъ живутъ, какъ вѣнки вьютъ[1])!»

Шумъ послышался въ народѣ.

«Я скорѣе трѣсну, нежели допущу до этого!» кричала сожительница нашего Черевика, которую съ хохотомъ не допускала шумная толпа въ середину.

«Не бѣсись, не бѣсись, жинка!» говорилъ хладнокровно Черевикъ, видя, что пара дужихъ цыганъ овладѣла ея руками: «что сдѣлано, то сдѣлано; я перемѣнять ужъ не люблю»...

---

1) Обыкновенное привѣтствіе у Малороссіянъ попобрачнымъ.

«Нѣтъ, пѣтъ!» кричала Хивря: «этого-то не будетъ!»

Но никто не слушалъ. (Толпа) Нѣсколько паръ обступило новую пару и составляло непроницаемую танцующую стѣнку около нее.

Странное чувство овладѣвало душею зрителя, (видя) когда отъ одного удара смычка деревенскаго музыканта, все обратилось, *волею и неволею*, къ единству и превратилось въ согласіе. Угрюмыя лица, на которыхъ, казалось, вѣкъ не проскальзывала улыбка, притопывали ногами и вздрагивали плечами. Все неслось, все танцовало. *Но, казалось, не лишены были чувства.* Но страннѣе всего было видѣть старушекъ, на ветхихъ лицахъ которыхъ вѣяло равнодушіе могилъ, между новымъ, смѣющимся. Безпечныя! даже безъ дѣтской радости, безъ искры живаго, которыхъ *одинъ* хмѣль только, какъ механикъ свого безжизненного автомата, заставилъ (показа) дѣлать что то подобное человѣческому, они *тихо* покачивали охмѣлѣвшими головами и плелись, подтанцывая за веселившимся народомъ, не обращая даже глазъ на молодую чету. И на развалинѣ и на гробѣ зеленѣетъ и лѣпится мохъ, какъ будто бы, *улыбается*, самое разрушеніе (показыва) можетъ улыбаться.

Толпа вереницей *шумно* передвигалась и уходила, какъ тѣни волшебнаго фонаря. Шумъ, *громъ*, хохотъ, пѣсни (казалось) слышились тише и тише. Смычокъ умиралъ, слабѣя и тѣряя *неясныя* звуки въ пустотѣ воздуха. Еще слышалось гдѣ то топанье и что то похожее на ропотъ отдаленнаго моря, и скоро все стало пусто и глухо.

Не такъ ли и радость, (быстрая), прекрасная и непостоянная гостья, улетаетъ отъ насъ, и напрасно одинокій звукъ думатъ выразить веселье. Въ собственномъ эхѣ слышитъ уже онъ (печаль) *грусть* и пустыню (и съ ужасомъ ему) *и дико* внемлетъ ему. Не такъ ли рѣзвые други бурной и вольной юности, по одиночкѣ, одинъ за однимъ, тѣряются по свѣту и оставляютъ, наконецъ, одного старинаго брата ихъ? Скучно оставленному! И (жалко) *тяжело* и грустно сердцу, и нѣчемъ помочь ему!

Майская ночь.

Рукопись разсказа «Майская ночь», писанная самимъ Гоголемъ, сохранилась среди другихъ бумагъ у его наслѣдниковъ и въ настоящее время принадлежитъ Московскому Публичному и Румянцовскому Музеямъ, гдѣ хранится въ Отдѣленіи рукописей подъ № 3211.

Рукопись состоитъ изъ двухъ цѣльныхъ листовъ и двухъ вторыхъ полулистовъ отъ двухъ листовъ писчей бумаги 1829 года. Несохранившіяся первыя половинки двухъ послѣднихъ листовъ, можно предполагать, и содержали въ себѣ вторую половину четвертой главы, слѣдующую за пѣсней парубковъ, и всю пятую главу, оригиналы которыхъ совсѣмъ не уцѣлѣли среди автографовъ Гоголя.

Каждый полулистъ рукописи помѣченъ краснымъ карандашомъ, при чемъ счетъ полулистовъ непосредственно продолжается за повѣстью «Сорочинская ярмарка», и оба произведенія Гоголя занимаютъ четырнадцать полулистовъ, представляя собою все, что отъ «Вечеровъ на хуторѣ близъ Диканьки» сохранялось въ рукописяхъ Гоголя на отдѣльныхъ листахъ.

Подробное описаніе рукописныхъ листовъ «Майской ночи» уже имѣется въ первомъ томѣ десятаго изданія сочиненій Н. В. Гоголя (стр. 536—537)[1]).

---

1) Описаніе рукописи «Майской ночи» въ седьмомъ томѣ того же десятаго изданія (стр. 892) можетъ вызвать недоумѣніе. Редакторъ седьмого тома говоритъ, что онъ видѣлъ только «два» листа рукописи: «на одномъ написано

Текстъ рукописи «Майской ночи» значительно отличается отъ ея печатнаго текста. На отличія эти уже было обращено вниманіе при напечатаніи разсказа въ первомъ томѣ десятаго изданія (стр. 52—80). Въ «Примѣчаніяхъ редактора и варіантахъ» къ этому тому приведены разночтенія и рукописнаго текста (стр. 537—539). Но приведенныя здѣсь разночтенія далеко не исчерпываютъ всѣхъ имѣющихся въ рукописи Гоголя.

Всего разночтеній рукописнаго текста приведено въ первомъ томѣ 16, что не составляетъ и одного разночтенія на каждую изъ 20 печатныхъ страницъ уцѣлѣвшей въ рукописи части разсказа. Въ дѣйствительности, при сравненіи текстовъ рукописнаго и печатнаго, можно найти разночтеній значительно больше. Такъ, къ первой печатной страницѣ разсказа (стр. 52 въ первомъ томѣ десятаго изданія) можно привести изъ рукописи 20 разночтеній, не считая трехъ, приведенныхъ въ первомъ томѣ; ко второй (стр. 53 въ первомъ томѣ) — 39, не считая двухъ, приведенныхъ въ первомъ томѣ; къ третьей (стр. 54 въ первомъ томѣ) — 33, не считая трехъ, приведенныхъ въ первомъ томѣ; къ четвертой (стр. 55 въ первомъ томѣ) — 42, не считая того одного разночтенія, которое приведено въ первомъ томѣ, и т. д. Такимъ образомъ, особенности рукописнаго текста указаны въ десятомъ изданіи въ самомъ незначительномъ количествѣ и, можно сказать, въ цѣломъ своемъ объемѣ остаются неизвѣстными и неиспользованными въ нашей литературѣ.

Обращаясь къ характеристикѣ этихъ особенностей, прежде

начало повѣсти; послѣ заглавія написано Гоголемъ: «Ганна»; на другомъ полулистѣ написана послѣдняя глава, озаглавленная «Пробужденіе»». Здѣсь какая то загадка. Редакторъ перваго тома среди бумагъ наслѣдниковъ Гоголя нашелъ и видѣлъ всѣ уцѣлѣвшіе листы «Майской ночи». Румянцовскій Музей, получившій бумаги наслѣдниковъ по окончаніи десятаго изданія, тоже нашелъ и хранитъ всѣ уцѣлѣвшіе листы «Майской ночи». Совершенно непонятно, почему не нашелъ и не видалъ ихъ редакторъ седьмого тома, когда они несомнѣнно были среди тѣхъ бумагъ, которыми онъ пользовался при изданіи. Вѣдь Румянцовскій Музей нашелъ ихъ именно среди того хаоса бумагъ, который доставленъ ему по выходѣ въ свѣтъ седьмого тома сочиненій Гоголя.

всего приходится замѣтить въ рукописномъ текстѣ присутствіе малороссійскихъ словъ и выраженій, которыя потомъ, въ печатномъ текстѣ уже совсѣмъ не встрѣчаются: а бы..., присьба, запаска, юшка, доню, батенько, неня и т. п. Это наличіе оборотовъ разговорнаго языка дѣйствующихъ лицъ свидѣтельствуетъ о художественной необработанности литературнаго стиля разсказа. Еще болѣе убѣждаютъ въ этомъ тѣ особенности рукописнаго текста, которыя касаются преимущественно его слога. Во множествѣ предложеній, простыхъ и сложныхъ, этого текста встрѣчается совсѣмъ не та разстановка частей предложенія, которая принята потомъ въ печатномъ текстѣ разсказа: «чтобы насъ не увидалъ кто—чтобы насъ кто не увидалъ»; «и холодомъ повѣяло—и повѣяло холодомъ»; «крадется къ ней чорная кошка—черная кошка крадется къ ней»; «говорилъ парубокъ, обнимая ее и садясь вмѣстѣ съ нею на присьбѣ у дверей хаты, выпустивъ изъ рукъ бандуру, которая висѣла на ремнѣ у него на шеѣ—говорилъ парубокъ, обнимая ее, отбросивъ бандуру, висѣвшую на длинномъ ремнѣ у него на шеѣ, и садясь вмѣстѣ съ нею у дверей хаты» и др. Выраженія рукописнаго текста во многихъ случаяхъ гораздо распространеннѣе выраженій печатнаго; напримѣръ: «у дѣвушекъ нечистый духъ сидитъ, который подстрекаетъ ихъ знать то, чего не слѣдуетъ—у дѣвушекъ сидитъ чортъ, подстрекающій ихъ любопытство»; «по пруду вертѣлись гдѣ-то искры—прудъ тронулся искрами»; «холодъ и мракъ воды его какъ будто угрюмо заключены въ темно-зеленыя стѣны, теряются въ садахъ, обнимающихъ со всѣхъ сторонъ его темными стѣнами своими—холодъ и мракъ водъ ихъ угрюмо заключенъ въ темно-зеленыя стѣны садовъ»; «подходя... къ... хатѣ, увѣнчанной вишневыми деревьями—хатѣ съ вишневыми деревьями» и т. п.

Но если строй рѣчи и порядокъ повѣствованія требовали бо́льшей распространенности, то для ясности и стройности изложенія Гоголь сокращенный рукописный текстъ потомъ для печати распространялъ и вводилъ въ него новыя предложенія и

отдѣльныя слова. Таковъ разсказъ Левка о панночкѣ. Въ печатномъ текстѣ онъ значительно упорядоченъ, правильнѣе расположена его хронологическая послѣдовательность, добавлены нѣкоторыя новыя подробности, и, въ общемъ, онъ значительно выигралъ въ своей художественной обработкѣ.

Какъ на примѣръ пространнаго описанія въ рукописномъ текстѣ и наиболѣе сокращеннаго въ печатномъ, можно указать на начало четвертой главы подъ названіемъ «Парубки гуляютъ». Въ печатномъ обширное и сложное описаніе замѣнено однимъ краткимъ предложеніемъ:

Рукописный текстъ:

«Блистательный мѣсяцъ, прогуливаясь въ необъятныхъ пустыняхъ своего неба и не налюбуясь красавицею землею, раздумно остановился надъ хатою, которой неровныя окна однѣ только свѣтились среди уснувшихъ улицъ, какъ будто спрашивая: «какіе это люди осмѣлились при моемъ серебряномъ свѣтѣ разводить презрѣнный и непріятный для глазъ огонь свой». Это жилище головы».

Печатный текстъ:

«Одна только хата свѣтилась еще въ концѣ улицы. Это жилище головы».

Впрочемъ, въ одномъ случаѣ сокращеніе въ печатномъ текстѣ произведено было, повидимому, не художническою рукой Гоголя. Голова, послѣ разсказа винокура о подавившемся галушкой, замѣчаетъ: «Я слыхалъ что-то похожее еще за покойницу»... Такъ въ печатномъ текстѣ. Въ рукописномъ это замѣчаніе совершенно ясно и прямо относится къ излюбленному воспоминанію головы: «Я помню, слыхалъ что то похожее на это. Еще за покойницу царицу...»

Повидимому, это единственное мѣсто, гдѣ преимущество остается за рукописнымъ текстомъ. Во всѣхъ остальныхъ случаяхъ особенности рукописнаго текста разсказа не говорятъ о высокой степени его художественной обработки. Напротивъ, по сравненію съ текстомъ печатнымъ, онъ представляется однимъ изъ первоначальныхъ набросковъ разсказа, художественный стиль котораго еще далекъ до законченной формы печатнаго. Во всякомъ случаѣ особенности эти такъ значительны, что представляется вѣроятнымъ существованіе еще одной редакціи разсказа. Между редакціей, сохранившейся въ рукописи, и редакціей печатной, повидимому, была еще рукописная редакція, съ которой и производился наборъ разсказа для печатнаго изданія. Гоголь, много работавшій надъ своими произведеніями, несомнѣнно, нѣсколько разъ принимался за обработку и своего разсказа «Майская ночь». Такимъ образомъ, и въ рукописномъ текстѣ «Майской ночи», какъ и въ рукописномъ текстѣ «Сорочинской ярмарки», до насъ сохранилась одна изъ первоначальныхъ формъ Гоголевскаго созданія.

И на этомъ текстѣ видна громадная творческая работа поэта. И этотъ текстъ представляетъ собою два наслоенія: одно содержитъ текстъ первоначальной работы Гоголя, а другое представляетъ собою передѣлки, дополненія и исправленія перваго. Какъ и въ рукописи «Сорочинской ярмарки», первый текстъ во многихъ мѣстахъ зачеркнутъ самимъ Гоголемъ, и надъ зачеркнутыми словами и строками имъ же вписаны исправленія и дополненія, уже болѣе близкія къ тексту печатному.

Для того чтобы можно было прослѣдить за этою работой Гоголя, мы печатаемъ текстъ различными шрифтами: текстъ первоначальный набранъ прямымъ шрифтомъ и въ скобки поставлены всѣ слова зачеркнутыя самимъ Гоголемъ; курсивомъ набраны его дополненія и исправленія, вписанныя имъ надъ строками, и здѣсь слова зачеркнутыя поставлены въ скобки. Въ прямыя скобки поставлены слова, поставленныя самимъ поэтомъ въ скобки, а слова, имъ самимъ подчеркнутыя, набраны съ разрядкой.

Майская ночь.

Врагъ ёго Батька знае! Начнуть що робыть люды хрещены, то мурдуюцця, мурдуюцця, мовъ хортъ за зайцемъ, а (все) *усе* щось не до шмыгу. Толькыжъ куды чортъ усупецця, то верть хвостыкомъ, такъ деи возмецця все мовъ зъ неба.

Ганна.

Звонкая пѣсня лилась рѣкою по улицамъ села ***. Было то время, когда утомленные отъ дневныхъ трудовъ и заботъ парубки и дѣвушки шумно собирались въ кружокъ (выливать сво), въ блескѣ чистаго вечера, выливать свое веселье въ звуки, всегда неразлучные съ унынъемъ. И вѣч(ѣ)еръ, вѣчно задумавшійся, мечтательно обнималъ синѣе небо (и, казалось, превращалъ), преобращая все въ неопредѣленность и даль. Уже и сумерки; а пѣсни все не утихали. Съ бандурою въ рукахъ пробирался ускользнувшій отъ пѣсельниковъ молодой казакъ *Левко*, сынъ сельскаго головы (Левко Мокогонъ). На козакѣ решетиловская шапка. Козакъ идетъ по улицѣ, бренчитъ рукою по струнамъ и подътанцываетъ. Вотъ онъ тихо остановился передъ дверью одно хаты. (Что эта за) *Чья же это* хата? Чья это дверь? Послѣ минутнаго молчанія *тихо* заигралъ онъ и запѣлъ:

Сонце нызенько, вечеръ блызенько,
Выйди до мене, мое серденько!

«Нѣтъ, видно, крѣпко заспула моя яспоокая красавица», сказалъ козакъ и приближился (поближе) къ окну. «Галю, Галю! Ты спишь? Ты не хочешь выйти ко мнѣ? (Небойся, никого нѣтъ на дворѣ, улицѣ, вечеръ теперь). Ты боишся, вѣрно, чтобы насъ не увидалъ кто, (ты боишся) или не хочешь показать бѣлое ли-

чико на холодъ? Не бойся: никого нѣтъ; вечеръ теплъ. А естли бы и (былъ кто) показался *кто*, прикрою тебя своею свиткою, обмотаю своимъ поясомъ, закрою руками тебя, и никто насъ не увидитъ. А бы (и вѣтеръ поднялся) *и холодомъ повѣяло*, я прижму тебя поближе къ сердцу, отогрѣю поцелуями, надѣну шапку свою на твои бѣленькіе ножки. Сердце мое! Рыбка моя! Ожерелье! Выглянн на минутъ, просунь сквозь окошечко хоть бѣлую ручку свою... Нѣтъ, ты не спишь, Гордая Дѣвчина!» (сказалъ) проговорилъ онъ громче и (какъ будто) такимъ голосомъ, какимъ выражает(ъ)*ся себя* (рѣчь свою доведенный до, *устыдившійся своего мновеннаго* униженія) устыдившійся мгновеннаго униженія: «Тебѣ любо издѣваться надо мною; прощай!»

Тутъ онъ (оберпулся) отворотился, насунулъ на бекрень свою шапку и гордо отошелъ отъ окошка, тихо перебирая струны бандуры. (Дверь заскрыпѣла) Въ это время деревяная ручка у Двери стала *за* шевели(ться)*лась*, *завер.* Дверь разпахнулась со скрыпомъ, и дѣвушка на порѣ сѣмнадцатой весны, обвитая (су) (мечтательны) сумерками, (оглядыва) робко оглядываясь и не выпуская изъ руки деревяной ручки, переступила черезъ порогъ. (Сквозь) *въ* полумрак(ъ)ѣ горѣли привѣтно, будто двѣ звѣздочки, свѣтлые *очи*, блистало красное кораловое монисто, (и лице рдѣлось и пылало, какъ шелкъ) (но на лицѣ, вѣрно бы, никто не примѣтилъ) и (для) отъ орлиныхъ очей парубка не могла укрыться даже краска, стыдливо вспыхнувшая на щекахъ ея.

«Какой же петерпѣливой», (шопотомъ) (*про*) говоряла *она ему* въ полголоса: «уже и разсердылся... *Зачемъ непремѣнно такъ хочется теб.* Толпа народу шатается то и дѣла (на) по улицамъ... Я вся дрожу»...

«О, не дрожи, моя красная калин(у)очка! Прижмись ко мнѣ покрѣпче», говорорилъ парубокъ, обнимая ее и садясь вмѣстѣ съ нею на присьбѣ у дверей хаты, выпустивъ изъ рукъ бандуру, которая висѣла на ремнѣ у него на шеѣ. «Ты знаешь, что мнѣ и часу не видать тебя горько».

«(Только мнѣ кажется) Знаешь ли, что я думаю?» сказала дѣвушка, задумчиво потопивъ въ него свои очи. «Мнѣ все (чудит) что-то какъ будто на ухо твердитъ, что (пользя будетъ такъ) *не видаться намъ (впередъ) такъ* часто (видѣться). Недобрые у васъ люди: (всѣ) Дѣвушки всѣ глядятъ такъ завистливо, а парубки... Я примѣчаю даже, что мать моя съ недави(яго)ей (врем)поры стала (строже) *суровье* приглядывать за мною. Признаюсь, мнѣ веселѣе у чужихъ было».

Кое то трогательное движеніе тоски выразилось на лицѣ ея при послѣднихъ словахъ.

«*Только* Два мѣсяца въ сторонѣ и родной, а уже прискучила! Можетъ, *и* я тебѣ (уже) надоѣлъ, ди...?»

«О, ты мнѣ не паскулъ», молвила она усмѣхнувшись.

«Я тебя люблю, чернобровой казакъ! За то люблю (тебя), что у тебя карые очи и какъ (выведешъ ты ими на меня) *поглядишъ ты ими на меня*, у меня какъ будто на душѣ усмѣхается, и весело, и чудно ей, что (такъ) привѣтливо моргаешъ ты чорнымъ усомъ своимъ, что ты идешъ по улицѣ, *поешъ*, играешъ на бандурѣ, и любо слушать тебя».

«О, моя милая дѣвушка!» вскрикнулъ (козакъ) парубокъ, *съ огнемъ радости въ глазахъ*, целуя и прижимая сильнѣе ее къ груди своей.

«(Полно) Постой, полно, Левко! Скажи напередъ, говорилъ ли ты съ отцемъ своимъ?»

«Что?.. *Да*, (говорилъ, говор)» (ска), скалъ онъ, будто проснувшись. «*Да, что я хочу жениться на тебѣ, а ты выйти за меня замужъ*. Говорилъ, говорилъ», (какъ) но какое то унывное (удареніе отразилось на этомъ словѣ), *но какъ то унывно зазвучало въ устахъ его это слово: «говорилъ»*.

«Что же?»

«Что станешь дѣлать съ нимъ? Притворился, старый хрѣнъ, по своему обыкновенью глухимъ, *ничего не слышитъ и еще* бранитъ, что таскаюсь Богъ знаетъ гдѣ, *повѣсничаю и гуляю съ хлопцами по улицамъ*. Но не тужи, моя (неня красна) Галю!

(Что бы не было) *Вотъ слово козацкое*, что я (его) уломаю его».

«Я вѣрю тебѣ, Левко! Тебя (вѣрно) всякой послушаетъ (что ты не скажешъ). Я по себѣ это знаю: иной разъ, кажется, не послушала бы тебя, а скажешь слово — невольно (дѣлается) *дълаю то*, что тебѣ угодно. Посмотри, посмотри!» продолжала она, (указывая) положивъ голову на плечо ему и поднявъ глаза въ верхъ, гдѣ необъятно синѣло теплое украинское небо, (не мно) завѣшенное съ низу кудрявыми вѣтвями стоявшихъ передъ нимъ вишенъ. «Посмотри, вонъ (далеко) вонъ далеко мелькануля звѣздочка одна, другая, третія, четвертая, пятая.... Не правда ли, вѣдь это Ангелы Божіе поотворяли (свои) окош(ки)ечки (на небѣ) своихъ свѣтлыхъ домиковъ на небѣ и глядятъ *на* насъ? Да, Левко? Вѣдь это они глядятъ на на нашу землю? Какъ широко, какъ раздольно тамъ вверху! Что бы, если бы у людей были крилья, какъ у птицъ, туда бы полѣтѣть высоко, высоко. Ухъ, страшно! Ни одинъ дубъ у насъ не достанетъ до неба, а, говорятъ, однакоже, есть гдѣ-то въ какой-то далекой землѣ такое дерево, которое уходитъ вершиною въ самое небо, и Богъ сходитъ по немъ на землю ночью передъ самымъ свѣтлымъ праздникомъ...»

«Нѣтъ, Галю, у Бога есть длинная лѣсница отъ неба до самой земли, и ставятъ ее передъ воскресеніемъ святые Архангелы, и какъ только Богъ ступитъ на первую ступеньку, и все нечистые духи стремглавъ полетятъ отъ земли и кучами попадаютъ въ пекло, и отъ того на (свѣтлой) воскресеніе Христово ни одного чорта не бываетъ на землѣ».

«(Но) Какъ тихо (стоитъ прудъ) (*дрожитъ вода*) *колышется вода*, какъ будто дитя въ люлькѣ», продолжала Ганна, указывая на прудъ, *угрюмо* обставленный темнымъ кленовымъ лѣсомъ, (оплакиваемый жалобными) *вербами*, потопившими въ немъ жалобныя свои вѣтви. (Заключаемый) *Какъ безсильный старецъ держитъ* въ холодныхъ объятіяхъ своихъ Далекое, темное небо, обсыпая ледяными поцѣлуями огненые звѣзды, которые тускло

рѣяли середи теплаго океана ночнаго воздуха, предчувствуя появленіе (новаго) *блистательнаго* царя ночи. Возлѣ лѣса, на пригоркѣ Дремалъ съ закрытыми ставнями *старый* деревянный домъ; кудрявые яблони разрослись передъ его окнами; (за) лѣсъ (захватывалъ) (*обхватывалъ*), *обнимя* его *своею* тѣнью, (*и чрезъ то усиливалъ его мрачность*) *бросалъ на него печальну мрачность. Орѣховая роща стлалась у подножія его и скатывалась къ пруду.*

«Я помню, какъ будто сквозь сонъ», сказала Ганна, *не спуская глазъ съ пруда*: «Давно, Давно, когда я еще была маленькая и жила у матери. Что-то страшн(у)ое расказывали про Домъ этотъ. Левко, ты, вѣрно, знаешъ, раскажи...»

«Богъ съ нимъ, моя красавица! Мало ли чего (навр) не раскажутъ бабы и народъ глупой. Ты себя только потревожишъ (и не заснешь покойно), станешь бояться, и не заснется тебѣ покойно».

«Раскажи, раскажи, милой, чернобровой мой парубокъ», говорила Ганна, прижимаясь лицемъ своимъ къ щекѣ его и обнимая его. «Нѣтъ, ты, видно, не любишь меня, у тебя есть другая дѣвушка. Раскажи, мой милой! Нѣ, я не буду бояться, я буду спокойно спать ночь. Теперь то я не засну уже, если не скажешь. (Я все буду думать и дог). Я буду мучиться да думать. Раскажи».

«Видно, (справедливо) правду говорятъ люди, что у дѣвушекъ нечистой духъ сидитъ, который подстрекаетъ ихъ знать то, чего не слѣдуетъ».

Давно (*уже*), мое серденько, жилъ (сот) *въ этомъ* домѣ Сотникъ. У сотника была дочка, ясная панночка, бѣлая, какъ снѣгъ, какъ твое личико. Сотникова жена давно уже умерла. Задумалъ сотникъ жениться на другой. «Будешъ ли ты (люб) нѣжить меня по старому, Батенько, какъ возмешъ другую жену?» *говорила панночка.* «Буду, моя д(оню)*очка!* Еще крѣпче прежняго стану прижимать къ сердцу! Буду, моя дочка, еще яряе стану дарить серги и монисто»!

Привезъ Сотникъ жену въ новый домъ свой. Хороша была молодая жена. *Румяна и бѣла собою была молодая жена.* Только такъ страшно взглянула на ее, *на свою падчерицу,* что *та* вскрикнула (бѣдная падчерица), ее увидѣвши, и хоть бы слово во весь день сказала суровая мачиха. Настала ночь; ушелъ Сотникъ съ молодою женою въ свою спальню. Заперлась и бѣлая паночка въ своей свѣтлицѣ и стала плакать. Смотритъ: крадется къ ней чорная кошка, шерсть на ней горитъ и стучать по полу желѣзные кохти. Въ испугѣ вскочила паночка *въ минуту* на лавку, кошка за нее. Перескочила на леженку, кошка *и туда* (за нею, вспрыгнула и стала давить ее за шею), *кинулась на шею и стала* давить ее за горло. Собравши всѣ силы, оторвалась она ее и (кинула на) *бросила на полъ,* и схватила висѣвшую на стѣнѣ отцовскою саблю, ударила по ней со всего размаху, сабля развалилась, лапа съ желѣзными кохтями отскочила, и кошка съ визгомъ пропала въ темномъ углу. (Не выходила) Цѣлой день *не выходила* изъ своей свѣтлицы молодая жена. (Сурово глядѣлъ на свою дочку Сотникъ). На третій день вышла съ завязанною рукою. (Какъ взглянула) Догадала бѣдная паночка, *взглянувши на нее,* что мачиха ея вѣдьма, и (она) *что она* ей отрубила руку. Приказалъ Сотникъ своей дочки носить *воду,* (выме) мести хату (и не показываться въ), какъ *простой* мужичкѣ, и не показываться въ панскіе покои. Тяжко было бѣдняжкѣ, да нечего дѣлать: стала выполнять отцовскую волю. На четвертый день выгналъ сотникъ свою дочку (совсѣмъ изъ дому) босую изъ дому и куска хлѣба не далъ на дорогу. (Тутъ) *Тогда* только зарыдала паночка, закрывши руками бѣлое личко свое. («Погубилъ ты, Батьку, родную дочку свою! Погубила вѣдьма (грѣш) душу твою! Прости тебя Богъ, а мнѣ, нещастной, видно, (не жить) не велитъ судьба жить на этомъ свѣтѣ. Заѣла ты, злая»). И вотъ, видишъ ли ты», *оборотился парубокъ къ Ганнѣ и указывая пальцемъ на домъ:* «гляди сюда: вонъ подалѣе отъ Дома самый высокій берегъ. Съ этаго самого берега кинулась паночка въ воду, и съ той поры не стало ее на свѣтѣ».

«А вѣдьма?» боязливо прервала Ганна, устремивъ на него съ какою-то дикостію очи.

«(Что) вѣдьма? Старухи выдумали, что съ той поры всѣ утопленницы выходили въ лунную ночь въ панскій садъ грѣться на мѣсяцѣ, и Сотникова дочь сдѣлалась надъ ними главною. Въ одну ночь увидѣла она мачиху свою возлѣ пруда, съ крикомъ напала на ее и утащила въ воду. Но вѣдьма и тутъ нашлась: оборотилась подъ водою *въ одну* изъ утопленицъ и черезъ то ускользнула *отъ тройчатки изъ зеленаго тростника* (отъ розгъ, которыми хотѣли сѣчь) ее утопленицы. Вѣрь бабамъ: разсказываютъ еще, *что* паночка собираетъ каждую ночь утопленицъ и заглядываетъ по одиночкѣ каждой въ лицо, стараясь узнать, которая изъ нихъ вѣдьма; но до сихъ поръ (не можетъ) *еще не* узна(ть)ла. И если попадетъ изъ людей кто, тотчасъ заставляетъ его угадывать, не то грозитъ утопить въ водѣ. Вотъ, моя Галю, какъ росказываютъ старые люди... Теперишній панъ хочетъ на томъ мѣстѣ строить Винокурню и прислалъ нарочно (уже и) *для того* винокура сюда. Но (ты дрожишь, Галю?) я слышу говоръ. Это наши ворочаются съ пѣсенъ. Прощай, Галю! Спи спокойно, да не думай объ этихъ бабскихъ выдумкахъ».

(Тутъ) *Сказавши*, онъ обнялъ ее крѣпче, поцеловалъ и ушелъ.

«Прощай, Левко!» говорила Ганна, задумчиво вперивъ очи на темный лѣсъ.

Огромный огненный мѣсяцъ величественно сталъ въ это время вырѣзываться изъ земли. Еще половина была подъ землею, а уже весь міръ исполнился какого то торжественнаго свѣта (и небо). По пруду (мельк) (блеснули) *вертѣлись* гдѣ то искры. Тѣнь отъ деревьевъ ясно стала отдѣляться на темной зелени.

«Прощай, Ганно!» раздалось позади ея слово, сопровождаемо поцелуемъ.

«Ты воротился!» сказала она, оглянувшись, но увидѣла передъ собою незнакого парубка, *отворотилась отъ него въ сторону*.

«Прощай, Ганна!» и снова поцеловалъ ее кто-то въ щоку.

«Вотъ принесла нелегкая и другого!» отвѣчала, *проговорила*, она съ сердцемъ.

«Прощай, (Ганна), милая Ганна!»

«Еще и третій!»

«Прощай, прощай, прощай, Ганна!» («Да т») и поцѣлуи засыпали ее со всѣхъ сторонъ.

«Да и тутъ ихъ цѣлая ватаха!» кричала Ганна, вырываясь (отъ) *изъ* кучи парубковъ, которые наперерывъ спѣшили обнимать ее. «Какъ имъ не надоѣстъ, проклятымъ, *беспрестанно* цѣловаться! Скоро, ей Богу, нельзя будетъ показаться на улицѣ!»

Это были послѣднія слова ея. Дверь со скрипомъ захлопнулась вслѣдъ за нею, и слыш(епъ)по только было, какъ съ визгомъ засунулся извнутри желѣзный засовъ.

Голова.

Знаете ли вы Украинскую ночь? О, вы не знаете украинской ночи! Вглядитесь *въ нее*: съ середины неба смотритъ мѣсяцъ, необьятной небесный сводъ раздался (во всѣ стороны), *раздвинулся* еще небьятнѣе. Горитъ и дышетъ онъ. (Серебряный свѣтъ) Земля вся въ сербренномъ свѣтѣ, и чудный воздухъ (и упоительно холоденъ) и душенъ, и полонъ нѣги, и движетъ цѣлый океанъ благоуханій. Божественная ночь! Очаровательная ночь! Недвижно вдохновенно стал(ъ)и лѣса, полные мрака, и кинули огромную тѣнь отъ себя.

Раздольные (не ровные долины) Какъ тихъ, какъ покоенъ этотъ прудъ. (Какъ) Холодъ и мракъ водъ его какъ будто *упрямо заключены въ темно-зеленыя стѣны*, тѣряются въ садахъ, об(итае)нимающихъ (ихъ) *со всѣхъ сторонъ его* темными (объятьями) *стѣнами* своими. Дѣвственные корни черемухъ и черешенъ пугливо протянули свои корни въ ключевой холодъ и *изрѣдка* лепечутъ листьями, (какъ выговариваютъ) *будто сердятся*

и шумя упреками, (какъ) когда прекрасный вѣтреникъ — ночной ветеръ — подравшись мгновенно целуетъ (и движетъ). Весь ландшафтъ спитъ. А въ верху все дышетъ, все дивно, все торжественно. А на душѣ (все) *и* необьятно, (все) *и* чудно, (а она) и толпы серебряныхъ видѣній (проходятъ) *стройно* и величественно проходятъ въ ея глубинѣ. Божественная ночь! Очаровательная ночь! И вдругъ все ожило, и лѣса, и пруды, и пан, и степи. Сыплется величественый громъ украинскаго соловья. (Звуки его раздаются, горятъ, блещутъ). И чудится, что и мѣсяцъ заслушался посереди неба. Какъ очарованное, дремлетъ на возвышеніи село. Еще бѣлѣе, еще лучше блестятъ (на) при мѣсяцѣ толпы хатъ, еще ослѣпительнѣе вырѣзывается изъ мрака низкіе стѣны. Пѣсни умолкли. Все тихо. *Благочестивые* люди *уже* спятъ. Гдѣ-гдѣ только блещутъ въ огнѣ узенькія укна. Передъ (иными) *порогами иныхъ* только хат(ами)ъ запоздалыя сѣмья, усѣвшись около горшка, совершаютъ свои ужины. Заливается лай собакъ.

«Да, Гопакъ не такъ танцуется. То-то я смотрю... *Все не выхотъ*. Чтожъ это говоритъ кумъ? А, ну: Гопъ трала, Гопъ трала, гопъ, гопъ, гопъ». Такъ разговоривал(ся)ъ самъ съ собою (мужикъ) подголявшій мужикъ средній лѣтъ (идя *по* качаясь по улицѣ и присѣдая), танцуя по улицѣ. «Ей Богу, не такъ танцует(ъ)ся *Гопакъ*! (Чтобы) Что мнѣ лгать? Ей Богу, не такъ! А, ну: гопъ трала! гопъ трала! гопъ, гопъ, гопъ!»

«Вотъ одурѣлъ человѣкъ! добро бы еще (малы) хлопецъ какой, (пѣтъ, старой кабанъ), дѣтямъ на смѣхъ, танцуетъ почью по улицѣ!» вскричала проходящая пожилая женщина, неся въ рукѣ солому. «Ступай въ хату свою! Пора спать давно!»

«Я пойду!» (вскричалъ) сказалъ, остановившись, мужикъ. «Я пойду! Я не посмотрю на какого нибудь голову, что онъ думаетъ, (врагъ бы убывъ) Дидько бъ утысся его батькови. (Что онъ думаетъ), что онъ голова, что онъ (можетъ) обливаетъ *людей* холодною водою на морозѣ, такъ и носъ подпялъ! Ну, голова, голова. Я самъ себѣ голова. Вотъ, убей меня Богъ, Богъ меня

убей, я самъ себѣ голова, вотъ что! (про) а не то что...» продолжижалъ опъ, подходя къ первой попавшейся хатѣ, и остановился (вмѣсто) *дверей* передъ окошко, скользя пальцами по окну и стараясь найти деревянную ручку.

«Баба! оттворяй! Баба, живѣй, говорятъ тебѣ, оттвори! Козаку спать пора!»

«Какъ ты, Калеиикъ! Ты въ чужую хату попалъ», закричали смѣясь позади его дѣвушки, (поздпо) ворочавшіяся (съ пѣспей) веселыхъ пѣспей. «Показать тебѣ хату твою?»

«Покажите, любезные молодушки!»

«Молодушки? слышите?» подхватила одна: «какой учтивый Коленикъ! За это ему нужно показать хату, но пѣтъ, потанцуй напередъ».

«Потанцовать?.. Эхъ, вы, замысловатые дѣвушки!» протяжно произнесъ Калеиикъ, смѣясь и грозя пальцемъ и оступаясь, потому что ноги его не могли держаться на одномъ мѣстѣ. «А дадите перецѣловать себѣ? Всѣхъ перецѣлую, всѣхъ!» И косвенными шагами пустился бѣжать за ними. Дѣвушки подняли крикъ, перемѣшались, но послѣ, ободрившись, перебѣжали(сь) на другую сторону, увидя, что Калеиикъ былъ не слишкомъ скоръ на ноги.

«Вотъ твоя хата!» сказали они ему, уходя и показывая на (хату) *избу*, гораздо поболѣе прочихъ, принадлежавшую сельскому головѣ, и Калеиикъ послушно побрелъ въ эту сторону, принявшись снова ругать голову.

Но кто же этотъ голова? О! этотъ голова важное лицо. Никого нѣтъ старше (головы) *его иыть* на селѣ. Все село, завидѣвши его, берется за шапки, останавливается, и даже молоденькія дѣвушку низкимъ наклоненіемъ головы отдаютъ добрыдень. Кто бы изъ парубковъ не захотѣлъ быть головою? Во всѣ тавлинки открытъ *свободный* входъ въ головѣ, а простой мужикъ, почтительно снявши шапку, стоитъ (передъ нимъ) въ продолженіе (того когда голова) запускустъ свои грубые и толстые пальцы (въ свою) *его* табакерку. Въ мірской сходкѣ или громадѣ (голова), не смотря на то,

что власть его ограничена нѣсколькими голосами, голова всегда беретъ верхъ и почти по своей волѣ высылаетъ кого ему угодно ровнять и гладить дорогу или копать каналы. Голова угрюмъ, суровъ съ виду и не любитъ много говорить. (Но онъ) Давно еще, очень давно, когда блаженной памяти великая царица Екатерина (ѣхала) *ъздила* въ Крымъ, былъ выбранъ въ прожатые; два дни находился въ этой должности и разъ даже (сидѣлъ) *удостоился сидѣть* на козлахъ (и съ тѣхъ поръ) съ царицымъ кучеромъ. И съ той поры, *самой поры*, голова *нашъ еще выучился*, не могъ (наговориться о томъ, какъ онъ везъ царицу, про этотъ случ), раздумно и важно потуплять голову (и китать), *гладить длинные*, *закрутившіеся внизъ*, *русые усы* и кидать соколиный взглядъ изъ-подъ лобья. И съ той поры голова, объ чемъ не заговорили съ нимъ, всегда умѣетъ поворотить рѣчь на то, какъ онъ везъ царицу и сидѣлъ на козлахъ съ царицынымъ кучеромъ. Голова (не) любитъ (щеголять) иногда притворится глухимъ, особливо если услышитъ то, чего не хотѣлось бы ему слышать. Голова не любитъ щеголять, (всѣ помнятъ его всегда чорного), *носитъ всегда свитку чорного цвѣта*, перепоясываетъ шерстянымъ цвѣтнымъ, и никто не запомнилъ его въ другомъ *костюмѣ*, выключая только времени проѣзда царицы въ Крымъ, когда былъ на немъ синій казацкій жупанъ. Но это (врядъ) время врядъ ли кто могъ припомнить изо всего села, а (голова) *жупанъ онъ* держитъ (жупанъ) *всегда* въ сундукѣ подъ замкомъ.

Голова вдовъ; но у него живетъ въ домѣ своячница, которая варитъ обѣдать и ужинать, моетъ лавки, бѣлитъ хату, прядетъ ему на рубашки и завѣдываютъ всѣмъ домомъ. (Злые) (сторопою) *на селѣ* поговариваютъ, будто она совсѣмъ ему не родственница, но (вспомните) *вы уже видѣли*, что у головы много непріятелей, которые рады распускать всякую клевету. Впрочемъ, можетъ быть, къ этому подало поводъ и то, что своячницѣ *всегда* очень не пра(вится)*вилось*, если голова заходитъ иногда въ поле, усѣянное жницами, или въ гости козаку, у котораго (бываетъ хорошенькая) *была молодая* дочка. Голова кривъ, но за то одино-

кій глазъ его злодѣй и далеко можетъ увидѣть хорошенькую поселянку. Не прежде онъ навсдетъ его на (ли) смазливое личико, покамѣсть не обсмотрится осторожно по сторонамъ, не глядитъ ли отъ куда нибудь своячница. — Но мы (*почти*) уже *все* (и) расказали *почти* все, что нужно, про Голову, а пьяный Каленикъ не добрался еще и до половины дороги и долго *еще* угощалъ гололову всѣми отборными словами, какіе могли только вспасть на лѣниво и несвяно поворачивавшійся языкъ его.

«Нѣтъ, хлопцы, нѣтъ, (пѣтъ) не хочу! Что за разгульство такое! Какъ вамъ не падоѣсть повѣсничать? И (такъ уже) *безъ того уже* прослыли мы, Богъ знаетъ, какими буянами. Ложитесь лучше спать». Такъ говорилъ Левко разгульнымъ товарищамъ своимъ, подговаривавшимъ его на новые проказы. «Прощайте, Братцы! покойная вамъ ночь». И быстрыми шагами шелъ отъ нихъ по улицѣ.

«Спитъ ли моя ясноокая Ганна?» думалъ онъ, подходя къ знакомой уже (вамъ) *намъ* хатѣ, (и) увѣнчанной вишневыми деревьями. Среди тишины послышился тихій говоръ. Левко остановился. Между (вишня) *деревьями* забѣлѣла рубашка. Мелькнула синяя запаска. «Что значитъ?» подумалъ (Левко) *онъ*, и подкрался поближе и спрятался за вишню. При свѣтѣ мѣсяца блистало *лицо стоявшей* передъ нимъ (лицо) дѣвушки. Это Ганна. Но кто же этотъ высокій человѣкъ, стоявшій къ нему спиною? (Левко) Напрасно обсматривалъ *онъ* его съ зади: тѣнь покрывала его съ головы до ногъ. (Съ одной стороны былъ онъ) *Съ зади только онъ былъ* освѣщенъ мѣсяцомъ. Малѣйшее (же) приближеніе (со стороны его угрожало открытіемъ), *но немного приближившись къ нему*, онъ уже подвергался опасности быть открытымъ. Тихо прислуновшись къ дереву, рѣшился онъ остаться на мѣстѣ.

Дѣвушка ясно выговорила его имя.

«Левко? Левко еще молокососъ!» говорылъ (полушопотомъ) въ полголоса и хрипло высокой человикъ. «Если я встрѣчу(сь) его когда нибудь у тебя, я выдеру за чубъ...»

«Хотѣлось бы мнѣ узнать, какая это шельма похвалялся выдрать *меня* за чубъ!» подумалъ Левко и протянулъ шею, стараясь не проронить ни одного слова. (Высокій человѣкъ) Но незнакомецъ *сталъ* говори(лъ)ть такъ тихо, *что* нельзя было разслушать ни одного слова.

«Какъ тебѣ не стыдно!» сказала Ганна по окончаніи его рѣчи. «Ты лжешь, ты обманываешь меня, ты меня не любишь. Я никогда не повѣрю, чтобы ты меня любилъ».

«Знаю», продолжалъ незнакомецъ: «Левко много наговорилъ тебѣ пустяковъ и вскружилъ твою голову». [Тутъ показалось парубку, что голосъ незнакомца (нѣско) не совсѣмъ незнакомый, какъ будто бы онъ его когда то слышалъ]. «Но я дамъ себя знать Левку. (Онъ еще видно)», продолжалъ все также незнакомецъ. «Онъ думаетъ, что я не вижу всѣхъ его (пов)шашней. Попробуетъ онъ, *собачій сынъ*, каковы у меня кулак(у)и...»

При семъ словѣ Левко не могъ *уже болѣ* у(держать сво)держать своего гнѣва. Под(кравшись)*ошедши* на три шага къ нему, замагнулъ со всей силы руку, чтобы дать порядочнаго треуга, отъ котораго незнакомець (можетъ быть), не смотря на свою видимую крѣпость, можетъ быть, (пошатнулся) *не устоялъ* бы (съ) *на* мѣст(а)ѣ. Но въ это время свѣтъ палъ на лицѣ его, и Левко остолбенѣлъ (отъ изумленія), увидѣвши, что передъ нимъ стоялъ голова. Невольное покачиваніе головою и легкій свистъ одни только выразили его удивленіе. Въ сторонѣ послышался шорохъ. Ганна поспѣшно влетѣла въ хату, захлопнувъ за собою дверь.

«Прощай, Ганна!» закричалъ парубокъ, обнявши голову и съ ужасомъ отс(ту)*ко*чилъ назадъ, встрѣтивши жесткіе усы.

«Прощай, (Ганна) *красавица!*» вскричалъ другой, но на сей разъ полетѣлъ стремглавъ отъ тяжелого толчка головы.

«Прощай, прощай, Ганна!» закричало нѣсколько парубковъ, повиснувъ къ нему на шею.

«Провалятись, (чертовскіе) *проклятые* сорванцы!» кричалъ голова, отбиваясь и притовывая къ нимъ погами. «Что я вамъ за

Ганна? Попристававли, проклятые, какъ мухи къ меду! Убирайтесь къ отцамъ на вѣсилицу, чортовы дѣти! Дамъ я вамъ Ганны!»

«Голова! голова! *это голова!*» закричали хлопцы и разбѣжались во всѣ стороны.

«Ай да Батько!» говорилъ Левко, *очнувшись отъ своего изумленія и* глядя въ слѣдъ уходившему съ ругательствами головѣ. «Вотъ какія за тобо водятся проказы! Славно! (То то) А я дивлюсь да передумываю, что бы это значило, что онъ все притворяется глухимъ, когда станешъ ему говорить о дѣла. Постойже, старой хрѣнъ, ты у меня будешь знать, какъ таскаться подъ окнами молодыхъ дѣвушекъ, будешь знать, какъ отбивать *чужихъ* невѣстъ. Гей, хлопы, сюда! сюда!» кричалъ онъ, махая руками къ парубками, которые снова собрались въ кучу. «Ступайте сюды! Я (усо)вѣщевалъ васъ идти спать, а теперь раздумалъ и самъ готовъ хоть цѣлую ночь гулять съ вами».

«Вотъ дѣло сказано!» сказалъ плечистый и дородный парубокъ, считавшійся первымъ гулякой и повѣсой на селѣ. «Мнѣ все кажется *тошно, какъ будто недостаетъ чего то*, что потерялъ шапку или люльку, если не удается погулять и порядкомъ и настроить штукъ. Все какъ будто не достаетъ чего то, какъ будто потерялъ шапку или люльку, (однимъ) словомъ, не козакъ да и только».

«Согласны ли вы побѣсить хорошенько сегодня голову?»

«Голову?»

«Да, голову. Что онъ въ самомъ дѣлѣ задумалъ? Онъ управляет(ъ)ся у насъ, какъ будто гетьманъ какой. Мало того, что помыкаетъ какъ своими холопьями, еще и подъѣзжаетъ къ дивчатамъ нашимъ. Вѣдь, я думаю, въ (цѣломъ) *всѣмъ* селѣ нѣтъ смазливой дѣвки, за которою бы не волочился голова».

«Это *такъ*, это такъ!» закрычали въ одинъ голосъ всѣ хлопцы.

«Что жъ мы, ребята, за холопья у него? (Итакъ-таки) (развѣ) (*вѣдь*) *Развѣ* мы такого же рода какъ онъ; мы (вольные

козаки), слава Богу, вольные козаки! Покажемъ ему, хлопцы, что мы вольные козаки!»

«Покажемъ!» закричали парубки.

«А (мнѣ) у *меня*, какъ нарочно», *продолжалъ Левко*: «сложилась славная пѣсня про голову. Пойдемте, я васъ выучу», продолжалъ, ударивъ рукою по струнамъ Бандуры. «Да слушайте: попереодѣвайтесь, кто во что ни попало».

«Гуляй, козацкая голова!» сказалъ плечистой парубокъ, ударивъ ногою въ ногу и хлопнувъ руками. «*Что* за роскошь! Что за воля! Какъ начнешъ бѣсится, будто поминаешъ давніе годы. Любо, вольно на сердцѣ, а душа какъ будто въ раю. Гей, хлопцы! Гей! Гуляй!»

И толпа шумно пронеслась по улицамъ. И благочестивыя старушки, пробужденныя крикомъ, подымали окошки и крестились сонною рукою, говоря: «Ну, теперь гуляютъ парубки!»

Парубки гуляютъ.

Блистательный мѣсяцъ, прогуливаясь въ необьятныхъ пустыняхъ (чудно) *своего* неба (и озирая), *не налюбуясь* красавиц(у)*ею* землю, раздумно остановился надъ (одною) хатою, которой неровныя окна одни только свѣтились среди успувшихъ улицъ, *какъ будто спрашивая: «какіе это люди осмѣлились при моемъ серебреннномъ свѣтѣ разводить презрѣнный и непріятный для глазъ огонь свой»*. Это жилище головы. Голова давно уже окончилъ свой ужинъ и, безъ сомнѣнія, давно бы заснулъ уже; но у него (тепе) въ хатѣ гость, Винокуръ, прислапный, *вмѣстѣ съ мелникомъ*, помѣщикомъ, имѣвшимъ небольшой участокъ земли *въ селѣ* между вольными козаками, *вмѣстѣ съ мельникомъ*, строить винокурню. На почетномъ мѣстѣ, подъ самымъ покутомъ, сидѣлъ гость — (небольшой) низенькой, толстенькой человѣкъ, съ маленькими, вѣчно смѣющимися глазками, въ которыхъ, кажется, написано было то удовольствіе, съ какимъ курилъ онъ свою коротенькую трубку, поминутно сплевывыя и

придавливая пальцомъ (подымавшійся) вылѣзавшій изъ трубки превращенный въ золу табакъ. Облака дыма *быстро* разсростались надъ нимъ, облекали его въ сизый туманъ, и (тогда чудилось) *казалось*, будто широкая труба съ какой нибудь винокурни, наскуча сидѣть на своей крышѣ, задумала прогуляться и чинно усѣлась за стол(ъ)*омъ* въ хатѣ головы. Подъ носомъ торчали коротенькія (по), густые *и широкіе* усы, но они такъ неясно мелькали сквозь *сѣрую* табачную атмосферу, что взглянувшему, безъ сомнѣнія, почудилось бы, что винокуръ, *показались бы онъ мышью, которую поймалъ и* держалъ (держалъ въ зубахъ своихъ) *во рту своемъ* мышь, (затѣмъ) подрывая монополію анбарнаго кота. Голова сидѣлъ, какъ хозяинъ, въ одной рубашкѣ и (полотняныхъ) шаравархъ. Орлиный глазъ его, какъ вечерѣющее солнце, начиналъ (уже блистать, потомъ ярко) *жмуриться и мержнуть*. На концѣ стола (сидѣлъ одинъ) *курилъ люльку одинъ* изъ *сельскихъ* десятскихъ, составлявшихъ команду головы, (одинъ только изъ) *сидѣвшій изъ* почтенія къ (головѣ свое) хозяину (неспявшій) въ свиткѣ.

«Но скоро ли вы думаете», сказалъ голова, (обращаясь, зѣвая) кладя крестъ на зѣвнувшій ротъ свой и оборотившись къ винокуру: «поставить вашу винокурню?»

«(Если) *Когда* Богъ поможетъ, *сватъ*, (то къ осени и закуримъ, за лѣто думаемъ) (*Да нужно бы, сватъ, чтобы къ осени за лѣто управится*) *надъемся* и закурить. А на Покрову, я готовъ поставить Богъ знаетъ что, если панъ Голова не буд(у)етъ писать по дорогѣ ногами немецкіе крендели *по дорогѣ*».

(Тутъ узенькіе) *По произнесеніи сихъ словъ* глазки винокура пропали; вмѣсто ихъ протянулись лучи до самыхъ ушей, (лицо начало дрожать отъ смѣха) (*вся голова*), *туловище стало колебаться отъ смѣха*, а веселая губа оставила на мгновеніе (люльки) дымившуюся люльку.

«Теперь, сватъ, еще слава Богу», отвѣчалъ *голова*: «винницъ развелось немного. А вотъ въ старое время, когда провожалъ я царицы по переяславской дорогѣ; еще покойный Безбородько...»

«Ну, сватъ, вспомнилъ время!» прервалъ винокуръ. «Тогда отъ (Полтавы) *Кременчуга* до самыхъ Роменъ не было ни одной винницы. А теперь... Слышалъ ли ты, что проклятые нѣмцы повыдумывали? (Говорятъ) Говорятъ (будто не такъ, какъ), *стануть* курятъ *не такъ, какъ* все христіане добрые, дровами, а какъ то паромъ». Говоря эт(и)о (слова), винокуръ *въ размышленіи* глядѣлъ (надъ) на столъ *и на* разставленныя на немъ руки свои. «Какимъ паромъ... ей Богу, не знаю».

«Что за дурни, прости Господи, эти нѣмцы!» сказалъ голова. «Я бы батогомъ ихъ, собачьихъ дѣтей! Слы(ш)ханое ли дѣло, что бы паромъ можно было кипятить что? *Потому,* это бы ложку борщу пельзя *бы* поднести, не (под)*изжаривши* губъ вмѣсто *молодаго* поросенька».

«И ты, сватъ», прервала (въ это время) сидѣвшая на лежанкѣ, поджавши ноги, свояченица: «будешь все это время жить у насъ безъ жены?»

«А для чего она мнѣ? Добро бы, что доброе было».

«Будто не хороша собою?» сказалъ голова, устремивъ на него глазъ свой.

«Куды тебѣ хороша? Стара мовъ бисъ. Харя вся въ морщинахъ, будто выпорожненый кошелекъ». (При) (голова винокура зашаталась снова, оживленная раскачиваемою) *И голова винокура раскачалась снова отъ громкаго смѣха.*

Въ это время *что то стало шарить за дверью,* дверь растворилась, и мужикъ, не снимая шапки, ступилъ въ хату и сталъ какъ будто въ раздумьи, разинувши ротъ *и озирая* на потолокъ (хаты). Это былъ знакомецъ нашъ Каленикъ.

«Вотъ я и домой пришелъ!» проговорилъ, садясь на лавку у дверей и не обращая вниманія на присутствующихъ. «Вишь, какъ растянулъ Вражый сынъ, сатана, дорогу! Идешъ, идешъ, и конца нѣтъ! Ноги (такъ) *и* и подкашиваются», продолжалъ, почти (валясь) повалившись на лавку у дверей. «Достань-ка тамъ, Баба, тулупъ подослать мнѣ. Нѣ пѣчь къ тебѣ не приду, ей Богу, не приду: поги болятъ. Достань его тамъ, онъ лежитъ

близъ покута. (Да) гляди, (не росшиби та) *только не опрокинь* горшка съ (размолотымъ) *тертымъ* тютюномъ. Или нѣтъ, не тронь, не тронь! Ты, можетъ быть, пьяна сегодня. Пусть уже я самъ его достану».

Каленикъ *приподнялся* немного, но неодолимая сила (удержала) *приковала его* къ скамейкѣ.

«(Вотъ) *За это* люблю!» сказалъ голова: «пришелъ въ чужую хату и распоряжается какъ дома. Выпровидить его по добру по здорову!...»

«Оставь его *отдохнуть*, сватъ!» сказалъ винокуръ, удерживая голову за руку. «Это самой преполезный человѣ. Побольше бы такого народу, и Винница наша славно пойдетъ».

(Но винокуръ) (винокуръ былъ су) Однакожъ не добродушіе выпудило эти слова. Винокуръ вѣрилъ черезъ чуръ всѣмъ примѣтамъ, и (выгнать) *тотчасъ* прогнать человѣка, сѣвшаго уже на лавку (почиталъ онъ) *значило*, по его мнѣнію, накликать на (голову) *себя* нещастье.

«Что-то, какъ старость придетъ!» ворчалъ Каленикъ, ложась на лавку. «(Ей Богу, ни что) Добро бы, сказать еще, пьянъ, такъ нѣтъ же, *не пьянъ*, ей Богу, не пьянъ. Я готовъ сказать, *объявить это*, хоть самому головѣ. Что мнѣ голова?! Чтобы онъ издохнулъ, собачій сынъ! Я плюю на него! (Что *онъ* обливаетъ людей на морозѣ)... Что бъ его, вражьяго сына, возомъ переѣхало! Что онъ обливаетъ людей на морозѣ».

«Эге! влѣзла свинья въ хату, да и лапы на столъ!» сказалъ, гнѣвно подымаясь съ мѣста, голова. Но въ это время (порядочный) *увѣсистый* камень, разбившій окошко въ дребезги, влѣтѣлъ прямо ему подъ ноги. Голова быстро отворилъ Двери на улицу. Вдохновенная почь дышала чудесною, *дивною* теплотой въ блескѣ мѣсяца, и хоть бы что нибудь показалось ему на землѣ. «Естли бы я зналъ», сказалъ онъ, поднявъ камень и розсматрій его пылающимъ своимъ глазомъ: «какой это висильникъ [чтобъ его на томъ свѣтѣ черти заставили лизать языкомъ горячую скороводу] швырнулъ камнемъ, (далъ) я выучилъ *бы* его,

какъ кидаться! Экія проказы!» продолжалъ, разсматривая его въ рукѣ пылающимъ глазомъ. «Что бы онъ подавился этимъ камнемъ!»...

«Стой, стой! Боже тебя сохрани, сватъ!» (прерв) подхватилъ, поблѣднѣвши, Винукоръ. «Боже сохранитъ тебя и на томъ и на этомъ поблагословитъ кого нибудь такою побранкою».

«(Пусть онъ пропадетъ) Вотъ нашелся заступщикъ! Пусть онъ (еще) пропадетъ...»

«И не думай, сватъ! Ты не знаешь, вѣрно, что случилось съ *покойной* тещей моей?»

«Съ тещей?»

«Да, съ тещей. (Подъ вечерокъ) *вечеромъ*, немного, можетъ, раньше теперешняго усѣлись *на землѣ*, *протянувши ноги*, передъ дверью хаты вечерять. Покойная теща, покойникъ тесть, да наймытъ, да на наймычка, да дѣтей штукъ съ пятеро. Теща насыпала Галушекъ немного изъ большаго казана въ миску, чтобы (прохолодить ихъ) *не были* горячи слишкомъ. (Тесть, наймытъ, наймычка и дѣти) *Послѣ работы всѣ проголодались и всѣ* повздѣвали на длинныя деревянныя спички галушки и стали ѣсть. Какъ вдругъ откуда ни возьмись человѣкъ; (откуда) онъ какого роду, Богъ его знаетъ, просится допустить *его къ трапезѣ*. Какъ же (отказать) *не накормить* холоди(ому) аго человѣка! Дали ему спичку. Только видятъ все, что гость упрятываетъ галушки, какъ корова сѣно, такъ что покамѣстъ онѣ съѣли по одной и опустили спички въ юшку поймать другую, дно (уже) уже было (гладко), какъ помостъ въ хатѣ(?). Теща насыпала еще, думаетъ: теперь гость наѣлся и будетъ меньше кусать. Ничего не бывало: еще лучше сталъ уплетать и (миска) выпорожнилъ миску еще скорѣе первой. «А чтобы ты подавился этими галушками!» подумала голодная теща. Какъ вдругъ тотъ (упалъ) закашлялся и упалъ. Кинулись къ нему, и духъ вонъ. Удавился».

«Такъ ему, обжорѣ проклятому, и нужно!» сказалъ голова.

«Такъ бы, да вышло не такъ: съ того времени покою не было тещи. Чуть только ночь, мертвецъ и тащиться. Сядетъ верхомъ на

трубу, проклятой, и галушку держитъ въ зубахъ. Днемъ все спокойно, и слуху пѣтъ про него; а чуть ночь, (глянь) погляди на крышу: уже и осѣдлалъ собачій сынъ трубу...»

«И вареникъ, *галушка*, въ зубахъ?»

«И вареникъ, *галушка*, въ зубахъ.

«Чудно, сватъ! Я помню, *слыхалъ*, что-то похожее на это. Еще (тогда) *за покойницу* Царицу...»

(Тутъ) *Но голова остановился.* Послышалось подъ окномъ шумъ (беспрестанно возрастающій) *и топанье танцующихъ. Сначало тихо,* сильно звукнули струны бандуры; къ нимъ присоединился голосъ, струны загремѣли сильнѣе, нѣсколько голосовъ стали подтягивать, и пѣсня зашумѣла цѣлымъ вихремъ звуковъ:

Хлопцы, слышили ли вы?
Наши ль головы не крѣпки!
У криваго головы
Вдругъ разсыпалися клепки!
Набей, бондарь, голову
Ты ст
Сп

(Набей, Бондарь, набѣй, Бондарь, обручи ты крѣпки)

Хлопцы, слышили ли вы:
Наши ли ль головы не крѣпки!
У кривого головы
Вдругъ разсыпались клепки.
Набѣй, бондурь, голову
Ты стальными обручами.
Выбей, бондарь, голову
Батогами, батогами.
Голова самъ сѣдъ и кривъ,
Старъ какъ бѣсъ, а что задоренъ,
Прихотливъ и похотливъ,
Лѣзетъ къ дѣвкамъ... Дурень! Дурень!

(Тебѣ ли с)
Лѣзть тебѣ ли къ барубкамъ?
Тебѣ бъ спрятать въ домовину.
По усамъ да по шеямъ,
За чуприну, за чуприну!

Пробужденіе.

«Неужели это я спалъ?» сказалъ про себя Левко, *вставая съ своего пригорка*, оглядываясь на всѣ стороны. «Такъ живо, какъ будто на яву... Чудно! Чудно!» повторилъ онъ, оглядываясь. Мѣсяцъ (стоялъ), остановившійся посереди неба, показывалъ полночь. Вездѣ тишина. Отъ пруда вѣялъ холодъ. Надъ нимъ печально стоялъ старый ветхій домъ съ закрытыми ставнями. Мохъ и дикой бурьянъ на крышѣ показывали, что давно удалились изъ него люди. Тутъ онъ ро *загнулъ* справилъ свою руку, которая судорожно была сжата во время сна его и, къ изумленію, почувствовалъ въ ней записку. «Эхъ, естли бы я (былъ грамотной) *зналъ грамоть*», (сказ) продумалъ онъ, оборачивая ее *передъ собою* на всѣ стороны. Въ это мгновеніе послышался позади его шумъ.

«(Чего вы) *Не* боитесь, прямо хватайте его! Чего перепугались? насъ десять (человѣкъ). Я ставлю Богъ знаетъ что, что это человѣкъ, а не чортъ!» (Горла) такъ кричалъ голова своимъ сопутникамъ, и Левко почувствовалъ себя схваченнымъ нѣсколькими руками, изъ которыхъ пные дрожавали отъ страха. «Скидавай-ка, *пріятель*, свою страшную личину. Полно (ду) тебѣ дурачить людей!» проворилъ голова, ухвативъ его за воротъ, и оторопѣлъ, выпучивъ на него глазъ свой. «(Сынъ!) Левко! сынъ!» вскричалъ онъ, отступая отъ удивленія. «Это ты, собачій сынъ! Вишь, бѣсовское рожденіе! Я думаю, какая это шельма, какой это вывороченной дьяволъ строитъ штуки! А это *все* ты, невареной кисѣль твоему Батькѣ въ горло, изволишъ заводить по улицамъ розбой. Эге, ге, ге, Левко! А что это? Вотъ мы съ тобою раздѣлаемся. Вязать его!»

«Постой напередъ, батько, велѣно тебѣ отдать эту записку», сказалъ Левко.

«Не до записокъ теперь, Голубчикъ! Вязать его!»

«Постой, панъ голова!» сказалъ писарь, развернувъ записку. «Комисарова рука».

«Комисара?»

«Комисара?» повторили машинально десятскіе.

«Комисара? Чудно! Еще непонятнѣе!» подумалъ про себя Левко.

«Читай, читай!» сказалъ голова: «что тамъ пишетъ комисаръ?»

«Послушаемъ, что пишетъ комисаръ?» (сказалъ) произнесъ винокунъ, вырубливая огонь для своей люлки.

Писарь откашлялся и началъ читать:

«Приказъ Головѣ Евтуху́ Макогоненку. Дошло до насъ, что ты, старый дуракъ, (вошло, донесъ, что) вмѣсто того, чтобы собрать (старыя) *развившіяся* недоимки и вести на селѣ порядокъ, одурѣлъ (на старо) и строишь пакости...»

«Вотъ, ей Богу!...» прервалъ голова: «ничего и не слышу».

Писарь вмѣсто (вся) отвѣта началъ снова:

«Приказъ Головѣ Евтуху Макогоненку. Дошло до насъ, что старой ду...»

«Стой, стой! Не нужно!» закричалъ голова: «я хоть и не слышилъ, однакожъ знаю, что главнаго дѣла тутъ *еще* нѣтъ. Читай далѣе!»

«А въ слѣдствіе того (повелѣваю) *приказываю* тебѣ сей же часъ оженить твоего сына Левка Макогоненка на козачкѣ изъ вашего же села, Ганнѣ Петриченковой, а также подчинить (всѣ) мосты по столбовой дорогѣ и не давать обывательскихъ лошадей безъ моего вѣдома судовымъ паничамъ, хоть бы они ѣхали прямо изъ казенной палаты. Если же по пріѣздѣ *моемъ* найду оное приказаніе мое не приведеннымъ къ исполненію, то тебя одного потребую къ отвѣту. Комисаръ порутчикъ Козьма Деркачъ-Дришпановскій».

«Слышишъ, панъ писарь?» сказалъ голова: «Слышите, господа. Я вамъ говорилъ, что за все съ меня взыщутъ, а потому прошу безпрекословно слушаться, не то — прошу не прогнѣваться... А тебя (собачій сынъ)», продолжалъ онъ, оборотясь къ Левку: «въ слѣдствіе приказанія комисара я оженю, только напередъ (ты у меня поб собачій сынъ) ты у меня побропуешь нагайку. Знаешъ ту, которая виситъ у меня на стѣнѣ около покута? Она давно не была въ дѣлѣ... Гдѣ ты взялъ эту записку?»

Левко, не смотря (на свое) изумленіе, произшедшее отъ такого неожиданнаго оборота своего дѣла, имѣлъ *благоразуміе* приготовить въ умѣ другой отвѣтъ и утаить *настоящую истину*, какимъ образомъ досталась записка.

«Я отлучался», говорилъ онъ: «(сегодня поутру въ сосѣднее) *вчера въ вечеру еще въ городъ* и встрѣтилъ (комисара сидевшаго) на дорогѣ комисара, вылѣзавшаго изъ Брычки. Узнавши, что я изъ нашего села, далъ онъ мнѣ записку (къ) и велѣлъ на словахъ сказать тебѣ, Батька, что заѣдетъ обѣдать къ намъ на возвратномъ пути».

«Онъ это (все) говорилъ?»

«Говорилъ».

«Слышите-ли, слышите-ли!» говорилъ Голова съ важною осанкою, оборотившись къ своимъ сопутникамъ: «комисаръ самъ, комисаръ своею особою пріѣдетъ къ нашему брату на обѣдъ. О!» Тутъ голова поднялъ вверхъ палецъ и голову привелъ въ такое положеніе, какъ будто она къ чему нибудь прислушивалась. «Комисаръ пріѣдетъ обѣдать. Какъ ты думаешь, панъ писарь, и ты, свѣтъ, это не совсѣмъ незначущая честь. Не правда ли? А!»

«Еще, сколько *я* могу запомнить», подхватилъ писарь: «ни одинъ голова не ухощалъ обѣдомъ комисара».

«Можетъ быть, иной и голова головѣ не чета! Только какъ думаешъ, панъ писарь, я думаю, для именитаго гостя нужно бы дать приказъ принести съ *каждой* хаты по цыпленку».

«Нужно бы, нужно, панъ голова!»

«А когда же свадьбу,-Батька?» спросилъ Левко.

«Ты все съ свадьбой! Далъ бы я тебѣ сватьбы... Ну, для именитаго гостя, завтра васъ попъ и обвѣнчаетъ, чортъ съ вами! Комисаръ увидитъ, что значитъ исправный голова. Но, ребята, теперь спать! Ступайте по домамъ... Я... еще помню...» (Тутъ голова) *При этихъ словахъ* пустилъ онъ обыкновенный свой важный и значительный взглядъ изъ подъ лобья.

«Ну, теперь пойдетъ голова расказывать, какъ везъ царицу», сказалъ Левко и быстрыми шагами и (съ) радостью (на сердцѣ) *душѣ* спѣшилъ къ завѣтной хатѣ. «Дай тебѣ Богъ небесное царство, (моя) добрая и прекрасная папочка! (Пусть)» думалъ онъ про себя. «Пусть тебѣ на томъ свѣтѣ вѣчно усмѣхается между Ангелами святыму. Никому не раскажу про диво, случившееся въ эту ночь. Одной тебѣ только, Галю, (повѣрю) *передамъ* его. Ты одна только повѣришъ мнѣ и помолишся со мною за упокой души утопленицы». Тутъ онъ приближился къ хатѣ. Окно было отперто, лучи мѣсяца проходили черезъ него хату, ударяли на спавшую (подлѣ него, не далеко отъ) передъ окномъ Ганну. Голова ея оперлась на локоть, щика тихо горѣла, губы шевелились (что какъ будто произно), неясно произнося его имя. «Спи, моя красавица! Приснись *тебѣ все*, что есть лучшаго на свѣтѣ. Но и то не будетъ лучше нашего прибужденія». Перекристивъ ее, онъ закрылъ окошко и тихо удалился.

И черезъ нѣсколько минутъ всѣ уснули на селѣ. Одинъ (только) мѣсяцъ также величественно, блистательно и чудно плылъ въ небьятной (дивномъ) пустыняхъ роскошнаго украинскаго неба. Также торожественно дышало въ вишинѣ. Также прекрасна была земля въ дивномъ серебрянномъ блескѣ. Но уже никто не упивался *всею* краспвою ночью. Все погрузилось въ сонъ. Изрѣдка слышался только лай собакъ, и долго еще пьяный Каленикъ шатался по уснувшимъ улицамъ, отыскивая свою хату.

Дополненія и поправки ко второй редакціи „Ревизора“.

Вторая редакція «Ревизора» напечатана Н. С. Тихонравовымъ въ VI томѣ «Сочиненій Н. В. Гоголя», изданія десятаго, на 157—248 стр., а примѣчанія ко второй редакціи «Ревизора» напечатаны В. И. Шенрокомъ, въ томъ же шестомъ томѣ, на 631—665 стр.

Въ настоящее время рукопись второй редакціи «Ревизора» принадлежитъ Московскому Публичному и Румянцовскому Музеямъ, гдѣ и хранится подъ № 3214, и потому является полная возможность свѣрить напечатанные тексты комедіи и примѣчаній съ подлинною рукописью, съ которой они и печатались въ шестомъ томѣ десятаго изданія.

Сопоставленіе напечатанныхъ текстовъ второй редакціи «Ревизора» съ подлинною ея рукописью обнаруживаетъ многочисленные недочеты въ текстахъ шестого тома, выражающіеся какъ въ неправильной передачѣ рукописнаго текста, такъ и въ пропускахъ нѣкоторыхъ частей его. Нерѣдко въ текстѣ шестого тома напечатаны такія слова, которыхъ совсѣмъ нѣтъ въ рукописи. Иногда же текстъ рукописный неправильно прочитанъ и переданъ въ печатномъ текстѣ шестого тома. Есть въ печатномъ текстѣ и даже значительные иногда пропуски текста рукописнаго. Не приводя отдѣльныхъ примѣровъ такихъ недочетовъ въ печат-

номъ текстѣ шестого тома, мы прямо переходимъ къ полному перечню ихъ, слѣдя за печатнымъ текстомъ второй редакціи «Ревизора» съ первой его страницы до послѣдней.

На 159 стр. въ монологѣ Городничаго напечатана фраза: «Сегодня *во снѣ* мнѣ всю ночь снились какія-то собаки». Въ подлинномъ рукописномъ текстѣ подчеркнутыхъ словъ «во снѣ» совсѣмъ нѣтъ.

Подъ шестымъ примѣчаніемъ къ той же 159 стр. напечатанъ исправленный Гоголемъ текстъ: «какія-то *этакія* двѣ необыкновенныя крысы». Въ собственноручномъ Гоголевскомъ текстѣ подчеркнутаго слова «этакія» совсѣмъ нѣтъ.

Во второмъ примѣчаніи къ 160 стр., по поводу вопроса Городничаго: «А что, какихъ вы мыслей объ этомъ, господа?» сказано: «Послѣднее предложеніе въ рукописи пропущено». Въ дѣйствительности, въ рукописи это предложеніе вовсе не пропущено: оно есть, только весьма искажено переписчикомъ и читается такъ: «Я что какъ вніѣ мыслей объ этомъ господа». Впослѣдствіи это искаженное переписчикомъ предложеніе зачеркнуто чернилами рукою Гоголя, и въ такомъ видѣ и въ настоящее время находится въ рукописи второй редакціи.

На той же 160 стр. въ монологѣ Аммоса Ѳедоровича напечатана его догадка: «Россія хочетъ вести войну *съ Турками или съ Австрійцами*». Въ рукописномъ текстѣ подчеркнутыя слова «съ Турками или съ Австрійцами» зачеркнуты чернилами Гоголемъ собственноручно.

Указанія пятаго и шестого примѣчаній къ 163 стр. совсѣмъ неправильно передаютъ особенности рукописнаго текста. Въ монологѣ Городничаго, къ заявленію его: «Г. ревизоръ или другой кто можетъ принять это на свой счетъ—изъ этого чортъ знаетъ что можетъ произойти», поставлено пятое примѣчаніе и въ этомъ примѣчаніи сказано: «Весь этотъ отрывокъ до словъ: «Тоже я долженъ вамъ замѣтить» въ рукописи зачеркнутъ чернилами». Это заявленіе въ примѣчаніи неясно и не отвѣчаетъ дѣйствительности. Въ рукописи «весь этотъ отрывокъ» совсѣмъ не зачер-

кнутъ. Онъ оставленъ Гоголемъ въ неприкосновенности, но дальнѣйшія предложенія со словъ: «Или тотъ бишь» дѣйствительно зачеркнуты.

Къ выраженію Городничаго изъ того же монолога: «Хорошо, что тогда мундиръ былъ на мнѣ старый», напечатано шестое примѣчаніе такого содержанія: «Сюда относится выноска карандашомъ внизу страницы: «Ахъ, Боже мой! у меня это совсѣмъ изъ ума вышло», послѣ чего снова, въ серединѣ строки, значится: «городничій»». Во-первыхъ, выноска карандашомъ относится вовсе не сюда, а именно туда, гдѣ поставлено пятое примѣчаніе, къ выраженію Городничаго: «изъ этого чортъ знаетъ что можетъ произойти». Во-вторыхъ, составитель примѣчанія не прочиталъ и не передалъ выноски сполна, и потому все примѣчаніе вышло непонятнымъ. Въ дѣйствительности, Гоголь, вмѣсто зачеркнутыхъ предложеній въ монологѣ Городничаго отъ словъ: «Или тотъ бишь» до словъ: «То же я долженъ вамъ замѣтить», вставилъ діалогъ Луки Лукича, за которымъ снова продолжался монологъ Городничаго. Поэтому онъ для мѣста, отмѣченнаго карандашнымъ крестомъ, внизу страницы карандашомъ же написалъ собственноручно:

«*Лука Лукичъ*. Ахъ, Боже мой! У меня это совсѣмъ изъ ума вышло.

«*Городничій*»

И далѣе монологъ Городничаго начинался: «Тоже я долженъ вамъ замѣтить».

Въ четвертомъ примѣчаніи къ 165 стр. напечатаны собственноручныя поправки Гоголя въ монологѣ Городничаго: «. . . послѣ меня ужъ врядъ ли кто чѣмъ нибудь *съ нимъ* поживится. Они я знаю, теперь какъ коршуны готовы въ щепки меня всего *затрепать*». Подчеркнутыя слова въ рукописи явственно читаются иначе: «съ нихъ» и «растрепать».

Въ четвертомъ примѣчаніи къ 166 стр. напечатано: «вмѣсто зачеркнутаго «также» Гоголемъ написано сверху «и»». Въ дѣйствительности Гоголемъ написано «а».

Къ стр. 166-ой совсѣмъ пропущено примѣчаніе седьмое, въ которомъ, вѣроятно, должно было находиться указаніе на то, что на словѣ «теперь», къ которому приставлено седьмое примѣчаніе, въ рукописи оканчиваются вычеркиванія карандашомъ, начинающіяся со словъ Почтмейстера: «Съ удовольствіемъ».

Въ пятомъ примѣчаніи къ 168 стр. напечатано: «При словѣ: «городничій» собственноручно приписано карандашомъ: *«исправникъ»*». Въ дѣйствительности Гоголь собственноручно и явственно приписалъ карандашомъ: «испугавшись».

Къ стр. 176-ой совсѣмъ пропущено второе примѣчаніе. Въ этомъ примѣчаніи, надо думать, должны быть напечатаны позднѣйшія исправленія Гоголемъ ремарки при діалогѣ Хлестакова: «голосомъ перѣшительнымъ». Гоголь поправилъ собственноручно: «голосомъ вовсе нерѣшительнымъ».

Въ девятомъ примѣчаніи къ 179 стр. напечатано: «Въ этомъ предложеніи зачеркнуты слова: «очень бы не дурно было»». Въ дѣйствительности зачеркнуты слова «очень бы» и «было».

Въ двѣнадцатомъ примѣчаніи къ той же 179 стр. напечатано: «Въ VI явленіи *передъ* словами: «ну, давай сюда» *зачеркнуто*: «толкуетъ еще...» Въ дѣйствительности, въ рукописи ничего не зачеркнуто, и приписанная Гоголемъ фраза «толкуетъ...» находится не передъ, а послѣ словъ: «ну, давай сюда».

Во второмъ примѣчаніи къ 183 стр. пропущено послѣднее слово въ монологѣ Хлестакова, приписанное самимъ Гоголемъ собственноручно: «и брякнуть», при чемъ вся послѣдняя фраза должна читаться такъ: «и если что, то, ей Богу, бутылкою и брякнуть».

Въ первомъ примѣчаніи къ 184 стр. напечатано: «Слова «а такъ вы» зачеркнуты и вмѣсто нихъ сверху приписано: «*П* если вы»». Въ дѣйствительности сверху приписано: «О, если вы».

Десятое и одиннадцатое примѣчанія къ стр. 185 соединены въ одно; одиннадцатое примѣчаніе должно начинаться словами: «Послѣ этого съ лѣваго боку собственноручно приписаны» и т. д.

Во второмъ примѣчаніи къ стр. 189 сказано: «Слово: «строгій» передѣлано рукою Гоголя въ: «строгъ?»» Въ рукописи рукою Гоголя передѣлано въ «очень строгъ?»

Во второмъ примѣчаніи къ 192 стр. приведены написанныя Гоголемъ слова: «одному бестолковому» (sic) «безъ всякого (sic) вкуса». Здѣсь тоже пропускъ. Гоголь написалъ: «одному бестолковому и безъ всякого вкуса».

Въ первомъ примѣчаніи къ 193 стр. пропущены собственноручныя поправки Гоголя, послѣ которыхъ измѣненная фраза читается такъ: «и вся обложена блондочкою, тонкою—не больше какъ въ палецъ». Поправки эти приведены, почти точно съ рукописью, Н. С. Тихонравовымъ въ примѣчаніяхъ къ тексту «Ревизора» (II томъ десятаго изданія, стр. 654).

Въ этомъ же третьемъ явленіи третьяго дѣйствія пропущены позднѣйшія передѣлки разговора Анны Андреевны съ Марьей Антоновной, написанныя Гоголемъ на отдѣльномъ лоскуткѣ.

На лоскуткѣ Гоголь написалъ:

1.

Анна Андревна и Марья Антоновна.

Марья Антоновна.

«Но я не знаю, маминька, отъ чего вамъ кажется, что у васъ «лучше всего глаза....

Анна Андреевна.

«Вздоръ просто тебѣ кажется. Ты глупости, сударыня, тол-«куешь».

И эти поправки приведены Н. С. Тихонравовымъ (ibid.).

Во второмъ примѣчаніи къ 196 стр. приведено будто бы изъ рукописи слово: «напишете», и къ нему поставлено «(sic)». Въ рукописи явственно читается: «напишешъ». Вся фраза, въ которой было это слово, по исправленіи Гоголемъ, получила такую форму: «Такъ, знаете, иногда прозой, а иногда такъ и стишки выкинутся».

На той же 196 стр. первое слово Городничаго въ VI явленіи напечатано: «осмѣлюсь». Въ рукописи: «осмѣливаюсь».

Въ четвертомъ примѣчаніи къ 198 стр. воспроизведено или, вѣрнѣе, повторено неисправленное Гоголемъ чтеніе фразы, напечатанное въ текстѣ, а исправленное Гоголемъ осталось неотмѣченнымъ. По исправленіи Гоголемъ вся фраза читается такъ: «Въ канцеляріи безъ меня была бы страшная еларашъ».

Въ шестомъ примѣчаніи къ той же 198 стр. надписанная Гоголемъ фраза должна начинаться словомъ «и»: «И сторожъ летитъ» и т. д.

Въ восьмомъ примѣчаніи къ той же 198 стр., въ монологѣ Хлестакова, надо читать не «я признаюсь», а «Я признаюсь». Здѣсь невѣрно указано мѣсто, къ которому относится выноска. Выноска поставлена Гоголемъ сейчасъ же за словомъ «одѣта», такъ какъ всѣ дальнѣйшія слова онъ зачеркнулъ и вмѣсто нихъ съ лѣваго бока вписалъ новыя фразы.

Въ первомъ примѣчаніи къ 199 стр. разсказъ Хлестакова долженъ начинаться: «О, да! Со мною много подобныхъ было» и т. д., при чемъ слово «было» вовсе не зачеркнуто Гоголемъ.

На 205 стр., послѣдній монологъ Городничаго въ IX явленіи имѣетъ въ рукописи ремарку, пропущенную и текстомъ и примѣчаніями, именно, послѣ слова «Городничій» въ рукописи въ скобкахъ поставлено: «(одинъ)».

Въ четвертомъ примѣчаніи къ 213 стр. приведены надписанныя Гоголемъ слова: «Впрочемъ, это все равно». Тутъ лишнее слово «это», котораго въ собственноручной Гоголевской припискѣ совсѣмъ нѣтъ: «Впрочемъ, все равно».

На 214 стр., въ сценѣ Хлестакова и Растаковскаго пропущены собственноручныя поправки Гоголя, отмѣченныя, однако, П. С. Тихоправовымъ (II т., 654 стр.). Такъ: «Растаковскій (не слыша)»; впослѣдствіи Гоголь зачеркнулъ ремарку «не слыша» и сейчасъ же послѣ этого вновь приписалъ фразу: «Да-съ. Рогатка. Иванъ Васильевичъ».

Въ третьемъ примѣчаніи къ 215 стр., въ томъ же разговорѣ Хлестакова съ Растаковскимъ, значительный пропускъ въ собственноручно исправленномъ Гоголемъ текстѣ. Въ этомъ примѣчаніи приведенъ только разсказъ Хлестакова, оканчивающійся словами: «Я въ дорогѣ истратился». Въ рукописи, сейчасъ же за этими словами Хлестакова, Гоголь собственноручно приписалъ слѣдующій разговоръ:

Растаковскій.

«Да кто это просилъ денегъ: чиновникъ у (капитана) гвар-
«дѣйца или (капитанъ) гвардѣецъ у чиновника?

Хлестаковъ.

«Нѣтъ, это я прошу у васъ. Видите, чтобъ послѣ какъ ни-
«будь не позабыть, такъ лучше теперь. (Если есть при васъ съ
«собою триста, то это для меня очень хорошо, потому что мнѣ
«очень нужно, а тамъ завтра же я вамъ отдамъ).

Растаковскій.

«Такъ это вамъ нужны деньги, а какъ странно, а я думалъ,
«что (эти деньги были при анекдотѣ, какъ обыкновенно анекдоты
«разсказываются. Такъ сколько вы говорили? *Хлестаковъ.* Три-
«ста рублей. *Растаковскій*) (капитанъ что) гвардѣецъ, при анек-
«дотѣ-то, попросилъ. Какъ въ разговорѣ-то иногда случается!
«(А я приз) Такъ вамъ нужны деньги? А я, признаюсь, съ своей
«стороны пришелъ безпокоить преубѣдительнѣйшею просьбою».

Съ шестымъ примѣчаніемъ къ 219 стр. произошло невѣроятное приключеніе. Дѣло въ томъ, что въ рукописи сохранились два текста X явленія: зачеркнутый и вновь написанный Гоголемъ.

Составитель примѣчаній, напечатавъ въ текстѣ зачеркнутый текстъ начала X явленія, хотѣлъ въ примѣчаніяхъ напечатать текстъ вновь написанный Гоголемъ.

Но... въ шестомъ примѣчаніи къ 219 стр. оказался вторично напечатаннымъ тотъ же зачеркнутый Гоголемъ текстъ, который уже разъ былъ напечатанъ на 219 стр. Вотъ вновь написанный Гоголемъ текстъ начала X явленія:

ЯВЛЕНІЕ X.

Хлестаковъ и Осипъ *(съ чернилами и бумагою)*.

Хлестаковъ *(беретъ перо бумагу)*.

«Ну, что, видишь, дуракъ, какъ меня угощаютъ и прини-«маютъ *(начинаетъ писать)*.

Осипъ.

«Да, слава Богу. Только знаете что, Иванъ Александровичъ.

Хлестаковъ *(пишетъ)*

«А что?

Осипъ.

«Уѣзжайте отсюда. Ей Богу, уже пора.

Хлестаковъ *(пишетъ)*

«Вотъ вздоръ! Зачемъ?

Осипъ.

«Да такъ. Богъ съ ними со всѣми. Погуляли здѣсь два день-«ка—ну, и довольно. Что съ ними долго связываться! Плюньте «на нихъ! Неровенъ часъ: какой нибудь другой опять наѣдетъ. «Ей Богу, Иванъ Александровичъ! А лошади тутъ славные: такъ «бы закатили!..

Хлестаковъ *(пишетъ)*.

«Нѣтъ. Мнѣ еще хочется пожить здѣсь. Пусть завтра.

Осипъ.

«Да что завтра. Ей Богу, поѣдемъ, Иванъ Александровичъ. «Опо хоть и большая тутъ честь вамъ, да все, знаете, лучше

«уѣхать скорѣе... Вѣдь васъ за кого то другого приняли. Ей «Богу... И батюшка будетъ гнѣваться за то, что такъ замѣш- «кались... Такъ бы, право, закатили славно! А лошадѣй бы «важныхъ здѣсь дали.

Хлестаковъ *(пишетъ)*

«Ну, хорошо. Отнеси только напередъ это письмо, вмѣстѣ «пожалуй и подорожную возьми. Да (смотри) за то (по крайнѣй «мѣрѣ) смотри, чтобы лошади хорошіе были. (Что бы лихо такъ «фель) Ямщикамъ скажи, что (бы) я буду давать по целковому «на водку, что бы лихо только везли, такъ какъ фельдъегеря, «и пѣсни бы залихацкія затягивали. *(Запечатываетъ письмо).* «Воображаю, какъ Тряпичкинъ будетъ удивляться. Онъ вѣдь та- «кой остроумной. *(Надписываетъ адресъ).* Не съѣхалъ ли съ квар- «тиры? Онъ вѣдь тоже любитъ переѣзжать и недоплачивать. На, «отдай скорѣ.

Осипъ.

«Я, сударь, отправлю (черезъ) съ человѣкомъ сдѣшнимъ, а «самъ лучше буду укладываться, что-бы не прошло понапрасну «время.

Хлестаковъ.

«(Хорошо) Пожалуй.

Осипъ *(уходитъ и говоритъ за сценой).*

«Эй, послушай, братъ! Отнеси это (письмо)»...

На этомъ оканчивается собственноручно написанная Гоголемъ страница X явленія. Слово «письмо» зачеркнуто имъ потому, что съ этого слова начинается страница, слѣдующая за зачеркнутой.

Въ XIII явленіи четвертаго дѣйствія, съ 225 стр., Гоголь собственноручно сдѣлалъ большія сокращенія и измѣненія. Въ примѣчаніяхъ не отмѣчено главное измѣненіе, произведенное Гоголемъ въ этомъ явленіи, именно: перемѣна одного изъ двухъ

дѣйствующихъ лицъ на другое, Анны Андреевны на Марью Антоновну. Первоначально все явленіе происходило между Хлестаковымъ и Анной Андреевной. Послѣ передѣлки Гоголя все явленіе происходитъ между Хлестаковымъ и Марьей Антоновной. Этой главной перемѣной дѣйствующаго лица и вызваны были другія поправки. Однако, самыя первыя изъ нихъ не отмѣчены въ примѣчаніяхъ, поэтому необходимо привести начало явленія, по измѣненіи его Гоголемъ, въ полномъ видѣ:

ЯВЛЕНІЕ XIII.

Хлестаковъ и Марья Антоновна.

Марья Антоновна.

«Ахъ!

Хлестаковъ.

«Отъ чего вы такъ испугались? Куда вы спѣшили?

Марья Антоновна.

«Извините меня, я, право, я не знала, что вы тутъ сидите. Я «шла приказать ключницѣ».

Въ пятомъ примѣчаніи къ 225 стр. сказано: «Послѣ этого приписано собственноручно чернилами: «позднѣе»». Въ дѣйствительности Гоголь приписалъ совсѣмъ другое слово, и приписалъ весьма отчетливо, и читается оно такъ: «сударыня».

Во второмъ примѣчаніи къ 228 стр., должно быть, описка. Тамъ сказано: «Весь *предыдущій* отрывокъ послѣ словъ Хлестакова. . .» Если отыскать слова Хлестакова въ текстѣ, то отрывокъ окажется не предыдущимъ, а *послѣдующимъ*.

Въ XIV явленіи четвертаго дѣйствія, съ 228 стр., тоже не отмѣчена существеннѣйшая поправка Гоголя. Въ рукописи новымъ лицомъ, появляющимся въ этомъ явленіи, была Марья Антоновна. Гоголь собственноручно перемѣнилъ ее на Анну Ан-

дреевну, чѣмъ и вызваны были всѣ дальнѣйшія, многочисленныя сокращенія и поправки.

И опять въ примѣчаніяхъ не указаны поправки въ началѣ явленія:

ЯВЛЕНІЕ XIV.

Тѣже и Анна Андреевна.

Анна Андреевна *(увидѣвъ Хлестакова не успѣвшаго встать на ноги и всплеснувъ руками)*

«Ахъ, какой посажъ!

Хлестаковъ *(вставая)*.

«А, чортъ возьми.

Анна Андреевна.

«Признаюсь, я въ такомъ нахожусь... Я не знаю... *(Къ «Марьѣ Антоновнѣ)*. Что это ты вздумала? Съ кого ты это при«мѣръ взяла?

Хлестаковъ.

«Анна Андревна. Руки вашей дочери прошу. Осчастливте! *(Падаетъ на колѣни)*.

Анна Андреевна.

«Ахъ, Боже мой!... Какъ же это! (Вы) Еще на колѣняхъ «стоите!

Хлестаковъ *(обращаясь къ Аннѣ Андреевнѣ)*.

«Влюбленъ, влюбленъ, ей Богу, влюбленъ... Если не согла«ситесь, умру, сей же часъ умру на этомъ самомъ мѣстѣ. Застре«люсь, напропало застрелюсь.

Анна Андреевна.

«Я, право, не могу еще придти въ себя... Мы никакъ и не «думаемъ о такой чести»... и т. д.

Послѣдній монологъ Хлестакова въ этомъ же XIV явленіи четвертаго дѣйствія тоже необходимо привести въ томъ видѣ, въ какой привели его собственноручныя исправленія Гоголя:

Хлестаковъ.

«Вы мнѣ возвратили жизнь, я теперь самый щастливѣйшій «изъ смертныхъ. *(Въ сторону).* А она тоже очень апетитна. *(Въ «слухъ Аннѣ Андреевнѣ).* Я (сударыня) съ перваго раза, какъ «только увидѣлъ васъ, почувствовалъ къ вамъ въ сердцѣ такую любовь...»

Во второмъ примѣчаніи къ 231 стр. приведены не всѣ исправленія Гоголя. Въ полномъ видѣ, исправленномъ Гоголемъ, вся фраза читается такъ:

Городничій.

«А когда же, то есть... Вы изволили сами намекнуть на «щетъ, то есть, свадьбы...»

Шестого примѣчанія къ той же 231 стр. совсѣмъ нѣтъ, а поставленное шестымъ надо считать седьмымъ. Подъ шестымъ примѣчаніемъ должна стоять фраза Хлестакова, по исправленіи ея Гоголемъ, въ слѣдующемъ видѣ:

«О, нѣтъ, къ чему это? *(Немного подумавъ)* А, впрочемъ, не «худо».

Въ первомъ примѣчаніи къ 232 стр. неточно приведены поправки Гоголя. Напечатано: «Мнѣ *никогда* не было такого хорошаго пріема»; слѣдовало напечатать: «Мнѣ нигдѣ» и т. д.

Во второмъ примѣчаніи къ 233 стр. приведены собственноручныя поправки Гоголя: «Теперь-то я задамъ перцу...» Гоголемъ, однако, ясно написано: «Теперь же» и т. д.

Въ третьемъ примѣчаніи къ той же 233 стр. приведены не всѣ исправленія Гоголя, которыя начались раньше, чѣмъ отмѣчено въ примѣчаніи: «Такъ жаловаться на меня! Вишь, ты, проклятой іудейской народъ! Постойте жъ, голубчики!» и т. д.

Въ первомъ примѣчаніи къ 237 стр. невѣрно обозначено количество зачеркнутыхъ словъ, такъ какъ въ рукописи они не всѣ зачеркнуты, какъ сказано въ примѣчаніи. Зачеркнуты: «Тѣже, Погоняевъ съ женою, Лука Лукичъ съ женою и». Остались не зачеркнутыми: «множество гостей въ сюртукахъ, фракахъ и Богъ знаетъ въ чемъ. Потомъ Бобчинскій и Добчинскій».

Въ первомъ примѣчаніи къ 243 стр. приведены не всѣ сполна исправленія Гоголя. Послѣ исправленныхъ словъ Почтмейстера, Гоголь еще приписалъ:

Всѣ.

«Читайте, читайте».

Письмо Хлестакова къ Тряпичкину напечатано (съ 243 стр.) по тексту тѣхъ двухъ листовъ сѣрой бумаги, о которыхъ говорится въ первомъ примѣчаніи къ 246 стр. Между тѣмъ ни въ текстѣ, ни въ примѣчаніяхъ, не приведенъ тотъ текстъ письма, который зачеркнутъ Гоголемъ. Сохранившаяся часть его читается такъ, вмѣстѣ съ репликами и ремарками:

«Мая такого то числа и проч.

«Спѣшу писать къ тебѣ, душа Тряпичкинъ, по обѣщанію, и разсказать одно удивительное происшествіе. Заѣхалъ я, братъ, къ такимъ дуракамъ, какихъ никогда не видывалъ. Помнишь ли, какъ мы хотѣли, было, разъ у Палкина пообѣдать на счетъ англійскаго короля, да (хозяинъ) мерзавецъ мальчишка придержалъ тебя за шинель. Вотъ сюда, братецъ, пріѣзжай: даютъ сколько хочешь въ займы. Городничій дуракъ всевозможнѣйшій.

«*Нѣсколько дамъ вскрикиваютъ:* ахъ! какой посажъ!

Городничій *(прерываетъ)*

«Не можетъ быть, тамъ нѣтъ этого написано.

Почтмейстеръ.

«Читайте сами.

Городничій *(читаетъ въ полголоса).*

«Всевозможнѣйшій. . . *(отпускаетъ письмо).*

Дальнѣйшій листъ вырванъ Гоголемъ и замѣненъ другими.

На 244 стр. напечатаны слова Городничаго: «Не можетъ быть: тамъ этого не писано». Въ рукописи эти слова читаются иначе: «Не можетъ быть тамъ этого написано».

Въ третьемъ примѣчаніи къ 245 стр. напечатано: «Артемій Филоповичъ (sic)». Въ рукописи: «Артемій Филиповичъ».

На 246 стр. не отмѣчено, что монологъ жены Погопяева, послѣ поправокъ Гоголя, сталъ принадлежать женѣ Коробкина.

Во второмъ примѣчаніи къ 247 стр. сказано: «Слова: «тра-ла-ла» зачеркнуты и сверху опять приписано: «тра-ла-ла». Нѣтъ, въ рукописи не приписано этихъ словъ, а надписаны совсѣмъ новыя слова: «фу-фу».

Пятое примѣчаніе къ 247 стр. совсѣмъ пропущено; въ немъ должно быть отмѣчено, что слова: «Съ чего, откуда взялось это?» зачеркнуты Гоголемъ.

Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали бы съиграть какъ елѣдуетъ Ревизора.

«Предувѣдомленіе для тѣхъ, которые пожелали бы съиграть какъ слѣдуетъ «Ревизора»», напечатано въ VI томѣ десятаго изданія «Сочиненій Н. В. Гоголя» (М. и Спб., изданіе А. Ф. Маркса, 1896, 249—258 и 667—676 стр.), причемъ текстъ его взятъ изъ собственноручнаго списка Гоголя, а въ примѣчаніяхъ приведены особенности, измѣненія и поправки въ текстѣ списка.

«Предувѣдомленіе», какъ извѣстно, при жизни Гоголя ни разу не появлялось въ печати, и поэтому и въ настоящее время нѣтъ текста его въ законченномъ, въ литературномъ отношеніи, видѣ, нѣтъ текста обработаннаго и установленнаго для печати самимъ авторомъ. Сохранившійся списокъ «Предувѣдомленія» представляетъ собою первоначальный, черновой набросокъ, въ которомъ самъ авторъ сразу же, при самомъ процессѣ занесенія своихъ мыслей на бумагу, уже многое счелъ необходимымъ зачеркнуть, измѣнить, передѣлать, но который законченную художественную форму получилъ бы лишь во второмъ или даже третьемъ спискѣ. По крайней мѣрѣ начало второго списка «Предувѣдомленія» сохранилось и напечатано въ шестомъ же томѣ подъ названіемъ «Начальныхъ страницъ, переписанныхъ на-

бѣло». Поэтому сохранившійся списокъ, какъ первоначальный набросокъ, во многихъ мѣстахъ не только не даетъ закончепныхъ литературныхъ формъ, но даже лишенъ какого либо текста, принятаго авторомъ. Этотъ черновой характеръ сохранившагося текста «Предувѣдомленія» сознанъ былъ при печатаніи десятаго изданія, въ шестомъ томѣ котораго (стр. 672), въ третьемъ примѣчаніи къ страницѣ 250-ой, поставлено, напримѣръ, такое заявленіе: «въ виду невозможности составить фразу иначе, беремъ необходимыя слова изъ зачеркнутой, но не замѣненной строки».

Казалось бы, на издателя Гоголевскихъ текстовъ не должна возлагаться задача составлять фразы, не составленныя самимъ Гоголемъ. Наиболѣе посильнымъ въ этомъ случаѣ было бы точное, историческое воспроизведеніе всего хода работы Гоголя надъ извѣстнымъ текстомъ. Изданный текстъ въ этомъ случаѣ явился бы не тѣмъ гадательно идеальнымъ, какимъ, по предположенію издателя, выпустилъ бы его въ свѣтъ самъ Гоголь, а полной картиной всей работы Гоголя надъ текстомъ, при чемъ ясно долженъ быть выдѣленъ текстъ первый по времени появленія и указаны всѣ дальнѣйшія его поправки.

Такого изданія текстъ «Предувѣдомленія» долженъ ожидать еще въ будущемъ. Теперь же необходимо отмѣтить неточности вкравшіяся въ его изданіе въ шестомъ томѣ и указать поправки и измѣненія, которыя необходимо произвести въ печатномъ текстѣ, вслѣдствіе несоотвѣтствія его собственноручному Гоголевскому тексту, хранящемуся въ Отдѣленіи рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ подъ № 3215.

Послѣднія слова 249-й стр. и первыя 250-й въ шестомъ томѣ читаются такъ: «и самъ не чувствуя какъ, сдѣлался *и самъ* притѣснителемъ»; здѣсь два слова «и самъ» излишне повторены, въ подлинномъ текстѣ Гоголя совсѣмъ нѣтъ ихъ повторенія: «и самъ не чувствуя какъ, сдѣлался притѣснителемъ».

Въ 14-мъ примѣчаніи къ 250-й стр. приведено чтеніе изъ 9-й стр. списка: «онъ даже *не* счита(етъ)»; и здѣсь отрицаніе

«не» прибавлено издателемъ отъ себя, въ подлинномъ Гоголевскомъ текстѣ его совсѣмъ нѣтъ: «онъ даже счита».

Подъ 15-мъ примѣчаніемъ къ той же страницѣ изъ первоначальнаго зачеркнутаго чтенія приведено только одно слово: «велика»; между тѣмъ въ подлинномъ текстѣ вся эта фраза и слѣдующая имѣли иное первоначальное чтеніе: «Но велика страсть ко псовой охотѣ, которая увлекала его иной разъ на неправду, его иной разъ покривить. Онъ занятъ собой и умомъ своимъ и единственно только по этой причинѣ нѣсколько безбожникъ, что на этомъ поприщѣ его умъ себя выказалъ».

Подъ 4-мъ примѣчаніемъ къ 251-й стр. сказано: «Прежде было: *это*»; между тѣмъ въ подлинномъ текстѣ прежде было написано именно: «онъ», но потомъ это слово зачеркнуто и надъ нимъ надписано: «это».

Подъ 6-мъ примѣчаніемъ къ той же 251-й стр. приведено первоначальное чтеніе: «не зная, какъ вывернуться, сами прибѣгаютъ *потому*»; между тѣмъ въ подлинномъ текстѣ послѣднее слово явственно читается: «къ тому».

Подъ 18-мъ примѣчаніемъ изъ первоначальнаго чтенія приведено слово: «выразиться»; между тѣмъ въ подлинникѣ явственно читается: «выражаться».

Подъ 19-мъ примѣчаніемъ къ той же 251-й стр. сказано: «послѣ этого зачеркнуто: *лото*»; между тѣмъ въ подлинникѣ зачеркнуты два слога: «кото».

Въ 9-мъ примѣчаніи къ 252-й страницѣ трудно разобраться въ чтеніяхъ, тѣмъ болѣе что нѣкоторыя слова изъ подлинника совсѣмъ не приведены; первоначальное чтеніе: «Всякой можетъ также почувствовать, какое впечатлѣніе долженъ произвести (на каждое) пріѣздъ Ревизора на каждое изъ этихъ лицъ»; исправленное чтеніе: «Равномѣрно всякой можетъ почувствовать степень того впечатлѣнія, (какое) пріѣздъ Ревизора способенъ произвести (на каждое) изъ этихъ лицъ».

Послѣ 12-го примѣчанія на 253 стр. приведена фраза: «Ему уже кажется, что онъ дѣйствительно все это производи*тъ*»;

между тѣмъ въ подлинникѣ послѣднее слово поставлено въ прошедшемъ времени: «производилъ».

Въ примѣчаніяхъ 14—16 также трудно установить чтенія; въ подлинникѣ первоначальное чтеніе: «Вотъ отъ чего сцена, когда онъ говоритъ о себѣ какъ о государственномъ человѣкѣ, (навела) особенно жива и навела такой страхъ на всякого чиновника»; исправленное чтеніе: «Поэтому сцена, когда онъ говоритъ о себѣ какъ о государственномъ человѣкѣ, способна точно (пропущено слово: навести) страхъ на слушающаго чиновника».

Въ примѣчаніяхъ 19—20 къ той же 253 стр. тоже трудно установить чтенія; въ подлинникѣ три чтенія — первое: «Видя какъ распекаютъ и сосутъ, испытавши и самъ это, потому что бывалъ неоднократно распекаемъ, онъ почувствовалъ въ это время особенное удовольствіе распечь наконецъ и самому другихъ, хотя въ расказахъ»; второе: «Будучи самъ неоднократно распекаемъ, онъ это должепъ мастерски изобразить въ рѣчахъ»; третье: «Онъ долженъ эту честь долженъ очень хорошо, потому что бывалъ неоднократно распекаемъ».

Указанныхъ подъ 3-мъ (послѣ 19-го) примѣчаніемъ словъ: «не потому, что бы», въ подлинномъ Гоголевскомъ текстѣ совсѣмъ нѣтъ.

Въ 4-мъ примѣчаніи къ 254-й страницѣ сказано: «Слова: «онъ бы преспокойно дождался толчковъ» приписаны сверхъ зачеркнутыхъ»; между тѣмъ послѣднее слово: «толчковъ» и дальнѣйшія написаны въ строку, а не приписаны сверхъ.

Подъ 5-мъ примѣчаніемъ къ той же 254-й стр. сказано: «Прежде было: «пронесло»»; между тѣмъ въ подлинникѣ прежде было: «пронеслось».

Во 2-мъ примѣчаніи къ 255-й стр. сказано: «въ подлинникѣ: «о пріездѣ» (sic)»; между тѣмъ въ подлинникѣ написано: «о пріѣздѣ».

Въ 10-мъ примѣчаніи къ той же 255-й стр. сказано: «Прежде было: «вотъ какимъ образомъ должно быть установлено (sic) картина»»; между тѣмъ въ подлинникѣ ясно напи-

сано: «установленна». Вся эта фраза въ текстѣ на 255 страницѣ оканчивается словомъ: «такъ»; въ подлинномъ Гоголевскомъ текстѣ слова этого совсѣмъ нѣтъ въ этой фразѣ.

На 256 стр. первыя двѣ строки читаются такъ: «По правую его руку жена и дочь, обращенныя къ нему съ испугомъ въ лицѣ»; въ подлинникѣ послѣднія два слова читаются иначе: «па лицѣ», а можетъ быть и «на лицахъ», — окончаніе не ясно.

Въ 6-мъ примѣчаніи къ 257-й страницѣ сказано: «Слово: «преимущественную», написано сверху строки»; слѣдуетъ добавить: надъ зачеркнутымъ словомъ: «первую».

Въ 16-мъ примѣчаніи къ той же 257-й страницѣ пропущена цѣлая фраза, въ подлинникѣ приписанная надъ зачеркнутою: «и очерствѣлъ почти нечувствительно для самого себя»; вмѣсто этой фразы Гоголь написалъ надъ строкою новую: «не чувствуя, что онъ притѣснитель и непримѣтно для самого себя».

Слѣдуетъ также исправить неточность, вкравшуюся въ самое описаніе рукописи Гоголя, содержащей черновой текстъ «Предувѣдомленія». О матеріалѣ этой рукописи сказано (стр. 667), что она написана «на листѣ синеватой бумаги, формата обыкновенной почтовой бумаги». Въ дѣйствительности рукопись написана на пяти листахъ почтовой бумаги, формата въ маленькую восьмушку.

Переходимъ теперь къ главному предмету нашей рѣчи. При описаніи рукописи издателемъ въ скобкахъ поставлено слѣдующее замѣчаніе: «на одной изъ оборотныхъ сторонъ нарисована фигура какого то господина съ дамой».

Дѣйствительно, пересматривая всѣ пять листковъ, содержащихъ текстъ «Предувѣдомленія», мы находимъ отмѣченныя изображенія на *четвертой* страницѣ перваго листка. Молчаніе описателя рукописи о первыхъ трехъ страницахъ этого листка даетъ основаніе полагать, что Гоголь оставилъ ихъ бѣлыми, не заполнилъ ихъ ни текстомъ, ни рисунками. Между тѣмъ, въ дѣйствительности Гоголь оставилъ бѣлыми лишь вторую и третью страницы перваго листка, на *первой* же страницѣ онъ

собственноручно написалъ пятнадцать строкъ текста, имѣющаго непосредственное отношеніе къ «Предувѣдомленію». Но эти Гоголевскія строки не вошли въ текстъ напечатаннаго «Предувѣдомленія» (VI, 249—258 стр.) и не отмѣчены въ примѣчаніяхъ (ibid., 667—676 стр.).

Гоголь въ этихъ пятнадцати строкахъ набросалъ нѣсколько мыслей, имѣющихъ въ виду выяснить общую задачу актера при исполненіи имъ принятой на себя роли. Гоголь старался внушить каждому актеру необходимость представлять созданныя драматургомъ лица «благороднѣй и чище, чѣмъ они есть».

Такимъ образомъ въ этихъ строкахъ Гоголь излагалъ положительную задачу актерскаго искусства и, въ параллель этому изложенію, на другомъ листкѣ набросалъ нѣсколько мыслей объ отрицательныхъ задачахъ актера: «Ничего не должно быть карикатурнаго», и т. д.[1]). Повидимому, именно таковъ и былъ первопачальный ходъ мыслей и намѣреній Гоголя. Когда онъ только что задумалъ изложить нѣсколько руководственныхъ указаній для актеровъ, которымъ предстояло играть «Ревизора», онъ прежде всего записалъ, наскоро и начерно, свои положительныя соображенія, а потомъ перешелъ къ отрицательнымъ.

Если эта догадка имѣетъ за собою нѣкоторую вѣроятность, то впервые печатаемыя нами Гоголевскія строки получаютъ особое значеніе въ исторіи текста «Предувѣдомленія». Онѣ представляютъ собою начало чернового текста «Предувѣдомленія», именно ими онъ и долженъ начинаться.

Догадка эта получаетъ подтвержденіе въ текстѣ второй редакціи «Предувѣдомленія», названной въ печати «начальными страницами, переписанными на бѣло». Редакція эта представляетъ дальнѣйшую обработку текста, наиболѣе сокращенную и наиболѣе правильную въ стилистическомъ отношеніи. И вотъ, въ

---

1) Необходимо отмѣтить, что первая строка въ напечатанномъ черновомъ текстѣ: «Больше всего надобно опасаться впасть въ карикатуру», надписана Гоголемъ впослѣдствіи. Первоначальный текстъ начинался съ фразы: «Ничего не должно быть карикатурнаго».

третьей фразѣ этой редакціи, сокращенно изложены, уже какъ антитеза, всѣ мысли начальныхъ строкъ первой редакціи: «Напротивъ, нужно особенно стараться *актеру* быть скромнѣй, проще и какъ бы благороднѣй, чѣмъ какъ въ самомъ дѣлѣ есть то лицо, которое представляется».

Такимъ образомъ необходимо признать, что печатаемыя ниже строки Гоголевскаго текста не только имѣютъ отношеніе къ тексту «Предувѣдомленія», но и представляютъ собою начало первой его редакціи.

При печатаніи и этого текста всѣ слова, зачеркнутыя Гоголемъ, поставлены въ скобкахъ, а надписанныя потомъ — набраны курсивомъ:

(Какъ сочиненіе хорош) (какъ сочиня)

Точно также какъ драматическій писатель, сочиняя драмма взятую изъ жизни, долженъ помышлять о томъ, изобразить въ ней природу нѣсколько благороднѣй и чищѣ, чемъ какъ она есть въ дѣйствительности; также точно (что) должны стараться актеры о томъ, представить имъ (выв) созданныя лица *какъ бы* благороднѣй и чище, чемъ они есть. Иначе зачемъ и представлять піэсу: она будетъ всегда пріятнѣй въ чтеніи. Никакъ не нужно позабывать того, что всякая рѣзкость становиться еще резче и очевидиѣй въ представленіи. Поэтому то и самому и цензура театральная бываетъ строже той, (которая) какая бываетъ для книгъ, назначаемыхъ для простаго чтенія.

Предувѣдомленіе къ предполагавшимся изданіямъ Ревизора въ пользу бѣдныхъ.

«Предувѣдомленіе къ предполагавшимся изданіямъ «Ревизора» въ пользу бѣдныхъ» было издано Н. С. Тихоправовымъ («Сочиненія Н. В. Гоголя», изданіе десятое, томъ второй, М., 1889, 338—340 и 684—690 стр.) по двумъ спискамъ, сохранившимъ въ себѣ двѣ редакціи «Предувѣдомленія» — краткую или позднѣйшую и пространную или предшествовавшую первой. Списокъ краткой редакціи, которымъ пользовался при изданіи Н. С. Тихоправовъ, «переписанъ на бѣло самимъ Гоголемъ», пространная же редакція извѣстна была Н. С. Тихоправову «по копіи, находящейся въ бумагахъ наслѣдниковъ Гоголя».

Въ бумагахъ наслѣдниковъ Гоголя сохранился и собственноручный Гоголевскій списокъ пространной редакціи «Предувѣдомленія», теперь хранящійся въ Отдѣленіи рукописей Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ подъ № 3215. При сличеніи текста этого списка съ текстомъ копіи, изданной Н. С. Тихоправовымъ, обнаруживается, что копія не точно передала нѣкоторыя мѣста собственноручнаго текста Н. В. Гоголя и совсѣмъ не воспроизвела всѣхъ подробностей литературной работы его надъ текстомъ «Предувѣдомленія», которыя сохранились въ его собственноручномъ спискѣ.

Какъ на примѣръ неточной передачи въ копіи собственно-

ручнаго текста Н. В. Гоголя можно указать на слѣдующія мѣста въ «Предувѣдомленіи»:

Подъ 14-мъ примѣчаніемъ, на стр. 689-й, второго тома, напечатана по копіи такая фраза: «отъ своихъ излишковъ не оставить денежнымъ вспомоществованіемъ, которое они могутъ адресовать къ одному изъ раздавателей». Фраза эта въ собственноручномъ спискѣ Гоголя сохранилась въ двухъ редакціяхъ — первоначальной и исправленной. Первоначальная, въ полномъ видѣ, читается такъ: «Тѣхъ же моихъ читателей, которые, будучи заняты должностями и обязанностями высшими, не имѣютъ чрезъ то досуга входить непосредственно въ положенья бѣдныхъ людей, но которые однако жъ достаточны и могутъ что нибудь удѣлить отъ своихъ излишковъ, я прошу прислать денежное вспоможеніе къ кому нибудь изъ тѣхъ, на которыхъ разложена раздача ихъ и которыхъ имена здѣсь означены». Въ исправленной редакціи вся эта фраза подверглась сокращеніямъ и измѣненіямъ, правда, не законченнымъ, и читается такъ: «Всѣхъ же тѣхъ, которые, будучи заняты должностями и обязанностями высшими, не имѣютъ чрезъ то досуга входить непосредственно въ положенья бѣдныхъ людей, я прошу не оставить денежное вспоможеніе, которое они могутъ адресовать къ одному изъ раздавателей».

Такимъ образомъ въ копіи не выдержана ни одна изъ редакцій собственноручнаго текста Гоголя и даже обѣ редакціи соединены въ одну.

Подъ 16-мъ примѣчаніемъ, на той же страницѣ второго тома, по копіи напечатана слѣдующая фраза: «Считаю обязанностію увѣдомить, что я упросилъ взять это на себя тѣхъ изъ мною лично знаемыхъ, которые имѣютъ болѣе другихъ для этого досуга» и т. д. Въ собственноручномъ спискѣ Гоголя фраза эта читается въ трехъ редакціяхъ — первая: «Считаю обязанностью увѣдомить при этомъ, что избранны мною для этого только тѣ изъ уважаемыхъ мною истинно людей, которые имѣютъ» и т. д.; вторая: «Считаю обязанностью увѣдомить, что я возложилъ раз-

дачу вспомоществованія на тѣхъ изъ друзей моихъ, которые» и т. д.; третья: «Считаю обязанностью увѣдомить, что я упросилъ взять хлопотами (sic) на себя тѣ (sic) изъ мною лично знаемыхъ людей, которые имѣютъ» и т. д.

Такимъ образомъ и въ этой фразѣ копія не передала въ точности ни одной изъ трехъ редакцій подлинника.

Кромѣ того, по копіи совсѣмъ не напечатаны имена и адреса раздавателей, чѣмъ косвенно указывается тожество ихъ со спискомъ, напечатаннымъ по краткой редакціи на стр. 340-ой второго тома. Между тѣмъ въ собственноручномъ спискѣ Гоголя пространной редакціи есть отличія и въ этомъ спискѣ, именно: въ краткой редакціи поименовано шесть Московскихъ раздавателей, а въ пространной семь, и этимъ седьмымъ, пропущеннымъ въ краткой редакціи, поставленъ Василій Алексѣевичъ Пановъ. При первомъ имени Петербургскихъ раздавателей пропущенъ титулъ, тогда какъ въ пространной онъ поставленъ: «Кн. Ольга Степановна Одоевская».

Приведенные уже примѣры показываютъ, что копія старается воспроизвести преимущественно послѣднее чтеніе пространной редакціи, опуская безъ вниманія всю предыдущую работу Гоголя надъ текстомъ. Можно было бы привести и еще нѣсколько выраженій изъ первоначальныхъ чтеній текста, не воспроизведенныхъ копіей, напримѣръ: «другіе (литераторы) не отказывались участвовать въ составленіи разныхъ сборниковъ», «должны (имущіе) содержать имъ сверхъ того мать, сестру, словомъ не одного себя», «оно (дѣло раздачи) отнимаетъ у нихъ (раздавателей) множество самыхъ пріятныхъ удовольствій и развлеченій свѣтскихъ, имѣющихъ дьявольскую приманку, которыя почти необходимы въ минуты отдыха человѣка», и др.

Можно, наконецъ, привести примѣръ произвольнаго чтенія въ копіи Гоголевскаго текста. Въ концѣ «Предувѣдомленія», на стр. 690, напечатана по копіи слѣдующая фраза: «въ разговорѣ легко могутъ быть объяснимы всѣ тѣ недоразумѣнія, которыя всегда остаются въ письмахъ». Въ собственноручномъ текстѣ

Гоголя эта фраза читается нѣсколько иначе: «Въ разговорѣ легко могутъ объясниться всѣ тѣ недоразумѣнія» и т. д.

Кромѣ собственноручнаго Гоголевскаго списка «Предувѣдомленія» пространной редакціи, въ бумагахъ наслѣдниковъ Гоголя сохранился и еще одинъ списокъ «Предувѣдомленія» и также писанный собственною рукою Гоголя. Матеріаломъ для него послужилъ полулистъ почтовой бумаги малаго формата in 8°, двѣ страницы котораго Гоголь заполнилъ мелкимъ, бисернымъ, но четкимъ и красивымъ своимъ почеркомъ, съ небольшими передѣлками, измѣненіями и сокращеніями въ нѣкоторыхъ мѣстахъ. Этотъ списокъ содержитъ въ себѣ наиболѣе пространную и наименѣе обработанную редакцію «Предувѣдомленія». Почти каждая фраза ея или синтаксически не полна, или стилистически не закончена и не обработана. При сопоставленіи съ тѣми двумя редакціями, которыя напечатаны П. С. Тихонравовымъ, эта новая редакція, въ литературномъ отношеніи, является первопачальнымъ наброскомъ мыслей и выраженій, которыя уже въ послѣдующихъ редакціяхъ постепенно принимали литературную форму. Поэтому въ хронологическомъ порядкѣ она должна быть поставлена первою среди всѣхъ трехъ извѣстныхъ редакцій «Предувѣдомленія».

Мѣста, зачеркнутыя Гоголемъ, печатаются въ скобкахъ, а надписанныя поверхъ строкъ — курсивомъ.

Почти всѣ изъ моихъ собратьевъ — *Русскихъ* литераторовъ жертвовали чемъ-нибудь отъ трудовъ своихъ въ пользу неимущихъ. Или издавали сами въ пользу ихъ книги, или участвовали своими трудами въ составл(яемыхъ)еніи сборниковъ, (издаваемыхъ цѣлымъ) *предпринимаемыхъ* обществомъ *благотворительнымъ*, или наконецъ или паконецъ (производили) *составляли* съ этою цѣлью публичныя чтенія. Одинъ, къ моему стыду, отсталъ. Желая загладить, хотя поздо, проступокъ свой, я назначаю *въ пользу неимущихъ* нынѣшнее четвертое *и пятое* изданіе «Реви-

зора», *печатаемыя въ одно время въ Москвѣ и въ Петербургѣ*, съ присоединеніемъ его окончанія или развязки, которую по разнымъ обстоятельствамъ мнѣ нельзя было выдать прежде.

Деньги, выручаемыя (за нихъ будутъ обращены) за оба эти изданія, назначаются (какъ в) только въ пользу тѣхъ неимѣющихъ, которые или служатъ или служили прежде *на самыхъ невидныхъ и незамѣтныхъ мѣстахъ*, которые имѣютъ слишкомъ мѣлкіе и маленькіе мѣста и должности, хотя тѣмъ не менѣе трудны, и получаютъ слишкомъ маленькія жалованія на свое содержаніе, хотя бываютъ иногда обязаны содержать не однихъ себя, но дряхлую мать, *больныхъ* и нигдѣ не пріютившихся родственниковъ. Я потому и прошу убѣдительно всѣхъ читателей, уже (купившихъ Ревизора) сдѣлавшихъ начало доброму дѣлу покупкой моей (продолжить) книги, сдѣлать *ему* (и завершенье) и добрый ему конецъ или завершенье. Я прошу всѣхъ тѣхъ читателей моихъ, которые не заняты слишкомъ важными и высокими должностями, лишающими досуга, которые, напротивъ того, служатъ сами еще не въ важныхъ должностяхъ и стало болѣе всѣхъ другихъ могутъ встрѣчаться лично съ такими *людьми*, всѣхъ такихъ читателей я прошу заняться доставкой свѣденій обо всѣхъ (такихъ людяхъ, гдѣ бы они ихъ не встрѣтили, претерпѣвающихъ трудное горе жизни), *терпящихъ и нуждающихся* въ означенномъ видѣ. Свѣденія таковыя прошу доставлять ихъ тѣмъ людямъ, которые мною уполномочены быть раздавателями (этой) такой помочи (прося ихъ въ тоже время). *Особенно* прошу (читателей) не пренебрегать такимъ дѣломъ, *входить* и вникать самолично въ положеніе нуждающихся и только о такихъ доставлять свѣденія, которыхъ они узнали *уже сами* лично *и* не полагаться на расказы другихъ.

(Именемъ Бога говорю) *Право*, стоитъ того человѣкъ, чтобы поближе и получше войти его въ положеніе, (гораздо лучш) и разговоромъ *съ нимъ* о немъ самомъ гораздо лучше всякихъ разговоровъ о томъ, что интересуетъ (все) общество въ его современную минуту. Можетъ *случиться*, тутъ же, въ одномъ

мѣстѣ, въ одной улицѣ и даже въ одномъ домѣ, въ одной комнатѣ съ нами (быть) человѣкъ, который вытерпливаетъ тяжелое горе жизни, которому мы, а не кто либо другой могъ бы помочь, — и мы этого не узнаемъ, и (умираемъ даже) достигаемъ до конца жизни и умираемъ спокойно, не подозрѣвая, могли ли быть у насъ какіе нибудь сношенія съ этимъ человѣкомъ. Молю всѣхъ Христолюбивыхъ читателей не пренебрегать (особенно) разговорами съ низшими людьми, особенно съ такими, которые молчаливо, неразговорчиво, тихо скорбятъ и претерпѣваютъ, и только послѣ ихъ смерти узнается, что они умерли отъ невыносимаго бремени нуждъ. Всѣхъ же тѣхъ читателей, которые, *будучи* заняты болѣе нужными и важнѣйшими дѣлами, не могутъ имѣть чрезъ то досуга входить въ положенья бѣдныхъ людей, прошу *ихъ* (предполагая ихъ людьми достаточными), разумѣется, въ такомъ случаѣ, если они достаточны и могутъ удѣлять отъ своихъ достатковъ, прислать отъ себя что нибудь на вспоможенье, адресуя къ кому нибудь изъ тѣхъ (которые) моихъ знакомыхъ, которые *по доброть своей* рѣшились взять на себя обязанность быть раздавателями вспомоществованій, и которыхъ имена и адресы сдѣсь прилагаются.

(Увѣдомляю при) Считаю обязанностью увѣдомить при этомъ случаѣ, что выбраны мною тѣ особенно, которые имѣютъ покуда болѣе другихъ свободнаго времени, имѣютъ душевную потребность быть (хотя этимъ) полезными брату и будутъ стараться особенно о томъ, чтобы помощь не (пропала даромъ) копѣйка брошенная даромъ на воздухъ, но обратилась, при всей малости своей, въ пользу неимущему, а потому не прежде помогутъ ему, покуда его не узнаютъ, какъ близкаго своему сердцу человѣка, не взвѣсятъ всѣхъ обстоятельствъ его окружающихъ и не придутъ въ возможность сопроводить умнымъ совѣтомъ поданную помощь. *Въ тѣхъ сл*, гдѣ дѣло будетъ соединено тѣсно съ состояніемъ душевнаго нуждающаго, гдѣ онъ самъ окажется виной своей тяжелой участи, словомъ, во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, гдѣ (дѣло будетъ тѣсно) участвуетъ совѣсть человѣка, они про-

изведутъ не иначе вспомоществованье свое, какъ чрезъ руки опытныхъ священниковъ и такихъ духовниковъ своихъ, которымъ приходится не впервой имѣть дѣло съ душой и съ совѣстью человѣка. (Прошу Доставлять же свѣденія о нещастныхъ гораздо лу) Желательно мнѣ было, если бы всякъ изъ тѣхъ знающихъ, которые имѣютъ свѣденія о страждущихъ, доставляли бы свѣденія свои лично мною означеннымъ особамъ, а не письменно. На словахъ можно разсказать лучше и обстоятельнѣе и разрѣшить всякіе недоразумѣнія, которыя всегда остаются въ письмахъ. Я нарочно затѣмъ раздѣлилъ на многихъ, а не одного, раздачу вспомоществованья, чтобы *могъ усмотрѣть самъ, съ кѣмъ ему ловче переговорить и объясниться*, читатель видѣлъ самъ, къ кому изъ нихъ приличнѣе, по роду дѣла, обратиться. Нужно ли сострательное участіе женщины, или освѣжительное братское ободреніе мужчины. Выставляю даже, въ который они могутъ переговорить: отъ 11 до 12 часовъ, полагая этотъ часъ удобнѣе. Если же и неудобно, то все таки въ этотъ часъ они могутъ узнать отъ нихъ, въ который пріѣхать имъ переговорить о дѣлѣ.

Имена и адресы лицъ, на которыхъ возложена раздача вспомоществованій

Въ Москвѣ — въ С.-Петербургѣ.

Отрывки, наброски и молитвы.

Отрывки и наброски сохранились на лоскуткахъ писчей бумаги, на которыхъ Гоголь собственноручно записалъ мысли и соображенія свои по разнымъ вопросамъ, особенно религіознымъ (№№ 1, 2, 5, 6), по географіи (№ 3), матеріалы для словаря (№ 10) и молитвы (7 и 8). На особомъ листкѣ почтовой бумаги написанъ Гоголемъ «Реестръ книгъ оставшихся въ Москвѣ», имѣющій важное значеніе для біографіи Гоголя.

Автографы Гоголя хранятся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подъ № 3213.

1.

У исповѣди собрать всѣ сословія, всѣ какъ равные между собою. Всѣ дѣло имѣютъ съ Богомъ.

2.

Выше того не выдумать, что уже есть въ Евангеліи. *Сколько разъ уже отшатывалось отъ него человѣчество и сколько разъ обращалось.* Нѣсколько разъ совершитъ человѣчество своего кругообращеніе... пѣсколько *мыслей* совершитъ... оборотъ мыслей... и возвратится вновь къ Евангелію, подтвердивъ опытомъ *событій* истину каждого его слова. *Вѣчное оно вкопится глубже*

и глубже. Еще (глубже и глубже вкорепятся вѣчныя слова), какъ дерева, шатаемые вѣтромъ, пускаютъ глубже и глубже свои корни.

3.

Особенно нужно знакомить съ тѣми мѣста, *гдѣ является сила дѣятельности*, которые человѣкъ привелъ изъ бесплотныхъ въ цвѣтущіе, какъ произошло, *съ небольшой исторіей какъ онъ это совершилъ*, это оставляетъ добрыя впечатлѣнія... любовь къ труду и земледѣлью, охоту бороться съ препятствіями.

4.

Бѣдному сыну пустыни снился сонъ представить... Бѣдному сыну пустыни снился сонъ: Лежитъ и разстилается великое Средиземное море, и съ трехъ разныхъ сторонъ глядятъ въ него палящіе берега Африки съ тонкими пальмами, Сирійскіе голые пустыни и многолюдный, весь изрытый моремъ, берегъ Европы. Стоитъ въ углу надъ неподвижнымъ моремъ древній Египетъ. Пирамид надъ пирамидою; граниты глядятъ сѣрыми очами, оддѣланные въ сфинксы идутъ величавые ступени. Стоитъ онъ величавый, питаемый великимъ Ниломъ.

5.

Одно только сдѣсь ясно, что крестъ данъ Тѣмъ, кто даетъ одно благо, благо въ разныхъ видахъ, или въ видѣ ясного понятнаго намъ счастія, или въ видѣ тяжкого непостижимаго для насъ страданія. Въ такомъ убѣжденіи великая сила; но и эту силу мы получаемъ отъ Бога.

6.

Долгъ — Святыня. Человѣкъ счасливъ, когда исполняетъ долгъ. Такъ велитъ долгъ, говоритъ онъ и уже покоенъ.

7.

Господи, дай мнѣ помнить вѣчно мое... мое невѣдѣніе, мое незнаніе, *недостатокъ образованія моего, да не выведу ни о комъ и ни о чемъ неосмотрительного мнѣнія.* (Никого не судить, и сторониться выводить мнѣніе. Да помню ежеминутно Слова Апостола Твоего. Не все да будетъ).

8.

Господи! спаси и помилуй бѣдныхъ людей. *Умилосердись, Создатель, и яви руку свою и надъ ними.* Господи, выведи насъ всѣхъ на свѣтъ изъ тьмы. Господи, отгони всѣ обольщенія лукавого духа, *всѣхъ* насъ обольщающія. Господи, просвѣти насъ, Господи, спаси насъ. Господи, спаси бѣдныхъ людей Твоихъ.

Господи, удержи гнѣвъ *твой*, и ярость казней твоихъ. Господи, преклонись немощью нашею и помоги намъ, *возвестись намъ, обрати къ тебѣ* и вознести(сь тебя) *умоляющій вопль къ Тебѣ, и рыданьемъ сердецъ нашихъ умолить тебя.* (Господи, пошли духа твоего святого, не вѣдя что творятъ, прости безумія нашего). Господи, не взирая на нечестивыя наши дѣла *и вопль неистовый*, не вѣдятъ бо что творятъ, *ради любящихъ тебя, ради угождающихъ*, пошли духа твоего святого, вразуми и спаси насъ. Спаси, спаси насъ, спаси.

Господи, спаси и помилуй бѣдныхъ людей твоихъ. Не давай лукавому возвеселиться и овладѣть нами. Не дай врагу поглумиться надъ нами, и мрачному производить беспорядки и неустройства, возмутить стройность, *знаменующую* присутствіе твое *съ нами.* Господи, яви, *сотвори святое* твое чудо *твое*, устрой, устрой.

Господи, спаси.

Небесная стройность и мудрость Христа, соприсутствовавшая Богу при творенья міра, безъ нея же ни что же бысть. Яви человѣколюбіе свое ради святой крови своей, ради жертвы за насъ принесенной. *Внеси святой порядокъ*, (Спаси и разгони

хаосъ въ котор... бысть миръ. Устрой, устрой, спаси насъ) и разогнавши мисли (изъ хаоса) печестивыя, вызови изъ хаоса строиность, *и* спаси *насъ*, спаси, спаси насъ. Господи, спаси и помилуй бѣдныхъ людей твоихъ.

Господу
Возгла

9.

Реэстръ книгъ, остающихся въ Москвѣ.

Собраніе русскихъ лѣтописей	2	книги
Словарь церковно-Словенскій Академическій	2	книги
Церковный словарь	2	»
Греческій словарь Косовича	1	»
Lexicon Greco-latinum	1	»
Collexion des auteurs latins	1	»
Homeri carmina	1	»
Исторія Евсевія	2	»
Записки на книгу бытія	1	»
Luciani opera	1	»
Aristophanis comediae	1	»
Древняя Исторія Беккера	1	»
Средняя исторія	1	»
Географія Зябловскаго	6	»

10.

Губами не плюскати.
Губами не сверкати.
Ртомъ не чавкати, не ляскати.
Нищелюбецъ, страннопріимникъ, недосадитель.
Не славохотенъ, не златолюбецъ.
Молитвенникъ, друголюбецъ, разумный трудникъ къ Богу неосудникъ.
Настигнетъ поклепъ и оговоръ.
У небесныхъ чертоговъ кроткостояніе.
Посмѣхъ и укоризна.

Участникъ зла и общникъ нечестивыхъ.
Благожитіе.
Обносъ и поносъ.
Добрымъ наукомъ вѣкъ живетъ.
И въ грозѣ и во всякомъ дозорѣ.
Твоего берегли бы всѣ за одинъ.
Не потачилъ и обыскивалъ прямо съ очей на очи.
Изгинетъ имѣнье.
Бездождіе, безвременные дожди и нестройные лѣта, и зима неугодна, и мразы, и земли бесплодіе, рыбамъ и всякому обилію скудость.
Съ благотерпѣньемъ.
Нѣтъ устроя между людьми.
Указать дневное дѣло всякому рукодѣлію.
Колачи, блины, пироги, всякіе каши и кисели, и всякіе приспѣхи.
Стирать выполоскать и скатать.
Сталъ учить какъ сѣять муку, притворити квашню и замѣсити. Валять и печь хлѣбъ такъ, чтобы были кваспы и буко́ны и выпечены.
Обрѣски сукна и холстины.
Всякому рукодѣлью порядня и спасть была бы въ подворьи.
Всякому домовитому обиходу была бы своя порядня.
Поваренная порядня и хлѣбенная была бы сполна. И мѣдное, и оловяное, и желѣзное, и деревяное.
Пересмотрѣть что измято, избито, утло, изваляно, подралося.
Мѣримое было бы измѣримое, вѣсовое извѣшено.
Пустыхъ, пересмѣшныхъ, соромныхъ, бездѣльныхъ рѣчей не говорила.
Да не знаться съ переходными бабами, гадальщицами, волхователь ницами и ворожеями.
Ходильное платье, убрусы, рубашки, ширинки, все было бы чисто, бѣло, уверчено, укладено, не перемято, не столчено.

А лучшее платье, саженье, монисто въ сундукахъ и коробьяхъ за замкомъ, и ключи держала въ маломъ ларцѣ.

Вино, медъ, пиво, гостинцы держала бы жена въ погребѣ да ледникѣ, а сама бы не пила. Пила бы безхмѣльную брагу и квасъ и дома и въ людяхъ.

А платье, рубашки, убрусы носить на себѣ бережно: не извалять, не изсуслить, не измять, не класть на мокрое, садясь оглядываться, питьемъ

Три раза въ день перемывать горячей водой ковши, братины, ложки, ставцы и всякую посуду, поутру, послѣ обѣда и въ вечеру. Перемывши вытереть и высушить.

А ведра, и ночва, и квашни, и корыта, и сита, и решета, и горшки, и кувшины, и корчаги. И вымыть, и выскресть, и вытереть, и высушить, и положить въ чисто мѣсто.

А по лавкѣ, по двору, по хоромамъ сосуды не волочились бы, а ставцы, блюда, братены, ковши и ложки по лавкамъ не валялись бы. Но въ чистомъ бы мѣстѣ лежало опрокинуто ницъ. Сосуды, лучшіе, серебряные, оловяные, золотые держать за замкомъ въ крѣпкомъ мѣстѣ.

Передъ крыльцомъ солома грязи на ноги отирать, ино лѣсница не угрязнится. И у сеней передъ дверьми рогожка или войлокъ ветшаный или потирало. А подальше еще что получше.

Такъ ведется у добраго домовитого благоразумнаго Государя своимъ дозоромъ и добрымъ наукомъ. А купить у кого пріѣзжева, торгуй полюбовно и деньги плати вдругъ. А по куплѣ и почестку учини. Хлѣбомъ да солью да питьемъ, привѣчай словомъ и привѣтомъ, а смотря по торговлѣ и человѣку, какъ нибудь и подари. Не будетъ убытка. Всегда мимо тебя добраго товару не продастъ, лишнева не возьметъ и худова не дастъ.

Всему дозоръ, и присмотръ, и блюденье.

А по обиходу смотря, купи и въ запасъ чего на возъ: тафты косякъ или сукна поставъ.

А лѣсъ, и дрова, и бочки, и мѣрники, и скалы, и будникъ, и лубья, и липнягъ, и доски, и дранцы, и желобы, коли тому на возъ, въ зимѣ на возѣхъ, а лѣтѣ на плотѣхъ и въ лодьяхъ на годъ запасешь.

Что слишкомъ дешево купи, коли хозяинъ, хоть и ненадобно, наверстаешь въ другомъ съ прибылью чего много запасъ.

Матеріалы историческіе.

Среди собственноручныхъ бумагъ Н. В. Гоголя сохранилось значительное количество листовъ вырѣзанныхъ и вырванныхъ изъ записныхъ книжекъ разнаго формата и заполненныхъ собственноручно Гоголемъ свѣдѣніями и замѣтками по всѣмъ періодамъ исторіи всемірной и, больше всего, русской.

Сохранилась и обертка съ записной книги большаго формата (въ листъ), съ собственноручною надписью Гоголя, большими буквами, въ двѣ строки: «Матеріалъ лекцій». Надо думать, что большинство уцѣлѣвшихъ листовъ, большаго формата, совершенно однородныхъ, сѣрыхъ и съ однимъ водянымъ знакомъ «Pro patria» (VI т., стр. 792), входили въ составъ одной записной книги, назначеніе которой Гоголь точно опредѣлилъ вышеприведенною надписью. Листы другого формата, въ четвертку, зеленоватаго цвѣта, съ водяной монограммой изъ двухъ латинскихъ буквъ G и P, вырѣзаны изъ другой записной книжки, имѣвшей, однако, тоже самое назначеніе.

Очевидно, у Гоголя было нѣсколько записныхъ книгъ, которыя онъ заполнялъ матеріалами, служившими ему для составленія и чтенія лекцій по исторіи. Сюда вносились прежде всего выписки изъ источниковъ и пособій по исторіи, а потомъ уже собственныя замѣтки Гоголя и собственное его изложеніе историческихъ событій и характеристикъ, а также собственный его подборъ свѣдѣній, относящихся къ извѣстному историче-

скому лицу или событію; и лишь нѣкоторыя страницы этихъ книгъ сохранили попытки Гоголя въ литературно-обработанной формѣ изложить извѣстную лекцію.

Редактору VI и VII тт. десятаго изданія Сочиненій Н. В. Гоголя были извѣстны эти разрозненные листы съ Гоголевскими матеріалами для лекцій по исторіи, и часть изъ нихъ напечатана имъ въ VI томѣ подъ общимъ заглавіемъ: «Черновые наброски, замѣтки и выписки, относящіеся къ русской исторіи» (стр. 439—448), и въ примѣчаніяхъ къ «Наброскамъ изъ древней исторіи» подъ заглавіями: «Мидія» и «Персы» (стр. 787—789). Однако, въ примѣчаніяхъ къ «Черновымъ наброскамъ» редакторъ заявилъ (792 стр.): «Въ этомъ отдѣлѣ нами соединены *всѣ* тѣ черновые наброски Гоголя, относящіеся къ русской исторіи, которыя, не составляя какихъ либо законченныхъ статей, были имъ или записаны для памяти, будучи составляемы по источникамъ, или же заключали въ себѣ размышленія автора и, вѣроятно, предназначались для дальнѣйшей разработки въ будущемъ». Изо всего этого не весьма вразумительнаго заявленія можно вывести совсѣмъ неправильное заключеніе о томъ, что редакторъ исчерпалъ *всѣ* черновые наброски Гоголя, по крайней мѣрѣ, по русской исторіи, что напечатанными редакторомъ набросками ограничиваются всѣ уцѣлѣвшія записи Гоголя и что, кромѣ этихъ напечатанныхъ, не сохранилось никакихъ матеріаловъ, относившихся къ занятіямъ Гоголя исторіей.

Въ дѣйствительности дѣло обстоитъ не совсѣмъ такъ: до нашего времени сохранилось и уцѣлѣло разрозненныхъ листовъ съ матеріалами Гоголевскихъ лекцій по исторіи гораздо больше, чѣмъ сколько ихъ напечатано редакторомъ VI и VII томовъ десятаго изданія. Такъ, по средней исторіи не напечатанъ ни одинъ изъ трехъ уцѣлѣвшихъ листовъ, изъ коихъ одинъ начинается заголовкомъ: «Суевѣрія», другой: «Торговля Балтійская», и третій съ замѣтками о судѣ у Франковъ. На шесть же напечатанныхъ листовъ съ матеріалами по русской исторіи приходится шестьдесятъ одинъ листъ не напечатанныхъ.

Всѣ эти непапечатанные листы были, однако, извѣстны редактору десятаго изданія: совершенно безпорядочный перечень ихъ напечатанъ имъ на 894—895 стр. VII тома. Впрочемъ, справедливость требуетъ сказать, что въ этомъ перечнѣ трудно узнать нѣкоторыя страницы: такъ неумѣло прочитаны первыя строки ихъ. Напримѣръ, на 895 стр. сказано: «далѣе слѣдуетъ страница, на которой написано: Періодъ Татаръ до Византіи»; очевидно, редакторъ здѣсь описываетъ страницу, на которой въ дѣйствительности написано: «Періодъ Татарскій. Изъ Визант.», и далѣе приводится выдержка изъ Pachimeres. Ниже одной строкой редакторъ описываетъ: «далѣе — на отдѣльной страничкѣ: Уже появляться земли Европейскаго востока... еще уже сильнымъ доказательствомъ малочисленности славянъ». Тутъ редакторъ по собственному произволу соединилъ начала двухъ страницъ въ одно, при чемъ совершенно неправильно прочиталъ Гоголевскій текстъ. Гоголь написалъ въ началѣ первой страницы: «Уже самимъ положеніемъ земли Европа восточная отличается отъ западной»; — въ началѣ второй: «Уже сильнымъ доказательствомъ многочисленности Славянъ».

Обращаясь къ тѣмъ листамъ, текстъ которыхъ напечатанъ редакторомъ въ VI томѣ на 439—448 стр., необходимо прежде всего внести нѣкоторыя существенныя поправки.

Такъ, на 439 страницѣ подъ 9 примѣчаніемъ напечатано: «по краямъ были тѣ лѣтописи *не писаны*»; въ дѣйствительности Гоголемъ написано: «по краямъ были тѣ лѣтописи *испи-саны*».

На той же страницѣ между примѣчаніями 14 и 15 напечатано: «а *отъ этого*... долго еще были бусурманами»; у Гоголя написано: а *отъ того...*» и т. д.

На той же страницѣ подъ 18 примѣчаніемъ напечатано: «иные вовсе *не ученые*»; у Гоголя написано: «иные вовсе *не-ученые*».

На той же страницѣ между примѣчаніями 21 и 22 напечатано: «*Перемышла* была не въ однихъ монастыряхъ: она была

ремесло поденщика»; у Гоголя написано: «*Переписка* была не въ однихъ монастыряхъ: она была *что* ремесло поденщика».

На 441-ой страницѣ, въ 4-ой строкѣ, напечатано: «*незадолго* до Чимабуэ»; у Гоголя написано: «*и задолго* до Чимабуэ».

На той же страницѣ, въ 10-й строкѣ, напечатано: «начинаетъ писать на *Моск(овскомъ)* языкѣ»; у Гоголя написано: «начинаетъ писать на *своемъ* языкѣ».

На той же страницѣ, въ 17 строкѣ, дважды напечатано: «*франкскій*»; у Гоголя дважды написано: «*франконскій*».

На той же страницѣ, въ 21 строкѣ, напечатано: «*написана* на пергаментѣ»; у Гоголя: «*писана* на пергаментѣ».

На той же страницѣ подъ 3-мъ примѣчаніемъ напечатано: «*поэтому* нѣтъ»; у Гоголя написано: «*потому* нѣтъ».

На 442-ой страницѣ, въ послѣдней строкѣ напечатано: «у кого они *покупали*»; у Гоголя написано: «у кого они *покупались*».

На 443-й страницѣ, въ 7-ой строкѣ, напечатано: «велѣлъ *есть* дать»; у Гоголя написано: «велѣлъ *есмь* дать».

На той же страницѣ, въ 12-ой строкѣ, напечатано: «отказывалъ и передавалъ»; у Гоголя написано: «*и все* отказывалъ и передавалъ».

На той же страницѣ, въ 17 и 18 строкахъ, напечатано: «А кто моихъ бояръ иметь *скупить* у моей княгини, а волости имуть *въдати*»; у Гоголя написано: «А хто моихъ бояръ иметь *служити* у моее кнегини, а волости имуть *вѣдати*».

На той же страницѣ, въ 21 строкѣ, напечатано: «Владыка Володимерскій Алексій»; у Гоголя написано: «Владыка Володимерскій Олексѣй».

Печатаемые ниже матеріалы для лекцій Гоголя по исторіи дѣлятся по отдѣламъ исторіи, къ которымъ они относятся, на двѣ неравныя части: 1, на матеріалы по средней исторіи и 2, на матеріалы по русской исторіи.

Матеріаловъ по средней исторіи сохранилось сравнительно немного. Они содержатся на двухъ полулистахъ большаго формата, изъ коихъ одинъ начинается заголовкомъ «Суевѣрія», а другой — заголовкомъ «Торговля Балтійская», не обнимающими, впрочемъ, всего содержанія полулистовъ, и на небольшомъ обрывкѣ листа, на которомъ набросаны замѣтки о судѣ у Франковъ.

Гораздо многочисленнѣе уцѣлѣвшіе матеріалы по русской исторіи въ частности и по исторіи Славянской вообще. Всѣ эти матеріалы состоятъ изъ выдержекъ, выписанныхъ Гоголемъ изъ первоисточниковъ и пособій, и изъ собственныхъ его замѣтокъ и соображеній.

Вся эта область матеріаловъ, повидимому, весьма мало имѣла отношеній къ лекціямъ Гоголя. Надо думать, что эти матеріалы заготовлялись для собственныхъ его занятій исторіей, особенно исторіей Малороссіи.

Извѣстно увлеченіе его исторіей и желаніе его написать многотомное пособіей по этой отрасли знаній. Переписка его съ Погодинымъ, Максимовичемъ, Срезневскимъ, Пушкинымъ и даже съ родными, до 1835 года, краснорѣчиво свидѣтельствуетъ о направленіи симпатій Гоголя въ сторону исторіи, о занятіяхъ его и подготовкѣ имъ матеріаловъ для предполагавшихся трудовъ въ этой области[1]).

Печатаемые ниже матеріалы Гоголя служатъ убѣдительнымъ подтвержденіемъ его увлеченія исторіей, многочисленности его занятій и усидчивой работы его надъ ней, и наилучшей иллюстраціей для апріорнаго положенія, высказаннаго Витбергомъ, что «увлеченіе историческими занятіями составляетъ весьма серьезный вопросъ въ жизни Гоголя, а потому и отнестись къ этому увлеченію слѣдуетъ серьезно, не спѣша произно-

1) См. также отдѣльныя монографіи по этому предмету: Ф. Витберга, «Гоголь какъ историкъ», въ *Историческомъ Вѣстникѣ* 1892 года, книга 8, 390—423 стр., Шенрока В. И. во второмъ томѣ «Матеріаловъ для біографіи Гоголя» и И. Каманина, «Научныя и литературныя произведенія Н. В. Гоголя по исторіи Малороссіи», Кіевъ, 1892.

сить приговоръ надъ занятіями, втеченіе нѣсколькихъ лѣтъ поглощавшими все вниманіе Гоголя и мѣшавшими ему отдаться природнымъ поэтическимъ влеченіямъ».

Изъ первоисточниковъ заслуживаютъ вниманія «Выписки изъ Кіевской лѣтописи». Сопоставленіе ихъ съ напечатанными лѣтописями показываетъ, что оригиналъ ихъ былъ не печатный. Повидимому, текстъ Гоголевскихъ «Выписокъ» весьма близко подходитъ къ Хлѣбниковскому списку Лѣтописи. Однако, оригиналъ «Выписокъ» сокращеннѣе Хлѣбниковскаго списка».

Не объ этомъ ли оригиналѣ Гоголь писалъ Пушкину 23 декабря 1833 года: «Порадуйтесь находкѣ: я досталъ лѣтопись безъ конца, безъ начала, объ Украйнѣ, писанную, по всѣмъ признакамъ, въ концѣ XVII вѣка»?

Собственноручные листы Гоголя хранятся въ Румянцовскомъ Музеѣ подъ №№ 3220 и 3221. При печатаніи ихъ Гоголевское правописаніе не удерживалось.

Матеріалъ лекцій.

Матеріалы по средней исторіи.

I.

Суевѣрія.

Въ Августѣ мѣсяцѣ 1399, говоритъ современный историкъ, во всей Италіи видны были Bianchi. Въ бѣломъ одѣяніи они проходили изъ города въ городъ, изъ провинціи въ провинцію, крича Misericordia, съ покрытымъ лицомъ, опущеною головою, и неся впереди крестъ. Ихъ обыкновенная пѣсня Stabat mater. Это продолжалось 3 мѣсяца. Всѣ неучаствовавшіе считались еретиками. Но это не въ одной Италіи: во Франціи ихъ обыкновеніе покрывать голову такъ облегчало преступленіе, что должно было запретить ихъ. Въ Англіи тоже находится актъ парламентскій Генриха IV, запрещавшій, подъ страхомъ конфискаціи имѣнія, вступать въ новую секту въ бѣлыхъ платьяхъ.

Охота соколья въ 14 столѣтіи любимая забава. Рѣдко рыцарь выѣзжалъ безъ сокола на рукѣ и гончей собаки. Гробницы рыцарей всегда украшены соколомъ или несущею дичь собакою. Даже памятники дамъ были украшены соколомъ. Монахи чрезвычайно занимались охотою. Нѣсколько разъ монастыри получали позволеніе. Монахи Сентъ-Дениса представляли Карлу Вел. въ 774 году, что мясо животныхъ, убитыхъ на охотѣ,

есть лучшее для больныхъ монаховъ, и что кожа сихъ животныхъ служитъ на переплетъ книгъ библіотеки. Архіепископъ въ 1321 въ Іоркѣ охотился съ собаками. Третій соборъ Латранскій въ 1180 запретилъ это удовольствіе въ продолженіе посѣщенія эпархій и ограничилъ свиту епископовъ 40 или 50 лошадьми.

Вкусъ къ охотѣ произвелъ презрѣніе всѣхъ полезныхъ занятій и угнетеніе крестьянъ. Высушка болотъ, вырубка лѣсовъ, пагубныя для животныхъ, были запрещаемы, и отъ земледѣліе, а съ нимъ и сивилизація не двигались. Охота какъ вѣчный источникъ ссоръ между баронами.

Жизнь домашняя. До Карла Великаго въ Германіи не было другихъ городовъ, кромѣ выстроенныхъ Римлянами на Рейнѣ и Дунаѣ. Домъ съ своими хлѣвами и принадлежностями, окруженный плетнемъ или другимъ заборомъ, назывался *дворомъ*, что въ англицк. книгахъ правовѣд. называлось toft или homestead. Такое обиталище съ земледѣльскими землями и прилежащими лѣсами называлось manse или villa. Соединеніе многихъ мансовъ называлось marche. Соединеніе маршей составляло pagus или кантонъ.

Комерція. Торговля не имѣетъ никакого начала, потомучто у каждаго свои ремесленники. Платье шили имъ жены и домашніе. Для низшаго класса нужные ткачи, кузнецы, кожевники были въ городахъ послѣ. Торговлѣ препятствовали неустройства и разбойничества первыхъ фамилій. Западъ Европы едва имѣлъ сношенія самыя малыя съ Востокомъ. Бѣдность Европы не въ состояніи была ничего купить у роскошнаго Востока. Венеція первая имѣла трактатъ съ Греціей и восточными странами. За нею слѣдовалъ Амальфи. Сверхъ произведеній востока, эти города вывозили изъ Константинополя сукна очень немного.

Въ 11 вѣкѣ въ Европѣ было менѣе денегъ въ обращеніи, нежели во время паденія Римской имперіи. Венеціане часто продавали Сарацинамъ рабовъ, чтобы имѣть отъ нихъ произведенія востока.

Комерція, по положенію Европы, имѣла два направленія, одно объемлющее страны при моряхъ Балтійскомъ, Нѣмецкомъ и Атлантическомъ, другое вокругъ Средиземнаго. Въ первомъ страны Нидерланды, берега Франціи, Германіи и Скандинавіи и приморскія графства Англіи, во второмъ провинціи Валенція, Каталонія, Провансъ, Лангедокъ и вся Италія.

Болѣе всего на сѣверѣ произвели движенія въ торговлѣ фабрики шерстяныхъ матерій во Фландріи. Онѣ были цвѣтущими въ 12. (Одинъ писатель 13 вѣка говоритъ, что весь свѣтъ былъ одѣтъ въ аглицкую шерсть, работанную во Фландріи). Кельнъ былъ главнымъ торговымъ городомъ на Рейнѣ. Всѣ были опечалены войною Фландрцевъ противъ ихъ графа Людовика въ 1380. Въ этой войнѣ Гандъ и Бругъ отличились демократіоннымъ духомъ. Гандъ былъ однимъ изъ величайшихъ городовъ въ Европѣ, но Бругъ, хотя не такъ великъ, имѣлъ болѣе зданій нужныхъ для купцовъ и былъ посѣщаемъ среднеземною и сѣверною торговлею. Анверсъ до 16 вѣка не замѣчателенъ. Города Зеландіи и Голандіи занимались только рыбными промыслами. Въ Германіи привилегіи, данныя Генрихомъ V вольнымъ городамъ и ремесленникамъ, способствовали промышленности. Во Франціи они не были освобождены отъ произвольной власти, а безмѣрныя подати, соединенныя съ несчастною войною противъ Англичанъ, остановили промышленность.

Пиратство сдѣлалось всеобщимъ. Богатый корабль всегда подвергался опасности. Въ предотвращеніе отъ этого существовало право удовлетворенія, утонченіе древняго права мщенія. Ограбленный отъ кого нибудь изъ одного города получалъ позволеніе магистрата своего схватить все принадлежащее тому городу и держать у себя до тѣхъ поръ, пока не будетъ вознагражденъ за потерю. Это право удовлетворенія существовало.

Существовало еще обыкновеніе захватывать лицо или дѣла одного изъ иностранцевъ за долги его товарищей. Генрихъ III, давая харту Любекскимъ жителямъ, положилъ, что никто изъ нихъ не будетъ останавляемъ за долги товарищей.

Торговлѣ способствовали большія привилегіи. Общества купцовъ держали монополію и ключъ къ торговлѣ востока.

Проценты и денежныя выгоды были велики непомѣрно. Въ Верронѣ въ 1228 постановлено закономъ $12^1/_2$ на сто. Въ Моденѣ, кажется, возвышено въ 1270 до 20 на сто. Къ концу 14 вѣка, когда Италія разбогатѣла, республика Генуезская платила своимъ кредиторамъ отъ 7 до 10 на сто. Но во Франціи и Англіи такса была непомѣрна. Филиппъ прекрасный установилъ 20 на сто. Въ Англіи, въ царствованіе Генриха III, должники, по словамъ Mathieu Paris, платили всякіе два мѣсяца десять на сто.

Въ началѣ денежная торговля находилась у жидовъ, которые лихоимствомъ стали быть извѣстны съ 6 вѣка. Въ 12 столѣтіи они не только владѣли землями въ Лангедокѣ и учились медицинѣ и равинской литературѣ въ Монпелье, подъ покровительствомъ графа Тулузскаго, но даже занимали гражданскія мѣста.

Raymond Roger vicomte de Carcassonne посылалъ приказанія своимъ судьямъ христіанскимъ и жидамъ. Одно изъ условій, возложенныхъ церковію на графа Тулузскаго, было то, чтобы онъ не оставлялъ ни въ какой должности въ его областяхъ. Въ Испаніи они были въ самомъ значительномъ числѣ. Ихъ дѣятельность и искусство во всѣхъ денежныхъ оборотахъ имъ всегда доставляли принцевъ покровителей. Въ хартіи, привилегіяхъ принца Арагонскаго Петра III въ 1283 находится пунктъ, запрещавшій жидамъ исполненіе должностей судейскихъ. Кастильскіе короли Алоизо XI и Петръ жестокій возбудили всеобщее неудовольствіе, повѣривъ жидамъ правленіе ихъ сокровищъ. Потомъ они были сильно угнетаемы и преслѣдованы до Карла VI, при которомъ они совершенно были изгнаны изъ государства.

Іудеи не были такъ жестоко трактуемы въ Англіи, но послѣ XIII ихъ богатства значительно уменьшились. Въ Англіи приходъ таможни былъ часто повѣряемъ банкирамъ италіанскимъ. Первый банкъ былъ въ Барцелонѣ (какъ говорятъ) въ 1401. Банки Венеціи и Генуи были въ другомъ родѣ.

Въ послѣдней половинѣ XIII общество получило ускоренный

шагъ. Благодаря правленію справедливому Людовика, кроткому характеру его брата Альфонса графа Тулузскаго и поэта, Франція могла пользоваться улучшеніемъ. Италія быстро перешла съ утратой своей свободы къ роскоши. «Въ это время», говоритъ писавшій около 1300, говоря о царствованіи Фридриха II, «нравы Италіанцевъ были грубы, мужъ и жена ѣли изъ одной тарелки. Въ домѣ не находили ножа съ деревянною ручкою, ни болѣе одной чаши или двухъ для питья. Не знали ни свѣчей, ни подсвѣчниковъ; въ продолженіе ужина слуга держалъ факелъ изъ зажженаго дерева. Одѣяніе людей было изъ кожи, рѣдко видно было золото или серебро на платьѣ. Простой изъ гражданъ ѣлъ говядину три раза только въ недѣлю и оставлялъ холодную на ужинъ. Много людей не пили вина лѣтомъ. Небольшая провизія жита составляла богатство. Приданое женщинъ было незначительно. Ихъ одежда на свадьбѣ была проста. Люди полагали всю гордость, чтобы показаться въ оружіи и на лошади. Благородные обладали высокими башнями. Такимъ образомъ города Италіи были ими наполнены. Понынѣ роскошь замѣнила воздержаніе, для платья ищутъ что есть драгоцѣнное, золото, серебро, перлы, шелковыя матеріи и богатые мѣха. Видны иностранныя вина и деликатныя блюда. Оттуда злоупотребленія, воровство, обманъ». См. Рикобальдусъ Ferrarensis у Муратори. Завоеваніе Неаполя Карломъ Анжуйскимъ въ 1266, кажется, было эпохою роскоши въ Италіи. Рыцари Провансальскіе съ ихъ пернатыми касками, золотыми цѣпями и колесница королевы, покрытая золотомъ, бархатомъ, ... лиліями.

Mussus Муссусъ, историкъ Plaisanee Піаченцы, оставилъ намъ довольно подробное описаніе нравовъ его соотечественниковъ около 1388. Онъ противуполагаетъ ихъ тогдашней роскоши простую жизнь предковъ за 70 лѣтъ прежде. Очень замѣчательное и любопытное въ отношеніи къ домашней жизни городовъ Италіи. Нигдѣ не интересно такъ среднее сословіе. Во Франціи и Англіи оно было бѣдно.

II.

Торговля Балтійская. Любекъ, основанный Адольфомъ графомъ Голштейнскимъ въ 1140 году, былъ первый городъ на Балтійскомъ берегу. Послѣ многихъ переворотовъ въ 13 вѣкѣ началъ зависѣть отъ императора. Гамбургъ и Бременъ на другой сторонѣ Кимврскаго полуострова раздѣляли славу. Въ 1225 Гамбургъ купилъ у епископа своего независимость. Около 1192 колонія изъ Бремена основала въ Ливоніи Ригу. Данцигъ началъ дѣлаться важнымъ городомъ къ концу 13 вѣка. Въ туже эпоху Кенигсбергъ былъ основанъ Оттокаромъ, королемъ Богемскимъ. Пиратство и грабительство рыцарей заставили ихъ соединиться въ Ганзейскую лигу. 80 городовъ составляли эту лигу. Они раздѣлились на 4 коллегіи, главами которыхъ Любекъ, Кельнъ, Брунсвикъ и Данцигъ. Любекъ былъ патріархальнымъ городомъ этой лиги. Лига имѣла четыре главныя конторы въ иностранныхъ земляхъ: Лондонѣ, Бругѣ, Бергенѣ и Новгородѣ. Города богатѣютъ и снабжаютъ королей золотомъ.

Около 14 столѣтія начинаются сношенія сѣверной торговли съ южной. Южная торговля гораздо обширнѣе кругъ имѣла. Амальфи былъ до крестовыхъ походовъ въ сношеніяхъ съ Аравитянами. Едва замѣтный въ 6 вѣкѣ, возросъ вдругъ и совершилъ блистательный карьеръ, какъ независимая республика до средины 12 столѣтія или покоренія Ротеромъ, королемъ Сициліи.

Паденіе Амальфи вознаградилось возвышеніемъ Пизы, Генуи и Венеціи, получившихъ большія выгоды отъ крестоносцевъ и христіанскія княжества въ Сиріи. Они владѣли въ городахъ Акрѣ, Триполи и другихъ отведенными кварталами, управляемыми ихъ законами и магистратскими начальниками. Впрочемъ, состояніе грубой Европы препятствовало обширности. Возстановленіе Палестины было очень важно какъ конторы, хотя Готфридъ и Урбанъ объ этомъ не думали. Вильямъ оплакиваетъ потерю торговли, которую причинило взятіе Акры, расположенной въ срединѣ и посѣщавшейся купцами всего свѣта. Обитатели Акры отличались

преступленіями своими. Въ 1291 они ограбили подданныхъ одного магометанскаго султана, сосѣда ихъ, и когда отказались дать удовлетвореніе, ихъ городъ былъ осажденъ и взятъ. Потеря была возвращена Венеціанами, вытрактовавшими позволеніе продолжать торговыя сношенія съ Сиріей и Египтомъ, натурально за великія контрибуціи.

Sanuto, венеціанскій писатель начала XIV вѣка, оставилъ замѣчательные о торговлѣ его соотечественниковъ съ ливантомъ. Изъ Александріи вывозили лѣсъ для строенія, мѣдь, бѣлое желѣзо, свинецъ и драгоцѣнные металлы, деревянное масло, шафранъ и даже шерсть и сукна. Торговые города пользовались такою же торговлею и правами въ Константинополѣ, имѣли кварталы и своихъ магистратовъ, избираемыхъ Венеціей. Когда Греки возвратили столицу, Генуезцы, изъ ревности споспѣшествовавшіе ихъ предпріятію, получили подобныя привилегіи. Этотъ могущественный и предпріимчивый городъ, иногда союзникъ, иногда непріятель двора, сохранилъ въ продолженіе XIV столѣтія независимость отъ своего установленія въ Перѣ. Оттуда они свой флагъ въ Евксинъ, колонизовали въ Крыму, простерли даже въ Центральную Азію направленіе своей торговли, которую не могутъ у насъ поднять и до сихъ поръ утвердить. Присредиземныя провинціи Франціи раздѣляли выгоды. Не только Марсель и Нарбонъ, Нимъ и особенно Монпелье были на состояніи благосостоянія. Каталонія представляла картину еще болѣе оживленную. Варцелона, приближаясь къ срединѣ XIII вѣка, соперничала съ городами Италіи торговлей и морскими силами, занятая частыми и изнурительными войнами съ Генуей и Константинополемъ, тогда какъ корабли ихъ во всѣхъ частяхъ Средиземнаго моря и .Ла Манша. Каталонцы играли роль первыхъ націй морскихъ.

Шелковая мануфактура, которую Рошеръ Гискардъ установилъ въ Палермо въ 1148, дала можетъ быть первое движеніе промышленности въ Италіи. Около того же времени Генуезцы ограбили два города Мавровъ въ Испаніи и заимствовали у нихъ это искусство. Въ слѣдующемъ вѣкѣ шелкъ сдѣлался главнымъ

предметомъ фабрикъ въ Ломбардіи и Тосканѣ, и разведеніе шелковицы было предписано закономъ (Muratori). Впрочемъ, италіанскія фабрики извлекали больше шелкъ изъ Испаніи и Леванта. Италія, Каталонія и Полуденная Франція производили также комерцію Фландріи сукнами, не смотря на грубость. Между различными компаніями средняго сословія гражданъ, занимавшіяся шерстью и шелкомъ были многочисленны и значительны.

Морское право Римляне переняли у Родосцевъ. Система среднихъ вѣковъ была похожа и болѣе распространена. Она была собрана въ кодексѣ письменномъ: il consolato del mare, около 13 вѣка, котораго обнародованіе по Галлану болѣе принадлежитъ Барцелонѣ, нежели Венеціи и Пизѣ, оспаривающимъ это. Этотъ кодексъ разсматриваетъ и военные флоты и права ихъ. Король французскій и графъ провантскій утвердили этотъ кодексъ. Въ царствованіе Людовика IX извлеченъ былъ изъ него Регламентъ, который потомъ приняла Англія. Онъ извѣстенъ подъ именемъ lois d'Oléron, будто бы Ричардъ I его издалъ, когда его флотъ вмѣсто Святой земли приплылъ къ этому острову. Сѣверъ тоже имѣлъ свою морскую юриспруденцію. Городомъ Висби на островѣ Готландѣ было сдѣлано извлеченіе изъ ихъ законовъ прежде 1400, которое приняли Балтійскіе купцы.

III.

Франки судились по закопамъ...

Галлы римскіе по Θеодосіеву кодексу.

О. Готы, у которыхъ цивилизація раньше, начали двигаться прежде, оставляли обыкновенно свои и принимали римскіе законы.

Законы Вестготовъ были также приведены духовенствомъ къ соединенію съ варварскими.

Имя Галловъ и Франковъ не было совершенно смѣшано у Франковъ и только при и послѣ Карла они смѣшиваются.

Большое различіе касательно наслѣдства и судопроизводства.

Матеріалы по славянской и русской исторіи.

1.

Уже самимъ положеніемъ земли Европа восточная отличается (рѣзко, сильно и разительно) отъ западной, (означенной какимъ то), *на которой впечатлѣны знаки какого то*, своенравіемъ природы, возвысившей посреди ея горы, *поднявшейся на каждомъ шагу цѣпями горъ*, углубившей долины, оборвавшей утесы, перекинувшей каскадами рѣки, протянувшей частые мысы въ море, *не позволившей морю углубленными заливами ворваться въ ея предѣлы*. Все, напротивъ, ровно и (покойно) *однообразно* въ Европѣ восточной, какъ будто бы *прихотливая дѣятельность* природы здѣсь (успокоилась) *нашла покой*. Она вся здѣсь одна масса, одно пространство. Южная часть этого *пространства* востока, идущая къ Черному морю,—*травистыя*, необозримыя, *ровныя* степи. *Средняя часть* равнины покрыта боромъ; сѣверная *тоже ровное, но* болотистое *пространство, на которомъ тиснулъ Съверъ свою печать, дышащую печальною дикостью*. Рѣки далеко текущія, но не сообщающіяся. (Горы оградили эту неизмѣрную равнину великанскими). Горы сторожатъ эту (безмѣрную) *неотъемлемо безмѣрность* и равнину. Пустынными рядами уральскими, снѣгоглавымъ Кавказомъ, вѣтвистымъ Карпатомъ, онѣ окружили ее какъ бы съ тѣмъ, что здѣсь сохранилась долговремени(ый)о

особая своеобразность, особый отпечатокъ на здѣшнихъ народахъ. Она вся заселена вѣтвями народовъ славянскихъ такъ, какъ западная германскими. Подобно какъ Германцы аборигены Европы западной, такъ Славяне аборигены восточной. Они (древни какъ) можетъ быть древни въ такой степени, какъ древни народы древняго міра.

Подъ темными именами то Скифовъ, то Сарматовъ они вели свою (темную) жизнь, лишенную исторіи, въ своихъ великихъ пространствахъ ужасавшей древнихъ даже южнымъ воскрилемъ своихъ. Что они древни, свидѣтельствуетъ ихъ великая многочисленность, уже видная съ седьмого и осьмого вѣка. Милліоны не переселяются, для того же чтобы разродиться въ милліоны, нужны тысячи лѣтъ. Что они древни *и давно жили*, доказываетъ (ихъ) глубокое безмолвіе и неслышность о нихъ. Если бы такое ужасное количество племени переселилось уже во времена извѣстныя исторіи, то это не могло бы произойти безъ шума и потрясеній по всей Европѣ. Что они древни, свидѣтельствуетъ разнообразіе племенъ и тѣ частныя отличія, которыя они получили отъ мѣстъ жизни, обстоятельствъ и хода исторіи, которыми они отдѣляются одни отъ другихъ, и которые народъ получаетъ долговременнымъ пребываніемъ на одномъ мѣстѣ. Что они древни, доказываютъ черты осѣдлой жизни во внутренности ихъ земель, замѣченныя еще съ 4-го столѣтія. Что они древни, доказываетъ многосложность ихъ религіи, ихъ богопочитаніе, носящія всѣ признаки развившейся жизни; разнообразіе ихъ занятій, для чего нужно было огромное пространство времени, связанное съ мѣстностью ихъ земель, рощами, рѣками и показывающее оригинальность, возникшую именно изъ земли Восточной Европы.

Почему же, (зачерпнувши) *упершись* своимъ началомъ въ глубокую древность, они не вынесли своей исторіи. Потому что они не могли дѣйствовать оглушительно и массами, какъ дѣйствуетъ народъ пришлецъ, потому что ведущему осѣдлую жизнь трудно подняться съ своего мѣста, потому что разбросанному по великимъ несообщающимся пространствамъ трудно для этого соеди-

няться, потому различествующимъ въ племенахъ и правахъ, потому (что не было) нѣтъ нужды народамъ семейнымъ, имѣющимъ жилища.

Тогда многіе бродящіе народы, какъ фантомы, появлялись неожиданно, безъ исторіи, безъ корня. Они были вообще малочисленны, но были страшны своею бѣдностью, своею бродяжническою жизнью и всегдашнею готовностью сдвинуться съ своего мѣста, своею удобностью дѣйствовать всею массою, не возможною для народа осѣдлаго. Они оглушали совершенно своими нападеніями и увлекали часто въ свои массы народы покоренные. Такъ, степи южной Россіи, страшныя своею беззащитностью, открытымъ положеніемъ, были удобны для ихъ кочующихъ массъ. Такъ промчались оглушительныя нашествія Гунновъ, Аваровъ, Аноковъ, Угровъ, Готовъ. Ихъ толпы состояли изъ многихъ покоренныхъ, но имя вождя и народа побѣдителя одно звучало.

2.

Уже сильнымъ доказательствомъ многочисленности Славянъ служило то, что всѣ народы перелетные, такъ громко звучавшіе своимъ именемъ, исчезли вдругъ. Полвѣка послѣ уже не было ни слѣдовъ Гунновъ, Аваровъ и (другихъ. А между тѣмъ многолюдные славяне остались неподвижны). А между тѣмъ славяне остались и на своихъ мѣстахъ, и весь востокъ Европы сдѣлался покрытымъ славянскими племенами.

Славянъ вдвинули въ исторію, можно сказать, всѣ эти ихъ завоеватели и повелители. Увлеченные ихъ толпами, они появились въ ихъ войскахъ, и уже Греки замѣтили ихъ.

3.

Почему же (эта) неслышность и безмолвная судьба исторіи Славянской.

Въ чемъ состоитъ особенность и своеобразный характеръ этой исторіи.

Ихъ многочисленность;
Ихъ удобство къ покоряемости;
Ихъ рабство и терпящая участь и, наконецъ,—
Ихъ дѣятельность, устремленная чуждою силою;
(Ихъ неподвижность)
Уничтоженіе въ ихъ потокахъ и многочисленности ихъ покорявшихъ властителей;
Слѣды вставляемые властителями.
Что такое Славяне.
Чисто славянскіе елементы.
Ихъ характеръ коренной, настоящій,
его гибкость и измѣняемость подъ чуждыми владѣніями;
Ихъ жизнь и занятія, порожденныя положеніемъ географическимъ;
Ихъ вольность, сборы, сходки и патріархальный республиканскій елементъ правленія;
Ихъ греческія, поэтически созданное язычество и мифологическій міръ;
Ихъ музыкальность.

Итогъ характера Славянина, что долженъ бы былъ онъ обѣщать (и итогъ всего народа).

4.

Славянская миѳологія.

Усладъ (у Слав. Кіев.), божество пированій и роскошей.

Туръ, идолъ, богъ сладострастія, въ честь ему праздникъ, пынѣ семикъ, на которомъ позабываетъ даже пристойность, обожравшись и напившись.

Студенецъ, священное озеро на ост. Ругенѣ, въ густомъ лѣсу. Рыбы его святы, и никто не смѣлъ ихъ ловить.

Ключи, источники, озера, рѣки и колодцы считались святыми, имъ приносились жертвы въ ожиданіи плодородія, и потому въ честь имъ купались тотчасъ по вскрытіи рѣкъ, не смотря на хо-

лодную погоду. И нынѣ въ день Богоявленія, несмотря на морозъ, купаются иногда въ прорубяхъ. Это особливо считаютъ необходимымъ тѣ, которые паряжалися на святкахъ чертями или вздѣвали на себя хари.

Стриба, божество кіевское.

Сива, богиня Славянъ варяжскихъ.

Въ Семикъ дѣвки и бабы, собираясь хороводами, плясали и свивали изъ вѣтвей вѣнки, цѣловались сквозь оные съ мущинами, потомъ бросали въ воду, загадавши, если вѣнокъ поплыветъ, то быть ей тотъ годъ за мужемъ, а когда потонетъ, то остаться дома.

Рощи и лѣса у нѣкотор. Славя. были священными, не позволялось въ нихъ ловить птицъ, звѣрей и рубить деревъ.

Позвиздъ, посвистъ, богъ вѣтровъ у Слав. Кіевск.

Корсъ, корисы, божество кіевское, богъ припадковъ и болѣзней.

Коляда, богъ мира (въ Кіевѣ).

Зимцерна, богиня зари.

Водяной дѣдушка, родъ чертей, живутъ въ мутной водѣ, особенно подлѣ мельницъ.

Догода, славян. зефиръ.

Дидилія, богиня родинъ.

Купало.

Волосъ.

Лель.

Дидъ.

Ладо.

Полель.

Бугъ, рѣка, воды ея священны, ихъ черпали со страхомъ и долго еще послѣ вѣрили, что всякое очарованіе тамъ недѣйствительно.

5.

(Нра Слав). Изъ Славянъ южные несравненно превышали сѣвер. цивилизаціей, мягкостью и нѣкоторою утонченностью нра-

вовъ. Доказательство, что Несторъ, говоря о кротости южныхъ Славянъ Полянъ, въ противоположность говор. о Древлянахъ, Радимичахъ, Вятичахъ и Сѣверянахъ и даже Кривичахъ, которыхъ нравы отзываются совершенно дикою жизнью, говоритъ о жизни ихъ подобно звѣрей среди лѣсовъ, о нечистотѣ, о ненаблюденіи ни родства, ни брака, о похищеніяхъ, о плясаніяхъ, неистовыхъ игрищахъ и похищеніяхъ на нихъ дѣвицъ.

Обычай сожженія тѣлъ, перешедшій изъ дальней ли Индіи, откуда производятъ отдаленное происхожденіе Славянъ, или онъ былъ наслѣдство (древней) языческой Греціи, но онъ сохранялся у Славянъ. Несторъ говоритъ: Кривичи, Вятичи и Сѣверъ, по сожженіи тѣла, собирали кости въ сосуды и ставили ихъ на большихъ дорогахъ.

6.

Какъ обломки ихъ, языческія имена укрыли русскую землю то въ праздникахъ, то въ названьѣ деревни, то въ пѣснѣ, то въ сказкѣ.

Не только одни тѣ, о которыхъ говоритъ Несторъ, должны допустить въ Слав. мифологію. Несторъ какъ историкъ, какъ монахъ, какъ христіанинъ, не имѣлъ никакого побужденія входить во всѣ подробности славян. мифологіи.

7.

О славянахъ древнихъ. Изъ Визант. хроникъ.

582. Что Славяне (были) вели осѣдлую, уже некочующую жизнь, доказательство, что Византійскія Хроники говорятъ, что Баянъ Аварскій, вступивши въ земли Славянскія, началъ грабить и жечь села.

Доказательство миролюбив. характ. Славянъ служитъ, что они въ это время убѣжали въ лѣса. Menander, p. 126. 129.

Феофилактъ (говоритъ) называетъ ихъ Гетами и говоритъ, что это имя значило тоже самое, что Славяне.

Что Славяне были мало воинственны и нѣвучи, доказательство отвѣтъ, данный греческому Императору тремя славянами, схваченными царскими тѣлохранителями, которые были безъ оружія, а только съ гуслями. Мы Славяне, говорили они. Гусли имѣемъ при себѣ для того, что не привыкли носить оружіе. Да и нѣтъ совсѣмъ желѣза въ нашей землѣ. Оттого мы живемъ въ тишинѣ и мирѣ, играемъ на гусляхъ, не умѣя играть на трубахъ, ибо не зная совсѣмъ войны, музыку мы считаемъ лучшимъ нашимъ упражненіемъ. Они говорили, что ханъ Аварскій пригласилъ ихъ противъ Грековъ и что они присланы для объявленія отказа въ этомъ направленіи дальняго и труднаго пути. Они прибавили, что князьямъ ихъ присланы были отъ него подарки, что ихъ продержали 15 мѣсяцевъ (по Θеофану $1^1/_2$ года) и что они ушли во Фракію, услыша о богатствѣ Грековъ.

Императору (Маврикій, 591) они понравились.

Что они были хороши и атлетской крѣпости, служитъ доказательствомъ, что императоръ дивился ихъ дородности. Θеофилактъ и Θеофанъ.

Образъ войны Славянъ съ телегами самый древній.

Когда полководецъ Петръ, въ 14 лѣто царств. Маврикія (596), послалъ для преслѣдованія Славянъ отрядъ изъ 1000, онъ встрѣтилъ скоро славянъ идущихъ съ добычею. Увидавши Грековъ и не видя возможности избѣжать ихъ, они поставили телеги около себя, женъ и дѣтей спрятали въ середину. Конпымъ было сражаться съ ними трудно, покамѣстъ одинъ грекъ не вскочилъ на телегу и началъ рубить наступающихъ непріятелей, и когда пробились сквозь эту ограду, тогда славяне были изрублены.

Музыкальность Слав. Въ день (празднествъ) народныхъ игръ при Конст. Багр. Славяне употреблялись при инстр. музыкѣ и должны были итти въ театръ по приказанію чиновника. Constantin de Cerim. A. B. L. I. c. 72. p. 211.

Византійскія хроники говорятъ, что Славяне (были) при осадѣ г. Солуня были мастера стрѣлять изъ луковъ. Попадали мѣтко

(и ничто не могли уст) Jo. cameniata de Excid. Thessal. p. 351. 352. 867.

945—949. Славяне получали жалованья (стоявшіе въ Опскійской области) по 5 червонцевъ (начальники) старшіе, прочимъ каждому шло по 3 червонца. Упоминаютъ, что платящіе Россамъ дань Славяне, Кривичи, Ленчанины и другіе рубили зимою на горахъ своихъ лѣсъ, изъ котораго они дѣлали однодеревни (μονοξυλα), по вскрытіи рѣкъ возили ихъ въ ближнія озера, а потомъ рѣкою Днѣпромъ пригоняли въ Кіевъ, гдѣ, вытащивъ ихъ на берегъ, продавали Россамъ. Constantin. de Cerim. A. B. L. I. c. 72. p. 211.

Въ началѣ ноября Росс. князья выѣзжали съ своимъ народомъ изъ Кіева въ другіе города, которые у нихъ *гирями* называются, или въ тѣ мѣста, гдѣ обитаютъ Верьвяне, Дреговичи, Кривичи, Сервяне и другіе Россамъ подручные народы. (Ibid. p. 61).

Печенѣжская область Явдиржимъ смежна была съ подданными Россамъ Ултинянами, Древлянами, Ленчанинами и другими Славянами, кои по селамъ жили (949 год.) (Ibid. l. 37. p. 106).

Наконецъ, Славяне вносились, какъ гарнизоны, какъ военныя поселенія, въ народонаселеніе Византійской Имперіи. Часто любимцы императоровъ были славянскаго народа, часто сами императоры были славянскаго происхожденія.

Славяне отличались хитростью стратегическою. При завоеваніи города Топера славяне, по сказанію Прокопія, притаились въ ямахъ и въ оврагахъ городскихъ воротъ, и только малая ихъ раздражало стоявшихъ на валу грековъ. И когда греки были обманутые малочисленностью непріятеля, сдѣлали вылазку и погнались за ними, скрывшіеся въ ямахъ ударили имъ въ тылъ и положили ихъ всѣхъ на мѣстѣ. Прокопій же говоритъ, что непріятелей убивали они безчеловѣчно, привязавши къ дереву, убивали ихъ дубиною по головѣ до смерти, или заперши ихъ въ стойла вмѣстѣ съ скотомъ, котораго не могли взять, сожигали (550).

Въ бой ходили по большей части пѣши и вооружены щитомъ

и дротиками. Латъ никогда не носили. Иные безъ рубахъ и не имѣя другого одѣянія въ однихъ штанахъ вступали въ сраженіяхъ (Procop. de B. G. L. III. c. 14. p. 498). Онъ же замѣчаетъ особенно о ихъ дородности и крѣпости членовъ, тѣломъ русы, но ни желты, ни черны, какъ говоритъ Прокопій, стало быть не свѣтлорусые. Что они ѣли сухую и простую пищу и сходствовали съ Гуннами и Масагетами въ правахъ простыхъ, что они были не злобны и не лукавы. Онъ говоритъ еще, что жили въ разсѣяніи въ шалашахъ на берегу Дуная. Прокопій находилъ ихъ языкъ, равномѣрно какъ и Антовъ, страннымъ для слуха. Онъ говоритъ, что они не подлежали единодержавной власти, но издревле имѣли общенародное правленіе. О пользѣ и вредѣ совѣщались всегда обще. Что Творца молній почитали единымъ господомъ и богомъ міра, приносили ему въ жертву воловъ и другихъ звѣрей. Судьбу не признавали: въ опасности обѣщали жертву Богу. Вѣрили въ рѣкъ и нимфъ и другихъ, всѣмъ имъ приносили жертвы и гадали о будущемъ. Это онъ говоритъ о Славянахъ и Антахъ вмѣстѣ (546 год).

Прокопій упоминаетъ объ искусствѣ славянъ ловить и хватать непріятеля, спрятавшись за кустами или въ травѣ, что Велисарій повелѣлъ такимъ образомъ одному славянину изъ находившихся въ греческихъ войскахъ поймать такимъ образомъ одного Готта живаго, и что это искусство употребляли Славяне, живучи по рѣкѣ Дунаю, противъ Грековъ и другихъ сосѣдей.

8.

Описаніе греческаго пути. Конст. Порф.

Конст. Порфир. говоритъ, что суда, на которыхъ Россы приходили къ Царюграду, были изъ Немогарды, столицы Рос. Кн. Сфендослава, сына Ингорева. Такъ же изъ Милиниски, Телюкры (?), Чернигочи и Вусеграда (?). Изъ этихъ городовъ они были свозимы на рѣку Днѣпръ и собирались у Кіева, котор. прозв. былъ Самватасъ (?). Подчиненные Россамъ Славяне, Кривитя-

нине, Лензанине (Κριβηταίηνοι и Λενζανῆνοι) и прочія славянскія отродія рубили зимою у себя на горахъ лѣсъ для опыхъ судовъ и строили ихъ (выдалбливали) суда. А весной, по растаяніи льда, сплавляли ихъ въ ближнія озера и потомъ далѣе по рѣкѣ Днѣпру въ Кіевъ. Здѣсь вытаскивали ихъ на берегъ и продавали Россіанамъ, которые брали только одни ладьи, а весла, уключины и другія снасти дѣлали сами изъ старыхъ судовъ. Снарядивши суда, спускались по Днѣпру до Витечевы (Βιτετζέβη), укрѣпленнаго мѣста, платившаго Россамъ дань и лежавшаго при Днѣпрѣ. Тутъ оставались два три дня, пока всѣ суда соберутся, а потомъ продолжали путь до Днѣпровскихъ пороговъ. Достигши перваго порога Ессупи (что значитъ по Слав. не спать), узкаго съ высокими и острыми камнями, въ видѣ острововъ, о которые съ силою ударяется вода, низвергаясь водопадами, еще издалека выходили они на берегъ, оставивши все прочее на судахъ. Потомъ нѣсколько человѣкъ ходили въ бродъ по рѣкѣ, чтобы ощупать босыми ногами, гдѣ нѣтъ камней; другіе, напротивъ, упирались на судахъ шестами съ переди, съ зади и со сторонъ и проводили ихъ съ великимъ трудомъ между камнями и берегомъ. Затѣмъ, сѣвши вновь на суда, ѣхали до другого порога, по руски Ульворси, а по славянски Островунипрахъ (островъ подлѣ порога). Третій порогъ назывался Геландри (Γελανδρί), что на слав. значило шумъ отъ порога. Четвертый, самый большой, по руск. Аифаръ (Αειφαρ и Νεασητ), по слав. Неясыть, отъ неясытей или пеликановъ, вившихъ въ его камняхъ гнѣзда. Тутъ, изъ боязни нападенія отъ Печенѣговъ, оставляли Росс. часть своей дружины на стражѣ; другіе выносили изъ судовъ товары и вели сухимъ путемъ 6000 шаговъ скованныхъ невольниковъ; другіе тащили суда волокомъ или несли ихъ на плечахъ до тѣхъ (поръ пока) мѣстъ, когда уже минуютъ пороги. Затѣмъ стаскивали они ихъ опять на рѣку и, нагрузивъ снова, продолжали путь свой далѣе. Пріѣхавъ къ пятому порогу, который по Руски назывался Варуфоросъ, по славянски Вулнипрахъ (Βαρουφορος, Βουλνηπραχ), потому что онъ здѣсь образуетъ *великое озеро*, проводили они

суда свои также какъ у перваго и второго порога. Шестой по руски Леанти (Λεαντι и Βερουτξι), по слав. Веручи, т. е. ключъ воды. Седьмой по руски Струвунъ, по славянск. Напрези, т. е. Малый порогъ (Στρουβουν, Νπρεζη).

Проѣхавъ одни пороги, они приходили къ Крарійскому перевозу (το πέραμα τοῦ Κραριου), мѣсту широкому... и глубокому, какъ только можно завидѣть глазами пущенную стрѣлу, какъ говор. Конст. Пор., черезъ который переѣзжали Корсуняне, возвращаясь изъ Россіи, и Печенѣги, ѣдучи въ Корсунь. Сюда обыкновенно приходили Печенѣги дѣлать нападенія на Русскія суда. Потомъ пріѣзжали къ Ост. Св. Георгія, гдѣ у весьма великаго дуба приносили на жертву живыхъ птицъ. Дѣлали также кругъ стрѣлами. Другіе клали туда хлѣбъ, мясо, или что другое, что (было) имѣли при себѣ. Послѣ того бросали жребій и гадали, колоть ли имъ птицъ и ѣсть, или выпустить на волю. Проѣхавши сей островъ, не имѣли уже опасности отъ Печенѣговъ до самой рѣки Селины. Въ четыре дня ѣзды достигали они днѣпровскаго устья, въ которомъ лежалъ островъ Св. Айоерія. Здѣсь отдыхали они обыкновенно два и три дня и между тѣмъ снабдѣвали свои суда потребными вещами, а именно, парусами, мачтами и рулями, что все привозили съ собою. А какъ Днѣпръ въ устьяхъ своихъ дѣлаетъ озеро, которое простирается до самаго моря, гдѣ лежитъ св. Айоерія, то они подавались назадъ къ Днѣпру, гдѣ еще отдыхали (Штр. думаетъ къ Днѣстру), гдѣ еще отдыхали.

Отсюда, ежели вѣтеръ благополучной, ѣздили на парусахъ къ рѣкѣ Бѣлой (τον ποταμον αστρον) и, пребывъ нѣсколько времени здѣсь, продолжали путь свой къ Селинѣ, которая есть рукавъ рѣки Дуная. (До сихъ поръ, говоритъ Штр., простирались жилища Печенѣговъ, полуденный же берегъ сей рѣки принадлежалъ уже Болгаріи). Здѣсь то они окружены были отвсюду Печенѣгами, и потому, если прибьетъ нѣсколько судовъ къ берегу, Росс. выходили на сушь, чтобы общими силами защищаться отъ Печенѣговъ. Переплывши Селину, больше уже не имѣли никакой опасности. Потомъ, достигнувъ Болгаріи, продолжали путь

къ устьямъ (рѣки) Дуная, оттуда въ Конопу, въ городъ Константію, къ рѣкамъ Варнасу и Диципѣ, которыя всѣ вытекаютъ изъ Волгаріи. Напослѣдокъ приходили къ области Месамврійской, отъ главнаго города (Μεσημβρια).

9.

Собств. результаты о Слав.

Славяне не могли слишкомъ и дѣйствовать (шумно и оглушительно), потому что были раздѣлены и разселены по всему пространству, и отъ положенія, отъ удобствъ и средствъ для жизни различествовали сильно правами.

Не дѣйствовали оглушительно и стремительно всею массою, потому что дѣйствуетъ такъ только народъ пришлецъ, который ушелъ, поднялся съ мѣста и такъ сказать на ногахъ ищетъ мѣста и добычи, устремляется тучею.

Осѣдлому народу трудно подняться.

Отъ того немногочисленный народъ, но могущій привести въ движеніе всего себя, всѣ свои силы, производитъ стремительныя нападенія и оглушаетъ своимъ именемъ.

Ни одинъ изъ народовъ, нападавшихъ и покорявшихъ Славянъ, не былъ многочисленъ, но онъ былъ страшенъ своею походною бродяжною жизнью, всегдашнею готовностью сдвинуться съ мѣста. Они увлекали новыхъ подданныхъ своихъ въ свои массы, и часто цѣлые отряды были изъ Славянъ, но ихъ было не слышно. Слышно было имя побѣдителей, которое придавалось.

Что Славяне были безъ всякаго сравненія многочисленны, доказываетъ, что Готы, Гунны и всѣ наводнявшія толпы исчезли, а земля осталась, вся покрытая славянскими племенами. Что Славяне были слишкомъ древни и коренной народъ, доказываетъ уже и то, что о нихъ, несмотря на ихъ множество, не было слышно ничего. Если бы же переселеніе это (могло) было дѣйствительно, оно, такое многочисленное переселеніе, произошло бы вѣрно не безъ шуму и сильныхъ потрясеній, досягнувшихъ бы до слуха, и древній міръ долженъ бы почувствовать его.

Способность Славянъ и удобопримѣняемость доказательство, что они дѣлались воинственными, мирными, смотря по направленію имъ данному.

Что Славяне не соединялись въ одно, причина—несообщаемость земли. Только весною, при разлитіи рѣкъ, усматривались нѣкоторыя сношенія. См. Визант. Хр.

Религія Славянъ становилась менѣе сложной, гдѣ терялось (образованность) первое познаніе жизни. Въ глубинѣ лѣсовъ она была бѣднѣе и суровѣе, у восвавшихъ она едва существовала, такъ что они клялись даже оружіемъ только.

10.

О Россахъ.

Доказательство ихъ разсѣянія и бродяжной жизни и службы у Грековъ. У Льва Премудраго стояло на жалованьѣ при флотѣ 700 чел. Россіанъ, посланномъ къ острову Криту, и что на содержаніе ихъ выходило 100 литръ золота. Литра составляла 72 номизмы (тоже что Голандск. червонцы или Венеціанскіе цигины). 902.

На флотѣ, отправл. въ Италію подъ начальст. Патрикія Косапы, было семь русскихъ судовъ, на которыхъ было 415 человѣкъ Россовъ въ 935 году при цар. Конст. Багрян. и Ром. Лакапинѣ. Constantinus Porphir. de Cerim. Aulae. Byz. L, II. c. 44. p. 376. 377. 378.

При нападеніи Руск. флота въ 941 на Царградъ, при каковомъ они выжгли Фракію, визант. говорятъ о жестокости Руссовъ, которые плѣнныхъ прибивали къ кресту, сажали на колъ, ставили ихъ вмѣсто цѣлей и стрѣляли въ нихъ изъ лука, церкви и монастыри разрушали и вбивали священникамъ желѣзные гвозди въ голову.

Въ 946 когда при представленіи Импер. Греч. Конст. и Ром. пословъ емира Тарсійскаго Конст. Багр. говоритъ, что

между множествомъ зрителей были Россы, которые держали въ рукахъ небольшія знамена и вооружены были щитами и мечами.

Въ 949 году опять отряженъ былъ флотъ въ Критъ, гдѣ находились 584 чел. Россовъ, у которыхъ было 45 человѣкъ рабовъ, что русскихъ судовъ было 9 и что на 9 парусовъ на каждый по 30 локтей, да на два (другія небо) меньшія судна 28, на все это полотно выходило 1154.

Конст. Багр. говоритъ, что Россы потому старались жить въ дружбѣ съ Печенѣгами, что доставали отъ нихъ рогатый скотъ, коней и овецъ, которыхъ въ Россіи не было, чтобы обезопасить свои земли отъ ихъ нападенія во время войны съ кѣмъ нибудь и, наконецъ, чтобы имѣть свободный пропускъ и плаванія по Днѣпру и сквозь его пороги. Что для Печенѣговъ (тоже), а особливо жившихъ въ окрестностяхъ Херсонскихъ владѣній, полезно было жить въ союзѣ съ Россами, потому что они получали изъ Россіи товары, которые послѣ привозили Корсунянамъ и греческимъ императорамъ за деньги.

Противъ Сарацинскаго владѣтеля Алима 1032—1034 Греческій царь Романъ Аргиръ отрядилъ, по сказанію Кедрина, Россіанъ и другія греческія войска подъ Никиты Пегонита, разбившаго и умертвившаго Алима.

1043 неудачная попытка Владиміра, приписываемая Визант. Владиміру великому, въ царст. Конст. Мономаха.

Въ 1077 царь греч. Михаилъ Дука противъ мятежника Никифора Бріеннія выслалъ Франскаго полководца Руссея и Алексія Комнина, гдѣ было множество судовъ русскихъ. Кедринъ.

Въ 1097, во время возмущенія, поднятаго Исаакомъ Комнинымъ, упоминается, что стояли на зимовьяхъ въ восточныхъ областяхъ Имперіи, изъ коихъ два были изъ Франковъ, а одинъ изъ Руссовъ.

11.

Характеръ Славянъ Рускихъ.

Смирны, довольно согласны между собою всѣ племена. На югѣ (мягче) болѣе развитія мирной жизни. Браки носятъ видъ законности. Отцы и дѣти живутъ почти отдѣльно. Стыдливость замѣтна между полами. Поляне бо своихъ отецъ обычай имяху тихъ и кротокъ и стыдливъ къ родителемъ и къ племени велико стыденіе. И брачные обычаи творятъ.

На сѣверѣ, начиная съ Древлянъ (Сѣверяне, Радимичи и Вятичи), грубѣе и меньше развитія. Жизнь въ лѣсахъ. Удобствъ никакихъ жизни. На самой низкой степени гражданственности. Отцы, снохи живутъ вмѣстѣ. Стыдливости никакой. Стыдливости браковъ не было. (А Родимичи, Вятичи и Сѣвере одинъ обычай имяху, живяху въ лѣсѣ, якоже всякой звѣрь. См. Несторъ). Распри и соры оканчивались частымъ убійствомъ, неслышнымъ у другихъ.

Костюмъ славянина. Легкость чрезвычайная, одежда одна была холстяные порты, даже не было рубашки. Съ длинными усами, съ хохломъ на головѣ, что и нынѣ сохранилось у жителей южной Россіи, въ Галиціи, у Сербовъ, Морлановъ и Черногорцевъ и у всѣхъ почти западныхъ славянъ.

12.

Происхожденіе Славянъ.

Нѣкоторые обычаи показываютъ ихъ происхожденіе изъ Индіи. 1) Сходство, хоть довольно отдаленное, съ языкомъ санскритскимъ. 2) Обычай женъ сожигать на кострахъ.

Нѣсколько Славянскихъ боговъ носятъ нѣкоторое сходство съ пагодами. Идолы часто окружены у нихъ змѣями, жабами, ящерицами и разными ядовитыми насѣкомыми.

13.

Ипотезы о Славянахъ. Ихъ слѣды.

Названія Язиговъ и Роксоланъ слишкомъ ефемерны и метеорически для того, чтобы означали цѣльный народъ. Нигдѣ послѣ не упоминается о нихъ, и они исчезаютъ совершенно. Народы не могутъ исчезнуть такъ скоро. Ихъ слѣды должны были остаться. Но у Нестора, кромѣ Славянъ, не встрѣчается никакого чуждаго въ срединѣ ихъ народа. Стало быть, это было нарицательное прежнее имя нѣкоторыхъ Славянъ.

Шлецеръ тоже предполагаетъ, что Язиги были Славяне.

14.

Давность существованія Славянъ

доказывается ихъ религіею довольно многосложною, уже показывающею разностороннюю жизнь ихъ,

памятниками искусствъ: для того чтобы достигнуть которыхъ нужна долгая жизнь и переходъ къ совершенствованію.

Въ древнихъ могилахъ Венедскихъ найдены глиняныя урны, сдѣланныя съ нѣкоторымъ вкусомъ, съ изображеніемъ львовъ, медвѣдей, орловъ, покрытыя лакомъ; также копье, мечи, кинжалы, искусно выработанные, съ серебреною оправою и насѣчкою.

Чехи за долго до временъ Карла Великаго занимались рудокопаніемъ.

Въ герцогствѣ Мекленбургскомъ, на южной сторонѣ Толенцкаго озера, въ Прельвицѣ найдены въ XVII мѣдные истуканы Славянскихъ боговъ.

15.

Норманизмъ въ Руси.

Доказательство равенства дружины и братства, великой силы ея, ограничивающей власть князя, находится въ договорѣ Олега

между прочимъ, гдѣ требуется съ Грековъ дань или подарки на каждаго человѣка и гдѣ упоминается даже и берется дань на Кіевъ, Черниговъ, Переяславль, Полотескъ, Ростовъ, Любечъ и проч., то е., вѣроятно, находившихся тамъ чиновниковъ.

Вездѣ показательно разительно преимущество варяжской дружины надъ Славянской. Вездѣ видна побѣдительная и властвующая нація и ея преобладаніе. Въ договорѣ о Руссахъ говорится и больше имъ предоставляется преимуществъ. Паруса на лодки ихъ они употребляютъ шелковистые, подарки Императора Греческаго, а Славянамъ простые.

16.

Разселеніе Славянъ съ береговъ Дуная невозможно положить, иначе оно составило бы яркую и видную черту, тѣмъ болѣе что это разселеніе означено въ лѣтописяхъ слишкомъ быстро и, какъ кажется, въ одно время.

Но какія причины могли заставить двинуть ихъ такъ далеко на сѣверъ, куда медленно, упорно и только вслѣдствіе сильныхъ натисковъ совершаютъ народы свое обратное отступленіе. Какое нибудь втѣсненіе между ними Валаховъ было для этого не слишкомъ достаточно.

Разселеніе старый конекъ и привязка, за это обыкновенно всегда хватаются лѣтописцы и созидаютъ, потому что носятъ въ себѣ образъ переселенія сыновей Ноевыхъ, Столпотворенія Вавилонскаго и пр.

Выводъ. Славяне жили уже очень давно на мѣстахъ своихъ. Ихъ разселеніе по Восточной Европѣ случилось въ тѣ темныя времена, когда Восточная Европа была облечена Кимерійскими баснями. Это переселеніе явственно въ нашествіи Сарматовъ, безотчетномъ, общемъ имени, даннымъ Греками ордамъ народовъ.

17.

Западные Славяне.

Шлецеръ думаетъ, что Сербы въ началѣ многочисленнѣйшій Славянскій народъ. Они много распространились между Эльбою и Салою подъ именемъ Сорабовъ. Венды, живущіе въ верхнемъ и нижнемъ Лаузицѣ, допынѣ называютъ себя Сербами. Мейссенъ назывался Зирбія; городъ Цербстъ Зорбеста (Sorbesta, Zirbia). О сербахъ довольно пространно у Стритера.

Хорутане въ 6 спискахъ, въ Ипат. Хутане, въ Соф. Шурутане, въ пол. Хобужане, Корентане у Европейцевъ, вообще Крайнцы, карнтійцы и жители Штейермарка. Карнунтъ, Карнунтумомъ также, кажется, называли земли по Дунаю близъ Вѣны. Регино подтверждаетъ это тѣмъ, что говоритъ: Венгры прежде всего, по приходѣ своемъ, опустошили Карнунтумъ.

Валахи—обитающіе въ Валахіи, Молдавіи и Седмиградской области.

Волохи, Влахи, Вельши происхожденіемъ Италіанцы. Шлецеръ полагаетъ ихъ отъ древнихъ Гетовъ и Даковъ (не подтверждая, однакоже, доказательствами).

Вытѣсняютъ, по Нестору, Славянъ дунайскихъ, поселившись между ними, и заставляютъ иныхъ поселиться на Вислѣ подъ именемъ Ляховъ. (Иные Ляхи прозвались Полянами). Словѣне же ови пришедше а седоша на Вислѣ рецѣ и прозвашася Ляховѣ; а иніи о тѣхъ Ляховъ прозвашася Поляне, а Ляхове друзи Лутичи, ины Мазовшане, иніи Поморяне.

Стало быть, Ляхъ есть общее названіе народа.

Лутичи. Въ Латинскихъ лѣтописяхъ Lutitii въ передней Помераніи около Лоица, отличны отъ Lusi, Lusici, что въ Лаузицѣ.

Ad. ultra Leuticos qui alio nomine Wilzi dicuntur, Oddora flumen occurrit, amnis ditissimus Slavanicae regionis, т. е. за Левтиками иначе Вильцами встрѣчается рѣка Оддора, богатѣйшая изъ славянскихъ рѣкъ.

18.

Характеръ Славянъ вообще.

По Грекамъ. Славяне Дунайскіе, ибо къ нимъ это относится.

Русоволосые, смуглые, нечистоплотные (у Рапча они умывались 3 раза въ годъ, въ день рожденія, женитьбы и смерти), стройные, рослые, не безъ пріятности въ лицѣ, хищные, дерзскіе, увертливые.

Они дѣйствовали всегда съ Аварами, и потому Греки ихъ смѣшивали и считали однимъ народомъ.

Нападали хищно, въ разсыпную, скрывались въ болотахъ, стрѣлы намазаны ядами, щиты тяжелы, изъ глубины рѣкъ дышали сквозными тростями. Они скитались не боясь Римлянъ, въ оставленныхъ и пустыхъ замкахъ. Сокровища зарывали, показывали всю дикость первозданной природы. Но все это рѣшительно относится къ славянамъ дунайскимъ.

При всемъ томъ простота, даже черты добродушія въ семейномъ быту. Гостепріимственно повсемѣстное и въ высшей степени. Безопасность совершенная посреди ихъ путешественниковъ.

Музыка и пляска преобладали сильнѣе у народовъ Славянскихъ, нежели у Германскихъ. Сѣверные Веневды говорили въ VI вѣкѣ Императору, что главное услажденіе жизни ихъ есть музыка, и что они берутъ въ путь съ собою не оружіе, но кифары и гусли, ими выдуманные.

Прокопій говоритъ, что войска Славянъ были разбиты ночью Греками, отъ того что они усыпили себя пѣснями и не взяли предосторожности.

Единство религіи сближало племена.

Вообще Славяне сильно были склонны къ многобожію.

19.

Славяне на Русской землѣ.

Поляне по Днѣпру.

Древляне между Кіевомъ и Припетью. Ихъ жилища и главныя сборища Коростень, Туровъ, Овручъ.

Дреговичи между Припетью и Двиною.

Полочане на Двинѣ отъ впадающей въ Двину рѣки Полоты.

Кромѣ того: А друзіи сѣдоша по Деснѣ и по Семи, и по Сулѣ и нарекошася Сѣвера (Сѣверяне).

Вездѣ рѣки жилища (первыхъ) Славянскихъ племенъ.

Разселившись и живя по рѣкамъ, естественно, что они могли облегчать комуникацію и средства для нее къ путешествію въ Цареградъ, въ Черное море.

Вятичи сомнительно Славянскій народъ. Доказательство въ сильныхъ сопротивленіяхъ, ими оказываемыхъ. Этого мнѣнія держится Миллеръ и почти почитаетъ ихъ за Чувашей, называющихъ на мордовскомъ нарѣчіи Вѣдке, или за Вотяковъ, обитавшихъ сперва при Окѣ.

20.

Печенѣги.

Ихъ образъ сраженія былъ таковъ. Ряды выдавшимися углами строились; шеренги были перемѣшиваны телегами съ женами и дѣтьми; на нѣкоторыхъ изъ нихъ были поставлены высокія башни. Порядокъ шествія ихъ былъ похожъ на движущійся городъ. Оружія ихъ лукъ и стрѣлы. Послѣ сраженія, получивъ добычу, предавались необузданно веселости, безпечности.

Переправлялись (черезъ Дунай), по общему татарскому обычаю держась за хвостъ лошади, сидя на кожанномъ мѣшкѣ, набитомъ легкими веществами, какъ то: соломою или корою, и тащили съ собою сѣдло и военные свои снаряды. См. Сестр. Богуша, а отъ него у Анны Ком. Thounmann description de la Crimée, Кедринъ и др.

21.

О принятіи христіанской религіи.

Только можетъ быть въ Кіевѣ да въ нѣкоторыхъ другихъ городахъ удалось распространить ее. Села, веси и волости долго оставались погруженными въ язычество и свои повѣрья. Несторъ упоминаетъ уже въ свое время о язычникахъ Кривичахъ и Вятичахъ: еже творятъ Вятичи и нынѣ. Сиже обычаи твориху и Кривичи и прочіе поганіи невѣдуще закона Божія, но творяху сами себѣ законъ.

22.

О мѣстожительствѣ славян. народовъ.

Славяне Сѣверные.

Славяне Новгородскіе.

Кривичи. Многочисл. народъ обиталъ въ 3 мѣстахъ Сѣверной Россіи при истокахъ Двины, Волги и Днѣпра. Двинскіе Кривичи отъ рѣки Полоти, впадающей въ Двину, назывались Полочанами, участв. въ избраніи русскихъ князей. Днѣпровскіе Кривичи построили городъ Смоленскъ.

Дреговичи обитали между рѣками Припетью и Западной Двиною.

Славяне Южные.

Поляне по Днѣпру. Кіевъ.

Древляне тоже по Днѣпру, но въ лѣсахъ, къ сѣверо-западу отъ Кіева. Главный городъ Коростенъ. Уже давно имѣли собственное правленіе и князей.

Сѣверяне поселились на трехъ рѣкахъ, Деснѣ, Сеймѣ и Сулѣ: и на сей послѣдней назывались Суличами. У нихъ Ярославъ выстроилъ Новъ Сврск. 1044.

Радимичи по рѣкѣ Сожѣ.

Вятичи у верховья Оки, гдѣ, по слов. Нестора, Вятка осн. жилище.

Бужане по Бугу, на мѣсто ихъ являются Волынцы, гдѣ Великій князь Владиміръ построилъ городъ въ свое имя.

Дулебы тоже по берегамъ Буга, упоминаются, потому что Обри дѣлали ему притѣсненіе.

Тиверцы обитали по берегамъ Буга и Днѣстра, почти къ самому Черному морю.

Лютичи тоже по берегамъ Буга и Днѣстра.

Угличи при рѣкѣ Угли (нынѣ наз. Орломъ), покорены Свенельдомъ, воеводою Игоря.

Пространство отъ Днѣстра до моря, сосѣднее городамъ греческимъ, было населено издревле городами. Тамъ рожденіе политеское началось. Прежде народъ славянскій назывался у Славянъ *Тиверцами*: а Оулучи Тиверци сидяху по Днѣстру, присѣдяху къ Дунаеви; бѣ множество ихъ, сѣдяху по Днѣстру или до моря, суть грады ихъ и до сего дне. Да то ся зваху отъ Грековъ великая Скуфь.

23.

О Варягахъ.

Черта справедливости Варяжской. Въ 1034 въ царст. Им. Михаила Пафлагонскаго, одинъ изъ Варяговъ, стоявшихъ на зимовьѣ во Фракійской области, хотѣлъ изнасиловать одну фракіанку, которая, выхвативъ у него мечъ, имъ же его заколола. Его товарищи, узнавши объ этомъ, увѣнчали фракіанку, отдали ей все имѣніе убитаго, а его оставили непогребеннаго. Кедринъ.

Варяги, какъ видно изъ Визант. хр., составляли гвардію вмѣстѣ съ франками и др.

24.

Дѣйствія Варяговъ.

Варяги очень часто отправлялись изъ Кіева въ Цареградъ служить,—доказательство въ Олеговомъ договорѣ.

По Византійскимъ хроникамъ, при Императорѣ Львѣ, во время похода патриція и логофета Гимерія на Критъ, въ император-

скомъ флотѣ было 700 Руссовъ, жалованья давалось всего одинъ только центенарій.

На флотѣ, съ которымъ протоспафарій Епифаній присталъ къ берегу Ломбардіи въ 935, было 415 Руссовъ, находившихся на 7 каравіяхъ.

Въ походѣ на Критъ 949 года было Руссовъ 384 человѣка, а съ служителями 629 (для 9 Русскихъ каравіи куплено толстое полотно, изъ котораго сдѣлано 9 парусовъ, каждый въ 300 лактей).

Въ походѣ на Критъ 962 упоминаютъ опять о Руссахъ, помогавшихъ при взятіи одного города.

Въ 1057 упоминается о легіонѣ Руссовъ, зимовавшихъ на востокѣ вмѣстѣ съ двумя легіонами Франковъ.

Въ 1077 императоръ Лука послалъ противъ одного мятежника русскіе корабли.

25.

Обычай Варяговъ на Руси.

Суетность и тщеславіе воинственнаго и дикаго народа сильно проявляется во всемъ. На лодки они, вмѣсто парусовъ, они берутъ шелковыя матеріи Грековъ.

См. у Денинго.

26.

Начало княжествъ.

Въ серединѣ 6-го вѣка покоряются славянскія племена двумя народами на сѣверѣ и на югѣ, на сѣверѣ Норманами, на югѣ козарами. Племена заставлены платить дань. Норманамъ платятъ дань Славяне, Чудь, Меря и Кривичи, Хозарамъ Поляне Кіевскіе, Сѣверяне и Вятичи. Дань должна была платиться мѣхами, по бѣлкѣ съ дыма.

Норманы грабили чужія земли, оббирали съ нихъ дани и около зимы возвращались домой. Но въ Руси оставили они людей, которые годъ отъ году собирали поборы съ жителей и угне-

тали ихъ. (См. Архан. списокъ). Это побудило Славянъ, Мерь, Чудь и Кривичей выгнать ихъ. Они боялись возвращенія ихъ, соединились для защиты и начали дѣлать укрѣпленія. Но между этими четыре націями возстало несогласіе, необходимое слѣдствіе федеративной системы, и 4 народа признаются...

27.

Обряды религіозные.

Обряды, обычаи сложнѣе, носятъ болѣе развитія и поэзіи на югѣ.

Пѣсни и пляски всеобщи между всѣми Славянами.

Но у южныхъ онѣ преобладали въ большей степени. Всякое урочное событіе года, начинаніе всяко(го)й (дѣла) работы въ полѣ сопровождалось пѣснями. Множество свидѣтельствъ тому оставшихся пѣсенъ съ именами языческихъ боговъ, сохранившихся въ Малороссіи и Галиціи.

Надъ умершими тризна у Радимичей, Вятичей, Сѣверянъ, по словамъ Нестора, при чемъ доказательство ихъ язычества. Далѣе говоритъ онъ: и.....

Мертвеца сжигали на кострѣ, кости собирали и ставили на столбахъ при дорогахъ. Пиршество послѣ похоронъ или на кладбищѣ называлось *стравою* въ честь умершихъ. Въ житіи муром. князя Константина говорится о закаланіи коней умершаго и объ изрѣзаніи лица на немъ въ знакъ печали.

28.

О Тавріи.

Служитъ ссылкою, мѣстомъ убѣжища бѣглыхъ притязателей на престолъ.

Два народа обитатели полуострова, греческіе колонисты, западные Херсонцы, восточные Босфорійцы. Занятіе земледѣліе, торговля хлѣбомъ. Тревожатся разными ордами народовъ,

еще облеченныхъ до Грековъ въ одежду Скифовъ, и препираются между собою властолюбіемъ своихъ небольшихъ самоправителей. Разсѣянныя толпы Гунновъ и Готовъ по смерти Атилы производили опустошенія и грабительства и вселились въ нѣдра Босфора. Полководецъ Юстиніановъ Іоаннъ съ помощью Скифовъ (Славянъ) изгоняетъ ихъ.

Козары, занимая пространства за Яикомъ, около Каспійскаго моря, передвинулись съ своими ордами на юго-западъ и заняли степи Новороссійскія подъ предвод. своихъ Хакановъ; заводятъ вежи или города, набѣгаютъ на Таврію, проникаютъ въ сердце городовъ ея опустошительно, иногда даже утверждаютъ временную власть и начальниковъ своихъ. Вступаютъ въ политическіе союзы съ Греками, дочь хозарскаго хокана за сыномъ Императора. Вытѣснили Булгаровъ. Тогда, когда они нападали на Таврію въ Европѣ, (другимъ концомъ) хвостомъ тревожили въ Азіи Аравію, Мидію и Персію.

Нападенія Печенѣговъ и другихъ выходцевъ заставляютъ установиться и строить города. Строятъ городъ Бѣлую вѣжу (Саркелъ) (по Нарушевичу, у рѣки Донца, нынѣшній Бѣлгородъ) съ помощью греческаго архитектора Петроноса, присланнаго импер. Феофиломъ, собравшаго матеріалы изъ Херсона. Крестятся по желанію Хагана своего при императорѣ Михаилѣ (съ матерью Ѳеодорою) присланнымъ изъ Константинополя Св. Кириломъ, изучившимся въ Тавріи хозарскому языку. Отважные варяги воздвигаютъ славянскія племена, освобождаютъ ихъ отъ дани и новымъ государствомъ сильно прижимаютъ ихъ.

Печенѣги такого происхожденія, остатки азіатскіе, распространились по землямъ козарскимъ, потѣснили далѣе венгровъ, начинавшихъ свои владѣнія на западѣ съ тѣхъ поръ, гдѣ оканчивали козары. Такимъ образомъ распространились до Валахіи и Седмиградской области, перенесли даже за Днѣпръ свои кочевья. Сосѣдство утѣснительное ихъ съ Европейской стороны и съ Печенѣгами и съ моря Каспійскаго Аланами и Узами, уже перешедшими въ Европу, отняло у нихъ руки, освободило Таврію и дало

средства Греческимъ Императорамъ вредить имъ, соединяясь съ Печенѣгами, аланами и узами, которыхъ подкупали подарками и давали безпрепятственный ходъ небольшой торговлѣ херсонской. Раздоры между хозарскими племенами, раздѣлившимися на Кабаровъ и Хозаровъ, были причиною ихъ конечнаго истребленія. Часть ихъ погибла въ рабствѣ у Кабаровъ, присоединилась и смѣшалась съ разными ордами. Семь ордъ присоединилось къ уграмъ.

Отличаясь нападеньями на Рускихъ, Печенѣги жили въ Тавріи довольно мирно, занимались земледѣліемъ и торговлей. Императоры греческіе вели съ ними сношенія и писали грамоты. См. Сестренц. Богуша, а у него Конст. Порфирод. Служили перевозчиками товаровъ изъ Россіи, Хозаріи и Хизіи въ Херсонъ, но въ торговлѣ показывали алчность, какъ вездѣ.

Святославъ беретъ и разоряетъ бѣлую вѣжу и проноситъ оружіе во всю Тмутаракань. Остатки хозаръ по степямъ были или данниками Россіи или. Владѣнія Владиміра уже почти прикасались съ греческими, и входъ въ Херсонъ былъ безпрепятственъ. Императоръ Василій изъ похода Болгарскаго въ 1016 послалъ флотъ подъ предвод. Монга, которому помогли Рускіе истребить войско козаръ, землю покорить. См. Кедринъ.

Надъ всѣми этими землями утвердилъ потомъ свою смѣлую власть Мстиславъ.

Касогія простиралась по горамъ за рѣкою нынѣшнею Терекомъ, гдѣ находится малая кабарда. См. Конст. Багрянородный.

Княжество Тмутараканское, удѣлъ Мстислава, есть часть прежняго Босфорскаго, и городъ его престольный въ Азіи, древняя Фанагорія, потомъ Тамарха и Тмутаракань или Темрюкъ.

Но не позволяли князьямъ совершенно упрочить завоеваній Печенѣги.

Печенѣги были наѣздные, невидимые владѣтели степей. Ихъ подкупили Греки, желая отклонить нападенія рускихъ, и запирали путь по Днѣпру въ Черное море, съ другой же стороны не допустили посягнуть на Таврію.

Половцы замѣстили Печенѣговъ, почти истребленныхъ русскими князьями, безъ сомнѣнія присоединивъ остатки ихъ въ свои орды, они всѣ дѣйствія свои поворотили на сѣверъ, воюя съ Рускими, Польшею. (Чтоже Таврія въ это время?).

По мнѣнію Миллера, Узы Половцы.

Половцы были несравненно многочисленнѣе Печенѣговъ.

29.

Сочинитель Vita S. Ottonis говоритъ, что въ одномъ изъ Штетинскихъ храмовъ были снаружи и внутри выпуклыя изображенія птицъ, людей, звѣрей.

Деревянный храмъ Арконскій былъ срубленъ искусно и украшенъ рѣзьбою и живописью. Въ святилищѣ его стоялъ идолъ. а конь его въ другомъ зданіи, ergo, Hist. Dan. Ergo, славяне, особенно Венедскіе, сохраняли у себя художества, можетъ быть, воспоминаніе Индѣйскихъ.

30.

Объ Олеговомъ Договорѣ.

Съ какой стати выдумывать договоръ. Иногда изъ гордости и тщеславія выдумается о предкахъ, но всегда почти въ повѣствовательномъ, въ напыщенномъ, въ баснословномъ, въ преувеличенномъ видѣ. Но чтобы оно имѣло форму договора, такъ яснаго, опредѣленнаго, вылилось въ такую ясную, опредѣлительную форму, это совершенно невозможно.

Еще болѣе невозможно въ мѣстную гражданственную развитіе и грубость вѣка.

Если бы выдумали (кто бы могъ выдумать?)

Какія долженъ имѣть достоинства тотъ, кто въ состояніи выдумать.

Отъ чего произошло подозрѣніе въ ихъ подлинности.

Составить такъ, съ такими обстоятельствами, такъ не упустить, такъ много вдвинуть знаменующее истинно нормандское.

Уже самое сомнѣніе Шлецера говоритъ въ ихъ пользу. Стало быть они такъ искусно поддѣльны. А можно ли допустить тогдашнему вѣку и тогдашнимъ людямъ такое искуство.

Страшныя описки, невѣроятныя ошибки писцовъ, необыкновенная изуродованность именъ говорятъ въ его дѣйствительность. Если бы онъ былъ поддѣльный и въ новѣйшія времена, онъ бы списался несравненно правильнѣе, онъ бы былъ понятенъ для писцевъ, и они бы не путались такъ.

Уже одни постановленія о ладьяхъ, чрезвычайно точныя, опредѣленныя, даже нѣсколько сложныя, ясно показываютъ жизнь совершенно норманской и прямо относятся къ Норманскому. Никогда, если бы допустить о составленіи его въ послѣдующія времена, не могли бы изобрѣтатели распространиться объ этомъ предметѣ. Тогдашняя жизнь руская, даже Новгородцевъ, не навела бы его на эту идею.

Въ немъ бы была неосмотрительность, между тѣмъ какъ ее нигдѣ не видно.

31.

Доказательства о письменности договоровъ.

Но развѣ Славяне не могли до Владиміра узнать азбуку Кирилла и Меѳодія.

Въ Кіевѣ была церковь, стало быть была письменность и языкъ. Какъ же могло привиться. Ясный признакъ. Были они грамотны. Если сообщенія между Цареградомъ были такъ часты. Если варяги были друзьями, принимались въ службу. Если этотъ, который былъ такъ тѣсно и въ такомъ безпрестанномъ сношеніи при своемъ любопытствѣ, развѣ не могъ узнать, что Нормане тогдашней Европы не писали. Но Норманы въ Западной Европѣ основались въ земляхъ (совершенно) почти не получившихъ формъ гражданственности, гдѣ дикость и охота и грубость, всеобщій характеръ вѣка, скрывали жалкую гражданственность народовъ римскихъ и не принявшіеся начатки Карла. Этого преимущества не имѣла Европа.

32.

Изьяславъ.

Изъ его вѣка можно вывести слѣдующія событытія:

Половцы явились непріятели.

Упрямо отвоевывалъ свою землю и сорился съ князьми.

Полоцкій Всеславъ врагъ заклятый Ярославичей.

Жизнь велась довольно мытарски за гуслями и пиршествами, по словамъ Нестора.

Бурхардъ духовный чиновникъ, посланный Генрихомъ IV, удивлялся богатству и великолѣпію рускихъ князей, ихъ сокровищамъ.

Изьяславъ, то изгоняемый, то возвращавшій себѣ престолъ.

Святославъ Черниговскій строптивѣе былъ другихъ и духомъ его были исполнены сыновья его, которыхъ братья Изьяславъ съ Всеволодомъ лишили владѣній.

Олегъ, наскучивъ праздною жизнью въ Черниговѣ, гдѣ княжилъ Всеволодъ, бѣжалъ и съ Половцами напалъ на Черниговскія земли, и выгналъ Всеволода, который скоро соединилъ съ Изьяславомъ, своими сыновьями и возвратилъ княженіе не только свое, но и Кіевское, потому что Изьяславъ былъ убитъ въ битвѣ, а Олегъ бѣжалъ.

Основалъ Кіевопечерскій монастырь Афонскій монахъ, рускій, родомъ изъ Любеча, названный тамъ Антоніемъ, поселился въ пещерѣ, ископанной Митрополитомъ Иларіономъ. Святостью и затворничествомъ пользовался всеобщимъ уваженіемъ. Князья приходили бесѣдовать къ нему. Двѣнадцать монаховъ, постриженныхъ Антоніемъ, выкопали подземную церковь съ кельями. Ихъ число умножалось. Святославъ далъ 100 гривнъ или 50 фунтовъ золота на сооруженіе каменной великолѣпной церкви Печерской призванными художниками изъ Кіева. Ѳеодосій когда входилъ къ князю Святославу, то умолкали гусли и ор-

ганы. Нѣкоторые изъ монаховъ Печерскихъ приняли вѣнцы мучениковъ обращ. въ идолопоклонство: Леонтій въ Ростовѣ, Св. Кукша въ землѣ Вятичей (въ Орловской или Калужской губерніи). Варлаамъ, бросивъ одежду боярскую, пошелъ въ Печерскіе монахи. Варягъ Симонъ внесъ 50.

Рускіе ходили въ Грецію и служили тамъ. Митрополиты были посвящаемы отъ Патріарха. Грекъ изъ Цареграда Георгій недолго побылъ и уѣхалъ. Руская Церковь считалась въ зависимости отъ Цареграда до паденія его и считалась семидесятымъ епископствомъ.

Финны и Чудь славились волшебниками, народъ вѣрилъ и прибѣгалъ къ нимъ съ гаданьями.

Княжества наслѣдственно не дѣлились на цѣлый родъ, но существовали какъ аренда. Князья для выгоднѣйшихъ оставляли свои прежнія (оттуда причина неорганизаціи въ чисто политическія тѣла и вмѣстѣ всей Россіи).

Половцы имѣли вежи и многихъ хановъ.

Хищническій характеръ Половцевъ не удерживался ни договорами, ни пораженьями. Рускіе князья должны были также разрушительно проходить ихъ земли. Занявши земли хозаръ, они имѣли (уже) дома и хозарскіе города.

Короли польскіе, къ которымъ обращались удѣльные князья съ просьбою о помощи, обѣщали и, забравши дары, обыкновенно обманывали. Смотри: Владиславъ въ отношеніи къ Давиду Игоревичу.

Врагъ князей Всеславъ Полоцкій умеръ въ 1101, княживъ продолжительно, 57 лѣтъ.

Сраженія съ Половцами, захватившими подъ предводительствомъ Боризна табуны переславскіе и приступившаго къ Лубнамъ, происходило (на рѣкѣ) за Сулою, гдѣ Мономахъ гналъ ихъ до самаго Хорола.

33.

Всеволодъ.

По волѣ его сыны Изьяславовы Святополкъ на княженіи Новгородскомъ, Ярополкъ во владѣніе получилъ Владиміръ Волынскій древній и Туровъ, Мономахъ въ Черниговѣ.

Безпокойный Олегъ своими же Половцами, измѣнившими ему, былъ отправленъ въ Константинополь и странствовалъ на островѣ Родосѣ и возвратился вновь въ свое княженіе (братнино) Тмутараканское, гдѣ былъ братъ его Романъ убитъ Половцами.

Полоцкій князь тѣ же враждебныя дѣйствія. Его разбиваетъ Мономахъ, который побѣдилъ Торковъ близь Переяславля, усмирилъ Вятичей, гналъ ихъ неутомимо на берегахъ Десны и Хорола.

Слабый, тревожимый строптивостью племянниковъ, поддерживаемый только Мономахомъ, преданный любимцамъ, уже не судившій на своемъ княжескомъ дворѣ, неудерживавшій своихъ тіуновъ грабить города и жителей, умеръ 1093.

34.

Святополкъ, возведенный Мономахомъ на Кіевскій престолъ, при самомъ началѣ долженъ былъ отряжать Половцевъ соединенными силами съ Мономахомъ и братомъ его Ростиславомъ, но князья потерпѣли большую утрату и пораженіе. Ростиславъ былъ убитъ. Половцы потомъ обратили въ пепелъ Торческъ, и напрасно хотѣлъ ихъ обезоружить бракомъ съ ихъ княземъ. Упорный Олегъ опять пришелъ съ ними въ 3 разъ и заставилъ Мономаха отдать ему его удѣлъ Черниговъ. Распустилъ Полов-

цевъ по всей Черниговской области, которые выжигали домы, церкви, гумна, и южную Россію значительно обезлюдили. Жители изъ южныхъ земель переселялись въ сѣверныя (Юрьевъ на берегу Росси, сожженный Половцами, переселился своими жителями къ Кіеву и составилъ городокъ Святополчъ).

Олегъ упорствовалъ соединиться съ князьями на Половцевъ и не хотѣлъ на сеймъ. Силою и осадою его удѣла могли заставить его.

Всегда дерзкій, даже въ критическихъ обстоятельствахъ, побѣждаемый, все упорствовалъ, однакожъ. Даже посланіе Мономаха, исполненное силы и краснорѣчія убѣжденія, выказывавшими вполнѣ высокій характеръ, его не тронуло, и изъявивши наружное согласіе, онъ воспользовался первою безпечностью и ворвался съ дружиною къ нему въ землю Суздальскую.

Дѣло Мономаха сеймъ князей, который, казалось, опредѣлилъ границы:

За Мономахомъ Переяславль, Смоленскъ, Ростовъ, Суздаль, Бѣлоозеро.

За сыновьями Святослава Олегомъ, Давидомъ, Ярославомъ Черниговъ, Рязань, Муромъ.

За Давидомъ Игоревичемъ Владиміръ Волынскій.

За Володаремъ и Василькомъ Ростиславичами Перемышль и Теребовль.

Слабый, вѣроломный и подозрительный Святославъ, своими поступками несправедливыми и злодѣйскимъ ослѣпленіемъ невиннаго князя Василька, вооружилъ противъ себя удѣльныхъ князей; въ управленіи внутреннемъ корыстолюбивъ, терпѣлъ (жидовъ), завелъ жидовъ.

На второмъ сеймѣ, давши Давиду Игоревичу, вмѣсто отнятаго Владиміра Волынскаго, сверхъ его Бужска, Дубно и Чарторыжскъ, данный Святополкомъ, а чрезъ нѣсколько времени уступилъ Дорогобужъ Волынскій.

Наконецъ, рѣшили на сеймѣ объявить Половцамъ, всѣ почти изъявили участіе, даже сынъ стараго врага Всеслава Полоцкаго

Давидъ прибылъ въ станъ соединенныхъ войскъ. Одинъ только Олегъ отказался подъ егидой Мономаха. Наконецъ, совершенно поразили Половцевъ и взяли отъ нихъ добычу.

Границы земли Половецкой?

Ростиславичи Червленскіе и города?

Полоцкъ возвратилъ своихъ князей.

Сосланный въ Цареградъ Василько Рогвольдовичъ опять сталъ княжить въ Полоцкѣ.

Родъ Святослава Черниговскаго нанесъ страшное опустошеніе области Переяславля. Ольговичи нѣсколько разъ приводили Половцевъ и всегда почти держались обычая жечь селенія и города.

35.

Половцы.

Часть, избѣгая татаръ (непокоренныхъ татаръ), переправилась черезъ Дунай на кожаныхъ мѣшкахъ вмѣстѣ съ женами и дѣтьми и скиталась долго во Фракіи, пока Императоръ Іоаннъ не взялъ ихъ на свое содержаніе и назначилъ для нихъ земли; полагаютъ, что ихъ было до 10,000. Жившіе на матерой землѣ въ Евр. Тавріи покорились игу побѣдителя. Приморскіе послѣдовали за жителями Дунайскими.

36.

Мономахъ Велик. Князь.

Вступивши въ Кіевъ, (исправилъ) уничтожилъ беспорядки, произведенные корыстолюбіемъ Святополка. Законъ о ростахъ.

Сынъ его, Мстиславъ, два раза побѣдилъ Чудь, завладѣлъ

городомъ Оденте или Медвѣжьею Головой въ Ливоніи. Его сынъ, оставшійся въ Новгородѣ (отецъ занялъ Бѣлгородъ), совершилъ походъ счастливый въ Финляндію.

Другой сынъ, Георгій, въ Суздалѣ ходилъ войной на казанскихъ Болгаръ, побѣдилъ и пришелъ съ добычею.

Третій сынъ, Ярополкъ, воевалъ въ окрестностяхъ Дона, взялъ три города въ области Половецкой: Балинъ, Чешлюевъ, Сугровъ.

Въ Руской землѣ кочевали остатки народовъ Берендѣи, Печенѣги и Торки, въ степяхъ, въ окружности Переяславля. Мономахъ изгналъ ихъ. Изъ нихъ многіе уцѣлѣли на Днѣпрѣ подъ общимъ именемъ Черкасовъ или чорныхъ клобуковъ, служа Россіянамъ.

Принялъ Бѣловѣжцевъ, остатковъ Козаръ, бѣжавшихъ отъ Половцевъ. Они основали въ верховьѣ р. Остра новую Бѣлую Вежу въ 120 верстахъ отъ Чернигова. Развалины показываютъ каменныя строенія.

Князья дѣйствовали съ нимъ союзно, даже Ольговичи.

Усмирилъ князя Минскаго. Взялъ города: Вячеславъ, Оршу, Копысъ.

Усмирилъ Новгородцевъ, призвавши въ Кіевъ ихъ бояръ, и далъ имъ посадника, Кіевскаго боярина Бориса.

Четвертый сынъ его, Андрей, по повелѣнію его, опустошилъ сосѣдственныя владѣнія Болеслава Криворотаго. Ни его, ни Венгровъ и короля ихъ нападенія были неудачны.

Не сыновья его, почти посторонніе ему, были князья Черниговскіе, Полоцкіе и Ростиславичи.

Умеръ на 73, княжилъ 13 (въ 1125). Его духовное (завѣщаніе исполнено) поученіе исполнено краснорѣчія, обличаетъ размышляющій умъ, и одинъ изъ лучшихъ памятниковъ словесности, исполнено простоты и (глубокой) истины и наставленій опытности въ дѣлахъ разныхъ, въ жизни домашней.

Самъ назиралъ церковь и Божественное служеніе, домашній распорядокъ, конюшню, охоту, соколовъ, ястребовъ.

Дѣятельный, онъ совершилъ 83 похода, 19 мирныхъ договоровъ съ Половцами.

Ѣздилъ довольно скоро: изъ Чернигова выѣхавъ поутру, пріѣзжалъ въ Кіевъ прежде вечеренъ.

Ростовская и Суздальская земля были наслѣдственныя земли Всеволодова дома. Онъ ѣздилъ часто туда для хозяйственныхъ распоряженій. Выбралъ лучшее мѣсто на берегу Клязьмы, основалъ городъ и назвалъ его Владиміромъ Залѣсскимъ (Суздальское соединившемъ съ Переяславскимъ).

37.

Мстиславъ.

Когда Мстиславъ былъ Великимъ Княземъ, его братья занимали:

Ярополкъ въ Переяславлѣ, *Вячеславъ* въ Туровѣ, *Андрей* во Владимірѣ, *Георгій* въ Суздалѣ, а сыновья его Ростиславъ и Изъяславъ въ Курскѣ и Смоленскѣ.

Загналъ Половцевъ не только за Донъ, но и за Волгу.

Сыновья Олега начали показывать тоже непокорство, упрямство отца и изгнали дядю.

Въ югозападной Россіи сыновья Володаря, Владимірко и Ростиславъ, ссорились за удѣлы, первый въ Звенигородѣ, второй въ Перемышлѣ.

Наконецъ, паденіе произошло князей Полоцкихъ[1]). Мстиславъ поднялъ своихъ братьевъ и сыновей, далъ имъ свой полкъ и вмѣстѣ съ другими князьями покорилъ всю область Полоцкую. Послѣдніе князья Полоцкіе, два брата съ двумя племянниками, женами и дѣтьми, были отправлены на 3 ладьяхъ въ Константинополь. Мстиславъ отдалъ княженіе Полоцкое и Минское сыну своему Изъяславу.

Счастливо воевалъ Чудь и Литву.

---

1) Древней земли Кривичей, самыхъ непокорныхъ князей, всегда желавшихъ совершенно отдѣльной независимости.

38.

Ярополкъ.

Слабый, уступчивый. Эпохи, изъ его княженія извлеченныя, суть:

Ольговичи, князья Черниговскіе, съ Половцами выступаютъ на него, жгутъ и опустошаютъ селенія (пострадали сильно окрестности Переяславля) и заставляютъ его уступить часть Переяславской области съ Курскомъ.

Все княженіе провелъ въ спорахъ и битвахъ съ Ольговичами.

39.

Всеволодъ Ольговичъ.

Наконецъ, Ольговичи овладѣли княжескимъ престоломъ. Всеволодъ предупредилъ сына Мономахова Вячеслава и хотѣлъ также и Переяславъ, по крайней мѣрѣ приказывалъ его отдать брату своему Святославу Ольговичу.

Но скоро началъ войну съ братьями Святославомъ и Игоремъ, сердитыми за то, что онъ имъ не далъ никакихъ новыхъ удѣловъ прибыльныхъ, а давалъ сыновьямъ и родственникамъ.

40.

Игорь Ольговичъ.

2-й изъ Ольговичей, беспечностью, не любовью гражданъ, измѣною бояръ своихъ, расположенныхъ къ роду Мономаха, лишился Кіева, не пробывъ трехъ (мѣсяцевъ) недѣль.

41.

Изьяславъ Мстиславичъ.

Внукъ Мономаховъ (завязываетъ), угнѣтеніемъ Игоря въ Кіевѣ и содержаніемъ его въ неволѣ, вызвалъ упорную войну

брата его, Святослава, показавшаго рѣдкую братскую любовь, потерявшій чрезъ нее всѣ города свои и дѣйствовавшій почти противъ всѣхъ князей съ Георгіемъ Суздальскимъ. Народной ненавистью Кіевлянъ, убившихъ Игоря уже монаха, онъ воспламенилъ войну. Георгій Суздальскій эгоистъ, понуждаемый ненавистью къ Изьяславу и Святославомъ, противустоитъ и заставляетъ отказать Изьяслава, которому однакожъ старая любовь Кіевлянъ и ненависть къ Георгію даетъ новыя силы. Георгія войны почти всегда неуспѣшны, Изьяславовы почти уничтожаютъ владѣнія Георгія въ южной Россіи. Въ эту войну, рожденную взаимною ненавистью и безпрестанно возобновляемую, впутываютъ они—Георгій князя Галичскаго Владимірка и Половцевъ, Изьяславъ Венгерскаго владѣтеля Гейзу. Изьяславъ торжествуетъ, принимаетъ въ Кіевѣ, какъ отца, дядю своего Вячеслава и раздѣляетъ съ нимъ власть. Самъ всегдашній предметъ народной любви, которую умѣетъ пріобрѣсти своимъ обхожденіемъ съ ними.

42.

Сношенія съ греками.

Дочь Всеволода Янка ѣздила въ Цареградъ.

43.

Митрополиты.

Иларіонъ.

Григорій грекъ.

Іоаннъ грекъ, сочинитель церковнаго правила.

Іоаннъ скопецъ, Грекъ—мертвецъ.

Ефремъ скопецъ.

Николай грекъ.

Никифоръ грекъ, извѣстный свѣдѣніями и краснорѣчіемъ. Его два письма къ Мономаху. Одно о раздѣленіи церквей восточной и западной, другое о постѣ.

Никита грекъ.

44.

О городахъ.

Города состояли изъ мирной половины гражданъ, постоянной, и наѣздной, воинственной дружины князя, переселявшейся вмѣстѣ съ княземъ.

Князь ѣхалъ на княженіе со всею свитою, съ своими людьми и дружиною, иногда довольно многочисленною, которую городъ содержалъ.

Строеній крѣпкихъ въ городахъ не было и не строилось, потому что князь не почиталъ ихъ потомственнымъ наслѣдіемъ и помнилъ, что со временемъ могъ перемѣнить его на другой.

Города были слишкомъ не великолѣпны на видъ, окружались земляпымъ валомъ, но за то вмѣщали несчетное множество церквей, больше деревянныхъ, маленькихъ. Лѣтописи говорятъ, что во время пожара въ Кіевѣ сгорало 600 церквей. Каждый князь платилъ отъ себя дань набожности, выстроивъ церковь. Это распространялось на его дружину.

Дружины князей были причиною и зиждителемъ городовъ. Такое множество, свита не иначе могла помѣщаться, какъ въ цѣломъ острогѣ. Такое множество воиновъ, бездѣйствующихъ и праздныхъ людей, неприлагавшихъ труда, должны были собрать вокругъ себя трудящійся классъ, доставлявшій бы имъ все нужное. Отсюда классъ ремесленниковъ и мирныхъ гражданъ.

45.

Постепенное появленіе городовъ.

Въ Брестѣ былъ племянникъ Святополка, Ярополковъ сынъ Ярославъ, котораго онъ въ цѣпи заключилъ. Стало быть Брестъ былъ Рускимъ и отдѣльнымъ городомъ еще въ началѣ 1101.

Лубны упоминаются во время набѣга Половцевъ 1107.

Прилукъ (1138) упоминается при осадѣ его Ольговичами.

Торжокъ взятъ Георгіемъ Долгорукимъ у Новгородцевъ 1139.

Всеволодъ отдалъ и отсудилъ: Игорю Юрьевъ и Рогачевъ, Святославу Чарторискъ и Клецкъ, а Давидовичамъ Брестъ и Дроговичинъ.

46.

Внутреннее устройство.

Добыча: скотъ жителей, рабы.

Бѣжавшіе князья, предпріимчивый мятежникъ, обѣщая грабежъ, всегда могъ набрать себѣ дружину (Карамзинъ).

Какъ князья (переходили) изъ (одного) удѣла перемѣщались въ другой, такъ точно и бояре.

Отъ одного удѣла зависѣло нѣсколько другихъ: отъ Чернигова Рязань, во времена сыновей Ярославовыхъ и Изьяславовыхъ [1]).

Рѣдкіе, впрочемъ, пользовались удѣломъ отца. Часто (нѣкоторые) иные князья, когда правился имъ чужой удѣлъ, изгоняли съ спльною дружиною князя, который иногда довольно спокойно отправлялся искать удѣла или принималъ предоставленный побѣдителемъ.

Это государство изъ арендъ родственниковъ Государей, дядей, племянниковъ, представляло странное явленіе. Не смотря на безпорядочность, на не имѣніе предѣльныхъ законовъ, на неопредѣлившіяся права и отношенія ихъ между собою, они носили какой то темный видъ единства и цѣльности одной націи. Князья часто въ критическія минуты говорили, напоминали о томъ, что Русь гибнетъ, а враги радуются. На сеймѣ, собранномъ Мономахомъ, явно сказано: да будетъ земля Руская общимъ для насъ отечествомъ. Святители напоминали тоже объ общемъ отечествѣ. Лѣтописцы тоже принимаютъ живое участіе въ общемъ, не смотря на свое частное пристрастіе.

---

1) Впослѣдствіи удѣлы чрезвычайно перемѣшались, такъ что Черниговскіе причислились къ Кіевскимъ, Кіевскіе къ Черниговскимъ. Послѣ Кіевскаго значительнѣе другихъ Черниговскій.

Удѣлами мѣнялись и торговались, какъ воины своими оружьями. За одинъ большой получалъ два-три маленькихъ, иногда додача деньгами.

(сен. 2-й сеймъ. Мономахъ отъ себя 200 гривенъ, Олегъ и братъ его также кромѣ городовъ за Владиміръ Волынскій)

Здѣсь то нужно искать причины остановки хода развитія въ Россіи.

Народъ, видя частое изгнаніе къ князьямъ, терялъ къ нимъ уваженіе.

Князь даже производилъ торги. Такъ, Святославъ торговалъ солью, которую привозили купцы изъ Галича и Перемысля.

Князья назначали посадниковъ въ другіе города. Въ завѣщаніи Мономаха: не надѣйтесь на посадниковъ и бирючей; стало быть, посадники были.

Мужество князей росло въ охотахъ, ими они тщеславились. Смотри завѣщаніе Мономаха.

Жители въ городахъ всегда имѣли сильное участіе въ правленіи, почти республиканское. Могли экстренно собирать вѣче и звать на оное князя. Такъ вызывали они князя съ тѣмъ, чтобы жаловаться на его тіуновъ.

Воинственность и рыцарскій обычай былъ видѣнъ въ томъ, что они пріѣзжали на вѣче даже на копяхъ.

Тіуны часто сильно угнетали гражданъ своимъ правленіемъ, и за то народъ часто, выведенный изъ умѣренности, грабилъ ихъ собственные домы.

Тіуны самоуправничали часто мимо князя, и такъ дружина, и нестолько дружина, какъ въ послѣдствіи бояре оной оказывали неповиновеніе къ князю.

Часто города, будучи недовольны своимъ княземъ, тайно приглашали.

47.

Набожность.

Князья заключались и постригались. Сынъ Давида Черниговскаго, Святославъ, при Митрополитѣ Никифорѣ.

Монахи путешествовали къ святымъ мѣстамъ: Игуменъ Даніилъ, во время Святослава, былъ въ Іерусалимѣ во время Балдуина.

48.

Пиры.

Пиры давались почти на весь міръ, на бояръ и дружину. Три дня угощали бѣдныхъ и странниковъ.

(Пиръ данный Олегомъ по случаю перенесенія мощей (новаго) 1115 Бориса и Глѣба).

Народу бросались ткани, шкуры, серебряныя монеты.

49.

Обычаи.

Чтить гостя и иностранца какого бы ни было всегда считалось главнымъ. Мономахъ въ поученіи особенно это завѣщаетъ. Если нельзя одарить, проситъ по крайней мѣрѣ угостить его, ибо гости распускаютъ въ другихъ мѣстахъ худую и добрую славу.

Нѣкоторые изъ князей были довольно учены. Влад. Мономахъ въ завѣщаніи говоритъ, что отецъ его, сидя дома, говорилъ на 5 языкахъ. Карамзинъ думаетъ, на греческомъ, венгерскомъ, половецкомъ, скандинавскомъ и рускомъ.

Охоту, какъ доблестнѣйшее занятіе, лучшіе государи совѣтовали отцы сыновьямъ. Смотри завѣщаніе Мономаха.

Охота была за буйволами, оленями, дикими лошадьми, (Мономахъ своими руками вязалъ по нѣсколько дикихъ коней вдругъ. См. Завѣщаніе), вепрями, медвѣдями. Въ каждомъ удѣлѣ лучшая для князя прибыль были мѣста для охоты, за нихъ иногда перемѣняли они удѣлы.

Дружина жила княземъ и беспрестанно требовала прибавки жалованья.

Жены ходили въ золотыхъ украшеніяхъ. См. Соф. Врем. вставка: «Послѣдуемъ, братцы, примѣру нашего князя» («О бра-

тіе, потогнемъ по своемъ князѣ и по Руской земли. Не глаголаху мало ми есть, княже, 10 гривенъ и не кладяху на своя жены златыхъ обручевъ, но хождаху жены ихъ въ сребреныхъ»).

У (великихъ) князей бывало не мало богатства въ подвалахъ, кладовыхъ и погребахъ: желѣзо, мѣдь, вино, медъ, на гумнахъ множество хлѣба. У Святослава Черниговскаго, брата Игоря, нашли 900,000 скирдъ.

Въ междоусобныхъ браняхъ обыкновенно дружина и вожди прежде всего старались овладѣть кладовыми и погребами и... хлѣбъ, теремъ, всѣ заведенія.

Грабили и жгли даже церкви, какъ при взятіи Путивля, дома Святослава. Меду въ подвалахъ 500 берковцевъ и 80 корчагъ вина.

50.

Городъ Кіевъ.

Была Жидовская улица, по множеству жидовъ.

Пожаръ въ Кіевѣ при Мономахѣ обратилъ въ пепелъ монастыри и около 600 церквей.

51.

Брачные союзы.

Князья роднились иногда съ отдаленными Европейскими домами.

Мономахъ былъ женатъ на Гидѣ, дочери Англійскаго короля Гаральда.

Мстиславъ на Христинѣ, дочери Шведскаго короля Инга Стенкильсопа.

52.

Союзы государей Европейскихъ съ рускими.

Одна дочь Мономахова за Норвеж. принца Сигурда, потомъ за Датск. Эрика Эдмунда, вторая за Канутомъ святымъ, королемъ Оботритскимъ.

Третія за греческимъ царевичемъ.

53.

Великій Князь.

Великій Князь бралъ только своимъ посредствомъ, какъ третье лицо, призываемое на судъ, разумѣется, если онъ характеромъ, силою, мужествомъ, счастливыми побѣдами умѣлъ пріобрѣсть это. Тогда изъ боязни къ нему не смѣли сорить владѣтели сосѣдственныхъ удѣловъ.

Великій князь долженъ былъ хлопотать и умирять недовольныхъ. Онъ склонялъ къ сдѣлкамъ между собою въ мѣнѣ удѣловъ князей, уговаривалъ того и другаго, уступалъ, если былъ слабъ, грозилъ, если былъ силенъ.

Его поименная некорыстная власть основывалась на мнѣніи только на давности первенства, на городѣ Кіевѣ.

Дошло до того, когда вел. князь требовалъ помощи у другихъ Великихъ князей, они торговались, требовали многихъ городовъ, и князь долженъ военнымъ хитростямъ.

Восходя на престолъ, великій князь увѣдомлялъ удѣльныхъ отправленіемъ къ нимъ пословъ.

54.

Вліяніе упадка Кіевскаго княженія.

Съ упадкомъ Кіевскаго княженія прежній призракъ порядка рушился. Вліяніе Россіи на Югозападъ Руской стало значительно меньше. Князья ихъ болѣе своевольничали и безпорядковали. Вліяніе Польши и Венгріи становилось сильнѣе.

Въ княженіи Кіевскомъ находились и зависѣли отъ него всегда: Вышгородъ, Васильковъ, Лыбедь.

55.

Войны съ Чудью и Литвою.

Война съ Чудью и Литвою обыкновенно оканчивалась разореніемъ селъ и уводомъ плѣнниковъ. Мстиславъ, сынъ Мономаха,

привелъ въ Кіевъ ихъ великое множество, которые отчасти шли въ продажу и заселяемы были.

Литва всегда съ большимъ усиліемъ упорствовала платить дань.

56.

Слова требующія изъясненія.

Куны
Долсѣи
Мытъ

57.

Новгородъ.

Власть князя.

Власть князя была сильно ограничена. Онъ не могъ въ волостяхъ Новгородскихъ постановить своихъ мужей, но Новгородцевъ.

Онъ не могъ имѣть селъ, купить, ни принять дары и подати, ни жена его, ни слуги во всей Новгородской волости.

Въ Русу могъ ѣздить только на третью зиму. Въ Озводо за звѣриною охотой лѣтомъ. Въ Ладогу на третье лѣто.

Онъ не могъ выводить въ свою волость людей ни изъ какой Новгородской волости.

Не могъ требовать для своихъ дворянъ провозу, подводъ у купцевъ, выключая развѣ въ случаѣ ратной вѣсти.

Не могъ иначе торговать съ Нѣмцами, какъ посредствомъ новгородцевъ?

Не могъ приставлять къ нѣмецкому двору своихъ приставовъ, ниже закрыть.

Кромѣ того, князю предписывалось не слушать навѣтовъ, не мстить, не препятствовать безсрочному житію Новгородскихъ гостей.

(Смотри Грамоту Новгородц. Ярославу Ярославичу 1263).

Безъ Посадника не могъ раздавать волостей, ни лишить, ни судить.

Въ Русу ѣздить осенью. Въ Ладоху посылать осетренника и медовара.

Не могъ дать грамотъ (?), принять заложника, ни смерда, ни купцыни.

Тіуновъ держалъ онъ волости пополамъ своего и новгородскаго въ землѣ Волочской. Въ Торжкѣ держать тіуна онъ могъ своего, въ отношеніи собственныхъ владѣній.

Не могъ изъ Суздальской земли своей управлять Новгородомъ.

Примѣчаніе: во всѣхъ грамотахъ всегда ясно старались отмѣтить рубежъ земли Суздальской отъ Новгородской.

Въ Низовыхъ областяхъ особенно была недѣйствительна власть княжеская, тамъ онъ не могъ во все вмѣшиваться и рядовать волости. Грамота 1309.

Запрещалось ему бить свиней въ 60 верстахъ отъ Новгорода.

Долженъ былъ поставлять своего намѣстника за Волокъ.

Слать судей на Петровъ день (разъѣздныхъ).

Не могъ набавлять, ни учреждать пошлинъ.

За рубежемъ земли Новгородской его суды не могли судить и быть посылаемы, и отъ слободъ и селъ отступаться.

Въ Ладогѣ не могъ держать тіуна. Упом. въ пер. разъ въ грамотѣ дани. княз. Мих. Яросл. Твер. 1309 (А въ Ладогѣ ти тіуна не держати).

Тамъ же. Бѣгущихъ онъ въ Тверскую область половниковъ долженъ возвратить въ Новгородъ и тамъ судить.

Онъ могъ брать за провозъ черезъ его землю по двѣ векши отъ лодки, воза, отъ льна и хмѣльна короба.

Изъ Ладоги онъ бралъ дань: посылалъ для ловли осетровъ и варенія меду.

Опредѣлить степень дани или даровъ съ волости, получаемыхъ княземъ.

Что собственно Новгородская волость, вся ли государство, или округъ города Новгорода?

Отъ чего половникъ (холопъ)?

58.

Конституція Новгорода.

Новгородъ обязывалъ прежде всего князя письменною грамотою на пергаментѣ съ свинцовою печатью, съ одной стороны которой былъ образъ Знаменія Пресв. Богородицы, съ другой имя архіепископа Новгородскаго. Она начиналась благословеніемъ Владыки, поклономъ посадника, потомъ тысяцкаго, наконецъ большихъ и малыхъ чиновъ (старѣйшинъ), затѣмъ весь Новгородъ клянется (цѣлуетъ крестъ) держать его княженіе честно по пошлинѣ, безъобидно и такого же требуетъ отъ князя.

Около (1132) народъ началъ избирать посадниковъ, когда изгналъ Всеволода.

59.

Доходы князя.

Доходы были не слишкомъ и всѣ опредѣлены и установлены навсегда.

А коли, княже, поѣдешь въ Новгородъ, тогда тебѣ даръ имати по состояніемъ, а коли поѣдешь изъ Новгорода, даръ тебѣ не надобе.

60.

Права Новгородцевъ.

Съ купленныхъ земель въ землѣ Новгородской князь получалъ куны, но удалившись изъ Новгорода, тоже получалъ, но дарственныхъ лишался.

Никогда Великій князь не могъ постановить имъ князя,

если онъ не нравился. Такъ, не захотѣли они сына Святополка и удержали у себя Мстислава.

Купцамъ давались деньги, и они уже совершали на нихъ, экипировали войска (въ 1137 противъ Всеволода, разграбивъ дань его доброжелателей, съ другихъ взявши налогъ, они деньги отдали купцамъ на заготовленіе вещей къ войнѣ.

61.

Неустройства Новгородцевъ.

Во время смутъ и народныхъ волненій народъ обыкновенно сбрасывалъ своихъ начальниковъ съ мосту и топилъ ихъ въ Волховѣ.

Всеволода обвинили за то, что:

1, не блюдетъ простаго народа и любитъ только забавы, ястребовъ и собакъ.

2, хотѣлъ княжить въ Переяславѣ.

3, ушелъ съ мѣста битвы на Ждановой горѣ прежде всѣхъ.

4, непостояненъ въ мысляхъ, держитъ сторону то князя Черниговскаго, то пристаетъ къ врагамъ его.

Но всегда почти въ Новгородѣ партіи приверженныя князю— нѣсколько домовъ большихъ аристократическихъ, какъ кажется; ихъ обыкновенно народъ грабилъ во время бунта противъ князя.

Князя когда не желали и на мѣсто его просили другаго, то прежняго заключали въ епископскомъ домѣ. См. Кіевская лѣтопись.

При Георгіѣ Суздальскомъ сдѣлалось смятеніе за князей Ростислава и Мстислава, граждане раздѣлились на двѣ стороны: *Торговая* была за князя, *Софійская* противъ.

62.

Отношенія Новгородцевъ къ Великому Князю.

Владѣя отдаленными странами нынѣшней Архангельской губерніи, Новгородцы платили великому князю особенную дань, называвшуюся *Печорскою*.

63.

Исторія Новгородской республики.

Въ началѣ Новгородцы, Псковитяне и Ладожане составляли одну область (съ котораго времени?).

Купеческія суда его ходили за море и привозили товары въ Россію и въ 1142 отразили флотъ Шведскаго короля, выѣхавшаго на разбой съ шестидесятью ладьями и съ епископомъ.

...прибѣгавшій то къ папѣ (Гильдебрапту), то къ Генриху IV, приведшій съ собою Поляковъ и короля Польскаго Болеслава II.

...и Олегъ первый употребилъ Половцевъ.

64.

Періодъ второй.

Общія замѣчанія.

Что удѣльные правы все таки способствовали къ монархизму, то есть, еслибъ монархическая власть дошла туда, она имѣла бы по крайней мѣрѣ на чѣмъ укрѣпиться, но вопросъ, могла ли она зайти. Легко сказать, но власть самодержца не могла никогда держаться на великихъ малонаселенныхъ пространствахъ, потому что не на чѣмъ укорениться ея слѣды, на мѣстахъ изглаживался слѣдъ ея. Что Карлъ былъ самодержцемъ, два три самодержавные правители, этому нечего дивиться. Въ ихъ земляхъ еще старые, освященные давностью слѣды римскіе. Но тамъ, гдѣ не была врѣзана она въ самое сердце земли ни городами, ни крѣпостями, никакими пунктами, напримѣръ, въ Германіи, тамъ она не могла существовать или существовала въ одномъ титлѣ.

65.

Періодъ Татарскій. Изъ Визант.

Pachimeres, T I. pag. 235, 236, говоритъ, что съ Татарами мало по малу мѣшались Цихи, Готы, Россіане и другіе окрестные народы, наконецъ, принявшіе отъ Татаръ нравы, образъ жизни, языкъ и одѣяніе; служили въ татарскихъ войскахъ.

66.

1386. **Ягайломъ соединяются Польша, Малая Россія и Литва.**

Трактатъ присоединенія: Пакта Конвента.

Сила его: присоединяемъ и соединяемъ какъ равный съ равнымъ и вольный съ вольнымъ.

Установленіе въ трехъ націяхъ трехъ равныхъ гетьмановъ съ правомъ намѣстника королевства и верховнаго военачальника.

Гетьм. коронн. Польскій

(Геть. Руской).

Гет. Литовскій

Гет. Рускій

Установленіе. Гетьманамъ и другимъ важнѣйшимъ урядникамъ даются на содержаніе старосты и ранговыя деревни (вспомнить объ удѣлахъ).

Резиденціей Малороссійскаго Гетьмана дѣлается городъ Черкасъ, пониже Кіева, надъ Днѣпромъ.

Провинціальное дѣленіе земли на воеводства и повѣты.

Четыре воеводства Кіевское, Брянлавское, волынское и Черниговское, совмѣстно съ Сѣверіею названное Сѣверія Дукатусъ.

Всѣ чины правит., начиная съ Гетьмана до городскихъ и земскихъ, выбираемы были изъ рыцарства вольными голосами и утверждаемы королемъ и сенатомъ.

Сенатъ составлялся изъ особъ, выбранныхъ сеймомъ или

общимъ собраніемъ. Общее собраніе или сеймъ составляли депутаты, посылаемые отъ народа.

Народъ состоялъ изъ трехъ классовъ: Д., Шляхетства и поспольства.

67.

Кіевскіе Митрополиты.

Михаилъ. 988 г.
Леонъ или Леонтій, Грекъ.
Іоаннъ I. 1007 или 1008.
Ѳеопемптъ, родомъ Грекъ.
Иларіонъ. 1051 г.
Георгій Грекъ. 1055.
Іоаннъ II. 1080 г.
Іоаннъ III. Скопецъ, родомъ Грекъ, 1089 г.
Ефремъ. 1091.
Николай, Грекъ. 1102.
Никифоръ, Грекъ, 1106 г.
Никита, Грекъ, 1122.
Михаилъ II, родомъ Грекъ, 1127 г.
Климентъ, родомъ Россіанинъ, 1147 г.
Константинъ I, Грекъ, 1156.
Ѳеодоръ, Грекъ, 1160 г.
Іоаннъ IV, Грекъ, 1164 г.
Константинъ II, Грекъ, 1167 г.
Никифоръ, Грекъ, 1183.
Матѳей, Грекъ, 1204 г.
Кириллъ I, именуемый Грекомъ, 1223.
Кириллъ II, Грекъ.
Іосифъ, Грекъ, 1237.
Кипріянъ, родомъ Сербянинъ, 1375.
Фотій, Грекъ, 1396.
Григорій Самблакъ, родомъ Болгаринъ, 1414.
Исидоръ, родомъ Грекъ.
Мисаилъ, изъ поколѣнія князей Пеструцкихъ, 1474.
Семеонъ, 1477.
Іона, 1482.
Макарій, 1495.
Іосифъ II, 1476.
Іона II, 1516.
Іосифъ III, 1526.
Макарій II, 1538.
Сильвестръ Гелькевичъ, 1555.
Іона IV, 1568.
Илія, Куча, 1577.
Онисифоръ Петровичъ-Дѣвичій, 1578.
Михаилъ, изъ шляхетнаго рода Рагозъ, 1588.
Іовъ Борецкій, 1620.
Исаія Копинскій, 1628.
Петръ Могила, 1597.
Сильвестръ Коссовъ, 1632.
Діонисій Балобанъ, 1650.

Кириллъ, Россіанинъ, 1250.
Максимъ, Грекъ, 1283.
Петръ, родомъ Волынецъ, 1308.
Ѳеогностъ, Грекъ, 1329.
Алексѣй Плѣщѣевъ, 1354.
Іосифъ Нелюбовичъ-Тухальскій, 1654.
Антоній Виницкій, 1679.
Гедеонъ Святополкъ, 1685.
Варлаамъ Яссинскій, 1665.
Іоасафъ Краковскій, 1693.
Варлаамъ Вакатовичъ, 1719.
Рафаилъ Забаровскій, 1723.
Тимофей Щербатскій, 1698.
Арсеній Могилянскій, 1704.
Гаврінлъ Кременецкій, 1736.
Самуилъ Миславскій, 1731.
Іерофей Малицкій, 1727.
Гаврінлъ Банулеско, 1746.
Серапіонъ Александровскій, 1799.

68.

Книги.

О 1-й филолог.

5943. *Церковный словарь.* Протоіерея Петра Алексѣева. 5 частей. 1817—1819. (8)30 р.

5944. *Краткій словарь* славянскій, Евгенія, (8), 8 р. 1784.

5947. *Аналогическія таблицы* Славено-Російскаго словаря, издан. Академ. Наукъ. 5 частей. 1781 (4), 50 р.

5952. *Сравнительные словари* всѣхъ языковъ и нар., собранные Екатериною, изд.

Путеш.

3734. Путешествіе въ Мол, давію, Валахію и Сербію-Дм. Бантышъ Каменскаго. 1810. (8). 8 р.

3737. Путешествіе Англ. лорда Балтимура чрезъ Рум. Болг. Молдав. Польшу въ Лондонъ. 1776. (8). 2 р.

3751. Белевы путешествія чрезъ Россію въ разныя Азіатскія земли. Пер. съ фр. М. Поповъ. 3 част. (8) 1776. 12 р.

Палласъ. 2 ч. 1787—1789, (4), 40 р.

5953. *Сравнит. словарь* всѣхъ языковъ и нарѣчій. Я. де Мориво. 4 части. 1790—91, (4), 40 р.

10347. Россійско Румынская Грамматика, состав. Марцеллою, 3 ч., 1827—1828, (8), 10 р.

Польскіе и рускіе разговоры. Вильна. 1829. 3 р. 50 к.

3659. Землеописаніе Малой

3768. Собран. Пут. къ татарамъ. Плано Кар. А. изд. Языковъ. 10 р.

3794. *Баронъ Мейербергъ.* Перс. съ нѣм. Аделунгъ (8—2) 55 р. 1827.

3795. Путешествіе по Россіи *Гмелина*... естеств. 4 т. 1773 (4). 40.

3796. Дневныя записки *Лепехина* по разн. провинціямъ Россіи. 4 т. (4). 1771. 40 р.

3797. Путешествія по разн. провинціямъ Россіи *Палласа.* 5 т. 1773. (4). 50 р.

3798. Журналъ путешес. Кап. *Рычкова*, по разнымъ провин. Росс. 2 ч. (4). 1772. 12 р.

3799. Полное собр. путешес. по Россіи, изд. Акад. Наукъ. 1, *Краш. Лепехина.* 3. *Фолька.* Съ 2 атлас. 7 частей. 1818—1825. 65 р. (8).

3807. Записки по Запад. Россіи. Минерал. хозяйст. и пр. *В. Севергина.* 3 ч. 1803—5. (8). 8 р.

3818. Письма изъ Малороссіи *Алексѣя Левшина.* Харьк. 1816. (8). 4.

3851. Археолог. Атласъ Евр. Россіи. Соч. Гр. *Н. Потоцкаго.* 1823. Въ листъ. 15 р.

10117. Древняя исторія *Во-*

Россіи по ревизіи 1764 года, издалъ *В. Рубанъ*. 1777. (12). 5 р.

3660. Краткія Геогр. Полит. и Истор. извѣстія о Малой Россіи, изд. В. Рубанъ. (12). 5 р.

3661. Физич. опис. Тавр. области. Карла Габлица. (2). 15 р. 1795.

3662. Кратк. физ. и топог. описан. Тавр. области. Палласъ. 1795. (4). 5 р.

3663.

3684. Волынскія записки Степ. Руссова. 1809. (8). 5 р.

3553. Королевство Польское и Велик. Княж. Литовское, соч. Бишинга. 1775. (8). 5 р.

3554. Королевство Венгерское съ приедин. землями, Бишинга. 1774. (8). 6 р.

10227. *Климаново* путеш. изъ Вѣны въ Бѣлградъ и нов. Килію. Пер. съ фр. И. Одинцовъ. 1783. (8). 5 р.

10185. О происхожд. языка и лит. Литов. народовъ. Петр. Кеппена. 1827. (4). 4 р.

10110. Описаніе древ. медалей Ольвіи съ ист. извѣст. о городѣ Ольвіи. (8). 1828. 5. р.

10112. Древности Евр. бе-*лынской* губерніи. Продолженіе первобытной исторіи народовъ Госу. Росс. Граф. И. Потоцкаго. Пер. Руссовъ. 1829. (12). 2 р.

Сокращ. Скандинав. Миѳологіи по алфавиту, Руссова. 1829. (2). 2 р.

10992. Родословная князей Друцкихъ Горскихъ графовъ по Межи и Преславлю, потомковъ Рюрика. Спб. 1824. (4). 10 р.

10998. Отчетъ о разн. памятник. древности въ Болгаріи и Румиліи, В. Тепляковымъ. 1829. (8). 3 руб.

11011. О Достопамятностяхъ Чернигова. 2 р.

11012. О городахъ и селахъ Черни. губер. упомин. Несторомъ. М. Маркова. 1814. (8). 1.50.

рега Понт. С. Кеппена. 1828.
(8). 5 р.

10113. Начертаніе древней
Исторіи *Бесарабіи, Вельтмана.*
1828. 5 р.

69.

Выписки изъ Кіевской лѣтописи.

И половцамъ пришедшимъ Всеволодъ со братіею, со Изьяславомъ и Святополкомъ Мстиславечема, пойдоша воюючи села и городы Переяславское волости, и люди сѣкуще даже и до Кыева. И Городець (противъ Кіева) зажгоша на св. Андрея день, и ѣздяху по оной сторонѣ Днѣпра, люди ѣмлюще, а другіе сѣкуще, не могучи перевестися черезъ Днѣпръ. Забравше скотъ весь три дни стоявше за городцемъ въ Бору, и идоша къ Чернигову, и оттуда шлючи межи собою створита міръ. И паки Ольговичи начаша просити у Ярополка, что нашъ отецъ держалъ при вашемъ отци, того же и мы хощемъ; яжъ не вдастъ, то не жалуйте: что ся удѣеть, то на васъ будетъ кровь. Тое же зимы (1135) Ярополкъ совокупи вся Кыевскыя, а Гюргій переяславци, и стояша 8 дней у Кыева (противъ Ольговичей) и умиришась, и даше (Вел. Князь) Переяславль Андрееви, а Володимiръ Изьяславу.

Андрей возвратися въ Переяславль. Всеволодъ же, перешедъ Десну, ста противу Вышегороду съ вои.... и постоя 7 дней иде къ Черпѣгову, и сослаша межи собою послы и не могоша ся уладити. Паки же Олговичи съ Половци переидоша Днѣпръ Дек. въ 29 день, и почаша воевати отъ Треполя около Краина и до Бѣлагорода и Василева, олни же и до Кыева, и по Желани и до Вышегорода, и до деревъ (древлянской области по Карамз.), и черезъ Лыбедь стреляшася. Ярополкъ же убоявся суда Божія сотворыся мній (меньшій) всѣхъ, хулу и укорь прія на ся отъ братія своея и отъ всѣхъ, и сотвори съ ними міръ въ 12 Генв.

(уже въ 1137 г.), и цѣловаша крестъ, ходящу межъ ими Митроп. Михайлу, и вда Ярополкъ отчину свою ко Ольговичемъ, чего хотѣли.

Бѣжащю Святославу изъ Новагорода (1141), идущю въ Русь къ брату, и посла Всеволодъ противу сму и рече: Брате! поиди сѣмо. Святославъ же ѣха къ нему изъ Стародуба и не уладися съ нимъ о волости, и иде къ Курску: бѣ бо и въ Новѣ городѣ сѣдя Сиверску. Въ тоже лѣто Всеволодъ разлучився съ братомъ своимъ, и да ему Бѣлгородъ (отнявъ у него Курскъ и Нов. Сѣвер.). Въ тожь лѣто ходи Игорь къ Чернѣгову па Давидовича и створиста миръ... Бысть братьи его (Всеволода) тяжко сердце Игореви и Святославу: волости бо даетъ сынови, а братьи не надѣли. И позва Всеволодъ (въ 1142) братію къ собѣ, и сташа въ Олжичихъ, Святославъ и Володиміръ и Изьяславъ, а Игорь у Городца, и ѣха Святославъ къ Игореви и рече: что ти даетъ братъ старѣйшій? и рече Игорь: даетъ намъ по городу, Берестій и Дорогичинъ, Черторыескъ и Клецескъ, а отчины своея недасть Вятичъ. И цѣлова Святославъ крестъ съ братомъ Игоремъ, и наутрій день цѣловаста Володимиръ и Изьяславъ Игоремъ... И посла ихъ Всеволодъ звати на обѣдъ, и не ѣхаша рекуще: Се въ Кыеви сѣдиши, а мы просимъ у тобе Черниговское и Новогородская волости, а Кыевскые не хотимъ. Онъ же Вятичъ поступяше, по даша имъ 4 городы, яже преди нарекохомъ. Они же рѣша: а намъ самѣмъ о собѣ поискати, и поѣхаше къ Переяславлю... И посла Всеволодъ Лазаря Саковскаго съ Печенѣгы с воп Вячеславу въ помощь... И поможе Богъ Изьяславу (Мстиславичу), и бися съ ними, и побѣгоша въ городы своя. Въ тожъ время идущю Ростиславу съ Смоленск. полкомъ къ зятю своему къ Кыеву, и слышавъ (о войнѣ) и пойде па волость ихъ и взя около Гомія (Гомеля) область ихъ всю (въ харатейн. 4 города)... Изьяславъ же ѣха въ землю Черниговскую и повоева около Десны села ихъ, и возвратися въ свояси съ честію. Игорь же съ братьею ѣхаша къ Переяславлю другое, и бишась 3 дни и возвратишась. Посла по нихъ Всеволодъ брата своего Святошю, река имъ: взьми-

те съ любовью что вамъ даю: Городець, Рогачевъ, Берестій, Дорогичинъ, Клецескъ; болѣ не воюйтеся съ Мстиславичи. Они же сташа на воли его, и позва ихъ къ собѣ къ Кыеву, и пріѣхаша: Всеволодъ же не хотѣ того, иже ся братья съвокупила на едну мысль, посла къ Давидовычема, река имъ: Отступите отъ Игоря и Святослава, а азъ васъ падѣлю. Они же преступивше крестное цѣлованіе, отступиста отъ Игоря и отъ Святосл. къ брату Всеволоду. Всеволодъ же радъ бывъ ихъ разлученію, и да Берестій и Дорогичинъ и вщижъ Ормину (?), а братомаославъ и да има, Игореви Городецъ Гургевъ и Рогачевъ, а Святославу Клецескъ и Чарторискъ, и тако разыдошася... Ольговичи братья Всеволожа поропташа нань, иже любовь имѣетъ съ Мстиславичи, а съ нашими ворогы, осажался ими около, а намъ безголовье и безмѣстье... И докучиваху ему пойти ратью на Мстиславичи; онъ же воли ихъ не учини.

70.

О собраніи князей въ Кіевѣ.

И сѣдшимъ всѣмъ братіи у Всеволода на сѣнехъ, и рече Всеволодъ: Повабливаетъ меня Володиславъ лятскый князь на брата своя. И рече Игорь: не ходы, но поидемъ мы... И иде Игорь съ братомъ Святославомъ и съ Володиміромъ (Давидовичемъ), а Изьяславъ Мстислав. разболѣвся и не иде. Изъ Володимера Святосл. Всеволод. иде, и идоша на средь земли лядское. Наидоша брата 2 Владиславля, Болеслава и Мяжеку стояча за болотомъ и переѣхавша на сю сторону, и поклонистася Игореви съ братьею, и цѣловавше крестъ межи собою... и даста брату Владиславу 4 городы, а Игореви съ братьею Визну... Тое же зимы Владиславъ, Лятскый князь, емь мужа своего Петрока и ослѣпи его и языка ему урѣза, и домъ его разграби; токмо съ женою и съ дѣтьми выгна изъ земли своея, и иде въ Русь... Ею же мѣрою мѣрить, взмѣритьтися. Ты емъ лестью Володаря, и умучивъ, и имѣніе его всхити все.

И везоша й Вышегороду, и посла по брата своего по Игоря и по Святослава, и ста надъ Вышегородомъ въ Островѣ, и призва къ себѣ Кыяны, и нача имъ молвити: азъ есмь боленъ уже вельми, а се вамъ, братья моя, Игорь, иметеся зань. Ониже рекоша: Княже! ради ся имемъ. И поѣхаше Игорь въ Кыевъ, иде съ ними подъ Угорскый, и съзва Кіяны всѣ, они же цѣловаша къ нему крестъ рекучи: ты намъ князь, и яшась поиь лестію. За утрій же день ѣха Игородъ къ Вышегороду, и цѣловаша къ нему крестъ Вышегородци. Всеволодъ же посла къ Изьяславу Мст. Володиславa, зятя своего, а къ Давидовичема Мирослава Андреевича, река: стоите ли въ крестномъ цѣлованіи у Игоря? и рѣша стоимы. Въ утрій же день преставися Всеволодъ мѣс. Авг. въ 1 день.

Устремишась на Ратшинъ дворъ грабити и на мечникы... Вземъ (Изьяславъ) молитву въ св. Михаила у еписк. Ефрема и перейде днѣпръ у заруба, и ту прислашася къ нему чернiи клобуци и все порусье (мѣста по р. Русу или Роси), и пойде Изьяславъ къ Дръковому, и ту совукупишась вси клобуци и поршане. Въ томъ же мѣстѣ прислашась къ нему Бѣлогородци и Василевци... Игорь же посла къ Володимеру и Изьяславу (Давид.) и рече: стоишь ли у мене въ крестномъ цѣлованіи? Она же впроси́ста у него волости много. Игорь же имъ вда и повелѣ има пойти къ себѣ... Изьяславъ же Давид. ѣха въ борзѣ къ Игореви. Епископъ же Черниговской, Онуфрій, присвитеромъ своимъ рече: ащи кто сего целованія (Давидовичей къ Игорю) съступитъ, да проклятъ будетъ Господскыма 12 праздниками. И помалѣ днiй съступиста Давидовича крестное целованіе. Начальници же бы съсвѣту злому Улѣбъ тысячскый и Иванъ войтишичь и Лазарь саковскый, а въ Святославли полку Васпль полочанинъ, Мирославъ хилиичь внукъ, и совокупиша около себя Кіяны.

Приде Изьяславъ къ валови, идѣ же есть Надово озеро, у Шелвова борку, и ту ста (Въ харатейныхъ на Желани)—съ сыномъ Мстиславомъ. Кыяне же особо сташа у Ольговы могилы (на горѣ Щековицѣ или нынѣшней Сковицѣ)...

Видѣвъ Игорь, иже Кыяне, послався и пояша у Изья-

слава тысячского и съ стягомъ и приведоша и къ собѣ и берендичи, переѣхавше Лыбедь, взяша Игоревы товары предъ золотыми вороты и подъ огороды... и Улѣбови и Иванови Войтишичю рече: поѣдта въ свои полкы. Пріехавъ же въ свой полкъ, и повергли стягы, и поскочиша къ Жидовскымъ воротамъ. Видѣвъ же то Игорь и Святославъ и сыновець его Всеволодичь, не смятошась, но пондоша противу Изьяславу на верхъ озера и ту биша пророви отъ озера, а друзіи изъ Сухоа Лыбеди... Въѣхаша Берендичи съ саблями и почаша я сѣчи, и ту побѣже Игорь и Святославъ въ Слудвы (болота) Дорогожичьскыя, и Изьяславъ же съ Мьстиславомъ, сыномъ своимъ, и съ всею дружиною въѣха въ бокъ имъ, и начаша сѣчи, и разлучишась другъ отъ друга, и съ Игоремъ же не бѣ кто улучася, и бѣже Игорь въ болото Дорогожичское, и угрязе подъ нимъ конь и не може ему яти, бѣ бо ногами болитъ; а Святославъ бѣже на устье Десны, за Днѣпръ; а Всеволодичъ Святославъ вбѣже въ Кыѣвъ на св. Орпнѣ въ монастырь, и ту его яша. Идоша по нихъ до Вышегорода и до Днѣпра, до устья Десны и до Перевоза до Кыевскаго, сѣкуще я, а другыя въ водѣ избиваху... Выидоша противу ему (Изьяславу) множество народа, игумени съ черноризцы, и попове всего города Кыева въ ризахъ, и пріѣха къ св. Софіи... Бояры многы изимаша: Данила Великаго и Гурья Прокопьча, Иворя Гюргевича, Мирославля внука, и инѣхъ много въ Кыѣвѣ... и разграбиша Кыяне съ Изьяславомъ домы дружины Игореви и Всеволожи, и селы, и скоты, и взяша имѣпія много въ домѣхъ и въ монастырехъ.

Давидовича же рекоста: се есвѣ зачала дѣло зло, а съвершива до конца; искоренива брата Святослава... И въпросиста Изьяслава ити на Святослава. Въ томъ же лѣтѣ ходи Изьяславъ къ Давидовичема на снемъ и рече има: пондета на Ольговича. И пондоша къ Новугороду, и сташа у пересны (вала), и идоша стрѣльци и съ товары (съ обозомъ) къ граду, къ вратомъ Черпѣговскымъ, и ту биша. Въ утрій же день пойдоша къ вратомъ Курскимъ, и посла Мстиславъ къ Давидочема и рече: Отецъ мой реклъ: къ

городу не приступайте, доколѣ же пріиду азъ... И не идучи пакъ града стаста близъ, и пустиша стрѣльци къ граду, и хрестіаны и Берендѣи... И бысть налога (тягость) велика горожанамъ; и вбодота я въ врата острожная, и много бысть убитыхъ. Убиша Дмитра Широславича и Андрея Лазаревича. Бившимся имъ до вечера, и шедше сташа у Млетеко въ селѣ... И заграбиша Игорева и Святославля стада въ лѣсѣ по Рахни кобылъ стадныхъ 3000, а коней 1000... Поидоста на Игорево селце, идѣже бяше устроилъ дворъ добрѣ: Бѣ же ту готовизнины много въ братьяницѣхъ... И ту дворъ Святославль раздѣли (Изьяславль въ Путивлѣ) на четыре части, и скотницы (казну), и бретіяницы, и въ погребахъ 500 берковцевъ меду. И церковь Вознесенія Господня всю обоимаша, сосуды двои сребряны и индитіи (одежды престольныя) и судари (убрусы, платки), а все шито золотомъ; и кадильницы двѣ, и каце (какое) Евангеліе ковано, и книги, и колоколы.

Въ то время стояше Изьяславъ противу св. Михаилу у Выдобича въ Островѣ: Ростиславъ же пріѣха ту; Изьяславъ же посла по него насадъ свой, и что съ нимъ дружины влѣзѣ въ насадъ; съ тѣмъ же и перевезоша его и поставиша ему особно шатеръ, и посла къ нему мужи своя» и проч. Слѣдуютъ упреки Изьяславови. Волости тоби есмь далъ, яко ни отецъ того тоби далъ, и еще самъ и земли Руской приказалъ стеречи... Ты же еси, брате, удумалъ былъ такъ иже бы на мя Богъ отцю твоему помоглъ, и тобѣ было въѣхавши въ Кыевъ брата моего няты и сына моего, и жену, и домъ мой взяти. Ростиславъ же ему то отвѣща: Брате и Отче! яко ни въ умѣ своемъ ни на сердци ми того не было; пакы ль кто на мя молвилъ, князь ли который, а се я къ нему; мужь ли который въ христіанѣхъ или въ поганыхъ, а ты меня старѣй, а ты мя съ нимъ и суди. Изьяславъ же рече: того на мнѣ не проси, хотя мя заворожити (посорить) съ христіанами и съ погаными.

Ростиславъ же пришедъ къ отцу своему въ Суждаль, и удари передъ нимъ челомъ и рече: слышалъ есмь, иже хощетъ тебя

вся Руская земля и черные клобуки и тако молвятъ; и насъ есть обеществовалъ, а поиди нань.

Съвокупивъ (Георгій) силу свою и Половци, поиде Іюля въ 24 и иде на Вятичи. Володимиръ же Давидовичъ посла къ Изьяславу река ему: Се Гюргій идетъ на тя, а мы есьмы крестъ цѣловали съ тобою быти. Изьяславъ же нача доспѣвати, а къ Володимеру посла мужъ свой река: Богъ ти помозе брате. Се мужъ мой, а ты пристави свой мужъ: пошлевѣ къ Святославу Ольговичю. Посланніи же пріидоша къ Святославу... Святославъ же ничто же имъ отвѣща; только имъ то рече: Поидете къ товары своя, а опять вы взову... И дръжа послы недѣлю, а сторожи постави о товары ихъ, дабы къ нимъ никто же не пришелъ, послалъ бо бяше къ Гюргеви река ему: въ правду ли идеши на Изьяслава? Гюргей же рече ему: Како хощю не вправду ити: Изьяславъ волость мою повоевалъ, еще сына моего выгналъ. Любо сромъ (срамъ) зложу свой, пакъ ли голову свою зложу. Святославъ же слышавъ Гюргевъ отвѣтъ, взва къ собѣ послы Изьяславли и Володимери и рече: ...Изьяславъ же посла опять посолъ свой къ Святославу, река ему: Крестъ еси цѣловалъ, яко со мною быти, а вражду еси про Игоря отложилъ и товаръ его... а я есмь безъ тебе и на волгу ходилъ...

Гюргій же пришедъ и ста у Ярыкова (въ харат. ко Бьяхапю или Обояну), и ту пріѣха къ нему Святос. Ольговичъ (въ харат. оба Святослава) на Спасовъ день, и ту Святославъ позва его къ собѣ на обѣдъ. Въ утрій же день рано всходящу солнцу, родися у Святосл. дщерь Марія... Въ тъ день пойде Гюрги на передъ, и Святосл. въ Попедѣльникъ постиже Гюргя... и послаша къ Давидочема... Они же отвѣщаста: душею не можемъ играть, и отрекостася и посластася къ Изьяславу... И поиде (Гюргій) оттуда на бѣлу Вежю на старую (но въ харат. и въ другихъ нѣтъ старой. Здѣсь говорится о Черниг. Бѣлой Вѣжѣ)... И стояша у бѣлой вежи мѣсяцъ сжидаючи къ собѣ Половецъ и отъ Изьяслава покоренія... И поидоша къ Супоеви, и ту пріѣха къ нему

Святославъ Всеволодовичъ неволею стрыя своего дѣля, Святосл. Ольговича; и Половци дикіи придоша къ Гюргеви... Изьяславъ же посла по брата своего Ростислава и рече ему: се ѣсвѣ угадали тако, иже Гюргій помѣнить (минетъ) Черпѣговъ, а поиди, атъ оба видива по мѣсту, што намъ Богъ дастъ...

И къ Володимеру посла полкы... и Ростиславъ пойде къ брату. Гюргій же рече: поидемъ къ Переяславлю; тута ему (Изьяславу) прійти да негли ту покорится... И сташа у *Куднова* сельца, перешедше Стряковъ, Володимеру сущу въ засадѣ въ Переяславли, а Ярополку Мстиславичу съ Поршаны, жителями береговъ Росси, Торками, Берендѣями... Изьяславъ же ста пришедъ у Вятняева, и ту прнде къ нему Ростиславъ... И перебредоста днѣпръ и пойдоста къ Олто (къ Алтѣ), и ту прнде вѣсть въ полудне, иже уже стрѣльцы переѣхали черезъ Стряковъ, а Половци идутъ къ городу. Изьяславъ же и Ростиславъ поидоста къ Переяславлю, и примчавша къ нимъ половчина Дикого и начаста его прошати: отъ котораго есте становища прѣхали. Онъ же рече: издалеча, но того дѣля Георгій борзо ѣхалъ творяще ся до тебе передати Переяславлю. Изьяславъ же повелѣ половчина перетяти (перерубить), тако и съ Опоною; а черныа клобуки и молодь свою пустиста напередъ... Пришедши же стрѣльци отъ Изьяслава, и взбиша ратныя (непріятелей) отъ города, и гнаша я они до полку ихъ. Изьяславъ же и Ростиславъ, персѣхавши Лтицю (малую альту), поидоста за городъ и стаста по Трубежю; а Георгій стоя 3 дни у Стрякова, а въ 4 день поиде по зори мимо городъ исполчився, и ста межи валомъ обону сторону Трубежа, за звѣринцемъ у рощенія (рощи). Стояша же полци они до вечера, а стрѣльци бьяхомся межи полкома. На ту же почь прислася къ нему (Изьяславу) Гюргій...

Изьяславъ же выправися весь изъ города и ста на болоньи за огороды... Гюргій же стояше за Янчинымъ сельцемъ (пынѣшними яненками)... И тако исполчи воя своя и перенде (Изьяславъ) за Трубежъ, не въсходя на гору, и ста на лузѣ противу кузньчамъ воротомъ; и бысть въ полдне, и побѣже перескокъ

(беребѣжчикъ) отъ Гюрга изъ полку: они же погнаша по немъ; стражіе же Изьяславли пополошишась рекучи: рать! Изьяславъ же выступи въ поле, идѣже есть Красный дворъ. Видѣвъ же Гюргій и Святосл. поидоша противу имъ, и прошедше валъ, и ту сташа,—зрящимъ на ся; стрѣльцемъ біющимся межи полкома, и тако стояша полци оли и до вечера. Гюргій же и Святославъ поидоша въ товары своя. Изьяславъ же нача думати съ братомъ своимъ Ростиславомъ и съ Изьяславомъ Давидовичемъ и съ сыномъ своимъ Мстиславомъ и съ Андреевичемъ Володимеромъ (внукомъ Мономаха)... и поиде на нихъ... И поставя Гюрги сыны своя по праву, а Святосл. Ольг. по лѣву и сыновця его Всеволодича Святослава.

И бысть лесть въ Переяславцяхъ, рекучи: Гюргій намъ князь свой, того было намъ искати и далече, то рекучи и поспочиша (вѣроятно поскочиша, т. е. оставили битву, или опочиша т. е. перестали биться, а въ *Новгород. лът.* сѣдоша на щитѣ наученіемъ Гюрга). Изьяславъ же съ полкомъ своимъ съѣхася съ Святосл. Ольговичемъ и съ половиною полка Гюргова и тако проѣха сквозѣ и, за ними будучи, узрѣ, иже полки всѣ побѣгли, и побѣже и перебреде (Днѣпръ) на Капевѣ... А на утріе Гюрги вниде въ Переяславль и поклонився св. Михаилу, и пребысть три дни, и поиде къ Кыеву, и ста противу св. Михаилу по лугови... Гюргій же поѣха въ Кыевъ, и множество народа выйде противу съ радостью великою, и сѣде на столѣ отца, и посла по Володимера Давидовича къ Чернѣгову, и пріѣха Володимеръ и поклонися; а Святосл. Олг. поча ему молвити: держпши отчину мою. И тогда взялъ Курескъ съ Посемьемъ и Сновскую тысячю у Изьяслава (Давид.), и Случескъ и Клецескъ, и всѣ Дрегвичи, и тако ся уладивши разъѣхашась.

Изьяславъ же пришедше въ Володимеръ почася слати къ Угры, къ зятю своему, королеви, и въ ляхи къ свату своему Болеславу и Межцѣ, и Индриховп, и къ Ческому князю, свату своему Володиславу... Король же ему отрече ся река: ратенъ самъ съ царемъ (греческимъ); оже буду пороженъ (празденъ), самъ пои-

ду... А ческый князь рече: я готовь есмь самъ... Изьяславъ же опять посла съ дары и съ честью и рече: съ Рожества Христова всядете на кони... Король пусти ему Угорь 10000 и рече: а самъ хочу подступити подъ горы Галицкаго князя, не дати же ся ему двигнути... Болесл. же самъ поѣха съ братомъ Индрихомъ; а Межку остависта землѣ своея отъ Прусъ. Вячеславъ же то слыша посла къ Гюргеви, рече ему: се Угры уже идутъ... Любо дай Изьяславу чего ти хочешь; пакы ли поиди къ мнѣ, заступи волость мою. Изьяславъ ми то молвитъ: ты ми буди въ отца мѣсто; поиди, сяди въ Кыевѣ; съ Гюргемъ не могу жити; не хочеши ли мене въ любовь пріяти, я хочу волость твою пожечи... Нынѣ же, брате, пакы ли не поѣдеши, а на меня не жалуй.

Гюргій, съвокупя силу свою, пойде изъ Кыева и Половци бо бяше дикіе привелъ къ собѣ на помощь... Выступи Изьяславъ изъ Володимера и пришедъ къ Луцку и ту пребы 3 дни, и ту пасаше Болеславъ сыны боярски мечемъ многы; и въ то время пріидоста въ Пересопницю Гюргевичи два, Ростиславъ и Андрей, и помочь володимера изъ Галича, а самъ володимеръ приступилъ бяше ближе къ Шумеку. (Въ волынск. губерніи между Заславомъ и Кременцемъ). И убояшась Ляхове и Угре, и пріиде Гюргій къ брату Вячеславу... Изьяславъ же (съ селяники) поидоша и сташа у Чемерина на Ольцѣ. Въ то же время приде вѣсть Болеславу отъ Межкы, иже идутъ Пруси на землю ихъ... Изьяславу же бысть вельми нелюбо... и здумаша послати мужи своя къ Вячеславу и къ Гюргеви, а Угре отъ короля своя мужи, рекучи: Вы намъ есте въ отца мѣсто, а се нынѣ заратилася еста съ своимъ братомъ и съ сыномъ Изьяславомъ; а мы есмы по Бозѣ всѣ христіане... А мы хочемъ, абы вы быста уладилася: Вы сѣдѣла въ Кіевѣ, а Изьяславу се его Володимеръ и Луцескъ, а што его городовъ атъ сѣдитъ въ томъ... атъ возворотитъ Гюргій Новугороду Великому даже всѣ. Вячеславъ же и Гюргій тако рекоста: Богъ помогп зятю нашему королеви, и брату нашему Болеславю, и сыну нашему Индрихови, иже межъ нами добра

хочста... по ать Изьяславъ поидетъ въ свой Володимеръ, а вы во свою землю... и не уладишась пріемъ свѣтипка Гюрга Ярославича.

Изьяславъ же досиѣ изъ Володимера... и въ то время пойде Вълодимирко, князь изъ Галича, и ста на Полошой, межи Володимеромъ и Луцкомъ, и тако разъѣхась. Добрый бо князь Володимерко братолюбіемъ свѣтячи, миролюбіемъ величаяся, не хотя никому зла; того дѣля межи ими ста, хотя я уладити. Изьяславъ же посла къ Володимерку свату Гюргеву глаголя ему: введи мя въ любовь къ стрыеви. Володимеру же молящуся о Изьславѣ, глаголя: Богъ поставилъ насъ волостелей (властителей) въ месть злодѣемъ и въ добродѣтель благочестивымъ... сыновець ваю не творится правъ, но кланяется.

Крестъ цѣловаша, яко по Переяславлвскомъ полку (битвѣ) что будетъ пограблено, или стада, или челядь, что ли кому свое познавши поимати жъ по лицу. Изьяславъ же посла мужи своя и тивоны (тіупы) своего дѣля товара и своихъ дѣля стадъ, его же бяше отшело, а мужи своего дѣля сами ѣхаша, а друзіи тивоны своя пущаша и тако пріѣхаша къ Гюргеви и начаша познаватя свое: Гюргій же того всего не управи... Изьяславъ же посла къ Вячеславу и къ Гюргеви съ жалобою.

Изьяславъ же пріѣхавъ сѣде въ Луцку: въ утрій же день поѣха въ Пересопницу и ту изъѣха Глѣба (кому былъ порученъ и Дорогобужъ). Глѣбъ же стояша выше города... и одва утече самъ въ городъ, а товары его взяша, и дружину изымаша, и конѣ его заяша, и юну дружину его заѣхаша отъ города, и не бѣ съ кымъ стояти противу. Выславъ же Глѣбъ и рече Изьяславу, яко ми Гюрги отецъ, тако мнѣ и ты отецъ; а азъ ти кланяюсь; ты ся съ моимъ отцомъ и самъ вѣдаешь, а мене пусти къ отцу, и цѣлуй къ мнѣ Св. Богородицю, яко мене не примеши... Изьяславъ позва его къ себѣ на обѣдъ и оттуда поя съ собою до Дорогобужа, и ту приставн сына своего къ нему, Мстислава до Корьца, и тако проводи изо Торчина. И рече ему Мстиславъ: поиди же брате къ отцу, а волость отца моего и моя по Горыню... Глѣбъ

поиде на Ушецкъ, а Изьяславъ на *Гольско Танупило* (?) въ чорныя клобуки, и ту пріѣхаша къ нему черныя клобуки вси. Възма Изьяславъ съ собою мало дружины и иде къ Вячеславу, и поклонись ему: Вячеславъ же съста противу Изьяславу, и цѣловастась и сѣдоста оба по мѣсту.

Изьяславъ же прибѣже къ Кіеву. Володимеря же дружина постиже задъ его. Овы взымаша, а другія избыша; Вячеславъ же бяше до него въѣхалъ въ Кыевъ и сѣлъ на Ярославли дворѣ. Изьяславъ же пріѣха къ Вячеславу, и ту думаша, начаста обѣдати. И въ то время приде Гюргій съ сыны своими и Володиміръ и Изьяславъ Давидовича, и Ольговичъ Святославъ и сыновець его на берегъ противу Кыѣву. Кыяне же мнози поѣхаша въ насадѣхъ къ Гюргеви, а друзіи почаша дружину его перевозити въ подоліе. Вячеславъ же съ Изьяславомъ рекоста: наю не веремя нынѣ есть... и повелѣ дружинѣ своей сбратися у Дорогожича, а самъ дождавъ ночи поѣха изъ Кыева. Въ утрій же день приде Володимеръ Галицкій къ Олговѣ могилѣ, такоже и Гюргій пріѣха къ нему, и ту ся цѣловаша не ссѣдаючи съ коней у Сѣтомля на болоньи, и здумаше послаша по Изьяславича Святослава Всеволодича, Бориса Гюргевича, и гониша до чортова лѣса, и не постигше, взвратишась... и ѣха Володимерко къ Вышегороду къ Св. Мученикома поклонитися... и къ Св. Софіи и къ Св. Богородицы Десятинной и въ Печерской монастырь.

Изьяславъ рече: стрый ми волости не даетъ; не хочетъ меня въ Руской земли, а Володимеръ Галицкый по его велѣнію землю мою взялъ, а опять къ Володимерю хочетъ притти на мя. Изьяславъ же то здумавъ и посла брата своего Володимера въ Угры къ королеви и рече ему: ты ми еси самъ реклъ, якоже Володимеръ не смѣетъ головы всклонити (не смѣетъ тронуться)... Володимеръ же прогналъ мя изъ Кыева. (Выступивъ въ походъ, Гейза совѣтовалъ Изяславу итти на Галичъ съ другой стороны;) Володимерку же бяху пріятели въ Угрѣхъ и повѣдаша ему... Володимерко же въ то время стояше у Белза и ту повръга (оставивъ) возы своя, а самъ погна съ дружиною къ Перемышлю.

Король же прошедъ гору и вся Сапокъ городъ и посадника его яша... Володимеръ послася къ архіепископу Кукишева и Дмитріевѣ дни уже... Король же пойде назадъ и Володимера шюрина своего поялъ съ собою въ Угры. Въ тожъ время Изьяславъ згадався съ зятемъ и съ сестрою своею, королевой, пояша у Бана дщерь за Володимера. И послаша ю къ Изьяславу къ Володимеру напередъ. Король же велику честь створи ему (Владиміру) и сестра его, одарившe его и отпустиша, король же рече (Изьяславу): царь на мя греческой вставаетъ ратью и сея ми зимы и весны нельзѣ на конь всѣсти. Но обаче, отче мой, твой щитъ и мой неразно ѣста... И рече Изьяславъ брату своему: Богъ ти помози, иже ся еси потрудилъ; по здѣ паки моей спосѣ, а твоей женѣ удолжилося (казалось долго). Изьяславъ пришедъ и ста выше пересопницы и пожже *Зарѣческъ*. Отолѣ же пусти брата своего, Святополка, блюсти Володимера, а самъ поиде съ братомъ Володимеромъ и съ сыномъ Мстиславомъ и съ Борисомъ Городенскымъ къ Дорогобужу... и перешедъ Гарыню, ту и ста на *Хотри* и оттолѣ пойде къ Корецку (корецу), и корчане вышедше поклонишась ему, и ста на рѣцѣ Случи (въ другихъ сказ.: отъ Зарѣческа къ Мыльску въ окрест. Горыни). Володиміръ же Галицкій присла къ Андресви Василька Ярополковича река ему: поиди брате ко мнѣ. Андрей снялся съ нимъ у Мыльска... Изьяславу же приде вѣсть, иже Волод. Галиц. и Андрей Гюрг. и Володимеръ Андреевичъ (внукъ Мономаха) пришли къ Дорогобужу съ силою великою и правятся чрезъ Горыню; въ утрій же день Изьяславъ переиде Случъ и поиде черезъ чортовъ лѣсъ къ Ушску, и переиде рѣку Ушю подъ Ушскомъ... и ту пріидоша стрѣльци володимера на берегъ... Изьяславъ же отступивъ, и есть рѣчка мала до города и ту исполчихуся и стреляхуся о ню... и яша у Галичанъ мужа и впрошаша: князь твой гдѣ? Онъ же рече: за городомъ првый лѣсъ; ту ста тако рече: сила наша за нами, ту ея ждемъ.

71.

Правда Ярославля.

Оубьетъ моужъ моужа: то мьстить братоу брата, или сыновн отца, любо отцу сына, или брату чадоу, любо сестрпноу сыновн.

Аще не боудетъ кто мьстя: то м. гривенъ за голову; аще боудетъ роусинъ, любо гридінъ, любо коупчина, любо ябетникъ, любо мечникъ, аще изъгои боудетъ, любо словенинъ: то м. гривенъ положити зань.

Или боудетъ кровавъ или синь надъраженъ: то не искати ему видока человѣкоу томоу. Аще не боудетъ на немъ знаменія никотораго же; то ли пріидетъ видокъ: аще ли не можеть, тоу томоу конецъ.

Ожели себе не можетъ мьстити: то взяти смоу за обидоу г. гривнѣ, а лѣтцю мъзда.

Аще ли кто кого оударитъ батогомъ, любо жердью, либо пястью, или чашею, или рогомъ, или тылеснію: то ві гривнѣ. Аще сего не постигнуть: то платити емоу, то тоу конецъ.

Аще оутнетъ мечемъ, а не вынемъ его, любо роукоятью: то ві гривнѣ за обидоу.

Оежели оутнетъ роукоу, и отпадеть роука, любо оусохнетъ: то м. гривенъ. Аще боудетъ нога цѣла, или начнеть храмати: тогда чада смирять. Аще ли перстъ оутнетъ которын любо: г гривны за обидоу. А во оусѣ, ві. гривнѣ. А въ бородѣ ві. гривнѣ.

Оежели кто вынезь мечь, а не тпеть: то тъи гривну положить.

Аще ли ринеть моужъ моужъ, любо отъ себе, любо ксобѣ: г. гривнѣ, а видока два выведетъ; или боудетъ Варягъ, или Колбягъ, то на ротоу.

Аще ли челядинъ съкрыется, любо оу Варяга, любо оу Кольбяга; а его за три дни не выведоутъ, а познаютъ и въ

третій день: то изымати емоу свои челядинъ, а г. гривнѣ за обидоу.

Аще кто поѣдеть на чюжемъ конѣ, не прошавъ его, то положити г. гривнѣ.

Аще поиметъ кто чюжь конь, любо ороужіе, любо портъ, а познаетъ въ своемъ мироу: то взяти емоу свое, а г. гривнѣ за обидоу. Аще познаетъ кто, не смлеть его; то не рци ему: мое, но рци емоу тако: поиди на сводъ, гдѣ еси взялъ. Или не пойдешъ: то пороучника за пять днiи.

Аже гдѣ възыщеть на дроузѣ проче, а онъ ся запирати почнетъ: то ити ему на изводъ предъ вi человѣка. Да аще боудетъ обидя не вдалъ боудетъ достойно емоу свои скотъ, а за обидоу г гривнѣ.

Аще кто челядинъ пояти хощетъ, познавъ свои: то къ оному вести, оу кого то боудетъ коупилъ, а тои ся ведетъ ко дроугомоу, даже дойдетъ до третьего; то рци третьемоу вдаи ты мнѣ свои челядинъ, а ты своего скота ищи при видоцѣ.

Или холопъ оударитъ свободна моужа, а бѣжитъ въ хоромъ, а господинъ начнеть не дати его: то холопа пояти, да платить господинъ запь вi. гривнѣ. А за тымъ гдѣ его налѣзоуть оударенын тои моужъ, да бьютъ его.

А иже изломитъ копье, любо щитъ, любо портъ; а начнеть хотѣти его деръжати оу себе: то пріати скота оу него. А иже есть изломилъ, аще ли начнеть примѣтати: то скотомъ емоу заплатити, колько далъ боудеть на немъ.

72.

Правда Изяслава.

Аще оубьють огнищанина въ обидоу: то платити запь п. гривенъ оубiици, а людемъ не падобѣ, а въ подъѣздъномъ княжи п. гривенъ.

А иже оубьють огнищанина в разбои, или оубиица не ищоутъ: то вирное платити, внеи же вири голова начнеть лежати.

Аже оубіють огнищанина оу клети, или оу коня, или оу говяда, или оу коровьѣ татьбы: то оубити въ пса мѣсто, а тоже поконъ и тивоуницоу.

А въ княжи тивоунѣ, п. гривенъ; а конюхъ старыи оу стада, п. гривенъ: яко оуставилъ Изяславъ въ своемъ конюсѣ, егоже оубилѣ Дорогобоудьци. А въ сельскомъ старостѣ княжи и ратаинѣмъ, въ гривнѣ: а врядовници княжѣ, ѕ. гривенъ: а въ смѣрдѣ и въ хопѣ ѕ. гривенъ.

Аще роба кормилица, любо кормиличинъ, ві.

А за княжь конь, иже тои спятномъ, г. гривнѣ: а за смердѣи, к. гривнѣ: за кобылу ξ рѣзанъ: а за волъ, гривноу: а за коровоу, м. рѣзанъ: а третьякъ, ві. коупъ, а золоныцинноу, полъ гривнѣ: а за теля, ѕ. рѣзанъ: за яря, погота: за боранъ, погота.

А оже оуведеть чюжь холопъ, любо робоу: платити емоу за обидоу ві. гривнѣ.

Аще же пріидеть кровавъ моужь, любо сынь: то не искати ему послоуха.

А иже крадеть любо конь, любо волы, или клѣть; да аще боудеть единъ кралъ: то гривноу и тридесять рѣзанъ платити емоу. Или ихъ будеть ні: то по три гривнѣ и по л. рѣзанъ платити моужеви.

А въ княжѣ борти г. гривнѣ, любо пожгоуть, любо пзоудроуть.

Или смердъ оумоучатъ, а безъ княжа слова: за обиду г. гривны; а въ гнницанинѣ и въ тивоуницѣ и въ мечницѣ, въ гривнѣ.

А иже межоу переореть, любо перетесъ: то за обидоу кі. гривнѣ.

А оже лодью оукрадетъ: то за лодью платити л. рѣзанъ; а продажи, ξ. рѣзанъ.

А въ голоубѣ и въ коуряти, д. коупъ: а въ оуткѣ, и въ гоусѣ, и въ жеравѣ, и въ лебеди, л. рѣзанъ; а продажи ξ рѣзанъ.

А оже оукрадоуть чюжь песъ, любо ястребъ, любо соколъ: то за обидоу г. гривны.

Аще оубьють татя на своемъ дворѣ, любо оу клѣти, или оу хлѣва: то тои оубитъ. Аще ли до свѣта держать; то вести его на княжъ дворъ: а оже ли оубьють, а люди боудоуть видѣли связанъ; то платити вшемь.

Оже сѣно крадоуть, то д. коунъ: а въ дровехъ, д. коунъ. Аже оукрадоуть овцоу, или козоу, или свинью, а ихъ боудетъ і. одиноу овьцоу оукралѣ: да положать по ѯ. рѣзанъ продажи. А хто изималъ, тому і. рѣзанъ: а отъ гр҃пне мечникоу коуна, а в девятиноу ѕі. коунъ, а князю г. гривны. А отъ ѕі. гривноу емъцю, о. коунъ, а въ десятиноу к. гривнѣ, а князю і. гривенъ.

А се поклонъ вирѣныи. Вирникою взяти з. вѣдоръ солодоу на недѣлю; тъ же овенъ, любо полотъ, или двѣ нагатѣ, а въ средъ разаноу, въ триже сыры, въ пятницоу такоже, а хлеба по колькоу моугоуть ясти, и пшена, а куръ по двое на день: копѣ д. поставити, и соути имъ на ротъ, колько могоуть забати. А вирникоу ѯ. гривенъ и і. рѣзанъ и ѕі. вѣверици: а передѣ гривна, или ся пригоди вговѣніе рыбами, то взяти за рыбы з. рѣзанъ; тъ всѣхъ коунъ ѕі. на недѣлю: а боронна колько моуготь изъясти; до недѣли же вироу зберуть вирници. То ти оурокъ Ярославль.

А се оурокъ мостьниковъ. Аще помостивше мостъ: взяти отъ дѣла нагата, а отъ городници ногата. Аще же боудеть вѣтхаго моста подвердити нѣколико досокъ, или г. или д. или ѕ: то тоеже.

Матеріалы по Географіи Россіи.

Въ бумагахъ Н. В. Гоголя сохранилось *шесть тетрадей*, разнаго объема, но одинаковаго размѣра (въ малый почтовый листъ), содержащихъ въ себѣ собственноручно написанные Гоголемъ матеріалы по широко понимаемой имъ Русской Географіи.

Матеріалы эти не только не оцѣнены біографами Гоголя, но въ полномъ своемъ видѣ остаются даже и не описанными и не отмѣченными. По крайней мѣрѣ изъ всѣхъ шести тетрадей съ этими матеріалами въ Гоголевской литературѣ можно найти краткія упоминанія только о двухъ, самыхъ малыхъ по объему тетрадяхъ, содержащихъ этнографическій очеркъ о Калмыкахъ и начальныя свѣдѣнія изъ описанія путешествія Палласа[1]). Остальныя четыре объемистыхъ тетради, какъ и самый фактъ собиранія Гоголемъ матеріаловъ по Географіи Россіи, остались неизвѣстными для его біографіи, ограничивавшей все свое вниманіе въ этой области исключительно педагогическимъ вопросомъ о «взглядахъ Гоголя на преподаваніе... географіи въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ»[2]), по поводу статьи въ «Арабескахъ»: «Мысли о географіи»[3]).

---

1) Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое. VII. Спб. 1896. Стр. 866 и 893, подъ №№ 3 и 8.

2) Матеріалы для біографіи Гоголя, В. И. Шенрока, томъ второй, М. 1893. Стр. 218—225.

3) Сочиненія Н. В. Гоголя. Изданіе десятое, томъ пятый, М. 1889. Стр. 295—303 и 389—396.

Между тѣмъ, и сохранившіяся тетради и переписка Гоголя даютъ основаніе полагать, что онъ не ограничивался указаніемъ слабыхъ сторонъ въ современномъ ему преподаваніи Географіи и заявленіемъ пожеланій для его усовершенствованія, но и пытался въ своемъ собственномъ трудѣ представить примѣръ, а можетъ быть и образецъ такой книги по Географіи Россіи, которая удовлетворяла бы требованіямъ, предъявленнымъ имъ къ книгамъ этого рода.

Первоначально намѣреніе издавать книгу по Географіи вызвано было у Гоголя педагогическими побужденіями, когда онъ былъ преподавателемъ въ Патріотическомъ Институтѣ. Въ письмѣ къ М. П. Погодину отъ 1-го февраля 1833 года онъ писалъ [1]): «я вамъ пришлю или привезу чисто свое, которое подготовляю къ печати. Это будетъ всеобщая исторія и всеобщая географія въ трехъ, если не въ двухъ, томахъ, подъ названіемъ: «Земля и Люди». Изъ этого гораздо лучше вы узнаете нѣкоторыя мои мысли объ этихъ наукахъ». Это намѣреніе стояло въ связи и въ зависимости отъ изданія того журнала, который вели ученицы Гоголя. Однако, ему вскорѣ пришлось отказаться отъ немедленнаго осуществленія своихъ желаній, и онъ въ томъ же февралѣ, 20 числа, уже писалъ Погодину: «Журнала дѣвицъ я потому не посылалъ, что приводилъ его въ порядокъ, и его то, совершенно преобразивши, хотѣлъ я издать подъ именемъ «Земля и Люди», но я не знаю, отчего на меня нашла тоска... корректурный листокъ выпалъ изъ рукъ моихъ, и я остановилъ печатаніе. Какъ то не такъ теперь работается!... Чортъ побери пока трудъ мой, набросанный на бумагѣ, до другого, спокойнѣйшаго времени».

Отложивъ временно печатаніе своихъ трудовъ по Географіи, Гоголь не переставалъ, однако, интересоваться этимъ предметомъ, при чемъ со временемъ все свое вниманіе сосредоточивалъ на Географіи Россіи. Проживая за границей, онъ писалъ, 15 іюля

1) Письма цитуются по четырехтомному изданію Маркса.

1842 года, къ С. Т. Аксакову и просилъ выслать ему ««Статистику Россіи» Андросова, и еще если есть какое нибудь замѣчательное сочиненіе статистическое о Россіи вообще, или относительно частей ея, вышедшее въ послѣднихъ годахъ». Въ слѣдующемъ, 1843 году, въ письмѣ отъ 18 марта, онъ снова повторяетъ С. Т. Аксакову свою просьбу прислать ему книгъ «относительно статистики Россіи». Еще яснѣе открываются предметы, интересовавшіе въ то время Гоголя, изъ письма его къ Н. Я. Прокоповичу отъ 19 апрѣля 1843 года. Перечисляя разныя книги, которыя Гоголь просилъ прислать ему, онъ говоритъ: «Присовокупи также къ этому «Статистику Россіи» Булгарина, въ 4 частяхъ, а если вышла и Географія его, то и Географію его... Да зайди въ Топографическое наше Депо и купи для меня карту Россіи. У меня слишкомъ громоздка и неудобна къ таскапію, да и стара. Купи ихъ подклеенными и готовыми: Европейскую Россію особенно, а Азіятскую тоже особенно, разумѣется, новѣйшія, какія есть, съ подробностями; по величиною чтобы была не больше того, сколько нужно для покрытья двухъ ломберныхъ столовъ, сдвинутыхъ вмѣстѣ, даже меньше, — словомъ, чтобъ была ёмка. Азіятскую, сколько можно поменьше».

Въ 1847 году, озабочиваясь воспитаніемъ племянника (Трушковскаго), Гоголь 12 декабря писалъ С. П. Шевыреву: «А на другіе сто рублей ассигнаціями накупи книгъ такого рода, которыя могли бы отрока, вступающаго въ юношескій возрастъ, познакомить сколько нибудь съ Россіею, какъ то: путешествія по Россіи, исторія Россіи и всѣ такія книги, которыя безъ скуки могутъ познакомить собственно со статистикой Россіи и бытомъ въ ней живущаго народа, всѣхъ сословій. Я не знаю и не могу теперь припомнить, что у насъ выходило хорошаго по этой части. Нельзя чтобы не вышло чего нибудь въ послѣдніе годы, гдѣ бъ посущественнѣй и поближе показывалось внутреннее состояніе государства, и что могло бы легко и съ интересомъ читаться людьми... У меня есть племянникъ, почти брошенный мальчикъ, которому получить воспитанья блестящаго не удастся; но если въ

немъ чтеньемъ этихъ книгъ возбудится *желаніе* любить и знать Россію, то это все, что я желаю: это, по моему, лучше, чѣмъ еслибъ онъ зналъ языки и всякія науки».

Въ этомъ письмѣ Гоголь, побуждаемый желаніемъ помочь воспитанію племянника, обнаруживаетъ свой собственный, весьма широкій взглядъ на Географію Россіи и на воспитательное значеніе этой области знанія. Его статьи «Мысли о Географіи» и «Нѣсколько мыслей о преподаваніи дѣтямъ географіи» въ достаточной полнотѣ выясняютъ эту широту Гоголевскаго взгляда на Географію.

Въ послѣдніе годы жизни Гоголя, какъ извѣстно, интересъ его къ Географіи Россіи возрасталъ по мѣрѣ того, какъ онъ расширялъ задачу для своего творенія («Мертвыя Души»).

Не подлежитъ сомнѣнію, что ему удалось собрать для себя всѣ печатные труды по Географіи Россіи. Изъ переписки его съ Шевыревымъ [1]) явствуетъ, что онъ зналъ труды Гмелина, Палласа, Рычкова, Сѣвергина и Зуева. Въ 1849 году онъ послалъ графинѣ А. М. Вielьгорской «изображеніе растеній русской земли, лучшее какое у насъ есть. Въ немъ собраны всѣ общеупотребительнѣйшіе виды нашей флоры съ отчетливымъ изображеніемъ признаковъ» [2]).

Кромѣ того, черезъ своихъ корреспондентовъ, онъ собиралъ географическія и этнографическія свѣдѣнія о знакомыхъ имъ мѣстностяхъ. Такъ, напримѣръ, въ концѣ іюня 1849 года Гоголь писалъ къ А. М. Маркевичу: «составьте для меня маленькій сельскій календарь годовыхъ работъ, какъ онѣ производятся у васъ въ Черниговской губерніи. По днямъ, т. е. съ какого святого какая начинается работа, какъ она и съ какими обрядами производится и какія существуютъ по этому поводу народныя

1) Въ изданіи Маркса письма Гоголя къ Шевыреву отнесены къ 1851 году, при чемъ напечатано сначала письмо, съ которымъ возвращены книги Палласа, а потомъ—съ просьбой прислать книги Палласа (см. IV, 418 и 419 стр.).

2) Ibid., 258 стр.

поговорки и замѣчанія, обратившіяся въ правила и руководства»[1]).

Не ограничиваясь печатными и рукописными матеріалами, Гоголь, для ближайшаго ознакомленія съ Россіей, предполагалъ самъ путешествовать по ней, особенно по мѣстамъ ему мало знакомымъ. Въ письмѣ къ графинѣ А. М. Віельгорской отъ 3 іюня 1849 года онъ сообщалъ: «Я имѣлъ, точно, намѣреніе проѣздиться по сѣверо-восточнымъ губерніямъ Россіи, мало мнѣ знакомымъ, но какъ и когда приведу это въ исполненіе—не знаю». Однако, первый же опытъ такой поѣздки въ окрестности Москвы, лѣтомъ того же 1849 года, убѣдилъ Гоголя въ недостаточной его подготовленности къ такимъ путешествіямъ, въ необходимости предварительнаго ознакомленія съ тѣми мѣстами, которыя онъ желалъ посѣтить, и въ неизбѣжности подробнаго изученія

---

1) Изъ письма Гоголя къ Маркевичу отъ 6 декабря 1849 года явствуетъ, что Маркевичъ прислалъ Гоголю календарь. Среди бумагъ Гоголя уцѣлѣлъ одинъ листъ почтовой бумаги съ календаремъ сельско-хозяйственныхъ работъ. Не этотъ ли календарь Гоголь получилъ отъ Маркевича? Вотъ его содержаніе:

«*Мартъ.*

«Оканчивается пилка лѣса на дрова.—Мужики поочередно говѣютъ.—Подвозка дровъ и сѣна въ ожиданіи распутицы.—Приготовленіе семенъ.—Перемѣрка и пересушка на солнцѣ хлѣба въ амбарахъ.—Окончаніе молотьбы.—Установленіе новыхъ тягелъ, бобылей.—Мужики мнутъ и треплютъ пеньку.—Дѣлаются экономическія постройки на фундаментахъ, поставленныхъ съ осени.—Подвозка матеріала къ лѣтнимъ постройкамъ.

«*Апрѣль.*

«Посѣвъ гороха, овса.—Продолжаются постройки наемными.—Скотъ начинаетъ выходить на пастбища.—Случаютъ кобылъ.—Унаваживаютъ конопляники.—Сажаютъ картофель.—Изъ подъ лѣса расчищаютъ новь, наймомъ.—Пересаживаютъ деревья.—Посѣвъ ячменя, яровой пшеницы.—Скородьба озимой пшеницы.

«*Май.*

«Посѣвъ конопли.—Вообще продолжаютъ сѣять яровые до половины мѣсяца, въ концѣ сѣютъ горячиху.—Начинаютъ унаваживать паровое поле.—По мѣрѣ унаживанія подымаютъ паръ, также вспахиваютъ и неунавоженный.

«*Іюнь.*

«Продолжается возка навоза, пахота и скородьба до послѣдней четверти мѣсяца.—Тогда начинается покосъ за недѣлю до Петрова дня.

всѣхъ печатныхъ матеріаловъ по Географіи Россіи, тѣмъ болѣе, что они не были весьма обширны. 20 октября 1849 года онъ писалъ графинямъ С. М. Соллогубъ и А. М. Вielьгорской: «Нынѣшняя поѣздка моя не была велика: все почти въ окрестностяхъ Москвы и въ сопредѣльныхъ съ нею губерніяхъ. Дальнѣйшее путешествіе отложилъ до другого года, потому что на всякомъ шагу останавливаемъ собственнымъ невѣжествомъ. Нужно сильно запастись предуготовительными свѣдѣніями затѣмъ, чтобы узнать, на какіе предметы преимущественно слѣдуетъ обратить вниманіе; иначе, подобно посылаемымъ чиновникамъ и ревизорамъ, проѣдешь всю Россію и ничего не узнаешь. Перечитываю теперь всѣ книги, сколько нибудь знакомящія съ нашей землей,—большею частію такія, которыхъ теперь никто не читаетъ. Съ грустью удостовѣряюсь, что прежде, во время Екатерины, больше

«Іюль.

«Покосъ.—Перепахиваніе (двоеніе) пара, особенно гдѣ грунтъ тяжелый глинистый.—Около половины мѣсяца начинается жатва ржи.—Тутъ даже наемныя постройки прекращаются.

«Августъ.

«Уборка всѣхъ хлѣбовъ кромѣ конопли большею частью оканчивается около половины этого мѣсяца.—Но даже если уборка не кончена, и тогда дѣлается посѣвъ озимаго хлѣба около этого времени, сѣютъ дней 10 господскій и мужицкой паръ, а въ концѣ мѣсяца оканчиваютъ уборку горячихи, и начинаютъ дергать коноплю.

«Сентябрь.

«Уборка конопли.—Продолжаютъ постройки весеннія.—Пашутъ ржаной клинъ подъ зиму для овса.—Мужики мочатъ пеньку.—Чинятъ скотные дворы, конюшни, амбары, рыги, — начинается молотьба. — Копаютъ фундаменты строеній.

«Октябрь.

«Дѣлаютъ тоже, что въ Сентябрѣ.—Молотятъ хлѣбный опытъ до зимняго пути.

«Ноябрь, Декабрь, Генваръ и Февраль.

«Молотятъ и возятъ въ города хлѣбъ. — Первое дѣлаютъ бабы, второе мужики.—Возятъ дрова напиленныя прошлою зимою, а великимъ постомъ пилятъ для будущей возки.—Дальніе пути совершаются пока дороги гладки, а короткія, домашнія перевозки, когда большія дороги дѣлаются ухабисты.—Внутри имѣнія перевозятъ чистый хлѣбъ изъ рыгъ въ амбары. — Подвозятъ лѣсъ и кирпичъ для строеній.—Кормъ скоту и лошадямъ. Дрова для домашняго употребленія, и проч.»

было дѣльныхъ сочиненій о Россіи. Путешествія были предпринимаемы учеными смиренно съ цѣлью узнать точно Россію. Теперь все щелкопёрно. Нынѣшніе путешественники, охотники до комфортовъ и трактировъ, съ большихъ дорогъ не сворачиваютъ и стараются пролетѣть какъ можно скорѣе. При полномъ незнаньѣ земли своей утвердилась у всѣхъ гордая увѣренность, будто знаютъ ее, а между тѣмъ какую бездну нужно прочесть для того только, чтобы узнать, какъ мало знаешь, и чтобы быть въ состояніи путешествовать по Россіи, какъ слѣдуетъ, смиренно, съ желаніемъ знать ее».

Въ тотъ же день, 20 октября 1849 года, Гоголь писалъ А. О. Смирновой: «Вижу, что много нужно еще приготовиться; нужно внимательно, и даже очень внимательно, прочесть все то, что̀ знакомитъ насъ съ краемъ нашимъ, нами позабытымъ».

Подъ конецъ жизни Гоголь подробно изложилъ свои намѣренія и ту главную цѣль, которая руководила всѣми его трудами по Географіи Россіи. Въ письмѣ къ графу А. Ѳ. Орлову онъ открылъ и желаніе свое издать книгу по Географіи и связь этого желанія съ задачею его обширнаго труда, который онъ собирался выполнить во второмъ томѣ «Мертвыхъ Душъ». Часть письма, довольно значительная и по размѣрамъ, въ которой Гоголь говоритъ о своихъ работахъ по Географіи, требуетъ однако дословнаго приведенія, въ виду ея значенія.

«Мнѣ кажется,—писалъ Гоголь графу Орлову[1]),—если бы доставлена была мнѣ возможность въ продолженіе трехъ лѣтъ сдѣлать три лѣтнія поѣздки во внутренность Россіи и три зимнія пребыванія внѣ ея подъ благорастворенным климатомъ юга, всегда дѣйствовавшимъ освѣжительно на мои силы и творческую способность,—такое благодѣяніе не пропало бы даромъ: сверхъ мной упомянутаго большого сочиненія, я бы могъ окончить тогда ту необходимую и нужную у насъ книгу, мысль о которой меня занимаетъ съ давнихъ временъ и за которую (дай только Богъ

1) Письма Н. В. Гоголя, изданіе Маркса, томъ четвертый, 344—345 стр.

силъ исполнить, какъ хочется!) многіе отцы семействъ скажутъ мнѣ спасибо.

«Всѣмъ намъ уже извѣстно, сколько бѣдствій и безпорядковъ въ Русской землѣ произошло отъ собственнаго нашего невѣдѣнія земли своей, ибо едва ли не главною причиной всѣхъ нестроеній и внутреннихъ безпорядковъ есть невѣдѣніе русскими собственной земли своей, которое точно какъ бы именно съ умысломъ кладется въ основу нашего воспитанія въ тотъ именно возрастъ, который называется дѣтскимъ, но въ который живѣе воображеніе, и все, что̀ разъ взошло, остается навѣки.

«Намъ нужно живое, а не мертвое изображеніе Россіи, та существенная, говорящая ея географія, начертанная сильнымъ, живымъ слогомъ, которая поставила бы русскаго лицомъ къ Россіи еще въ то первоначальное время его жизни, когда онъ еще отдается во власть гувернеровъ-иностранцевъ, но когда всѣ его способности свѣжѣе, чѣмъ когда либо потомъ, а воображеніе чутко и удерживаетъ навѣки все, что̀ ни поражаетъ его. Такую книгу (мнѣ всегда казалось) могъ составить только такой писатель, который умѣетъ схватывать вѣрно и выставлять сильно и выпукло черты и свойства *народа*, а всякую *мѣстность* со всѣми ея красками выставлять такъ живо, поставлять такъ ярко, чтобъ она навсегда осталась въ глазахъ, который, наконецъ, имѣлъ бы способность сосредоточивать сочиненіе въ одно слитное цѣлое такъ, чтобы вся земля отъ края до края со всей особенностью своихъ мѣстностей, свойствами кряжей и грунтовъ, врѣзалась бы какъ живая въ память даже несовершеннолѣтняго отрока, и было бы ему очевидно даже и во младенчествѣ, какому углу Россіи что̀ именно свойственно и прилично, и не пришло бы ему потомъ въ голову, придя въ зрѣлый возрастъ, заводить несвойственныя ей фабрики и мануфактуры, довѣряя иностраннымъ промышленникамъ, заботящимся о временной собственной выгодѣ. И точно такимъ же образомъ, чтобъ ему еще во младенчествѣ видны были въ настоящемъ видѣ качества и свойства русскаго народа со всѣмъ разнообразіемъ особенностей, какими отличаются его вѣтви

и племена. Чтобъ еще во младенчествѣ ему было видно, къ чему именно каждый изъ этихъ племенъ способенъ вслѣдствіе орудій и силъ ему данныхъ, и обращалъ бы онъ вниманіе потомъ, когда приведетъ его Богъ въ зрѣломъ возрастѣ сдѣлаться государственнымъ человѣкомъ, на особенности каждаго изъ нихъ, уважалъ бы обычаи, порожденные законами самой *мѣстности*, и не требовалъ бы повсемѣстнаго выполненія того, что̀ хорошо въ одномъ углѣ и дурно въ другомъ.

«Книга эта составляла давно предметъ моихъ размышленій. Она зрѣетъ вмѣстѣ съ нынѣшнимъ моимъ трудомъ и, можетъ быть, въ одно время съ нимъ будетъ готова. Въ успѣхѣ ея я надѣюсь не столько на свои силы, сколько на любовь къ Россіи, слава Богу, безпрестанно во мнѣ увеличивающуюся, на споспѣшество всѣхъ истинно знающихъ ее людей, которымъ дорога ея будущая участь и воспитаніе собственныхъ дѣтей, а пуще всего на милость и помощь Божію, безъ которой ничто не совершится и начинаніе наискуснѣйшаго погибнетъ вначалѣ».

Побуждаемый такими соображеніями и желаніями, Гоголь постоянно собиралъ матеріалы по Географіи Россіи и сдѣлалъ нѣкоторыя подготовительныя работы для осуществленія своихъ предположеній по изданію книги.

Свидѣтелями этихъ работъ Гоголя сохранились до нашего времени тѣ шесть собственноручныхъ его тетрадей, о которыхъ сказано выше и текстъ которыхъ ниже печатается въ полномъ объемѣ.

Первыя четыре тетради содержатъ сокращенное изложеніе Гоголемъ, собственноручно и переписанное имъ, извѣстнаго многотомнаго описанія «Путешествія по разнымъ провинціямъ Россійской Имперіи», составленнаго знаменитымъ естествоиспытателемъ П. С. Палласомъ и въ русскомъ переводѣ изданнаго въ трехъ частяхъ (изъ коихъ вторая и третья раздѣлены на двѣ книги или половины каждая[1]).

1) Въ моемъ распоряженіи было «второе тисненіе» первой части труда Палласа, напечатанное въ СПБ. 1809 г., и первое изданіе остальныхъ, СПБ. 1786—

Первая тетрадь имѣетъ заглавіе «Отъ Петербурга до Москвы». Она сшита изъ двухъ тетрадокъ почтовой бумаги малаго формата въ 4 и 6 листовъ. Она содержитъ первую редакцію переработки Гоголемъ труда Палласа, болѣе подробно излагающую этотъ трудъ и заканчивающуюся описаніемъ «Дороги отъ Оренбурга въ Уфу чрезъ Башкирскія зимовья». Два послѣднихъ листка тетради остались бѣлыми.

Вторая, третья и четвертая тетради имѣютъ общее заглавіе: «Изъ Палласа. По дорогѣ отъ Петербурга до Москвы», и содержатъ вторую редакцію переработки Гоголемъ труда Палласа, болѣе сокращенную и обнимающую весь трудъ Палласа, отъ начала до конца; при чемъ часть труда, уже изложенная въ первой тетради, во второй тетради представлена исключительно перечисленіемъ растеній. Вторая тетрадь представляетъ собою листъ писчей бумаги, сложенный въ 8-ую долю, приблизительно въ размѣръ малаго почтоваго листа, приноровительно къ почтовымъ листамъ всѣхъ прочихъ тетрадей [1]). Третья тетрадь состоитъ изъ двухъ тетрадокъ почтовой бумаги малаго формата въ 4 и 6 листовъ и содержитъ переложеніе той части труда Палласа, которая начинается переѣздомъ, 30-го мая, главнаго хребта Уральскихъ горъ и оканчивается изложеніемъ свѣдѣній, доставленныхъ студентомъ Зуевымъ. Четвертая тетрадь состоитъ изъ трехъ тетрадокъ почтовой бумаги малаго формата въ 5, 4 и 6 листовъ, при чемъ два послѣднихъ листка тетради остались бѣлыми, и содержитъ окончаніе труда Палласа.

Всѣ эти тетради хранятся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подъ № 3222.

1788. О значеніи трудовъ Палласа для нашего времени см. статью О. П. Кеппена «Ученые труды П. С. Палласа» въ *Ж. М. И. П.*, 1895, апрѣль, стр. 386—437.

1) Въ седьмомъ томѣ десятаго изданія, на стр. 893 подъ № 8, описана только эта одна тетрадь, при чемъ матеріалъ ея ошибочно названъ «четырьмя листами почтовой бумаги», и невѣрно прочитана послѣдняя строка первой страницы тетради. Гоголь написалъ: «Бодяга Spongia fluviatilis». Въ седьмомъ томѣ напечатано: «бодяга—spongia fluvialis».

Пятая тетрадь представляетъ собою листъ бѣлой писчей бумаги, сложенный въ восьмую долю, и содержитъ въ себѣ этнографическій очеркъ подъ названіемъ «Калмыки»; при чемъ въ тетрадь вложена отдѣльная восьмушка, содержащая первую, черновую редакцію начальныхъ строкъ третьей восьмушки тетрадки; двѣ послѣднія восьмушки тетради остались бѣлыми. Содержаніе очерка представляетъ собою сокращенное изложеніе Гоголемъ нѣкоторыхъ частей книги: «Подробныя свѣдѣнія о волжскихъ Калмыкахъ, собранныя на мѣстѣ Н. Нефедьевымъ», СПБ. 1834. Эта, пятая, тетрадь хранится въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подъ № 2206.

Шестая тетрадь составлена изъ трехъ листовъ зеленоватой писчей бумаги, сложенныхъ въ восьмую долю. Первыя три страницы заняты статьями: «Лѣкарственный Арзамаскій травникъ» и «Травникъ Симбирской». Содержаніе травниковъ выбрано Гоголемъ, повидимому, изъ труда Палласа.

Быть можетъ, эти Травники, а также печатаемый ниже «Цвѣточный барометръ», представляютъ собою опыты того труда, о которомъ сохранилось извѣстіе, что въ послѣдніе годы своей жизни Гоголь проектировалъ составить «народную ботанику, въ которую предполагалъ внести не только сравнительный словарь народныхъ названій растеній, но и легенды о цвѣтахъ»[1]). Эта, шестая, тетрадь хранится въ тѣхъ же Музеяхъ подъ № 3222.

Здѣсь же хранится и листъ почтовой бумаги малаго размѣра, на которомъ Гоголь написалъ перечень латинскихъ названій растеній, а другою рукой, карандашомъ, противъ каждаго названія написаны латинскія же поясненія.

Печатаемые матеріалы Гоголя по Географіи Россіи способны убѣдить въ необыкновенномъ трудолюбіи его и въ той огромной затратѣ времени и труда, которую онъ посвятилъ изученію и переложенію «множества книгъ», вопреки заявленію біо-

1) Сборникъ Общества Любителей Россійской Словесности на 1891 годъ. М., 1891. Стр. 113.

графа его о томъ, что у Гоголя не хватало, будто бы, терпѣнія «перерыть множество иногда самыхъ неинтересныхъ книгъ»[1]).

Отъ Петербурга до Москвы.

Выѣздъ Іюня 22. 1768. Дорога ровная, низкая, болотная, на коей только простой турфъ да обыкновенныя болотныя луговыя травы. Болотный еловый и смѣшенный лѣсъ вездѣ почти вырубленъ и возлѣ деревень особенно.

Великое множество папоротника, вереска, черники и бесплодныхъ болотныхъ кустовъ. Мохъ растущій длинѣй ½ арш. Не менѣе находится плауна. Большія мѣста, казалось, усѣяны манной травою, сѣмена которой годны на варенїе бухонной пріятной каши. Festuca fluitans.

Бронницкая гора. Съ нея видны озеро Ильмень и обширная страна. Гора украшена цвѣтами, которые съ растущимъ на вершинѣ Илемовымъ кустарникомъ придаютъ сей не мало красы, почему и собираются сюда по праздникамъ молодые люди. Особенно росло много Иванова Цвѣта, Crysanth. Leucanthemum, и Одышной травы, а на полуденной сторонѣ горы цвѣли Склераноъ и Анооксаноъ. Гора, какъ и вся страна, состоитъ изъ Илов. земли, но въ низу ея дикой камень: красноватый полевой кварцъ, испещренный слоями чорной бленды, выламливаемый на стройку.

Отъ Зайцова начиная земля усыпана крупнымъ и мѣлкимъ булыжникомъ. Въ лѣсу начали показываться Грецкій Балдырьянъ, Христофорова трава, Кипрейникъ, также довольно Буквицы, Можжевельника и Крушины. Отсѣль валдайскія горы выше, чистоводныя озера соединен. съ рѣчками. На мокрыхъ мѣстахъ болотный травян. пухъ. Eriophorum vaginatum.

Валдай при озерѣ съ островами. На одномъ островѣ монастырь, каменный, строенный лѣтописц. Никономъ Божьей Матери Иверской. Другіе острова обросли березами, ѣлями и вся-

1) Матеріалы для біографіи Гоголя, В. И. Шенрока. Томъ второй, М., 1893, стр. 225.

кимъ кустарникомъ. На турфовыхъ мѣстахъ росли березки карлицы и Дикая рожа, Ledum, охмѣляющая и производящая головную боль. Также есть Клюква, Многолистная Андромеда, Шейхзерія, Солнечная Роса, Кокушкины слезы, Грушовка, Травяной Пухъ обоихъ родовъ, Мхи трехъ родовъ, а на мѣстахъ повыше разнаго рода болотныя ягоды. Въ озерѣ ростетъ рѣдкой круглой, шару подобный мохъ, который выбрасываетъ водою на берегъ; его находятъ по всѣмъ мѣстамъ.

Іюня 29. Сильной громъ, къ вечеру появилась двойная радуга. Отъ Вышняго Волочка множество кремней, сѣроватыхъ, желтоватыхъ, рудожелтыхъ, росколотыхъ квадратно, у которыхъ въ ноздринахъ сидятъ бѣлые или красноватые кварцовые хрусталики и всякія окаменѣлыя морскія тѣла.

Іюля 1. Торжокъ. Земля худая и песчаная. Тощія песчаныя пастбища. Пустыни безъ засѣва, поросшіе мѣстами сосновымъ кустарникомъ, но годные для разведенія сосновыхъ лѣсовъ, по причинѣ удобнаго сплава въ другія мѣста водянымъ путемъ.

Примѣчанія достойно множество окаменѣлыхъ морскихъ тѣлъ, которыя около Москвы почти вездѣ находятъ въ лежащихъ нѣсколько глубоко слояхъ сѣрой глины. Верхній берегъ Москвы рѣки иногда состоитъ изъ чорной, рухлой, нѣсколько глинистой весьма пиритозной земли, испещренной морскими тѣлами, которыя на воздухѣ, отъ легчайшаго прикосновенья распадаются, а нижній и все дно изъ сѣрой закаменѣлой глины, въ которой лежатъ песчаные большіе камни, наполненные морскими тѣлами, такъ что все положенье сходствуетъ съ морскимъ дномъ. Въ такихъ мѣстахъ обыкновенно находятъ множество Белемнитовъ, аммоновыхъ рогъ съ златоблестящими черепами, хамнитовъ разнаго рода, теллинитовъ, аномитовъ и малыхъ тубулитовъ, которые по большей части еще сохранили свои натуральныя, но очень нѣжныя и рухлыя скорлупы. Здѣсь белемниты (также какъ въ тѣхъ мѣстахъ, въ коихъ всѣ морскія раковины исчезаютъ и находятъ только ихъ отпечатки) не лишились обыкновеннаго струистаго своего существа и твердости и суть отчасти полупрозрач-

ные и желтоватые, а отчасти цвѣтомъ сѣрые или черные. Послѣ сихъ находится много нѣкоторыхъ родовъ аммонитовъ. Казалось, что нѣкоторые камни состоятъ изъ мѣлкихъ, петушьему гребню подобныхъ, теребратуловъ и энталіевъ или тубулитовъ. Въ другихъ же много отмѣнныхъ митулитовъ съ разными черепами на подобіе аномита. Напротивъ того, рѣдко находятся окаменѣлыя раковыя клешни въ разломанныхъ глиняныхъ камняхъ. Находятъ также въ глинѣ большіе куски чернаго окаменѣлаго, колчеданомъ налитого, дерева, имѣющаго связь и видъ большаго деревяного уголья со слѣдами червоточины, столь окаменѣвшаго, что при ударѣ о сталь сыплетъ искры. Попадается также много сѣрнаго колчедана, изъ котораго около Клина скудные люди дѣлаютъ горючую сѣру.

Выѣздъ изъ Москвы 14 Іюля. Деревня Купавна при рѣкѣ того же имени, перепруженной плотинами для мельницъ. Фабрики и порохов. заводы. На лежащихъ въ водѣ пняхъ было много мохнатыхъ полиповъ, Tubularia reptans; водяныя улитки, особенно ушастыя, чрезвычайной величины. Изъ водяныхъ ростеній росли попушникъ, сливѣ подобный мохъ и сѣточная тина.

Пространный низменный слой глины повсюду. По сухимъ полямъ ростутъ метлы (Herriaria glabra), а около травъ репейника и чертополоха летало много продолговатыхъ, острокрылыхъ и золотыхъ бабочекъ. На мшистыхъ, соснами оброслыхъ, пустошахъ водятся дикіе голуби (Palumbus).

Въ малыхъ перелѣскахъ перемѣшаны всѣ деревья: дубъ, береза, тополь, осина, ель, дикая яблонь, орѣшникъ, мозжевельникъ, черемуха и рябина. Кромѣ доселѣ извѣстной простой жимолости, Xylosteum, показалась жимолость татарская. Илемъ и вязъ дерева однородныя, разнятся почти ничемъ. На Вязѣ кора желтоватая и мягче, листья уже. На Илемѣ кора сѣрая, жестка, листы продолговатѣй, больше и мохнатѣй.

По лѣвой сторонѣ Клязмы много болотнаго лѣса на нѣсчаной почвѣ, или турфовая пошва оброслая кустарникомъ, обличающая низменные слои глины, на которой ростетъ много черницы

и голубицы. Въ такихъ лѣсахъ летало множество бабочекъ и между ними рѣдкія Papilio Laodica и Phalaena Melanaria.

Далѣе идетъ пѣсчаная почва, покрытая пашнями (овсомъ, льномъ, гречой); при деревняхъ есть малые хмѣльники.

Вѣденская Пустыня красивѣйшее мѣстоположеніе на островѣ посреди озера или залива, произведеннаго рѣкою Волею. Потомъ вновь глиненые слои, наполненные морскими тѣлами, мѣстами темносѣрые, липкіе, подобные находящимся въ р. Москвѣ.

Владиміръ съ 24 церквями и окружающими городъ садами даетъ прекраснѣйшій видъ, особливо съ восточной и западной стороны. Городъ стоитъ на высокихъ мѣстахъ вдоль лѣваго или сѣвернаго берега р. Клязмы. Сады все вишневые съ высокимъ шалашомъ по серединѣ и веревками, отъ него протянутыми во всѣ углы по всему саду; на всякой веревкѣ доска съ балаболками: если веревку потянуть, произойдетъ громкая стукотня. Пока вишни не сняты, сторожа остаются въ шалашахъ безсходно, не давая покою ни днемъ, ни ночью какъ птицамъ, такъ и жителямъ.

Рѣка Клязьма, большой излучиной касающаяся города, содержитъ въ себѣ много судаковъ, окуней, ершей, щукъ, подустовъ, шереховъ, головлей, плотвы, язей, уклейки и проч. На одномъ заглохломъ, стоячемъ рукавѣ рѣки или Старицѣ, находился подобный типоватому растенію мохнатый полипъ большого рода (Tubularia fungosa), также обыкновенная Бодяга, въ кучѣ другихъ травъ рагульки, а на типоват. берегахъ стрекучій мохъ.

За рѣкой Клязмой показываются вдали пѣсчанные холмы съ терновыми, мозжевеловыми и другими кустами, между которыми показывается сдѣсь уже и ракитникъ. Корни сего куста врываются чрезмѣрно глубоко, и если во глубинѣ довольно для нихъ влажности, то его листья служатъ, посреди песчаныхъ мѣстъ, хорошею пищей овцамъ. По сухимъ увалamъ цвѣлъ звѣробой, а корень его былъ усыпанъ Россійскимъ червецомъ, въ крашеніи ни мало не уступающимъ Полскому. Рѣчной берегъ украшенъ всякими ягодными кустами. Дикій хмѣль вился по кустамъ татарской жимолости.

Песчаныя пустоши съ прерывнымъ сосновымъ лѣсомъ. Известковые увалы. Ломка извести. Известковый слой свѣтлосѣръ, бѣловатъ, съ верху очень твердъ, но чемъ глубже, тѣмъ мягче и рухлѣе, или больше наполненъ влажностью. Онъ усыпанъ разломанными окаменѣлыми морскими растѣньями, которыхъ не можно вынять въ цѣлости, но ломаются съ камнемъ. Въ нѣкоторыхъ тонкихъ слояхъ видны только отпечатки двучерепатыхъ раковинъ, а другіе какъ бы состояли изъ мѣлкихъ, на подобіе пшеничныхъ зеренъ полосатыхъ тѣлъ, показывающ. въ отломѣ связь морскаго окаменѣлаго растѣнія.

Мѣста между Клязьмой и Окою: послѣ песчанныхъ пустошей, подымается высокой, густой, ѣловой лѣсъ, довольно сырой, чепыжникомъ и кустарникомъ заросльій. Далѣ мѣшается онъ съ Березой и Сосной. Лѣсомъ ѣхать было весело. Обѣ стороны дороги были засыпаны цвѣтущимъ кипрейникомъ; много бы можно было набрать съ него пуху. Около цвѣтовъ Медуники (Ulmaria) и Дягилника (Angelica Silvestris) много собиралось полевыхъ жуковъ, полевыхъ таракановъ, крылатыхъ букашекъ, жуковъ съ пережимкой.

Село Константиново, жители горшешники. Глина повсюду вокругъ села бѣлосѣрая, прочная, но чемъ ближе къ поверхности, тѣмъ больше смѣшана съ бѣлымъ пескомъ. Въ глинѣ попадаются разломанныя морскія раковины. Свѣтло-сѣрые кремнистые камни, разсѣянные въ сей странѣ и наполненные окаменѣлостями, служатъ новымъ доказательствомъ о произхожденьи сихъ камней изъ глины. Казалось, что бѣлая глина въ сихъ мѣстахъ имѣетъ нѣкоторое дѣйствіе на растѣнія: на многихъ кустахъ кипрейника сдѣсь росшаго и на нѣкоторыхъ лабозинахъ травы Царской Скипетръ находились бѣлые цвѣты.

Мѣста до Касимова то лѣсистыя, то сухія, желтѣвшія цвѣтами Золотой розги (Iacobea) и Золотушника, возлѣ деревень же поросшія кошечьей мятой и купавкой, собираемой крестьянскими женками для крашенья въ желтый цвѣтъ, то въ видѣ увалов попадъ рѣчками извѣстковаго камня, который хотя имѣетъ сѣрые,

жесткіе слои, но состоитъ большею частью изъ бѣлаго, мягкого мелкаго песку, произшедшаго изъ растертыхъ кораловъ и морскихъ раковинъ.

Таже известка, подъ коей сѣрой илъ, а поверхъ известковаго слоя лежитъ липкая кирпичная глина съ тонкимъ иловатымъ слоемъ подъ верхнимъ рядомъ земли. Таже страна низкая съ кустарниками, между коими росъ Миндальный тальникъ: Salix amygdalina.

Касимовъ худовыстроенный городъ на крутомъ превысокомъ берегу Оки, состоящемъ изъ твердаго толстослоистаго извѣстковаго камня. Повсюду камни годные для стройки. Населеніе города большею частью изъ татаръ, изъ коихъ есть зажиточные, торгующіе мѣхами купцы. Въ татарской слободѣ, въ высшей части города, стоитъ еще доселѣ толстая, круглая, высокая башня или Минаретъ, изъ тесаныхъ большихъ камней, оставшаяся отъ древней мечети. Повсюду окаменѣлости въ извѣстковыхъ камняхъ береговъ.

По берегамъ Оки, въ числѣ другихъ травъ, попадались Божье дерево, разноцвѣтная рожа, сыворочная трава (Gallium boreale и Mollugo), обѣ собираемыя сдѣшними женщинами на краску вмѣсто Марены, Певцедашъ, Синеголовникъ и Смольникъ (Aristolochia clematites), почитаемая особенно отъ мужиковъ за то, что, бывъ сварена, лѣчитъ отъ лому и боли въ костяхъ. Головный уборъ сдѣшнихъ женщинъ жесткая кичка или сорока съ высокимъ на передъ наклономъ, средина коего вырѣзана полукругомъ, представляя два тупые рога. Кичку покрываютъ бѣлымъ платомъ и завязываютъ на затылкѣ.

Опять окаменѣлыя морскія тѣла. Подъ дерномъ снова сѣрая глина на 4 фута толщиною. Подъ ней вновь толстый слой сѣроизвѣстковаго камня, а подъ нимъ иловатая морская земля съ древесною, окамѣлостями (sic) и улитками. Не доѣзжая до Мурома, на дорогѣ, деревянная церковь во имя Ильи Муромца. При ней въ часовнѣ находится колодецъ, который выкопалъ самъ святый отецъ.

Городъ Муромъ, подобно Касимову, построенъ на высокомъ

лѣвомъ берегу Оки, и прорытъ глубокими дождевыми ручьями, въ коихъ находится глина съ поздреватыми колчеданами и катышками изъ мергеля. Рѣка, усугубляющая весной стремленье отъ прибылой воды, повсягодно отрываетъ часть высокаго берега. Подмытые высокіе турфовые слои возвышаютъ подошву берега. Сими турфовыми обвалившимися глыбами, состоящими изъ гнилыхъ щепъ, дрязгу, согнившихъ травъ, навозу и соломы, и съ помощью новой насыпи возвышенъ жилой берегъ до 4 саженъ. Въ сей насыпи видны полусогнившія сваи и бревна обвалившихся домовъ и много всякихъ костей, а въ обвалившемся при церквяхъ берегѣ находятся снаружи старые гробы и человѣческія кости.

Муромцы садоводы и огородники. Произрастаютъ яблоки, дыни и всякую овощъ. Луга и украшенные кустами сѣнные покосы вокругъ Мурома снабжены богато Сибирскимъ сабельникомъ, Сокольимъ перелѣтомъ, Плакуномъ и дикимъ чеснокомъ, употребл. въ пищу. Много также чорнаго папоротника (Osmunda Struthiopteris), Савиной стрѣлы и Молочайника (Euphorbia palustris), употребляемой жителями какъ слабительное. На пѣсчаныхъ же островахъ и мѣляхъ рѣки Оки много Бѣлокопытника и Девясила.

Черный папоротникъ росъ вмѣстѣ съ кустарникомъ близъ глубокихъ, водой наполненныхъ, ямъ или хлябей, находившихся между великихъ глыбъ гипсоваго камня, дышавшихъ холоднымъ воздухомъ. Около сего растѣнья водятся ядовитыя чорныя змѣи съ желтыми пятнами на шеѣ и хвостѣ, а въ хлябяхъ опоки летучія мыши.

Безпрерывный гребень высокихъ холмовъ сухаго каменнаго мергеля, красноватаго съ бѣлыми пятнами, разсѣдающагося какъ глина, простирается по рѣкѣ. Во многихъ мѣстахъ его лежитъ Алебастръ великими нестройными глыбами или гнѣздами, твердый, бѣлый, испещренный жилами и трещинами. Его ломаютъ жители вокругъ лежащихъ деревень, отвозя потомъ въ Москву, или продавая по дешевой цѣнѣ на мимоидущія суда.

Дорога къ Арзамасу. Песчаныя пустоши покрыты простыми травами, въ числѣ ихъ Кровян. Девясиломъ и Горлянкой. Разсѣянный мѣлкій лѣсъ. По мокрымъ мѣстамъ цвѣли кипрейникъ и собачки, на высокихъ Ореоселина. Лѣсистая страна все песчапѣй, возвышеннѣй; ѣдешь все въ гору до самого Арзамаса, отъ чего и быстрое теченье рѣки Тюши. На осохлой песчаной пустоши росли и цвѣли (17 Августа) слѣдующія травы:

Cucubulus Otites, отмѣнная мокрица.

Полевая гвоздика, Diant. Virgineus.

Dracocephalum Ruyschiana.

Сибирской чертопологъ. Собранные отъ него самые широкіе и нераздѣльные листья, и потомъ высушенные, толкутъ въ порошокъ и присыпаютъ къ ранамъ, отъ чего онѣ скоро стягиваются.

Простой Вересъ въ сей странѣ обыкновенно имѣетъ бѣлые цвѣты.

Городъ Арзамасъ на увалѣ, невысокомъ, извѣстковаго сѣраго и желтоватаго камня, раздѣленнаго шиферомъ на удобныя къ ломкѣ части, способнаго на выжиганье извести. Худо и нечисто выстроенъ. Всѣ жители мыльники, кожевники, красильщики крашенины и сапожники. Отъ сихъ нечистыхъ рукодѣлій воздухъ въ узкихъ и грязныхъ улицахъ наполненъ нездоровыми парами. Всякой соръ и грязь кожевныхъ и мыльныхъ заводовъ валятъ въ мимотекущую рѣку Тёшу.

Veratrum album, бѣлая чемерица показалась здѣсь впервые, отсель она растетъ вездѣ на мокрыхъ мѣстахъ и далѣе за Волгу. Во время сѣнокоса ее выбрасываютъ вонъ, но такъ какъ не сожигаютъ, то она оставляетъ зрѣлыя сѣмена тутъ же и размножается. Молодые ягненки, наѣвшись ея весной, умираютъ. Голодныя лошади, съѣвъ ее въ сѣнѣ, чувствуютъ колотье, при нѣнѣ изо рту. Дворовыя птицы, наклевавшись сѣменъ, умираютъ. Но высушеннымъ и столченнымъ ея корнемъ присыпываютъ коровамъ болячки отъ червей, а людямъ для прогнанья глистовъ даютъ во внутрь свѣжего корня по ползолотника съ медомъ сырцомъ.

Христофорова трава, Actea spicata, и

Стародубка, Gentiana campestris, объ отъ укушенья бѣшеныхъ собакъ.

Павилица (Cuscuta) также.

Царь трава, Aconitum licoctonum. Ея коренье употр. во многихъ болѣзняхъ.

Змѣёвникъ, dracunculus major. Его свѣжее растѣнье мужики ѣдятъ отъ поносу.

Подлѣсникъ (asarium).

Всѣ яровыя пашни отъ сей рѣки до Суры выжелтила собою Пупавка, которой цвѣты можно было сбирать возами. Превосходная жолтая краска. Высокіе холмы по рѣчкѣ Пьяной выказываютъ извѣстковой камень, но какъ земля иловата, то весь берегъ прорытъ глубокими дождевыми ручьями и буераками, какіе производитъ обыкновенно на такой мягкой землѣ стремящаяся съ горъ снѣговая вешняя вода. Вблизи рѣки образуются беспрестанные провалы отъ подъземной воды, которою вымываетъ претворяющійся въ мергель извѣстковый камень и дѣлаетъ подъ землею пещеры, въ которыя напослѣдокъ она обваливается. Такимъ образомъ однажды провалился цѣлый крестьянскій домъ со всей семьей.

Здѣсь начинается Мордва. Рачительнѣйшіе пахари, отличные звѣроловцы, разводители пчелъ и знаменитые красильщики. Неопрятны въ жизни и въ тоже время охотники наряжаться. Праздничный нарядъ женщинъ съ гремушками, колоколчиками, кольцами, висячими болоболочками, шитыми шерстью выкладками, пронизками и бахрамой, обложенными вписящими у пояса лоскутьями, не легче конскихъ шоръ.

Бугры по рѣкѣ Пьяной то изъ раковинной известки, то изъ красного твердого мергеля. Индѣ слой липкой красной глины. Тамъ, гдѣ типоватая рѣчка Якшопка, имѣющая сѣрную воду и садящую на днѣ красноватую и бѣловатую горючую сѣру, впадаетъ въ Пьяную, находится много вонючей типы (Chara foetida). Мужики села Князь-Павлова въ окололежащихъ горахъ ломаютъ

твердый извѣстковый камень на постройку сушильныхъ овиновъ. Здѣсь же ломается и гипсовый камень и отвозится мужиками зимой въ Москву на саняхъ.

Гора, обросшая кустарникомъ, была такъ подрыта наводненьями Пьяной и текущими съ горъ источниками и обвалилась, что не только вся сторона къ рѣкѣ сдѣлалась утесомъ, но еще была видна въ ней большая глябь, окруженная расколовшимися и обвалившимися горными камнями. Въ ея устье можно взойти не иначе какъ ползкомъ. Сія темная хлябь, идущая въ поперегъ горы на 100 сажень длиной, шириной на 40, а вышиною на два сажня съ половиной, загромождена дикими каменьями и тиной, остающейся отъ весенніхъ наводненій, и дышала стужей невыносимой. Иловатое дно при устьѣ хляби было покрыто, какъ толстымъ зеленымъ сукномъ, мѣлкимъ волокнистымъ мохомъ. Изъ разщелявшагося ила росла вездѣ особливая долгая тина, а въ самомъ путрѣ хляби на хворостѣ, водою туда занесенномъ, находилось очень великое растѣнье сего рода, Mucor decomanus (ростетъ особо и стоитъ прямо, черешокъ волокнистый, твердый, толщиной въ гусиное перо. Ростетъ въ загаченныхъ рощахъ и подземныхъ ямахъ). Каменныя стѣны этой хляби были обвѣшены мягкимъ мохомъ, имѣющимъ видъ паутины, который, по взятіи пальцами, почти совсѣмъ претворялся въ воду. Не смотря на стужу, лежало здѣсь множество летучихъ мышей, по вечерамъ отсюда выбирающихся на воздухъ.

Пространства къ Пензѣ и Симбирску въ окольностяхъ рѣки Сока. Тучная, чорная, пахотная земля, какая при Сурѣ, Волгѣ и рѣкахъ, стремящихся въ Волгу съ восточной стороны. Въ сихъ странахъ земледѣльцы не упаважпваютъ полей, но даютъ отдыхать на третій годъ. Есть и такія мѣста, гдѣ никогда пашни не истощеваютъ. Если жъ уменьшится плодородіе, то много степныхъ мѣстъ, могущихъ доставить новую пашню. Но если-бы кто захотѣлъ сію тучную землю унавозить, то хлѣбъ выбѣжалъ бы очень скоро и высоко, а послѣ повалился бы и погнилъ до созрѣнья. Можно бы сѣять здѣсь конопли, льну и пшеницы не только

для домашняго обихода, какъ дѣлаютъ жители, но и на продажу. Худо также, что какъ городскіе, такъ и деревенскіе жители валятъ навозъ многочисленной скотины въ большія кучи подлѣ домовъ и по берегамъ мимо текущихъ рѣчекъ, отъ чего зарождается такое несказанное множество мухъ, что весною должно бѣжать изъ избъ.

На поляхъ и пахотныхъ перелогахъ Душистая ромашка, Anthemis cotula, росла въ такомъ же множествѣ, какъ и въ странахъ, лежащихъ отъ Оки къ югу. Горшешники. Поташен. заводы. Изъ кустарниковъ орѣшникъ въ густыхъ лѣсахъ; тамъ же на мокрыхъ мѣстахъ Душист. Асперула и Христоф. трава. Пни и колоды деревъ покрыты грибами. Отселѣ земля тяжелая глинистая. Мѣстами въ липкой глинѣ большія окаменѣлыя извѣстковыя глыбы съ просѣдинами струист. желтоватаго шпата. Множество колчедановъ, скрываемыхъ крестьянами, думающими обрѣсти въ нихъ какую нибудь руду. Дубовый лѣсъ съ подлѣсьемъ. Страна до Саранска хлѣбородна, угориста; обитатели Мордва и Татары.

1 Сентября. Саранскъ. Женщины славятся умѣньемъ красить шерстяныя травы (sic):

Въ зеленую краску красятъ мхомъ, растущимъ подъ именемъ *Зеленицы* во всѣхъ болотныхъ и глинистыхъ мѣстахъ. Его собираютъ по деревнямъ мужики, вяжутъ въ пучки и дешево продаютъ на рынкахъ. Мордва, Чуваши и Татары, вмѣсто сего мха, употреб. простую полынь, примѣшавъ немного дрока, или же листы разнолистнаго Чертополоха, Carduus heterophyllus. Иные же вмѣсто того нецвѣлые колосья Мятлики (Aruugo Calamogrostis) съ помощью варки и примѣси квасцовъ. Ягоды крушины даютъ у нихъ желто-зеленую краску.

Въ желтый цвѣтъ цвѣты растѣнья Пупавки, Дрока и Серпухи, дико растущихъ по всѣмъ мѣстамъ Россіи.

Въ жаркой цвѣтъ употребляютъ Череду, bidens tripartita, съ примѣсью Марены.

Въ малиновой красятъ Мареною (Rubia tinctorum) или корнемъ сыворочной травы особств. рода.

Въ алый цвѣтъ красятъ душицею (Origanum), засушая цвѣтныя головки, исталкивая потомъ вмѣстѣ съ сушеными молодыми листьями яблони, варя съ солодомъ и дрождями. Лучшая краска.

Въ синій цвѣтъ красятъ привезенной краской крутикомъ, дѣлаемой изъ травы, которая ростетъ только въ Малой Россіи (Синій сандалъ), и брусковой краской.

Небогатая желѣзная руда, цвѣтомъ бурая, иногда имѣющая рухлый черепъ, но чаще сѣрая и желтая, съ краской вохрой смѣшанная. Небольшой купеческ. заводъ. Мокшаны, живущіе въ сихъ мѣстахъ, мало чемъ разнятся отъ Мордвы. Нѣсколько черноволосѣй, меньше убираютъ себя погремушками. Женщины трудолюбивы, много знаютъ травъ, годныхъ въ лѣкарство и для краски. Во всякой избѣ въ сѣняхъ виситъ то та, то другая трава, вмѣстѣ съ сушеными капустными листами.

По степи еще цвѣли двуцвѣтная степная полынь, Chrysocome biflora, съ синими зубчатыми цвѣточками, шершавая степная полынь, Chrysoc. villosa, полевой шалфей и донникъ съ бѣлыми и желтыми цвѣтами.

Видъ Пензы, стоящей на высокомъ берегу Суры, красивъ множествомъ своихъ церквей. Купеческія лавки такъ наполнены товарами, какъ не попадалось еще отъ Москвы ни въ одномъ городѣ. Сура и лежащія около озера снабдѣваютъ обильно жителей рыбой: большого вида Чехонь, большіе язи (шпіоръ), калинка (бѣлая рыбица), Сава, синтева и таранъ. Сомовъ и стерлядей ловятъ только весной, во время водополья. Хлѣбородье и обилье губерніи. Множество конныхъ и винныхъ помѣщичьихъ заводовъ и табуновъ. Страна холмиста, дубовые лѣса.

9 сентября сильная гроза и потомъ дожди беспрерывно. 13 снѣгъ сталъ итти къ вечеру большими охлопьями, земля покрылась имъ на пядень толщиною, а молодой лѣсъ, еще стоявшій съ листами, наклонился подъ его тягостью. Студенная погода. Рѣки почью съ 15 на 16-е покрылись льдомъ. Отсюда дорога къ Сим-

бирску степью. Всѣ горные увалы въ здѣшней странѣ состоятъ изъ сѣраго глинянаго камня, который въ огнѣ раскакивается на мѣлкія части, а ломается то четвереугольными глыбами, то плитами.

Далѣ увалы идутъ хребтомъ, къ востоку пологи, къ западу же имѣютъ крутые скаты. Они изъ сѣраго плитняка, лежащаго въ горизонтал. положеніи. Земля иловата, глиниста, въ низу черна, а на увалахъ пѣсчана. Лѣсъ на холмахъ смѣшенъ съ соснами. Въ долинахъ же и на ровныхъ мѣстахъ то чистый дубнякъ, то степной, смѣшенной лиственный лѣсъ, обильный липой и кленомъ. Липовый лѣсъ, снабдѣвающій посудою и лыками или мочалами, изъ коихъ вьютъ веревки и ткутъ рогожи, полезный вѣниками, которыхъ сушатъ на зиму для корму ягнятъ, приноситъ сверхъ того особливую пользу сдѣшнимъ ульямъ. Живущіе въ лѣсистыхъ странахъ Мордвинцы оставляютъ на всю зиму пчелъ въ лѣсу подъ легкою покрышкою. Далѣ къ Свіягѣ и Симбирску открытая и высокая степь съ увалами, на коихъ показываются обыкновенно при Волгѣ степныя растѣнья, и въ томъ числѣ множество дикихъ миндальныхъ кустовъ, паз. калмыцк. орѣхами или бобовникъ. Изъ его косточекъ двоятся водка, получающая персиковый вкусъ, и выжимается масло, которое хоть и горьковато, но пріятно съ салатомъ.

Симбирскъ, какъ извѣстно, стоитъ на высокой горѣ между двухъ рѣкъ. Къ западу къ Свіягѣ Симбирская гора сходитъ полого къ высокой степи, къ Волгѣ же она крута и подмыта, какъ и прочіе увалы, составляющіе правый высокой берегъ рѣки. Сіи то увалы препятствуютъ Волгѣ соединиться съ Свіягой, заставляя послѣднюю протечь еще около 100 верстъ до впаденья въ Волгу. Они состоятъ изъ мергеля, извѣстки, извѣстковаго камня въ разныхъ видахъ, сѣрой глинистой земли, мѣстами кремнистой, мѣстами съ окамелостями (sic), и камнемъ наполненымъ, какъ около Москвы, разломанн. черепами морскихъ животныхъ. Попадаются гнѣздами хрустали и могущіе давать сѣру колчеданы.

Плоская степь къ рѣкѣ Черемшану, обросшая миндальными кустами и вишнями. Рѣку Черемшанъ переѣхали по мосту, сплоченному изъ бревенъ, полезному на нашихъ рѣкахъ во время прибылой воды. Какъ сдѣсь, такъ и въ нижней своей странѣ рѣка течетъ между оброслыми кустарникомъ берегами, или по лѣсистымъ низкимъ мѣстамъ. Въ окружностяхъ Черемшана черноземныя хорошія пашни. Березнику на дрова довольно. Обитатели Татары, Мордвины, а всего больше Чуваши, одѣвающіеся почти какъ Мордвины. Но женщины ихъ пригожей и опрятнѣй. Мужская одежда разнится только тѣмъ отъ русскихъ мужиковъ, что рубахи съ вышитыми воротниками. Жены вышиваютъ по полотну разноцвѣтной шерстью. Всѣ они черноволосы, какъ и Татары. Избы разсѣянно съ малыми клѣтями безъ дворовъ, на высокихъ мѣстахъ, какъ у Татаръ. Лавки въ избахъ широкія; имѣютъ перины.

Страна становится гористѣй. Попадались вѣтви шиферныхъ, отъ Урала идущихъ, изобильныхъ рудой, горъ. Богословскій мѣдный заводъ. Пребываніе Палласа въ селѣ Спаскомъ у ст. сов. Рычкова, извѣстнаго своими сочиненьями, съ 5 до 11 Октября. Село на веселомъ мѣстѣ, отовсюду окруженное лѣсомъ обросшими увалами. Почти въ серединѣ села бьетъ большой чистой ключъ и течетъ по бѣлому мергелю, который достоинъ примѣчанья, потому что скотъ ѣстъ его охотно, хоть въ немъ и нѣтъ соляныхъ частицъ. Съ горъ текущія быстрыя рѣчки, незамерзающія зимой, по причинѣ быстроты, даютъ возможность сдѣсь плодиться водянымъ воробьямъ, Strurnus cinclus, рѣдкимъ повсюду, кромѣ Россіи и Сибири, ныряющимъ въ самыхъ глубокихъ мѣстахъ для собиранья на днѣ мѣлкихъ червей и выходящимъ изъ воды сухими. Рыбы, свойств. незамерзающимъ рѣчкамъ, форель, крошица и кутема. Животное Норка, родъ выдры, питается сдѣсь всю зиму лягушками и раками.

Рѣка Сокъ еще невелика и течетъ кривизнами между смыкающимися горами по пріятнымъ долинамъ, обросшимъ березникомъ, который покрываетъ мѣстами и горы. Такая плодо-

родная, пріятная, богато изобильная травами, простирается вдоль Сока, Кинеля и Самары. Татары и Чуваши здѣсь ловятъ Сайгъ въ исходѣ зимы петлями и западнями, или хватаютъ ихъ догнавъ на лыжахъ, потому что, прошибя копытами тонкій черепъ на глубокомъ снѣгу, они бѣжать не могъ (sic). Они малорослѣй оленей, походятъ на простого сайгача, съ разницей, что на рогахъ много обручиковъ, задъ до самой спины покрытъ бѣлымъ пятномъ, а вмѣсто хвоста виситъ надъ задницей кожаная шишка, мягкой окомелокъ. Мѣста особенно благопріятныя разведенію овецъ.

Нефтяной ключъ не вдалекѣ отъ рѣки Сока при крутомъ скатѣ горы на мѣстѣ, покрытомъ тучнымъ черноземомъ и обросшемъ березникомъ, по которому течетъ главный источникъ рѣчки Байтугана. Небольшая, котлу подобная, яма, шириной и глубиной съ небольшимъ въ аршинъ, въ которую вода прибываетъ безъ примѣтнаго движенія и также непримѣтно уходитъ въ мимотекущую малую рѣчку. Ключъ не замерзаетъ и въ жестокіе морозы; и если занесетъ его снѣгомъ, то восходящіе изъ него смолистые пары, запахъ копхъ слышится издали, очень скоро дѣлаютъ сквозь снѣгъ отверстіе. Поверхность воды въ ямѣ покрыта чорной, весьма липкой нефтью, которую хоть и счерпываютъ, но она вновь собирается въ нѣсколько дней. Земляной слой, въ которомъ находится яма ключа и который идетъ безъ сомнѣнья далеко въ гору, тоже наполненъ ею. По снятіи нефти съ воды, видѣнъ еще поверхъ ея тонкій, проницательный листъ чорнаго масла, легко загоравшагося. Сію смолистую воду Чуваши и Татары употр. какъ лѣкарство, прикладая къ свѣжимъ ранамъ, скоро отъ того заживающимъ, и принимая во внутрь въ желудочн. и веперичес. болѣзняхъ. Нефть, не смотря на липкость, столь пронзительна, что въ нѣсколько недѣль напояетъ толстыя въ дюймъ доски и посему легко можетъ сохранять дерево отъ гніенія и карабл. доски отъ червей.

Горы вдоль Сока верстъ на 8 индѣ гипсоваго, индѣ бѣлаго крѣпкаго извѣстковаго камня. На рѣчной сторонѣ, мѣстами

разсѣвшіеся, дикаго камня утесы, между коими ростетъ малое гороховое дерево, Robinia frutescens. Далѣ страна при Сокѣ становится изобильной горючими сѣрными ключами, сѣрными озерами и болотами. Нефть попадается также при оброслыхъ лѣсомъ увалахъ. За версту отъ Сургута есть извѣстковая крутая гора. Она состоитъ изъ крѣпкаго извѣстковаго камня, наполненного круглыми зернами, блестящими въ отломѣ. Между ею и другими малыми горами на очень низкомъ мѣстѣ, подобномъ котлу и обросломъ березами, находится сѣрное озеро длиною до 60, а шириною до 45 сажень. Стоять при немъ долго было невозможно: такъ силенъ былъ запахъ гнилыхъ яицъ, слышимый по вѣтру за 4 версты. Движенья воды въ немъ не видно, и никогда оно не замерзаетъ. Во время морозовъ исходятъ изъ озера пары въ видѣ тумановъ. Вода въ немъ столь чиста, что можно бы измѣрить глазами его глубину, если бы дно не было покрыто тиною и чорной матеріей. Дно это было покрыто кожею, похожею на перетлѣлыя какъ бы звѣриныя кожи, мѣстами темнозеленого, мѣстами непріятного темножелтого цвѣта, а тамъ, гдѣ покрывала она истлѣвшія растѣнія, была блѣдпокраспая густая матерія наполнена горючей смолой. Глядѣть на озеро было страшно. Насупротивъ известковой горы, на восточномъ берегу сѣрнаго озера, вздымается также состоящая изъ извѣстковаго шифра гора, простирающаяся до рѣки Сургута. Изъ нее бьетъ небольшой сѣрной ключъ, сообщающій рѣчкѣ Молошной сѣрныя частицы, которыя садятся на днѣ на подобіе бѣлой густой каши.

Рѣчка Сургутъ нѣсколько разъ перепружена. Въ запрудѣ видно бѣлое незамерзающее мѣсто. Въ порахъ и ямахъ подъ толстымъ верхнимъ слоемъ видна была черная селитреная земля, въ которой лежатъ на видъ перегорѣлые ноздреватые известковые камни, можетъ быть обличители подземного пожара. Въ болотномъ низкомъ мѣстѣ берега незамерзающая лужа; вода, біющая въ трехъ мѣстахъ на днѣ ея изъ земли, подобной золѣ и полной известковыхъ частицъ, не имѣетъ сѣрного запаха и оставляетъ на камышевыхъ тросникахъ много смѣшанной съ горючею сѣрой

бѣлой матеріи на подобіе густой сметаны. Растущій по краямъ ключа мохъ покрытъ затвердѣлой глиной. Но совершенно отличная матерія садилась на лежащій въ водѣ дрязгъ и хворостъ. То была свѣтлосѣрая, весьма твердая глина, толщиной въ большой палецъ, имѣющая снаружи шершавый видъ покрытой тиной морской губки; на поверхности коей находилась бѣлая, весьма тонко сѣвшая сѣрная матерія.

Сѣрные ключи попадались беспрерывно. Къ нимъ были тропинки въ снѣгу, пробитыя скотомъ, приходя сюда отовсюду къ сѣрной водѣ, напившись коей, бываетъ онъ здоровъ. Татары и Чуваши употребляютъ сѣрныя воды отъ коросты и сыпей, принося ее въ бани. Сергіевскъ.

Городъ Ставрополь съ пріятнымъ мѣстоположеніемъ на высокомъ восточномъ берегу рукава Волги, называемомъ Кунейволошкою. Съ сухопутной стороны сіе мѣсто окруженно пріятными соснякомъ и березникомъ, оброслыми увалами. А по ту сторону Волги видны на правомъ берегѣ высокія извѣстковыя горы, прим. Жигулевскими отъ находящейся посреди ихъ деревни Жигулихи. Крѣпость съ палисадниками, башней и батареей составляетъ средину города. Въ городѣ мѣстопребываніе калмыцкихъ чиновниковъ.

Зимовье въ Симбирскѣ. Волга, иногда не замерзающая до Декабря, покрылась совершенно льдомъ съ началомъ Ноября. По наступленьи зимы продолжалась беспрерывно жестокая стужа, снѣгу же выпало мало. Сѣверное сіянье, примѣченное 24 Ноября при рѣкахъ Волгѣ и Яикѣ, предвѣщало жестокіе морозы, которые въ половинѣ Декабря дошли до высшей степени. Сильные вѣтры на Волгѣ зимою дуютъ обыкновенно съ южнозападной стороны, нанося великой вредъ нѣжнымъ овощамъ здѣшней страны.

Такъ какъ снѣгъ въ половинѣ ноября едва покрывалъ еще поля, то можно было осмотрѣть страну около города. Въ 20 верстахъ выше Симбирска, на правомъ высокомъ берегу Волги, состоящемъ изъ длинной горы, лежащей при самой рѣкѣ и

соединяющейся съ другими увалами, добывается Флецъ, изъ котораго стремящаяся вода вымываетъ глыбы темноцвѣтнаго шифера, содержащаго уголь. На вершинѣ горы, покрытой нѣкогда бывшими разбойничьими укрѣпленьями, находится господская деревня Городище. Въ низу сей деревни, подъ верхнимъ глинянымъ слоемъ подмытаго утесистого рѣчнаго берега, идущаго въ вышину на 20 саженей, показывается толстый слой шиферного уголья, которое довольно смолисто, и не смотря на то, что горитъ пламенемъ, удобно при ковкѣ желѣза, издаетъ запахъ, подобный индѣйской Гумми и перегораетъ въ сѣрой ржавый пепелъ. Куски твердыхъ слоевъ имѣли по высушкѣ смоляной лоскъ, зажигались отъ свѣчи и горѣли съ копотью; куски же худыхъ слоевъ во время сушки всѣ разсщелялись. Хотя сей Флецъ и не продолжается въ глубину безпрерывно, но есть признаки, что можно добраться до хорошихъ угольныхъ слоевъ.

Звѣри степовыхъ гористыхъ мѣстъ Волги суть Сурки, Суслики, Язвецы, бѣловатые Сурки, Ласточки, имѣющіе зимою шерсть столь же бѣлую, какъ и Горностаи, Выхохули, блескомъ и мягкостью шерсти мало уступающіе бобрамъ, Горностаи, черныя полевыя крысы Карбуши и бесчисленное множество вредныхъ полевыхъ мышей, расположающихся подъ хлѣбными, на поляхъ поставленными, скирдами. Тетерки и рябчики ловятся здѣсь всю зиму силками и наметами. Водяные воробьи во множествѣ при незамерзающихъ рѣкахъ. Есть варакушки особаго рода.

Рыбы собственныя Волги: Бѣлуга, не рѣдко бывающая длиной отъ 20 до 25 пяденей и вѣсящая до сорока слишкомъ пудъ, Осетръ отъ пяти до осьми пяденей и вѣсящій иногда двадцать съ лишкомъ пудъ, Ко́стера, родъ Осетра, не много больше стерляди, но шероховатъ и колокъ. Шипъ, попадающій изрѣдка въ Волгу, вкусной родъ рыбы между осетромъ и бѣлугой, носомъ длиннѣй и острѣй, а тѣломъ тучнѣй и глаже. Севрюга, красная рыбица, показывающаяся въ Волгѣ только въ двухъ послѣднихъ мѣсяцахъ года, Бѣлая рыбица, многочисленно идущая въ верхъ по Волгѣ отъ Генваря до Іюня, величиной бывающая также какъ и краспая

отъ 3 до 5 пяденей, а вѣсомъ рѣдко до 30 фунтовъ. Сазаны различной величины и вѣса, большіе, малые и средніе. Сомы величиной больше осетровъ, ловимые весной и осенью, быстрымъ своимъ стремленьемъ перескакивающіе сѣть, или же разрывающіе оную, уводя съ собой другую рыбу. Желѣзница или бѣшеная рыба, идущая большими стадами въ верхъ по Волгѣ отъ Мая до исхода лѣта, наполняющая сѣти къ неудовольствію рыбаковъ. Вѣря, что отъ употребленья ея люди сходятъ съ ума, они ее бросаютъ или за ничто отдаютъ Мордвинамъ и Чувашамъ, которые ѣдятъ ее безвредно и вялятъ въ запасъ, удобную еще больше къ копченью; Чехонь почти такой же величины какъ и желѣзница, ловимая въ одно время съ нею, весной, рыба малопочитаемая, тощая, ѣдомая только скуднымп жителями свѣжая и солепая.

Изъ другихъ рыбъ, свойственныхъ и прочимъ рѣкамъ: Судаки, Бершики, составляющіе смѣшенье Судака съ Окунемъ. Лещи, ловимые въ несказанномъ множествѣ и вмѣстѣ съ Сазанами вялимые на продажу, Конп или жерехи, головли, миноги, маловимые, Налимы наиболѣе ловимые зимой удами, опущенными подъ ледъ, на которыя насаживаютъ тонкіе кусочки разрѣзанной рыбы. Угрей не водится ни въ Волгѣ, ни рѣкахъ въ нее впадающихъ, ни далѣе во всей Сибири.

Едвали гдѣ есть въ другомъ мѣстѣ столь много удобныхъ и остроумно выдуманныхъ снастей для рыбной ловли, какъ на Волгѣ. Не упоминая о простыхъ сѣтяхъ и неводахъ, о плетепыхъ изъ прутьевъ вандахъ, вятерахъ и вершахъ, не упоминая о устроенныхъ для ловли большой рыбы учагахъ, употребительн. только при Астрахани, стоитъ замѣтить о городьбѣ. Въ поперегъ рѣки бьютъ сваи прямой линіи или тупымъ угломъ, потомъ, сдѣлавъ изъ прутьевъ плетни или изъ тонкой драни, опускаютъ ихъ въ воду. Вода прибиваетъ ихъ плотно къ сваямъ. Рыба, встрѣтивъ преграды, ища выходу, попадаетъ въ загороженные мѣста и закуты, гдѣ весьма искусно ее различными родами всю изловятъ.

Въ мѣстахъ, гдѣ вливается въ Свіягу рѣчка Бирюча, обильная жемчужными раковинами и рыбой крошицей (форелью),

попадаются слоновыя кости, заставляющія дивиться тому, какъ могли онѣ не стлѣть, лежа множество лѣтъ въ тепломъ климатѣ.

На супротивъ Ставрополя, при устьѣ рѣки Усы, начинается хребетъ извѣстковыхъ горъ, составляющій высокую часть гористого берега Волги. На горахъ находится лѣсъ и вершины ихъ покрыты соснами. Съ рѣчной стороны видны у опыхъ горъ однѣ только голыя каменныя стѣны и множество расщелявшихся разныхъ камней, представлявшихъ зрѣнью пріятный видъ. На сихъ каменистыхъ берегахъ находится несказанное множество хищныхъ птицъ, которыя лѣтомъ вьютъ тамъ гнѣзда. Бѣловатые же орлы, по тамошнему Бѣлохвосты, пребываютъ во множествѣ и зимой. Иногда вьютъ сдѣсь въ горныхъ ущельяхъ гнѣзда Соколы и водятся лѣтомъ красныя утки, называемыя на Волгѣ карагатками; въ густомъ лѣсу на горахъ водятся бурые и чорные медвѣди, рыси и большія бѣловатыя бѣлки. При влажномъ воздухѣ, когда хочетъ быть мокрая погода, сіи извѣстковыя горы покрываются обыкновенно туманомъ, предвѣщателемъ перемѣны въ погодѣ, но и во время засухъ также сгущается вокругъ ихъ воздухъ, и если показались на небѣ облака, то уже ихъ почти невозможно видѣть въ туманѣ. Есть изъ горъ имѣющія болѣе 100 саженъ въ вышину. Эти то горы называются *Жигулевскими* и *Марквашскими*.

У деревни Ширяевой при устьѣ Сока начинаетъ и лѣвый берегъ впизъ по Волгѣ возвышаться каменными горами, которыя, впрочемъ, гораздо ниже находящихся на правомъ берегу. Изъ нихъ замѣчательны Сокольи горы, между которыми есть одна изъ бѣловатаго и желтоватаго извѣстковаго камня, изрытаго порами и пещерами, будто бы она лежала подъ капелью, и сіи пещеры вездѣ наполнены мѣлистымъ камнемъ, часто бѣлизной подобнымъ снѣгу.

Апрѣля 9 тронулся ледъ на рѣкѣ Самарѣ. 11-го тронулся ледъ и на Волгѣ, такъ что того же вечера прошло его больше двухъ третипъ. Возставшій 13 числа сѣверный вѣтръ произвелъ опять сильный годъ (sic) льду, продолжавшійся безпрерывно до

15 числа, и рѣка очистилась совершенно. 14-го зацвѣли Верба и Орѣшина. Съ 15 по 18 всѣ увалы были украшены миловидными цвѣтами малаго Орнитогала, Серебренника и Стародубки (adonis vernis), а при кустахъ въ полномъ цвѣтѣ находились Фіалка и одномѣсячникъ, Anemone patens, который бываетъ здѣсь голубой, лазоревый, синій, бѣлый и даже свѣтложелтый. Такъ онъ видимъ только въ Апрелѣ, то и называется одномѣсячникъ. Напизавъ цвѣты его на очищенную розгу, обыкновенно втыкаютъ въ избахъ для украшенія. Изъ сихъ цвѣтовъ, вареныхъ съ Серпухой и квасцами, выходитъ превосходная зеленая краска для употребл. въ живописи.

Въ тоже время распускались листы на березахъ и рябинахъ, а послѣ 20 числа и у всѣхъ прочихъ кустовъ. Дерева и травы пришли въ совершенный цвѣтъ и украшали своими цвѣтами всѣ увалы. Это были:

Дикій миндаль и дикія вишни.

Дикой Фритиллярій Fritillaria pyrenaica. Вѣнечникъ, Мохначъ, пухоцвѣтъ рябчикъ.

Дикіе тюлпаны, tul. silvestris.

Душистый Бубенчикъ, Iris pumila, съ голубыми, пурпоровыми, желтыми и блѣдн. цвѣтами.

Луковичная Валеріана.

Pedicularis comosa мохнатый

Уральской Астрагалъ.

Трагеканѳоидъ (sic).

Дикія яблони, коихъ около Самары великое множество, цвѣли еще до исхода Апрѣля.

Гороховое дерево, называемое въ сихъ мѣстахъ Чилига или Челезникъ.

Ракитникъ, по сдѣшнему Бѣлякъ, растущій на всѣхъ мокрыхъ мѣстахъ.

Стадовыя птицы показались еще прежде. 19 и 20 видѣли уже дикихъ Лебедей и Гусей. 25 множество (пропущено: утокъ) показалось на открытыхъ водныхъ мѣстахъ. Кивики летѣли 26

числа. Всѣ водяныя птицы показались еще до исхода Марта. Сіи стадовыя птицы летѣли отъ запада въ сѣверозападную сторону. Напротивъ того, Бабы (Onocrotalus), Аисты обыкновенные и бѣлые, называемые Стерхи, Журавли и полевыя птицы летятъ сюда изъ полуденныхъ странъ. Изъ полевыхъ птицъ первыя были Сойки, прилетавшія еще въ половинѣ Марта, а въ исходѣ его дикіе голуби, скворцы и жаворонки, летающіе въ началѣ весны здѣсь стадами, подобно воробьямъ.

Суслики показались во множествѣ на всѣхъ мѣстахъ, гдѣ разстаялъ снѣгъ. Съ цвѣтами явились насѣкомые, какъ шмѣли, такъ и ройныя пчелы сбирали себѣ пищу съ цвѣтовъ одномѣсячника и вербы. Съ ними въ одно время явились бабочки разныхъ родовъ. Но Ласточки показались только 16 Апрѣля вмѣстѣ съ щурками.

Городъ Самара занимъ. уголъ между Волгой и Сѣверн. устьемъ Самары. Жители имѣютъ пропитанье отъ скотоводства и великого торга свѣжей и соленной рыбой, также икрой. Ѣздятъ караваномъ чрезъ степь къ Яику. Зимой собираются въ Самару торгующіе касимовскіе татары, привозящіе сюда мерлушекъ, вымѣняныхъ на Яикѣ у Калмыковъ и Киргизовъ. Здѣсь ихъ отдаютъ выдѣлывать и шить потомъ тулупы калмыкамъ, близъ города находящимся, съ тѣмъ, чтобы послѣ отвозить въ Москву и другіе города. Мимо Самары проходятъ суда съ верху съ строевымъ и другимъ лѣсомъ, деревяной и глиняной посудой, желѣзными вещами, чужестр. товаромъ и всякимъ хлѣбомъ. Изъ *низовыхъ* же странъ Волги, кромѣ судовъ съ Ельтонской солью, выходятъ только немногія съ Астрахан. товарами, кожами, саломъ.

Страна около Самары есть высокая, ровная, слегка возвышающаяся холмами степь, почвы глинисто-песчаной, прорытая къ Самарѣ глубокими буераками отъ теченья снѣговой воды. Въ буеракахъ и въ берегахъ находится много кремней, между ними попадаются пламенные, краснопестрые и украшенные разными фигурами агаты. Провалы и ямы обросли кустами. Въ 20 верс-

тахъ отъ Самары, гдѣ Самарскіе казаки имѣютъ скотные дворы или хутора, уже высокая степь съ черноземомъ и травой, вышиной въ человѣка. По гористымъ холмамъ вверхъ по Самарѣ можно бы разводить виноградъ, но кромѣ арбузовъ и струковатаго перцу ничего не сѣютъ.

Дикихъ яблонь, дикихъ миндальныхъ кустовъ, высокорастущихъ дикихъ вишень, имѣющихъ весьма душистой вкусъ, неклена, гороховаго дерева, таволги, ракитника и татарской жимолости множество. На увалахъ около Самары расли цвѣтущія здѣсь въ Маѣ:

Румяница, корнемъ которой румянятся. Onosma echioides.
Клематисъ, прямая, имѣющая сдѣсь только 4 листа.
Молочай семянный, Euforbia segetalis.
Полевая плодовитая гвоздика, dianthus prolifer.
Лѣсной шалфей колеблющійся.
Шишковое медвежье ухо (Phlomis tuberosa).
Вѣтреница, Herba venti.
Дракосефалъ душистый и Сибирской.
Кошечья мята фіалковаго цвѣта.
Гедисаръ onobrichis.
Мошистый великоцвѣтный и свплеватый мышій горохъ.
Кентаврія Сибирская съ запахомъ бобровой струи.
Чертополохъ лазоревый.
Девясилъ мошистый и душистый.

Теплая сухая страна Самарская кишитъ зелеными и сѣрыми ящерицами, находящимися подъ каждымъ кустомъ, простыми змѣями, Coluber Berlus, ехидпами, Natrix, и чорными ядовитыми, водящимися въ навозныхъ кучахъ, Coluber Melanis, большими Тарантулами неядовитыми, множествомъ червей поѣдающихъ травы, шпанскихъ мухъ, жуковъ, клещей по кустарникамъ, приносимыхъ въ платьѣ. Изъ звѣрковъ *Выхухоль*, роющій норы въ высокихъ берегахъ подъ водою, вырывающій своимъ чуткимъ хоботкомъ съ невѣроятной скоростью изъ тины піявицъ, которыми питается вмѣстѣ съ червями. Часто слышутъ, какъ щелочутъ

они въ водѣ какъ утки. Когда дразнятъ ихъ, пищатъ помышачьи и кусаютъ опасно. Ихъ черева имѣютъ сѣрный запахъ и хвостъ бобровой струи. *Чокушки*, роющіе себѣ глубокія норы со многими выходами въ заросльіхъ кустами и травами мѣстахъ, выходящіе въ сумерки искать пищи и кричащіе какъ ввечеру, такъ и при восходѣ солнца, громкимъ голосомъ, подобнымъ перепелочному, слышимому за нѣсколько верстъ.

Хлѣбопашество могущее изумить всякого иностранца. На невспаханной землѣ, плодородной и безъ удобренья, сѣютъ крестьяне овесъ, просо и рожь будто на съеденіе птицамъ; потомъ, взявъ соху, начинаютъ пахать, а за сохой идетъ другая лошадь съ бороной безъ погоняльщика, и въ этомъ состоитъ вся работа. Одинъ человѣкъ съ двумя лошадьми обработываетъ также хорошо пашню, какъ бы обработывали ее многіе по новому изобрѣтенію, напередъ унавозивъ и вспахавъ и потомъ уже посѣявъ и заборонивъ.

Слобода Костычи состоитъ изъ 300 домовъ, построенныхъ улицею длинной на три версты. Здѣсь берегъ Волги крутъ. Каменная стѣна, простирающаяся до шести верстъ, изъ свѣтложелтаго известковаго камня, лежащаго толстыми слоями, превратившаго мѣстами, особенно при поверхности, въ мергель, покрытаго толстымъ селитреннымъ черепомъ и исполненого отпечатковъ морскихъ черепокожныхъ и раскрошенныхъ кораловъ. На полторы сажени ниже той черты, которая произошла на стѣнѣ отъ бываемой превысокой воды въ Волгѣ, торчатъ между слоями толстыя плиты сѣраго орлеца, ибо онъ крѣпче извѣстковаго камня и потому вода размывать его не можетъ. Напротивъ того, въ извѣстковой опокѣ вымыло много дыръ, норъ и довольно большихъ, гротамъ подобныхъ, со сводами пещеръ, которыя картинными ходами простираются на нѣсколько сажень въ берегъ, и произошли отъ того, что высоко и быстро текущей водой вымыло всѣ мѣста, наполненыя рухлымъ мергелемъ. Стѣны толсто покрыты селитрой. Въ верхъ по рѣкѣ берегъ еще плѣнительнѣй, представляя зрѣнью разнообразныя развалины. Здѣсь немного

большихъ пещеръ, по ямъ и поръ великое множество, въ коихъ водятся дикіе голуби, вороны и мѣлкія хищныя птицы, да и зимой улетаютъ отсюда не всѣ. Гагатъ или каменная смола наполняетъ собою весьма часто извѣстковую опоку вышеописаннаго берега. Изъ смѣшенья сей матеріи съ извѣстковымъ камнемъ и мергелемъ видно, что она, будучи еще жидкая, вобралась въ камень и разсыпалась. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ находятся твердые, кубично расколовшіеся камни, между коими щели всѣ наполнены чорною блестящею смолою. Далѣе въ глубину попадаются большія глыбы чистого гагата. Не смотря на блескъ, онъ легокъ, хрупокъ и ломается руками. На свѣчѣ топится и плыветъ какъ чорный сургучъ, съ такимъ же пріятнымъ запахомъ, хоть загоряется медленнѣй и скорѣе гаснетъ. Купецъ изъ Сызрани выходилъ себѣ позволеніе дѣлать изъ него Сургучь. Кузнецы употребляютъ его подъ именемъ чорнаго камня вмѣсто смолы для вороненья желѣзныхъ вещей.

Дорога къ Сызрани по горамъ изъ глины, смѣшенной съ извѣстковымъ шиферомъ. По верхнему же слою сухой песчаной и иловатой земли попадался разцвѣтавшій въ то время лѣсной одномѣсячникъ, любитель безлѣсныхъ степей, Anemone silvestris, называемый мужиками, по мягкому бѣлому своему пуху, овечьимъ рунишкомъ. Да сидѣли уже попарно на поляхъ красныя утки, турпаны, несправедливо называемыя казарками, красивыя птицы, вьющія гнѣзда не только въ каменныхъ щеляхъ, но и по высокимъ степямъ въ пустыхъ сурковыхъ порахъ.

6 Мая. Сызрань на веселомъ гористомъ мѣстѣ, жители коего занимаются болѣе чемъ гдѣ либо разведеньемъ яблочныхъ садовъ. Держатъ между дворов. птицами Китайскихъ гусей Сухоносовъ. Носъ красный съ выгибомъ, а иногда съ горбомъ при началѣ. Извѣстковый камень и здѣсь наполненъ чорной асфальтовой или гагатовой матеріей и распещренъ на подобіе мрамора. Лѣкарственная Медуница, Pulmonaris officinalis, цвѣла по низкимъ мокрымъ мѣстамъ, по которымъ пролегала дорога (по ту сторону Крымсы).

Вербы, осины, вишни, тавалга, ракитникъ стояли въ полномъ цвѣту по высокому ровному полю, по которому проходила дорога, простиравшаяся до рѣки Сызранки.

Asperula tinctoria, марёна особливаго рода попадалась безпрерывно въ числѣ множества другихъ расцвѣтавшихъ травъ.

Малая Сеселія, Seseli pumilum.

Горькая полигала.

Мшистый молочай.

Двуцвѣтный Бубенчикъ, Iris biflora, во всѣхъ мѣстахъ, оброслыхъ кустарникомъ на западн. сторонѣ Волги, Малый же бубенчикъ на восточной.

Переѣздъ черезъ Сызранку въ томъ мѣстѣ, гдѣ она быстро течетъ по каменному дну, ибо въ другомъ мѣстѣ нигдѣ нельзя переѣхать по причинѣ иловатого дна. Степь выше и суше. Кромѣ однолѣсячника, Anemone patens, и Ковыла не цвѣло ничего. Находящіеся къ рѣкѣ Кубрѣ буераки обросли ракитникомъ и таволгою, имѣющею бѣлый цвѣтъ.

Кубра глубокая рѣчка, течетъ между высокими берегами за три версты отъ Сызранки. Южный берегъ изъ перемѣнныхъ слоевъ песку, дресвы и сѣрой глины, изъ которой вымыло водою тяжелые грифитовые черепы и превеликіе белемниты толщиною въ полтора дюйма. Нѣсколько глубже находится ржавая съ колчеданомъ смѣшанная морская земля, потомъ такой же крупной морской пѣсокъ, а на самомъ низу твердой чорный желѣзноватый камень, который также какъ окаменѣлая глина ломается и весьма тяжелъ.

Въ Кашпурскихъ увалахъ подъ темноцвѣтной глиной лежитъ шиферное уголье, хотя и трудно горящее, хоть и не въ большомъ количествѣ; но признаки колчедановъ говорятъ, что если бы прорыть глубже, можно отыскать богатые и лучшіе слои его.

По наступленіи ночи кричали разсѣявшіеся по степи коростели Дергуны. Свистѣли степные звѣрки, называемые перегузней или перевощиками. Засуха сдѣлалась сильной. 9 Мая и слѣдующихъ чиселъ жара была такъ сильна, что не чувствовалось ника-

кого освѣженья въ прохладныхъ отъ зноя мѣстахъ. Въ мѣстахъ же, гдѣ умножалось преломленье солнечныхъ лучей, едва можно было простоять минуту. Все посохло на поляхъ, и черная земля въ степи разсѣлась мѣстами на аршинъ глубиною и около 2 дюйм. шириною.

Высокій утесистый берегъ сѣрой глины съ извѣстков. тѣл. обросталъ любящей глину португальской вайдой, піонами, разцвѣтавшими между кустарниками гороховаго дерева, душистаго бѣлаго Диктама, Кентавріи съ запахомъ бобровой струи и множества разныхъ горошковъ. Къ вечеру собралось къ симъ травамъ множество насѣкомыхъ и въ томъ числѣ красивая нѣжная бабочка Фрина.

Лѣсъ дубнякъ, множество травъ, комаровъ, ночныхъ насѣкомыхъ и бабочекъ. При рѣкѣ летали Стрекозы или коромысла особливаго рода. Жестокая буря сорвавшая крыши въ деревняхъ. Усольская страна съ Сокольей горой, на которой соколы вьютъ гнѣзда, (въ ней же двѣ пещеры), съ сѣрными и соленными изрѣдка мѣстами.

Дорога по горнымъ уваламъ чрезъ густой мѣлкой лѣсъ. Въ смѣшеньи съ другими кустами и деревами, илемъ, терновникъ, шиповникъ, лиственица и молодой дубнякъ. Полыя мѣста, между нихъ съ разцвѣтавшими Румяницей, Багряной скорцоперой, Луговымъ шалфеемъ и Вѣтреницей. А холмы, обращенные къ рѣкѣ Усѣ, лѣсомъ оброслые, способны къ разведенью винограда. Деревня Березовка. Издали видны были высокія *жигулевскія* горы. У оброслаго лѣса увала травы были ростомъ въ человѣка.

Армянская, кабацкая гора съ долиной, назыв. кабацкимъ оврагомъ, къ Волгѣ вздымается высокимъ мысомъ съ утесистыми боками. По горѣ (состоящ. какъ и всѣ сосѣдственныя изъ извѣстковой опоки), между густыми кустами, цвѣли Кокушкины Сапожки, Красная чемерица и душистая сыворочная трава.

Гребень мергельныхъ и мѣловатыхъ холмовъ вздымается по Волгѣ, продолжаясь беспрерывно до Новодѣвичья. Къ западной степи распростирается сей гребень плоскими увалами, въ коихъ

вездѣ еще показывается бѣлый мергель, мѣлъ и глина. Небольшіе дубовые лѣса, въ коихъ летало около цвѣтовъ множество шмелей и красивыхъ маленькихъ бабочекъ. Въ степи же только параличная трава (Chamaepitis) да низкорастущій Ceratocarpus, покрывавшій сѣрымъ цвѣтомъ землю. Высокіе бѣлые холмы, собирая и удвояя солнечные лучи, причиняютъ несносный жаръ въ безлѣстныхъ мѣсахъ (sic).

16 мая. Новодѣвичье большая слобода на берегу Волги между голыхъ мѣловатыхъ горъ. Студеные ключи бьютъ изъ мергельнаго мѣлу извѣстковатой водой, годной къ бѣленью новинъ, прорывая глубокіе рвы до самой Волги. Здѣсь встрѣча съ Фальком̀ъ и Лепехинымъ и поѣздка съ ними по оброслой изрѣдка кустарникомъ степи на Кузькино и Ключищи. Встрѣченн. лѣсныя травы: Марена, Гладышъ, Турецкія лиліи и Кипрейникъ, показывали глинистое дно, наполненное ключами, или же то, что прежде страна была лѣсиста.

На сухомъ полѣ возлѣ деревни цвѣлъ Царской скипетръ. Душистого голка было также много, какъ и въ Самарской странѣ. Гдѣ степь становилась лѣсистѣй, тамъ росли (хоть и не цвѣли еще) степная полынь, кентаврія съ запахомъ бобровой струи, Воробьево семя и ядовитая соколья трава. На паровыхъ поляхъ росло много дикаго укропу (Lithospermum officinale) (sic), доказывавшаго селитренность и солеповатость земли. На голой каменистой верхушкѣ Караульнаго Бугра ростетъ много Синяго чертополоха, Центаврія, Сибирскихъ колокольчиковъ, ягодной Мокрицы, Cucubalus otites, торицы и Иванова цвѣта, Buphthalmum salicifolium.

Дорога отъ старой Резани лѣсомъ. Цвѣлъ Татарскій кленъ, а на мокрыхъ мѣстахъ Боярская спѣсь, Lychnis Chalcedonica. Ближе къ Волгѣ высокіе то оброслые кустами, то голые холмы. Сурки, сидя у поръ на холмахъ въ великомъ множествѣ, свистали пронзительнымъ свистомъ, какъ бы въ насмѣшку проѣзжающимъ.

На днѣ каменистаго ручья, обросшаго Татарскимъ кленомъ

и называемаго Брусянскою вершиною, лежатъ между дикими каменьями агатовые кремни. Отселѣ Тарской (sic) кленъ попо-дается чаще и высокорослѣй, доселѣ росшій кустами, ясень тоже крупнѣй. Горы становятся высоки, убираясь по вершинамъ кустарникомъ гороховаго дерева. Суркп въ изобилiи.

Извѣстный Покатунъ или Катиполе начиналъ въ это время цвѣсти. Пока онъ свѣжъ, то называютъ его шатромъ. Когда же, засохнувъ распростертыми вѣтвями, представляетъ почти шару подобный кустъ и сломленный вѣтромъ катится по степи, пугая лошадей, тогда Катупомъ и даже Качимомъ.

Вся сѣрная гора обросла густымъ лѣсомъ, а подошва ея изрыта дождевыми ручьями. Воздымается она круто отъ берега Волошки на супротивъ устья Сока почти на 100 саженъ вышины. Гипсовый камень, содержащій горючую сѣру, ломали на самой лѣсистой вершинѣ горы и въ глубокихъ ямахъ, называемыхъ развалами. Въ густомъ лѣсу были:

Кусты простой и горной крушины (Rhamnus catarticus и Alpinus) и Татарского клену.

Красная чемерица, Helleborine.

Кокушкины сапожки, Calceolus.

Кентаврея съ запахомъ бобровой струи.

Гладышъ, Laserpitium trilobum.

Порѣзная трава, Athamanta Cervaria. Изъ стволиковъ ея текла превосходная душистая камедь, распускающаяся съ пріятнѣйшимъ вкусомъ во рту, чего нѣтъ у растущей по степямъ сей травы.

Горькой Хейранеъ.

Лаоиръ и Мышій горохъ. Около всѣхъ сихъ травъ собирались стадами пригожія бабочки и насѣкомыя разныхъ родовъ.

На полѣ, въ деревняхъ, особливо же на мокрыхъ мѣстахъ и въ кустарникахъ, великое множество было летающихъ насѣкомыхъ, всего болѣе терпѣли люди отъ слепней, оводовъ, комаровъ и наполняющихъ воздухъ бурыхъ мухъ, зараждаемыхъ въ грязи, называемыхъ Москара, уязвляющихъ тупымъ своимъ хоботкомъ

до красна, отъ которыхъ носятъ на головѣ вмѣсто шапки сѣтку, обмокнутую въ деготь. Съ половины Іюня онѣ пропадаютъ, и тогда на мѣсто ихъ летаютъ въ несказанномъ множествѣ мѣлкія мошки, кохры, лезущія въ ротъ, носъ и глаза. Отъ сихъ мошекъ защищаются тоже сѣтками, но вымазанными саломъ.

Дорога въ верхъ до Сергіевска степью оброслою высокой травой, среди коей были во множествѣ полезн. цѣлитель. травы:

Дрокъ.

Горный щавель, Rumex Alpinus, на мокрыхъ мѣстахъ. Его корень, похожій на черенковый ревень, даютъ дѣтямъ и скоту отъ глистовъ. Употребляется для крашенья.

Боярская спѣсь ростетъ на мѣстахъ оброслыхъ кустами, у здѣшнихъ крестянъ называется кокушкино или дикое мыло, потому что дѣлаетъ воду мыльною и можетъ служить для мытья рукъ и бѣлья.

Вероники разныхъ родовъ.

Phlomis tuberosa, Шишковатое медвежье ухо.

Татарская дикая крапива, Leonutus (sic) tataricus.

Грудная трава, Scabiosa ochroleuca.

Сыворочная трава, Порѣзная трава, Нѣмецкой Девясилъ и множество всякихъ другихъ.

Вдоль Самары идущая степь полна холмовъ, обильныхъ травами, сѣнокосныхъ луговъ, привольна дикимъ козамъ, потому что вѣтеръ, сносл съ голыхъ холмовъ снѣгъ, доставляетъ имъ возможность легко находить кормъ; небѣдна также красивымъ осиннымъ, сосновымъ и березовымъ лѣсомъ. Самарскіе казаки ловятъ лисицъ.

Іюня 18. Рѣка Кинель и ея окружность. По высокимъ мѣстамъ съ перерывнымъ мѣлкимъ лѣсомъ и сѣнокосами, въ числѣ прочихъ луговъ травъ желтѣлъ звѣробой, ярко синѣли кавалерскія шпоры.

Золотой крестовникъ по рѣчкамъ и низкимъ мѣстамъ еще не цвѣлъ.

Дикая морковь, Sium Falcaria, въ великомъ множествѣ по дорогѣ.

Pulsatilla особаго рода.
Большой татарской кленъ во множествѣ по берегамъ Кинеля.
Гороховое дерево тамъ же составляетъ цѣлые кустарники.
Топольное дерево также.
Cochlearia armoracia на низкихъ мѣстахъ при Кинелѣ.
Песчанка уже отцвѣтшая.
Риндерова трава, мало извѣстная ботаникамъ, рѣдкая, примѣчен. въ Оренбургѣ Докторомъ Риндеромъ. Корневые листья кущемъ, овальноострые, большіе. Стебель прямъ и цвѣтки мѣлкіе бѣлые.

Ключи бьютъ на увалахъ и близъ дорогъ. На низкихъ мѣстахъ лужи и болота, около нихъ росло довольно Девясилу, Золотаго Крестовика и Echinops ritro. *Черкасская Слобода*, жители малорiйскіе (sic) козаки, занимаются табакомъ и скотоводствомъ. Избы бѣлыя, чистыя. Съ половины Іюня до половины Іюля бабы и дѣти занимаются (до начала жатвы) собираніемъ червеца или около корня земляники, называемой по ихнему клубайкою, или при рѣдко растущей Potentilla reptans, по ихнему Мохна, а иногда и при звѣробоѣ. Червецомъ красятъ пояса и шерсть, которою вышиваютъ женщины себѣ рубахи.

Нѣсколько песчаныхъ холмовъ, обросшихъ Лазоревымъ Чертополохомъ, Сибирскимъ бѣлолистомъ, Centaurea Sibirica, Горляшкой, Gnaphalium stoechas, Кипарисным молочаемъ, Иссоповымъ Кориспермомъ, Звѣздчатымъ Ликопердономъ (бздюшкой). Отъ низкорастущаго Ceратокарпа земля казалась сѣраго цвѣта.

Буераки и глубокія долины обростали Соснами, Липами, Дубомъ, березами, осинами, тополью, татарскимъ кленомъ, крушиною, ракитникомъ, таволгой и Сибирскимъ гороховымъ деревомъ. Смѣшенный сосновый лѣсъ показывался беспрерывно, да и горные увалы къ правому берегу Самары поросли высокимъ смолистымъ лѣсомъ и чепыжникомъ.

Находившіеся при рѣкѣ Бузулукѣ бобры, выдры и кабаны перевелись, выловленные козаками и переставши плодиться по неимѣнію тѣнистыхъ мѣстъ по рѣкамъ, лишенным лѣсовъ. На Бузу-

лукѣ только малые кусты чорной смородины да низкорослаго гороховаго дерева. Больше тросника и болотныхъ травъ. Дикой салатъ цвѣлъ по берегамъ во множествѣ. Сайгаки приходятъ стадами только во времена сильныхъ засухъ. Молодыхъ воспитываютъ молокомъ и пріучаютъ такъ, что они идутъ и плывутъ за человѣкомъ. Выросши ходятъ вокругъ жилищъ, идутъ въ поле ѣсть полынь, Божье дерево и другія горькія травы и къ вечеру возвращаются домой.

Солончатая степь съ свойственными ей травами, покрытая отродьемъ Катиполя, Каменнымъ Чаемъ (Statice tatarica) и полынью. Выгорѣвшія мѣста. Дороги обросшія птичьимъ попутникомъ (Polygonum aviculare), полынью и клоповникомъ (Lepidium ruderale).

Снова горы, поросшія лѣсомъ, при впаденьи рѣчки Токъ въ Самару, пристанище хищныхъ птицъ и въ томъ числѣ желтоголовыхъ черныхъ орловъ, которыхъ видѣли повсюду въ степи сидящихъ. Жители достаютъ орлепковъ изъ гнѣздъ на высокихъ деревахъ, воспитываютъ и продаютъ Киргизцамъ. Въ вечеру показались въ степи во множествѣ птицы, называемыя Тиркушками или Чернобровками, называемыя такъ по скрыпучему голосу, который издаютъ, подымаясь летѣть, и по чорной полосѣ, начинающейся отъ глаза. Составляютъ среднее между ласточкой и кулпкомъ, водятся въ травистыхъ мѣстахъ. Высидѣвъ молодыхъ, летаютъ стадами, но къ осени скрываются.

Рѣка Уранчикъ выходитъ изъ болотины, окруженной холмами, позади превысокой горы, изъ подошвы коей изъ красного мергеля бьетъ ключъ, сообщая студеную воду рѣчкѣ. Въ лощинѣ цвѣло множество всякихъ травъ:

Отцвѣлый Чертополохъ, Carduus deflоratus.

Рѣпникъ, Eupatorium.

Lychnis chalcedonica, Боярская спѣсь.

Campanula Latifolia, приморная широколистная трава.

Сибирская рута, Thalictrum Sibiricum.

Кошечья мята, Nepeta violacea.

Пупавка, Buphthalmum filicifolium, ростущая вездѣ по низкимъ мѣстамъ по Самарѣ. Цвѣтомъ и вкусомъ похожая на зеленой чай (худой), она употребляется вмѣсто него.

Чернобыльникъ, Artemisia Santonica, покрывалъ во многихъ мѣстахъ сухую гору.

Дикая греча, Achillea tomentosa.

Мышьи ушки, heracium murorum.

Лазоревый чертополохъ, Card. Cyan.

Душистая бѣлая буквица, Teucrium capitatum.

Кустарное Воробьево семя, Lithospermum fruticosum.

Прямой серебренникъ.

Cheiranthus montanus, Дикій левкой особаго рода, растущій сдѣсь въ тощемъ видѣ.

Изъ насѣкомыхъ летали по сухой степи голубые копьки и большія чорныя мухи. Въ оврагахъ земляные зайцы и тарбаганы. Отсель степь усѣяна могильными холмами (къ Полт. редут.), при коихъ на глинистой малооброслой землѣ росло много Бѣлозника (Axyris Ceratoides), ростущ. прямыми прутьями съ шишковатыми кореньями. Сурки и суслики во множествѣ.

Около 25 іюня беспрерывный дождь и страшная гроза съ проливнымъ ливнемъ продолжались нѣсколько дней. Дорога поперегъ степнаго горнаго хребта *Общій сыртъ*, подымающагося все выше къ Яику. Верхній слой его состоитъ изъ красноватой глины, ближе къ Яику онъ смѣшанъ съ дресвою и мѣлкимъ дикимъ камнемъ. Нутро же сего хребта, составляющаго отрогъ большихъ Уральскихъ горъ, изъ (содержитъ) песчаную плиту, сѣрую, красноватую и бѣлую. Ростутъ:

Дикой перецъ, Artemisia dracunculus, который здѣсь почти вовсе безъ запаха.

Перестрѣльный татарникъ, Echinops Ritro, но очень малый.

Бѣлозникъ довольно рослый, особенно при Яикѣ.

Просвики (sic), althae, лѣкарственная травка на низкихъ, изобильныхъ растѣньями, мѣстахъ.

Пѣсни Калмыковъ и башкирцевъ (большей частью любовныя)

состоятъ изъ прерывныхъ, жалостныхъ и разногласныхъ тоновъ, пѣвцу подыгрываютъ обыкновенно двое музыкантовъ на двухъ разныхъ инструментахъ. Одинъ въ родѣ флейты (духовой), дудка изъ высушеннаго ствола подсолнечника со струнами и дырками, поперемѣнно закрываемыми пальцами. Нужно большое упражненіе, чтобы съумѣть заиграть на ней. Яицкіе козаки, у коихъ она также употребительна, называютъ ее чибызгою, калмыки цуръ, татары кура. Другой инструменъ инструментальный, называемый турецкой скрыпкой. Онъ ничто другое какъ выдолбленный деревянный цилиндръ, натянутый сухимъ пузыремъ такъ туго, какъ кожа на барабанѣ. На пузырь ставится подставка, на коей натянуты струны (черевьи). Смычокъ — тетива двойная изъ конскихъ волосъ, привязанная обѣими концами къ лучку, ходитъ между струнъ такъ, что всегда играютъ вдругъ двѣ согласныя струны.

Есть еще у нихъ Басъ о двухъ струнахъ, называемый хуръ, похожая на татарскіе гусли лежачая арфа, и большой желѣзный органъ, употребляемый тоже вмѣсто Баса.

Лощина при татищевой крѣпости, въ коей течетъ Яикъ, обросла Божьимъ деревомъ и дикимъ укропомъ.

Солодковое дерево съ шершавыми стручками покрывало все поле и мѣстами еще цвѣло.

Prenanthes hispida по берегу.

Чилимъ, водяные орѣхи, Trapa nat., ѣдомые сырами, росли во множествѣ по озеркамъ.

Всѣ травы посохли и саранчи развелось множество. Дорога беспрерывными холмами степнаго горнаго хребта, состоящаго изъ красноват. песчаной и глинистой опоки.

Оренбургъ. Торговля съ Азіатцами, приходящими караванами всякую весну, производится не жителями города, но пришельцами изъ отдаленныхъ Рускихъ городовъ, которые по промѣнѣ товаровъ разъѣзжатся (sic). Товары, привозимые азіатцами, суть золото, серебро въ персидскихъ монетахъ и индѣйскихъ рупіяхъ, иногда же въ пескѣ, лазоревый камень, сердоликъ и

другіе драгоцѣнные камни; простая и пряденная хлопчатая бумага, китайка, матеріи, готовые халаты, сѣрыя и чурныя (sic) курчавыя Бухарскія мерлушки, тигровыя кожи и прочее; верблюжья шерсть, сушоные абрикосы, персики, кишъ мышъ мелкій безъ зеренъ, орѣхи чинаръ съ буковаго дерева. Барановъ вымѣниваютъ о 40 до 60 тысячъ на 10 тысячъ лошадей. Прежде ихъ гнали въ Россію, теперь же бьютъ на сало въ Оренбургѣ и другихъ городахъ на Волгѣ, отправляя его на морскія пристани для развозу по чужимъ. Отъ этого баранина въ Оренбургѣ ни почемъ.

Товары, которые отдаютъ азіатцамъ: красный и малиновый бархатъ, пестреть, полотно, юфть, мѣдные и чугунные котлы и посуда, привозимые съ дальнихъ сибирскихъ заводовъ, жестяныя, желѣзныя вещицы, иглы, наперстки, стекла, пронизки, красильныя матеріи, всякая къ одѣянью ихъ и къ конскому убору потребная мѣлочь, сахаръ, куницы и бобровые мѣха. На гостин. дворъ, гдѣ промѣнъ товаровъ, приносятъ на продажу киргизцамъ, охотникамъ на волковъ, лисицъ и сайгаковъ, ученыхъ орловъ, Беркутовъ. За хорошаго орла, котораго способности и выучку Башкирецъ вдругъ узнаетъ по движеньямъ, дастъ онъ охотно лошадь, за худаго не дастъ и барана. Вообще сначала рускіе купцы выигривали болѣе въ торговлѣ съ азіатцами, обманывая ихъ и надувая, но тѣмъ самымъ сдѣлали ихъ хитрыми и осторожными.

3 Іюля поѣздка къ Илецкимъ соляпымъ заводамъ каменистой возвышающейся степью, усыпанной булыжникомъ. Въ сорока саженяхъ отъ Илецкой крѣпости, въ Юговосточную сторону, находится совсѣмъ голый, подобный сахарной головѣ, бѣлый гипсовый холмъ, котораго наполненная щелями опока отчасти алебастрована, но болѣе гнѣздовата, поздревата, селенитна и рыжа цвѣтомъ. Такъ какъ съ холма можно видѣть далеко, то на вершинѣ его поставленъ караулъ, отъ сего и холмъ называется караульной горой. Гора въ чести у Киргизцовъ, называющихъ ее святой и приходящихъ доселѣ молиться. Какъ сей голмъ

(имѣющій на самой вершинѣ хлябь пыпѣ загаченную), такъ и прочіе гипсовые холмы обростали Качимомъ, Бѣлозникомъ, грудной травой (Scabiosa ochroleuca), желтѣвшей дикой гречой, achillea tomentosa, и нискорослой бѣлой полынью, покрывавшей всю землю.

Между сей то Караульной Горой и крѣпостью, отъ озерка (у крѣпости) на 600 сажень длины и почти столько же ширины, ломаютъ каменную соль, лежащую отъ поверхности то на два три аршина, то на три четыре сажени, смотря по неровности холмистаго мѣстоположенія. Надъ солепымъ каменнымъ слоемъ находится только крупной жолтой пѣсокъ. Мѣстами онъ напитался росоломъ и когда сохнетъ, то каменѣетъ. Ломаютъ соль огромными плитами съ помощью сѣкиръ, ломовъ и клиньевъ. Каменная соль чиста, крѣпка и бѣла, въ отломѣ показываетъ четвереугольную свою фигуру, разбиваемая ломается на четвереугол. куски. Въ водѣ распускается не столь скоро и не такъ солка, какъ индерская и морская соль. Иногда попадаются вывалившіяся кубичныя глыбы, прозрачныя какъ хрусталь, изъ коихъ дѣлаютъ солонки. Во время изслѣдованія глубины горный буравъ нѣсколько разъ ломался. Въ одномъ мѣстѣ однакоже удалось просверлить на 20 аршинъ слишкомъ сквозь самую чистую соль. Далѣе встрѣтился чорный столь крѣпкой камень, что буравъ отказался. Въ другомъ мѣстѣ, гдѣ стали копать яму, встрѣтилась на три сажени отъ поверхности столь крѣпкая глина, что никакія желѣзныя лопаты не брали.

Ручей Солянка раздѣляетъ на двѣ половины пространство, гдѣ ломается соль. Песокъ между ямами набросанъ холмами, обросшими дикимъ овсомъ, Elimus arenarius. Ямы же наполняемыя дождевою водою и вообще всѣ соленыя мокрыя мѣста обросли травистымъ вербейникомъ. Солепый попутникъ, Plantago salsa и другія травы свойственн. солепымъ мѣстамъ въ изобиліи. Если онѣ ростутъ на очень соленыхъ мѣстахъ, то цвѣтъ имѣютъ багряный и очень солоны на вкусъ.

Губерлинскія горы, дикія, наполненны расщелявшимися кам-

нями и вовсе голы. Опока ихъ состоитъ изъ крупнаго вишневаго, черноватаго и зеленоватаго орлеца или шифера, содержащаго въ себѣ то болѣе глины и талька, то болѣе извѣсти. Способны, какъ и горы при Сакмарѣ, къ произведенію рудъ. Между лежащими по обѣимъ сторонамъ Яика безлѣсными каменными горами вьютъ гнѣзда въ великомъ множествѣ желтые орлы, такъ называемые Беркуты. Водятся Луни, а зимой куропатки.

Горный хребетъ непрерывно вздымается выше въ двухъ высокихъ каменныхъ горахъ, между коихъ лежитъ дорога. Видны опять слои талковаго гладкого орлеца или шифера. Мѣстами просѣдаетъ азбестъ. Мхомъ обросшіе, лежащіе на верьху, камни вывѣтрились и даже превратились отъ солнца и воздуха въ весьма бѣлый, рухлый, подобный извести камень. По каменнымъ, сухимъ горнымъ уваламъ летала краснокрылая громко журчащая сарана (sic).

Преображенская гора, на коей стоитъ Орская крѣпость, состоитъ изъ яшмовой опоки, сверху подобной дикому камню, но по мѣрѣ углубленья дѣлающей чище цвѣтомъ. Свѣтлозеленный-вишневый цвѣтъ ея есть самой пріятной. Впрочемъ, чаще находится красной, бѣлой, сѣрой, желтоватой, зеленоватой и черной съ полосами и крапинами яшмовой камень. Отселѣ степью, вдоль оброслой кустарникомъ лощины, по которой течетъ тихая, тросникомъ обросшая Орь, впадающая въ Яикъ, достигаешь Аспидной горы. Изобилье и сдѣсь, какъ и повсюду, яшмы всѣхъ сортовъ. Лучшіе куски ея находились на Киргизскихъ могилахъ. Кажется, отъ дѣйствія солнца они получили несравненно пріятнѣйшій цвѣтъ того, какой имѣли лежа внутри камня.

Порядокъ при рыблой ловли у Яицкихъ козаковъ достоинъ замѣчанья. Первая ловля зимой; это главная ловля. Тутъ происходитъ багренье осетровъ и бѣлогъ. Получа ерлыки отъ Атамана, до разсвѣта собираются козаки въ запряженныхъ саняхъ за городомъ, становясь рядами по порядку, какъ кто пріѣхалъ. Тутъ ихъ осматриваетъ атаманъ и увѣщеваетъ соблюдать порядокъ. По первому пушечному выстрѣлу каждый скачетъ во всю

конскую прыть, въ назначенную для рыбной ловли сторону, чтобы запять выгоднѣйшее мѣсто, которое примѣтилъ напередъ. Но прежде надо сказать, что рѣка раздѣлена на двѣ части: одна, назначеная для багренья, начинается у города и оканчивается у Антоновскаго форпоста, другая для вешняго и осенняго лова сѣтями отъ Антоновск. форп. до самого моря. Никто не смѣетъ рубить пролубъ прежде, пока не станутъ всѣ по мѣстамъ и атаманъ не подастъ знака ружейнымъ выстрѣломъ. Въ первый разъ ловятъ не много и только затѣмъ, чтобы дать возможность скуднымъ козакамъ на вырученныя деньги закупить корму для лошадей и другія нужныя вещи. Спустя пять шесть дней начинается только настоящій большой ловъ, называемый коловертное багренье, въ 55 верстахъ отъ города при мѣстечкѣ Орѣшномъ. На девять дней лову дѣлаютъ девять рубежей для означенья, до котораго мѣста должна простираться каждый день рыбная ловля. При каждомъ рубежѣ въ тотъ день, когда будетъ происходить ловля, козаки снова собираются до разсвѣта и по выстрѣлу атамана пускаются въ перегонъ занимать мѣста. Каждый козакъ прорубаетъ себѣ пролобъ иногда очень близко другъ друга, такъ что попадаютъ багромъ одну и туже рыбу, въ такомъ случаѣ дѣлятся ею пополамъ также, какъ и тогда, когда въ случаѣ тяжести рыбы призывается на помощь товарищъ. Иногда козакъ имѣетъ счастье изловить десять большихъ рыбъ въ одинъ день, а иногда въ нѣсколько дней ни одной рыбы, въ цѣлый мѣсяцъ не добудетъ столько, чтобы заплатить подати и долги. Козакъ обыкновенно при отъѣздѣ обѣщаетъ церкви первую рыбу и больше, если будетъ въ ловлѣ счастье.

Второй большой ловъ есть севрюжій, весной, въ маѣ. Выбираютъ также атамана. Рѣка отъ Антонова фор. до Гурьева раздѣляется также на девять рубежей протянутыми въ поперегъ веревками. Сидя порознь въ лодкахъ, называемыхъ будары, козаки сами гребутъ и управляютъ двойными сѣтьми, однимъ концомъ привязанными къ плывущему по водѣ чурбану, а нижними влекущимися ко дну отъ тягости привязанныхъ каменьевъ.

Самъ же держитъ за 2 веревки, привязавъ другой конецъ сѣти къ палкѣ. Забросивъ сѣть поперегъ рѣки, козакъ плыветъ въ лодкѣ безъ гребли, наблюдая, чтобы она шла наискось. Отъ великаго движенья бесчисленныхъ, одна за другой плывущихъ, сѣтей и лодокъ вода дѣлается столь мутна, что идущая вверхъ рыба не можетъ видѣть сѣти и потому еще удобнѣе въ нее попадаетъ. Отъ крику и стуку ловящихъ рыба уходитъ иногда въ низъ и въ слѣдующемъ рубежѣ собирается въ такомъ множествѣ, что передній козакъ, первый бросившій сѣти, не въ силахъ бываетъ ихъ вытащить. Вотъ отъ чего при первомъ выстрѣлѣ атамана, возвѣщающемъ начало ловли, всѣ наперывъ стараются другъ друга выпередить.

По окончаніи сей ловли принимаются козаки за другіе промыслы, ѣздятъ для торгу или для покупки хлѣба на Волгу и Самару и осенью убираютъ хлѣбъ съ полей, а иногда просто пьянствуютъ. Съ конца же сентября и начала октября осеняя рыбная ловля сазановъ, сомовъ и другой мѣлкой рыбы такимъ же порядкомъ, то есть, собираются каждое утро и по первому сигналу бросаются на выпередъ, чтобы закинуть въ наилучшемъ мѣстѣ большую рѣдкую сѣть, называемую ерига, а ввечеру оканчивается ловъ при назначенномъ рубежѣ.

Калмыки почти всѣ средняго роста, не толсты какъ Башкирцы и Киргизы, сановиты, уродовъ между ними нѣтъ, чему причиной порученное одной природѣ воспитаніе дѣтей. Доброта, откровенность, услужливость, веселость — ихъ добродѣтели, порокъ же только одинъ — неопрятность. У нихъ меньше чемъ у другихъ праздности. По своему доброму духу они могутъ назваться трудолюбивыми. Женщины даже обременены работами. Кочуя зимой при Каспійскомъ морѣ, гдѣ довольно находится камышу для дровъ и мѣстъ непокрытыхъ снѣгомъ для корма скота, они съ наступленьемъ весны подвигаются на сѣверъ, стараясь захватить напоенныя Волгою мѣста, особенно ища холмистыхъ, песчаныхъ, ключами изобильныхъ и гдѣ ростетъ осока и троспикъ. Ихъ переходъ живописенъ. Верблюды несутъ на себѣ все принадле-

жащее къ составленію кибитки, увѣшаны сверхъ того чемоданами съ платьемъ, мѣдными и кожаными чайниками, котлами и всякою посудой и украшены колокольчиками. Бѣлые одногорбые верблюды везутъ запряженные въ телегу всѣ священныя по ихъ закону вещи, духовныя книги и бурхановъ.

Августа 12. Неровное, буераками перерѣзанное пространство въ окружности рѣки Чагана, недалеко отъ Яицкого городка.

Степная Чилига, Божье дерево на низскихъ мѣстахъ во множествѣ.

Дикія розы особенно росли въ широкомъ обросломъ кустарникомъ оврагѣ, называемомъ Вязовой россышъ.

Малое гороховое дерево.

Таволга вышиной въ человѣка, изъ гибкихъ ея прутьевъ вьютъ кнутовища.

Земляной мохъ, мѣстами покрывающій сѣрою корою новатую поверхность степи, которая, отставъ отъ земли, полосами засохла. Козаки называютъ его земляным хлѣбомъ. Въ случаѣ большой нужды ѣдятъ, употребляютъ его и въ лѣкарство, но даставать изъ него краску не знаютъ.

Болотный пригрытъ начиналъ цвѣсть въ лощинѣ при рѣчкѣ Чаганѣ.

Солодковое дерево съ мошистыми стручьями тамъ, гдѣ земля солоновата.

Каменный чай, Statia tatarica, тамъ же.

Солодковое дерево съ гладкими стручьями, у котораго корень гораздо лучше и слаще.

съ колкими стручьями, у котораго корень толщиною въ руку, а дерево вышиною съ человѣка, въ обросломъ кустами оврагѣ.

Шишковатая чина, Lathyrus tuberosus, тамъ же.

Луговой вясель, Medicago sativa.

Подорожникъ съ бѣлыми цвѣтами и сѣменами, изъ конхъ можно варить кашу, на влажныхъ мѣстахъ.

Британской девясилъ.

Серпуха, Serratula arvensis.

Отселѣ начинается желтоватая сухая земля. (Кожахаровъ форпостъ). Травъ почти нѣтъ, кромѣ Карагазина (anabasis aphilla), сроднаго сей сухой степи. Онъ растетъ кустами, имѣетъ толстые жесткіе корепья и кажется издали Гребенщиковымъ деревомъ, Tamarix gallica. Онъ въ это время цвѣлъ. Коровы отъ него толстѣютъ, поѣдая его весной, когда еще молодъ и мягокъ. Верблюды его любятъ тоже. Вкусъ въ немъ соленый.

Гребенщикъ вышиной въ нѣсколько сажень, толщиной въ руку. Продолжается на большое разстояніе. Взваръ изъ цвѣтовъ и кореньевъ употребл. яицкіе козаки отъ побоевъ и тяжкой болѣзни. Изъ зеленыхъ же листьевъ и вѣточекъ дѣлаютъ мазь.

Cynanchum acutum, собачій ядъ, песья трава, по берегамъ.

Senecio linifolius, тамъ же.

Tribulus terrestris, тамъ же.

Riccia crystallina, Рикковъ мохъ, хрустальный, внизу подлѣ рѣки на пѣску.

Восточной клематъ отчасти распростирался по землѣ, отчасти вился по деревамъ, покрывая ихъ своими пушистыми семенными цвѣтами.

Солодковое дерево съ колючими стручками, росшее на покатыхъ мѣстахъ, здѣсь необыкновеннымъ образомъ распростирало свои отрасли по землѣ.

Глухія озера, изъ коихъ нѣтъ никакого теченья, здѣсь обыкновенно называются Ильменями, а непроточные рѣчные рукава Ериками. На озерѣ Мергенской Ильмень увидѣли стадо птицъ Бабъ (Pelicanus onocrotalus), хватавшихъ въ озерѣ рыбу. Обыкновенно онѣ собираются стадами на озерахъ и въ рѣчныхъ заливахъ. Составя шеренгу, всѣ вдругъ распростертыми крылами гонятъ рыбу въ одно мѣсто и хватаютъ ее своими носами. Вѣсомъ онѣ бываютъ 18 до 25 фунтовъ, длиной отъ носа до хвоста болѣ двухъ аршинъ. Въ ширину же, съ распростертыми крыльями, гораздо больше сажени.

На озерахъ въ изобилія Колпицы, Бабы, несказанное множество малыхъ птицъ, особливо рѣдкой родъ чорныхъ куликовъ, Tantalus niger, называемый при Яикѣ коровайками. Для сихъ водяныхъ птицъ водится сдѣсь много хищныхъ, особенно орловъ, вьющихъ гнѣзда на высокихъ деревахъ, изъ коихъ я видѣлъ три рода: скопу, большаго чорнаго орла и малаго орла съ бѣлыми крапинками на головѣ.

Всѣ тѣ растѣнія, которыя ростутъ прямо вверхъ, на мокрой соленой лощинѣ растилаются по землѣ, какъ солод. дерево, дикой овесъ, Elymus, и др.

Озеро Камышсамара съ берегами, обросшими камышемъ, притопъ дикихъ кабановъ. Сказываютъ, что по озеру плаваетъ до 10 острововъ, составленныхъ изъ всякихъ кореньевъ камыша и ивовыхъ кустовъ, на коихъ также водятся кабаны, лебеди и разныя птицы.

Киргизы чистоплотнѣй Калмыковъ. Ихъ кибитки просторнѣй и лучше. Приготовляютъ калмыцкіе мѣхи на тулупы, выдѣлываютъ кожи, валяютъ войлоки изъ овечьей шерсти, умѣютъ хорошо разцвѣчать крашеною шерстью. Покуда молоды, бываютъ хороши лицомъ. Когда же старѣютъ, толстѣютъ, становятся неповоротливы и нелѣпы.

Индерскія горы состоятъ отчасти изъ желтоватого, а отчасти изъ красноватого съ пѣскомъ смѣшаннаго ила, въ которомъ много дресвы, камней и мѣлкихъ селенитовъ. Попадаются по возвышеньямъ и просто песчаныя мѣста. Холмы, разсѣянные по верьху горнаго хребта, особливо на сѣверной части, покрыты то краснымъ, то бѣлымъ мергелемъ, изъ котораго и сами состоятъ. Въ горахъ внутри множество ямъ, проваловъ, необыкновенно студеныхъ пещеръ и хлябей, куда собирается стекающая отъ дождей вода. Стукъ во время ѣзды по горамъ показываетъ, что пещеры идутъ на далекое пространство. Во многихъ ямахъ скаты и дно обросли обросли малымъ гороховымъ деревомъ, душистыми дикими розами, терномъ и рябиною. Между ними находилась трава:

Сладка-горька, Dulcamara, очень лѣкарственная у яицкихъ козаковъ.

Бѣлолозникъ, Axiris Ceratoides, обыкновенно росшій по краямъ оныхъ ямъ.

Степная малина, Ephedra monostachia.

Горный душистый хейрантъ съ длинными, по землѣ простирающимися стволиками.

Большой родъ почныхъ фіалокъ.

Сверхъ того находится полынь, камфорная трава, качимъ и карагазинъ, Anabasis aphilla.

Черенковый ревень мѣстами.

Сѣрой степной мохъ во множествѣ между посохлою травою.

Индерское озеро, чудо природы, открываетъ съ вершины подобное большому полю покрытому снѣгомъ. Оно имѣетъ кругловатую форму, длиной около 50 верстъ. Вода въ озерѣ столь солена, что въ сухую погоду на низкомъ берегу садятся соленыя зерна, и когда сгонитъ воду вѣтромъ, ими бываетъ покрытъ типоватый берегъ. Дно озера вездѣ покрыто твердымъ, на четверть аршина толстымъ, соляным черепомъ такъ, какъ бы льдомъ. Соляной черепъ твердъ, бѣлъ, чистъ и въ отломѣ показываетъ непорядочную кристализацію. Изумительно, что по проломѣ сего соляного черепа находится подъ нимъ сѣрая соль изъ неправильныхъ, большею частью, зеренъ и простирается въ глубь такъ далеко, что въ нее какъ въ наносный пѣсокъ уходитъ легко козацкая пика длиной въ полторы сажени и все еще не достигаетъ дна. Эту то соль берутъ козаки, потому что ее легко собирать, къ томужъ она мѣлка и способна къ соленью. На самомъ озерѣ грузятъ ее въ телеги; а для очищенія отъ примѣшавшагося ила обливаютъ ее, не выѣзжая изъ озера, тузлукомъ, то есть, росоломъ, отъ чего сѣрой цвѣтъ пропадаетъ.

Берегъ на западной сторонѣ озера изъ разноцвѣтнаго мергеля, слоевъ глины и другихъ земель, необыкновенно перемѣшенныхъ. Глина то темная, то зеленая лежитъ на верьху, то наконецъ въ другихъ мѣстахъ обѣ перевились вмѣстѣ на подобіе цвѣтнаго

мрамора. Между ними находится также желтая, сѣрая и черная, съ древесною смѣшанная глина. Въ другихъ мѣстахъ видна только голубая и черная глина такъ липкая, что едва можно отколупить. Есть также горючая чорная земля, лежащая гнѣздами и слоями поверхъ красной глины. Во одной изъ пещеръ находится толстой слой желтаго мергеля, годнаго къ крашенію. Въ верхней части берега лежитъ чистой сухой алой мергель, котораго много берутъ Калмыки и Киргизцы для крашенія жердей своихъ кибитокъ и изъ котораго состоятъ многіе холмы горнаго хребта. Словомъ смѣшенье необыкновенно глизъ (sic) и земель, перемѣшанныхъ въ изумительномъ беспорядкѣ.

На высокомъ берегу и по краямъ пещеръ ростетъ множество рѣдкихъ растѣній, какъ то:

Синеватая лебеда, Atriplex glauca.

Арабской Вербейникъ, Salicornia Arabica.

Вербейникъ, Salicornia strobilacea, еще неописанный ботаниками, ростущій на низкомъ и мокромъ мѣстѣ.

Качимъ, ростущій кустарникомъ, Salsola arbuscula.

Кустарный каменный чай, Statice sufruticosa.

Простой травистый вербейникъ, Salicornia herbacea, росъ при ключахъ.

Ночная фіалка, Гесперисъ tatarica, на Индерскихъ горахъ.

Исходъ Августа. Около Гурьева и на всѣхъ сдѣшнихъ солоноватыхъ болотныхъ мѣстахъ водится много всякихъ гадовъ: тарантуловъ, ядовитыхъ скорпіонныхъ пауковъ, а пуще всего подобныхъ тарантуламъ, съ кротовымъ рыломъ, тоже ядовитыхъ. Комаровъ несмѣтное множество. Соленыя росы. Городокъ Гурьевъ выстроенъ на самомъ дурномъ мѣстѣ. Въ домахъ тараканы и стоногіе черви. По выходѣ изъ домовъ нападаютъ комари и оводы.

Всѣ берега, окружающіе морской заливъ, острова и рѣчные берега, суть ничто иное какъ плоскія отмѣли, обросшія высокимъ камышемъ и покрытыя большой частью водою. Каспійское море здѣсь цвѣтомъ сѣрозеленое, далѣе отъ береговъ превращается

въ темнозеленое. Сказываютъ, что иногда и лѣтомъ бываетъ видѣнъ фосфорный свѣтъ морскихъ волнъ. Морскія растѣнія, въ немъ водящіяся, суть Najas, наяда, Potamogeton и Conferva viridis (тины водятся мало). Вода въ Каспійскомъ морѣ у здѣшнихъ береговъ прибываетъ, такъ что исчезли даже нѣкоторые острова.

Островъ Каменный изъ кремнист. камней, песку, хряща и раковинъ. Дно Каспійск. моря состоитъ изъ простыхъ, треугольныхъ, зубчатыхъ и другихъ раковинъ, безъ животныхъ тварей. Посреди острова ростетъ нѣсколько камышу, лебеды, солепыхъ травъ, жидовскихъ вишень и много павилицы, Cuscuta. На берегу во множествѣ чайки и морскіе воропы, на мысахъ лежали тюлени, но они вдругъ ушли, увидя насъ.

Сентября 1. Необыкновенное множество птицъ, спускавшихся изъ верхнихъ странъ, дабы приближиться къ теплому климату. Четвертаго числа воздухъ былъ столь теплъ, что едва можно было дышать, не смотря на жестокую бурю съ громомъ и молніей. За теплыми бурями по обыкновенію настали холода, воздухъ охолодѣлъ. Большіе и малые тетерева сидѣли въ степи стадами и устремляли свой полетъ также въ теплыя страны.

На другой день по отъѣздѣ изъ Яицкого городка (22 Сентября) возстала жестокая съ юговосточной стороны буря и къ ночи показалась ужасная гроза съ такимъ сильнымъ дождемъ, какъ будто бы небо прорвалось и поле чрезъ нѣсколько минутъ покрылось водою до трехъ вершковъ въ вышину. Ночью оная жестокая буря обратилась къ сѣверозападу; послѣ чего послѣдовала вьюга и такой морозъ, что собравшаяся на полѣ вода замерзла и ледъ только чрезъ нѣсколько дней разстаялъ. Въ сію пору летѣли еще журавли и тетерва стадами внизъ Яика. Изъ малыхъ птицъ Песчанки, Emberiza passerina, и плиги, Oenanthe cinerea, смѣло бѣгали по дорогамъ.

Отроги Уральскихъ горъ. Дорога отъ Оренбурга въ Уфу чрезъ Башпрскія зимовья и ямы, куда стали они теперь собираться въ избы на зиму. Ихъ избы малыя съ широкими лавками

и чуваломъ (каминомъ по правую руку дверей) довольно теплы и недымны, но отъ большаго пламени Башкирцы страдаютъ глазами.

Изъ Палласа.

По дорогѣ отъ Петербурга до Москвы.

Змѣя (Calla), болотная трава. Изъ ея кореньевъ можно печь хлѣбы въ неурожайные годы.
Болотный травяной пухъ, Eriophorum.
Conium maculosum.
Манная трава, Festuca fluitans. Изъ нее варятъ кашу.
Болотникъ, Callitriche verna.
Одышная трава, Succisa.
Scleranthus annuus, Дивала, Пахотный чаберъ.
Anthoxanthum, Душица. Душникъ. Благовонная трава.
Папоротники, polipodium.
Вересъ, Erica.
Бесплодные болотные кусты, Andromeda.
Мохъ, polytrichum.
Плаунъ, licopodium clavatum.
Hieracium Cymosum, Соколья трава.
Водяной попушникъ, Alisma natans.
Грецкій балдырьянъ, Polemonium coeruleum.
Христофорова трава, Aconitum Lycoctonum.
Epilobium angustifolium.
Eriophorum vaginatum.

Отъ Валдая.

Дикая рожа, Ledum, опьянѣваетъ какъ хмѣль.
Oxycoccus, клюква.
Andromeda polifolia.
Scheuchzeria.
Солнечная роса, Drosera longifolia.

Кукушкины слезы, Ophrys monorchis.
Грушевка, pyrola.
Водяной мохъ шароподобный, Conferva aegagropila.
Золотушникъ, Solidago virgaurea.
Полевый чистякъ, Iacobea.
Orchis bifolia.
Uva ursi, волчьи ягоды.
Euphorbia peplus.
Бодяга, Spongia fluviatilis.

Отъ Владиміра.

Папушникъ, Alisma damasonium.
Мохъ подобный сливѣ, Ulva pruniformis.
Сѣточная тина, Conserua reticulata.
} водяныя растѣнія.

Метла, Herriaria glabra.
Centaurea, чертополохъ.
По перелѣскамъ Дикая яблонь, береза, тополь, орѣшникъ, можжевельникъ, черемуха и рябина.
Татарская жимолость, lonicera.
Простая жимолость, Xylosteum.
Hippophae.
Дурнишникъ, Xanthium Strumarium.
Медвежій чеснокъ, Allium ursinum.
Melampyrum aristatum, родъ Ивана да Марья.
Рагульки, Trapa natans.
Стрекучій мохъ, Limosela.
Ракитникъ, Citisus hirsutus.
Мокрица ягодная, Cucubulus tatarica.
Lichen islandicus.
Epilobium angustifolium доставляетъ пухъ.
Медуника, Ulmaria.
Золотая розга, Jacobea, вмѣстѣ съ золотушникомъ все поло здѣлала желтымъ.
Кошечья мята, Nepeta.

Миндальный тальникъ, Salix amygdalina.
Abrotanum.
Разноцвѣтная рожа, Lavatera thuringica.
Сыворочная трава, Gallium boreale, краситъ въ красную краску.
Eringium Alpinum.
Смольникъ, Aristolochia clematites (цѣлительная).
Cichoria silvestris.
Очная помочь, Euphrasia odontites, зубчатая.
Девясилъ кровоносный, Inula disenterica.
Куколь, lichnis segetum.
Lolium temulans, головоломъ.

Отъ Мурома.

Iris sibirica.
Соколій перелетъ, Gentiana pneumonanthis.
Плакинъ (sic), litrum virgatum.
Савина стрѣла, Sanguisorba.
Euphorbia palustris, Молочайникъ. Слабительное.
Corisperum hyssopifolium.
Panicum sanguinale.
Чорный папоротникъ, Osmunda Struthiopteris.
Artemisia dracunculus.
» maritima.
» campestris.
Iasione.
Carduus cyanvides.
Fibago germanica.
Telephium.
Горлянка, Gnaphalium dioicum.
Собачки, bidens cornua.
Orcoselinum.
Cucubulus otites, мокрица.
Полевая гвоздика, Dianthus virgineus.
Dracocefalum Ruyschiana.

Сибирскій чертополохъ, Centaurea Sibirica. Сушеный листъ его, истертый въ порошокъ, затягиваетъ раны.

Выпадашная трава, Gryllus Italicus (sic), также заживляетъ, будучи высушена, истолчена и смѣшана съ конопл. масломъ.

Absinthium.

Anthemis cotula. Душистая ромашка.

Вятла, salix arenaria, дубятъ ея корою юфть.

Подлѣсникъ, asarum.

Actea spicata, Христоф. трава.

Змѣевникъ, Dracunculus major. Мужики ѣдятъ сырой отъ поноса.

Стародубка. Gentiana campestris. Арзамаскіе мужики выдаютъ за лѣкарство отъ укушенія собакъ бѣшеныхъ.

Пупавка, Anthemis tinctoria, во множествѣ.

Aster Amellus.

Brunella, гортанная трава.

Mucor decomanus, тина.

Asperula odorata.

Sonchus palustris.

Serratula arvensis.

Зеленица (мохъ красильный), Licopodium complanatum.

Заячій макъ, Adonis verna. Красильное въ зеленую.

Череда, bidens tripartita, краситъ въ жаркой цвѣтъ.

Марёна, въ малиновый.

Душица, Origanum, въ алый цвѣтъ.

Мятлика, Arundo Calamogrostis, въ зеленую изъ нецвѣлыхъ колосковъ.

Inula foetida, вонючій девясилъ.

Trientalis.

Вахта, водяной трилистникъ, Menyanthes, ею у Мордвы припариваютъ тѣ мѣста, которыя рдѣютъ.

Костяника, Rubus saxatalis.

Comarum palustre, пятилапая трава. Мордва употребляетъ ее въ баняхъ при тяжкихъ родахъ.

Лоскутный цвѣтъ, Centavrea jacea, припариваетъ Мордва у дѣтей больныя мѣста.

Stellaria Dichotoma.

Chrysocome biflora, двуцвѣтная степная полынь.

» villosa, шершавая степная полынь съ синими зубчатыми цвѣточками.

Отъ Симбирска по Волгѣ.

Весна съ Апрѣля 15.

Orintogalum minimum.

Серебряникъ, Potentilla.

Стародубка, Adonis verna.

Одномѣсячникъ, Anemone patens, бываютъ голубые, лазоревые, синіе, иногда совсѣмъ бѣлые, а рѣдко свѣтло-желтые, въ маѣ отцвѣтаетъ. Изъ синихъ цвѣтовъ, сваренныхъ съ серпухой и квасцами, зеленая краска, очень хорошая.

Fritillarus Pyrenaica.

Дикіе тюльпаны. Silvestris.

Бубенчикъ душистый, Iris pumila, бываютъ голубые, пурпуровые, жолтые и блѣдные.

Ualeriana bulbosa, луковичная.

Pedicularis comosa, мохнатый.

Astragalus Uralensis.

Tragecanthoides.

Cytisus hirsutus, ракитникъ.

Cerasus pumila, дикія вишни высокаго роста.

Неклепъ, Acer tataricum; гороховое дерево, Robinia frutescens; таволга, Spirea crenata — все кустарники.

Съ Мая 15 по....

Румяница, Onosma echioides.

Гвоздика полевая плодовитая, Dianthus prolifer.

Clematis recta, вся трава о четырехъ листахъ.

Молочай сѣмянный, Euphorbia segetalis.
Шалфей лѣсной колеблющійся, Salvia nemorosa et nutans.
Шишковое медвежье ухо, Phlomis tuberosa.
Herba venti, ветреница.
Dracocephalum thymiflorum et sibiricum.
Кошечья мята фіалковаго цвѣта, Nepeta violacea.
Hedysarum onobrychis.
Astragalus pilosus.
» grandiflorus.
» contortuplicans.
Centavrea Moschata.
» sibirica.
Чертополохъ лазоревый, Carduus cyanoides.
Inula hirta; odorata.
Марѣна дикая, Rubia peregrina.
Asperula tinctoria, сыворочная трава, корень окрашиваетъ въ красную краску, родъ марены.
Сибирское гороховое дерево весеннее. Oropus vernus.
Anemone ranunculoides, одномѣсячникъ полевой.
» nemorosa, лѣсной.
Полевая горчица, Erysimum Barbarea.
Bunias orientalis.
Primula veris, свербибусъ.
Чекушка, земленой заяцъ, какъ ввечеру, такъ и съ восходомъ солнца кричитъ громкимъ, подобно перепелиному, голосомъ и слышенъ за нѣсколько верстъ. Въ это время ищетъ пищи, особенно листьевъ ракитника. Весь день остается въ норѣ.
Segale reptans, стелющаяся рожь.
Lamium multifidum.
Овечье рунишко. Одномѣсячникъ, Anemone silvestris, несетъ мягкой бѣлой пухъ.
Красныя утки, турпанъ, касарка, въ Сызрани и на Волгѣ.
Androsace septentrionalis.

Arenaria campestris, песчанка полевая.
» saxatilis, каменная.
Въ полномъ цвѣтѣ вербы, осины, вишни, таволга, ракитникъ.
Медуница лѣкарственная, Pulmonaria officinalis.
Seseli pumilum.
Poligala amara.
Euphorbia pilosa, мохнатый молочай.
Iris biflora.
Копылъ трава, Stipa pennata.
Statice tatarica.
Перевощикъ, перегузня, сусликъ, степовой звѣрокъ, родъ Сурка.
Isatis lusitanica, Португальская вайда, красильная тоже.
Dictamus albus, душистый.
Lathyrus pisiformis.
Orobus angustifolius, гороховое дерево.
Centavrea moscata.
Cardunculus.
Thesium linophyllum.
Vincetoxium Asclepias, стручковат. зелье, чортова борода, ласточникъ.
Actaea spicata, Христоф. трава.
Соколья трава, hieratum praemorsum.
Scorzonera purpurea.
Скерда, Шнарда, Crepis sibirica.
Bunias orientalis, дикая редька; мужики ѣдятъ молодые стебли также, какъ дягиля и гладыша.
Веселые глазки, Viola mirabilis.
Кокушкины сапожки, Cypripedium.
Красная чемерица, Helleborine.
Asperula odorata.

Мѣловые холмы.

Параличная трава, Chamaepithys.
Ceratocarpus, низкорастущій, покрывалъ землю сѣрымъ цвѣтомъ.

Laserpitium trilobum.
Lilium martagon, турецкія пестрыя лиліи.
Trollius europaeus, пригритъ.
Chrysocome villosa, степная полынь.
Воробьево семя, Lithospermum officinale.
Мокрица ягодная, Cucubalus otites.
Торица, Alyssum Colycinum.
Orchis conopsea, кокушкины слезы.
Ластовичный корень, Asclepias nigra.
Покатунъ, катунъ, Покати поле, Перекати поле, Кати поле, Качимъ. Когда она свѣжа, ее называютъ шатромъ, но какъ скоро осенью подсохнетъ, то разпростертыми вѣтвями представляетъ шару подобный кустъ и, бывъ сломанъ вѣтромъ, катится по полямъ. Gypsophila paniculata.
Polygala sibirica.
Lithospermum frutescens, воробьево сѣмя.
Ruta muraria, стѣнная.
Galium glaucum, сыворочн. трава березоваго цвѣта.
Порѣзная трава, Athamanta cervaria.
Calceolus, кокушкины сапожки.
Cheiranthus erysimoides.
Polygonum frutescens, кустарный подорожникъ.

Отъ Самары къ Яику.

Rumex Alpinus, горный щавель.
Кокушкино, дикое мыло, тоже что Боярская спѣсь, Lychnis chalcedonica, дѣлаетъ воду мыльною.
Leonurus tataricus, татарская дикая трава.
Ивановъ цвѣтъ, Chrysantemum corymbiferum.
Степная полынь двуцвѣтная, Chrysocome biflora.
Senecio Doria.
Sium Talearia, дикая морковь.
Cochlearia armoracia.

Arenaria.
Разноцвѣтная рожа, Lavatera Thuringica.
Delfinium elatum.
Agrimonia, Червечникъ, козаки даютъ скоту для прогнанія глистовъ.
Мохна, potentila reptans, возлѣ же отыскиваютъ насѣкомое червеца, употр. въ краску.
Клубайка, земленица, возлѣ тоже.
Медвежье ухо, Phlomis.
Ceratocarpus.
Falcaria.
Euphorbia Cyparissias.
Astragalus onobrichides.
Licoperdon stellatum.

Мѣста соленыя.

Дикій укропъ, Peucedanum.
Клоповникъ, lepidium ruderale.
Каменный чай, Statice tatarica.
Centaurea glastifolia.
Катиполе, Kali.
Скорпіонова трава, Myosotis lapula.
Salsola prostrata.
» salsa, обѣ съ ползущими стеблями.
Atriplex portulacoides, лебеда.
Atriplex laciniata.
Plantago salsa.
Carduus defloratus, оцвѣлый чертополохъ.
Campanula latifolia, примочная трава.
Thalictrum sibiricum, Сибирская рута.
Lychnis chalcedonica.
Пупавка, Buphthalmum filicifolium.
Дикой кресъ, Lepidium latifolium.
Glaux maritima.

Синеватая лебеда, Chenopodium glaucum.
Общій сыртъ. Много могилъ, много насыпныхъ кургановъ и холмовъ; находятъ желѣзныя вещи, копійца, человѣческія кости и каменные истукапы на могилахъ.
Echinops Ritro, Перестрѣльный татарникъ.
Бѣлолозникъ, Axyris ceratoides.
Astrogalus alopecuroides.
» austriacus.
Ononis mitis.
Scabiosa ochroleuca, грудная трава.
Potentila bifida, разрѣзной серебряникъ.
Achillea tomentosa, дикая греча.
Бѣлая полынь, Artemisia alba, малая шершавая, покрываетъ всю землю.
Степной перецъ, Centaurea glastifolia.
Lepidium latifolium, клоповникъ широколистный.
Atriplex laciniata, курчавая лебеда.
Elimus arenarius, дикой овесъ.
Tulipa gesneri.
Lappa, репейникъ.
Matricaria camomila, ромашка.
Жабрей, Antirrhinum genistifolium.
Боръ, Panicum Crusgalli.
Salsola sedoides.
» prostrata.
Илецкая соль тверда въ такой степени, что походитъ на хрусталь, изъ нее можно дѣлать сосуды, особенно солонки, идетъ во глубину далеко въ землю. Подъ ней досверлились до чернаго твердаго камня и глины, о которую ломались желѣзныя лопаты.
Торица, Alyssum montana, съ звѣздчатыми листочками.
Veronica incana, бѣлая мохнатая.
Gryllus coerulans, голубые коньки.
Melica altissima, турецкое пшено.

Bromus pinnatus, метлика.

Sedum globiferum, шаристый молодилъ.

Скрыпунъ, Cotyledon serrata, зубчатый.

Gryllus obscurus, большая саранча съ красными крыльями, летая громко журчитъ.

Centaurea paniculata.

Степной сѣрой мохъ остался, наконецъ, одинъ на полѣ, всѣ прочія травы высохли по причинѣ засухи.

Senecio seracenicus, Большой пригрытъ.

Polygonum frutescens, кустарный подорожникъ мѣстами превратился въ колючую кустарную гречу, Atrapaxis spinosa.

Stippa capillata, Ковыль, показавшись уже означалъ приближенье осени. Лѣсной шалфей, доселѣ сопровождавшій, прекратился. Жары стояли несносные.

Малина курчавая степная, Ephedra monostachia, служитъ къ удержанью наноснаго песку, ибо корни ея долголѣтніе, толстые, распростираются глубоко и широко въ пѣскѣ и даютъ изъ себя новые кусты.

Dodartia orientalis. Здѣсь показалась въ первый разъ. Чемъ далѣ внизъ Яика, тѣмъ ее было больше.

Holcus saccharatus, бухарское пшено.

Phlomis tuberosa, Медвежье ухо шишковатое. Его коренья калмыки сушатъ, толкутъ и варятъ изъ него молошную кашу.

Чина, земляной орѣхъ, Lathyrus tuberosus. Его коренья варятъ калмыки съ мясомъ.

Glycirrhiza aspera, солотковое дерево съ гладкими стрючками ростетъ въ степи на тощихъ мѣстахъ. Калмыки варятъ его вмѣсто чаю съ молокомъ и масломъ.

Umbellata, подсолнечникъ, его коренья также употребляютъ калмыки въ пищу.

Отъ Яицкаго городка степью.

Съ Августа.

(Примѣтно что) Отъ рѣки Чагана и отъ степнаго горнаго хребта въ Южную сторону земля и травы примѣтно переменяются. Голая степь ровнѣе, черноземъ исчезаетъ. Сухая степь татарская. Пѣски наносятся вѣтрами, а черноземъ отъ гніющихъ травъ ими разносится.

Messerschmidia.

Dispacus laciniatus, ворсильныя шишки.

Atriplex tatarica, татарская лебеда.

Glycirrhiza echinata, колкое солодковое дерево.

Atriplex salicinia.

Chenopodium rubrum.

Secale reptans, слонецъ стелющійся.

Astragalus contortuplicatus.

Glicyrrhiza laevis.

Вязель, medisago sativa.

Inula britanica.

идетъ желтоватая сухая земля.

Anabasis aphilla, Карагазинъ на ней растущій издали похожъ на tamarix gallica гребешк. корень. Отъ него толстѣетъ скотъ по причинѣ соленого его вкуса.

Inula foetida.

Гребеншикъ, tamarix gallica, дерево часто толщиной въ руку, вышиной нѣсколько сажень. Отсюда вездѣ въ изобиліи. Цвѣтетъ поздно въ Августѣ.

Cynancum acutum.

Linifolius.

Tribulus terrestris.

Riccia crystallina.

Lorantus Europeus.

Clematis orientalis, отчасти растилающій, отчасти вьющійся

по деревамъ, покрывая ихъ пушистыми сѣменными цвѣтами.

Ceratophillum.

Серпуха горькая, Serratula amara, полезенъ въ лихорадкѣ ея отваръ, а истертая въ порошекъ — въ ранахъ отъ укушенья бѣшеного звѣря.

Грудника, Степной подсолнечникъ, Sida abutilon.

Копишникъ, колкая трава, у Калмыковъ чагеракъ, Hedysarum Alhagi, кустами растущая трава, которую и ночью обходятъ далеко лошади, чтобы не поколоть ногъ, а верблюды любятъ, уже цвѣла и стояла со зрѣлыми стрючками.

Множество колпицъ, согнанныя съ рѣкъ, поднявшись высоко, летаютъ въ строяхъ длинными и поперечными рядами и не смѣшиваются въ рядахъ даже во время выстрѣла. Бѣлизна ихъ въ полетѣ почти ослѣпляетъ глаза.

Picris hieracioides.

Polygonum divaricatum.

Сыворочная трава, galium saxatile, каменная.

Atrafaxis.

Камфорная трава, Camphorosma monspeliaca.

Anabasis foliosa.

Euphorbia segetalis, коросльпъ. Наклевавшись семенъ сей травы, куры слѣпнутъ и болѣютъ.

Заманиха, Nitraria, распространяетъ отрасли по землѣ. Горныя сладкія ягоды.

Ядовитые тарантулы, безкрылые кузнечики, земляные зайцы, которые при закатѣ солнца не скачутъ, но летаютъ по степи, прыжокъ больше полутора сажени. Легкіе козацкіе лошади не могутъ нагнать его скачущаго. Несмотря на свою песчанность, степь покрыта травами по причинѣ наводненій и солоноватой земли. Иловатая степная земля не трескается отъ жаровъ, подобно черноземy, и кажется назначенна природой для жаркого климата. По лощинамъ кусты Гребенщика и вербейника.

Верблюжья трава, Kali.
Astragalus contortuplicatus, свиловатый мышій горохъ.
Вербейникъ, Salicornia herbacia.
Spinacia vera.
Dulcamara.
Степная малина, Ephedra monastachia.
Cheirantus montanus.
Hesperis tatarica. Листья кущемъ у корня дубовидные, стебелекъ длинной, почти нагой, съ колоскомъ на верху желтыхъ цвѣтовъ, сѣмена въ стрючьяхъ. Ночная фіалка.
Salicornia strobilacea.
Salsola arbuscula.
Statice suffruticosa.
Арбузные сады разведены татарами и калмыками, служащими въ козакахъ.

Бѣлая сова у Калмыковъ святая и вѣщая птица, въ красномъ же гусѣ, думаютъ, живетъ злой духъ и если его встрѣтятъ, отворачиваются. Красную утку тоже называютъ святою и попомъ всѣхъ птицъ. Журавля, какъ самую чистую птицу, не убиваютъ никогда.

Легушка хохотунья, огромной величины, водится во множествѣ при Каспійскомъ морѣ, Волгѣ и Яикѣ. На сушь никогда не выходитъ. Въ вечернее время издали голосъ ея походитъ на вечерній хохотъ.

Въ тиноватомъ днѣ Яика множество *раковъ* величины необыкновенной. Бывъ сварены не красны, но сѣрожелты. *Птицъ* повсюду несказанное множество по причинѣ тросниковъ, удобныхъ для гнѣздъ. На рѣкѣ Яикѣ и на морскихъ берегахъ слѣдующіе птицы: Бабы, морскіе всякіе вороны, баклапы, колпицы, темно-красные и бѣлые коршуны, кваквы, цапли, кривоносые большіе чорные кулики, кулики пѣсочные, кулики высоконогіе, хохотуны, морскія ласточки чегравыя и всякихъ родовъ. Изъ хищныхъ карагуши, желтые и черные луни и копчики. Водится также во множествѣ камышевые дрозды, снѣ-

гири, совы и всякія ночныя птицы, ночныя ластучки, летучіе мыши. Несказанное множество всякихъ ночныхъ насѣкомыхъ въ болотахъ, рождающихъ ихъ, привлекаютъ отовсюду. Въ камышахъ водятся дикіе кабаны. Козаки выходятъ на нихъ зимой съ саблями, ружьями и копьями. Охота не безъ опасности. Не мало ловятъ и выдръ. Зимою приходятъ изъ моря тюлени; бьетъ ихъ на льдахъ много. Каспійскіе тюлени осенью бываютъ такъ толсты, что походятъ на мѣшки, наполненные саломъ. Наступалъ сентябрь.

Salicornia herbacea, по причинѣ соленой земли, была краснова-
таго цвѣта.

Marsilea natans.

Pulularia.

Ruppia.

Najas.

Atriplex pedunculata.

Polycnemum oppositifolium.

Кустарный качимъ, Salsola frutescens, стволики его столь ломки,
что превеликой кустъ можно легко сломить ногой и бросить
на воздухъ.

Sonchus maritimus, съ синимъ цвѣтомъ.

Aster tripolium.

Всякая трава наполненна водяными блохами.

Cuscuta, павилица.

Aster acris, съ бѣлыми и синими цвѣтами.

Ночью по дорогѣ въ колесныхъ слѣдахъ попадались ѣжи. Большіе и малые тетерева сидѣли на стеня стадами, собираясь летѣть въ теплыя страны. Становилось холодно. Травъ, кромѣ полыни и ковыли, не было, мѣстами даже одинъ сѣрый мохъ.

Ежовникъ, кислая трава, Anabasis cretacea, видомъ походитъ на
ежа, свернувшагося въ комокъ; вкусомъ кисло-солена, со-
держитъ въ себѣ извѣстковую землю.

Копишникъ, Hedisarum cornutum.

Чеберъ, Thymus.

Травы начинали вянуть; колѣнца ихъ отпавши лежали на землѣ, какъ пшеничныя зерна. Осенніе непогоды наступали. Жаворонки, голуби и другія перелетныя птицы стремились къ полуденнымъ странамъ, предвѣщая рано грозившую наступить зиму. Изъ малыхъ птицъ еще попадались песчанки и плиги, смѣло бѣгающія по дорогамъ, столь же вкусныя какъ и зуйки. Въ концѣ сентября начиналъ перепадать снѣгъ.

Зимнее пребываніе въ Уфѣ. Городъ выстроенъ на правомъ берегу рѣки Бѣлой, на отлогомъ косогорѣ. Разбросанъ, раздѣленъ оврагами, буераки и глубокими рытвинамъ съ ручьями бѣгущими изъ горъ. Изъ нихъ главный *Сутолока* пересѣкаетъ впоперегъ городъ и впадаетъ въ рѣку Бѣлую. Все это вмѣстѣ съ церквами (ихъ шесть, Соборъ ниже ручья Сутолоки) и главнѣйшими зданіями, стоящими на высшемъ въ городѣ угоркѣ, даютъ городу видъ пріятнѣйшій и прекраснѣйшій, чемъ онъ есть. Пребываніе въ городѣ пустынно. Нравы жителей испорчены. Жители тѣмъ и кормятся, что, накупая въ Казани простые товары, перепродываютъ ихъ потомъ дорогою цѣною Башкирцамъ, пріѣзжающимъ по тяжебнымъ дѣламъ. Рѣка Бѣлая соединяется ниже Уфы съ немалой рѣкой Діомой, тоже судоходныхъ, и потомъ со многими другими уральскими рѣками, и таковымъ совокупленьемъ водъ можетъ доставить городу большія выгоды. При первомъ вскрытіи водъ пристаютъ къ Уфѣ суда, которыя, бывъ выстроены для свозу по рѣкамъ Бѣлой, Уфѣ, Симѣ, Юрюзенѣ и Аѣ (грузъ желѣзо съ заводовъ), отваливаютъ во время высокой воды. Отъ Уфы направляютъ бѣгъ въ Каму. Около города и на противулежащемъ берегу рѣки Бѣлой (низкомъ) мѣлкій чорный лѣсъ. Его выжигаютъ для пашней. Берегъ далѣе нависаетъ крутоярами надъ поемными мѣстами. Есть утесъ съ крутыми уступами. Онъ неудобовосходимъ. Вершина его плоска. Съ нее прекрасный видъ. На ней было укрѣпленье, что доказываетъ искуственная восходимость съ одной стороны. На ней кромѣ

Сибирского гороху, Robinia Frutex, не растетъ теперь никакого дерева.

Снѣгъ выпалъ въ Сентябрѣ. Въ Октябрѣ уже послѣдовала настоящая зима. Ужасные вѣтры и непогода съ ноября и во весь декабрь. Генварь былъ умѣренъ, въ февралѣ тихо. Мартъ окончился. Мартъ кончилъ зиму морозами и снѣгами, бывшими причиною великой водополи. Весна началась поздно, мѣсяцемъ позже прошлогодія. Ловили зайцовъ на островахъ, образовавшихся наводненіемъ. Ѣзда на лодкахъ. Прилетъ птицъ большими стадами начался съ исхода Марта и до начала Мая. Гуси, казарки, Бакланы и Пигмеусъ, Pygmeus. Чайки же еще съ февраля начали показываться на льду кучами. Лебеди, Бабы налетали тоже стадами.

Яблони въ садахъ возлѣ Уфы распустились 26 Апреля, зацвѣли въ первую недѣлю Мая. Ранѣе ихъ распустилась дикая черемуха и ребина. Гораздо позже и медленно распустились кленъ, орѣшникъ, калина, глокъ, племъ, липа и дубъ, составляющіе смѣшенный лѣсъ около Уфы, изъ коихъ дубъ и орѣшникъ не переходитъ уральскихъ горъ.

Прежде всѣхъ, въ концѣ Апрѣля процвѣтающихъ травъ, явились:

Птичій лукъ, Ornitogalum minutum.
Пастушьи сумки, Draba verna.
Сухая и узколистая порода горнаго Алиса.
Вѣтреница, Anemone nemorosa.
Земленой ладонъ, Медуница, Erdrauf.
Буквица бѣлая, Slüffelblumen.
Бѣлокопытникъ.
Мужская лапа по крутымъ известковымъ берегамъ.
Сибирская какалія.

Перваго мая громъ. 3-го вода стала сбывать. 8 и 9 при холод. NW выпалъ снѣгъ. До 16 перепадалъ градъ и снѣгъ.

Переѣздъ черезъ Уральскія.

Въ шести верстахъ отъ города пошелъ лѣсъ все чаще и чаще. Въ немъ начинали цвѣсти Вороній глазъ, Asarum, и Фіалки, Viola mirabilis.

Petasites, Tussilag frigida съ желтые цвѣты.

Trolius europeus. Отмѣнность его съ большими оранжевыми благовонными цвѣтами.

Вишенный кустарникъ во множествѣ.

Въ лѣсахъ пчельники въ изобиліи, ими занимаются татары и Башкирцы. Чуваши, татары и черемисы вмѣстѣ все извѣстны подъ именемъ тептерей.

Звѣри: куницы, норки, бѣлки; соболи рѣдки; волковъ и лисицъ по причинѣ гущины лѣсовъ совсѣмъ нѣтъ.

Звѣздочные цвѣты (Compositiflorae) и медовые, ringentes, вотъ все изъ чего здѣсь вмѣстѣ съ липой берутъ пчелы.

Прикрытъ или Царь или Волчья, а по башкирски медвежья трава, во множествѣ въ лѣсахъ среди Уральск. горъ.

Acon licoctonum.

Сибирская скерда, Crepis Sibirica. Молочноватый стебель Башкирцы охотно ѣдятъ весной.

Благовонная марёна, asperula odorata.

Лѣсной шалфей, Stachys silvatica.

Orobus vernus.

Чесночная трава, Alliaria.

Золотысячникъ, chrysosplenium.

Большой козелецъ, Болдырьянъ; его корень Башкирцы употр. въ лихорадкѣ и назыв. Туттонакъ.

Кокорышъ, Fumaria. Его корень ѣдятъ Башкирцы отъ жажды.

Едва послѣ почнаго холода пригрѣло солнце, какъ появилось вдругъ множество насѣкомыхъ. На болотныхъ тинахъ уже ворошились водяныя мошки. Онѣ летали мало и бѣгали какъ пауки. Множество выродковъ и лѣсныхъ коровокъ присутствовало тутъ для пожиранья сихъ маленькихъ тварей.

Желтоцвѣтущій бѣлокопытникъ.
Желтый горошекъ, Orobus luteus; его цвѣты пока молоды бѣлы, потомъ желты, а потомъ оранжевы.
Лѣсные тюлпаны.
Кислецъ. Башкирская капуста. Молодой стебель ѣдятъ Башкирцы жадно еще до цвѣта, по причинѣ пріятной кислоты.
Блѣднофіолетовый отродокъ лѣсныхъ тюлпановъ.

Гряды камней стоятъ по горамъ въ отвѣсъ прямо востока и запада, имѣя видъ развалинъ башней и крѣпостей. Известковый камень желтоватъ и пепеловиденъ, твердъ. Пещера.

Зубчатый каменоломъ.
Веспянка (Primula cortusoides) украшала красными цвѣтами верхи мшистыхъ камней.
Цвѣтущій кислецъ, Oxalis.
Горный княжикъ, Atragene alpina.
Сивая рѣжуха, Draba incana.
Каменистая пеплица, Cineraria Alpestris.
Centaurea Sibirica.
Аоаманта.
Сибирскій золототысячникъ, Thalictrum Sibiricum.

Мшистые растѣпья по Уральскимъ горамъ:

Каменной стоножецъ, Asplenium tricomanes.
Каменная рута, Ruta muraria.
Ключевой папоротникъ, Polipodium fontanum.
Ретикъ, Rhaeticum.
Журавлино перо, Dryopteris.

Слѣдованье по направл. рѣки Юрьюзеня горою Джигертау. Она покрыта березами и соснами. Во множествѣ дикой хмѣль, которымъ Башкирцы про... продажу. Взъѣхавъ на верхъ холма, открылись глазамъ на югѣ высокія горы Уральскаго хребта. Высочайшая изъ нихъ Джигальги. Видно еще весьма отдаленное верховье злой горы, по Башкирски Ямантау. Въ лѣсахъ множество чорныхъ дятловъ.

Кустоватый трилиственникъ.

Распушистая вѣтреница, Anemone patens, въ лѣсахъ цвѣла лиловымъ, бѣлымъ и желтымъ цвѣтомъ, на открытыхъ же мѣстахъ блѣдно-фіолетовымъ цвѣтомъ.

Дорога черезъ вырубленыя въ лѣсу просѣки. Катавъ Ивановской чугунный заводъ. На лѣв. берегу Катавы. Плотина, лѣсопильная мѣльница. Камень въ горахъ извѣстковый крѣпкій и крупной сѣрой слонецъ. На горахъ мшистыхъ камняхъ цвѣли:

Венедиктова трава. Saxifraga geum.

Двуцвѣтный приворотъ, Stellaria biflora.

Райская рѣжуха. Cardamine triphylla.

Пятилистникъ, Lupinaster.

Камень слонецъ становился (сдѣсь) мягче, сѣрозеленоватаго цвѣта.

Aster alpinus.

Centaurea Sibirica.

Onosma simplex, бѣлые колокольчики.

Ирга деревцо, Mespilus cotoneaster.

Опять слапецъ стоячими слоями. Каменья густо обростали пластовымъ многолиственнымъ мхомъ, Lichen pustulatus. Цвѣли:

Arenaria saxatilis.

Fipsophila muralis, стѣнное перекати поле.

Androsace septentrionalis, сѣверный щитокъ.

Сивая рѣжуха, Draba cana.

Обыкновенная вшивая трава, pedicularis tuberosa.

Lathyrus pisiformis.

Дорога въ горахъ. Рѣка Симъ ударяетъ съ ужаснымъ шумомъ въ утесъ, ввергается въ бездну и съ полверсты течетъ подъ землей. Пещеры.

Alissum montanum, Икотная трава.

Маленькой горошекъ съ желтыми цвѣтами.

Башкирская капуста, Poligonum.

Топкостебловатый мохъ, Lichen gracilis, покрывающій сдѣсь

камни, ростетъ выше фута. Съ нимъ вмѣстѣ растетъ тоже большой кустоватой мохъ, lichen pixidatus.
Aster Alpinus, горный звѣздецъ.
Каменожолтый ястребинецъ.
Богородская трава, Seppilium.

При Юрьюзенѣ между горъ тучные поля. Черноземъ. Живутъ Мещеряки, исправляющіе временами козацкую службу. Сѣютъ пѣньку, полбу и рожь, которые родятъ самдесятъ и даже самъ пятнадцать. Перелѣски зажигаютъ. Лисицъ, куницъ много. Тетервѣй также.
Благовонная ночная фіалка, Hesperis sibirica.

Есть огонь питающая гора. Изъ открытыхъ разсѣлинъ подымается беспрестанно топкій, противу солнца дрожащій, жаркій паръ, къ которому нельзя прикоснуться рукой. Въ темныя ночи онъ кажется пламенемъ или огненнымъ паромъ на нѣсколько аршинъ вышиною. На другой сторонѣ Юрьюзеня видѣнъ развалъ каменной горы, сквозь который изъ подземнаго истока бѣжитъ ручей Кургузакъ. Протекши сажень 60, извергается онъ крутой стремниной въ Юргузень. Но и на семъ краткомъ разстояніи есть четыре мельницы, принадлежащія Башкирцамъ. О мельницахъ и объ окол. много чудесныхъ расказовъ и вымысловъ.
Anemone narcissiflora.

Заводы все желѣзные. Камень въ горахъ твердый, бѣлокрасноватый песчанникъ. Дорога черезъ кряжъ, горный поясъ, назыв. Башкирцами собствено Уралъ-тау. Высокія горы, покрытыя лѣсомъ, такъ мокры, не смотря на свое каменное состоянье, что при дождѣ образовываются вдругъ топи на самомъ верху горы. Причина ходъ облачныхъ тумановъ и воздымающихся паровъ, которые къ возвышеннымъ лѣсистымъ горамъ имѣютъ теченье. Оттолѣ и рожденье множества озеръ при подошвахъ. Горы состоятъ изъ сѣраго, краснаватаго и бѣлаго фельдшпата, или же изъ кварцоватого дикого камня.

30 Мая переѣзжалъ главный хребетъ уральскихъ горъ. Въ право имѣлась высокая гора Юруктау. Дорога болотистыми го-

лыми погорками, перемѣжающимися сосновымъ и березовымъ лѣсами. Потомъ дурной каменистой путь между высокихъ горъ, дремучими лѣсами. Нечувствительный восходъ на вершина Уралтая. Кречеты и ловчіе соколы. При спусканьи съ горы цвѣла повсюду Draba Alpinus, Алпійская рѣжа.

По всей южной сторонѣ Исетской провинціи простираются тучныя и плодоносныя степи, необыкновенно богаты здоровыми, сытными кормовыми травами. Тутъ то самые лучшіе Башкирскіе лошади. (Есть) У рѣдкаго владѣльца табунъ меньше 500 лошадей, а есть и такіе, у которыхъ отъ 2 до 4 тысячъ. Лошади были бы еще сильнѣе, если бы не отнималъ у жеребятъ молока для кумыса. Держутъ Башкирцы и верблюдовъ, но въ маломъ числѣ. Береза больше подвержена громов. ударамъ, чемъ сосна.

Терновый скрыпунъ, земляная матка, Cotiledon spinosum, растетъ по солнеч. мѣстамъ горъ.

Мѣщанской разходникъ, Sedym (sic) hybridum, растетъ на такихъ же мѣстахъ.

Горы изъ порфирного камня. Ломка знаменитой мяхкой яшмы, рудокрасноватой и блѣдноземной. Толстые слои ея стоятъ прямо, надъ ней красная глина. Громъ, дожди, разлитье ручьевъ. Пошла дорога по уральской гривѣ березовыми, смоловымъ, липовымъ лѣсами. Отъ бывшихъ ливней почти все плавало въ грязи и въ водѣ. Подошва горы Юртишътау:

Жолтый горошекъ, Orobus luteus.

Кокушкины, Cypripedium, трехъ сортовъ: большіе багряноцвѣтные, жолтые душистые и двуцвѣтные.

Боярская спить, Bupleurum longifolium.

Круглоголовая вшивица, pedicularis bulbosa.

Чемъ больше подымались на гору, тѣмъ гуще окружалъ насъ тумапъ, казавшійся издали густыми дождевыми облаками, по всѣмъ окрестнымъ горамъ воздымающимися, и который насъ сильнѣе дождя обмочилъ. Вершина Иртышъ тау, покрытая въ верху желѣзистою красною глиною, состоитъ изъ бураго, весьма крѣпкаго, сланца.

Открытая степь съ каменистыми пригорками. Разсѣянныя березы. Здѣсь исчезнули горныя и лѣсныя травы:

Стародубка, adonis appenina, употреб. въ народѣ для уничтоженія въ брюхѣ человѣч. плода.

Anemone narcifflora.

Стрѣлолистная гнилопашка, Прикрыть, Cacalia hastata.

Orobus luteus, горошекъ жолтый.

Lathyrus pisiformis, сплюснутый полевой горохъ.

Bupleurum longifolium, боярская спить.

Желтый перстовникъ, digitalis lutea.

Вмѣсто того начались:

Onosma simplex. Бараній Пуповникъ.

Лѣсной шалфей, Salvia nemorosa.

Iris Sibirica. Пушполиственный. Его плоды варятъ въ Сибири для залечиванья ранъ. Погрѣшившія дѣвицы передъ свадебн. ночью употребл. его для скрытья своего стыда.

Scorconera purpurea.

Разные колокольчатые цвѣты.

Журавленики.

Различные чернобыльники.

Фарфоровая земля, извѣстная подъ именемъ Исетской глины, очень бѣла. Глинопромывальная фабрика. Далѣе земля черноземъ; подъ нимъ камень стоячими слоями. Повсюду холмики изъ чернаго черепичника. Плодоносныя полева. Хлѣбъ, котораго прошлый годъ не собрали по причинѣ засухи, теперь поднялся и былъ повсюду лучше засѣяннаго.

Valeriana phu, Полезный Болдырьянъ, иначе земляной ладанъ, по причинѣ душистого корня, который здѣсь даютъ дѣтямъ отъ разн. припадковъ.

Водяной шерстокожникъ, Subularia aquatica, цвѣлъ по болотнымъ мѣстамъ во множествѣ.

Множество дрохвъ паслось по полямъ и нивамъ. Красныя утки, по здѣшнему Варнавы, гнѣздились въ порахъ.

Челябинскъ. Главная крѣпость Исетской провинціи. Начало

Іюня. Степь со множествомъ тучныхъ травъ и множествомъ желтыхъ комаровъ, бесконвшихъ и людей и лошадей; воздухъ ими кишитъ у ручьевъ и озеръ, особенно въ жаркой день, при громовыхъ тучахъ на небѣ. Въ тростникахъ между множествомъ разныхъ утокъ есть чорные какъ уголь большіе турпаны и савки, маленькія сѣрыя утки съ голубыми носиками, искусныя въ ныряньи, прячутъ задъ весь въ воду.

Болотный пѣсочникъ, Cineraria palustris.

Песковатое урочище, прерываемое рощицами, вездѣ цвѣли:

Синій звѣробой, Dracocephalum Ruyschiana.

Запья трава, Phlomis tuberosa.

Salvia nemorosa.

Пуповникъ, Onosma simplex.

Порѣзна, Centaurea sibirica.

Achillea odorata.

Каменный логъ. Берегъ камепистый на нѣсколько верстъ. Камень въ немъ роговой черепичникъ. Въ немъ подальше, локтя въ два толщиной, стоячая жила, содержащая покрѣпкій камень бураго цвѣта, испещренный колчеданными блестками. Иногда являются въ роговой стланцовой породѣ маленькія кварцовыя прожилки, показывающія въ себѣ бурую золотистую обмстку или охру. Растѣнья по камнямъ. Прекрасный родъ журавлинаго гороху, Hedisarum saxatile. Стебелекъ безъ листьевъ. Цвѣты колоскомъ.

Silene Miscipula, клейкая мухоморка, у сосnов. лѣсовъ. Слюда съ проростью красныхъ гранатовъ. Посреди бѣлыхъ камней лежали кучами кварцовые каменья, прозрачные какъ самой лучшій хрусталь. Оврашки и суслики, въ поляхъ тучный черноземъ.

Bunias съ корнемъ подобн. редькѣ. Ѣдятъ и корень и стебли. Мѣста гористѣй, камепистѣй, лѣспстѣй и влажнѣй. Березникъ, соснягъ, ельникъ, лиственничникъ, ясень. Цвѣли:

Bartsia, Сибирской цвѣтопологъ.

Нагорный трилистникъ, trifolium alpestre.

Пятилистникъ, lupinaster, оба съ бѣл. и крас. цвѣтами.
Кукушкины слезы пестрыя, Orchis fuscata.
Orchis bifolia.
» latifolia.
Бѣлой колосникъ, Satirum albidum.
Марьины башмачки большіе красные.
» » маленькіе бѣлопестрые.
Ligusticum peloponesiacum.
Heracleum двухъ родовъ.

Шумъ отъ молотовъ въ заводахъ. Чугуноплавныя домны, молотовыя. Каменистыя возвышенія изъ твердаго известняку, изъ опоки вприямъ стоящими слоями, покрыты лѣсами. Растутъ:
Veronica incana, безъ сѣраго шерстистого моху.
Багульникъ, ledum, по турфу.
Andromeda caliculata, злощастная трава чашечная.
» polyfolia, востролистная.
Пурпуровый царской скипетръ, Verbascum phoeniceum, съ бѣлокрасноватыми цвѣтами, подобными степному звѣробою, Blattaria.
Молочная трава морская, Glaux maritima.

Крѣпости, запустѣвшія укрѣпленья, неизвѣстно кѣмъ созданныя. Рудники. Желѣзнякъ въ пестрой глинѣ неопорядочными прусами и великими гнѣздами. Сей смуглый крѣпкій железнякъ, состоящій изъ трестковъ и череповъ, иногда же перегорѣлымъ кажущійся, просѣдаетъ мягкими вохроватыми, но хорошими рудами. Медиплавильня съ двумя горнами.
Lilium martagon, Турецкая Сарана. Ея луковицы Башкирцы либо ѣдятъ сырыя, либо сушатъ на зиму. Она украшала цвѣтами плодоносныя поля, покрытыя березнякомъ, а также и пахатныя.

Дорога новой прорубью (просѣки въ лѣсахъ). Бѣловатый и темножелтый песчаный камень. Асбестовая гора и ломка асбесту. Бугры изъ черноземеноватыхъ глиммеровъ, проселистыхъ гранатоподобными зернышками, которые сидятъ между сѣрымъ

дикимъ камнемъ, расчепленнымъ на толстые черепки и испещреннымъ небольшими асбестовыми крошками и нитями. Перистый асбестъ лежитъ глыбами отъ 3 до 4 пудъ величиною. Цвѣтомъ бѣлъ изъ сѣра, тяжелъ.

Близъ Гумешевскаго рудника, среди богатыхъ рудою глинъ, просѣдаетъ отъ юга къ сѣверу каменной поясъ изъ прекраснаго бѣлаго какъ снѣгъ, полупрозрачнаго мрамора, способнаго къ полированію. Кровавикъ, сдѣсь составляющій большую часть желѣзной руды, видомъ или зеркальный, или вѣтками, или желваками, или щотками, въ промежкахъ наполненъ глиммеромъ, цвѣтомъ похожимъ на олово; чаще же просѣдаются промежки разсѣлины мѣдной зеленью. (О мѣди, мѣдныхъ рудникахъ, въ особомъ мѣстѣ).

Bupleurum longifolium.

Melampirum cristatum, отродокъ Ивана да Марьи съ красными цвѣтостебельцами.

Carduus heterophillus, Чертополохъ или Татаринъ особаго рода. Имъ красятъ въ жолтую краску, затѣмъ чтобы потомъ въ краску мареной, отъ того ярче цвѣтъ.

Onosma echioides, Бараній языкъ шереховато-лиственный.

Мраморная ломальня. Мраморъ лежитъ на ровномъ мѣстѣ огромными валунами. Деревня Горный щитъ. За 15 верстъ до. Горнощитскій мраморъ лучшій изъ Сибирскихъ, хоть и сѣрый цвѣтомъ. Онъ лежитъ большими толстыми кабанами безъ всякаго соотвѣтствія одного къ другому. Золотыя промывальни, каменная вододѣйствуемая точильня, водовымывальня. По лѣсу (изъ березъ и сосенъ) цвѣли:

Татарникъ разнолистный, Carduus heterofillus.

Масленный дикой шафранъ, Cnicus oleraceus.

Заячья кровля, Ruyschiana.

Блѣдный цвѣтопологъ, Bartsia.

Купальница, leucanthemum.

Турецкая сарана.

Аптекарская ромашка.

Горный любимецъ, ligusticum pelopenesicum.
Orchis latifolia.

30 Іюня. Нейвянской заводъ. Деревня выстроенна на двенадцать верстъ по обѣимъ сторонамъ пруда. Дворецъ Демидова. Церковь, колокольня 27 сажень вышиною съ колокольною музыкой. Лавки. Домовъ до 2000, жителей одного мужескаго пола болѣе 4000, большею частью раскольники. Для храненья чистоты улицъ каналы.

Одна изъ Доменныхъ имѣетъ двѣ раздувальныя снасти о четырехъ мѣхахъ и въ сутки до 700 пудъ чугуну выплавливаетъ. Кузницы дѣйствуемыя водою, молотовыя о двухъ трехъ и молотахъ и о двухъ и болѣе двойныхъ горнахъ. Плющильня. Плющильный молотъ съ горномъ. При плотильнѣ лѣсопильная мельница. Спуски почти не закрываются, вода съ ужаснымъ шумомъ и стремленьемъ льется. Пруды исполинскіе по 12 верстъ въ длину и больше 8 въ ширину. Всѣ желѣзныя выдѣлки совершаются тутъ же: котлы, горшки, сковороды, колокола, статуи, работы слѣсарныя и цѣликомъ экипажи, отправляемые въ Сибирь.
Калина.
Саргеа, шиколиственная лоза.
Горной копытникъ, Hedisarum alpinum, лучшая изъ кормовыхъ травъ.

Сибирскіе кедры даютъ орѣхи. Красиваго вида, долголѣтніе, но ростутъ необыкновенно тупо; дерево, будучи мягко, скорѣе гніетъ, чемъ сосна. Асбестовая гора вздымается въ лѣсу на подобіе длиннаго, со всѣхъ сторонъ круто увалистаго, узкого каменного хребта. Гора состоитъ изъ твердаго роговаго черепичника, котораго слои ломаютъ четвероугольными плитами. Между слоями сей твердый родъ камня проросъ изобильно горной кожей. Возлѣ сей то кожи отыскиваютъ обыкновенно полосу шелковаго асбеста, который въ ломкѣ желтозеленоватъ и блещетъ струясь нитьми.
Троицвѣтки, Polemonium, по сказанью сдѣшнихъ людей, служатъ отъ падучей болѣзни.

Запья трава, Phlomis tuberosa, отъ опухоли въ кишкахъ.
Прикрытъ, Царь трава, Aconitum lycoctonum, отъ шуму въ головѣ.
Коровій языкъ, Succisa, ростущій вышиной въ человѣка, отъ спячки и обмороковъ.
Cineraria sibirica, желтый звѣробой.
Crepis sibirica, скерда.
Pirola rotundifolia, грушевка.
Asperula cynanchica, есмянникъ.
Astragalus galegiformis.
Trientalis.
Лѣсной бальзаминъ, impatiens.

Ивнякъ, кедровникъ, пихтовникъ, соснягъ, ельникъ, тополь-никъ и прочій кустарникъ. Гора *Благодать* усѣяна вся соснами, доставляетъ богатую желѣзную руду на три завода; водятся соболи, росомахи, волки, медведи и (примѣчательный) красивый звѣрокъ Бурундукъ, съ пріятной шерстью, о ловлѣ котораго никто не заботится; Бѣлые кроты какъ снѣгъ и необыкновенно велики, черные змѣи съ бѣлыми брюхами.
Sonchus alpinus.
Moeringia и Linnaea, на мокрѣйшихъ болотахъ обѣ.

Богульцы перенимаютъ все у Русскихъ. Заботятся о чистотѣ зубовъ.
Lichen fulvus, жаркой каменной мохъ, ростетъ на камняхъ въ изобиліи; употребляютъ въ краску.

Деревушка. Крестьяне заняты были покосами. Бабы и дѣвки имѣли за собой возлѣ задницы по дымящейся жаровнѣ отъ комаровъ и мошекъ, горшекъ наполненный гнилымъ деревомъ. Куриво березовой паросли лучше всего прочего и не такъ вредно глазамъ. Безъ курева никуда не ходятъ; даже скоту кладутъ по загородамъ курево. Складка сѣна тоже примѣчательна. Такъ какъ оно, по причинѣ дождей, никогда не можетъ высохнуть, то не собираютъ его въ копны, но въ стожерди.

Извѣстковый камень слоями лежитъ прямо отъ востока къ

западу. Рѣка Тура съ ужаснымъ шумомъ бѣжитъ по симъ камепистымъ мѣстамъ, называемымъ переборами. По надъ Лялою, какъ и надъ сѣверными рѣками, растутъ:

Великолиственъ. Тавальникъ, Spiraea, отродье Spiraeae chamaedrifolie.

Кустарники изъ вишняку, терну, малины, смородины, крыжовнику и горнаго осняжнику.

По болотисто-лѣсистымъ ѣловымъ мѣстамъ:

Моховы ягоды, клюква, Oxicoccus.

Linnaea.

Stellaria ceratoides.

Мерингія.

Дикій перецъ.

Разные тальники, бузина, бѣлой курослѣпникъ, Можжевельникъ и жимолостникъ.

Отселѣ все мѣдные рудники. Руды слѣдующихъ видовъ:

1) Превосходныя самородныя мѣдныя жилы, отчасти въ красномъ стеклорудѣ, отчасти въ кварцѣ различными видами изобразившіяся.

2) Богатая красномѣдистая извнѣ зеленымъ плорудомъ, какъ бы шелухою, обернутая.

3) Сильная мѣдозелень отчасти твердыми глыбами и желваками, а отчасти струпстая и вѣтвистая, или на охрѣ и другихъ рудахъ накипѣвшая.

4) Блѣдная и высокаго зеленаго цвѣта руда, ломкостью и хрупкостью подобная изгарниѣ, по нѣжному виду можетъ назваться мѣдостекломъ.

5) Черная смоляная руда такого жъ стекляного вида, но крѣпче и тяжелѣ.

6) Смѣшенныя голубыя лазоревыя руды.

7) Смуглой, темный и свѣтлокрасноватый мѣдный сошникъ, также желтая охра либо съ мѣдноцвѣтомъ, либо безъ онаго.

Дождь все обмывши заставилъ блистать обрывы и уло... всѣми цвѣтами.

Березнякъ на мѣсто выгорѣвшаго смоляного лѣса. Сосны.
Cineraria Sibirica, Сибир. пѣсочникъ.
Sonchus » . Сибир. чистотѣлъ.
Піоны съ разрѣзн. листами.
Горный талень, Phaca alpina.
Марьинъ корень, лѣкарственная.

12 Іюл. Съ высокихъ мѣстъ показались снѣжныя верховья сѣвернаго уральскаго пояса. Лиственичное дерево полезно на мосты, ибо въ водѣ не гніетъ.
Горный Ампрыкъ, Arbutus Alpina, вкусныя сладкія ягоды.
Княженица, Rubus arcticus.
Морошка, Chamaemorus.
Каменица, Saxatili.
Жимолость голубая, Ionicera coerulea.
Дикія розы.
Волонистый чижовникъ, Cytisus pilosus.
Калина и ясень.

Магнитная гора. Сѣрый дикой горникъ въ видѣ торчащихъ камней.
Бердышная милоснь, Cacalia hassata.
Вшивая трава выворотная, Pedicularis resupinata.
Pedicularis tuberosa. Она же шишковатая.

Августъ. 1. Сибирская бѣлая буквица, Teucrium sibiricum.

Время все по прежнемъ дождливое, какъ и все лѣто. Рѣчка Таволга, названная отъ кустарника, изобильно по ней растущаго. Anthemis tinctoria, во множествѣ по пивамъ и сѣнокосамъ.

Въ песчаникѣ разсѣлины и при опыхъ кварцовыя прорости съ просядающими хрусталя. Трепелъ иногда въ водѣ слоями, изсверленъ на подобіе каменной опоки, цвѣтомъ дымчатъ и желтъ съ палевыми прожилками, какъ бы окаменѣлое сосновое дерево. Пшеница въ мѣстахъ надъ рѣк. Пышмою и Исетью родитъ самъ 15 и даже 20.
Венечная серпуха, Sarratula coronaria.
Cnicus spinosissimus.

Artemisia dracunculus.
» Tanacetifolia.
Простой подорожникъ съ красн. цвѣ.
Melampyrum cristatum, Иванъ да Марья.
Копытникъ горный, Hedisarum alpinum.
Козелецъ, Onobrychis.
Змѣевикъ, gentiana cruciata.
Pneumonantae.
Amarella.
Колокольчики различн. родовъ.
Желтокорень, Statice Tatarica.
Морская лебеда, chenopodium maritimum.
Eringium planum, синеголовникъ.
Татарникъ перестрѣльный, Echinops Ritro.
» зубчатый, odontites.
Лизунъ, Allium natans.
Tripolium, отмѣнный цвѣтъ.
Statice speciosa.
Achillea nobilis.
Ulva, водяный круглый зеленый Галертъ, называемый иначе сливянымъ мохомъ, Ulva pruniformis.
Atriplex portulacoides.
Sonchus maritimus.
Centaurea moscata, чертополохъ съ запах. бобр. струи.
Черноголова, Silaus.
Дикой кропъ, Peucedanum.
Ritro.
Благовонныя полыни различн. родовъ.

Переправившись черезъ рѣку Уй, подавались мы все далѣе въ степь. Картинно разсѣянныя березовыя рощицы. Благовонныхъ растоптаныхъ полыней и подорожниковъ, изобильно землю устилающихъ, наполнялъ воздухъ.

Scabiosa stellata.
Кавылъ, Stipa capilata.

Veronica incana, сѣрая буквица.
Серпочникъ, Falcaria.
Перечникъ широколист., lepidium latifolium.
Aconitum pyrenaicum, горный прикрытъ.
Scabiosa silvatica, лѣсная грудная трава.
Sanguisorba, савина стрѣла.
Тысящелистникъ съ алыми цвѣточками.
Bupleurum ranunculoides.

1 Сентябрь. Прилетъ птицъ съ сѣвера на здѣшнія степи, гдѣ есть и кормъ, и озера, и даже трава подси... кошечій хвостъ. Веспой они тоже дожидаются сдѣсь, поку певскроются сѣверныя рѣки. Сѣверный гусь, Ледовитая утка (Anas hiemalis), большіе пестрые гагары, бѣлые снѣжные гуси отлетаютъ. Остаются же на здѣшнихъ озерахъ Большіе дикіе гуси, хохотуны, утки, пестрые и бѣлые журавли, различныя цапли, кулики.

Растѣнія, изпещрявшіе яицкую степь веспою, собранныя студентомъ Соколовымъ.

Бѣлоцвѣтный попутникъ, Plantago albicans.
Каспійск. бѣлая лилея, Crinum caspicum.
Ornitogalum bulbiferum, Луково птичье гнѣздо.
Bulbocodium vernum, вешній нарцисъ.
Tulipa gesneriana.
Приморская сосенка, Asparagus maritimus.
Hyosciamus pusillus, крошечный сонникъ.
Onosma orientalis, румяница восточная.
Cachrys, новый размаринъ.
Сибирская мокрица. Cucubalus sibiricus.
Большая рѣжа, Androsace maxima.
Лютикъ серпоносный, Ranunculus falcatus.
Гвоздика пушистая, Dianthus carthusianorum, очень мала и неплодна.
Orobanche cernua major, Горохолдъ большой и согнувшійся.
Lamium multifidum, глухая крапива съ разр. листомъ.

Cheiranthus sinuatus, Левкой выемчатый.
» littoreus, » набережный.
» chius, хійской рукодвѣтъ.
Lepidium perfoliatum, Дикой крессъ.
» bonariense.
Biscutela didyma, двучашечные близнецы.
Astragalus vesicarius, Стручковая трава пузырпстая.
» caprinus, » » козья.
» depressus, » » наклоненная.
Змѣевникъ малородный, Scorzonera pusilla.
Устелнполе, Ceratocarpus.
Степная малина, Ephedra monostachya.
Serratula caspia, Каспійск. серпуха.
Salsola oppositiflora, Солянка съ противустоящ. цвѣтами.
» lanata, » шершавая.

Растѣнья, встрѣченныя лѣтомъ тѣмъ студентомъ.

Сухая высокая Донная трава, подобная Италіанской, ростетъ изобильно по пескамъ.
Anthirrhinum junceum, ситниковой жабрей.
Tragopogon villosum, шершавая козлова борода.
Coryspermum squarrosum.
Hypsophillum.
Иртышскій укропъ.
Торлокъ, названіе калмыцкое, Pterococcus aphyllus. Изъ шишковатого сего кустарника пія калмыки вырѣзываютъ маленькіе курительные трубки. Если разрѣзать корень, то изъ него истекаетъ свѣтлая камедь.
Чакапъ, его корнемъ питаются дикіе кабаны.

Камыши, дикій укропъ. Многочисленныя бабы, хохотупы, морскіе вороны, цапли, вьющіе безопасны въ нихъ гнѣзда. Дикіе свиньи. Малиновое озеро, краснаго цвѣта отъ солей. Соли и соляныя озера вокругъ Челябинска. Октябрь. Довольно сносная осень. Морозы. Наступила зима, впрочемъ, не жестокая.

Снѣгу было много, особенно наиболѣе выпало его отъ половины Генваря до половины Марта. Поѣздка въ Тобольскъ въ Декабрѣ съ возвратомъ къ (новому году) въ Челябинскъ, гдѣ было зимовье. Годъ 1770 кончился.

Замѣчанье о гречихѣ въ Исетской провинціи.

Около р. Исети, по мѣрѣ какъ приближаешся къ Тюмени, сѣютъ мужики множество гречихи и обыкновенной и сибирской, кой семена получаютъ изъ Красноярска чрезъ Тобольскъ. Земля сдѣсь черноземъ. Сѣютъ послѣ 9 маія, и то изрѣдка. Однакожъ за всѣмъ тѣмъ Нива угобжается симъ семенемъ лѣтъ на пять или на восемъ и приноситъ чрезъ сіе время по крайней мѣрѣ пятнадцатое или десятое зерно, не требуя сѣянья вновь сѣмянъ, и сіе бываетъ по причинѣ, что во время снятія пашни выпадаетъ зеренъ довольно. Оно подъ снѣгомъ лежитъ невредимо, а весною, вспахавъ ниву одинъ разъ, родитъ она новую жатву и продолжается, пока земля откажется отъ плодовитости. Молотятъ ее тутъ же на полѣ. Солому, не отвозя въ жилища, жгутъ на мѣстѣ. Сообразя и то, что Гречу косятъ, а не жнутъ, нѣтъ ничего выгоднѣе ее для сибирскаго народа лѣнивaго: по причинѣ такой безтрудности она очень дешева.

1771.

Челябинскъ. Исетская провинція плодороднѣйшая изъ всей Оренбур. губерніи. Травъ множество; удобна для разведенья садовъ. Огородные растѣнья велики необыкновенно, особливо бѣлая рѣпа. Конные заводы, овцы и рогатое скотводство выгодны въ сильной степени. Верблюды, удобно сдѣсь разводимые и питаемые, могли бы составить еще болѣе важный предм. торговли съ азіатскими народами. Рыбныхъ озеръ много. Притоновъ для дичи также. Климатъ очень здоровъ. Крестьяне жи-

вутъ по 100 лѣтъ. Лихорадки и цынга только тамъ, гдѣ гнилые озеры и болоты.

Въ исходѣ Марта вскрылись рѣки. Около 7 Апрѣля они стали уже вступать въ прежніе предѣлы. 10-го зацвѣла Сибирская вѣтреница, Anem. patens, draba verna, и птички, водящіяся только въ одной Сибири, родъ жаворонковъ.

Сибирская вѣтреница повсюду кустами. Цвѣтетъ не синимъ цвѣтомъ, но блѣдножелтымъ бѣловатымъ и красноватымъ. Распускаются при восходѣ солнца, наклонившись къ востоку, и оборачиваются такимъ образомъ по теченью солнца. Дошедъ до заката, становится впрямъ, свертываются и остаются во всю осень опять до возхода. Въ холодную, пасмурную и дождливую погоду они совсѣмъ не развертываются.

Adonis apenina, стала цвѣсти. Adonis verna, отцвѣла.

Salicornia herbacea. Potamogeton marinum.

Поле желтѣло отъ Сибирск. вѣтреницы.

Chenopodium maritimum.

Соль, на подобіе рыхлаго снѣга или сахарной пыли, нерѣдко дюйма на два толщиною, устилаетъ землю и, расходясь по стеблямъ соленыхъ растѣній, облѣпливаетъ ихъ болѣе чемъ на палецъ толщиною. На которомъ мѣстѣ соль высохнетъ, тамъ она лежитъ, какъ самая чистѣйшая мука, и уносится вѣтрами. Нигдѣ не находится кристалами, но въ семъ простомъ бѣломъ, на подобіе каши, видѣ выходитъ она на поверхность земли и, если не успѣетъ высохнуть, растаеваетъ.

Въ рѣкѣ Тоболѣ рыбы достигаютъ большаго роста. Плотва бываетъ въ $^1/_2$ и $^3/_4$ аршина. Язи также. Чебаки, пискари и ѣршп и вкусны и велики. Водяной дичи бездна въ окрестностяхъ топкихъ и на самой рѣкѣ. Большіе бѣлые журавли.

Линіи крѣпостей отъ киргизскихъ набѣговъ. Все соленыя мѣста и озера.

Pedicularis incarnata.

Cytisus pilosus, мшистой ракитникъ.

Spiraea crenata, бѣлоцвѣт. таволжникъ.

allium anquilatum, дикой чеснокъ.
» nutans.
» obliquum.
Pulmonaria.

Высокое поле. Курганы. Малорослый березники. Вдали низменность, искривленное озеро. Кочки, повсюду поросшіе, отъ множества муравьевъ. Они малы, цвѣтомъ свѣтложелты, гнѣздятся даже въ деревян. строеніяхъ и даже въ крст. избахъ. Безвредны и переводятъ клоповъ. Красивыя синички съ оранжевой грудью, чорной спиной, головой и хвостомъ.
Androsace septentrionalis.
Glechoma hederacea.
Iris pumila.

Множество кургановъ и могилъ. Гдѣ кучами могилы, тамъ обыкновенно бываетъ высокая, растѣньями изобильная, сухая степь, отколѣ курганы видимы далеко. Вблизи ихъ пріятныя березовые рощицы и видъ на югъ или востокъ къ пріятной обширной низменности, на которой находится озеро или большія извилины текущей воды.
Багряная вшивая трава, pedicularis incarnata.
Holcus adoratus, бѣлая вѣтреница.
Cineraria Alpina.

Май.

Бѣлые журавли лебединой бѣлизны. Далеко видятъ, по причинѣ высокости своей (5 футовъ). Осторожны, осмотрительны. Какъ бы далеко ни завидѣли человѣка, подымаютъ лебединой крикъ и улетаютъ. Но гнѣзда свои защищаютъ отважно и отчаянно, кидаются съ яростью на собакъ и дѣтей. Кожа, носъ и ноги красные. Иначе назыв. бѣлые стерхи.

Летяги. Лѣсной звѣрокъ вьетъ гнѣзда въ дуплахъ деревъ, перескакиваетъ по 20 саженъ. Во время прыжка разширяетъ кожа ногами, растопыреплыми врозь, и такъ носится по воздуху съ помощью широкаго хвоста, дѣлая произвольныя направленія. Летѣть горизонтально не можетъ, но съ верху внизъ. Когда ла-

зитъ по березамъ, трудно ее, по причинѣ цвѣта кожи, отличить отъ коры на деревѣ.

Зной былъ силенъ. Теплый вѣтеръ, дуя съ юга, подымалъ множество соли, засоряя ею глаза. Около ночи по всему камышенному острову раздавался ужасный крикъ разныхъ водяныхъ птицъ. Лебеди, утки, цапли, пырки, горлицы и другіе, одна за другой, до самой полуночи кричали, и наконецъ горлица заключила весь крикъ. Уже во второй разъ предозвѣщаютъ морозъ.

Таволожникъ, Spirea Crenata.
Бараній языкъ, Onosma simplex.
Пурпур. солнцева сестра, Scorzoxera purpurea.
Цвѣтная горчица, Erysimum cheirantoides.
Thesium linophyllum.
Astragalus onobrychides, козья стручк. трава.
Pedicularis comosa, волосистая вшивица.
Aster Alpinus.
Crataegus oxyacantha, боярыня.
Калинникъ.

По дорогѣ въ полномъ цвѣту и въ великомъ множествѣ попадался серебренникъ развилистый, Potentilla bifida, а изъ птицъ особого рода жаворонокъ съ желтой головкой, не летаетъ такъ высоко. Песчаная по сю сторону Иртыша степь значительно обогатилась цвѣтами (22 мая).

Кановка малютка, Alissum minimum, отцвѣла.
Alissum montanum, пкотная трава.
Hesperis sibirica, благовон. ночная фіалка.
Myosotis scorpioides.
Lapula.
Запья трава, Phlomis tuberosa.
Полынь понтійская.
» бурая морская. Ее любятъ Сайгаки, сдѣсь водящіеся во множествѣ.

Берега рѣки Иртыша (дорога по надъ берегомъ) высоки, песчаны, мѣстами солоноваты, покрыты цвѣтами дикой вайды.

Стрыжи здѣсь въ необыкновенномъ множествѣ. Гнѣзда ихъ находятся въ столь невѣроятномъ множествѣ вмѣстѣ, что если, стоя на берегу, ступишь ногою покрѣпче, то они вылетаютъ цѣлыми стадами и, такъ сказать, какъ комары, на воздухѣ играютъ. Форпосты и станицы.

Степная малина, Ephedra monostachia.

Gypsofila paniculata, коленчатое перекатиполе.

Cotyledon spinosa, скрыпунъ. Его листья кисл. ѣдятъ.

Iris spiria, пискульникъ.

Льмянка, Thesium.

Brassica campestris.

Campanula sibirica.

Arabis thaliana, Турец. кресса.

Далѣе повсюду одна песчаная степь, составляющая крутые берега Иртыша. Попадаются однако же на другой и на этой сторонѣ рѣки низменности, обросшіе осокорью, осиною, тополью, ясенью и разнымъ кустарникомъ.

Potentilla subacaulis.

Atraphaxis, кустарная греча.

Axyris cerastoides, Бѣлолозникъ татарской кустоватый.

Hedysarum grandiflorum.

Iris salsa, блѣдножелтый сабельникъ.

По берегу кустарники: терновникъ, топольникъ, березникъ и кизильникъ.

Перечникъ, Змѣевникъ особливо душистой.

Солотковой корень съ шероховатыми стручьями.

Дикая спаржа во множествѣ, отличная, толщиной въ большой палецъ, посреди сѣнокосовъ.

Отсюда открытая степь; по ней ни одного кустика. Вѣтромъ нанесенные песчаные холмы. Изрѣдка показываются:

Колосникъ.

Двоякая полынь.

Кустарный подорожникъ, Atrafaxis.

Песчаный стрючковый горохъ, Astragalus arenarius.

Onosma echioides, бараній языкъ шероховатолиственый, гдѣ песокъ потверже.
Сибирскій ластовичный корень, Asclepias sibirica, родъ дикихъ Фіалокъ.
Нагорный левкой, Cheiranthus montanus, почти тоже.
Scarzonera, Змѣевникъ съ жилистыми листами. Ее киргизы употреб. въ пищу.
Glaux villosus. Млечникъ.
Tragopogon villosum, Мохнатая козлиная борода.

Въ лѣсистой низменности на Иртышѣ и на островахъ водятся маленькіе птички Ремезы, желтогрудыя овсянки, красивый красный дурачокъ, loxia Erythrima. Отсюда опять соленые степи, покрытыя Iris salsa.
Соляная полынь.
Frankenia hirsuta.
Statice suffruticosa.
» reticulata.
Кустоватыя солянки обоихъ родахъ.
Портулакъ.
Соляной гулявникъ. Sisimbrium salsugineum.

1 Іюня.

Станицы по прежнему по растоянiи 30 верстъ. . . Иртышъ составляетъ различные острова. Вся страна сыра. Воздухъ весь наполненъ комарами. Опять соленыя озера и солончаки. Соляные растѣнья въ большомъ изобилiи. Высокія мѣста покрыты, степи покрыты тѣмъ же поростомъ, lichen, какъ и уральскіе. Соляные земли покрыты сверху мѣлкимъ пѣскомъ. Если ихъ взроешь, ничего не найдешь кромѣ чорной тины. Вишневое соленое озеро. Иртышъ излучистъ, и отъ того дорога отъ него часто отдаляется. Курганы. Высохшія горько соленыя озера и болоты.
Camphorosma monspeliaca.
Atriplex portulacoides, Ирь портулаколистная растилается по землѣ.

Солодковое дерево повсюду съ корнями въ дюймѣ поперечника.

Берегъ Иртыша близъ Черноярской станицы черноземенъ. Овода показались въ величайшемъ множество, муча и людей и лошадей. Когда же сіе насѣкомое съ закатомъ солнца скрывается, то наполняется воздухъ комарами на подобіе ниспадающаго тумана. Комары и оводы здѣсь ядовиты. Зловредный гноющій пузырь надувается отъ ужаленія. Причина, полагаютъ, та, что садятся на всякую гнющую падаль. Полоса Бугровъ, подъ имепемъ 9 бугровъ; на нихъ въ изобильи травы:

Лазоревый горохояръ, Orobanche coerulea.
Васильководобный татарникъ, Carduus cyanoides.
Serratula centauroides, Серпуха чертополошная.
Cucubalus otiles, куколь.
Cheiranthus montanus.
Asclepias sibirica.
Anemone pulsatilla.
Onobrychides physodes, Чилчашная трава.
Convolvulus fruticans.
Маленькіе дикіе розы.
Благовонный перешникъ.

Грунтъ песчаный и на буграхъ. Осока, придорожная малина и вилишняя солянка, сплетаясь корнями, не даютъ пѣску разсыпаться. По дорогѣ валяется безпрерывно мертвечина отъ палыхъ лошадей; воздухъ вонючъ и заразителенъ. По форпостамъ выстраиваютъ себѣ хорошіе дома комисары соленого вѣдомства, подрядчики, поставщики соли и управляющій форпостомъ подполковникъ. Опять соли и горько-соленыя озера. Тросники и слѣдующіе между многими другими травы:

Заманиха, nitraria.
Приморскій лапушникъ, Plantago maritima.
Chenopodium maritimum.
Salsola hyssopifolia.
» pilosa.
» oppositifolia.

Peucedanum silaus, черноголовый дикой укропъ.
Santolina Anthemoides.
Salicornia strobilea, вербейникъ кустоватый.
» foliata.
Atriplex halimata.

Корьяковское соленое озеро; бѣлый видъ. Озерная соль покрываетъ все дно озера черепомъ въ ладонь толщиной и состоитъ изъ хрусталиковъ кухонной соли. Находящійся на днѣ черепъ колютъ ломами и вывозятъ соль изъ озера лошадями на телегахъ. Черепъ весной отъ сырого времени распускается и отъ таянья снѣговъ. Опять издали краснѣющія кровавыя озера. Берега, обросшіе жидовникомъ, Poligonum ocreatum.

Растѣнья, удерживающіе песокъ.
Axiris ceratoides.
Centaurea sibirica.
Астрагалъ особаго рода, котораго коренья ползаютъ бесчисл. переплетенными нитями и составляютъ бугры во множествѣ.

Низменная, совершенно солепая, иловатая равнина. На ней соленые травы:
Robinia Halodendron, гороховое дерево.
Anabasis Aphylla.
Salsola pilosa.
» oppositifolia.
» clavifolia.
Lepidium latifolium.
Dodartia.
Peucedanum silaus.
Glicirrhiza Hirsuta.
Множество тюльпановъ дикихъ, уже отцвѣтшихъ.

Водятся земленые зайцы, ростомъ меньше чокушки. На Иртышѣ козаки ихъ называютъ Табаргапчиками. Встрѣтили множество малой саранчи, которая по всей степи кучами ползала; полосы въ 50 и 60 сажепъ совершенно до черна были ею по-

крыты. Она всю обложила степь, все сожрала и самый молочай, оставила только старые полынные стебли да жаркоострую вѣтреницу. Сдѣсь она, сказываютъ, размножается всякій годъ въ такомъ количествѣ.

Atriplex Halimus.

» Portulacoides.

» maritima.

Устелиполе, Ceratocarpus arenarius.

Salsola oppositifolia, здѣсь необыкновенно велика и нелюбима саранчою. Гдѣ оно, тамъ саранчи нѣтъ.

Фіалка, Cheiranthus sinuatus, во множествѣ на холмахъ, листья съ выемками, съ поспѣвшими стручьями, составляютъ совсѣмъ круглый кустъ, который, сламываясь вѣтромъ, мчится по полямъ.

Phlomis tuberosa, Калмыцкіе орѣхи.

Cochlearia draba.

Берега Иртыша становятся гористѣе. Великое множество каменныхъ скворцовъ розоваго цвѣта летаютъ стадами, гоняются за саранчей или садятся между пасущимися стадами. Водятся по каменнымъ ущельямъ и пещерамъ береговъ. Естествоиспытатели называютъ ихъ Turdus roseus, Merula rosea. Ради Саранчи водится ужасное множество Грачей, гуляющихъ по степямъ стадами. При всемъ томъ не могутъ истребить, въ половинѣ Іюня едва одинъ зеленый стебель остается во всемъ полѣ. Отъ Грачей получилъ имя Грачевскій Форпостъ. Теплая долина къ югу, окруженная съ сѣвера горами, съ благорастворе воздухомъ весны.

Salsola soda.

Chondrilla juncea, Волчій молочайникъ сытовниковидный.

Киргизская лютня о двухъ струнахъ изъ лошадиныхъ волосъ на звонкой доскѣ. Когда поведешь по нимъ смычкомъ изъ лошадиныхъ же волосъ, изходитъ звукъ, подобный лебединому крику, такъ какъ и инструментъ имѣетъ видъ лебедя.

Ѣдучи по каменистымъ горамъ (день 15 іюня былъ жарокъ) сухимъ, умножающимъ солнечные лучи, ничего другого не видалъ, кромѣ кустовъ дикихъ розъ, таволги и кустарныхъ колокольчиковъ. Долина; на ней:
Spinacia fera, дикой шпинатъ.
Atriplex laciniata.
Lepidium perfoliatum, перечникъ.
» Ceratocarpon.

Вохряной яръ. Большая гора, изобилующая разноцвѣтными глинами и преимущественно желтой землей. Краски неуступающія въ нѣжности Англійскимъ.

Крѣпость Семипалатная. Пещаные холмы, въ сосновой рощѣ ничего кромѣ пѣсчанаго тросника, иссополистнаго корисперма, хондриллы, дикого морковника и немногихъ вышеупомян. пѣщаныхъ растеній. При источникахъ же ключей ростутъ кусты разного жимолостника, по коимъ обвивается восточный клематисъ и во множествѣ дикой конопель.

Шулбинской Боръ. Берега Иртыша становятся весьма высоки и каменисты. Нижній каменистый слой (черноват. славецъ) покрытъ пѣскомъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ весьма крупнымъ. *Степная малина*, поросшая по немъ, убирала красиво весь берегъ своими розовыми ягодами. Нигдѣ се не было столько. По всему краю Шулбинскаго бора бьютъ изъ берега ключи и текутъ въ Иртышъ. При источникахъ ростетъ между кустарниками множество водяной мяты, дикаго конопля, хмѣля и восточной клематисы, оплетающейся по деревьямъ. Тополевые благовонные дерева по низменности и по островамъ. Оно красиво; его называютъ рай дерево. Жимолость ростетъ сдѣсь большими деревьями. Изъ кустарниковъ: Пищальникъ. Изъ травъ ростетъ дико простой Иссопъ, здѣсь называемый синимъ звѣробоемъ. Хребетъ вавилонскіе горы съ разрытыми могилами изъ набросаныхъ камней. Около нихъ кустами росъ железнякъ.
Слѣпощуръ травистый.

Echinos histro.
Малыя заячьи ушки.
Robinia caragana, гороховое дерево.
» frutescens.
Spirea chamadrifolia, дуболистная таволга.
Прочіе кустарники душистая осокорь, крушина, чорная, красная смородина, Гороховникъ, железнякъ, различные роды дикихъ розъ и земленика.
На болотахъ ростетъ въ изобилін роза Pimpinellifolia.
Благовонная бѣлая ясенница у подошвъ горъ.
Rosa Alpina.
Valeriana sibirica.
Veronica pinnata.
Лукъ лѣсной, Бутунъ, какъ его называютъ туземцы.

Острая могнатая сопка состоитъ изъ лежащихъ другъ на другѣ гранитныхъ кабановъ, но покрыта кустарниками вся козацкимъ мозжевельниковъ. Удивительно извилистые стебли сего растѣнія роспространяются по утесамъ и, такъ сказать, прилипаютъ къ камнямъ. Запахомъ, цвѣтомъ схоже съ Кедромъ Ливанскимъ, съ той разницей только, что извилисто, сучковато и немного больше руки толщиной. Крѣпко необыкновенно. Годно къ токарной работѣ. Ему имя.
Iuniperus Lycia.
Красноватый терновникъ, весьма сладокъ, сходствуетъ съ такъ называемымъ плотнякомъ, Uva crispa.
Silene suffriticosa, кустарный куколь.
Куколь твердостебельный.
Кутызлыкъ, Poligonum.
Дикій чеснокъ, Alium nutans.
Прямолиственный, » lineare.
Углолистный, » angulosum.
Cotiledon spinosa.
Sedum libridum, молодильный выродокъ.

Sibbaldia erecta.
Crepis tectorum.
Болотнянка, Ziziphora capitata.
Коперъ слѣпокурникъ, bupleurum ranunculoides.
Бабарская пещаница.
Обратная льнянка, Antirrhinum supinum.
Antirrhinum genistifolium, льнянка дуболистная.
Veronica pinnata.
» montana.
» canescens.
Dianthus inodorus.
Potentilla bifida.
Auricula leporis minima, заячьи ушки малые.
Льнянка широколистная, Clematis.
Одноцвѣтные колокольчики, Campanula lilifolia.
Lavatera Thuringica.
Вшивая трава, Pedicularis.
Коперъ, Peucedanum.
Осотъ, Hieracium sabaudum.
Золотовласникъ двуцвѣтный, Chrysocome biflora.
Crepis Сибирика, Сибирскій Осотъ.
Crepis dioscoridis.
Artemisia Alpina.
» tanacetifolia.
» annua.

Іюль 21. Змѣева гора. Камень стланецъ. Руды розсыпью и гнѣздами между роговымъ камнемъ, сѣрымъ сланцемъ, серебристы съ лазурью, разноцвѣтны, вмѣщаютъ серебрист. рудожелтый свинецъ, бѣлый свинц. шпатъ, небольшіе друзы прекрасной хрисгалической лазури, иногда золотые крупинки. Шахта пробита въ глубину на 19 сажень. Гористой лѣсъ съ густымъ подлѣскомъ, откуда Змѣигородская крѣпость запасается дровами. Красная смородина имѣетъ здѣсь ягоды величиной почти съ виноградъ. Растѣнія:

Cnicus olecaceus, рѣпишникъ ѣдомый.
» cernuus, наклонный.
Болотникъ съ копьевид. листами, Cacalia hastata.
Senecio saracenicus, Осотъ сарацинской.
Crepis sibirica, скерда.
Serratula coronaria.
» Alpina.
» Multiflora.
» arvensis.
Heracleum sphondylium.
» sibiricum.
Дудочникъ пелопонескій, ligusticum peloponesiacum.
Angelica silvestris.
Delphinium elatum.
Царь трава, aconitum licoctonum.
Прикрытъ, napellus.
Прострѣлъ (pyrenaicum).
Большой прикрытъ, Antora.
Желтяница, Thalctrum flavum.
Желтыя лилеи, lavatera Thuringica.
всякіе колокольчики.
Trollius asiaticus.

Черноватый колчеданъ въ большихъ друзахъ добывается въ шахтахъ, и въ немъ руда. На противулежащихъ горахъ, называемыхъ ревенными, ростетъ ревень. Rheum undulatum, рапонтикъ. Толстая колчеданная жила лежитъ на полночь; въ сѣромъ стланцѣ, изъ котораго состоитъ вся гора и который принимаетъ на воздухѣ прекрасный алый цвѣтъ, оказывается блѣдный колчеданъ, въ одномъ пудѣ котораго находится пять фунтовъ мѣди и ползолотника серебра. Много оставленныхъ рудниковъ. Страна становится прекрасно. Растѣнья этой отрасли Алтайского хребта богаты. Красу полей составляли цвѣты Проскурняка со смоквовидными листами, Althea ficifolia и Lavatera Thuringica. Около ночи былъ слышанъ крикъ земляныхъ зайцовъ, и покуда совер-

шепно не смерклось, раздавалось явственно хриплый продолжительный голось сѣрыхъ змѣй, обитавшихъ тамъ во множествѣ.

Семеновскій рудникъ со Зміевой горой наивыгоднѣйшій. Гора состоитъ изъ сланца, къ Роговому камню принадлежащему. Руды лежатъ въ ужасныхъ гнѣздахъ. Пещаная руда, почти флецообразная, совершенно наружѣ, подъ которою сѣрый сланецъ, а за тѣмъ слѣдуетъ охровая руда, которой сила и разширѣніе еще неизвѣстно. Возлѣ сего лежитъ колчеданъ также гнѣздомъ, который едва стрельбою достать можно, и лежащею жилою имѣетъ сланцовый вапъ. Онъ бураго и блѣднаго цвѣта, въ работѣ даетъ отъ половины до полутора золотника серебра и отъ 4 до 5 фунтовъ свинцу съ пуда.

Пѣщаная просѣдшая и кварцомъ проникнутая руда даетъ отъ 8 до 10 фунтовъ свинцу и въ немъ отъ 1 до 2-хъ золотн. серебра. Обыкновенная бурая *охровая* руда отъ 8 до 10 ф. свинца и до 3-хъ золот. серебра. Попадаются какъ въ пѣскѣ, такъ и въ охрѣ прекрасныя друзы лоску, кои до 20 фунтовъ свинцу и нѣсколько золот. серебра приносятъ, но они рѣдки. *Тамже* жила изъ смѣшаной мѣдной руды, свѣтлаго рудожелтаго свинца и охры. Между добываемыми оттуда рудами находятъ колчеданные черноватые друзы, внутри коихъ показывается часто чистая мѣдь. А на наружной зеленой скорлупѣ нѣжналетѣлые листочки чистого серебра. Рогослонцовые руды въ тѣхъ же рудникахъ наруж. часто бываютъ засыпаны прекрас. кубиками Маргазита. Изрѣдка попадается въ колчеданныхъ рудахъ и чистое серебро. Наибольшая часть чистаго серебра показывалась въ разсѣлинѣ, которая идетъ черезъ охровую руду. Она состоитъ изъ крѣпкаго желѣзистаго, весьма разсѣлистого охрового камня, цвѣтомъ то темнаго, то изсвѣтло темного, иногда же желтого и разсыпного. Всѣхъ богаче тотъ, который бураго цвѣта. Во всѣ разсѣлины сей отвердѣлой охры налетѣло и ихъ наполнило чистое серебро. Но сіе серебро, при прекрасномъ бѣломъ лоскѣ, раздѣлено на самые тонкіе частицы. Лежитъ въ разсѣлинахъ частію примѣшенное къ рыхлой охрѣ, частію такъ,

какъ самый тонкій иней, ниспадающій весною на траву, частію такъ, какъ самый рухлый и различные звѣздочные виды принимающій снѣгъ, и частію какъ высохшая легкая пѣна такъ налетастъ, что тонкія и почти пыли подобныя зернышки серебра при ковкѣ или просѣваніи штуфъ по большой части выпадаютъ такъ даже, что ихъ дыханіемъ отдунуть можно. Сія прекрасная руда даетъ на пробѣ штуфъ изъ одного центнера отъ 20 до 80 золотниковъ. Еще прежде показалось такое гнѣздо чистымъ серебромъ въ пещаной рудѣ налетѣлой охры съ первымъ квершлагомъ, продѣланнымъ отъ устья штольны, изъ котораго въ пробѣ до 40 золотниковъ выходило.

Пеонія съ расколов. листочками, Марьинъ корень у Сибиряковъ, то-есть, корень Пеоніи, успѣшно противъ лихорадки.

Золотой мохъ въ большомъ изобиліи на горахъ Алтайскихъ.

Путь по долинѣ между горъ, по теченью ручья Омелихи, опасный, заросъ деревями и камнями. Темные долины изобильны травами. Множество журавлиного гороху и разныхъ стрючковъ. Горы покрыты сосняго мъ и березнякомъ и заросли непроходимымъ шиповникомъ малинниковъ. *Осинова* гора, кромѣ высокаго тополынника, покрыта совсѣмъ малинникомъ съ дорогами, протоптанными медведями, охотниками до сего плода, которые иногда уносятъ собой приходящихъ туда для сбиранія ягодъ ребятъ и бабъ, не причиняя имъ ни малѣйшаго вреда.

Съ верьху Осиновой горы представляется грозный видъ снѣжныхъ Алтайскихъ, называемыхъ, по причинѣ вѣчной бѣлизны, бѣлками. Они востоятъ большею частью изъ бѣлосераго крѣпкаго горнаго извѣстковаго камня, кои слои кажутся довольно плоски. Видна оттолѣ другая гора фигуры конической, коея верхъ подобенъ великой каменной пирамидѣ, превышающей облака.

Сія гора также, какъ и высокіе ея сотоварищи казались еще страшнѣе отъ тучъ и дождевыхъ облаковъ, которыя, спускаясь въ долины, снова поднимались къ высочайшимъ верьхамъ. Долины, имѣвшіе по правую руку высокую гору, а по лѣвую раз-

сѣлистыя извѣстковыя горы, показали неожидаемую пріятную перемѣну въ царствѣ растител. Всѣ травы уже повсюду отцвѣли. Но здѣсь горы и луга зеленѣли и все было въ цвѣту:

Горная вика, листы которой зелены до зимы. Она отцвѣла.

Весенняя горчанка.

Непета.

Драконова голова.

Оробъ латировидный.

Составной Алп. горохъ.

Сибирск. Астрагалъ.

Крупноцвѣтный черенковый ревень съ волнистыми листами, ростущій часто на голыхъ буеракахъ.

Кустарный завязной корень, украшающій своими прямыми (ниже локтя) кустами долины.

Сибирская полигала.

Швертелъ.

Разные роды дикаго луку.

Сибирскіе колокольчики.

Ahamanta.

Meum.

Гранатка.

Алпійской репейникъ.

Многіе роды чернобыльнику.

Молодило.

Colyledon Spinosa, оба растѣнія любимы оленями.

Чортовы нитки.

Таволга дуболистная.

Кусты крыжовнику.

Ирга, Рисильникъ, Алтайская таволга. Прямой, толстой стебель съ кучей листовъ, подобно вѣткѣ лавра, а къ верху большой цвѣточной метелкой. Козаки стебель употребляютъ на шомполы.

На камняхъ между нѣжными растѣніями росли:

Parietaria, маленькая.

Душистая песья голова, Scrophularia, съ бѣлыми цвѣточками. Ростетъ даже возлѣ снѣга и въ снѣгу.

Великое множество ласточекъ вьютъ гнѣзда по скаламъ. Пещеры отверстіями къ юговостоку; въ иныхъ изъ нихъ на сухихъ стѣнахъ видны слѣды накипи и маленькихъ кудрявыхъ сталактитовъ. По скаламъ и долинамъ ростутъ:

Желтоцвѣтъ, Trollius asiaticus.

Клоповница, Cimicifuga.

Cineraria glauca.

Allium obliquum, самый острый и крѣпкій изъ чесноковъ.

Чагирскій или Мунгальскій чай. Saxifraga crassifolia. Имъ обросли всѣ камни противулежащаго хребта въ сѣверной сторонѣ. Его пьютъ какъ обыкнов. чай, но вкусъ болѣе важущъ и горекъ.

1 Августа.

Путешествіе по снѣжнымъ горамъ. По наклоннымъ сторонамъ горъ и равнины, какъ въ весну все было, все изукрашено молодыми травами и мхомъ.

Пиринейская жимолость.

Ломикамень пестроцвѣтн. Saxifraga geum punctata.

» сибирскій.

Swertia perennis.

Aquilegia Alpina.

Hedisarum Alpinum, въ бо́льшемъ видѣ и ростѣ.

Astragalus montanus.

Vicia Alpina.

Вшивая пасмурная трава.

Alium altaicum.

Маленькой бѣлоцвѣт. чеснокъ.

Cortusa mattiola.

Ranunculus aconitifolius. Слѣпокуръ съ листочками волчей травы.

Большая заячья капуста, Telephium, съ листочками, книзъ наклоненными.

Teucrium canadense.
Одуванчики съ сочными нѣжными листочками.
Кардамина съ жирными листочками.
Львова лапа, Alchemilla lobata.
Сибирской земленой ладанъ, Valeriana Sibirica.
Dianthus superbus.
Куколь твердостебельный, Silenae suffruticosa.
Лѣсныя заячьи лапки, Gnaphalium silvaticum.
Bistorta, завязной корень.

Пищуха, родъ оврашка, желтоватого цвѣта, уши имѣютъ большія круглыя, а вмѣсто хвоста небольшой курдюкъ. Живутъ въ горныхъ ущельяхъ, выходятъ только въ ясную погоду и то подъ вечеръ, садятся на высунувшихся изъ травы камняхъ и свистятъ. Съ юля мѣсяца заготовляютъ себѣ на зиму кормъ, срывая зубами траву, уносятъ кучи ее въ ущелья, отъ чего и называются сѣноставками. Вообще звѣрей на пограничномъ хребтѣ водится въ изобилiи. Кулонка, небольшой звѣрокъ съ красноватой шкуркой, Обжорливой горностай, который забирается даже въ избы и крадетъ масло у мужиковъ. Множество медведей, лосей, мараловъ и дикихъ козъ, попадаются лисицы, рыси, росомахи, а въ рѣкахъ, текущихъ съ горъ, выдры и бобры. Бѣлки въ множествѣ. Такь называемые Каменные бараны водятся только на высочайшихъ и неприступнѣйшихъ скалахъ и никогда не подходятъ къ населеннымъ странамъ. Вдоль текущаго въ Ину ручья Громотухи ѣдешь вверхъ тяжелою дорогою, въ сторонѣ разметаныхъ каменистыхъ горъ.

Дорога отъ Колывановоскресенскіе заводы на Зміевы горы почти неудобпроезжаема. Она по дикому хребту. Ростутъ:
Cortusa malhioli.
Papaver nudicaule.
Pedicularis tristis.
Peganum daurica.
Potentilla fruticosa.

Вся Змѣева гора подобна великому, горами покрытому, слапцовому ярусу, который состоитъ изъ множества богатыхъ рудъ, содержащихъ въ себѣ золото, серебро, мѣдь, свинецъ, олово, арсеникъ и сѣру. Сія стоящая жила имѣетъ два отдѣленія: лежащая часть сего яруса состоитъ изъ великой горы роговаго камня, которая съ неправильными бухтами, порогами и уступами равномѣрно падаетъ, висящая же сторона имѣетъ тяжелый и твердый шпатъ, заключенный въ слапцовой горѣ. На роговомъ камнѣ лежатъ руды стоячими жилами, (или въ розсыпяхъ) гнѣздами, горизонтальными жилами и въ розсыпяхъ. Роговой камень подобенъ здѣсь крѣпкому кремню, хотя въ иногда заключается большой булыжникъ, еще крѣпче, подобный чистѣйшему пѣсочному камню. Цвѣтомъ онъ сверху изжелта, снизу же свѣтлосѣрый или темный и синеватый. Находится онъ также и вблизи рудъ, особливо, въ большихъ круглякахъ и гнѣздахъ, орудѣвшій, усыпанный и усаженный многою серебреною прочернью даже въ самомалѣйшихъ скважинахъ, обогащенный и перемѣшанный чистымъ золотомъ и серебреными листами.

Самородное золото находится: 1-е въ роговомъ камнѣ и въ заключен. въ оном мѣлк. пещаномъ камнѣ, 2-е) въ шпатѣ, залбандѣ или вапѣ, 3, въ сѣрой охрѣ и богатой горной синевѣ. Самородное серебро, содержа въ себѣ немного золота, находимо большими и малыми кусками, сросшимися рожками и дощечками, толстыми и тонкими, иногда на разбивное книжное серебро похожее, листками и налетѣлостью и, наконецъ, на подобіе серебр. волосовъ въ друзахъ и разсѣлинахъ, въ роговомъ камнѣ, колчеданныхъ, шпатовыхъ и мѣдныхъ рудахъ. Отъ временъ основанья рудниковъ серебра выплавлено болѣ 10,000 пудъ и въ немъ золота болѣ 318 пудъ.

Отъ Зміевой горы по направленью къ Томску ѣдешь ѣдешь плоскою гористою страною, гдѣ начинаютъ высовываться горы изъ дикаго и сѣраго камня, въ видѣ лежащихъ другъ на другѣ чуднымъ образомъ каменьевъ, кругляковъ, точно нарочно сло-

женные кучи. Между каменьями попадается дикая Сибирская пшеница и Молочайная андрозаца, Androsace lactea.

Страна высока, пологата, въ разныхъ токмо мѣстахъ еще камениста и примѣтно опускается. На буграхъ показывается дикій камень, а подалѣ красноватый сланецъ. Наконецъ увидишъ въ углу между Чарышемъ и Лахтевкою опять крутые каменные горы бѣлаго рудожелтаго камня. И тѣмъ кончится хребетъ въ сей странѣ, такъ что ничего уже предъ тобою не имѣется, кромѣ совершенно ровной, иловатой степи или пещаной, которая по низменностямъ солоновата. Подымается еще хребетъ, по рѣкѣ Алею называемый Алейскою гривою, и окончивается отломомъ. Цѣлыя полосы полей казались голубыми отъ растущихъ во множествѣ, Chrisocome biflora, золотоголовника и маленькаго астра. Artemisia coerulescens и многіе другіе роды полыни.
Santonicum.
Голубая весеняя Анемона.
Chenopodium aristatum, у песчанаго сосноваго лѣса.
Axyris prostrata.

Заводская контора, красиво выстроенная, примыкаетъ къ жилымъ (обыкновенно замыкаетъ или начинаетъ дерев). Изъ бугровъ, обросшихъ густымъ лѣсомъ и кустарникомъ, вытекала рѣчка. Лѣсъ во всей странѣ сей растетъ березовый, высокой, толстой, и прекрасная трава.
Veratrum nigrum.
Orobus latheroides.
Hemerocallis flava. Морецвѣтъ.
Pedicularis, многихъ родовъ.
Сибирская крапива, Urtica canabina.

Потомъ сосняги, потомъ опять березовые лѣса, а тамъ мѣста болотныя. Во множествѣ ростетъ солодковаго корня, желтой лилеи, чемъ далѣе, тѣмъ увеличивающейся болѣе. Еще цвѣли на ней поздніе цвѣты. Мужики называютъ ее теплою травою и плетутъ изъ нее также, какъ и татары, мягкіе цыновки для подстилки подъ седла.

Дикая мята, Nepeta multifida, здѣсь имѣетъ столь сильный лавандульный запахъ, что если только разтерши подолѣе понюхаешь, закружится голова и опьянѣешь.

Травы, употребляемыя татарами вмѣсто чая.

1-е. Родъ вяжущаго корня, отъ котораго вода, когда выкипитъ, красноватый принимаетъ видъ и вяжущій сильно вкусъ.
2-е. Чай изъ рубленныхъ стебелей или кореньевъ дикихъ розъ и сваренный какъ у татаръ казанскихъ, вкусомъ гораздо лучше.
3. Potentilla fruticosa, употребл. также и наз. Курильскій чай.
4. Полевой чай, Potentilla rupestris. Траву варятъ вмѣстѣ съ цвѣтками.
5. Phlomis tuberosa. Изъ нее точно также, какъ и изъ калмыцкихъ орѣховъ, варятъ чай.

Сентябрь.

Томскъ. На берегу рѣки Томы. Мѣстоположенье благодатное для торговли и картинное видомъ. Городъ на буграхъ и болотахъ. По срединѣ почти города идетъ сѣвера къ югу. Изъ озера бѣжитъ въ рѣку Тому ручеекъ. Рѣка Ушейка, соединяющаяся внѣ города съ рѣчкой Изюмкой, отдѣляетъ часть города, гдѣ юртами живутъ татары, отъ другихъ значительныхъ частей. На вышинѣ хребта крѣпость (выстроена за 130 лѣтъ), Кремль, съ четырью башнями, двумя воротами и колокольней. Винные и соляные амбары. Фабрики юфтяные и набойчатые. Жители ремесленики. Пьянство, блудъ и французская болѣзнь (въ силѣ). Нечистоты довольно. Прусаки желтаго цвѣта и маленькіе. Продовольствія съѣстнаго обильно. Хлѣбъ, мясо и рыба дешева. Бѣлокъ во множествѣ всѣхъ цвѣтовъ. Иногда они переселяются въ самый Томскъ, если ощутятъ недостатокъ въ пищѣ. Тогда мальчишки ихъ ловятъ живыхъ. Видятъ ихъ иногда стадами переплывающихъ рѣку Тому.

Выѣхавъ изъ города, идетъ бугристый лѣсъ вплоть до рѣки

Кіи, со множествомъ лужъ и нешпрокихъ болотъ съ мостами. На песчаныхъ мѣстахъ сосновый Боръ, на горахъ лиственицы и болотная сосна, на буеракахъ и болотныхъ мѣстахъ ельникъ и кедровникъ. Остальныя мѣста покрыты тополышкомъ, ельникомъ, березникомъ и соснягомъ. Въ лежащихъ выше странахъ земля плодоносная и страна прекрасная. Но какъ лѣсъ тутъ очень густъ и непрерывенъ, то новоположенныя пашни весьма мокры. По сей то причинѣ водятся въ обиліи здѣсь дикіе звѣри, серны, олѣни, волки, медведи. Дорога становилась все грязнѣй. Ненастье Сентябрь. Вороны почти совсѣмъ чорны, на одной только спинѣ нѣсколько видны сѣрпнькія перья. Они здѣсь имѣютъ хищное свойство: по двадцати и болѣе пускаются на куръ и оныхъ раздираютъ. Глубокіе буераки, рѣчки и ручейки, впадающіе въ Чулимъ. Мѣста высокія, березовымъ лѣсомъ обросшія и плодоносныя.

Serratula alpina.

Клоповница, Cimicifuga.

Cineraria, Пепельная бѣлая трава.

Glauca.

Cacalia hastata занимаетъ всѣ мокрѣйшіе буераки. Лѣкарство отъ всѣхъ продолжительныхъ болѣзней, хотя иные имъ даже сокращаютъ жизнь свою, потому что корень ея сильно слабитъ.

Родъ травничковъ или маленькихъ соловьевъ съ жаркожелтымъ брюхомъ и зеленоватыми къ хвосту перьями (Motacila cyanurus). Попадаются также здѣсь, какъ и на Енисеѣ, самые крохотные мыши, вѣсомъ въ ползолотника или около полдрахма, цвѣтомъ темнѣе обыкновенныхъ мышей, хвостъ же толстъ. Рѣка *Ки* каменпста. На днѣ ея попадаются между колчеданомъ куски свѣтлокрасного и чорнаго Асписа, а также съ чорными и желтыми полосками. Проѣхалъ я страну сильно обросшую березникомъ и содержащую въ себѣ множество мокрыхъ буераковъ. Погода была столь тепла, что стрекозы и бабочки летали какъ будто летомъ.

У деревни на навозныхъ кучахъ росла сухая трава *Axyris* amarantoides. Плодотворный порошокъ, которымъ растѣніе сіе покрыто, столь летучъ, что если до сухого растѣнія только дотронешься, то причиняетъ оный сильный кашель, продолжающійся цѣлые дни.

Опять кедровые и ѣловые лѣса. Бурундуки бѣгали въ невѣроятномъ множествѣ по лѣсамъ, собирая себѣ на зиму запасъ.

Село Ачинское. Подъ самой деревней на Чулымѣ житницы, въ сіи житницы подрядчики складываютъ тотъ хлѣбъ, который возятъ по Чулыму въ Обь, въ Сургутъ, Нарымъ и прочіе на сѣверѣ лежащія, безхлѣбныя страны, а частію въ Императорскіе Сибирскіе заводы, вверхъ по Оби, или же на линію на Иртышъ. Красноярской уѣздъ столь благословенное имѣетъ обиліе въ хлѣбѣ (зерно даетъ самъ 30), что крестьяне изъ близкихъ и дальнихъ мѣстъ охотно отдаютъ въ сіи житницы рожь за 5 и за 6 коп. пудъ. Чулымъ сдѣсь широкъ и довольно глубокъ. Таракановъ въ избахъ гибель. Днемъ темные углы, щели и чулапы, а ночью вплоть всѣ стѣны имъ облѣплены. Чай пить или есть пельзя въ избахъ безъ того, чтобы сіи насѣкомые не падали съ потолка одинъ за другимъ въ чашки или блюды.
Phalaris erucaeformis, обыкновеннѣйшая трава по всей горѣ
росла.

Деревня Черноръчинская, недавно заведенная изъ Малорускихъ и Рускихъ поселянъ. Первые далеко превзошли послѣднихъ опрятностью и рачительностью.

Отъ рѣки Шерыша идетъ прекрасная степь, которая чемъ далѣ становится гористѣй, по высокимъ мѣстамъ березовые подлѣски, по горамъ рощи рѣдко сѣянной лиственницы. Далѣе степи все обильнѣе травами. Сибирской лепъ ростетъ въ большомъ количествѣ. Могильные холмы съ каменьями, въ видѣ четвероугольныхъ столбовъ, по всѣмъ угламъ. Гробницы находятся почти всегда въ близи ручья, озера или рѣки, на прекраснѣйшихъ высокихъ поляхъ, или у подошвы горы, на ровныхъ доли-

нахъ. Попадаются мѣдныя копьица, чекапы, кинжалы, ножные черепки, маленькіе пращные камешки, мѣдныя косы (похожія на тѣ, которые донынѣ употребляются въ Сибири), плоскослитыя фигурки лосей, оленей, дикихъ козъ, дикихъ овецъ.

Гора Учумъ камениста и бугриста, подобная слоистымъ горамъ около Юса и Енисея; равнины около простираются также слоями изъ краснаго и крупнаго песчаного сланца. Травы ростутъ слѣдующія:

Волчья борода.
Дикая мята.
Каменная володушка.
Двулѣтній горошекъ.
Сибирской звѣздочникъ.
Иволистая Серратула.
Аксирида роговидная.
Гибрида поземная солянка.
Перекати поле.
Горный глистникъ.
Развилистая потентила
и всякаго рода мышій горохъ.
Татарская горчица между каменьями, прекрасная трава.
Каменная павилица кустами.
Сибирская крапива у подошвы горъ.
Болотная горечанка между тросника, по берегамъ солен. озера.
Веснянка мяхолистная. Безъ нее почти не бываетъ никакой влажный лугъ на Енисеѣ.

Страны, защищенныя горами, пользуются благословеннымъ климатомъ. Снѣгъ столь малъ, что скотина всю зиму пасется на поляхъ.

Золотарникъ, Robinea pygmea.

Ballote lanata, прекрасная трава, которую, ради благовон. запаха, собираютъ какъ домашнее лѣкарство. Красноярскіе жители употребляютъ ее въ головн. болѣхъ и называютъ

гремящею, отъ имени горы, на которой она растетъ во множествѣ.

Перевозъ черезъ Енисей у горы крутой, назыв. перевозной; гора состоитъ изъ красноватого пѣсчаника, выламывающагося четвереугольникомъ. На всѣхъ плитахъ написаны чорной краской красивыя монгольскіе и татарскіе надписи. Малые боры и подлѣски полны птицъ. Овсянки, Сибирскій клестъ, синеватыя трясогузки, князки, пестрые дятлы и бѣлые воробьи.

Два года показались сдѣсь пѣгіе медведи, какъ видно, странники изъ дальнихъ мѣстъ. Они до того были голодны и безсильны, что, забѣжавъ въ деревни, были тамъ легко умерщвляемы.

По Енисею на плотахъ пустились къ Красноярску. Плаванье было медленно, по причинѣ низкой воды. Съ обоихъ сторонъ горы лежатъ около рѣки высокими буйками и возвышаются къ востоку разметанными каменистыми лѣсистыми вершинами. Твердые и разбитые въ каменистыхъ слояхъ опоковые и слюдовые роды. На право и на лѣво низвергаются въ Енисей рѣки и рѣчки. Противулежащіе каменистые берега, изъ чорнаго квасцоваго слонца, содержатъ въ ущелинахъ и пустотахъ *каменное масло.* Оно садится около каменьевъ толстыми шероховатыми корами и, подобно перистымъ квасцамъ, состоитъ изъ острыхъ иглъ и друзъ; бѣло и легко. Если жечь на огнѣ, въ которомъ оно легко растопляется, варится и испускаетъ купоросные пары, то остается легкая, весьма бѣлая и вкусная земля. Употребляется въ кровав. поносахъ, родильницами въ кровотеченьяхъ, въ случаѣ нечистого истеченія семенъ, дѣтьми вмѣсто рвотнаго, когда завалитъ грудь. Кузнецы употребл. его при дѣланіи стали. Оно также употребляется, въ случаѣ нужды, для черненья кожи, вмѣсто купороса. Надъ рѣкой показываются въ картиномъ видѣ огромныя пещеры и на нѣсколько верстъ непрерывающіеся высокіе утесы. Ночевали въ деревнѣ *Овсянская*, многолюдной, населенной зажиточными крестьянами, которые всѣ размножились отъ одного человѣка. Нѣкто Юшковъ прибылъ изъ Россіи съ

7 сыновьями. И въ 100 лѣтъ образовалось больше пятидесяти семей. Всѣ ремесленники, звѣроловы, рыболовы и зажиточные хлѣбопашцы. Въ горахъ водятся соболи, рыси, росомахи, медведи, кулонки, векши и много другихъ. Особенно замѣчательны *кабарги*, родъ дикихъ козъ. Изъ лучшая замша, по причинѣ необыкновенной мягкости кожи. Горы исчезаютъ по мѣрѣ приближенья къ Красноярску. Вмѣсто ихъ бугристые степи. Проѣхали мимо лѣсистого сосноваго острова и прибыли къ Красноярску, гдѣ назначена зимовка.

Сибирскія особенности.

Растѣнія кустарныя.

Robinia halodendron, родъ терновника, вышиной въ человѣка, вѣтвисто, прямо, жестко, игловато, крѣпче кустарнаго терновника, кора шероховатая сѣрая, листочки и все дерево сѣдоватого цвѣта, какъ покрытое мошкомъ. Цвѣтки на вершинахъ вѣтвей по трое вмѣстѣ, красные, пахучіе, видомъ походятъ на цвѣты горошка или акаціи. Стручки пузатые, короткіе, въ видѣ плода. Красиво; по сухимъ солоноватымъ мѣстамъ на Иртышѣ.

Алтайская таволга, Spiraea Altaica. Подымается кустами изъ многихъ лозъ. Лозы прямы, крѣпки и убраны густыми пучками лавровидныхъ листьевъ. Цвѣточныя кисти находятся на концѣ вѣтокъ пирамидой бѣлаго цвѣта. Пахнетъ розовымъ запахомъ. Растетъ по солнопечнымъ буграмъ и по подошвамъ высочайш. Алтайскихъ горъ. Вышиной $1\frac{1}{2}$ аршина.

Торлокъ, Pterococcus aphyllus. Дерево прекрѣпкое, кустомъ въ аршинъ и болѣе вышиною, колѣнчатое. Стебли подымаются отъ крѣпкого корня, глубоко идущаго въ землю, вѣтвисты, развилисты, колѣнчаты, толщиною въ палецъ, прямы отъ колена до колена. Листьевъ нѣтъ вовсе. Цвѣтки бѣлые, безъ чашечекъ, пятилепестные, выходятъ пучками на тон-

кой ножкѣ отъ коленца. Плодъ четверогранный продолговатый орѣхъ. По песчанымъ степямъ между волгою и яикомъ до самого Каспія.

Сибирской барбарисъ, berberis sibirica, кустарникъ вышиной не болѣ одного фута, выростетъ изъ разсѣлинъ каменныхъ горъ. Стебель прямъ, жостокъ и вѣтвистъ. Иглы и листья какъ въ обыкновенномъ барбарисѣ, но все дерево желтоватого цвѣта, ягоды круглопродолговатые, красные. Находятся на высочайшихъ каменныхъ горахъ и утесахъ, даже на скалахъ по Алтайскому хребту.

Хворостовый вьющійся колокольчикъ. Convolvulus fruticosus. Небольшой кустарникъ, вѣтвистъ, съ мохнатыми травянистыми отпрысками, ежегодно пропадающими. Цвѣты на отпрыскахъ стоятъ вверхъ, по солнышку, растворяются очень тихо. По песчанымъ холмамъ въ восточной странѣ Иртыша.

Травы.

Особый видъ колосной травы. Стебель изгибистой, листы съ со струйчатыми чехлами, пространно стебель объемлющими. Головки цвѣтутъ почти не выказываясь изъ чехликовъ. По соленымъ степямъ.

Солонолистный Ирисъ. Листья какъ у сабельника, цвѣтомъ синеватозеленые.

Onosma micranthos, по пескамъ.

Коленоцвѣтной укропъ (Ferula nodiflora). Корень глубоко въ песокъ углубившійся. Стебель толстый, круглый, дорожчатый, нѣсколько искривленный, со вздутыми къ основанью листовъ коленцами. Листы основаньемъ своимъ объемлютъ стволъ на подобіе чехла. Все растѣнье цвѣтомъ изъ желтазеленое. Вкусомъ походитъ на пастернакъ, но пріятнѣе; ростетъ между песчанымъ буграми въ великомъ множествѣ.

Salsola oppositiflora, вѣтвиста, необыкновенна, красноватого цвѣта все почти растѣнье. Ростетъ по сухимъ, иловатымъ

полямъ въ полуденной сторонѣ Яика, вмѣстѣ съ розовою солянкою.

Salsola lanata, красивое растѣньице въ $^1/_3$ арш. вышины. Стебель прямой, молодая покрыта бѣлымъ пушкомъ. Цвѣтки промежъ тройныхъ листовъ, желтоватые съ тычковыми головками розоваго цвѣта.

Crinus caspicus, Каспійская лилея. Листья какъ у обыкновенной, но цвѣтки невелики, изъ красна бѣлые, выходятъ на вершинѣ стебля кучей въ видѣ зонтика.

Луковое птичье гнѣздо, Ornitogallus bulbiferus, маленькое тоненькое растѣніе. Луковица въ горошинку.

Голубой чеснокъ, Allium caeruleum. Листы съ низу стебль чехломъ. Цвѣтки шаровиднымъ пучкомъ свѣтлоголубаго цвѣта. Луковица малая.

Бутунъ или Алтайской чеснокъ. Allium altaicum. Луковица большая. Пучокъ маленькой овальный. Вкусенъ; его ѣдятъ.

Lepidium ceratocarpon. Одинъ или много стеблей, маленькіе листочки, сидячіе, ланцетовидные. Цвѣтки жидкими колосками въ верху стеблей, маленькіе, бѣленькіе, стручечки на тонкихъ ножкахъ, маленькіе, рогатые, по два семешка въ каждой половинѣ.

Cardamine nivalis, снѣжная кардамина. Стебель простой, оканчивающійся колоскомъ стручьевъ, повиснувшихъ внизъ. Цвѣтки мѣлкіе бѣлые, все растѣнье блѣднозеленое.

Sysimbrium salsugineum. Стебли изгибистые, оканчивающіеся стручечками. Листки продолговатосердцеобразные. Растенье изъ темна зеленое и красноватое.

Cheiranthus an littoreus.

Alyssum minimum.

Astragalus spicatus, Колосистый астрагалъ.

» ammodites. Прекрасный видомъ. Отпрыски отъ корня подымаются въ великомъ множествѣ, вѣтвисты и разстилаются далеко по землѣ. Стручки маленькіе, голые, пухлые, видомъ похожіе на ягодки съ загнутымъ носкомъ. Вся

трава скрывается между песчаными кочками, которые производитъ около себя сама, удерживая летучій пѣсокъ.

Hedysarum grandiflorum. Одни стебли съ листами, другіе безъ листовъ съ цвѣтами въ видѣ колоса. Цвѣты блѣдножелтые. Форма и листовъ и цвѣтовъ какъ у акацій. Ростетъ по глинистымъ ярамъ.

Serratula caspica. По солепымъ мѣстамъ, сѣмена развѣваетъ пухомъ.

Scorzonera pusilla.

Hydnum clatroides.

Звѣри.

Кулоконъ, Mustela sibirica, величиною съ хорька, а видомъ съ горпостая. Густожелтаго цвѣта. Рыльцо чорное. Хвостъ въ половину всего тѣла, цвѣтомъ еще желтѣе. Находится по гористымъ темпымъ мѣстамъ.

Пищуха, Сѣноставецъ. Похожа на чекушку. Хвоста нѣтъ во все; вмѣсто его жирная шишечка въ руской орѣхъ. Шерсть па пей цвѣтомъ грязноватая въ прочерпь. Въ горахъ. Свиститъ и съ Августа заготовляетъ себѣ сѣно. Lepus alpinus.

Птицы.

Ястребъ королекъ. Falco regulus. Невеликъ, гоняется за жаворонками.

Татарскій жаворонокъ, Alauda tatarica. Величиною съ скворца. Темные и даже чорные цвѣтомъ.

Alauda calandra. Больше всѣхъ, какіе ни есть въ Европѣ жаворонки.

Персидской шуръ, Merops persica. Спина зеленая.

Чорная трясогузка, Motacila maura.

Синехвостая » » cyanurus.

Каменная ласточка, Hirundo alpestris, обыкновепой больше.

Fringilla calcarata, воробей бодцоватый. Величиною съ юрка. Стадами по пашнямъ Сѣверной Сибири. Прилетаетъ съ

полудня. Поетъ какъ чечотка. Летаетъ много и бѣгаетъ по землѣ, подобно жаворонку.

Fringilla flaverostris, воробей желтоносной, самъ черенъ какъ сажа, только грудь изъ красноватыхъ перышекъ. Глупъ, водится на сѣверо-восточной Сибири, но во время сильныхъ морозовъ отлетаетъ въ полуденную Сибирь.

Emberiza pithyornus, родъ подорожника.

» aureola, золотистый.

Loxia Sibirica. Сибирской клестъ, красивѣйшая здѣсь птичка, величиной съ чечотку. Алтайской яркого алого цвѣта, Сибирскій розоваго. Обитаетъ по кустарникамъ и густымъ лѣсочкамъ около рѣкъ и ручьевъ. Питается полынными и другихъ травъ семенами. Голосъ осиплый, неясный, летаетъ беспокойно зимой небольшими стадами, выбираетъ себѣ мѣста въ густой чащѣ, гдѣ было бы потеплѣе.

Tetrao paradoxa, необычайная тетерка, что то среднее между тетеревомъ и дрохвой. Спина какъ у дрохвы, сѣрая съ чорнымъ, волнистая. Шея сѣдая, горлышко желто, грудь изкрасна блѣдносѣрая, прочее брюхо и паха черные.

Pelecanus pygmeus, малый баклань, величиною съ чирка, погожъ на баклана.

Anas Rufina, шмаковая утка, величайшая изъ всѣхъ, въ 3 фунта и болѣе вѣсомъ. Темная цвѣтомъ. На Каспій. морѣ.

» mersa, Савка спинепосая, сама же цвѣтомъ рудожелтая съ чорными крапинами.

Стерхъ, grus leucogeranus, бѣлый журавль.

Ardea comata, чепура съ хохолкомъ. Красивѣйшая птица. Бѣлыя перья на головѣ хохолкомъ, склонившись на спину, шея свѣтложелтая назадъ гривою, спереди бѣлая. Грудь свѣтложелтаго цвѣта. Спина изъ желта лазоревая. Брюхо, гузка, подхвостица и длинный хвостъ какъ снѣгъ бѣлые. По заливамъ Каспійск. моря.

Charadrius Asiaticus, азіатская полевая курочка.

» tataricus.

Годъ 1772.

Красноярскъ. Вьюги и бури. Воздухъ въ безпрерывномъ движеніи весь октябрь и ноябрь. Енисей покрылся льдомъ 20 ноября. Зима началась въ Декабрѣ. Строеній въ Красноярскѣ не много. Отъ Ноября до Февраля переходятъ городъ тысячи обозовъ. Хозяева ихъ обыкновенно уѣзжаютъ впередъ закупать заблаговременно все, что ни попадется. Земные продукты дешевы необыкновенно, чемъ болѣ урожай, тѣмъ дешевлѣ. Ржаной муки пудъ стоитъ 2 копейк., пшеничной четыре копѣйки съ деньгой. Мясо отъ 15 до 25 копѣекъ пудъ, а цѣлого быка за 1½ рубля. Корова рубль. Рабочая лошадь два и три рубля. Овца отъ тридцати до 50 копѣекъ. Свинья немного дороже.

Лѣсу въ Красноярскѣ въ изобиліи. Кедровъ много. Около Абанска ростетъ въ большомъ количествѣ пѣкое душистое деревцо, коего смолистые почки въ зимнее время служатъ лакомою пищею тетеревямъ, отъ коей всѣ черева заражаются пайпріятнѣйшимъ запахомъ. Изъ кустарниковъ больше попадается Боярышникъ и черемуха. Звѣри: соболи, лисицы, выдры, бобры, многоуважаемые, совершенно чорные росомахи, барсуки, бѣлки, колонки пламенного цвѣта, любимые китайцами, и многіе сохатые звѣри, какъ то: лоси, зыни, козули (родъ оленей), кабарги, водящіеся въ великомъ изобиліи по горамъ за Енисеемъ, и составляющіе наиболѣе выгодные промыслы. Ими преимущественно Татары выплачиваютъ свой ясакъ. Рыбы немного по причинѣ, что рѣки мѣлки, и она зимой вся почти вымерзаетъ. Пріѣздъ Студента Зуева, ѣздившаго вдоль по рѣкѣ Оби до Ледовит. моря.

Донесеніе студента Зуева.

Отъ Тобольска поѣхалъ Студентъ въ Березовъ (8 марта 1771). Зимняя дорога лежитъ вдоль по Иртышу, населена то русскими, то татарскими деревнями, далѣе же и ниже пойдутъ все Остяки, вначалѣ въ смѣси съ рускими, а потомъ сами. За Демья-

повскимъ ямомъ сѣется только овесъ, ячмень и немного ржи, по причинѣ заморозовъ и мокроты хлѣбъ только на третій годъ удается. Ниже сѣютъ конопли и ленъ. Капуста въ качапы не складывается, а разстилается по грядамъ. Батунъ, редька, рѣпа и хрѣнъ. Подальше отъ рѣки мѣста не обитаемы вовсе. Лѣсъ, болота и никакого проѣзда лѣтомъ. Липа перестаетъ за 36 верстъ ниже Тобольска. Лѣсъ худой, мѣлкой, Тальникъ, ольха, осина, тополь, береза, ель, сосна. Изъ мѣлкаго кустарника красная и чорпая смородина, ерьникъ, болотникъ, сибирскій курослѣпникъ съ бѣлыми ягодами, толокнянникъ и багульникъ. Въ Самаровскомъ яму (550 верстъ отъ Тобольска) уже пѣтъ пашень. Остяки и Рускіе питаются рыбой и птицей, которыхъ обилье необыкновенное. Сверчки и тараканы сдѣсь прекращаются.

Отъ устья Иртыша вниз по рѣкѣ Оби берега правой стороны высокіе, содержатъ въ себѣ слои бѣлой, желтой, красной и горшешной глины. При Сосвинскомъ устьи, не вдали отъ Березова, Обь, ставъ шириной въ нѣсколько верстъ, раздѣляется на многіе протоки, оставляющіе по серединѣ низкіе, поросшіе тальникомъ, острова. *Обдорскъ* городокъ. Послѣднее руское селеніе къ сѣверу. Лѣтнимъ временемъ можно ѣхать только водою. Въ немъ только пять дворовъ, но множество амбаровъ и запасныхъ клѣтѣй, почему онъ издали какъ большая деревня кажется. Одна деревян. церковь во имя Василья великаго. Рускіе живутъ лѣто и зиму. Остяки съѣзжаются только на зиму, имѣя для житья одни подземные юрты. Лѣто же проводятъ на рыболовствѣ въ кочевыхъ юртахъ. По обѣимъ сторонамъ рѣки Оби мѣста высокіе и гористые, изъ песчанаго и дресвянаго камня, всѣ почти голыя. Кое гдѣ небольшой дряблой лѣсъ, кедровой, лиственичный, ольховой, но какой нещастный ростъ. За Обдорскомъ уже не видно ни березы, ни ясени, ни кедра. Въ самой дали къ сѣверу, по крутымъ берегамъ рѣки Лѣсной, впадающей въ Океанъ, ростутъ еще маленькіе лиственички и олешнички, но растилаются по землѣ такъ, какъ шпалерныя лозы по стѣнамъ и хворосты по горамъ. Солнце лѣтомъ только одинъ часъ не видно днемъ, и

то по причинѣ высокой горы. Всю ночь катится оно по горизонту видимо, съ той только разницей отъ дня, что видомъ кажетъ больше, а свѣтомъ такъ слабо, что можно глядѣть на него безъ помѣхи простыми глазами. 30 Іюля солнце гораздо унизилось, такъ что звѣзды начали появляться. Сѣверныя сіянья въ великомъ свѣтѣ; свѣтъ освѣщаетъ это темное царство. Но въ Обдорскѣ не бываетъ отъ нихъ такого шуму и свисту, каковые случаются ближе къ Океану. Причина чему приписывается воздуху. Сіи сіянья оказываются сдѣсь обыкновенно свѣтлой дугой по горизонту, изъ которой весьма скоро движущіеся столбы порываются. Бури здѣсь рѣдки. Два или одинъ разъ бываетъ слышенъ лѣтомъ громъ, и то вдали такъ, какъ бы отъ сѣвера къ полудню клонился. Рѣдко случаются и такіе жары, чтобъ не можно было имѣть на себѣ легкой шубы. Въ дорогѣ на Ледовитое море студентъ только пять дней помнитъ въ лѣто, что онъ чувствовалъ жарко и скидалъ шубу. При такой погодѣ нагорныя травы, кои по мшистымъ равнинамъ, въ половинѣ Іюня еще чуть разцвѣтать начинаютъ, пробываютъ только нѣсколько недѣль, а кои позже, тѣ нѣсколько дней только, и въ то время и цвѣтутъ и сѣмена раскидываютъ. Въ Іюлѣ бываютъ такіе холодные вѣтры, что часто пней и на лужахъ ледъ являются, и травы сзябнувъ желтѣютъ. Самыя большія рѣдьки и рѣпы, что сѣютъ въ Обдорскѣ, не болѣе двухъ унцій вѣсомъ, а листъ болѣе аршина. Другіе овощи больше не родятся. Земля разстаеваетъ только на верхахъ косогоровъ. Въ Обдорскѣ, на высокихъ равнинахъ, на три, четыре и на пять пядень глубиною. На низкихъ же часто едва на двѣ пядени разстаетъ. Далѣе къ сѣверу, при Щучьей и Лѣсной рѣкамъ, по песчанымъ мѣстамъ на двѣ пядени. По низкимъ мшистымъ тундрамъ на одну пядень, не болѣе, а по болотнымъ топямъ подъ густымъ мхомъ чистой ледъ. Привозимые сюда коровы долѣе пяти лѣтъ не выживаютъ, лошади не держатся, привозимые не проживали и года. И такъ слѣдуетъ довольствоваться оленями, которые сдѣсь распложаются сильно.

Мѣста, отъ Сибири къ Морскимъ берегамъ прилежащія, простираются иногда въ ширину на нѣсколько сотъ верстъ безлѣсицею, болотомъ, прикрытые однимъ только мхомъ. Ѣхать по нимъ невозможно было бы вовсе лѣтомъ, еслибы земля разстаивала глубже пядня. Но какъ тотъ же часъ подо мхомъ лежитъ голый ледъ или замерзшувшая грязь, то олень ступаетъ безъ боязни, и легкіе санки, какими ѣздятъ самоѣды, катятся легко по мягкому мху, по коему на колесахъ не проѣхать бы вовсе, и за собою волнистый слѣдъ оставляютъ.

Гористые берега Обьскіе являлись покрыты краснымъ лѣсомъ и тальникомъ. Третьяго числа Іюля поѣхали на оленяхъ далѣе отъ Оби, прямо къ сѣверу, низменными мѣстами, покрытыми осокою и разными другими травами, особливо мѣлкимъ тальничкомъ, сланцомъ (betula nana), андромедами и ежовками, arbutus alpina. Того же дни доѣхали до рѣки Хаи, текущей изъ горъ въ обскую губу. Ширина сей быстротекущей рѣки, содержащей воду свѣтлую, какъ хрусталь, была около 15 сажень, дно каменисто, отчасти ловато.

4 и 5 дня продолжали путь къ верху по рѣкѣ Хаіѣ. Мѣста тѣже. Лиственицы все рѣже и меньше, высочайшія въ полторы сажени. Промежъ были пади, покрытыя въ великомъ множествѣ густымъ оленьимъ мхомъ (Lichen nivalis), которое олени въ это время не трогаютъ по причинѣ его сухости, но кормятся кустарникомъ betula nana, тальничкомъ, Hedysarum alpinum и другими. Упомянутый же мохъ оставляютъ къ веснѣ и осени, а зимой оббираютъ даже растущій по еловымъ деревамъ, Lichen hirtus.

6-го Іюля подъ вечеръ паѣхали на посредственныя каменистыя горы изъ синяго камня съ кварцомъ. По оголеннымъ ихъ вершинамъ ростетъ примѣч. травка Sedum quadrifidum. Его корешки красноваты, имѣютъ кисловатый и вяжущій вкусъ. Разсѣянныя, въ сажень вышиною, листвянишныя деревца и остролистныя ольхи и тальнички оказывались тамъ и инде по холмамъ кустами, по удоламъ видны были то озера, то стекающіе съ горъ отъ спѣговъ воды, ибо на сѣверномъ уклонѣ горы еще до-

вольно снѣгу и льду находилось. Въ тужъ самую ночь былъ превеликой и холодный туманъ, каковы въ сихъ странахъ середь лѣта случаются нерѣдко.

Холмистая дорога по сѣверному отпрыску уральскихъ горъ неровна, трудна и для оленей. Самоѣды то и дѣла пускали имъ кровь хвоста, когда отъ усталости они начинали упадать. Остановились ночевать, имѣя ввиду высочайшія горы. Щучья рѣка течетъ также быстро съ горъ въ Обскую губу, ка Хаія, мутна, дно иловато, берега глинисты, хотя подлѣ каменная гора.

8-го дня за множествомъ комарей олѣни всѣ разбѣжались по прохладнымъ долинамъ, и потому самоѣды довольно имѣли труда, чтобы ихъ сыскать и согнать вмѣсто. Возвышенныя и обнаженныя совершенно равнины, межъ ними во впадинахъ множество большихъ озеръ. Дно у иныхъ изъ нихъ иловато, у другихъ пѣщано; рыба колючки и маленькіе чебаки. Изрѣдка въ долинахъ таловые и ольховые кусты.

Слѣдующіе три дни ѣхали къ сѣверу все горами, изъ сѣраго опочнаго или дресвянаго и кремнистаго камня. Въ первыхъ попадается гнѣздами простой и твердый азбестъ. Весь же опый хребетъ для отыскапья рудъ вовсе пенадеженъ. Крутой берегъ рѣки Лѣсной украшенъ, какъ шпалерникомъ, ольховымъ, таловымъ и мѣлкимъ лиственичнымъ цвѣтомъ. Повсюду проталины густыми лиственичными деревами, коихъ сучья между собою сплелись, пространныя, чистыя, гдѣ можно съ удовольствіемъ отдыхать. Вода въ рѣкѣ Лѣсной столь чиста, что можно щитать всѣ камышки. Течетъ быстро. Глубиной бываетъ въ $1^1/_2$ сажен., шириной въ 10 сажень. Дальѣ пропадаютъ даже талышчки и ольховнички. Остаются только мѣлкія таловыя лозы, нѣкоторые пучки Ампрыку, Arbutus alpina, и водяницы, Empetrum, или, по Сибирски, шишки. Дальше къ морскимъ берегамъ и они исчезаютъ, одна только морошка идетъ въ великомъ количествѣ до самого моря.

По долинамъ, промежъ горъ, по глубокимъ ямамъ, всторонѣ малыхъ каменистыхъ рѣчекъ, было еще довольно снѣгу.

Въ берегахъ рѣчекъ примѣчены наклоненые шиферные слои, кои сверху покрыты были желтоватымъ асбестовымъ струпстымъ слоемъ. Отсюда переѣзжали черезъ каменистые бугры, межъ коими имѣлись многія ямы, наполненныя водой, и крутояры, въ разсѣлинахъ коихъ множество снѣгу находилось. Подъ вечеръ вся земля была покрыта густымъ туманомъ, что въ сихъ странахъ за предзнаменованіе погоды почитается.

15 дня переѣхали хорошимъ перегономъ черезъ подошву хребта, оканчивающагося передъ моремъ Карскимъ заливомъ и Лѣсною губою. Проѣхали также многія пади, частію наполненныя снѣгомъ, частію изпущающія изъ себя воду. Черезъ болотистыя тундры прибывши къ морскому заливу, называемому Лучною губою. Берега надъ пѣскомъ, съ котораго сбѣжало море отливомъ на 60 сажень, состоятъ изъ сѣрой глины; въ морѣ же была она чернѣе. Морская вода своей холодностью была столь проницательна, что, не смотря на теплоту въ воздухѣ, нельзя было въ ней пробыть и нѣсколькихъ минутъ безъ жесточайшаго чувствія озяби.

Мутныя озера по мокрой степи, не смотря на каменное дно. Въ нагорномъ берегу одной рѣчки, текущей въ океанъ, видѣнъ былъ красноватый марающій мергель въ большомъ количествѣ флюса.

18-го, продолжая путь по мокрой степи, заключающей въ себѣ великія озера, пріѣхали подъ высочайшій каменный хребетъ, который, отдѣлившись отъ главного Уральского хребта, оканчивается сдѣсь при морскихъ берегахъ. Напали на превеликое стадо дикихъ облинявшихъ гусей, коихъ наколотили палками великое множество. Имя рѣки происходитъ отъ двухъ сшедшихся утесовъ, кои рѣку въ быстромъ теченіи стѣсняютъ. Морской берегъ находился невдали отъ дороги, крутъ и глинистъ, при высокой водѣ. По морю плавало въ неописанномъ множествѣ морское животное Medusa Вегоё, но когда была собираема, расплывалась межъ руками. Конецъ хребта былъ еще не совсѣмъ въ виду. Это были высокіе, каменны, острые, голые

маковицы горъ, кои за двадцать верстъ отъ морского берега будто раздробились и уничтожились. Главный же хребетъ Урала съ Карского залива на западъ высокими, будто за облаками кажущимися, горами. Онъ долженъ также кончиться у береговъ противъ Новой Земли. У береговъ попадаются кусочки янтаря, по тамошнему называемые морскимъ ладономъ, и большіе обломки каменнаго угля, выбрасываемаго моремъ.

22-го путь продолжали по уменьшающимся горамъ, въ коихъ пропадаетъ Уральскій хребетъ и между коими лежали болотистые удолы. Море всегда было въ нѣсколькихъ верстахъ разстояніемъ. Поднявшійся со вчерашнего дня съ туманомъ вѣтръ пагналъ къ берегамъ великіе ледяные бугры, однакожъ такъ, что межъ буграми и берегами оставалось довольное растояніе чистаго мѣста, ибо толстые кабаны льда не совсѣмъ могутъ быть изворочены на отмѣлые берега. По берегамъ подъ болотиною находился хрящъ, а глубже сѣрая глина. Переѣхали много озеръ и рѣчекъ, гдѣ дикіе гуси вились стадами, и легко могли быть убиваемы. Всѣ озерка при океанѣ изобилуютъ морскими вшами, Monoculus arcticus, служащими приманчивой пищей уткамъ и прочимъ водянымъ птицамъ. Нашли шайку рыбаковъ, пробиравшихъ берегомъ изъ Пустозерска на рыболовство. Стужа начинала свирѣпѣть. 28 Іюля холодъ изобилъ всѣ травы, такъ что поля издали больше казались бѣлыми, чемъ зелепѣли. Вода въ посудахъ и лужѣ покрывалась льдомъ.

Слѣдующіе кустарники большими полосами покрываютъ въ безлѣсныхъ мѣстахъ болота и придаютъ нѣкоторое украшенье сей бѣдной странѣ.

Betula nana.
Salix mirtiloides.
» herbacea.
» Lapponica.
» Fusca.
» Arenaria, всѣ они мѣлки; сіи тальнички растилаются по землѣ и бываютъ вышиной меньше четверти аршина.

Empetrum nigrum, водяница.
Arbutus альпина, ампрыкъ, ежовка.
Rododedrum ferugineum.
Hippuris, на гнилыхъ болотахъ при океанѣ, такой же какъ и на югѣ.
Plantago maritima.
Arenaria Peploides.
Pingvicula alpina, сальникъ, сальная, жирная трава.
Gimnandra borealis.
Sedum quadrifidum.
Statice armeria, малоколѣнная.
Saxifraga cernua.
» rivularis.
» bronchialis.
» nivalis.
Dryas octopetala, Богиня лѣсовъ, Камчадалка, Сибирячка.
Papaver nudicaule.
hieracium alpinum, Сокольникъ, ястребинкъ альпійск.
Taraxacum.
Eringium alpinum, колючка синеголовникъ.
Eriophotum vaginatum, пушистый пырей, пухопырей, на полудни бѣлилъ по болотамъ все пространство.
Veronica alpina, на ровныхъ поляхъ.
Campanula rotundifolia.
Polemonium lanatum, троецвѣтъ Болдріанъ.
Rumex digynus, Щавель двуженный.
» acetosela.
Anthericum calyculatum, вѣнечникъ паучникъ.
Epilobium palustre.
» angustifolium, только въ 3 дюйма вышиной, но съ большими прекрасными цвѣтами.
Polygonum arvense.
» bistorta, горлецъ, зміевикъ, ужовникъ.
» divaricatum, спорышъ растопыренной, по пѣскамъ на берегахъ моря.

Saponaria alpina.
Arenaria grandiflora.
Dianthus alpinus.
» plumarius.
Saxifraga hirculus.
Stellaria nemorum.
» biflora.
Chrisosplenium alternifolium, слизенникъ, яичникъ здѣсь такъ малъ, что едва виденъ отъ земли.
Potentilla stipularis, серебренникъ сибирской.
Rubus chamaemorus, морошка.
» arcticus, сѣверная малина.
Helleborus trifolius, трилистный чемеричникъ.
Bartsia rubricona.
Pedicularis laponica.
» hirsuta.
» paniculata, всѣ не болѣе перста.
» verticillata, въ одинъ дюймъ вышиною.
Lamium laevigatum, слѣпота кур. гладкая.
Cochlearia grenlandica.
Cardamine nudicaulis, крессъ нагоствольный.
» bellidifolia, маргаритколистный.
» triphilla.
» chelidonia, чистотѣльный.
Arabis alpina, рѣзуха, греча высокая, будра трава.
Sisymbrium Sophia, Гумевникъ, Софьина трава.
lepidium Sibiricum, крессъ перечникъ.
Phaca, трава узлы, зимніе орѣшки, очень ее мало, но
Hedisarum alpinum, въ великомъ множествѣ.
Achillea alpina.
Gnaphalium silvaticum, комарникъ.
» alpinum.
Artemisia borealis.
Anthemis alpina.

Chrysanthemum bipinatum. Бѣлица, Нивникъ, Ивановъ цвѣтъ, сугубоперистый.
Viola biflora.
» palustris.
Phodiola rosea, вышиной нѣсколько вершковъ.
Lycopodium selago, Плаунъ сосновидный.
» complanatum, плоской, и пр.

Кромѣ того, попадаются Мамонтовыя, слоновыя кости. Недалеко отъ Оби отыскана самоедами въ тундрѣ носорогова голова. Не смотря на осенью стужу, студентъ отправился изъ Обдорска еще въ Уральскія горы, былъ у подошвы высокой горы сѣраго дикого камня, имѣвшей внизу шиферные слои, а маковицей досязавшей до облаковъ. Она вся была покрыта снѣгомъ, выпавшимъ въ Іюлѣ межъ полнолуньемъ и новолуньемъ. Ночью волки, напавшіе на оленей, такъ ихъ разогнали, что въ силу ихъ можно было потомъ собрать.

Вторая ѣзда на Обскую губу предпринята была въ лоткѣ. Листья на лиственицахъ и ольховникахъ отъ мороза всѣ покраснѣли. 27 очутились въ мѣстахъ, гдѣ предстояла одна только чистая тундра. Берега Обской губы такъ, какъ и ниже Обдорска, состоятъ изъ напосныхъ бугровъ песку и глины, въ коихъ были видны разбитые, безъ всякого порядку лежащіе, глинянные слои, немногіе изъ нихъ хворостъ и дернъ мѣстами содержали. Травянистыя поля отъ холоду пѣстрѣли тутъ желтизной на мѣсто зелени.

11-го Сентября отправился Зуевъ обратно въ Березовъ. Показались высокимъ тальникомъ обросшіе песчаные мѣста. Наконецъ и красный лѣсъ, особливо кедровый. Въ крутыхъ песчаныхъ, иловатыхъ берегахъ видны были просѣлины различного наклоненія, чорною мягкою землею наполненныя; подлѣ воды берега изобиловали великими, изъ затвердѣвшей темной глины, глыбами, мѣстами содержавшими въ себѣ окаменѣлыя раковины. Всѣ они обведены были струистымъ гипсомъ. Были также и мамонтовы кости и другіе остатки иностранныхъ зве-

рей, изъ береговъ вымытые. Около Питліарскаго устья видны были въ берегахъ тонкіе, чорные, шиферные слои. Далѣ берега бугристые, крутые, изъ пѣску и глины; кости валяются по низу разметанныя, такъ какъ ихъ полая вода, бугры подмывши, вымыла и занесла, куда могла. Кости буйволовъ попадаются также во множествѣ. 21 прилетѣли къ Березову съ сѣвера стада большихъ и малыхъ дикихъ гусей или казарокъ, Anser erythropus, и Чагвоевъ, Anser pulchricollis, возвращающихся назадъ. Еще около 18 дня было видно, какъ они начинали статься на возвратный къ полуднямъ путь.

Извѣстія Зуева объ Остякахъ.

Остяки росту больше средняго и малаго, сложенья слабого и сухого. Лица непріятного блѣдного и плоскаго оклада. Волосомъ рыжеваты и русы, у мущинъ висятъ они вкругъ головы космами и безобразятъ ихъ. Боязливы, суевѣрны, легкомыслены, впрочемъ, добросердечны, въ трудномъ и худомъ житіи съ младенчества трудолюбивы, но въ свободное время больше склонны къ праздности. Мущины въ домоводствѣ особенно гадки и нечисты. Платье мужчинъ полушубокъ (малица), изъ звѣриной кожи, съ рукавами, до колѣнъ, сшитый кругомъ въ мѣшокъ, безъ разрѣза, съ дырой для головы, изъ молодыхъ кожъ оленей, родящихся весной, шерстью внутрь. Верхняя шуба называется паркою. Ее надѣваютъ когда холодно, также изъ оленьихъ кожъ, по шерстью наружу, съ зади капишонъ на мѣсто шапки; внутри опушена собачьей шкурой. Когда же слишкомъ холодно, надѣваютъ сверхъ сихъ двухъ еще большую шубу, также съ колпакомъ назади, изъ зимнихъ оленьихъ шкуръ. Она называется гусемъ. Для дождя шьютъ платье изъ рыбьихъ кожъ, которыя во время голода, скинувъ, варятъ въ котлахъ и съѣдаютъ. Штаны изъ рыбьихъ или голыхъ оленьихъ кожъ. Обувь: чулки (истобы), сшитые изъ молоденькихъ оленьихъ шкуръ (пыжики), сверхъ ихъ сапоги, называемые пимами, сшитые изъ пожпыхъ олепьихъ

кожъ (кысы), коихъ подошевная кожа имѣетъ густую, твердую шерсть. Она прочнѣй и не скользитъ по льду. Рускіе купцы дѣлаютъ сапоги, подобные симъ пимамъ, для поски зимой. Рубашки только у богатыхъ. Щеголи дѣлаютъ себѣ малицы изъ лоскутьевъ сукна разнаго цвѣта, опушая собачьей шкурой, хвостами или песцами. Бабы носятъ шубы халатомъ, длинные, съ разрѣзомъ, впереди завязываютъ ремешками и, такъ какъ не широки, то безпрестанно ихъ придерживаютъ руками, боясь распахнуть. Рубахъ нѣтъ. Стыдливы. На лицѣ носятъ покрывало, шитое по краямъ съ бахрамою, которое сбрасываютъ только при родныхъ своихъ матеряхъ. Лѣтомъ ходятъ босыми. Богатыя привязываютъ сзади къ косамъ двѣ суконныя покромки, на которыхъ нацеплены мѣдныя фигурки оленей, рыбъ, лошадей и проч. Иногда искалываютъ узорами тѣло. Выдѣлываютъ кожи очень искусно, такъ что ни въ какой сырости они не портятся. Живутъ нечисто до отвратительности. Чашекъ не полощутъ, хотя бы изъ нихъ вмѣстѣ съ собаками. Рукъ не моютъ, но вытираютъ ихъ по шубу. Отъ этого Остякъ воняетъ какъ воздухъ въ рыбномъ ряду. Только немногіе богатые и зажиточные дѣлаютъ особеннаго роду мыло, способное въ самомъ дѣлѣ отмыть всякую грязь: въ котелъ горячей воды кладутъ золы и потомъ подливаютъ по часту рыбнаго жира, варятъ до тѣхъ поръ, пока не сдѣлается мыломъ. Въ юртахъ щенятся и собаки. Тутъ же и гадятъ всѣ. Тутъ же и варятъ на общемъ огню посереди юрты. Отъ всегдашняя копченья потолокъ весь покрытъ копотью и сажей, которая большими кистями виситъ къ низу.

Дома: для зимовьевъ строятъ Остяки настоящіе четвероугольныя избы, подобные рускимъ, но ниже, почти половиной въ землѣ, и безъ кровли, вмѣсто которой накладываютъ на верхъ земли. Срубы складываются изъ молодыхъ не толстыхъ деревъ, обыкновенно на сухихъ высокихъ берегахъ, въ близости рѣкъ. Передъ дверьми строятъ клѣти рядомъ, на обѣ стороны (лабазы), для поклажи и сохраненія рухляди и другихъ непадобныхъ вещей. Въ таковыхъ юртахъ или зимовьяхъ живутъ многія семьи

вмѣстѣ, и потому внутренность оныхъ раздѣлена по стѣнѣ на столько конуръ, сколько семей находится. Какъ бы, по причинѣ множества народа, ни была узка сія канурка, однако въ ней должны умѣститься мать съ дѣтьми и со всѣмъ домовымъ припасомъ и при своемъ собственномъ огнѣ работать.

Богатые Остяки имѣютъ оленьи стада иногда многочисленныя. Бѣдные питаются только рыбою. Часто ѣдятъ ее сырьемъ. Сырая же мерзлая рыба, изструженная мѣлко вмѣстѣ съ костьми, употребляется даже и Рускими. Рыбъ такое обиліе, что мѣлкіе ихъ сорты отдаютъ одними собакамъ. Лучшія рыбы запасаютъ на зиму, проваливая и жаря; никогда не солятъ. *Позымъ*, родъ балыка, вырѣзывается на ремни изъ рыбьихъ боковъ на каждой сторонѣ, проколовъ надѣваютъ на палки, сушатъ и поджариваютъ. Лучшіе изъ муксуговъ. Брюшки и спинки, провяливъ и поджаривъ, кладутъ въ мѣшки изъ олепьихъ желудковъ. Это съедобное называется *варка*. Кости жарятъ для корма собакъ. Сверхъ того запасаютъ въ осетровые мѣшки *юттy* изъ мѣлкихъ рыбъ. Порса изъ бѣлой рыбы, мѣлкой, высушенной на вѣтру и мѣлко истолченной съ костьми. Зимой варятъ уху изъ варки и костей рыбьихъ, потдалкивая къ пимъ муки, получаемой отъ рускихъ, хлѣбаютъ большими уполовниками. Изъ брюшьихъ черевъ вывариваютъ жиръ, потребный въ домоводствѣ, который продаютъ и рускимъ для употребленья въ посты. Рускіе не могутъ его утрафить: либо переварятъ, либо недоварятъ, отъ этого опъ и горькнетъ. Варятъ клей изъ осетровъ, который можетъ клеить безъ варенья.

Зимой звѣриные промыслы для остяковъ главнѣйшее упражненіе. Какъ только выпадетъ снѣгъ, это лучшая пора ловить лосей и оленей. Зимой ходятъ остяки за промысломъ на лыжахъ въ отдаленныя степи и лѣса, такъ что не прежде какъ чрезъ нѣсколько мѣсяцевъ могутъ назадъ возвратиться. Оружіе стрѣлы костяныя.

Табакъ курятъ и нюхаютъ съ жадностью, для крѣпости прибавляя золу изъ грибовъ и губъ, выростающихъ на березахъ.

Набивши носъ такимъ табакомъ, они затыкаютъ его таловыми стружками. Отъ ѣдкости табака все лицо такъ разгорается, что становится безопаснымъ отъ великихъ морозовъ. Къ водкѣ сильно падки и, сколько ее ни вымѣпяютъ отъ рускихъ, вдругъ выпиваютъ. Дѣлаютъ пьяное питье изъ мухоморовъ. Язычники приносятъ жертву болванамъ; мясо сами ѣдятъ, а болвану вымажутъ только губы. Ставятъ также передъ болваномъ рогъ съ табакомъ, который обыкновенно рускіе украдкою вынюхиваютъ. Имѣютъ шамановъ. Пляска выражаетъ разные поступки ихъ на звѣриныхъ промыслахъ. Иногда выражаетъ склонности и движенія звѣрей и птицъ, насмѣшку надъ сосѣдями, все по такту музыки. Представляютъ въ лицахъ соболиный промыселъ, обычай и поступки журавлей, лосей, полетъ птицъ, поискъ мышей мышелова, какъ рускія бабы ходятъ на рѣку мыть бѣлье и платье, все довольно смѣшно. Журавля пляшутъ скорчившись, закрывшись шубой, просунувъ черезъ рукавъ вверхъ длинную палку, на мѣсто шеи, съ деревянной на концѣ журавлиной головой. Въ пляскѣ лося музыкантъ равнымъ образомъ выражаетъ различный его бѣгъ рысью или въ скокъ, или какъ ходитъ онъ просто, какъ дѣлаетъ малые отдыхи для осмотрѣнія, откуда за нимъ гонятся. Невольно изумляешься всѣмъ искусно выдуманнымъ представленьямъ этого почти дикаго народа. Хорошенько насмѣяться ихъ первѣйшее увеселенье.

Музыкальные инструменты двухъ сортовъ: Домбра на подобіе лодки, точь въ точь какъ у Богуловъ, съ такимъ же числомъ струнъ, и *Дурнобой*, похожій на давыдову гусли, состоящій изъ ящика умножающаго шумъ, къ нему придѣланной лебединой шеи и тонкой дощечки, составляющей третью сторону треугольника. Въ немъ около 30 струнъ. Игрокъ, играя обѣими руками, передвигая, прижимаетъ большимъ пальцемъ тонкую дощечку, чтобы дать тону трель. Любятъ также сказки и повѣствованія о древнихъ витязяхъ и удальцахъ на охотѣ. Ласкопріимны и не знаютъ какъ угостить гостя. Готовы убить для него лучшаго оленя, сварятъ для гостя лучшее на ихъ вкусъ, какъ

то: языкъ, мозгъ, грудину и здоръ, а накормивши еще и дарятъ.

Когда присягать новому Государю, то собираютъ ихъ вмѣстѣ въ кучу, посреди кладутъ топоръ, коимъ рубливали прежде медведя или медвежицу, потомъ даютъ каждому съ пожа кусокъ хлѣба, причемъ сіе говорить долженъ: Если я моему Государю до конца жизни моей вѣренъ не буду, своевольно отпаду, должнаго ясака не заплачу и изъ моей земли отъиду, или другіе невѣрности окажу, то чтобъ меня медведь изорвалъ, кускомъ симъ, который ѣмъ, чтобъ мнѣ подавиться, топоромъ симъ да отрубятъ мнѣ голову, а пожемъ симъ чтобъ мнѣ заколоться. Если ихъ поставятъ на колѣни на медвежей кожѣ, то по совершеніи присяги всякой изъ нихъ долженъ откусить медвежины, при чемъ многіе, для оказанія ревности, зубами вытеребливаютъ шерсти. Подобныя присяги, гдѣ медвежина играетъ главную ролю, въ употребленіи у всѣхъ иновѣрческихъ народовъ сибирскихъ.

Самоеды отъ остяковъ лицемъ и видомъ отличны; тѣ болѣ приближаются къ рускимъ или къ Чухнамъ, а сіи имѣютъ, какъ у Тунгусъ, круглое, плоское, широкое лицо, которое у молодыхъ женщинъ очень пріятно, толстыя заворотившіяся губы, широкій носъ, растопыренныя ноздри, ростомъ меньше Остяковъ, но стройнѣй, плотнѣй и мусколоватѣй. Въ нихъ больше дикости, чемъ у Остяковъ, находящ. въ част. обращеніи съ рускими. Одежда походитъ почти на Остяковъ. Женщины меньше стыдливы и не покрываютъ лицъ. Отъ мущинъ не чтимы и почитаются за вещь и служанокъ. Язычники, также какъ и Остяки, имѣютъ у себя каждый деревяного болвашку. Празденства у нихъ въ борьбѣ и скаканьи до извѣстной мѣты. Пляшутъ въ кругѣ по парѣ мущины и бабы, не сходя съ мѣста, но только двигаясь и ломаясь по такту, вмѣсто же музыки храпятъ въ носъ и выговариваютъ нѣсколько звуковъ. Бабы также подъ такту отхрапываютъ.

Нѣтъ рѣки, которая бы въ такомъ множествомъ изобиловала рыбъ, подымающимися стаями изъ моря. Особенно рыбы, любящія мягкое у рѣкъ дно. Собственно принадлежащія Оби: Муксунъ, Salmo lavareto affinis, Пыжьянъ, чогоръ; сорогъ, Salmo vimba, ряпушка, Salmo albula, бѣлая рыбица или Нельма, пребольшіе налими, таймени, харіусы, щуки, окуни, ерши, караси, плотва. Зимой добывается рыба вершами. Эта нетрудная ловля поручается ребятамъ. Веревки для сѣтей плетутся изъ тальниковыхъ прутьевъ.

По безлѣснымъ степямъ къ сѣверу, къ морю, промышляется много бѣлыхъ и голубыхъ песцовъ, красныхъ лисицъ, бѣлыхъ и сѣрыхъ волковъ, росомахъ, олепей, а южнѣй и дальше отъ моря, въ лѣсистыхъ мѣстахъ, лоси, рыси, соболи, горностаи, бобры. Кромѣ стрельбы производятъ охоту медведей, волковъ, рысей и росомахъ капканами и самострѣлами. Волковъ и лисицъ сверхъ того отравою изъ чилибухи и сулемы, пастьми или слопцами, изъ коихъ у Остяковъ особенно извѣстны Куромсѣки изъ бревна, которое обрывается и убиваетъ звѣря, какъ только тронетъ онъ приманку. Черкапъ, пасть которой въ Росіи ставятъ на горностаевъ и ласток, у Самоедовъ ставятъ на песцовъ. Противъ лисицъ ставится самострѣлъ изъ лука на супротивъ бугорка, въ коемъ закопанъ прикормъ. Бобровъ достаютъ искусно изъ поръ собаками. На олепей выѣзжаютъ во множествѣ съ бабами. Съ оленями употребляютъ множество хитростей, подвести ихъ подъ выстрѣлы. Олени глубоко засунувъ голову въ снѣгъ, изъ подъ котораго вырываютъ себѣ мохъ, и полагаясь на вѣтеръ, который принесетъ имъ за нѣсколько верстъ человѣческой запахъ, не видятъ приготовлепій. Зимой по глубокому снѣгу гоняютъ ихъ на лошадяхъ.

Когда самоеды кочуютъ подлѣ моря, то промышляютъ моржей и морскихъ телятъ, выходящихъ невдалекѣ отъ береговъ на каменья или на льдины. Изъ тюленей замѣчателенъ морской заяцъ, бѣлый и чистый какъ снѣгъ, шерсть лоскнетъ какъ серебро.

Какъ только станетъ оттеплывать, ищутъ талыхъ мѣстъ, гдѣ растаенный снѣгъ образуетъ болота, на кои сажаются птицы. Для ускоренія тали мечутъ по такимъ мѣстамъ золу. Иногда сажаютъ на льду, для приманки, чучелъ изъ гусей и утокъ, и скрывшись сами, стрѣляютъ изъ ружей.

Для ловли гусей и утокъ Остяки прорубаютъ въ лѣсу прямые проспекты. Гуси, не любя подыматься высоко, летаютъ этими улицами. Преграждая улицы сѣтями, они ихъ такимъ образомъ ловятъ. Сверхъ того Остяки искусно подманиваютъ ихъ гусиными криками свозь бересту. Растилаютъ также сѣти по берегамъ рѣкъ, гдѣ гуси любятъ шипать траву. Ловятъ только самыхъ большихъ птицъ, малыми пренебрегаютъ. Рускіе насоливаютъ утокъ во весь годъ въ такомъ изобилія, что весной должны даже выбрасывать вонъ остающіяся.

Тутъ кончились свѣденія, показанныя Зуевымъ. До 7 марта еще пробылъ Палласъ въ Красноярскѣ. Сего же числа послѣ обѣда выѣхалъ на ту сторону Енисея. Снѣгу было мало. Но къ Ангару страна и гористѣй, и суровѣй, и лѣсистей, снѣгу много. Въ большомъ сосняге встрѣченъ, по первымъ выходящимъ листамъ, Багульникъ, Rhododendrum dauricum. Въѣхавши въ Иркутскую губернію, для проѣзжающихъ покойные свѣтлые домы.

Мѣста по Вилую гористы, но горы всѣ слоеватыя; содержатъ или песокъ, или цвѣтной шиферъ, или мягкую слоями глину со многимъ колчеданомъ. Тамже находятъ по берегамъ разбитое каменное уголье, коихъ надобно находиться гнѣзду гдѣ нибудь выше по Вилую. По рѣкѣ Рамендой цѣлая гора изъ селениту, другая изъ Алебастру и подлѣ горная соль. По причинѣ наступившихъ большихъ оттепелей уже не видали больше снѣжныхъ жаворонковъ, alauda alpestris, и чорныхъ воробьевъ, Fringila flavirostris. Они полетѣли дальше на сѣверъ. Напротивъ того, появился въ большомъ множествѣ по городамъ и деревнямъ, сей странѣ толь свойственный, Пестрый воронъ. Corvus dauricus.

Рѣка Ангара, по которой шла наша дорога, имѣла великія полыньи. Далѣе она вовсе очистилась отъ льда. По ней уже плавали утки, гагары; между утками попалась Anas Hystrionica. Нужно было ѣхать по каменному берегу, что, по причинѣ малого количества снѣга, было тяжело. Чемъ ближе подъѣзжаешь ка Байкалу, тѣмъ горы становятся выше и видъ дичѣе. Досель онѣ были отлоги и слоисты. Жерло рѣки Ангары съ обѣихъ сторонъ стѣснено каменными горами, промежъ которыхъ, какъ будто сквозь ворота, великое моря пространство и стоящіе на берегу каменные хребты видны. На горахъ травы чуть только выходили. Прекраснѣйшія изъ нихъ были:

Позимняя травка.

Saxifraga bronchialis.

Androsace lactea.

Оголившіеся морскіе берега поразили новостью: особеннымъ родомъ сомнительной въ морѣ растущей бодягѣ, Spongia Baicalensis, изрядной величины. Ее сдѣсь случаемъ собираютъ подъ именемъ морской губы. Ею серебреники въ Иркусткѣ вычищаютъ и гладятъ серебреные и томбаков. сосуды.

Дорога по льду была прямая и часто далеко отходила отъ берега. Такъ сдѣлали 50 верстъ; потомъ пошла все по берегу, по всѣмъ заливамъ или бухтамъ, болѣ семидесяти верстъ. Мы почти переѣхали половину дороги пособіемъ жестокаго вѣтра, дувшаго намъ въ тылъ и уносившаго ямщиковъ почти по льду, такъ что не иначе какъ ножами должны были одерживаться. Опасность чтобы не замерзнуть и не попасть въ трещины, причиненые на льду бурей. Такъ какъ вихри умножались, то пріостановился до завтра въ зимовье на берегу. Въ зимовье уже было множество народу, готовившаго на ловлю тюленей, которые въ этомъ мѣсяцѣ выходятъ гулять на ледъ и спать на солнцѣ. Къ нимъ подъѣзжаютъ промышленики на салазкахъ, растягивая бѣлый парусъ, за которымъ скрываются. Тюлень думаетъ, что это стоящая льдина, и убивается легко изъ ружья. Море нынѣшній годъ такъ гладко замерзло, что ледъ былъ какъ

зеркальное стекло; только по берегамъ видны были стоящія льдины и торосы. Не всякой годъ случается такъ ровно замерзать. Снѣгъ на сей пространной равнинѣ не держится и для того по льду, покуда не пробьется слѣдъ, иначе нельзя ѣздить, какъ хорошо окованными лошадьми, и притомъ съ острыми шипами. Если весной подлѣ береговъ ѣздить станетъ опасно, то берутъ дорогу прямо черезъ Байкалъ съ Листвяничнаго Зимовья на Посольскій монастырь. Разстоянье 70 верстъ. Когда на морѣ ледъ начинаетъ разсѣдаться, то въ запасъ берутъ съ собою доски, по которымъ проводятъ и лошадей и сани. Въ самонужнѣйшихъ посылкахъ отваживаются переходить Байкалъ тогда даже, когда разсѣлина на нѣсколько саженъ шириною. Но тогда идутъ пѣшкомъ и тянутъ за собой маленькую лотку, въ которые переплываютъ отъ одной льдины до другой.

Изъ Посольскаго монастыря безо всякой остановки отправился я далѣе. По пескамъ снѣгъ великое разстояніе почти весь разстаялъ, такъ что едва можно ѣхать. Многія наводненія, промоины и соры вдоль по берегамъ, изъ Байкала разлившіеся, еще въ пути нѣсколько пособляли. Отъ монастырской степной деревни еще на нѣсколько верстъ былъ перегонъ по льду одного залива.

Страшныя горы и лѣса. Дорога лежитъ узкимъ путемъ въ лѣсныхъ глубинахъ, въ мѣстѣ гдѣ Селенга пробиваетъ хребетъ. По ту сторону Селенги застава, гдѣ осматриваютъ телеги и фуры, нагруженныя товарами съ китайскихъ границъ, всѣ ли заклеймены должною печатью. Свидѣтельствуетъ унтеръ-офицеръ съ небольшою командой.

Пріѣздъ въ городъ Селенгинскъ. Весь Селенгинскій округъ лежитъ межъ песчаными горами въ тепломъ мѣстѣ. Весна здѣсь раньше. Уже 20 дня Февраля выгоняли въ поле овецъ. Въ исходѣ сего мѣсяца снѣхъ по мѣстамъ, лежащимъ на полдень, весь сталъ, и птицы, проводящіе зиму въ теплыхъ мѣстахъ, налетѣли. Первая показалась Motacila leucomela, съ чорными и бѣлыми по крыльямъ полосами, какая въ гористыхъ мѣстахъ по

волгѣ и по Иртышу водится. Также маленькой сѣроголовинькой травничокъ, Motacilla Davura, которая лѣтомъ по сѣверу разлетается, а теперь во множествѣ около Селенги держится, находя для себя дикіе плоды съ дерева, извѣстные здѣсь подъ именемъ яблочковъ, pirus baccata; маленькіе птички изъ роду клюстовъ, Loxia Sibirica; прекрасный родъ красныхъ конопянокъ, Fringilla rosea; грачи, водящіеся зимой вокругъ Селенгинска, Corvus graculus; жаворонки, Alauda Alpestris, и наконецъ пестрые даурскіе галки, летавшіе по деревнямъ и по городу ужасными стадами. Къ концу марта подлетѣли Драхвы, красные утки и лебеди.

Дорога по каменнымъ, пѣскомъ и хрящомъ засыпаннымъ, горамъ, кои подымаются вверхъ по Селенгѣ. Солончатое поле, покрытое наноснымъ пескомъ и ничего другого не производящее, кромѣ деревца Ильмовника, Ulmus pumila. На мѣлкой рѣчкѣ, заросшей тальникомъ, плавали красныя утки, по сдѣшнему Турпаны, гуси, похожіе на Китайскихъ, anser cygnides. По кустамъ летали стадами клесты и тростники.

Кяхта, на ровномъ, нѣсколько возвышенномъ мѣстѣ, окружена высокими горами, каменными, лѣсистыми. Изъ коихъ знатнѣйшая Орелъ-Гора, Бургультей, подлѣ которой съ полуденно-восточной стороны находится крѣпость, такъ что всѣ улицы и лавки, равно и Китайская слобода, весьма хорошо видны. Мѣсто, на которомъ выстроена Кяхта, песчанокаменно и ни подъ какіе огороды не годится. Вода въ рѣчкѣ Кяхтѣ дрянная, такъ что лучшіе питоки чая изъ милости берутъ у Китайцевъ изъ ключа, впадающаго въ Кяхту. Китайская слобода отъ нашего городка не далѣ 60 сажень на полдень. Въ ней до 200 тѣсно построенныхъ дворовъ, вокругъ дощатой заборъ и валъ. Въ каждой стѣнѣ пробиты ворота на большую улицу. Улицы усыпаны хрящемъ, стокъ для дождя по серединѣ, содержатся чисто. Дворы домовъ просторные, усыпаны щебнемъ. На улицы красные ворота съ калиткой, подлѣ амбары для товаровъ, у коихъ двери на дворъ, а спаружи большая навислая крышка. Остальное мѣсто на дворѣ вкругъ занято жилыми избами, чуланами съ запасомъ,

все изъ дерева, фашинникъ, глины и выбелено извѣсткой. Крыши досчатыя, впередъ навислые, у простыхъ крытые дерномъ и мхомъ. Въ окнахъ, за дороговизной стекла, слюда, у многихъ вставлена разрисованная бумага. На стѣнахъ избъ вывѣшены для пробы кусочки отъ всѣхъ товаровъ, кои въ ней находятся. Стѣны внутри обиты бумажками, въ стѣнахъ шкафы съ бумажными дверцами. Лавки, на коихъ сидятъ и спятъ (на 2 фута вышиной), занимаютъ болѣе половины избы. На лавкахъ складены изъ кирпичу четвереугольныя печки, дымъ утягиваетъ внизъ въ дыру и потомъ въ трубу, которая проводится туда и сюда подъ лавками и выходитъ на улицу дымникомъ, проведеннымъ подъ крышу. Отъ этого лавки необыкновенно горячи. Столъ и два маленькихъ лакированныхъ на лавахъ столика съ жаровнями для раскурки табаку — вся мебель. Кухня чистотой превосходитъ всѣ Европейскіе кухни. Китайцы удивительно чистоплотны, не смотря на то, что всѣ работы въ домахъ отправляютъ мущины. Китайцы снабжаютъ Кяхту огородной зеленью и привозимыми съ юга плодами. Китайцы въ торговлѣ несравненно хитрѣй и умнѣй русскихъ, которые своими ссорами, разногласіями и желаніями перебить другъ другу сбиваютъ сами цѣны.

Съ нашей стороны отпускаются въ Китай *пушные* товары звѣрей: Канадскій Бобръ, лучшая выдра, чернобурая лисица, простая лисица или бѣлодушка, сиводушка, голубые песцы. Камчатскіе Бобры, большіе (матки) и средніе (кошлоки). Хвосты морскихъ бобровъ, обыкновенные Зырянскіе, Обскіе и Чулымскіе бобры, сшитые бобровые брюшка, рѣчныя выдры, выдрины брюшка, медвѣжины, волчины, вольчьи выпоротки или выкидыши, вольчьи лапы, рыси и рысьи лапки, росомахи и росомашьи лапки, сиводушки и недолиси, сивые лисицы, огняпки или совсѣмъ красные лисицы, бѣлыя лисицы, лисьи брюшки, лисьи душки или шейки, простые лисьи лапки, лисьи хвосты, лисій хребтовый и брюшковый мѣхъ. Киргизскіе степные лисицы или карагавки, маленькіе степные корсаки, корсачьи лапки, песцы всѣхъ сортовъ: бѣлые, голубые, поники, синяки и чаяшники.

Одѣяла песцовые, соболи, ихъ хребтовые мѣха, брюшки, лапки и хвосты. Куницы, норки, ласки, колонки, хорьки, бѣлки, летяги, Бурундуки. Зайчины бѣлые, мѣхи изъ спинокъ и брюшковые, зайчины сѣрые. Мѣхи изъ бѣлыхъ заячьихъ ушковъ съ чорными концами, имѣющіе прекрасный видъ. Мѣхи кроличьи, дикіе кошки (манулы), шкурки выхохулей, мѣхи чорныхъ и бурыхъ кротовъ. Еврашковые, простые и крашенные сурковы или Тарбагановы шкурки, шубы ихъ изъ брюшковъ бѣлые какъ серебро, шкуры тюленьи, молодые бѣлые медведи, котики морскіе чорные и сѣрые. Санаяки (Якутскіе платья) изъ бѣлыхъ медвежьихъ кожъ, одѣяла бѣлыхъ медведей, шкуры якутскихъ пыжей или молодыхъ олепей, всякіе обрѣзки, лоскутки шубъ. Сайгачьи рога, изъ которыхъ Китайцы дѣлаютъ прозрачные окончины въ фонари, вмѣсто стеколъ. Мерлушки и длинношерстые ягнячьи шкурки или соксурки, бѣлые и чорные, овчины, козьи шкуры или ямапы, изъ коихъ дѣлаются мунгальскіе шубы, собачьи шкуры, домашніе кошки всѣхъ сортовъ и цвѣтовъ, чорные и красные юфти, выростки или молодые олепины, выдѣлапные опойки, ровдуги и сафьяны.

Живые овцы, волы, мѣрипы. Говядина, баранина, лошадное мясо старыхъ убитыхъ лошадей или клячь. Говяжье и баранье сало. Рыбій жиръ, простой клей, рыбый клей.

Изъ мапуфактури. товаровъ: простое солдатское сукно, простое руское сукно сермяга, мужицкое сукно крашенное и некрашепное. Овечьи войлоки, Московскій полуколоменокъ, руской штамедъ, простой дрель, набойка, пѣстредь, простой холстъ, салфеточной холстъ, тикъ, простые холщевые платки, мѣдный чайникъ, простые зелепые бутылки и стакапы стекляный, зеркала всякой величины, мишура, топоры, косы, серпы, простые карманные складные ножи, ножи въ ножнахъ, ножницы, негодные ворбтные замки.

Отъ Китайцевъ, кромѣ чаевъ, привозятъ серебро въ слиткахъ, употребл. у нихъ вмѣсто большой монеты. Сырая чистая хлопчатая бумага. Сученый шелкъ. Ровный бархатъ, весьма мягкой,

рытой цвѣтной бархатъ. Тонкая фанза (лучшая шолковая матерія), Уссы, плохая шолковая матерія съ атласнымъ лоскомъ. Шелковый флеръ, шелковая ланза, Бухарская кутня (бумажная матерія съ шелкомъ и атласными полосами). Готовые для дождя эпанчи изъ фанзы. Китайки всѣхъ сортовъ и разные дряпные шолковые матерьи съ подмѣсью крапивныхъ нитокъ. Голи, горнитуры, Байберки, бумажныя байки, шолковые занавѣсы.

Фарфоровые чашки съ крышками и безъ крышекъ. Такія же тарелки и маленькіе миски, конфектные приборы и конфектные тарелки. Глиняные чашки, шпилькумки, горшки, каменныя тарелки, чайники и чашки, всякіе финифтяные блюдцы и вещи. Лаковые подносы, деревянныя лаковыя чашки, лаковые шкапы дорогіе, лаковые деревяные ящички съ мѣстечками на разн. употребленіе, рѣзные словой кости ячпки, перламутомъ и черепахой обклееные ячщички. Китайскія библіи рисованныя и рѣзныя изъ слоновой кости, или же съ фигурками, выдѣлапными изъ древесного сердца на шелку (непристойные), всякія куклы изъ фарфора, глины, тальку или свиного камня, и тому подобный вздоръ, лаковые на часы футляры, роговые фонари, фонарики, бумажные, креповые. Портреты малеванные на шелку. Сурику, бѣлилы въ коробочкахъ, бумажныхъ румяна, курительныя свѣчки, камышевые трости, и тому подобный, совершенно ненужный намъ вздоръ.

Китайцы собираютъ *ревень* руками Тангутовъ. Онъ родится, гдѣ отъ Селима до самого Конноора идутъ кремнистые ухабы. Старое годное коренье узнается по стеблямъ преужасной толщины. Листы его должны быть совсѣмъ круглые, безъ выемокъ и зазубринъ на ободѣ, и потому настоящій ревень не принадлежатъ не принадлежитъ къ названному отъ Ботаниковъ Rheum palmatum, коего листы Бугарцамъ даже незнакомы, но къ Rheum compactum, а можетъ быть и Rheum undulatum, который по Сибирскимъ студеннымъ и сырымъ горамъ родится съ гнилымъ корнемъ, но у нихъ по Тибетскимъ горамъ, сухимъ, открытымъ и полуденнымъ, имѣетъ корень хорошій. Вывозъ лучшій ревеня

у Китайцевъ запрещенъ, случается или тайно, или чрезъ подарки командирамъ, или въ смѣшеньи съ дурнымъ. Привозятъ его на верблюдахъ въ шерстяныхъ мѣшкахъ по 5 пудъ въ мѣшкѣ, везутъ его на ревенной дворъ, принимаютъ въ присутствіи браковщика аптекаря. Работники тутъ же, подъ присмотромъ бухарцовъ, отдѣливъ отъ здороваго корня все негодное и хилое, жгутъ его, хотя бы оно еще и годилось на пастой. Только одно здоровое вѣсится и плотятся по вѣсу.

Выѣздъ изъ Кяхты. Солнышко такъ грѣло, что на полуденныхъ косогорахъ луга начинали зеленеть. 13 апрѣля изъ подъ пѣску показалась вѣтреница, Anemone pulsatilla. Въ тоже время прилетѣли Бакланы на рѣку Селенгу. 16 по отверстіямъ песчаныхъ бугровъ начинали пролезать:

Alyssum hamilifolium. Торица, Кашибъ, Икотная трава, бурачокъ, съ листами морской лебеды.

Alyssum montanum.

Lepidium Thlaspioides, перечная трава, крессъ.

Potentilla subacaulis, зелѣнѣющая подъ снѣгомъ и служащая первою паствою оголодавшимъ Бурятскимъ стадамъ, уже цвѣла 20-го.

Veronica incana, которой изсохшіе листы общипываютъ въ тоже время овцы, вмѣстѣ съ цвѣточками обоихъ сортовъ вѣтреницы, служитъ имъ слабительнымъ, очищая ихъ отъ зимней чесотки.

Летали по сосиягамъ Подорожника, Emberisa Cia и Pithyornus, а по тальникамъ стадами при березахъ голубыя кедровки съ чорными головами и предлинными хвостами. Cornus Cyanus. Отдалясь отъ Селенги направо къ рѣкѣ Хилокъ, по коей много маленькихъ деревень. По Селенгѣ поляки разводятъ сады и арбузы.

Хлѣбопашество. Чтобъ кустоватые и лѣсистые мѣста сдѣлать пахотными, Поляки съ успѣхомъ употребляютъ плугъ съ сошниками, какъ въ ихъ землѣ, и косулю въ двѣ припряжки на колесахъ или безъ опыхъ; коею орютъ гораздо глубже и подсѣ-

кают корѣнья лучше, чемъ рускою косою. Сошнику у плуга треугольные, шириною въ ладонь и весьма навострены; правой лежитъ плашма и внутреннимъ краемъ нѣсколько поглубже; а лѣвой къ тому стойкомъ, и острымъ бокомъ къ верху; при семъ находится лопатка желѣзная или деревянная для оборачиванья отрѣзанной стоячимъ сошникомъ земли на другую сторону борозды.

Лѣсъ на горахъ по Куйтуну сосняг, а по буграмъ лиственишникъ. Онъ покрываетъ особенно сѣверную сторону Синей горы, которая здѣсь высочайшая, изъ которой истекаетъ и рѣка Куйтунъ. Лосей и дикихъ звѣрей великое множество. Вокругъ лежатъ горы, не безъ рудны, хоть и не разрабатываются. Скоро пропадающія въ горахъ жилы заставили правительство бросить начатую разработку, предоставивъ ихъ безпошлинно Куйтунскимъ кузнецамъ, плавящимъ ихъ въ своихъ кузницахъ. Руда лежитъ подъ краснымъ глинистымъ валомъ и каменнымъ слоемъ горы въ половинѣ косогора къ глубокой долинѣ, толщиной отъ одного аршина на цѣлую сажень, а шириной на 15 сажень, но въ горѣ такъ непостоянна, что тотчасъ и конецъ ея можно видѣть. Она вся разбита гнѣздами, такъ что кирками добывать легко. Тверда, съ чорнымъ блескомъ, и много даетъ стали, выключая что по горѣ валяется отчасти охристая, красная, отчасти темнобурая каменная, къ плавкѣ негодная, мужиками называемая Исмоденомъ.

Желтая трясогузка съ совершенно желтой головой.

Куриной цвѣтъ, Ornitogalum luteum, начиналъ распускаться по хрящеватымъ песчанымъ лугамъ и солнчакамъ.

Sibbaldia erecta, имѣющая красивыя звѣздки изъ листковъ, распускалась по каменистымъ мѣстамъ.

Вблизи рѣки Уды, впадающей въ Селенгу. По горамъ сосняг. Гора опочистаго красноватого плу, подобнаго чистому, дикому, кремнистому камню, который продолжался на востокъ и на западъ большими увалами, а къ сѣверу кончился глубокою долиною.

Lycopodium rupestre. Плаунъ утёсный; по горамъ.
Androsace villosa. Рѣзуха, Переломъ.
» lactiflora, обѣ распускали свои цвѣты.
Dracocefalum pinnatum, по горамъ.
Посконная крапива, Urtica cannabina, начинала разцвѣтать по долинамъ.

1 Мая. Повсюду оставленные рудники. Далѣе мѣста открытые и возвышенные. Выпалъ снѣгъ, горы побѣлѣли. Вблизи рѣки Погромной минеральный ключъ, изъ коего въ безмѣрномъ количествѣ пьютъ Буряты воду отъ головной боли, отъ разслабленія и внутреннихъ припадковъ. Она производитъ рвоту. Страна холодная; мѣста и болотисты, и лѣсисты, и гористы вмѣстѣ. Снѣгъ началъ падать во множествѣ, дорога затруднялась, травъ нигдѣ. Лошади падали, не хотя вкусить березоваго листу, которымъ ихъ кормятъ буряты. Множество нашли въ снѣгу отъ холода и мороза умершихъ птицъ, между ними мѣлкаго сорта голубохвостую трясогузка, Motacilla cyanurus. На помощь лошадямъ припрягли верблюдовъ, но упрямые ложились на колѣни и не хотѣли итти. Водныя разлитія. Переѣзды съ телегами по плотамъ и бревнамъ. Несмотря на ужасное стремленье рѣки, посреди ея игралъ прекрасный родъ утокъ, Anas histrionica, называемый отъ рускихъ каменушками, по причинѣ того, что любитъ быстрѣйшіе каменные рѣчки. Высокія мѣста. По нимъ разбитый каменный хребетъ, называемый *Яблоннымъ*. Гребень, шириной въ двадцать верстъ, состоитъ изъ сѣраго камня, идетъ до восточнаго океана, отдѣляя Даурію отъ Сибири и рѣки, впадающіе въ Лену и Байкалъ, отъ Амурскихъ. Въ горахъ нѣтъ ни слоевъ, ни рядовъ, но малые и большіе каменья лежатъ будто разметанные, безо всякаго порядку; по нимъ растетъ мохъ, а по щелямъ деревья разстилаютъ свои коренья. Снѣжная вода, съ быстротой стекающая, оголила издревлѣ горы. Всѣ они были мокры, лѣсъ изъ лиственницъ, мѣлкихъ березокъ, на югостоочной сторонѣ по рѣчкамъ красная и бѣлая сосна.

11 мая. Продолженье пути до Читинска, въ теплыхъ мѣстахъ по горамъ Ревень, Rheum undulatum.

Primula farinosa, скороспѣлка, сонъ, гасникъ, бѣлая буквица (мучнистая) пролѣзала по низкимъ мѣстамъ.

Cotyledon malacophillum, пуповникъ, прекрасная травка выходила по лѣсамъ на косогорахъ.

Ужасное множество земляныхъ всякого рода мышей. Изъ нихъ особенно примѣчателенъ черноватенькой родъ, mus oeconomus, роющихъ норы подерномъ, необыкновенно пространныя, съ магазинами, въ которые натаскиваютъ до десяти фунтовъ чищеннаго коренья. Ихъ отнимаютъ дикіе свиньи и Тунгусы, охотники до опьяняющихъ кореньевъ.

Отсель видно за рѣкою Или высокую гору Алахану, которая совсѣмъ бѣла отъ снѣга, несходящаго съ нее во все лѣто. По рѣки Или цвѣли Spiraea chamaedrifolia, козья бородка, бородатый лабазникъ и Сибирскій черносливъ, Prunus sibirica, красивый кустарникъ, схожъ съ садовыми абрикозами, застилающій собою большую часть обнаженныхъ горъ, покрытыхъ голышами и разбитыми каменьями. Зерна его настаиваютъ на вино, получающее персиковый вкусъ. Ягоды, особенно незрѣлыя (они поспѣваютъ въ Іюлѣ), причиняютъ головную боль.

Ничего нѣтъ великолѣпнѣе, какъ сіи крутые по Опону и безлѣсные горы, коихъ полуденная сторона цвѣтами Сибирскаго чернослива, полуночная же цвѣтущимъ Rhododendron dauricum, съ верху до подошвы, пурпуровымъ цвѣтомъ одѣвались.

Ловля дикихъ козъ, называемыхъ дзеренами, первѣйшее увеселеніе Мунгаловъ и Тунгусовъ. Выѣзжаютъ станицамъ отъ 50 до 200 человѣкъ. У каждого лукъ, стрѣлы и хорошо выученная собака. Избираютъ мѣста открытые къ рѣкѣ или лѣсу, преграждающему звѣрю дорогу. Ватага разъѣзжается на малые кучки, дѣлаетъ превеликой кругъ. Концы или крылья впередъ подающагося или заходящаго круга, подкрадываясь изъ за горокъ, изъ за бугровъ, дабы способнѣй и совершеннѣй окружить звѣря, сходятся позади того мѣста, гдѣ звѣрь указанъ. Какъ скоро обошли,

то подходятъ ближе, кругъ льдей становится чаще. Дзерены испуганные бросаются въ бѣгъ. Промышленники на нихъ отъ всюду со всѣхъ сторонъ скачутъ во весь опоръ и, окруживъ, крикомъ и свистящими стрѣлами обезумливаютъ звѣря и повергаютъ, сколько могутъ. Стрѣлять же и попадать въ цѣль на бѣгу, на всемъ скаку съ лошади, Даурскіе охотники мастера. Лѣсу и воды даурскіе сайги боятся.

По низменнымъ мѣстамъ около Онони расцвѣтала смолистая тополь, роняя съ себя почки, одѣянныя во всю зиму вязкою благовонною смолою, подобной Мекскому бальзаму. Птичьи вишни тоже начинали разцвѣтать. Цвѣли по долинамъ:

Astragalus biflorus.

Gentiana aquatica, малѣйшая изъ даурскихъ травъ.

Potentilla fragarioides, клубникѣ подобная.

Viola pinnata, по горамъ.

» digitata.

Iris pumila, низкая ирь.

Scorzonera humilis, козелецъ.

Papaver nudicaule. Макъ нагоствольный. Его желтыми цвѣтами испещрена великолѣпно весной вся Даурія, на чистыхъ мѣстахъ, сколько можно обнять ихъ глазомъ.

Рѣка Ононь протекаетъ по каменному дну и потому выкидываетъ на берега множество сердоликовъ, халкедоновъ и кашелоповидныхъ камешковъ, которые, если бы были покруп ѣе и безъ трещинъ, продавались бы высокою цѣной. Куски зеленой, желтой и полосатой яшмы валяются повсюду. Кашолоновъ и сердоликовъ по Аргуню еще больше. Попадаются также жемчужные раковины и всякіе болотные ракушки, величины огромной, вдоль по Ононю по озерамъ.

Astragalus depressus, низменный, покрывалъ всѣ пространства въ лѣсахъ и былъ въ полномъ цвѣту.

Iris an verna, Благовонный касатикъ.

» acaulis.

Hemerocaulis, Лилеезлатоглавникъ, Морецвѣтъ, властоцвѣтъ.

Stellera camaejasme.

Вербовникъ былъ разсѣянъ повсюду кустами.

Robinia caragana, килижикъ, горовникъ, поѣдомый даурскими овцами, отъ котораго они жирѣютъ.

Lilium pomponicum, Сарана или красныя полевыя лиліи еще не цвѣли, они поспѣваютъ въ Іюнѣ.

Руской и Китайскій маякъ изъ одного коннаго караульнаго на холмѣ, который весь изъ яшмы темнозеленой, видѣ почти полупрозрачной, испещренной красноватыми жилками, коей слои въ горѣ, въ натуральномъ ихъ положеніи, почти видны были наружѣ.

Ribes diacantha, особый родъ Ежевики родится въ Дауріи и по Селенгѣ. Она имѣла уже листья и цвѣты, кои у нее бываютъ сережками. Ягоды во множествѣ и красноваты, но поспѣваютъ не прежде, какъ въ позднюю осень. Сладки, но меньше смородины, сушеныя какъ коринка.

Iris an spuria? голубой кватикъ роскошествовалъ по пескамъ вокругъ озера.

Phaca, узлы, зимніе орѣшки, по землѣ растилающаяся.

Potentilla bifurca, Серебр. двоевильчатый.

Phaca salsula.

Караулы и цѣпи карауловъ. Козаки разселившіеся по рѣкѣ Опоню. Родъ лошадей дикихъ, которыхъ называютъ Мунгальцы Джигитеями. Долгоушей. Похожъ на Лошака, но плодится. Дикъ и быстръ, такъ что никакая лошадь его не угонитъ. Обоняніе столь сильно, что его нельзя никакъ обойти облавой, какъ сайгъ. Пріучить сколько ни пробовали, никакими мѣрами не можно.

1 Іюня.

Primula farinosa.

» Rotundifolia, покрывали своими красными цвѣтами солончатые поля.

Плѣшивецъ особаго рода, съ свѣтлыми и желтыми цвѣтами.

Viola pinnata.

Viola lanceolata.
Sophora lupinoides, по сухимъ песчанымъ мѣстамъ.
Stellera camaejasme.
Прекрасный, съ бѣлымъ цвѣтомъ, касатикъ.
Pedicularis, вшивникъ, вошникъ, гнидышъ, желтая.
Potentilla sericea.
» multifida, многораздѣльный.
Hyosciamus physalodes, блекота, белена одуревающая, одуревающія семена ее (поспѣваетъ въ Юнѣ). Тунгусы жгутъ какъ кофій и пьютъ по утрамъ.
Clematis Hexapetala, Ломонос, бородавникъ, пищая трава.

Отдаленные горы подымаются изумительно какими верхами, похожими на оставшіяся развалины какого нибудь строенія. Многіе горы такъ украшены каменьями, что нельзя не подумать, чтобы это не стада лошадей, коровъ или верблюдовъ паслися. Различные горъ кабаны положеньемъ и фигурой приводили въ изумленье. Необыкновенно пріятныя долины, множество оленей, птицъ всякихъ. Все вокругъ было испещрено цвѣтами, коп здѣсь цвѣли ранше, чемъ въ другихъ мѣстахъ. Нигдѣ еще не попадалось такое пріятное мѣсто. Каменные бараны, Аргали, на ногахъ выше обыкновенныхъ овецъ, шерсть зимою длинная, лѣтомъ короткая. Никой елень такъ не пужливъ. Въ бѣгу скоры и дюжи, бѣжитъ отъ человѣка не прямо, но кидаясь въ ту и другую сторону. Въ горахъ цѣпляются за ухабы и камни и прыгаютъ съ чрезвычайнымъ проворствомъ.

Каменные, пѣскомъ изобильные, горы на Ононѣ были всѣ усыпаны цвѣтами. Наболѣе изобиловалъ макъ отъ бѣлаго и свѣтложелтаго даже до оранжеваго и всѣхъ смѣшенныхъ цвѣтовъ.

Касатикъ, Iris dichotoma, толь что пролезалъ своими листами въ великомъ множествѣ по камен. горамъ. Монголы называютъ его ханчи, ножницы, и употреб. отъ зубной боли.
Centaurea, съ весьма великими головками, видимая только въ одной Сибири, распущала свои первые цвѣты.

Lychnis alpina, по низменнымъ лугамъ.
Pyrus baccata, Груша ягодоносная убирала берега и острова своими бѣлыми цвѣтами.
Бѣлый курослѣпникъ уже отцвѣлъ.
Розы, Тавогли, Лилеезлатоглавники и Orobus tuberosus, цвѣли посреди березняка, покрывавшаго высокій хребетъ.

Даурскіе Степные Тунгусы почти выводятся, утѣсняемые нуждами бѣдной своей жизни. Лица ихъ плоски, похожи на самоедскіе, волосы чорные, жидкіе, бороды почти нѣтъ. На головѣ стригутъ въ кружокъ, на верхушкѣ заплетаютъ долгую косу, какъ сказываютъ, затѣмъ чтобы можно было привязать на головѣ лукъ и не замочить его во время плытья черезъ рѣку. Образомъ жизни посреди своихъ юргъ мало отличаются отъ бурятовъ. Множество Тунгусовъ изъ нужды живутъ въ Рускихъ деревняхъ. Если мужикъ согласится платить за Тунгуса въ годъ ясакъ, кормить его и одѣвать, тогда онъ работаетъ охотно и съ удовольствіемъ. Бодры, свѣжи, мастера ѣздить на лошадяхъ и стрелять изъ лука. Для казацкой службы нѣтъ лучшаго народу, ни въ храбрости, ни въ вѣрности. Искуство ихъ пускать стрѣлы изумительно: воткнувши одну стрѣлу въ землю и разскакавшися на лошади изо всей поры мочи, они перестреливаютъ ее изъ лука другою. Въ одно и тоже время, сидя на лошади, погоняетъ плетью, беретъ стрѣлы, стреляетъ, не имѣя въ рукахъ узды, управляя лошадь только однимъ движеньемъ своего тѣла. Держится одной ногой за сѣдло, на скаку всѣмъ тѣломъ повѣсится на сторону, опрокинется, стреляетъ назадъ, не сворачивая лошади съ бѣгу. Тунгускіе роды имѣютъ надъ собою начальниковъ Тоіоновъ, которые дѣлаютъ роспись душамъ и за всѣхъ привозятъ ясакъ, отдавая его деньгами, а съ тунгусовъ собирая мѣхами. Ихъ много истребила въ послѣднее время оспа и венерическая болѣзнь.

Путь по рѣкѣ Агѣ, болотистой своими займищами. Вдоль по Агѣ кочующіе буряты были намъ очень благосклонны и госте-

пріимны. Согнали отовсюду свои табуны на дорогу добровольно, для перемѣны лошадей, приносили въ подарокъ барановъ, молока и молошной водки. Отъ рѣки Аргалея дорога лежитъ мокрыми горами, вершины сѣверной половины заросчены были березникомъ. Тѣнь и сырость производили прекраснѣйшіе, въ лучшемъ цвѣтѣ Альпійскіе травы. Изъ нихъ примѣчательны:

Rhodiola rosea, Розовый корень, красивѣйшая изъ всѣхъ и чаще другихъ попадавшаяся на болотахъ, въ 1 ар. вышиной.

Androsace lactiflora. Переломъ млечноцвѣтный.

Cortusa Gmelini. Заржица, Лѣчуха, Кортузъ Гмелиновъ, очень рѣдкая.

Mitella nuda, Епископская шапка, нагая, тоже рѣдкая.

Cypripedium bulbosum, веперинъ башмачокъ. На сухомъ черноземѣ между кустами.

Thalictrum alpinum, золотуха, щелкунъ, зяблица, лучевая рута. Тамъ же.

Trollius asiaticus, желтоголовъ, купальница; и другіе лѣсные травки.

Spiraea chamaedrifolia, таволга, лабазникъ, журавъ кадилолистный, была вся усыпана цвѣтами, а иглами пуще, чѣмъ шиповникъ.

Anemone dichotoma, вѣтреница, одномѣсячникъ, бѣлокъ сокъ (двораздѣльная), по болотнымъ займищамъ.

Pedicularis verticillata, вшивникъ верхоцвѣтный, коленчатый, тамъ же.

Symphitum tuberosum. Лошаково ухо. Живокость, сальной корень, (шишковатый) тамъ же.

Flora sibirica, по холмамъ.

Слѣдующаго дня дорога лежала все подлѣ рѣки Ингоды, мѣста были гористыя, густымъ лѣсомъ, каменьемъ и пѣсками изобильныя. Дорога становилась узкой отъ утесовъ, выходившихъ въ рѣку. Въ лѣсахъ цвѣли во множествѣ:

Cornus alba.

» Asiaticus.

Cypripedium calceolus, венер. Башм. обыкновенный.
» guttatum.
Hesperis sibirica, вечерница, вечерняя, ночная Фіалка (сибирская).
» matronalis, вечерница бабья.
Stellera chamaejasme.
Potentilla fruticosa.
Polemonium. Балдырьянъ троецвѣтъ.
Geranium sibiricum.
» Columbinum.

Прекрасная желтая Ирь цвѣла по болотамъ. По холоднымъ же пагорнымъ озерамъ плавали листы травки, свойственной восточной Сибири, Sagittaria natans. По сырымъ пригоркамъ процвѣтали Остролистая Ольха и многіе горные прутняки.
Sysimbrium asperum, расцвѣталъ по р. Удѣ.
Aster alpinus, звѣздоцвѣтъ астръ.
Centaurea uniflora, Бѣлолисъ, чертополохъ одноцвѣтный, тотъ и другой по горамъ.

Въ темныхъ мѣстахъ цвѣли:
Кокушкины сапожки, Cypripedium calceolus, трехъ сортовъ.
Lilium pomponium, сарана, лилія помпонная.
» bulbosum.
Hemerocallis flava.
Polemonium, усыпалъ промежутки голубымъ цвѣтъ, а
Trollius, оранжевымъ.
Stellera chamaejasme, Мужикъ корень, усыпала подошву одной горы въ такомъ множествѣ, какъ бы была тутъ посѣяна.
Змѣиной хвостъ, dracocephalum nutans.
Даурская моховая смородина. По мшистымъ мѣстамъ подлѣ рѣки. Листья какъ у простой чорной смородины, но стебли растилаются по мху и ягоды особенны.
Cymbaria daurica.
Convolvulus cantabrica, двѣ рѣдкіе прекрасные травки росли въ излишествѣ по борамъ.

На открытыхъ песчаныхъ лугахъ по Сухарѣ росло неска-занно какъ много Ревеню, Rheum undulatum, съ чрезвычайно толстымъ кореньемъ.

Крушина, Ramnus erythroxylum, похожій на ramnus lycioides. Его твердое и какъ кровь красное дерево, называемое по сдѣшнему Яшилъ, идетъ на кивоты Божкамъ у здѣшнихъ народовъ.

Rubia cordifolia, марена сердцеобразная.

Menispermum canandese. Мѣсячное семя, лунносеменникъ канад-скій, рѣдкая трава, женской родъ ея вьется по скаламъ какъ повиличные, мужскіе ростутъ прямо.

Spiraea salicifolia. Таволга верболистная, по песчанымъ бере-гамъ во множествѣ.

Linum perenne, также и тамже.

Hedysarum fruticosum, Гребешокъ, Петушья головка, (кустистый) прекрасно украшалъ Селенгинскіе песчаные горы.

Hipecoum erectum, Житной цвѣтъ, житникъ, мачекъ полевой, размножается до самаго жилья, какъ куколь.

Столь же хорошо роскошествовали и окольности Селенгин-скія, состоя изъ пригорковъ черноземныхъ, открытыхъ солнцу, подымающихся въ отлогіе горы, и прозводя почти всѣ травы, какіе находятся въ Даурін. Прибывъ 20 іюня туда, засталъ я слѣдующія травы:

Sophora lupinoides, Индѣйское растѣніе.

Ballota lanata, Шерстистная глухая крапива. Чернокудренникъ.

Corispermum hyssopifolium, клоповное семя.

Isopirum fumarioides, козій горохъ.

Anchusa saxatilis, воловій языкъ, ослиныя уста, по горамъ и долинамъ.

Куколь росъ почти въ самомъ городѣ.

Asclepias purpurea. Стручковато зелье, Ласточникъ, Чертова борода.

Statice rosca. Желтокорень, вязникъ.

Atraphaxis spinosa, кустарная греча (колючая).

Cotyledon spinosa, пупокъ, пуповникъ.
» Malacophillum.
Sedum Aizoon, Молодилъ скрыпунъ, безпрерывно зелеѣющій.
Peganum daurica, Песье Дермо, ежье.
Potentilla sericea, жабникъ, молка, серебристая трава, гусиная лапка (желковистая).
Anemone narcisiflora.
Papaver nudicaule.
Dracocefalum peregrinum.
» Moldavica.
Cymbaria daurica.
Scrophularia scorodonia, коричникъ, красной корень (португальской).
Sisymbrium integrifolium, Гулявникъ, рѣжуха, цѣлолистный.
Hesperis rupestris.
Phaca prostrata, зимніе орѣшки; узлы.
» lanata.
» physodes.
Astragallus melilotoides.
» laguroides.
» lupulinus.
Tanacetum sibiricum.
Viola uniflora.
Съ холодной стороны и въ узкихъ ложбинахъ.
Saxifraga bronchialis.
Talictrum sibiricum.
Lycopodium sanguinolentum, плаунъ кровавый.
Кустарники:
Pyrus baccata.
Ribes diacantha.
Ulmus pumila, Илина, берестина низкорослая.
Robinia pygmea, Чплижникъ, железпякъ низкорослый, во множествѣ вокругъ Селенгинска. Его цвѣты желты какъ золото, а потому называютъ его здѣсь золотарникъ.

Amigdalus nana, похожъ на маленькой кустарникъ, который водится по волгѣ и называется калмыцкими орѣхами.

По островамъ селенгинскимъ находилось во множествѣ маленькихъ, живущихъ въ пескахъ, зайчиковъ, которые называются Оготоны. Тушканчиковъ также много по причинѣ сараны, которой лукавицами они питаются и которой здѣсь ростетъ въ обиліи необыкновенномъ. Монголцы ихъ ловятъ и жарятъ. Разсказываютъ про нихъ тоже, что въ Англіи про ёжа, а въ Россіи про жабу коровницу, будто они по ночамъ сосутъ у скота изъ титекъ молоко. Справедливо по крайнѣ мѣрѣ то, что они дѣйствительно находятся во множествѣ въ овечьихъ стадахъ и пугаютъ ихъ своимъ прыганьемъ. Нѣкоторые Естествологи разсказываютъ тоже самое про козодѣя, Caprimulgus Europeus.

Гора, изъ которой ломаютъ хорошіе куски Халкедона и наждака. По правому берегу рѣки Селенги горы сѣраго разноцвѣтнаго камня, состающаго изъ смѣшенья Аметистового, Рубинового, сѣраго и другихъ цвѣтовъ. Онъ ломокъ и ничуть не влаженъ.

Вообще сей камень такого сложенія, что наружѣ мякнетъ и распадается, и для того восходя на горы, можно ясно видѣть и доказать, что пѣсокъ летучій и переносный вѣтромъ по Селенгѣ и слѣдовательно по всей Дауріи не откуда взялся, какъ отъ распадающагося мало по малу онаго камня. Около Селенгинска усматриваются тѣже самыя аметистовыя и голубыя зернышки, коими и самые скалы пѣстрѣютъ. Оголившіеся горъ вершины проникаются снѣгомъ и дождями, разводятся при всякой непогодѣ, раздробляются сперва крупнымъ хрящемъ, послѣ разсыпаются въ щебень и въ летучій мѣлкій пѣсокъ, который вѣтромъ сноситъ, водою внизъ смываетъ и такъ заметаетъ долины.

Товары, идущіе гужемъ съ Кяхты, съ самой весны до поздней осени грузятся въ дощенники и дощенниками идутъ по Селенгѣ внизъ, по Рѣкѣ въ Байкалъ и далѣе въ Ангару, Тунгузку и Енисей. Въ Чикоѣ со вчерашняго дня прибыло воды, вѣроятно въ горахъ былъ великой дождь. Селенга также выступила изъ

береговъ. Отмѣль оглыбла. Поле желтѣло отъ жолтыхъ цвѣтовъ Гемерокала. Поворотъ въ узкую песчаную ложбину, которая простиралась межъ горъ, краснымъ лѣсомъ покрытыхъ, изгибается отъ востока къ сѣверо-востоку, имѣетъ слѣды протекающаго ручья и болотину. По сухому мху lycopodium sanguinolentum, бѣгала моль lepisma.

Отсель дорога идетъ высокими каменными и жаркими безлѣсными горами, гдѣ прыгало множество всякихъ сверчковъ, которые если поутру летаютъ долго по воздуху, то предвѣщаютъ дождь. Дорога по сторонамъ была усыпана хорошо пахнувшей чернобылью, Artemisia Pectinata.

По болотамъ разцвѣтали:

Pedicularis paniculata, съ красными, иногда же темножолтыми, а иногда свѣтложелтыми цвѣтами.

Filago leontopodium, Мухоловъ жабникъ (кошечный).

Ophrys paludosa, Двулистникъ, Подколань, птичье гнѣздо (болотный).

Orchis cucullata. Кукушкины слезки, пѣтушки, сатиръ (сибирской).

Papaver nudicaule, дикой макъ съ бѣлыми цвѣтами и желтизной внутри, покрывая луга по ту сторону болотъ.

Robinia caragana, бобовникъ, имъ заросли песчаныя поля по рѣкѣ Кяхтѣ.

Trifolium cytisoides, очень красивой.

Маленькая дикая конопель.

Pedicularis striata. Стебель прямой, цвѣтокъ въ верху зіяющій, листики узкіе.

Convallaria verticillata, Ландышъ круглоцвѣтный.

Valeriana rupestris, Стволъ тонокъ, красноватъ, одѣтъ листьемъ попарно, цвѣточки многочисленнѣй, мѣлче, желтѣе, чемъ у valeriana sibirica.

Astragalus bullarius.

Cotyledon malacofilum. Саволъ, съ низу весь въ листахъ лавровидныхъ, густо обсѣвшихъ, къ верху превращается въ цвѣточный колосъ, нагнувшійся гусарскимъ ментикомъ.

lepidium ruderale, перечникъ собачій, пометный.

» latifolium, по солончакамъ.

Твердой, порядочный Агатъ, который вывалпвается наружу изъ обвалившихся береговъ рѣки, за двѣ версты отъ Урлуцкой слободы, въ деревнѣ же Гутаѣ ломаютъ въ кварцѣ просѣдающій карандашъ, почитаемый долго за желѣзную руду.

Вообще Даурія и все лежащее за Байкаломъ погорье кладъ для Естествоиспытателя. Говорю погорье, потому что и самыя равнины неиное что, какъ площади на отлогихъ горахъ, кои всѣ лежатъ высоко относительно Западной Сибири. Кромѣ высочайшаго, лѣсистаго хребта, беспрерывно простирающагося отъ Байкала до вершинъ Селепгинскихъ и составляющаго, соединившись съ Саянскимъ хребтомъ около Енисея лежащимъ, престрашный, отчасу ширѣ и ширѣ гребень, однимъ концемъ къ западной губѣ Байкала, а настоящимъ хребтомъ продолжающихся въ Мунгаліи чрезъ вершины Енисея, Селенги и Толы, гдѣ онъ потомъ разбивается на части, или амурскіе рѣки отъ Сибирскихъ, или свои главнѣйшіе Наунъ и Шарамуринъ межъ собою, или амурскіе отъ Хоанго отдѣляетъ, кромѣ главнѣйшаго гребня, многими ужасными, вѣчнымъ снѣгомъ покрытыми, безлѣсными, морозными, гольцами прозываемыми верхами, все прочее пространство межъ Байкаломъ и границею наполняютъ сухія, открытыя, прерывныя, крутыя, каменные горы, межъ коихъ пролегаютъ песчаныя долины и равнины, которыя также доказываютъ ясно, что песокъ состоялся отъ распавшагося сихъ горъ камня, и что вѣтры, дождь и снѣжные тали и другіе водные потоки были причиною его съ нихъ смытія и распространенія. Ибо большая часть опыхъ горъ состоитъ изъ рухлой опоки и другихъ таковыхъ камепьевъ, и очень немного мѣстъ, гдѣ бъ были видны уклоны, кромѣ развѣ тѣхъ, которые, находясь у подошвы нѣкоторыхъ горъ, состояли изъ отмытаго хряща и нѣкоторыхъ земель.

Горы сіи выходятъ въ Селенгинскомъ Нерчинскомъ уѣздѣ и собственно въ дауріи, выходя то утесомъ, то просто высунув-

шеюся скалою, то холмами, осыпанными разбитымъ каменьемъ, часто представляютъ взору прекрасные виды. И вслѣдствіе такого положенья должны произвесть большое разнообразіе травъ. Ибо родятся травы то въ горахъ, то въ глубокихъ тѣнныхъ, холодныхъ, открытыхъ, песчаныхъ, теплыхъ солончатыхъ долинахъ, то на поемахъ и проч. Отсюда разность въ холодныхъ и теплыхъ мѣстъ, въ сосѣдствѣ другъ друга, подъ тѣмъ же климатомъ. Около Селенгинска и Кяхты огородные овощи, арбузы, дыни и травы теплыхъ странъ. Напротивъ, по рѣкѣ на сѣверъ никакое растѣнье не поспѣваетъ. Да и на самомъ Байкалѣ, гдѣ оттѣпь и морозы отъ высокихъ горъ, травы ростутъ до самого морскаго берега только такіе, какіе собственны однимъ морознѣйшимъ хребтамъ.

Обыкновеннѣйшее дерево въ Дауріи и по Селенгѣ сосна, потому что все пески. На холоднѣйшихъ хребтахъ Лиственничникъ, кедровникъ, соснягъ, пихтовникъ, березникъ, осинникъ, всѣ ростутъ въ смѣсь, а рябина и другой кустарникъ и багульникъ, Rododendron Dauricum, составляютъ обыкновенный фашинникъ около луговъ. Самые же высочайшіе верхушки, покрытыя истающими снѣгами, или голы вовсе, или же покрыты растилающимся по каменной поверхности прутьемъ, мѣлкими отродьями деревъ, каковы: сланецъ, маленькіе кедерки, лиственички, березички, можжевельнички, сабиннички, и прочіе малые кустарнички. Страны сіи неудобны вообще для хлѣбопашества.

Селенгинскъ лежитъ на заливѣ, занесенномъ пескомъ, черезъ который въ малую воду можно переходить. За городомъ лежатъ тотчасъ высокіе песчаные бугры, съ коихъ вѣтромъ разноситъ пѣсокъ по всѣмъ улицамъ. Высокіе надъ нимъ горы покрыты строевымъ и годнымъ для топки лѣсомъ. Съ рѣки городъ имѣетъ видъ прекрасный. Оттуда видны его три церкви, у самаго берега стоящіе. Крѣпость деревянная, высокая, съ башнями и паугольниками. Весь городъ окруженъ надолбями.

Мѣста вокругъ Байкала подвержены землетресеніямъ. Удары

чувствуются даже въ Иркутскѣ. Въ запискахъ Месершмида говорится о землетресеніи, отъ коего земля и ледъ трескались, связи трещали и висящіе вещи качались.

Ѣзда отъ Селенгинска.

Дорога по р. Темнику. Къ ночи достигнули Гуснаго озера во время великаго грома съ сильнымъ дождемъ, что было симъ лѣтомъ еще впервые. По низменнымъ мѣстамъ вокругъ озера росла *Robinia Ferox*. Сей стручистый кустарникъ величиной съ человѣка и растилается по землѣ на сажень густымъ колючимъ кустомъ. Будучи густъ, сучковатъ и усаженъ долгими иглами, онъ составляетъ, высохнувши, непролазный заборъ. Его стрючки могли бы служить вмѣсто гороху, а молодыя верхушки и листъ пищею овцамъ. Но прекрасный сей кустарникъ, дающій весною пріятный видъ бесчисленнымъ множествомъ своихъ желтов. листовъ своихъ, нигдѣ не находится, какъ только въ сей великой пади, отъ Темника и Гуснаго озера съ Селенгою идущаго до рѣки Убукуна и еще нѣсколькью мѣстами до Оронгоя.

Въ одной вымоинѣ отъ снѣжной воды показывался отчасти свѣтлой, отчасти какъ кровь красной мергель.

Изъ озера иногда выкидываетъ кусками не очень твердое земляное уголье. Бугры около озера лѣспстые соснягомъ, состоятъ изъ пѣсчанаго плитняку въ смѣси съ чистымъ пѣскомъ или брусомъ, обваливающагося слоями. Изрядные кормы. Отсель дорога мокрою каменистою долиною на соленое озеро и соловарни. Стручковатый кустарникъ не прекращался.

Alium sphacrocephalum, разцвѣталъ по болотамъ.
Orchis arbotiva, съ бѣлыми, пріятно пахнувшими цвѣтами, тамъ же (австрійская).
Atrafaxis, кустарная греча.
Dracocephalum moldavica.
Peganum, песье дермо.
Rallote lanata, всѣ по лугамъ.

Дно соленаго озера состоитъ изъ синяго илу, на коемъ въ наступающіе морозы садится слой Глауберовой соли на два вершка толщиною: изсохнувъ на воздухѣ, она разсыпается въ муку. Въ жары отдѣляется соль поверхъ озера перепонкою, издали краснѣющей къ солнцу, и отъ малѣйшаго волненья изломавшись, садится на дно. Илъ идетъ глубоко: на 7 арш. Когда хотѣли сквозь твердый слой пробиться дальше, то вытащили щуромъ чистой ледъ, съ коего раждается и прѣсная вода въ озерѣ. Выварка соли начинается съ ноября, когда безъ перыву слоевъ довольно одинъ на другой насядетъ, и продолжается до половины марта, когда стекающая стекающая съ горъ снѣжная вода начинаетъ соль размывать. Выварниваютъ до 20,000 тысячъ пудовъ. Вываренная соль чиста, зерниста, бѣла, однакоже не столь солка, какъ Ангарская.

Высокая сухая степь до самого Байкала, но за нѣсколько верстъ начинаетъ хрящъ и щебень, покрывающій отлогій морской берегъ даже до Посольскаго монастыря. По морскому пещаному берегу и по сосѣдственнымъ оттоль мѣстамъ росли растѣнья, которыя производятъ только одни снѣжныя, за облака заходящіе, горы, по причинѣ, что лѣтомъ во все время дуетъ съ моря холодный и туманный воздухъ, какъ то:

Cembra, хвоя, хвоинное дерево.
Empetrum nigrum, верескъ ягодный, каменный кустъ, грыжовникъ.
Campanula rotundifolia.
» grandiflora.
Fumaria impatiens.
Poligonum divaricatum.
» angustifolium.
» Sericeum.
Scrofularia scorodonia.
dracocefalum nutans.
Lycopsis visicaria, Волковидъ, Волкобразъ, кривошей, червяница (надутый).

Triticum littorale, Дикая рожь, урожается на берегу какъ будто посѣянная.

Lonicera caerulea, жимолостникъ, папороть голубая.

» perinaica, въ лѣсахъ.

Linnea.

Rubus ardicus.

Ledum.

Andromeda polifolia, Андромеда, болотная былина, бесплодный кустъ (пьяная).

Vaccinia, черника.

Pyrolae, грушовка. Въ Сибири мужики пьетъ ее вмѣсто чая, какъ лѣкарственное питье.

Когда я пріѣхалъ въ Посольской монастырь, то по всему Байкалу распростирался такой великой туманъ, какой бываетъ только на высокихъ горахъ, притягивающихъ къ себѣ облака, или же въ зиму и въ осень на земляхъ, при морѣ лежащихъ. Нерѣдко случается, что облака зашедъ промежъ горъ, окружающихъ море, нѣсколько дней гуляютъ то въ полуденную, то въ сѣверную стороны, производя перемѣнчивую погоду и дожди, тогда повсюду ясно. Съ 20 Іюля настала однакоже повсюду дождливая ненастная погода, какъ въ вознагражденье, что всю весну и половину лѣта была жаркая и сухая. Въ Байкалѣ съ весной ловятъ морскихъ сиговъ (Salmo Oxirhinchus) и линковъ, привалывающимъ въ великомъ множествѣ къ отмѣлямъ бросать икру. Лѣтомъ попадаются только Омули. Есть еще рыба особенного рода, Коломенка, жирна и тверда, какъ кусокъ сала. Въ сѣти не попадаетъ, живой ее не видали. Но во время великихъ штурмовъ она плаваетъ на поверхности великими стадами. Недавно выброшено ее столько, что они лежали валомъ на берегу. Ни чаики, ни карги ихъ не трогаютъ по причинѣ жиру. Этотъ жиръ изъ нее вытапливаютъ и продаютъ Китайцамъ. Изъ моря накидываетъ множество зеленаго слизкого морскаго растѣнія; на днѣ всѣ каменья имъ обростаютъ, будто струистымъ зипунымъ сукномъ. Самое море подобно ужасной пропасти, имѣю-

щей берегами разбитые хребты. По нимъ попадались слѣдующіе травы.

Chrisanthemum acticum, Бѣлица, Нивникъ, Ивановъ цвѣтъ (сѣверный).

Valeriana sibirica.

» Rupestris, часто растущіе вмѣстѣ на одномъ и томъ же камнѣ.

Sysimbrium album. Гулявникъ.

Astragalus coeruleus.

Polipodium fragrans. Сей рѣдкій, прекрасный, благовонный папоротникъ, собираемый Бурятами на высочайшихъ хребтахъ по разсѣлинамъ и называемый Серлыкъ, составляетъ лѣчебный чай отъ цынготной и ломовой болѣзни. Два листика его, будучи приложены къ зеленому чаю, возвышаютъ его вкусъ. Духъ отъ него проницателенъ и долго держится, онъ надушилъ собою всѣ травы и сундуки, полные бумагою.

Polipodium Dryopteris, Ангельская сладость, соловка, чорно солодковый корень (малый).

» Fragile (ломкая).

Acrostichum maranta, костянецъ, сытовецъ.

Saxifraga punctata.

» crassifolia.

Melampyrum sibiricum. Братъ съ сестрой, Иванъ да Марья, коровій, скотскій кормъ (въ буеракахъ).

Swertia corniculata, свертово растѣніе.

Alium altaicum или Saxatile, Каменный чеснокъ или лукъ, какъ называютъ его матросы, поядающіе его очень охотно вмѣсто обыкновеннаго луку, ростущаго по берегамъ. Онъ находился на оголенныхъ солнечныхъ скалахъ во множествѣ.

Плаванье по Байкалу въ лодкѣ. Вѣтръ подулъ сего утра сильный съ запада, но сильнѣй того были волны отъ наступавшей на морѣ штурмы. Кормщикъ хотѣлъ прямо съ Кадильной

черезъ крутую губу на ближайшій Соболевъ отстой перекинуть, гребцамъ поспоровить, работу укоротить и опять прямо съ Собольева отстою черезъ большую губу перегребать, что и дѣйствительно верстъ бы десять обходу сократило. Однако, чуть только съ носу отвалили, такой жестокой задулъ вѣтръ, что нужно было поворотить лодку по валамъ, и насилу съ опасностью жизни прибились къ ближайшему берегу. Высокіе горы съ верху до низу состоятъ изъ разбитыхъ, но опять сплоченныхъ камней, доказывая ужасное, нѣкогда бывшее Байкальскихъ горъ раздробленіе. Сей родъ камня не иначе какъ подъ водою долженъ зачаться и страшнымъ земли проломомъ воздвигнуть вверхъ горы больше, чемъ на 100 сажень перпендикулярной высоты.

Въ вечеру отправился въ Иркутскъ. Въ темномъ и отовсюду запертомъ лѣсу по болотамъ при Усть-Ангарѣ и по рѣчкамъ Сѣиной и Банной цвѣля Poligonum sagitatum, Allium victorialis, Swertia carniculata, Dianthus suberbus и Pedicularis Altissima. Станціи по дорогѣ къ Красноярску населены мужиками Енисейской губерніи съ прибавкою ссыльныхъ. Въ старомъ селѣ Рыбинскомъ кузнечныя плавильни. Железо плавитъ Енисейскій кузнецъ. Желѣзная руда, употреб. имъ въ плавку, достойна особеннаго примѣчанія: она состоитъ изъ большихъ и малыхъ камешьевъ окаменѣлаго дерева, которое превратилось въ темный, твердый, богатого содержанья желѣзный камень, но такъ, что и всѣ годовалые дерева прирощенья и остатки коры видны. Одно мѣсто ея находится по рѣчкѣ рыбной на пригоркѣ, покрытомъ березникомъ, противъ одной ложбины, на топкой низменности коей садится множество желѣзной охры. Здѣсь она лежитъ цѣлыми деревъ колодами, въ глинисто-песчаномъ слою, смѣшеномъ съ желѣзной охрой. Другое мѣсто отъ жилья съ версту. Орудѣлыя колоды сами имѣютъ такой же видъ, какъ и руда, но желѣза не даютъ; кузнецъ изъ нее выплавливаетъ чугунъ. Енисейскіе кузнецы топкою въ горшкахъ желѣза такъ распространили свою комерцію, что всѣ около лежащія мѣста довольствуются оныхъ. Кузнецъ платитъ въ казну за право плавить

по 10 рублей въ годъ съ горна. Руда находится верстахъ въ 25 отъ Енисейска, въ буграхъ, покрытыхъ лиственницею, Ельникомъ, соснягомъ и другимъ досчатымъ лѣсомъ. Работники раскапываютъ сверху, на аршинъ толщиною, желтую глинистую землю, смѣшанную съ красноватой, потомъ подымаютъ сѣрую, съ пѣскомъ смѣшанную, глину, въ коей лежитъ охра гнѣздами, по симъ лежитъ толстой, бѣлой, песчаной, глинистой, содержащій желѣзо слой, чрезъ который просѣдаетъ тонкая, на подобіе угольной, совсѣмъ рухлая жила. И въ бѣломъ слою добывается самая богатѣйшая желѣзная руда, которая то разсыпчата какъ трепелъ, то тверда какъ камень, снаружи бѣла, но ничуть не известна и точно какъ въ большомъ горизонтальномъ гнѣздѣ глина. Бѣлую руду выискиваютъ небольшими въ глубину пробоинами, сажня на четыре или пять, и тамъ прорываютъ вслѣдъ за рудою каморки или, по тамошнему, печки. Покуда жила видна, работнику плотятъ отъ 4 до 5 копѣекъ. Плавка зависитъ отъ мѣры огня. Если мѣхи дуютъ сильно, выходитъ чугунъ, слабѣе, выходитъ мягкое желѣзо или укладъ. Но и тутъ еще не могутъ предузнать, какое желѣзо выйдетъ. Какъ скоро разгребутъ горнъ, то пробуютъ въ гнѣздѣ растопившуюся руду желѣзнымъ прутомъ. Если она прильнетъ къ пруту, то узнаютъ, что это чугунъ, когда же прутъ прикосновеніемъ къ расплавленному желѣзу издаетъ звукъ такъ, какъ когда тропешь холодное желѣзо, то заключаютъ, что это мягкое и уже сварившееся желѣзо; если же дотронувшись прутомъ поскачутъ искры, то выходитъ укладное желѣзо.

Пріѣздъ въ Красноярскъ. 1-е Августа. Прибытіе студента Зуева съ Енисея (въ верхъ къ Ледовитому морю), Донесшаго, что Тунгусы составляютъ по рѣкѣ Енисею многолюднѣйшій народъ, Юраковъ же и Остяковъ меньше. Рѣка Енисей ниже Мангазеи, особливо противъ Селякина зимовья, гдѣ начинается ея устье, ширины необыкновеной, такъ что съ одного берега едва можно видѣть другой. Правая сторона рѣки гориста, но горы не

высоки и валами, лѣвая ровная, но не низменная; та и другая покрыта лѣсомъ. Къ Селякину становится лѣсъ меньше, мѣлче и наконецъ вовсе переводится. Снѣгъ и ледъ съ береговъ сходитъ только что въ концѣ Іюня, но никогда не разстаеваетъ въ буераках и рытвинахъ, размытыхъ снѣжною водою. Да и на холмахъ земля разстаеваетъ не очень глубоко: подъ мхомъ и прутняговымъ кореньемъ, разрастающимъ межъ мховъ, находятъ часто или чистый ледъ, или мерзлую землю. Ольха, лиственница, верба и береза обыкновенно тамъ пролупаются и разцвѣтаютъ въ послѣднихъ числахъ Іюня. Другія травы оказываются ранѣе и вопервыхъ:

Fumaria bulbosa.
Viola uniflora.
» biflora.
Erigeron alpinum, Богатинца, Крестовикъ.
Androsace villosa, Переломъ мохнатый.
Corthusa Matthioli, заржица, лѣчуха, кортузъ.
Rhodiola rosea, Розовой корень.
Potentilla stipularis, Молка (сибирская).
Dryas octopetala, Богиня лѣсовъ, Камчадалка, Сибирячка, (8 листная).
Adoxa moschatellina.
Linum perenne, приносящій въ сихъ холодныхъ странахъ чрезвычайно большіе цвѣты.
Rheum undulatum, продолжающійся даже до 66 градусовъ сѣверной широты.

Енисей внизъ по рѣкѣ населенъ больше, чемъ Обь, по причинѣ выгодныхъ промысловъ для Рускихъ промышленниковъ. Погосты и зимовья (иногда состоящіе изъ одного жилья) идутъ во множествѣ до самого ледовитаго моря. До моря студентъ не доѣзжалъ за 322 версты и съ Селякина зимовья воротился въ Красноярскъ.

19 Августа выѣхалъ Палласъ изъ Краснояpска. Дорога

чемъ далѣ, гористей, темнѣй, болотистѣ и лѣснстѣй. Лѣсъ соснягъ, тополышкъ и березинкъ. Проточины рѣки Бугалы, болоты, тоши затрудняли сильно дорогу, не смотря на то, что бы посланы впередъ мужики прочистить дорогу и мостить мосты черезъ ручьи и рѣчки. Отъ Качи часть высокихъ горъ, раздѣляющихъ рѣку Енисей съ Чулымомъ.

Грязные лѣса содержали растѣнія, бывающіе въ горныхъ Сибири лѣсахъ. Всѣхъ изумительнѣй была Горечавка, Gentiana ciliata, которая еще цвѣла и такъ далеко размножается къ Сѣверу, что даже находятъ ее на самихъ холодиѣйшихъ горахъ, съ голубыми или бѣлыми цвѣтами. Ночью свѣтящіеся червячки по кочкамъ и гнилымъ деревьямъ увеселяли глаза наши. Степь изобиловала осенними травами, изъ нихъ:

Cimicifuga, Клоповникъ, вонючая трава.
Gentiana pneumonante, Горечавка, плющевой цвѣтъ.
» punctata.
» cruciata, крестовидная.
» ciliata, тороченная.
Senecio cruciformis, крестовникъ горчицевидный.

По впадинамъ росли маленькіе березки и кусты отцвѣтшаго Orobus luteus и latiroides, Lathyrus pisiformis и отродокъ отъ большей, называемой королевскіе шпоры. Равнымъ образомъ еще не отцвѣтали Aconitum napellus и Sycoctonum.

Утесы горъ красиѣли, какъ кармазинъ, отъ спѣлыхъ ягодъ земляной малины, Ephedra. Въ Даурін и Селенгѣ ягоды сіи считаются вредными и будто бы причиняющіе одурь. По болоту вокругъ небольшаго озера росла Swertia rotata. У татаръ прикладываютъ ее жеванную къ рапамъ; Рускіе употребляютъ ее во внутрь, какъ горькое домовое спадобье, и называютъ ее бѣлымъ звѣробосмъ, подобно тому, какъ въ иномъ мѣстѣ Гиссопъ и Ruyschiana называется синимъ звѣробосмъ.

Astragalus uliginosus.
Cnicus spinosissimus.
Primula farinosa.

Drias pentapetala.
Potentilla cericea alba.
Tussilago anandria.

Четвереугольная гора, утесомъ необыкновенной высокимъ. На самомъ верху ея высунулся немалый четвереугольный камень. Отъ татаръ называемый Ашло. По преданію, подъ нимъ закопаны великія сокровища и богатства Алтынхана, нѣкогда здѣсь кочевавшаго. Скрывъ кладъ, онъ запаялъ наглухо всѣ щели признаки. Во время Палласа одинъ кладоискатель, съ помощью вѣрившихъ ему, рылся въ двухъ разсѣлинахъ горы, провелъ на нѣсколько саженъ шахты и другіе многіе надѣлалъ пробоины. Всякую глухую дыру принималъ за сдѣланную человѣкомъ. Затеклыя каменною матеріей щели называлъ замазанными извѣстковымъ растворомъ продушинами. Случалось, что бѣлый лунь нѣсколько разъ на сію гору опущался или, надъ нею вію-чись, смотрѣлъ въ какую нибудь сторону, онъ принималъ его за указателя, гдѣ и въ какомъ мѣстѣ лежитъ богатство. По его словамъ, духи препятствуютъ къ работѣ всячески, дѣлая разные насмѣшки, кидаютъ каменьями, мочатъ или тушатъ фитили на рванахъ, смѣются, кличутъ работниковъ по именамъ и т. подобное. Отъ небольшого солепого озера, лежащаго въ сухой впадинѣ, окруженного песчанно-каменными горами (озеро кривое и продолговатое), идутъ высокія каменныя горы, а отъ нихъ дорога на Тустукулъ. Съ озера собираютъ соль. По берегамъ было много выкинутыхъ насѣкомыхъ. По озеру плавала Tryngа hiperborea. По пескамъ вокругъ озера много было прекрасной травы phaca muricata, но ея красивыхъ кустовъ не ѣдятъ ни овцы, ни же другой скотъ.
Phaca prostrata, цвѣла тамъ же.
Pidicularis myriophylla, еще цвѣла на высокихъ горахъ послѣдними отвѣтавшими цвѣтами.
Raphanus sibiricum, въ такомъ количествѣ и достоинствѣ, какъ здѣсь и возлѣ Краспоярска, его нигдѣ не находятся. Онъ цвѣтетъ сначала весны и до конца осени и тогда, наклоня

отягченныя стручками вѣточки, разстилается по чистому полю.

Valeriana rupestris.

Papaver nudicaule.

Potentilla sericea.

Astragalus bullarius, на коемъ еще нѣкоторые цвѣточки держались.

Hedisarum grandiflorum.

Tussilago anandria.

Chrisanthemum arcticum.

Маленькая Robinia, такъ какъ ростетъ во множествѣ по ямамъ и подгорьямъ, то работники, укалываясь ею, прозвали ее браннымъ именемъ жидовникъ.

Отъ рѣки Теса до рѣки Копсы долины, лежащіе промежъ лѣсистыхъ, прерывныхъ, твердыхъ, каменныхъ горъ. Попалась гора вовсе безъ лѣсу, крутая, со многими высунувшимися по стремнинѣ кабанами. На серединѣ горы пещера немного спускается внизъ и потомъ горизонтально идетъ на далекое разстоянье, и разширясь окончивается отпоркомъ, нѣсколько идущимъ внизъ. Сверхъ наросшихъ по стѣнамъ каменныхъ натековъ, нашли мы множество костей большихъ звѣрей. На верху же по горѣ были слѣдующіе останки рѣдчайшихъ травъ.

Primula cortusoides.

Myosotis rupestris.

Dryas Pentapetala.

Astragalus melilotoides, показавшаяся выродкомъ отъ

Axyris amarantoides.

Въ одной пещерѣ извѣстной горы большими комьями были прекрасныя лучистыя, цвѣтомъ желтыя, кристаловидныя накипи, коихъ лучи съ поверхности всѣ въ одинъ центръ стекаются. Дорога Сагайскою степью черезъ рѣку Уйбатъ, по которой множество обыкновенной въ Даурiи клейкой травы, Stellaria dichotoma. Она уже засохла и, свившись въ клубы, подобно другимъ степнымъ травамъ, каталась носимая вѣтромъ, разсѣвателемъ семенъ.

По утесамъ рѣкъ Сыра и Абакана росли во множествѣ:
Ballota lanata.
Robinia pygmea, имѣвшая по разсѣлинамъ стебли толщиной въ руку, а вышиной выше человѣка, ибо тамъ ей не вредятъ степныя пожары.
Nepeta multifidia, производившая отродья съ листами, походившими на листы Veronica Austriaca и Verbena.
Phaca muricata, на песчанныхъ скатахъ горъ, выходящая обыкновенно полосами.

Высочайшіе холмистые горы были одѣты лиственичнымъ и березовымъ лѣсомъ, гдѣ была въ изобиліи phaca alpina, а изъ за лѣса видны были возстающіе верхушки горъ, изукрашенныя по многимъ мѣстамъ Dryas pentapetala и прочими красивыми горными травами. Отъ сей горы надо спускаться узкимъ проѣздомъ или буеракомъ къ рѣкѣ Базѣ. Слѣды оставленныхъ рудниковъ, по причинѣ того, что что толстая богатая, просядавшая отъ востока до запада мѣдная жила вся уже нынѣ выработана. Мѣдную зелень выламывали всегда изъ сѣраго камня, хотя около лежащіе горы состояли изъ каменья песчанаго плитняку, слои коего склонялись въ глубь въ восточную сторону. Безснѣжные внизъ по Абакану, прекрасные степи служатъ зимнимъ кочевьемъ для Сагайцевъ.

Сагайцы лицомъ и житьемъ отличны отъ Кашинцевъ и схожи болѣе съ Белтирцами, въ Кузнецкомъ уѣздѣ живущими. Лицо татарское, калмыцкого въ нихъ мало. Волосасты, тѣлисты, члепами крѣпче Кашинцевъ. Богатые имѣютъ до 100 лошадей, столько же рогатаго и понѣскольку сотъ барановъ. Бѣдные десять двадцать штукъ крупнаго скота. Число въ степномъ народѣ достаточное, чтобы потдержать семью. Въ сѣверовосточной азіи пѣтъ черкаскихъ долгохвостыхъ овецъ, но всѣ съ курдюками. Немногіе занимаются хлѣбопашествомъ, сколько нужно для собствен. обихода. Запасаются на зиму кореньями, которыхъ иногда отнимаютъ у мышей, какъ Тунгусы. Называютъ ихъ Кылыломъ.

Коренья, вообще употребляемыя въ ѣду скудными сдѣш. народами.

Собачій зубъ, Erythronium, по татарски кандыкъ, его копаютъ особымъ инструментомъ Осукъ, похожимъ на тѣ, которые употреб. Ботаники для копанія кореньевъ. Вырытое коренье кандыка чистятъ, моютъ, потомъ щеплютъ дольками и сушатъ къ запасу. Передъ ѣдой обваривают его въ водѣ, пока отмякнетъ, ѣдятъ съ молокомъ и сметапой. Вкусомъ какъ сырые клецки, трудноваримъ желудкомъ.

Чегна. Сушатъ для зимы на вольномъ воздухѣ, ѣдятъ толчоную, по большой части въ мясной, съ крупою, похлебкѣ, называемой Уре.

Коренья обыкновенныхъ красныхъ саранъ, изъ коихъ собираютъ двѣ: растущую по лѣсамъ, lilium mathagon, называемую отъ татаръ желтою, и lilium pomponium, растущую по чистымъ горамъ, которую татары называютъ бѣлой Акшепъ, и такъ какъ ее напбольше собирается въ Іюнѣ, то и мѣсяцъ сей они прозвали Акчепъ-Ай. Ихъ ѣдятъ сырыя или печеныя въ золѣ, какъ каштапы, или вареные въ водѣ съ молокомъ и масломъ.

Коренье травы чейны или, поруски, хлебенки, копается также для употреб. въ пищу.

Коренья земляного духа бѣлыхъ большихъ колокольчиковъ, Campanula lilifolia (зондъ еласъ).

Carduus serratuloides, (Епшскъ) Его коренье.

Poligonum viviparum, (мукезенъ) его коренье.

Коренье водяной травы (сосахъ).

Кырлыкъ, Сибирская крупа, добровольно растущая на поляхъ по правую сторону Енисея. Кашинцы пожинаютъ ее на пашняхъ у своихъ знакомыхъ Рускихъ, потому что, гдѣ онъ заведется, пашня отъ него заглыхаетъ. Крупа... столоченная ими и обѣлапная, прозрачна, желтовата, пріятна па

вкусъ. На ней заваренная молошная каша называется Ботхой.

Ягоды употребля. въ кушанье слѣдующія: Дикая вишня, Чумуртъ, ее истолокши, съ косточками вмѣстѣ, ѣдятъ послѣ стола, вмѣсто закусокъ, смѣшавъ съ молокомъ. Кромѣ того, ѣдятъ шиповникъ, а повые отрасли его изрубаютъ и варятъ вмѣсто питья и чаю. Ѣдятъ красную и чорную смородину, Барбарисъ, Cotoneaster (кизилъ) и Opulus, шапгешъ.

Lichnys chalcedonica, дѣвичья красота или боярская спѣсь, ростущая по удоламъ, употребляется ими вмѣсто мыла. Оттого и прозвали его Рускіе татарскимъ мыломъ.

Onosma Echioides, родящаяся во множествѣ по степямъ близъ Абаканска. Ея корнемъ Татарскіе красавицы румянятся.

Sabina и Rhodondrum Chysantum. Оба сіи деревца употребляютъ какъ лѣкарства Енисейскіе Татары и Рускіе.

Бадапъ, Saxifraga crassifolia, трава идетъ на чай, а корень въ лѣкарство какъ въ попосахъ и лихорадочныхъ немочахъ.

Рапонтикъ копаютъ татары для внутреннихъ припадковъ. Белтиры называютъ Сепе, Кайбалы Сарапсапъ.

Дикій лепъ и большая крапива, похожая на конопли, идутъ оба на выдѣлку толстаго холста, суровыхъ нитокъ, витей или веревокъ, на самострѣлахъ состоятъ большею частью изъ сего сорту поскони, потому что они не такъ, какъ ременные, отъ мокроты не дрябнутъ и не слабѣютъ.

Малый Бобовникъ, Robinia pygmea, по Сагайски Тегепекъ, служитъ своими вязкими прутьями вмѣсто бересты на связи.

Имерокалловы листья собираются осенью, изъ нихъ весьма искусно плетутъ подъ сѣдла полсти и на полъ постилки.

Белтирцы мало чемъ отличаются отъ Сагайцевъ, также имѣютъ стада, также пашутъ, засѣвая только ячмень и яровое, и то для своего обихода, также говорятъ испорченнымъ татарскимъ языкомъ. Множество могилъ испещряютъ зимовья наствы, особливо по лѣвую сторону Абакана.

Отъ горъ къ рѣкѣ Тіѣ простирается небольшая коса каменьевъ. Собраны семена слѣдующ. рѣдкихъ травъ:

Axiris sibirica, по каменистому слою здѣсь ростущая, должна быть отродокъ Axiris Amarantoides.

Ballote lanata.

Колючій сортъ отъ Poligonum frutescens, совсѣмъ походившій на Atraphaxis.

Обыкновенная кали.

Salsola postrata.

Ziziphora acinoides.

Cucubalus fruticosus.

Дикій, непропадающій ленъ росъ въ Абаканской степи въ такомъ множествѣ, что можно было его собирать на домовыя потребы. Ужасное множество куропатокъ, находя довольное себѣ пропитаніе на полуденной сторонѣ каменныхъ горъ, кажется, сдѣсь остается всю зиму. Они летаютъ стадами и не робки.

Rododendron chrysanthum. Прекрасное деревцо ростетъ низкими кустиками на каменныхъ, мшистыхъ, безлѣсныхъ косогорахъ и на пригоркахъ снѣжныхъ горъ. Цвѣтки красивые, свѣтло-желтые, пучкомъ. Листья тверды и толсты, какъ лавровые. Козаки называютъ его кашкарой. Онъ опьяняетъ, но хмѣль проходитъ скоро. Напитокъ изъ него варятъ, замазавъ горшокъ, темной, крѣпкой. Въ левматическихъ боляхъ, производя прежде ломъ, потомъ вылѣчиваетъ навѣрно. Въ желудочныхъ завалахъ, самихъ продолжительныхъ, дѣйствуетъ съ большимъ успѣхомъ. Собираютъ его, когда поспѣютъ семена, осенью, и когда листья начинаютъ желтѣть. Разцвѣтаетъ же въ Іюлѣ.

Конбалы всѣ почти крещены. Скотомъ не богаты, но хлѣбопашествомъ занимаются рачительно. Дикій ленъ и крапиву собираютъ больше, чемъ прочіе Татары, и дѣлаютъ изъ нихъ веревки. Ходятъ на ловли соболей и россомахъ осенью за Енисей. Если, долго замѣшкаясь на промыслахъ и за глубокимъ снѣгомъ, не найдутъ себѣ лошади дороги, то отнимаютъ сѣнныя

копны, напошенныя на зиму горными зайцами изъ сочнѣйшихъ травъ, между коими есть Лютикъ. Онъ лошадямъ, впрочемъ, не вредитъ.

Отсель отправился верхомъ къ Енисею дорогой надвислой и опалой, по причинѣ береговыхъ утесистыхъ горъ. Передъ хребтомъ есть нѣкоторые горы голые и пологіе, но за ними вдругъ подымаются каменныя утесы. Какъ скоро выѣдешь на Енисей у отверстья, которымъ онъ пробиваетъ сквозь горы, увидишь двѣ острые высокіе горы, покрытые снѣгомъ. Одна Иртемъ, другая высшая Бурусъ. Высокая голая маковица горы Буруса состоитъ изъ камню, обросшаго бѣлымъ камнемъ, и уже бѣлѣетъ за день ѣзды. Позадь ее выходитъ Усъ, за которымъ горы становятся отчасу выше и долины преглубокія и крутыя по Енисею. На первыхъ безлѣсныхъ пригоркахъ, склоняющихся къ Енисею, находились во множествѣ остатки рѣдкой травы, называемой Cymbaria Daurica.

Отрывныя, сверху лѣсомъ покрытыя горы оканчиваются каменной стѣной къ Енисею, и безъ того наполненному множествомъ каменьевъ, и представляютъ прохладную и сырую прогалину, по которой вдругъ переменяются. Каменья всѣ обросли слѣдующ. травами:

Saxifraga crassifolia.
Licopodium sanguinolentum.
Вилатою.
Atragena alpina.
Circea liticinata.
Rhodendron dauricum.
Sedum populifolium, еще въ соку украшавшей голые каменья.

Ею были преймущественно покрыты всѣ сіи, мохомъ обросшіе камни. Долгіе его коренья растилались въ мхѣ по голому камню, съ коего, срывая деревянистые его стебли съ повислыми листками, отдирался и мохъ. Издали кажутся точно молодые тополки.

Кашинцы охотники играть на Бандурѣ, какъ Калмыки, и пѣть

протяжно, надувшись, изъ горла, чтобы звонъ происходилъ синоватый, какъ бы кто тихо билъ по струнамъ. На вольномъ воздухѣ выходитъ не дурно. Живутъ какъ зажиточные татара по Енисею: зимою въ войлочныхъ кибиткахъ, лѣтомъ же ихъ прячутъ въ извѣстныхъ имъ горахъ, въ сухія пещеры, осенью для сыростью покрываютъ кибитки берестинами, которую сдираютъ въ Іюлѣ мѣсяцѣ, когда она бываетъ прочнѣе, варепьемъ вывариваютъ изъ нее все смолистое, такъ что остается одна плотная береста, мягчатъ и дѣлаютъ такъ, чтобы не портилась.

Пріѣздъ въ Краспоярскъ. Зима и жестокіе морозы. Возвращеніе изъ Даурской пограничной линіи студента Соколова, донесшаго, между прочимъ:

что по рѣкѣ Аргуну ростутъ во множествѣ чорныя березы. Низменныя мѣста плодородны. Пригорки, называемые яшмовыми горами, даютъ темнозеленую, полосатую, твердую яшму. Растѣнья попались слѣдующія:

Campanula verticillata.

Clematis Hexapetala.

Ranunculus Catarcticus, особливый широколистный сортъ, имѣющій мужскіе и женскіе цвѣтки сплошь на сучкахъ. Ради красного цвѣта сего дерева, прозванный отъ русскихъ краспымъ сандаломъ.

Chenopodium suffruticosum.

Lonicera.

Menispermum canadense.

По горамъ множество сибирскихъ дикихъ абрикозовыхъ деревцовъ и другихъ примѣчательныхъ травъ.

Spirea sorbifolia, вездѣ по разсѣлинамъ.

Даурская пеонія, цвѣтомъ какъ кровь съ молокомъ, родится во множествѣ.

Spiraea thalictroides.

» chamaedrifolia.

» oppulifolia.

Altagana, мѣлкіе бобовнички, покрывающіе всѣ скаты горъ. За ними дальніе сѣверные горы ничего, кромѣ разбитыхъ кабановъ, стремнинъ и неприступныхъ скалъ, не содержатъ.
Hioscyamus physaloides.
Sanguisorba canadensis, съ долгими бѣлыми подвѣсками.
Tamarix hermanica, гребенщикъ вездѣ по каменьямъ ростетъ въ изобиліи.
Serratule, весьма рѣдкіе, свойственные только Восточной Сибири.
Arcticum personata.
Solidago palmata, каменистая, по мокрымъ мѣстамъ.
Saxifraga Hirculus, коею желтѣли болота.
Черноталъ, Salyx fussica, составлявшій подлѣсье вмѣстѣ съ молодыми березками.

Всего достопамятнѣе была поѣздка студента Соколова на высочайшую изъ всѣхъ даурскихъ горъ, покрытую вѣчнымъ снѣгомъ, называемую Русскими Чокондою, а Тунгусцами Сохондо. Вся гора кругомъ обнесена лѣсомъ, а пригорки изъ сѣраго камня. Но дотолѣ еще за двадцать верстъ начинается ея крутая подошва. Выше, изъ крутого яру самой горы выходитъ рѣка Агупаканъ. Съ лѣвой стороны Агупакана подымается особлнвая голая каменная гора Елоо, гнѣздилище страшныхъ коршуновъ. Прямо, гдѣ начинается Агацуканъ, гора какъ бы совсѣмъ исчезаетъ, и остается неровная площадь большими кабанами. Противъ самой снѣговой стѣны Агупаганъ изъ болотъ, изъ снѣговъ собирается. Вокругъ ея густой лѣсъ престарѣлыхъ большихъ кедровъ, изъ коего во всѣ стороны вытекаютъ отъ тающихъ снѣговъ проточины, стремясь изъ своихъ каменныхъ разсѣлинъ къ вершинамъ рѣкъ. Оная площадь въ жаркое время служитъ убѣжищемъ всякому дикому звѣрю, кроющемуся стадами въ прохладныхъ дубровахъ отъ насѣкомыхъ. Съ ней во всѣ стороны къ востоку и югу можно видѣть всѣ лежащія внизъ по Онону тоже не низкія горы, а къ западу не иначе какъ съ ужасомъ глядишь на лежащіе вблизи крутые, каменныя, прямою стѣною

за облака за облака заходящія горы, снѣгомъ покрытыя и синѣющіе отъ тумапу. Тутъ каждый день дождь, въ непрестанномъ движеньи воздухъ, и большая часть времени года проходитъ вокругъ горы въ штурмахъ и волненьяхъ. Средп лѣта тутъ повсюду снѣга и пней, если же подуетъ съ севера, то въ Августѣ, и даже раньше, нападаетъ на лѣса новый снѣгъ, и замерзшій туманъ покрываетъ гололедицею поле. Старый снѣгъ съ сопокъ и въ ухабахъ никогда не сходитъ.

Оныя снѣговыя горы занимаютъ собою великое пространство. Изъ подъ нихъ берутся вершины и токи рѣкъ Агузы, Агупагапа, Букукупа и многихъ другихъ, къ Киркупу и въ Ингоду текущихъ. Оныя горы состоятъ изъ обмытыхъ, другъ на дружку до облаковъ взворочепныхъ, преужасныхъ, обветшалыхъ, дикихъ сѣрокаменныхъ кабановъ, почему и кажутъ будто обточены. На низу горы и па порогахъ видны пустыя разсѣлины. Нѣтъ на нихъ никакой земли и никакихъ деревъ: рости не могутъ.

На одну изъ сопокъ лезъ студентъ цѣлый день. Круча и потомъ уступы, горизонтальныя площади на нѣсколько верстъ. На каждой вытекаютъ ключи и опять съ великимъ шумомъ скрываются въ разсѣлины. Верхъ горы—глазами необъемлемое горизонтальное пространство, на коемъ двѣ крутыя, страшныя ямины, на днѣ коихъ два небольшіе круглые озерка, наполненые водою съ снѣжныхъ утесовъ, которая падупомъ черезъ разсѣлину опять стекаетъ въ среднюю долину. Снѣги лежатъ на поляхъ большими горами до третьяго яруса, считая съ низу къ верху. Они на поверхности совсѣмъ заледѣнѣли, такъ что можно щитать слои, паростающіе въ каждый годъ. Изъ подъ снѣгу, отъ тающей воды, выходятъ ручьи, по которымъ ростутъ во мхахъ холоднѣйшія горныя травы...

Claytonia sibirica.
Gymnandra borealis.
Primula nivalis.

Первый, второй и третій съ низу пороги убраны, бутдо

шпалерами, сланцами, сабинными, кедровыми и другихъ хворостовъ.

Salix berberifolia, рѣдчайшее растѣнье
Campanula grandiflora.
Valeriana sibirica.
Saxifraga punctata.
» crassifloria.
» nivalis.
Dracocefalum grandiflorum.
Pedicularis tristis.
» verticillata.
» lapponica.
» spiccata.
Doronicum pardanialchis.
Hieracium alpinum

и другіе тому подобные, по мшистымъ утесамъ растущія, рѣдкія сибирскія былія.

Суевѣрные Тунгусы почитаютъ сію гору обиталищемъ нѣкого гнѣвнаго Божества, которое ежедневно испущаетъ изъ себя тучи, облака, бури, вѣющія по окольностью, дабы никто не смѣлъ приступить. Они даже и не думали, чтобъ Студентъ могъ возвратится съ такой горы назадъ.

Выѣздъ изъ Краснояpска 22 января 1773. Селенья въ Томскомъ уѣздѣ населены неспособными людьми отчасти и отъ того, что помѣщики, въ зачетъ рекрутовъ, для населенія Сибири отдавали старыхъ, неспособныхъ къ размноженью, отрывая ихъ отъ семействъ. Дорога отъ Томска черезъ Барабинскую степь. Плодородная равнина, изобилующая травой, мѣстами влажная, частію озеристая и солоноватая, поросшая березовыми перелѣсками. Озеро Чапы. Ловимыя въ немъ рыбы породъ мѣлкихъ, но ихъ сушатъ, морозятъ и развозятъ во все при Иртышѣ лежащія мѣста, въ Тобольскъ и на Ирбитскую ярмапку. Кромѣ того, Барабинскіе Татары, живущіе разсѣянно вокругъ сихъ

мѣстъ, промышляютъ продавая блестящіе, подобно серебру, брюшка, снимаемыя съ обыкновенныхъ и большихъ Гагаръ, сшитые въ мѣхъ и одиночкѣ. Иные собираютъ прекрасные, изъ черна фіолетовые шейки морскихъ гагаръ, лоспящіеся, зеленоватые головки дикихъ селезней, кои, бывъ сшиты вмѣстѣ, кажутся еще краспѣе и пригодны на женскіе муфты.

Городъ *Тара* лежитъ на нѣсколько возвышенномъ лѣвомъ берегу Иртышской пади и простирается вдаль по оному на нѣсколько верстъ. Половина домовъ выстроена на сырой глинистой рѣчной пади, другая на нѣсколько саженѣй возвышена. Много домовъ строились по новому плану; городъ возрастаетъ, церквей пять. Большая половина деревень въ уѣздѣ татарскіе, барабинскіе, въ городѣ живетъ много бухарцевъ. Дачи татарскія пространны, имѣютъ много темныхъ лѣсовъ, вмѣстилищъ нужныхъ звѣрей. Страна около Тары хлѣбородна и рыбообильна. Осетры, стерлядп, пельма, шаймени и ленки. Рыбные промыслы продолжаются чрезъ всю зиму. Проѣхалъ Тобольскъ и прибылъ послѣдняго февраля въ Челябинскъ.

На Исетской степи появилось много подорожниковъ и Алтайскихъ жаворонковъ, казалось, предвѣщавшихъ раннюю весну. 5 Марта изъ завода Кыштыму въ принадлежащую къ нему пристань Кизильскъ, близь рѣки Уфы, проѣхавши сдѣсь чрезъ весьма съужепный Уралъ, состоящій изъ слоистаго роговаго камня и мало возвышенныхъ горъ, поросшихъ рѣдкимъ лѣсомъ и который лѣтомъ болотистыми впадинами отдѣляется. Въ пристани стояло въ готовности 12 коломенокъ для перевозу желѣза. Далѣе идущая дорога, узко прорубленная сквозь лѣсъ и горы, была трудна. Шокуръ-аулъ. Изобильные владѣнія Башкирцевъ. Земледѣліе, скотоводство, пчелы и дремучіе лѣса, вмѣстители всякого рода дичины. Въ ѣловникахъ при Уфѣ и по всей части сей лѣсистой страны, даже до Камы, сверхъ прочей красной дичи, водятся Лапландскіе олени и куницы.

Уже начинается по разпымъ мѣстамъ въ сторону Дубъ и лѣщинные орѣхи. Высокая гора, на коей съ Иргинского завода

раскопанъ рудникъ, содержащій въ себѣ отмѣнную желѣзную руду, состоящаго изъ крупнаго хрящу съ мѣлкими голышами, перемѣшанную съ зеленоватымъ, изъ синя-чорнымъ цементомъ. Лѣсистая полоса, отдѣляющая Пермскую провинцію отъ Уфимской, состоитъ большей часть изъ ели, по мѣстами попадается сосна и чорный лѣсъ. Нигдѣ не видалъ я такого множества клестовъ, какъ въ сихъ лѣсахъ: ихъ ловятъ, поливая землю чемъ нибудь солепыхъ, до котораго клесты охотники, и потомъ ставятъ на этой землѣ волосяные силки. Богатые Башкирцы хорошіе хлѣбопашцы, отвозятъ множество ржи на Камскіе винокурни. Въ земледашествѣ подражаютъ Казанскимъ татарамъ, Черемисамъ и вотякамъ. Успѣшно водятъ пчелъ.

Дубовые лѣса всѣмъ общіе, но, по причинѣ сырости почвы, негодные къ строенію.

Вотяки народъ финского поколенья, туземцы вятской области. Проворнѣй, веселѣй и менѣе упрямы, нежели Черемисы. Охотники до пьянства. Малорослы, свѣтло-волосы и рыжи, какъ клопы. Головной уборъ у женщинъ необыкновенно сложенъ и громоздокъ. Они не скидаютъ его и почью, а въ работахъ то и дѣло его поправляютъ, чтобы какъ нибудь не покривить. Домы разсѣяны, безъ дворовъ, внутри широкіе нары для спанья и татарскіе пѣчи. Они хорошіе земледашцы, водятъ бортовыхъ пчелъ, а зимою ходятъ и на звѣриные промыслы, не уступая въ стреляньи и въ ставкѣ ловушекъ Черемисамъ.

Вотяцкій ткальный станъ очень простъ и удобенъ. Въ немъ нѣтъ ничего укрѣпленного, кромѣ избянной подпоры или столба, поставленного близь дверей избы между потолокомъ и поломъ, въ поперегъ котораго, чрезъ продолбленную дыру, вставляется поперешная палка или клюка и столь мало дѣлаетъ въ избѣ препятствія, какъ и два шеста, которые къ матицамъ избы прикрѣплены для повѣшенія на нихъ пряслыхъ крючковъ. Все прочее расположеніе стана въ скорости можно разнимать и опять составлять. Въ мужичьей избѣ можно помѣстить удобно три или

четыре такихъ станка. Расщепленная скалка, на которую навивается холстъ, кладется на два вдолбленные въ полъ столбика съ ушками, по которые можно вынимать и между которыми садится ткачка на скамейкѣ. Другая часть основы, въ полуторы саженяхъ отъ скалки, кладется на крюки, вдолбленные въ вышесказанной избяной столбъ и служащіе вмѣсто навоя. Ниченки, которые движутъ основу, вѣшаютъ или на двухъ кружечкахъ, вырѣзанныхъ изъ дерева, или только на крючкахъ, дѣлаемыхъ изъ гусиныхъ папороткові и прикрѣпляемымъ къ шестамъ, утвержденнымъ подъ потолкомъ. Берда дѣлаютъ по большей части изъ тросника, или изъ спичекъ черемушныхъ. Ткалный челнъ бываетъ столь длиненъ, сколь широка новина, такъ что ей надлежитъ только просунуть и вытащить другой рукой. Когда же просѣсти холста будетъ паткано столько, сколько руки вотячки достать могутъ, тогда нѣсколько кистей основы спускаютъ съ клюкъ, а паткапную холстину навиваютъ на скалку.

Черемисы занимаютъ страны около Вятки и Камы. Средственнаго росту, волосомъ бѣлокуры и рыжеваты, рѣдкобороды, тѣломъ бѣлы, но безъ выраженья, слабосильны, неповоротливы, боязливы; обманчивы и упрямы необыкновенно. Женщины попадаются педурны, но татаркамъ уступаютъ. Недлинные жидкіе свои волосы завертываютъ въ двѣ вертушки, изъ коихъ одна завивается на макушка, а другая на затылкѣ. Сіи волосяные пучки и большую часть головы покрываютъ маленькой холщевой шапочкой, вышитой разноцвѣтной шерстью.

Прибытіе 7 Марта въ село Сарапулъ. Оттепель. Снѣгъ на открытыхъ мѣстахъ совсѣмъ уже сталъ, и оказался бѣлокопытникъ. 9 Апрѣля появился цвѣтущій во множествѣ между кустами трилистный Геллеборъ. 12 числа начала цвѣсть болотная Фіалка, а къ 18 числу размножилась она сильно съ медуницею и золотоголовникомъ. Въ сіе время начали также распускаться лещинные кусты, нѣкоторые въ теплыхъ мѣстахъ стоящія березы и сѣверная андроника.

Въ числѣ первыхъ прилетныхъ птицъ, въ послѣднихъ числахъ Марта, были скворцы, грачи, зяблицы, овсянки, дрозды и луговки. Въ началѣ Апрѣля прилетаютъ синички болотные и лѣсные кулики и прочія дикіе птицы. Но въ разсужденіи прилетныхъ птицъ страна сія ничего не имѣетъ примѣчательнаго, ибо никакихъ озеръ въ ней не находится, а рѣки неокружены горами и еловыми лѣсами.

Сарапулъ богатое многочисленное село, почти городъ, удѣльнаго вѣдомства, на берегу камы, на правомъ, вздоль его. Нѣсколько церквей, хорошій рынокъ и лавки со всякими мѣлочными товарами, которыхъ продавцы очень выгодно торгуютъ, по причинѣ великаго народнаго стеченія изъ окольныхъ деревень и многихъ, весной ѣздящихъ, судовщиковъ по Камѣ и Бѣлой, проѣзжающихъ мимо сихъ мѣстъ судовъ съ желѣзомъ изъ Чусовой, съ дровами и саломъ изъ верховыхъ мѣстъ Камы. Множество хлѣба отвозятъ отсюда и изъ прочихъ, около нижней части Камы лежащихъ, плодоносныхъ странъ, частію по Камѣ въ Соликамскъ и далѣе въ Чердынь, даже и Запечорской и Двинской волокъ, въ сѣверныя безхлѣбныя селенья, лежащія въ верховьяхъ двины и печоры. Частію же вниз по Камѣ и Волгѣ даже до Астрахани, также и вверхъ, въ нижній Новгородъ.

Мимотекущая рѣка Кама, еще полная густыхъ лѣсовъ, полна рыбой, которая здѣсь вкуснѣй, чемъ въ волгѣ. Здѣшніе рыбицы, осетры и стерляди далеко превосходятъ волжскихъ. Осетровъ и стерлядей ловятъ на крючки, называемые Бабаткамп. Лососей, бѣлую рыбицу и осетровъ ловятъ перебойками, наз. Камскій Езъ. Цѣлые рукава рѣки перебиваютъ сваями; большія отверстія перегораживаютъ сѣтьми съ матнями; на езахъ ловятъ рыбу во все лѣто, да и зимою подо льдомъ, исключая только высокую воду и когда ледъ безопасенъ. Для ловленья въ удобныхъ мѣстахъ рыбы обыкновенно употребляются невода, большіе верши, морды и мережи съ длинными крыльями, иначе ветелями называемыми.

Казенные камскіе чугунные заводы подъ вѣдомствомъ Бла-

годать-Кувшинскаго горнаго правленья. На Ишинскомъ заводѣ 16 молотовъ, на Воткинскомъ 18-ть, изъ конхъ одинъ для выбиванія жести и другой для дѣланія стали. Вокругъ обширныя лѣса лучшихъ деревъ и вода въ изобиліи.

21 Апреля выѣздъ изъ Сарапула. Трудныя водянистыя дороги отъ рѣчныхъ разлитій. Возвышенья съ прекраснымъ полями и лѣсомъ, перемѣшаннымъ съ Ельникомъ. Въ лѣсу цвѣли земляной дымъ, вѣтреница, лютикъ, Геллеборъ трилистный, медуница, ягодки или волчье мыло, болотная Фіалка.

Мало въ Россіи странъ, гдѣ бы больше прилежали къ хлѣбопашеству, какъ въ мѣстахъ Казанской Губерніи, къ волгѣ и камѣ прилегшихъ. Русскіе, Черемисы и Татары стараются другъ друга въ оном превзойти, но мнѣ показалось, что Татары ихъ всѣхъ превосходятъ. Зажиточные крестьяне въ честь себѣ поставляли имѣть превеликіе одони хлѣба, остающагося отъ расхода, и таковой немолоченной хлѣбъ держатъ отъ нѣсколькихъ лѣтъ. Озимая пшеница, несмотря на холодную влажную, глинистую почву, урожается хорошо. Ее сѣютъ нѣсколько позже озими и изыскиваютъ къ тому гористые, не столь влажныя мѣста. Для удобренія нѣсколько земли, прежде вспашанія подъ лѣтніе посѣвы, а частію и для умеьшенія влажности, здѣшніе крестьяне сожигаютъ при тихой погодѣ солому, остающуюся на корняхъ послѣ жатвы. Крестьяне же, обитающіе по сухимъ степямъ, лѣтніе посѣвы подпахиваютъ (особенно если весна суха), что самое и въ южныхъ странахъ, при рѣкахъ Сокѣ, Самарѣ и Волгѣ употребительно (См. 1 часть). Сей образъ посѣва называютъ они сѣять подъ соху. Изъ опыта узнали, что посѣянные сѣмена лучше отъ того всходятъ, поелику по посѣвѣ вспаханная земля не можетъ такъ скоро высохнуть и свою весеннюю влажность испарить, а посѣянныя семена зарываются въ землю глубже.

Крестьяне, живущіе около Камы, начинаютъ нынѣ разводить Воложскій ленъ, перенесенный изъ Польши въ Сибирь пе-

рселенными туда переселенцами и съ добрымъ успѣхомъ размножающійся на Камѣ. Ростетъ онъ въ 7 пяденей вышиною и даютъ гораздо лучшую пряжу, нежели обыкновенный ленъ.

Рѣки еще не выступали изъ береговъ. 22 переѣхали ручей Дристуниху, впадающій въ Бургушъ. Потомъ черезъ Тетрицу, отстоящую только на полверсты и впадающую въ (Чистуниху) Чихостаниху. Въ 5 верстахъ отъ пасъ находилась рѣка Ишъ, которая уже выступила изъ береговъ такъ, что едва можно было переправиться.

Деревня Пихтова при р. Икашурѣ, Мордвеи при р. Чашѣ и Терсы принадлежатъ Генералъ Маіору Таваеневу, который самъ Магометанскаго закона, какъ и всѣ его крестьяне, необыкновенной хозяинъ. Устройство екопомическое, обиходъ относительно сохраненія хлѣба, саженья сноповъ, бережливости въ дровахъ, а также раздѣленія пашень, скотоводства и домашняго порядка, даже у крестьянъ, въ ихъ деревняхъ чистота, пріятный видъ пашень, украшенныхъ изрѣдка поросшими молодыми сосновыми рощами, и въ нихъ множество соловьевъ увеселяли много эту холодную страну. Самъ помѣщикъ былъ въ отлучкѣ въ другихъ деревняхъ при рѣкѣ Бѣлой, гдѣ обыкновенно празднуетъ онъ татарскій пашенный праздникъ Сабанъ.

Мѣдные рудники, впрочемъ, небогатые и большею частью оставленные. Берега рѣки Камы круты. Немного въ сторону высокія, гористые мѣста, покрытые дубовыми и березовыми лѣсами; въ нихъ цвѣла вѣтреница бѣлыми и голубыми цвѣтами. Слышилось повсюду пѣнье дроздовъ, которыхъ нигдѣ не водится такое множество, какъ въ камскихъ лѣсахъ, наполненныхъ можжевеловыми кустами.

24 въ первый разъ Громъ вдали. По степи цвѣли Вѣтреница, Гусиная трава, весенній адоникъ и Фіолы. По мокрымъ мѣстамъ Болотный Лютикъ. Въ первый разъ встрѣтили ракитникъ и степныя вишни. Степь черноземна и по возвышеннымъ мѣстамъ суха. Суслики во множествѣ.

Горы вдоль по Шайтанкѣ, впадающей въ Діому на южной

сторонѣ, были увѣнчаны прекрасными весенними цвѣтами. Обыкновенные Скорцоперы и Astragalus depressus уже отцвѣли; напротивъ того, еще распупались ракитникъ, таволга, Thesium alpinum, Onosma Echioides и Carduus Cyanoides. Но hedisarum grandiflorum еще не распускался. Наиболѣе всего тутъ въ цвѣту стоялъ Бобовникъ и Astragalus physoides. А еще сильнѣе цвѣли гороховый кустъ и вышесказанная таволга. На горахъ по ту сторону Діомы разцвѣтала Bunias cakile. Сухая трава наполнена тогда была травяными вшами, такъ что, побывавъ тамъ, едва можно было ихъ потомъ выжить изъ платья. Въ сіе время сидятъ они на вершинахъ колосовъ и листьевъ, на коихъ держатся, зацѣпясь двумя ногами, а прочіе 6 распростираютъ на воздухѣ, чтобы можно было скорѣе вцѣпиться въ проходящихъ животныхъ.

Въ вечеру видѣли зрѣлище на пригоркахъ, на коихъ зажжена была крестьянами сухая трава, и гдѣ огонь, оставленный неосторожными мужиками во власть вѣтру, захватилъ также нѣкоторые большіе хлѣбные одонья. Изобиліе дѣлаетъ равнодушнымъ (къ такимъ потерямъ), и рѣдко кто заботиться сохранить свои одонья отъ огня, въ степи пущеннаго.

1-го Мая дорога по Кинелю черезъ открытыя плодоносныя возвышенія. Каменистые, глинистые горы по Кинелю совершенно поросли рѣдкимъ въ другихъ мѣстахъ, пагбеннымъ шалфеемъ, Salvia nutans, обыкновенно родящимся на открытыхъ юго-западныхъ угоркахъ уральскихъ; онъ вошелъ въ это время въ цвѣтной стебель.

Astragalus glaux, пушистый бѣлый.

Veronica teucrium, дубровкѣ подобная.

Hesperis sibirica, весьма низко растущая.

Androsace maxima.

Seseli pumilum, Сердечникъ, Смолодъ, Чистецъ, жабрица, (малорослый).

Vincetoxium. Ласточникъ, чортова борода, Asclepias.

Переѣхавъ на плоту Кинель, ѣхали высокой степью, выжженной въ прошедшую ночь и украшенную небольшими подчищенными перелѣсками. Далѣе степь наполнилась цвѣтущими вишнями и гороховыми кустами.

Pedicularis comosa, Гниднш, вшивникъ италіанскій. Изобильно.

Adonis apennina. Горицвѣтъ, желтоцвѣтъ, одномѣсячникъ, стародубка.

Adonis verna.

Выродокъ Astragali depressi, имѣвшій красные цвѣтки съ довольно длинными цвѣточными стебельками.

Orobus angustifolia, бѣлоцвѣтный, а на влажныхъ мѣстахъ красноцвѣтный, росъ тамъ же вмѣстѣ съ нимъ.

Orobus polygala.

Astragalus physodes, надутый.

Seseli pumilum.

Малорослый касатикъ съ синими и блѣдножелтыми цвѣтами.

Желтые лесные тюльпаны.

Барбарея, стоявшая въ цвѣту около пашень. Смотр. Erysimum et Sisymbrium.

Возвышенья, перемежаемые изрѣдка (небольшими) дубовыми лѣсками, то желтѣвшіе, то бѣлѣвшіе по полосамъ отъ цвѣтущихъ вишень и гороховыхъ кустовъ. Рѣка Токъ и озера по ея низменностямъ наполнены черепахами и такими же кричащими лягушками, какіе въ Яикѣ. И такъ какъ она тиновата и глубока, то въ ней держатся въ великомъ числѣ большіе сомы. По низкости, съ которой стекла вода, выросло много цвѣтовъ.

Frittilaria meleagris, Рябчикъ, венечникъ, мохначъ, пухоцвѣтъ.

Ficaria, Лютикъ, слѣпокурникъ, Ranunculus.

Valeriana tuberosa. Маунъ. Valeriana, шишковатая, на пригоркахъ.

Robinia frutescens, Кустоватый гороховникъ, Чилижникъ, Чилига, Чемыжникъ, дереза. Цвѣлъ на пригоркахъ.

Hedysarum grandiflorum. Гребешокъ, Петушья голова, копешникъ. Былъ въ полномъ цвѣту.

Мать-мачиха, Thussilago hibrida, росла по песчанымъ его берегамъ.

Тополь росъ по низменностямъ гористаго праваго берега, идущимъ въ длину всей рѣки.

4 Мая, почевка у подошвы горной большого или нижняго Урала. Около его находится пространная низменность къ Самарѣ, наполненная кустарниками, лужами, небольшими озерами, гдѣ отъ бесчисленнаго множества соловьевъ, всякого рода водяной дичи, лягушекъ и черепахъ, происходилъ такой шумъ, а отъ комаровъ такое беспокойство, что мы не спали всю ночь. Здѣшніе дикіе кустарники, ростущіе на сихъ низменныхъ мѣстахъ и вдоль по Самарѣ, какъ то: Бобовникъ, степные вишни, Lothus и другіе стрючковатые кусты, составляютъ прекрасные живые изгороди, вышиною въ ростъ человѣка, которыхъ цвѣты разцѣватаютъ одни за другими чрезъ всю весну: ибо, какъ скоро сойдетъ снѣгъ, сперва разцвѣтастъ Бобовникъ, потомъ степные вишни, наконецъ стрючковатые кусты, а послѣ ихъ гороховый кустъ, Robinia frutescens. Изъ сихъ однихъ, въ Россіи находящихся кустовъ, къ коимъ если причислить таволгу, Spirea crenata, и еще позже цвѣтущій терновникъ, пекленъ, Acer tataricum, то можно здѣлать прекрасные, живые изгороди и увеселительные сады. Сколько бы красоты Россійскимъ садамъ придала Сибирь различными родами своихъ цвѣтовъ и благовонными цвѣтами?

Потопленная низменность заставила взять окольную дорогу по высокимъ холмамъ между Большимъ Урапомъ и Уранчикомъ, имѣющимъ основанье каменистое, верхъ же глинистый. Нигдѣ не видалъ я Hedysarum въ такомъ великолѣпіи и множествѣ растущаго, какъ сдѣсь. Также цвѣли на горахъ сихъ:

Hedysarum obscurum.

Astragalus depressus, сплюснутый горохъ.

Verbascum phoeniceum.

Euphorbia peplis, молочайникъ морской.

Salvia nemorosa.

» nutans, шалфей нагбенный.

Teucrium sibiricum, Дубровникъ, дубровка, кадыло, оганка. Порода подобная полевому шалвею, средняя между двумя упомянутыми видами шалфея, ими же произведенная.

Pedicularis foliosa.

Дикія лошади, тарпаны, неукротимые, бѣгающія быстрѣе всякой быстрой лошади, появляются сдѣсь иногда большими косяками, спасаясь отъ оводу, великихъ жаровъ и засухи Индіи и Персіи, куда осенью возвращаются съ изнова. Слѣды ихъ косяковъ видны иногда по степи шириною на цѣлую версту.

Общій сыртъ начинается пологими холмами, обросшими дубнякомъ и березникомъ. Здѣсь видны были въ цвѣту

Trifolium montanum.

Scorzonera purpurea, Козлецъ, волчій и змѣевъ обѣдъ.

Spirea crenata.

Расцвѣтавшими гороховыми кустами желтѣли крутые берега Иртека.

По ту сторону Иртека, на южной сторонѣ холмовъ, составляющихъ общій сыртъ, степь вдругъ перемѣняется въ сухую, голую, наполненную солнчаками, покрытыми полынью. По степи видны были остатки и вновь появляющіеся листья:

Peucedanum silaus, яркій укропъ, смовдь.

Sison verticilatum. Спрейчикъ, петрушечникъ коленчатый.

Scorzonera tomentosa.

Dianthus prolifer, Гвоздика, пускающая отпрыски.

lepidium perfoliatum, кресъ, перечная трава.

Жимолость, Lonicera tatarica, стала появляться по скатамъ возвышеній къ низменнымъ мѣстамъ, вмѣстѣ съ гороховымъ кустомъ robinia и тюльпанами.

Rindera tetrapsis, во множествѣ, но уже съ совершенными семенами, огражденными крылышками, имѣвшими хорошую фіолетовую тѣнь.

Onosma Echioides, Долгуша, Румяница, Ежеобразная, только что начинала цвѣсть.

Все около 10 мая. Попались степные дикіе козы и косякъ дикихъ лошадей изъ 20 кобылицъ. Изъ рѣдкихъ насѣкомыхъ стала попадаться малая порода жуковъ, дѣлающихъ шарики изъ навоза, Scarabaeus Schaeferi, работали въ дорожныхъ колеяхъ по парно и, скатывая небольшіе изъ навозу шарики, закопывали ихъ въ землю, между коими потомъ сіе насѣкомое размножало свою породу.

Astragalus sulcatus, бороздковатый.

Alyssum calicinum, Торица, Кашикъ, икотная трава, бурачокъ, чашчная.

Sherardia arvensis, на песчаныхъ горахъ.

13 мая степь, къ изумленью всѣхъ, покрылась снѣгомъ раннимъ утромъ. Хотя снѣгъ лежалъ до 9 часовъ, но холодный воздухъ лишилъ надежды жителей дона собрать свой хлѣбъ. Мокрая бурная погода наступила необыкновенная въ семъ краю.

Santolina Anthemoides. Садовый кипарисъ, священное растѣнье, ромашкѣ подобная. Шла въ цвѣтной стебель и покрывала собою низколежащую равнину, по которой пролегала дорога. Она издавала свой пахучій запахъ, любительница солончаковъ.

Sysimbrium bursifolium, Гулявникъ ярутколистный, на лугахъ шаганскихъ.

Dodartia orientalis, додартово растѣнье.

Statice trigona, еще не расцвѣтала. Вязникъ, желтокор.

Glicirhiza aspera.

Camphorosma, камфорное растѣнье.

Grambe orientalis. Катранъ, морская капуста.

Astragalus cicer, многолѣтній, желтый.

Узколистный морской левкой.

Прекрасный зубной корень (cachris). Его бѣлые гладкіе семена душисты, корень употребл. козаки какъ лѣкарство отъ.

На тонкомъ стебелькѣ. Цвѣтки зонтикомъ.....

Растѣнія, собранныя студентомъ Зуевымъ на Индерскихъ горахъ.

Molluccella Tuberosa, корень превеликой изъ двухъ либо трехъ кругловат. шишекъ, сросшихся воедино. Иногда же простой, похожій на рѣпу и видомъ и вкусомъ, но горчае. Стебель прямой, четвереугольный, бороздчатый. Листы какъ у мяты и притомъ противоположны. Желтые... цвѣтки заключены въ длинные чашечки, похожіе на кувшинчики; въ большомъ количествѣ попадается по буграмъ на волгѣ около Енотаевской пристани. Цвѣтетъ въ маѣ, семена поспѣваютъ въ Іюлѣ и тогда катается по степи вѣтрами.

Biscutella didyma, Двоещитъ двуузластый.

Sedum reflexum, Молодилъ, Скрыпунъ, Заячья капуста, пчельникъ завивной, загнутый.

Tragopogon, козлина бородка, теканда, porrifolum.

Plantago minuta, шершавинькое маленькое растѣньецо.

Vella tenuissima, ростетъ только по Индерскимъ буграмъ около Урала. Топинькая необыкнов. Цвѣтетъ въ Апрѣлѣ маленькими бѣлинькими цвѣточками.

Дорога по сухой голой степи. Въ ложбинахъ, заросшихъ зеленью, цвѣли:

Astragalus alopecuroides, издававшій пріятный фіалковый запахъ.

Astragalus sulcatus, бороздковатый, попадавшійся иногда до 2 локтей вышиною.

Rindera tetraspis.

Восточный петрушечникъ, еще не разцвѣтшій.

Черепковый ревень, росшій по сухимъ возвышеньямъ степи. Его узнать можно было по изсохшимъ листамъ и стеблямъ, содержащимъ семена.

Степь къ Ручью Кучуму солена, поросла Halimus и дру-

гими солянымп травами. Маленькіе ехидны, проворныя ящерицы зеленого цвѣта и ящерицы песчанныя были тутъ весьма обыкновенны. Сапгаковъ изобильно. Козаки ихъ убиваютъ легко, мясо ѣдятъ, а рога продаютъ пріѣзжающимъ купцамъ, отвозящимъ ихъ въ Китай. Гдѣ Суслики вырыли изъ норъ землю, тамъ попадались во множествѣ Пектинниты и черепа другихъ малыхъ раковинъ, еще не совершенно превратившихся въ известь.

Anabasis aphylla, кислая трава, кошечій хвостъ, карагазнпъ, Ежовникъ (безълистный).

Salsola frutescens, кустоватая. Обѣ большими кустами.

Biscutela didyma.

Тамарисковой кустарникъ, уже отцвѣтшій.

Заманиха цвѣла въ изобилін.

Степь становится къ Узенямъ чрезвычайно суха и песчана, не производя ничего, кромѣ полыни, камфоросмы и сухихъ стеблей колосьями, то, приближаясь къ общему сырту, содержитъ влагу среди пѣсковъ и покрывается тросникомъ. Солончаки и соленые озера также нерѣдки.

Песчаная Степь Нарынъ состоитъ изъ большихъ, зеленью покрытыхъ, песочныхъ глыбъ, возвышающихся на сухой, соляной, глинистой степи. Недаромъ говорятъ калмыки, что она была прежде дномъ моря, въ чемъ подтверждаетъ и множество ключей, находимыхъ повсюду, стоитъ коппуть землю. Обширные, изъ наноснаго пѣску состоящіе, холмы, лежащіе между собою на нѣкоторое пространство, покрыты тросникомъ и песчаной осокой и кажутся издали, отъ высоковырастающихъ стеблей, какъ бы покрытыми лѣсомъ. Вмѣсто лѣсу природа даровала симъ песчанымъ кучамъ нѣсколько кустовъ:

Caligonum polygonoides, Тарлыкъ или торлокъ. Всѣ вѣтви были осыпаны зрѣлыми плодами, придающими ему больше красоты.

Artemisia santonicum, или Цытварное сѣмя, повсюду въ пѣскахъ,

имѣетъ древесоватый стволъ, подъ осень выростающій въ сажень.

Prenanthes Chondrilloides. Лактукъ, молочайникъ горской (волчій), превратившійся сдѣсь въ кустарникъ.

Узколистные ивы, степной Лохъ (Elacagnus) и тополовые кусты пріятно усаживали собой низкіе земли между холмами, особенно старыя копани.

Прочіе травы, украшавшіе песокъ по равнинѣ и по углубленіямъ, были:

Bromus cristatus, Мятлина полевая, петушьему волоску подобная.

Poa an tenella, Мятликъ нѣжный.

Nardus stricta, Скипидарникъ прямой.

Phalaris erucaeformis, Канарейникъ, канарейское сѣмя, горчицеподобный.

Scirpus romanus, Ситникъ, кровавникъ (римской).

Нѣсколько родовъ Кипра или полеваго Галгана, Cyperus.

Обыкновенныя колосистыя травы.

Corispermum hyssopifolium, клоповное сѣмя Иссополистное.

» squarrosum, шероховатое.

Gallium rubioides, подмаренникъ красноватый.

» glaucum, ржавчинный.

Rubia peregrina, марёна чужеземная.

Onosma Echioides, воловый языкъ съ бѣловатыми большими цвѣтами, какіе ростутъ по Иртышу, а не по Уралу.

Gypsophila paniculata, перекати поле.

Cucubalus otites, куколь ушковатый.

Dianthus prolifer, отмѣннаго вида.

Euphorbia Esula. Молочай, ослиное молоко.

potentilla reptans.

» aurea.

Orobanche major, Солнцевъ корень, львиной хвостъ, солнечный стебель, большой, съ свѣтлосиними цвѣтами.

Dodartia orientalis, Додартово растѣнье.

Cheiranthus montanus.

Arabis thaliana, Греча высокая, Будра-трава, Башепка рѣзуха.

Glicyrrhiza glabra, въ весьма тощемъ видѣ.

Hedisarum Alhagi.

Astragallus sulcatus, бороздковатый.

» physodes, надутый.

» depressus, сплющенный.

Melilotus officinalis, донникъ.

» polonicus.

Medicago falcata, Медунка серповидная.

» sativa, садовая.

Centavrea paniculata, Бѣлолистъ, чертополохъ метелковатый.

Scabiosa, съ синефіолетовыми цвѣтами.

Carduus Cyanoides, Волчецъ, чертополохъ, осетъ васильковообразный.

» monoclonos.

» polyclonos.

Achillea nobilis, Гулявица, Греча дикая, деревей, рубинка.

» tomentosa, пушистая.

Tragopogon, козлина бородка, теканда, молочай.

» villosa, власистая, любимая лошадьми, по причинѣ горькаго млечного соку.

Scorzonera tomentosa, Козелецъ, сладкой корепь, Зміевъ обѣдъ, ужовникъ, зміедушникъ, касматикъ.

Gnaphalium elichrysum, комарникъ, мухоловъ, горлянка, сушеница, кошечья лапа.

Полынь, ростущая во множествѣ по равнинамъ и наполнявшая воздухъ сильнѣйшимъ лимоннымъ запахомъ. Подобной нѣтъ въ другихъ мѣстахъ.

Lycium europaeum, Придорожная иголка.

Сѣрые тамарисковые кусты, Salicornia Strobilacea.

Anabasis, карагазинъ, Ежовникъ, кислая трава, кошечій хвостъ.

Родъ кресса или перечника (lepidium) съ толстыми листами.

Май оканчивался. Сѣрые слѣпни и комары начинали мучить. Европейскихъ домовыхъ сверчковъ было здѣсь въ дикѣ столь же много, какъ и на песчаной степи противу волги, и они во множествѣ собрались въ то мѣсто, гдѣ мы ночевали. Изъ насѣкомыхъ tenebrio echinatus, живущій на холмахъ напоснаго песку, и Scarabeus Ammon, находившійся всякую ночь на паствѣ нашихъ лошадей.

Степной Лохъ обрастывалъ вмѣстѣ съ ивами копани, наполняя пріятныхъ благоуханіемъ воздухъ. Плоды его здѣсь малы, немного побольше сахарнаго гороху, листы узки.

Cynanchum acutum, Собачій ядъ, песья отрава, попадался въ великомъ множествѣ по углубленьямъ.

Особый родъ скорцоперы съ листами, подобными тростнику и кругловатымъ, раздвоеннымъ сладкимъ корнемъ, покрывалъ собою всѣ сырыя мѣста по окружности углубленій.

Frankenia hirsuta, Франково курчавое растѣніе росло по большимъ и малы солончакамъ, совокуплявшими на подобіе цепи по всей дорогѣ.

Verbascum Boerhavii, царскій скипетръ, Вербишникъ, Петровы батоги (Боергавовъ). Цвѣлъ въ пѣскахъ около соленаго болота.

2 Іюня пѣсчанные горы становились выше. Межъ ними были глубокіе долины, гдѣ росли Ивнякъ, степной лохъ и дикой тополь. Турлукъ, находившійся во множествѣ, имѣлъ стволы толщиною въ руку.

Rhus cotinus, дикое кожевенное дерево, росъ въ углубленіяхъ.

Spartium aphyllum, безлистный родъ дрока, тонкими вѣтвями похожій на дикорастущій тростникъ. Вѣтвистые побѣги его, стоящіе на подобіе лозъ въ сажень вышиной и всякой годъ изсыхающіе, лежали кучами по долинамъ, расбросанные вѣтромъ.

Antirrhinum junceum, Ситникобразный жабрей цвѣлъ во множествѣ по песчаной долинѣ.

Снова сухая, глинистая, солепая степь со множествомъ

солнчаковъ, гдѣ ничего другого, кромѣ безсочной полыни и соленыхъ растѣній. Насѣкомое, lacerta helioscopa, бѣгала во множествѣ. Нашли еще паукообразного сѣнокоса, который былъ одутловатъ какъ мѣшокъ, весьма великъ и съ яйцами. По углубленьямъ росъ перекати поле, который цвѣлъ и былъ посѣщаемъ всякого рода насѣкомыми.

Рѣдкой родъ Mantis или Богомола, pecticornis и gongylodes сидѣлъ почти на каждомъ растѣніи, скрывшись подъ густыми вѣтвями и караулили бабочекъ.

У копаней и лужъ находились прекрасные куропатки съ острыми крылами и голубинымъ полетомъ. Пьютъ часто, питаются сѣменами во множествѣ растущаго Astragalus cicer и alopecuroides, весной же семенами соленыхъ растѣній. Лѣтомъ по одному и попарно, весной же малыми стадами, подымаясь, кричатъ на подобіе скрежетанья, но лѣтаютъ безъ всякого примѣтнаго шума. Мясо вкусно, хоть и жестко. Яица бѣлы, мало чемъ меньше куриныхъ. Прилетаютъ поздно, избираютъ обиталищемъ южную сторону волги.

Каменная соль на Капчачи. Болота, у которыхъ великое множество чорныхъ куликовъ (Falcinellus). Зеленыя заводи и лежащія возлѣ нихъ углубленія долины были покрыты прекрасными каварскими шпорами съ кофейными цвѣтками, привлекавшими пчелъ. По возвышеньямъ росли вѣтромъ катаемые травы:
Molucella tuberosa.
Biscutella didyma, Двоещитъ двуузластый.

10 іюнь.

Ревень похожій на Rheum ribes.
Зубной корень составляетъ, подобно ревеню, листами круглой и удобно катающійся кустарникъ.
Прекрасная волнистая солянка около соляныхъ ямъ.
Восточная onosma.
Арабская салпкорнія подымала свои пушистые стебли.

Дикой лукъ, papaver rhoeas, доселѣ мною невиданный, росъ во множествѣ на покрытыхъ зеленью углубленьяхъ.

Bromus squarrosus, костерь, овесецъ (шероховатый) росъ тамъ же.

lappula (Myosotis), мышье ушко, красиво произраставшее на углубленьяхъ.

На голыхъ холмахъ гнѣздились различныхъ породъ орлы. При соленыхъ ямахъ лежали по разнымъ мѣстамъ извѣстковые камни и плиты, на коихъ исчерчены были Мунгальскіе и Тунгутскіе молитвы. Начинаются красноватыя, тягостныя для переѣзда, горы наносныхъ пѣсковъ со множествомъ копаней, безпрестанно засыпаемыхъ песками.

Centaurea Salmantica, чертополохъ бѣлолистъ (сальмантскій) стоялъ въ цвѣту съ горькою травою.

Солодковой корень съ шерохов. стручьями.

Бѣлена съ желтыми цвѣтками.

Onosma orientalis, которой цвѣтки при распусканьи желтоваты, но послѣ дѣлаются алыми, какъ случается съ цвѣтками воловьего языка.

Harmala, Песье дермо (peganum). Красивые цвѣтки, но издаетъ запахъ, подобный падалищу.

Bromus tectorum, ростетъ по кирпичнымъ обломкамъ древнихъ татарскихъ жилищъ.

Прекрасныя, но совершенно разобранныя и разрушенныя развалины дворцовъ древнихъ хановъ у Селитрен. городка. Множество змѣй между развалинами и въ ямпахъ. Цвѣли растѣнья, любящія соленую селитрепую почву:

Заманиха, похожая на Европейск. lycium.

Hypecoum pendulum, Житный цвѣтъ, полевой мачекъ, житничекъ.

Ornithogalum.

Алфагъ росъ во множествѣ по сухой бесплодной степи. Малые сѣрые пауки плели по немъ сѣрую паутину.

Phlomis herbaventi, Чужеварникъ вѣтренный по степ. плодонос.

Dracocephalum thymiflorum. Драконоголовникъ фиміамолистный.
Salvia nemorosa.
Sysimbrium altissimum.
Scabiosa Ucrainica.
Allium descendens, чеснокъ нисходящій.
Lavatera thuringica, Лаватерово растѣніе турингск.
Thalictrum flavum, зяблица, золотуха, щелкунъ.
Echinops ritro, Мордвинникъ, Татарникъ, перестрѣлъ малорослый.
Dipsacus laciniatus, чесалка, ворсяная щетка.
Achillea odorata, Гулявица благовонная.
Galium glaucum, подмаренна съ ржавчинной.
Salsolla prostrata.
» ericoides.
Bromus squarrosus, костерь шероховатый.
Болотный молочай по низкимъ мѣстамъ.
Австрійская Вероника. На иловатомъ берегу она уже приносила сѣмена.
Солотковой корень уже также отцвѣлъ.

Всѣ лѣтніе растѣнія, по причинѣ сильной жары, отцвѣли раньше обыкновеннаго. Посему переѣхалъ къ соляным озерамъ для наблюденія за соленными травами, но большая часть ихъ едва начинала показывать свои стебли.

Statice trigona (вязникъ), во множествѣ около Черноярa.
Policnemum monandrum, тамже.
Приморская, Asclepias, чортова борода, ласточникъ, уже цвѣла.
Восточная капуста въ мѣстахъ, гдѣ попадался Черноземъ, была уже съ созрѣлыми сѣменами. Въ семъ своемъ состояньи, со многочисленными своими вѣтвями, она походила на хворостъ, вѣтромъ колеблемый. Донскіе козаки ѣдятъ ея молодые стебли и называютъ ее бѣлымъ *катраномъ*.
Красный или настоящій катранъ есть вышеупомянутая Statice trigona. Ея дикіе коренья, вырываемы съ великимъ трудомъ, употребляютъ въ южныхъ безлѣсныхъ мѣстахъ на дубеніе

кожъ, которые отъ сего скорѣй приготовляются, чемъ отъ дубовой коры.

Дорога шла чрезъ мѣста различныхъ свойствъ. Малорослая мята, бывъ растаптываема лошадьми, наполняла воздухъ своимъ запахомъ. Страна столь изобилуетъ солью, что лужи отъ дождей дѣлаются въ скоромъ времени солеными. Толстой слой хорошей темносѣрой мыловатой глины. По обжиганьи также красна и нѣжна на видъ, какъ топкая китайская. Изъ нее въ Царыцинѣ военноплѣнные турки дѣлаютъ трубки, чернильницы и мѣлкую посуду.

Все, и солепость земли, не производящей ничего другого, кромѣ приморскихъ солепыхъ растѣній, и песчанность ея, и множество черепокожныхъ, разсѣянныхъ по всей Яицкой, калмыцкой и волжской степи, и безтравность почвы, состоящей изъ напосного пѣску, слѣпившаго отъ морскаго илу, и липкая соленость нижняго глинистого слоя, все говоритъ, что нѣкогда мѣста сіи были покрыты водами Каспійскаго моря. А возвышенная страна между дономъ, общій сыртъ, были древними его берегами, ибо на нихъ только прекращается солепость и являются толстый слой дерна и тучный черноземъ.

[что же касается до черепокожныхъ и кораловъ, лежащихъ цѣлыми грядами въ горпстыхъ возвышенныхъ берегахъ волги, то сіе произошло отъ давнишняго всемірнаго наводненья и морскіе произведенья сихъ слоевъ не находятся ни въ Каспійскомъ, ни въ Черномъ морѣ, но только въ глубинахъ океана].

Если допустить [мнѣнье Турнефорта], что Черное море до излитія своихъ водъ чрезъ проливъ Константинопольскій, перегражденое какъ плотиною хребтомъ неразорваннаго фракійскаго Босфора, стояло выше чемъ нынѣ отъ необыкновеннаго въ прежнія времена полноводья рѣкъ, огражденыхъ лѣсами отъ высыханій, то вся крымская, волгская, Кумапская и яицкая степь и равнины великой татаріи, простирающіеся даже за Аральское море, были покрыты по всей вѣроятности моремъ,

которое узкимъ и топкимъ каналомъ (слѣды коего показывалъ Манычь), обтекши сѣверный кряжъ Кавказа, оставило два глубокіе, великіе залива на нынѣшнемъ Каспійскомъ и чорномъ морѣ. И въ то время тюлени, осетры и другіе, въ чорномъ морѣ находящіеся рыбы, Атерина (Atherina), игла рыба, Singnantus pelagicus и пектениты, могли удобно занти въ Каспійское море.

Но продолжительнымъ дѣйствіемъ увеличивавшимся наплывовъ воды или трясеньями земли прорванная Босфорская плотина заставила Чорное море съ великимъ стремленьемъ излить свои воды въ Средиземное, дабы стать съ нимъ въ равновѣсіи, и произвела тѣ наводненія, которыми были опустошены, по историческимъ преданьямъ, часть Греціи и Архипелажскіе острова. Съ паденьемъ водъ Чернаго моря большая часть ровныхъ береговъ его сдѣлалась степью, Каспійское море, прежде соединявшееся съ нимъ мѣлкимъ проливомъ, обмѣлѣло, а проливъ, отдѣлившись отъ Чернаго моря, сталъ озеромъ, и такъ какъ въ оное уже не было больше приливу отъ водъ, несущихся въ Чорное, то на его ровныхъ берегахъ еще болѣе вскрылось материй земли отъ испаренія и ухода воды въ землю, и соединеніе Каспійскаго съ Аральскимъ моремъ тогда пресѣклось. Прежде бывшіе мѣли претворились въ плодоносный пѣсокъ, котораго нанесло цѣлые холмы, прежде бывшіе острова очутились на сухомъ морскомъ днѣ, какъ холмы, каковы Индерскій и другіе, многіе глубины, которыя морская вода стекая съ равной земли обѣжала, остались озерами и солончаками, нынѣ покрывающими степи.

Замѣчено уменьшеніе солености въ Чорномъ мѣрѣ. Бѣгъ Чернаго моря въ средиземное быстръ отъ того, что неможетъ испарять всѣхъ водъ, въ него бѣгущихъ. Напротивъ того, всѣ окольности сѣверные Каспійскаго моря показываютъ, что воды въ немъ убыло болѣе, чемъ во всѣхъ другихъ моряхъ, и убываньe ея происходитъ до нынѣ.

Слабительная Глауберова соль находится около Сарпинскаго селенія братьевъ Гернгутеровъ, въ ручьяхъ, озерахъ и ключахъ, на глубокихъ пространствахъ тросниками обросшихъ, гдѣ отъ

испареній осѣдаетъ столько соли, что образуются великіе безтравные солончаки. На одномъ болотѣ Глауберова соль выходитъ весною, какъ пѣна, поверхъ земли; на лѣвой сторонѣ болота холмикъ, отдѣленный отъ буерака снѣжной дождевой водой, стекающею съ вершинъ, составляющихъ крутизну оной долины, на подобіе обороченной воронки. При подолѣ холма, состоящаго изъ клейкой глины, лежитъ цѣлыми грудами и гнѣздами желтоватая охра, содержащая въ себѣ желѣзные частицы, которую калмыки жгутъ и употребляютъ для крашенья основы своихъ домашнихъ кибитокъ. Отъ сей краски, калмыками называемой Сиссунъ, получила названье свое и долина. Поверхъ воды (отдѣляющей холмъ отъ горы) плавали темноцвѣтные черепки испортившагося желѣзняка, дающаго въ перезженьи хорошую красную краску. Калмыки утверждаютъ, что холмъ возвышается ежегодно. Онъ долженъ возвышаться, потому что мягкая земля при его подошвѣ ежегодно глубже осѣдаетъ отъ снѣжной и дождевой воды. На горахъ около сей долины ростетъ кустарникомъ прекрасный ракитникъ, украшая ихъ и цвѣтами, и желтоблестящей своей корой, и листами, составляющими пріятную паству вокругъ бродящаго скота. Калмыки называютъ его сухой верблюжей травой, хотя верблюды и не ѣдятъ ее.

Степи въ окружностяхъ Сарпы то ровныя, безлѣсныя, безъ горка, со впадинами, исполненными мокрыхъ солончаковъ, то гористыя съ долинами, обросшими тросникомъ, и заливами ручьевъ, впадающихъ въ Сарпу, жилищемъ множества черепахъ. Долины, перерѣзываемыя кряжами, индѣ покрыты бѣлымъ тополовымъ деревомъ, индѣ дико растущей яблонью, индѣ придорожной иголкой (Rhamnus Catharticus), называемой по причинѣ красного его дерева Калмыкамъ Яшилъ. Отъ него получила названье и Долина. Только сдѣсь уменьшается солепость земли и начинаются въ бо́льшемъ изобильи травы. Доселѣ же только изрѣдка на песчаныхъ кряжахъ цвѣлъ Ирисъ, pumila и graminifolia да Cheirantus montanus, и въ степи на черноземѣ Hesperis tristis, Astragalus cicer и ramosus, все попадалось изрѣдка. На сухой

же, населенной одними зміями и ящерицами, равнинѣ ничего не росло, кромѣ малого бѣлаго, о двухъ цвѣткахъ, тюльпана и орнитогалумъ, umbelatum. Отселѣ же

Астрагалы разныхъ родовъ.

Veronica Avstriaca.

lepidium perfoliatum, крессъ, перечникъ прободенный.

Ranunculus lanuginosus, шерстистой.

» Illiricus.

Pervinca major.

Къ рѣкѣ Манычу (впадающей въ Донъ) страна возвышенная опять понижается долиной съ тросниками и мокрыми солончаками. Солеиыя озеры, называемые отъ Донскихъ козаковъ святыми. Травъ почти никакихъ, кромѣ Geranium Moschatum. Отсель начинаются лѣсомъ поросшіе горы, постепенно возвышыщіеся. Переѣхавъ сей хребетъ, съ высшей точки возвышенья увидишь передъ собою южную равнину, рѣку Куму и какъ бы въ облакахъ скрывающій свою вершину, снѣгомъ покрытый Кавказъ.

Рѣка Кума имѣетъ теченье быстрое. Поля по обѣимъ сторонамъ водянисты, поросли густымъ тросникомъ—обиталищемъ фазановъ, которыхъ казаки, по причинѣ ихъ крика, называютъ маджарскими петушками. Здѣсь лѣсу довольно, особливо дубняку, осинняку, карагачу, Кизилю [cornus sanguinea[1])], терновнику, ивняку и свидины [Periploca graeca, обойникъ, обвойка, песій колокольчикъ], также какъ и Clematis orientalis. Но выше къ истоку рѣки, выходящей изъ переднихъ Кавказскихъ горъ, назыв. пятигоріе, лѣсъ уже перемѣшанъ съ чинаромъ, кленникомъ, ясенникомъ, грушовыми деревьями, дикими сливными, лѣснымъ виноградомъ и другими, при Терекѣ растущими дикими овощами. Изъ травъ, которые еще не отцвѣли, попались только Valeriana locusta, полевой салатъ, да Hyacintus ametistinus, Аметистовый Іакинфъ. Сиворонки, Иволги, щуры и другіе птицы великимъ

1) Кровавый красный курослѣпникъ.

своимъ множествомъ увеселяли страну. По обѣимъ сторонамъ Рѣки Кумы находятся множество кургановъ, останки каменныхъ строеній. Плодородная низменность Кумы способна ко всякому обработыванью.

4 Августа отъ Царыцына вверхъ по волгѣ. Бакши арбузовъ и дыней. Виноградъ также хорошо удается. Вдоль волги отъ Царыцына до Камышенки слѣдующія травы:
Девясилъ.
tussilago hybrida, особливый родъ Мать мачихи.
Carduus cyanoides, по холмамъ.
Chenopodium scoparia, гусья нога, лебеда вѣниковатая.
Высокорастущая Statice, или такъ называемый катранъ, по травистымъ песчанымъ мѣстамъ, между возвышеньями.
Украинка, Scabiosa veronica.
Перекати поле.
Xeranthemum annuum, Соломенный цвѣтъ. Сухоцвѣтъ однолѣтній.
Сянеголовникъ, Eryngium campestre, между Царыц. и Дубовкою, но выше Камышенки не попадается.
Солодковый корень съ гладкими стрючками покрываетъ почти всѣ возвышенія.
» » съ шероховат. стрючками и съ иглистыми головками ростетъ по волжской низменности.

Дубовка городокъ на покатости холмовъ, на самой волгѣ, которая прежде сдѣсь имѣла крутой берегъ и столь была глубока, что суда могли приставать къ самому городу; но весенними водопольями и стремленіями переменяющая всякій годъ свои мѣли и берега, волга получила и сдѣсь иной видъ. Песочный островъ при устьѣ ручья Пѣсковатки, лѣсомъ и прекраснымъ сѣнокосомъ снабженный, котораго доселѣ отмывало водой весьма мало, при нынѣшней высокой водѣ совсѣмъ оторвало и песокъ онаго по большей части прижало къ берегамъ дубовки. Такъ что теперь вода, когда убудетъ, бываетъ отдаленна отъ города сухой песча-

ной глыбой, простирающейся болѣе чемъ на сто сажень, да и все окольное мѣсто въ рѣкѣ учинилося мѣлкимъ.

Дубовскіе козаки зажиточны, настроили много хуторовъ, богаты рогатымъ скотомъ. Имѣютъ какъ гористыя степи, такъ и лѣсныя низменности по другую сторону волги, торгуютъ съ Донскими козаками дегтемъ, бревнами, досками, смолою, готовыми лодками и судами. Все это перевозится на волахъ (пріѣзжими малоросіанами) до донской станицы Качальной. Большія суда (длиной въ 6 и 8 сажень) ставятся на катки и тащены бываютъ 15, а иногда 20 волами. Во все лѣто видны повозки, отъѣзжающіе изъ дубовки со всякою деревяною посудою и снарядами для судовъ, приходящихъ сюда съ Камы и съ вышнихъ странъ волги.

За Дубовкой сухія и голые возвышенья. У ручьевъ, впадающихъ въ волгу, на вымытыхъ песчаныхъ берегахъ попадаются иногда рога лапландскихъ оленей. Свидѣтели нѣкогда бывшихъ лѣсовъ. На косогорахъ изобильно ростетъ красивый ракитникъ. Другое осенье растѣнье, попадавшееся, была Euphrasia luthea. Свѣтъ очей, очная, глазная помощь. Высохнувшая гористая степь имѣла только одну свѣтложелтую одышную траву. Далѣе стали попадаться съ поздними цвѣтами

Astragalus.

Stachys annua, дубровная буквица.

Melampyrum arvense, Коровій скотный кормъ. Братъ съ сестрой, Иванъ да Марья.

Dianthus arenarius, цвѣлъ обильно по песчан. холмамъ, къ Камышенкѣ.

Sherardis, тамже.

Schoenus aculeatus, сытъ, сытникъ игольчатый, по соленымъ мѣстамъ.

Statice tatarica, вязникъ, желтокорень.

Arenaria Maritima.

Нѣкоторый родъ камфорной травы.

Полынь, доставлявшая пріятну паству сайгамъ.

Salsola dichotoma, еще не цвѣла.

Polychnemum, уже отцвѣлъ.

Sison verticillatum, сирейчикъ, перечникъ, еще не цвѣлъ, хоть листье его засыхаютъ прежде появленья цвѣтного стебля.

Anabasis, карагазникъ, ежовникъ, кошечій хвостъ.

Курчавая, гладколистная и татарская лебеда покрывали, вмѣстѣ съ Бѣлолозникомъ, полянками, возвышенный берегъ. Они были въ полномъ цвѣту, такъ что идучи покроешься отъ нихъ весь желтой цвѣточной пылью.

Echinops ritro, малорослый перестрѣлъ, татарникъ или мордвинникъ.

Ворсяныя шишки.

Centaurea glastifolia, чертополохъ, бѣлистъ, вайдолистный.

Мягкій илъ или грязь, покрывающая большія дороги степей, превращается въ весьма тонкую летучую пыль, которая при нынѣшней засухѣ подымаясь высоко на воздухъ отъ малѣйшаго движенья. Пѣсчаная пологость по рѣку Еруслану изобилуетъ высокимъ топольнягомъ, оссинникомъ и вичажникомъ.

Corispermum squarrosum, Клоповное сѣмя (шероховатое), росъ обильно по берегамъ изъ напоснаго пѣску, достигая росту человѣка.

Малорослая Ветреница тамъ же.

Особенный родъ куколя.

Перекати поле.

По высокимъ степямъ попадались большіе и малые дудаки. Чорные жаворонки летали стадами по всей соловозной дорогѣ къ Саратову.

Serratula salsa, цвѣла въ большемъ количеству между тросниками.

tripolium, Деревянникъ, Африканская фига начинала распускать цвѣты.

Salsola ericoides, покрывая иловатые холмы возвышавшейся степи, давала имъ видъ какъ обросшихъ кустарникомъ.

Нѣмецкія слободы находятся не въ дальнемъ растояніи

другъ отъ друга. Собраны изъ всѣхъ областей нѣмецкой земли разныхъ вѣръ. Домы деревяные по новому плану — двѣ связи подъ одной кровлей—источникъ ссоръ, вредныхъ сосѣдствъ и опасностей во время пожаровъ. Земли выбраны хоть изъ хорошаго чернозема, но сухи, подвержены засухамъ, по причинѣ притяженья грозы и дождевыхъ облаковъ къ лежащимъ насупротивъ ихъ горамъ. Сами колонисты рукомесленики и побродяги, къ земледѣлью сихъ странъ не привыкшіе, долго будутъ еще входить въ неоплатные долги правительству.

Саратовъ лежитъ на крутомъ берегу при подошвѣ высокихъ горъ, которыхъ сѣверные, находящіеся у самой волги, называются Соколовскими, а лежащіе къ западу отъ города и въ отдаленью отъ волги, по причинѣ голаго каменистого содержанія, именуются лысыми горами, соединяются съ идущими къ Увику горами внизъ по волгѣ и вообще составляютъ хребетъ съ горами, идущими отъ Казани по волгѣ и переходящими съ Иловлею къ Дону извѣстковыми слоистыми горами. Великой привозъ изъ Астрахани и нижнихъ странъ вверхъ въ губернію судовъ съ кожами, саломъ, рыбою, солью и Персидскими товарами, а съ верху съ хлѣбомъ, дровами, каменною и деревяною посудою, плывущихъ въ Астрахань, особенно же зимой, многими тысящами приходящихъ возовъ съ рыбой и солью, доставляетъ большое пропитанье жителямъ.

Нѣмецкіе колонисты разводятъ виноградъ, изъ котораго получается красное вино, похожее на французское, несравнено лучшее Астраханского по той причинѣ, что колонисты мало поливаютъ свой виноградъ, не смотря на сухую почву.

На сухой степи стали появляться соленыя травы, соленыя поля и соленыя болота, лѣтомъ высыхающія и покрытыя только только одною тонкой корой поваренной соли.

Salsola sedoides.

» baccifera, прежде всего показались обѣ въ началѣ степи.

Salicornia strobilacea, Соль трава, солецъ, растилавшаяся плоско по земли, покрывала болотныя низменности.
» herbacea, выростала тамъ весьма высоко.
Halimus (atriplex, Лебеда), по возвышен. солен. полю.
Statice suffruticosa, вязникъ кустистый тамъ же.
Salsola salsa, солянка Аврикапская »
» rosacea, » розовая »
Artemisia cyna.

Озеро Эльтонъ, золотое озеро, по причинѣ пурпурного цвѣта во время ударенья въ него лучей солнца. Мало чемъ меньше Индерскаго. Берега круты и высоки. Степь отъ него понемногу подымается во всѣ стороны. Но дно озера плоско и такъ мѣлко, что можно переходить его вездѣ въ бродъ. Соли неисчерпаемое множество. Слой соляной коры, покрывающей дно, толстъ; подъ нимъ плъ, подъ иломъ снова соляной слой еще твердѣйшій. Выломанныя мѣста въ немногіе годы наполняются снова солью. Всѣ роды соляныхъ травъ росли сдѣсь какъ дома:
Salsola rosacea.
» dichotomia.
» altissima.
» monandra.
» tamariscina.
Polichnemum nuciferum.
Приморской Хеноподій.
Желтокорень татарской и чепыжный.
Заманиха.
Соляная Серпуха.
Aster tripolium, Звѣздоцвѣтъ Морской.
Лебеда, похожая на портулакъ.
» татарская.
» стрѣлолистная.
» имѣющая листы съ выемками:
» синеватая.
Травяная Салікорнія и шишковатая, покрывавшая красиво вели-

кими и густыми своими вѣтвями весь берегъ около устья рѣчки Солянки.

Трава, называемая Пердунъ, составляющая сдѣсь лучшій кормъ для лошадей, росла по сухой степной почвѣ.

Пригожій черпѣющій ракитникъ, мѣстами попадавшій во множествѣ, имѣлъ еще нѣсколько осеннихъ цвѣтовъ.

Волжская низменность. На ея возвышен. иловатыхъ и солоноватыхъ берегахъ росли сродные почвѣ простой поликнемъ, солянка, кали, діхотома, приморская лебеда.

Водяные же ямы всѣ обыкновенно покрыты лежащими отпрысками солоткового корня, имѣющаго колючіе стрючки, glicirіza echinata.

Песчаныя ихъ мѣста изобилуютъ стрючковой травой, имѣющею листы подобные солотковому корню, Astragalus glycyphillus, также onobrychides и желтокорень trigonoides.

Тамъ же, гдѣ стоящіе рѣчные рукава остановились на низменности, окруженные песчанными берегами, находились во множествѣ Pharnaceum cerviana, красная arenaria и Centunculus.

По лучшимъ травнстымъ мѣстамъ Sida abutilon, морская роза, шелковникъ. Мѣстами же цѣлые полосы кислой травы, негодной къ сѣнокосу.

Тальникъ и другіе, по берегамъ растущіе, дерева были во множествѣ.

Зимовка въ Царыцынѣ. Благословенный климатъ, могущій возрастать растѣнья южныхъ странъ. Дикіе груши во множествѣ. Тутовые деревья ростутъ сами собою на дикой низменности Ахтубы. При Манычѣ и около рѣки Кумы находятся дикіе оливныя деревья. Посѣянный мною Phaseolum radiatum, сѣмена котораго привезъ изъ Китаю, вмѣстѣ съ другими Китайскими растѣньями, теплолюбящими травами, произвелъ еще въ Августѣ спѣлые сѣмена. Миндальные кусты, сливныя дерева и другія растѣнія часто цвѣтутъ осенью во второй разъ.

Въ Генварѣ бываютъ беспрерывные морозы, но безъ бурь и потому нечувствительны и безвредны. Въ февралѣ погода перемѣнчѣй: то безъ вѣтру морозы, то бури, сопровождаемыя метелицей отъ сѣверозапада, покуда не окончится дующимъ съ югозападной стороны теплымъ вѣтромъ, такъ что въ семъ мѣсяцѣ большая часть снѣга сходитъ съ высотъ. Въ эту зиму (1774 года) весь сей мѣсяцъ былъ чрезвычайно пріятенъ и нехолоденъ. Въ половинѣ его уже налетѣли всякіе мѣлкіе пролетные птицы, а къ послѣднимъ числамъ Лебеди, утки, луговки, большая часть прочихъ водяныхъ птицъ и даже чапуры. Draba muralis стала уже цвѣсти и ранніе тюльпаны показались изъ земли. 25 числа очистилась нижняя волга ото льда, но того же дни схватилась буря и стало вновь холодно, и продолжалось это до 11 Марта и съ такой жестокостью, что сверху напиравшій ледъ при Царыцынѣ опять остановился и можно было переѣзжать на телегахъ и лошадяхъ. Впрочемъ, обыкновенно въ Мартѣ уже не бываетъ снѣгу и югозападныхъ вѣтровъ. Трогается ледъ обыкновенно при сѣверозападномъ и восточномъ вѣтрѣ. Если же дуютъ южный и юговосточный вѣтры, то волга, не смотря на хорошую погоду, не вскрывается даже до Апреля. Одно время (въ 1769) даже до мая держался ледъ, покуда не подулъ жестокой холодный сѣверозападный вѣтеръ.

Апрѣль лучшій и постояннѣйшій мѣсяцъ: дождей нѣтъ, а вѣтеръ, постоянно дующій съ востока, съ моря, съ великой степи, умѣряетъ жаръ, изсушая землю, напоенную снѣжной водой. Въ началѣ или половинѣ мая начинаются южные и югозападные вѣтры, приносители теплыхъ ночныхъ дождей, которыхъ если не бываетъ, то умножается засуха, увеличиваемая еще болѣе потомъ, начинающимися сухими суровыми вѣтрами. Покуда въ Волгѣ высоко стоитъ вода, достигающая въ Іюнѣ мѣсяцѣ своей наибольшей высоты, тѣхъ падаетъ въ великомъ множествѣ ночная роса. Впрочемъ, этотъ мѣсяцъ такъ ясенъ, что сряду восемь дней не бываетъ на небѣ облачка, въ руку величиною.

Жаркой и неспосиѣйшій мѣсяцъ есть Іюль. Непрестанно

дующіе со степи и съ моря южные, юговосточные и восточные вѣтры, уносящіе на воздухъ пѣски, бываютъ столь теплы, какъ бы выходили изъ какой горячей печи. Они обыкновенно начинаются со втораго часу по полудни и продолжаются до полуночи. При такихъ вѣтрахъ падаютъ овцы, какъ мухи, харкаютъ кровью, пухнутъ, и такъ скоро начинаютъ гнить, что кожи ихъ ни къ чему не годятся. Вѣтры становятся еще горячѣе отъ великаго выжиганья степей. Жары въ Іюлѣ 1774 были въ Царыцинѣ такъ велики, что тепломѣръ, наполненный спиртомъ, лопнулъ. Отъ жару дохли въ Сарпѣ рыба и раки, отравляя зловоньемъ воздухъ. Воздухъ же въ Іюлѣ бываетъ такъ густъ, что глазъ не можетъ видѣть далеко въ степи, хотя кажется противное. Ибо колеблющіеся въ степи пары холмы и высокую траву кажутъ отдаленными высокими горами и лѣсами и всѣ предметы представляютъ издали большими, чемъ вблизи. Часто видится водою окруженный холмъ, гдѣ одна только сухая степь.

Въ Августѣ наступаютъ бури отъ юга на сѣверъ, иногда сопровождаемые такимъ градомъ и ливнемъ, что вода съ возвыше льется въ пади и въ большемъ количествѣ, чемъ при тающемъ снѣгѣ, и на подобье ручьевъ протекаетъ къ волгѣ. Иногда же сухіе, вовсе не подающіе плодотворной влажности. Часто ужасные вихри подымаютъ со степи цвѣточную пыль съ великаго множества лебеды и полыни и наполняютъ онымъ весь воздухъ, такъ что кажется стоишъ въ густомъ темножелтомъ дымѣ или туманѣ, покъ не проидетъ вихрь. Не безъ страха глядишь на эти явленья, когда при ясномъ днѣ вдругъ помрачится воздухъ. Густой темный дымъ отемнитъ все и въ видѣ облака помчится съ вѣтромъ за волгу.

Въ Сентябрѣ дни ясные, умѣренные, вѣтръ перемѣнный: съ юга, юговостока, восточной и сѣверовосточной стороны. Въ Октябрѣ все еще бываетъ тепло. Вступившая съ Іюля мѣсяца въ берега волга въ это время получаетъ нѣкоторое приращеніе, отъ дождей въ ея верховьяхъ какъ ея собственныхъ, такъ и Камскихъ, что снова мутитъ воду, причиняя болѣзни, подобно

какъ весной. Дождливый мѣсяцъ есть Ноябрь: вѣтры дуютъ съ сѣверовостока на западъ, неся сырую погоду съ туманомъ, при буряхъ дождь превращается въ снѣгъ, и тогда Волга покрывается наноснымъ льдомъ. Волга замерзаетъ въ Декабрѣ. Но дотолѣ, отъ 8 до 14 дней, идетъ по ней снѣгъ, пока не подуетъ восточный вѣтеръ, не сопретъ его и не сдѣлаетъ твердымъ. Весь этотъ мѣсяцъ продолжаются беспрерывные сѣверные бури съ мятелью, захватывая иногда даже часть Генваря. Но снѣгъ на степи не остается; вѣтры его сносятъ въ углубленья и пади.

Утки, жаворонки и куропатки здѣсь даже зимуютъ, избирая защитныя отъ бурь мѣста, низменности и соленые, гдѣ снѣгъ не покрываетъ служащихъ въ пищу семенъ.

Пролетные птицы, зимующія въ теплѣйшихъ странахъ, прилетаютъ сюда въ Сентябрѣ на все то время, когда продолжается хорошая погода, кормясь сѣменами лебеды и гусиныхъ лапокъ. Всего болѣе попадаются желтобрюшки, выѣдающіе осоковые шишки, овсянки, юрки, съ ними прилетаютъ лѣсные и степные кулики, Morinellus, а нѣсколько прежде бѣлые журавли (Grus leucogeranos), пролетающіе чрезъ сіе мѣсто къ югу. Сѣверные гуси являются въ исходѣ Сентября большими стадами и, пробывъ немного, скрываются въ западной странѣ. Не залетающіе же далеко на сѣверъ заморскіе птицы, но пребывающіе лѣто здѣсь, вія гнѣзда, какъ то: бѣлые и красные чапуры, кваквы, остроносые кулики, степные курицы, малые дудаки, Баклапы, красноголовые нырки, поганки, начинаютъ отправлять на южные свои зимовья еще съ послѣднихъ чиселъ Августа, чтобы дать мѣсто прилетающимъ изъ Сѣвера стадамъ.

Весной начинается прилетъ птицъ съ половины Февраля. Въ началѣ сего мѣсяца перелетаютъ во множествѣ къ сѣверу подорожники и пѣночки, за ними овсянки. Къ 15 числу прилетаютъ конопляпки, потомъ скворцы вмѣстѣ съ красноголовыми утками и водяными птицами. Къ 20-му Февралю прилетаютъ во множествѣ къ Сарпѣ и на Ахтубскую низменность обѣихъ родовъ лебеди, особливо крикуны съ желтымъ на носу концемъ, и первые

дикіе гуси. Бакланы и луговки также сюда прилетаютъ, а по сухому тросняку водится необьятное множество камышенныхъ воробьевъ и князьковъ. Къ исходу сего мѣсяца горитъ степь на всѣхъ мѣстахъ, и низменность насупротивъ ахтубы съ сего времени чрезъ цѣлый мѣсяцъ Мартъ почти непрестанно выжигается.

Во время холодныхъ Мартовскихъ утренниковъ отлетѣвшіе далѣ птицы снова сюда возвращаются, кроясь по болотамъ въ густомъ тросникѣ и по рѣчнымъ низменностямъ. Иногда холода удерживаютъ цѣлый мѣсяцъ позднихъ весеннихъ птицъ И только въ концѣ марта болотные и большіе кулики, вышеупомянутые степные курицы, бѣлые трясогузки, черныя и бѣлые плѣшанки и коршуны.

3-го Апрѣля прилетѣли ласточки. Въ сіе же время впервые, не смотря на холодный восточный вѣтръ, ожили насѣкомые. Почти въ то же время прилетѣли Дикіе полевые голуби, сивороники, щурки и потатуйки. Между 6 и 10 числомъ цѣлыми стадами опустились къ Сарпѣ живущіе на сѣверѣ красногорлые гуси, Anser pulchricollis, но вскорѣ улетѣли. Тогда же пролетѣли чрезъ сію страну Зяблики, Fringilla celebs, съ сѣрыми конопляпками (Fringilla petronia).

Звѣри, скитающіяся по сей пустой степи, суть уходящіе зимою на югъ Сайгаки или Антилопы, изрѣдка попадающіеся карсаки или малые горные лисицы, красные лисицы, во множествѣ водящіеся на горахъ между Дономъ и волгою, зайцы, удерживающіе сѣрую шерсть свою въ продолженіи зимы, большіе и малые переходные слѣпыши, избиратели чернозема по высокимъ мѣстамъ произростающаго коренья имъ въ пищу. Ласточки, хорпасти, хорьки, лещадная мышь или полячка (Mus quercinus), земляные зайцы трипалые, пятипалые и суслики.

Насѣкомыхъ докучныхъ множество, въ числѣ ихъ мѣлкіе комары, влетающіе кучами въ щели, поѣдатели всего сѣстного. Домы, стоящіе неподалеку отъ поемныхъ мѣстъ, лстпею порою совсѣмъ облеплены блохами, пасущимся лошадямъ они такъ

толсто садятся на храпъ, что кажутся совсѣмъ чорныя. Слѣпней и комарей на большихъ широкоразливающихся рѣкахъ гибель.

Въ половинѣ Марта весна украшалась прекрасными цвѣтами. Изъ самыхъ первыхъ показались:

Draba muralis, стояла въ цвѣту повсюду, гдѣ только ростетъ трава.

Ornitogalum luteum.

Прекрасный темносиній морской лукъ (Scilla bifolia) въ теплыхъ, обросшихъ кустарникомъ, долинахъ.

bulbocodium vernum, похожій на шафранъ, показывающій до 3 и 4 цвѣтковъ, въ падяхъ, наполненныхъ снѣжною водою.

Мать мачиха, Tussilago Falfara и hybrida, растущія при ручьяхъ.

Fumaria bulbosa, въ кустарникахъ.

Ranunculus ficaria, употребляемая вмѣсто салату, распускалась въ мокрыхъ мѣстахъ.

Весенніе тюльпаны, совершено отцвѣтающіе въ исходѣ марта.

Бѣлый тюльпанъ, съ двумя и даже тремя цвѣтками, распускаетъ, какъ только отцвѣтетъ bulbocodium.

Настоящій тюльпанъ, Tul. gesneri, появляется въ великомъ множествѣ на черноземѣ около 10 Апреля, украшая собою поля и горы девять дней. Темнокрасные изъ нихъ самые ранніе, самые большіе и самые рѣдкіе, розовые чаще, а жолтыхъ множество. Ребята, рѣзвящіеся въ это время во множествѣ на поляхъ, вырываютъ изъ земли луковицы ихъ, называемые растъ, и ѣдятъ.

Rindera tetrapsis, на всѣхъ буеракахъ возвышен. страны. Его молодые листы, не смотря на естествен. сродство съ вонючимъ Cynoglosso, бывъ сварены, даютъ вкусное, здоровое, хоть нѣсколько горьковатое кушанье.

Въ послѣдней половинѣ Апрѣля вдругъ распускается такое множество цвѣтовъ, что трудно опредѣлить порядокъ ихъ распусканья. Приблизительно онъ слѣдующій:

Veronica verna.
Ranunculus falcatus, серповидный.
» nivalis.
Potentilla aurea.
Alissum calicinum, торица, Икот. трава, чашечная.
» minutum.
» montanum.
Holcus odoratus.
Astragallus depressus.
» cicer.
» physodes.
Fritillaria meleagris, Мохначъ, пухоцвѣтъ.
Amigdalus nana.
Ulmus campestris, Его линкіе листы если положить на нѣсколько времени въ воду, то вода слабитъ также, какъ и манна.
Ulmus pumila.
Draba verna.
Valeriana tuberosa.
Iris graminifolia.
» pumila.
Geranium tuberosum.
Scorzonera graminifolia.
Tragopogon orientale.
» pratense.
poligonum frutescens.
Spirea crenata.
Cerasus pumila.
Malus vulgaris.
Pinus communis.
Alium ursinum.
leontodon tarraxacum, одуванчикъ, куйбабка.
Ceratocarpus arenarius.
Raphanus tenellus.
Veronica austriaca.

Sysimbrium sophia.
Scorzonera tuberosa, Змѣедушникъ. Змѣевъ обѣдъ.
Anemone pulsatila.
Cytisus pilosus.
Crataegus oxyacanta, Обыкновенный глодъ.
Astragalus hamosus, крючковатый.
» contortuplicatus, сибирской.
» Fulcatus.
Fumaria officinalis.
Lepidium ruderale, перечная трава, пометная.
Euphorbia esula. Молочай, Ослиное молоко.
Achillea tomentosa.
Potentilla bïfida.
» supina.
» hirta.
Hesperis tristis.
Arabis thaliana.
Cheiranthus erisymoides, клоповниковидный.
Litospermum aruense, Воробьиное сѣмя.
Lamium amplexicaule, куриная слѣпота, стволоокружная.
bromus tectorum.
Veronica chamaedris, дубровкѣ подобная.
Onosma Echioides.
Verbascum phaeniceum.
Ranunculus Illiricus и lanuginosus.
Cochlearia Draba.
Lepidium graminifolium.
Allium lineari affine.
Ornitogalum narbonense.
Cynoglossum officinale.
Anchusa orientalis, воловій языкъ, ослиные уста.
Vicia cassubica.
Astragalus tenuifolius.
Thymus vulgaris и acinos, Чимьямъ базиликъ.

Thymus serpillum, Ѳимьямъ чабрецъ.
Conuallaria majalis и poligonum.
Cheiranthus montanus.
Stipa pennata, ковыль[1]).

Нижеслѣдующіе отцвѣтали въ Маѣ:

Veronica spicata.
Verbena officinalis.
bromus squarrosus, костерь шероховатый.
» cristatus, петушьему волоску подобный.
Plantago media и cynops.
Solanum dulcamara, Сорочьи ягоды, сладкогоркія осинки.
Echium staticum.
Myosotis lappula.
Verbascum nigrum.
Messerschmidia angusta.
Chaerophyllum bulbosum.
Caucalis orientalis, стебельникъ, петрушникъ восточный.
Allium descendens.
Cucubalus otites.
tribulus terrestris, водяной орѣхъ, Болотной рожекъ (земляной).
Dianthus prolifer.
Nitraria Schoberi,
Thalictrum minus.
Dodartia orientalis.
Phlomis tuberosa, чужеварникъ шишковатый.
Hesperis matronalis.
Crambe orientalis.
Melilotus flava.
Cytisus an nigricas.
lotus angustissimus, Лотъ, комоница,

1) Сѣрой горохъ на соленыхъ полосахъ, его большіе стрючки, называемые хлопунчиками, по причинѣ треску, ими производимаго, ѣдятъ молодыми охотно овцы и крестьянскіе дѣти.

trifolium resupinatum.
Scorzonera tomentosa.
Tragopogon villosum.
Centavrea Centavreum et scabiosa.
Matricaria camomilla.
Achilleae tomentosae.

Въ послѣднихъ числахъ мая уже начинаетъ изсыхать на возвышеньяхъ всякое произрастенье, а въ слѣдующіе два мѣсяца и повсюду, пока наконецъ отъ осенніихъ дождей не возрастутъ вновь полынь, лебеда, гусиныя лапы и соляныя растѣнія, которые по причинѣ обильныхъ своихъ соковъ могутъ противиться зною и засухѣ. Кромѣ ихъ и высокорастущей травы съ бѣлыми цвѣтами, называемой Дьявольское искушенье, никакихъ почти невидно травъ, выключая осенніе цвѣты.

Слѣдуетъ замѣтить еще слѣдующіе деревья и кустарники:

Черноталъ. Поздняя Ива, растущая и цвѣтущая на нижней волгѣ, называемая отъ Ботаниковъ Salix pentandra, по числу своихъ тычекъ. Сей черноталъ распускается здѣсь въ исходѣ Маія мѣсяца, слѣдовательно полутора мѣсяцомъ позже обыкновенной ивы.

Бѣлозъ. Примѣчанія достойный родъ Ивы, ростущій на поемныхъ мѣстахъ и отмѣляхъ при устьѣ Сарпы и около Астрахани и вообщѣ по Волжскимъ островамъ къ полудню. Кустомъ, а на сухомъ мѣстѣ деревомъ, толщиной въ руку. Вѣтви къ верху стоящіе, изъ зеленасѣрые, толстыя, ломкія, листы большія, длинныя, иногда въ четверть. Дерево не распускается по тѣхъ поръ, пока вода въ волгѣ не станетъ сбывать. Только въ половинѣ Іюня начинаетъ цвѣсть, выпуская свои сережки. Крайнія вѣтви ея обыкновенно посыхаютъ, корень же свой пускаетъ она по пѣску, на подобіе дикой травы, и имѣетъ много отпрысковъ. Почему весьма хорошо можетъ употреблена быть для скрѣпленія береговъ.

Калмыки.

Волжскіе въ Астрах. Губерніи.

Почва степей, занимаемыхъ ими, песчана, солонцовата и ловато-глиниста. Вездѣ слѣды подводнаго состоянія, исчезающіе съ приближеніемъ къ высотамъ, назыв. иргенями. Иргени тянутся потомъ на сѣверо западной сторонѣ степей непрерывною цепью. Гора Богда у калмыковъ священна, ее щитаютъ перенесенною изъ Зюнгаріи двумя праведниками, изъ которыхъ одинъ не донесъ ея до мѣста: на дорогѣ она обрушилась и подавила его, обагрившись его кровью (за грѣхъ какой то); въ этомъ удостовѣряетъ калмыковъ красная глина, составляющая окончность горы, другая часть горы изъ гипса и алебастра. Гору посѣтилъ невидимо Богда Далай лама, кушалъ на ней и въ память сего вылилъ изъ своего блюда остатки соленаго блюда, произведшаго большое Баскунчатское озеро. Калмыки приходятъ сюда молиться, бросая, въ видѣ жертвъ, въ ущелья горы и прямо, деньги, вещицы и проч. При искатѣ Иргенскихъ горъ есть озера, но вообще степь бѣдна водами. Небольшія рѣчки теряются въ пѣскахъ, другіе имѣю солонцевато горькія воды, текутъ весной и почти исчезаютъ къ осени. Жары бываютъ сильные, особенно на востокъ: 40° въ тѣни, зимой морозы до 30°. Поваренная соль въ видѣ кристаловъ покрываетъ въ изобильи озера.

Звѣри. Барсуки, чекалки, волки, лисицы, зайцы и тушканчики (земляные), хорьки, суслики, водяныя крысы при рѣкахъ, кабаны,

и особенно сайгаки, бродящія цѣлыми стадами и загоняемыя иногда осенними бурями на приволжскія селенія. *Птицы*: Беркуты, балабаны, ястребы, скопы, мышеловы, коршуны, бѣлые лупи, совы, филины, сычи, вороны, скворцы, журавли, фазаны, дрозды, крохали, лебеди обит. въ морск. камышахъ и заливахъ, дикіе гуси и разпого рода утки, бабы, бокланы, колпики, мартышки, чайки, цаплп и проч. Въ весеннее время птицы, питающіеся рыбами, выбравъ мѣлкій заливъ, составляютъ изъ себя неразрывную цепь и съ разноголоспымъ крикомъ и шумомъ крыльевъ подгоняютъ къ берегу множество мѣлкой рыбы и потомъ на отмѣли поглощаютъ ее. Водятся рыбы особенно у береговъ моря, но калмыки ими не пользуются. Степь наполнена множествомъ насѣкомыхъ. Черепахи, ужи, змѣи, тарантулы, веретеницы, муравьи, мошкары, комары, оводы, сарапча, мухи, пауки чорные въ грецкія орѣхи, пушечное ядро (Табупъ-сумупъ), также ядовитые, какъ и тарантулы; тѣ и другіе однакожъ поѣдаются овцами безвредно. Изъ предосторожно нужно спать лѣтомъ въ крѣпкомъ пологу и вымазывать колеса телеги дегтемъ, чтобы по нимъ не взобрались пауки, также укрывать овчинами и войлоками изъ овечьей шерсти.

Число калмыцкаго народа полагается до 30 т. кибитокъ или около 100,000 душъ предположительно, потому что чотовъ не ведутъ. Дѣлятся на улусы (улосовъ 9). Улусы подраздѣляются на Аймаки, т. е. участки Зайсанговъ, а сіи на роды и семейства. Сословій 4. 1) Владѣльцы, 2) Зайсапги, Духовенство и Простолюдины.

1) *Владѣльцы* (Нойоны) ведутся съ незапятной древности, наслѣдственны, деспоты, могутъ распологать даже жизнью подвластныхъ. Власть однакожъ умѣрилась Русскимъ правительствомъ, хотя и подкрѣпляется сильно уваженьемъ и вѣрой народа; они существа высшіе, называются Цаганъ ясанъ, бѣлые кости.

2) Зайсапги, родъ вассаловъ, также наслѣдствены владѣтели аймаковъ, съ которыхъ собираютъ подать и требуютъ прислуги.

Также называются бѣлые кости, но пойны, однакожъ, могутъ ихъ наказать и отвалять по бѣлымъ костямъ. Лишить владѣнія однакожъ не могутъ безъ суда. 3) *Духовенство* (хувракъ) ненаслѣдственно. Всякой калмыкъ, имѣющій трехъ сыновей, уже водитъ одного съ обритою головою и въ краспомъ кафтанѣ (Духовные всѣ въ красныхъ кафтанахъ и жолтыхъ шапкахъ), называетъ его мапгли (ученикъ вѣры) и посылаетъ 10 лѣтъ въ Хурулъ (капище) для изученья тунгутскаго языка и полученія дальнѣйшихъ степеней. По закону ламайскому духовенство безбрачно и должно вести строгую монашескую жизнь, оставаясь при капищахъ. Но вмѣсто того они ведутъ бродяжническую жизнь, падувайлы и мерзавцы. Въ каждой почти кибиткѣ живетъ по одному духовному, который калмыку необходимо нуженъ для изгнанія чертей (эрлпковъ). Чертямъ калмыкъ очень вѣритъ. Они, кромѣ того что ведутъ веселую жизнь, участвуетъ еще въ грабежахъ, въ угонахъ скота, цѣтъ сквернотей и ни одного уголовнаго дѣла, въ которомъ бы не попался духовный. А между тѣмъ они составляютъ почти третюю часть населенія. Гелюнги высшіе духовные, а Лама Первосвященникъ, получавшій сей санъ прежде отъ Тибетскаго Далай Ламы, но теперь, за дальностью мѣста, обходится съ помощью Рускаго правительства.

Простолюдины или Хара, т. е. чорные. Фамилій и прозвичъ не имѣютъ, кромѣ именъ, и носятъ большею частью цѣлыми поколеньями имена древнихъ родоначальниковъ. Чтобы отыскать въ улусѣ калмыка, прежде нужно знать изъ какого онъ рода. Частію состоятъ изъ несущихъ подати владѣтелямъ, часть отродки фамилій владѣльческихъ, исполняютъ при нихъ разныя должности: ключника или казначея, знаменосца, конюха, повара, вартеля чаю и наказателя; часть такихъ, которые (суть) въ родѣ приписныхъ къ монастырямъ, церквямъ, зависятъ отъ духовенства, прислуживаютъ при ламахъ и священодѣйствія, пасутъ стада, принадлежащія капищамъ. Наконецъ есть такіе, которые въ слѣдствіе разныхъ услугъ владѣльцамъ освобождены отъ повинностей.

Образъ жизни. Кибитка, конусообразный шалашъ, высокій, въ два сажня съ половиною въ вышину, а въ діаметрѣ пять саженъ, строится изъ сошекъ или палокъ и деревянныхъ решетокъ, которыя сверху прикрываются кошмами (рогожками изъ камыша), все это везется готовое. Кибитка строится въ полчаса, а разбирается и того скорѣе. Дверп на востокъ. Посреди кибитки чугунный котелъ, потдерживаемый таганомъ, для пищи и чая. Налѣво налойчикъ съ бурханами и тунгутскими молитвами. На право домашній снарядъ, чашные чашки, кружки, кадочки, бартоги для вина, мѣшки для собиранья скотскаго помета, замѣняющаго дрова, мѣшки съ длинной палкой для доставанья воды. Противъ дверей у стѣны находится кровать, отъ земли вышиною на четверть аршина, покрытая стегаными стегами. Кибитка украшена привязанными къ разнымъ мѣстамъ решетки лошадиными, бараньими головами, ногами и другими частями мяса, сырыми кожами, ружьями. Кибитка страшно холодна. Дѣти (нагіе) въ силу согрѣваются, сидя на цыпочкахъ вокругъ огня, прикрывъ кое чемъ спины. Дыму много. Владѣльцы имѣютъ по нѣскольку кибитокъ, для себя, для семейстъ и для прислуги. Иные опрятны, даже роскошны: внутренность обтягивается шолковою матеріей, скрывающею решетки, палки, кошмы. Постель подъ одѣялами и балдахинами, полъ устланъ кошмами и коврами, по бокамъ сундуки одинъ на другомъ и кумирни, гдѣ бурханы рѣзные. Кочевья разсѣвается на большое пространство, иногда на 300 верстъ и болѣе. Главное мѣсто владѣльческая ставка. Владѣльческіе кибитки вообще стоятъ отъ простыхъ на нѣкоторыхъ отдаленіяхъ и передъ дверью воткнута пика на длинномъ черенкѣ. Ночью у нихъ караульные. Кибитка, гдѣ Бурганы или капище, стоитъ тоже отдѣльно съ двумя пестрыми флагами и вокругъ ея цепь другихъ кибитокъ, гдѣ живутъ лама, Гелюнги и прочее духовенство. Въ кочевье есть также подвижной базаръ изъ кибитокъ, обращенныхъ дверями во внутрь на площадь, тѣсно сдвинутыхъ для безопасности отъ похищеній. Торговлей мѣлочной, но довольно прибыточной, занимаются Армяне и Татары. Это сборъ

калмыковъ и новостей, привозимыхъ изъ городовъ купцами, депо всѣхъ толковъ, извѣстій. Кочующій базаръ въ улусѣ имѣетъ большое значеніе.

Въ продолженіи весны, лѣта и осени (то есть, съ первыхъ чиселъ февраля до половины ноября) болѣе двухъ недель никогда калмыки не держатся на одномъ мѣстѣ. Останавливаются обыкновенно при колодцахъ (худукахъ), которыми испещрены всѣ степи и которые даютъ бѣловатую, соленогорькую воду и обыкновенно къ вечеру вечерниваются и выбираются. Какъ только тощія травы (частью сожженныя солнцемъ) вполнѣ истощатся, владѣлецъ въ разговорахъ съ приближенными даетъ замѣтить, что надобно скоро откочевать въ другое мѣсто. Вѣсть о семъ разносится по всѣмъ кибиткамъ главной ставки, и каждый калмыкъ, выходя поутру изъ своего жилища, прежде чемъ выгоняетъ на пастьбу скотъ (скотъ всегда проводитъ ночь около хозяйской кибитки), смотритъ, нѣтъ ли сигнала къ походу. Воткнутая въ землю владельческая пика — все приводитъ въ движеніе. Калмыки и калмычки ловятъ верблюдовъ, разбираютъ кибитки, укладываютъ домашній скарбъ, и чрезъ часъ огромный караванъ трогается съ мѣста.

Весь караванъ (кромѣ нѣсколькихъ арбъ, двухъ колесныхъ телегъ, запряженныхъ волами) состоитъ изъ верблюдовъ, навьюченныхъ разобранными кибитками, сундуками, котлами и разными другими вещами. Впереди всадникъ везетъ владѣльческую пику; потомъ семейство владѣльца, окруженное Зайсангами и служителями; потомъ уложенные въ ящики бурханы въ сопровожденіи Ламы и духовенства. Дѣти калмыковъ, калмычонки, качаются на верблюдахъ въ мѣшкахъ и коробахъ, привязаныхъ въ числѣ вьюковъ и обложенныхъ внутри кошмами или овчинами; изъ нихъ видны только одни головы калмыченковъ. Старики и старухи на самомъ верху тоже средн вьюковъ. Молодые калмыки и калмычки, разодѣтые, на лучшихъ лошадяхъ, опережаютъ другъ друга въ бѣгахъ (кокетничаютъ). По сторонамъ на огромныхъ пространствахъ тянутся стада и разъѣзжаютъ кавалькады охотни-

ковъ съ собаками, ястребами и балабанами (въ родѣ ястреба). Весною проходятъ отъ 15 до 20 верстъ въ день; лѣтомъ во время жаровъ отъ 10 до 12, а осенью отъ 25 до 40. Въ Ноябрѣ переселяются на зимнее постоянное кочевье въ мѣста, гдѣ камышъ или кустарникъ около волги доставляетъ кое какую защиту отъ бурь и средство имѣть огонь. Бѣдствуютъ и спосятся иногда бурей. Въ началѣ Февраля подымаются съ мѣста, отпраздновавъ праздникъ Цаганъ-Сара (бѣлый мѣсяцъ), въ память побѣды, одержанной однимъ бурханомъ надъ злымъ духомъ. Главный праздникъ, въ который калмыки оживаютъ, какъ Банбаки, и выходятъ изъ своей оцепенѣлости, радуются до нельзя, дарятъ другъ друга, мѣняются вещами, фруктами, деньгами; довольство необыкновенное. Еще замѣчателенъ праздникъ лѣтній (юрюсь сара), когда хурулы и всѣ кибитки украшаются зеленью травы и древесными вѣтвями, пекутъ хлѣбы Бурханамъ.

Кочевья ихъ, среди степей разсѣянные, имѣютъ видъ унывный. Крикъ верблюдовъ, смѣшанный съ лошадинымъ ржаньемъ, коровьимъ мычаньемъ и блеяньемъ овецъ, дико разитъ непривыкшіе уши. Утро начинается тѣмъ, что калмычки идутъ доить коровъ, а другія съ мѣшками на плечахъ отправляются за пометомъ въ поле и къ колодцамъ за водою. Калмыки выгоняютъ стада на пастбу и водопой. Послѣ обѣда у котла свои кибитки, жены принимаются за бабьи ремесла, а мужья ничего не дѣлаютъ, сидятъ поджавши ноги, перебираютъ четки, курятъ, или таскаются по чужимъ кибиткамъ, нѣтъ ли гдѣ мяса или чего иного поѣсть.

Неопрятенъ калмыкъ страшно. Неумывается, не перемѣняетъ бѣлье, зимой даже нераздѣвается и никогда не скидаетъ тереуха. Вшей и блохъ носитъ съ собои страшное множество, тѣмъ болѣе что вѣритъ въ переселеніе душъ и никогда не бьетъ ихъ, но если поймаетъ, кладетъ осторожно возлѣ себя. Ѣстъ изъ того же котла. Въ томъ же котлѣ варится и чай, гдѣ за двѣ минуты варилось мясо. Молоко держитъ въ нечистыхъ кожанныхъ посудахъ, откуда невозбранно хлѣбаютъ собаки. Обходится паль-

цами, вытирая ихъ тутъ же объ овцу или собаку, на мѣсто салфетки. Въ случаѣ именитого гостя, желая оказать опрятность, вытираетъ чашку полою собственнаго кафтана, мерзѣйшею въ послѣдней степени. Несмотря однакожъ на неопрятность и бѣдность жизни, тощія и почти не производящія степи, калмыкъ здоровъ, стариковъ между ними много, строенъ и крѣпокъ. Смуглъ, черноволосъ, широкоскулистъ, схожъ съ китайцемъ и манжуромъ. Узкіе, черные глаза, носъ, какъ обыкновенно, плоскій. Зубы хороши и бѣлы. Быстроглазъ и видитъ далеко, не смотря на то, что иногда ему вовсе выкуриваетъ очи кибиточный дымъ. Статенъ, средняго роста, ловокъ на лошади и неуклюжъ въ ходьбѣ, по причинѣ кривизны ногъ отъ безпрестанной верховой ѣзды. Силенъ: сила не порывная, но неутомимая. Нанимаясь въ Астрах. Губер. для разъѣздовъ по Волжскимъ протокамъ, работаютъ веслами нѣсколько дней безъ отдыха, безъ пищи, противъ вѣтровъ и теченія, солнца и комаровъ. Борьба въ употребленіи. Сильчи называются батырями или богатырями. Калмыкъ, даже пьяный до нельзя, не свалится никакъ съ лошади. Одѣтъ зимою въ овчинной тулупъ, лѣтомъ въ китайчатый кафтанъ или чапанъ, опоясный китайчатымъ поясомъ. Шапка большею частью желтая съ узкимъ мѣховымъ околышкомъ, иногда войлочная маленькая шляпа. То и друго съ красной кистью на верху.

Нравомъ калмыкъ гостепріименъ и подѣльчивъ. Въ обращеніи ровенъ и съ богатымъ и съ бѣднымъ. Бѣдный можетъ запти въ любую кибитку и подсѣсть къ хозяйскому котлу, ему поднесутъ чашку на равнѣ съ другими. Если только у кого падетъ верблюдъ или лошадь, тотчасъ явятся гости и знакомые на трапезу, все съѣдятъ, такъ что и хозяину не остается (мясное ѣдятъ рѣдко и только къ праздникамъ рѣжутъ барана; въ обыкновенныя дни питаются крѣпко вареным кирпичнымъ часмъ и пьянными напитками изъ молока). Если калмыкъ получилъ что нибудь въ подарокъ, деньги, пищу, табакъ, тотчасъ раздѣлится поровну съ товарищами, которые тутъ найдутся. Калмыкъ наклоненъ къ пьянству и воровству, послѣднее считается не больше какъ па-

лостью и состоитъ въ кражѣ барана или угнаніи скота. Мы подѣйствовали на нихъ просвѣщеніемъ своимъ съ другой стороны: сообщили картежную игру, до которой они стали страстные охотники: дуютъ въ горку, въ марьяжъ или въ марью, цыхру, армянскую игру безъ козырей. Степные купцы продаютъ имъ игранныя колоды по рублю и по два за каждую. А кто заведетъ у себя игру въ кибиткѣ (изъ богатыхъ), тотъ беретъ съ запальчивыхъ игроковъ за новую колоду отъ 5 до 20 рублей. Суевѣренъ калмыкъ страшно, прибѣгаетъ на гаданьямъ и колдуньямъ, вѣритъ въ обморочиванья и въ чертей страшно. Не мстителенъ. Соры и драки часты, но прекращаются скоро, ябедничествамъ и тяжбамъ выучился уже находясь подъ рускимъ правительствомъ. Отчасти любопытенъ, легковѣренъ и непостояненъ и всегда привязанъ къ степямъ и кочевью, которыхъ ни за кія блага не промѣняетъ, не смотря на то, что уже занялъ много обыкновеній у Рускихъ. Именъ нѣтъ. Какъ родится калмыченокъ, отецъ его или бабка выходитъ тотчасъ изъ кибитки и, что первое попадется ему на глаза, тѣмъ называетъ ребенка. Волга, топоръ, собачій пометъ, ложка, старуха, если попадется рускій чиновникъ пріѣхавшій, то именемъ его чина: маіоръ, сенаторъ. Для женщинъ иногда съ разборчивостью: кукушка, куница, спокойствіе, драгоцѣнность. Дитя тотъ же часъ завертываютъ въ тряпку, а зимой въ баранью овчину, закупориваютъ въ ящикъ изъ лубковъ, зашнуровываютъ, оставивъ дырки для рта, глазъ и сзади, гдѣ ребенокъ свищетъ, даютъ ему въ ротъ кусокъ сыраго сала и оставляютъ его рѣшительно на попеченіе Бога. Грудью сытъ изрѣдка, но кормятъ до трехъ лѣтъ. Дитя въ ето время даже куритъ табакъ. До 2 лѣтъ ребенокъ держится въ погомъ видѣ, не моется, не стрижется. Празднества у калмыковъ сопровождаются яденьемъ быковъ, лошадей и барановъ, музыкой, пѣньемъ, пляской, борьбой, охотой и лошадиной скачкой. Пляска у калмыка подъ отрывистую музыку сильна и не только въ движеніи тѣла, но даже въ движеніи мускулъ, въ кривляньяхъ и огибаньяхъ, движеньяхъ судорожныхъ до изступленія. Напѣвы нѣсней, напротивъ, про-

тяжны необыкновенно, унылы сильно, однозвучны, кажется, какъ будто выражается грусть. Переходы къ гортаннымъ звукамъ. Инструменты балалаика и ятга (родъ гуслей о 7 мѣдн. струнахъ).

Религія и духовная образованность и словесность.

Въ Религіи Калмыковъ таятся слишкомъ замѣчательныя начала, говорящіе много о внутренней силѣ этого беспечнаго народа. Вотъ понятія о происхожденіи міра: Прежде существовало неизмѣримое пространство пустоты, хаосъ. Потомъ (неизвѣстно когда) поднявшаяся со всѣхъ десяти сторонъ свѣта буря породила множество облаковъ, которые пролили сильный дождь, отъ чего составилось величайшее море. На поверхности этого моря, движимаго бурею, накопилось чрезмѣрное множество пѣны, изъ коей уже образовалась земля и воздвигнувшаяся среди моря гора, утвержденная на пропзенной Бургапомъ Манцзошири черепахѣ. Гора сія (Сюммеръ ула) составляетъ средоточіе земли и имѣетъ четыре стороны: серебренную, лазурную, рубинную и золотую. Она вся обитаема духами и состоитъ изъ семи уступовъ: внизу живутъ злые, въ верху добрые, на вершинѣ самые добродѣтельные 33 Тенгерія. Выше сего, уже вѣроятно въ странахъ небесныхъ, паходится царство боговъ и жилище праведныхъ въ области бурхана абида.

Вокругъ горы четыре острова, первый земля драгоцѣнностей, гдѣ паход. и наша Европа, второй и третій заняты людьми великанами. На четвертомъ, называемомъ землей зловѣщаго голоса, люди безъ болѣзней достигаютъ до тысячи лѣтъ и о времени кончины за нѣсколько дней извѣщаются какимъ то таинственнымъ голосомъ. Между островами спошеній нѣтъ и только однѣ бурханы могутъ переходить съ одного на другой.

Первые люди, получившіе бытіе вмѣстѣ съ сотвореніемъ міра отъ нѣкоего Свѣтлаго духа, осчастливлены были всѣми дарами благодати: они издавали отъ себя сіяніе, имѣли крылія, не требовали пищи, жили по 80 т. лѣтъ и возраждались вновь черезъ

пресленіе душъ. Такое состояніе, продолжавшееся неизвѣстно сколько, было утрачено невоздержаніемъ одного человѣка, съевшаго какое то земное растѣніе и соблазнившаго къ тому и другихъ. Послѣ чего исполинскій ростъ, долголѣтіе, сіяніе, способность лѣтать, словомъ, все исчезло и люди долго оставались во тмѣ, пока не учредилось солнце, луна и звѣзды. Но среди такого переворота были еще люди, сохранившіе святость. Они въ числѣ 1000 существъ переселились на небо и сдѣлались бурханами. Съ того времени солнце, состоящее изъ огня и стекла, ежедневно обращается около горы. Когда оно, движимое воздушными конями, выходитъ противъ серебреной стороны означенной горы, тогда начинается разсвѣтъ, когда равняется со стороною лазурною, тогда наступаетъ полдень, когда приближается къ сторонѣ рубиновой, тогда день склоняется къ вечеру, и наконецъ со стороны золотой отражается ночь. Луна, какъ и солнце, странствуетъ около горы и состоитъ изъ стекла и воды; на ней, какъ и на звѣздахъ, обитаютъ свѣтлые тенгеріи. Потерявъ благодатную жизнь, люди довольствовались сначала различными питательными растѣніями, но какъ оныя скоро перевелись, то всѣ впали въ неизъяснимую крайность, за которою слѣдовали необходимость пріобрѣтать пищу трудами и водвореніе на землѣ пороковъ. Въ семъ бѣдственномъ положеніи благоразумнѣйшій изъ людей выбранъ былъ ханомъ. Бурханы, видя землю оспротѣвшую добродѣтельми, рѣшились посѣтить оную, и когда вѣкъ людей отъ 80 т. уменьшился до 40 лѣтъ, спизшелъ первый бурханъ, имѣвшій имя: разорителъ, проповѣдывать вѣру. Когда люди не могли жить уже болѣе 30 т., другой: строителъ міра, потомъ, когда 20 т., третій: блюститель міра, далѣе четвертый и, наконецъ, когда уже люди стали жить по сту лѣтъ, сошелъ на землю бурханъ Шакджимуни, управляющій нынѣ міромъ и указавшій настоящую Ламайскую вѣру. Уменьшеніе роста человѣческаго, однакожъ, непрекратится и достигнетъ до того, что человѣкъ будетъ жить только 10 лѣтъ, ростъ ему дастся не болѣе одного аршина, и самыя лошади будутъ не болѣе зайца. Наконецъ, ужасныя бѣдствія истребятъ

всѣхъ живущихъ; послѣ чего земля очистится огнемъ и водою и вновь настанетъ вѣкъ блаженства. Люди получатъ опять долголѣтіе и, слѣдуя внушеніямъ добродѣтельнѣйшаго Бурхана Майдри, который долженъ поступить тогда вмѣсто Шакджимуни и удивить смертныхъ своими совершенствами, величіемъ, сіяніемъ и красотою, пріобрѣтутъ возможность пользоваться возрастомъ до 80,000 л, что всего важнѣе, въ этомъ вѣкѣ будутъ владычествовать на землѣ уже не мущины, а женщины. По ученію Ламайскому, существованіе міра полагается бесконечнымъ, но безпредѣльность такая имѣетъ періоды, наз. *огненными истребленіями.* Каждый періодъ имѣетъ въ себѣ седмью семъ малыхъ эпохъ, изъ коихъ каждые семъ огненные сопровождаются осьмымъ изъ воды потопомъ. Всѣ же вообще заключаются разрушеніемъ міра. Сверхъ того, потомъ всѣ имѣютъ четыре большіе эпохи, одна объемлетъ время уменьшенія рода человѣческаго отъ 80 т. до 10 лѣтъ, потомъ слѣдуетъ время разрушенія, когда все разрушается на землѣ и истребляется, потомъ время пустоты на землѣ, потомъ время возстановленія, когда буря возвращаетъ изъ ада души для новаго населенія земли.

Калмыки чувствуютъ верховность одного существа свыше всѣхъ бурхановъ, Творца вселенной, но не называютъ его по имени. «Существо всевидящее, непостижимое, невидимо всѣмъ управляющее, духомъ святымъ преображеніе имѣющее и спасающее всѣхъ животныхъ». Образа его не представляютъ и воздаютъ почести только Бурханамъ, изъ которыхъ каждый имѣетъ въ управленіе какую нибудь часть.

Шакджимуни пользуется уваженіемъ болѣе другихъ, какъ учитель и основатель вѣры. Древнее монголо-калмыцкое уложеніе начинается къ нему молитвою въ сихъ выраженіяхъ: Яко пучина великаго моря, всѣми добродѣтельми исполнившемуся и тѣми украсившему, и самою вѣрою бесплотнымъ уподобившемуся, и три существа въ себѣ вмѣстившему и обо всемъ вѣдѣніе и самодержавную власть получившему — Шакджимуни ламѣ поклоняемся. Замѣчат. *Хурмуста*, защитникъ и хранитель земли, бла-

годѣтельный духъ, пекущійся о всѣхъ тваряхъ, обитаетъ съ 33 подвластными ему тенгеріями на высотахъ Сюмеръ улы. Онъ изображается въ видѣ старца, разъѣзжащаго на слонѣ необыкновенной бѣлизны, шерсти и огромности: вышина и длина его въ нѣсколько верстъ. Пасется онъ въ очаровательной долинѣ и утоляетъ жажду водою, сладкою какъ медъ. При отправленіи *Хурмусты* въ путь, получаетъ онъ 33 красныя головы, изъ коихъ на каждой по 6 хоботовъ, на всякомъ хоботѣ по семи басейновъ, на каждомъ басейнѣ ростетъ по 7 лилій, а на лиліяхъ сидятъ воздушныя дѣвы, которые поютъ и ударяютъ въ литавры. Самъ хурмуста помѣщается на средней головѣ слона, на прочихъ 33 сопутствующія ему Тенгеріи. Множество другихъ бурхановъ занимаютъ разныя должности, какъ то: Богъ рая, брани, ада, злые, добрые духи. Судитъ по смерти Эрликъ ханъ, Богъ и повелитель ада. Чистота понятій о добрѣ и злѣ, заключающаяся въ правилахъ ихъ религіи, стоитъ глубокаго вниманія. Грѣхи слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ. *Приписываемые произволу:* убійство, всякое насиліе, всякое телесное осквернепіе, *изъ происходящіе отъ слова:* злословіе, празднословіе, клевета и ложь, смуты и подстреканія. Грѣхи душевныя: зависть, мщеніе, безбожіе или непризнаніе святости закона. Души въ слѣдствіе грѣховъ и добродѣтелей получаютъ (четыре) *пять* назначеній. Одинѣ отправляются къ Бурханамъ, другіе поступаютъ въ число добрыхъ Тенгерій, третіи въ число злыхъ духовъ, четвертыя возвращаются на землю, будучи поселяемы или возраждаемы въ людяхъ или безсмысленныхъ тваряхъ, и, наконецъ, пятыя осуждаются на мученія. Далай ламы пользуются божескими почестями, представителями Бурхановъ. Тенгеріи (добрые духи) обоего пола рождаются отъ взаимныхъ лобзаній и даже отъ взоровъ или одной улыбки любви, существуютъ иногда цѣлыя сотни тысячъ лѣтъ и, исчезая, вселяются въ благочестивыхъ людей. Обширныя преданія о подвигахъ Бурхановъ, ихъ непорочности и стяжанномъ величіи и, наконецъ, ученіе Шакджимуни, написанныя въ огромныхъ книгахъ, заключаютъ въ себѣ *Номъ*, т. е. законъ Калмыцкой вѣры.

Калмыкъ способенъ вѣрить чудесному и охотникъ до сказокъ. Иногда дня по три сряду слушаетъ преданія о подвигахъ сказочныхъ героевъ, которыхъ очень любитъ. Раскащики водятся мастера своего дѣла и сопровождаетъ, гдѣ слѣдуетъ, пѣньемъ, музыкой, тѣлодвиженіемъ, гдѣ нужно — подражаніемъ голосу животныхъ. Герои бываютъ ростомъ въ нѣсколько верстъ, махомъ меча поражаютъ цѣлыя тысячи, копями перескакиваютъ моря и горы. Болѣе всѣхъ другихъ нравится баснословная повѣсть Джангиръ. Замѣчательный всякій случай рождаетъ у калмыковъ пѣсню. Въ замѣнъ рифмъ строки начинаются съ одинакихъ буквъ и звуковъ. Предметы ихъ: подвиги наѣздниковъ, достоинства копей, любовныя приключенія, Странствія, гдѣ были, что ѣли, что дѣлалъ ихъ хозяинъ. Часто является наклонность къ иронiи и оригинальная острота.

Нѣсколько мыслей и изреченій изъ калмыцкихъ книгъ.

У всякого человѣка желанія неограниченны, но благоразумный питаетъ ихъ втайнѣ.

Благоразуменъ тотъ, кто пріятною улыбкою уничтожаетъ вредные замыслы враговъ, не показывая имъ и вида неудовольствія.

Не пренебрегай никѣмъ изъ ближнихъ и не говори худо. Послѣ онъ можетъ быть и добрымъ; равно не превозноси ни чьихъ достоинствъ выше мѣры: узнать ихъ трудно.

При излишнемъ гнѣвѣ къ рабамъ рѣдко можно имѣть около себя служителей.

При совѣщаніяхъ женѣ преймущества не давай и слѣдуй своимъ соображеніямъ.

Человѣку завидливому лучшее сокровище свое не показывай.

Не все слышанное отъ другихъ принимай за истину, а обсуживай самъ со вниманіемъ.

Если богатый умѣетъ распоряжать своимъ имѣніемъ, оно прирящается, но если бѣдный умѣренно живетъ, онъ менѣе несчастливъ.

Кто нескромно другихъ обременяетъ вопросами, тотъ есть человѣкъ слабоумный, а тотъ, кто предпріятій своихъ до совершенія оныхъ ни словомъ, ни дѣломъ не обнаруживалъ, есть человѣкъ глубокомысленный.

Одинъ человѣкъ истинно образованный блистаетъ въ мірѣ семъ, какъ солнце; тогда какъ многіе невѣжды въ совокупности не могутъ уподобиться и звѣздамъ.

Скворецъ, сколь бы ни жаждалъ, стоячую воду пить не будетъ, такъ и умный человѣкъ, въ какіе бы бѣдствія ни впалъ — совѣтамъ глупаго не послѣдуетъ.

У глупаго способности на языкѣ, а умный хранитъ ихъ втайнѣ.

(Нѣсколько) Пословицы тоже есть замѣчательныя:

Видя близкую смерть, и мышь укуситъ кошкѣ хвостъ.

На одномъ верблюжьемъ пометѣ тысяча верблюдовъ споткнутся.

...болѣе, что вѣритъ въ переселеніе душъ и никогда не бьетъ ихъ, но если поймаетъ одну, кладетъ осторожно возлѣ себя. Ѣстъ изъ одного и того же котла. Пьетъ (изъ него) чай (изъ того же) *кирпичный*, который варится докрасна въ котлахъ, гдѣ только что кипятилось мясо. Молоко держитъ въ кожанныхъ сосудахъ, откуда невозбранно глѣбаютъ собаки. Обходится пальцами, вытирая ихъ тутъ же объ овцу, или собаку, или кошку, на мѣсто салфетки, а если хочетъ обойтись опрятнѣе при посѣщеніи именитаго гостя, то вытираетъ чашку собственною полою, мерзѣйшею и подлѣйшею.

(Не смотря, однакожъ, на неопрятность и бѣдность жизни, тощія и почти не производящія свои степи. Ѣстъ падаль и всякую дрянь, и то не всегда, однакожъ рѣжетъ барана по поводу угощанія).

Травники.

Лѣкарственный Арзамаскій Травникъ.

Плакунъ-трава (Lytrum Salicaria) заставляетъ плакать нечистыхъ духовъ, выгоняетъ домовыхъ кикиморъ, открываетъ приступъ къ заклятому кладу.

Колюка (Carlina vulgaris) во множествѣ растетъ по пригоркамъ. Ея дымомъ окуренное ружье не можетъ заговорить никакой колдунъ.

Царь трава. Veratrum album. Корень ея, сваривъ въ меду золотникъ и выпивъ, избавится человѣкъ отъ всякой нечести, которую выпесетъ верхомъ и низомъ. Уваромъ ея промываются скоту всѣ раны и истребляются въ нихъ черви. Тоже что Чемерица.

Дягиль. Angelica Sylvestris, внутреннее лѣкарство для скота.

Жабрей. Antirrhinum Linaria употребляется на мѣсто боброй струи къ поправленью мужской слабости.

Попутникъ (Plantago Latifolia). Листами полезенъ ранамъ всѣмъ безъ изъятія, а корешкомъ роженицамъ послѣ родовъ, ослабѣвающимъ отъ теченія крови.

Лютикъ (Ranunculus flamula) и чеснокъ, будучи привязаны вмѣстѣ съ квашенымъ тѣстомъ ко лбу или погамъ, унимаютъ жаръ.

Мухоморы или Сосенка. Asparagus officinalis. Корень пригоденъ

отъ каменой болѣзни и запору. А траву вѣшаютъ въ домахъ для умору мухъ.

Молочай трава. Leontodon teraxacum. Одуванчики. Разбиваетъ спершееся молоко въ грудяхъ у роженицъ и умножаетъ его.

Молочай трава. Euphorbia palustris. Свѣжій сокъ его принимаютъ чарочною мѣрою одержимые лихорадкою и отъ того исцеляются.

Чернобыльникъ. Artemisia vulgaris. Имъ поятъ дойный скотъ, когда онъ не доитъ отъ наговора ворожей.

Сорочій щавель. Rumex acetosella. Пьютъ отъ кровавой рвоты.

Гулявица рябинка. Achillaea millefolia, пригодна отъ отдышки.

Коневой щавель, разбиваетъ кровь и мокроты. Rumex acetosa.

Черноголовникъ. Pimpinella sanguisorba, останавливаетъ кровохарканье и утоляетъ грудныя болѣзни.

Мать и Мачиха. Tussilego barbara, умягчаетъ всякіе опухоли.

Медвежье ухо. Potamogeton natans, варятъ и пьютъ отъ цынги.

Кошечья мята. Glechoma Hedera terrestris, уменьшаетъ почечуи.

Дикая крапива, bonurus cardica. Уваръ ея щитается за надежное средство отъ укушенья бѣшеной собаки.

Сердечная трава (Poligonum bistorta). Жеванье ея корня сырого и глотанье останавливаетъ простой и кровавой поносъ.

Лобазникъ или *Живокость.* Spiraea Ulmaria. Пьютъ въ переломѣ кости; кость срастается.

Купена. Connalaria sigillum. Щеголихи моютъ уваромъ ея худощавыя щеки и чрезъ то полнѣютъ.

Золотникъ полевой. Centavrum minus, пригоденъ во всякой боли въ животѣ.

Змѣевая трава. Stachis Arvensis, отъ угрызенья змѣи.

Дурманъ (Datura Stramonium) сгоняетъ мягкіе опухоли.

Дурманъ (Xanthium strumarium) пригоденъ лошадямъ отъ сапу.

Подлѣсникъ или сухой Водолепъ, Asarum Europaeum, въ чорной болѣсти, въ пострѣлѣ и въ падучей болѣзни.

Дербенникъ. Плакунъ трава. Стебель стоящій четырехсторонній, къ верху мохнатый, вышиною въ аршинъ и больше. Цвѣты яркого темнорозоваго цвѣта, столбомъ, вокрухъ стебля вверху сидячіе, противуположные остролистные. Цвѣтетъ въ Іюлѣ и Августѣ, созрѣваетъ въ сентябрѣ сѣменами. По берегамъ рѣкъ, озеръ, каналовъ.

Травникъ Симбирской.

Бобовникъ, Amygalus nans. Прекрасное деревцо, растущее во множествѣ на пашнѣ. Плодъ мохнатый, схожъ съ миндалемъ. Ядра употребля на перегонку и потдѣлку водою.

Сій косолистный. Sium Falcaria.

Перекати поле. Gypsophyla Paniculata, изсохнувъ, большими клубами валяется по пашнямъ. Употребляется для умору мухъ.

По рѣкѣ *Черемшану*, по луговой сторонѣ, обширные и тучные поля, по правую гнѣздовые перелѣски, наполненные дикими розами. Растетъ множество *девясилу* (Inula Helenium). Въ березовыхъ перелѣскахъ гордпться алыми шапками.

Барская спесь. Lychnis chalcedonica. Казылбаши засѣваютъ цѣлыя поля Арбузами и дынями. По Черемшану ростутъ красильныя травы, которыми Мордва краситъ шерсть на свою одежду. Корнемъ Марёны, Galium Rubioides, красятъ въ красную. Желтую краску даетъ трава дрокъ. Genista tinctoria.

Изъ соку ягоды *костеники*: Rubus Saxatilis, примѣшавши къ нему квашеннаго молока, татары составляютъ напитокъ пріятного... красноватого вкуса и нѣсколько разбирающаго свойства. Костеника растетъ изобильно въ перелѣскахъ.

По Черемшану среди березовыхъ перелѣсковъ растутъ

Серпуха чертополошная. Serratula Centauroides и *Чертополохъ* серпуховидный. Carduus serratoloides.

Чертополохъ, Centavrea benedicta. Лѣсной салатъ, Lactuca Scariola. Мошистой звѣробой, Hipericum Elodes. Всѣ три по лѣсамъ.

Собачки. Чередa. Bidens cernua. Трава растетъ при мокрыхъ мѣстахъ, Мордва извлекаютъ изъ нее хорошій рудожелтый цвѣтъ.

Кавылъ, Stipa pennata, которою зеленѣется вся степь при началѣ весны.

Двуцвѣтная Ирь (Iris bistora) устилаетъ синими цвѣтами степь. Сокъ даетъ синюю краску.

Цвѣты *Вѣтра* или Вѣтреницы, Anemone, составляютъ не меньшую красу степей. Ихъ три рода: Цвѣтъ распущенный, Anemone Patens, весенній, Anemone vernalis, и колокольчистый, Anemone Pulsatilla.

Весенній шерстоцвѣтъ, Adonis vernalis, по берегу рѣчки.

Желтоцвѣтные благовонные лѣсные *тюльпаны*, tulipa silvestris.

Кокушкины башмачки съ голубыми цвѣтами лазоревыми. Cypripedium calceolus употребляется въ черной немощи.

Золотая сарацынская лоза, Senecio Saracenicus, покрываетъ горы.

Благовонный девясилъ, Inula odorata.
Большой ландышъ, Hemoracalis Liliastrum. } по горамъ.

Таволожникъ. Сибирскій кустарникъ. Spiraea crenata.

Молочай Пашенный. Evforbia segetalis.

Сибирскій волосистый молочай на низменныхъ мѣстахъ. Evphorbia pisola.

Киржазонъ (Аристолохіа Clematis), плодъ, на подобіе яблокъ, кладутъ въ шляпу для унятія головной боли.

Дикая ретька, Bunias orientalis, въ армянскомъ бураку, при самомъ уступѣ его къ горному ущелью. Столбики ея ѣдятъ сырые.

Скерда, Hieracium praconorsum. Стебли служатъ пищею, особенно въ жаркіе дни. Ѣдятъ ихъ облупивъ верхнюю кожицу.

Устели поле (Ceratocarpus arenarius) покрываетъ равнины по подгорью, особенно на песчаныхъ мѣстахъ.

Драконова голова была въ цвѣту.

Astragalus tragacantoides. Мышій чай на горахъ.

Carduus cianoides, татарникъ, подобенъ Василько.

По южнѣй.

Бабьи румяны. Echium. Корень его, наполненый краснымъ цвѣтомъ, употребляютъ на подкрашиванье щекъ. Стебель прямой, косматый, съ темнокрасными почками, подымается одинъ къ верху на два фута и больше. Продолговатые листы также косматы. Стебель оканчивается цвѣточнымъ колосомъ, хорошего краснаго, кармазиннаго, цвѣта. Растетъ между васильковыми цвѣтами.

Колокольчики, Campanula decurrens.

Danthonia
Arrhenatherum elatius
Glyceria aquatica
Kocleria valesiaca
Capsella procumbens
Braya pinnatifida
Senebiera coronopus
Imperata cilindrica
Calamagrostis
Erianthus ravennae
Heteropgon Allionii
Calamagrostis gaudiniana
Crypsis Schoenoides
Gaudinia fragilis
Molinia Serotina
lamarhia aurea
Spartina stricta
lepturus filiformis
psilurus nardoides
Sorylium halepense
Oxytropis pilosa
Sarothamnus scoparus
Cajanus argenteus
Rindera tetraspis
Rhynchospora fusca
Gastridium lendigerum
Coleanthus subtilis
Polichnemum nuciferum
Ceratocefalus falcatus
Nuphar pumilum
Malcolmia africana
Huguenimia tanacetifolia
Syrenia angustifolia
Rapistrum rugosum

Corynephorus canescens
Phragmites communis
Polypogon littoralis
Leersia oryzordes
Apera spicaventi
Cynodon dactylon
(Cyperus esculentus)
Rhynchospora alba
Eriophorum triquetrum
Piptatherum paradoxum
Crypsis aculeata
Viola rothomagensis
Malachium aquaticum
Drypis Spinosa
Helianthemum fumana
Tunica Saxifraga
Erodium cicutarium
Mercurialis annua
Zanichelia pedicellata
Orlaya grandifolia
Turgenia latifolia
Haquetia epipactis
Hydrocotile vulgaris
Conioselinum Fischeri
tetra gonolobus
Securigera coronilla
bonjeanea hirsuta
Corydalis fabacea
Corydalis daviculata
Zahlbrucknera paradoxa
Malcolmia africana
Camelina dentata

Myagrum perfoliatum
Euclidium Syriacum
Calepina Corvini
Diplotaxis tenuifolia
Hutchinsia brevicaulis
Aethionema saxatile
Capsella bursa pastoris
Corydalis ochroleuca
lasiagrostis Calamagrostis
Nestia paniculata
Farsetia incana
Lobularia maritima
Helichrysum arenarium
Silybum marianum
Thrincia hirta
Helminthia echioides
Urospermum picroides
Willemetia apargioides
Phoenixopus muralis
podospermum laciniatum
Galasia villosa
Telekia Speciosa
bidens cernua
Stenactis annua
Adoxa Moschatellina
Aronicum Clusii
Barkhausia foetida
Lacyntha verrucosa
Adenostiles alpina
Cirsium eriophorum
Petasites spurius
Homogine alpina

Матеріалы по сельскому хозяйству.

Подъ общимъ заглавіемъ «Матеріалы по сельскому хозяйству» печатается цѣлый рядъ выписокъ и замѣтокъ Гоголя по предметамъ, имѣющимъ ближайшее отношеніе къ домашнему быту и сельскому хозяйству.

На первомъ мѣстѣ печатается собственное разсужденіе Гоголя о сельскомъ хозяйствѣ, по собственноручной его рукописи, хранящейся въ Московскомъ Публичномъ и Румянцовскомъ Музеяхъ подъ № 3222. Рукопись представляетъ собою листъ бѣлой писчей бумаги, сложенный въ 8-ую долю, изъ котораго вырваны три восьмушки. Текстъ Гоголя находится на лицевыхъ страницахъ первой и второй (со словъ: «На что преймущественно») восьмушекъ. При печатаніи текста слова, зачеркнутыя Гоголемъ, помѣщены въ скобкахъ, а слова, надписанныя имъ вмѣсто зачеркнутыхъ и въ дополненіе къ написаннымъ въ строку, набраны курсивомъ[1]).

На второмъ мѣстѣ печатаются собственноручно выписанныя Гоголемъ выдержки изъ послѣдней части Домостроя по изданію: «Домострой Благовѣщенскаго попа Сильвестра. Сообщено Д. П. Голохвастовымъ». М. 1849.

---

1) Этотъ Гоголевскій отрывокъ разсужденія по поводу сельскаго хозяйства въ десятомъ изданіи его сочиненій, по необъяснимой причинѣ, напечатанъ по копіи Трушковскаго, подъ названіемъ «Замѣтка» и «Замѣтки о сельскомъ хозяйствѣ». См. шестой томъ, стр. 450—451 и 799—800.

На третьемъ мѣстѣ печатаются собственноручно выписанныя Гоголемъ выдержки изъ «Народнаго Дневника», напечатаннаго И. Сахаровымъ въ книгѣ: «Сказанія русскаго народа», въ томѣ второмъ, въ книгѣ седьмой, при чемъ Гоголь не механически выписывалъ у Сахарова то, что его интересовало.

На четвертомъ мѣстѣ печатаются «Народныя повѣрья въ селѣ Лопуховкѣ Саратовской губерніи», собственноручно выписанныя Гоголемъ, по его показанію, изъ *Саратовскихъ Губернскихъ Вѣдомостей*.

На пятомъ мѣстѣ печатается «Цвѣточный барометръ», составленный тоже приноровительно къ потребностямъ сельскаго хозяина.

На шестомъ и седьмомъ мѣстахъ печатаются «Календарь крестьянъ» и «Народныя замѣчанія по явленьямъ природы», при чемъ мѣстность, откуда взяты они, Гоголемъ названа Симбирскою губерніей, но подъ вопросительнымъ знакомъ.

На восьмомъ и девятомъ мѣстахъ печатаются небольшія замѣтки Гоголя, носящія названія: «Хлѣбопашество» и «Садоводство».

Всѣ эти статьи, №№ 2 — 9, собственноручно вписаны Гоголемъ въ ту тетрадь, которая начинается лѣкарственными травниками.

На десятомъ мѣстѣ печатается статья «О крестьянскомъ жилищѣ», собственноручно написанная Гоголемъ на двухъ несшитыхъ листахъ почтовой бумаги, при чемъ обѣ вторыя половинки листовъ остались бѣлыми.

На одиннадцатомъ мѣстѣ печатаются нѣсколько сельско-хозяйственныхъ замѣтокъ, собственноручно написанныхъ Гоголемъ на двухъ листахъ, тоже несшитыхъ, почтовой бумаги, при чемъ послѣдняя половинка листа осталась бѣлою.

На двѣнадцатомъ мѣстѣ печатаются небольшія замѣтки о цѣнѣ хлѣба и о конномъ заводѣ, собственноручно записанныя Гоголемъ на первой страницѣ восьмушки листа писчей бумаги.

Всѣ эти Гоголевскія рукописи хранятся въ томъ же вышеуказанномъ № 3222 Московскаго Публичнаго и Румянцовскаго Музеевъ. Здѣсь же, въ этомъ № 3222, кромѣ того, сохранились относящіяся къ сельско-хозяйственному отдѣлу статьи, писанныя не рукою Гоголя.

Одна изъ этихъ статей, въ родѣ сельскаго календаря, повидимому, писана Маркевичемъ и напечатана выше, въ примѣчаніи къ предисловію «Матеріаловъ по географіи». Другая статья, «О размноженіи растеній черенками», на листѣ почтовой бумаги. Третья, безъ заглавія, о положеніи крѣпостныхъ, писана на двухъ листахъ писчей бумаги, сложенныхъ и сшитыхъ въ 4-ку. Въ почеркѣ этой тетради нельзя не узнать руку той переписчицы, которая переписала для Гоголя и вторую тетрадь южнорусскихъ пѣсенъ. Четвертая статья: «Историко-статистическія свѣдѣнія о раздачѣ земель въ Южной Россіи», писана на листѣ почтовой бумаги большого размѣра.

1.

Почему нужно хозяйство? Поэтому, что отъ это зависть благосостояніе всего государства. Потому что устроятся лучше (паша) *собствe* жизнь *всякого челов.* Потому что занятія и беспрестанное движенье укрѣпляетъ тѣло и здоровье. Потому что отъ этого самые умственные способности въ свѣжести, *дѣятельны высшей степени, кои бездѣйствали.* Потому, наконецъ, что этимъ исполняетъ человѣкъ свой долгъ и назначенье, дани отъ Бога, въ потѣ лица снискивать хлѣбъ.

Что происходитъ отъ пренебреженья хозяйства. Отъ пренебреженья хозяйства происходятъ несчастья всей земли, *конечное* обѣдпѣнье ея и растройство. Засухи безвр временъ растройство.

(Чемъ разорили имѣнья помѣ) *Какимъ образомъ.*

(Тѣмъ что) *Ибо, незанимаясь самъ, тотъ* бросили имѣнья. Отдали земли въ руки управ и наемниковъ, которыхъ (плохіе блюстители земли. Пристрастились къ занятіямъ не свойствен, къ роскоши и прихотямъ и сдѣлали то, что вся жизнь стала гор) *заботятся только о своихъ выгодахъ, о доставленіи временныхъ доходовъ, не обращая вниманья на будущее, все (истреб) выводя и ничего не насаждая, какъ уже и случилось* въ Россіи, что вырубили множество лѣсовъ. Отъ этого обмѣлѣли рѣки и меньше стали давать нужной влаги. Земля стала суше и бесплоднѣе. (Облака, не встрѣчая деревъ, проходятъ). Перестали дожди, которые привлекаются обыкновенно лѣсистымъ мѣстомъ.

На что преймущественно нужно обращать въ хозяйствѣ вниманіе.

На то, что бы (дурно хозяйство отъ того, что) *не усп* упущено Время. Поэтому нужно знать время, когда что дѣлать.

Что нужно дѣлать весной?

2.

Купи осетрину и семжину на просолъ и на провѣсъ и засѣки на зиму въ ледъ.

Купи не вдругъ, изгодно—коли подешевлѣ.

Ничего не бросай, но коренье, листы, обрѣски, остатки и объеди собравъ по полицамъ, по чуланамъ, по залавкамъ, ставь по судамъ на кормъ животинѣ.

Вдоволь у хозяики яицъ, творогу, сыровъ, вазного молока, сметаны, масла. Пондутъ варенцы, простокваши.

Птицъ всего, что хочешь, куры, гуси, утки, дичи не стреляй, — сама идетъ.

У мужа въ годъ все припасено и ржи, и пшеницы, и овса, и гречи, и толокна, и ямени, и солоду, и гороху, и конопли.

И об. ихъ всего припасено, у всякого запасу, и у рухляди, и у питья, и ѣствы, и у хлѣбнаго, и воложнаго, и у мясного, и у полтявого, и у рыбнаго, и у ветчины, и у солонины, и у вялого, и вѣтренного, и у просолу, — и сухарей, и муки, и толокна, и иной запасъ, и макъ, пшено, и горохъ, и масло, и соль, и дрова, и солодъ, и хмѣль, и мыло, и зола, и все въ береженьи.

Ставленье на зиму земляного, рѣдьки, хрѣну, капусты, росолу, ставленье и иныхъ земленыхъ плодовъ.

Сушенье грибовъ, яблокъ, грушъ, вишенья, малины, клубно, сливъ, марошки.

Соленье огурцовъ, капусты, грибовъ, груздей и рыжиковъ, и всякого овощу, сливъ, грушъ, арбузовъ, молодыхъ тыквъ.

Варенья въ меду и сахарѣ и дѣланье постилъ всѣхъ сортовъ, изъ клубники, изъ яблокъ, изъ терну, изъ поленики, ежевики, костеники.

Квасы изъ всѣхъ фруктовъ, брусничная, и морсы, и наливки всѣхъ сортовъ, и водка всякихъ такихъ настоевъ.

Меды и пива.

Закуски подавались: точная морянка безъ конца.

Водки точно разноцвѣтные хрустали.

Собиранье семенъ такъ, чтобы безъ вывода они были, можно бы и продать.

Челядь кормить въ мясоедные дни. Хлѣбъ рѣшетной, щи да каша съ ветчиною, жидкая, иногда густая съ саломъ. Если случится мясо къ обѣду, а въ недѣлю и въ праздники: или пироги, или кисель, или блины, а на дѣ... щи да молоко или каша.

Въ житницахъ и закромахъ.

Зерно было бы не сгноено, не навьяло бы, не слеглося, не затхгло бы ся, не проточено отъ мышей. А что въ бочкахъ, сундукахъ, ночвахъ, коробахъ: Мука, и горохъ, и конопли, и греча, и толокно, и сухари и ржаные и пшеничные, было бы все покрыто, и судно твердо, не намокло бы, не знило и не затхлося.

Въ сушилѣ Мясо полтевое и солонина вѣтреная, полотки и языки, и прутовая рыба, и пласти, и всякая рыба вялая и вѣтреная, и въ готкахъ, и крошняхъ, и вандыши, и хохольни было бы въ счетѣ и въ письмѣ, сколько чего куплено, вывѣшено и провялено и положено. Пересматривай: что начинаетъ портиться, изводить прежде, а изгной выбросить.

Въ погребѣ и на ледникѣ и погребицахъ сыры, яйца, забѣла, лукъ и чеснокъ, мясо свѣжее и солонина, рыба свѣжая и просольная. Медъ прѣсной, яствы, варенья, рыбнаго студеню. Огурцы и капуста соленая и свѣжая, рѣпа и всякіе овощи, и рыжики, и икра, и расолы ставленные, и морсы, и квасъ, и медъ, и пиво сыченое и простое, и брага.

Въ клѣтяхъ, подклѣтяхъ и анбарехъ устроити ключинку всякой порядокъ. Платье ветчаное и дорожнее и служне, и полсти, и епанчи, и кепеняки, и шляпы, и рукавицы, и медведно, и ковры,

и попоны, и войлоки, и седла, и саадоки и съ луки и съ стрѣлами, и сабли, и топорки, и рогатины, и пищали, и узды, и оброти, и морхи, ласпо, и похва, и остроги, и плети, и кнуты, и вожжи, моржевые, ременные, и шлеи, и хомуты, и дуги, и оглобли, и миндери, припоны, и шатры, и пологи, и лепъ, и поскопь, и веревки, и ужища, и мыло, и зола, и ветшаной всякой запасъ, и обрѣски, ветшаное и новое, и мѣхи дымчатые, и сумы, и мѣхи холщевые; обрѣски платяные, кожаные, желѣзные обломки всякіе, и гвозды, и цепи, и замки, и топоры, и заступы, и всякой железный запасъ, и всякая рухлядь. Разобрати, положити, въ коробьяхъ, или въ бочкахъ, или по грядкамъ, иное по спицамъ, иное въ коробѣхъ.

А въ иныхъ *подклѣтьхъ* въ *подсѣные* устроити сани, дровни, тѣлеги, коша, одры страдные, дуги, хомуты, оглобли, рогожи посконные, вожжи, лыка и мочала, веревки лычные, оброти, тяжи, шлеи, попопы и другой дворовый запасъ конскій, что пригоже, поставити, положити или повѣсити.

А въ другомъ онбарѣ или сараѣ. Бочки, и мѣрники, и цѣпники, и высѣтки, корыта, жолобы, извары, корцы, сита, решота, фляги и всякая порядня поваренная и погребная. Которые бочки попортились, или обручи сгнили или свалились, и то велѣти окрѣпить, уторы передѣлать, дно поправити и обручи новые наколотить.

А дубникъ въ запасѣ держати, что починити или дѣлати. А ветчаная бочка, извара и выситкъ, допце, дощечки бочечные, и вичка, и всякое судно, все было бы припрятано.

Въ спницахъ сѣно было бы устроенно, и не разрыто, и не разволочено по лѣсницѣ, и по крыльцу, и по двору не растаскапо, всегда бы было обрапо и подметепо, и въ ногахъ и въ грязи не затопгапо и не гпило. Солома бы тоже была покрыта.

А бревна бы, и доски, и дрова, и драницы, и усѣчки, и урупкіе дощаные и бревенные и всякіе устроити въ сторонѣ, гдѣ пригоже, а не на дорогѣ, а бревна и доски и драницы па подкладкахъ, а лучше того подъ кровлей.

Ничего не бросать.

А въ поваренныхъ избахъ, и въ поварняхъ, и въ хлѣбняхъ, и гуща, и дробина, и отруби всякіе, и капустное коренье, и хрящье, и листье свекольное, и рѣпное плюсенье, и бражная гуща, и винная изъ котловъ, и кисельные ожимины [ожимпины] ожимки, и что очищаютъ въ поварнѣ отъ мяса, и отъ рыбы, и отъ кислыхъ щей, и опара, всего того не метати, но въ ветчаные суда класти, которые ни въ поварнѣ, ни въ погребѣ не пригодятся, и тѣмъ страдные лошади кормити, подмѣшаючи певѣйницы, или овсяной муки, или сѣно рѣзаного, или чего инаго. А иное, посыпавъ мукой, пригоже и коровамъ, свиньямъ, гусямъ, уткамъ, курамъ и собакамъ. Помывки судовые, горшечные, котельные, и всякіе яствы, и пригарины, все животинѣ копить: животина тѣмъ сыта бываетъ.

Все осматривать.

А на погребахъ, и въ ледникахъ, и въ житницахъ, и въ сушилѣ, и въ клетѣхъ, и анбарехъ, и въ конюшнехъ и вся дни вечере какъ либо день пересмотрити Государю всякого питья, ествы и всякого обиходу, и всякого запасу, и всякой рухляди, и въ копюшнѣ, и хлѣбнѣ, и въ поварнѣ, и въ чьемъ приказѣ, или у ключника, или у повара, или у хлѣбника, или у конюха всего пересмотрити, самому перепытати, колько чего есть и всему ли есть мѣра, и щоть, и письмо, и во всякихъ хоромѣхъ, и клѣтѣхъ у всякой животины, и въ сѣнникахъ, у мастеровъ, мастерицъ, учениковъ и у торговцевъ, и у всякихъ своихъ прикащиковъ, всего пересматривати и пытати: иного вечера ключника, иного вечера пивовара и конюха смотрити и смѣтити во всемъ; а ключнику тутъ же быти.

Какъ держать слугъ.

А радѣньемъ своимъ и слугъ пріучать къ радѣнью, толкуя имъ, что блюденье порядка есть дѣло угодное Богу, блюстителю

порядка, а который служка въ приказѣ береженъ, живетъ по наказу, въ службъ чисто ходитъ, безъ безъ хитрости, самъ не украдетъ яства, и потреба покрыта, не сгнила, не поплеснѣла, не прокисла, и все подметено, вытерто, не налипло, не нагрязнено и не насорено, суды чисты, перемыты и все цѣло — то служку такого жаловать и всякимъ добрымъ словомъ привѣчать, ѣства и питья подать и всякая нужда его исполнити.

А слугамъ заповѣдуй: о людяхъ не переговаривать, что видятъ не добро въ людяхъ, дома бы не сказывали, а что дома дѣется, въ людяхъ бы не сказывали. О чемъ бы посланъ, то бы и памятовалъ, а па другое бы не отвѣчалъ и вѣстей не переносилъ, што промежъ государей не было никакой ссоры. И предъ всякимъ бы дѣломъ сотворилъ про себя молитву, выходитъ ли изъ дому, или въ домъ входитъ. А что дано несть, знать не любопытствуй, не верти и не заглядывай, осмотри только, когда отпускаютъ, цѣло ли. Впустятъ, и стой вѣжливо и, борзѣе исправивши дѣло, борзѣи иди дома. На встрѣчные запросы не отвѣтствуй и съ ними не калякая не о какой вещи, нигдѣ не ворочая и не потрогивая.

3.

Егорій Весенній.

Если удастся высѣять росаду до Егорья, до будетъ капусты много.

Если на Егорья морось, то урожай овса и проса.

Егорій съ тепломъ, Никола съ кормомъ, Егорій съ водой, Никола съ травой, Егорій съ кормомъ, Никола съ мостомъ, Егорій съ полувозомъ, а Никола съ цѣлымъ возомъ, Егорій съ пошей, а Никола съ возомъ.

Выгонъ скота св. вербою, въ сопровожденьи молебней съ ранняго утра у студенцовъ, колодцевъ, рѣкъ и па лугахъ, и благословенъемъ священника, угощеньемъ пастуховъ, отъ всего міра. [Пастуховъ надѣляетъ яичницей, холстомъ и деньгами, вся деревня съ ними веселится.

Начало посѣвовъ и выходъ на засѣянные поля съ молебнями, водосвященьемъ, окропленьемъ нивъ св. водой, а иногда крестными ходами вокругъ пашенъ и катанье потомъ мущинъ и женщинъ по нимъ, въ надѣждѣ быть сильными и здоровыми, какъ Юрьева роса.

Производство всѣхъ торговыхъ сдѣлокъ и назначенье сроковъ, наемъ работниковъ съ весенняго Юрья по по Семенъ день или Покровъ. Торговцы говорятъ: выставъ къ Юрьеву дню, доспѣю къ Юрьеву дню.

Начала гуляній и вечернихъ хороводовъ. Въ Солигаличѣ и Буѣ выходятъ поселяне ночью пѣть пѣсни, оканчивающіеся припѣвами о сохраненьи стадъ.

Старинное преданье древнихъ временъ. Въ лукоморье есть люди, которые 26 ноября умираютъ, а 23 апрѣля оживаютъ. Предъ смертью будто они снесли свои товары въ одно мѣсто, гдѣ зимою сосѣди могли ихъ брать за извѣстную цѣну безъ всякого обмана. Съ безсовѣстными покупателями они расчитывались весной, при своемъ оживленіи.

[Исторія Карамзина. Т. VII, стр. 233].

Никола Весенній.

Полное утвержденье весны, дорогъ и перевозовъ, установленье тепла. Никола вешній съ теплomъ. До Николы крѣпись, а съ Николы живи не тужи. Прошелъ бы Николинъ день, а то будетъ тепло. Городи городьбу послѣ Николина дня.

Время возрастанья травъ. Не хвались на Юрьевъ день посѣвомъ, а хвались на Николинъ травой. Никола Осенній лошадь на дворъ загонитъ, а весенній откормитъ. Съ этого дни въ за московскихъ селеніяхъ выгонятъ лошадей на починку, въ сопровожденьи холостыхъ ребятъ всего села. Проводивъ ихъ до поля, ребяты всю ночь проводятъ въ играхъ, и пекутся для этого дни пироги съ гречневой кашей.

Праздникъ конюховъ въ бѣлорускихъ губерніяхъ. Конюхи,

послѣ угощенья съ подарками и пирогами, ѣдутъ на ночлегъ съ лошадьми и цѣлую ночь проводятъ въ гуляньи.

Дождь въ этотъ день полезенъ, и Велика милость Мужику на Николинъ День, когда поле польетъ дожжичкомъ.

Юрій Осенній.

Время сроковъ, торговъ и всякихъ сдѣлокъ. Крѣпки ряды на Юрьевъ день. Судила Маланья на Юрьевъ день, на комъ справлять протори. На чью долю потянетъ поле, то скажетъ Юрьевъ день. Позывалъ дьякъ мужика судиться на Юрьевъ день, а мужикъ и былъ таковъ. Около этого времени платятъ мужики оброки помѣщикамъ, что называется Юрьевскимъ оброкомъ. *Время замерзаній рѣкъ* повсюду. Юрій съ мостомъ, Никола съ гвоздемъ.

Время переходовъ крестьянъ, какъ было въ старину, въ два сроки: на Юрія весенняго и осенняго. Когда Борисъ Годуновъ прикрѣпилъ ихъ къ землѣ и объявлено было имъ въ другъ, что они уже не могутъ переходить и должны остаться крѣпостными на тѣхъ земляхъ, гдѣ засталъ ихъ царскій указъ. Это опечалило и поразило многихъ, оттуда и пословица: вотъ тебѣ, Бабушка, и Юрьевъ день.

Переходы совершались за недѣлю до Юрьева дня и недѣлю по Юрьевѣ днѣ Осеннемъ. Называли ото всюду въ опустѣлые дворы слободъ сельскихъ людей пашенныхъ и непашенныхъ, а отказывали тѣмъ людямъ о Юрьевѣ днѣ осеннемъ, какъ видно изъ стоглава. Такъ же вольны были итти въ градъ на посадъ или въ села жити всѣ христіане. Митрополичьи, Епископскіе, монастырскіе о срочѣ Юрьевѣ днѣ съ отказомъ.

Крестьяне, переходя на помѣщичью землю, обязываются подчиняться помѣщикамъ, исполнять условныя повинности, платить подати за владѣніе ихъ вотчиною. Обязанные условіями, они не могли отойти прежде срока, уложеннаго законами, не могли подняться съ своими животами, не разсчитавшись за пожилое. Помѣщикъ не могъ брать и требовать лишнее; сдѣлки бывали при

свидѣтеляхъ и послухахъ; онъ не могъ удержать его на своей землѣ: закопъ ограждалъ и мужика и владѣльца. Переходы совершались послѣ предварительнаго объявленія помѣщика и при свидѣтеляхъ. Сбѣжавшій тайно считался бѣглецомъ и паказывался пѣнями. По судебнику видимъ, что сѣмъ дней назначались для объявленія и сдѣлокъ и сѣмъ дней для сборовъ. Царь Борисъ, потомъ Шуйскій, потомъ Михаилъ Ѳеодоровичъ укрѣпили совершенно крестьянъ Владѣльцамъ. Вотъ тебѣ, Бабушка, и Юрьевъ день.

Никола Зимній.

Установленье зимы. На день Св. Николая зима ходитъ съ гвоздемъ. Подошелъ бы Николинъ день, а то будетъ зима на санкахъ.

Не прочность зимы, начинающейся до Николы. Коли на Михайловъ день зима закуетъ, то на Николу раскуетъ. Провезли зиму на санкахъ до Николина дни, вотъ тебѣ и оттепель. Коли зима до Николина дни слѣдъ заметаетъ, дорогѣ не стоять. Хвали зиму послѣ Николина дни.

Установленье цѣнъ на хлѣбъ. Цѣны на хлѣбъ строитъ Николы торгъ. У добраго мужика и на Никольщину торгъ стоитъ. Никольской торгъ всему указъ.

Первые обозы. Никольской обозъ для боярской казны дороже золота.

Знаменитая складщина—праздникъ Никольщина. Крестьяне всего села складываются, варятъ пиво, ставятъ всѣмъ міромъ въ церкви свѣчу и правятъ молебенъ о ниспосланіи на нихъ всѣхъ благъ. Послѣ чего угощенье поселянъ всего околодка брагой, пивомъ, пирогами. Остатки раздаются нищимъ. Никольщина красна пивомъ да пирогами. На Никольщину ѣдутъ мужики съ поглядкой, а послѣ Никольщины валяются подъ лавкой. Знать мужика, что Никольщину справлялъ, коли на головѣ шапка не держится. На Никольщину зови друга, зови и ворога, оба будутъ друзья. Горевалъ мужикъ по Никольщинѣ, зачемъ она не цѣлой вѣкъ стоитъ.

4.

Народныя повѣрья въ селѣ Лопуховкѣ Саратовской губерніи.

Народные повѣрья сдѣсь слѣдующіе: 1) Первый день Марта, преподобной мученицы Евдокіи, почитается первымъ весеннимъ праздникомъ. По погодѣ этаго дня заключаютъ о цѣлой веснѣ. 2) 9 Марта, въ день сорока мучениковъ, изъ прѣснаго пшеничнаго тѣста пекутъ птичекъ жаворонковъ, съ коими дѣти, всходя на кровлю строеній, съ крикомъ зовутъ къ себѣ весну и жаворонковъ. 3) На четвертой недѣлѣ великаго поста, т. е. въ крестопоклонную середу, которая называется сдѣсь средокрестьемъ, въ ночи этой среды на четвертокъ, по ихъ мнѣнію, ломается по поламъ постъ съ трескомъ; впрочемъ, увѣряютъ въ этомъ однихъ дѣтей, просящихъ скоромной пищи, что ужъ недолго говѣть. Въ этотъ день изъ прѣснаго же пшеничнаго тѣста кресты, по числу мужеска пола въ семействѣ душъ, неисключая и малолѣтнихъ, запекая въ одинъ изъ нихъ деревяный или мѣдный крестъ, который носятъ на шеѣ, съ тѣмъ, если кому достанется запеченный въ лепешкѣ крестъ, тотъ долженъ и засѣвать въ слѣдующую весну хлѣбъ. 4) На праздникъ Благовѣщенья Пресвятыя Богородицы требуютъ отъ священника, чтобы непремѣнно роздапы были всѣмъ у обѣдни бывшимъ просфоры, для чего предварительно сбирается просфорницею мука. Просфоры, принесенныя въ домъ, употребляютъ прежде всякой пищи, а одну изъ нихъ оставляютъ и кладутъ въ пшеничныя сѣмена; она при первомъ посѣвѣ должна быть въ томъ возу или мѣшкѣ, который будетъ сѣяться на первой загонъ, наблюдая притомъ, чтобы она всыпана была вмѣстѣ съ хлѣбомъ въ первый осѣвальникъ; сѣятель бросаетъ зерна, но не смотритъ въ него, и когда попадается въ руки просфора, бросаетъ ее вмѣстѣ съ хлѣбомъ; идя назадъ, находитъ, и всѣ бывшіе изъ семейства на пашнѣ употребляютъ ее въ пищу. Послѣ этаго обряда ожидаютъ съ твердою надеждою хорошаго урожая. Просфоры на праздникъ Благовѣщенія раздаются въ

церквѣ при цѣлованіи креста, по отходѣ Литургіи, перваго сорта лучшія взрослымъ, а вторыя малолѣтнимъ. Въ случаѣ нераздачи просфоръ, ропчутъ на духовенство, съ предвѣщаніемъ неурожая. 5) Въ тотъ же день и въ недѣлю Ваій, по сдѣшнему выраженію вербную, пчеловоды никакъ не должны ужинать при огнѣ, иначе не поведутся пчелы. 6) На праздникъ Пасхи, когда все духовенство ходитъ въ каждый домъ и служитъ молебны, многіе изъ хозяевъ сыплютъ на столъ подъ скатерть соль, на то мѣсто, гдѣ должно лежать Евангеліе или крестъ; этою солью кормятъ скотъ въ отвращеніе на цѣлый годъ заразы.

[Изъ Саратов. Губер. Вѣдомст.].

5.

Цвѣточный барометръ.

Alsine media. Мокрица середняя при ясной погодѣ разверзаетъ свой цвѣтокъ въ 9 часовъ утра и цѣлой день находится въ этомъ положеніи. Если же собирается итти дождь, то цвѣтокъ опускаетъ головку и не раскрывается.

Asperula odorata. Шероховица душистая. Въ сухомъ состояніи этотъ цвѣтокъ показываетъ перемену погоды: при дождливой онъ испускаетъ благовонный запахъ, а во время сухой теряетъ его. Въ Норвегіи вѣники изъ душистой шероховицы служатъ вмѣсто гигрометра.

Calendula pluvialis. Ноготка дождевая. Цвѣты ея во всей красотѣ своей только показываются только въ ясный день. Обыкновенно они начинаютъ раскрываться между 6 и 7 часовъ утра и засыпаютъ около 4 часовъ по полудни. Если же они еще не пробудились послѣ 7 часовъ утра, то можно надѣяться, что пойдетъ дождь еще до наступленія ночи.

Carlina Vulgaris. Колюка обыкновенная. Сухія чашечки этого цвѣтка разширяются при сырой погодѣ и сжимаются при сухой.

Draba verna. Сухоребрица весенняя закрывается при приближеніи ночи.

Lapsana Communis. Бересква обыкновенная. Цвѣтокъ ея закрывается вечеромъ и спитъ всю ночь, если погода ясная. Если же цвѣтокъ раскрытъ въ продолженіи всей ночи, то значитъ, что на слѣдующій день пойдетъ дождь.

Mirabilis Ialapa. Чудоцвѣтъ ялапна въ ясную погоду спитъ обыкновенно въ теченіи цѣлаго дня и распускается только въ вечеру, оставаясь такъ до восхода солнца. При дождливой же погодѣ ялапна раскрываетъ цвѣтки.

Soncus Sibiricus. Молочай Сибирскій. Если этотъ цвѣтокъ закрывается ночью, то на слѣдующее утро будетъ ясная погода. Если же раскрывается, то дождливая.

Trientalis Europea. Семеричникъ Европейской. Предъ наступленіемъ дождя цвѣтки этого растѣнія склоняются внизъ.

6.

Календарь крестьянъ (Симбирской?) Губерніи.

ЯНВАРЬ.

6. Въ день *Богоявленья* Господня если идетъ снѣгъ, будетъ годъ урожайный. Чемъ больше снѣга, тѣмъ больше урожая.
16. *Петра Полукорма*, половина кормленья скотины на дворахъ до подножнаго корма.
24. *Аксиньи-Полухлѣбницы* (означаетъ) половина года до новаго сбора хлѣба, то есть, до 24 Іюня, дня поспѣванія жатвы.

ФЕВРАЛЬ.

2. Въ день Срѣтенья Господня начинаютъ откармливать племенныхъ птицъ овсомъ, чтобъ лучше неслись.

МАРТЪ.

1. Въ день Евдокіи ясная погода предвѣщаетъ хорошій урожай пшеницы.

4. *Герасима-Грачевника.* Грачи возвращаются изъ теплыхъ странъ.
9. Въ день *сорока мучениковъ* прилетаютъ сорокъ птичекъ.
17. *Алексѣя съ горъ вода.* Прилетаютъ жаворонки.
19. *Хрисанфа и Даріи.* Грязные проруби.
22. *Василія Капельника.* Съ крышъ каплетъ.
25. Въ который день случится это число, важныхъ полевыхъ работъ не начинаютъ.
26. *Василія вывсрни оглобли.* Прекращеніе зимняго пути.

АПРѢЛЬ.

1. Въ день Маріи Египетской говорятъ, что снѣгъ и за колодою разстаялъ.
16. *Ирины урой-берега.*
23. Коли Георгій съ тепломъ, Никола съ кормомъ.

МАІЙ.

1. *Еремѣя запрягальника.* Начинаютъ орать.
3. *Тимофея и Мавры — зеленые щи.*
4. *Ирины разсадницы.* Сѣянье капусты.
6. Іова-горошника. Сѣянье гороха.
9. Замѣчаютъ, что послѣ Николина дня бываютъ двенадцать морозовъ. Если же они не всѣ случатся весною, то остальные исполнятся до Симеона Столбника, т. е. до 1 Сентября.
11. *Макія-Мокраго.* Если въ этотъ день идетъ дождь, то все лѣто будетъ мокрое.
13. *Гликеріи-Комарницы.* Появленье комаровъ.
14. *Сидора-Сивера.* Холодная погода въ этотъ день означаетъ холодное лѣто.
15. *Пахомія Теплаго.* Теплая погода въ этотъ день предвѣщаетъ теплое лѣто.
21. *Константина и Елены.* Сѣять ленъ и садить огурцы. Въ этотъ же день сѣется ранній ленъ и поздній овесъ.

25. Въ день обрѣтенія честныя главы *Предтечи Іоана* сѣять пшеницу. Какъ глава въ этотъ день обрѣтена была въ землѣ, то въ возблагодареніе предается въ этотъ день лучшій плодъ, т. е. пшеница.
29. *Θеодосіи-Колосянницы.* Рожь въ этотъ день начинаетъ колоситься.

ІЮНЬ.

12. *Петра-Поворота.* Солнце на зиму, а лѣто поворачиваетъ на жары.
23. *Аграфены-Купальницы.* Съ этого дни начинаютъ купаться.
29. Въ день *Петра и Павла* начинаютъ косить траву.

ІЮЛЬ.

20. Въ день пророка Ильи есть обыкновеніе приносить въ церковь части колотыхъ молодыхъ барановъ для окропленія ихъ водою.
30. *Силы и Силуана.* Посѣянная въ этотъ день рожь родится сильно.

АВГУСТЪ.

1. Въ день происхожденія честныхъ древъ сѣменная рожь приносится въ церковь для освященія Св. водою. Въ этотъ же день происходитъ первый посѣвъ ржи. Есть также обычай купать въ этотъ день лошадей.
12. *Флора и Лавра.* Кто сѣетъ рожь послѣ этого дни, у того вмѣсто ржи выростаютъ флоры, т. е. цвѣты.
29. Въ день усѣкновенія честныя главы Іоана или, какъ крестьяне называютъ, Ивана Постнаго, есть уже послѣдній срокъ слать ленъ на лугахъ.

НОЯБРЬ.

1. Въ день *Козьмы и Даміана* крестьянскія дѣвки приносятъ въ церкви живыхъ цыплятъ и ленъ, въ видѣ церковныхъ вкладовъ.

ДЕКАБРЬ.

12. *Спиридона-Поворота.* Солнце на лѣто, а зима на морозъ поворачиваетъ.

7.

Народныя замѣчанія по явленьямъ природы въ той же Губерніи.

1. Начинать сѣять, когда начнутъ квакать лягушки.
2. Когда листъ на березѣ начнетъ распускаться, то время сѣять овесъ.
3. Овесъ хоть въ воду, да въ пору. Сѣй овесъ въ грязь, будешь князь.
4. Когда песты (дикая спаржа) хороши, то и овесъ будетъ хорошъ.
5. Когда много шишекъ на ѣляхъ, будетъ урожай яроваго хлѣба.
6. Много шишекъ на соснахъ, урожай ячменя.
7. Кукушка закукуетъ — время сѣять ленъ.
8. Горлица заворкуетъ — пора сѣять конопли.
9. Черемуха зацвѣтетъ — сѣять пшеницу.
10. Мозжевельникъ зацвѣтетъ — сѣять ячмень.
11. Листъ полонъ, такъ и сѣять полно.
12. Какъ полетѣлъ слѣпень, такъ и полно сѣять ячмень.
13. Сѣй рожь въ золу, а пшеницу въ грязь.
14. О погодѣ для посѣва ржи говорятъ: какъ обмочило оглобли, такъ и поезжай домой.
15. О полевыхъ работахъ для ржи говорятъ: до Петрова взорать, до Ильина заборонить, а до Спаса (16 Августа) посѣять.
16. Если погода была ясная послѣ Рождества, такъ будетъ ясная и послѣ Петрова.
17. Когда осенью листъ, падая съ деревъ, ложится къ верьху гладкой стороной, то означаетъ на лѣто неурожай; а передъ хорошимъ урожаемъ ложится шероховатой стороной къ верьху.

18. Ненастная погода въ воскресенье передъ масленицей обѣщаетъ хорошій урожай грибовъ.
19. Если ледъ на Волгѣ становится грудами, то и хлѣба будутъ груды; а если гладко, то и урожай будетъ гладкой. Замѣчаютъ также, что ледъ на Волгѣ не проходитъ въ свѣтлыя ночи, т. е. въ полнолуніе.

8.

Хлѣбопашество.

Соха. Рѣзецъ ея съ небольшимъ на вершокъ прорѣзываетъ землю. Выгодна въ мѣстахъ пѣсчаныхъ, рыхлыхъ. Пашутъ ею только старую пашню.

Косулями же дерутъ новую пашню или дербу. Она глубже идетъ въ землю и деретъ вершка на полтора глубже.

Что бы дать землѣ отдыхъ, раздѣляютъ пашню на четверо: на новину, яровую, озимую и паръ.

Новина. Около Петрова дни вырубаютъ палестину лѣса и бросаютъ его на мѣстѣ. На другой годъ съ весны валежникъ зажигаютъ, а пепелъ оставляютъ вмѣсто удобренія. Первый посѣвъ на новинѣ бываетъ ленъ, а на другой годъ ячмень или овесъ, а потомъ и озимый хлѣбъ.

Яровое поле называется то, гдѣ посѣянные семена въ одно лѣто приносятъ свой плодъ, куда принадлежатъ: пшеница, полба (triticum spelta), ярина (secale vernum), ячмень, просо или пшено, дикуша или греча, ленъ, конопли, горохъ, макъ, боръ и овесъ.

Озимою пашнею почитается та, которая посѣянныя семена отъ осени чрезъ всю зиму и будущее лѣто питаетъ, и сію пашню единственно занимаетъ ржаной хлѣбъ.

Паръ или отдыхъ бываетъ послѣ озимой и лежитъ остатки лѣта, осень и всю зиму безъ всякаго посѣва. Но чтобы еще болѣе отдохнуть землѣ, на другой годъ на озимой пашнѣ сѣютъ не столь много вытягивающіе тучность посѣвы, какъ то: ячмень, овесъ и проч.

Удобренье пашень состоитъ въ одномъ назёмѣ всякого скота безъ разбора. Но его не бываетъ достаточно. Можно бы удобрять пашню опадающимъ и согрѣвающимъ *листомъ деревъ*. Но это не въ обычаѣ. Также какъ и удобренье *мергелемъ*, поправляющимъ пѣсчаные земли, или извести, поправляющей иловатыя земли, которой повсюду у насъ въ изобиліи.

Сабанъ родъ плуга. Въ двѣ деревяные ноги вставляется стрѣлка, изогнутое длинное бревно, подъ нимъ два желѣза, рѣзецъ и ладонь, а съ боку доска или палица. Резецъ подрѣзываетъ, ладонь подымаетъ, доска или палица сворачиваетъ на сторону. Въ концѣ стрѣлки вколоченъ деревянный гвоздь, къ которому привязывается веревкою припрягъ. Онъ ничто другое, какъ ось съ деревянными колесами. Меньше четырехъ лошадей не запрягается.

9.

Садоводство.

Размноженье яблонѣй. Ветхую яблоню зарываютъ въ землю вмѣстѣ съ сучьями, подрубивъ корни съ одной стороны и наклонивъ ее на ту сторону, гдѣ остались ея корни. Погребенная яблоня даетъ новыя отпрыски, которые потомъ, какъ возмужаютъ, разсаживаютъ. Они приносятъ плодъ скорѣе, чемъ отъ семенъ.

10.

О Крестьянскомъ Жилищѣ.

Крестьянской домъ состоитъ изъ 2 главн. частей: избы и клѣти. Въ избахъ печи чорные [т. е. безъ трубъ], бѣлые [съ мазанковыми трубами] рѣдки.

Выгода первыхъ та, что чорная изба долговѣчнѣе бѣлой, какъ утверждаютъ крестьяне, что скорѣй просушиваетъ бѣлье, сбрую и обувь, и что для сушенья льна необходима также, какъ и чорныя бани. По той же причинѣ она выгоднѣе для краснль-

щиковъ и овчинниковъ, высушивая скорѣе крашеныя издѣлія и овчины. Сверхъ того примѣчаютъ въ нихъ меньше угару, чемъ въ бѣлыхъ, такіе печи требуютъ меньше дровъ.

Невыгоды, что все въ нихъ скорѣе чернится; дымъ и чадъ во время топки заставляетъ часто отворять и впускать холодъ. Для дыму прорубается въ сѣни дымное окно, къ которому приставляется такъ называемый Дымволокъ (труба) (иногда) изъ тесу или липоваго дупла, выводимый выше крышки и оканчивающійся дырчатою буточкою съ отверстьемъ по бокамъ, покрытою сверху на два ската.

Къ пѣчи придѣлывается изъ досокъ *Голбецъ*, немного ниже печи для того, чтобы крышка его служила покоемъ для старыхъ и малыхъ и во время топленія печи; подъ ними дѣлаются двери и лѣсница для проходу въ подполье.

Въ *подполь* держатъ зимою квасъ или пиво, молоко и разную посуду, употребляемую въ стряпнѣ, равно какъ и разные принадлежащ. къ ней орудія, какъ то: помело, клюку, хлѣбную лопату, ухватъ, сковородникъ и проч.

Палати составляютъ весьма нужное отдѣленіе, гдѣ женщины, сидя обыкновенно зимою, исправляютъ свои домашніе работы, т. е. прядутъ, шьютъ и проч., когда на полу будетъ холодно, особливо въ морозы. На Голбцѣ и печи держатся болѣе дѣти. На палатяхъ, особливо въ бѣлыхъ избахъ, дѣлаются небольшія окошка для свѣта. Подъ ними въ углу утверждается пересовецъ, то есть деревинка, больше кривая, чтобы вѣсить на немъ платье (лопоть).

На *Воронецъ* и *грядку*, утвержденные однимъ концемъ въ брусъ, потдерживающій палати, а другимъ въ стѣну, кладутъ дрова для просушки, лучину, ощепки, назовки и сѣяльницу съ мукою, сѣчки, ухваты, сковородники и корытцы. На *Полицахъ*, устроенныхъ подлѣ всѣхъ стѣнъ, начиная отъ палатей, ставятъ горшки, дупляики съ отрубями. Также сушатъ на нихъ лукъ, держатъ разные орудія, какъ то: коточиги, коими ковыряютъ лапти, деревца, при плетеніи ихъ употребляемые, жигала, трубки,

иногда струги, скобели, долота, ножи, ножницы, брусокъ для точенія и всякую другую мѣлочь.

Залавокъ, дѣлаемый при одной стѣнѣ съ печью, нуженъ для храненія на немъ разной мѣлкой деревянной посуды и, у кого есть, мѣдной и оловянной, какъ ложекъ, чашекъ, блюдъ и проч. А иногда для содержанья въ немъ и на немъ выпятого изъ печи кушанья.

Подъ *шесткомъ*, а иногда и залавкомъ, держатъ зимою куръ. Подъ лавки, дѣлаемые вокругъ всѣхъ стѣнъ, чаще съ навѣсами [подзорами], кладутъ топоры, коты, лапти и всякую другую мѣлочь.

Надъ челомъ печи въ черныхъ избахъ утверждаютъ надпыльникъ, т. е. перекладину, положенную на грядку и полицу; на немъ кладутъ сырые дрова для просушки, если не успѣетъ крестьянинъ запасти веснодѣльныхъ.

Въ клѣти съ волоковыми окошками дѣлаются лавки, казенки, родъ чулановъ, для сохраненія скарбу и лучшаго имѣнія, кладутся также грядки для вѣшанія на нихъ платья [лопоти]. Стѣны внутри вытесываются или просто оставляются. Потолки дѣлаются въ нихъ только у Богатыхъ, а у бѣдныхъ одна крѣпкая крыша, подобно какъ и въ анбарахъ. На потолкѣ на верху хранятъ тюрики, Воробы, павои, кросна, лукошка съ куделью. Въ *подклѣти*, то есть подъ поломъ, дѣлаются сусѣки для храненія хлѣба, особливо муки и солода, такъ что часто она за анбаръ отвѣчаетъ, для чего дѣлаются въ опую двери изъ ограды. Въ окна вставляются слюдяные, стекляные, холщевые, вымазанные древесною смолой, иногда же бумажные, а зимою, для теплоты, брюшинныя оконницы.

Обѣ части дома, изба и клѣть, соединяются сѣнями. У иныхъ раздѣляются они на верхніе и нижніе, потому что первые дѣйствительно дѣлаются выше послѣднихъ, почему и всходятъ на оныя посредствомъ маленькой лѣстницы.

Изъ нижнихъ сѣней устроены одни двери на переднее крыльцо, а другіе на заднее или въ скотской дворъ. Въ сѣни, особливо верхніе, выносятся зимой изъ избы постели и лишнее

платье. Подъ сѣнями находятся по большой части погреба, рѣдко подъ особливыми анбарами. Вообще же домъ покрытъ скальемъ, берестою и съ верху Дранницами. Домы лицомъ обращаются болѣе къ югу, исключая построенныхъ при большихъ дорогахъ.

Къ дому съ задней стороны, гдѣ заднее крыльцо, пристраивается скотный дворъ и покрывается скальемъ, лубьями, дранницами, рѣдко соломою. Стѣны же состоятъ изъ ослѣдника или плахъ, расколотыхъ изъ толстыхъ бревенъ и забратыхъ въ столбы. Какъ устрояютъ на дворѣ овечьи хлѣвы, ясли, конюшни, стан и при нихъ загоны съ сараями, свинарниками, будетъ ниже.

Что же до прочихъ службъ при домѣ, то задняя, или лучше, *скотная* изба, дѣлается въ углу двора изъ бревенъ или плахъ, съ чорной печкой, гдѣ доятъ зимою коровъ и содержатъ молодыхъ ягнятъ и телятъ, а иногда уходятъ въ оныя отъ угару. Амбары строятся отъ домовъ саженяхъ въ 15 ти. Богатѣйшіе крестьяне имѣютъ до 5 амбаровъ.

Бани строятся далѣе амбаровъ, обыкновенно на огородахъ, изъ сосноваго лѣса. Вмѣсто печи изъ большихъ песчаныхъ камней дѣлается такъ называемая каменка, верхъ которой составлятъ груда мѣлкихъ камней, голышей или кремнист. рода; вмѣсто свода кладутъ въ нихъ противники изъ чугун. штыковъ. Подлѣ каменки дѣлается изъ тесу полокъ и вокругъ стѣнъ лавки. Передъ дверью, снаружи, такъ называемый передбанникъ изъ стоячаго или обыкновеннаго забора.

Лучшіе крестьяне какъ домы, такъ и все принадлежащее къ нимъ строеніе, ограждаютъ оградою изъ бревенчатого заплотника, бѣднѣйшіе жердями, а нѣкоторые около своей бѣдной хижины не имѣютъ никакой городьбы. Ограды при домахъ, находящихся при большой дорогѣ, покрываются повѣтью, состоящею изъ жердей и соломы или дранницъ, для помѣщенья подъ ними лошадей и возовъ проѣзжающихъ.

Гумна, иногда принадлежащіе одному, а иногда, и большею частію, многимъ, строятся болѣе для безопасности отъ пожаровъ внѣ селенія, въ логахъ или косогорахъ и при рѣкахъ или

рѣчкахъ, въ какомъ случаѣ располагаются при нихъ и скотскіе для зимы загопы, огороженые жердями или плетнемъ и покрытые соломою, дабы скотъ, имѣя всегда гуменный кормъ подъ ногами, самъ ходилъ и на водопой; для чего дѣлаются въ рѣкѣ проруби, если она покрывается льдомъ, потому что есть довольно и здѣсь незамерзающихъ рѣчекъ. Гумна огораживаются жердями подъ именемъ *гуменниковъ*. При самихъ же домахъ имѣютъ крестьяне огороды для насажденія огородныхъ злаковъ. Но для капусты по большей части особливые при влажныхъ или рѣкахъ, на наземныхъ мѣстахъ, какъ и конопляники для сѣянія въ нихъ коноплей съ хмѣльниками.

Крестьянинъ, предпріявшій выстроить себѣ домъ, рубитъ самъ нужный для того лѣсъ.

11.

I.

Если запустить поле черноземной почвы въ за́лежъ, — оно съ перваго года покроется различными травами, изъ которыхъ одно преимущественно преимущественно болѣе нежели другими, смотря потому, какой въ послѣдній разъ съ поля снятъ былъ хлѣбъ. Въ этомъ случаѣ, послѣ ржи покажется преимущественно *полынь*, особенно на тучныхъ черноземныхъ почвахъ; послѣ гречи дикая суренница; послѣ овса пырей, овсяница, осотъ, молочай, на самыхъ тучныхъ мѣстахъ Дягильникъ. Наконецъ, чрезъ восемъ или сѣмъ лѣтъ, запущенное поле тучной черноземной почвы покроется травами, годными для сѣна. Пусть сѣнокосъ продолжается три четыре лѣта, потомъ вспашите плугомъ залежъ весною или осенью, почему на ней сплошная пойдетъ лебеда, хотя земля десять одинадцать лѣтъ была подъ залежью и покосомъ.—? Почему теорія не только не объяснила всѣхъ этихъ феноменовъ, которые до сихъ поръ непостижимы, но, кажется, даже и не подозрѣваетъ, что они могутъ случиться. Между тѣмъ какъ эти явленія во многихъ отношеніяхъ оказываютъ величайшее вліяніе на обработку посѣва и расчеты? Или почему

многіе сѣемыя хлѣба имѣютъ на этихъ же почвахъ въ нѣкоторые годы постоянныхъ своихъ спутниковъ: рожь — лебеду, жабрикъ или мятлицу; овесъ — куколь; ленъ — рыжикъ; горохъ — чернобыльникъ? Извѣстно, что на благоразумномъ удобреніи почвъ, на отчетливомъ ихъ воздѣлываніи и на приличныхъ каждой сѣвооборотахъ держится все основаніе теоріи земледѣлія. Опредѣлила ли книжная теорія съ точностію, какіе посѣвы, въ какихъ климатахъ и въ какой мѣрѣ могутъ почитаться приготовительными для будущихъ. Напримѣръ, у насъ есть мѣстности, гдѣ единственно посѣвомъ гречи можетъ потдерживаться плодородіе черноземныхъ почвъ. Обратила ли теорія особенное вниманіе сельскихъ хозяевъ на этотъ вопросъ?

II.

Относительно климата.

Въ Маѣ и Іюнѣ морозы бьютъ просо, гречу и вредятъ.

О климатическихъ вліяніяхъ.

Губительность морозовъ нашихъ состоитъ въ томъ, что въ Апрелѣ они бьютъ на повалъ только что взошедшую рожь, когда она еще въ краскѣ, т. е. ту, которая не успѣла взойти въ августѣ и Сентябрѣ. Въ Маѣ и Іюнѣ морозы бьютъ просо, гречу и вредятъ въ цвѣту ржи и травамъ; а въ Іюлѣ наливу ржи, цвѣту и наливу яровыхъ хлѣбовъ; во второй половинѣ Августа непозволяютъ укореняться озимымъ посѣвамъ, и потому въ нашихъ хозяйствахъ правиломъ положено всѣми мѣрами стараться озимый посѣвъ кончить къ 10 Августу.

Жары пагубны для растительности. 1. Продолжительностью и беспрерывностью, во время которые длинота дней нашихъ неосвѣжается ночами, лишенными морск. вѣтровъ и влаги. 2. Произвожденіемъ червей и насѣкомыхъ, особенно безчисленого множества кобылокъ. 3-е изсушеніемъ листьевъ самыхъ широкихъ растѣній и часто недозрѣлаго зерна, и способствованіемъ

оплодотвореніемъ яицъ насѣкомыхъ, вредныхъ какъ для посѣва, такъ и для скота. Такъ было въ нещастный 1839, 1840 и особенно 1841. Отраженіемъ всему этому служитъ благодѣтельность тѣхъ же самихъ морозовъ. Еслибъ въ Маѣ и Августѣ не было морозовъ въ тѣ годы, когда въ эти мѣсяцы не бываетъ частыхъ дождей, пришлось бы намъ отказаться отъ коренныхъ нашихъ посѣвовъ: овса и ржи, потому что овесъ и рожь поѣдены были бы червями, которыхъ уничтожаютъ одни только морозы, или убавляетъ холодная или дождливая температура. Точно такимъ же благодѣяніемъ провидѣнія должны мы почитать зимній нашъ снѣжный покровъ, который защищаетъ корни деревъ и растѣній и даетъ намъ средства къ дешевымъ и возможнымъ сообщеніямъ.

Изобрѣтенія среди мужиковъ.

Травосѣяніе съ незапамятныхъ временъ извѣстно нашимъ мужикамъ. Мужики Вятской губерніи, въ Ярапскомъ и Слободскомъ уѣздахъ, сѣяли и сѣютъ подъ названіемъ *сѣянца* и *сивухи* Тимофѣеву траву гораздо прежде Американца Тимофея. Ярославскіе мужички-огородники производятъ и берегутъ во всѣ времена года, въ убійственномъ климатѣ, зелень и корнеплодныя растѣнія.

Мужики садовники снабжаютъ обѣ столицы абрикосами, персиками и ананасами, взрощенными безъ ученыхъ пособій, дѣшевыми средствами. Въ Перми сверлили давно Буравленные колодцы, прежде чемъ они вошли къ намъ подъ именемъ артезіанскихъ. Ярославцы и костромичи вывели и усовершенствовали породу такихъ овецъ, которыя, ягпясь два раза вы годъ, никогда не приносятъ менѣе 3 4 ягнятъ. Стало быть, нельзя сказать, чтобы хозяйство у насъ остановилось. Оно идетъ вездѣ тамъ, гдѣ подстрекаютъ его окружающія обстоятельства.

О почвѣ.

Всѣ класификаціи почвъ неопредилительны, сбивчивы и ошибочны, границы, раздѣляющія разпородныя почвы, неопредѣ-

ленны. Слѣдуетъ узнать, какъ велика степень плодородія данной почвы и для какихъ именно растѣній она въ данномъ климатѣ болѣе способна. Но этого никакая теорія еще не опредѣлила, замѣняетъ ее опытность земледѣльца, переходящая отъ отца къ сыну. Съ помощію ея они твердо знаютъ: какіе хлѣба и въ какихъ именно мѣстахъ ихъ земли родятся хорошо, посредственно, плохо, или вовсе не родятся. Предъ этимъ знаніемъ книжное ученіе, особенно столь мало обработанное какъ наше, еще долго будетъ ничтожно. Не зная химическихъ названій, они также знаютъ главные составы ихъ земель до той степени, которой требуетъ практическое производство. Въ слѣдствіе чего на песчаной почвѣ озимой посѣвъ они вездѣ боронуютъ, чтобы почва менѣе просыхала; на глинистой это дѣлается только на югѣ, т. е. въ климатѣ болѣе сухомъ и тепломъ; а въ сѣверной части бороздами, мѣлкими, средними или весьма широкими грядами ados, смотря по климату, обычной температурѣ, цвѣту и составу почвы, и потому еще на горизонтальной ли площади разбиты поля, гдѣ нѣтъ скатовъ для дождевой и снѣжной воды, или на мѣстахъ отлогихъ, крутыхъ. На глинистой иловатой землѣ, насыщенной на возвышенныхъ мѣстностяхъ всегда кислотами, какъ наша черноземная почва, сѣять рожь, гречу, овесъ, а не пшеницу, ячмень, горохъ и просо, сѣять всегда хоть простыми, но приличными пріемами и способами: на извѣстковой почвѣ сѣять послѣдніе хлѣба, а первыхъ мало и т. д.

О черноземѣ.

На южныхъ черноземныхъ земляхъ яровая пшеница родится хорошо, а въ средней полосѣ на такихъ же земляхъ очень дурно, и причины этого неизслѣдованы. Черноземъ, по мнѣнію Пензенскаго помѣщика, не есть перегной, а чисто глинистая почва. Доказывается это слѣдующими: когда у насъ кирпичь бываетъ безцвѣтенъ, то мы примѣшиваемъ къ глинѣ, изъ которой онъ дѣлается, черной пашей земли, взятой на 5—6 вершковъ отъ ея поверхности, чтобы въ ней не было замѣтныхъ остатковъ ра-

стительности. Послѣ обжига кирпичь получаетъ яркій алый цвѣтъ. Если бы черноземъ былъ перегной, то кирпичъ разсыпался бы. Доказывается еще сцѣпляемостью глыбъ земли чернозема, которая во время засухи имѣетъ комковатось, а не разсыпчатость. Желѣзный окислъ, переидя изъ метала съ помощію воздуха и сырости въ окись, т. е. соединившись съ кислородомъ (см. Тэера), полагать надобно, и поверхностный слой нашей глинистой почвы окрасилъ въ чорный цвѣтъ на такую глубину, до которой достигали вода и воздухъ. Въ этомъ убѣждаетъ то, что темно-желтая глина, лежащая подъ нашимъ черноземомъ на полъ аршина, на аршинъ и болѣе глубины, не имѣетъ никакого видимаго и постигаемого отдѣленія отъ черноземнаго пласта, на ней лежащаго. И если составныя части чернозема измѣнились, то развѣ въ томъ только, что поверхностный растительный слой его вмѣщаетъ въ себѣ болѣе или менѣе перегною и весь вообще—двѣ различныя кислоты, произшедшія, полать надобно, отъ вліяній атмосферныхъ; а глина, подъ нимъ лежащая, бывъ лишена этихъ кислотъ, является чемъ глубже, тѣмъ извѣстковатѣе до того, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, наконецъ, превращается въ совершенный мергель, вѣроятно кислотами въ верхнемъ слоѣ уничтоженный. Эта догадка опирается на фактъ, всѣмъ опытнымъ и мыслящимъ хозяевамъ извѣстный, именно, что эта глина, бывъ подвергнута вліянію свѣта, сырости и воздуха, годъ отъ году чернѣетъ. Потвердить это можетъ и опытный помологъ нашъ Г. Шварцъ. Но если бы, положимъ, черноземъ былъ точно перегной (хотя самый цвѣтъ перегноя бурый, а не черножелѣзный, какъ въ черноземѣ), то для того, чтобы окрасить глинистую или песчанную почву въ черный цвѣтъ до той степени, въ какой они находятся, надобно примѣшать къ нимъ такое ужасное количество перегноя, что послѣ смѣшенія почва можетъ годится только для посѣва коноплей, и конечно на ней пшеницы, ржи, овса, ячменя, гречи, гороха, проса, льну ни одинъ мыслящій хозяинъ непосѣетъ, потому что такая почва будетъ до того легка и рыхла, что при засухѣ

всякое колосовое растѣніе засохнетъ, а при обыкновенной температурѣ повалится.

12.

Московская цѣна хлѣба въ 1845.

Ржи четверть отъ 8 р. 50 к. до 9.50 к. Овса отъ 8 до 10. Ячмена отъ 8 до 9. Гречи отъ 7 до 8. Проса отъ 15 до 21. Пшеницы отъ 20 до 22. Семя конопленного: 13. Льняного 14. Картофелю 3.50 к.

О конномъ заводѣ (Глѣбова).

Кобыла Канарейка выжеребилась отъ жеребца васьки Апрѣля 26 дня и принесла кобылку гнѣдую, во лбу малая звѣздка, на лѣвой задней ногѣ по щотку бѣло, другихъ отмѣтинъ нѣтъ, да ожеребенъ еще жеребчикъ отъ жербца васьки гнѣдового и кобылы умильной, съ проточиной во весь лобъ. На задней ногѣ по выше щотки бѣло. Грива на лѣво.

Названье кобылъ.		*Названье жеребцовъ.*
Прелестная	Игрушка	Васька
Лисичка	Фигурка	Диктаторъ
Роза	Молодка	Воронъ
Наянка	Мурашка (отъ бѣл.	Соколенокъ
Смирная	пятенъ въ позд-	Фицъ-Патрикъ
Злая	ряхъ и лбу)	Красненькой
Тупоносая	Краснощечка	Мужичокъ
Умильная	Птичка	Рулетъ
Галка	Струя	Свирѣпый
Лебедка	Арабка	Бриліантъ
Постоянная	Цыганка	Потѣшный
Львица	Суета	Цыганъ
Красавица	Любезная.	Атласный
		Юпитеръ.

Цѣна 2 руб.

Продается у комиссіонеровъ Императорской Академіи Наукъ:
И. И. Глазунова и К. Л. Риккера въ С.-Петербургѣ, Н. П. Карбасникова въ С.-Петербургѣ, Москвѣ, Варшавѣ и Вильнѣ, Н. Я. Оглоблина въ С.-Петербургѣ и Кіевѣ, Н. Киммеля въ Ригѣ, Фоссъ (Г. В. Зоргенфрей) въ Лейпцигѣ, Люзакъ и Комп. въ Лондонѣ.

Commissionnaires de l'Académie Impériale des Sciences:
J. Glasounof et C. Ricker à St.-Pétersbourg, N. Karbasnikof à St.-Pétersbourg, Moscou, Varsovie et Vilna, N. Oglobline à St.-Pétersbourg et Kief, N. Kymmel à Riga, Voss' Sortiment (G. W. Sorgenfrey) à Leipsic, Luzac & Cie. à Londres.

2007041366